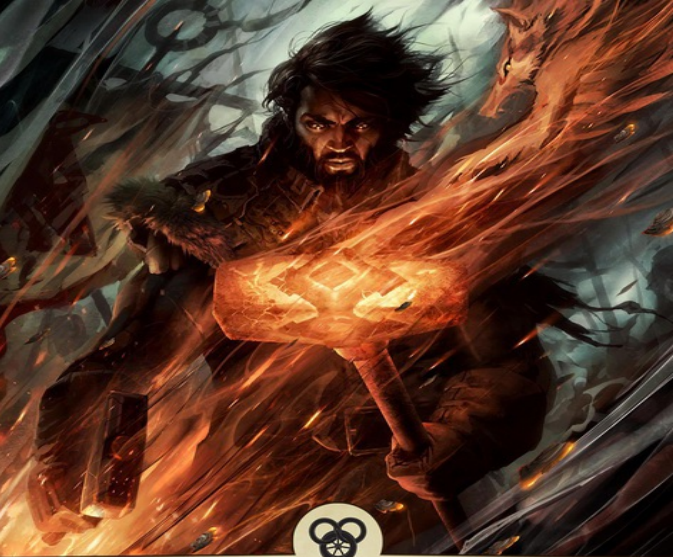

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

БАШНИ ПОЛУНОЧИ

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ · 13

РОБЕРТ ДЖОРДАН
БРЭНДОН САНДЕРСОН

Annotation

Последняя битва началась. Печати на узилище Темного рушатся. Узор эпохи распадается на глазах, и армии Тени стали выдвигаться из Запустения. Начинается закат Третьей Эпохи.

Призраки прошлого преследуют Перрина Айбару. Белоплащники, убийца волков, и груз ответственности, лежащий на нем как на предводителе. Все это время невидимый враг медленно затягивает петлю на его шее. Перрин вынужден искать ответы в Тел'аран'риоде — наконец побороть волка в себе или

навсегда потерять свою
человеческую сущность.

Тем временем, Мэтрим Коутон готовится к самому тяжелому испытанию в своей жизни. Существа из миров за каменными проходами — Элфин и Илфин — запутали его, насмеялись над ним, и оставили его болтаться с петлей на шее, его память заполнена обрывками воспоминаний других людей. Мэт надеялся что последнее противоборство положит этому конец, но Колесо плетет как желает Колесо. Подходит время для нового танца со Змеями и Лисами, для игры, в которой нельзя победить. Башня Генджей ждет, и ее секреты раскроют судьбу давно потерянного

друга.

- [Роберт Джордан](#)

-

- [Пролог](#)

- [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)

- [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)

- [Глава 12](#)

- [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)

- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)

- [Глава 50](#)
 - [Глава 51](#)
 - [Глава 52](#)
 - [Глава 53](#)
 - [Глава 54](#)
 - [Глава 55](#)
 - [Глава 56](#)
 - [Глава 57](#)
 - [Эпилог](#)
 -
 - [ГЛОССАРИЙ](#)
-

Роберт Джордан Брэндон Сандерсон БАШНИ ПОЛУНОЧИ

*Посвящается
Джейсону Денселу, Мелиссе
Крейб, Бобу Клатцу,
Дженнифер Льянг, Линде
Тадлери, Мэтту Хатчу,
Лей Батлер, Майку
Макерту и всем тем
читателям, кто с течением
лет сделал «Колесо
Времени» частью своей*

*жизни и тем самым сделал
жизни других людей лучше.*

Вскоре даже в
стеддинге стало очевидно,
что Узор рассыпается.
Небо потемнело. На
внешней границе стеддинга
стали появляться наши
мертвые предки,
заглядывавшие внутрь. Но
что было еще тревожнее,
деревья стали болеть и
никакой песней уже не
удавалось их вылечить.

В это время печали я
пришел на Великий Пень.
Поначалу меня не приняли,

но моя мать, Коврил, потребовала дать мне шанс. Мне не известно, что именно изменило ее отношение, поскольку именно она была самой решительной из моих оппонентов. Руки мои дрожали. Я был самым последним оратором, а большинство уже приняло решение открыть Книгу Перехода. Обо мне они подумали в последнюю очередь.

Я твердо знал, если я не найду нужные слова, люди останутся с Тенью

один на один. В этот
момент все мое волнение
исчезло. Я почувствовал
спокойствие и
невозмутимую
целеустремленность. Я
открыл рот и начал
говорить.

из книги
«Возрожденный
Дракон», автор
Лойал сын
Арента, сына
Халана из
стеддинга
Шангтай.

Пролог

РАЗЛИЧИЯ

Под привычный ритм копыт Мандарба по неровной земле Лан Мандрагоран ехал навстречу своей смерти. От сухого воздуха першило в горле, а земля была испещрена проступавшими снизу белыми кристаллами соли. Дальше к северу виднелись красноватые скалы, покрытые болезненного вида пятнами. Отметины Запустения, ползучие тёмные лишайники.

Он продолжал ехать на восток вдоль Запустения. Это все еще была Салдэйя, где его жена оставила его, с

натяжкой выполнив свое обещание переправить его в Порубежье. Эта дорога... Она тянулась целую вечность. Двадцать лет назад он свернул с нее, согласившись последовать за Морейн, но всегда знал, что вернется. Иначе не имело смысла носить имя предков, меч у бедра и *хадори* на голове.

Это каменистая часть северной Салдэйи была известна как Низина Проска. Ехать по ней было тоскливо. Тут не росло ни травинки. С севера дул ветер, принося с собой мерзкую вонь, словно от глубокой набитой трупами жаркой трясины. Тёмное штормовое небо нависало над головой.

«Эта женщина», — снова думал Лан, качая головой. Как быстро Найнив научилась говорить — и думать — как Айз Седай. Ехать навстречу собственной смерти не было больно, но то, что Найнив боялась за него... это причиняло боль. И очень сильную.

Много дней подряд он не встречал других людей. К югу отсюда у салдэйцев были укрепления, но местность была изрезана ломаными ущельями, и троллокам было трудно ее штурмовать, поэтому они предпочитали атаковать возле Марадона.

Впрочем, это не было поводом для того, чтобы расслабляться.

Никогда не следует расслабляться так близко от Запустения. Он заметил холм; хорошее место для наблюдательного поста. Надо следить, не будет ли на нем признаков движения. Он объехал небольшую ложбину на случай, если в ней ждет засада. Из предосторожности он не опускал руку со своего лука. Еще немного к востоку — и он оставит Салдэйю и попадет в Кандор с его хорошими дорогами. А затем... По склону соседнего холма покатались камешки.

Не снижая внимания, Лан достал стрелу из колчана, прикрепленного к седлу Мандарба.

Откуда донёсся звук? «Справа», — решил он. С юга. Из-за того холма кто-то приближался.

Лан не стал придерживать Мандарба. Если ритм стука копыт изменится, то предупредит поджидающих. Он бесшумно поднял лук, ощущая, что внутри перчаток из оленьей кожи вспотели руки. Он наложил стрелу на тетиву и плавно потянул оперение к щеке, вдыхая его запах. Гусиные перья и смола.

Из-за холма на юге появилась фигура. Человек застыл на месте, а старая вьючная лошадь со спутанной гривой, шедшая рядом с ним, продолжила идти вперед. Она остановилась, только когда

натянулась веревка на ее шее.

На мужчине была шнурованная песочного цвета рубашка и пыльные штаны. На поясе у него висел меч, а плечи были мускулистыми и могучими, но он не выглядел угрожающе. На самом деле, он казался слегка знакомым.

— Лорд Мандрагоран! — воскликнул мужчина, бросаясь вперед, и потянув за собой свою лошадь. — Наконец-то я нашел вас. Я предполагал, что вы поедете по Кремерской дороге!

Лан опустил лук и остановил Мандарба.

— Я тебя знаю?

— Я привез припасы,

милорд! — у мужчины были черные волосы и загорелая кожа. Наверняка коренной Порубежник. Он продолжал приближаться, нетерпеливо дергая нагруженную лошадь за веревку рукой, пальцы на которой были толщиной с сосиску. — Я подумал, что у вас недостаточно еды. И еще захватил палатки — четыре штуки, на всякий случай — и воду. А еще фураж для лошадей. И...

— Ты *кто*? — рявкнул Лан. — И откуда ты знаешь, кто я такой?

Мужчина резко вытянулся по струнке.

— Я Булен, милорд. Из Кандора. Из Кандора... Лан припомнил

долговязого зеленого мальчишку-посыльного. С удивлением, он увидел сходство.

— *Булен?* Это было двадцать лет назад, парень!

— Я знаю, Лорд Мандрагоран. Но, когда по дворцу распространилось известие, что Золотой Журавль поднят, я знал, что должен делать. Я хорошо умею владеть мечом, милорд. Я пришел, чтобы ехать с вами и...

— Так известие о моем путешествии дошло до *Айздайшара?*

— Да. Из-за эл'Найнив, видите ли, милорд, она пришла к нам. Она рассказала нам о том, что вы сделали. Остальные тоже

собираются, но я отправился первым. Я знал, что вам понадобятся припасы.

«Чтоб этой женищине сгореть», — подумал Лан. И она заставила его *поклясться*, что он примет тех, кто захочет ехать с ним! Ладно, если она может вертеть правдой, то и он тоже может. Лан сказал, что примет любого, кто захочет *ехать* с ним. А этот человек не едет верхом. Значит, Лан может ему отказать. Крохотная разница, но двадцать лет бок о бок с Айз Седай научили его следить за словами.

— Возвращайся в Айздайшар, — сказал Лан. — Скажи им, что моя жена ошиблась, и я не поднимал

Золотого Журавля.

— Но...

— Я не нуждаюсь в тебе, сынок. Проваливай. — Лан ударил пятками Мандарба, и тот пошёл шагом, минуя стоящего на дороге. Пару мгновений Лан думал, что его приказ будет выполнен, хотя уклонение от собственной клятвы терзало совесть.

— Мой отец был малкири, — сказал Булен вслед.

Лан продолжал ехать.

— Он умер, когда мне было пять, — выкрикнул Булен. — Он женился на кандорке. Их обоих убили бандиты. Я почти их не помню. Разве что как отец говорил мне: когда-нибудь мы будем

сражаться за Золотого Журавля. Вот все, что у меня осталось от него.

Мандарб шел вперед, но Лан не смог удержаться и оглянулся. В руке Булен держал тонкую кожаную повязку, *хадори*, которую носили на голове малкири, поклявшиеся биться с Тенью.

— Я бы носил *хадори* моего отца, — громче крикнул Булен. — Но у меня нет никого, чтобы спросить, могу ли я. Это ведь традиция, верно? Кто-то должен дать мне право его надеть. Что ж, я буду биться с Тенью до конца моих дней, — он поглядел на хадори, потом поднял взгляд и прокричал. — Я буду сражаться с тьмой, ал'Лан Мандрагоран! Неужели

ты мне скажешь нет, не могу?

— Ступай к Возрожденному Дракону, — крикнул ему Лан. — Или в армию своей королевы. Любой примет тебя.

— А как же вы? Вы проедете всю дорогу до Семи Башен без припасов?

— Я их добуду.

— Извините меня, милорд, но вы видели, что сейчас творится в округе? Запустение пробирается все дальше и дальше на юг. Ничего не растёт даже на ранее плодородных землях. Дичь встречается редко.

Лан заколебался. Он натянул повод, сдерживая Мандарба.

— Тогда, много лет тому

назад, — выкрикнул Булен, подходя ближе, а его вьючная лошадь плелась позади, — я едва понимал, кто вы такой, хотя я знаю, что вы потеряли кого-то близкого. Долгие годы я проклинал себя за то, что не служил вам лучше. Я поклялся, что однажды буду стоять рядом с вами, — он подошёл к Лану. — У меня нет отца, поэтому я прошу вас. Могу ли я носить хадори и биться рядом с вами, ал'Лан Мандрагоран? Мой король?

Лан медленно выдохнул, успокаивая свои чувства. *«Ну, Найнив, в следующий раз, когда я только увижу тебя...»* Но он больше её не увидит. Он постарался не

задерживаться на этом.

Он *действительно* дал клятву. Айз Седай жонглируют своими обещаниями, но разве это дает ему такое же право? Нет. Мужчина — это его честь. Он не может отвергнуть Булена.

— Мы поедем скрытно, — сказал Лан. — Мы *не* поднимаем Золотого Журавля. Ты никому не рассказываешь, кто я такой.

— Да, милорд, — ответил Булен.

— Тогда носи это *хадори* с честью, — сказал Лан. — Слишком мало осталось тех, кто придерживается старых обычаев. И да, ты можешь ко мне присоединиться.

Лан послал Мандарба вперёд, Булен пошел следом пешком. И где прежде был один, стало двое.

* * *

Перрин с силой опустил молот на раскалённый докрасна кусок железа. В воздух взлетели искры, похожие на светящихся мошек. На лице выступили капельки пота.

У некоторых звон металла о металл вызывал раздражение. Но только не у Перрина. Его этот звук успокаивал. Он поднял молот и обрушил его на брусок железа.

Искры. Летящие частички света,

что отскакивали от его кожаного жилета и фартука. С каждым ударом стены комнаты из добротного кожелиста *расплывались* в такт биению металла о металл. Перрин спал, но это не был волчий сон. Он знал это, но не знал, *откуда* ему это известно.

За окнами было темно; единственным источником света был сияющий тёмно-алым горн по правую руку от Перрина. Два бруска железа разогревались на углях, ожидая своей очереди на ковку. Перрин снова ударил молотом.

Здесь был покой. Здесь был *дом*.

Он делал что-то важное. Что-то очень важное. Часть чего-то

большого. Первым шагом к созданию чего-либо было узнать, из чего оно состоит. Мастер Лухан научил Перрина этому в первый же день работы в кузнице. Нельзя сделать лопату, не поняв, как черенок крепится к лезвию. Нельзя сделать дверную петлю, не зная, как две её половинки двигаются на штыре. Даже гвоздь невозможно сделать, не зная, из чего он состоит: шляпка, стержень, остриё.

*«Узнай составные части,
Перрин.»*

В углу комнаты разлегся волк. Крупный и седой, с шерстью цвета светло-серой речной гальки, весь покрытый шрамами — следами

жизни, проведенной в битвах и охоте. Волк наблюдал за Перрином, положив морду на лапы. В этом не было ничего необычного. *Конечно же* в углу был волк. Почему бы ему там не быть? Это был Прыгун.

Перрин работал, наслаждаясь глубоким, обжигающим жаром кузнечного горна, ощущением струящегося по предплечьям пота, запахом дыма. Он придавал форму куску железа, по удару на каждое второе биение сердца. Металл не остывал, напротив, оставался раскаленным докрасна и пластичным.

«*Что я делаю?*» Перрин поднял клещами кусок сияющего железа,

вокруг которого дрожало марево.

«Бум, бум, бум, — пришло от Прыгуна послание из образов и звуков. — *Будто щенок, гонящийся за бабочками*».

Прыгун не видел смысла в том, чтобы придавать металлу форму, и считал это людское занятие забавным. Для волка вещи были тем, чем они являлись. Зачем прилагать столько стараний для того, чтобы превратить нечто во что-то иное?

Перрин отложил кусок железа в сторону. Оно немедленно остыло, сперва побледнев до жёлтого, затем до оранжевого, алого и, наконец, до тускло-черного. Бесформенный комок размером примерно с два

кулака — вот и всё, что у Перрина получилось. Мастеру Лухану было бы стыдно за такую некачественную работу. Перрину как можно скорее нужно было понять, что же он делает, пока его учитель не вернулся.

Нет. Неправильно. Сон содрогнулся, и стены стали полупрозрачными.

«Я не подмастерье. — Перрин прикоснулся рукой в толстой перчатке к голове. — Я больше не в Двуречье. Я теперь мужчина, женатый мужчина».

Перехватив клещами кусок еще необработанного железа, Перрин пихнул его на наковальню, и тот ожил, сияя от жара. *«Всё по-*

прежнему неправильно. — Перрин из всех сил ударил молотом по наковальне. — Всё должно было исправиться! Но нет. Почему-то стало даже хуже».

Он продолжил бить молотом. Шепотки, что люди в лагере распускали о нем, приводили его в ярость. Перрин был болен, и Берелейн просто ухаживала за ним. И ничего больше. Но слухи продолжили расползаться.

Раз за разом он обрушивал молот на наковальню. Разлетавшихся, будто брызги воды, искр было слишком много для одного бруска железа. Последний, завершающий удар — и Перрин

отдышался.

Кусок железа ни капли не изменился. Перрин зарычал и схватил клещи, отбрасывая бесформенный комок прочь и подхватывая новый брусок с углей. Ему *нужно* закончить эту деталь. Это очень важно. Вот только что именно он делает?

Он начал ковать. *«Мне нужно проводить больше времени с Фэйли, разобраться в происходящем, избавиться от неловкости между нами»*. Но у него совершенно нет времени! Все эти окружавшие его ослеплённые Светом идиоты не могли сами о себе позаботиться. Раньше в Дворечье никому не был

нужен лорд.

Поработав некоторое время, Перрин поднял второй кусок железа. Тот остыл, превратившись в бесформенную сплюснутую штуковину длиной с его предплечье. Еще одна испорченная деталь. Он отложил её в сторону.

«Если ты несчастен, — пришло послание от Прыгуна, — забирай свою самку и уходи. Если ты не желаешь возглавить стаю, возьмется другой». Волчьи послания приходили как образы — бег по широкому полю, стебли касаются морды. Чистое небо, свежий ветерок, волнение и жажда приключений. Запахи недавнего дождя, диких

пастбищ.

Перрин потянулся клещами к последнему бруску железа на углях. Тот светился неярким опасным желтым светом.

— Я не могу уйти, — он протянул слиток железа волку. — Это значило бы уступить волку в себе. Это значило бы потерять самого себя. Я так не поступлю.

Он держал между собой и волком едва не плавящийся кусок стали, а Прыгун рассматривал его, и желтые искорки света отражались в волчьих глазах. Этот сон был таким странным. Раньше обычные сны Перрина и волчий сон существовали по отдельности. Что же означает это

смешение?

Перрину было страшно. Он пришёл к шаткому перемирию с волком внутри себя. Ещё больше сближаться с волками было опасно, но это не помешало ему обратиться к ним за помощью в поисках Фэйли. Ради Фэйли — всё что угодно. Сделав так, Перрин едва не сошёл с ума и даже пытался убить Прыгуна.

Перрин далеко не так хорошо владел собой, как ему казалось. Волк внутри него всё ещё мог одержать верх.

Прыгун зевнул, свесив язык. От него сладко пахло весельем.

— Это не смешно, — Перрин отложил в сторону последний брусок

железа, так и не принявшись за него. Тот остыл, приняв форму тонкого прямоугольника, чем-то похожего на заготовку для дверной петли.

«Проблемы — это не весело, Юный Бык, — согласился Прыгун. — Но ты перелезаешь туда-сюда через одну и ту же стену. Пойдём побегаем».

Волки жили настоящим; хотя они помнили прошедшее и, казалось, имели какое-то странное представление о будущем, их не заботило ни то, ни другое. В отличие от людей. Волки вольно бегали наперегонки с ветрами. Стать одним из них означало бы забыть о боли, печали и разочаровании. Стать

свободным...

Такая свобода стоила бы Перину слишком многого. Он потерял бы Фэйли и самого *себя*. Он не хотел становиться волком. Он хотел остаться человеком.

— Есть ли какой-то способ обратить вспять произошедшее со мной?

«Обратить вспять?» — Прыгун вскинул голову. Волки никогда не поворачивали назад.

— Могу ли я... — Перрин постарался объяснить. — Могу ли я убежать так далеко, что волки не смогут меня услышать?

Прыгун, казалось, смутился. Нет. «Смутился» не отражало тех

болезненных ноток, что приходили от Прыгуна. Небытие, запах гниющего мяса, воющие от муки волки. Быть отрезанным от мира волков — Прыгун не мог принять такого.

Разум Перрина затуманился. Почему он перестал ковать? Ему нужно закончить дело. Мастер Лухан будет разочарован! Те комки железа были ужасны. Надо бы их спрятать. Сделать что-то еще, показать, что он на что-то способен. Он *может* ковать. Правда ведь?

Позади него раздалось шипение. Перрин оглянулся и с удивлением заметил, что один из бочонков для охлаждения, стоявший рядом с

горном, кипит. *«Ну да, — подумал он. — Первые куски, которые я закончил. Я бросил их туда».*

Внезапно забеспокоившись, Перрин схватил клещи и опустил их в бурлящую воду; его лицо окутал пар. Он нашел что-то на дне и выудил это клещами. Это был кусок раскалённого добела металла.

Свечение померкло. Кусочек оказался небольшой фигуркой из стали, в форме высокого худого мужчины с мечом за спиной. Каждая линия фигурки была тщательно проработана — складки рубашки, кожаные ремешки на эфесе крохотного меча. Но лицо было искажено, рот перекошен в

безмолвном крике.

«Айрам, — подумал Перрин. — Его звали Айрам».

Он не мог показать *это* мастеру Лухану! Зачем он сделал такую вещь?

Рот фигурки раскрылся еще шире — она беззвучно кричала. Перрин вскрикнул, выронив ее из хватки клещей и отскочив назад. Фигурка упала на деревянный пол и разлетелась на кусочки.

«Почему ты так много думаешь о нем? — Прыгун зевнул широко, по-волчьи, скрутив язык трубочкой. — Это обычная вещь — когда юный щенок бросает вызов вожаку стаи. Он был безрассуден, и ты победил его».

— Нет, — прошептал Перрин. — Для людей это необычно. Особенно среди друзей.

Стена кузницы внезапно растаяла, превратившись в дым. Это показалось ему совершенно естественным. Снаружи Перрин увидел широкую улицу, залитую дневным светом. Городские лавки торговцев с выбитыми окнами.

— Малден, — сказал Перрин.

Его полупрозрачная, туманная копия стояла снаружи. На ней не было куртки; на обнажённых руках бугрились мускулы. Он коротко подстригал бородку и от этого казался старше, значительнее. Неужели Перрин и вправду выглядел

так внушительно? Коренастый человек-крепость с золотыми глазами, которые, казалось, светились, с сияющим топором-полумесяцем в руке размером с человеческую голову.

Что-то с этим топором было не так. Перрин вышел из кузницы, проходя через смутный призрак самого себя. Оказавшись на месте фигуры, он стал ею и ощутил в руке тяжесть топора, а рабочая одежда сменилась на боевое облачение.

Он бросился бегом. Да, это и *вправду* Малден. По улицам сновали айильцы. Он пережил эту битву, хотя сейчас он был куда спокойнее. Тогда он потерялся среди острых

ощущений битвы и поисков Фэйли. Он остановился посреди улицы.

— Всё не так. Я принес в Малден молот. Топор я выбросил.

«Рог или копыто, Юный Бык, какая разница, с помощью чего ты охотишься?» — Прыгун сидел рядом с ним на залитой солнцем улице.

— Разница есть. Это важно для меня.

«Но ты ведь используешь их одинаково».

Из-за угла появилась пара Шайдо. Они смотрели на что-то слева, чего Перрин увидеть не мог. Он кинулся в атаку.

Он разрубил челюсть одного, затем вонзил шип топора в грудь

другого. Это была жестокая, ужасная схватка, и все трое в конце концов очутились на земле. Понадобилось несколько раз вонзить шип во второго Шайдо, чтобы убить его.

Перрин поднялся на ноги. Он помнил, как убил этих двух айильцев, хотя он и сделал это молотом и ножом. Он не жалел об их смерти. Порой мужчине нужно сражаться, и все тут. Смерть ужасна, но это не отменяет того, что она необходима. По правде говоря, в этой стычке с Айил он чувствовал себя просто великолепно. Как охотящийся волк.

Когда Перрин сражался, он приближался к тому, чтобы стать кем-то еще. А это было опасно.

Он обвиняюще взглянул на Прыгуна, который улегся на углу улицы:

— Почему ты заставляешь меня видеть этот сон?

«Заставляю тебя? — переспросил Прыгун. — Это не мой сон, Юный Бык. Разве ты видишь мои челюсти на твоей шее, силой принуждающие тебя думать об этом?»

С топора текла кровь. Перрин знал, что будет дальше. Он обернулся. Сзади на него шел Айрам, и глаза его полыхали убийством. Половина лица бывшего Лудильщика была покрыта кровью; та капала с подбородка, пятная его плащ в

красную полосу.

Айрам взмахнул мечом, целясь Перрину в шею. Сталь просвистела в воздухе. Перрин отступил назад. Он отказывался драться с парнем снова.

Призрачная версия Перрина внезапно отделилась, оставив настоящего Перрина в одеждах кузнеца. Призрак обменялся ударами с Айрамом.

Пророк объяснил мне... Ты действительно Отродье Тени. Я должен спасти от тебя леди Фэйли.

Внезапно призрачный Перрин обратился в волка. Он прыгнул — его мех был почти столь же темным, как у Темного Брата — и вырвал Айраму горло.

— Нет, все было не так!

«*Это сон*», — послал ему Прыгун.

— Но я не убивал его! — запротестовал Перрин. — Какой-то айилец пустил в него стрелу, прежде чем...

Прежде чем Айрам убил бы Перрина.

«*Рог, копыто или зуб*, — послал Прыгун, развернувшись и посеменив к одному из зданий. Его стена исчезла, и внутри открылась кузница мастера Лухана. — *Какая разница? Мертвые мертвы. Двуногие не приходят сюда, обычно нет, я не знаю, куда они уходят после того как умерли*».

Перрин посмотрел вниз, на тело Айрама.

— Я должен был отобрать у него этот нелепый меч в то же мгновение, как он взял его. Я должен был отослать его назад к семье.

«Разве щенок не достоин клыков? — спросил Прыгун в неподдельном замешательстве. — Зачем ты хочешь их вырвать?»

— Таковы пути людей, — ответил Перрин.

«Пути двуногих, пути людей. Для тебя речь только и идет, что о путях людей. А как с путями волков?»

— Я не волк.

Прыгун вошел в кузницу, и

Перрин неохотно последовал за ним. Бочонок все еще бурлил. Стена вернулась на место, и Перрин вновь оказался в кожаном жилете и фартуке и с клещами в руках.

Он подошел к бочонку и вытащил еще одну фигурку. Эта изображала Тода ал'Каара. Пока она остывала, Перрин увидел, что её лицо не было искажено, как у Айрама, но нижняя часть фигурки оказалась не сформирована, оставшись частью заготовки. Когда Перрин поставил фигурку на пол, она продолжала светиться слабым красноватым светом. Он сунул клещи обратно в воду и вытянул фигурку Джори Конгара, а после нее — Ази

ал'Тона.

Раз за разом Перрин подходил к бурлящему бочонку, вытаскивая фигурки одну за другой. Как обычно бывает во снах, чтобы их вытащить, понадобилось одно мгновение, которое показалось часами. Когда он закончил, на полу лицом к нему стояли сотни фигурок. Наблюдая. Каждая из них светилась изнутри крошечным огнем, будто ожидая прикосновения кузнечного молота.

Но такие фигурки не выковывают — их отливают.

— Что это значит? — Перрин присел на табурет.

«Что значит? — Прыгун открыл рот и засмеялся по-

волчьи. — Это значит, что на полу много маленьких людей, которых нельзя съесть. Твоё племя слишком любит камни и то, что у них внутри».

Казалось, фигурки обвиняют его. Вокруг них лежали осколки Айрама. Ему показалось, что эти кусочки увеличиваются. Разбитые руки пришли в движение и заскребли по полу. Все осколки стали маленькими руками; они ползли к Перрину, тянулись к нему.

Перрин судорожно вдохнул, вскочив на ноги. В отдалении он услышал смех — тот звучал все ближе, и строение затряслось. Прыгун рванулся с места и врезался в

него. И тут...

Вздвогнув, Перрин проснулся. Он лежал в своей палатке, в поле, где они уже несколько дней стояли лагерем. Неделю назад они наткнулись на пузырь зла, из-за которого из-под земли по всему лагерю полезли ярко-красные маслянистые змеи. Несколько сотен человек заболели от укусов; Исцеление Айз Седай помогло сохранить большинству из них жизнь, но не смогло до конца вернуть им здоровье.

Фэйли мирно спала рядом. Снаружи кто-то из его людей ударил по столбу, отмечая время. Три удара. До зари еще далеко.

Сердце Перрина гулко стучало, и он положил руку на свою непокрытую грудь. Он почти был готов к тому, что из-под разложенной на земле постели вот-вот выползет орда крохотных металлических рук.

В конце концов, он заставил глаза закрыться и попытался расслабиться. На этот раз он спал без сновидений.

* * *

Грендаль потягивала искрившееся вино из оплетенного серебряной паутиной бокала. Внутри его хрустальных стенок в кольцевой

орнамент были заключены капли крови. Крохотные, навечно замерзшие ярко-красные пузырьки.

— Нам бы следовало *действовать*, — произнесла Аран'гар, которая полулежала на кушетке и хищным взглядом следила за проходившим мимо одним из питомцев Грендаль. — Не понимаю, как ты выносишь быть настолько вдали от важных событий! Словно какой-нибудь ученый, спрятавшийся в пыльном углу!

Грендаль выгнула бровь. Ученый? В пыльном углу? Да, по сравнению с некоторыми дворцами, которые она повидала в прошлой Эпохе, Курган Нэтрина был

скромным, но его трудно было назвать лачугой. Обстановка была превосходной, стены украшены арками изощрённой резьбы, сделанной по массивной, темной древесине твердых пород, а мраморный пол сверкал вставками перламутра и золота.

Аран'гар всего лишь пыталась ее спровоцировать. Грендаль выкинула раздражение из головы. В камине тлел огонь, но парные двери, выводившие на укрепленную галерею на уровне четвертого этажа, были открыты, и через них задувал свежий ветер с гор. Она редко оставляла окно или дверь наружу открытыми, но сегодня ей нравился контраст: с

одной стороны тепло, с другой — прохладный бриз.

Жизнь — в ощущениях.
Прикосновения к коже —
одновременно страстные и ледяные.
Какие угодно, только не привычные,
обыденные или безразличные.

— Ты меня слушаешь? —
спросила Аран'гар.

— Я всегда слушаю, — ответила
Грендаль, отставляя кубок и
присаживаясь на свою кушетку. Она
была в облегающем золотистом
платье, прозрачном, но застёгнутом
на пуговицы до самой шеи. До чего
изумительна доманийская мода: она
в совершенстве подходит для того,
чтобы сразу и открывать, и дразнить.

— Меня *бесит* быть в такой дали от всего, — продолжила Аран'гар. — Эта Эпоха восхитительна. Примитивные люди могут быть так интересны. — Роскошная, чувственная женщина с кожей цвета слоновой кости выгнула спину, вытягивая руки по направлению к стене. — Мы пропускаем всё самое интересное.

— На забаву лучше смотреть с некоторого расстояния, — ответила Грендаль. — Я считала, что ты это поняла.

Аран'гар промолчала. Великий Повелитель не был доволен тем, что она утратила контроль над Эгвейн ал'Вир.

— Что ж, — произнесла Аран'гар, поднимаясь. — Раз ты такого мнения, я поищу сама, чем бы развлечься вечером.

Ее тон был прохладным. Похоже, их союз становится хрупким. Значит, пришло время его укрепить. Грендаль открылась и приняла господство Великого Повелителя, чувствуя пробирающий до костей экстаз его мощи, его страсти, самой его *сути*. Она пьянила сильнее Единой Силы!

Этот неистовый поток огня грозил переполнить и поглотить её, но, несмотря на то, что её переполняла Истинная Сила, Грендаль могла направить лишь

тонкую струйку. Это был дар Моридина. Нет — Великого Повелителя. Лучше не начинать олицетворять в уме одного с другим. Сейчас Моридин был Ни'блисом — пока, только и всего.

Грендаль сплела ленточку Воздуха. Работа с Истинной Силой была похожа, но не идентична работе с Единой Силой. Плетение Истинной Силы часто срабатывало немного не так или давало непредвиденный побочный эффект. Существовали также плетения, которые можно было создать только с помощью Истинной Силы.

Сущность Великого Повелителя насильно подчиняла Узор,

растягивала его и оставляла на нем шрамы. Даже то, чему Создатель предназначил быть вечным, могло быть расплетено, если использовать силу Темного. Этим была обусловлена вечная истина, настолько близкая к высшим материям, насколько Грендаль готова была принять. Всё, что Создатель мог сотворить, Тёмный мог уничтожить.

Грендаль протянула змеящуюся ленту Воздуха через комнату к Аран'гар. Избранная как раз вышла на балкон — Грендаль запрещала создавать переходные врата внутри, чтобы не повредить убранство или кого-нибудь из ее любимцев.

Грендаль подняла ленту Воздуха к щеке Аран'гар и нежно ее погладила.

Аран'гар застыла. Охваченная подозрением, она обернулась, и понадобилось лишь мгновение, чтобы ее глаза расширились. Она не почувствовала мурашек на руках, которые означали бы, что Грендаль направляет. Истинная Сила не давала о себе какой-либо подсказки — ни мужчина, ни женщина не чувствуют плетений, если им не дарована привилегия ее направлять.

— Что? — воскликнула женщина. — Как? Моридин ведь...

— Ни'блис, — произнесла Грендаль. — Да. Но когда-то милость Великого Повелителя в этом

вопросе не ограничивалась одним Ни'блисом. — Она продолжала поглаживать щеку Аран'гар, и та залилась румянцем.

Как и остальные Избранные, Аран'гар страстно желала Истинной Силы — опасной, сладостной, соблазнительной — одновременно боясь её. Когда Грендаль убрала поток Воздуха, Аран'гар вернулась на кушетку, после чего отправила одного из питомцев Грендаль за своей ручной Айз Седай. Щеки Аран'гар все еще пылали от желания; судя по всему, Делана ей понадобилась, чтобы отвлечься. Похоже, Аран'гар забавляло заставлять пресмыкаться перед

собой невзрачную Айз Седай.

Делана появилась почти сразу. Она всегда находилась где-то поблизости. Женщина из Шайнара была дородной с полными руками и ногами и выгоревшими волосами. Уголки губ Грендаль опустили: какое несимпатичное существо. В отличие от самой Аран'гар — из той вышла бы великолепная игрушка. Может, когда-нибудь у Грендаль появится шанс это осуществить.

Прямо на кушетке Аран'гар и Делана принялись обмениваться ласками. Аран'гар была ненасытной. Грендаль часто использовала это обстоятельство — как только что, соблазняя Истинной Силой.

Грендаль и сама, конечно же, любила удовольствия, но она удостоверялась, чтобы все считали, будто она потворствует своим желаниям куда больше, чем это было на самом деле. Если ты знаешь, чего от тебя ожидают, то эти ожидания можно использовать. Это...

Грендаль застыла. В ушах раздался сигнал тревоги — звук волн, разбивающихся одна о другую. Аран'гар продолжала предаваться наслаждению: она ничего не слышала. Это было очень специфическое плетение, расположенное там, где слуги могли его случайно задеть и тем самым предупредить её.

Грендаль поднялась на ноги, вальяжно обходя комнату и не проявляя никакой спешки. В дверях она направила нескольких питомцев помочь отвлечь Аран'гар. Прежде чем втягивать её, лучше самой разобраться, в чем дело.

Грендаль прошла по коридору, увешанному золотыми люстрами и украшенному зеркалами. Она уже наполовину спустилась по лестнице, когда навстречу ей взбежал Гаруманд, капитан дворцовой стражи. Он был салдэйцем и дальним родственником Королевы. На его сухощавом, привлекательном лице красовались густые усы. Само собой, Принуждение сделало его

верность абсолютной.

— Великая Госпожа, — сказал он, тяжело дыша. — Мы схватили человека, который подбирался ко дворцу. Мои люди узнали его — это мелкий лорд из Бандар Эбана, член дома Рамшалан.

Грендаль нахмурилась, затем знаком приказала Гаруманду следовать за ней и направилась к одному из покоев для аудиенций — небольшой комнате без окон, отделанной в темно-красных тонах. Она сплела стража от подслушивания и отправила Гаруманда привести незваного гостя.

Вскоре он вернулся со стражниками и доманийцем, одетым

в ярко-зеленые и ярко-синие цвета. На его щеке красовалась мушка в форме колокольчика. В его аккуратную бородку были вплетены крохотные колокольчики, которые позвякивали, когда стражники толкали его вперед. Он встряхнул руками, с неприязнью глядя на солдат, и поправил оборчатую рубашку.

— Надо полагать, меня доставили к...

Он умолк, ухнув, словно подавившись, когда Грендаль обмотала его потоками Воздуха и вторглась в его сознание. Он заговорил, заикаясь, и его взгляд расфокусировался.

— Мое имя Пикор Рамшалан, — произнес он безжизненным голосом. — Меня прислал Дракон Возрождённый в поисках союза с проживающим в этой крепости семейством торговцев. Поскольку я сообразительнее и умнее ал'Тора, я ему нужен, чтобы заключать для него союзы. Особенно он боится жителей этого дворца, что я нахожу смешным, поскольку он находится на отшибе и незначителен.

Очевидно, что Дракон Возрождённый — слабак. Думаю, если приобрету его доверие, то меня выберут следующим королем Арад Домана. Я хочу, чтобы вы заключили союз со мной, а не с ним, и обещаю

вам свою протекцию, как только стану королем. Я...

Грендаль взмахнула рукой, и он умолк на полуслове. Дрожа, она скрестила руки на груди, чувствуя, как по коже побежали мурашки.

Возрождённый Дракон ее нашел.

Он прислал этого человека, чтобы отвлечь её внимание.

Он считает, что может ею манипулировать.

Она тотчас же сплела переходные врата в одно из своих самых надежных убежищ. Повеяло холодным воздухом. В той местности сейчас было утро, а не ранний вечер. Лучше перестраховаться. Сбежать. И всё же...

Она медлила. Он должен познать муки... он должен почувствовать, что такое отчаяние, и должен испытать боль. Обеспечь ему это. Ты будешь вознаграждена.

Аран'гар сбежала со своего поста среди Айз Седай, попавшись по-глупому — позволив почувствовать, как она направляет *саидин*. И всё ещё была наказана за этот провал. Если, упустив шанс обмануть ал'Тора, Грендаль сбежит сейчас, накажут ли её так же сурово?

— В чём дело? — за дверью слышался голос Аран'гар. — Пропустите меня, идиоты. Грендаль, что ты делаешь?

Грендаль тихонько зашипела,

закрыла врата и взяла себя в руки. Кивком она позволила впустить Аран'гар в комнату. Гибкая женщина вошла в дверь, оценивающе оглядев Рамшалана. Не следовало Грендаль посылать к ней питомцев — судя по всему, это вызвало подозрения.

— Ал'Тор меня нашел, — коротко пояснила Грендаль. — Он отправил вот этого, чтобы заключить со мной «союз», но не открыл ему, кто я. Похоже, ал'Тор хочет заставить меня поверить, что этот человек наткнулся на меня случайно.

Аран'гар поджала губы.

— Значит, ты сбежишь? Снова скроешься от самого интересного?

— И это я слышу от тебя?

— Меня окружали враги. Бегство было единственным выходом, — казалось, женщина повторяет заученную речь.

Подобные слова были подначкой. Аран'гар послужит *ей*. Возможно...

— Эта твоя Айз Седай знает Принуждение?

Аран'гар пожала плечами.

— Её этому учили. Её навыки удовлетворительны.

— Давай её сюда.

Аран'гар подняла бровь, но почтительно кивнула, отправившись исполнять поручение сама — вероятно, чтобы выиграть время на раздумья. Грендаль отправила слугу

за одной из птичьих клеток. Голубя доставили прежде, чем вернулась Аран'гар, и Грендаль, вновь ощутив трепет, аккуратно направила Истинную Силу и сплела сложное плетение Духа. Помнит ли она ещё, как это делается? Это было так давно.

Она наложила плетение на разум голубки. Ее зрение будто *разделилось* пополам. Теперь перед собой она видела два изображения — мир, который она видела сама, и приглушённый образ того, что видела птица. Сосредоточившись, можно было переключать внимание то на одно, то на другое.

Это вызывало головную боль.

Восприятие птицы совершенно не походило на человеческое. В поле зрения попадало гораздо больше, а цвета были настолько яркими, что почти ослепляли, но изображение было расплывчатым, и ей было трудно определять расстояние.

Она оттеснила птичий взгляд вглубь сознания. Голубка неприметна, но использовать её труднее, чем воронов или крыс — излюбленных шпионов Тёмного. На них плетение срабатывало лучше, чем на других животных. Впрочем, прежде чем Тёмный узнает, что увидели шпионившие для него вредители, они должны доложить. Почему дело обстоит именно так,

она точно не знала — запутанные свойства особых плетений Истинной Силы для неё были малопонятны. По крайней мере, меньше, чем для Агинора.

Аран'гар вернулась со своей Айз Седай, которая в последнее время выглядела всё более и более робкой. Она присела в низком реверансе перед Грендаль и осталась в покорной позе. Грендаль осторожно сняла свое Принуждение с Рамшалана, оставив его в оцепенении, не понимающим, что с ним происходит.

— Что вы хотите, чтобы я сделала, Великая? — спросила Делана, бросив взгляд на Аран'гар и

вновь переводя его на Грендаль.

— Принуждение, — ответила Грендаль. — Самое сложное и искусное, на какое ты способна.

— Что вы хотите, чтобы оно делало, Великая Госпожа?

— Ему надо позволить вести себя, как обычно, — сказала Грендаль. — Но убрать все воспоминания о случившемся. Замени их на воспоминания о том, как он беседовал с семейством торговцев и добился с ними союза. Добавь еще несколько каких-нибудь ограничений — какие только придут тебе в голову.

Делана нахмурилась, но она уже научилась не задавать вопросов

Избранным. Грендаль скрестила руки на груди и, постукивая пальцем, следила за работой Айз Седай. Она нервничала всё сильнее. Ал'Тор узнал, где она находится. Нападёт ли он? Нет, он не причиняет вреда женщинам. Эта самая слабость очень важна. Она означает, что у неё есть время на ответ. Разве не так?

Как ему удалось проследить её до дворца? Она создала идеальное убежище. Единственные приближённые, которых она выпускала из поля зрения, были под настолько глубоким Принуждением, что, сняв его, убьёшь их носителя. Возможно ли, что Айз Седай, которую он держал при себе — эта

Найнив, женщина с даром Исцеления — смогла разобраться в плетениях Грендаль и их распутать?

Ей нужно выиграть время и выяснить, что известно ал'Тору. Если Найнив ал'Мира умеет, читать Принуждение, то это опасно. Грендаль нужно оставить ложный след, задержать его — поэтому она и потребовала от Деланы, чтобы та создала сильное Принуждение со столь странными условиями.

Причинить ему боль. Грендаль может это устроить.

— Теперь ты, — обратилась она к Аран'гар, когда Делана закончила. — Что-нибудь позапутаннее. Я хочу, чтобы ал'Тор и

его Айз Седай нашли у него в сознании прикосновение мужчины. — Это еще больше собьет их с толку.

Аран'гар пожала плечами, но сделала, как её попросили, наложив плотное и запутанное Принуждение на разум несчастного Рамшалана. Он был довольно-таки миловиден. Неужели ал'Тор предполагал, что она захочет сделать его одной из своих игрушек? Неужели он достаточно вспомнил из жизни Льюса Тэрина, чтобы знать о ней подобные факты? Доклады о его воспоминаниях из прошлой жизни противоречили друг другу, но, похоже, он вспоминал всё больше и больше. Это беспокоило её.

Льюс Тэрин, возможно, смог бы выследить ее в этом дворце. Но она не ожидала, что ал'Тору удастся то же самое.

Аран'гар закончила.

— А сейчас, — скомандовала Грендаль, отпуская плетения Воздуха и обращаясь к Рамшалану, — вернись и доложи Дракону Возрожденному о том, что ты преуспел.

Рамшалан моргнул и затряс головой.

— Я... Да, миледи. Да, я думаю, связи, которые мы сегодня установили, будут крайне выгодны для нас обоих. — Он улыбнулся. Дурак слабоумный. — Быть может, нам стоило бы пообедать и выпить за

наш успех, леди Базен? Добираться до вас было так утомительно, и я...

— Отправляйся, — холодно сказала Грендаль.

— Прекрасно. Когда я стану королём, вы будете вознаграждены!

Стражники вывели его, и он принялся насвистывать с самодовольным видом. Грендаль села и закрыла глаза; несколько солдат, бесшумно ступая по толстому ковру, приблизились, встав на ее охрану.

Она переключилась на зрение голубки, привыкая к необычным ощущениям. По ее приказу слуга поднял птицу и поднес ее к окну, расположенному во внешнем

коридоре. Птичка вспорхнула на подоконник. Грендаль мягко подтолкнула ее разум, отправляя в полет. Опыта, чтобы перехватить управление полностью, ей не хватало. Летать гораздо труднее, чем кажется.

Голубка выпорхнула из окна. Солнце опускалось за горы, обводя их яростным оранжево-красным контуром, а озеро внизу стало глубокого сине-черного оттенка. Вид был захватывающим, но, когда голубка взмыла в небо и уселась на одну из башен, Грендаль стало подташнивать.

В конце концов из ворот внизу вышел Рамшалан. Грендаль

мысленно подтолкнула голубку, и та сорвалась с башни и нырнула к земле. От этого выворачивающего желудок спуска Грендаль скрипнула зубами, а каменные украшения дворца перед её взглядом слились воедино. Голубка выровнялась и полетела за Рамшаланом. Похоже, он что-то бурчал себе под нос, но через непривычные слуховые отверстия голубки она могла разобрать только простейшие звуки.

Какое-то время она следовала за ним через темнеющий лес. Сова здесь подошла бы лучше, но у неё не было ни одной про запас. Она выругала себя за это. Голубка перелетала с ветки на ветку. Земля в

лесу представляла собой мешанину подлеска и осыпавшихся сосновых игл. Это показалось ей определенно неприятным.

Впереди был свет. Слабый, но глаза голубки легко различали свет и тень, движение и неподвижность. Она подтолкнула птицу разведать, оставив Рамшалана позади.

Свет лился из переходных врат посреди поляны, растекаясь тёплым сиянием. Перед ними стояли люди, и одним из них был ал'Тор.

Грендаль охватил приступ паники. Он *был* здесь. Он смотрел вниз через гребень горы, смотрел на нее. Тьма внутри! Перед этим она не была уверена, пришёл ли ал'Тор сюда

лично, или Рамшалан должен пройти через переходные врата для доклада. Какую игру он затевает? Грендаль посадила голубку на ветку. Рядом Аран'гар недовольным тоном спрашивала, что она видит. Она заметила голубку и, конечно же, поняла, что затеяла Грендаль.

Она сосредоточилась сильнее. Дракон Возрожденный, человек, который когда-то был Льюсом Тэрином Теламоном. Он *знал*, где она находится. Когда-то он ненавидел её всем сердцем. Что именно он вспомнил? Вспомнил ли он совершенное ею убийство Янет?

Ручные айильцы ал'Тора подвели к нему Рамшалана, и Найнив изучила

его. Да, эта Найнив, похоже, могла разбирать Принуждение. Во всяком случае, ей было известно, что искать. Придется ей умереть — раз ал'Тор полагается на нее, значит, её смерть причинит ему боль. А после неё придет очередь темноволосой любовницы ал'Тора.

Грендаль подтолкнула голубку на ветку пониже. Что ал'Тор будет делать? Инстинкты Грендаль подсказывали, что он не станет действовать, пока не поймет её план. Сейчас он вел себя так же, как и в её Эпоху, — любил планировать, тратить время на подготовку итогового крещендо атаки.

Она нахмурилась. Что он

сказал? Она напряглась, пытаясь разобрать звуки. Будь прокляты уши птицы — голоса звучали, словно хриплое карканье. *Калландор?* Почему он говорит про *Калландор*? И про сундук...

Что-то вспыхнуло в его руке. Ключ доступа. Грендаль судорожно вздохнула. Он принес с собой *это*? Эта штука почти так же ужасна, как погибельный огонь.

Внезапно она поняла. Её обыграли.

Похолодев от ужаса, она выпустила голубку и резко раскрыла глаза. Она по-прежнему сидела в маленькой комнатке без окон, а Аран'гар, скрестив руки на груди,

прислонилась к стене у входа.

Ал'Тор прислал Рамшалана, *ожидая*, что его схватят и наложат на него Принуждение. Единственная цель появления Рамшалана — подтвердить, что Грендаль находится в крепости.

«Свет! Как же он поумнел!»

Она отпустила Истинную Силу и обняла менее чудесный *саидар*. Быстро! Она была настолько выбита из колеи, что чуть было не упустила Источник. Она вся взмокла от пота.

Бежать. Надо бежать.

Она открыла новые переходные врата. Аран'гар повернулась, смотря через стены в сторону ал'Тора.

— Столько мощи! Что он

делает?

Аран'гар. Они с Деланой сплели Принуждение.

Ал'Тор должен считать Грендаль погибшей. Если он уничтожит дворец, а Принуждение останется, то он поймет, что промахнулся и Грендаль жива.

Она сформировала два щита и обрушила их — один на Аран'гар, второй на Делану. Женщины судорожно вдохнули. Грендаль затянула плетения и связала обеих Воздухом.

— Грендаль? — воскликнула Аран'гар перепуганным голосом. — Что ты...

Оно приближалось. Грендаль

прыгнула к воротам, нырнула сквозь них, упала и порвала платье о ветку дерева. Позади вспыхнул ослепительный свет. Сделав усилие, она отпустила ворота и поймала мимолетный образ пораженной ужасом Аран'гар, прежде чем все позади не поглотила прекрасная, чистая белизна.

Переходные ворота исчезли, и Грендаль осталась во тьме.

Она лежала, почти ослепленная этим сиянием, и сердце её колотилось со страшной скоростью. Она создала самые быстрые ворота, какие только возможно, и они вели на совсем небольшое расстояние. Она лежала в грязных кустах на

горной гряде за дворцом.

Тут же её захлестнула волна *неправильности* — искажение воздуха, когда рвался сам Узор. Это называлось «погибельный вопль» — миг, когда само мироздание рыдало от боли.

Дрожа всем телом, она тяжело дышала. Но она должна была увидеть. Она должна была знать. Она поднялась на ноги — левая лодыжка оказалась вывихнута. Прихрамывая, Грендаль добралась до опушки и посмотрела вниз.

Курган Нэтрина — весь дворец целиком — исчез. Был выжжен из Узора. Она не могла различить ал'Тора на дальнем гребне горы, но

она знала, что он там.

— Ты, — прорычала она. — Ты стал *гораздо* опаснее, чем я предполагала.

Сотни прекрасных мужчин и женщин, лучшая ее коллекция, пропала. Ее цитадель, десятки предметов Силы, её сильнейший союзник среди Избранных. Всё исчезло. Это была катастрофа.

«Нет, — подумала она. — *Я до сих пор жива*». Она опередила его, пусть даже на пару мгновений. Теперь он считает, что её нет в живых.

Внезапно она очутилась в наибольшей безопасности с тех пор, как выбралась из Узилища Темного.

Не считая, конечно, того, что она только что оказалась причиной гибели одной из Избранных. Великий Повелитель не будет доволен.

Хромая, она устремилась прочь от гребня горы, уже обдумывая следующий ход. Его придется проработать очень, очень тщательно.

* * *

Лорд Капитан-Командор Детей Света Галад Даморед с чавкающим звуком выдернул ногу в сапоге из дошедшей до щиколоток грязи.

В душном воздухе жужжали

мошки-кусименя. Пока он выбирался по тропинке на сухое место, ведя в поводу свою лошадь, вонь от застоявшейся воды и грязи при каждом вдохе угрожала встать поперек горла. Следом тащилась длинная, по четверо в ряд, извивающаяся колонна грязных, потных и уставших, как и он сам, людей.

Они оказались в болотистой местности на границе между Гэалданом и Алтарой, где дуб и коричное дерево сменились лавром и паучьим кипарисом. Их оголенные корни торчали, словно скрюченные пальцы. Несмотря на тень и низкие облака, зловонный воздух был

горячим и плотным. Это было все равно, что дышать прокисшим супом. Галад едва не сварился в кольчуге и нагруднике, а его островерхий шлем был приторочен к седлу. Кожа чесалась от вьевшейся грязи и едкого пота.

Несмотря на неприглядность, это была лучшая дорога из всех. Асунаве ни за что не догадаться. Тыльной стороной ладони Галад вытер лоб и во имя тех, кто последовал за ним, постарался идти с гордо поднятой головой. Семь тысяч Детей Света выбрали его сторону, а не службу шончанским захватчикам.

С ветвей свисал грязно-зеленый

мох, словно лоскуты сгнившей плоти с трупа. Тут и там болезненную серость и зелень оживляла яркая россыпь крохотных розовых и фиолетовых цветочков, жавшихся к бьющим ключам, словно кто-то разбрызгал по земле краску — настолько подобный контраст был неожиданным.

Странно было в этом месте обнаружить подобную красоту. Может ли он и в собственном положении найти Свет? К несчастью, это может быть не так-то просто.

Он потянул Стойкого вперед. Из-за спины доносились разговоры встревоженных людей, прерываемые

случайными проклятиями. Это вонючее место с тучей жалящего гнуса было испытанием даже для лучших из лучших. Последователи Галада были обеспокоены тем, во что превращался весь мир. В нечто, где небо всегда затянуто темными тучами, где хорошие люди умирают от странных искажений Узора и где Валда, прежний Лорд Капитан-Командор, оказался убийцей и насильником.

Галад покачал головой. Грядет Последняя Битва.

Звяканье кольчуги предупредило о том, что кто-то вышел из строя. Галад оглянулся через плечо и увидел подошедшего Дэйна Борнхальда. Тот

отдал честь и остановился рядом.

— Дамодред, — тихо обратился он под хлюпанье их сапог в трясине. — Не лучше ли повернуть назад?

— Путь назад ведет только в прошлое, — ответил Галад, всматриваясь вперед. — Я много думал об этом, Чадо Борнхальд. Это небо, опустошенная земля, ходящие мертвецы... Поздно искать союзников и сражаться с Шончан. Нам нужно спешить на Последнюю Битву.

— Но здесь кругом одно болото, — возразил Борнхальд, глядя, как мимо сквозь камыши проскользила крупная змея. — А

судя по нашим картам, оно давно должно было закончиться.

— Тогда мы точно где-то неподалеку от его края.

— Возможно, — согласился Дэйн. Струйка пота стекла по его лбу на худую щеку, заставив её дернуться. К счастью, у него пару дней назад закончилось бренди. — Если только карта не врёт.

Галад не ответил. В последние время даже когда-то точные карты стали бесполезны. Широкое поле могло стать непроходимыми холмами, деревни исчезали с лица земли, плодородные поля внезапно зарастали сорняками и мхом. Болото и вправду могло разрастись.

— Люди изнурены, — продолжал Борнхальд. — Ты знаешь, они отличные парни, но даже они начинают возмущаться, — он поморщился, словно в ожидании выговора от Галада.

Возможно, раньше Галад так бы и поступил. Чада должны с честью нести свою службу, несмотря на все трудности. Однако воспоминания об уроках, которые ему преподавала Моргейз — уроках, которых он в юности не понял — не оставляли его. Подавай пример. Требуй от людей быть стойкими, но сперва покажи как.

Галад кивнул. Они почти выбрались на сухое место.

— Собери людей. Я буду говорить с передними рядами. Пусть мои слова запишут и передадут остальным.

Борнхальд выглядел сбитым с толку, но исполнил приказ. Галад отошел в сторону и взобрался на небольшой холм. Положив руку на рукоять меча, он дождался, пока разбитые по отделениям люди соберутся вокруг. Уставшие люди в вымазанных в грязи сапогах встали кто как, размахивая руками — убивая мошек-кусименя или почесывая за воротниками.

— Мы — Дети Света, — объявил Галад, когда они собрались. — Для человечества

настали самые темные дни. Когда исчезает надежда, когда вокруг царит смерть. Но именно в самую темную ночь ярче всего пылает свет. Ярким днем свет маяка едва заметен, но когда всё меркнет, он служит для всех путеводным знаком!

— *Мы* и есть этот маяк. Эта трясина — испытание, но мы — Дети Света, и любое испытание нас только закаляет. Нас преследуют те, кто должен нас любить, и все иные пути ведут к гибели. Поэтому мы пойдем вперед. Во имя тех, кого должны защитить, во имя Последней Битвы, во имя Света!

— В чём наша победа над этим болотом? Из *гордости* я отказываюсь

чувствовать его укусы. Из гордости от того, что живу в эти дни, из гордости от грядущего. Все наши предки из этой Эпохи ждали, когда настанет этот день, когда человечество будет испытано на прочность. Пусть другие оплакивают свою участь. Пусть другие стенают и плачут. Это не наш путь, потому что мы встретим грядущее испытание с высоко поднятой головой. И пусть оно *докажет*, что мы сильны!

Речь получилось недлинной; ему не хотелось задерживаться в этом болоте. И все же она сделала своё дело. Спины солдат распрямились, и он увидел, как люди согласно кивают. Выбранные из их числа

писцы записали слова и направились зачитать их тем, кто не мог слышать.

Когда отряд двинулся дальше, шаг бойцов больше не был сбивчивым, а осанка — сгорбленной. Галад остался стоять на холме на виду у проходящих рядов, принимая редкие рапорты.

Когда прошли все семь тысяч, Галад заметил небольшую группу, собравшуюся у подножия. Среди них оказался худой, узколицый Джарет Байар. Его запавшие глаза сияли от энтузиазма.

— Чадо Байар, — сказал Галад, спускаясь вниз.

— Отличная речь, милорд

Капитан-Командор, — пылко воскликнул Байар. — Последняя Битва. Да, пришло время двигаться вперед.

— Это наше бремя, — произнес Галад, — и наш долг.

— Мы отправимся на север, — сказал Байар. — К нам придут люди, и нас станет больше. Великая армия Детей Света, десятки тысяч. *Сотни* тысяч. Мы заполоним собой земли. Может, у нас даже хватит людей, чтобы свергнуть Белую Башню вместе с ведьмами, вместо того, чтобы вступать с ними в союз.

Галад покачал головой в ответ:

— Нам нужны Айз Седай, Чадо Байар. У Тени будут свои Повелители

Ужаса, Мурддраалы. И *Отрекшиеся*.

— Да, думаю, это верно, — с неохотой согласился Байар. Он и прежде воспринял эту идею с неохотой, но всё-таки согласился.

— Наш путь будет труден, Чадо Байар, но Дети Света поведут людей на Последнюю Битву.

Злодеяния Валды бросали тень на весь орден. Более того, Галад всё более уверялся в том, что Асунава сыграл не последнюю роль в дурном обращении с его мачехой и в ее смерти. А это значило, что и сам Великий Инквизитор оказался порочен.

В жизни важнее всего поступать правильно. Это стоит любых жертв.

В этот момент правильным было отступить. Справиться с Асунавой Галаду было не по силам. За спиной Великого Инквизитора стояли Шончан. Кроме того, Последняя Битва была куда важнее.

Галад быстро прошел по жиже к авангарду Детей Света. Отряд двигался налегке лишь с несколькими вьючными лошадьми, и люди шли в доспехах — их кони были нагружены фуражом и провизией.

В первой шеренге Галад обнаружил Трома, который беседовал с группой бойцов, одетых не в белые табарды и шлемы, а в кожаные куртки и бурые плащи. Это

были их разведчики. Тром кивнул ему в знак уважения. Лорд Капитан был одним из самых доверенных лиц Галада.

— Лорд Капитан-Командор, разведчики докладывают, что впереди есть небольшие трудности, — доложил Тром.

— Какого рода трудности?

— Думаю, вам лучше взглянуть лично, сэр, — ответил Чадо Барлетт, возглавлявший разведку.

Галад кивнул, чтобы тот показывал дорогу. Впереди заболоченный лес начал редеть. Хвала Свету, неужели они наконец-то выбрались на волю?

Но нет. Подоспевший Галад

увидел вторую группу разведчиков, которые наблюдали за мертвым лесом. Позади на большинстве деревьев были листья, пусть и болезненного вида. Тот лес, что поджидал впереди, был голым и посеревшим, словно деревья сгорели. Повсюду рос какой-то болезненно-белый лишайник или мох. Стволы деревьев казались иссушенными.

Весь лес впереди залила широкая, но мелкая река с медленным течением. Она затопила корни большей части деревьев. Поваленные стволы высовывали из темно-бурой жижи ветки, словно тянущиеся к небу руки.

— Там трупы, милорд Капитан-

Командор, — сообщил, указывая на реку, один из разведчиков. — Плынут по течению. Похоже на следы дальней битвы.

— На карте эта река отмечена? — спросил Галад.

Друг за другом все разведчики покачали головой.

Галад стиснул зубы.

— Мы можем перейти её вброд?

— Она мелкая, милорд Капитан-

Командор, — ответил Чадо Барлетт, — но нужно будет проверять, нет ли скрытых омутов.

Галад дотянулся до соседнего дерева и с громким сухим треском отломал от него длинную ветку.

— Я пойду первым. Пусть люди

снимут доспехи и плащи.

Приказ был передан по рядам. Галад снял доспехи и завернул их в плащ, потом привязал получившийся узел на спину. Он постарался как можно выше закатать штаны, спустился по пологому берегу и вошел в мутную воду. Ледяная ключевая вода заставила его напрячься. Сапоги зачерпнули воды и на несколько дюймов увязли в песчаном дне, вызвав мутные водовороты. За спиной с громким всплеском в воду зашел Стойкий.

Идти было нетрудно — вода едва доходила до колен. Щупая дно палкой, он старался найти путь получше. Эти голые, гибнущие

деревья действовали на нервы. Не похоже, чтобы они гнили, а теперь, вблизи, он мог различить среди лишайника, покрывавшего их ветви и стволы, пепельно-серый пух.

За спиной с громкими всплесками входило в реку все больше и больше Детей. Рядом по реке, стучаясь о камни, проплывали округлые силуэты. Некоторые были трупами людей, но большая часть была крупнее. *«Это мулы, — понял он, присмотревшись к морде одного из них. — Десятки туш».*

Судя вздутию, они были мертвы уже давно.

Скорее всего, на какую-то расположенную вверх по течению

деревню был совершен налет ради провизии. Это были уже не первые попадавшиеся им на пути мертвецы.

Он добрался до противоположного берега и выбрался на сушу. Опустив штанины и надев доспехи и плащ, он почувствовал, как ност плечо от заработанных от Валды ударов. Бедро тоже болело.

Он повернулся и пошёл вдоль звериной тропы на север, возглавив остальных переправившихся. Ему хотелось сесть верхом на Стойкого, но он не посмел. Несмотря на то, что они выбрались на берег, земля была влажной, неровной и испещрённой скрытыми ямами. Поездка верхом могла легко стоить Стойкому

сломанной ноги, а ему самому пробитой головы.

Так что им с его товарищами оставалось только идти пешком в окружении посеревших деревьев, изнывая от нестерпимой жары. Он соскучился по доброй ванне.

Со временем с ним поравнялся Тром.

— Все переправились успешно, — он взглянул на небо. — Чтоб этим облакам сгореть. Никак не пойму, который час.

— Четыре пополудни, — ответил Галад.

— Ты уверен?

— Да.

— Разве мы не собирались

остановиться в полдень, чтобы
обсудить наши дальнейшие
действия?

Совещание было запланировано
сразу после того, как они выберутся
из болота.

— Сейчас выбор у нас
невелик, — ответил Галад. — Я
поведу людей на север, в Андор.

— Детей там не особо...
привечали.

— Мне принадлежит часть
земель в провинции на северо-
западе. Меня оттуда не прогонят, кто
бы сейчас ни сидел на троне.

Ниспошли Свет, чтобы на
Львином Троне была Илэйн.
Ниспошли Свет, чтобы она избежала

сетей Айз Седай, хотя он страшился худшего. Есть многие, кто мог использовать её как пешку, и не в последних рядах был ал'Тор. Она была упрямой, поэтому ею было легко манипулировать.

— Нам понадобятся припасы, — заметил Тром. — Фураж тяжело достать. Все больше деревень по пути оказываются брошенными.

Галад кивнул. Резонное замечание.

— Но план хороший, — продолжил Тром и понизил голос. — Должен сказать, Дамодред, я боялся, что ты откажешься от руководства.

— Я не мог. Бросить Детей в такой момент, убив их предводителя,

было бы неправильно.

Тром улыбнулся.

— Для тебя все очевидно, не так ли?

— Это должно быть очевидно всем, — Галаду *пришлось* занять предложенный пост. Выбора у него не было. — Грядет Последняя Битва, и Дети Света пойдут в бой. Мы *будем* сражаться, даже если придется вступить в союз с самим Возрождённым Драконом.

Некоторое время назад Галад не был уверен насчет ал'Тора. Безусловно, Дракону Возрождённому придется сражаться в Последней Битве. Но был ли ал'Тор этим человеком, или он был лишь

марионеткой Белой Башни, а вовсе не истинным Возрождённым Драконом? Небо стало слишком тёмным, а земля действительно умирала. Ал'Тор *должен* быть Возрождённым Драконом, но это не значило, что он не марионетка Айз Седай.

Вскоре они вышли из рощи сухих серых деревьев и добрались до более нормальных. На них все равно были пожухлые листья и чересчур много омертвелых ветвей, но это было лучше пуха.

Спустя примерно час Галад заметил вернувшегося Чадо Барлетта. Разведчик был худым, со шрамом на щеке. Галад поднял руку в

приветствии:

— Ну, что скажешь?

Барлетт отдал честь, прижав руку к груди.

— Болото заканчивается, и через милю лес редееет, милорд Капитан-Командор. Поле за лесом открытое и пустое. Путь на север чист.

«*Благодарение Свету!*» — подумал Галад. Он кивнул Барлетту, и тот поспешил обратно через лес.

Галад оглянулся на колонну солдат. Они были перемазаны, взмылены и устали, но внушали почтение своим видом — доспехи в порядке, лица решительны. Они последовали с ним в это проклятое

болото. Они были отличными ребятами.

— Передайте весть другим Лордам-Капитанам, Тром, — приказал Галад. — Пусть они расскажут своим легионам. Через час мы все выберемся отсюда.

Старший товарищ улыбнулся, чувствуя не меньшее, чем Галад, облегчение. Сжав зубы и преодолевая боль в ноге, Галад пошел дальше. Рана была хорошо перебинтована, так что опасность ухудшения была невелика. Болело сильно, но с болью можно жить.

Они наконец-то выбрались из этой лужи! Следующий маршрут нужно будет выбирать тщательнее,

чтобы держаться подальше от любых городов, крупных трактов и поместий влиятельных лордов. Он вновь припомнил карты, которые вызубрил ещё в девять лет.

Он был поглощен этим, когда желтый навес листвы над головой стал редеть, и между веток полился свет скрытого за облаками солнца. Вскоре он заметил поджидавшего на краю леса Барлетта. Лес кончился внезапно, почти так же точно, как линия, проведенная на карте.

Галад вздохнул с облегчением, радуясь мысли, что скоро вновь окажется в открытом поле. Он вышел из-под деревьев. И только тогда справа на холме стала появляться

огромная армия.

Под лязг доспехов и ржание лошадей на вершине холма выстроились тысячи солдат. Некоторые были Детьми Света в кольчугах с нагрудниками и начищенных до блеска островерхих шлемах. Сияли незапятнанные табарды и плащи, на груди каждого сверкал знак солнечной вспышки. Вздвигались в небо ряды копий. Но большинство солдат были пешими и в простых кожаных доспехах вместо белых одежд Детей Света. Вероятно, это были предоставленные Шончан амадийцы. Многие были вооружены луками.

Галад отшатнулся, схватившись

за меч. Но он уже понял, что попал в ловушку. Немалое число Детей носили униформу, украшенную знаком Вопрошающих — посохом Десницы Света. По сравнению с простыми Детьми Света, которые были пламенем, призванным выжигать зло, Вопрошающие были бушующим костром.

Галад сделал быстрые подсчеты. От трёх до четырёх тысяч Детей и еще от шести до восьми тысяч пехотинцев, из которых почти половина вооружена луками. Итого, десять тысяч свежих солдат. Его сердце замерло.

Тром, Борнхальд и Байар выскочили из леса следом во главе

группы Детей. Тром тихо выругался.

— Значит, — Галад обернулся к разведчику Барлетту, — ты предатель?

— Нет, это ты предатель, Чадо Дамодред, — не моргнув глазом, ответил разведчик.

— Да, — согласился Галад, — думаю, можно считать и так.

Весь этот путь по болотам был предложен его разведчиками. Теперь Галаду стало ясно: это была просто такая тактика, чтобы их задержать, пока их обойдет Асунава. Кроме того, после такого марша его люди вымотались, а войска Асунавы были отдохнувшими и в полной боеготовности.

Скрипнул меч в ножнах.

Галад, не оборачиваясь, вскинул руку.

— Мир, Чадо Байар.

Именно Байар был бы тем, кто схватился бы за оружие — скорее всего, чтобы зарубить Барлетта.

Возможно, что-то еще можно спасти. Галад немедленно принял решение.

— Чадо Байар и Чадо Борнхальд, останьтесь со мной. Тром, ты с остальными Лордами-Капитанами выводи людей строиться в поле.

Большая группа людей из первых шеренг войска Асунавы поскакала вниз по склону холма.

Большинство из них было отмечено посохом Вопрошающих. Они могли бы захлопнуть ловушку и быстро покончить с Галадом. Вместо этого они направились на переговоры. Хороший знак.

Преодолевая боль в раненной ноге, Галад сел в седло. Байар с Борнхальдом тоже сели на лошадей и последовали за ним на поле. Из-за плотного ковра пожелтевшей травы стук лошадиных копыт звучал приглушенно. Среди выехавших им навстречу оказался Асунава собственной персоной. У него были густые седые брови, и он был настолько худым, что казался больше похожим на куклу из палочек, на

которые была натянута ткань для имитации кожи.

Асунава не улыбался. Он редко когда улыбался.

Галад прищепил лошадь и выехал навстречу Верховному Инквизитору. Асунаву окружало несколько телохранителей из числа Вопрошающих, но его также сопровождали пять Лордов-Капитанов. За свою короткую службу у Детей Света Галад с каждым из них познакомился лично: либо встречался с ними, либо служил под их началом.

Асунава наклонился вперед, прищулив запавшие глаза:

— Твои мятежники строятся.

Передай им отставить это дело, или мои лучники начнут стрелять.

— Ты же не будешь пренебрегать кодексом ведения боя? — уточнил Галад. —

Прикажешь стрелять в людей, пока они готовятся к бою? Где твоя честь?

— Приспешники Тени не заслуживают чести, — рявкнул Асунава. — И не заслуживают никакой жалости.

— Значит, ты обвиняешь нас, что мы Приспешники Тени? — спросил Галад, слегка повернув лошадь. — Все семь тысяч? Обвиняешь всех тех, кто служил под командованием Валды? Тех, кто служил вместе с твоими

собственными людьми, вместе ел, был знаком и дрался бок о бок? И, наконец, тех, за кем ты присматривал лично всего два месяца назад?

Асунава запнулся. Назвать семь тысяч Детей Света Приспешниками было бы глупостью, поскольку это означало бы, что к Тени переметнулись двое из трех оставшихся в живых Детей.

— Нет, — ответил Асунава. — Возможно, они просто... запутались. Даже хорошие люди могут забрести на тёмную тропу, если их лидеры Приспешники Тени.

— Я не Приспешник, — ответил Галад, глядя Асунаве прямо в глаза.

— Отдайся в мои руки для

допроса и подтверди это.

— Лорд Капитан-Командор не подчиняется никому, — ответил Галад. — Во имя Света, я приказываю *тебе* отступиться.

Асунава рассмеялся.

— Чадо, мы приставили нож к твоему горлу! У *тебя* есть шанс сдаться!

— Голевер, — обратился Галад к Лорду Капитану слева от Асунавы. Голевер был долговязым бородатым мужчиной, жестким до пределов, но он был честным, — Скажи мне, разве Чада Света сдаются?

В ответ Голевер покачал головой:

— Никогда. Свет помогает нам

побеждать.

— А если нам противостоят превосходящие силы? — продолжил Галад.

— Мы продолжаем сражаться.

— А если мы устали и изранены?

— Нас защитит Свет, — ответил Голевер. — А если настало время умереть, да будет так. Мы заберем столько врагов, сколько сможем.

Галад вернулся к Асунаве.

— Как видишь, я загнан в угол. Сражаться означает позволить тебе назвать нас Приспешниками Тьмы, а сдаться — нарушить присягу. Во имя моей чести Лорда Капитана-Командора я не могу принять ни

того, ни другого.

Асунава помрачнел.

— Ты *не* Лорд Капитан-Командор. Он погиб.

— От моей руки, — ответил Галад, вытаскивая оружие так, чтобы на свету сверкнули цапли. — Поэтому я взял его меч. Или ты отрицаешь, что лично наблюдал наш честный бой с Валдой, как то предписано законом?

— Может, законом и предписано, — сказал Асунава. — Но я бы не назвал бой честным. Тебя поддерживали силы Тени. Я видел, что ты стоишь в темноте, несмотря на дневной свет, и Коготь Дракона начертан на твоём челе. У Валды не

было шансов.

— Харнеш, — сказал Галад, обернувшись к Капитану справа от Асунавы. Тот был невысоким, лысым и одноухим. Ухо он потерял в бою с Принявшими Дракона. — Скажи, разве Тень сильнее Света?

— Конечно же нет, — ответил тот, сплюнув в сторону.

— Будь правда на стороне Лорда Капитан-Командора, разве он проиграл бы мне поединок в Свете? И будь я Приспешником Тени, разве я смог бы одолеть самого Лорда Капитан-Командора?

Харнеш не ответил, но Галад чуть ли не видел мысли в его голове. Порой Тень проявляет свою силу, но

Свет всегда разоблачает и поражает тьму. Лорд Капитан-Командор мог пасть от руки Приспешника Тени — любой мог пасть — но на дуэли перед лицом других Детей Света? На дуэли чести в Свете?

— Иногда Тень бывает сильной и изворотливой, — вмешался Асунава до того, как Галад успел задать следующий вопрос. — И порой хорошие люди умирают.

— Вы все знаете, что сделал Валда, — ответил Галад. — Моя мать мертва. Разве есть хоть один довод против моего права вызвать его на бой?

— У тебя нет никаких прав, проклятый Приспешник Тени! И я

прекращаю переговоры с тобой, убийца.

Асунава взмахнул рукой, и несколько Вопрошающих выхватили мечи. Спутники Галада немедленно сделали то же самое. За спиной он слышал, как уставшие войска поспешно занимают позиции.

— Что же станется с нами, Асунава, если Дети Света будут сражаться друг с другом? — тихо спросил Галад. — Я не сдамся и не стану нападать, но мы могли бы объединиться. И не как враги, а как братья, какое-то время жившие врозь.

— Я не братаюсь с Приспешниками Тени, — ответил Асунава, хотя было видно, что он

колеблется. Он смотрел на солдат Галада. Асунава выиграет бой, но если бойцы Галада не отступят, то это будет победа, купленная большой кровью. Обе стороны понесут огромные потери.

— Я отдамся в твои руки, но на определенных условиях, — сказал Галад.

— Нет! — выкрикнул из-за спины Борнхальд, но Галад поднял руку, заставив его замолчать.

— На каких еще условиях? — спросил Асунава.

— Ты поклянешься перед Светом и Лордами Капитанами, что пришли с тобой, что вы не причините вреда, не станете

допрашивать или как-либо иначе притеснять тех, кто следовал за мной. Они всего лишь делали то, что считали правильным.

Глаза Асунавы превратились в щелки, а губы вытянулись в нитку.

— Включая моих товарищей, находящихся здесь, — продолжил Галад, кивнув на Байара и Борнхальда. — Всех моих людей, Асунава. Ни один из них *не должен* подвергнуться допросу.

— Ты не смеешь препятствовать долгу Десницы Света! Твое условие развяжет им руки для помыслов о Тени!

— Разве, Асунава, мы идем в Свете только из страха перед

допросом? — задал вопрос Галад. — Разве Дети Света не храбры и честны?

Асунава промолчал. Галад закрыл глаза, чувствуя всю тяжесть руководства. Каждая секунда задержки усиливает позицию его людей на этих переговорах. Он открыл глаза.

— Грядет Последняя Битва, Асунава. У нас нет времени на дразги. Возрождённый Дракон ходит по земле.

— Ересь! — воскликнул Асунава.

— Да, — согласился Галад. — Но в то же время это правда.

Асунава скрипнул зубами, но

было видно, что он размышляет над предложением.

— Галад, — тихо сказал Борнхальд. — Не делай этого. Мы можем сражаться. Свет защитит нас!

— Если мы будем сражаться, по нашей вине погибнут хорошие люди, Чадо Борнхальд, — ответил Галад, не оборачиваясь. — Каждый удар наших мечей будет на пользу Тёмному. Дети Света — единственная истинная опора, которая осталась у этого мира. Мы нужны. Если для объединения требуется моя жизнь, да будет так. И я верю, что на моем месте ты поступил бы так же.

Он взглянул в глаза Асунаве.

— Взять его, — выпалил

Асунава с досадой. — И передайте легионам отступить. Скажите, что я забираю самозванного Лорда Капитан-Командора на допрос, чтобы определить масштаб его преступлений, — он помедлил. — Да, и ещё скажите, что те, кто за ним следовал, не будут ни наказаны, ни допрошены. — Асунава развернул лошадь и ускакал.

Галад перевернул свой меч и передал его Борнхальду.

— Возвращайся к нашим товарищам и расскажи о том, что здесь произошло. Удержи их от боя и попыток меня освободить. Это приказ.

Борнхальд встретился с ним

взглядом и медленно взял меч. Наконец, он отдал честь Галаду.

— Да, милорд Капитан-Командор.

Едва они развернулись, чтобы ехать обратно, как грубые руки схватили Галада и вытащили из седла Стойкого. От удара о землю у него вырвался хрип, когда грудь пронзила острая боль от раненого плеча. Он попытался подняться на ноги, но несколько Вопрошающих спешили и вновь сбили его на землю.

Один прижал его к земле, поставив ногу ему на спину, и Галад слышал скрежет металла вынимаемого из ножен кинжала. Они срезали с него доспехи и одежду.

— Ты не будешь носить униформу Чада Света, Приспешник Тени, — произнес один из Вопрошающих ему на ухо.

— Я не Приспешник Тени, — возразил прижатый лицом к траве и земле Галад. — Я никогда не произнесу подобную ложь. Я иду в Свете.

В ответ он заработал пинок в бок, потом ещё и ещё. Охая, он свернулся калачиком. Но удары продолжали сыпаться один за другим.

Наконец его поглотил мрак.

* * *

Тот, кто некогда был Паданом Фейном, спускался по склону холма. Бурьян рос рваными лоскутами, словно щетина на подбородке нищего.

Небо было чёрным. Штормовым. Ему это нравилось, пусть он и ненавидел того, кто был этому причиной.

Ненависть. Она была доказательством того, что он ещё живет, единственная сохранившаяся в нем эмоция. Единственная из возможных.

Всепоглощающая. Возбуждающая. Прекрасная. Согревающая. Неистовая. Ненависть. Чудесно. Это была его собственная

буря, дающая ему силы, путеводную цель. Ал'Тор умрет. От его руки. И, возможно, после этого — Темный. Как чудесно...

Тот, кто некогда был Паданом Фейном, прикоснулся к своему красивому кинжалу, ощутив изгибы узоров изящной золотой проволоки, обвивающей рукоять, которую венчал крупный рубин. Он нёс обнаженное оружие в правой руке, просунув клинок между большим и указательным пальцами. Те были порезаны больше дюжины раз.

С кончика кинжала на траву капала кровь. Темно-красные пятна радовали глаз. Красное внизу, чёрное сверху. Идеально. Может, это его

ненависть вызвала эту бурю? Должно быть так. Да.

Капли крови отмечали его путь все дальше на север, в Запустение, падая возле пятен тьмы, появившейся на мертвых листьях и стеблях.

Он был безумен. Это хорошо. Когда впускаешь безумие внутрь себя — принимаешь его и упиваешься им, словно солнечным светом, водой или воздухом — оно становится лишь частью тебя. Словно рука или глаз. Ты можешь видеть безумием. Ты можешь держать вещи безумием. Это чудесно. Это дарует свободу.

Наконец-то он был свободен.

Тот, кто некогда был Мордетом, достиг подножья холма, ни разу не

оглянувшись на большую багряную массу, оставленную на его вершине. Убивать червей по всем правилам было довольно грязным занятием, но есть вещи, которые нужно делать правильно. Таков порядок вещей.

За ним, поднимаясь с земли, начал стелиться туман. Был ли этот туман его безумием, или то была его ненависть? Он был таким знакомым. Туман обвивался вокруг его лодыжек и лизал ему пятки.

Что-то мельком выглянуло из-за соседнего холма, осмотрелось и нырнуло обратно. Черви умирали шумно. Они *всё* делали шумно. Стая червей могла уничтожить целый легион. Услышав их, нужно бежать в

противоположную сторону — и побыстрее. Но, с другой стороны, было бы полезно отправить разведчиков попробовать определить направление движения стаи, чтобы, продолжив путь, снова не столкнуться с ней где-нибудь еще.

Поэтому тот, кто когда-то был Паданом Фейном, не удивился, увидев, обойдя холм, группу взволнованных троллоков и возглавлявшего их Мурддраала.

Он улыбнулся. *«Мои друзья»*. Давно не виделись.

Их звериным мозгам потребовалось мгновение, чтобы прийти к очевидному, но ошибочному выводу: если по округе

слоняется человек, то червей *не может* быть рядом. Они бы почуяли его кровь и явились за ним. Троллокам черви предпочитали людей. Это было логично. Тот, кто некогда был Мордетом, пробовал на вкус и тех, и других, и ничего не мог сказать в пользу троллоков.

Разношёрстная группа троллоков — перья, клювы, когти, зубы, бивни — рванула вперед. Тот, кто когда-то был Фейном стоял неподвижно, туман лизал его босые ноги. Как чудесно! Мурддраал, державшийся в тылу группы, колебался, устремив на него свой безглазый взор. Возможно, он что-то почувствовал. Что-то здесь было

очень, очень неправильно. И вместе с тем, конечно, правильно. Одно без другого не возможно. Бессмысленно.

Тот, кто некогда был Мордетом, — скоро ему понадобится новое имя — широко улыбнулся.

Мурддраал бросился бежать прочь.

Туман ударил.

Стремительно двигаясь, он накатил на троллоков будто щупальца левиафана, обитавшего в Океане Арит. Лоскуты тумана устремились вперед, пронзая грудные клетки троллоков. Один длинный канатовидный отросток хлестнул над их головами, затем расплывчатым

пятном рванул вперед и схватил Исчезающего за шею.

Троллоки падали, пронзительно крича и корчась в судорогах. С них клочьями спадала шерсть, а кожа начала *закипать*, порождая волдыри и пузыри. Когда они лопались, на коже Отродий Тени оставались кратероподобные отметины, словно пузырьки на поверхности слишком быстро охлажденного металла.

Тот, кто некогда был Паданом Фейном, наслаждаясь пиршеством, в восторге открыл рот и, вскинув лицо, устремил взгляд закрытых глаз к бурным черным небесам. Когда все закончилось, он вздохнул, сжав кинжал и разрезав собственную

плоть.

Красное внизу, чёрное вверху.
Красное и чёрное, красное и чёрное,
так много красного и чёрного. Как
чудесно.

Он продолжил свой путь через
Запустение.

За его спиной на ноги
поднимались искажённые троллоки
и начинали, пошатываясь, двигаться.
Они истекали слюной, взгляд их глаз
стал тупым и бессмысленным, но по
его желанию они будут действовать с
бешеной кровожадностью,
превосходящей ту, что ощущали при
жизни.

Мурддраала он бросил. Вопреки
сказкам тот уже не воскреснет.

Таким как он, его теперешнее прикосновение несло мгновенную гибель. А жаль. У него сохранилось несколько гвоздей, которым, в противном случае, он нашёл бы отличное применение.

Быть может, нужно раздобыть какие-нибудь перчатки. Но в таком случае он не сможет резать свою руку. Вот проблема.

Но не важно. Вперед. Пришло время убить ал'Тора.

Его печалило, что охота подходит к концу. Но в ней больше не было смысла. Какая же это охота, если знаешь *точно*, где будет жертва. Ты просто идешь ей навстречу.

Словно со старым приятелем

или с любимым другом, которому ты собираешься выбить глаз, выпустить кишки и сожрать все горстями, запивая его кровью. Именно так должно обращаться с друзьями.

Это честь.

* * *

Маленарин Рэй просматривал отчёты о снабжении. Треклятый ставень на окне позади его стола снова с громким стуком распахнулся, пуская внутрь влажный жар Запустенья. Даже прослужив десять лет командиром Башни Хит, он так и не привык к жаре в горах — сырой,

удушливой, наполняющей воздух запахом гниения.

Свистящий ветер продолжал греметь деревянным ставнем. Маленарин встал и закрыл створку, а, чтобы она больше не открывалась, обмотал ручку куском бечёвки.

Вернувшись за стол, Маленарин принялся изучать список солдат, прибывших с пополнением. Рядом с каждым именем были указаны их дополнительные навыки — солдатам здесь приходилось занимать по две и более должности. Умение перевязывать раны. Хороший бегун для доставки посланий. Острое зрение для стрельбы из лука. Способность придавать привычному

вареву новый вкус. Последним Маленарин всегда уделял особое внимание. Любой повар, способный заставить солдат с охотой поедать свою порцию стряпни, был на вес золота.

Маленарин отложил список в сторону, придавив его служившим для этой цели налитым свинцом троллочьим рогом. Следующим в стопке оказалось письмо от человека по имени Баррига, купца, собиравшегося прибыть в башню со своим караваном поторговать. Маленарин улыбнулся; он был в первую очередь солдатом, но он также носил на груди три серебряных цепи, отмечавших его как

магистра торговли. И, хотя большую часть припасов его башня получала напрямую от Королевы, ни одному кандорскому командиру не было отказано в возможности поторговать с купцами.

Если ему повезёт, он напоит этого иноземного торговца прямо за столом переговоров. Многие купцы поплатились годом военной службы за нарушение условий сделки с Маленарином. Год муштры в королевских войсках часто шёл пухлым иностранным купцам на пользу.

Маленарин поместил письмо под троллочий рог. Последний листок в стопке заставил его

помедлить. Это было напоминание от управляющего. Приближался день четырнадцатых именин его старшего сына, Кимлина. Как будто он мог об этом забыть! Напоминание было излишним.

Маленарин улыбнулся, придавив записку троллочьим рогом на случай, если ставень вновь распахнётся. Троллока, носившего этот рог, он убил сам. Затем он подошёл к стоящему у стены потрепанному дубовому сундуку и открыл крышку. Среди прочего имущества внутри лежал обёрнутый тканью меч в ухоженных, но выцветших от времени коричневых ножнах, хорошо смазанных маслом. Меч его отца.

Через три дня он вручит его Кимлину. В Порубежье мальчик становится мужчиной в свои четырнадцатые именины — в день, когда он получает свой первый меч и начинает сам отвечать за себя. Кимлин старательно обучался воинским приемам под началом самых строгих инструкторов, каких Маленарин только мог найти. Скоро его сын станет мужчиной. Как же быстро летит время.

С гордостью вздохнув, Маленарин закрыл сундук, поднялся и вышел из кабинета, исполнять свои повседневные обязанности. Башня вмещала двести пятьдесят солдат и была мощным оборонительным

укреплением для надзора за Запустением.

Исполнять долг значит обретать честь, так же как нести бремя означает становиться сильнее. Наблюдать за Запустением было его долгом и его силой, а теперь, когда на севере собиралась странная буря, а Королева и большая часть кандорской армии отправилась искать Возрождённого Дракона, это было особенно важно. Маленарин закрыл дверь своего кабинета и задвинул потайной засов, блокировавший её изнутри. В коридоре было несколько таких дверей, и враг, штурмующий башню, не знал, которая из них ведёт к

лестнице наверх. Таким образом, небольшой кабинет оказывался частью обороны башни.

Маленарин направился к лестнице. С первого уровня нельзя было попасть на эти верхние — нижние сорок футов башни были ловушкой. Враг, ворвавшийся на первый уровень и прошедший три этажа казарм, обнаруживал, что на четвёртый этаж пути нет. Единственным способом попасть туда был узкий сбрасываемый пандус с наружной стороны башни, соединявший второй и четвёртый уровни. Взбирающийся по нему противник был полностью открыт для стрел сверху. А когда часть врагов

прорывалась, кандорцы обрушивали пандус, разделяя силы противника и обрекая отрезанных на смерть, пока остальные силы ищут путь наверх внутри башни.

Маленарин поднимался быстрым шагом. Периодические бойницы по бокам ступенек позволяли лучникам обстреливать захватчиков, поднимавшихся по нижним лестничным пролетам. Преодолев полпути, он услышал шаги кого-то, спешащего навстречу. В следующую секунду из-за поворота показался Джарген, сержант дозора. Как и многие кандорцы, он носил раздвоенную бороду; его чёрные волосы были тронуты сединой.

Джарген вступил в Дозор Запустения на следующий же день после своих четырнадцатых именин. Рукав его коричневой формы был обвязан шнуром в районе плеча; каждый узел на нём означал убитого им троллока. Узлов было уже почти полсотни.

Джарген отдал честь, прижав руку к груди, затем опустил ладонь на рукоятку меча в знак уважения к своему командиру. Во многих странах это было бы оскорблением, ведь южане были такими капризными и вспыльчивыми. Неужели они не понимали, что, касаясь меча в присутствии командира, они оказывали ему честь,

считая его достойным противником?

— Милорд, — хрипло сказал Джарген, — сигнал с Башни Рена.

— Что? — переспросил Маленарин. Теперь они вдвоём спешно поднимались наверх.

— Сомнений нет, сэр, — ответил Джарген. — Сам его видел, своими глазами. Всего лишь одна вспышка, но она точно была.

— Поправку присылали?

— Сейчас уже могли и прислать. Я сразу побежал за вами.

Если бы было что-то ещё, Джарген уже бы сказал, поэтому Маленарин не стал понапрасну сотрясать воздух и выпрашивать дальше. Вскоре они уже были на

вершине башни, где размещалось огромное устройство, состоящее из зеркал и ламп. С помощью этого прибора с башни можно было посылать сообщения на запад и на восток, где по границе Запустения тянулись другие башни, а также на юг вдоль линии башен, ведущей к Айздайшарскому дворцу в Чачине.

Его башню окружало бескрайнее холмистое плато кандорского нагорья. Часть южных холмов до сих пор окаймлял легкий утренний туман. Там, на юге, земля, не затронутая неестественной жарой, скоро покроется зеленью, и кандорские пастухи поведут своих овец пастись на горных пастбищах.

К северу лежало Запустение. Маленарин как-то читал о временах, когда его едва можно было разглядеть с этой башни. Теперь же оно подходило почти к самому её основанию. Башня Рена находилась к северо-западу. Её командир — Лорд Ниах из Дома Окатома — был дальним родственником и хорошим другом Маленарина. Он не стал бы посылать сигнал без причины, а в случае ошибки отправил бы отмену.

— Другие сигналы были? — спросил Маленарин.

Дежурные солдаты покачали головами. Джарген начал постукивать ногой, а Маленарин сложил руки на груди в ожидании

поправки.

Молчание. Башня Рена стояла внутри Запустения, так как находилась севернее Башни Хит. Но обычно это не вызывало неприятностей. Даже самые грозные твари Запустения знали, что кандорские башни лучше не трогать.

Поправок не приходило. Ни единого мерцания.

— Отправьте на Рену сообщение, — сказал Маленарин. — Спросите, была ли эта вспышка случайной. Затем запросите Башню Фармэй, не заметили ли они чего-нибудь необычного.

Джарген отправил людей выполнять приказ, но при этом

бросил на Маленарина хмурый взгляд, будто бы спрашивая: «Ты думаешь, я этого ещё не сделал?»

Это означало, что сообщения уже были отосланы, но ответ так и не пришёл. К свисту ветра на крыше добавился скрежет стали зеркальных приборов, с помощью которых солдаты отсылали очередную серию вспышек. Ветер был влажным. И очень горячим. Маленарин поднял взгляд к небу — туда, где клубилась и бушевала всё та же чёрная буря. Казалось, она притихла.

Это его сильно беспокоило.

— Отправьте сообщение в другую сторону, — сказал он, — на тыловые башни. Передайте им то,

что мы видели. Предупредите, чтобы были готовы к неприятностям.

Солдаты приступили к работе.

— Сержант, — продолжил Маленарин, — кто следующий гонец по списку?

Гарнизон башни включал небольшую группу юношей, отличных наездников. Если командиру нужно было обойтись без зеркал, он мог послать этих легких ребят на быстрых скакунах. Зеркала были быстрее, но свет мог заметить враг. Кроме того, если бы линия башен была нарушена или прибор бы вышел из строя, то понадобился бы другой способ передать весть в столицу.

— Следующий... — ответил Джарген, сверяясь со списком, прикреплённым к внутренней стороне двери на крышу, — это Кимлин, милорд.

Кимлин. Его Кимлин.

Маленарин посмотрел на северо-запад, на безмолвную башню, пославшую тот зловещий сигнал.

— Сообщите мне, если будет хотя бы намёк на ответ от других башен, — обратился Маленарин к солдатам. — Джарген, за мной.

Вдвоём они поспешили вниз по ступенькам.

— Нужно послать гонца на юг, — сказал Маленарин, затем остановился. — Нет. Нет, нужно

послать несколько гонцов. Двоих. На случай, если башни падут. — Он вновь двинулся вперёд.

Спустившись по лестнице, они вошли в кабинет Маленарина. Там он схватил своё лучшее перо с полки на стене. Этот треклятый ставень снова раскачивался и стучал на ветру. Зашелестев бумагой, он вытащил чистый лист.

«Рена и Фармэй не отвечают на вспышки. Возможно, захвачены или в трудном положении. Будьте бдительны. Хит выстоит».

Маленарин свернул листок и передал его Джаргену. Тот взял его твёрдой рукой, прочитал, затем пробормотал:

— Значит, две копии?

— Три, — ответил

Маленарин. — Собери лучников и отправь их на крышу. Скажи им, что опасность может прийти сверху.

Если он не просто шарахался от теней — если башни по обе стороны от Хит так быстро пали — с башнями к югу могло произойти то же самое. И если бы нападение организовывал он, то он сделал бы всё возможное, чтобы сначала незаметно прокрасться и захватить одну из южных башен. Это был

лучший способ добиться того, чтобы ни одно сообщение не достигло столицы.

Джарген отдал честь, приложив кулак к груди, и удалился. Сообщение будет отослано немедленно: трижды понесется вскачь на лошадях и один раз — с помощью света. Маленарин позволил себе ощутить небольшое облегчение, ведь его сын был одним из тех, кто отправлялся в безопасное место. В этом не было никакого позора; послания нужно было доставить, а Кимлин был следующим по списку.

Маленарин выглянул из окна. Оно смотрело на север, в Запустение. Так было в кабинете каждого

командира. За окном кипела буря. Казалось, что серебристые облака порой принимали правильную геометрическую форму. Маленарин внимательно выслушивал проезжавших мимо торговцев. Наступали беспокойные времена. Королева не ушла бы на юг в поисках Лжедракона, каким бы ловким и влиятельным он ни был. Она верила.

Пришло время Тармон Гай'дон. Когда Маленарин вглядывался в эту бурю, ему казалось, что он видит конец самого времени. Конец, который был вовсе не так уж далёк. Тьма сгущалась. И на земле под ней, к северу, тоже становилось темно.

И эта тьма приближалась.

Маленарин выскочил из комнаты и помчался вверх по ступеням на крышу, где среди перемещавших зеркала людей бушевал ветер.

— Сообщение на юг уже отправили? — спросил он.

— Да, сэр, — ответил лейтенант Ландалин. Его вызвали, чтобы он принял командование на крыше башни. — Ответа пока нет.

Взглянув вниз, Маленарин различил трёх всадников, удалявшихся от башни на полном скаку. Гонцы отбыли. Они остановятся в Барклане, если на него еще не напали. Оттуда местный капитан, на всякий случай, отправит

их дальше на юг. А если Барклан не выстоял, парни сами поскачут дальше, если будет нужно — до самой столицы.

Маленарин вновь повернулся к буре. Эта приближающаяся тьма выводила его из себя. Она наступала.

— Поднять щиты на стены, — приказал он Ландалину. — Вскрыть запоры хранилищ и освободить подвалы. Пусть заряжающие соберут все стрелы и организуют пункты пополнения для лучников. Расставить стрелков у всех узких мест, бойниц и окон. Поставить котлы на огонь, назначить людей для сброса внешних пандусов. Приготовиться к осаде.

Солдаты поспешили выполнять приказы, выкрикиваемые Ландалином. Маленарин услышал шорох сапог позади себя и оглянулся. Джарген вернулся?

Нет. Это был юноша почти четырнадцати лет, ещё слишком молодой для бороды, с взъерошенными тёмными волосами. Пот градом катился по его лицу, видимо, после подъёма на седьмой уровень башни бегом.

Кимлин. Маленарин почувствовал укол страха, тут же сменившийся злостью.

— Солдат! Тебе было приказано доставить послание!

Кимлин закусил губу.

— Видите ли, сэр, — заговорил он, — Тиан, четвёртый после меня в списке, легче меня на пять, а может, даже на десять фунтов. Это большая разница, сэр. Он скачет намного быстрее, а я подумал, что послание очень важное. Поэтому я попросил отправить его вместо меня.

Маленарин нахмурился. Мимо них проносились солдаты, сбегая вниз по лестнице или собираясь с луками по краям башни. Снаружи завывал ветер, слышались тихие — но настойчивые — звуки грома.

Кимлин встретил его взгляд.

— Мать Тиана, Леди Ябет, потеряла в Запустении четырёх сыновей, — сказал он так тихо, что

только Маленарин мог его слышать. — Кроме Тиана у неё никого больше не осталось. Если кому-то и должен был выпасть шанс выбраться отсюда, сэр, то я решил, что это должен быть он.

Маленарин смотрел сыну в глаза. Мальчик понимал, что их ждало. Помоги ему Свет, он понимал. И послал другого вместо себя.

— Кралле! — рявкнул Маленарин, взглянув на одного из проходивших мимо солдат.

— Да, милорд Командор?

— Спустись в мой кабинет, — сказал он. — В моём дубовом сундуке лежит меч. Принеси его.

Солдат отдал честь и отправился исполнять приказ.

— Отец? — заговорил Кимлин. — Мои именины только через три дня.

Маленарин ждал, заложив руки за спину. Сейчас его самой главной задачей было находиться на своем посту, на виду у солдат и вселять в них уверенность. Кралле вернулся с мечом, на поношенных ножнах которого был изображён горящий дуб. Знак Дома Рэй.

— Отец... — повторил Кимлин. — Я...

— Это оружие вручается мальчику, когда он становится мужчиной, — перебил его

Маленарин. — Кажется, с этим мы запоздали, сынок. Передо мной уже стоит мужчина.

Он держал меч в вытянутой правой руке. Солдаты на крыше повернулись в его сторону: стрелки с луками наготове; люди, работавшие с зеркалами; дозорные на дежурстве. Все они были Порубежниками, и все они получили мечи на свои четырнадцатые именины. У каждого из них когда-то перехватывало дыхание от этого замечательного ощущения достигнутого совершеннолетия. Такое происходило с каждым из них, но это не умаляло значения сегодняшнего события.

Кимлин опустил на одно

колено.

— Зачем ты обнажаешь меч? — громко спросил Маленарин, чтобы каждый человек на крыше башни его слышал.

— Для защиты моих чести, семьи или родины, — ответил Кимлин.

— До каких пор ты сражаешься?

— Пока мой последний вздох не сольётся с северным ветром.

— Когда ты оставишь дозор?

— Никогда, — прошептал Кимлин.

— Громче!

— *Никогда!*

— Как только этот меч будет обнажён, ты станешь воином, и он

всегда будет рядом с тобой, готовый сражаться с Тенью. Готов ли ты обнажить этот клинок и присоединиться к нам мужчиной?

Кимлин поднял взгляд, затем крепко обхватил рукоять меча и вытащил его из ножен.

— Поднимайся мужем, сын мой! — объявил Маленарин.

Кимлин встал, высоко подняв меч, блестящий клинок которого отражал рассеянный солнечный свет. С крыши башни слышались одобрителные возгласы.

В такой момент не было ничего постыдного в слезах. Маленарин сморгнул их, затем встал на колени и застегнул портупею на поясе

Кимлина. Люди продолжали радостно кричать, и он знал, что это не только из-за его сына. Они кричали, бросая вызов Тени. На мгновение их голоса заглушили гром.

Маленарин поднялся и положил руку на плечо сына, пока тот убирал меч обратно в ножны. Вместе они повернулись навстречу приближающейся Тени.

— Там! — крикнул один из лучников, указывая вверх. — Что-то в облаках!

— Драгкар! — закричал другой.

Неестественные облака теперь были ближе, и отбрасываемая ими тень не могла больше скрывать накатывающуюся орду троллоков

внизу. Что-то появилось в небе, и дюжина лучников пустили стрелы. Тварь завопила и упала вниз, неуклюже хлопая тёмными крыльями.

Джарген протолкался к Маленарину.

— Милорд, — заговорил он, бросив взгляд на Кимлина, — мальчик должен быть внизу.

— Он больше не мальчик, — с гордостью ответил Маленарин. — Он мужчина. Докладывай.

— Всё готово. — Джарген выглянул за стену, невозмутимо разглядывая приближавшихся троллоков, словно осматривал лошадей на конюшне. — Это дерево

им так просто не срубить.

Маленарин кивнул. Плечо Кимлина было напряжено. Море троллоков, казалось, не имело конца. Против такого сильного врага башня в конце концов падёт. Троллоки будут атаковать без конца, волна за волной.

Но каждый человек на крыше этой башни знал свой долг. Они будут убивать Отродий Тени так долго, как смогут, в надежде выиграть время для гонцов.

Маленарин был Порубежником, как и его отец, как и его сын рядом с ним. Они знали свою задачу. Держаться, пока их не сменят.

Вот и всё.

Глава 1

ПЕРВЫМ ДЕЛОМ ЯБЛОКИ

Вращается Колесо Времени, Эпохи приходят и уходят, оставляя воспоминания, которые становятся легендой. Легенды стираются, превращаясь в мифы, и даже миф оказывается давно забыт, когда Эпоха, его породившая, приходит вновь. В одну Эпоху, которую некоторые называют Третьей, Эпоху, которая еще придёт, Эпоху, давно минувшую, над туманными пиками Имфарала поднялся ветер. Ветер не

был началом. Нет ни начала, ни конца оборотам Колеса Времени. Но некое начало было положено.

Свежий и легкий, ветер протанцевал среди горных лугов с молодой травой, схваченной морозцем. Мороз сохранился и с рассветом, который скрывали вездесущие облака, словно посмертная маска висевшие в вышине. Тучи не рассеивались уже много недель, что было заметно по блёклой, пожелтевшей траве.

Направившись на юг, ветер всколыхнул утренний туман и обдал волной холода небольшое стадо *тормов*. Животные разлеглись на плоском, испещрённом лишайником

гранитном выступе, напрасно ожидая возможности погреться в лучах утреннего солнца, которое так и не покажется. Ветер пролетел над выступом, устремившись вниз по склону, заросшему всклокоченными деревьями *мура* с лохматой корой, похожей на сученные веревки, и зелеными пучками толстых игольчатых листьев на макушках.

У основания предгорий ветер свернул на восток и промчался над открытым пространством, расчищенным солдатскими топорами от деревьев и кустарника. Простреливающаяся просека окружала тринадцать высоких башен, высеченных целиком из черного

мрамора. Каменные блоки нарочно оставили грубо обтесанными, чтобы придать им ощущение первозданной, несформировавшейся мощи. Эти башни были предназначены для войны. По традиции они пустовали. Долго ли еще это продлится? Долго ли на охваченном хаосом континенте будут помнить о самой этой традиции? Время покажет.

Ветер продолжил свой путь на восток и скоро уже играл с мачтами полусгоревших кораблей в доках Такисрома. Далее в Сонном Заливе ветер пролетел мимо нападавших — чудовищно огромных кораблей с кроваво-красными парусами. Выполнив свою мрачную работу, они

направлялись на юг.

Ветер снова вернулся на сушу, пролетев мимо дымящихся городков и деревень, равнин, покрытых выстроившимися войсками, и доков, набитых военными кораблями. Под мрачным небом хозяина доков, над умирающей травой взметались дым и боевые кличи, реяли знамёна.

Люди уже не шептали, что близится конец времён. Они об этом вопили. Равнины Покоя полыхают огнем, Башня Воронов, как и было предсказано, разрушена, а в Шондаре открыто правит убийца. Настало время поднять свой меч и выбрать, на чьей ты стороне, а затем, чтобы придать умирающей земле

окончательный цвет, пролить кровь.

Ветер, завывая, устремился сквозь знаменитые Изумрудные Скалы на восток и направился за океан. Оставшийся позади континент Шончан, казалось, дымился весь целиком.

Много часов ветер дул, образуя то, что в другую Эпоху назовут пассатами, петляя между барашками волн и тёмными, таинственными валами. Наконец ветер достиг другого континента, который притих, словно затаивший дыхание человек в ожидании удара топора палача.

К тому времени, когда ветер достиг громадной горы с изломанной верхушкой, которая была известна

как Драконова Гора, он растерял большую часть своей силы. Он облетел вокруг основания горы, затем промчался сквозь огромный яблоневый сад, залитый дневным светом. Некогда зелёные листья уже пожелтели.

Ветер пролетел мимо низкой деревянной изгороди, связанной бурым льняным шпагатом. Рядом с нею стояли двое: юноша и угрюмый пожилой мужчина. Старший из них был одет в поношенные коричневые брюки и свободную белую рубашу с деревянными пуговицами. Его лицо было таким морщинистым, что напоминало кору дерева.

Алмен Бант не слишком

разбирался в садах. О да, у него на ферме в Андоре росло несколько деревьев. Да у кого их не было? Деревце или парочка, чтобы заполнить фруктами место на обеденном столе? В день, когда они поженились с Адриенн, он даже посадил пару ореховых деревьев. После её смерти так хорошо было любоваться ими, сидя у окна.

Ухаживать же за целым фруктовым садом было совершенно другим делом. Здесь росло около трёхсот деревьев. Этот сад принадлежал его сестре; он гостил у неё, а его сыновья присматривали за его фермой неподалеку от Кариброда.

В кармане рубашки у Алмена лежало письмо от сыновей — полное отчаяния, с просьбой о помощи, но он не мог поехать к ним. Он был нужен здесь. К тому же сейчас ему было лучше держаться подальше от Андора. Он был сторонником Королевы. Ещё совсем недавно быть сторонником Королевы грозило проблемами не меньшими, чем иметь на пастбище слишком много коров.

— Что нам делать, Алмен? — спросил Адим. — Эти деревья... Такого же *не должно* было случиться.

Тринадцатилетнему парнишке в наследство от отца достались золотистые волосы.

Алмен потер подбородок, обнаружив пропущенный при бритье пучок волосков. Подошел Хан, старший брат Адима. Весной в подарок к приезду дяди парень вырезал для Алмена деревянный протез зубов. Замечательные штуковины, связанные между собой проволокой, с промежутками для немногих сохранившихся зубов. Но если жевать слишком сильно, то и они выйдут из строя.

Деревья стояли ровными рядами через идеально равные промежутки. Грэгер — зять Алмена — всегда был педантичным. Но он умер, и именно поэтому Алмен приехал. Вдаль на многие спаны тянулись аккуратные

ряды бережно подрезаемых, удобряемых и поливаемых деревьев.

И за одну ночь каждое из них сбросило свои плоды. Крошечные яблочки, едва-едва выросшие размером с большой палец мужчины. Тысячи яблок. Увяли за ночь и опали. Весь урожай погиб.

— Не знаю, что сказать, ребята, — наконец признался Алмен.

— Ты — и не можешь найти слов? — переспросил Хан. У брата Адима были более тёмные, в мать, волосы. Для своих пятнадцати лет парнишка был высоким. — Дядюшка, у тебя всегда слов было не меньше, чем у полночи хлеставшего бренди менестреля!

Хану нравилось быть защитой и опорой для своего брата теперь, когда он стал главой семьи. Но иногда неплохо поволноваться.

И Алмен как раз был обеспокоен. *Очень* обеспокоен.

— У нас зерна едва хватит на неделю, — тихо сказал Адим. — И то, что у нас есть, мы получили в счёт будущего урожая. Больше никто нам ничего не даст. Ни у кого ничего *не осталось*.

Этот фруктовый сад был одним из крупнейших поставщиков в округе. В разные периоды времени в нём подрабатывало до половины жителей деревни. Они зависели от сада. Они *нуждались* в нем. Когда

так много еды портилось, когда все запасы были израсходованы в течение этой неестественной зимы...

А потом случилось то происшествие, когда погиб Грэгер. Мужчина просто исчез, завернув за угол дома в Нежином Мосту. Когда люди отправились на его поиски, они обнаружили лишь искривлённое дерево без листьев с серо-белым стволом, от которого пахло серой.

Той ночью на нескольких дверях появился Клык Дракона. Люди становились всё более и более дерганными. Когда-то Алмен называл бы их дураками, боящихся любой тени и видящих проклятых троллоков под каждым булыжником.

Теперь же... что ж, теперь он не был так уверен. Он посмотрел на восток, в сторону Тар Валона. Не могут ли ведьмы быть виновны в потерянном урожае? Ему совершенно не нравилось близкое соседство с их логовом, но Элизе была нужна помощь.

То дерево срубили и сожгли. Но на площади до сих пор пахло серой.

— Дядюшка? — голос Хана прозвучал нервно. — Что... что нам делать?

— Я...

А что ещё им было *делать*?

— Чтоб мне сгореть, но нам всем нужно ехать в Кэймлин. Уверен, новая Королева уже навела порядок.

Мы могли бы решить мой вопрос по закону. Разве слыхано, чтобы за поддержку Королевы за голову человека назначали награду?

Он понял, что заговаривается. Мальчики не сводили с него глаз.

— Нет, — продолжил Алмен. — Чтоб мне сгореть, ребята, но это неправильно. Мы не можем уехать. Нам нужно продолжать работать. Когда двадцать лет назад я потерял целое поле проса из-за поздних заморозков, ситуация была ничуть не лучше этой. Переживем и её — это точно, как сам Свет.

Деревья сами по себе выглядели неплохо. Ни следа вредителей, листья слегка пожухли, но всё еще

свежие. Конечно, деревья зацвели весной позже обычного, и яблоки росли медленней. Но они росли.

— Хан, — неожиданно для себя сказал Алмен. — Ты знаешь, что топор твоего отца зазубрился? Почему бы тебе его не наточить? Адим, позови-ка Усо и Мура с телегами. Мы переберем падалицу. Посмотрим, вдруг там есть не слишком гнилые. Возможно, их съедят свиньи.

По крайней мере, у них осталось ещё две свиньи. Правда, этой весной не было поросят.

Юноши медлили.

— Поспешите-ка, — сказал Алмен. — Нам не повезло, но это не

причина, чтобы лентяйничать.

Парни послушно умчались. От праздности рождаются праздные мысли. Работа не даст им задуматься о том, что ждет впереди.

Но ему от этого было не легче. Он опёрся о забор, чувствуя под руками шероховатую поверхность неошкуренных досок. Ветер снова трепал полы его рубахи; Адринн всегда заставляла его заправлять рубашку, но теперь её больше не было, а ему... что ж, ему никогда это не нравилось.

Тем не менее он заправился.

Запах, висевший в воздухе, был каким-то неправильным. Затхлым, как в городе. Над сморщенными

комочками, которые когда-то были яблоками, уже начали виться мухи.

Алмен прожил долгую жизнь. Он никогда не считал прожитые года, Адринн всегда делала это за него. Это было не важно. Он знал, что пожил немало, вот и всё.

На своем веку он видел нашествия насекомых, видел, как посевы гибнут от наводнений, от засухи или из-за халатности. Но за все эти годы он никогда не видел ничего подобного. В этом было нечто зловещее. Деревня и так уже голодала. Они не обсуждали это, особенно при детях и молодежи. Взрослые потихоньку отдавали всё, что у них было, детям и кормящим

женщинам. Но у коров пропадало молоко, припасы портились, посевы гибли.

В письме, лежащем в кармане, говорилось, что на его собственную ферму напали проходившие мимо наёмники. Они никому не причинили вреда, но забрали всё до крошки. Его сыновья выживали лишь благодаря тому, что выкапывали и варили недозревшую картошку. Они обнаружили, что девятнадцать картофелин из двадцати сгнили ещё в земле и, несмотря на зеленую ботву, необъяснимым образом оказались червивыми.

Десятки деревень в округе испытывали те же трудности. Ни у

кого не было еды. Даже в Тар Валоне возникли проблемы с продовольствием для жителей.

Уставившись на аккуратные, безукоризненные ряды бесполезных яблонь, Алмен ощутил сокрушительную тяжесть. Тяжесть от попытки сохранить уверенность. Тяжесть наблюдения за тем, как всё, над чем трудилась его сестра, портится и гниёт. Эти яблоки... предполагалось, что они спасут деревню и его сыновей.

В животе забурчало. В последнее время такое случалось частенько.

«Вот и всё, так?» — подумал он, опустив взгляд на ненормально

жёлтую траву под ногами. — *Вот бой и закончился*».

Алмен тяжело ссутулился, ощущая бремя на своих плечах. Он подумал об Адринн. Было время, когда он был весел и болтлив. Теперь же он чувствовал себя изношенным словно колышек, который шкурили, шкурили и шкурили, пока от него не осталась только лучина. Возможно пришло время уходить.

Он почувствовал что-то на шее. Тепло.

Помедлив, он поднял усталый взгляд к небу. Его лицо омыл солнечный свет. У Алмена отвалилась челюсть: слишком долго он не видел ясного солнечного света.

Он был такой ласковый, словно тепло печи, в которой Адринн выпекала из опары краюхи плотного хлеба. Свет струился сквозь широкий разрыв в облаках.

Алмен выпрямился, прикрыв глаза рукой. Глубоко вдохнул и почувствовал... аромат цветущих яблонь? Он резко обернулся.

Яблони расцвели.

Это было совершенно невероятно. Он протер глаза, но видение не развеялось. Яблони цвели, все до одной. Белые цветы распускались, пробиваясь меж листьев. В воздухе зажужжали и улетели прочь унесённые ветерком мухи. Тёмные комки яблок на земле

расплавилась, словно воск на огне. В считанные секунды от них ничего не осталось, даже сока. Земля вобрала их в себя.

Что происходит? Яблони не цветут дважды. Неужели он сходит с ума?

На дорожке, идущей мимо сада, слышались тихие шаги. Алмен повернулся и увидел высокого молодого человека, спускавшегося с холмов. У него были темно-рыжие волосы и одежда, больше походившая на лохмотья: коричневый плащ с широкими рукавами и простая белая льняная рубашка под ним. Штаны выглядели более приличными — черные вышитые золотом по

отворотам.

— Эй, незнакомец, — сказал Алмен, подняв руку, не зная, что еще можно сказать: он даже не был уверен, не померещилось ли ему то, что он видел. — Ты... Ты не заблудился в холмах?

Мужчина остановился, резко обернувшись. Он выглядел так, будто не ожидал увидеть здесь людей. Вздвогнув, Алмен понял, что левая рука парня оканчивалась культей.

Незнакомец огляделся, затем глубоко вдохнул.

— Нет. Я не блуждаю. Наконец-то. Кажется, давно я не видел лежащий передо мной путь так ясно.

Алмен почесал щеку. Чтоб ему

сгореть, там оказался еще один клочок волос, который он пропустил при бритье. Его руки теперь так тряслись, что он мог с тем же успехом вообще не бриться.

— Значит, нет? Сынок, эта дорога ведет только к склонам Драконовой Горы. Если ты надеялся поймать какую-нибудь дичь, то в этих местах извели всё подчистую. Там нет ничего стоящего.

— Я бы так не сказал, — сказал незнакомец, бросив взгляд через плечо. — Вокруг всегда найдется что-то стоящее, если хорошенько присмотреться. Но нельзя заниматься созерцанием слишком долго. Познавать, но не быть

поглощенным знанием — так достигается равновесие.

Алмен сложил руки на груди. Слова этого парня... казалось, они с ним говорят каждый о своем. Возможно, у парня не всё в порядке с головой. Хотя было что-то в этом человеке. В том, как он стоял, в том, какая спокойная сила была в его взгляде. Алмену захотелось выпрямиться и отряхнуть свою рубашку, чтобы выглядеть поприличней.

— Я тебя знаю? — спросил Алмен. Было что-то знакомое в этом молодом человеке.

— Да, — ответил парень и кивком головы указал на сад. —

Созови своих людей, и соберите яблоки. В скором времени они понадобятся.

— Яблоки? — переспросил Алмен, оборачиваясь. — Но...

Он замер. Деревья ломились от только что созревших красных яблок. Цветы, которые он видел чуть раньше, опали и покрыли землю белым, словно снег, ковром.

Эти яблоки, казалось, сияли. На каждом дереве их были не десятки, а сотни. Больше, чем должно было вырасти на дереве, и каждое — совершенно спелое.

— Я *и впрямь* схожу с ума, — произнес Алмен, поворачиваясь к парню.

— Это не ты сошел с ума, друг, — сказал незнакомец. — А весь мир. Быстрее собирай урожай. Мое присутствие, полагаю, на какое-то время его задержит, и всё, что вы соберете сейчас, будет спасено от его прикосновения.

Этот голос... Эти глаза, словно вырезанные из серых драгоценных камней и вставленные в глазницы.

— Я действительно знаю тебя, — сказал Алмен, вспомнив странную парочку юношей, которых он подобрал на свою повозку несколько лет назад. — Свет! Ведь ты же он, так? Тот, о ком все говорят?

Парень обернулся на Алмена. Встретившись взглядом с этими

глазами, Алмен ощутил странный покой.

— Похоже на то, — сказал мужчина. — Люди часто говорят обо мне.

Он улыбнулся, затем развернулся и продолжил свой путь по тропинке.

— Подожди, — сказал Алмен, протянув руку к мужчине, который мог быть только Драконом Возрожденным. — Куда ты идешь?

Мужчина слегка поморщился, оборачиваясь.

— Собираюсь покончить с тем, что я откладывал прежде. Сомневаюсь, что ей понравится то, что я ей скажу.

Алмен опустил руку, наблюдая,

как странник зашагал вдоль забора по тропинке между садами, деревья в которых сгибались под тяжестью кроваво-красных яблок. Алмену показалось — на мгновение — что он сумел заметить нечто вокруг этого человека. Около него в воздухе дрожало и изгибалось сияние.

Алмен проследил, пока тот не скрылся из вида, затем бросился к дому Элизы. Застарелая боль в бедре пропала, и он чувствовал себя так, будто мог пробежать дюжину лиг. На полпути к дому он встретил Адима и двоих рабочих, направлявшихся к саду. Они озабоченно уставились на него, когда он резко остановился.

Потеряв дар речи, Алмен

повернулся и ткнул пальцем в сторону сада. Яблоки, словно веснушки, красными пятнами сверкали посреди зеленой листвы.

— Что это? — спросил Усо, потирая свое длинное лицо. Мур покосился на сад и бегом припустил к нему.

— Собери всех, — сказал Алмен, переводя дух. — Всех, из нашей деревни и из соседних деревень, останавливай прохожих на Шиманской дороге. Всех. Веди их сюда собирать.

— Собирать что? — хмуро переспросил Адим.

— Яблоки, — ответил Алмен. — Что еще, проклятье, растет на

яблонях? Слушай, нам нужно собрать все яблоки до конца дня. Слышишь меня? Беги! Передай остальным! У нас всё-таки есть урожай!

Конечно же. они побежали посмотреть. Трудно было винить их за это. Алмен продолжил свой путь и в тот же момент впервые заметил, что трава вокруг него выглядит зеленее и свежее.

Он посмотрел на восток. Алмен чувствовал, как что-то тянет его изнутри. Что-то мягко тащило его в том направлении, куда ушел странник.

«Нет, первым делом — яблоки», — подумал он. А уж потом... что ж, потом видно будет.

Глава 2

ПРОБЛЕМЫ ЛИДЕРСТВА

В вышине пророкотал гром, тихий и зловещий, словно далёкое звериное рычание. Перрин поднял взгляд к небу. Несколько дней назад распространяющаяся всё дальше пелена туч стала чёрной, потемнев будто в предвестии ужасной бури, но дождь лишь несколько раз покапал.

Воздух потряс очередной раскат грома. Молний не было. Перрин похлопал Трудягу по шее. От коня пахло испугом, беспокойством и

потом. И не только от коня. Этот запах висел над огромной колонной солдат и беженцев, шедших по раскисшей земле. Это людское столпотворение создавало свой собственный гром из топота шагов, стука копыт, скрипа колёс фургонов, голосов мужчин и женщин.

Они почти добрались до Джеханнахского тракта. Изначально Перрин планировал пересечь его и продолжить путь на север, в Андор, но он потерял уйму времени из-за поразившей лагерь болезни — оба Аша'мана едва не умерли. А затем эта густая грязь ещё сильнее замедлила их продвижение. В общем, прошло уже больше месяца с того

момента, как они покинули Малден, но продвинулись они лишь на расстояние, которое Перрин изначально рассчитывал преодолеть за неделю.

Засунув руку в карман куртки, Перрин нащупал небольшую игрушку-головоломку. Они подобрали её в Малдене, и он привык вертеть её в руках. И до сих пор не смог понять, как её разобрать. Эта головоломка оказалась самой сложной из всех, что он только видел.

Не было ни следа мастера Гилла или других людей, которых Перрин отправил вперёд с припасами. Грейди несколько раз открывал

небольшие переходные ворота, чтобы отправить разведчиков найти пропавших, но все они возвращались с пустыми руками. Перрин начинал беспокоиться за пропавших.

— Милорд? — обратился к нему мужчина, стоявший рядом с лошадью. Туорн был долговязым парнем с курчавыми рыжими волосами и бородой, перевязанной кожаными шнурками. В поясной петле он носил боевой топор — зловещую штукювину с шипом на обухе.

— Мы сможем заплатить лишь немного, — сказал Перрин. — У твоих людей ведь нет лошадей?

— Нет, милорд, — ответил

Туорн, бросив взгляд на своих товарищей. — У Джарра была. Мы съели её пару недель назад. — От Туорна пахло немытым телом и грязью, но помимо этих запахов ещё и странной чёрствостью. Неужели у этого парня омертвели все чувства? — Если не возражаете, милорд, то с оплатой можно подождать. Если у вас есть еда, этого пока будет достаточно.

«Мне надо бы отказать им, — подумал Перрин. — У нас и так уже слишком много голодных ртов». Свет, ему уже следовало избавляться от лишних людей, но эти парни выглядели умелыми в обращении с оружием, и если он даст им от ворот

поворот, то они, несомненно, примутся грабить.

— Отправляйтесь в конец обоза, — сказал Перрин. — Разыщите человека по имени Тэм ал'Тор — крепкого мужчину, одетого, как фермер. Любой укажет вам, где он. Скажите ему, что поговорили с Перрином, и я сказал нанять вас за еду.

Грязные спутники Туорна расслабились, а от самого их долговязого главаря, как ни странно, пахло благодарностью. Благодарностью! Наёмники, возможно даже разбойники, были благодарны за то, что их наняли всего лишь за еду. Вот до чего докатился

мир.

— Скажите, милорд, — обратился к нему Туорн, когда его отряд направился вдоль колонны беженцев, — у вас и вправду есть еда?

— Да, — ответил Перрин. — Я же сказал.

— И она не портится, если её оставить на ночь без присмотра?

— Конечно же нет, — строго сказал Перрин, — если хранить её правильно.

В имевшемся у них зерне, наверное, были долгоносики, но оно было вполне съедобно. Этот парень, кажется, посчитал это таким же невероятным, как если бы Перрин

заявил, что его фургоны скоро отрастят крылья и улетят за горы.

— Иди-ка теперь, — сказал Перрин, — и обязательно передай своим людям, что у нас в лагере строгая дисциплина. Никаких драк, никакого воровства. Если я почую, что вы создаёте проблемы, вас за уши выбросят из нашего обоза.

— Да, милорд, — сказал Туорн и поспешил присоединиться к своим спутникам. От него пахло искренностью. Тэм не обрадуется очередной кучке наёмников, требующей постоянного присмотра, но Шайдо до сих пор находились где-то поблизости. Большая часть из них, кажется, повернула на восток, но

войско Перрина двигалось так медленно, что Айил могли передумать и вернуться.

Он послал Трудягу вперёд, сопровождаемый по бокам парой двуреченцев. Теперь, когда Айрам погиб, двуреченцы, к сожалению, посчитали своим долгом предоставить Перрину телохранителей. Сегодня источником раздражения были Вил ал'Син и Рид Солен. Перрин попытался как-то повозмущаться по этому поводу, но двуреченцы настояли на своём, а у него были и другие причины для беспокойства, поважнее. И не последними в этом списке были его странные сны, преследовавшие его

видения о работе в кузнице и неспособности создать хоть что-нибудь стоящее.

«Выбрось их из головы, — сказал он себе, проезжая вдоль длинной колонны людей в сопровождении ал'Сина и Солена. — У тебя и наяву кошмаров предостаточно. Сперва с ними разберись».

Вокруг него раскинулся открытый луг, но трава на нём пожелтела, и Перрин с досадой отметил несколько больших полос увядших и гниющих полевых цветов. Из-за весенних дождей земля в большинстве мест вроде этого превратилась в грязевые ловушки.

Передвигаться с таким большим числом беженцев выходило медленно, даже если не считать пузырь зла и эту грязь. Всё занимало намного больше времени, чем он рассчитывал, даже уход из Малдена.

Проходящее войско поднимало брызги грязи. У большинства беженцев ею были вымазаны и штаны, и рубахи, а в воздухе висел её липкий запах. Перрин приблизился к передним рядам колонны, проезжая мимо высоко поднявших копья всадников в алых нагрудниках и похожих на горшки шлемах. Крылатая Гвардия Майена. Впереди них ехал лорд Галленне, его шлем с алым плюмажем был приторочен у седла.

Он держался настолько торжественно, что можно было подумать, будто он выступает на параде, но его единственный глаз смотрел остро и внимательно наблюдал за окрестностями. Хороший солдат. В войске было немало хороших солдат, хотя временами не дать им вцепиться друг другу в глотки было не легче, чем согнуть подкову.

— Лорд Перрин! — воскликнул чей-то голос. Это Арганда, Первый Капитан Гэалдана, на высоком чалом мерине протолкался сквозь ряды майенцев. Его отряды широкой колонной ехали рядом с майенцами. С момента возвращения Аллиандре

Арганда упорно настаивал на равноправии. Он жаловался, что Крылатая Гвардия чаще едет впереди. Чтобы избежать дальнейших споров, Перрин приказал их отрядам ехать бок о бок.

— Это была *ещё одна* кучка наемников? — требовательно спросил Арганда, осаживая своего коня рядом с Перрином.

— Небольшой отряд, — ответил Перрин. — Возможно, когда-то они были охраной какого-нибудь местного лорда.

— Дезертиры, — Арганда сплюнул в сторону. — Вам следовало послать за мной. Моя королева пожелала бы их вздёрнуть! Не

забывайте, что сейчас мы на землях
Гэалдана.

— Ваша королева — мой
вассал, — сказал Перрин,
добравшись до головы колонны. —
Мы никого не вздёргиваем, пока у
нас нет доказательств их вины. Когда
все в целости и сохранности
вернутся по домам, можете начинать
разбираться с наёмниками и
посмотрите, сможете ли вы кого-то в
чём-то уличить. Но до тех пор все
они просто голодные люди, которым
нужно к кому-то прибиться.

Арганда источал запах
недовольства. После успешной атаки
на Малден Перрин получил
несколько недель доброжелательного

отношения Галленне и гэалданского капитана, но в этой бесконечной грязи под бурлящими грозовыми тучами над головой старые склоки вылезали наружу.

— Не беспокойтесь, — сказал Перрин. — Я распорядился, чтобы за новоприбывшими присмотрели.

Он также отдал приказ наблюдать за беженцами. Некоторые из них были так покорны, что без приказа сами и нужду бы не справили. Другие продолжали оглядываться по сторонам, будто ожидая, что вот-вот из-за дальней дубовой рощи или амбровых деревьев выскочат Шайдо. Люди, от которых так пахло ужасом, могли стать

проблемой. Да и разные группировки в лагере *уже* ходили так, будто продираются через заросли чесоточной травки.

— Можете послать кого-то поговорить с новоприбывшими, Арганда, — сказал Перрин. — *Только* поговорить. Выясните, откуда они, узнайте, вправду ли они служили какому-то лорду, посмотрите, смогут ли они добавить что-то в наши карты.

У них не было ни единой подробной карты этих мест, и пришлось просить гэалданцев, включая Арганду, нарисовать хоть что-то по памяти.

Арганда уехал прочь, и Перрин

подъехал к передней части колонны. В том, чтобы быть главным, были и приятные моменты; здесь запахи немытых тел и едкой грязи чувствовались не так сильно. Впереди наконец показался тракт — будто длинная полоска кожи, врезанная в горное плато и уходящая на северо-запад.

Некоторое время Перрин ехал погружённый в собственные мысли. Наконец они добрались до дороги. Распутица на дороге была не так ужасна, как в поле — впрочем, если эта дорога похожа на те, по которым Перрину уже доводилось ездить, то тут наверняка есть размытые и топкие участки.

Едва выехав на дорогу, он заметил приближающегося Гаула. Айилец был отправлен вперёд на разведку, и, как только конь ступил на дорогу, Перрин заметил, что позади Гаула кто-то едет на лошади. Это оказался Феннел, один из коновалов, которого Перрин отправил вместе с мастером Гиллом и остальными. Увидев его, Перрин почувствовал облегчение, сменившееся беспокойством. Где же остальные?

— Лорд Перрин! — воскликнул мужчина, подъезжая ближе. Гаул отошёл в сторону. От широкоплечего Феннела с топором дровосека, притороченным за спиной, пахло

облегчением. — Хвала Свету! Я уж думал, что вы никогда сюда не доберётесь. Ваш человек говорит, что у вас вышло освободить их?

— Да, Феннел, — нахмурившись, ответил Перрин. — Где остальные?

— Они двинулись дальше, милорд, — сказал Феннел, кланяясь прямо из седла. — Я вызвался остаться позади и подождать, пока вы нагоните нас. Понимаете ли, нам нужно кое-что объяснить.

— Объяснить?

— Все остальные повернули на Лугард, — пояснил Феннел. — По дороге.

— Что? — недовольно

переспросил Перрин. — Я приказал им двигаться на север.

— Милорд, — смутился Феннел, — нам повстречались путники, пришедшие оттуда. Говорят, что из-за грязи дороги на север стали практически непроходимы для фургонов и повозок. Мастер Гилл решил, что лучшим способом исполнить ваш приказ будет направиться в Кэймлин через Лугард. Прошу прощения, милорд. Вот потому-то одному из нас пришлось остаться позади.

Свет. Неудивительно, что разведчики не обнаружили Гилла и остальных. Они ушли не в том направлении. Что ж, после того, как

он сам неделями тащился по непролазной грязи, иногда останавливаясь и пережидая грозу, Перрин не мог винить их за то, что они сделали выбор в пользу хорошей дороги. Но это не отменяло его недовольства.

— Насколько мы отстали? — спросил Перрин.

— Я здесь уже пять дней, милорд.

Значит, Гилл и его спутники тоже двигались медленно. Хотя что-то хорошее, в конце концов.

— Иди возьми себе поесть, Феннел, — сказал Перрин. — И спасибо тебе, что остался ждать здесь, чтобы дать нам знать о

произошедшем, в одиночку и так долго. Это было смело.

— Кто-то должен был сделать это, милорд, — он помедлил. — Многие боялись, что вы не... хм, что всё пошло не так, милорд. Видите ли, мы думали, что вы будете двигаться быстрее нас, ведь у нас были все эти телеги, но, как я теперь погляжу, вы решили взять с собой весь город.

К сожалению, это было недалеко от истины. Взмахом руки он отослал Феннела.

— Я обнаружил его у дороги в часе пути отсюда, — тихо сообщил Гаул. — За холмом, который отлично подойдёт для лагеря. Много воды и оттуда хороший обзор.

Перрин кивнул. Ему придётся решить, что делать: ждать, пока Грейди и Неалд смогут создать большие переходные врата, чтобы отправиться вслед за мастером Гиллом и его людьми пешком, или послать большую часть людей на север и только небольшой отряд — в сторону Лугарда. Что бы он ни решил, лучше встать лагерем на денёк и обдумать всё как следует.

— Если можешь, передай остальным следующее, — обратился к Гаулу Перрин. — Мы идём по дороге к тому месту, что ты нашёл, там и обсудим, что делать дальше. И попроси нескольких Дев, чтобы они пробежались по дороге в другом

направлении. Надо убедиться, что на нас никто внезапно не нападёт, подойдя с той стороны.

Гаул кивнул и отправился передать новости. Перрин остался верхом на Трудяге и погрузился в раздумья. Он едва не решился тут же послать Арганду и Аллиандре на север, в сторону Джеханнаха, но Девы обнаружили несколько разведчиков Шайдо, следивших за его армией. Очевидно, целью этой слежки было убедиться, что Перрин не представляет угрозу для Шайдо, но эта новость встревожила его. Сейчас опасные времена. Лучше пока держать Аллиандре и её людей поближе к себе для её и своей

собственной безопасности — по крайней мере, до тех пор, пока Грейди и Неалд не придут в норму. От укусов змей, появившихся из пузыря зла, больше других пострадали оба Аша'мана и Масури, которая оказалась единственной укушенной Айз Седай. Впрочем, Грейди с каждым днём всё больше приходил в себя. Скоро он сможет открыть достаточно большие переходные врата, чтобы переправить через них армию. Тогда Перрин сможет отправить Аллиандре и двуреченцев по домам, а сам Переместится к Ранду будто бы мириться — большинство до сих пор считали, что они с Рандом

повздорили — и тогда уж наконец-то отделается от Берелейн и её Крылатой Гвардии. Всё сможет вернуться на свои места.

Ниспошли Свет, чтобы всё получилось.

Он помотал головой, чтобы развеять водоворот цветных пятен и видений, что появлялись перед глазами каждый раз, как он думал о Ранде.

Неподалёку на дорогу выходили Берелейн и её люди. Судя по выражениям лиц, они были рады снова почувствовать под ногами твёрдую, не расползающуюся землю. На красивой темноволосой женщине было элегантное зелёное платье и

пояс из огневигов, а вырез был до неловкости низким. Он стал доверять ей в отсутствие Фэйли, когда она перестала обходиться с ним, как с призовым вепрем, которого нужно выследить и освежевать.

Теперь Фэйли вернулась, и, как оказалось, перемирие с Берелейн закончилось. Как обычно, рядом с ней ехала Анноура, хотя женщина больше не болтала с Берелейн, как прежде. Перрин так и не узнал, зачем Айз Седай встречалась с Пророком — возможно, что никогда и не узнает, учитывая случившееся с Масимой. В дне пути от Малдена разведчики Перрина наткнулись на

тела застреленных из лука людей. Все они были ограблены — с них сняли обувь, пояса и всё ценное. Хотя вороны уже выклевали им глаза, запах Масимы Перрин почувствовал даже сквозь вонь разложения.

Пророк был мёртв, убит разбойниками. Что ж, возможно, это — подходящий для него конец, но Перрин всё равно чувствовал, что провалил задание. Ранд просил привести Масиму к нему. Перед глазами снова закружился цветной водоворот.

В любом случае, *настало* время Перрину возвращаться к Ранду. Цветные пятна снова завертелись, показав Ранда, стоящего перед

обгоревшим фасадом какого-то здания, уставившись на запад. Перрин заставил видение исчезнуть.

Он исполнил свой долг, присмотрел за Пророком, обеспечил лояльность Аллиандре. Но всё равно Перрин чувствовал, что что-то не так. Он дотронулся до головоломки кузнеца, лежащей в кармане. *Чтобы понять что-то, нужно узнать, из чего оно состоит...*

Он услышал стук копыт лошади по мягкой земле и почувствовал запах Фэйли задолго до того, как она подъехала к нему. — Итак, Гилл повернул на Лугард? — спросила она, остановившись подле него.

Он кивнул.

— Возможно, мудрый ход. Вероятно, нам следует последовать за ним. Те люди, что присоединились к нам — очередные наёмники?

— Да.

— За последние несколько недель к нам присоединилось около пяти тысяч человек, — задумчиво промолвила она. — А может и больше. Странно, в такой-то глухомани.

Она была прекрасна: волосы цвета воронова крыла, волевые черты лица — типичный салдэйский нос и раскосые глаза. На ней было тёмно-бордовое платье для верховой езды. Перрин любил Фэйли всей душой и благодарил Свет за то, что сумел её

вернуть. Почему же теперь, находясь рядом с ней, он чувствовал себя так неловко?

— Ты чем-то обеспокоен, муж мой, — заметила она. Она понимала его так хорошо, словно могла читать запахи. Всё-таки это какая-то особая способность всех женщин. Берелейн тоже так умела.

— Мы собрали слишком много людей, — проворчал он. — Мне стоит начать прогонять их.

— Подозреваю, они всё равно найдут способ вернуться обратно.

— С чего бы это? Я мог бы оставить указания на этот счет.

— Ты не можешь приказывать самому Узору, муж мой, — она

оглянулась на колонну людей, вышедших на дорогу.

— Что... — он осёкся, поняв, что она имела в виду. — Ты думаешь, это всё из-за меня? Из-за того, что я *та'верен*?

— С каждой остановкой в пути к тебе присоединяется всё больше последователей, — сказала Фэйли. — Несмотря на потери в сражении с Айил, мы вышли из Малдена с большей армией, чем имели. Не кажется ли тебе странным, что так много бывших *гай'шайн* тренируются обращаться с оружием под руководством Тэма?

— Они столько вытерпели, — ответил Перрин. — И не хотят, чтобы

такое повторилось.

— И поэтому бондари учатся владеть мечом, — заметила Фэйли, — и проявляют настоящий талант. Каменщики, которые и не подумывали прежде о том, чтобы дать сдачи Шайдо, теперь тренируются сражаться посохом. Наёмники и солдаты валят к нам толпами.

— Это совпадение.

— Совпадение? — его слова, кажется, позабавили её. — При том, что во главе армии стоит *та'верен*?

Она была права, и он умолк. От неё пахло удовлетворением от выигранного спора. Он не думал об этом, как о споре, но по её мнению

это было именно так. Ещё чего доброго могла разозлиться на то, что он и голоса не повысил.

— Через несколько дней всё это кончится, Фэйли, — сказал он. — Как только мы снова сможем открыть переходные врата, я отошлю всех этих людей по домам. Я не набираю армию. Я просто помогаю беженцам добраться до дома.

Вот уж чего ему не хватало, так это ещё больше людей, называющих его «милордом», расшаркивающихся и кланяющихся.

— Посмотрим, — ответила она.

— Фэйли, — он вздохнул и понизил голос. — Люди должны видеть вещи такими, какие они есть

на самом деле. Какой смысл назвать пряжку дверной петлёй или гвоздь — подковой? Я же говорил тебе, из меня вышел плохой вождь. И я доказал это.

— Я так не думаю.

Он сжал в кармане головуломку. Они спорили об этом всю дорогу от Малдена, но она *отказывалась* внимать голосу разума.

— Когда ты пропала, Фэйли, в лагере воцарилась неразбериха! Я уже рассказывал тебе, как Арганда и Девы едва не поубивали друг друга. И ещё Айрам — Масима запудрил ему мозги прямо у меня под носом. Айз Седай вели непонятную мне игру. И двуреченцы... Ты же видишь, им

стыдно смотреть на меня.

В запахе Фэйли появились нотки гнева, когда он сказал это, и девушка резко обернулась в сторону Берелейн.

— Это не её вина, — сказал Перрин. — Будь я в состоянии здраво мыслить, я бы пресёк все эти слухи на корню. Но я не сделал этого. Вот и приходится спать в той кровати, что сам себе сделал. Свет! Каков же должен быть человек, если даже его собственные соседи о нём плохо думают? Я не лорд, Фэйли, вот и всё. Я вполне доказал это.

— Странно, — молвила она. — Но я беседовала с остальными, и они рассказывают совсем иную историю.

Они сказали, что ты обуздал Арганду и пресёк все стычки в лагере. Затем этот союз с Шончан. Чем больше я узнаю об этом, тем больше поражаюсь. При всей неопределённости ситуации ты действовал решительно. Ты заставил всех действовать единодушно и совершил невозможное, отбив Малден. *Это* деяния истинного лидера.

— Фэйли... — повторил он, сдерживая готовое вырваться рычание. Почему она не слушает его? Пока она была в плену, ему всё было по барабану, кроме её освобождения. *Абсолютно всё*. Ему было всё равно, кто нуждался в его помощи и какие

приказы он отдал. Да хоть начнись сам Тармон Гай'дон, он бы не обратил внимания и продолжил поиски.

Теперь он понял, насколько опасными были его действия. Проблема была в том, что он всё равно поступил бы так же. Он не пожалел о содеянном ни на миг. Лидер не должен быть таким.

В первую очередь ему не следовало позволять им поднимать знамя с головой волка. Теперь, когда он выполнил свою задачу, и Фэйли вернулась, настало время отбросить все эти глупости. Перрин был кузнецом. Неважно, что за одежды на него нацепила Фэйли, и какие

титулы на него навесили люди. Из струга не сделать подковы, просто раскрасив его или назвав его по-другому.

Он повернул в сторону, где, возглавляя колонну, ехал Джори Конгар. Этот треклятый алый флаг с головой волка гордо развевался на шесте длиннее кавалерийского копья. Перрин открыл было рот, чтобы прикрикнуть на двуреченца, чтобы тот спустил флаг, но внезапно Фэйли перебила его.

— Да, в самом деле, — задумчиво молвила она. — Я раздумывала над этим последние несколько недель, и, каким бы странным это ни казалось, я считаю,

что моё пленение могло быть именно тем, в чём мы нуждались. Мы оба.

Что? Перрин повернулся к ней, чувствуя исходящий от неё запах задумчивости. Она и впрямь *верила* в то, что говорила.

— Теперь, — сказала Фэйли, — нам нужно поговорить о...

— Разведчики возвращаются, — сказал он, возможно, более резко, чем намеревался. — Впереди айильцы.

Фэйли взглянула в ту сторону, куда он указывал, но, конечно же, она пока не могла ничего разглядеть. Однако она знала о его зрении. Одна из немногих, кто знал.

Сигнал прозвучал, как только

остальные заметили приближающиеся по дороге три фигуры в *кадин'сор*. Девы, которых Перрин отправил на разведку. Две поспешили к Хранительницам Мудрости, а одна подбежала к Перрину.

— Там у дороги кое-что есть, Перрин Айбара, — сообщила женщина. Она пахла настороженно. Опасный знак. — Кое-что, что ты захочешь увидеть.

* * *

Галада разбудил звук шелеста полога шатра. Тут же его отбитый

бок обожгла вспышка боли. Она отозвалась тупой болью в плече, левой руке и бедре — в ранах, полученных от Валды. Но всё это почти затмила сильная пульсирующая головная боль.

Он застонал и перекатился на спину. Вокруг было темно, в небе светились крохотные огоньки. Может, звёзды? Слишком долго всё было затянуто пеленой облаков.

Но нет. Что-то с ними было не так. В голове пульсировала боль, и пришлось несколько раз моргнуть, чтобы прогнать слёзы из уголков глаз. Эти звёзды казались слишком тусклыми, слишком далёкими. И не складывались ни в одно из знакомых

созвездий. Куда это мог увезти его Асунава, что тут даже звёзды другие?

Немного собравшись с мыслями, он принялся осматриваться. Вокруг него был массивный спальный шатёр, специально сделанный так, чтобы даже днём внутри было темно. Огоньки наверху вовсе не были звёздами, это дневной свет пробивался через редкие крохотные дырочки в износившейся ткани шатра.

Галад по-прежнему был обнажён, и, осторожно ощупав лицо пальцами, он определил, что оно покрыто запёкшейся коркой крови. По всей видимости, она натекала из длинной раны на лбу. Если её не

промыть в ближайшее время, она, скорей всего, воспалится. Лёжа на спине, он старался делать осторожные вдохи и выдохи. Если он делал слишком глубокий вдох, бок тут же принимался нестерпимо болеть.

Галад вовсе не боялся ни боли, ни смерти. Он сделал выбор, и тот был правильным. К сожалению, Галад вынужден был сохранить Вопрошающим власть, тех контролировали Шончан. Однако другого выхода не было. После того, как он попал в руки Асунаве.

Галад нисколько не злился на предавших его разведчиков. Вопрошающие обладали реальной

властью среди Детей, и их лживые проповеди, без сомнения, были очень убедительны. А вот на кого он действительно был зол, так это на Асунаву, который взял истину и измарал её. Мир полон подобными ему людьми, но Дети должны быть *другими*.

Скоро за ним явятся Вопрошающие и с помощью своих крючьев и ножей покажут ему истинную цену спасения его сторонников. Принимая решение, он знал о ней. По-своему Галад победил, потому что наиболее верно воспользовался ситуацией.

Чтобы сделать следующий шаг к победе, нужно придерживаться на

допросах истины и до последнего вздоха отрицать, что он Приспешник Тёмного. Это будет непросто, но это будет правильно.

Усилием воли он заставил себя сесть, борясь с ожидаемым приступом дурноты и слабости. Он осмотрелся получше. Его ноги были скованы цепью, прикреплённой к штырю, который был глубоко вбит в землю прямо сквозь нижний край холстины шатра.

На всякий случай он попробовал его вытащить. Он тянул так сильно, что мышцы отказались слушаться, и едва не потерял сознание. Когда Галад пришёл в себя, то переполз к боковине шатра. Длины цепи

хватало, чтобы добраться до выхода. Он потянул за одну из матерчатых лент, которую использовали, чтобы закреплять полог наверху, и, поплевав на неё, методично оттер с её помощью грязь и кровь с лица.

Умывание давало ему цель, заставляло двигаться и помогало забыть о боли. Он тщательно соскрёб засохшую кровь со щеки и носа. Это оказалось непросто; во рту пересохло. Чтобы добыть слюну, пришлось прикусить язык. Ленты были из более мягкого материала, а не холщовыми. От них пахло пылью.

Он выбрал кусок почище, плюнул на него и втер слюну в материю. Рана на голове, грязь на

лице — всё это отметки победы
Вопрошающих. Но он не оставит от
них ни следа. Он направится на
пытки с чистым лицом.

Снаружи были слышны
выкрики. Люди готовились снять
лагерь. Может, допрос отложат? Хотя
вряд ли. На сборы всё равно уйдет
несколько часов.

Продолжив оттирать грязь,
Галад полностью испачкал обе
завязки. Он использовал это занятие,
словно некий ритуал — ритмичные
движения позволяли
сконцентрироваться и
помедитировать. Головная боль
исчезла совсем, а ушибы значили всё
меньше.

Он не сбежит. Даже если представится такая возможность, побег отменит их с Асунавой сделку. Но он *встретит* врагов с чувством собственного достоинства.

Едва закончив с умыванием, он услышал голоса у шатра. За ним явились. Он тихо отполз обратно к вбитому в землю штырю. Глубоко вздохнув, несмотря на боль, он перевернулся на колени. Затем, ухватившись левой рукой за верх железного штыря, он потянулся и поднялся на ноги.

Галад покачнулся, но сумел устоять и выпрямиться. Теперь боль потеряла значение. Бывало, он чувствовал укусы насекомых,

доставлявшие больше неприятностей. Юноша встал в боевую стойку, держа руки прямо перед собой и скрестив запястья. Открыл глаза, выпрямил спину и уставился на вход в шатёр. Не униформа, плащ или герб и не оружие делают мужчину мужчиной, а то, как он держится.

Полог шатра зашуршал и открылся. Свет, ворвавшийся снаружи, оказался слишком ярким для глаз Галада, но он не моргнул. Даже не поморщился.

На фоне хмурого неба промелькнули какие-то силуэты. Подсвеченные сзади люди опешили. Он мог бы даже сказать, что они

удивились, обнаружив его стоящим на ногах.

— Свет! — воскликнул один из вошедших. — Дамодред, как это ты сумел подняться? — Голос неожиданно показался знакомым.

— Тром? — хриплым голосом уточнил Галад.

В шатёр набились люди. Глаза Галада немного привыкли к свету, и он разглядел среди них коренастого Трома рядом с Борнхальдом и Байаром. Тром возился с ключами.

— Стой, — произнёс Галад, — я отдал вам троим приказ. Борнхальд, на твоём плаще кровь! Я же приказал вам *не пытаться* меня освободить.

— Твои люди выполнили твой

приказ, Дамодред, — раздался новый голос. Галад увидел, что в шатёр вошли ещё трое: высокий и бородатый Лорд Бераб Голевер; лорд Алабар Харнеш — на его лысой, скрытой в тени голове не хватало одного уха; лорд Брандел Вордариан, блондин богатырского сложения, соотечественник Галада из Андора. Все трое были Лордами-Капитанами, которые оставались с Асунавой.

— Что происходит? — спросил их Галад.

Харнеш открыл мешок и вывалил из него что-то круглое под ноги Галаду. Это была голова.

Голова Асунавы.

Все трое вынули мечи из ножен

и опустились перед Галадом на колени. Тром в это время отпёр кандалы на ногах Галада.

— Понятно, — произнёс Галад. — Значит, вы обратили ваше оружие против своих товарищей.

— А что ещё, по-твоему, нам оставалось делать? — спросил Брандел, не вставая и подняв взгляд на Галада.

Галад в ответ покачал головой:

— Не знаю. Может, вы и правы. Мне не следует осуждать ваш выбор. Я допускаю, что он был единственно возможным. Но что заставило вас изменить решение?

— За последние полгода мы потеряли двух Лордов Капитан-

Командоров, — хрипло произнёс Харнеш. — Цитадель Света стала игрушкой для Шончан. Весь мир обратился в хаос.

— К тому же, — вступил Голевер, — Асунава заставил нас выступить и обнажить оружие против наших же братьев — Чад Света. Это было неправильно, Дамодред. Мы все видели, что ты сделал, и видели, как *ты* не допустил кровопролития между нами. Осознав это и услышав, что Верховный Инквизитор обвинил человека, всем известного своим благородством, в Приспешничестве... Как мы могли поступить иначе и не восстать

против него?

Галад кивнул.

— Значит, вы признаёте меня своим Лордом Капитан-Командором?

Все трое кивнули.

— Все Лорды Капитаны встали на твою сторону, — сказал Голевер. — Нам пришлось убить треть обладателей знаков красного посоха Десницы Света. Кто-то пытался сбежать, кто-то присоединился к нам. Амадицийцы не стали вмешиваться, и многие из них заявили, что предпочтут остаться с нами, чем возвращаться к Шончан. Остальные амадицийцы — и Вопрошающие, пытавшиеся сбежать

— сейчас содержатся под стражей.

— Отпустите желающих на все четыре стороны, — сказал Галад. — Пусть возвращаются к своим семьям или хозяевам. К тому времени, когда они доберутся до Шончан, мы будем вне их досягаемости.

Те кивнули в ответ.

— Я принимаю вашу присягу, — сказал Галад. — Соберите остальных капитанов, и пусть мне принесут отчёты о наличии фуража. Снимайте лагерь. Мы идём в Андор.

Никто не спросил, не нужно ли ему отдохнуть, хотя Тром выглядел встревоженным. Галад надел принесённую одним из Чад белую рубаху и сел в поспешно

доставленное кресло. Другой солдат, Чадо Кандияр, разбиравшийся в ранах, пришёл его осмотреть.

Галад вовсе не чувствовал в себе ни сил, ни мудрости, чтобы взвалить на себя предложенный ему пост, но Чада Света сделали свой выбор.

Храни их за это Свет..

Глава 3

ГНЕВ АМЕРЛИН

Эгвейн плыла в темноте. Бесформенная, бестелесная. В окружающей бесконечности простирались мысли, грёзы, страхи, надежды, фантазии всего мира.

Это место находилось между снами и реальностью. Тьму пронзали тысячи и тысячи различных огоньков, горевших ярче и казавшихся чётче, чем звёзды на небосклоне. Это были сны, и она могла заглянуть в них, однако не стала этого делать. Те из них, которые она желала увидеть, были защищены, а большинство

других были ей незнакомы.

*Бы*л один сон, в который она страстно желала проникнуть, но сдерживалась. Хотя её чувства к Гавину были по-прежнему сильны, с недавних пор Эгвейн не могла определить, как она к нему относится. Блуждание по его снам тут ничем не помогло бы.

Она обернулась, осматриваясь в пространстве. С недавних пор Эгвейн являлась сюда, чтобы, плавая в темноте, собраться с мыслями. Все эти сны — всех людей из её мира и его отражений — напоминали ей, за что она боролась. Она не должна забывать о том, что за стенами Белой Башни существует целый мир. И

целью Айз Седай было служение этому миру.

Время шло, Эгвейн плыла, купаясь в свете сновидений. Наконец, она заставила себя переместиться и отыскала знакомый ей сон, хотя и не была уверена, как это получалось. Огонёк сновидения летел прямо на неё, постепенно заполняя собой всё поле зрения.

Надавлив своей волей на сон, она мысленно направила внутрь него послание: *«Найнив. Пришло время перестать меня сторониться. У нас полно дел. И ещё у меня есть для тебя новости. Встретимся через одну ночь в Зале Совета Башни. Если ты не явишься, я буду вынуждена*

принять меры. Твоё легкомыслие представляет опасность для всех нас».

Казалось, сон задрожал, и Эгвейн отпрянула как раз в тот миг, когда он исчез. С Илэйн она уже переговорила. Эти двое совсем отбились от рук. Им было необходимо по-настоящему вручить шаль и связать их клятвами.

Кроме того, Эгвейн нужна была информация от Найнив. Она надеялась, что угроза вместе с обещанием новостей подействует. И эти новости были действительно важными. Белая Башня, наконец, едина, Престол Амерлин в надёжных руках, а Элайда захвачена Шончан.

Вокруг Эгвейн мерцали крохотные огоньки снов. Она подумывала, не связаться ли с Хранительницами Мудрости, однако отказалась от этой идеи. Как же ей их использовать? В первую очередь нужно удержать их от мысли, что их «используют». Она ещё не решила до конца, что с ними делать.

Эгвейн позволила себе вернуться в собственное тело, чтобы уделить остаток ночи собственным снам. Здесь она не могла удержать свои мысли и перестать думать о Гавине, да и не хотела. Она вошла в свой сон — и попала в объятия мужчины. Они стояли в небольшой комнате с каменными стенами,

похожей на её кабинет в Башне, однако украшенной наподобие общего зала в отцовской гостинице. Гавин был облачён в традиционные для Двуречья добротные шерстяные одежды и без привычного меча. Простая жизнь... Это не для неё, хотя мечтать не запрещается.

Всё затряслось. Комната, состоящая из прошлого и настоящего, казалось, рушится, превращаясь в воронку кружащегося дыма. Эгвейн отступила на шаг, задыхаясь и видя, как Гавин рассыпается, словно созданный из песка. Всё вокруг неё превратилось в пыль, и вдали под смоляным небом вырастали тринадцать чёрных башен.

Одна пала, за ней другая обрушилась на землю. Но пока одни рассыпались, оставшиеся становились всё выше и выше. Земля содрогнулась, и ещё несколько башен рухнули. Одна из них содрогнулась и раскололась, обрушившись почти до основания — но затем восстала вновь и вознеслась выше всех остальных.

Когда землетрясение стихло, осталось шесть возвышающихся над ней башен. Эгвейн упала на ставшую мягкой землю, покрытую ковром из сухих листьев. Видение изменилось. Она смотрела вниз, на гнездо. В нём выводок орлиных птенцов взывал к небу, к своей матери. Один из орлят

развернул скрученное в кольца тело,
и это оказался вовсе не орлёнок, а
змея. Она начала по очереди
нападать на птенцов, проглатывая их
целиком. Орлята же продолжали
глядеть в небо, словно принимая
пожиравшую их змею за своего
собрата.

Видение снова изменилось.
Перед её взором предстала огромная
сфера из тончайшего хрусталя. Она
находилась на вершине тёмного
холма, искрясь под светом
освещавших её двадцати трёх
огромных звезд. Сферу покрывали
трещины, и только стягивавшие её
верёвки не давали сфере развалиться.

Эгвейн заметила Ранда,

поднимающегося по склону холма с топором в руках. Добравшись до вершины, он вскинул топор, а затем начал по одной разрубать стягивающие сферу верёвки. Как только последняя из них лопнула, сфера начала распадаться, прекрасный шар просто разваливался на части. Ранд покачал головой.

Эгвейн ахнула и села, проснувшись. Она была в своих покоях в Белой Башне. Спальня была почти пуста — она приказала убрать все вещи Элайды, но не успела снова полностью обставить комнату. У неё были только умывальник, плетёный коричневый коврик и кровать со столбиками и балдахином. Ставни

были закрыты, и сквозь щели заглядывало утреннее солнце.

Она сделала глубокий вдох и выдох. Крайне редко у неё бывали столь тревожные видения.

Пытаясь успокоиться, Эгвейн потянулась к краю кровати и достала книжечку в кожаном переплёте, которую всегда держала под рукой, чтобы записывать свои сны. Из трёх видений наиболее понятным было второе. Она *почувствовала*, о чём оно было, подсознательно, как ей это иногда удавалось, уловив его смысл. Змея олицетворяла одну из Отрёкшихся, скрывающуюся в Белой Башне под личиной Айз Седай. Эгвейн подозревала, что смысл был в

этом. Верин в это верила.

Месана оставалась в Белой Башне. Но как ей удавалось выдавать себя за Айз Седай? Каждая сестра повторно принесла Клятвы. По-видимому, Месана смогла каким-то образом обмануть Клятвенный Жезл. Подробно записывая свои видения, девушка задумалась о вырастающих вдали, грозящих уничтожить её башнях, и частично поняла значение этого сна.

Если Эгвейн не сможет отыскать Месану и остановить её, случится что-то ужасное. Вплоть до падения Белой Башни или даже победы Тёмного. Сны не были Предсказаниями — они показывали

не то, что произойдёт *наверняка*, а то, что *может* случиться.

«Свет, — подумала она, закончив записи. — *Как будто и без того проблем не хватает*».

Эгвейн поднялась, собираясь позвать служанок, однако ей помешал стук в дверь. Удивившись, она в одной ночной сорочке прошла по толстому ковру и приоткрыла дверь, за которой обнаружила стоящую в коридоре Сильвиану. Волосы одетой в красное плотно сбитой, угловатой женщины были уложены в привычный пучок. Её плечи покрывал алый палантин Хранительницы.

— Мать, — произнесла

Сильвиана напряжённым голосом, —
прошу прощения, что разбудила вас.

— Я не спала, — сказала
Эгвейн. — Что такое? Что
стряслось?

— Он *здесь*, Мать. В Башне.

— Кто?

— Возрождённый Дракон. Он
просит у вас аудиенции.

* * *

— Ох... будто уху сварили из
одних рыбьих голов, —
пробормотала Суан, идя по
коридорам Белой Башни. — Как же
он смог незамеченным пройти через

весь город?

Верховный Капитан Чубейн поморщился.

«Так ему и надо», — подумала Суан. Черноволосый мужчина был облачён в форму гвардейца Башни. Белый табард, надетый поверх кольчуги, украшало пламя Тар Валона. Он шёл, положив руку на меч. Поговаривали, что теперь, когда Брин оказался в Тар Валоне, его могут сместить с должности Верховного Капитана. Однако Эгвейн прислушалась к совету Суан и не стала отправлять Чубейна в отставку. Брин не желал быть Верховным Капитаном, а Амерлин для Последней Битвы он нужен как

боевой генерал.

Брин отсутствовал — он находился со своими людьми: разместить и найти провизию для пятидесятитысячного войска казалось практически невозможным. Она уже послала Брину весточку и чувствовала, что он приближается. Угрюмый чурбан, но Суан сейчас нуждалась в его поддержке. Возрождённый Дракон? *Прямо* в Тар Валоне?

— Не удивительно, что он прошёл так далеко, Суан, — произнесла Саэрин. Они со смуглой Коричневой были вместе, когда наткнулись на пробежавшего мимо побледневшего капитана. На висках

Саэрин белела седина, что указывало на то, что Айз Седай уже немолода, а на щеке женщины был шрам, происхождение которого Суан никак не могла у неё выпытать.

— В город ежедневно прибывают сотни беженцев, — продолжала Саэрин, — и каждого, кто хотя бы частично годен к войне, посылают для вербовки в Гвардию Башни. Неудивительно, что никто не остановил ал'Тора.

Чубейн кивнул.

— Он явился к Закатным Вратам ещё до того, как кто-то смог его расспросить. А затем... ну... затем он просто заявил, что он — Возрождённый Дракон и желает

видеть Амерлин. Не выкрикнул или что-то в этом роде, а спокойно, словно весенний дождь, представился.

В коридорах Башни было не протолкнуться. Однако большинство женщин не представляли, чем себя занять, и метались туда-сюда, словно рыба в сети.

«Прекратите, — подумала Суан. — Он явился в средоточие нашего могущества. И именно он пойман в сеть».

— Как считаешь, что за игру он затеял? — спросила Саэрин.

— Чтоб мне сгореть, не имею понятия, — отозвалась Суан. — Сейчас он уже должен был

полностью обезуметь. Возможно, он напуган и пришёл сдаваться.

— Сомневаюсь.

— Я тоже, — неохотно призналась Суан. За прошедшие несколько дней она с удивлением обнаружила, что Саэрин ей *нравится*. Когда Суан была Амерлин, у неё не было времени на дружеские отношения. Гораздо важнее было сталкивать интересы Айя между собой. Она считала Саэрин упрямой и нарушающей планы. Теперь, когда они не бодались головами так часто, Суан находила эти её черты притягательными.

— Возможно, он узнал, что Элайда пропала, — сказала Суан, —

и решил, что с давней подругой на Престоле Амерлин он будет здесь в безопасности.

— Это не вяжется с тем, что я читала про мальчика, — ответила Саэрин. — Вспомни его недоверчивость и непредсказуемость, вкупе с жёстким характером и твёрдым намерением держаться подальше от Айз Седай.

О том же самом была наслышана и Суан, хотя с тех пор, как она видела мальчика, минуло два года. К тому же в их последнюю встречу она была Амерлин, а он — простым пастухом. С тех пор большую часть информации о нём она получала с помощью глаз-и-ушей

Голубой Айя. Требовалась большая сноровка, чтобы отделять вымысел от правды, но большинство мнений агентов о Ранде сходилось в одном. Импульсивный, подозрительный, высокомерный. *«Испепели Свет Элайду! — подумала Суан. — Если бы не она, он бы давно благополучно был под опекой Айз Седай».*

Направляясь в сторону Зала Совета Башни, они спустились на три пролёта спиралевидного пандуса и вошли в очередной коридор Башни с белыми стенами. Если Амерлин собирается принять Возрождённого Дракона, то это случится именно в Зале. Миновав два извилистых поворота, пройдя мимо зеркальных

светильников и величественных гобеленов, они оказались в последнем из коридоров и застыли.

Плитки пола были тут цвета крови. Это было неправильно. Они должны были быть белыми и жёлтыми. А эти блестели, словно влажные.

Чубейн напряженно вдохнул, его рука сжала рукоять меча. Саэрин вскинула бровь. Суан хотелось было бежать вперёд, однако место, которого коснулся Тёмный, могло быть очень опасным. Она могла бы начать тонуть прямо в плитках пола, а то и гобелены могли наброситься на неё.

Обе Айз Седай развернулись и

направились другим путём. Чубейн на мгновение задержался, а затем поспешил за ними. На его лице легко читалось напряжение. Сперва Шончан напали на Башню, теперь явился Возрождённый Дракон — и всё во время его дежурства.

По пути им встретились и другие сёстры, следовавшие в том же направлении. Большинство из них надело шали. Можно было предположить, что причиной тому были сегодняшние новости, однако правда заключалась в том, что многие из них всё ещё с недоверием относились к другим Айя. Вот ещё одна причина проклинать Элайду. Эгвейн упорно старалась вновь

сплотить Башню, однако невозможно было за месяц починить все порванные за прошедшие годы сети.

Наконец они добрались до Зала Совета. В широком коридоре снаружи толпились сёстры, разбившиеся по своим Айя. Чубейн поспешил побеседовать с гвардейцами, стоявшими у входа, а Саэрин степенно, как подобает, прошла в Зал, чтобы подождать вместе с остальными Восседающими. Суан с остальными осталась стоять снаружи.

Многое изменилось. Эгвейн назначила новую Хранительницу вместо Шириам. Выбрав Сильвиану, она поступила очень мудро.

Женщина была известна своим хладнокровием — для Красной Айя — и это назначение могло помочь сплотить воедино две половины расколотой Башни. Однако до этого в душе Суан теплилась надежда, что Эгвейн выберет её. Сейчас Эгвейн была очень занята — и становилась всё более самостоятельной — так что всё меньше и меньше нуждалась в наставлениях Суан.

С одной стороны, это было хорошо. С другой — приводило в ярость.

Такие знакомые коридоры, аромат недавно вымытого камня, эхо шагов... В последний раз она была здесь, когда возглавляла Башню. Но

она больше не во главе.

У неё не было намерения что-либо предпринимать, дабы вновь возвыситься. Приближалась

Последняя Битва, и она не желала тратить время на свары вновь вернувшейся в Башню Голубой Айя. Она хотела продолжить то, что начала много лет назад вместе с Морейн. Сопровождать

Возрождённого Дракона на Последнюю Битву.

Сквозь Узы она почувствовала появление Бриана раньше, чем тот заговорил.

— Вот это озабоченное лицо, — произнёс он, подойдя сзади. Его голос перекрыл звуки множества

приглушённых разговоров в коридоре.

Суан обернулась к нему. Он был величественен и удивительно спокоен, особенно для человека, испытавшего предательство со стороны Моргейз Траканд, затем втянутого в интриги Айз Седай, потом проинформированного, что ему предстоит возглавить своих солдат в авангарде Последней Битвы. Но в этом был весь Брин. Абсолютно невозмутимый. Он развеял её волнения одним своим появлением.

— Ты пришёл быстрее, чем я предполагала, — сообщила она. — И у меня *не* «озабоченное лицо», Гарет Брин. Я — Айз Седай. Моя суть сама

по себе предполагает контроль над собой и окружающими.

— Да, — сказал он. — Тем не менее, чем больше времени я провожу среди Айз Седай, тем больше в этом сомневаюсь. Держат ли они свои эмоции под контролем? Или же их чувства просто остаются неизменными? Если кто-то *постоянно* чем-то озабочен, он всегда будет выглядеть одинаково.

Она одарила его пристальным взглядом:

— Глупый мужчина.

Он улыбнулся, развернулся и оглядел коридор, полный Айз Седай и Стражей.

— Когда твой посланец нашёл

меня, я уже возвращался в Башню с докладом. Спасибо.

— Всегда пожалуйста, — съязвила она.

— Они нервничают, — произнес Брин. — Не думаю, что мне когда-либо доводилось видеть Айз Седай в таком состоянии.

— Разве нас можно за это осудить? — огрызнулась она.

Он взглянул на неё и положил руку на плечо Суан. Его крепкие, жесткие пальцы легонько коснулись её шеи.

— Что стряслось?

Она сделала глубокий вдох, покосившись в сторону. Наконец-то появилась Эгвейн. Она направлялась

в Зал, беседуя с Сильвианой. Как обычно позади неё, словно тень, следовал мрачный Гавин Траканд. Непризнанный Эгвейн, не связанный Узами Стража, однако и не изгнанный из Башни. После воссоединения он проводил все ночи, охраняя покои Эгвейн, несмотря на то, что это приводило её в ярость.

По мере приближения Эгвейн сёстры начали расступаться, давая ей пройти. Одни неохотно, другие с почтением. Она поставила Башню на колени, действуя изнутри, подвергаясь ежедневным побоям, опоенная настоем корня вилочника так, что едва могла зажечь свечу с помощью Силы. Такая юная. Но что

для Айз Седай значил возраст?

— Я всегда считала, что на её месте буду я, — тихонько сказала Суан, так, чтобы слышал один Брин. — Что я приму его и буду направлять. Именно я должна была быть на её месте.

Пальцы Брина сжались.

— Суан, я...

— О, избавь меня от этого, — проворчала Суан, глядя на него. — Я ни о чём не жалею.

Он нахмурился.

— Всё к лучшему, — произнесла Суан, хотя всё её нутро скрутило от этого признания. — Даже *хорошо*, что Элайда меня низложила, несмотря на всю проявленную ею

тиранию и глупость, потому что именно это привело нас к Эгвейн. Она справится лучше меня. Тяжело это признавать, но, будучи успешной Амерлин, добиться *подобного* я бы не сумела. Вести за собой одним лишь присутствием без помощи силы, объединять, а не разделять... Поэтому я *рада*, что его встречает именно Эгвейн.

Брин улыбнулся и нежно сжал её плечо.

— Ну что ещё? — спросила она.

— Я горжусь тобой.

Она закатила глаза.

— Пф. В последнее время я просто купаюсь в твоей сентиментальности.

— Тебе не скрыть от меня своё великодушие, Суан Санчей. Я вижу твоё сердце.

— Не *паясничай*.

— Отнюдь. Ты привела нас сюда, Суан. Как бы ни возвысилась девочка, именно *ты* высекла для неё ступени навверх.

— Да, а затем вручила зубило Элайде.

Суан взглянула на стоявшую в дверях Зала Совета Эгвейн. Юная Амерлин оглядела собравшихся снаружи женщин и приветственно кивнула Суан. Возможно, даже с небольшой долей уважения.

— Она — именно та, в ком мы сейчас нуждаемся, — сказал Брин, —

однако ты — та, кто был нужен в то время. Ты поступила правильно, Суан. Это известно ей, а так же всей Башне.

Услышать подобное было очень приятно.

— Хорошо. Ты видел его, когда шёл?

— Да, — ответил Брин. — Он внизу под надзором как минимум сотни Стражей и двадцати шести сестёр — два полных круга. Он ограждён, вне всяких сомнений. Тем не менее, все двадцать шесть женщин на грани паники. Никто не смеет прикоснуться к нему или связать его.

— Это не имеет значения, пока

он ограждён. Он кажется
напуганным? Высокомерным?
Рассерженным?

— Ничего подобного.

— Что ж... тогда *какой* он на
вид?

— Честно, Суан? Он похож на
Айз Седай.

Суан с клацаньем стиснула зубы.
Он снова над ней насмехается? Нет,
генерал выглядел серьёзным. Тогда
что он имел в виду?

Эгвейн проследовала в Зал.
Затем оттуда поспешно выскочила
одетая в белое послушница в
сопровождении двух солдат Чубейна.
Эгвейн послала за Драконом. Рука
Брина по-прежнему лежала на плече

Суан. Сам он стоял чуть позади. Суан заставила себя успокоиться.

Наконец, она заметила движение в дальнем конце коридора. Сестёр вокруг неё начало охватывать сияние — они обнимали Источник. Суан не поддалась общей панике.

Вскоре процессия приблизилась. Высокую фигуру в поношенном коричневом плаще окружали ряды Стражей, за ними следовали двадцать шесть Айз Седай. Она различила шедшее изнутри свечение вокруг фигуры. Суан обладала Даром видеть *та'веренов*, а ал'Тор был сильнейшим среди когда-либо живших.

Она заставила себя

проигнорировать ореол, разглядывая самого ал'Тора. Оказалось, что мальчик превратился в мужчину. Юношеская мягкость ушла, сменившись резкими чертами. В его движениях не было неуклюжести, столь часто наблюдающейся у юношей высокого роста. Вместо этого он научился по-мужски использовать свой высокий рост. Его походка стала величавой. Будучи Амерлин, Суан приходилось встречаться с Лжедраконами. Странно, насколько этот мужчина походил на них. Это было...

Она замерла, встретившись с ним взглядом. В нём было нечто, не поддающееся объяснению: как будто

бремя прожитых лет. Словно этот человек смотрел на мир сквозь отсвет тысячи жизней, соединённых в одну. Его лицо *действительно* напоминало Айз Седай. По крайней мере, этими лишёнными возраста глазами.

Возрождённый Дракон поднял правую руку — его левая рука была заложена за спину — и остановил процессию.

— Если позволите, — обратился он к Стражам, направившись сквозь их ряды.

Потрясённые Стражи позволили ему пройти. Тихий голос Дракона заставил их расступиться. Они должны быть бдительнее. Ал'Тор

приблизился к Суан, и она заставила себя собраться. Он был безоружен и ограждён, он не мог навредить ей. Тем не менее, Брин встал рядом с ней и потянулся к своему мечу.

— Спокойно, Гарет Брин. — произнёс ал'Тор. — Я не причиню ей вреда. Полагаю, ты позволил ей связать себя Узами? Забавно. Илэйн было бы интересно об этом узнать. А ты, Суан Санчей... ты изменилась со времени нашей последней встречи.

— Все мы меняемся, пока вращается Колесо.

— Типичный ответ Айз Седай, — улыбнулся ал'Тор. Расслабленной, мягкой улыбкой. Это удивило её. — Интересно, привыкну

ли я когда-нибудь к ним. Однажды ты получила стрелу, предназначенную мне. Я поблагодарил тебя за это?

— Насколько помню, я сделала это не специально, — сухо отозвалась она.

— В любом случае, прими мою благодарность, — он повернулся к дверям в Зал Совета. — Какова она в роли Амерлин?

«Почему он спрашивает меня?»

Он не мог знать о близких взаимоотношениях между Суан и Эгвейн.

— Удивительная, — произнесла Суан. — Одна из величайших среди всех, что были у нас, притом что занимает Престол недавно.

Он снова улыбнулся.

— Меньшего я и не ожидал.

Странно, но я чувствую, что вновь встретиться с ней будет болезненно, несмотря на то, что это единственная моя рана, которая прочно и окончательно зажила. Но я всё ещё помню ту боль.

Свет, этот мужчина опроверг все её ожидания! Белая Башня была тем местом, в котором любой способный направлять мужчина должен был потерять присутствие духа. Даже Возрождённый Дракон. Но он не выглядел сколько-нибудь взволнованным.

Она открыла было рот, но тут же закрыла, поскольку сквозь плотную

толпу протиснулась одна из Айз Седай. Тиана?

Женщина что-то достала из рукава и протянула ал'Тору. Небольшое письмо, скреплённой красной восковой печатью.

— Это вам, — произнесла она. Ее голос был напряжён, пальцы дрожали, однако дрожь была едва заметна. Но Суан научилась выявлять признаки эмоций Айз Седай.

Ал'Тор вскинул бровь, затем протянул руку и взял письмо.

— Что это?

— Я обещала его передать, — сказала Тиана. — Я хотела было отказаться, но никогда бы не подумала, что вы явитесь в... Я

имела в виду...

Она осеклась и умолкла. Затем проскользнула обратно в толпу.

Не читая, ал'Тор спрятал послание в карман.

— Постарайся успокоить Эгвейн, когда я сделаю то, что должен, — сказал он Суан.

Затем он глубоко вздохнул и шагнул вперёд, игнорируя охрану, к дверям в Зал Совета. Стражи робко поспешили следом, не смея его остановить.

* * *

Когда Ранд без сопровождения

вошёл в Зал, по коже рук Эгвейн пробежали мурашки. Оставшиеся снаружи Айз Седай столпились в дверях, пытаясь не таращиться во все глаза. Сильвиана взглянула на Эгвейн. Должна ли эта встреча быть Запечатана Пламенем для всех, кроме Совета?

«Нет, — подумала Эгвейн. — Им необходимо видеть, что я ему противостою. Свет, но я не чувствую, что к этому готова».

Но тут уж ничего не поделаешь. Она собралась, повторяя слова, которые всё утро вертелись в её голове. Это был не Ранд ал'Тор, друг детства, человек, за которого она собиралась выйти замуж. К Ранду

ал'Тору она могла бы проявить снисходительность, однако в данной ситуации это могло привести к концу света.

Нет. Этот человек был Возрождённым Драконом. Самый опасный мужчина из когда-либо живших на земле. Высокий, гораздо более уверенный в себе, чем ей помнилось. В простой одежде.

Он прошёл прямо в центр Зала; Стражи, сопровождавшие его, остались снаружи. Он остановился в центре изображённого на полу Пламени, окружённый сидевшими на своих местах Восседающими.

— Эгвейн, — произнёс Ранд, его голос эхом отразился от стен залы.

Он кивнул ей, словно в знак уважения. — Вижу, ты добила своего. Палантин Амерлин тебе к лицу.

В свете того, что ей не так давно приходилось о нём слышать, его спокойствие было для неё неожиданным. Возможно, это было обречённостью решившего сдаться преступника.

Неужели она так о нём и думает? Как о преступнике? Он совершал поступки, без сомнения, кажущиеся преступными: он разрушал, он завоевывал. Последний раз она была рядом с ним, когда они путешествовали по Айильской Пустыне. В то время в нём появилась

некая твёрдость, и она по-прежнему видела в нём эту черту. Однако теперь появилось что-то ещё. Нечто большее.

— Что с тобой произошло? — спросила она, подавшись вперёд с Престола Амерлин.

— Я был сломан, — произнёс Ранд, держа руки за спиной. — А затем, что поразительно, был выкован заново. Мне кажется, он почти заполучил меня, Эгвейн. Именно Кадсуане открыла мне глаза на то, что это нужно исправить, хотя у неё это вышло случайно. Тем не менее, полагаю, мне следует пересмотреть своё решение об её изгнании.

Он говорил иначе. Была в его словах некая церемонность, которой она не знала прежде в Ранде. У другого человека она бы предположила хорошее образование и просвещённость. Но у Ранда не было ни того, ни другого. Неужели его наставники столь быстро добились успеха?

— Для чего ты явился к Престолу Амерлин? — спросила она. — Желаешь ли ты просить о чём-либо или явился, чтобы предать себя в руки Белой Башни?

Он изучал её, по-прежнему держа руки за спиной. За его спиной одна за другой в Зал тихо вошли тринадцать Айз Седай. Их окружало

сияние *саидар* — они удерживали его щит.

Казалось, Ранда это нисколько не волновало. Он изучал помещение, разглядывал Восседающих. Его взгляд задержался на скамье Красных. Два места там пустовали. Певара и Джавиндра всё ещё не вернулись со своей тайной миссии. Лишь Барасин, недавно избранная вместо Духары, была на месте. К её чести она спокойно встретила взгляд Ранда.

— Прежде я ненавидел тебя, — сказал Ранд, вновь повернувшись к Эгвейн. — В последние месяцы меня переполняло много чувств. Кажется, с того самого момента, как Морейн

явилась в Двуречье, я старался избегать сетей Айз Седай. И всё же, я позволил опутать себя другим, невидимым сетям, но более опасным.

— Мне пришло в голову, что я перестарался. Меня волновало, что, послушайся я тебя, ты попыталась бы управлять мной. Мной двигало не стремление к независимости, а страх стать бесполезным. Я боялся, что всё, что я сделаю, будет совершенно тобой, а не мной, — он помедлил. — Я хотел найти кучу спин, на которые я мог бы удобно взвалить вину за свои преступления.

Эгвейн нахмурилась.
Возрождённый Дракон явился в

Башню, чтобы поупражняться в пустой философии? Может, он *уже* безумен?

— Ранд, — сказала Эгвейн, стараясь смягчить тон, — я собираюсь попросить кое-кого из сестёр побеседовать с тобой, чтобы решить, всё ли с тобой... в порядке. Пожалуйста, постарайся понять.

Как только они узнают побольше о его состоянии, они смогут решить, что с ним делать. Возрождённому Дракону была необходима свобода, чтобы поступать так, как гласили Пророчества. Однако можно ли позволить ему разгуливать просто так сейчас, когда он в их руках?

Ранд улыбнулся.

— О, я *понимаю*, Эгвейн. И, к сожалению, вынужден тебе отказать. Слишком много дел требуют моего участия. По моей вине голодают люди, другие живут в постоянном страхе перед тем, что я совершил. Один хороший друг скачет навстречу смерти совсем без поддержки. И так осталось слишком мало времени исполнить всё, что я должен.

— Ранд, — произнесла Эгвейн, — мы должны быть уверены.

Он кивнул, будто понимая.

— Это — часть, о которой я сожалею. Я не хотел являться в средоточие твоей власти, которую тебе так ловко удалось приобрести, и

отказываться выполнять твои
требования. Но ничего не поделаешь.
Ты должна знать мои планы, чтобы
суметь подготовиться.

— В прошлый раз, когда я
попытался запечатать Отверстие, я
вынужден был делать это без помощи
женщин. Это — одна из причин
неудачи, хотя, возможно, отказав мне
в поддержке, они проявили мудрость.
Что ж, вина обоюдная, но второй раз
я не намерен совершить ту же
ошибку. Я считаю, что *саидин* и
саидар должны быть использованы
вместе. Пока у меня нет ответов.

Изучая его, Эгвейн подалась
вперёд. В его взгляде не было
безумия. Она знала эти глаза. Она

знала Ранда.

«Свет, — подумала она. — Я ошибалась. Я не должна воспринимать его только как Возрождённого Дракона. Я здесь не просто так. Он здесь не просто так. Для меня он должен оставаться Рандом. Потому что Ранду можно доверять, в то время как Возрождённого Дракона следует опасаться».

— Который из них ты? — неосознанно прошептала она.

Он услышал.

— Оба, Эгвейн. Я помню Льюса Тэрина. Я вижу всю его жизнь, каждый безысходный момент. Я вижу это, словно сон, но ясный сон. Мой

собственный сон. Это часть меня.

Это были слова сумасшедшего, однако они звучали спокойно. Она смотрела на него и вспоминала того юношу, которым он некогда был. Серьёзный парень. Не мрачный, как Перрин, не буйный, как Мэт. Надёжный, честный. Человек, которому можно доверить всё.

Даже судьбу мира.

— Через месяц, — произнёс Ранд, — я собираюсь отправиться к Шайол Гул и сломать последние печати на Узилище Тёмного. Мне потребуется твоя помощь.

Сломать печати? Она видела подобное в своём сне, Ранд, разрубавший веревки, стянувшие

хрустальную сферу.

— Ранд, не надо, — произнесла она.

— Мне понадобится вы. Все вы, — продолжил он. — Надеюсь, во имя Света, что на сей раз, вы меня поддержите. Я хочу, чтобы мы встретились за день до того, как я направлюсь к Шайол Гул. И тогда... Что ж, тогда мы обсудим мои условия.

— Твои условия? — переспросила Эгвейн.

— Увидишь, — сказал он, развернувшись, словно собираясь уходить.

— Ранд ал'Тор! — воскликнула она, поднимаясь. — *Не смей*

поворачиваться спиной к Престолу Амерлин!

Он замер, затем повернулся к ней лицом.

— Ты не можешь просто сломать печати, — сказала Эгвейн. — Этим ты рискуешь освободить Тёмного.

— Это риск, на который мы обязаны пойти. Убрать обломки. Отверстие должно быть полностью открыто, прежде чем его можно будет снова запечатать.

— Мы должны это обсудить, — произнесла она. — Всё спланировать.

— Вот почему я пришёл к тебе. Чтобы позволить тебе планировать.

Он выглядел так, словно забавлялся. Свет! Разозлившись, она уселась обратно. Он был так же упёрт и своеволен, как и его отец.

— Нам нужно поговорить, Ранд. Не только об этом, ещё и о многом другом. И не последнее в этом списке — сёстры, которых связали Узами твои люди.

— Мы поговорим об этом, когда вновь встретимся.

Нахмурившись, она посмотрела на него.

— И вот мы пришли к этому, — произнёс Ранд. Он поклонился ей. Слегка, лишь чуть склонив голову.

— Эгвейн ал'Вир,
Блюстительница Печатей, Пламя Тар

Валона, позволяете ли вы мне вас покинуть?

Он попросил об этом столь вежливо, что Эгвейн не могла решить, дразнит он её или нет. Она встретила с ним взглядом. *«Не заставляй меня делать то, о чём я буду сожалеть»*, — казалось, говорили его глаза.

Неужели она смогла бы его удержать? После того, как сама сказала Элайде о том, что он должен быть свободен?

— Я не позволю тебе сломать печати, — сказала она. — Это безумие.

— Тогда мы встретимся в месте, известном как Поле Меррилора,

расположенном неподалёку к северу отсюда. Перед тем, как я отправлюсь к Шайол Гул, мы побеседуем. А сейчас, хотя я не хочу пренебрегать твоими требованиями, Эгвейн, но я *должен* идти.

Ни один из них не отводил взгляд. Остальные присутствовавшие, казалось, и вовсе не дышали. В Зале было так тихо, что Эгвейн слышала, как под ветром поскрипывает свинцовый оклад круглого окна.

— Замечательно, — сказала Эгвейн. — Но это не конец, Ранд.

— Конца не существует, Эгвейн, — ответил он, затем кивнул ей и развернулся, направившись к выходу из Зала. Свет! У него

отсутствовала кисть левой руки! Как это произошло?

Пропуская его, сёстры и Стражи неохотно расступались. Эгвейн поднесла руку к голове, чувствуя лёгкое головокружение.

— Свет! — воскликнула Сильвиана. — Как вы сумели думать во время *этого*, Мать?

— Что?

Эгвейн оглядела Зал. Многие из Восседающих обмякли на своих местах.

— Что-то схватило моё сердце, — сказала Барасин, поднимая руку к груди, — и крепко сжало. Я не посмела заговорить.

— *Я пыталась* говорить, —

отозвалась Юкири. — Но мои губы отказывались шевелиться.

— *Та'верен*, — произнесла Саэрин. — Однако эффект был настолько силён, словно... Мне показалось, это *сломает* меня изнутри.

— Как вам удалось противиться этому, Мать? — спросила Сильвиана.

Эгвейн нахмурилась. Она ничего подобного не почувствовала. Возможно, это оттого, что она воспринимала его как Ранда.

— Нам необходимо обсудить его слова. Совет Башни продолжит свою работу через час.

И уж *эта* беседа будет Запечатана Пламенем для всех,

кроме Совета.

— И отправьте кого-то убедиться, что он действительно уходит.

— Гарет Брин уже занимается этим, — донёлся голос Чубейна из-за дверей.

Восседающие потрясённо поднялись на ноги. Сильвиана наклонилась к Эгвейн:

— Вы правы, Мать. Ему нельзя позволить сломать печати. Но что нам делать? Если вы не плените его...

— Сомневаюсь, что мы смогли бы удержать его, — сказала Эгвейн. — В нём есть нечто особенное. Я... я чувствовала, что он

смог бы пробить щит без особых усилий.

— Тогда как? Как нам остановить его?

— Нам необходимы союзники, — произнесла Эгвейн. Она глубоко вздохнула. — Его могут убедить люди, которым он доверяет.

Либо его можно заставить передумать, если ему будет противостоять достаточно большая группа людей, объединившихся, чтобы остановить его. Теперь разговор с Илэйн и Найнив стал *жизненно* важным.

Глава 4

УЗОР СТОИТ

— Что это? — спросил Перрин, пытаясь не обращать внимания на резкий запах гниющего мяса. Он не видел ни одного трупа, но его нос говорил ему, что земля должна быть просто усеяна ими.

Перрин стоял с передовым отрядом на обочине Джеханнахского тракта и смотрел на север, на холмистую равнину с редкими деревьями. Трава, как и в других местах, была бурой и пожелтевшей, но чем дальше от дороги, тем темнее она становилась, будто поражённая

какой-то болезнью.

— Мне уже приходилось видеть подобное прежде, — промолвила Сеонид. Миниатюрная светлокожая Айз Седай склонилась у края дороги, вертя в руках листик какого-то небольшого растения. На женщине было зелёное шерстяное платье, элегантное, но без вышивки. Единственным украшением Айз Седай было кольцо Великого Змея.

В небе тихо пророкотал гром. За спиной Сеонид с невозмутимыми лицами, сложив руки на груди, стояли шесть Хранительниц Мудрости. Перрин и не думал просить Хранительниц Мудрости или их двух их учениц — Айз Седай

подождать. Возможно, ему повезло, что они позволили *ему* сопровождать *их*.

— Да, — сказала Неварин. Звякнув браслетами, она опустилась на колени и взяла из рук Сеонид лист. — Ещё девочкой я однажды побывала в Запустении. Мой отец считал, что мне будет полезно его увидеть. И это похоже на увиденное там.

Перрин побывал в Запустении лишь раз, но эти тёмные пятна и вправду выглядели характерно для тех мест. К подножию одного из растущих в отдалении деревьев слетела красная сойка и принялась ковыряться в ветках и листьях, но не

нашла ничего интересного и упорхнула прочь.

Беспокоило то, что здесь растения выглядели лучше, чем встреченные ими ранее. Хоть и покрытые пятнами, они были живые и даже цветущие.

«Свет, — подумал Перрин, взяв у Неварин протянутый листик. От того пахло гнилью. — *Что же это за мир такой, где Запустение представляется хорошей альтернативой?*»

— Мори обошла по кругу весь участок, — сообщила Неварин, кивнув в сторону стоящей неподалёку Девы. — Ближе к центру он темнеет. Она не смогла

разглядеть, что там.

Перрин направил Трудягу прочь с дороги. Фэйли последовала за ним. От неё совершенно не пахло страхом, несмотря на то, что охранявшие Перрина двуреченцы помедлили.

— Лорд Перрин? — позвал его Вил.

— Скорее всего, это не опасно, — сказал Перрин. — Животные по-прежнему пересекают этот клочок земли.

Запустение было страшно тем, что его населяло. И если живущие там чудовища каким-то образом пробрались на юг, Перрину следовало это узнать. Айил без промедления последовали за ним. И,

раз Фэйли присоединилась к нему, то и Берелейн тоже пришлось это сделать. Анноура и Галенне ехали за ней по пятам. Хвала Свету, Аллиандре согласилась в отсутствие Перрина остаться и присмотреть за лагерем и беженцами.

Лошади и так уже были напуганы, да и вид окрестностей не способствовал их спокойствию. Чтобы приглушить вонь гниения и смерти, Перрину пришлось дышать через рот. Земля здесь тоже была влажной, и лошади ступали очень осторожно, поэтому путь занял немало времени. Хоть бы облака разошлись, чтобы солнце могло немного подсушить почву. Большая

часть луга была покрыта травой, клевером и невысокими сорняками. Чем дальше, тем становилось больше тёмных пятен. Уже через несколько минут пути растения вокруг были скорее бурыми, чем зелёными или жёлтыми.

В конце концов они выехали к небольшой впадине, находившейся меж трёх холмов. Перрин резко осадил Трудягу, остальные сопровождающие собрались вокруг. Перед ними оказалась необычная деревня. Она состояла из лачуг, построенных из странного дерева, похожего на огромный тростник, а кровлей служили огромные листья шириной в две ладони.

Здесь не было ни единого растения, лишь песчаная почва. Перрин соскользнул с седла и наклонился, чтобы потрогать её, растерев песок между пальцами. Он взглянул на остальных. От них пахло замешательством.

Перрин осторожно повёл Трудягу к центру деревни. Запустение расходилось именно из этой точки, но саму деревню оно не затронуло. Девы во главе с Сулин подняли вуали и разбежались в разные стороны. Обмениваясь друг с другом энергичными жестами, они быстро проверили лачуги, затем вернулись.

— Никого? — спросила Фэйли.

— Никого, — откликнулась Сулин, настороженно опуская вуаль. — Это место заброшено.

— Кто бы стал строить такую деревню в Гэалдане? — спросил Перрин.

— Её построили не здесь, — ответила Масури.

Перрин повернулся к стройной Айз Седай.

— Эта деревня не из этих мест, — продолжила Масури. — Дерево, из которого построены дома, не похоже ни на что из виденного мной.

— Узор стонет, — тихо заметила Берелейн. — Мёртвые ходят среди живых. Странные смерти. В городах

пропадают целые комнаты и портится еда.

Перрин поскрёб подбородок, припомнив тот день, когда его собственный топор попытался его убить. Если целые деревни исчезают и появляются в других местах, если Запустение лезет из всех щелей рвущегося Узора... Свет! Насколько же всё действительно плохо?

— Сожгите деревню, — сказал он, разворачиваясь. — Воспользуйтесь Единой Силой. Уничтожьте как можно больше испорченной травы. Возможно, нам удастся приостановить распространение этой заразы. Армия встанет лагерем в часе пути отсюда

и, если потребуется больше времени, останется там и завтра.

На этот раз ни Хранительницы Мудрости, ни Айз Седай даже не фыркнули в знак недовольства прямым приказом.

* * *

«Давай поохотимся, брат».

Перрин обнаружил, что находится в волчьем сне. Он смутно помнил, что в ожидании отчета от тех, кому было поручено разобраться с той странной деревней, клевал носом при свете гаснущей лампы, одинокий огонёк которой дрожал на

самом кончике фитиля. Он читал найденный Гаулом среди захваченных в Малдене вещей томик «Путешествий Джейина Далекоходившего».

Теперь Перрин лежал на спине посреди огромного поля с высокой, по пояс, травой. Он смотрел в небо, колыхающаяся от ветра трава щекотала его щёки и руки. Там, в вышине, назревала та же буря, что и в мире яви. Здесь она была даже более жестокой.

Всматриваясь в неё сквозь обрамление бурых и зелёных стеблей травы и дикого проса, Перрин практически *ощущал*, как приближается, словно сползает с

неба буря, чтобы проглотить его.

«Юный Бык! Давай! Пойдем охотиться!»

Это был зов волчицы. Перрин инстинктивно знал, что её называли Танцующая В Дубах из-за того, что ещё щенком она скакала меж молодых деревьев. В волчьем сне были и другие. Шептунья. Утренняя заря. Искристый. Свободный От Оков. Добрая дюжина звала его идти с ними, некоторые из них были просто спящими волками, другие — духами умерших.

Их зов был смесью запахов, образов и звуков. Запах несущегося вскачь самца оленя, оставляющего следы копыт на весенней земле.

Шорох опавших листьев под лапами бегущих волков. Победные рыки, возбуждение несущейся вместе стаи.

Эти призывы разбудили некие жившие глубоко внутри него чувства — того волка, которого он пытался запереть в себе. Но волка не удержать взаперти надолго. Он либо сбежит, либо умрёт, не выдержав заточения. Перрину страстно хотелось вскочить на ноги и послать радостное согласие, отдавшись чувству стаи. Он был Юным Быком, и ему здесь были рады.

— Нет! — воскликнул Перрин, садясь и хватаясь за голову. — Я *не* хочу потерять себя.

Справа от него в траве сидел

Прыгун. Крупный серый волк не мигая наблюдал за Перрином, в его золотистых глазах отражались вспышки молний в небе. Трава доходила Прыгуну до шеи.

Перрин опустил руку. Воздух был *густым*, влажным и пах дождём. Кроме этих запахов и аромата иссушенного поля, Перрин чувствовал запах Прыгуна — от волка пахло терпением.

«Тебя зовут, Юный Бык», — пришло от Прыгуна.

— Я не могу охотиться с вами, — объяснил Перрин. — Мы уже говорили об этом, Прыгун. Я теряю себя. Когда я принимаю бой, я впадаю в бешенство. Как волк.

«Как волк? — послал Перрину Прыгун. — Но ты и есть волк, Юный Бык. И человек. Пойдём поохотимся».

— Я же говорил, что не могу! Я не позволю этому меня поглотить.

Он вспомнил о молодом парне с золотыми глазами, запертом в клетке и утратившим всё человеческое, что в нём было. Его звали Ноам — Перрин видел его в деревне под названием Джарра.

«Свет, — подумал Перрин. — Это же неподалёку отсюда». По крайней мере, неподалёку от того места, где в реальном мире дремало его тело. Джарра находилась в Гэалдане. Какое странное

совпадение.

«Рядом с та'вереном совпадений не бывает».

Он нахмурился, поднимаясь на ноги и оглядываясь вокруг. В тот раз Морейн сказала Перрину, что в Ноаме не осталось ничего человеческого. Вот что ждёт волчьего брата, если позволить внутреннему волку полностью себя поглотить.

— Я должен или научиться это контролировать, или изгнать из себя волка, — сказал Перрин. — Времени на компромисс не осталось, Прыгун.

От Прыгуна пахло досадой. Ему не нравилось то, что он называл человеческим стремлением контролировать вещи.

«*Пойдём, — отозвался Прыгун из травы, вставая. — Охотиться*».

— Я...

«*Пойдём учиться, — раздражённо послал Прыгун. — Последняя Охота близко*».

Послание Прыгуна содержало образ волчонка, убивающего впервые в жизни. Это — и обычно не свойственное волкам беспокойство о будущем.

Последняя Охота несла с собой перемены.

Перрин медлил. В прошлый раз Перрин высмеял возможность того, что Прыгун будет обучать его управлению волчьим сном. Бросать вызов авторитету старшего было

совершенно неуместно для молодого волка, но всё же таков был его ответ. Прыгун пришёл его учить, но делать он будет это на волчий манер.

— Прости, — сказал Перрин. — Я поохочусь с тобой, но я не должен потерять себя.

«То, о чём ты беспокоишься, — недовольно послал ему Прыгун. — Как ты можешь думать такими образами из ничего?» Ответ волка сопровождался образами пустоты — чистое небо, пустое логово, бесплодное поле.

«Ты Юный Бык. Ты всегда будешь Юным Быком. Как ты можешь потерять Юного Быка? Посмотри вниз, и ты увидишь его

лапы. Кусай, и его зубы будут убивать. Этого нельзя утратить».

— Таковы дела людей.

«Снова и снова всё те же пустые слова», — пришёл ответ Прыгуна.

Перрин глубоко вздохнул, втянув и выдохнув сырой воздух.

— Хорошо, — сказал он, ощущая тяжесть появившихся в руках молота и ножа. — Идём.

«Будешь ловить добычу своими копытами»? — Это был образ быка, не обращающего внимания на свои рога и пытающегося запрыгнуть на спину оленя и втоптать его в землю.

— Ты прав, — Перрин внезапно обнаружил, что держит в руках

добротный двуреченский лук. В стрельбе он был не так хорош, как Джондин Барран или Ранд, но кое-что умел.

Прыгун послал образ быка, плюющего в оленя. Перрин зарычал, отвечая образом когтей, что выстреливают из лап волка и поражают оленя на расстоянии, но это, казалось, только ещё больше развеселило Прыгуна. Несмотря на своё раздражение, Перрину пришлось признать, что этот образ вышел довольно нелепым.

Волк поделился этим образом с остальными, и те ответили весёлым воем, хотя большинство из них отдали своё предпочтение образу

быка, прыгающего на олене. Перрин снова зарычал, бросаясь вслед за Прыгуном к дальней роще, где ждали остальные волки.

Чем дальше он бежал, тем гуще, казалось, становилась трава. Она замедляла его передвижение, будто спутанный подлесок. Прыгун скоро обогнал его.

«Беги, Юный Бык!»

«Я пытаюсь», — мысленно ответил Перрин.

«Не так, как раньше!»

Перрин продолжил продираться сквозь траву. Это странное место, этот прекрасный мир, где бегали волки, мог быть пьянящим. И опасным. Прыгун не раз об этом

предупреждал Перрина.

«Оставь опасности на завтра. Выбрось их из головы, — пришло послание от удалявшегося Прыгуна. — Беспокойство — это для двуногих».

«Я не могу выбросить из головы свои проблемы!» — ответил Перрин.

«Однако ты часто так поступаешь», — послал ему Прыгун.

Это походило на правду — возможно, даже больше, чем думал волк. Перрин ворвался на поляну и резко остановился. Здесь прямо на земле лежали три куска металла, которые он выковал в недавнем сне. Большой комок размером с два кулака, сплюснутый жезл и тонкий

прямоугольник. Последний слабо сиял жёлто-красным светом, обуглив вокруг себя траву.

Куски железа тут же исчезли, хотя от раскалённого прямоугольника остался выжженный след. Перрин оторвал взгляд от травы, пытаясь разглядеть волков. Впереди, в небе прямо над деревьями открылась огромная чёрная дыра. Он не мог прикинуть расстояние до неё, но она, казалось, перекрывала собой всё, что мог видеть Перрин, и в то же время была далеко.

Там стоял Мэт. Он сражался с самим собой, с дюжиной разных противников, имевших его лицо и одетых в разные красивые одежды.

Мэт крутил своё копье, не замечая спрятавшуюся в тених фигуру с окровавленным ножом, которая подкрадывалась к нему со спины.

— Мэт! — закричал Перрин, хоть и знал, что это бессмысленно. То, что он видел, было чем-то вроде сна или видения о будущем. Давненько он не видел такого. Он было уже решил, что видения больше не придут.

Перрин отвернулся, и в небе разверзлась ещё одна чёрная дыра. Он вдруг увидел стадо овец, бегущее к лесу. За ними гнались волки, а в лесу, никем незамеченное, поджидало ужасное чудовище. Он тоже был там, в этом видении, он это

почувствовал. Но за кем он гнался и почему? С теми волками что-то было не так.

Третья чёрная дыра сбоку. Фэйли, Грейди, Илайас, Гаул — все они шли к пропасти, а за ними следовали тысячи других.

Видение исчезло. Внезапно в воздухе пронёсся Прыгун, который приземлился рядом с Перрином и проехал лапами по траве, чтобы остановиться. Волк бы не заметил тех чёрных дыр — они никогда не представляли его взору. Вместо этого он с презрением изучил опаленный участок травы и послал ему образ — всклокоченного Перрина, с мутным взглядом, отросшей бородой и

волосами и в потрёпанной одежде. Перрин вспомнил то время: первые дни после пленения Фэйли.

Неужели он и впрямь выглядел так ужасно? Свет, он был похож на оборванца. Почти как нищий. Или... как Ноам.

— Хватит меня путать! — воскликнул Перрин. — Я стал таким тогда, потому что всецело отдался поискам Фэйли, а не потому что сблизился с волками!

«Щенки-новички всегда винят во всём старших стаи». — Прыгун снова скачками помчался сквозь траву.

О чём это он? Запахи и образы совершенно сбили с толку. Зарычав,

Перрин рванулся вперёд, оставив позади поляну, и выбежал на луг. И снова высокие стебли мешали ему двигаться. Это было похоже на борьбу с течением.

Прыгун снова вырвался вперёд.

— Чтоб тебе сгореть, подожди меня! — закричал Перрин.

«Если ждать — потеряем добычу. Беги, Юный Бык!»

Перрин стиснул зубы. На таком расстоянии Прыгун казался точкой почти у самых деревьев. Перрин хотел поразмышлять о своих видениях, но на это не было времени. Он знал, что если потеряет Прыгуна из виду, то этой ночью больше его не увидит. *«Ладно»*, — смиренно

подумал он.

Земля вокруг него дрогнула, заросли травы в мгновение ока пронеслись мимо. Будто Перрин за один шаг преодолел расстояние в сотню. Он шагнул снова, бросившись вперёд, оставляя позади размытый след.

Трава расступилась. Ветер с приятным завыванием бил в лицо. Тот, дремлющий внутри него первобытный волк, начал пробуждаться. Перрин добрался до леса и замедлился. Теперь каждый шаг переносил его всего на десять футов. Остальные волки были здесь, они собрались и радостно побежали рядом.

«Две ноги, Юный Бык?» — поинтересовалась Танцующая В Дубах, молодая самка с такой светлой шкурой, что та казалась почти белой и с чёрной полоской на правом боку.

Он не ответил, но позволил себе бежать с ними сквозь чащу. Показавшаяся поначалу небольшой роща, оказалась огромным лесом. Перрин бежал почти не чувствуя под ногами земли мимо зарослей папоротника, мимо стволов деревьев.

Вот так и надо бежать по-настоящему. Мощно. Активно. Он перепрыгивал через упавшие деревья, подбрасывая себя вверх так высоко, что касался волосами нижних ветвей

деревьев, и мягко приземлялся. Это был его лес. Лес принадлежал ему, и Перрин понимал это.

Все его тревоги начали улетучиваться. Он позволил себе принять вещи такими, какие они есть, а не такими, какими, по его опасениям, они могли стать. Эти волки были его братьями и сёстрами. В реальном мире бегущие волки были воплощением баланса и контроля. Здесь же — где все законы природы подчинялись их воле — они были чем-то большим. Волки скакали в стороны и прыгали по деревьям; ничто не удерживало их на земле. Некоторые и впрямь забирались на ветки, перелетая с

сука на сук.

Будоражащее ощущение. Чувствовал ли он когда-нибудь себя таким же живым? Настолько единым с этим миром, но в то же время его повелителем? Грубоватые, но величественные кожелисты росли вперемешку с тисами, изредка перемежаясь цветущими пряными деревьями. Пробегая мимо одного из них, Перрин подбросил себя в воздух, и вызванный его движением порыв сорвал с ветвей ураган алых цветков. Они взвились вокруг него в расплывчатом водовороте, затянутые потоками воздуха, убаюкивая Перрина своим сладким ароматом.

Волки принялись выть. Для

обычного человека один вой был неотличим от другого. Для Перрина же каждый вой был особенным. Сейчас волки были от удовольствия, в знак начала охоты.

«Стоп. Это же то, чего я боялся! Я не могу позволить себе попасть в эту ловушку. Я человек, а не волк».

Однако в тот же миг он почуял запах оленя. Могучее животное, достойное стать добычей. Он пробежал здесь совсем недавно.

Перрин попытался сдержаться, но предвкушение охоты оказалось слишком сильным. Он рванул по звериной тропе вслед за запахом. Все волки, и Прыгун в том числе, не

стали его обгонять. Они бежали вместе с ним, и их запахи выражали радость того, что они уступили ему право вести стаю.

Он был предвестником, смыслом, остриём атаки. За его спиной ревела охота. Как будто он возглавлял разрушительную океанскую волну. Но он же её и сдерживал.

«Я не вправе вынуждать их бежать медленно из-за меня», — подумал Перрин.

И опустился на четвереньки, его лук оказался выброшен и забыт, его руки и ноги превратились в лапы. Стая позади него вновь завывала, теперь уже торжествующе, в честь

этого момента. Теперь Юный Бык присоединился к ним по-настоящему.

Впереди показался олень. Юный Бык заметил его сквозь деревья — белоснежный самец с рогами по меньшей мере в двадцать шесть отростков и уже сменивший свою зимнюю шерсть. Олень был огромным, больше лошади. Он повернулся, глядя прямо на стаю. Встретился взглядом с Перрином, и тот почуял его тревогу. Затем, мощно оттолкнувшись задними ногами, напрягая все мышцы на боках, олень прыгнул с тропы прочь.

Юный Бык взвыл, взяв след, и бросился в погоню за добычей сквозь

подлесок. Огромный белый олень мчался скачками, каждый его прыжок покрывал расстояние в двадцать шагов. Он ни разу не задел ветку и не споткнулся, несмотря на ненадёжный лесной покров из скользкого мха.

Юный Бык следовал за добычей след в след, соразмеряя каждый шаг, ставя лапы точно туда, куда мгновения назад ударили копыта оленя. Он слышал тяжёлое дыхание оленя, видел выступивший на его боках пот, чувствовал запах его страха.

Но нет. Юному Быку *не пристало* одерживать жалкую победу, загоняя добычу до смерти. Он

порвёт горло и испробует крови, бьющей в полную силу от здорового сердца. Он одолеет свою добычу, пока та сильна.

Он начал чередовать свои прыжки, перестав следовать точно по следу оленя. Ему нужно быть впереди, а не бежать следом! Запах оленя стал тревожнее. Это заставило Юного Быка поднажать. Олень стрелой метнулся вправо, и Юный Бык прыгнул, оттолкнувшись всеми четырьмя лапами от ствола дерева справа и бросая себя в сторону, чтобы изменить направление движения. Этот поворот выгадал ему мгновение.

Вскоре он уже мчался на

расстоянии одного вдоха от оленя, с каждым прыжком не дотягиваясь всего пары дюймов до копыт добычи. Он взвыл, и его братья и сёстры за спиной откликнулись. Они все были этой охотой. Единым целым.

Но вёл их Юный Бык.

Когда олень вновь вильнул, его вой перешёл в победное рычание. Вот он, шанс! Юный Бык перепрыгнул через поваленное дерево и впился зубами в шею оленя. Он почувствовал пот, шерсть, тёплую кровь, сочащуюся там, где его клыки разорвали шкуру. Его вес опрокинул добычу на землю. Они покатались, но Юный Бык не ослаблял хватку, прижимая оленя к земле. Шкура

оленья окрасилась кровью.

Волки победно взвыли, и Юный Бык на мгновение отпустил горло добычи, намереваясь перекусить горло оленя спереди и убить. Все остальное потеряло для него значение. Лес пропал. Вой стих. Осталось только убийство. Сладкое убийство.

Вдруг на него что-то обрушилось, отбросив в кусты. Оскалившись, Юный Бык, ошеломлённо потрянул головой. Его остановил другой волк. Прыгун! Но почему?

Олень прыжком взвился на ноги и снова ускакал в лес. Юный Бык взвыл от ярости и гнева,

приготовившись броситься следом. И снова прыжок Прыгуна сбил Юного Быка.

«Если он умрёт здесь, то умрёт последней смертью, — пришло послание от Прыгуна. — Эта охота окончена, Юный Бык. Поохотимся в другой раз».

Юный Бык едва не набросился на Прыгуна. Но нет. Он уже однажды пытался это сделать, и это было ошибкой. Он же не волк. Он...

Перрин лежал на земле, тяжело дыша и ощущая во рту привкус чужой крови, его лицо было мокрым от пота. Он поднялся на колени, затем сел, задыхаясь и трепеща от этой прекрасной, *пугающей* охоты.

Остальные волки тоже сели, молча. Прыгун лёг рядом с Перрином, положив свою седую голову на старые лапы.

— Вот то, чего я боюсь, — наконец произнёс Перрин.

«Нет, ты не боишься этого», — пришёл ответ от Прыгуна.

— Ты говоришь мне, что я чувствую?

«От тебя не пахнет страхом», — послал в ответ Прыгун.

Перрин откинулся на спину, сминая прутьи и листья под собой, и уставился на ветви над головой. Его сердце учащённо билось от погони. — Ну, я беспокоюсь об этом.

«Беспокойство и страх —

разные вещи, — пришло от Прыгуна. — Почему ты говоришь одно, а чувствуешь другое? Беспокоишься, беспокоишься, беспокоишься — только это ты и делаешь».

— Нет. Ещё я убиваю. Если ты будешь учить меня управлять волчьим сном, это будет происходить так же, как сегодня?

«Да».

Перрин посмотрел в сторону. Оленья кровь пролилась на сухой ствол поваленного дерева, впитавшись и оставив на древесине тёмное пятно. Такой способ обучения подтолкнет его на самую грань превращения в волка.

Но он слишком долго избегал этой проблемы, занимаясь ковкой подков в кузнице и оставляя самые сложные и требующие особого внимания детали нетронутыми. Он полагался на силу дарованного ему обоняния, обращался к волкам, когда нуждался в них, но всё остальное время пренебрегал ими.

Нельзя создать вещь, пока не узнаешь, из чего она состоит. Он не сможет узнать, как справиться с волком внутри себя или отвергнуть его, пока не познает волчий сон.

— Отлично, — сказал Перрин. — Пусть так и будет.

Верхом на Стойком Галад рысью объезжал лагерь. По обеим сторонам от него Чада ставили палатки и рыли ямы для костров — лагерь готовился к ночёвке. Его соратники каждый день шли маршем почти до самой темноты и снова поднимались с рассветом. Чем быстрее они доберутся до Андора, тем лучше.

Наконец проклятые Светом болота остались позади. Теперь они шли по полям. Возможно, было бы быстрее срезать путь восточнее и пойти по одному из больших трактов строго на север, но это точно было бы опаснее. Лучше держаться подальше от маневрирующих армий Возрождённого Дракона и Шончан.

Может, путь Детей и озарён Светом, но в его лучах уже погиб не один доблестный воин. Если нет опасности для жизни, то нет и храбрости, однако Галад предпочитал греться в лучах Света, продолжая дышать.

Сегодня они встали лагерем неподалёку от Джеханнахского тракта и следующим утром собирались его пересечь, чтобы продолжить марш на север. Галад выслал патрули присматривать за дорогой. Ему хотелось точно знать, каков характер движения на тракте, а также он остро нуждался в припасах.

Не задерживаясь и пренебрегая болью от многочисленных ран, Галад

объезжал лагерь в сопровождении небольшого числа адъютантов. Лагерь был опрятным и организованным. Палатки были сгруппированы по легионам и поставлены концентрическими кругами, без прямых проходов. Так было задумано, чтобы запутать и задержать атакующих.

Ближе к центру лагеря было оставлено свободное пространство. Тут обычно ставили свои шатры Вопрошающие. Он приказал распределить их по двое на каждый отряд. Если не держать Вопрошающих отдельно от остальных Детей, то, возможно, они почувствуют своё единство с другими

Чадами. Про себя он отметил, что нужно продумать новый порядок устройства лагеря, исключаящий эту дыру по центру.

Галад с товарищами ехал через лагерь. Он делал это специально, чтобы быть у всех на виду, и, видя его, солдаты отдавали честь. В голове крепко засели слова Гарета Брина: «По большей части, главная функция генерала — вовсе не принимать решения, а напоминать своим подчинённым, что *есть* кому принимать решения».

— Милорд Капитан-Командор, — обратился к нему один из сопровождающих, Брандел Вордариан. Он был старше всех

Лордов-Капитанов, находящихся в подчинении у Галада. — Я прошу вас пересмотреть своё решение об отправке этого послания.

Вордариан ехал рядом с Галадом. С другого бока находился Тром. Лорды-Капитаны Голевер и Харнеш двигались чуть позади в пределах слышимости, а следовавший за ними Борнхальд сегодня выполнял обязанности телохранителя Галада.

— Письмо должно быть отправлено, — ответил Галад.

— Мне кажется, это безрассудно, милорд Капитан-Командор, — настаивал Вордариан. Чисто выбритый андорец с

золотистыми волосами, украшенными сединой, обладал необычно квадратной фигурой. Галад был немного знаком с родом Вордарианов — мелкими дворянами, вхожими в окружение его матери.

Только глупец не прислушивается к советам старшего и более мудрого человека. И только глупец следует всем советам подряд.

— Возможно, это и безрассудно, — ответил Галад. — Но так будет правильно. — Письмо было адресовано оставшимся под шончанским контролем Вопрошающим и Детям Света. Там остались те, кто не пришёл с Асунавой. В своём письме Галад

объяснял произошедшее и приказывал как можно скорее предстать перед ним. Вряд ли кто-то из них появится, но они имеют право узнать о случившемся.

Лорд Вордариан вздохнул и уступил своё место рядом с Галадом Харнешу. Лысый мужчина рассеянно поскрёб шрам, оставшийся на месте левого уха:

— Хватит об этом письме, Вордариан. Своей настойчивостью ты испытываешь моё терпение. — На взгляд Галада, терпение мурандийца подвергалось испытанию по множеству поводов.

— Полагаю, у тебя есть другая тема для обсуждения? — Галад

кивнул двум чадам, которые отдали ему честь, прервав рубку дров.

— Вы сказали Чадам Борнхальду, Байару и другим, что планируете вступить в союз с тарвалонскими ведьмами!

Галад кивнул:

— Я понимаю, что подобное заявление может беспокоить, но, если ты его хорошенько обдумаешь, то увидишь, что это единственное верное решение.

— Но ведьмы — зло!

— Возможно, — ответил Галад. Когда-то он отверг бы подобное утверждение. Но, прислушиваясь к другим Чадам и размышляя над тем, что в Тар Валоне сделали с его

сестрой, он решил, что слишком мягко относился к Айз Седай. — Однако, Лорд Харнеш, если они зло, то незначительное по сравнению с Тёмным. Грядёт Последняя Битва. Не станешь же ты это отрицать?

Харнеш с остальными взглянули на небо, которое уже много недель не покидали тоскливые облака. Вчера ещё один солдат свалился от странной болезни — во время кашля у него изо рта полезли жуки. Запасы еды уменьшались, по мере того, как всё больше её портилось.

— Нет. Не стану, — пробормотал Харнеш.

— Тогда тебе нужно радоваться, — продолжил Галад, —

поскольку путь ясен. Мы *должны* сражаться в Последней Битве. Наш пример служения должен показать путь к Свету многим, кто нас отвергал. Но даже в противном случае мы всё равно будем сражаться, поскольку это наш долг. Этого ты тоже не будешь отрицать, Лорд-Капитан?

— И вновь, нет. Однако ведьмы, милорд Капитан-Командор?

Галад покачал головой.

— Не вижу, как нам без них обойтись. Нам нужны союзники. Оглянись, Лорд Харнеш. Сколько у нас людей? Даже учитывая последних присоединившихся к нам рекрутов, у нас наберётся не больше

двадцати тысяч солдат. Наша крепость пала. У нас нет ни резервов, ни союзников, и крупные государства не скажут о нас доброго слова. Нет, не стоит этого отрицать! Ты же знаешь, что это правда.

Галад обвёл взглядом своих спутников, и каждый из них кивнул в ответ.

— Во всём виноваты Вопрошающие, — пробормотал Харнеш.

— Частично это их вина, — согласился Галад. — Но дела обстоят так ещё и потому, что те, кто творят зло, с отвращением и негодованием смотрят на тех, кто стоит за правое дело.

Остальные кивнули.

— Нам нужно действовать осторожно, — продолжил Галад. — В прошлом смелость и, возможно, излишнее рвение Детей Света отвращали тех, кто должен был быть нашим союзником. Моя мать говорила, что дипломатическая победа не в том, чтобы каждый получил то, что желает. Это только заставит каждую из сторон считать, что им удалось переиграть мою мать, что повлечет за собой ещё более непомерные требования. Суть не в том, чтобы угодить каждому, а в том, чтобы убедить каждую сторону, что она получила лучшее из возможного. Они должны быть вполне

удовлетворены, чтобы выполнить ваши пожелания, и одновременно достаточно расстроены осознанием того, что вы их превзошли.

— И какое это имеет отношение к нам? — спросил из-за спины Голевер. — Мы не служим ни королям, ни королевам.

— Да, — ответил Галад, — и именно это пугает всех монархов. Я вырос при андорском дворе. И мне известно, как моя мать относилась к Детям Света. После каждого случая общения с ними она либо оставалась недовольной, либо решала категорично отказать. Мы не можем допустить ни то, ни другое отношение к себе! Монархи этих

земель должны нас *уважать*, а не ненавидеть.

— Приспешники Тёмного, — проворчал Харнеш.

— Моя мать не была Приспешницей Тёмного, — тихо возразил Галад.

Харнеш покраснел.

— Кроме неё, конечно.

— Ты рассуждаешь, словно Вопрошающий, — сказал Галад. — Подозреваешь в каждом, кто нам возражает, Приспешника Тёмного. Многие из них *находятся* под влиянием Тени, но сомневаюсь, что сознательно. Именно здесь кроется ошибка Десницы Света. Вопрошающие часто сами не могут

различить закоренелых
Приспешников Тёмного, тех, кто
оказался под их влиянием, и тех, кто
просто не согласен с Детьми Света.

— И что нам делать? — спросил
Вордариан. — Будем кланяться
каждому чиху монархов?

— Пока мне самому не ясно, что
делать, — признался Галад. — Но я
об этом подумаю. И я найду верный
выход. Мы не можем быть
комнатными собачонками королей и
королев. Но подумайте, чего мы
могли бы достичь в пределах границ
государства, если бы нам не
приходилось привлекать целый
легион для устрашения его
правителя.

Остальные задумчиво кивнули на это замечание.

— Милорд Капитан-Командор! — раздался чей-то голос.

Галад повернулся к Байару, который рысил на белом жеребце позади. Конь прежде принадлежал Асунаве. Сам Галад отказался взять его, предпочитая привычного гнедого. Галад вынудил всех остановиться, дождавшись приближения Байара в белоснежном табарде. Парень не был самым приятным человеком в лагере, но доказал свою преданность.

Однако Байару *не полагалось* находиться в лагере.

— Я приказал тебе следить за

Джеханнахским трактом, чадю Байар, — твёрдым тоном обратился к нему Галад. — И до завершения твоей смены осталось ещё добрых четыре часа.

Байар вытянулся и отдал честь:

— Милорд Капитан-Командор, мы захватили на тракте подозрительную группу путешественников. Что прикажете нам с ними делать?

— Вы их *захватили*? — спросил Галад. — Я отправил вас просто следить за дорогой, а не брать пленных.

— Милорд Капитан-Командор, — ответил Байар. — Как же мы узнаем, кто едет мимо, если

не поговорим с ними? Вы требуете от нас, чтобы мы высматривали Приспешников Тени.

Галад вздохнул.

— Я требовал от вас, чтобы вы следили за перемещением войск или за купцами, с которыми мы могли бы поторговать, чадо Байар.

— Но у этих Приспешников Темного есть припасы, — сказал Байар. — И, я полагаю, они могут быть купцами.

Галад ещё раз вздохнул. Никто не может отрицать верности Байара — тот сопровождал Галада, когда он решил встретиться с Валдой, что могло означать конец карьеры. Но всё же он был *слишком* рьяным.

Худой офицер выглядел встревоженным. Что ж, распоряжения Галада были не вполне чёткими. На будущее нужно будет это учесть, особенно в случае Байара.

— Успокойся, — произнес Галад. — Ты не совершил никакого проступка, Чадо Байар. Сколько именно пленных?

— Несколько десятков, милорд Капитан-Командор, — Байар вздохнул с облегчением. — Едемте.

Он развернул коня, указывая путь. От походных костров уже потянуло дымом, воздух наполнился запахом горящих дров. Проезжая мимо солдат, Галад слышал обрывки

разговоров. Как Шончан поступят с теми Детьми Света, что остались у них? На самом ли деле тот, кто захватил Иллиан и Тир, является Возрождённым Драконом, или он один из Лжедраконов? Галад услышал и разговоры про гигантский камень, который прилетел с неба и ударился оземь далеко на севере Андора, разрушив целый город и оставив после себя кратер.

Такие разговоры между мужчинами выдавали их тревогу. Им следовало бы уяснить, что подобные волнения не приносят пользы. Никто не знает, какой Узор плетёт Колесо.

Пленники Байара оказались группой людей с удивительно

большим числом тяжелогружённых деревянных подвод — с сотню, а может быть и больше. Люди сбились в кучу вокруг своих телег, враждебно глядя в сторону Детей. Быстро оглядевшись, Галад нахмурился.

— Да здесь целый караван, — тихо произнёс Борнхальд рядом. — Торговцы?

— Нет, — так же тихо ответил Галад. — Это специальные повозки для дальних странствий. Видишь деревянные гвозди по бортам, чтобы телеги можно было разбирать на части? Мешки с овсом для лошадей. А там, в повозке, что справа, сзади лежат завёрнутые в холстину кузнечные инструменты. Видишь

выглядывающие молотки?

— О, Свет! — прошептал Борнхальд. Он тоже понял. Это были маркитанты армии огромного размера. Но где же солдаты?

— Будьте готовы их разделить, — спешиваясь, сказал Галад Борнхальду. Он двинулся к головной подводе. Её возница — человек крупного сложения с багровым лицом — безуспешно пытался прикрыть остатками волос растущую лысину. В руках он нервно мямл коричневую фетровую шляпу; за пояс добротной куртки была заткнута пара перчаток. Галад не заметил у него никакого оружия.

Рядом с телегой стояли двое

заметно моложе. Один был крепким, мускулистым, похожим на бойца — но не на солдата. От него можно было ожидать неприятностей. Рядом, вцепившись в его руку и закусив нижнюю губу, стояла хорошенькая женщина.

Увидев Галада, мужчина в повозке вздрогнул. «Ага, — подумал Галад, — значит, он достаточно сведущ, чтобы узнать пасынка Моргейз».

— Итак, странники, — осторожно начал Галад. — Вы сказали моим людям, что вы купцы?

— Да, добрый господин, — ответил возница.

— Мне мало что известно об

этой части страны. А вам?

— Не особенно, сэр, — ответил возница, скрутив шляпу в руках. — На самом деле, мы сами далеко от дома. Меня зовут Базел Гилл, я родом из Кэймлина. Я ездил на юг в надежде на хорошую сделку с купцом из Эбу Дар. Но из-за этих шончанских захватчиков торговля оказалась невозможна.

Кажется, он сильно нервничал. Но по крайней мере не врал, откуда он родом.

— А как имя этого купца? — спросил Галад.

— Э... Фалин Деборша, милорд, — ответил Гилл. — Вы бывали в Эбу Дар?

— Приходилось, — спокойно ответил Галад. — А у вас целый караван — и интересный набор товаров.

— Мы слышали, что здесь, на юге, собираются армии, милорд. Я скупил много припасов у расформированного отряда наёмников, и думал, что смогу продать их здесь. Может, вашей армии тоже требуются инструменты для лагеря? У нас есть шатры, передвижные кузницы — всё, что нужно солдатам.

«Умно», — подумал Галад. Возможно, он и купился бы на эту ложь, если бы у «купца» не было с собой слишком много поваров,

прачек и кузнецов... и очень мало охраны для столь ценного груза.

— Ясно, — сказал Галад. — Что ж, так уж вышло, что мне *действительно* нужны припасы. Но, в основном, провизия.

— Соболезную, милорд, — сказал мужчина. — Но мы не можем поделиться нашей провизией. Всё остальное я готов продать, но её я пообещал посланцу от кого-то из Лугарда.

— Я заплачу больше.

— Я дал слово, добрый господин, — ответил мужчина. — И не могу его нарушить, невзирая на предложенную цену.

— Ясно, — Галад махнул рукой

Борнхальду. Солдат отдал команду, и вперёд выдвинулись, обнажив оружие, Дети Света в белых табардах.

— Что... что вы делаете? — спросил Гилл.

— Разделяю ваших людей, — ответил Галад. — Мы побеседуем с каждым по отдельности, и посмотрим, совпадают ли ваши истории. Я боюсь, вы были... не слишком откровенны с нами. В конце концов, *мне* вы кажетесь маркитантами крупной армии. В случае, если я окажусь прав, я очень хотел бы знать, чья это армия, не говоря уже о том, где она находится.

Едва солдаты Галада начали

умело разделять пленников, на лбу Гилла выступила испарина. Галад некоторое время наблюдал за мужчиной. Внезапно к нему бегом присоединились Борнхальд с Байаром, державшие руки на мечах.

— Милорд Капитан-Командор, — поспешно обратился Борнхальд.

Галад отвернулся от Гилла.

— Да?

— Похоже, у нас складывается интересная ситуация, — сказал Борнхальд. Его лицо покраснелось от гнева. Байар, стоявший рядом с ним с выпученными глазами, был просто в ярости. — Некоторые пленные заговорили. Всё так, как вы

и опасались. Неподаляку находится крупная армия. Они сражались с айильцами — те парни в белой одежде на самом деле айильцы.

— И?

Байар плюнул в сторону.

— Вы когда-нибудь слышали о человеке по имени Перрин Златоокий?

— Нет. А должен был?

— Да, — ответил Борнхальд. — Он убил моего отца.

Глава 5

ПОСЛАНИЯ

Гавин торопливо шёл по коридорам Белой Башни, громко стуча каблуками по тёмно-синему ковру, лежавшему на полу из красных и белых плиток. Свет отражался от зеркальных напольных светильников, выстроившихся, словно часовые, вдоль всего пути.

Рядом с Гавином двигался Слит. Несмотря на яркий свет ламп, лицо Слита казалось наполовину скрытым тенью. Возможно, это из-за двухдневной щетины, что было странно для Стража, или же из-за

длинных волос — чистых, но давно не стриженных. Или, может, дело было в его грубоватом лице. Своими резкими чертами, раздвоенным подбородком, крючковатым, когда-то сломанным носом и выдающимися скулами оно напоминало незаконченный рисунок.

В плавных, как и у любого Стража, движениях Слита чувствовалось больше первобытного начала, чем у многих других. Скорее не охотник, пробирающийся через лес, а безмолвный, нападающий из тени хищник, которого жертва не заметит, пока не сверкнут зубы.

Они добрались до пересечения коридоров, обнаружив охраняющих

один из них гвардейцев Чубейна. На вооруженных мечами солдатах были белые табарды, украшенные Пламенем Тар Валона. Один из гвардейцев поднял руку, преграждая им путь.

— У меня есть разрешение войти, — сказал Гавин. — Амерлин...

— Сёстры ещё не закончили, — враждебно ответил гвардеец.

Гавин скрипнул зубами, но иного выхода не было. Им со Слитом пришлось отступить и ждать, пока наконец-то из охраняемой комнаты не вышли три выглядевших встревоженными Айз Седай. Они ушли в сопровождении пары солдат,

несущих что-то, завёрнутое в белую ткань! Тело.

Наконец гвардейцы неохотно расступились, дав Гавину со Слитом возможность пройти. Те поспешили дальше по коридору и вошли в маленькую читальню. Гавин помедлил у двери и, обернувшись, мельком оглядел коридор. Он заметил нескольких Принятых, украдкой выглядывающих из-за угла и перешёптывающих.

Убита уже четвёртая сестра. Эгвейн была по уши в заботах, пытаясь не допустить новой вспышки подозрительности между Айя. Она предостерегла всех сестёр быть настороже и посоветовала не

ходить поодиночке. Чёрная Айя хорошо знала Белую Башню, её члены жили здесь годами. Используя переходные врата, они могли незаметно проникать в коридоры и совершать убийства.

По крайней мере, таково было официальное объяснение смертей. Гавин же не был в этом так уверен. Он устремился в комнату, Слит за ним.

Чубейн собственной персоной уже находился здесь. Статный мужчина скользнул по Гавину взглядом, уголки его губ поползли вниз.

— Лорд Траканд.

— Капитан, — ответил Гавин,

осматривая квадратную комнату примерно три шага в поперечнике с единственным письменным столом, стоящим у дальней стены, и незажжённой жаровней. В углу горел бронзовый напольный светильник, а круглый ковёр покрывал почти весь пол. Под столом ковёр был запятнан тёмной жидкостью.

— Вы и правда считаете, что сможете найти что-нибудь, чего не заметили сёстры, Траканд? — спросил Чубейн, скрестив руки на груди.

— Я ищу кое-что иное, — сказал Гавин, проходя вперёд. Он встал на колени, чтобы осмотреть ковёр.

Чубейн фыркнул и вышел в

коридор. Гвардейцы Башни будут охранять это место, пока не придут слуги, чтобы прибраться. У Гавина было несколько минут.

Слит шагнул к одному из гвардейцев, как раз стоящему внутри дверного проёма. К нему они были настроены не столь враждебно, как к Гавину, который до сих пор так и не понял причину.

— Она была одна? — спросил Слит гвардейца своим скрипучим голосом.

— Да, — ответил тот, качая головой. — Не стоило пренебрегать советом Амерлин.

— Кто жертва?

— Катери Нэпвю из Белой Айя.

Носила шаль двадцать лет.

Гавин хмыкнул, продолжая ползать по полу и осматривая ковёр. Четыре сестры из разных Айя. Две поддерживали Эгвейн, одна — Элайду, и одна сохраняла нейтралитет и вернулась совсем недавно. Все убиты на разных этажах Башни в разное время суток.

Несомненно, это *выглядело* как происки Чёрной Айя. Они выбирали не конкретные мишени, а просто удобные. Но он чувствовал, что здесь что-то не так. Почему бы не Переместиться в комнаты сестёр ночью и не убить их во сне? Почему никто не почувствовал, что на месте преступления направляли?

Слит внимательно осмотрел дверь и замок. Когда Эгвейн сказала Гавину, что тот может, если пожелает, осмотреть места преступлений, то он попросил разрешения взять с собой Слита. Когда Гавину прежде случалось пересекаться со Стражем, тот проявлял себя не только дотошным, но и неболтливым.

Гавин продолжил поиски. Эгвейн из-за чего-то нервничала, он был в этом уверен. Она что-то недоговаривала об этих убийствах. Он не нашёл на разрезов на ковре, ни царапин на плитках пола или предметах обстановки тесной комнаты.

Эгвейн утверждала, что убийцы проникали внутрь с помощью переходных врат, но он не нашёл этому подтверждения. Да, он ещё многого не знал о вратах, и, по-видимому, их могли делать висящими над землёй так, что они ничего не разрежут. Но Чёрной Айя какое до этого дело? Более того, эта комнатушка была совсем крошечной, ему казалось, что попасть сюда, не оставив никаких следов, было бы очень сложно.

— Гавин, подойди-ка сюда, — сказал Слит. Он всё ещё стоял на коленях у дверного проема.

Гавин присоединился к нему. Слит пару раз щёлкнул язычком

замка.

— Дверь могла быть взломана, — тихо сказал он. — Видишь, царапина на язычке? Замок такого типа можно взломать, если всунуть внутрь тонкую отмычку, отжать ею язычок, а затем надавить на ручку. Это можно сделать очень тихо.

— Зачем бы Чёрным Айя понадобилось взламывать дверь? — спросил Гавин.

— Возможно, они Переместились в коридор, затем шли по нему, пока не увидели свет из-под двери, — ответил Слит.

— Тогда почему бы не открыть врата по другую сторону двери?

— Женщина внутри могла бы насторожиться, почувствуй она, что кто-то направляет, — заметил Слит.

— Это верно, — сказал Гавин. Он посмотрел в сторону кровавого пятна. Стол был поставлен так, что сидящий за ним оказывался спиной к двери. От такого расположения Гавин почувствовал зуд между лопаток. Кто же так ставит стол? Айз Седай, считающая, что она в полной безопасности, и не желающая отвлекаться на внешние раздражители. Иногда казалось, что у Айз Седай, при всём их хитроумии, было на удивление слабо развито чувство самосохранения.

А может они просто не умели

думать как солдаты. Это за них делали Стражи.

— У неё был Страж?

— Нет, — ответил Слит. — Я встречался с ней раньше. У неё не было Стража, — он помедлил. — Ни у кого из убитых сестёр не было Стражей.

Гавин приподнял бровь.

— В этом есть смысл, — сказал Слит. — Кто бы ни стоял за этими убийствами, он не хотел встревожить Стражей.

— Но зачем убивать ножом? — спросил Гавин. Все четверо были убиты подобным образом. — Чёрные Айя не обязаны подчиняться Трёх Клятвам. Они могли использовать

Силу. Куда прямолинейнее и намного проще.

— Но тогда был бы риск насторожить жертву или окружающих, — заметил Слит.

Ещё одно верное замечание. И всё же с этими убийствами что-то не сходилось.

А может он просто притягивает за уши то, чего нет, изо всех сил стараясь найти *хоть какой-нибудь* повод помочь. Подсознательно он надеялся, что если сумеет оказаться полезным Эгвейн в этом деле, то, может быть, она смягчится и простит его за своё спасение из Башни во время нападения Шончан.

Минутой позже вошёл Чубейн.

— Я надеюсь, что Вашей Светлости хватило времени, — чопорно сказал он. — Пришли слуги, чтобы убраться.

«Несносный человек! — подумал Гавин. — Неужели обязательно относиться ко мне так презрительно? Я должен...»

Нет. Гавин взял себя в руки. Когда-то это давалось намного легче.

Почему Чубейн столь враждебно к нему настроен? Гавин обнаружил, что размышляет о том, как бы с подобным человеком смогла найти общий язык его мать. Юноша не часто думал о ней, потому что это напоминало об ал'Торе. Этому убийце позволили покинуть саму

Белую Башню! Он был у Эгвейн в руках, и она его отпустила.

Конечно, ал'Тор был Возрождённым Драконом. Но в глубине души Гавин хотел встретиться с ним с мечом в руке и вонзить в него сталь, Возрождённый он там Дракон или нет.

«Ал'Тор разорвёт тебя на части Единой Силой, Гавин Траканд, — сказал он себе. — Не будь дурнем». В любом случае, его ненависть к ал'Тору не угасла.

Подошёл один из гвардейцев Чубейна, что-то говоря и показывая на дверь. Чубейн выглядел раздражённым оттого, что они не обнаружили взломанный замок.

Гвардия Башни не занималась охраной правопорядка и поиском преступников — сёстрам это не требовалось, поскольку они сами более эффективно проводили подобные расследования. Но Гавин не сомневался, что Чубейн страстно желает лично положить конец этим убийствам. Защита Башни и её обитателей была частью его обязанностей.

Значит, они с Гавином тут с одной целью. Но Чубейн вёл себя так, словно между ними было личное состязание. *«Однако во время раскола Башни он проиграл Брину, —* подумал Гавин. *— И, насколько Чубейну известно, я один из*

любимчиков Брина».

Гавин не был Стражем, но, тем не менее, он был другом Амерлин. Он обедал с Брином. В каком свете всё это видит Чубейн, особенно теперь, когда Гавин получил право расследовать убийства?

«Свет! — подумал Гавин, когда Чубейн бросил на него враждебный взгляд. — Он думает, что я пытаюсь занять его место. Он думает, что я хочу быть Верховным Капитаном Гвардии Башни!»

Сама подобная идея была смехотворной. Гавин мог быть Первым Принцем Меча — *должен* был быть Первым Принцем Меча — командующим армиями Андора и

защитником королевы. Он был сыном Моргейз Траканд, одной из самых влиятельных и могущественных правительниц в истории Андора. Гавин никоим образом не желал должности этого человека.

Для Чубейна же всё это выглядело иначе. Опозоренный вследствие разгромного нападения Шончан, он, должно быть, чувствовал, что его положение под угрозой.

— Капитан, — сказал Гавин, — могу я поговорить с вами наедине?

Чубейн подозрительно посмотрел на Гавина, затем кивнул в сторону коридора. Они вышли

вдвоём. Снаружи ждали
взволнованные слуги, готовые
отчистить кровь.

Чубейн скрестил руки на груди
и пристально посмотрел на Гавина.

— Чего же вы от меня хотите,
милорд?

Он часто делал особый акцент
на титуле. «*Успокойся*», — подумал
Гавин. Ему до сих пор было стыдно
за то, как он силой проложил себе
путь в лагерь Бриана. Он был выше
этого. Жизнь с Отроками, то, как он
пережил смятение, а затем позор
произошедшего во время Раскола
Башни, изменили его. Он не мог
продолжать этот путь.

— Капитан, — сказал Гавин, —

я вам признателен за то, что вы позволили мне осмотреть комнату.

— У меня не было особого выбора.

— Я понимаю. Но, тем не менее, примите мою благодарность. Для меня важно, чтобы Амерлин оценила мою помощь. Если я найду что-то, пропущенное сёстрами, это может многое значить для меня.

— Да, — сказал Чубейн, прищурив глаза. — Полагаю, что так.

— Может быть, она наконец-то сделает меня своим Стражем.

Чубейн моргнул.

— Своим... Стражем?

— Да. Когда-то почти не было сомнений, что она свяжет меня

узами, но теперь... ну, если я смогу помочь вам с этим расследованием, быть может, это остудит её гнев, — он поднял руку и сжал плечо Чубейна. — Я запомню вашу помощь. Вы зовёте меня лордом, но мой титул сейчас почти ничего для меня не значит. Всё, чего я хочу — быть Стражем Эгвейн, защищать её.

Чубейн наморщил лоб, затем кивнул и, кажется, расслабился.

— Я слышал ваш разговор. Вы ищете следы Врат. Почему?

— Я не думаю, что это дело рук Чёрной Айя, — ответил Гавин. — По-моему, это может быть Серый Человек или какой-нибудь другой убийца. Возможно, Приспешник

Тьмы среди прислуги? Я хочу сказать — посмотрите, как убиты эти женщины. Ножом.

Чубейн кивнул.

— Также были следы борьбы. Это упоминали занимающиеся расследованием сёстры. Книги, упавшие со стола. Они считали, что это сделала бьющаяся в предсмертных судорогах жертва.

— Любопытно, — сказал Гавин. — На месте Чёрной сестры я бы воспользовался Единой Силой, несмотря на то, что её могли почувствовать другие. В Башне всё время направляют. Это не вызвало бы подозрений. Я бы обездвижил свою жертву плетениями, убил её с

помощью Силы, а затем сбежал, пока никто ничего не заподозрил. Никакой борьбы.

— Возможно, — произнес Чубейн. — Но Амерлин, кажется, уверена в том, что это работа Чёрных сестер.

— Я поговорю с ней и выясню почему, — сказал Гавин. — А пока, быть может, вам стоит намекнуть тем, кто проводит расследование, что было бы мудро допросить прислугу? Приведа эти доводы?

— Да... думаю, я могу это сделать, — мужчина кивнул; казалось, он расслабился.

Они посторонились, и Чубейн дал слугам знак войти и заняться

уборкой. Из комнаты с задумчивым видом вышел Слит. Он показал что-то, зажатое между пальцами.

— Чёрный шёлк, — сказал он. — Нельзя понять, оставил ли это нападавший.

Чубейн взял волокна ткани.

— Странно.

— Маловероятно, чтобы Чёрная сестра выдала себя, надев чёрное, — сказал Гавин. — Однако убийце попроще тёмные цвета могли понадобиться, чтобы стать незаметным.

Чубейн завернул волокна в платок и положил в карман.

— Я передам это Сине Седай.

Он выглядел впечатлённым.

Гавин кивнул Слиту, и они вдвоём ушли.

— Белая Башня сейчас бурлит от возвращающихся сестёр и новых Стражей, — тихо произнес Слит. — Каким образом этот некто, как бы скрытен он ни был, передвигается по верхним этажам в чёрном, не привлекая внимания?

— Считается, что Серые Люди способны оставаться незамеченными, — сказал Гавин. — Я думаю, это ещё одно доказательство. Я имею в виду, странно, что никто на самом деле не *видел* этих Чёрных сестёр. Мы делаем много допущений.

Слит кивнул, пристально

разглядывая троицу послушниц, собравшихся поглазеть на гвардейцев. Они заметили, что Слит на них смотрит и, что-то прошебевав друг дружке, умчались прочь.

— Эгвейн знает больше, чем рассказывает, — произнёс Гавин. — Я поговорю с ней.

— При условии, что она тебя примет, — заметил Слит.

Гавин раздраженно фыркнул. Они спустились по нескольким переходам на этаж, где находился кабинет Амерлин. Слит остался с ним — его Айз Седай, Зелёная по имени Хаттори, редко давала ему поручения. А ещё она положила глаз на Гавина и по-прежнему хотела,

чтобы он стал её Стражем. Эгвейн так выводила его из себя, что Гавин подумывал, не позволить ли Хаттори связать себя Узами.

Нет. Совсем нет. Он любил Эгвейн, хоть она и расстраивала его. Было непросто прийти к решению оставить ради неё Андор, не говоря уже об Отроках. Но она всё ещё отказывалась связать его Узами.

Он добрался до её кабинета и подошел к Сильвиане. Хранительница сидела за своим столом в приёмной перед кабинетом Эгвейн. Своё рабочее место женщина поддерживала в образцовом порядке. Она пристально посмотрела на Гавина. За маской Айз Седай

невозможно было понять, что кроется в её взгляде. Он подозревал, что не нравится ей.

— Амерлин работает над важным письмом, — сообщила Сильвиана. — Ты можешь подождать.

Гавин открыл рот.

— Она просила, чтобы её не беспокоили, — сказала Сильвиана, возвращаясь к чтению своего документа. — Ты можешь подождать.

Гавин вздохнул, но кивнул. Слит поймал его взгляд и показал жестом, что уходит. Почему он вообще взялся его провожать? Станный он. Гавин помахал ему рукой на прощание, и Слит выскользнул в коридор.

Помещение приёмной было

роскошным, с тёмно-красным ковром и деревянными панелями на каменных стенах. По опыту он знал, что ни один из стульев не отличался удобством, но зато было единственное окно. Гавин подошёл к нему подышать воздухом и, положив руку на подоконник, выглянул на территорию Белой Башни. На такой высоте воздух казался более свежим и бодрящим.

Внизу виднелись новые тренировочные площадки Стражей. На месте старых Элайда начала строительство своего дворца. Никто не мог точно сказать, как поступит Эгвейн с этим сооружением.

Тренировочные площадки были

забиты людьми: бегунами, кулачными бойцами, фехтовальщиками. Многие из хлынувших в город беженцев, солдат и наёмников считали, что из них выйдут Стражи. Эгвейн открыла площадки для всех желающих тренироваться и показать себя, поскольку собиралась приложить все усилия, чтобы за следующие несколько недель возвысить до принятия шали как можно больше готовых к этому женщин.

Гавин провёл несколько дней за тренировками, но призраки убитых им людей казались там более реальными. Площадки были частью его прежней жизни ещё до того, как

всё пошло наперекосяк. Другие Отроки легко — и с радостью — вернулись к прежней жизни. Джисао, Раджар, Даррент и большинство остальных его офицеров уже стали Стражами. Вскоре от их отряда ничего не останется. Кроме самого Гавина.

Щёлкнула внутренняя дверь, затем слышались стихающие голоса. Обернувшись, Гавин обнаружил Эгвейн, одетую в зелёное и жёлтое, которая направлялась переговорить с Сильвианой. Хранительница бросила на него взгляд, и ему показалось, что она чуть заметно хмурится.

Эгвейн увидела его. Она

сохранила безмятежное лицо Айз Седай — в этом она навестила очень быстро — и он обнаружил, что чувствует неловкость.

— Этим утром произошло ещё одно убийство, — тихо сказал он, подходя к ней.

— Строго говоря, — сказала Эгвейн, — прошлой ночью.

— Мне нужно с тобой поговорить, — выпалил Гавин.

Эгвейн переглянулась с Сильвианой.

— Хорошо, — ответила Эгвейн, плавной походкой направившись обратно в свой кабинет.

Гавин последовал за ней, не оглядываясь на Хранительницу.

Кабинет Амерлин был одним из самых великолепных залов Башни. Стены были обшиты полосатыми панелями светлого дерева, украшенными причудливой, изумительно детальной резьбой. Камин был мраморным, а пол выложен ромбовидными плитами, вырезанными из тёмно-красного камня. На большом украшенном резьбой столе Эгвейн стояли две лампы. Они были выполнены в форме женщин, поднявших вверх руки, между ладонями каждой горел огонь.

Книги на книжных полках одной из стен были расставлены, казалось, по цвету и размеру, а не по тематике.

Это была декорация — их принесли, чтобы украсить кабинет Амерлин, пока Эгвейн не соберёт собственную библиотеку.

— Что же такое важное, по-твоему, нужно обсудить? — спросила Эгвейн, садясь за стол.

— Убийства, — ответил Гавин.

— Что насчёт них?

Гавин захлопнул дверь.

— Чтоб я сгорел, Эгвейн.

Обязательно каждый раз, как мы разговариваем, вести себя со мной, как Амерлин? Могу я видеть *Эгвейн* хотя бы иногда?

— Я веду себя, как Амерлин, — ответила Эгвейн, — потому что ты отказываешься её признавать. Как

только ты признаешь, что я — Амерлин, возможно, мы сможем двигаться дальше.

— Свет! Ты даже говорить научилась, как одна из них.

— Это потому что я и *есть* одна из них, — сказала она. — Твои слова тебя выдают. Амерлин не могут служить те, кто отказывается признать её власть.

— Я признаю, — сказал Гавин. — Я *действительно* признаю тебя, Эгвейн. Но разве не важнее иметь рядом кого-то, кто знает тебя саму, а не твой титул?

— Если они понимают, что временами от них требуется повиновение, — её лицо

смягчилось. — Ты ещё не готов, Гавин. Мне жаль.

Он сжал челюсти. «*Не горячись*», — сказал он себе.

— Хорошо. Тогда об убийствах. Мы поняли, что ни у одной из убитых женщин не было Стражей.

— Да, мне докладывали об этом, — сказала Эгвейн.

— Неважно, — сказал он, — это навело меня на более важную тему. У нас недостаточно Стражей.

Эгвейн нахмурилась.

— Мы готовимся к Последней Битве, Эгвейн, — продолжил Гавин. — И, тем не менее, у многих сестёр нет Стражей. У *многих* сестёр. У некоторых когда-то был, но

после его смерти они не взяли нового. Другие вообще не хотят иметь Стража. Не думаю, что ты можешь это позволить.

— Чего же ты хочешь от меня? — спросила она, скрестив руки. — *Приказать* им взять Стражей?

— Да.

Она засмеялась.

— Гавин, у Амерлин нет такой власти.

— Тогда убеди Совет сделать это.

— Ты не понимаешь, о чём говоришь. Выбор Стража — это сугубо индивидуальное и глубоко личное решение. Ни одну женщину

нельзя принуждать к этому.

— Верно, — сказал Гавин, отказываясь поддаваться, — но выбор идти на войну — также «сугубо индивидуальный» и «глубоко личный», и, тем не менее, в неё втянуты люди по всему миру. Иногда выживание важнее чувств.

Стражи оберегают жизни сестёр, а каждая Айз Седай скоро будет крайне важна. Будут легионы и легионы троллоков. Каждая сестра на поле боя будет полезнее сотни солдат, и каждая сестра, занимающаяся Исцелением, спасёт десятки жизней. Айз Седай — это ценность, принадлежащая всему человечеству. Ты не можешь

позволить себе допустить, чтобы они разгуливали без защиты.

Эгвейн отпрянула — возможно, из-за страстности его слов. Затем, неожиданно, она кивнула.

— Возможно, в твоих словах... есть смысл, Гавин.

— Поставь этот вопрос перед Советом, — сказал Гавин. — Эгвейн, сестра, *не связанная* узами со Стражем, по сути своей ведёт себя эгоистично. Узы позволяют мужчине сражаться лучше, а нам понадобится каждое преимущество, какое мы сможем найти. К тому же, это поможет предотвратить убийства.

— Я посмотрю, что можно сделать, — сказала Эгвейн.

— Не могла бы ты позволить мне посмотреть доклады сестёр? — спросил Гавин. — Те, что об убийствах, я имею в виду.

— Гавин, — сказала она, — я позволила тебе участвовать в расследовании, потому что посчитала, что будет полезно, если кто-то бросит на него свежий взгляд. Прочтёшь их доклады, и под их влиянием ты просто придёшь к тем же выводам, что и они.

— По крайней мере, ответь, — проговорил он. — Обсуждался ли вопрос о том, что это может не быть делом рук Чёрной Айя? Что убийца может быть Серым Человеком или Приспешником Тьмы?

— Нет, не обсуждался, — сказала Эгвейн, — потому что мы знаем, что наш убийца — не они.

— Но этой ночью дверь была взломана. И женщин убивали ножом, а не Единой Силой. Нет никаких следов переходных врат или...

— Убийца имеет доступ к Единой Силе, — тщательно подбирая слова, сказала Эгвейн. — И, возможно, он не пользуется вратами.

Гавин прищурился. Ответ прозвучал так, словно женщина тщательно подбирала слова, обходя клятву не лгать.

— У тебя есть тайны, — сказал он. — И не только от меня. От всей Башни.

— Иногда тайны нужны, Гавин.

— Ты не можешь доверить их мне? — он помедлил. — Я беспокоюсь, что убийца придёт за тобой, Эгвейн. У тебя нет Стража.

— Несомненно, в конце концов, она *придёт* за мной, — Эгвейн поигрывала чем-то, лежащим на столе, похожим на потёртый кожаный ремень, что используют для наказания преступников. Странно.

«Она?»

— Эгвейн, пожалуйста, — сказал он. — Что происходит?

Она внимательно посмотрела на него, потом вздохнула.

— Хорошо. Я рассказала это женщинам, проводящим

расследование. Возможно, я должна сказать и тебе. Одна из Отрёкшихся в Белой Башне.

Он опустил руку на меч.

— Что? Где?! Ты её пленила?

— Нет, — сказала Эгвейн. —

Она — убийца.

— Ты уверена в этом?

— Я уверена, что Месана здесь.

У меня был сон, что это правда. Она прячется среди нас. Учтём четыре убитых Айз Седай. Это она, Гавин. Это единственный логичный вывод.

Гавин прикусил чесавшийся от вопросов язык. Он очень мало знал о Сновидении, но знал, что у неё есть этот Талант. Говорили, что он похож на Предсказание.

— Я не открыла этого всей Башне, — продолжила Эгвейн. — Меня беспокоит, что, если станет известно, что одна из живущих здесь сестёр — скрывающаяся под чужой личиной Отрёкшаяся, это снова вызовет раскол, как во времена Элайды. Мы все будем относиться друг к другу с недоверием.

Сейчас они думают — это Чёрные сёстры, Перемещаясь, совершают убийства, что и так плохо, но, по крайней мере, из-за этого они не косятся друг на друга с недоверием. И, возможно, Месана решит, что я о ней не знаю. Ну вот, это и есть тот секрет, который ты просил открыть. Мы охотимся не за

Чёрной сестрой, а за Отрёкшейся.

От одной этой мысли становилось страшно — но не больше, чем при мысли о Драконе, разгуливающем по свету. Свет, Отрёкшаяся в Башне казалась правдоподобнее того, что Эгвейн — Престол Амерлин!

— Мы с этим разберёмся, — сказал он куда увереннее, чем чувствовал на самом деле.

— Сёстры изучают прошлое всех в Башне, — сказала Эгвейн. — А другие подмечают подозрительные слова или действия. Мы найдём её. Но я не вижу способа, как повысить безопасность сестёр, не спровоцировав опасную панику.

— Стражи, — решительно сказал Гавин.

— Я подумаю об этом, Гавин. А сейчас мне кое-что от тебя нужно.

— Если это будет в моих силах, Эгвейн, — он шагнул к ней. — Ты же знаешь.

— Разве? — сухо спросила она. — Очень хорошо. Я хочу, чтобы ты перестал сторожить по ночам мою дверь.

— *Что?* Эгвейн, нет!

Она покачала головой.

— Видишь? Твоя первая реакция — возражение.

— Когда дело касается его Айз Седай, Страж должен возражать ей, когда они наедине!

Его научил этому Хаммар.

— Ты *не* мой Страж, Гавин.

Гавин застыл как вкопанный.

— К тому же, — сказала Эгвейн, — ты никак не сможешь остановить одну из Отрёкшихся. Этот бой для сестёр, и я очень тщательно установила малых стражей. Я хочу, чтобы моё жилище выглядело заманчиво. Если она попытается атаковать меня, возможно, моя засада застанет её врасплох.

— Использовать себя в качестве приманки? — еле вымолвил Гавин. — Эгвейн, это безумие!

— Нет. Это отчаяние. Гавин, умирают женщины, за которых я

несу ответственность. Их убивают ночью, и это в то время, когда, по твоим словам, нам понадобится каждая женщина.

Впервые сквозь её маску показалось изнеможение — усталость в голосе и то, как она немного ссутулилась. Она сложила руки перед собой, внезапно показавшись *изнурённой*.

— Мои сёстры изучают всё, что можно найти о Месане, — продолжила Эгвейн. — Она не воин, Гавин. Она администратор, организатор. Если я смогу встретиться с ней лицом к лицу, то смогу победить. Но сначала мы должны её *найти*. Подставиться

самой — это только один из моих планов, и ты прав, он опасен. Но я приняла всевозможные меры предосторожности.

— Мне это совсем не нравится.

— Твоё одобрение не требуется, — она пристально посмотрела на него. — Тебе придётся довериться мне.

— Я и так доверяю тебе, — сказал он.

— Всё, о чем я прошу — хоть раз продемонстрировать это на деле.

Гавин стиснул зубы. Затем поклонился ей и покинул кабинет, попытавшись — безуспешно — не слишком сильно хлопнуть дверью. Сильвиана неодобрительно на него

взглянула, когда он проходил мимо неё.

Оттуда он направился к тренировочным площадкам, несмотря на то, что они приводили его в уныние. Ему было необходимо потренироваться с мечом.

* * *

Эгвейн испустила долгий вздох, затем откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Почему, каждый раз, когда она имела дело с Гавином, ей так трудно было владеть собой? Она никогда не чувствовала себя Айз Седай меньше, чем во время

разговоров с ним.

Внутри неё бурлил водоворот множества эмоций, словно разные сорта вина, пролитые и смешавшиеся: ярость от его упрямства, пылкое желание его объятий и замешательство от собственной неспособности определить, что из этого сильнее.

Гавин сумел найти путь прямо в её сердце. Эта его страстность очаровывала. Она беспокоилась, что если свяжет его узами, то подхватит ту же заразу. Не так ли это работало? На что это похоже — быть связанным узами и чувствовать чужие эмоции?

Она хотела разделить с ним связь, что была у других сестёр. И

это было *важно* — иметь надёжных людей, которые могут возражать тебе — наедине. Людей, которые знали её как Эгвейн, а не как Амерлин.

Но Гавин пока был всё же слишком буйным, слишком недоверчивым.

Она тщательно изучила своё письмо новому королю Тира, объясняющее, что Ранд грозитя разбить печати. Её план остановить его будет зависеть от того, удастся ли ей найти поддержку у людей, которым он доверяет. Донесения о Дарлине Сиснера были противоречивы. Одни сообщали, что он один из главных сторонников Ранда, в то время как другие

заявляли, что он один из главных его недоброжелателей.

Она ненадолго отложила письмо в сторону, затем записала несколько мыслей о том, как лучше обратиться к Совету с предложением насчёт Стражей. Гавин привел превосходные доводы, хотя зашёл слишком далеко и совсем отбился от рук. Призвать сестёр, не имеющих Стражей, выбрать их, объяснить все преимущества и указать, как это может спасти жизни и помочь победить Тень — вот это подойдёт.

Она налила себе мятного чаю из чайника, стоявшего на краю стола. Странно, но в последнее время чай не портился так часто, как раньше, и

сейчас он был хорош на вкус. Она не сообщила Гавину другую причину своей просьбы прекратить охранять её дверь по ночам. Когда он находился снаружи, её сон был беспокойным, поскольку она знала, что он находится всего в нескольких футах от неё. Она боялась, что не выдержит и пойдёт к нему.

Ремень Сильвианы не смог сломить её волю, но Гавин Траканд... Он был угрожающе близок к этому.

* * *

Грендаль ожидала появления

посланника. Даже здесь, в самом тайном из её укрытий, его прибытие не стало неожиданностью. Избранные не могли скрыться от Великого Повелителя.

Укрытие не было дворцом, изящным домиком или древней крепостью. Это была пещера на острове, до которого никому не было дела, находящемся в той части Океана Арит, где никто никогда не бывал. Насколько она знала, рядом не было ничего примечательного или интересного.

Убежище было просто отвратительным. За этим местом, в котором было всего три комнаты, присматривали шестеро из её

наименее ценных любимцев. Она заделала вход камнем, и единственным путём внутрь или наружу были переходные ворота. Пресная вода поступала из источника, еда — из запасов, доставленных ею сюда ранее, а воздух — сквозь трещины в скале. Жилище было сырым и непритязательным.

Другими словами, это было именно то место, где никто не будет её искать. Все знали, что Грендаль *не выносила* отсутствие роскоши. Это правда. Но самое лучшее в предсказуемости — возможность поступить неожиданно.

К сожалению, ничто из этого не

применимо к Великому Повелителю. Вытянувшись на кушетке, обтянутой жёлтым и синим шёлком, Грендаль наблюдала за открывшимися перед ней воротами. Посланником оказался мужчина с плоским лицом и очень смуглой кожей, одетый в красное и чёрное. Ему не было нужды говорить — его присутствие *и было* посланием. Одна из её любимиц — красивая черноволосая женщина с большими карими глазами, бывшая некогда тайренской Благородной Леди — уставилась на ворота. Она выглядела напуганной. Грендаль чувствовала себя почти так же.

Она закрыла копию «Сияющего в Снегу» в деревянном переплёте,

которую держала в руках, и встала. На ней было платье из тонкого чёрного шёлка со вставками из *стрейта*. Стараясь придать себе уверенный вид, Грендаль прошла через ворота.

Моридин находился внутри своего чёрного каменного дворца. Мебель в комнате отсутствовала — был лишь камин, в котором горел огонь. Великий Повелитель! *Огонь* в такой тёплый день? Она сохранила самообладание и не начала потеть.

Он повернулся к ней, пятнышки *саа* проплывали в его глазах.

— Ты знаешь, зачем я вызвал тебя.

Это был не вопрос.

— Знаю.

— Аран'гар мертва, потеряна для нас — и это после того, как в прошлый раз Великий Повелитель переселил её душу. Можно решить, Грендаль, что подобное вошло у тебя в привычку.

— Я живу, чтобы служить, Ни'блис, — сказала Грендаль. Уверенность! Она должна казаться уверенной.

Он помедлил, совсем немного. Хорошо.

— Ты, конечно же, не станешь пытаться изобразить, что Аран'гар оказалась предательницей.

— Что? — переспросила Грендаль. — Нет, конечно нет.

— Так каким образом твои действия можно назвать *служением*?

Грендаль нацепила маску обеспокоенности и смущения.

— Но ведь я следовала отданным мне приказам. Разве я здесь не для того, чтобы получить похвалу?

— Ничуть, — сухо сказал Моридин. — Твоё притворное смущение на мне не сработает, женщина.

— Оно не притворное, — сказала Грендаль, подготавливая свою ложь. — Хотя я и не ожидала, что Великий Повелитель будет доволен потерей Избранной, но, очевидно, что выгода стоит этой

утраты.

— Какая выгода? — прорычал Моридин. — Ты позволила застигнуть себя врасплох и по-глупому потеряла жизнь одной из Избранных! Уж от тебя-то — от тебя — мы могли бы ожидать, что ты избежишь ошибок с ал'Тором.

Он не знал, что она связала Аран'гар и оставила её умирать. Он думал, что вышла промашка. Хорошо.

— Врасплох? — оскорблено произнесла она. — Меня никогда... Моридин, как ты мог *подумать*, что я случайно позволила ему найти меня!

— Ты сделала это *намеренно*?

— Конечно, — сказала Грендаль. — Мне чуть ли не за ручку

пришлось привести его к Кургану Нэтрина. Льюс Тэрин никогда не был способен разглядеть даже то, что находится прямо у него под носом. Моридин, как ты не понимаешь? Как Льюс Тэрин отреагирует на то, что совершил? Уничтожение целой *крепости*, которая сама по себе словно маленький город с сотнями жителей? Убийство невинных ради достижения цели? Каким грузом это ляжет на его сердце?

Моридин помедлил. Нет, он не подумал об этом. Она улыбнулась про себя. С его точки зрения действия ал'Тора были бы полностью понятны. Это были самые логичные и, следовательно, самые разумные

средства достижения цели.

Но вот сам ал'Тор... его разум был полон фантазий о чести и достоинстве. Это происшествие *не будет* лёгким грузом на его сердце, и именование его Льюсом Тэрином усилит эффект на Моридина. Это деяние будет мучить ал'Тора, рвать его душу, полосовать его сердце до крови. Это станет его кошмаром, он будет тащить свою вину на плечах, словно хомут тяжёлой телеги.

Она смутно помнила, на что похожи первые несколько шагов на пути к Тени. Чувствовала ли она когда-нибудь эту нелепую боль? К сожалению, да. Не все Избранные её чувствовали. Семираг с самого

начала была порочна до мозга костей. Но другие, включая Ишамаэля, пришли к Тени иными путями.

Она могла видеть в глазах Моридина эти столь далёкие воспоминания. Когда-то она не была уверена, кто этот мужчина, но теперь сомнения прошли. Лицо другое, но душа та же. Да, он точно знал, что чувствовал ал'Тор.

— Ты велел причинить ему боль, — сказала Грендаль. — Ты велел принести ему страдания. Это был лучший способ. Аран'гар помогла мне, хотя и не сбежала, когда я предлагала. Она *всегда* слишком азартно решала свои

проблемы. Но я уверена, Великий Повелитель может найти другие инструменты. Мы пошли на риск, и пришлось заплатить. Но выгода... кроме того, Льюс Тэрин считает меня мёртвой. Это большое преимущество.

Она улыбнулась — немного удовольствия и всего капелька удовлетворения. Моридин нахмурился, затем помедлил, глянув в сторону. В никуда.

— Я вынужден оставить тебя без наказания в этот раз, — наконец сказал он, хотя казался не очень этим довольным.

Было ли это прямым сообщением от Великого

Повелителя? Насколько она знала, в эту Эпоху все Избранные, чтобы получить свои приказы, должны были отправляться в Шайол Гул. Или, по крайней мере, терпеть визиты этого ужасного существа — Шайдара Харана. А теперь, похоже, Великий Повелитель общается с Ни'блисом напрямую. Занятно. И внушает беспокойство.

Значит, конец очень близко. Времени на манёвры почти не осталось. Она *станет* Ни'блисом и *будет* править миром — своим миром — как только закончится Последняя Битва.

— Я думаю, — сказала Грендаль, — что должна...

— Ты будешь держаться от ал'Тора подальше, — перебил её Моридин. — Ты не будешь наказана, но и хвалить тебя не за что. Да, ал'Тору может быть больно, но ты допустила ошибку в своём плане, и она стоила нам полезного инструмента.

— Конечно, — спокойно сказала Грендаль. — Я буду служить так, как угодно Великому Повелителю. В любом случае, предложение выступить против ал'Тора не входило в мои намерения. Он считает меня мёртвой и пусть лучше так и остаётся в неведении, пока я до поры до времени поработаю в другом месте.

— В другом месте?

Грендаль нужна была победа, убедительная победа. Она мысленно перебрала разработанные ранее планы, выбирая тот, который сработает с наибольшей вероятностью. Против ал'Тора выступить запрещено? Хорошо. Она доставит Великому Повелителю то, что он так давно желает.

— Перрин Айбара, — произнесла Грендаль. Из-за того, что пришлось открыть свои замыслы Моридину, она почувствовала себя обнажённой. Она предпочитала держать свои планы при себе, однако сомневалась, что ей удастся покинуть эту встречу, не выдав

замысла. — Я принесу тебе его голову.

Моридин повернулся к огню, сцепив руки за спиной. Он смотрел на пламя.

Поражённая, она почувствовала, как со лба стекает капля пота. Что? Она была способна *игнорировать* жару и холод. Что было не так? Она сохраняла сосредоточенность, но это просто не работало. Здесь. Рядом с ним.

Это до крайности её встревожило.

— Он важен, — сказала Грендаль. — Пророчества...

— Я знаю пророчества, — тихо сказал Моридин. Он так и не

обернулся. — Как ты это сделаешь?

— Мои шпионы нашли его армию, — сказала Грендаль. — Я уже привела в действие, просто на всякий случай, кое-какие планы относительно него. Я сохранила группу Отродий Тени, переданную мне, чтобы сеять хаос, и у меня есть заготовленная ловушка. Потеряй ал'Тор Айбару — и это сломит его, уничтожит.

— И даже более того, — тихо сказал Моридин. — Но тебе никогда это не удастся. У его людей есть переходные врата. Он ускользнёт от тебя.

— Я...

— Он *ускользнёт* от тебя, —

тихо сказал Моридин.

Капля пота стекла по щеке, а затем на подбородок. Она машинально её вытерла, но на лбу выступили новые капельки.

— Идём, — сказал Моридин, отойдя от камина и направившись к выходу.

Заинтригованная и одновременно напуганная, Грендаль последовала за ним. Моридин привел её к соседней двери в такой же стене из чёрного камня. Толкнув дверь, он вошёл.

Грендаль зашла следом. Тесная комната была уставлена стеллажами. И на них были десятки, может даже сотни, предметов Силы. «Тьма

внутри! — подумала она. — *Где он раздобыл столько всего?»*

Моридин прошёл в конец комнаты, где стал копаться в вещах на полке. Она с благоговением вошла внутрь.

— Это же шоковое копье? — спросила она, показывая на длинный тонкий металлический предмет. — Три связывающих жезла? *Рема'кар?* А это части шу...

— Это неважно, — сказал он, выбрав предмет.

— Если бы я могла просто...

— Ты в шаге от немилости, — сказал он, поворачиваясь и держа в руке длинную, шиповидную металлическую штуковину,

посеребрённую и с большим металлическим набалдашником, инкрустированным золотом. — Я нашёл только два таких предмета. Другому уже нашлось хорошее применение. Ты можешь использовать этот.

— Шип снов? — проговорила она, широко распахнув глаза. Как сильно ей хотелось заполучить такой же! — Ты нашёл *два*?

Он снял набалдашник шипа снов, и тот исчез из его руки.

— Знаешь, где его искать?

— Да, — сказала она, горя от нетерпения. Это был предмет *огромной* Силы. И имеющий много применений.

Моридин шагнул вперёд, ловя её взгляд.

— Грендаль, — сказал он тихо, угрожающе. — Ключ к этому предмету мне известен. Он *не будет* использован против меня или других Избранных. Если же это случится, то Великий Повелитель об этом узнает. Я не желаю, чтобы ты и дальше потворствовала своей явной привычке, по крайней мере, пока Айбара не умрёт.

— Я... да, конечно.

Внезапно ей стало холодно. Как она могла почувствовать здесь холод? И *одновременно* при этом потеть?

— Айбара умеет ходить по Миру Снов, — сказал Моридин. — Я

одолжу тебе ещё один инструмент, человека с двумя душами. Но он *мой*, так же, как и этот шип. Так же, как и ты — моя. Понимаешь?

Она кивнула. Ничего иного не оставалось. В комнате, казалось, становилось темнее. Его голос... он был похож — совсем немного — на голос Великого Повелителя.

— Однако позволь кое-что прояснить, — продолжил Моридин. Он протянул правую руку и приподнял её подбородок. — Если ты преуспеешь, Великий Повелитель будет доволен. Очень доволен. Те крохи, что дарованы тебе сейчас, превратятся в горы в случае успеха.

Грендаль облизала пересохшие

губы. Взгляд стоящего перед ней Моридина стал отсутствующим.

— Моридин? — помедлив, обратилась она.

Он не ответил, отпустив её подбородок и направившись в дальний конец комнаты. Он взял со стола том в светло-коричневом кожаном переплёте. Моридин нашел нужную страницу и некоторое время изучал её, затем взмахом руки приказал Грендаль приблизиться.

Она осторожно подошла и взглянула на эту страницу. Прочитанное её потрясло.

«Тьма внутри!»

— Что это за книга? — в конце концов сумела выговорить она. —

Откуда эти пророчества?

— Они уже давно мне известны, — тихо сказал Моридин, всё ещё изучая книгу. — Но мало кому ещё, даже Избранным. Произнёсшие эти пророчества женщины и мужчины были изолированы и содержались отдельно. Свет никогда не должен узнать этих слов. Мы знаем их пророчества, но они никогда не узнают все наши.

— Но здесь... — сказала она, перечитывая отрывок. — Здесь говорится, что Айбара умрёт!

— У любого пророчества много вариантов толкования, — ответил Моридин. — Но да, это

Предсказание обещает смерть Айбары от нашей руки. Ты принесёшь мне голову этого волка, Грендаль. И когда ты это сделаешь, ты получишь всё, чего пожелаешь, — он захлопнул книгу. — Но попомни мои слова. Потерпишь неудачу — и ты потеряешь то, что тебе было дано. И много больше.

Взмахнув рукой, он открыл для неё врата. Та малая оставленная ей способность касаться Истинной Силы позволила увидеть, как извращённые потоки вонзились в воздух и разорвали его, прорвав дыру в ткани Узора. В этом месте воздух замерцал. Она знала — этот путь вёл обратно в её тайную пещеру.

Не сказав ни слова в ответ, Грендадь прошла через врата. Она боялась, что дрожь в голосе её выдаст.

Глава 6

СОМНИТЕЛЬНЫЕ НАМЕРЕНИЯ

В большом шатре с откидными стенками, взятом Перрином в Малдене, Моргейз Траканд, бывшая королева Андора, подавала чай, передвигаясь от человека к человеку.

Несмотря на то, что шатёр был большим, в нём едва хватало места для всех желающих присутствовать на встрече. Разумеется, здесь находились Перрин и Фэйли, сидевшие прямо на полу. Рядом с ними расположились золотоглазый

Илайас и Тэм ал'Тор, простой фермер, широкоплечий и спокойный. Неужели этот человек действительно отец Возрождённого Дракона? Да, однажды Моргейз видела Ранда ал'Тора, и парень выглядел как самый заурядный фермер.

Возле Тэма сидел невзрачный секретарь Перрина, Себбан Балвер. Что было известно Перрину о его прошлом? Джур Грейди в чёрном мундире с серебряным значком в виде меча на воротнике также был тут. Его грубое крестьянское лицо с запавшими глазами сохраняло бледность из-за недавно перенесённой болезни. Неалд, второй Аша'ман, отсутствовал — он

ещё не оправился от змеиных укусов.

Здесь же присутствовали все три Айз Сeday. Сеонид и Масури сидели рядом с Хранительницами Мудрости, а Анноура — подле Берелейн, изредка бросая взгляды в сторону шести Хранительниц. Галенне находился по другую сторону от Берелейн. Напротив них расположились Аллиандре и Арганда.

Офицеры напомнили Моргейз о Гарете Брине. Она давно не видела его — с тех самых пор, как изгнала его, сама не понимая почему. Слишком многое из произошедшего в её жизни в то время оставалось непонятным для неё и по сей день.

Неужели мужчина и впрямь настолько смог вскружить ей голову, что из-за этого она прогнала Аймлин и Эллориен?

Так или иначе, те дни остались в прошлом. Теперь Моргейз осторожно обходила комнату и следила, чтобы чашки были наполнены.

— У вас ушло больше времени, чем я ожидал, — сказал Перрин.

— Ты дал нам поручение, Перрин Айбара, — ответила Неварин. — Мы исполнили его и потратили ровно столько времени, сколько было необходимо, чтобы всё сделать как надо. Считаешь, что нам следовало поступить иначе?

Рыжеволосая Хранительница

Мудрости сидела прямо перед Сеонид и Масури.

— Перестань, Неварин, — проворчал Перрин, разворачивая на земле перед собой карту. Её нарисовал Балвер, воспользовавшись указаниями гэалданцев. — Вы не на допросе. Я просто поинтересовался, не возникли ли затруднения с деревней?

— Деревни больше нет, — сказала Неварин, — и каждая найденная нами травинка с мельчайшими *признаками* Запустения была сожжена дотла. И это к лучшему. У вас, мокроземцев, были бы большие проблемы со столь смертоносным местом, как

Запустение.

— Полагаю, — сказала Фэйли, — вы бы удивились.

Моргейз посмотрела на Фэйли, которая сцепилась взглядами с Хранительницей Мудрости. Фэйли восседала, словно королева, одетая соответственно её положению — в превосходное зелёно-фиолетовое платье для верховой езды, плиссированное по бокам. Как ни странно, но за время, проведённое у Шайдо, она стала *лучше понимать* суть лидерства.

Моргейз и Фэйли быстро вернулись к отношениям госпожи и служанки. На самом деле, жизнь Моргейз здесь была поразительно

похожа на её жизнь в лагере Шайдо. Правда, были и некоторые отличия. К примеру, навряд ли тут её выпорют. Но это не отменяло того факта, что там — на время — она и другие четыре женщины стали равны. Но теперь это не так.

Моргейз остановилась около лорда Галенне и вновь наполнила его чашку, используя выработанные за время прислуживания Севанне навыки. Порой, казалось, от служанки требовалось больше скрытности, чем от разведчика. Она должна быть незаметной, не должна отвлекать. Неужели её собственные слуги вели себя с ней так же?

— Что ж, — сказал Арганда, —

если кто-либо задастся вопросом, куда мы пропали, дым от пожара — хороший указатель.

— Нас слишком много, чтобы пытаться спрятаться, — заметила Сеонид. С недавних пор ей и Масури позволили говорить без разрешения Хранительниц Мудрости, хотя, прежде чем открыть рот, Зелёная всё ещё поглядывала в сторону айилок. Это раздражало Моргейз. Айз Седай в роли учениц горстки дичков? Говорили, что таков был приказ Ранда ал'Тора, но как вообще кто-то, даже Возрождённый Дракон, оказался способен на такое?

Её беспокоило то, что Айз Седай, казалось, больше не

сопротивлялись своему положению учениц. Жизнь может поразительно изменить человека. Этот урок Моргейз преподали Гейбрил, а позже и Валда. Айильский плен был всего лишь ещё одной ступенькой на этом пути.

Каждое из этих событий всё больше отдаляло её от прежнего королевского положения. Больше она не тосковала по красивым вещам и трону. Ей просто хотелось стабильности, которая, по-видимому, была ценнее золота.

— Это не имеет значения, — сказал Перрин, постукивая пальцем по карте. — Так что мы решили? Догоняем Гилла и остальных своим

ходом и, по возможности, посылаем через переходные врата разведчиков на их поиски. Надеюсь, мы нагоним их прежде, чем они доберутся до Лугарда. Арганда, как по-твоему, далеко ли ещё до города?

— Зависит от грязи, — ответил жилистый воин. — Именно поэтому мы называем это время года «топким». Мудрые люди не станут путешествовать во время весенней распутицы.

— Мудрость для тех, у кого есть на неё время, — пробормотал Перрин, пальцами прикидывая расстояние на карте.

Моргейз подошла к Анноуре, чтобы снова наполнить её чашку.

Оказалось, что подавать чай сложнее, чем она думала. Следует знать, чью чашку нужно наполнять, отставив в сторону, а чью — пока её держат в руках. Нужно точно знать, до какого уровня наполнять чашку, чтобы чай не пролился, и как наливать его без всплесков, не гремя фарфором. Она знала, когда следует остаться незаметной, а когда — напомнить о готовности наполнить чашки, если она кого-то пропустила, забыла или неверно оценила их потребности.

Она аккуратно подняла чашку Перрина, стоявшую на земле подле него. Он любил жестикулировать во время разговора, и поэтому, зазевайся она, мог выбить чашку из её руки. В

общем, подавать чай было удивительным искусством, целым миром, который Моргейз-королева никогда не замечала.

Она наполнила чашку Перрина и вернула её на место. Перрин задавал и другие вопросы по карте — о соседних городках, о возможных источниках пополнения запасов. Несмотря на неопытность, как лидер он подавал большие надежды. Возможно, небольшой совет от Моргейз...

Она отбросила эту мысль. Перрин Айбара был мятежником. Двуречье являлось частью Андора, а он, подняв знамя с волчьей головой, провозгласил себя его лордом. По

крайней мере, флаг Манетерен был снят. Его поднятие было ничем иным, как открытым объявлением войны.

Моргейз больше не ошестинивалась каждый раз, когда кто-то называл его лордом, но и нисколько не собиралась ему помогать. Не раньше, чем она решит, как вернуть его в лоно Андорской монархии.

«Кроме того, — неохотно признала Моргейз, — Фэйли достаточно проницательна, чтобы дать любой совет, который могла бы дать и я».

На самом деле, Фэйли была идеальным дополнением Перрина.

Там, где он был прямолинейным и неудержимым, словно кавалерийская атака, она была проницательной и коварной, как набег конных лучников. Их союз, а также связь Фэйли с салдэйским тронном — вот что действительно беспокоило Моргейз. Да, он убрал флаг Манетерен, но прежде он приказывал снять и знамя с волчьей головой. Зачастую запрет был самым верным способом получить обратный результат.

Чашка Аллиандре была наполовину пуста. Моргейз подошла, чтобы снова её наполнить. Как все дворянки, Аллиандре не любила, чтобы чашка пустовала. Женщина

взглянула на Моргейз, и в её глазах появился слабый проблеск неловкости. Аллиандре так и не определилась, какими должны быть отношения между ними. Забавно, учитывая то, что в плену Аллиандре вела себя довольно спесиво. Та часть Моргейз, что когда-то была королевой, хотела взять Аллиандре и как следует растолковать ей, как отстаивать своё знатное положение.

Ей придётся учиться самостоятельно. Моргейз уже не та, кем была раньше. И не уверена в том, кем же она стала, но она *научится* исполнять обязанности горничной. Это становилось её страстным увлечением. Способом доказать себе,

что она сильная, и способна приносить пользу.

Её в какой-то степени пугало собственное беспокойство на этот счет.

— Лорд Перрин, — сказала Аллиандре, как только Моргейз отошла. — Это правда, что после того, как разыщете Гилла и его обоз, вы планируете отправить моих людей обратно в Джеханнах?

Моргейз прошла мимо Масури. Айз Седай предпочитала, чтобы её чашку наполняли, только когда она слегка постучит по ней ногтем.

— Да, — ответил Перрин. — Все мы знаем, что вы не по своей воле решили к нам присоединиться.

Если бы мы не взяли вас с собой, вас бы никогда не захватили Шайдо. Масима мёртв. Настало время позволить вам вернуться к управлению страной.

— При всём уважении, милорд, — заметила Аллиандре. — Зачем же вы вербуете моих соотечественников, если не набираете армию на будущее?

— Я не вербую, — ответил Перрин. — Если я их не прогоняю, это не значит, что я и дальше намереваюсь увеличивать эту армию.

— Но, милорд, — сказала Аллиандре. — Несомненно, было бы мудро сохранить уже имеющиеся силы.

— В её словах есть смысл, Перрин, — спокойно добавила Берелейн. — Достаточно лишь посмотреть на небо, чтобы понять — Последняя Битва неизбежна. Зачем отправлять армию Гэалдана обратно? Я уверена, что Лорду Дракону понадобится каждый солдат от каждой присягнувшей ему страны.

— Он может послать за ними, когда угодно по собственному усмотрению, — упрямо ответил Перрин.

— Милорд, — сказала Аллиандре. — Я присягала не ему. Я присягнула *вам*. Если Гэалдан направится на Тармон Гай'дон, то под вашим знаменем.

Перрин вскочил, заставив часть собравшихся в шатре вздрогнуть от неожиданности. Он уходит? Перрин молча прошёл к открытой стороне шатра и высунул голову наружу.

— Вил, подойди сюда, — позвал он.

Плетение Единой Силы защищало от подслушивания снаружи. Моргейз видела закреплённые охраняющие шатёр плетения Масури. Их сложность казалась насмешкой над её собственным крохотным талантом.

Масури постучала по краю чашки, и Моргейз поспешила снова её наполнить. Нервничая, женщина любила прихлёбывать чай.

Перрин вернулся в сопровождении красивого юноши, несущего матерчатый свёрток.

— Разверни его, — приказал Перрин.

Молодой человек казался обеспокоенным, но выполнил приказ. На полотнище был нанесён символ Перрина — волчья голова.

— Не я создал это знамя, — сказал Перрин. — Я никогда его не хотел и поднял его, лишь следуя чужому совету. Что ж, причины, по которым это было сделано, уже в прошлом. Я приказывал убрать эту вещь, но это срабатывало ненадолго. — Он посмотрел на Вила. — Вил, я хочу, чтобы до

каждого в лагере донесли мои слова. Я отдаю прямой приказ. Я хочу, чтобы эти проклятые знамёна *сожгли* все до единого. Понял?

Вил побледнел.

— Но...

— Выполний, — сказал Перрин. — Аллиандре, вы присягнёте Ранду, как только мы его найдём. Вы не пойдёте под моим знаменем, потому что у меня его *не будет*. Я кузнец, и на этом закончим. Я слишком долго терпел эту нелепость.

— Перрин? — с удивлённым видом переспросила Фэйли. — Разве это разумно?

Глупец. Он должен был

предварительно хотя бы обсудить это со своей женой. Но мужчины есть мужчины. Они лелеют собственные секреты и планы.

— Не знаю, разумно это или нет, но делаю, — сядясь, ответил он. — Действуй, Вил. Я хочу, чтобы до вечера эти знамёна сожгли. И не уклоняться, понятно?

Вил застыл, затем, так ничего и не ответив, развернулся и вышел из палатки. Парень выглядел так, будто его предали. Странно, но Моргейз обнаружила, что отчасти разделяет его чувства. Глупости. Это то, чего она хотела — то, что Перрин должен был сделать. И всё же у людей были основания бояться. Это небо, всё то,

что происходило в мире... Да, в подобные времена, пожалуй, можно оправдать того, кто принимает командование на себя.

— Ты болван, Перрин Айбара, — произнесла Масури. Она всегда вела себя резко.

— Сынок, — обратился к Перрину Тэм, — парни многое вложили в это зная.

— Слишком многое, — ответил Перрин.

— Возможно. Но хорошо, когда есть на что равняться. Когда ты снял один флаг, это сильно по ним ударило. Сейчас будет хуже.

— Так нужно, — ответил Перрин. — Двуреченцы слишком к

нему привязались, начали поговаривать о том, что останутся со мной вместо того, чтобы вернуться к своим семьям. Тэм, когда врата снова заработают, ты заберёшь двуреченцев и уйдёшь. — Он посмотрел на Берелейн. — Полагаю, от тебя и твоих людей я избавиться не смогу. Вы вернётесь со мной к Ранду.

— Я не знала, — сухо сказала Берелейн, — что тебе необходимо от нас «избавиться». Кажется, для спасения своей жены, ты не спешил отказываться от помощи моей Крылатой Гвардии.

Перрин глубоко вздохнул.

— Я признателен вам за помощь, всем вам. Мы сделали

доброе дело в Малдене, и не только для Фэйли и Аллиандре. Так было нужно. Но чтоб я сгорел, это уже в прошлом. Если вы желаете и дальше следовать за Рандом, я уверен, что он вас примет. Но мои Аша'маны обессилены, и возложенное на меня задание выполнено. Внутри меня будто сидят крюки, тянущие обратно к Ранду. Прежде, чем я смогу отправиться к нему, мне нужно закончить со всеми вами.

— Муж, — резко сказала Фэйли. — Могу ли я предложить, чтоб мы начали с тех, кто *хочет* уйти?

— Да, — добавила Аравайн. Бывшая *гай'шайн* сидела возле

дальней стенки шатра, оставаясь неприметной; тем не менее, её роль в руководстве лагерем сильно возросла. Она являлась негласным управляющим Перрина. — Некоторые из беженцев будут счастливы вернуться домой.

— Если возможно, я бы предпочёл отправить всех, — сказал Перрин. — Грейди?

Аша'ман пожал плечами:

— Врата, которые я создал для разведчиков, меня не слишком утомили. Думаю, что смогу сделать и побольше размером. Я всё ещё чувствую небольшую слабость, но болезнь уже почти прошла. Однако Неалду нужно больше времени.

— Милорд, — Балвер тихонько кашлянул. — Я подготовил кое-какие интересные подсчёты. Перемещение через переходные врата имеющегося у вас количества людей займёт часы, а, возможно, и дни. Это будет не так быстро, как когда мы добирались до Малдена.

— Это будет трудно, милорд, — заметил Грейди. — Не думаю, что смогу так долго удерживать врата открытыми. Особенно, если вы захотите — просто на всякий случай — чтобы я сохранил силы для боя.

Перрин устроился поудобнее, снова погрузившись в изучение карты. Чашка Берелейн была пустой, и Моргейз поспешила её наполнить.

— Тогда ладно, — сказал Перрин. — Мы начнём с отправки маленьких групп беженцев. С тех, кто хочет уйти.

— И ещё, — добавила Фэйли. — Возможно, пора отправить посланцев связаться с Лордом Драконом. Возможно, он согласится прислать больше Аша'манов.

Перрин кивнул:

— Да.

— По последним имеющимся у нас сведениям, — сказала Сеонид, — он был в Кайриэне. Больше всего беженцев оттуда, так что можно начать с отправки домой некоторых из них вместе с посланниками к Лорду Дракону.

— Его там нет, — ответил Перрин.

— Откуда ты знаешь? — Эдарра поставила свою чашку. Моргейз прокралась вдоль стенки шатра и взяла её, чтобы наполнить. Старшая из Хранительниц Мудрости и, возможно, насколько об этом можно было судить, главная среди них, Эдарра выглядела поразительно молодо для названного ею возраста. Собственных крошечных способностей Моргейз в Единой Силе было достаточно, чтобы почувствовать, что эта женщина сильна. Вероятно, сильнее всех присутствующих.

— Я... — Перрин, казалось,

заколебался. Был ли у него источник информации, который он держал в тайне? — У Ранда есть привычка оказываться не там, где его ждут. Сомневаюсь, что он остался в Кайриэне. Но Сеонид права — это лучшее место для начала поисков.

— Милорд, — сказал Балвер. — Меня беспокоит то, с чем мы можем, гм, столкнуться, если не будем осторожны. Потоки беженцев, неожиданно возвращающихся через переходные врата? Мы были какое-то время отрезаны от мира. Возможно, помимо посыльных к Лорду Дракону мы можем послать разведчиков для сбора информации?

Перрин кивнул:

— Одобряю.

Балвер расслабился с довольным видом, хотя обычно этот человек очень хорошо скрывал свои эмоции. Почему он так сильно хотел послать кого-то в Кайриэн?

— Я согласен, — сказал Грейди, — Меня беспокоит перемещение такого количества людей. Даже когда Неалду станет лучше, держать врата достаточно долго, чтобы прошли все, будет утомительно.

— Перрин Айбара, — подала голос Эдарра. — Похоже, есть способ решить эту проблему.

— Какой?

— Эти ученицы кое о чём

сообщили. Круг — так это называется? Если мы соединимся вместе, Аша'маны и некоторые из нас, тогда, вероятно, мы сможем придать им силы для создания Врат побольше.

Перрин поскрёб бороду.

— Грейди?

— Я никогда прежде не соединялся в круг, милорд. Но если мы сможем это выяснить... что ж, чем больше врата, тем больше людей удастся переправить, и всё выйдет быстрее. Это бы очень помогло.

— Хорошо, — ответил Перрин, поворачиваясь к Хранительницам Мудрости. — Во что мне обойдётся эта попытка?

— Ты слишком долго общался с Айз Седай, Перрин Айбара, — фыркнув, ответила Эдарра. — Не за всё надо *платить*. Это принесёт пользу всем. Я собиралась это предложить уже некоторое время назад.

Перрин нахмурился.

— Как давно вы узнали, что это может сработать?

— Достаточно давно.

— Чтоб тебе сгореть, женщина, почему тогда ты не сказала мне об этом *раньше*?

— Кажется, большую часть времени ты едва ли желал быть вождём, — холодно сказала Эдарра. — Уважение надо

зарабатывать, а не требовать, Перрин Айбара.

У Моргейз перехватило дыхание от такого дерзкого замечания. Большинство лордов разорались бы, услышав подобный тон. Перрин застыл, но потом кивнул, как будто ожидал подобного ответа.

— Когда я впервые об этом подумала, твои Аша'маны были больны, — продолжила Эдарра. — Раньше это не сработало бы. Сейчас подходящее время поднять этот вопрос. Так я и сделала.

«Сначала она оскорбляет Айз Седай, — подумала Моргейз, — а затем ведет себя как одна из них». И всё же, благодаря пленению в

Малдене Моргейз понемногу начала понимать Айил. Все утверждали, что Айил были непостижимы, но она мало доверяла подобным разговорам. Айил были такими же людьми, как и остальные. У них были странные обычаи и культурные особенности — но у кого их не было? Королева обязана понимать народ своего королевства, и всех его потенциальных врагов.

— Отлично, — сказал Перрин. — Грейди, начинай работать с ними, но сильно не переутомляйся. Выясни, сможете ли вы сформировать круг.

— Да, милорд, — ответил Грейди. Аша'ман всегда казался

несколько отстранённым. — Было бы здорово привлечь к этому и Неалда. У него кружится голова, когда он встаёт, но у него чешутся руки начать работать с Силой. Для него это может оказаться хорошим шансом попрактиковаться.

— Хорошо, — произнёс Перрин.

— Мы не закончили разговор о разведчиках, которых посылаем в Кайриэн, — сказала Сеонид. — Я бы хотела присоединиться.

Перрин почесал бородатый подбородок.

— Пожалуй. Возьми своих Стражей, двух Дев и Пэла Айдара. Если получится, постарайтесь не привлекать лишнего внимания.

— И ещё пойдёт Камейле Нолайзен, — сказала Фэйли. Разумеется, она добавила к группе своих из *Ча Фэйли*.

Балвер прочистил горло.

— Милорд. Нам очень нужна бумага и перья для письма, не говоря уж о других важных материалах.

Перрин нахмурился:

— Это, разумеется, может подождать.

— Нет, — медленно произнесла Фэйли. — Нет, муж, думаю это хорошее предложение. Мы должны кого-то послать, чтобы пополнить запасы. Балвер, не могли бы вы отправиться и раздобыть всё необходимое лично?

— Как пожелает миледи, — ответил секретарь. — Я горю желанием посетить школу, открытую Драконом в Кайриэне. У них найдётся всё необходимое.

— Полагаю, в таком случае вы можете пойти, — сказал Перрин. — Но больше никого. Свет! Если соберётся ещё кто-нибудь — с тем же успехом мы могли бы отправить целую растреклятую армию.

Балвер удовлетворённо кивнул. Было ясно, что теперь он шпионит для Перрина. Расскажет ли он Айбаре, кто она на самом деле? Или он уже это сделал? По поведению Перина не было понятно, знает ли он.

Она собрала ещё несколько чашек; встреча подходила к концу. Кто бы сомневался, что Балвер предложит Айбаре шпионить для него; ей следовало подойти к этому невзрачному человеку раньше и узнать, какой будет цена за его молчание. Подобные ошибки могут стоить трона.

Она замерла с протянутой к чашке рукой. *«Ты больше не королева. Перестань думать, как одна из них!»*

Несколько недель после своего негласного отречения она надеялась найти способ вернуться в Андор, чтобы помогать Илэйн. Однако чем больше она об этом думала, тем

яснее понимала, что должна держаться в стороне. Все в Андоре *должны* считать Моргейз мёртвой. Каждая королева обязана идти своим путём, и, вернись Моргейз, Илэйн приняли бы за марионетку собственной матери. Кроме того, перед своим исчезновением Моргейз приобрела множество врагов. Зачем она всё это *натворила*? Её воспоминания о тех временах были туманны, но её возвращение только разбередит старые раны.

Она продолжила собирать чашки. Возможно, ей следовало совершить благородный поступок и убить себя. Если враги трона узнают, кто она, они могут использовать её

против Илэйн так же, как сделали бы Белоплащники. Но пока она не являлась угрозой. Кроме того, она была уверена, что Илэйн не рискнёт безопасностью Андора даже ради спасения собственной матери.

Перрин попрощался с посетителями и отдал основные распоряжения на вечер. Моргейз опустилась на колени и тряпкой вытерла грязь с упавшей на землю чашки. Найол сказал ей, что Гейбрил мёртв, а Кэймлин в руках ал'Тора. Это заставило бы Илэйн вернуться, не так ли? Стала ли она королевой? Поддержали ли её Дома, или же выступили против неё из-за того, что натворила Моргейз?

Разведчики могли принести новости, которых жаждала Моргейз. Ей придётся найти причину присутствовать на каждом совещании с их отчётами, возможно, предложив подавать чай. Чем лучше она исполняла свою работу горничной Фэйли, тем ближе она становилась к главным событиям.

Как только Хранительницы Мудрости вышли из палатки, Моргейз заметила кое-кого снаружи. Талланвор — преисполненный чувства долга, как всегда. Высокий и широкоплечий мужчина с мечом у пояса был явно чем-то обеспокоен.

Начиная с Малдена, он практически непрерывно следовал

за нею, и хотя из принципа она жаловалась, но на самом деле была не против. После двух месяцев разлуки он пытался воспользоваться любой возможностью, чтобы побыть вместе. Глядя в эти красивые молодые глаза, она и думать не могла о самоубийстве, даже ради Андора. Из-за этого она чувствовала себя дурой. Разве мало неприятностей доставило ей собственное сердце?

И всё же Малден изменил её. Она сильно скучала по Талланвору. А потом он пришел за ней, хотя и не обязан был рисковать ради неё жизнью. Он был предан ей больше, чем Андору. И по какой-то причине это было именно тем, что ей

требовалось. Она пошла ему навстречу, неся блюда и балансируя восемью чашками на сгибе руки.

— Майгдин, — позвал Перрин, когда она вышла из палатки. Она помедлила, обернувшись. Все, кроме Перрина и его жены, ушли.

— Вернись, пожалуйста, — сказал Перрин. — И ты, Талланвор, тоже можешь войти. Я вижу, что ты там прячешься. Честно. Никто не собирается напасть и выкрасть её прямо из палатки, полной Хранительниц Мудрости и Айз Седай!

Моргейз подняла бровь. Насколько она заметила, Перрин и сам в последнее время почти так же

следовал за Фэйли.

Войдя, Талланвор одарил Моргейз улыбкой. Он взял несколько чашек с её руки, и они оба предстали перед Перрином. Талланвор чинно поклонился, что вызвало у неё вспышку раздражения. Он оставался солдатом Гвардии Королевы — насколько она знала, единственным верным ей гвардейцем. Он не должен кланяться этому деревенскому выскочке.

— Когда вы только присоединились к нам, мне дали совет, — угрюмо сказал Перрин. — Что ж, я думаю, наступило время к нему прислушаться. В последнее время вы двое ведёте себя, словно

подростки из разных деревень, которые грезят друг о друге в последний час Дня Солнца. Давно пора вас поженить. Мы можем попросить об этом Аллиандре, или это могу сделать я. У вас есть какие-то обычаи, которые вы соблюдаете?

Моргейз моргнула от удивления. Будь проклята Лини за то, что вложила эту идею в голову Перрина! Моргейз почувствовала внезапный приступ паники, однако Талланвор взглянул на неё вопросительно.

— Пойдите и переоденьтесь во что-то получше, если желаете, — сказал Перрин. — Соберите всех, кого бы вы хотели в свидетели, и возвращайтесь через час. И

покончим с этой глупостью.

Она почувствовала, как от гнева её лицо бросило в жар. Глупость? Да как он посмел! Да ещё подобным тоном! Отсылая её, словно ребенка, будто её чувства — её любовь — чем-то его раздражали?

Он сворачивал карту, но Фэйли положила ладонь ему на руку, заставив обратить внимание на то, что его приказ остался не выполненным.

— Ну? — переспросил Перрин.

— Нет, — ответила Моргейз. Ее взгляд задержался на Перрине, она не хотела видеть неминуемое разочарование и неприятие на лице Талланвора.

— Что? — спросил Перрин.

— Нет, Перрин Айбара, — ответила Моргейз. — Я *не* вернусь сюда через час, чтобы выйти замуж.

— Но...

— Если вы хотите, чтобы был подан чай, или в палатке был наведён порядок, или упакованы вещи, тогда позовите меня. Если желаете, чтобы ваша одежда была выстирана, я подчинюсь. Но я служанка, Перрин Айбара, а не ваша *вещь*. Я верна Королеве Андора. У вас нет никаких прав отдавать мне подобный приказ.

— Я...

— Да ведь сама королева не потребовала бы такого! Принуждать двух человек пожениться, потому что

вы устали от того, как они смотрят друг на друга? Словно двух гончих, которых вы намереваетесь повязать, а потом продать щенков?

— Я не имел в виду ничего подобного.

— Но, тем не менее, вы это сказали. Кроме того, как вы можете быть уверены в намерениях юноши? Вы разговаривали с ним, спрашивали его, беседовали с ним, как и подобает лорду в подобном случае?

— Но, Майгдин, — сказал Перрин. — Он *действительно* к тебе не равнодушен. Ты бы видела, как он себя вёл, когда ты была в плену. Свет, женщина, это же очевидно!

— В вопросах любви нет ничего

очевидного. — Вытянувшись во весь рост, она почти снова почувствовала себя королевой. — Если я решу выйти за кого-нибудь замуж, я приму это решение самостоятельно. Для человека, который утверждает, что ему не нравится командовать, вы, очевидно, слишком любите отдавать приказы. Как вы можете быть столь уверены в том, что мне *нужна* любовь этого юноши? Вам известно, что чувствует моё сердце?

Талланвор напряжённо замер в стороне. Затем чинно поклонился Перрину и вышел из шатра. Какой он чувствительный. Что ж, пусть знает, что она не даст собой помыкать. Больше не даст. Сначала Гейбрил,

потом Валда, а теперь Перрин Айбара? Талланвор был бы сам не рад, если бы заполучил в жёны женщину, которой приказали выйти за него замуж.

Моргейз оценивающе посмотрела на покрасневшего Перрина. Она смягчила свой тон.

— Вы ещё слишком неопытны в подобных вопросах, потому я дам вам совет. Есть вещи, в которых лорд должен принимать участие, но есть такие, которых он *никогда* не должен касаться. Со временем вы поймёте разницу, а пока, будьте добры, воздержитесь от подобных требований, по крайней мере, пока не посоветуетесь со своей супругой.

После этого она присела в реверансе с чашками в руках и ушла. Ей не следовало с ним разговаривать в подобном тоне. Что ж, и он не должен был отдавать подобный приказ! Кажется, несмотря ни на что, в ней ещё сохранилась некая искра. Она не чувствовала себя такой сильной и уверенной с тех пор, как... да, с тех пор как в Кэймлине появился Гейбрил! Но ей ещё придется разыскать Талланвора, чтобы успокоить его уязвленную гордость.

Она оставила чашки у ближайшей мойки, а затем отправилась через лагерь на поиски Талланвора. Вокруг слуги и рабочие

были заняты своими обязанностями. Многие из бывших *гай'шайн* не перестали вести себя так, словно находились среди Шайдо, — они кланялись и расшаркивались при первом брошенном на них взгляде. Кайриэнцы вели себя хуже всех — они дольше остальных провели в плену, а Айил учили *очень* хорошо.

Конечно, тут присутствовали и несколько настоящих *гай'шайн*. Какой странный обычай. Из того, что сумела понять Моргейз, некоторые *гай'шайн* были захвачены Шайдо, а потом освобождены в Малдене. Они оставались в белом, и это значило, что теперь они вели себя как рабы по отношению к собственным

родственникам и друзьям.

Всех можно понять. Но, признала она, возможно, на Айил уйдет больше времени, чем на других. Взять, например, группу Дев, бегущих через лагерь. Зачем им понадобилось отпихивать всех со своего пути? Не было...

Моргейз замерла в нерешительности. Эти Девы направлялись прямо к палатке Перрина. Похоже, у них были новости.

Любопытство взяло верх, и Моргейз последовала за ними. Девы оставили двух часовых у входа в шатёр, но страж от подслушивания был снят. Ощувив укол стыда за то,

что она оставила Талланвора наедине с его болью, Моргейз обогнула палатку, делая вид, будто она занята *чем угодно*, только не подслушиванием.

— Белоплащники, Перрин Айбара, — сообщил изнутри решительный голос Сулин. — На дороге прямо перед нами стоит огромное войско.

Глава 7

ЛЕГЧЕ ПЕРЫШКА

Ночной воздух казался спокойнее, хотя гром напоминал Лану, что далеко не всё в порядке. За недели путешествия с Буленом тучи над ними, казалось, становились все темнее.

После скачки на юг они повернули на восток. Сейчас они были где-то рядом с кандорско-салдэйской границей, на Равнине Копий. Вокруг возвышались выветренные крутые холмы, неприступные, как крепостные стены.

Возможно, они не заметили границу. На дорогах в такой глухомани часто не было пограничных столбов, а горам безразлично, какая страна предъявляет на них претензии.

— Мастер Андра, — окликнул его Булен из-за спины. Лан купил ему верховую лошадь — кобылу грязно-белого цвета. Но его спутник всё так же вел за собой свою вьючную лошадь — Разведчика.

Булен поравнялся с ним. Лан настаивал, чтобы его называли Андрой. Один попутчик — уже хуже некуда. Останься он неузнанным, и никто не стал бы набиваться ему в попутчики. Он должен быть

благодарен Булену за
непреднамеренное предупреждение
о поступке Найнив. Без сомнения,
Лан у него за это в долгу.

Впрочем, Булен *очень* любил
поговорить.

— Мастер Андра, — продолжил
Булен. — Мы ведь повернём на юг на
Перекрестке Берндта, не так ли? Я
знаю в той стороне один постоянный
двор, где подают *отменных*
перепелов. Мы могли бы свернуть
еще восточнее на дорогу к Южному
Меттлеру. Этот путь *гораздо* легче. У
моего кузена — того, что со стороны
матери — по той дороге есть ферма,
мастер Андра, и мы могли бы...

— Нет, мы поедем этой

дорогой, — отрезал Лан.

— Но путь через Южный Меттлер гораздо удобней!

— А посему гораздо многолюднее, Булен.

Булен вздохнул, но замолчал. *Хадори* хорошо смотрелось на его голове, и он удивительно ловко обращался с мечом. Таких талантливых учеников Лан давно не встречал.

Стемнело. В горах ночь наступала очень рано. Здесь было холоднее, чем рядом с Запустением. К сожалению, эти земли были довольно густо заселены. Действительно, примерно через час после перекрестка они подъехали к

постоялому двору, в окнах которого все еще горел свет.

Булен с тоской посмотрел на дом, но Лан проехал мимо. Он заставлял их двигаться преимущественно ночью. Лучше оставаться незамеченными.

Перед постоялым двором, покуривая в темноте трубки, сидели трое мужчин. В воздухе на фоне окон постоялого двора вился едкий дым. Лан не обратил на сидящих особого внимания, пока они разом не перестали курить. Потом они отвязали лошадей от изгороди возле постоялого двора.

«*Прекрасно*», — подумал Лан. Разбойники, высматривающие на

ночной дороге усталых путников. Ну, трое большой опасности не представляют. Они рысью следовали за Ланом. Такие не нападут, пока не отъедут подальше от постоянного двора. Лан протянул руку, чтобы ослабить меч в ножнах.

— Милорд, — с чувством произнес Булен, оглядываясь. — Двое из тех мужчин носят *хадори*!

Лан повернулся, его плащ хлопал на ветру за спиной. Трое мужчин приблизились, но не остановились. Они разделились и объехали их с Буленом.

Лан смотрел, как они проезжают мимо.

— Андер? — позвал он. — Что

ты задумал?

Один из троих — худой, опасный на вид мужчина — оглянулся через плечо. Его длинные волосы были убраны назад с помощью *хадори*. Прошло много лет с тех пор, как Лан в последний раз видел Андера. Было похоже, что он, в конце концов, избавился от своей кандорской формы. На нём был кожаный охотничий костюм, а сверху накинут длинный черный плащ.

— А, Лан, — ответил Андер, и все трое натянули поводья, осаживая коней. — Я тебя и не заметил.

— Уверен, так и есть, — ровно ответил Лан. — И ты тут, Назар. Ты ведь снял свое *хадори* ещё

мальчишкой. А теперь надел?

— Я волен поступать, как захочу, — заявил Назар. Он постарел, волосы побелели. Ему, должно быть, уже минуло семьдесят, но он был при мече — тот был прикреплён у седла.

Третий мужчина, Рахим, не был малкири. У него были раскосые глаза салдэйца, и в ответ на слова Лана он смущённо пожал плечами.

Лан коснулся рукой лба и закрыл глаза. Троица ускакала вперёд.

Что за нелепую игру они ведут? «Неважно», — подумал Лан, открывая глаза.

Булен раскрыл было рот, собираясь что-то сказать, но Лан

остановил его свирепым взглядом. Он свернул с дороги на юг, срезая путь по небольшой старой тропе.

Вскоре он услышал позади приглушенный цокот копыт. Повернувшись, Лан увидел всех троих, по-прежнему скачущих следом. Стиснув зубы, Лан остановил Мандарба.

— *Я не поднимаю* Золотого Журавля!

— А кто сказал, что ты поднял? — возразил Назар. Они снова объехали его и ускакали дальше.

Лан пришпорил Мандарба и догнал их.

— Тогда перестаньте следовать

за мной!

— Когда я проверял в последний раз, мы были впереди тебя, — заметил Андер.

— Вы свернули на эту дорогу следом за мной, — упрекнул их Лан.

— Дороги тебе не принадлежат, Лан Мандрагоран, — заявил в ответ Андер. Он бросил взгляд на Лана, лицо его было скрыто ночной тенью. — Если ты не заметил, я уже не тот мальчишка, которого давным-давно бранил Герой Салмарны. Я стал солдатом, а солдаты нужны везде. Так что если захочу, я поеду этим путем.

— Я *приказываю* тебе повернуть назад, — сказал Лан. — Ищите

другой путь на восток.

Рахим рассмеялся. Его голос, несмотря на прошедшие годы, оставался хриплым.

— Лан, ты больше не мой командир. Почему я должен подчиняться твоим приказам?

Остальные ухмылялись.

— Конечно, королю мы бы подчинились, — заметил Назар.

— Верно, — согласился Андер. — Если *он* прикажет нам, то возможно, мы подчинимся. Но я не вижу здесь короля. Или я ошибаюсь?

— У павшего народа не может быть короля, — произнёс Лан. — Без королевства нет и короля.

— И всё же ты скачешь, —

сказал Назар, щёлкнув поводьями. — Скачешь навстречу смерти туда, где, как ты *утверждаешь*, больше нет королевства.

— Такова моя судьба.

Все трое мужчин пожали плечами и тронулись в путь.

— Не глупите, — мягко сказал Лан, останавливая Мандарба. — Этот путь ведёт к смерти.

— Смерть легче перышка, Лан Мандрагоран, — крикнул Рахим через плечо. — Если впереди только смерть, тогда путь будет легче, чем я думал!

Лан заскрипел зубами, но что он мог поделать? Избить всех троих до потери сознания и оставить у

дороги? Он чуть пришпорил Мандарба.

И где прежде было двое, там стало пятеро.

* * *

Галад завтракал, когда заметил, что Чадо Байар пришел поговорить с ним. Завтрак был простым: овсянка с горстью изюма. Обычная солдатская еда, завидовать нечему. К столу некоторых Лордов Капитанов-Командоров подавалась еда намного лучше, чем ели их подчиненные. Но Галад был не из таких. Особенно сейчас, когда в мире столько

голодающих.

Чадод Байар ждал официального приглашения внутри шатра. На тощем мужчине со впалыми щёками был белый плащ и табард поверх кольчуги.

Наконец Галад отложил ложку и кивнул Байару. Солдат подошёл к столу и снова встал по стойке смирно. В шатре Галада не было лишней мебели. Его меч, точнее, меч Валды, лежал прямо на столешнице за деревянной миской. Он был немного вытасчен из ножен. Из них выглядывала цапля, а на отполированной стали отражалась фигура Байара.

— Говори, — разрешил Галад.

— У меня есть новости о той армии, милорд Капитан-Командор, — произнес Байар. — Они почти точно там, где указали нам пленники. В паре дней пути отсюда.

Галад кивнул.

— У них поднят флаг Гэалдана?

— Вместе с флагом Майена. —

В глазах Байара сверкнула искра истового рвения. — А также знамя с волчьей головой, хотя мне доложили, что вчера поздно вечером они его убрали. Златоокий *там*. Наши разведчики в этом уверены.

— Он и в самом деле убил отца Борнхальда?

— Да, милорд Капитан-

Командор. Я уже знаком с этой тварью. Он со своими войсками явился из местности под названием Двуречье.

— Двуречье? — уточнил Галад. — Как странно, но в последнее время это место на слуху. Не оттуда ли появился ал'Тор?

— Говорят, оттуда, — ответил Байар.

Галад потёр подбородок:

— Там выращивают неплохой табак, чадо Байар, но я не слышал, чтобы они собирали урожай из армий.

— Это темное место, милорд Капитан-Командор. Мы с Чадо Борнхальдом провели там некоторое

время в прошлом году. Оно кишмя кишит Приспешниками Тёмного.

Галад вздохнул.

— Ты рассуждаешь, как
Вопрошающий.

— Милорд Капитан-
Командор, — настойчиво продолжил
Байар. — Милорд, пожалуйста,
поверьте мне. Я *не просто*
предполагаю, тут совсем другое.

Галад нахмурился. Потом
махнул в сторону второго табурета,
стоявшего у стола. Байар сел.

— Объяснись, — приказал
Галад. — И постарайся рассказать
все, что тебе известно о Перрине
Златооком.

Перрин мог вспомнить время, когда его устраивал простенький завтрак из сыра и хлеба. Но теперь все было иначе. Быть может, повлияла его связь с волками, или просто его вкусы со временем изменились. Отныне ему хотелось мяса, особенно по утрам. Это получалось не всегда — вот и отлично. Но, как правило, просить ему не приходилось.

Так случилось и сегодня. Он встал, умылся и увидел входящую служанку с огромным куском окорока, ароматным и сочным. Никаких бобов, никаких овощей.

Никакой подливки. Просто окорок, натёртый солью и подрумяненный на огне. И пара вареных яиц в придачу. Служанка поставила еду на стол и вышла.

Перрин вытер руки, пересекая шатер и вдыхая запах мяса. Какая-то часть его сознания чувствовала, что надо бы отказаться, но он был не в силах. Особенно теперь, когда мясо оказалось прямо под носом. Он сел, взял нож с вилкой и вонзил их в окорок.

— Никак не пойму, как ты можешь есть подобное *на завтрак*, — заметила Фэйли, выходя из умывальной комнаты их шатра и вытирая руки куском полотна. В их

огромном шатре было несколько отделений, разделенных занавесками.

На Фэйли было одно из её скромных серых платьев. Идеальный выбор, потому что оно не отвлекало от её красоты. Оно было подпоясано добротным черным ремнем — Фэйли приказала избавиться от всех золотых поясков, даже самых изысканных. Он предлагал поискать для нее другой, который пришелся бы ей по вкусу, но она в ответ прямо-таки побледнела.

— Это же еда, — сказал Перрин.

— Вижу, — фыркнула она, рассматривая себя в зеркале. — Ты полагаешь, мне показалось, что это

что-то иное? Например, камень?

— Я имел в виду, — произнес Перин, прожевав очередной кусок, — что еда есть еда. Почему меня должно волновать, что я ем на завтрак, а что в другое время?

— Потому что это странно, — ответила она, надевая шнурок с маленьким голубым камнем. Фэйли изучала свое отражение, затем повернулась, взмахнув свободными, по салдэйской моде, рукавами своего платья. Она остановилась около его тарелки, скривившись.

— Я завтракаю с Аллиандре. Непременно пошли за мной, если будут новости.

Он кивнул, глотая. Почему

человек должен есть мясо в обед, но отказываться от него на завтрак? Это бессмысленно.

Он решил остаться около Джеханнахского тракта. Что ещё ему оставалось делать, когда прямо впереди расположилась и преградила ему путь в Лугард армия Белоплащников? Его разведчикам требовалось время, чтобы оценить опасность. Он много размышлял о своих странных видениях — о гонящих овец в пасть чудовища волках и об идущей к обрыву Фэйли. Он не мог понять их смысла, но вдруг они связаны с Белоплащниками? Их появление беспокоило его больше, чем он хотел

признаться себе, но всё же Перрин питал слабую надежду, что они окажутся незначительной помехой и не слишком его замедлят.

— Перрин Айбара, — донесся голос снаружи. — Ты дашь мне позволение войти?

— Входи, Гаул, — позвал он. — Моя прохлада — твоя.

Высокий айилец шагнул внутрь.

— Спасибо тебе, Перрин Айбара, — сказал он, бросив взгляд на окорок. — Целый пир. Ты что-то празднуешь?

— Ничего, кроме завтрака.

— Великая победа, — заметил Гаул, смеясь.

Перрин тряхнул головой.

Айильский юмор. Он уже не пытался найти в нём смысл. Гаул уселся на землю, и Перрин, мысленно вздохнув, взял тарелку и сел на ковёр наискосок от Гаула. Поместив тарелку себе на колени, Перрин продолжил завтракать.

— Тебе не обязательно ради меня сидеть на полу, — сказал Гаул.

— Я делаю это не потому, что считаю это *обязательным*, Гаул.

Айилец кивнул.

Перрин отрезал ещё кусок. Насколько проще было бы схватить руками всё целиком и отрывать куски зубами. Волкам есть проще. Посуда. Какой в ней смысл?

Подобные мысли приводили его

в замешательство. Он *не был* волком и не хотел мыслить как один из них. Возможно, стоит, как советовала Фэйли, начать есть на завтрак фрукты. Он нахмурился и вернулся к еде.

* * *

— В Двуречье мы обнаружили троллоков, — сообщил Байар, понизив голос. Забытая овсянка Галада остывала на столе. — Несколько дюжин свидетелей в нашем лагере могут это подтвердить. Я сам собственным мечом прикончил пару этих тварей.

— Троллоки в *Двуречье*? — сказал Галад. — Это же в сотнях лиг от Порубежья!

— Тем не менее, они там были, — ответил Байар. — Должно быть, Лорд Капитан-Командор Найол подозревал что-то подобное. Нас направили туда именно по его приказу. Вы знаете, что Пейдрон Найол не разбрасывался по мелочам.

— Да. Согласен. Но чтобы *Двуречье*?

— Там *полно* Приспешников Темного, — сказал Байар. — Борнхальд рассказал вам про Златоокого. В *Двуречье* этот Перрин Айбара поднял флаг древней Манетерен и собрал армию

фермеров. Опытные солдаты поднимут на смех крестьян, насильно загнанных на военную службу, но собери их много — и они могут представлять опасность. Некоторые из них отлично владеют посохом или луком.

— Я в курсе, — спокойно сказал Галад, с досадой припомнив один преподанный ему весьма поучительный урок.

— А этот человек, Перрин Айбара, — продолжил Байар. — Он Отродье Тени, и это ясно как день. Они называют его Златооким, потому что у него *действительно* золотистые глаза — такого оттенка не бывает у обычных людей. Мы

были уверены, что Айбара сам привел троллоков в Двуречье, чтобы заставить людей вступить в его армию. В конце концов он сумел нас оттуда прогнать. И вот он прямо перед нами.

Совпадение или нечто большее?

Байар, по всей видимости, подумал о том же.

— Милорд Капитан-Командор, возможно, мне следовало упомянуть об этом ранее, но я и до Двуречья встречался с этой тварью Айбарой. Около двух лет назад он убил двоих Детей Света на заброшенной дороге в Андоре. Я путешествовал тогда с отцом Борнхальда. Мы встретили Айбару в лагере в стороне от дороги.

Он, как дикарь, бегал с волками. Он убил двоих прежде чем мы смогли его скрутить, а потом, после того, как мы его пленили, ночью он сумел вырваться и скрыться. Милорд, его следует вздёрнуть.

— Есть кто-то ещё, кто мог бы это подтвердить? — спросил Галад

— Да, чадо Оратар. И чадо Борнхальд может подтвердить то, чему мы были свидетелями в Двуречье. И Златоокий *также был* в Фалме. Уже за то, что он сотворил там, его следует предать суду. Все предельно ясно. Сам Свет привел его к нам в руки.

— Ты уверен, что среди Белоплащников наши люди? — спросил Перрин.

— Я не видел лиц, — ответил Гаул, — Но у Илайаса Мачиры глаза очень зоркие. Он утверждает, что точно видел Базела Гилла.

Перрин кивнул. Золотистые глаза Илайаса были столь же зоркими, как и у Перрина.

— Сулин и её разведчицы докладывают о том же, — продолжил Гаул, принимая кружку эля, наполненную из кувшина Перрина. — У армии Белоплащников большой обоз, очень похожий на тот, что мы послали вперед. Она обнаружила это рано утром, но

попросила меня передать тебе новость, когда ты проснёшься: она знает, что мокроземцы очень вспыльчивы, если их беспокоят по утрам.

Гаул, очевидно, даже не подозревал, что его слова могли звучать оскорбительно. Перрин был мокроземцем, а все мокроземцы вспыльчивые, по крайней мере, по мнению Айил. Так что Гаул просто констатировал общепринятый факт.

Перрин потрянул головой, пробуя одно из яиц. Переварено, но съедобное.

— Смогла ли Сулин кого-нибудь узнать?

— Нет, хотя она видела

нескольких *гай'шайн*, — сказал Гаул. — Тем не менее, Сулин — Дева, так что, возможно, нам следует отправить кого-нибудь, чтобы подтвердить ее слова — кого-нибудь, кто не станет пользоваться случаем, чтобы перемыть нам косточки.

— Проблемы с Байн и Чиад? — спросил Перрин.

Гаул скорчил недовольную гримасу.

— Клянусь, эти женщины сведут меня с ума. За что мужчина должен так страдать? Лучше заполучить в качестве *гай'шайн* самого Затмевающего Зрение, чем этих двоих.

Перрин ухмыльнулся.

— В любом случае, пленники выглядят целыми и невредимыми. В отчёте есть ещё кое-что. Одна из Дев видела, что флаг, развевающийся над лагерем, выглядел необычно, поэтому она перерисовала его для вашего секретаря, Себбана Балвера. По его словам, такой флаг означает, что вместе с армией находится сам Лорд Капитан-Командор.

Перрин посмотрел на последний ломоть окорока. Плохие новости. Он никогда не встречал Лорда Капитана-Командора, но однажды *сталкивался* с одним из Лордов-Капитанов Белоплащников. Это случилось в ночь, когда умер Прыгун. В ту самую ночь, которая

преследовала Перрина в кошмарах в течение двух лет.

Это была ночь, когда он впервые убил человека.

* * *

— Какие еще доказательства вам нужны? — Байар наклонился ближе, запавшие глаза сверкали истовым огнём. — У нас есть свидетели, которые *видели*, что он убил двоих наших! И мы позволим ему просто пройти мимо, словно он невиновен?

— Нет, — ответил Галад, — Во имя Света, нет, если то, что ты поведал, правда, мы не можем

просто повернуться спиной к этому человеку. Наш долг нести справедливость.

Байар воодушевлённо улыбнулся.

— Пленники утверждают, что королева Гэалдана дала ему клятву вассальной верности.

— Это может стать проблемой.

— Или же — шансом. Быть может, Гэалдан — именно то, что нужно Детям Света. Новый дом, возможность вернуть утраченное. Вы, милорд Капитан-Командор, говорили про Андор, но сколько они станут нас терпеть? Вы говорили про Последнюю Битву, но до неё ещё может быть много месяцев. Что если мы оказались тут именно для того,

чтобы освободить целый народ из-под длани ужасного Приспешника Тёмного? Можно не сомневаться, что королева или её наследник будут перед нами в неоплатном долгу.

— Это при условии, что мы сможем одолеть этого Айбару.

— Мы сможем. Наши силы меньше, но большая часть его армии фермеры, а не солдаты.

— Как ты только что заметил, фермеры могут быть очень опасны, — возразил Галад. — Не стоит их недооценивать.

— Да, но я знаю, как их разбить. Они могут быть опасны, это верно, но они склонятся перед натиском Детей Света. На сей раз Златоокому

не спрятаться за деревенскими укреплениями или за спинами этого сброда — его союзников. Больше никаких отговорок.

* * *

Неужели это из-за того, что он *та'верен*? Неужели Перрину не уйти от той ночи, случившейся несколько лет назад? Он с отвращением отставил тарелку.

— С тобой всё в порядке, Перрин Айбара? — спросил Гаул.

— Просто задумался.

Белоплащники не оставят его в покое, и Узор — испепели его

Свет! — будет продолжать вплетать их на его пути, пока Перрин с ними не разберётся.

— Насколько велика их армия? — спросил Перрин.

— У них двадцать тысяч солдат, — ответил Гаул. — И несколько тысяч тех, кто, похоже, никогда не держал в руках копья.

Слуги и маркитанты. Гаул сдерживал удивление в голосе, но Перрин все равно его чуял. Среди Айил практически каждый мужчина — все, кроме кузнецов — способен держать копье, чтобы защититься в случае нападения. Тот факт, что многие мокроземцы не в состоянии защитить себя, одновременно сбивал

айильцев с толку и приводил их в ярость.

— Их силы огромны, — продолжил Гаул, — но наши больше. И у них нет ни *алгай'д'сисвай*, ни Аша'манов, ни других способных направлять людей, если Себбан Балвер не ошибся. Кажется, он много знает об этих Белоплащиках.

— Он прав. Белоплащики ненавидят Айз Седай и считают, что любой, кто может использовать Единую Силу, является другом Тёмного.

* * *

— Значит, мы выступаем против него? — спросил Байар.

Галад встал из-за стола.

— Выбора нет. Свет сам отдает его в наши руки. Но нам нужно больше информации. Возможно, мне следует самому отправиться к этому Айбаре и сообщить, что мы удерживаем его союзников, а после бросить ему и его войску вызов на бой. Мне нужно выманить его в поле, чтобы использовать кавалерию.

* * *

— Чего ты хочешь, Перрин Айбара? — спросил Гаул.

Чего он хотел? Хотел бы он
знать ответ на это...

— Отправьте ещё
разведчиков, — сказал Перрин. —
Найдите нам более удобное место
для лагеря. Нам придётся
предложить переговоры, но никогда,
во имя Света, я не оставлю Гилла и
остальных в руках Белоплащников.
Мы дадим Чадам шанс вернуть
наших людей. Если они откажутся...
Что ж, тогда посмотрим.

Глава 8

СЕМИПОЛОСАЯ ДЕВИЦА

Мэт сидел на обшарпанном табурете, облокотившись на стойку бара из тёмного дерева. Пахло здесь неплохо: элем, дымком и тряпкой, которой недавно протирали столешницу. Ему нравилось. Было что-то успокаивающее в таких вот добрых, шумных тавернах, в которых, к тому же, поддерживалась чистота. Ну, или относительная чистота в разумных пределах. Кому же понравится *слишком* чистая таверна?

Такое место кажется совсем новым, будто ни разу не ношенный кафтан или ни разу не раскуренная трубка.

В правой руке Мэт крутил сложенное письмо, написанное на тонкой бумаге и запечатанное кроваво-красным сургучом. Несмотря на своё недавнее появление, это послание уже превратилось в источник сплошных неприятностей не хуже любой женщины. Нет, конечно, с проблемами, порождаемыми Айз Седай, его не сравнить, но с тем, что можно ожидать от любой другой женщины, письму было вполне по силам потягаться. А этим многое сказано.

Он оставил письмо в покое и шлёпнул им о стойку. Чтоб Верин сгореть за то, что она сделала! Она держала его этой клятвой, словно рыбу на крючке.

— Итак, лорд Кримсон? — обратилась к нему хозяйка таверны. Так в последнее время он представлялся посторонним — лучше перестраховаться. — Вам долить или нет?

Скрестив руки, хозяйка наклонилась к нему. Мэлли Крэб была симпатичной женщиной с округлым личиком и соблазнительно вьющимися рыжими волосами. Возможно, Мэт одарил бы её своей самой очаровательной улыбкой — он

ещё не встречал женщины, способной перед ней устоять. Но теперь он женат и больше не может разбивать сердца. Это было бы неправильно.

Впрочем, наклонившись, хозяйка и впрямь продемонстрировала весьма аппетитные формы. Женщина была невысокой, но за барной стойкой пол был специально приподнят. Да, весьма аппетитная грудь. Он прикинул, что если завлечь её в одну из построек позади таверны, она не будет против пары поцелуев. Конечно, Мэт больше не заглядывался на женщин. По крайней мере, не с этой целью. Он и не думал

сам целоваться с ней. Скорее он предоставит это Талманесу. Тот был таким зажатым, что хороший поцелуй и крепкие объятия пойдут ему на пользу.

— Ну, так что? — снова спросила она.

— А как бы ты поступила на моём месте, Мэлли? Пустая кружка, истекая остатками пены, стояла рядом.

— Заказала бы ещё, — не задумываясь, ответила она. — И угостила бы всех присутствующих. Это было бы очень щедро с вашей стороны. Всем нравятся щедрые люди.

— Вообще-то я спрашивал про

ПИСЬМО.

— Разве вы обещали его не распечатывать? — спросила она.

— Ну, не совсем. Я пообещал, что если открою, то выполню в точности всё, что там написано.

— Дали слово, верно?

Он кивнул.

Не успел он охнуть, как Мэлли выхватила письмо у него из рук. Мэт потянулся было, чтобы его отобрать, но она отшатнулась, вертя письмо в руках. Мэт подавил желание предпринять новую попытку. Он уже не раз за свою жизнь играл в «а ну-ка отними» и не имел ни малейшего желания выставлять себя шутком. Больше всего на свете женщины

любят заставить мужчин подёргаться, и если позволить себе попасться на их уловку, они только усилят нажим.

И всё же он покрылся испариной.

— Перестань, Мэлли...

— Я могу вскрыть его за вас, — ответила она, опираясь спиной о противоположную сторону барной стойки и разглядывая письмо. Посетитель рядом потребовал ещё кружку эля, но она лишь отмахнулась. В любом случае, похоже этому красноносому пора притормозить. Заведение Мэлли было довольно популярным, так что для обслуживания клиентов она могла позволить себе нанять с

полдюжины служанок. Одна из них рано или поздно к нему подойдёт. — Могу распечатать, — продолжила она, обращаясь к Мэту, — и рассказать, о чём там речь.

Проклятый пепел! Если она это сделает, ему придётся следовать указаниям, что бы в этом треклятом письме ни говорилось! А чтобы освободиться, ему всего то и нужно подождать несколько недель. Он мог бы подождать. В самом деле, мог бы.

— Так не пойдёт, — сказал Мэт, резко выпрямившись, когда она просунула большой палец между скреплёнными краями записки, будто собиралась вскрыть его. — Я в любом случае обязан исполнить то,

что там сказано, Мэлли. Поэтому перестань. И поосторожнее с письмом!

В ответ она улыбнулась. Её таверна «Семиполосая девица» была одной из лучших в западном Кэймлине. Крепкий эль, игральные кости всегда под рукой, и ни одной крысы. Хотя, возможно, крысы просто не рисковали связываться с Мэлли. Свет, да она одной левой справится с любым мужчиной!

— Вы так и не рассказали, от кого оно, — сказала Мэлли, вертя письмо в руках. — От любовницы, да? Попались в её силки?

Насчёт второй части она вполне права, но Верин — любовница? Это

казалось настолько нелепым, что Мэт расхохотался. Целоваться с Верин — всё равно, что целоваться со львом. И даже будь перед ним такой выбор, он предпочёл бы льва. Меньше вероятность быть укушенным.

— Я дал слово, Мэлли, — пытаюсь скрыть нервозность, ответил Мэт. — *Не смей* вскрывать его, слышишь.

— Но я-то слова не давала, — ответила она. — Может, я прочту и не стану вам рассказывать, о чём оно. Просто намекну, чуть-чуть, для воодушевления.

Она улыбнулась пухлыми губками и стрельнула в его сторону

глазами. Да, Мэлли *определённо* хороша. Конечно, у неё не было такой великолепной кожи и огромных глаз, как у Туон. Но всё же она прелестна, особенно эти губки. Женатику не следовало бы на них пялиться, но он одарил её своей лучшей улыбкой. Сейчас это было необходимо, даже если разобьёт ей сердце. Он просто не мог позволить ей распечатать письмо.

— Это не меняет сути дела, Мэлли, — обворожительно произнес Мэт. — Если ты его вскроешь, а я не выполню того, что в нём написано, значит, моё слово не дороже помоев. — Он вздохнул, понимая, что есть *единственный* способ

вернуть письмо. — Мэлли, женщина, которая мне его дала, — Айз Седай. Ты же не хочешь рассердить Айз Седай, верно?

— Айз Седай? — Мэлли внезапно заинтересовалась. — Мне всегда хотелось съездить в Тар Валон, узнать, не могу ли я стать одной из них. — Она с *ещё большим* интересом взглянула на письмо.

Свет! Эта женщина просто сумасшедшая. А Мэт ещё считал её благоразумной. Следовало бы лучше пораскинуть мозгами. Его прошиб холодный пот. Удастся ли ему дотянуться до письма? Оно совсем рядом...

Мэлли положила письмо на

стойку прямо перед его носом, придерживая одним лишь пальцем, как раз посреди сургучной печати.

— Представьте меня этой Айз Седай, когда встретите её снова.

— Если увижу её, пока буду в Кэймлине, — ответил Мэт, — обещаю.

— Можно ли верить вашему слову?

Он бросил на неё раздражённый взгляд.

— А о чём, по-твоему, был весь этот треклятый разговор?

Она рассмеялась и, оставив письмо на барной стойке, обернулась к щербатому клиенту, который по-прежнему требовал добавки. Мэт

схватил письмо и аккуратно спрятал его в карман кафтана. Вот проклятая женщина! Единственный способ держаться подальше от интриг Айз Седай — никогда не открывать это письмо. Хотя держаться подальше — сильно сказано, учитывая, что вокруг него полно Айз Седай с их интригами. Айз Седай у него разве что из ушей уже не лезут. И повесить себе на шею ещё одну может лишь полный кретин, с головой, набитой опилками.

Вздохнув, Мэт оглянулся, повернувшись на табурете. В «Семиполосую девицу» набился разношерстный люд. Сейчас в Кэймлине кишело больше людей,

чем рыб-львов на месте кораблекрушения. Город практически трещал по швам. В тавернах было не протолкнуться. Несколько фермеров в рабочей одежде с обтрёпанными воротниками метали в углу кости. Недавно Мэт сыграл с ними несколько партий и оплатил выигранными деньгами свою выпивку. Но он терпеть не мог играть на медяки.

Мужчина с грубоватым лицом, сидевший в углу, продолжал пить — рядом с ним уже набралось порядка четырнадцати пустых кружек, а товарищи лишь его подбадривали. В сторонке расположилась компания дворян, с которыми Мэт с

удовольствием бы сыграл в кости, но их мрачные рожи могли отпугнуть даже медведя. Видимо в войне за престол они выбрали не ту сторону.

На Мэте был чёрный кафтан с отделанными кружевами манжетами. Лишь немного кружев и никакой вышивки. Жаль, но ему пришлось оставить свою широкополую шляпу в лагере, а также слегка отпустить бороду, которая чесалась, как сотня блошиных укусов, да и выглядел он из-за неё треклятым болваном. Но так его было сложнее узнать. А учитывая, что его портрет мог оказаться у каждого головореза в городе, стоило поостеречься. Если бы то, что он *та'верен*, могло хоть как-

то помочь... Но на это лучше не полагаться. Та'веренство — ни на что не годная штука.

Пришлось заправить шарф поглубже и застегнуться на все пуговицы, так что высокий воротник практически упирался в подбородок. Он был твёрдо уверен, что однажды умирал уже, и пробовать снова совершенно не хотелось.

Мимо прошла симпатичная служанка: стройная, крутобёдрая, с тёмными распущенными волосами. Он слегка подвинулся, чтобы лучше была видна его одинокая опустевшая кружка. И девушка, улыбаясь, поспешила к нему. Мэт одарил её ответной улыбкой и дал ей грош. Он

женат и не может сам с ней флиртовать, но для друзей-то присмотреться можно. К примеру, Тому она может прийтись по вкусу. В конце концов, она может отвлечь его от раздумий. Несколько мгновений он всматривался в лицо девушки, чтобы при следующей встрече узнать её наверняка.

Потягивая эль, Мэт не убирал руки с кармана, в котором лежало письмо. Не стоит гадать о его содержании. Только начни, и окажешься в одном шаге от того, чтобы его вскрыть. Он напоминал себе мышь, уставившуюся на кусок засохшего сыра в мышеловке. Ему не нужен этот сыр. Да пусть хоть

сгниет, ему плевать.

Весьма вероятно, что это письмо потребует от него влезть во что-то опасное. И постыдное. Айз Седай просто обожают ставить мужчин в глупое положение. О, Свет! Остаётся надеяться, что Верин не оставила ему указаний помочь кому-нибудь выпутаться из неприятностей. С другой стороны, будь это так, она уж точно сама бы за всем приглядела.

Он вздохнул и сделал ещё один глоток эля. Мужчина в углу наконец-то упился и свалился под стол. Шестнадцать кружек. Неплохо. Мэт отодвинул свою и, оставив в качестве платы несколько монет, кивнул на прощанье Мэлли. Он забрал

выигрыш по закладу на выпивоху у мужчины с длинными пальцами, который тоже сидел в углу. Мэт ставил на семнадцать кружек и почти угадал. Прихватив трость с подставки у входа, он направился своей дорогой.

Вышибала по имени Берг проводил его взглядом. Лицо у Берга было настолько уродливым, что наверняка заставляло морщиться его собственную мамашу. Громила невзлюбил Мэта с первого взгляда. И взгляды, бросаемые Бергом на Мэлли, красноречиво свидетельствовали о том, что тот решил, будто Мэт строит глазки его женщине. Заверения Мэта, что он

как женатый человек больше не занимается подобными вещами, ничего не дали. Некоторые типы продолжают ревновать, несмотря на все доводы.

Несмотря на поздний час, на улицах Кэймлина былолюдно. Мостовая влажно блестела после недавнего дождя, хотя тучи уже рассеялись, что примечательно, оставив после себя чистое небо. На улице Мэт повернул на север, держа путь к следующей известной ему таверне, в которой играли на серебро и золото. На сегодня у него не было какого-то конкретного плана, просто хотелось послушать сплетни и узнать, чем живёт Кэймлин. С

последнего его визита здесь многое изменилось.

По пути он невольно все время оглядывался. Эти проклятые рисунки заставляли его нервничать. Многие прохожие казались ему подозрительными. Мимо прошло несколько настолько пьяных мурандийцев, что от их дыхания можно было зажигать факелы. Мэт постарался обойти их стороной. После происшествия в Хиндерстапе он решил, что осторожности много не бывает. Свет, он слышал истории, в которых на людей набрасывались *камни мостовой!* Если нельзя доверять даже булыжникам под ногами, то чему вообще доверять?

Наконец он добрался до намеченной цели — оживлённого местечка под названием «Дыхание мертвеца». У входа стояли два здоровяка с дубинками, зажатыми в ручищах невероятного размера. Теперь во все таверны нанимали дополнительную охрану. Мэту приходилось тщательно следить за тем, чтобы не выигрывать слишком много. Владельцы таверн не любят тех, кто много выигрывает, потому что это может вызвать драку, если только счастливчик не спустит выигрыш на еду и выпивку. Тогда можешь выигрывать сколько душе угодно, благодарим покорно.

Внутри было темнее, чем в

«Семиполосой девице». Посетители склонялись кто над выпивкой, кто над игральными костями, да и выбор блюд тут был не богатый. Одни крепкие напитки. Из деревянной барной стойки чуть ли не на ноготь торчали шляпки гвоздей, цепляясь за рукава. Мэт решил, что они пытаются вырваться и убежать.

Хозяином здесь был Бернхерд — тайренец с вечно засаленными волосами и столь маленьким ртом, что казалось, будто он по ошибке проглотил собственные губы. От него вечно воняло редькой, и Мэт ни разу не видел, как тот улыбается, даже считая деньги. Ради чаевых большинство трактирщиков

улыбались бы самому Тёмному.

Мэт терпеть не мог пить и играть там, где одной рукой нужно держаться за кошелёк. Но он решил сегодня выиграть круглую сумму, а тут как раз играли в кости и раздавался звон денег, поэтому он чувствовал себя почти как дома. Кружева на рукавах привлекали внимание. Зачем он вообще их носит? Как только вернётся в лагерь, прикажет Лопину их спороть. Ну, может, не все, а только часть.

В дальнем конце зала Мэт заметил трёх игроков: двух мужчин и женщину с красивыми глазами и золотистыми волосами, одетую в бриджи. Последнее Мэт отметил

исключительно ради Тома. К тому же, у неё была полная грудь, а с недавних пор Мэту больше нравились девушки с менее пышными формами.

Через пару минут Мэт уже присоединился к игре и немного успокоился. Он не спускал глаз со своего кошелька, несмотря на то, что тот лежал на полу прямо перед ним. Через некоторое время рядом с кошельком выросла кучка монет, в основном серебряных.

— Не слышали, что случилось на Кузнечном Лугу? — поинтересовался один из игроков у своего приятеля, пока Мэт тряс стаканчик с игральными костями. — Просто

жуть. — Говоривший был высоким парнем с узким лицом, которое, казалось, пару раз прищемили дверью. Он отзывался на кличку Догоняла. Мэт решил, это оттого, что при виде его физиономии женщины разбегались, куда глаза глядят, и ему оставалось только их догонять.

— А что случилось? — спросила Клэр, та самая златовласая девица. Мэт одарил её улыбкой. Ему редко приходилось играть в кости с женщинами, поскольку большинство из них находило эту игру неприличной. Хотя никогда не жаловались, если мужчина покупал им что-нибудь симпатичное со своего выигрыша. В любом случае, играть в

кости с женщинами было нечестно, раз одной улыбкой он мог заставить их сердца трепетать, а колени подгибаться. Но больше Мэт так девушкам не улыбался. К тому же, она всё равно не отвечала на все его улыбки.

— Джодри, — ответил Догоняла, когда Мэт готовился бросить кости. — Этим утром его нашли мертвым. Горло начисто вырвано. А в теле ни кровинки, словно в дырявом мехе из-под вина.

Мэт был так ошарашен, что бросил кости не глядя.

— Что? — переспросил он. — Повтори, что ты сказал?

— Да так, — ответил Догоняла,

глядя на Мэта. — Просто один наш общий знакомый. Он задолжал мне пару крон.

— Ни кровинки в теле, — напомнил Мэт. — Ты уверен? Ты сам видел труп?

— А что? — поморщившись, спросил Догоняла. — Проклятый пепел, парень! Что с тобой?

— Я...

— Догоняла, — вмешалась Клэр. — Ты только посмотри на это.

Узколицый посмотрел вниз, Мэт следом. Брошенные им кости, все три разом, стояли, балансируя на углах. Свет! Бывало, что подброшенные им монеты вставляли на ребро, но такого с ним еще не

случалось.

Тут же, совершенно неожиданно, в его голове вновь загрохотали игральные кости. Он едва не подскочил до потолка. «*Кровь и проклятый пепел!*» Этот шум в голове никогда не предвещал ничего хорошего. И прекращался только, если что-то изменялось. И это что-то обычно не сулило ничего хорошего бедному Мэтриму Коутону.

— Я ещё *ни разу...* — начал было Догоняла.

— Назовём это проигрышем, — оборвал его Мэт, бросая на кон несколько монет и сгребая остатки выигранных денег.

— А что тебе известно про

Джодри? — спросила Клэр. Она потянулась к своему поясу. Её взгляд был красноречив — Мэт готов был поставить золотой против медяка на то, что у неё там спрятан нож.

— Ничего, — ответил Мэт. *«Ничего и в то же время слишком много»*. — Прошу прощения.

Он поспешил к выходу, отметив на ходу, что один из охранявших дверь плечистых бугаёв переговаривается с хозяином Бернхердом, тыча при этом в какую-то бумажку. И хотя Мэт не мог разглядеть, что на ней, нетрудно было догадаться: там его собственная физиономия.

Пробормотав проклятие, он

выскользнул на улицу. И там, свернув в первый же замеченный переулок, бросился бежать.

За ним охотятся Отрёкшиеся, у каждого головореза в кармане есть его портрет, а теперь ко всему добавился ещё и обескровленный труп. Последнее может значить только одно: в Кэймлине объявился *голам*. Казалось невероятным, что он появится здесь так быстро. Правда, однажды эта тварь на глазах у Мэта просочилась в дыру едва ли в две ладони шириной. И, судя по всему, для этой штуки просто не существует ничего невозможного.

«*Кровь и проклятый пепел!*» — выругался он, втягивая голову в

плечи. Нужно забрать Тома и вернуться за город в лагерь Отряда. Мэт устремился в темноту по влажной от дождя улице. Камни мостовой отражали струящийся сверху свет масляных фонарей. Согласно приказу Илэйн, Королевский Бульвар даже ночью был ярко освещен.

Он отправил ей весточку, но так и не дождался ответа. И где же благодарность? Если прикинуть, он дважды спасал ей жизнь. И одного раза должно быть достаточно, чтобы встретить его с распростертыми объятьями и расцеловать, а его даже в щёчку не чмокнули. Не то, чтобы ему сильно хотелось, уж во всяком

случае, не от королевы. От них лучше держаться подальше.

«Ты женат на проклятой высокородной шончанке, — подумал он про себя. — На дочери самой Императрицы». Теперь уж тебе никак не избежать королевского общества! По крайней мере, Туон красивая. И отлично играет в камни. И сообразительная, так что с ней есть о чём поболтать, даже если в большинстве случаев она невероятно упряма...

Нет. Не подходящее время думать о Туон.

В любом случае, Илэйн ему так и не ответила. Стоило быть настойчивее. И дело не только в

Алудре с её драконами. Проклятый *голам* появился в городе.

Сунув руки в карманы, Мэт вышел на широкую, людную улицу. В спешке он забыл свою трость в «Дыхании Мертвеца». Оставалось только досадовать на себя. *Предполагалось*, что оговоренные Верин тридцать дней он будет отдыхать днём, играть в кости в хороших гостиницах ночью и подолгу отсыпаться утром. А вышло вот что.

У него был собственный счёт к *голаму*. Мало невинных жертв, павших от рук этой твари, пока она разнюхивала в Эбу Дар, но Мэт не забыл Налессина и пять Красноруких тоже убитых ею. Проклятый пепел,

за одно это стоит привлечь голама к ответу. А ещё он забрал жизнь Тайлин.

Мэт вытащил руку из кармана и прикоснулся к медальону в виде лисьей головы, как всегда, висящему у него на груди. Он устал бегать от этого чудовища. Под аккомпанемент грохочущих игральных костей, в его голове начал зреть план. Мэт попытался отогнать встававший перед глазами образ королевы, связанной его собственными руками. Её нашли с оторванной головой. Должно быть, там всё было залито кровью. Для *голама* свежая кровь была источником жизни.

Поёжившись, Мэт снова сунул

руки в карманы, и направился в сторону городских ворот. Несмотря на темноту, он мог различить следы недавнего сражения: наконечник стрелы, впившийся в дверной косяк здания слева, тёмные подпалины на стене караульной, отметина на доске под окнами. Тут умер человек. Возможно, он стрелял из арбалета и вывалился из окна, истекая кровью.

Осада была снята и новая королева — *правильная* королева — заняла трон. Надо же, здесь была битва, и он её *пропустил*. Эта мысль немного улучшила его настроение. Вокруг Львиного Трона разразилась целая война, но ни одна участвовавшая в ней стрела, лезвие

или копье не целили в сердце Мэта Коутона.

Он свернул направо и пошёл вдоль внутренней стороны городской стены. Рядом с городскими воротами всегда было полно постоянных дворов. Не самых лучших, но, как правило, самых прибыльных.

Свет, лившийся из окон и дверей, раскрасил дорогу золотыми пятнами. Тёмные силуэты толпились практически во всех переулках, за исключением тех, где нанятая владельцами гостиниц охрана отгоняла бедняков. Атмосфера в Кэймлине накалялась. Неиссякаемый поток беженцев, недавняя война и... куча других причин. Истории о

ходящих мертвецах, портящихся продуктах и о побелённых стенах, которые в мгновение ока становились закопчёнными.

Гостиница, выбранная Томом для представления, оказалась зданием с острой крышей, кирпичным фасадом и вывеской, на которой было изображено два яблока, от одного из которых остался лишь огрызок. Он был ослепительно белым, а целое яблоко — ярко красным, в цвета андорского флага. «Два яблока» были одним из самых приятных заведений в этой части города.

Мэт слышал доносящуюся изнутри музыку. Войдя, он увидел

Том, сидящего на небольшом помосте в глубине общего зала. Менестрель был облачен в свой лоскутный плащ и играл на флейте. Его глаза были прикрыты, по обе стороны от инструмента свисали длинные белые усы. Том играл привязчивую мелодию «Свадьба Цинни Вейд». Мэт знал её так же под названием «Всегда ставь на верную лошадь» и никак не мог привыкнуть, что менестрель исполняет её в столь медленной манере.

На полу перед Томом уже набралась небольшая кучка монет. На этом постоялом дворе ему разрешили играть за чаевые. Мэт остался у входа и, опёршись спиной о

косяк, стал слушать. В общем зале царило гробовое молчание, хотя здесь набилось столько народу, что только из присутствующих здесь мужчин можно было набрать полроты солдат. Все взгляды были устремлены на Тома.

Мэт уже достаточно попутешествовал по свету, пройдя большую часть пути на своих двоих. Он рисковал шкурой в дюжине разных городов и бывал на разных постоянных дворах там и сям. Он слышал разных менестрелей, певцов и бардов. Но, по сравнению с Томом, все они казались детишками, стучащими палками по глиняным горшкам.

Флейта очень простой инструмент. Большинство дворян предпочитают ей арфу. В Эбу Дар один приятель поведал Мэту, что арфа более «возвышенная». Мэт подумал, что, доведись ему услышать игру Тома, тот открыл бы рот и выпучил глаза. Менестрель будто изливал через флейту свою душу. Мягкие трели, печальные ноты и весьма смелые длинные паузы. Какая грустная мелодия. О ком же Том горевал?

Толпа наблюдала, затаив дыхание. Кэймлин был одним из величайших городов мира, и всё же такое разнообразие казалось невероятным: несдержанные

иллианцы сидели рядом с дружелюбными доманийцами, хитрыми кайриэнцами, решительными тайренцами и горсткой порубежников. Всем им Кэймлин казался одним из немногих мест, где можно почувствовать себя в безопасности и от Шончан, и от Дракона. И здесь была еда.

Том закончил мелодию и, не открывая глаз, принялся за следующую. Мэт вздохнул, ненавидя себя за то, что вынужден прервать его выступление. К сожалению, пора было возвращаться в лагерь. Они должны обсудить появление голама, и ещё Мэту нужно отыскать способ добраться до Илэйн. Может быть,

Том согласится пойти поговорить с ней вместо него.

Мэт кивнул хозяйке постоянного двора, статной темноволосой женщине по имени Бромас. Она кивнула в ответ, сверкнув кольцами серёг. На его вкус она была несколько старовата, но, с другой стороны, Тайлин была примерно того же возраста. Он будет иметь её в виду. Для одного из своих людей, конечно. Возможно, для Ванина.

Мэт пробрался к сцене и принялся собирать монеты. Он даст Тому закончить и...

Что-то дёрнуло руку Мэта, и внезапно его рукав оказался пришитенным к помосту. Из ткани

торчал нож. Тонкое металлическое лезвие слегка дрожало. Мэт взглянул вверх на как ни в чём не бывало играющего Тома. Правда, перед тем как метнуть нож, менестрель приоткрыл один глаз.

Том вернул руку на флейту и продолжил играть. Его губы дрогнули в усмешке. Ворча под нос, Мэт высвободил рукав. Придётся подождать, пока Том закончит мелодию, которая, надо заметить, была не такой скорбной, как предыдущая. Стоило только долговязому менестрелю опустить флейту, зал взорвался аплодисментами.

Мэт же одарил его хмурым

ВЗГЛЯДОМ.

— Чтоб тебе сгореть, Том! Это был один из моих любимых кафтанов!

— Скажи спасибо, что я не целился в руку, — заметил Том, протирая флейту и кивая в ответ на приветствия и аплодисменты посетителей. Они просили продолжения, но Том с сожалением покачал головой, убирая инструмент в футляр.

— Я почти жалею, что ты не выбрал этот вариант, — ответил Мэт, подцепляя манжет и просовывая в дырку палец. — Кровь не так заметна на чёрном, а вот зашитую прореху не спрячешь. Если твой плащ

состоит из одних заплат, это вовсе не значит, что я собираюсь следовать твоему примеру.

— А ещё утверждаешь, что ты не лорд, — парировал Том, наклоняясь собрать свой заработок.

— Да не лорд я! — воскликнул Мэт. — Что бы там ни говорила Туон, чтоб тебе сгореть. Никакой я не проклятый дворянин.

— Да? А ты когда-нибудь видел фермера, жалующегося, что на его кафтане будут видны стежки?

— Не обязательно быть лордом, чтобы одеваться со вкусом, — проворчал Мэт.

Хлопнув его по спине, Том рассмеялся и соскочил с помоста.

— Извини, Мэт. Я действовал инстинктивно и даже не сообразил, что это ты, пока не увидел лицо обладателя загребущих рук. Но к тому моменту с моих пальцев уже слетел нож.

Мэт вздохнул.

— Том, — мрачно начал он — в городе объявился один наш старый приятель. Тот, который любит оставлять за собой трупы с начисто выданным горлом.

Том встревожено кивнул:

— Во время перерыва я слышал об этом от одного из стражников. А мы торчим здесь, пока ты решаешь...

— Я не стану вскрывать письмо, — перебил его Мэт. —

Верин могла оставить в нём указание идти до самого Фалме на руках, и, проклятье, я буду вынужден это исполнить! Знаю, ты не любишь сидеть без дела, но письмо может задержать нас ещё дольше.

Том неохотно кивнул.

— Давай-ка вернёмся в лагерь, — предложил Мэт.

* * *

Лагерь Отряда располагался в лиге от Кэймлина. Том с Мэтом обычно добирались на своих двоих — пешие привлекают меньше внимания. Да и сам Мэт не потащит

лошадей в город, пока не найдет надёжную конюшню. За хороших лошадей сейчас давали баснословные деньги. Он надеялся, что всё изменится, стоит им убраться подальше от Шончан. Но Илэйн скупала для армии каждую приличную лошадь, попадающуюся на глаза, а также большую часть не слишком хороших. Кроме всего прочего, лошади пропадали и по другой причине. Мясо есть мясо, а люди, даже в Кэймлине, находились на грани голода. От всего этого Мэт покрывался мурашками, но с истиной не поспоришь.

Всю обратную дорогу они с Томом обсуждали *голама*. Толком

ничего не придумав, они решили, что необходимо предупредить остальных, а также что Мэту не стоит спать две ночи подряд в одной и той же палатке.

Оказавшись на вершине холма, Мэт оглянулся. Весь Кэймлин был ярко освещён огнями фонарей и факелов. Отсветы создавали над городом похожий на туман ореол. Великолепные шпили и башни были залиты светом. К нему явилось воспоминание из другой жизни: он помнил этот город и его штурм задолго до того, как Андор стал самостоятельным государством. Кэймлин всегда был крепким орешком. И Мэт не завидовал

дворянам, которые пытались отбить город у Илэйн.

Том встал у него за спиной.

— Кажется, будто прошла целая вечность с тех пор, как мы покинули его в прошлый раз, не так ли?

— Да, чтоб мне сгореть, — отозвался Мэт. — И зачем только мы погнались за этими бестолковыми девицами? В следующий раз пусть спасают себя сами.

Том внимательно посмотрел на него:

— А чем, по-твоему, мы займёмся, когда полезем в Башню Генджей?

— Тут другое. Не можем же мы оставить её там с ними. Эти змеи и

лисицы...

— Да я не жалуясь, Мэт, — сказал Том. — Просто размышляю.

Похоже, в последнее время Том размышлял слишком много, тоскуя и без конца теребя потертое письмо Морейн. Это было всего лишь письмо.

— Ладно, — сказал Мэт, двигаясь дальше. — Ты вроде бы собирался рассказать мне, как попасть к королеве?

Том нагнал его на тёмной дороге.

— Я вовсе не удивлён, Мэт, что она не ответила на твоё письмо. Скорее всего, у неё полно дел. Ходят слухи, что в Порубежье вторглись

большие силы троллоков, а Андор всё ещё раздроблен из-за войны Наследования. И Илэйн...

— Том, а хороших новостей у тебя нет? — спросил Мэт. — Ну, хотя бы парочка. Я бы не возражал.

— Если б только «Благословление Королевы» не было закрыто. Гилл всегда мог поделиться чем-нибудь интересным.

— Так что насчёт хороших новостей? — напомнил Мэт.

— Ну, ладно. Башня Генджей именно там, где говорил Домон. Мне это подтвердили три разных капитана. Она находится сразу за равниной в нескольких сотнях миль к северо-западу от Беломостья.

Почесав подбородок, Мэт кивнул. Ему казалось, что он может припомнить эту башню. Странное серебристое строение вдалеке. А ещё путешествие на корабле, волны, бьющие о борт судна, и заметный иллианский акцент Байла Домона...

Образы были очень смутные. В воспоминаниях о тех днях пробелов больше, чем в оправданиях Джори Конгара. Байл Домон мог бы рассказать им, где найти башню, но Мэту хотелось удостовериться. От того, как Домон кланялся и расшаркивался перед Лильвин, у Мэта начиналась чесотка. К тому же ни один из них не выказывал к Мэту особой симпатии, даже несмотря на

то, что тот спас их шкуры. Ему, конечно, и даром не нужна никакая симпатия от Лильвин. Целоваться с этой женщиной — всё равно что целоваться с каменным дубом.

— Как думаешь, описания Домона будет достаточно, чтобы кто-нибудь смог открыть туда переходные врата? — спросил Мэт.

— Понятия не имею, — ответил Том. — И если подумать, это второстепенная проблема. Для начала скажи, где нам взять того, кто способен создать переходные врата? Верин-то исчезла.

— Я что-нибудь придумаю.

— Если у тебя не получится, на дорогу до нужного места уйдут

недели, — напомнил Том. — А мне не хочется...

— Я найду нам врата, — твёрдо ответил Мэт. — Может быть, Верин вернётся и освободит меня от треклятого обещания.

— Уж лучше держаться от неё подальше, — заметил Том. — Я ей не доверяю. Что-то с ней не так.

— Она — Айз Седай, — ответил Мэт. — С ними со всеми что-то не так. Они будто игральные кости, на которые не нанесены очки. Хотя уж если говорить об Айз Седай, то Верин мне почти нравится. А я, как ты знаешь, хорошо разбираюсь в людях.

Том удивлённо вскинул бровь.

Мэт нахмурился в ответ.

— Как бы там ни было, — продолжил Том, — пожалуй, стоит приставить к тебе охрану на время визитов в город.

— Никакая охрана не остановит *голама*.

— Его-то не остановит, а как насчёт тех громил, что набросились на тебя три дня назад по дороге в лагерь?

Мэта передёрнуло.

— По крайней мере, эти ребята были обычными, честными ворами. Они просто хотели отобрать мой кошелёк, это даже мило и вполне нормально. Ни у одного из них не оказалось при себе моего портрета.

И не похоже, чтобы они были извращены прикосновением Тёмного, слетая с катушек после заката или что-то ещё в этом роде.

— И всё же, — сказал Том.

У Мэта иссякли аргументы. Чтоб ему сгореть, похоже, *придётся* таскать за собой солдат. В любом случае, не больше горстки Красноруких.

Впереди показался лагерь. Норри, один из клерков Илэйн, дал Отряду разрешение разместиться в окрестностях Кэймлина. Согласно договору город могли посещать не больше сотни солдат в заранее установленный день, а также лагерь должен был отстоять не меньше чем

на лигу от городских стен и находиться в стороне от деревень и фермерских полей.

Сам факт разговора с этим клерком означал, что Илэйн знает о прибытии Мэта. Должна знать. Но она не прислала ни весточки, ни знака благодарности за то, что Мэт спас её шкуру.

На повороте фонарь Тома высветил отдыхавшую на обочине группу Красноруких. Сержант отделения Гуфрин поднялся отдать честь. Это был крепкий, широкоплечий малый. Не семи пядей во лбу, но довольно наблюдательный.

— Лорд Мэт! —
поприветствовал он.

— Что нового, Гуфрин? — спросил Мэт.

Сержант нахмурился.

— Ну, — начал он, — думаю, кое-что вас заинтересует.

Свет! Парень излагает медленнее надравшегося шончанина.

— Сегодня, пока вас не было, в лагерь вернулись Айз Седай, милорд.

— Все три? — уточнил Мэт.

— Да, милорд.

Мэт вздохнул. Если у него ещё оставалась надежда на нормальное завершение этого дня, то теперь она испарились. А он-то раз мечтался, что они задержатся в городе ещё на несколько дней.

Они с Томом пошли дальше,

свернув с дороги на тропинку, бежавшую через поле, заросшее нож-
травой и чёрной жгучей крапивой. Сорные растения шуршали под
ногами, и фонарь Тома освещал
бурые стебли. С одной стороны,
приятно снова вернуться в Андор. В
окружении кожелистов и
горькосмолов казалось, что он снова
дома. Тем не менее, вернувшись,
найти всё настолько увядшим было
удручающе.

Что же делать с Илэйн?
Женщины — вечный источник
проблем. Айз Седай — и того хуже. А
уж королевы — вообще сплошной
кошмар. Илэйн же, проклятье — всё
вместе взятое. Как же ему добиться

разрешения использовать её литейные мастерские? Одной из причин, по которой он принял предложение Верин, было желание поскорее попасть в Андор и начать работу над драконами Алудры!

Перед ними раскинулся лагерь Отряда, разбитый на черед холмов, самый крупный из которых находился в центре. Части, которыми руководил Мэт, благополучно соединились с отрядом Истина и другими, ранее направленными в Андор. Отряд снова и окончательно собрался в полном составе. Горели походные костры. В эти дни проблем с сухими дровами не было. В воздухе витал дым. До ушей Мэта

доносились разговоры и выкрики. Было не слишком поздно, а Мэт не вводил комендантский час. Даже если ему не суждено расслабиться, то почему должны страдать его люди. Другого шанса перед Последней Битвой может и не представиться.

«Троллоки уже в Порубежье, — думал Мэт. — Нам очень нужны эти драконы. И поскорее».

Мэт ответил на приветствия нескольких часовых и распрощался с Томом, собираясь найти ночлег. Утро вечера мудренее. По пути он отмечал для себя, какие изменения стоит сделать в лагере. При таком расположении склонов, атакующая лёгкая кавалерия может промчаться

галопом по образованному ими коридору. Только очень смелый военачальник воспользовался бы подобной тактикой, но именно так поступил он сам во время битвы в Марсинской долине в древней Кореманде. Точнее, *не сам* Мэт, а некто, чьи воспоминания он хранил.

Всё больше и больше он воспринимал эти воспоминания как свои собственные. Он их не просил, что бы ни утверждали треклятые лисы, но заплатил сполна, и шрам вокруг шеи был тому свидетельством. Агодились эти воспоминания уже не раз.

Наконец, он добрался до своей палатки, собираясь захватить смену

белья, перед тем как подыскать новое место для ночлега. И тут его окликнул женский голос:

— Мэтрим Коутон!

«*Проклятый пепел*». Он почти успел. С неохотой Мэт обернулся.

Одетая в красное платье Теслин Барадон не была красавицей, хотя с такими костлявыми пальцами, узкими плечами и худым лицом она, вероятно, легко могла претвориться растущей берестянкой. За время, прошедшее после её освобождения из плена, затравленное выражение, присущее *дамани*, практически исчезло из её глаз. Теперь она могла состязаться в гляделки даже со столбом.

— Мэтрим Коутон, — повторила она, подходя ближе. — Мне нужно с тобой поговорить.

— Что ж, похоже, именно это ты уже и делаешь, — ответил Мэт, убирая руку от полога палатки. Невзирая на здравый смысл, он испытывал к Теслин некоторую симпатию, но не собирался приглашать её внутрь. Это всё равно что пустить лису в курятник, как бы хорошо он к этой лисе ни относился.

— Ну, так я продолжу, — отозвалась женщина. — Ты слышал новости из Белой Башни?

— Новости? — переспросил Мэт. — Нет. Никаких новостей. Одни слухи... уж этого я наслушался

вдоволь. Некоторые говорят, что Белая Башня объединилась. Возможно, об этом ты и хотела поговорить. Но я слышал не меньше рассказов о том, что война продолжается. И что Амерлин сражалась в Последней Битве вместо Ранда, и о том, что Айз Седай собираются нарожать и вырастить армию солдат, и о том, что на Белую Башню напали летающие чудовища. Возможно, последнее — просто рассказы о ракенах, приходящие с юга. Но, по-моему, в истории об армии детей Айз Седай есть смысл.

Теслин смерила его взглядом. Мэт не отвёл глаза. Как говорил его отец, одно в нём хорошо: он упрямее

треклятого пня.

Удивительно, но Теслин вздохнула, и её лицо смягчилось:

— Ты, конечно, имеешь право сомневаться. Но мы не можем отмахнуться от этих новостей. Даже Эдесина, которая безрассудно избрала сторону мятежниц, желает вернуться. Мы планируем отправиться на рассвете. Но поскольку обычно ты встаешь поздно, я решила прийти поблагодарить тебя сегодня вечером.

— Решила *что*?

— Поблагодарить, мастер Коутон, — сухо ответила Теслин. — Для всех нас это путешествие было нелёгким. Были некоторые...

напряжённые моменты. И я не могу сказать, что полностью разделяю принятые тобой решения. Но это не отменяет того факта, что без тебя я до сих пор оставалась бы в руках Шончан. — Она содрогнулась. — Подчас я настолько уверена в себе, что мне мерещится, будто я смогла бы выстоять и убежать без чьей-либо помощи. Всегда важно оставлять себе немного иллюзий, не находишь?

Мэт поскрёб подбородок.

— Возможно, Теслин, вполне возможно.

К его удивлению она протянула ему руку:

— Запомни, Мэтрим Коутон, когда бы ты ни явился в Белую

Башню, там есть женщины, которые перед тобой в долгу. Я этого не забуду.

Он пожал ей руку. На ощупь она оказалась такой же костлявой, как и на вид, но гораздо теплее, чем он ожидал. Кое у кого из Айз Седай в венах явно застыл лед. Хотя другие были малость получше.

Она кивнула ему. *Почтительно.* Почти поклонилась. Чувствуя, будто земля ушла у него из-под ног, Мэт отпустил её руку. Теслин развернулась и пошла к своей палатке.

— Вам понадобятся лошади, — сказал он ей вдогонку. — Если утром вы дождётесь моего пробуждения, я

дам вам несколько. И немного провизии. Не годится, чтобы вы умерли с голоду, пока будете добираться до Тар Валона. Ведь, как мы с вами видели по пути сюда, в деревнях люди мало чем могут поделиться.

— Но Джолин ты сказал...

— Я снова посчитал моих лошадей, — перебил её Мэт. Проклятые игральные кости, чтоб им сгореть, не унимались в его голове. — Я ещё раз пересчитал лошадей Отряда. Похоже, что у нас теперь оказалось несколько лишних. Вы можете их взять.

— Я пришла к тебе этим вечером не для того, чтобы

выманивать лошадей, — сказала Теслин. — Я искренне тебе благодарна.

— Я так и понял, — ответил Мэт, откидывая полог входа в палатку. — Именно поэтому и предлагаю.

Он шагнул внутрь и замер. Этот запах...

Запах крови.

Глава 9

ЗАПАХ КРОВИ

Мэт мгновенно пригнулся. Это спасло ему жизнь — что-то пролетело над его головой.

Он откатился в сторону, попав рукой во что-то влажное на полу.

— Убийство! — вскричал он. — В лагере убийца! Треклятый убийца!

Нечто метнулось к нему. В шатре было абсолютно темно, но он ориентировался на слух. Мэт оступился, но удача была на его стороне — вновь что-то *просвистело* совсем рядом с ним.

Мэт упал и перекатился,

выбросив руку в сторону. Он здесь оставил...

Вот! Он оказался у своего тюфяка, и его пальцы сомкнулись на длинном деревянном древке. Мэт вскочил на ноги, заноса *ашандарей*, затем развернулся и рубанул... но не по приближавшейся к нему тени, а по стенке шатра.

Ткань легко поддалась, и Мэт выскочил наружу, сжимая одной рукой копье с длинным лезвием. Другой он нашарил кожаный шнурок на шее — в спешке он даже поцарапал себя ногтями. Мэт сорвал медальон с лисьей головой и притаился в кустах рядом с шатром.

От ближайшего фонаря,

располагавшегося у сторожевого поста на пересечении лагерных троп, шёл слабый свет. С его помощью Мэт разглядел очертания фигуры, выскользнувшей сквозь разрез в шатре. Фигуры, которую он так боялся увидеть. *Голам* выглядел как человек: худой мужчина с волосами песочного цвета и ничем не примечательной внешностью. Единственной приметой был шрам на щеке.

Голам должен был казаться безобидным, незапоминающимся. Столкнувшись с ним в толпе, рядовой человек не обратил бы на него внимания. До последнего момента, пока тварь не порвёт ему

глотку.

Мэт отступил. Он пятился по склону, начинавшемуся у его шатра, плотно приматывая медальон к лезвию *ашандарея* кожаным шнурком. Не самый действенный способ, но Мэт успел его опробовать. Медальон был единственным известным ему средством, способным причинить вред *голаму*. Мэт действовал быстро, продолжая звать на помощь. Солдаты бесполезны против этой твари, но сам *голам* как-то обмолвился, что ему приказано не привлекать излишнего внимания. Поэтому свидетели могут его отпугнуть.

Существо замешкалось,

оглянувшись на лагерь. Потом вновь повернулось к Мэту, шагнув в его сторону. Движения твари были текучими, словно струящийся по ветру шёлк.

— Можешь гордиться, — прошептал голам. — Тот, кто сейчас мною управляет, жаждет тебя сильнее всех прочих. Мне приказано ни на кого не обращать внимания, пока не испробую твоей крови.

В левой руке тварь держала длинный кинжал. С правой же капала кровь. Мэт почувствовал парализующий холод. Кто убит? Кто ещё погиб вместо Мэтрима Коутона? В голове снова вспыхнул образ Тайлин. Он не видел её тела; вся

сцена была плодом его воображения. К сожалению, воображение у Мэта было богатое.

Этот образ и витающий в воздухе запах крови подвигли его на самый идиотский поступок, какой он только мог выдумать. Он напал.

Закричав в темноту, Мэт ринулся вперёд, вращая *ашандарей*. Но тварюга была очень быстрой. Казалось, она не уворачивается, а *уплывает* в сторону от оружия.

Существо кружило вокруг, подобно волку. Даже его шаги по сухой траве были едва различимы. *Голам* атаковал, превратившись в смазанную тень, и только произвольный прыжок назад спас

Мэту жизнь. Он продирался сквозь траву, размахивая *ашандаре*ем. Похоже, тварь избегала медальона. Свет, без него, Мэт уже был бы покойником и валялся бы на земле в луже крови!

Словно текучая темнота, тварь снова атаковала. Мэт принялся дико отмахиваться и скорее просто по счастливой случайности задел *голама*. Соприкоснувшись с рукой чудовища, медальон издал шипящий звук. В воздухе запахло палёной плотью, и *голам* отступил назад.

— Ты ведь не обязан был её убивать, чтоб тебе сгореть! — закричал Мэт. — Можно было её отпустить! Тебе была нужна не она, а

я!

Тварь лишь улыбнулась, обнажив кривые зубы и отвратительный чёрный рот.

— Птицам нужно летать. Человеку — дышать. А мне — убивать. — *Голам* шагнул вперёд, и Мэт понял, что влип. Встревоженные крики стали громче. Оставалось всего несколько мгновений, и помощь придёт. Всего несколько мгновений... но таких долгих.

— Мне приказали убить их всех, — тихо продолжил *голам*. — Чтобы тебя расшевелить. Мужчину с усами; старика, помешавшего в прошлый раз; маленькую темнокожую женщину, укравшую

твоё сердце. Убить их всех, если я не прикончу тебя сейчас.

Проклятый *голам*. Откуда он узнал про *Туон*? Как? Это невозможно!

Он был так ошарашен, что едва успел поднять *ашандарей*, когда *голам* на него прыгнул. Выругавшись, Мэт уклонился в сторону, но слишком поздно. В воздухе сверкнул кинжал твари. Вдруг оружие дёрнулось и выпало из пальцев *голама*. Мэт открыл рот, а потом почувствовал, как что-то обернулось вокруг него и дернуло назад — за пределы досягаемости ударов *голама*.

Потоки Воздуха. Это Теслин!

Женщина стояла рядом с его шатром с маской сосредоточенности на лице.

— Ты не сможешь напрямую коснуться его потоками! — крикнул ей Мэт, когда плетение Воздуха отнесло его на небольшое расстояние от *голама*. Если бы она, проклятье, подняла его хоть чуточку повыше, он был бы счастлив! Но он ни разу не видел, чтобы Айз Седай поднимали кого-то в воздух выше, чем на спан или около того.

Мэта потащило в сторону, *голам* бросился за ним. Но тут же между ними пролетело что-то большое, заставив тварь перетечь в сторону, уворачиваясь. Предмет — это был стул! — врезался в склон позади них.

Следом в *голама* угодила большая скамья, отбросив его назад.

Мэт крепко встал на ноги и взглянул на Теслин, которая шарила невидимыми потоками Воздуха внутри его шатра. «*Умница*», — подумал он. Сами потоки поразить *голама* не могут, зато это под силу брошенным с их помощью предметам.

Но так его не остановить. Мэт своими глазами видел, как тварь равнодушно, как ни в чём не бывало, выдернула всаженный в её грудь нож, словно стряхнув пылинку с одежды. Но вот в проходах появились солдаты с пиками, мечами и щитами. По всему лагерю зажигали огни.

Голам бросил на Мэта свирепый взгляд и метнулся в темноту за пределы лагеря. Мэт развернулся и застыл, увидев двух Красноруких, наставивших пики на приближавшуюся тварь. Это были Гордеран и Фергин. Оба выжили в Эбу Дар.

— Нет! — завопил Мэт. — Пусть он...

Но было поздно. *Голам* спокойно проскользнул между пиками, впился руками в горла обоих мужчин и сжал пальцы. Поворотом кисти тварь начисто вырвала куски плоти, позволив телам упасть на землю. И тут же скрылась в темноте.

«Чтоб тебя! — пронеслось в

голове бросившегося следом Мэта. — *Да я выпотрошу тебя и...*».

Он застыл на месте. Запах крови. Из шатра. Он едва о нём не забыл.

«*Олвер!*» — Мэт ворвался обратно в шатер. Внутри было темно, и его вновь обдало запахом крови. — Дайте света! Теслин, не могла бы ты...

За его спиной вспыхнул светящийся шар.

Света оказалось достаточно, чтобы увидеть ужасную картину. Лопин — денщик Мэта — лежал мёртвый в большой чёрной луже крови, разлившейся по полу шатра. Тела двоих Красноруких — Риддема

и Уилла Рива, парней, которые несли стражу у его шатра — были свалены в кучу на его тюфяке. Ему бы следовало заметить, что они исчезли со своего поста. Вот болван!

Мэт почувствовал укол сожаления об их гибели. Лопин вроде бы только недавно пришёл в себя после смерти Налесина. Испепели его Свет, он был отличным парнем! Даже не солдатом, а всего лишь слугой, довольным тем, что можно о ком-то заботиться. Мэт корил себя за то, что постоянно жаловался на него. Без помощи Лопина он даже не смог бы сбежать из Эбу Дара.

И теперь погибло ещё четверо Красноруких, двое из которых

пережили Эбу Дар и предыдущее нападение *голама*.

«Мне следовало всех предупредить, — думал Мэт. — Нужно было весь лагерь поставить на уши». — Но была бы от этого польза? *Голам* доказал, что его практически невозможно остановить. Мэт подозревал, что, если бы понадобилось, добираясь до него эта тварь могла бы перерезать весь Отряд начисто. Сдерживал *голама* только приказ хозяина избегать лишнего внимания.

Мэт не заметил ни единого признака пребывания здесь Олвера, хотя парнишка должен был спать на своём тюфяке в углу шатра. Кровь

Лопина разлилась как раз неподалёку, намочив одеяло Олвера снизу. Мэт сделал глубокий вдох и, опасаясь самого худшего, принялся искать в ворохе вещей, переворачивая одеяла, и заглядывая за походную мебель.

Бранясь, в шатёр набивалось всё больше солдат. Весь лагерь был на ногах: звучали сигнальные горны, были зажжены все фонари, бряцало оружие.

— Олвер, — сказал Мэт солдатам, толпившимся у входа. Он перевернул вверх дном весь проклятый шатёр! — Кто-нибудь его видел?

— Кажется, он был с Ноэлом, —

ответил лопоухий Краснорукий по имени Слоун Мэддоу. — Они...

Мэт протиснулся к выходу и помчался через лагерь к шатру Ноэла. Он подросел как раз к тому моменту, когда седовласый мужчина выходил наружу проверить, что послужило поводом для тревоги.

— Олвер? — подбегая к старику, крикнул Мэт.

— Он в безопасности, Мэт, — ответил Ноэл, поморщившись. — Прости, я не хотел тебя пугать. Мы заигрались в Змей и Лисичек, и парень уснул прямо на полу. Я укутал его своим одеялом. Последние ночи он засиживался допоздна, дожидаясь твоего возвращения, поэтому я

решил, что лучше его не будить. Мне нужно было тебя предупредить.

— И ты еще *извиняешься*? — сказал Мэт, заключив Ноэла в объятия. — Да ты самый растреклято-замечательный человек на свете. Ты только что спас ему жизнь!

* * *

Часом позже Мэт с Томом и Ноэлом сидели вместе в маленькой палатке менестреля. Их охраняла дюжина Красноруких, а Олвера отправили спать в палатку Теслин. Парень так и не узнал, насколько он

был близок к гибели. Если повезёт — и не узнает.

Мэт вновь надел свой медальон, хотя ему пришлось найти новый шнурок. Старый сильно изрезался об *ашандарей*. Нужно будет придумать способ крепления получше.

— Том, — тихо произнес Мэт. — Эта тварь угрожала тебе, и тебе тоже, Ноэл. *Голам* не упоминал Олвера, зато *упомянул* Туон.

— Откуда он мог про неё узнать? — спросил Том, почесав голову.

— Патруль нашёл за пределами лагеря ещё одно тело. Это Дерри. — Солдат пропал пару дней назад, и Мэт подумал, что тот дезертировал.

Подобное иногда случалось, хотя в Отряде это явление было нечастым. — Его убили несколько дней назад.

— *Голам* добрался до него так давно? — нахмурившись, произнес Ноэл. У него были сутулые плечи и нос, больше похожий на крупный кривой перец, растущий прямо из середины лица. На взгляд Мэта, Ноэл вечно выглядел каким-то... потрёпанным. А его руки были настолько узловатыми, что, казалось, состояли из одних суставов.

— Должно быть, тварь его допросила, — продолжил Мэт. — Чтобы узнать, с кем я провожу время и где располагается мой шатёр.

— Разве эта тварь на такое способна? — спросил Том. — Мне казалось, он что-то вроде охотничьей собаки, чтобы выслеживать добычу.

— Он знал, где меня искать во дворце Тайлин, — ответил Мэт. — И заявился в её комнату даже после моего ухода. Так что либо он у кого-то спросил, либо следил сам. Теперь мы уже не узнаем, пытал ли *голам* Дерри, или парень просто наткнулся на него, пока тот рыскал вокруг лагеря, выслеживая меня. Но эта тварь умна.

Но не пойдёт же *голам*, в самом деле, искать Туон? Угрозы в адрес друзей скорее нужны, чтобы взвинтить Мэта. В конце концов,

тварь показала сегодня, что приказ не привлекать внимания всё ещё в силе. Но это слабо утешило Мэта. Если это чудовище тронет Туон хоть пальцем...

Есть только один способ убедиться, что этого не произойдёт.

— Так что нам делать? — спросил Ноэл.

— Нужно выследить и убить эту треклятую штуку, — тихо ответил Мэт.

Ноэл и Том промолчали.

— Не хочу, чтобы эта бестия гналась за нами до самой Башни Генджей, — пояснил Мэт.

— Но разве её *можно* убить, Мэт? — спросил Том.

— Всё на свете можно убить, — ответил Мэт. — И Теслин доказала, что если действовать разумно, то *голаму* можно причинить вред, используя Единую Силу. Нам нужно придумать нечто подобное.

— И что же? — спросил Ноэл.

— Пока не знаю, — ответил Мэт. — Я хочу, чтобы вы оба продолжали приготовления. Мы должны быть готовы отправиться в Башню Генджей, как только нам позволят мои обязательства перед Верин. Чтоб мне сгореть, но я *всё ещё* обязан переговорить с Илэйн. Мне нужно запустить производство драконов Алудры. Придётся написать Илэйн новое письмо. И на сей раз

понастойчивее.

— А пока нам следует принять кое-какие меры. Я теперь буду ночевать в городе. И каждую ночь менять постоянный двор. О чём мы и оповестим Отряд: если *голам* подслушивает, он об этом узнает. Поэтому отпадёт необходимость нападать на солдат.

— Вы двое тоже перебираетесь в город. До тех пор, пока всё не закончится его или моей смертью. Вопрос в том, что делать с Олвером. Тварь про него не упоминала, но...

Он заметил понимание в глазах Тома и Ноэла. Мэт ушёл от Тайлин, и теперь она мертва. Он не собирался поступить так же с Олвером.

— Придётся забрать мальчонку с собой, — сказал Том. — Либо так, либо отправить его отсюда подальше.

— Я подслушал разговор Айз Седай, — сообщил Ноэл, почесав лицо костлявым пальцем. — Они собираются уезжать. Может, отправить его с ними?

Мэт поморщился. При том, как Олвер поглядывает на женщин, Айз Седай в тот же день вздёрнут его за ноги. Мэт был удивлён, что этого до сих пор не случилось. Если он только узнает, кто из Красноруких научил мальчишку вести себя подобным образом с женщинами...

— Сомневаюсь, что мы сумеем заставить его уехать, — сказал

Мэт. — Он сбежит от них и вернётся обратно в первую же ночь.

Том кивнул, соглашаясь.

— Значит, нам придётся взять его с собой в город, — сказал Мэт. — И поселить в какой-нибудь гостинице. Может, это...

Снаружи раздался пронзительный возглас:

— Мэтрим Коутон!

Мэт вздохнул, кивнул остальным и поднялся на ноги. Выйдя наружу, он увидел Джолин и её Стражей, протолкавшихся через охрану из Красноруких. Женщина уже протянула руку, чтобы отдёргнуть полог палатки и шагнуть внутрь. Его появление немного её приструнило.

Некоторые Краснорукие выглядели сконфуженными от того, что позволили ей пройти, но их нельзя было за это винить. Проклятые Айз Седай поступают так, как только им проклятым угодно.

Джолин была полной противоположностью Теслин. На стройной и миловидной женщине было надето белое платье с глубоким вырезом. Она была улыбчивой, однако стоило ей посмотреть на Мэта, как её улыбка тут же становилась натянутой. А ещё у неё были большие карие глаза. Такие, которые способны затянуть и утопить в себе мужчину.

Несмотря на её внешнюю привлекательность, Мэт не подумывал о ней, как о подружке для кого-то из своих друзей. И ни за что не пожелал бы её тем, кто ему нравился. На самом деле он был слишком хорошо воспитан, чтобы подкинуть её большинству своих врагов. Пусть лучше остается со своими Стражами, Фэном и Блериком, которые, на вкус Мэта, были для этого достаточно безумны.

Оба были Пограничниками. Один шайнарцем, другой — салдэйцем. Взгляд раскосых глаз Фэна был твёрдым. Он всегда будто выискивал, кого бы убить. И каждый разговор с ним был словно бы

проверкой, насколько ты подходишь на роль жертвы. Блерик почти отрастил свой хохолок, который становился длиннее, но всё ещё был слишком коротким. Если бы Мэт хотел сегодня отправиться на тот свет, он мог бы сказать, что сейчас этот хохолок скорее похож на барсучий хвост, приклеенный к лысой голове. Но, проклятье, вечер и без того выдался отвратительный.

Джолин скрестила руки на груди.

— Похоже, твои слова о том, что это... существо тебя преследует, соответствуют истине. — В её голосе прозвучало сомнение. Он потерял пять отличных парней, а она

сомневается. Вот треклятая Айз Седай.

— И что? — спросил он. — Разве тебе что-то известно о *голаме*?

— Ровным счётом ничего, — ответила она. — Тем не менее, мне нужно вернуться в Белую Башню. И я уезжаю завтра. — Она замялась. — Я хотела спросить, не одолжишь ли ты мне для этого путешествия несколько лошадей. Всех, что не жалко. Я не стану придираться.

— Что, никто в городе продавать не захотел, да? — ворчливо спросил Мэт.

Её лицо стало ещё более невозмутимым.

— Что ж, ладно, — сказал

Мэт. — На этот раз ты хотя бы вежливо просишь, но я заметил, как трудно это тебе далось. Я уже пообещал лошадей Теслин. Ты тоже можешь взять нескольких. Это стоит того, чтобы сбросить вас, треклятых женщин, с моей шеи.

— Спасибо, — произнесла она совершенно ровным тоном. — Однако позволю себе совет. Судя по той компании, которую ты обычно предпочитаешь, тебе следует научиться получше следить за своим языком.

— Судя по той компании, в которой я слишком часто оказываюсь, я, проклятье, удивляюсь, что не сыплю проклятиями через

слово, — ответил Мэт. —
Проваливай, Джолин. Мне ещё
нужно написать письмо Её
треклятому Величеству Королеве
Илэйн Чопорной.

Джолин фыркнула.

— Собираешься продолжать
ругаться и в письме?

— Конечно, — буркнул Мэт,
разворачиваясь, чтобы вернуться в
палатку Тома. — Как ещё заставить
её поверить, что оно действительно
от меня?

Глава 10

ПОСЛЕ ПОРЧИ

— Я согласен с подсчётами, — сказал Илайас, шагая рядом с Перрином. С другой стороны от него в чёрном кафтане шёл задумчивый Грейди. Монтем ал'Сан и Ази ал'Тоун, двое дежурных телохранителей Перрина, плелись позади.

Утро ещё не кончилось. Перрин делал вид, что проверяет посты, но на самом деле ему просто хотелось прогуляться. Они перенесли лагерь повыше — на луг, тянувшийся вдоль джеханнахского тракта. Здесь был

хороший источник воды. Лагерь расположился одновременно близко к дороге, чтобы её можно было контролировать, и, в то же время, достаточно далеко, чтобы было удобно обороняться.

На краю луга перед небольшой рощицей лежала древняя статуя. Она давным-давно упала набок и была почти полностью погребена под землёй; осталась только рука, сжимавшая рукоять меча. Клинок уходил в землю.

— Я не должен был посылать Гилла и других вперёд, — произнёс Перрин. — Так их смог перехватить первый же встречный вооружённый отряд.

— Ты не мог этого предвидеть, — возразил Илайас, — как не мог предвидеть и свою задержку. Где бы ты тогда их оставил? Шайдо наступали нам на пятки, и если бы битва у Малдена завершилась *не в нашу* пользу, Гилл и остальные оказались бы зажаты между двух враждебных армий Айил.

Перрин издал тихий рык. Его сапоги слегка увязали в мокрой земле. Он ненавидел этот запах взбитой ногами застоявшейся грязи, смешанной с гниющими и мёртвыми растениями. Дело ещё не зашло настолько далеко, как порча в Запустении, но Перрину казалось, что это вот-вот случится.

Они приблизились к одному из постов. Двое мужчин, Хью Барран и Дарл Коплин, стояли на страже. Разумеется, были приняты и другие меры предосторожности: двуреченцы на деревьях и Девы, патрулирующие окрестности. Но Перрин знал, что несколько часовых, расставленных по лагерю, привьют остальным чувство порядка.

Часовые отсалютовали Перрину, хотя приветствие Дарла было небрежным. От них исходила необычная смесь запахов — сожаление, разочарование, недовольство. И смущение. Последнее было слабым, но оно всё ещё оставалось. Предполагаемая

связь Перрина с Берелейн была ещё свежа в их памяти, а возвращение Фэйли, казалось, лишь усилило их беспокойство. В Двуречье не так-то просто было избавиться от дурной славы неверного супруга.

Перрин кивнул им и двинулся дальше. Он не слишком усердствовал. Для соблюдения порядка достаточно, чтобы люди ежедневно видели его совершающим обход. Почти всегда достаточно. Прошлой ночью ему пришлось разбудить заснувшего Бери́на Тэйна пинком сапога. А ещё он внимательно следил, не пахнет ли выпивкой. Даже пара глотков, сделанных украдкой на посту, не

сойдут Джори Конгару с рук.

— Итак, — сказал Перрин, — у Белоплащников находятся наши люди и наш провиант. — Он скривился, представив, как Белоплащники станут набивать желудки зерном, купленным в Со Хэбо. — Не можем ли мы прокрасться внутрь и освободить их?

— Я не вижу смысла туда прокрадываться, — ответил идущий позади Грейди. — Прошу прощения, милорд, но мне кажется, что вы преувеличиваете неприятности.

Перрин оглянулся на крепкого мужчину.

— Это Белоплащники, Грейди. Они всегда доставляют крупные

неприятности.

— У них нет никого, способного направлять Единую Силу. — Грейди пожал плечами, продолжая шагать со сцепленными за спиной руками. Чёрный мундир с приколотым значком и почти военная осанка — в нём всё меньше и меньше оставалось от бывшего фермера. — Неалд чувствует себя лучше. Вместе мы могли бы выбить из этих Детей всё, что захотим.

Перрин кивнул. Идея предоставить Аша'манам полную свободу действий ему не нравилась. В памяти всплывали запахи горелой плоти и взрытой, разломанной земли. Запахи Колодцев Дюмай. Тем

не менее, он не мог позволить себе снова отвлечься, как в случае с Малденом. Если другого выхода не будет, он отдаст Аша'манам приказ.

Но не сейчас. С *та'вереном* не случается совпадений. Волки, Белоплащники. Всё то, от чего ему на время удалось скрыться, вновь его настигло. Он прогнал Детей из Двуречья. С ним и сейчас оставались многие из тех, кто помогал ему тогда.

— Возможно, именно так нам и придётся поступить, — ответил Перрин, не сбавляя шага. — А может, и нет. У нас больше солдат, и теперь, когда это треклятое знамя с волчьей головой наконец-то снято, они могут

не понять, кто мы такие. Мы идём под стягом Королевы Гэалдана, а они находятся на землях Аллиандре. Вполне вероятно, что они заметили припасы в повозках наших людей и решили «предоставить им защиту». Недолгих переговоров, и, возможно, некоторых угроз должно быть достаточно, чтобы убедить их вернуть наших людей.

Илайас кивнул. Грейди, казалось, тоже был согласен с его словами, хотя самого Перрина они не убедили. Белоплащники преследовали его с тех самых пор, как он покинул Двуречье. Иметь с ними дело всегда было нелегко.

Похоже, настало время — так

или иначе — покончить с этими проблемами.

Перрин продолжил обход, добравшись до айильской части лагеря. Он кивнул двум Девам, расслабленно сидевшим на посту, но, в то же время, не терявшим бдительности. Они не поднялись и не поприветствовали его, что Перрина вполне устраивало, но зато ответили кивком на его кивок. Видимо, он заслужил в их глазах много *джи* за то, как спланировал и провёл атаку на Шайдо.

Айильцы свои посты проверяли самостоятельно, и Перрину незачем было их инспектировать. Но он всё равно включил их в свои обходы.

Если уж он осматривал все остальные части лагеря, то и эту не стоило исключать.

Внезапно Грейди остановился и обернулся к палаткам Хранительниц Мудрости.

— В чём дело? — быстро спросил Перрин, изучая лагерь. Ничего необычного он не заметил.

Грейди улыбнулся:

— Думаю, у них получилось.

Он направился в лагерь айильцев, не обращая внимания на сердитые взгляды некоторых Дев. Если бы не присутствие Перрина, его наверняка бы вышвырнули вон из лагеря Айил, будь он хоть трижды Аша'маном.

«Неалд, — подумал Перрин. — Он работал с Айз Седай над соединением в круг». Если Грейди что-то увидел в тех плетениях...

Перрин последовал за ним, и вскоре они достигли кольца палаток Хранительниц Мудрости, расположенных в центре айильского лагеря. Пространство между палатками было высушено, возможно, с помощью Силы, а земля утрамбована. Там сидели Неалд, Эдарра и Масури. Фагер Неалд, молодой мурандиец, носил усы с завитыми кончиками. На воротнике его чёрного мундира не было значков, хотя как только они вернутся из этой экспедиции, он

наверняка получит повышение. Его способности в Силе за это время выросли.

Неалд всё ещё был бледным от змеиных укусов, но выглядел намного лучше, чем несколько дней назад. Он улыбался, глядя прямо перед собой, от него исходил очень насыщенный запах.

В воздухе раскрылись широкие Врата. Перрин хмыкнул. Врата вели в совершенно непримечательное чистое поле — то самое место, где они стояли лагерем несколько недель назад.

— Сработало? — спросил Грейди, опускаясь на колени рядом с Неалдом.

— Это прекрасно, Джур, — тихо проговорил Неалд. В его голосе не было и намёка на ту надменность, которую он так часто проявлял. — Я *чувствую саидар*. Я словно обрёл целостность.

— Ты направляешь *саидар*? — спросил Перрин.

— Нет. Мне это не нужно. Я могу *использовать* его.

— Использовать как? — нетерпеливо спросил Грейди.

— Я... Это сложно объяснить. Я направляю потоки *саидин*, но могу усилить их с помощью *саидар*. Пока я сам в состоянии создавать Врата, я могу зачёрпывать больше Силы и расширять их с помощью того, что

мне дают женщины. Свет! Это изумительно. Нужно было *давным-давно* так сделать.

Перрин взглянул на двух женщин, Масури и Эдарру. Ни одна из них не казалась столь же воодушевлённой, как Неалд. Масури выглядела немного болезненно, и от неё пахло страхом. От Эдарры пахло любопытством и настороженностью. Грейди упоминал, что Круг, созданный таким образом, давал мужчинам контроль над женщинами.

— Значит, скоро мы отправим в Кайриэн отряд на разведку, — сказал Перрин, нащупав головоломку в кармане. — Грейди, готовься к заданию вместе с айильцами. Врата

создашь, когда они скажут.

— Да, милорд, — ответил Грейди, потирая обветренное лицо. — Наверное, чем продолжать участвовать в обходе, мне будет полезнее овладеть этим приёмом. Но есть ещё кое-что, о чём я хотел бы с вами поговорить перед этим. Если у вас есть время.

— Конечно, — произнёс Перрин, отходя от остальных. Краем глаза он заметил, как несколько Хранительниц Мудрости подошли к Неалду и напомнили ему, что теперь их очередь образовать с ним Круг. Они явно не считали Неалда главным, и сам он сразу подчинился. С тех самых пор, как он по

неосторожности сказал что-то чересчур игривое одной из Дев и познакомился с игрой в Поцелуй Девы, Неалд стал очень осмотрителен с айильцами.

— В чём дело, Грейди? — спросил Перрин, когда они отошли немного в сторону.

— Кажется, мы с Неалдом достаточно хорошо себя чувствуем, чтобы создавать Врата, — нерешительно заговорил Грейди, — и я подумал, что, может быть... может быть, вы позволите переместиться в Чёрную Башню на полденька — повидать семью.

«Верно, — подумал Перрин. — У него ведь есть жена и сын».

Аша'ман нечасто о них говорил. Он вообще мало разговаривал.

— Не знаю, Грейди, — ответил Перрин, бросив взгляд на покрытое тёмными тучами небо. — Перед нами стоят Белоплащники, и нет уверенности в том, что те Шайдо не обойдут нас и не устроят засаду. Я бы не хотел отпускать тебя, пока мы не окажемся в безопасном месте.

— Это совсем ненадолго, милорд, — умоляюще проговорил Грейди. Иногда Перрин забывал, как тот был молод — всего на шесть или семь лет старше его самого. Чёрный мундир и загорелое лицо делали его намного взрослее на вид.

— Мы найдём время, — ответил

Перрин. — Скоро. Я не хочу ничего предпринимать до тех пор, пока мы не узнаем, что произошло в наше отсутствие.

Информация могла быть очень важной. Этому его научил Балвер.

Грейди кивнул, успокоившись, хотя Перрин не обещал ему ничего конкретного. Свет! Даже в запахе Аша'манов появились признаки того, что они видели в нём своего лорда. А ведь когда всё только начиналось, они были так надменны.

— Ты никогда не беспокоился об этом раньше, Грейди, — сказал он. — Что-то изменилось?

— Всё, — тихо ответил Грейди. Перрин уловил слабый запах. Запах

надежды. — Всё изменилось несколько недель назад. Хотя, конечно, вы не знаете. Никто не знает. Мы с Фагером сначала не были уверены и не знали, стоит ли говорить об этом кому-то ещё, боялись, что это покажется бредом.

— Никто не знает что?

— Порча, милорд. Её больше *нет*.

Перрин нахмурился. Бред сумасшедшего? Но от Грейди не *пахло* безумием.

— Это случилось в тот самый день, — продолжил Грейди, — когда мы увидели что-то на севере. Милорд, я понимаю, что это звучит невероятно, но это *правда*.

— Похоже на штучки Ранда, — проговорил Перрин, и тут же перед его глазами закружились цвета. Он прогнал их прочь. — Если ты так утверждаешь, я тебе верю, Грейди. Но как это связано с Чёрной Башней и твоей семьёй? Ты хочешь узнать, согласны ли с вами другие Аша'маны?

— О, наверняка, — ответил Грейди. — Это... милорд, я человек простой. Вот Сора, она у нас мыслитель. А я всего лишь делаю то, что нужно сделать. Вступить в Чёрную Башню — это было нужно. Я знал, чем всё закончится, ещё когда меня проверяли. Я знал, что во мне была искра. Как и в моём отце,

понимаете? Мы не говорим об этом, но так оно и было. Ещё молодым, сразу после моего рождения, его нашла Красная Айя.

— Когда я присоединился к Лорду Дракону, я знал, что будет со мной дальше. Ещё несколько лет — и меня не станет. Так почему бы не провести их сражаясь? Лорд Дракон сказал мне, что я солдат, а солдат не может покинуть свой пост. Поэтому до сегодняшнего дня я и не просил разрешения вернуться. Я был нужен вам.

— Что же изменилось?

— Милорд, порчи больше *нет*. Я не сойду с ума. А это значит... понимаете, раньше у меня всегда

была причина сражаться. Теперь у меня есть и причина *жить*.

Заглянув Грейди в глаза, Перрин понял, что тот имел в виду. Каково это было — знать, что в конце концов ты сойдёшь с ума и будешь казнён? Причём, скорее всего, собственными друзьями, которые назовут это милосердием.

Именно это с самого начала Перрин ощущал в Аша'манах. Именно это было причиной, по которой они держались в стороне и часто выглядели такими мрачными. Все остальные сражались, чтобы жить. Аша'маны... сражались, чтобы умереть.

«Вот что чувствует Ранд», —

подумал Перрин, наблюдая вновь, как закружились цвета и появился его друг. Ранд ехал на большом чёрном коне по грязным городским улицам и разговаривал с сопровождавшей его Найнив.

Перрин помотал головой и отогнал видение.

— Ты отправишься домой, — пообещал он, — у тебя будет немного времени для неё до того, как всё закончится.

Грейди кивнул, взглянув на небо, по которому с севера прокатился низкий раскат грома.

— Я просто хочу поговорить с ней, понимаете? И мне нужно ещё раз увидеть маленького Гадрена.

Думаю, его теперь не узнать.

— Уверен, он очень симпатичный, Грейди.

Грейди рассмеялся. Было странно, но приятно слышать его смех.

— Симпатичный? Гадрен? Нет, милорд, он может быть крупным для своего возраста, но он не симпатичнее пня. И всё-таки я безумно его люблю. — Грейди покачал головой, повеселев. — Пора мне осваивать с Неалдом этот новый трюк. Спасибо, милорд.

Перрин улыбнулся, глядя ему вслед. В этот момент в лагерь торопливо вошла одна из Дев. Она обратилась к Хранительницам

Мудрости, но говорила достаточно громко, чтобы Перрин мог её слышать:

— По дороге к лагерю едет какой-то мужчина. У него флаг мира, но одет он, как один из этих Детей Света.

Перрин кивнул, собрав свою охрану. По пути ко входу в лагерь к нему присоединился Тэм. На место они прибыли как раз в тот момент, когда Белоплащик подъехал к первому посту. Он ехал верхом на безупречно белом коне и нёс длинный шест с белым флагом. Под белым плащом на груди надетого поверх кольчуги табарда того же цвета было изображено восходящее

солнце с расходящимися лучами.

Перину внезапно стало не по себе. Он узнал этого человека. Дэйн Борнхальд.

— Я пришёл говорить с преступником Перрином Айбарой, — громко объявил Борнхальд, остановив коня.

— Я здесь, Борнхальд, — выкрикнул в ответ Перрин, выходя вперёд.

Белоплащик взглянул на него.

— Да, это *действительно* ты. Свет привёл тебя к нам в руки.

— Если он не привёл к вам войско, которое в три-четыре раза больше вашего нынешнего, — ответил Перрин, — то я сильно

сомневаюсь, что это имеет значение.

— В наших руках люди, присягнувшие тебе на верность, Айбара.

— Что ж, позвольте им вернуться в мой лагерь, и мы пойдём своей дорогой.

Молодой Белоплащик развернул своего коня боком и нахмурился:

— Мы с тобой ещё не закончили, Приспешник Тьмы.

— Незачем всё усложнять, Борнхальд, — промолвил Перрин, — на мой взгляд, мы всё ещё можем разойтись по-хорошему.

— Дети Света скорее умрут, чем оставят несправедливость

безнаказанной, — ответил Дэйн и сплюнул в сторону, — но пусть это тебе скажет Лорд Капитан-Командор. Он хочет увидеть тебя лично. Мне было приказано передать, что он ждёт тебя у дороги неподалёку отсюда. Он хочет, чтобы ты с ним встретился.

— Ты думаешь, я попадусь в столь очевидную ловушку? — спросил Перрин.

Борнхальд пожал плечами.

— Тебе решать. Лорд Капитан-Командор — человек чести, и он клянётся, что ты вернёшься невредимым. Это больше того, что я бы пообещал Приспешнику Тьмы. Можешь для безопасности взять с

собой Айз Седай, если они у тебя есть.

Сказав это, Борнхальд развернул коня и ускакал прочь.

Перрин стоял в задумчивости, глядя ему вслед.

— Не думаешь же ты, сынок, туда пойти? — спросил Тэм.

— Лучше знать наверняка, с кем буду иметь дело, — ответил Перрин. — К тому же, мы сами просили о переговорах. Или о сделке, чтобы вернуть наших людей. Испепели меня Свет, Тэм. Перед тем, как нападать на них, я должен хотя бы *попробовать*.

Тэм вздохнул, но кивнул в знак согласия.

— Он упомянул Айз Седай, — проговорил Перрин, — но не Аша'манов. Готов поспорить, он почти ничего о них не знает. Наряди Грейди двуреченцем и отправь его ко мне вместе с Гаулом и Сулин. Спроси Эдарру, не захочет ли она к нам присоединиться. Но *не говори* об этом моей жене. Мы отправимся вшестером и посмотрим, действительно ли Белоплащники встретят нас мирно. Если что-то пойдёт не так, Грейди всегда сможет вытащить нас оттуда с помощью Врат.

Тэм кивнул и поспешно удалился. Перрин беспокойно ждал, пока тот не вернулся с Гаулом, Сулин

и Эдаррой. Несколькими минутами позже появился Грейди в коричневом шерстяном плаще и коричнево-зелёной одежде, одолженной у кого-то из двуреченцев. В руках он нёс длинный лук, но двигался словно солдат, выпрямив спину и внимательно осматриваясь по сторонам. От него веяло опасностью, которой не было бы в простом селянине. Оставалось надеяться, что это не испортит маскарад.

Вшестером они вышли из лагеря, и, хвала Свету, Фэйли об этом пока не узнала. На более длительные переговоры Перрин взял бы её с собой, но эту встречу он рассчитывал закончить быстро и хотел иметь

свободу действий и не беспокоиться о ней в случае возникновения неприятностей.

Они шли пешком и, немного пройдя вдоль дороги, обнаружили Белоплащников. Их было около дюжины, и они окружали небольшую палатку, поставленную прямо у дороги. Белоплащники находились с наветренной стороны, что немного успокоило Перрина. Он уловил запахи ярости и отвращения, но на ловушку было *не похоже*.

Когда Перрин со спутниками подошёл поближе, из палатки вышел человек в белом. Это был высокий мужчина с правильными чертами лица и короткими тёмными

волосами. Большинство женщин, вероятно, назвали бы его красивым. Он пах... лучше остальных Белоплащников. Их запах был каким-то диким, как у бешеного зверя. Предводитель же пах спокойствием и полной вменяемостью.

Перрин оглянулся на своих товарищей.

— Мне это не нравится, Перрин Айбара, — произнесла Эдарра, оглядываясь по сторонам. — Что-то с этими Детьми Света не так.

— С тех деревьев нас могли бы достать лучники, — добавил Тэм, кивнув в сторону небольшой рощицы, расположенной неподалёку.

— Грейди, ты удерживаешь

Силу? — спросил Перрин.

— Конечно.

— На всякий случай, будь начеку, — сказал Перрин и двинулся к Белоплащикам. Их командир изучал его, заложив руки за спину.

— Золотые глаза, — проговорил он. — Значит, это правда.

— Это вы Лорд Капитан-Командор? — спросил Перрин.

— Я.

— Что вы хотите в обмен на моих людей?

— Мои товарищи сообщили мне, что однажды они уже участвовали в подобном обмене, — ответил предводитель Белоплащиков, — и вы обманули их и предали.

— Они похитили невинных, — возразил Перрин, — и требовали взамен мою жизнь. Я просто вернул своих людей обратно. Не вынуждайте меня повторить это снова.

Глаза главы Белоплащников сузились. От него пахло задумчивостью.

— Я поступлю так, как сочту правильным, Златоокий. Цена несущественна. Мои люди сообщили, что пару лет назад ты убил несколько Чад и до сих пор не понёс за это наказания. И что ты привёл троллоков в набег на деревни.

— Твои люди не очень-то заслуживают доверия, — прорычал

Перрин. — Я хочу официальных переговоров, где мы могли бы сесть и всё обсудить. И не на скорую руку, как сейчас.

— Не думаю, что они понадобятся, — ответил Лорд Капитан-Командор. — Я здесь не для того, чтобы торговаться. Я просто хотел увидеть тебя собственными глазами. Хочешь освободить своих людей? Встреться со мной на поле брани. Тогда я освобожу пленников, вне зависимости от исхода. Они определённо не солдаты. Я их отпущу.

— А если я откажусь? — спросил Перрин.

— Тогда это не будет

предвещать... ничего хорошего для их здоровья.

Перрин стиснул зубы.

— Мы встретимся под Светом
— твоя армия против нашей, —
продолжил глава Белоплащников. —
Таковы наши условия.

Перрин оглянулся. Грейди встретил его взгляд, и в его глазах читался очевидный вопрос. Он мог не раздумывая взять Лорда Капитана-Командора в плен прямо сейчас.

Это было очень соблазнительно. Но Белоплащик обещал неприкосновенность. Значит, и Перрин не станет нарушать перемирие. Вместо этого он

развернулся и направился обратно в лагерь.

* * *

Галад наблюдал за тем, как уходит Айбара. Эти золотые глаза вызывали беспокойство. Он было отбросил настойчивые уверения Байара в том, что этот мужчина не просто Приспешник Тёмного, а Отродье Тени. Однако, заглянув в его глаза, он более не был уверен в ложности подобных обвинений.

Стоявший рядом с ним Борнхальд выдохнул:

— Не могу поверить, что вы

решились на это. А если бы он *всё-таки* привёл Айз Седай? Мы не смогли бы остановить Единую Силу.

— Они не причинили бы мне вреда, — ответил Галад. — Кроме того, будь у Айбары возможность убить меня здесь с помощью Единой Силы, он сделал бы это в нашем лагере. Однако если то, что вы с Чадом Байаром о нём рассказали, правда, он очень беспокоится о сохранении своей репутации. Он не возглавил нападение троллоков на Двуречье. Он делал вид, что защищает его.

Такой человек будет действовать тоньше. Галад был в безопасности.

Ему хотелось лично увидеть

Айбару, и он был рад, что смог это сделать. Эти глаза... они словно сами по себе были приговором. И Айбара напрягся, когда упомянули об убийстве Белоплащников. Кроме того, ходили слухи о том, что его люди заключили союз с Шончан и что у него есть способные направлять мужчины.

Да, этот Айбара очень опасен. Галад был обеспокоен тем, что согласился на битву именно здесь, но да поможет им Свет. Лучше разбить Айбару сейчас, чем встретиться с ним потом, во время Последней Битвы. Поэтому он быстро принял решение. Верное решение. Битва состоится.

— Идём, — сказал Галад,
махнув своим людям. —
Возвращаемся в лагерь.

Глава 11

НЕОЖИДАННОЕ ПИСЬМО

— Неужели они всерьёз рассчитывают на то, что я это подпишу? — Илэйн швырнула пачку бумаг на пол рядом со стулом.

— Не думаю — ответила Дайлин. Её золотистые волосы были безупречны, решительное лицо невозмутимо, изящная фигура исполнена достоинства. Само совершенство! До чего же *несправедливо*, что она выглядит столь безукоризненно, тогда как

Илэйн чувствовала себя откормленной как на убой свиноматкой.

Камин в гостиной Илэйн уютно потрескивал. На одном из столиков у стены стоял кувшин с вином, однако нечего и мечтать о том, чтобы ей позволили сделать хотя бы *глоток*. Если ещё хоть кто-то осмелится предложить ей проклятое козье молоко...

Бергитте прохаживалась у дальней стены, золотая коса была перекинута через правое плечо, выделяясь на фоне белого воротника красного кафтана и небесно-голубых штанов. Она налила себе чашку чая и улыбнулась поверх неё: раздражение

Илэйн её забавляло. Илэйн *чувствовала* это через Узы!

Кроме них в комнате никого не было. Илэйн удалилась в гостиную, получив предложение от посланника Эллориен и пояснив, что желает «обдумать» его без свидетелей. Что ж, она его обдумала! И сочла мусором, поскольку ничем иным оно не являлось.

— Это оскорбительно, — проворчала она, махнув рукой в сторону бумаг.

— Ты намерена вечно держать их в тюрьме, Илэйн? — спросила Дайлин, приподняв бровь. — Они не в состоянии заплатить выкуп, потратив все деньги на войну. Это

ставит тебя перед необходимостью принять решение.

— Пусть хоть сгниют, — выпалила Илэйн, сжав кулаки. — Они собрали против меня армии и осадили Кэймлин!

— Да, — невозмутимо согласилась Дайлин. — Я помню. Я была там.

Илэйн выругалась про себя, затем встала и принялась мерить шагами комнату. Бергитте взглянула на неё; они обе знали, что Мелфани настоятельно советовала Илэйн не перенапрягаться. Илэйн с вызовом встретила взгляд своего Стража, и не подумав остановиться. Что б ей сгореть, и чтоб сгореть той

проклятой акушерке! Ходьба её не утомляла.

Эллориен была одной из последних, не признавших власть Илэйн, и представляла наибольшую проблему — кроме, возможно, Джарида Саранда. Прошедшие месяцы стали для Илэйн началом долгого периода испытаний. Сумеет ли она справиться с возникающими проблемами? Не поддастся ли давлению? Насколько она похожа на свою мать?

Им стоит знать, что её не так-то легко запугать. Но горькая правда заключалась в том, что она балансировала на вершине шаткой пирамиды из чайных чашек. Каждая

из них была знатным Домом Андора; одни из них охотно её поддерживали, другие — наоборот. Очень немногие из них были надёжны в той мере, в какой ей бы хотелось.

— Знатные пленники — ресурс, — заявила Илэйн. — Так их и следует рассматривать.

Дайлин кивнула. Эта дворянка имела обыкновение подначивать Илэйн, вынуждая ту напрягаться в поисках ответов, которые, как обе понимали, необходимо было найти.

— Ресурс бесполезен, если, в конечном счёте, не используется, — заметила Дайлин. Она держала кубок вина. Несносная женщина.

— Да, — согласилась Илэйн. —

Тем не менее, быстро потратить ресурс означает проявить легкомыслие.

— Если только ты не потратишь что-то как раз перед тем, как оно обесценится, — сказала Дайлин. — Многих торговцев называли глупцами, когда они распродавали ледяные перцы со скидкой, но стоило ценам упасть ещё ниже, как их стали считать мудрыми.

— А эти пленники? Ты считаешь, что они скоро обесценятся?

— Их Дома скомпрометированы, — ответила Дайлин. — Чем прочнее становится твоё положение, Илэйн, тем

меньшую ценность представляют собой эти политические заложники. Тебе не следует безрассудно лишаться своего преимущества, но не стоит и держать их взаперти до тех пор, пока всем на них станет наплевать.

— Их можно казнить, — посоветовала Бергитте.

Обе женщины потрясённо уставились на неё.

— А что такого? — продолжала Бергитте. — Они это заслужили, к тому же такой поступок укрепил бы репутацию жёсткого правителя.

— Так нельзя, — ответила Илэйн. — Нельзя убивать только за то, что в борьбе за трон они

поддержали кого-то другого. Если нет королевы, то не может быть и измены.

— Значит, наши солдаты должны умирать, а знатым убудкам всё нипочем? — спросила Бергитте. Затем она вскинула руку, прежде чем Илэйн успела возразить. — Обойдёмся без нотаций, Илэйн. Я поняла. Не согласна, но поняла. Так было всегда.

Илэйн вновь принялась мерить шагами комнату. Она остановилась, но лишь затем, чтобы с силой топнуть по письму Эллориен. Это немного помогло, но Бергитте, конечно, закатила глаза.

«Предложение» Эллориен

представляло собой перечень пустых обещаний, которые заканчивались требованием освободить пленников ради «пользы Андора». Эллориен утверждала, что поскольку пленники лишились всех средств, Корона должна простить их и отпустить, таким образом, дав им возможность восстановить утраченное.

Сказать по чести, Илэйн и сама рассматривала такой вариант. Однако теперь — если она их освободит, вся троица будет считать своей спасительницей Эллориен! Вся благодарность, на которую могла рассчитывать Илэйн, доставалась бы её конкурентке. Кровь и проклятый пепел!

— Ищущие Ветер требуют обещанную им землю, — заметила Дайлин.

— Уже?

Женщина кивнула.

— Меня это по-прежнему беспокоит. Зачем им этот клочок земли?

— Они его заслужили, — сказала Илэйн.

— Возможно. Хотя это означает, что за пять поколений ты — первая королева, готовая уступить иноземцам часть Андора, и не важно, сколь эта часть мала.

Илэйн глубоко вздохнула и, как ни странно, успокоилась. Проклятые перепады настроения! Разве

Мелфани не обещала, что на более позднем сроке беременности они перестанут быть такими резкими? Тем не менее, время от времени она по-прежнему ощущала, как эмоции скачут, словно мяч в детской игре.

Взяв себя в руки, Илэйн опустилась в кресло.

— Я не могу этого допустить. Благородные Дома только и ждут шанса вернуть себе власть.

— На их месте ты поступила бы так же, гарантирую, — возразила Дайлин.

— Нет, если бы знала о приближении Последней Битвы, — огрызнулась Илэйн. — Мы должны что-то сделать, дабы направить

усилия знати на более важные проблемы. Что-то, что сплотит их вокруг меня, или, наконец, даст понять, что со мной не стоит играть.

— И у тебя есть идеи, как этого достичь? — спросила Дайлин.

— Да, — отозвалась Илэйн, кивнув на восток. — Самое время завладеть Кайриэном.

Бергитте поперхнулась чаем. Дайлин просто вскинула бровь.

— Смелый шаг.

— Смелый? — переспросила Бергитте, вытирая подбородок. — Да это проклятое безумие! Илэйн, ты лишь недавно прибрала к рукам Андор.

— Это делает момент ещё более

удобным, — сказала Илэйн. — Инерция работает на нас. Кроме того, если мы двинемся на Кайриэн сейчас, это покажет, что я стремлюсь стать кем-то большим, чем легкомысленной, жеманной королевой.

— Сомневаюсь, что о тебе думают нечто подобное, — сказала Бергитте. — Если это так, то, вероятно, во время битвы им слишком сильно врезали по башке.

— Она права, хоть и грубо выражается, — согласилась Дайлин. Она взглянула на Бергитте, и Илэйн почувствовала укол неприязни через узы Стража. Свет! Что необходимо совершить, чтобы эти двое

поладили?

— Никто не сомневается в твоей способности править, Илэйн. Но это не удержит остальных от попыток ухватить любую власть, какую только удастся. Им известно, что позднее шансов не будет.

— В отличие от матери, у меня нет пятнадцати лет на то, чтобы упрочить своё правление, — произнесла Илэйн. — Послушайте, все мы знаем, что Ранд подтвердил мои права на Солнечный Трон. Пока что там правит наместник, а после истории с Колавир никто не смеет ослушаться приказов Ранда.

— Заняв этот трон, — заметила Дайлин, — ты рискуешь показаться

ставленницей ал'Тора.

— И что? — возразила Илэйн. — Мне было необходимо самой взять Андор, однако нет ничего предосудительного в том, что я приму Кайриэн от него в подарок. Его айильцы освободили город. Мы окажем Кайриэну услугу, предотвратив борьбу за престолонаследование. Мои притязания на трон Кайриэна законны — по крайней мере, не меньше всех прочих, а те, кто лоялен Ранду, поддержат меня.

— А ты не переоцениваешь свои силы?

— Возможно, — сказала Илэйн. — Но, мне кажется, риск

оправдан. Одним махом я могу стать одним из самых сильных монархов со времён Артура Ястребиное Крыло.

Дальнейшая дискуссия была прервана вежливым стуком в дверь. Илэйн взглянула на Дайлин. По задумчивому выражению на лице последней она заключила, что та размышляет над словами королевы. Что ж, Илэйн не требовалось одобрение Дайлин, чтобы добиваться Солнечного Трона. Советы Дайлин приносили Илэйн всё больше пользы. Хвала Свету, сама Дайлин на трон не претендовала! Однако королева не может позволить себе оказаться в ловушке, всецело полагаясь на единственного

человека.

Бергитте открыла дверь, впуская похожего на аиста мастера Норри. Он был одет в красные с белым одежды, его вытянутое лицо как всегда выглядело мрачным. Под мышкой он держал свою кожаную папку, и Илэйн сдержала рвущийся стон.

— Мне казалось, что на сегодня мы закончили с делами.

— Я тоже так считал, Ваше Величество, — ответил он. — Однако появились некоторые новые обстоятельства. Я подумал, что они... ммм... возможно, вас заинтересуют.

— Что вы имеете в виду?

— Что ж, Ваше Величество, —

сказал Норри. — Вам известно, что я... не особенно люблю определённый род занятий. Но, в свете недавнего увеличения штата моих подчинённых, посчитал нужным расширить круг своих обязанностей.

— Ты говоришь о Харке, не так ли? — сказала Бергитте. — Что натворил этот никчемный кусок грязи?

Норри посмотрел на неё.

— Он... ммм... запятнан, я должен это отметить, — мужчина вновь поглядел на Илэйн. — Но довольно сведущий, если направить его усилия в нужное русло. Прошу простить меня, если я превысил свои

полномочия, однако после недавних событий — когда гостей в ваших застенках прибавилось — я счёл разумным...

— О чём вы толкуете, мастер Норри? — не выдержала Илэйн.

— Госпожа Басахин, Ваше Величество, — сказал Норри. — Первым заданием, которое я дал доброму мастеру Харку, было следить за местом проживания Айз Седай, — это некая гостиница под названием «Гостеприимный Двор».

Илэйн взволнованно выпрямилась в кресле. Духара Басахин неоднократно пыталась добиться аудиенции у Илэйн, угрожая дворцовой прислуге. В

любом случае, теперь все знали, что впускать её запрещено. Несмотря на то, что она была Айз Седай, прежде всего она была посланницей Элайды, а Илэйн не хотела иметь с последней ничего общего.

— Вы за ней следили, — нетерпеливо произнесла Илэйн. — Пожалуйста, скажите мне, что вы обнаружили хоть что-то, что позволит мне выгнать вон эту несносную женщину

— Значит, вы меня не осуждаете? — осторожно спросил мастер Норри, оставаясь как прежде сухим и невозмутимым. Всё же, когда дело касалось шпионажа, ему не доставало опыта.

— О, Свет, разумеется нет, — ответила Илэйн. — Я должна была сама об этом распорядиться. Вы уберегли меня от оплошности, мастер Норри. Если вы обнаружили нечто достаточно ценное, я, возможно, даже расцелую вас.

Её слова вызвали отклик; глаза мужчины расширились от ужаса. Этого было достаточно, чтобы Илэйн рассмеялась, а Бергитте хихикнула. Дайлин выглядела недовольной. Что ж, да пусть хоть целует козе копыта, Илэйн наплевать.

— Хм... что ж, — произнес Норри, — в этом нет необходимости, Ваше Величество. Я подумал, если в городе были Приспешницы Тёмного,

выдававшие себя за Айз Седай, — он, как и другие, научился в присутствии Илэйн не приравнивать Фалион и её подруг к «Айз Седай», — мы должны установить тщательную слежку за каждым, кто заявляет, что прибыл из Белой Башни.

Илэйн нетерпеливо кивнула. Невероятно, однако Норри начал запинаться!

— Боюсь, что должен разочаровать Ваше Величество, — сказал он, видимо заметив волнение Илэйн, — на тот случай, если вы надеялись получить подтверждение, что эта женщина — Приспешница Тёмного.

— Ох.

— Тем не менее, — сказал Норри, подняв тонкий палец. — У меня есть повод считать, что Духара Седай, возможно, приложила руку к тому документу, с которым вы обходитесь... хм... с необыкновенным почтением. Он взглянул на бумаги, разбросанные Илэйн по полу. На одной из них отчётливо виднелся отпечаток туфли.

— Духара встречалась с Эллориен? — спросила Илэйн.

— Именно так, — сказал мастер Норри. — Встречи становятся всё более частыми. Хотя и носят несколько скрытный характер.

Илэйн уставилась на Дайлин.

— С чего бы Духаре желать

освобождения моих соперников?

Дайлин казалась
обеспокоенной.

— Не может же она быть настолько глупа, чтобы рассчитывать поднять против тебя мятеж, особенно с помощью разгромленных и разорённых дворян.

— Ваше Величество? — спросил Норри. — Могу ли я прокомментировать...

— Конечно, мастер Норри.

— Возможно, Айз Седай пытается добиться расположения леди Эллориен. Нам не известно наверняка, что они сговорились и написали это послание. Просто такой вариант кажется наиболее

вероятным, судя по количеству и частоте визитов Айз Седай. Однако у неё могут быть причины не столько поддерживать Ваших врагов, сколько заручиться благосклонностью части городской знати.

Это было возможно. Похоже, Духара не намерена возвращаться в Белую Башню, несмотря на то что Илэйн неоднократно настойчиво предлагала ей это. Вернуться — означало предстать перед Элайдой с пустыми руками и враждебно настроенным Андором. Айз Седай так легко не сдаются. Однако если бы она вернулась, заручившись поддержкой части андорской знати, это кое-что бы значило.

— Когда Духара покидала гостинцу, чтобы навестить Эллориен, как она была одета? — спросила Илэйн, —

Хотя Эллориен коротко обмолвилась о намерении вернуться в поместье, она так и не уехала из города, возможно, сознавая, что политической пользы это пока не принесёт. Сейчас она жила в своём городском особняке.

— В плащ, Ваше Величество, — ответил Норри. — С поднятым капюшоном.

— Роскошный или бедный?

— Я... Я не знаю, — обеспокоенно ответил Норри. — Я мог бы вызвать мастера Харка...

— В этом нет необходимости, — сказала Илэйн. — Но скажите, она была одна?

— Нет. Полагаю, с ней отправилось довольно много сопровождающих.

Илэйн кивнула. Она готова была держать пари, что, несмотря на плащ и поднятый капюшон, Духара не сняла кольцо с Великим Змеем, а выбор приметного роскошного плаща и многочисленная свита, явно были уловкой.

— Мастер Норри, — произнесла Илэйн. — Боюсь, что вы попались на её удочку.

— Ваше Величество?

Дайлин кивнула.

— Она хотела быть замеченной во время посещения Эллориен. Она не желает придавать визитам официальный статус, это поставило бы её в открытую оппозицию по отношению к трону. Однако она хочет, чтобы ты была в курсе её действий.

— Она демонстративно общается с моими врагами, — сказала Илэйн. — Это — предупреждение. Она и раньше угрожала мне, говоря, что я прочувствую все прелести противоборства с ней и Элайдой.

— Ах, — произнес Норри, вздохнув. — Выходит, в итоге моя инициатива оказалась не столь уж

полезной.

— О, она в любом случае принесла пользу, — сказала Илэйн. — Если бы вы не распорядились следить за ней, мы прозевали бы её визит, что было бы весьма досадно. Если кто-то из кожи вон лезет, чтобы меня оскорбить, я, по крайней мере, желаю быть в курсе этого. Хотя бы затем, чтобы знать, кого впоследствии следует обезглавить.

Норри побледнел.

— Образно выражаясь, мастер Норри, — пояснила она. Хотя ей очень хотелось поступить именно так. И с Элайдой тоже! Женщина осмелилась прислать своего

сторожевого пса, чтобы «направлять» Илэйн? Девушка покачала головой: *«Поспеши, Эгвейн. Ты нужна нам в Башне. Ты нужна всему миру».*

Она вздохнула, вновь повернувшись к Норри.

— Вы говорили, что появилось «несколько новых обстоятельств», требующих моего внимания?

— Так и есть, Ваше Величество, — ответил он, доставая свою ужасную кожаную папку и вытаскивая из неё страницу без обычного благоговения, с которым относился к большинству своих записей. Действительно, взяв страничку двумя пальцами, он поднял её вверх, как дохлое

животное, выловленное из канавы.

— Вы помните ваши приказы относительно отрядов наёмников?

— Да, — поморщившись, признала она. Илэйн мучила жажда. Она уныло окинула взглядом чашку с подогретым козьим молоком, стоявшую на столе рядом с её креслом. Вести о сражении привлекли отряды наёмников, стремящихся предложить свои услуги.

К сожалению, для большинства наёмников, осада оказалась недолгой. Новости распространялись быстро, а уставшие и голодные солдаты передвигались медленно. Неослабевающим потоком отряды

наёмников продолжали стекаться в город и были весьма разочарованы тем, что не находили применения своему оружию.

Илэйн начала было отправлять их прочь, а затем поняла глупость подобных действий. В Тармон Гай'дон понадобится каждый человек, и если Андор смог бы привлечь дополнительно пять или десять тысяч солдат, она не должна упускать этого шанса.

В настоящий момент у неё не было денег, чтобы им платить, однако, несмотря на это, терять наёмников ей не хотелось. Вместо этого она велела мастеру Норри и капитану Гайбону отдать всем

наёмным отрядам сходные распоряжения. Она ограничила количество солдат, которым разрешено было одновременно находиться в Кэймлине, а лагеря наёмников не должны располагаться ближе, чем на расстоянии лиги от города.

Это должно было навести их на мысль, что, в конечном счёте, она встретится с ними и предложит работу. Теперь, когда она решила занять Солнечный Трон, Илэйн могла бы это сделать. Хотя наёмники, с которыми она в последнее время имела дело, чаще обманывали её доверие, чем оправдывали его.

Вопреки прежнему твёрдому

решению, она подняла чашку с молоком и сделала глоток. Бергитте удовлетворённо кивнула, а Илэйн скривилась. Лучше страдать от жажды!

— Что ж, — сказал мастер Норри, глядя поверх страницы, зажатой в пальцах, — один из командиров наёмников взял на себя смелость отправить вам очень... фамильярное письмо. Я не стал бы передавать вам это послание, однако, ознакомившись с ним повторно, посчитал, что вам стоит его увидеть. Притязания этого грубияна нелепы, но мне бы не хотелось быть тем, кто их оставил без внимания, если они окажутся... хм... подлинными.

Заинтригованная, Илэйн потянулась к бумаге. Нелепые притязания? Ни с одним из командиров наёмников она не была знакома лично. Каракули на странице были неровными, многие слова зачёркнуты, а правописание — творческим. Кем бы ни был этот человек, она...

Заглянув в конец послания, она от неожиданности даже захлопала глазами. Затем принялась читать с самого сначала.

*Твоя Треклятая
Каралевская Заноза в Моей
Заднице,
Праклятье, мы ждём*

сдесь, чтобы погаварить с тобой, и мы начинаем **злитъся** нервничать. (Это значит — злится). Том гаварит, что ты теперь Каралева, но я щитаю, что это ничего ниминяет, потому что ты вела себя как каралева всегда и висде. Не забывай, что я **таекал** вытасчил твою хорошенькую попку из неприятнастей в Тире, а тогда ты вела себя, будто каралева, так что с чего бы мне удевляться, что ты видёшь себя точно также, раз действительна стала

каралевой.

Так что, я думаю, мне придется обращаться с тобой как с растреклятой Каралевой и отправить тебе праклятое послание, изложив все высоким слогом, чтобы привлечь твоё внимание. Я даже воспользовался своим кольцом в качестве печати для ~~этой — бумажки~~ приличия. Так что эта — мой официальный салют. Поэтому, **ПЕРЕСТАТЬ РАСТРЕКЛЯТО ОТМАХИВАТЬСЯ ОТ МЕНЯ**, чтобы мы могли

наговарить. Мне
неабхoдимы твои
литейщики колоколов. Эта
треклятски важно.

Мэт.

П.С. Салют означает
приветствие.

П.П.С. Не обращай
внимания на зачеркнутые
слова и ошибки. Я
собирался переписать
письмо, но Том так смиялся
нада мной, что я решил
оставить, как есть.

П.П.С. Не обращай
внимания, что я назвал

*твою попку хорошенькой. Я
немного времени тратил
на то, чтобы
рассматривать ее, так как
понимал, что ты бы
выцырыпала мне за это
глаза. Кроме того, теперь
я жинат, так что все это
не важно.*

Илэйн не могла решить,
гневаться или прыгать от радости.
Мэт был в Андоре, и Том был жив!
Они сбежали из Эбу Дар. Разыскали
ли они Олвера? Как им удалось
удрать от Шончан?

В ней бурлило множество
эмоций и вопросов. Бергитте

выпрямилась, нахмурившись: она почувствовала поток эмоций.

— Илэйн? Что с тобой? Этот мужлан тебя оскорбил?

Илэйн обнаружила, что кивает, на её глаза наворачивались слезы.

Выругавшись, Бергитте принялась мерить комнату шагами. Мастер Норри казался огорошенным, словно сожалея, что принёс письмо.

Илэйн расхохоталась.

Бергитте застыла:

— Илэйн?

— Я в порядке, — сказала Илэйн, вытирая слёзы и заставляя себя глубоко вздохнуть. — О, Свет. Мне это было необходимо. Глянь-ка, прочти.

Бергитте схватила письмо. По мере прочтения её лицо светлело. Она хихикнула.

— У *тебя* хорошенькая попка? Кто бы говорил! У Мэта тоже зад вполне неплох для мужчины.

— Бергитте! — воскликнула Илэйн.

— Тем не менее, это правда, — произнесла Страж, возвращая послание. — Я считаю его мордашку более чем привлекательной, но это не значит, что я не в состоянии оценить чью-то задницу, когда она попадается мне на глаза. Свет, какое счастье, что он вернулся! Наконец-то я смогу выпить с кем-то, кто не смотрит на меня как на

растреклятого командира.

— Держи себя в руках, Бергитте, — сказала Илэйн, складывая письмо. Норри, казалось, был шокирован этой пикировкой. Дайлин промолчала. Чтобы вывести эту женщину из себя, требуется нечто большее. А от Бергитте она слышала словечки и покрепче.

— Вы всё сделали правильно, мастер Норри, — сказала Илэйн. — Спасибо, что обратили моё внимание на это послание.

— Выходит, вы действительно знакомы с этими наёмниками? — спросил он. Его голос звучал несколько удивлённо.

— Они — не наёмники.

Вообще-то, я не уверена, что точно знаю *кто* они. Друзья. И союзники, я надеюсь.

Зачем Мэт привёл Отряд Красной Руки в Андор? Верны ли они Ранду? Может ли она их использовать? Мэт был прохвостом, но, как ни странно, у него был намётанный глаз в вопросах войны и тактики. Каждый солдат под его командованием стоил десяти из той наёмной шушеры, которых она недавно была вынуждена принять на службу.

— Простите меня, Ваше Величество, за мой промах, — сказал Норри. — Я должен был принести вам это письмо раньше. Мои

осведомители доложили мне, что этот отряд недавно был нанят мурандийской Короной, так что я не придавал значения настойчивым уверениям их командира, что он — не наёмник.

— Вы поступили правильно, мастер Норри, — сказала Илэйн, всё ещё чувствуя себя удивлённой и оскорблённой. Странно, как часто смешиваются эти два чувства, когда дело касается Мэтрима Коутона.

— Видит Свет, я была слишком занята. Но, прошу, если кто-то уверяет, что знаком со мной лично, то, по крайней мере, поставьте Бергитте в известность.

— Да, Ваше Величество.

— Организуйте встречу с Мэтримом Коутоном, — приказала она, попутно мечтая найти время для написания ему достойного ответа в том же оскорбительном тоне. — Передай ему, что он должен привести с собой Тома. Чтобы... тот держал Мэта в узде.

— Как пожелаете, Ваше Величество, — произнес Норри, как обычно сдержанно поклонившись. — Могу ли я удалиться...

Она поблагодарила его кивком, и он вышел, прикрыв за собой дверь. Илэйн задумчиво держала письмо Мэта двумя пальцами. Может ли он, например, помочь ей разобраться с Эллориен? Так же, как в случае с

Порубежниками? Или это будет слишком очевидно?

— Зачем он упомянул литейщиков колоколов, как ты думаешь? — спросила Бергитте.

— Возможно, это — всего лишь желание получить новый колокол, чтобы отбивать часы в его лагере.

— Но ты ведь не думаешь, что всё так просто.

— В этом замешан Мэт, — сказала Илэйн. — Он склонен всё усложнять. То, что он кратко описал, пахнет одним из его прожектов.

— Верно. А если бы ему просто нужен был колокол, он мог бы спокойно его купить, поиграв часок в кости.

— Неужели? — отозвалась Илэйн. — Он не *настолько* удачлив.

Бергитте фыркнула, прихлёбывая свой чай.

— Тебе следует быть внимательнее, Илэйн. Этот человек мог бы сыграть в кости с Тёмным и победить.

Илэйн покачала головой. Солдаты, и Бергитте в том числе, были весьма суеверны.

— При встрече с Мэтом поставь несколько дополнительных телохранительниц. Он может распоясаться, а я не желаю, чтобы он устроил сцену.

— Кто *он* такой? — в замешательстве спросила Дайлин.

— Один из двух *та'веренов*, выросших вместе с Рандом ал'Тором, — ответила Бергитте, допивая свой чай. На время беременности Илэйн она бросила пить. Кто-то же должен был страдать вместе с ней.

— Мэт... очень энергичная личность, — пояснила Илэйн. — Если грамотно его использовать, он может принести пользу. Если же нет, что по большей части и происходит, он — сплошное бедствие. Тем не менее, чтобы о нём ни говорили, он и его Отряд знают толк в сражениях.

— Ты собираешься использовать их, не так ли? — произнесла Бергитте, с надеждой глядя на неё.

— Само собой, — ответила Илэйн. — И, насколько я помню слова Мэта, в его Отряде много кайриэнцев. Коренных. Если его Отряд станет частью моей армии, то, возможно, поход пройдет легче.

— Значит, ты действительно на это решилась? — спросила Дайлин. — Занять Солнечный Трон? Сейчас?

— Миру необходимо единство, — сказала Илэйн, вставая. — Я собираюсь связать нас с Кайриэном воедино. Ранд уже контролирует Иллиан и Тир, и он связан с Айил. Мы все объединяемся.

Она взглянула на запад, откуда приходил тот комок эмоций, который

был Рандом. Единственное, что она в последнее время ощущала, был спрятанный глубоко внутри холодный гнев. Может, он в Арад Домане?

Илэйн любила его. Однако она не собиралась спокойно наблюдать, как Андор становится очередной частью империи Дракона. Кроме того, если Ранд *должен погибнуть* в Шайол Гул, кто будет править этой империей? Она могла развалиться, но Илэйн надеялась, что у кого-то, — возможно, у Дарлина — достанет сил удержать её от распада. А если так, Андор окажется в одиночестве между агрессивной Империей Шончан на юго-западе, преемником

Ранда на северо-западе и юго-востоке и Пограничьем, объединённым на севере и северо-востоке.

Она не могла позволить такому случиться. Женщина внутри неё сжималась от страха при мысли о планах на случай смерти Ранда, но Королеве не подобало быть столь слабонервной. Мир менялся.

— Я осознаю, что управлять двумя народами будет сложно, — сказала Илэйн. — Но я *обязана* удержать Кайриэн. Для пользы обоих Тронов.

Она повернулась и встретила глазами с Дайлин, которая медленно кивнула.

— Похоже, ты решилась.

— Да, — сказала Илэйн. — Но

полагаю, чтобы осуществить задуманное, мне будет нужно использовать Перемещение.

Необходимо устроить встречу с Сумеко и Алис. Мы должны обсудить будущее Родни.

Глава 12

ПУСТАЯ

ЧЕРНИЛЬНИЦА

Мин сидела на подоконнике в Тирской Твердыне и радовалась теплу. Дневной бриз освежал, пусть он и приносил с собой влажность и запахи раскинувшегося внизу города. Тайренцы называли эту погоду «холодной», на что Мин только посмеивалась. Что эти люди сказали бы про настоящую андорскую зиму, когда дома тонут в сугробах, а на карнизах висят сосульки?

Все изменения погоды за

последнее время сводились к тому, что привычная духота немного развеялась. Но тепло, которому радовалась Мин, не имело ничего общего с жарой.

Город заливал солнечный свет. Внутренние дворы Твердыни были наполнены Защитниками в привычных нарядах с полосатыми рукавами и штанами; истосковавшиеся по солнцу люди часто останавливались и вскидывали головы к чистому небу. Облака все ещё маячили на горизонте, но над городом они разошлись, взяв его в неестественное — идеально круглое — кольцо.

Но причиной тепла,

переполнявшего Мин, был не солнечный свет.

— Как ты можешь вот так сидеть? — воскликнула Найнив.

Мин оглянулась. Стены Твердыни были толстыми, и она сидела на подоконнике у распахнутого окна, подогнув колени и касаясь босыми пальцами противоположной части оконного проема. Чулки и ботинки валялись на полу рядом со стопкой книг.

Найнив мерила шагами комнату. Тирская Твердыня пережила осады и штурмы, войны и разорение, но Мин сомневалась, что здешним стенам доводилось видеть что-то худшее, чем взбешённая Найнив ал'Мира.

Эти три дня темноволосая Айз Седай ходила по коридорам, будто потрескивающая от молний грозовая туча, наводя страх на Защитников и ужас на слуг.

— Три дня, — сказала Найнив. — Его нет уже три дня! Грядет Последняя Битва, а Возрождённый Дракон исчез.

— Он не исчез, — тихо ответила Мин. — Ранд точно знает, где находится.

— Ты тоже, — отрезала Найнив.

— Я не поведу тебя к нему, Найнив.

— Это почему же? Конечно же, ты не можешь...

— Ему нужно побыть одному.

Найнив осеклась. Она подошла к столику в углу и налила себе холодного чёрного тремалкинского чая. Холодный чай — как странно. Для Мин чай был чем-то, что согревает в морозный день.

Мин снова повернулась к северу, глядя на дальнюю пелену облаков. Узы сообщали, что она смотрит прямо на Ранда. Может, он в Андоре? Или в Порубежье? Поначалу её манила возможность воспользоваться узами и найти его — в те дни, когда он так ужасно страдал. Боль была сильнее, чем от ран у него в боку. Агония, гнев и отчаяние. В тот миг Ранд казался куда опаснее, чем когда-либо прежде,

включая ту ночь, когда он, навалившись, душил её одной рукой. Даже тогда он не пугал Мин так сильно.

А потом...

Она улыбнулась. А потом пришло тепло. Узы излучали его, принося ощущение покоя, словно у камина зимой. Происходило что-то чудесное, чего она, сама того не ведая, так ждала.

— Найнив, всё будет хорошо, — произнесла Мин.

— Откуда ты знаешь? — Найнив отхлебнула чай. — Он не уничтожил Эбу Дар, но это не значит, что он не опасен. Ты слышала, что он едва не сделал с Тэмом. Своим собственным

отцом, Мин!

— Нельзя осуждать человека за то, что он «едва не сделал», Найнив! Он сдержался.

— Здесь — да, но не у Кургана Нэтрина!

— Так было нужно.

— В то время ты так не думала!

Мин глубоко вздохнула. В последнее время Найнив только и делала, что подначивала её на спор... впрочем, у неё на это была веская причина. Её муж ехал навстречу смерти. Дракон Возрожденный — человек, которого она до сих пор считала своим подопечным — бродил где-то один, и Найнив ничего не могла поделать. А если и было в

мире что-то, чего Найнив терпеть не могла — это своей беспомощности.

— Найнив, — сказала Мин. — Если это продлится слишком долго, я укажу тебе путь к нему. Обещаю.

Айз Седай прищурилась.

— Как долго?

— Пару дней.

— Да за пару дней он Кайриэн с землей сровняет!

— Найнив, ты правда думаешь, что он на это способен? — тихо спросила Мин. — Правда?

— И ты ещё спрашиваешь? — Найнив вцепилась в чайную чашку и уставилась на её содержимое. — Когда-то меня насмешила бы подобная идея. Я знала Ранда

ал'Тора, и этот мальчишка до сих пор у него внутри. Но мужчина, в которого он превратился, наводит на меня ужас. Я столько раз повторяла, что ему надо повзрослеть, и вдруг... он повзрослел, — она заметно содрогнулась.

Мин начала было отвечать, но её внимание привлекло движение. Суриал и Лериан — две Девы, охранявшие открытую дверь в коридор — развернулись, пристально вглядываясь в приближавшегося человека. Последнее время рядом с Мин постоянно находились Девы.

Мгновение спустя в комнатку вошла Сарен Немдал. Покои Мин в Твердыне не были просторными —

она редко ими пользовалась, проводя всё время с Рандом. В её гостиной не было ничего, кроме толстого белого-голубого ковра и письменного столика из вишнёвого дерева.

Тёмные волосы Сарен, обрамлявшие её почти безупречное лицо, были по обычаю заплетены в косички и украшены бусинами.

— Кадсуане Седай, — произнесла Сарен, — требует вас к себе.

— Да неужто? — огрызнулась Найнив. — Ну, думаю, Кадсуане Седай может...

— Пропала Аланна, — невозмутимо продолжала Сарен. — Исчезла прямо из своих покоев.

Защитники не видели, как она уходила, и нет никаких следов переходных врат.

— Ах! Что ж, тогда пошли, — и Найнив буквально вылетела из комнаты.

* * *

— Говорю же, что ничего не почувствовала! — объясняла Кореле. Она улыбалась, касаясь пальцем крыла носа. — Я не знаю, как ей удалось выйти. Разве что она каким-то образом научилась летать — что, думаю, не такое уж невероятное предположение, учитывая некоторые

события последнего времени.

«Идиотка», — подумала Кадсуане, испепеляя Кореле взглядом. Её легкомыслие было предпочтительнее высокомерия других Айз Седай, но сегодня у Кадсуане не хватало терпения и на это.

Улыбаясь, Жёлтая сестра пожала плечами, но больше ничего не добавила. Кадсуане уперла руки в бока и оглядела комнатку. Места в ней хватало на сундук для одежды, кушетку и письменный стол. Кадсуане считала, что Айз Седай могла бы потребовать себе большего — даже в Тире. Конечно, Аланна не часто давала понять, что её связывает

с Драконом что-то личное. Мало кто знал об этом.

Две другие Айз Седай — Рафела Синдал и Бера Харкин — стояли у стены. Бера сообщила, что она почувствовала, как направляет Аланна, но те плетения не требовали больших затрат Силы. И на ворота их явно не хватило бы.

Чтоб этой женщине сгореть! Кадсуане считала, что Аланна у неё под контролем, пусть ещё недавно она и упрямылась. Разумеется, она выскользнула отсюда намеренно. Одежда из сундука исчезла, а на письменном столе не было ничего, кроме пустой чернильницы.

— Она тебе ничего не

сказала? — спросила Кадсуане.

— Нет, Кадсуане Седай, — ответила Бера. — За всё время мы едва парой слов обменялись. Я... ну, я частенько слышала, как она тут плачет.

— В чем дело? — прозвучал новый голос. Кадсуане покосилась на дверь, в которой возникла Найнив, и их взгляды скрестились. — Она всего лишь обычный человек, и, насколько я понимаю, была вольна уйти, когда пожелает.

— Чушь, — фыркнула Кадсуане. — Эта девчонка не «всего лишь обычный человек». Она — инструмент, и весьма ценный.

Кадсуане протянула руку к столу

и взяла лист бумаги, который они нашли в комнате. Он был сложен и запечатан кроваво-красной восковой печатью.

— Тебе это знакомо?

Найнив нахмурилась.

— Нет. А должно быть?

Лжёт она или искренна? Для Кадсуане было невыносимо не верить словам женщины, именовавшей себя Айз Седай. Но Найнив ал'Мира не держала в руках Клятвенный Жезл.

Её глаза казались искренне растерянными. Найнив *должна* быть достойна доверия; она гордилась своей честностью. Если только это не прикрытие. Если она не Чёрная.

«Осторожно, — подумала она. — Кончится тем, что ты станешь такой же подозрительной, как мальчик». Найнив не передавала Аланне записку, что отметало последнюю приемлемую теорию её происхождения.

— Так что это, Кадсуане Сeday? — требовательно спросила Найнив. По крайней мере, она употребила почтительное обращение; Кадсуане едва не отчитала девчонку за её тон. Но, по правде говоря, она чувствовала такое же мучительное бессилие, как и Найнив. Бывают времена, когда подобные эмоции имеют право на существование. Например, когда приближается конец

света, а Возрождённый Дракон абсолютно неуправляем.

— Я точно не знаю, — ответила Кадсуане. — Конверт распечатали в спешке — бумага порвана. Его уронили на пол и забрали находившуюся внутри записку вместе с одеждой и самым необходимым.

— Но почему это так важно? — спросила Найнив. За её спиной в комнату проскользнула Мин, а две Девы заняли пост у двери. Любопытно, Мин уже поняла истинную причину, по которой её всюду сопровождают айилки?

— Потому, Найнив, — ответила Мин, — что она — путь к нему.

Найнив фыркнула.

— Помощи от неё было не больше, чем от тебя, Мин.

— Ты, конечно, можешь быть весьма убедительной, — сухо заметила Кадсуане, — но Тень умеет делать людей сговорчивее.

Найнив яростно вспыхнула и принялась что-то бормотать себе под нос. Аланна могла показать путь к Возрождённому Дракону. Если её захватили слуги Тёмного, то невозможно будет спрятать от них Ранда. Их ловушки и так были смертоносны, даже когда в них не требовалось завлекать хитростью.

— Мы вели себя глупо, — сказала Найнив. — Её должна была охранять целая сотня Дев.

— Отрёкшиеся и раньше знали, где его найти, — ответила Кадсуане, хоть мысленно и согласилась. Она *должна* была обеспечить Аланну лучшей охраной. — И ему удавалось выжить. Это просто ещё одно обстоятельство, которое следует принимать в расчет. — Она вздохнула. — Не принесет ли нам кто-нибудь чай?

За чаем отправилась Бера, хотя Кадсуане вовсе не прилагала усилий к тому, чтобы подчинить себе эту женщину. Похоже, репутация всё же кое-чего стоит.

Бера скоро вернулась; Кадсуане вышла в коридор поразмыслить. Она взяла чашку и внутренне

приготовилась ощутить горечь — чай был ещё и предлогом выиграть время на размышления, ведь если у женщины руки ничем не заняты, то может показаться, что она нервничает.

Она поднесла чашку к губам. Что дальше? Расспросить Защитников у ворот Твердыни? Прошлой ночью Аланна — после того, как на неё надавили — подтвердила, что ал'Тор находится там же, где и раньше. К северу, возможно, в Андоре. Три дня. Что глупый мальчишка...

Кадсуане застыла. Чай был *приятным на вкус.*

По правде говоря, он был

потрясающе вкусным. И
безукоризненно подслащён медом.
Легкая горечь и расслабляющий
аромат. Уже несколько недель — а
может, и месяцев — Кадсуане не
пробовала нормальный,
неиспорченный чай.

Мин судорожно вздохнула и
обернулась к северной части города.
Обе стоявшие в дверях Девы в
мгновение ока исчезли, бросившись
по коридору вниз. Подозрения
Кадсуане подтвердились: они
тщательно присматривали за Мин не
столько, чтобы защитить её, сколько
высматривая признаки того, что...

— Он здесь, — тихо сказала
Мин.

Глава 13

О СОТВОРЁННОМ СОБСТВЕННОЙ РУКОЙ

Мин выскочила из восточных ворот Твердыни, которые назывались Ворота Драконовой стены, и помчалась по внутреннему двору. Казалось, что за ней хлынул целый клан айильцев, обтекавших её подобно оленю, огибающему дуб. Быстро и грациозно лавируя между перепуганными Защитниками и конюхами, они направились к стене.

Раздражала лёгкость, с которой они её обгоняли — в свое время она гордилась тем, что способна побить любого знакомого мальчишку в беге наперегонки. Теперь же... Похоже, что чересчур много месяцев потрачено на копание в книгах.

По крайней мере, она опередила Айз Седай, вынужденных соблюдать подобающие приличия. Мин давным-давно отбросила все условности ради своего высоченного пастуха. И вот она неслась к воротам, радуясь, что на ней штаны и сапоги.

И он действительно оказался там. Мин резко остановилась, вглядываясь в этого мужчину сквозь неплотную колонну одетых в

кадин'сор айильцев. Он стоял и беседовал с двумя Защитниками, нёсшими стражу на этой стене. Ранд оглянулся, когда она подошла ближе; он чувствовал её приближение также, как она чувствовала его...

Ранд где-то нашел старый, длинный коричневый плащ с рукавами, как у кафтана, но сейчас он был просто накинут на плечи. Под плащом были рубашка и отличные чёрные штаны.

Теперь, когда он был близко, тепло, идущее через узы, казалось ошеломляющим. Неужели другие этого не замечали? Ей хотелось заслонить глаза рукой, хотя на самом деле тепло было невидимым. Это всё

узы. Разве что... воздух, казалось, действительно искажался вокруг него. Игра солнечного света? Вокруг его головы кружились новые образы. Она привыкла не обращать на них внимания, но сейчас не смогла. Вход в пещеру, зияющий словно распахнутая пасть. Камни, запятнанные кровью. Два лежащих на земле мертвеца, окруженные бесконечными ордами троллоков, курительная трубка с завитком дыма.

Ранд встретил её пристальный взгляд, и, несмотря на узы, она изумилась увиденному. Эти серые похожие на драгоценные камни глаза приобрели дополнительную глубину. Вокруг них виднелись едва заметные

морщинки. Были ли они раньше? Ведь Ранд был слишком молод для них.

Его глаза не выглядели юными. Встретив его взгляд, Мин на мгновение запаниковала. Тот ли это человек? Неужели Ранда, которого она любила, похитили и подменили некой древней *силой*, которую она никогда не смогла бы узнать или понять? Неужели она всё-таки его потеряла?

А потом он улыбнулся, и эти, пусть и обретшие глубину, глаза вновь принадлежали ему. Та самая улыбка, которую Мин так долго ждала. Теперь он улыбался увереннее, чем в первые дни их

знакомства, но по-прежнему оставался ранимым. Улыбка позволила Мин увидеть часть его души, недоступную для других.

Там он остался прежним юношей, каким-то образом сохранившим невинность. Мин подбежала и заключила Ранда в объятия.

— Ты шерстеголовый болван! Целых *три дня*? Чем ты занимался *три дня*?

— Жил, Мин, — ответил он, обняв её.

— Не думала, что это настолько трудно.

— Для меня, порой, бывало и так.

Он замолчал, а для неё было счастьем просто держать его в объятьях. Да, это был тот же мужчина. Изменившийся — и к лучшему — но оставшийся Рандом. Она крепко прижалась к нему. Её не заботило, что вокруг собиралось всё больше и больше людей. Пусть смотрят.

В конце концов, она вздохнула и неохотно отступила.

— Ранд. Аланна пропала. Исчезла сегодня, совсем недавно.

— Да, я почувствовал её передвижение. Куда-то на север. Порубежье, возможно Арафел.

— Её могут использовать против тебя, чтобы определить твое

местонахождение.

Он улыбнулся. Свет, до чего же здорово было вновь видеть это выражение на его лице!

— Мин, чтобы найти меня, Тени нет в ней нужды — ни сейчас, ни потом. Все её взгляды прикованы прямо ко мне, и так будет до тех пор, пока я не ослеплю эти глаза.

— Что? Но Ранд...

— Всё в порядке, Мин. Времена, когда меня можно было тихо придушить — и, следовательно, победить — прошли. Столкновение неизбежно, и крик, который вызовет лавину, прозвучал.

Ранд, казалось, горел жизнью. Это возбуждение было пьянящим.

Обнимая её рукой — той, что заканчивалась культей — он повернулся поприветствовать айильцев.

— На мне *тох*.

Хотя позади на внутреннем дворе царил хаос, айильцы стояли спокойно.

«Они были к этому готовы», — подумала Мин. Строго говоря, айильцы не проявляли враждебности, но и не разделяли оживления Защитников. Тайренцы думали, что Ранд вернулся, чтобы вести их на Последнюю Битву.

— В Пустыне, — выступив вперед, заговорил Руарк, — есть такой зверь — мигерлинг. Внешне он

схож с крысой, но намного глупее. Если посадить его рядом с зерном, то мигерлинг направится прямо к нему, невзирая на опасность. Не важно, сколько раз он свалится в канаву на пути к еде — если вернуть его в исходную точку, он повторит в точности те же действия. Айильские дети забавляются игрой с ним. — Он оглядел Ранда. — Не думал, что ты окажешься мигерлингом, Ранд ал'Тор.

— Обещаю, что больше никогда вас не покину, — сказал Ранд. — Только не по своей воле. Никогда не уйду, не известив и не взяв Дев для охраны, если они позволят.

Айильцы не шелохнулись.

— Это уберёжёт тебя от большего *тох*, — ответил Руарк. — Но не изменит произошедшего. А обещания были и прежде.

— Это так, — согласился Ранд, встретив взгляд Руарка. — И я исполню свой *тох*.

Что-то произошло между ними, что-то, чего Мин не поняла, и Айил разошлись, став менее напряженными. Для охраны Ранда вперед выступили двадцать Дев. Руарк ушел с остальными, присоединившись к небольшой группе Хранительниц Мудрости, издалека наблюдавших за происходящим.

— Ранд? — позвала Мин.

— Всё будет в порядке, — откликнулся он, хотя в его эмоциях присутствовал мрачный оттенок. — Мне было необходимо исправить это. Как и многое другое. — Он опустил обнимавшую её руку и нерешительно, словно что-то высматривая, оглядел внутренний двор. Не найдя того, что искал, он направился к королю Дарлину, который только что спешно прибыл.

Дарлин поклонился, положив руку на эфес узкого меча.

— Милорд Дракон. Должны ли мы, наконец, выступить?

— Давай пройдемся, Дарлин, — ответил Ранд, направившись через двор. — Нужно многое сделать. Кто

еще здесь? Нарिशма, Флинн. Отлично. — Он кивнул двум подбежавшим Аша'манам в чёрных мундирах. — А где ваши Айз Седай? А, вот и они. Что ж, теперь это на очереди. Кайния, будь добра, найди мне несколько курьеров.

Одна из Дев — женщина с необычными для айильцев темными волосами — убежала исполнять просьбу. Мин не отставала от Ранда с Дарлином и нахмурилась, когда два Аша'мана зашагали следом.

Найнив и Мериса возглавляли группу Айз Седай. Они остановились, увидев приближающегося Ранда, давая понять, что это он пришел

встретиться с ними. Женщины сбились в тесную группу, разглаживая одежду и выглядя тревожнее, чем это свойственно Айз Седай.

Ранд пересек шумный открытый двор, войдя в тень вздымающихся укреплений Твердыни, затем подошел к их группе.

— Ранд ал'Тор, — начала Найнив, скрестив руки, когда он приблизился. — Ты...

— Идиот? — весело, закончил Ранд. — Упрямый глупец? Импульсивный, шерстеголовый мальчишка, которому нужно хорошенько надрать уши?

— Э... Да.

— Всё верно, Найнив, — сказал он. — Теперь я это понимаю. Быть может, я, в конце концов, приобрел крупицу мудрости. Тем не менее, я считаю, что тебе пора придумать парочку новых оскорблений. Те, что ты используешь, поизносились, словно прошлогодние кружева. Кто-нибудь, отправьте за Кадсуане. Обещаю, что не прикажу её казнить.

Казалось, Айз Седай были шокированными таким грубым тоном, но Мин улыбнулась. После спора с Айил в нем ощущался прилив уверенности. Мин с необычайным удовольствием наблюдала, как он обезоружил Айз Седай, как все их возражения и осуждение замирают

на губах. Мериса отправила слугу за Кадсуане.

— Наришма, — поворачиваясь, позвал Ранд. — Мне нужно, чтобы ты нанес визит армии Порубежников. Полагаю, она по-прежнему находится в Фар Мэддинге. Передай им, что я принимаю их условия и через несколько дней встречусь с ними.

— Милорд Дракон, — откликнулся Наришма, — благоразумно ли это — с учетом особенностей этого места?

— Благоразумно? Оставь благоразумие тем, кто собирается жить долго, Наришма. Дарлин, мне нужно, чтобы Благородные Лорды и

Леди выстроились передо мной в шеренгу. Также объяви, что Белая Башня воссоединилась, а Эгвейн ал'Вир — новая Престол Амерлин.

— *Что?* — воскликнула Мериса. Некоторые Айз Седай разинули рты.

— Ранд, — сказала Мин. — Сомневаюсь, что Амерлин будет в восторге, если все узнают о расколе.

— Верное замечание, — согласился Ранд. — Дарлин, обнародуй, что Эгвейн ал'Вир сменила Элайду а'Ройхан на Престоле Амерлин. Этого будет достаточно, чтобы проинформировать, не раскрывая слишком многого. Видит Свет, я не

собираюсь злить Эгвейн чем-нибудь ещё...

— Чем-нибудь ещё? — переспросила Кореле, бледнея.

— Да, — небрежно ответил Ранд. — Я уже был в Белой Башне и виделся с ней.

— И они позволили тебе *уйти*? — удивилась Кореле.

— Я не оставил им иного выбора. Дарлин, побыстрее выстрой наши войска здесь. Я хочу, чтобы они были готовы к вечеру. Флинн, нам понадобятся ворота. Большие ворота. Возможно, будет нужен круг.

— Тарвиново Ущелье? — напряженно спросила Найнив.

Ранд помедлил, бросив на нее

взгляд. Когда он заговорил, Мин почувствовала его боль — сильную, пронзающую, *искреннюю*.

— Ещё нет, Найнив. Я подлил масла в огонь, и скоро в Белой Башне разгорится пламя. Время. У нас нет *времени*! Я приведу Лану помощь, клянусь тебе, но прямо сейчас я должен подготовиться к столкновению с Эгвейн.

— Столкновению с ней? — спросила Найнив, выступив вперед. — Ранд, что ты наделал?

— То, что нужно было сделать. Где Башир?

— Он вместе со своими людьми отправился за город, милорд Дракон, — сказал Флинн, —

проветрить лошадей. Скоро должен вернуться.

— Хорошо. Он отправится вместе со мной в Арад Доман. Ты тоже, Найнив. Мин, — он посмотрел на неё. Казалось, эти бездонные глаза затягивали её. — Ты *нужна* мне, Мин.

— Я твоя, глупый дурень.

— *Калландор*, — сказал Ранд. —

Он играет в этом какую-то роль. Ты должна выяснить, какую именно. Я не могу запечатать Отверстие тем же способом, что и в прошлый раз. Я что-то упускаю, что-то важное. Выясни это для меня.

— Я всё сделаю, Ранд, — она почувствовала, как пробежал мороз

по коже. — Обещаю.

— Я верю тебе.

Он поднял взгляд, когда со стороны одного из многочисленных сторожевых постов Твердыни показалась фигура в плаще с глубоко надвинутым капюшоном.

— Кадсуане Меледрин, — сказал Ранд, — я дарую тебе помилование за прошлые ошибки и отменяю твоё изгнание. Хотя ты никогда не расценивала его как что-то серьёзное, чем мелкое неудобство.

Та фыркнула, снимая капюшон.

— Если ты считаешь ношение плаща в эдакую жару «мелким» неудобством, мальчик, то не худо бы преподать тебе урок для сравнения. Я

надеюсь, ты осознал ошибочность своего деяния. Прежде всего, я считаю неподобающим то, что мне нужно «прощение» или «помилование».

— Ну что ж, — сказал Ранд. — Тогда, прими, пожалуйста, мое помилование вместе с моими извинениями. Можно сказать, в последнее время я находился под невиданным давлением.

— Уж кто-кто, — строго сказала Кадсуане, — а ты-то не можешь позволять этому жизненному гнету управлять собой.

— Наоборот. Я стал тем, кто я есть, благодаря этому давлению, Кадсуане. Металлу не придают

формы без ударов молота. Но это не важно. Ты пыталась манипулировать мной и потерпела сокрушительное поражение. Но этим поражением ты показала мне кое-что важное.

— И что же?

— Я думал, что из меня ковался меч, — сказал Ранд с отсутствующим взглядом. — Но я был неправ. Я не оружие. И никогда им не был.

— Что же ты тогда? — с искренним любопытством спросила Мин.

Он лишь улыбнулся.

— Кадсуане Седай, у меня есть задание для тебя, если ты на него согласишься.

— Думаю, это будет зависеть от

задания, — сказала она, скрестив руки на груди.

— Мне нужно, чтобы ты определила местонахождение одного субъекта. Пропавшего без вести. Того, кто, как я подозреваю, может находиться в руках союзников, действующих из лучших побуждений. Видишь ли, меня проинформировали, что Белая Башня держит у себя Маттина Стефанеоса.

Кадсуане нахмурилась.

— И он тебе нужен?

— Вовсе нет. Я ещё не решил, что с ним делать, так что пусть пока остается проблемой Эгвейн. Нет, тот, кто мне нужен, наверное, где-то в Каралайнских Степях. Я объясню

подробнее позже, не под открытым небом.

Начали собираться дворяне. Ранд только мельком взглянул в их сторону — впрочем, он снова оглядывал внутренний двор, словно что-то выискивая. Что-то, что вызывало у него беспокойство.

Он повернулся обратно к Благородным Лордам и Леди. Мин смотрела на них со скептицизмом. Если не считать Дарлина, от остальных он был не в восторге. Ранд положил ладонь на плечо Мин. Собравшиеся дворяне, пусть даже разодетые в шелка и кружева, выглядели растрёпанными; видимо, их оторвали от сна или еды. Они

казались странным образом неуместными на внутреннем дворе Твердыни, где все остальные были заняты какой-то работой.

«Мне не следует относиться к ним слишком сурово», — подумала Мин, скрестив руки на груди. Но, с другой стороны, она видела, как расстраивали Ранда их козни и потворство собственным слабостям. Кроме того, она никогда не питала теплых чувств к тем, кто мнит себя важнее всех на свете.

— Постройтесь в линию, — велел Ранд, подходя ближе.

Дворяне пришли в замешательство.

— В линию, — громко и

решительно повторил Ранд. —
Сейчас же.

Они подчинились, поспешив
выстроиться. Ранд направился вдоль
ряда, начав с Дарлина, заглядывая
каждому в глаза. Эмоции Ранда
были... занятыми. Возможно,
чуть-чуть гнева. Чем он занят?

Во дворе воцарилась тишина.
Ранд продолжал идти вдоль ряда,
молча заглядывая каждому
дворянину в глаза. Мин глянула в
сторону. Ближе к концу ряда стоял
Вейрамон, который, не переставая,
бросал на Ранда взгляды и тут же
отводил глаза в сторону. У высокого
мужчины были редкие седые
волосы и напояженная бородка

КЛИНЫШКОМ.

В конце концов, Ранд дошел и до него.

— Посмотри мне в глаза, Вейрамон, — тихо сказал Ранд.

— Милорд Дракон, я вне всяких сомнений не достоин того, чтобы...

— *Выполняй.*

Вейрамону это далось с необычайным трудом. Казалось, он стискивает зубы, а его глаза слезились.

— Значит *это* ты, — произнес Ранд. Мин почувствовала его разочарование. Ранд бросил взгляд в сторону на стоящую последней в ряду Анайеллу. Симпатичная женщина отпрянула от Ранда,

отворачиваясь. — Вы двое.

— Милорд... — начал Вейрамон.

— Я хочу, чтобы вы доставили от меня послание, — оборвал его Ранд. — Остальным членам вашего... общества. Передайте, что они больше не смогут скрываться среди моих союзников.

Вейрамон пытался возражать, но Ранд шагнул ближе. Вейрамон широко распахнул глаза, а Анайелла закричала, прикрывая лицо.

— Передайте, — тихо, но требовательно продолжил Ранд, — что я больше не слеп.

— Почему... — спросила Анайелла. — Почему ты отпускаешь

нас?

— Потому что сегодня день воссоединения, — ответил Ранд. — А не смерти. Ступайте.

Эти двое заковыляли прочь, выглядели они опустошёнными. Остальные присутствовавшие во дворе наблюдали за происходящим с удивлением и замешательством. Однако айильцы принялись стучать копьями по щитам. Казалось, Анайелла и Вейрамон по пути в Твердыню старались держаться в тени двора.

— Лих, — сказал Ранд. — Захвати с собой ещё двоих. Проследите за ними.

От охраняющих Ранда Дев

отделились трое и помчались за двумя бывшими дворянами. Мин подошла к Ранду и взяла его за руку.

— Ранд, что это было? Что ты в них увидел?

— Время прятков прошло, Мин. Тень сыграла в них со мной и проиграла. Теперь все решают не уловки, а война.

— Так они Приспешники Тени? — хмурясь, спросила Мин.

Ранд, улыбаясь, повернулся к ней.

— Они больше не страшны. Я... — Внезапно посмотрев в сторону, он осекся. Мин повернулась, и почувствовала озноб.

Рядом стоял Тэм ал'Тор. Он

только что вышел из соседнего входа в Твердыню и остановился на нижнем пролете ведущей во двор лестницы. Ранда снова наполнил страх, и Мин поняла, кого именно он искал.

Замерший Тэм смотрел на сына. Он был сед, с лицом, покрытым морщинами, и всё же немного нашлось бы столь же надежных людей.

Ранд поднял руку, и толпа, включая Айз Седай, расступилась. Он прошёл сквозь неё, и Мин последовала за ним до лестницы. Ранд нерешительно поднялся на несколько ступеней. Тишина окутала двор, даже чайки замолчали.

Ранд остановился, Мин чувствовала его нежелание, его стыд, его ужас. Казалось странным, что Ранд, без дрожи противостоявший Отрёкшимся, так боялся своего отца.

Парой стремительных шагов Ранд преодолел последние несколько ступеней и заключил Тэма в объятия. Он остановился ступенькой ниже, что делало их почти одного роста. На самом деле, в этом положении Тэм казался почти великаном, а Ранд — вцепившимся в него ребёнком.

И вот, обняв своего отца, Дракон Возрождённый заплакал.

Собравшиеся Айз Седай, тайренцы и айильцы наблюдали в торжественном молчании. Никто не

ёрзал и не отворачивался. Ранд зажмурил глаза.

— Прости, отец, — прошептал он. Мин едва смогла расслышать эти слова. — Мне так жаль.

— Всё в порядке, сынок. Всё в порядке.

— Я совершил столько ужасного.

— Невозможно идти трудным путем, не спотыкаясь время от времени. Падение не сломило тебя — вот что главное.

Ранд кивнул. Они ещё некоторое время держали друг друга в объятьях. В конце концов Ранд отступил, затем поманил Мин, стоявшую у основания лестницы.

— Отец, — сказал Ранд. — Я хочу тебя кое с кем познакомить.

Тэм усмехнулся.

— Прошло три дня, Ранд. Я уже с ней встречался.

— Да, но *не я* вас представил друг другу. А следовало бы, — он махнул ей, и Мин приподняла бровь, скрестив на груди руки. Он умоляюще посмотрел на неё, поэтому, вздохнув, она поднялась по ступеням.

— Отец, — произнес Ранд, положив руку на спину Мин. — Это Мин Фаршав. И она очень мне дорога.

Глава 14

КЛЯТВА

Эгвейн поднималась по пологому склону. Травка под ногами зеленела, прохладный ветерок приятно освежал. Бабочки лениво перелетали с цветка на цветок, словно любопытные дети, заглядывающие в сервант. Желая почувствовать под ногами стебли травы, Эгвейн усилием мысли заставила туфли исчезнуть.

Улыбаясь, она глубоко вздохнула и подняла взгляд на клубящиеся тёмные тучи — свирепые, яростные и, несмотря на аметистовые

вспышки молний, безмолвные. Ужасная буря над головой и безмятежный луг под ногами были проявлением двойственности Мира Снов.

Как ни странно, сейчас *Тел'аран'риод* казался ей более неестественным, чем в её первые визиты — с *тер'ангриалом* Верин. Она использовала это место как игровую площадку, из прихоти меняя одежду, считая себя здесь в безопасности. Она не понимала. *Тел'аран'риод* был не безопаснее раскрашенного медвежьего капкана. Если бы Хранительницы Мудрости вовремя не рассеяли её заблуждения, она вряд ли бы выжила и стала

Амерлин.

«Да, кажется, это здесь». Зелёные холмы, покрытые рощами деревьев. Именно сюда уже больше года назад она попала в самый первый раз. Было символично вновь оказаться здесь, пройдя столь долгий путь. Но, похоже, ей предстоит пройти ещё столько же — и за гораздо меньший срок.

Пленницей в Башне она постоянно напоминала себе, что нужно решать одну проблему за раз. На первом месте стояло воссоединение Белой Башни. Однако теперь и проблемы, и возможные их решения стали бессчётными. Они давили, грозя погрести её под собой.

К счастью, за последние несколько дней в городе нашлось несколько неучтённых хранилищ с зерном. Одним из них оказался заброшенный склад, принадлежавший умершему зимой человеку. Остальные находки были поменьше — несколько мешков тут, несколько — там. Как ни странно, зерно в них оказалось хорошим.

Этим вечером ещё две встречи были посвящены решению других проблем. Самой большой её трудностью становилось то, как собеседники её воспринимали. Никто пока не видел в ней ту, кем она стала.

Прикрыв глаза, она пожелала

переместиться. А когда открыла их, оказалась в просторной комнате с тёмными углами и колоннами, возвышающимися подобно мощным башням. Сердце Тирской Твердыни.

В центре посреди леса колонн на полу сидели две Хранительницы Мудрости. Они были одеты в одинаковые светло-коричневые юбки и белые блузы, но их лица разительно отличались. Бэйр была покрыта старческими морщинами, как выставленный сохнуть на солнце кусок кожи. При всей её изредка проявляющейся суровости в уголках глаз и около рта пролегли морщинки от улыбок.

Лицо Эмис благодаря её

способности направлять было гладким, как шёлк. Оно не лишилось намёка на возраст, но выдавало не больше эмоций, чем лицо Айз Седай.

Обе были в шалях и с расшнурованными блузами. Эгвейн присела к ним, но осталась в платье мокроземцев. Эмис приподняла бровь. Может она ждала, что Эгвейн обязательно сменит одежду? Или оценила, что Эгвейн не хочет прикидываться тем, кем не является? Трудно сказать.

— Битва в Белой Башне закончилась, — произнесла Эгвейн.

— А женщина по имени Элайда а'Ройхан? — спросила Эмис.

— Взята в плен Шончан, —

ответила Эгвейн. — Её сторонники признали меня своей Амерлин. Моё положение далеко не так прочно, как хотелось бы. Порой мне кажется, будто я пытаюсь удержаться на вершине очень неустойчивой пирамиды из балансирующих друг на друге камней. Однако Белая Башня снова едина.

Эмис тихо прищёлкнула языком. Она подняла руку, и в ней появился полосатый палантин Амерлин.

— Тогда, полагаю, тебе нужно носить это.

Эгвейн тихонько выдохнула. Порой она сама удивлялась, как много значит для неё мнение этих женщин. Она приняла палантин и

накинула его на плечи.

— Сорилее эта новость не понравится, — протянула Бэйр, покачав головой. — Она всё ещё надеется, что ты бросишь этих глупышек в Белой Башне и вернёшься к нам.

— Пожалуйста, поаккуратнее со словами, — сказала Эгвейн, создав себе чашку чая. — Я не только одна из этих глупышек, друзья мои, я — их лидер. Можно сказать, королева дураков.

Бэйр помедлила.

— Я имею *тох*.

— Только не за высказанную правду, — заверила её Эгвейн. — Это так, многие из них глупы, но разве

все мы порой не ведём себя глупо? Найдя меня бродящей по *Тел'аран'риоду*, вы не бросили меня набивать свои шишки. Вот так и я не могу бросить Белую Башню.

Эмис прищурилась.

— Ты сильно повзрослела с нашей последней встречи, Эгвейн ал'Вир.

Эти слова вызвали у Эгвейн трепет.

— Я была вынуждена повзрослеть. В последнее время мне пришлось туго.

— Когда обваливается крыша, — произнесла Бэйр, — одни начинают расчищать завалы и становятся сильнее, а другие перебираются в

холд брата и пьют его воду.

— Давно ли вы видели Ранда? — спросила Эгвейн.

— *Кар'а'карн* обнял смерть, — ответила Эмис. — Он бросил попытки стать твёрдым как камень, взамен став сильным, словно ветер.

Бэйр кивнула:

— Мы почти решили, что уже можно не называть его мальчиком. — Она улыбнулась. — Почти.

Эгвейн была потрясена, но даже бровью не повела. Она-то думала, что Хранительницы Мудрости будут им недовольны.

— Мне бы хотелось уверить вас в своём глубоком почтении. Вы заслужили много чести за всё, что

для меня сделали. Думаю, что единственная причина, почему я вижу дальше своих сестёр, в том, что вы научили меня ходить с высоко поднятой головой, не сгибаясь.

— Это было просто, — ответила Эмис, явно польщённая похвалой. — Это должна уметь каждая женщина.

— Мало что может сравниться с удовольствием взять кем-то завязанный в узел шнур, — сказала Бэйр, — и развязать его, распрямить снова. Впрочем, если он плохого качества, то никаким распутыванием узлов его не спасёшь. Ты дала нам отличный материал, Эгвейн ал'Вир.

— Мне бы хотелось найти способ, — сказала Эгвейн, —

обучить обычаям Хранительниц Мудрости побольше сестёр.

— Можешь отправлять их к нам, — предложила Эмис. — Особенно если их нужно наказать. Мы не станем с ними нянчиться, как это делают в Белой Башне.

Эгвейн разозлилась. Выходит, что, избивая её, с ней «нянчились»? Но она не собиралась вступать в подобный спор. Айил всегда считали мокроземцев слишком мягкими, и это предубеждение не изменить.

— Сомневаюсь, что сёстры на это согласятся, — осторожно заметила Эгвейн. — Но если отправлять на занятия с вами девушек, которые ещё не получили

шаль, это может сработать. Отчасти именно поэтому моё обучение было столь успешным: тогда я ещё не утвердилась на пути Айз Седай.

— А они согласятся? — спросила Бэйр.

— Может быть, — ответила Эгвейн. — Если отправить Принятых. Полагаю, послушницы будут слишком неопытны, а сёстры — чересчур заносчивы. Вот Принятые... возможно. Хорошим доводом может оказаться польза для Белой Башни.

— Просто прикажи им, — предложила Бэйр, — и они подчинятся. Разве не у тебя среди них больше всего чести? Разве они не

должны прислушиваться к твоим наставлениям, если они мудры?

— Разве клан всегда поступает так, как требует вождь? — спросила Эгвейн.

— Конечно же нет, — ответила Эмис. — Но мокроземцы всегда раболепствуют перед своими королями и лордами. Похоже, им нравится, когда им указывают, что делать. Это позволяет им чувствовать себя в безопасности.

— Айз Седай не такие, — заявила Эгвейн.

— Айз Седай продолжают намекать, что мы должны учиться в Белой Башне, — откликнулась Эмис. По её тону было ясно, что она думает

об этой идее. — Они трещат, словно слепая птаха, неспособная отличить день от ночи. Им следует уразуметь, что мы никогда так не поступим. Скажи им, что посылаешь их учиться нашим обычаям для того, чтобы мы понимали друг друга. Это чистая правда, и незачем им знать, что ты надеешься сделать их сильнее за счёт полученного опыта.

— Это может сработать, — обрадовалась Эгвейн. Этот план должен был дать результат, лишь чуть отличающийся от того, что она желала достичь в итоге.

— Но это лучше обсудить на досуге, — заметила Бэйр. — Я чувствую, тебя беспокоит нечто

посерьёзнее, Эгвейн ал'Вир.

— Есть проблема и поважнее, — согласилась она. — Это Ранд ал'Тор. Он рассказал вам, о чём заявил в Белой Башне?

— Он сказал, что разозлил тебя, — ответила Эмис. — Мне его поступки кажутся странными: после всех своих жалоб на Айз Седай, заперевших его в ящик, он приходит к тебе!

— Когда он появился, он был... другим, — сказала Эгвейн.

— Он обнял смерть, — повторила Бэйр, кивая. — Он становится настоящим *Кар'а'карном*.

— Он говорил властно, — сказала Эгвейн, — но от его слов

веяло безумием. Он сказал, что собирается сломать печати на узилище Тёмного.

Эмис и Бэйр застыли.

— Ты в этом уверена? — спросила Бэйр.

— Да.

— Это очень тревожная весть, — признала Эмис. — Мы её с ним обсудим. Спасибо, что сообщила нам.

— Я соберу тех, кто будет возражать ему, — Эгвейн немного расслабилась. До этого момента она не была уверена, на чью сторону встанут Хранительницы Мудрости. — Возможно, Ранд прислушается к доводам, если их

поддержит достаточно голосов.

— Он не из тех, кто прославился готовностью выслушивать чужие доводы, — со вздохом произнесла Эмис, поднимаясь. Эгвейн с Бэйр поступили так же. Блузки женщин мгновенно оказались зашнурованы.

— Белой Башне давно пора прекратить игнорировать Хранительниц Мудрости, — сказала Эгвейн, — но и Хранительницам Мудрости не дело избегать Айз Седай. Мы должны работать вместе, как сёстры, взявшись за руки.

— Как только забудутся всякие глупости, напечённые солнцем, о необходимости обучения Хранительниц Мудрости в Башне, —

заметила Бэйр. Она улыбнулась, пытаясь превратить всё в шутку, но вместо улыбки вышел лишь оскал.

Эгвейн улыбнулась. Она действительно хотела, чтобы Хранительницы Мудрости обучались в Башне. Было множество способов направлять Силу, которые у Айз Седай выходили лучше, чем у Хранительниц Мудрости. С другой стороны, Хранительницы Мудрости лучше работали вместе, и, как с неохотой признавала Эгвейн, имели лучшие лидерские качества.

Обе группы могут многому научиться друг у друга, и она *найдёт* способ их соединить. Так или иначе.

Она тепло попрощалась с

Хранительницами Мудрости, наблюдая, как те покидают *Тел'аран'риод*. Ах, если б их совета было достаточно, чтобы отговорить Ранда от его безумного плана. Но это маловероятно.

Эгвейн вздохнула. Мгновение спустя она стояла в Зале Совета, прямо на нарисованном на полу Пламени Тар Валона. От неё к стенам куполообразного зала расходились семь разноцветных спиралей.

Найнив ещё не было. Эгвейн плотно сжала губы. «*Ох уж эта женщина!*» Эгвейн могла поставить Белую Башню на колени, переманить непреклонную Красную на свою

сторону, добиться уважения самых суровых Хранительниц Мудрости, но когда ей требовалась преданность собственных друзей... Да поможет ей Свет! Что Ранд, что Гавин, что Найнив — каждый по-своему бесил её.

Она сложила руки на груди и приготовилась ждать. Возможно, Найнив ещё появится. А если нет... Что ж, ей не впервой разочаровывать Эгвейн. Дальнюю стену зала позади Престола Амерлин почти целиком занимало огромное окно-розетка. Узор в виде пламени в его центре искрился, словно подсвеченный солнечными лучами, хотя Эгвейн точно знала, что всё небо Мира Снов

затянуто этими бурлящими чёрными тучами.

Она отвернулась от окна и застыла на месте, запоздало поняв, что в окне что-то было не так. Эгвейн опять посмотрела на него.

Там прямо под Пламенем Тар Валона был вставлен в стекло большой сегмент в форме Клыка Дракона. В настоящем окне этого куска не было. Эгвейн шагнула к нему, рассматривая витраж.

«Помимо Творца и Тёмного существует и третья сущность, — донёсся до неё из далекого прошлого дотошный голос Верин. — Существует мир, который располагается внутри и,

одновременно, в каждом из миров. Или, возможно, их окружает. Авторы Эпохи Легенд называли его Тел'аран'риод».

Неужели это окно — отражение одного из тех миров, где Дракон и Амерлин бок о бок управляют Тар Валоном?

— Какое примечательное окно, — прозвучал голос у неё за спиной.

Эгвейн вздрогнула, оборачиваясь. Там оказалась Найнив в ярко-жёлтом платье, отделанном зелёной каймой по высокому лифу и юбке. На её лоб была нанесена красная точка, а волосы заплетены в привычную косу.

Эгвейн почувствовала облегчение. «*Наконец-то!*» Прошло уже несколько месяцев, с тех пор как они виделись с Найнив. Внутренне злясь на то, что позволила застать себя врасплох, она приняла бесстрастный вид и, обняв Источник, направила поток Духа. Несколько инвертированных стражей помогут уберечься от новых сюрпризов. Илэйн должна была появиться чуть позже.

— Не я выбирала этот узор, — сказала Эгвейн, снова оглядываясь на розетку. — Таково толкование *Тел'аран'риода*.

— Но само окно существует на самом деле? — спросила Найнив.

— К сожалению, да, — ответила Эгвейн. — Это одна из пробоин, оставшихся после нападения Шончан.

— Они *нападали*? — переспросила Найнив.

— Да, — подтвердила Эгвейн. *«Если б ты хоть иногда отвечала на мои вызовы, то уже знала бы это!»*

Найнив скрестила на груди руки, и обе женщины уставились друг на друга через комнату, оставив пламя Тар Валона как барьер между собой. Нужно действовать очень осторожно. Найнив бывает колючей похуже терновника.

— Итак, — произнесла Найнив с заметной неловкостью в голосе, —

Насколько я знаю, у тебя много дел, и, Свет свидетель, у меня их тоже предостаточно. Выкладывай новости, которые, по-твоему, мне нужно знать, и я пойду.

— Найнив, — начала разговор Эгвейн, — я пригласила тебя сюда не только для того, чтобы сообщить новости.

Найнив ухватила за косу. Она знала, что заслужила упрёки за то, что избегала Эгвейн.

— На самом деле, — продолжила Эгвейн, — мне нужен твой совет.

Найнив моргнула.

— Какой совет?

— Знаешь, — пересекая картину

на полу, сказала Эгвейн, — ты одна из немногих, кто, на мой взгляд, уже побывал в ситуации, сходной с моей.

— На посту Амерлин? — прямо спросила Найнив.

— Лидера, — ответила Эгвейн, кивком приглашая Найнив следовать за собой, — который, по общему мнению, ещё слишком молод. Человека, которого внезапно повысили. Который знает, что способен справиться с задачей, но встречает лишь неприязнь со стороны большинства.

— Да, — согласилась Найнив, пристраиваясь к Эгвейн. Её взгляд затуманился. — Как ты верно заметила, мне кое-что известно о

подобной ситуации.

— И как ты с этим справилась? — спросила Эгвейн. — Такое впечатление, что всё надо делать самой, потому что стоит мне выйти за дверь, и обо мне забывают. Многие считают, что я отдаю приказы только ради создания иллюзии бурной деятельности, или возмущаются моим высоким положением.

— Как я справлялась с этим, когда была Мудрой? — переспросила Найнив. — Эгвейн, я даже не уверена, что *справлялась*. Чуть ли не каждый день мне приходилось сдерживать себя, чтобы не надрать Джону Тейну уши, не говоря уже о

Кенне!

— Но, в конце концов, они стали уважать тебя.

— Смысл был в том, чтобы не давать им забыть о моей роли. *Нельзя* было позволить им считать меня малышкой. Побыстрее прояви власть. Будь твёрже с женщинами, Эгвейн, потому что, прежде всего, они начнут прикидывать, как сильно они смогут на тебя надавить. И если ты хотя бы раз поддашься им хоть на ладонь, вернуть потерянное будет труднее, чем отодрать замёрзшую патоку.

— Ладно, — сказала Эгвейн.

— И *не давай* им напрасной работы, — продолжила Найнив. Вместе они вышли из Зала Башни и

направились по коридорам. — Пусть привыкают к твоим приказам, но эти приказы должны быть разумными. Убедись, что они не действуют в обход тебя. Полагаю, им проще обратиться к кому-то из Восседающих или глав Айя вместо того, чтобы идти к тебе — женщины в Эмондовом Лугу охотнее обращались к Кругу Женщин, а не ко мне.

— Если ты заметишь, что решения, которые должны рассматриваться на Совете, принимают Восседающие, то должна открыто этим возмутиться. Поверь мне. Они будут ворчать, что ты поднимаешь слишком много шума по

пустякам, но в следующий раз дважды подумают, приступать ли к важному делу без твоего ведома.

Эгвейн кивнула. Это был хороший совет, хотя, разумеется, он лишь отражал частное мнение Найнив.

— Думаю, самая большая проблема в том, — сказала Эгвейн, — что у меня так мало настоящих сторонников.

— У тебя есть я. И Илэйн.

— Правда? — спросила Эгвейн, остановившись посреди дороги и посмотрев на Найнив. — Вы правда у меня есть, Найнив?

Бывшая Мудрая встала рядом.

— Ну конечно! Не глупи.

— А как это выглядит, — спросила Эгвейн, — когда те, кто знает меня лучше остальных, меня и в грош не ставят? Не покажется ли другим, будто есть что-то, чего они не знают? Некие слабости, известные лишь мои друзьям?

Найнив замерла. Внезапно она прищурилась, подозрительность взяла верх над доверием:

— Тебе вовсе не нужен был мой совет, так ведь?

— Конечно, нужен, — ответила Эгвейн. — Только дурак не прислушивается к советам сторонников. Но как *ты* чувствовала себя в первые дни, едва став Мудрой? Когда все женщины, которых, по

идее, ты должна направлять, видели в тебе всего лишь знакомую девчонку?

— Ужасно, — тихо ответила Найнив.

— И ведь они были неправы?

— Да. Поскольку я стала чем-то большим. Исчезла я, возник мой новый статус.

Эгвейн встретила взглядом со старшей подругой, и между ними проскочила искра понимания.

— О, Свет, — произнесла Найнив. — Ты крепко меня поймала, так?

— Ты *нужна* мне, Найнив, — ответила Эгвейн. — И не только из-за твоих способностей в Единой

Силе, или твоего ума и решительности. И не потому, что ты не замешана в интригах Башни, или потому, что ты одна из немногих, кто знал Ранда задолго до того, как всё завертелось. А потому, что мне нужны те, кому я могу безоговорочно доверять. Если ты из таких.

— Ты хочешь, чтобы я опустилась на колени, — сказала Найнив, — и поцеловала твоё кольцо.

— И что? Разве ты не сделала бы это для другой Амерлин?

— Без удовольствия.

— Но сделала бы.

— Да.

— И ты уверена, что кто-то

справится с этой работой лучше меня?

Найнив помедлила, затем покачала головой.

— Тогда почему тебе так трудно служить Амерлин? Не *мне*, Найнив, а моему статусу.

Выражение лица Найнив стало таким, будто она выпила что-то очень горькое.

— Для меня это... нелегко.

— Никогда не считала тебя той, кто прячется от трудностей, Найнив.

— Статусу. Что ж, отлично. Я попробую.

— Тогда начни с того, что называй меня «Мать». — Эгвейн подняла палец, обрывая

возражения. — Как напоминание, Найнив. Нет нужды поступать так постоянно, по крайней мере, наедине. Но ты должна привыкнуть к *мысли*, что я — Амерлин.

— Ладно, ладно. Ты вонзила в меня достаточно шпилек. Я *уже* чувствую себя так, словно день напролёт пила настойку из корней овечьих язычков.

Она запнулась, затем добавила:
— Мать.

И едва не подавилась этим словом.

Эгвейн ободряюще улыбнулась.

— Я не стану подражать женщинам, не признававшим меня, когда я стала Мудрой, — пообещала

Найнив. — Свет! Странно чувствовать себя на их месте. Что ж, всё равно они были дурами. Вот увидишь, я справлюсь лучше. Мать.

На этот раз слово прозвучало чуть менее вымученно. Эгвейн улыбнулась шире. Один из лучших способ направлять Найнив — это соперничество.

Вдруг в голове Эгвейн раздался звон колокольчика. Она совсем забыла о стражах.

— Думаю, Илэйн прибыла.

— Хорошо, — облегчённо сказала Найнив. — Давай пойдём к ней. — Она направилась обратно к Залу Совета, но застыла на месте и оглянулась:

— Если пожелаешь, Мать.

«Интересно, сумеет ли она когда-нибудь справиться с неловкостью? — подумала Эгвейн. — По крайней мере, она старается».

— Отличное предложение. — Она присоединилась к Найнив. Но когда они вошли в Зал, тот был пуст. Эгвейн скрестила руки на груди, оглядываясь.

— Может, она отправилась нас искать? — предположила Найнив.

— Мы бы заметили её в коридоре, — возразила Эгвейн. — Кроме того...

В помещении появилась Илэйн. Она была в белом королевском

платье, сверкающем бриллиантами. Едва увидев Эгвейн, она широко улыбнулась, подскочила к ней и схватила за руки.

— Ты справилась, Эгвейн! Мы снова едины!

Эгвейн улыбнулась в ответ.

— Верно, хотя Башня всё ещё изранена. Предстоит много работы.

— Ты говоришь прямо как Найнив. — Илэйн, улыбаясь, взглянула на бывшую Мудрую.

— Ну, спасибо, — сухо произнесла та.

— Да ну, не будь букой. — Илэйн подошла к Найнив и обняла её. — Я так рада тебя видеть. Уже волновалась, что ты не появишься, и

Эгвейн придётся тебя выслеживать и выдергивать ногти по одному.

— У Амерлин, — сказала Найвив, — хватает и других, куда более важных забот. Не так ли, Мать?

Илэйн вздрогнула, изумлённая. В её глазах появилась искорка, и она постаралась скрыть улыбку. Видимо, она решила, что Найвив получила нагоняй. Но Эгвейн-то знала, что на Найвив это не сработает. Всё равно что пытаться выдернуть из-под кожи впившуюся колючку, шипы которой разошлись в разные стороны.

— Илэйн, — сказала Эгвейн. — Куда ты отходила, пока мы не вернулись?

— Что ты имеешь в виду? —

удивилась та.

— Нас не было, когда ты появилась здесь в первый раз. Ты ходила нас искать?

Илэйн выглядела озадаченной.

— Я начала направлять через свой *тер'ангриал*, потом заснула, и когда появилась, вы уже были здесь.

— Но кто же тогда потревожил стражей? — спросила Найнив.

Обеспокоенная, Эгвейн вновь установила стражей и, затем, хорошенько всё обдумав, свила инвертированного стража от подслушивания, но слегка изменила его, позволив части разговора проникать наружу. С помощью другого плетения она немного

усилила звук, дав ему возможность далеко распространяться по окрестностям.

Любой, кто окажется рядом, услышит отзвуки их шёпота. Он подойдёт ближе, но звук так и останется шёпотом. Возможно, это заставит его подкрадываться по чуть-чуть в надежде что-то разобрать.

Девушки наблюдали за её плетениями: Илэйн — с испугом, а Найнив — задумчиво кивая.

— Прошу, присаживайтесь, — предложила Эгвейн, создавая для себя кресло и сядя в него. — Нам нужно многое обсудить. — Илэйн, вероятно подсознательно, сделала для себя трон, а Найнив — копию

кресла Восседающей из Зала Совета. Кресло Эгвейн, разумеется, было Престолом Амерлин.

Найнив с явным неудовольствием перевела взгляд с одного трона на другой. Может, именно поэтому она так сопротивлялась этим встречам: подруги взлетели слишком высоко.

Самое время подсластить пилюлю:

— Найнив, — сказала Эгвейн. — Было бы здорово, если бы ты могла вернуться в Башню и научить как можно больше сестёр твоему новому методу Исцеления. Его многие изучают, но ты могла бы дать больше пояснений. А есть и

такие, кто не хочет отказываться от старого способа.

— Упрямые козы, — сказала Найив. — Можешь подсовывать им прямо под нос вишни, но они всё равно будут есть привычные гнилые яблоки. Тем не менее, я не уверена, благоразумно ли будет мне появляться. Э... Мать.

— Почему?

— Из-за Ранда, — ответила Найив. — *Кто-то* должен за ним присматривать. По крайней мере, кто-то ещё, помимо Кадсуане. — При звуках имени этой женщины её губы скривились. — В последнее время он изменился.

— Изменился? — спросила

Илэйн озабоченно. — Что ты хочешь этим сказать?

— Ты с ним в последнее время виделась? — спросила Эгвейн.

— Нет, — мгновенно ответила Илэйн. Чересчур быстро. Но, несомненно, это было правдой. Илэйн не стала бы ей лгать, но она *скрывала* о Ранде нечто важное. Эгвейн уже какое-то время подозревала это. Уж не связала ли она его узами?

— Он *изменился*, — повторила Найнив. — И это очень хорошо. Мать... Ты не представляешь, насколько пугающе он менялся раньше. Порой мне даже было страшно. А теперь... всё прошло. Он

стал прежним, даже говорит так же: спокойно, без гнева. Но раньше это было похоже на шорох извлекаемого кинжала, а теперь — на тихое дуновение ветра.

— Он проснулся, — внезапно встала Илэйн. — Теперь он тёплый.

Эгвейн нахмурилась.

— Что это значит?

— Я... вообще-то, понятия не имею. — Илэйн покраснела. — Это само вырвалось. Простите.

Точно, она его связала. Что ж, это может быть полезно. Почему же она не захотела об этом рассказывать? Придётся поговорить с ней наедине.

Найнив, прищурившись, изучающе смотрела на Илэйн. Значит, она тоже заметила? Её взгляд метнулся на грудь Илэйн, затем на её живот.

— Ты беременна! — указывая на Илэйн, внезапно заявила Найнив.

Королева Андора покраснела. Верно, Найнив же не знала о беременности, а вот Эгвейн получила сообщение от Авиенды.

— *Свет!* — воскликнула Найнив. — Я не думала, что упустила Ранда из виду так надолго. Когда это случилось?

Илэйн покраснела:

— Никто не утверждает, что он...

Найнив молча посмотрела на неё, и королева покраснела ещё больше. Обе знали отношение Найнив к подобным вопросам, и, сказать по правде, Эгвейн была с ней полностью согласна. Но личная жизнь Илэйн её не касалась.

— Илэйн, я за тебя рада, — сказала Эгвейн. — И за Ранда тоже. Но не уверена в правильности выбранного момента. Вам нужно знать, что Ранд собирается сломать оставшиеся печати на узилище Тёмного, и, тем самым, рискует выпустить его в мир.

Илэйн сжала губы:

— Их и так осталось всего три, и они уже рушатся.

— И чем он рискует? — спросила Найнив — Тёмный так и так освободится, когда рухнет последняя. Куда лучше, если это произойдёт в тот момент, когда Ранд будет готов к битве с ним.

— Да, но это же печати? Этот план слишком безрассуден. Уверена, Ранд может победить Тёмного и запечатать его снова без подобного риска.

— Возможно, ты права, — сказала Найнив.

Илэйн выглядела обеспокоенной.

Не на такую вялую реакцию рассчитывала Эгвейн. Она думала, что Хранительницы Мудрости будут

ей сопротивляться, а Найнив с Илэйн немедленно разглядят опасность.

«Найнив слишком долго была с ним рядом», — подумала Эгвейн. Похоже, она поддалась его *та'веренской* натуре. Вокруг него свивается Узор. Находящиеся рядом с ним начинают видеть вещи его глазами и подсознательно исполняют его волю.

Вот оно — объяснение. Обычно Найнив в подобных вопросах ведёт себя более здраво. Или... ну ладно, на самом деле как раз здравомыслящей Найнив и не была. Но обычно она понимала, как всё должно быть, по крайней мере, пока это не касалось её собственных

ошибок.

— Мне нужно, чтобы вы обе вернулись в Башню, — сказала Эгвейн. — Илэйн, я знаю, что ты хочешь возразить и да, я понимаю, что ты королева и должна решать проблемы Андора. Но пока ты не принесла клятвы, прочие Айз Седай не будут считать тебя сестрой.

— Она права, Илэйн, — сказала Найнив. — Нет необходимости задерживаться в Башне надолго. Официально получишь звание Айз Седай и будешь принята в Зелёную Айя. Дворяне Андора разницы не поймут, в отличие от Айз Седай.

— Это верно, — согласилась Илэйн. — Но момент... неловкий. Я

не знаю, стоит ли мне рисковать и приносить клятвы во время беременности. Это может навредить детям.

Это заставило Найнив задуматься.

— Возможно, ты права, — сказала Эгвейн. — Я дам указание кому-нибудь изучить, опасны ли клятвы в период беременности. Но ты, Найнив, уж точно должна вернуться.

— Тогда Ранд останется без присмотра, Мать.

— Боюсь, этого не избежать. — Эгвейн встретила взглядом с Найнив. — Я не потерплю, чтобы ты оставалась Айз Седай, свободной от

клятв. Нет, помолчи. Я знаю, что ты стараешься их придерживаться. Но пока ты свободна от Клятвенного Жезла, другие будут задаваться вопросом, нельзя ли им тоже освободиться.

— Да, — сказала Найнив. — Я понимаю.

— Значит, ты вернёшься?

Найнив сжала зубы, и, казалось, в её душе шла невидимая борьба.

— Да, Мать, — ответила она. Илэйн вытаращилась от удивления.

— Вот что важно, Найнив, — сказала Эгвейн. — Сомневаюсь, что теперь ты в одиночку сможешь остановить Ранда. Мы должны собрать союзников и объединить

усилия.

— Ладно, — согласилась Найнив.

— Но меня больше волнует испытание, — продолжала Эгвейн. — Восседающие начинают утверждать, что — несмотря на то, что было правильно возвысить вас и других сестёр, когда мы были в изгнании — теперь, когда Белая Башня снова едина, вам всё равно необходимо пройти испытание на шаль. Они приводят очень веские доводы. Возможно, мне удастся убедить их в том, что вы преодолели не менее трудные испытания и заслужили право на исключение. У нас нет времени учить вас обеих

всем необходимым плетениям.

Илэйн кивнула, а Найнив пожала плечами:

— Я пройду испытание. Если я всё равно собираюсь вернуться, то могу сделать всё по правилам.

Эгвейн удивленно моргнула.

— Найнив, это *крайне* сложные плетения. У меня не было времени запоминать их все, и клянусь, что со многими перемудрили просто ради усложнения. — У Эгвейн не было ни малейшего желания проходить испытание самой, да она в нём и не нуждалась. Закон Башни однозначно утверждал: став Амерлин, она стала Айз Седай. В отношении тех, кого возвысила Эгвейн — включая

Найнив — всё было не так просто.

Найнив снова пожала плечами.

— Выучить сотню плетений для испытания на шаль не так уж сложно. Если хочешь, я могу показать их тебе прямо сейчас.

— Когда ты успела научиться? — воскликнула Илэйн.

— Последние пару месяцев я не была баклуши в глупых мечтах о Ранде ал'Торе.

— Обретение трона Андора — не битьё баклуш!

— Найнив, — вмешалась Эгвейн, — если ты знаешь плетения, то, будучи возвышена должным образом, очень мне поможешь. Никто не посмеет намекнуть, что я

покровительствую своим друзьям.

— Считается, что испытание на шаль опасно, — сказала Илэйн. — Ты уверена, что справишься с плетениями?

— Справлюсь, — ответила Найнив.

— Прекрасно, — подытожила Эгвейн. — Значит, жду тебя здесь завтра утром.

— Так скоро! — ошеломленно выпалила Найнив.

— Чем быстрее ты возьмёшь в руки Клятвенный Жезл, тем раньше я перестану о тебе беспокоиться. Илэйн, нам ещё нужно решить, что делать с тобой.

— Беременность мешает мне

направлять, — ответила Илэйн. — Стало получше, и я смогла, к счастью, попасть сюда, но это остаётся проблемой. Объясни Совету, что для меня и моих малышей будет слишком опасно подвергнуться испытанию в период, когда я не способна нормально направлять.

— Они могут предложить подождать, — сказала Найнив.

— И позволить мне остаться без клятв? — спросила Илэйн. — Однако, мне *хотелось* бы знать точно, приносил ли кто-либо прежде клятвы во время беременности.

— Я выясню всё, что смогу, — пообещала Эгвейн. — А пока у меня есть для тебя другое поручение.

— Я действительно очень занята управлением Андором, Мать.

— Я знаю, — согласилась Эгвейн. — К сожалению, больше обратиться не к кому. Мне необходимо больше *тер'ангриалов* для хождения по снам.

— Я, наверное, справлюсь с этим, — ответила Илэйн. — Если смогу направлять более уверенно.

— А что с теми, которые у вас были? — спросила Найнив у Эгвейн.

— Украдены Шириам, — ответила Эгвейн. — Она, между прочим, была из Чёрной Айя.

Обе охнули от удивления, и Эгвейн поняла, что им до сих пор неизвестно об охоте на Чёрных

сестёр. Она тяжело вздохнула.

— Крепитесь, — сказала она. —

У меня есть для вас печальные известия. Незадолго до нападения Шончан, Верин появилась в...

В этот момент в её голове вновь прозвенел колокольчик. Усилием мысли Эгвейн заставила себя переместиться. Комната вокруг замерцала, и внезапно она оказалась во внешнем коридоре, где были расставлены её стражи.

Она столкнулась лицом к лицу с Талвой, худой женщиной с пучком золотистых волос. Когда-то она была в Жёлтой Айя, но оказалась одной из Чёрных сестёр, бежавших из Башни.

От Талвы метнулись потоки

Огня, но у Эгвейн уже был наготове щит. Она ударила им между противницей и Источником, одновременно сплетая потоки Воздуха, чтобы её связать.

Позади слышался какой-то звук. Эгвейн не раздумывала. Она мгновенно переместилась, полагаясь на своё знание *Тел'аран'риода*. И оказалась позади женщины, которая как раз выпускала струю Огня. Это была Алвиарин.

Эгвейн зарычала, принимаясь за другой щит, в тот же миг плетения Алвиарин попали в несчастную Талву, сжигая её плоть. Женщина закричала. Алвиарин развернулась и, взвизгнув, исчезла.

«Чтоб ей сгореть!» — подумала Эгвейн. Алвиарин была одной из тех, кого ей больше всего хотелось схватить. В коридоре стало тихо. Почерневший и дымящийся труп Талвы осел на пол. Больше она не проснётся. Умерев здесь, она умерла и в мире яви.

Эгвейн задрожала. Это смертельное плетение предназначалось для неё. *«Я слишком полагаюсь на способность направлять, — подумала она. — Мысль срабатывает куда быстрее, чем плетение. Мне следовало вообразить Алвиарин связанной».*

Нет, всё равно Алвиарин могла бы выскочить из пут. Эгвейн

размышляла не как Сновидица. В последнее время её мысли были заняты Айз Седай и их проблемами, поэтому плетения сами собой стали для неё естественными. Но нельзя позволять себе забыть, что в этом месте мысль могущественнее Единой Силы.

Эгвейн увидела стрелой вылетевшую из Зала Совета Найнив и осторожно появившуюся следом Илэйн.

— Я почувствовала, как направляют, — объяснила Найнив, и тут она увидела обугленный труп:

— О, Свет!

— Чёрные сёстры, — пояснила Эгвейн, скрестив руки на груди. —

Кажется, они успешно используют наши *тер'ангриалы*. Полагаю, им приказали по ночам рыскать по Белой Башне. Может, в поисках нас, а может, в поисках информации, которую можно использовать против нас. — Во время правления Элайды Эгвейн и остальные делали то же самое.

— Нам не следовало здесь встречаться, — сказала Найнив. — В следующий раз используем другое место. — Она замялась. — Если это вас устроит, Мать.

— Может да, — сказала Эгвейн. — А может, и нет. Нам никогда не победить, если мы их не отыщем.

— Но лезть в расставленную ловушку, Мать, не самый лучший способ победить, — спокойно заметила Найнив.

— Зависит от подготовки, — ответила Эгвейн. Она нахмурилась. Не клочок ли чёрной материи, скрывшийся за углом, она только что заметила? Эгвейн оказалась там через мгновение, за спиной удивлённо разразилась проклятьями Илэйн. Что за манеры у этой женщины?

Пусто. Странно и слишком тихо. Хотя в *Тел'аран'риоде* это было нормально.

Не отпуская наполнявшую её Единую Силу, Эгвейн направилась

обратно к подругам. Она очистила Белую Башню, но порча, скрытая в её сердце, осталась.

«*Я найду тебя, Месана*», — подумала Эгвейн, махнув остальным, чтобы те присоединялись. Они переместились в холмы, посещённые ею ранее; здесь она сможет подробнее рассказать о пропущенных ими событиях.

Глава 15

ОБОЙТИСЬ КАМЕШКОМ

Найнив торопливо шагала по мощёным улицам Тира в сопровождении Аша'мана Нэффа. Она всё ещё чувствовала ту бурю на севере — далёкую, но ужасную, неестественную — которая двигалась на юг. Лан был где-то там, на севере.

— Храни его Свет, — прошептала она.

— Что это было, Найнив Седай? — спросил Нэфф.

— Ничего, — Найнив привыкала к тому, что её окружают мужчины в чёрных мундирах, и *не* чувствовала неприятного озноба при взгляде на Нэффа. Это было бы глупо. *Саидин* была очищена, причём при её непосредственном участии. Нет причин для беспокойства. Даже если Аша'маны *и впрямь* иногда таращились в пространство, бормоча что-то себе под нос. Или как Нэфф — тот держался за меч, вглядываясь в тени близлежащих зданий.

— Осторожнее, Найнив Седай, — сказал он. — Нас преследует ещё один Мурддраал.

— Ты... уверен, Нэфф?

Высокий мужчина с квадратным

лицом кивнул. У него был талант к плетениям — особенно в работе с Воздухом, что было необычно для мужчин — и, в отличие от некоторых других Аша'манов, он был очень вежлив с Айз Седай.

— Да, уверен, — ответил он. — Не знаю, почему я могу их видеть, а другие нет. Должно быть, у меня Талант к этому. Думаю, они прячутся в тенях и вынюхивают, но пока не нападают. Видимо, осторожничают, зная, что я их вижу.

Ночи напролёт он бродил по Тирской Твердыне в поисках Мурддраалов, которых мог видеть только он. Хоть его сумасшествие и не развивалось, но и старые раны не

исчезли. Он всегда будет носить этот шрам, бедняга. По крайней мере, он не настолько плох, как некоторые другие.

Найнив шла по широкой мощёной улице, глядя прямо перед собой, мимо характерных для Тира домов, возведенных в совершенно не связанных между собой стилях. Массивное здание с двумя маленькими башенками и бронзовой дверью, похожей на ворота, располагалось рядом со скромной таверной. Напротив, стиснув с боков мясную лавку, выстроился ряд жилых домов с коваными украшениями на дверях и окнах.

Найнив с Нэффом шли к

Летнему кварталу, что располагался сразу за западной стеной. Этот район Тира был не самым богатым, но определённо зажиточным. Конечно, жители Тира делились *только* по одному принципу: на простолюдинов и знать. Многие дворяне до сих пор считали простых людей низшими созданиями, не имеющими с ними самими ничего общего.

По пути им с Аша'маном повстречалось несколько горожан. Мужчины носили свободные штаны, стянутые у лодыжек, и цветные пояса. Женщины — платья с высоким воротом и светлые фартуки. Очень распространены были соломенные шляпы с плоским

верхом или тряпичные шапки, сдвинутые на одну сторону. У многих с плеча свисали на верёвке колодки, которые они собирались использовать, вернувшись в Мауле.

Прохожие выглядели обеспокоенными; некоторые боязливо оглядывались. В этом месте по городу ударил пузырь зла. Хвала Свету, пострадали немногие — у Найнив было не так уж много времени. Она должна была вернуться в Белую Башню. Её раздражала необходимость подчиниться Эгвейн. Но она это сделает. И покинет Тир, как только вернётся Ранд. Этим утром он снова куда-то запропастился. Несносный мужчина.

По крайней мере, он взял с собой Дев. Говорят, он сообщил, что ему нужно что-то принести.

Найнив ускорила шаг, Нэфф не отставал — они уже почти бежали. Быстрее было бы пройти через Врата, но существовала опасность кого-нибудь при этом покалечить. *«Мы начинаем слишком полагаться на Врата, — подумала она. — Пользоваться своими ногами нам уже не нравится».*

Они свернули за угол на улицу, где в оцеплении стояли нервные Защитники в серебристых нагрудниках и чёрных куртках с раздувающимися по сторонам чёрно-золотыми рукавами. Они

расступились перед ней и Нэффом, и по-прежнему нервно сжимали свои алебарды, хотя с её приходом немного успокоились.

Лежащий перед ними город выглядел чуть более... бесцветным, чем должен был. Словно полинявшим. Камни мостовой были более светлого оттенка серого, стены зданий — более тусклых коричневых или серых тонов, чем раньше.

— Кто-нибудь отправился на поиски раненых внутрь зданий? — спросила Найнив.

Один из Защитников покачал головой:

— Мы не пускали сюда людей, э... леди Айз Седай. Это

небезопасно.

Большинство тайренцев ещё не привыкли выказывать Айз Седай уважение. До недавних пор в этом городе направлять Силу было запрещено законом.

— Отправьте людей на поиски, — строго приказала Найнив. — Лорду Дракону не понравится, если ваша нерешительность будет стоять кому-то жизни. Начните от края этой области. Пришлите за мной, если кому-нибудь потребуется моя помощь.

Стражники ушли. Найнив взглянула на Нэффа, и тот кивнул. Она повернулась и шагнула в

изменившуюся часть города. Когда её туфля коснулась камня мостовой, он рассыпался в пыль. Её ступня утонула в раскрошенном камне и коснулась твёрдой земли.

Почувствовав озноб, она глянула вниз. Найнив шла вперёд, а булыжники от её прикосновения превращались в прах. Оставляя позади тропинку из рассыпавшихся камней, они с Нэффом подошли к ближайшему зданию.

Это оказалась таверна с симпатичными балкончиками на втором этаже, изысканными коваными решётками в остеклённых окнах и сильно потемневшим крыльцом. Дверь была открыта, и,

едва Найнив поставила ногу на низкое крылечко, доски также рассыпались. Она застыла, глядя вниз. Нэфф остановился позади и, опустившись на колено, взял щепотку этой пыли.

— Мягкий, — произнёс он тихо, — самый мелкий порошок, который мне доводилось трогать.

Странно контрастируя с тихими улицами, в воздухе витал запах неестественной свежести. Найнив глубоко вздохнула и вошла в таверну. Ей пришлось проталкиваться вперёд: деревянный пол находился на уровне её колен, а доски так же рассыпались от малейшего прикосновения.

Внутри царил полумрак.

Светильники не горели. В зале повсюду сидели люди, застывшие в разных позах. Большинство были хорошо одетыми дворянами. У мужчин были напояженные заострённые бородки. Один из них сидел за барной стойкой с длинноногими стульями. Кружка с утренним элем застыла на полпути к его губам. Рот застывшего мужчины был приоткрыт в предвкушении напитка.

Лицо Нэффа было мрачным, несмотря на то, что Аша'манов было трудно удивить или выбить из колеи. Едва он шагнул вперёд, Найнив бросилась к нему и схватила за руку. Он неодобрительно покосился на

женщину, а она взглядом указала вниз: прямо перед ним, едва заметный под всё ещё целыми досками пола, темнел провал. Нэфф едва не свалился в подвал таверны.

— Свет! — сказал Нэфф, отступая. Он опустился на колени и тронул доску перед собой. Она рассыпалась в прах, открывая тёмный погреб внизу.

Найнив сплела Дух, Воздух и Огонь для Искательства, желая обследовать сидящего перед ней на стуле мужчину. Обычно она дотрагивалась до обследуемого, но сейчас она медлила. Это плетение сработает и без прикосновения, но от него не будет пользы для Исцеления.

Искательство не обнаружило ничего. Ни жизни, ни ощущения, что он когда-либо *жил*. Его тело даже не было плотью. В отчаянии она Исследовала других людей в тёмной комнате. Служанку, несущую завтрак трём андорским купцам. Тучного трактирщика, которому, наверное, было нелегко пробираться между тесно стоящими столами. Женщину в богатом платье, сидящую в самой глубине комнаты и чопорно читающую маленькую книгу.

Ни в одном из них не было жизни. Даже не трупы — оболочки. Найтив подошла поближе и дрожащими пальцами коснулась плеча мужчины за стойкой. Он

моментально рассыпался в прах, который облаком опустился вниз. Кресло и доски пола под ним остались целы.

— Спасать некого, — констатировала Найнив.

— Бедные люди, — произнёс Нэфф. — Защити Свет их души.

Найнив, как правило, не очень-то жалела тайренских дворян — высокомернее них она никого не встречала. Но такой участи не заслуживал никто. Кроме того, в пузырь попало и немало простых горожан.

Они с Нэффом вышли из здания. Найнив дёрнула себя за косу. С каждым рывком разочарование

росло. Нет ничего хуже, чем чувствовать себя беспомощной. Так было с бедным стражником, что загорелся внутри дома в Арад Домане, и с людьми, поражёнными странными болезнями. И вот сегодня — тленные оболочки вместо живых людей. Какой смысл учиться Исцелению, если ничем нельзя помочь?

А теперь ей нужно уйти. Вернуться в Белую Башню. Это слишком похоже на бегство. Она повернулась к Нэффу:

— Ветер.

— Найнив Седай?

— Направь на здание порыв ветра, — сказала она. — Я хочу

посмотреть, что будет.

Аша'ман выполнил её просьбу; невидимые потоки создали струю воздуха. Всё здание разрушилось и рассыпалось в пыль, которая развеялась на ветру, словно белые семена одуванчика. Нэфф повернулся к ней.

— Что говорят о размерах этого пузыря? — спросила Найнив.

— Около двух улиц во всех направлениях.

— Нам нужен ветер посильнее, — сказала она, начиная сплетать потоки. — Создай самый мощный вихрь, какой только сможешь. Так мы найдём раненых, если они там *есть*.

Нэфф кивнул. Поднимая ветер, они двинулись вперёд, и принялись разносить в пыль ближайшие дома. Нэфф был искуснее в плетении, но Найнив была сильнее. Вдвоём они разметали перед собой в пыльные вихри и рассыпающиеся здания, и камни, и пустые оболочки, когда-то бывшие людьми.

Это была изнурительная работа, но они не останавливались. Вопреки очевидному, Найнив надеялась, что сможет найти кого-то, кому ещё можно помочь. Здания перед ней и Нэффом рассыпались пылью одно за другим и взметались в вихре. Они сгоняли пыль внутрь по кругу, словно уборщица, подметающая пол.

Они смели застывших посреди улиц прохожих, упряжку волов, тянувших телегу. И, с болью в сердце, игравших в переулке детей. Всё превратилось в пыль.

Живых они не нашли. В конце концов, вдвоём с Нэффом они распылили всю разрушенную часть города и собрали прах в центре. Найнив смотрела, как он вращается в маленьком созданном Нэффом вихре. Из чистого любопытства Найнив направила на смерч струйку Огня, и пыль вспыхнула.

От удивления Найнив разинула рот. Вся пыль исчезла в ревущем вихре пламени, подобно брошенному в огонь листу сухой бумаги. Они с

Нэффом попятились, но всё закончилось в мгновение ока. На прежнем месте не осталось даже пепла.

«Если б мы не собрали всё это, — подумала Найнив, глядя на потухший огонь, — кто-то мог бы уронить свечу. А такой пожар...»

Нэфф усмирил свой ветер. Они стояли в центре круглого голого поля. Тут и там виднелись ямы подвалов. На границах площадки торчали словно ножом разрезанные здания, зияли открытые улице комнаты, а часть сооружений обвалились. Эта пустота выглядела зловещей. Словно зияющая глазница на здоровом лице.

По периметру стояло несколько

групп Защитников. Найнив кивнула Нэффу, и они подошли к той, что побольше.

— Никого не нашли? — требовательно спросила она.

— Нет, леди Айз Седай, — ответил мужчина. — Э... вернее, мы нашли несколько человек, но они были уже мертвы.

Другой, толстый, как бочка, мужчина в облегающей форме, добавил:

— Похоже, каждый, кто хоть кончиком пальца попал внутрь этого круга, пал замертво. Мы нашли несколько тел без стопы или куска руки. Но они всё равно были мертвы.

Мужчина заметно дрожал.

Найнив зажмурилась. Весь мир распадался, а она была бессильна это Исцелить. Она чувствовала головокружение и злость.

— Может быть, это наделали *они*? — тихо спросил Нэфф. Она открыла глаза и увидела, как он вглядывается в тени у ближайших зданий. — Исчезающие. Там трое, Найнив Седай, и они смотрят на нас.

— Нэфф... — расстроено вздохнула она. Бесполезно говорить ему, что Исчезающих здесь нет. «*Я должна что-то сделать,* — подумала она, — *помочь хоть кому-то*».

— Нэфф, стой спокойно, — она взяла его за руку и исследовала

Искательством. Он удивлённо взглянул на неё, но возражать не стал.

Найнив увидела безумие — тёмные нити, паутиной охватившие мозг. Сеть как бы пульсировала, словно маленькое бьющееся сердце. Недавно она обнаружила подобный недуг у других Аша'манов. Её навыки в Искательстве росли, и Найнив находила новые, ранее скрытые от неё детали. Однако она не имела ни малейшего понятия, как подобное вылечить.

«Всё можно Исцелить, — сказала она себе. — Всё, кроме смерти». Она сосредоточилась, сплетая пять Сил, и осторожно

тронула паутину безумия, вспоминая, что случилось, когда она сняла Принуждение с несчастного слуги Грендаль. Лучше оставить разум Нэффа с этим безумием, чем ещё сильнее его повредить.

Странно, однако темнота *и впрямь* была похожа на Принуждение. Значит, порча делала именно это? Накладывала на использующих Единую Силу мужчин Принуждение самого Тёмного?

Найнив осторожно сплела контрпоток, повторяющий паутину безумия, затем наложила его на разум Нэффа. Плетение просто распалось без малейшего эффекта.

Она стиснула зубы. Это *должно*

было сработать. Но, как часто случалось в последнее время, от него не было толку.

«Нет, — подумала Найнив. — Я не могу просто отступить». Она запустила Искательство глубже. У тьмы были крохотные, похожие на шипы выступы, впившиеся в мозг Нэффа. Не обращая внимания на собравшихся вокруг людей, она исследовала эти шипы. С помощью потока Духа она осторожно вытянула один шип.

Тот вышел с небольшим сопротивлением, и Найнив быстро Исцелила след, оставленный шипом в мозгу Нэффа. Мозг запульсировал и приобрёл более здоровый вид. Один

за другим она вынула остальные шипы. Она была вынуждена поддерживать плетения, фиксируя колючки, чтобы те заново не вонзились в мозг. Найнив вспотела, поскольку устала ещё при расчистке района, и теперь не могла сконцентрироваться и не замечать жару. В Тире было так душно.

Она продолжила работу, приготовив ещё одно контрплетение. Как только Найнив вынула последний шип, она наложила своё новое плетение. Тёмное пятно заколебалось и задрожало, словно *живое*.

Потом исчезло.

Выжатая как лимон, Найнив

отступила назад. Нэфф моргнул и, оглядевшись, поднёс руку к голове.

«Свет! — подумала Найнив. — Я навредила ему? Мне не следовало хвататься за дело, очертя голову. Я могла...»

— Они пропали, — сказал Нэфф. — Исчезающие... Я больше их не вижу, — он моргнул. — Да и с чего бы им там прятаться? Если бы я их увидел, они бы меня убили и... — сосредоточившись, он посмотрел на неё. — Что ты сделала?

— Я... Думаю, я только что Исцелила твоё безумие.

Что ж, она, во всяком случае, сделала нечто подобное. Это не было обычным Исцелением и даже не

требовало характерных для
Исцеления потоков. Но, по-
видимому, сработало.

Казавшийся смущённым Нэфф широко улыбнулся. Он взял её руку в свои ладони и, со слезами на глазах, опустился на колени.

— Многие месяцы мне казалось, что за мной постоянно следят. Что, повернувшись спиной к теньям, я немедленно погибну. А теперь я... *Спасибо*. Я должен найти Нелавейр.

— Тогда ступай, — сказала Найнив. Нэфф оставил её в мгновение ока, помчавшись в Твердыню Тира на поиски своей Айз Седай.

«Нельзя сдаваться и начинать думать, что мои усилия тщетны. Именно этого добивается Тёмный». Глядя вслед убегающему Нэффу, она заметила, что тучи рассеялись. Ранд вернулся.

Рабочие занялись уборкой обломков зданий, наполовину обращённых в пыль, и Найнив прекратила успокаивать взволнованных тайренцев, собравшихся вокруг. Желая избежать паники, она объяснила, что опасность миновала, и попросила встречи с семьями погибших.

Когда её обнаружил Ранд, она всё ещё мягко беседовала со стройной обеспокоенной женщиной.

Та была простолюдинкой, одетой в платье с высоким воротом, три фартука и соломенную шляпу. Её муж работал в той самой таверне, куда заходила Найнив. Женщина то и дело бросала взгляды на дыру в земле, где раньше был подвал.

Через мгновение Найнив заметила наблюдавшего за нею Ранда, который стоял, заложив руки за спину и обхватив ладонью культю. Его охраняли две Девы — Сомма и Канара. Найнив закончила разговор, но полные слёз глаза женщины рвали ей сердце. Что было бы с ней, потеряй она Лана?

Ранд подошёл.

— Ты заботишься о моих людях.

Спасибо.

— Я забочусь обо всех нуждающихся. — ответила Найнив.

— Как и всегда, — заметил Ранд. — Заодно и о тех, кому это не нужно.

— Вроде тебя? — спросила она, подняв бровь.

— Нет, как раз мне это всегда было нужно. И раньше, и теперь.

Найнив помедлила. Она никак не ожидала, что *он* это признает. Почему он не избавится от этого старого плаща — блёклого и выцветшего?

— Это моя вина, — сказал Ранд, кивнув в сторону возникшей дыры в городе.

— Ранд, не будь дураком.

— Не знаю, бывает ли так, что кого-нибудь, в виде исключения минует участь оказаться дураком, — ответил он. — Я упрекаю себя за задержки. Мы с ним слишком долго откладывали противостояние. Что здесь сегодня случилось? Здания обратились в пыль?

— Да, — сказала Найнив. — Материя изменилась. Всё разрушалось от малейшего прикосновения.

— Он сделает подобное со всем миром, — произнёс Ранд чуть громче. — Он шевелится. Чем дольше мы ждём, цепляясь ногтями за сохранившееся, тем больше он

разрушает мир. Откладывать дальше некуда.

Найнив нахмурилась.

— Но, Ранд, если ты его освободишь, не станет ли ещё хуже?

— На какое-то время, возможно, — ответил Ранд. — Открытие Скважины не освободит его немедленно, хотя и усилит. И всё же, это необходимо сделать. Подумай о нашей задаче, как о преодолении высокой стены. Вместо того чтобы карабкаться вверх, мы, к сожалению, медлим и бегаем по кругу. С каждым шагом мы слабеем перед грядущей битвой, и нужно сразиться с ним, пока мы полны сил. Вот почему я должен сломать печати.

— Я... — сказала Найнив. —
Думаю, я верю тебе.

Она поняла это с удивлением.

— Веришь, Найнив? — спросил
он со странной ноткой облегчения в
голосе. — В самом деле?

— Да.

— Тогда попробуй убедить
Эгвейн. Она остановит меня, если
сможет.

— Ранд... она зовёт меня в
Башню. Мне придётся сегодня уйти.

Ранд опечалился.

— Что ж, я подозревал, что рано
или поздно она так и сделает, — он
неловко обнял Найнив за плечи. —
Не позволяй им сломать тебя,
Найнив. Они попытаются.

— *Сломать* меня?

— Твоя страстность — часть тебя, — сказал Ранд. — Я пытался подражать им, сам того не признавая. Быть холодным, всегда собранным. Это едва меня не уничтожило. Кого-то подобное делает сильнее, но это *не* единственный способ обрести силу. Возможно, ты сможешь научиться чуть больше себя контролировать, но мне ты нравишься такой, какая есть — настоящей. Мне бы не хотелось видеть тебя ещё одной «совершенной» Айз Седай с маской на лице, безразличной к чувствам и эмоциям окружающих.

— Но быть Айз Седай означает

сохранять спокойствие, — возразила Найнив.

— Быть Айз Седай означает быть такой, какой ты решишь сама, — ответил Ранд, всё ещё пряча культю за спиной. — Морейн не была безразличной. Это было заметно, даже когда она сохраняла невозмутимость. Лучшие из знакомых мне Айз Седай — те, о ком говорили, что Айз Седай не должны быть такими.

Найнив обнаружила, что кивает, и разозлилась на себя. Ей только что дал совет Ранд ал'Тор?

Что-то с Рандом было не так. Спокойная сила и осторожные слова. От такого человека можно выслушать

совет, не чувствуя, что он говорит свысока. Впрочем, как и от его отца. Но она ни за что не признается в этом ни тому, ни другому.

— Ступай к Эгвейн, — сказал Ранд, отпуская её плечо. — Но мне очень бы хотелось, чтобы при первой же возможности ты вернулась ко мне. Мне снова понадобятся твои советы. В крайнем случае, мне бы хотелось, чтобы ты была рядом, когда я отправлюсь к Шайол Гул. Мне не победить его только при помощи *саидин*, и, если мы собираемся использовать *Калландор*, мне понадобятся две женщины, которым я доверяю, чтобы соединиться в круг. Я ещё не решил насчёт второй.

Возможно, это будет Авиенда или Илэйн, но ты — непременно.

— Я буду там, Ранд, — она почувствовала странную гордость. — Постой спокойно минутку. Я не сделаю тебе больно, обещаю.

Он нахмурился, но не пошевелился, когда она запустила в него поток Искательства. Найнив *очень* устала, но если она собирается сейчас оставить его, нужно попытаться Исцелить его безумие. Внезапно это показалось самым важным, что она может сделать для него. И для всего мира.

Она сплела Искательство, стараясь держаться подальше от ран в его боку — они были безднами

тьмы, и, казалось, пытались выпить её силы. Найнив сосредоточилась на разуме. Где была...

Она застыла. Тьма была чудовищной и покрывала его разум целиком. Тысячи и тысячи крошечных чёрных шипов впились в его мозг, но под ними было белое кружево *чего-то еще*. Белое сияние, похожее на жидкую Силу.словно сам Свет приобрёл форму и жизнь. Она разинула рот от удивления. Это нечто покрывало каждый тёмный отросток, погружаясь возле них в разум. Что бы это значило?

Она не могла понять, с чего начать. Шипов было слишком много. Как он мог даже думать с таким

количеством давящей на мозг тьмы? И откуда взялась эта белизна? Раньше Найнив Исцеляла Ранда, но не замечала её. Конечно, и тьму она раньше не видела. Вероятно, причиной послужило её возросшее умение в Искательстве.

Она неохотно сдалась.

— Прости, — сказала она, — я не могу тебя Исцелить.

— Многие пытались что-то сделать с этими ранами, да ты и сама пробовала. Они просто неисцеляемы. Сейчас я практически о них не думаю.

— Я не о ранах в боку, — ответила Найнив. — Твоё безумие. Я...

— Ты можешь Исцелить безумие?

— Думаю, я только что исцелила Нэффа.

Ранд широко улыбнулся:

— Найнив, ты не перестаёшь...

Ты хоть понимаешь, что самые талантливые целители Эпохи Легенд с трудом справлялись с психическими заболеваниями? Многие полагали, что Единой Силой безумие Исцелить невозможно.

— Я Исцелю остальных, — сказала она. — По крайней мере, Нарিশму и Флинна перед моим уходом. Возможно, у всех Аша'манов есть хотя бы налёт этой порчи на разуме. Не знаю, смогу ли я

добраться до Чёрной Башни.

«И хочу ли я туда попасть».

— Спасибо, — сказал Ранд, глядя на север. — Но нет, тебе не стоит отправляться в Чёрную Башню. Мне придётся туда кого-нибудь послать, но следует соблюдать осторожность. Там что-то происходит. Но у меня ещё столько дел...

Он покачал головой и посмотрел на неё:

— Это та пропасть, через которую я пока не в силах перешагнуть. Замолви за меня словечко перед Эгвейн. Она нужна мне среди моих союзников.

Найнив кивнула и, чувствуя себя

глупо, обняла его, а затем поспешила на поиски Нарисмы и Флинна. Она обнималась! С Возрождённым Драконом! Неужели она становится такой же дурочкой, как Илэйн. Найнив покачала головой, рассудив, что некоторое время, проведённое в Белой Башне, поможет ей вернуть самообладание.

* * *

Тучи вернулись.

Эгвейн стояла на самом верху Белой Башни, на её плоской круглой крыше, держась за доходящее до пояса ограждение. Над Тар Валоном,

подобно плесени или стае насекомых, вновь сомкнулись тучи. Проблеск света был долгожданным, но кратким.

Чай снова стал затхлым на вкус. Обнаруженные запасы зерна истощались, а новые обнаруженные мешки были полны долгоносиков. *«Земля едина с Драконом.»*

Она вдохнула свежий воздух, глядя на Тар Валон. Её Тар Валон.

Саэрин, Юкири и Сине — три сестры, которые с самого начала охотились в Башне на Чёрную Айя — терпеливо ждали позади. Они были среди её наиболее верных и полезных последователей. Ожидалось, что Эгвейн будет

благоволить сёстрам, отколовшимся от Элайды, и тем полезнее быть замеченной в обществе женщин, которые оставались в Башне.

— Что вы обнаружили? — спросила Эгвейн.

Подойдя к Эгвейн, стоящей у ограждения, Саэрин покачала головой. Из-за шрама на щеке и седины в висках эта смуглая Коричневая с грубыми чертами лица была похожа на постаревшего генерала.

— Часть информации, которую вы запросили, была недостоверной даже три тысячи лет назад, Мать.

— Что бы ты мне ни сообщила, это поможет, дочь моя, — сказала

Эгвейн. — До тех пор, пока мы не зависим целиком от фактов, неполное знание лучше, чем полное незнание.

Саэрин коротко фыркнула, но, очевидно, узнала цитату из Языкки Целах, древней учёной и Коричневой сестры.

— А вы двое? — Эгвейн повернулась к Юкири и Сине.

— Мы ищем, — ответила Юкири. — У Сине набрался целый список способов. Некоторые и в самом деле не лишены смысла.

Эгвейн удивлённо выгнула бровь. Теории Белых всегда интересны, но не всегда полезны. Белые имеют привычку игнорировать

убедительные факты, сосредотачиваясь на отдалённых возможностях.

— Тогда давайте начнём с этого, — сказала Эгвейн. — Сине?

— Ну что ж, — откликнулась Сине, — я начну с того, что Отрёкшаяся, несомненно, обладает знаниями, о которых мы даже не подозреваем. Поэтому, быть может, вообще не существует способа установить, как именно она избежала действия Клятвенного Жезла. Например, его каким-то образом можно на время отключить или, возможно, есть специальные слова, которые позволяют избежать его воздействия. Жезл — предмет

Эпохи Легенд, и, хоть мы и пользуемся им тысячи лет, но на самом деле не *понимаем*, как он действует. Как и большинство других *тер'ангриалов*.

— Очень хорошо, — сказала Эгвейн.

— Но, — продолжила Сине, доставая листок бумаги, — приняв это во внимание, я выдвинула три теории того, как можно избежать клятвы на жезле. Во-первых, она может владеть ещё одним Клятвенным Жезлом, ведь упоминается, что есть и другие, и вполне допустимо, что один жезл может освободить от клятв, данных на другом. Месана втайне могла один

из них хранить у себя. Она могла принести Три Клятвы на нашем жезле, а потом исхитриться воспользоваться другим и тут же снять их, прежде чем подтвердить нам, что не является приспешницей Тёмного.

— Звучит неубедительно, — заметила Эгвейн. — Как бы она сумела освободиться так, чтобы мы не узнали? Ведь нужно направлять Дух.

— Я это учла, — ответила Сине.

— Неудивительно, — вставила Юкири.

Сине покосилась на неё, а затем продолжила:

— Вот поэтому Месане и нужен

был второй Клятвенный Жезл. Она могла направить в него Дух заранее, потом инвертировать плетение, не прерывая связь с жезлом.

— Кажется маловероятным, — сказала Эгвейн.

— Маловероятным? — возразила Саэрин. — Скорее нелепым. Юкири, ты вроде бы говорила, что некоторые варианты имеют смысл.

— Это был *наименее* вероятный способ из трёх, — ответила Сине. — Второй проще. Месана могла отправить вместо себя похожую женщину под Зеркалом Туманов. Какую-нибудь несчастную Сестру под глубоким Принуждением, а то и

вовсе необученную, но способную направлять женщину. Её могли заставить принести клятвы вместо Месаны. Далее, поскольку эта личность *не* является приспешницей Тёмного, она честно об этом сказала.

Эгвейн задумчиво кивнула:

— В этом есть рациональное зерно.

— Из того, что я смогла узнать о Месане, — сказала Саэрин, — она умела всё хорошо подготовить. В этом ей не было равных.

Заданием Саэрин было выяснить всё, что только сможет, о подлинной сущности Месаны. Кто не знал наизусть имён всех Отрёкшихся и списка их ужасающих деяний? Все

слышали сказки. Но Эгвейн не очень доверяла сказкам. Ей хотелось, по возможности, найти нечто более достоверное.

— Ты говорила и о третьей возможности? — спросила Эгвейн.

— Да, — ответила Сине. — Мы знаем, что некоторые плетения воздействуют на звуки. Вариации таких плетений используются для усиления голоса при выступлениях или в стражах от подслушивания — на самом деле, они применяются и в разных трюках, при помощи которых можно услышать, что говорят поблизости. Сложные варианты Зеркала Туманов могут изменить голос человека. Немного

попрактиковавшись, мы с Дозин смогли создать разновидность плетения, которое изменяло произносимые нами слова. В действительности, мы говорили одно, а собеседник *слышал* нечто иное.

— Это опасный путь, Сине, — сердито пробурчала Саэрин. — Такое плетение можно использовать во вред.

— Я не смогла с его помощью солгать, — сказала Сине. — Хотя пыталась. Клятвы всё равно действуют. Используя плетение, я не могла произнести слова, если знала, что другой услышит ложь, хотя сами слова, когда я их говорила, и были

правдой. В любом случае, это плетение было легко придумать. Будучи закреплённым и инвертированным, оно висело передо мной и изменяло слова так, как я того хотела.

Теоретически, если Месана использовала это плетение, она могла взять Клятвенный Жезл и поклясться в чём угодно. Например: «Клянусь лгать, когда захочу». Клятвенный Жезл связал бы её этой клятвой, а плетение изменило бы звуки после того, как они сорвались с её губ. Мы бы слышали, как она произносит обычный текст клятвы.

Эгвейн стиснула зубы. Ей казалось, что избежать действия

Клятвенного Жезла почти невозможно. Но оказывается, существует довольно простое плетение, на это способное. Не стоило забывать присказку её матери: «не используй булыжник, если можешь обойтись камешком».

— Таким способом, — сказала Эгвейн, — они могли годами протаскивать Приспешников Тёмного в ряды Айз Седай.

— Маловероятно, — возразила Саэрин. — Ни одна из пойманных нами Чёрных сестёр не знала этого плетения. В противном случае, они могли бы попытаться воспользоваться им в тот раз, когда мы заставили их заново принести

клятвы. Предполагаю, если Месана знала этот трюк, то приберегла его для себя. Если бы о нём узнало слишком много людей, то он стал бы бесполезным.

— И всё же, — сказала Эгвейн, — что мы будем делать? Зная плетение, мы, вероятно, могли бы найти способ его обнаружить, но сомневаюсь, что сёстры захотят ещё раз пройти через принятие клятв.

— Даже если это нужно, чтобы поймать одну из Отрёкшихся? — спросила Юкири. — Чтобы поймать лису в курятнике, стоит взъерошить несколько перьев.

— Мы её не поймаем, — возразила Эгвейн. — К тому же, мы

не знаем, использовала ли она какой-то из этих методов. Логика Сине доказала, что можно без особых проблем противостоять Клятвенному Жезлу. Факт наличия подобной возможности важнее того, каким именно способом она воспользовалась.

Сине взглянула на Юкири. Ни одна из них не спросила Эгвейн, откуда ей известно о том, что в Белой Башне одна из Отрёкшихся, но Эгвейн видела их скептицизм. Во всяком случае, теперь они поняли, что Клятвенный Жезл можно нейтрализовать.

— Я хочу, чтобы вы продолжали работу, — сказала Эгвейн. — Вы с

успехом поймали несколько Чёрных сестёр и раскрыли хорьков. Эта задача почти такая же.

«Правда, намного, намного опаснее».

— Мы попытаемся, Мать, — ответила Юкири. — Но найти одну сестру из сотен? К тому же одно из самых коварных и злых существ, когда-либо живших на свете? Сомневаюсь, что она оставила нам достаточно зацепок. Наше расследование убийств пока не дало ощутимых результатов.

— Продолжайте, несмотря ни на что, — приказала Эгвейн. — Саэрин, что у тебя?

— Рассказы, слухи и сплетни,

Мать, — поморщившись, ответила Саэрин. — Вы, вероятно, слышали самые известные истории о Месане: как она руководила школами на завоёванных Тенью землях во время Войны Силы. Насколько я могу судить, эти легенды вполне правдивы. Марсим из Манетерен детально рассказывает об этом в своих «Анналах Последних Ночей», а она часто оказывалась надёжным источником. Элром собрала довольно полный отчёт о деятельности одной из таких школ; его фрагменты сохранились.

Месана хотела быть исследователем, но ей отказали. Детали не ясны. Также она

руководила Айз Седай, перешедшими на сторону Тени, и, если верить отчёту Элром, иногда водила их за собой в бой. Я в этом не уверена. Полагаю, лидерство Месаны было скорее символическим.

Эгвейн медленно кивнула:

— Что известно о её личности?

Кто она?

Саэрин покачала головой:

— Для большинства людей Отрёкшиеся — скорее монстры из ночных кошмаров, чем реальные люди, Мать, и многое было утеряно или перевернуто. Насколько я могу судить, среди Отрёкшихся её можно считать реалисткой: той, кто не восседал на троне, а лично пачкал

руки работой. Эландрия Борндат в своём труде «Взгляд сквозь Разлом» настаивает на том, что, в отличие от Могидин и Грендаль, Месана желала держать бразды правления непосредственно в своих руках.

Она никогда не считалась среди Отрёкшихся самой умелой или сильной, но была невероятно деятельной. Эландрия рассказывает, что Месана всегда делала самое необходимое. Пока прочие интриговали, она осторожно выстраивала оборону и набирала рекрутов, — Саэрин помедлила. — Она... что ж, это звучит очень похоже на Амерлин, Мать. Тёмную Амерлин. — Свет, — сказала Юкири. —

Неудивительно, что она обосновалась именно здесь.

Серая выглядела очень взволнованной этим известием.

— И последнее значимое, что мне удалось обнаружить, Мать, — сказала Саэрин, — это любопытное замечание учёной из Голубой Айя по имени Ланнис, которая отмечает, что Месана — вторая после Демандреда по чистому гневу.

Эгвейн нахмурилась:

— Полагаю, все Отрёкшиеся полны ненависти.

— Не ненависть, — сказала Саэрин. — *Гнев*. Ланнис полагала, что Месана была зла — на себя, на мир, на других Отрёкшихся —

потому что *её отодвигали* на задний план. Это может сделать её очень опасной.

Эгвейн медленно кивнула. «*Организатор*, — подумала она. — *Администратор*, *который ненавидит свою роль*».

Не поэтому ли она осталась в Башне после того, как были раскрыты Чёрные сёстры? Желала принести больше пользы Тёмному? Верин утверждала, что у Отрёкшихся была одна общая черта — эгоизм.

«*Она попыталась доставить расколотую Белую Башню*, — подумала Эгвейн. — *Но попытка провалилась. Возможно, и похищение Ранда — её идея. Ещё одно фиаско. А*

те женщины, которых отправили разрушить Чёрную Башню?»

Месане нужно было какое-то веское достижение, чтобы оправдать так много провалов. Убийство Эгвейн могло подойти. Это могло вернуть Белую Башню к расколу.

Гавина едва не хватил удар, когда она рассказала ему, что подумывает использовать себя как приманку. Осмелится ли она на это? Ухватившись за перила, Эгвейн стояла наверху Башни над городом, который зависел от неё, и смотрела на мир, который нуждался в ней.

Нужно что-то делать. Месану необходимо вывести из игры. Если Саэрин права, женщина захочет

сражаться лично — она не будет скрываться и бить из-за угла. Таким образом, задача Эгвейн — соблазнить её подобной возможностью, которая не будет казаться очевидной, и перед которой она не сможет устоять.

— Идёмте, — сказала Эгвейн, направляясь к лестнице, ведущей обратно в Башню. — Мне нужно кое-что подготовить.

Глава 16

ШАННА'ХАР

В угасающем свете дня Фэйли шла по лагерю, направляясь к палатке квартирмейстера. Накануне Перрин отправил через Врата группу разведчиков в Кайриэн. Вернуться они должны были наутро.

Он всё ещё раздумывал о ситуации с Белоплащниками. За последние дни обе армии обменялись несколькими посланиями: Перрин старался склонить Белоплащников к новым, более обстоятельным переговорам, те же, в ответ, настаивали на

сражении. Фэйли отругала его за то, что улизнул на прошлую встречу без неё.

Перрин тянул время, давая возможность Илайасу и айильцам провести разведку и попытаться найти способ выволить людей, но всё шло к тому, что такой возможности не представится. В своё время в Двуречье ему это удалось, но там была лишь горстка пленных. Теперь же речь идет о сотнях.

Он никак не может справиться с терзающим его чувством вины. Что ж, придётся Фэйли с ним срочно поговорить.

Она прошла сквозь лагерь, оставив высоко поднятые

развевающиеся знамёна Майена по левую руку.

«И этим тоже надо срочно заняться», — подумала Фэйли, подняв голову к стягу Берелейн. Слухи о ней и Перрине были проблемой. Фэйли всегда подозревала, что в её отсутствие Берелейн попробует что-нибудь предпринять. Но оставить Перрина на ночь в своей палатке было верхом наглости.

Ответные шаги Фэйли придётся предпринимать с чрезвычайной осмотрительностью. Её муж, его подчинённые и союзники — все находились в шатком равновесии. Она поняла, что не прочь спросить

совета у матери.

Это открытие потрясло её, и она остановилась в нерешительности на разбитой тропе, покрытой втоптанной в грязь пожухлой травой. «Свет, — подумала Фэйли. — *Вы только посмотрите, что со мной стало*».

Всего два года назад Фэйли, в то время носившая имя Заринэ, убежала из Салдэйи, чтобы стать Охотницей за Рогом. Тогда она взбунтовалась против долга старшей дочери и обучения, на котором настаивала мать.

Она убежала вовсе не из-за ненависти к занятиям. В действительности, она проявила

способности во всём, что от неё требовалось. Так почему же она сбежала? Отчасти — из жажды приключений. Но отчасти — и она призналась себе в этом только теперь — из-за ожиданий. В Салдэе ты *всегда* делаешь то, что от тебя ожидают. Ни у кого не возникает сомнений, что ты исполнишь свой долг, тем более, если ты родственница самой королевы.

Вот поэтому... она сбежала. И не потому что ненавидела судьбу, которая ей была уготована, нестерпим был сам факт неизбежности этого. И вот она здесь. Использует всё, чему её учили по настоянию матери.

Фэйли чуть не рассмеялась. С первого взгляда она могла рассказать о лагере много интересного. Скоро им придётся искать хорошую кожу для обуви. Воды хватает, поскольку в последние дни часто моросило, зато сухие дрова для походных костров на исходе. За одной из групп беженцев — бывшими *гай'шайн* из мокроземцев, поглядывавших на айильцев Перрина с открытой враждебностью — стоит приглядывать повнимательнее. По пути Фэйли осматривалась, желая удостовериться, поддерживается ли в лагере надлежащая чистота, и следят ли за собой солдаты. Некоторые мужчины могут очень внимательно

ухаживать за своей лошадыю, забывая при этом нормально поесть. Или, по крайней мере, съесть что-нибудь полезное. Не говоря уже об их привычке чуть ли не до утра болтать у походных костров.

Она покачала головой и направилась к окружающему военный лагерь кольцу складов, занятых интендантами, квартирмейстерами и фуражирами, где для полчищ поваров и служанок были разгружены фургоны с продовольствием. Скопление складов само по себе было размером почти с деревню — через них проходили сотни людей, снуя по тропкам, быстро образующимся в грязной траве.

Фэйли миновала группу молодых землекопов с перепачканными лицами, рывших ямы, затем галдящих и щебечущих женщин, чистивших картошку. Очистки собирали и бросали в заготовленные ямки детишки. Их было немного, но армия Перрина привлекала множество голодающих семей со всей округи, умолявших их приютить.

Очищенный картофель в корзинах слуги бегом таскали к котлам, которые молодые девушки медленно наполняли водой, принесённой из ручья. Подручные поваров раздували угли, а старшие повара добавляли специи в соусы, которыми будут поливать остальную

еду: это был единственный способ придать вкус такому огромному количеству пищи.

Мимо, шаркая, прошли несколько пожилых женщин — в лагере их было немного. Согнувшись под тяжестью прожитых лет, в спадающих складками шаях, они несли в своих тонких руках лёгкие плетёные корзины с собранными травами, переговариваясь надтреснутыми старческими голосами. Туда-сюда сновали подносявшие дичь солдаты. Мальчики повзрослее, но ещё не ставшие мужчинами, собирали щепочки для розжига огня. Фэйли прошла мимо одной такой стайки,

отвлёкшейся на ловлю пауков.

Хаос и порядок уживались вместе, как две стороны одной монеты. Удивительно, как хорошо сюда вписывалась Фэйли. Оглядываясь в прошлое, она видела, что всего несколько лет назад была лишь испорченным, эгоистичным ребёнком. Бросить Порубежье, и стать Охотницей за Рогом? Наплевать на обязанности, дом и семью. О чём она только думала?

Фэйли прошла мимо занятых помолом зерна женщин, обошла разложенную на лежащем рядом с ними одеяле кучу свежесорванного дикого лука для супа. Хотя она была рада, что сбежала и встретила

Перрина, это её не извиняло. Поморщившись, она вспомнила, как заставила Перрина путешествовать в одиночку во мраке Путей. Она даже не помнила, чем он так вывел её из себя, хотя никогда ему в этом не признается.

Однажды мать назвала её избалованной — и была права. А ещё она настаивала, чтобы Фэйли научилась управлять поместьями, в то время как сама Фэйли мечтала выйти замуж за Охотника за Рогом и провести жизнь вдалеке от армий и скучных обязанностей знати.

«Благослови тебя Свет, мама», — подумала Фэйли. Что бы они с Перрином делали без этой

подготовки? Без полученных от матери уроков от Фэйли не было бы никакого толка. Управление всем лагерем легло бы на плечи Аравайн. Одна она бы не справилась, хотя и проявила себя умелым управляющим в лагере Перина. Да и никто от неё и не ждал подобного подвига.

Фэйли добралась до поста квартирмейстера, который располагался в небольшом шатре между земляными печами. Лёгкий ветерок принёс смесь запахов подгоревшего жира, варёной картошки, перечного соуса, приправленного чесноком, и влажного запаха картофельных очистков, для небольшого стада

свиней, пригнанных из Малдена.

Квартирмейстер, Бавин Рокшо, был бледным кайриэнцем со светлыми прядями в седеющих каштановых волосах, напоминавших шерсть дворняги. У него были длинные и тонкие руки и ноги, впалая грудь, но идеально круглый животик. Вероятно, он работал квартирмейстером ещё в Айильскую Войну и был настоящим мастером своего дела — экспертом, поднаторевшим в надзоре за снабжением, как краснодеревщик в работе с деревом.

Конечно, это означало, что и взятки он брал мастерски. Завидев Фэйли, он улыбнулся и поклонился

— достаточно церемонно, но без рисовки. Его поклон будто говорил: «Я простой солдат, исполняющий свой долг».

— Леди Фэйли! — воскликнул он, махнув несколькими служащим. — Полагаю, вы здесь для того, чтобы проверить счётные книги?

— Да, Бавин, — ответила она, хоть и знала, что не найдёт в них ничего подозрительного. Он был слишком осторожен.

Однако записи она решила просмотреть. Один из работников принёс ей табурет, другой — столик, чтобы разложить счётные книги, третий — чашку чая. Фэйли поразили аккуратные столбцы цифр.

А ведь её мать объясняла, что квартирмейстеры зачастую делают кучу беспорядочных пометок, ссылаясь на другие страницы или счётные книги, разнося в отдельные grossбухи различные виды поставок. И всё для того, чтобы сложнее было их проверить. Начальство, сбитое с толку пометками, должно думать, что квартирмейстер *выполняет* свою работу.

Здесь же не было ничего похожего. Какие бы уловки в вычислениях ни использовал Бавин, чтобы скрыть хищения, они были сродни волшебству. Он *воровал*, или, по крайней мере, проявлял изобретательность в распределении

продовольствия. Это было неизбежно. Большинство квартирмейстеров даже не считали подобное кражей. Раз ему положено отвечать за припасы — этим он и занимается.

— Как странно, — начала Фэйли, листая счётную книгу. — Какие интересные повороты судьбы.

— Миледи? — спросил Бавин.

— А? Да так, ничего. Просто Торвену Рикшену провизию в лагерь ежевечерне доставляют на добрый час раньше, чем другим. Но я уверена, это просто случайность.

Бавин замешкался.

— Несомненно, миледи.

Она продолжала листать

счётные книги. Торвен Рикшен был кайриэнским лордом, назначенным ответственным за один из двадцати лагерей, на которые разделили огромное число беженцев. И что-то слишком много дворян было в его особом лагере. Аравайн обратила на это внимание Фэйли. Она не знала наверняка, чем отблагодарили Торвена за раннюю доставку еды, но так не пойдёт. Другие могли подумать, что Перрин отдаёт кому-то предпочтение.

— Да, — согласилась Фэйли, беспечно рассмеявшись. — Просто совпадение. Такое случается в больших лагерях. Да ведь только на днях Варкел Тиус посетовал мне, что

почти неделю назад оставил запрос на холст для починки порванных палаток, но так ничего и не получил. При этом я точно знаю, что Соффи Моратон, повредившая палатку при переправе через реку, починила её в тот же вечер.

Бавин промолчал.

Фэйли не обвиняла. Мать предупреждала её, что хороший квартирмейстер слишком ценен, чтобы бросать его в тюрьму. Особенно если учесть, что следующий на этом посту, скорее всего, окажется столь же продажным, но едва ли таким же профессионалом. Задача Фэйли состояла не в том, чтобы обличить

или смутить Бавина. Надо было заставить его хорошенько встревожиться, чтобы он соблюдал меру.

— Полагаю, Бавин, вы сумеете уладить эти неприятности, — сказала она, закрывая счётную книгу, — Для меня невыносимо обременять Вас столь ничтожными вопросами, но эти проблемы не должны достичь ушей моего мужа. Вы же знаете, каков он в гневе.

По правде говоря, скорее Фэйли научится летать, чем Перрин причинит вред кому-то вроде Бавина. Но все в лагере думали иначе. Они слышали рассказы о неистовстве Перрина в сражении, наряду со

спровоцированными ею
периодическими семейными
скандалами, дающими им с мужем
возможность поговорить как следует,
и все приходили к выводу, что у него
ужасный характер. И пока они
продолжают считать его еще и
честным, и добрым, это было
полезно: защищает своих, но
безжалостен к тем, кто перешёл ему
дорогу.

Она поднялась с табурета,
вручив счётные книги одному из
мужчин — кудрявому, с
чернильными пятнами на пальцах и
жилете. Улыбнувшись Бавину на
прощанье, Фэйли пошла к выходу из
района складов. С досадой она

заметила, что за это время дикий лук рядом с тропой испортился: стебли пожухли и стали склизкими, будто много недель гнили на солнце. Подобная порча продуктов в лагере началась недавно, но, согласно отчётам, в окрестностях это случалось гораздо чаще.

Определить точное время по постоянно затянутому тучами небу было трудно, но, судя по темнеющему горизонту, настала пора встретиться с Перрином. Фэйли улыбнулась. Мать заранее объяснила ей, что с ней будет, рассказала, чего от неё ожидают, и Фэйли переживала, что почувствует себя пойманной этой жизнью в ловушку.

Но что Дэйра *не* упомянула, так это то, насколько полной будет такая жизнь. Перрин изменил все. Быть пойманной с ним — вовсе не ловушка.

* * *

Упёршись одной ногой в пень срубленного дерева, Перрин смотрел на север. С вершины холма ему открывался вид на равнины до самых утёсов Гареновой Стены, вздымавшихся, словно кулаки дремлющего исполина.

Он открыл свой разум, разыскивая волков. Они были очень

далеко, почти на границе ощущения. Волки старались держаться подальше от больших скоплений людей.

За его спиной раскинулся лагерь с мигающими по периметру сигнальными кострами.

Этот склон находился достаточно далеко, чтобы быть укромным, но не настолько, чтобы оказаться уединённым. Он не знал, зачем именно Фэйли попросила его встретиться с ней здесь в сумерках. Но от неё пахло таким волнением, что Перрин не стал допытываться. Женщинам нравится иметь тайны.

Он услышал тихие шаги Фэйли, поднимавшейся по влажной траве склона. У неё получалось двигаться

почти бесшумно — конечно, не так хорошо, как у Илайаса или айильцев, однако лучше, чем можно было ожидать. Но он чувствовал её запах: лавандовое мыло. В особенные, по мнению Фэйли, дни она пользовалась именно этим мылом.

— Муж мой, — подходя, сказала она. Он услышал у подножья холма звуки, выдававшие присутствие других людей, — возможно, то были *Ча Фэйли*. Она оставила их на страже. — Ты выглядишь озабоченным.

— Фэйли, это я виноват в том, что схватили Гилла и остальных, — ответил он. — Мои неудачи растут, как снежный ком. Просто

удивительно, что кто-то ещё меня слушается.

— Перрин, — начала она, положив руку ему на плечо. — Мы уже это обсуждали. Ты не должен так говорить.

— Почему?

— Потому что, насколько я знаю, ты никогда не был лжецом, — с лёгким упрёком ответила она.

Перрин взглянул на неё. Уже смеркалось, но он по-прежнему отлично различал детали. Ей было труднее что-нибудь разглядеть.

— Почему ты продолжаешь с этим бороться? — спросила она. — Перрин, ты *действительно* хороший предводитель.

— Я не пожертвую собой ради их освобождения.

Она нахмурилась.

— Что бы это...

— В Двуречье, — отворачиваясь от неё и снова глядя на север, сказал Перрин, — я был готов это сделать. Когда Белоплащники схватили семью Мэта и Луханов, я готов был сдаться. На этот раз — нет. Даже обсуждая с их командиром условия, я знал, что не сдамся им.

— Ты становишься настоящим предводителем.

— Как ты можешь говорить подобное? Фэйли, я становлюсь бессердечным. Если бы ты только знала, что я сделал, чтобы вернуть

тебя, и на что ещё пошёл бы...

Он прикоснулся к молоту на боку. *«Не имеет значения, зуб или коготь, Юный Бык»*. Он выбросил топор, но можно ли обвинять оружие в собственной жестокости? Оно было лишь инструментом. Молот способен на столь же ужасные вещи.

— Это не бессердечие, — возразила Фэйли. — И не эгоизм. Теперь ты — правитель. И не можешь дать понять, что захват подчинённых способен подорвать твою власть. Ты полагаешь, что королева Моргейз отрёклась бы от престола в пользу тиранов, похитивших её подданных? Ни один правитель не смог бы руководить

подобным образом. Твоя неспособность воспрепятствовать дурным людям не делает плохим тебя.

— Фэйли, я не хочу принимать на себя такую ответственность. И никогда не хотел.

— Я знаю.

— Иногда я думаю, что хотел бы никогда не покидать Двуречье. Жалею, что не позволил Ранду умчаться навстречу своей судьбе, предоставив остальным вести привычную жизнь.

Перрин уловил запах её раздражения.

— Но если бы я остался, — торопливо добавил он, — я никогда

бы не встретил тебя. Потому я рад, что уехал. Я просто хочу сказать, что буду счастлив, когда всё это закончится, и я смогу снова вернуться в какое-нибудь незатейливое местечко.

— И ты думаешь, что Двуречье когда-нибудь сможет стать прежним — таким, каким ты его помнишь?

Он помедлил. Фэйли была права: перемены начались ещё перед их отъездом. Деревни разрастались от прибывающих из-за гор беженцев.

Теперь же у множества присоединившихся к нему в ходе войны людей засела в голове мысль о лорде...

— Я мог бы найти другое

место, — заявил он, чувствуя, что просто упрямится. — Есть и другие деревни. Не все же они изменятся.

— И ты потащил бы меня в одну из таких деревень, Перрин Айбара? — спросила она.

— Я... — что стало бы с Фэйли, его красавицей Фэйли, заточённой в какой-то сонной деревеньке? Он простой кузнец — и всегда на этом настаивал. Но была ли Фэйли женой кузнеца?

— Я никогда не буду тебя к чему-то принуждать, Фэйли, — наконец сказал он, осторожно заключая её лицо в ладони. Дотрагиваясь до её атласных щек своими толстыми, мозолистыми

пальцами, он всегда чувствовал себя неуклюжим.

— Если ты хочешь именно этого, я последую за тобой, — ответила она. Странно. Он ожидал от неё отповеди в ответ на его неуклюжие рассуждения. — Но этого ли ты хочешь? На самом деле?

— Я не знаю, чего я хочу, — откровенно ответил Перрин. Нет, он не хотел тащить Фэйли в деревню. — Может быть... стать кузнецом в каком-нибудь городе?

— Если пожелаешь, — повторила она. — Правда, таким образом Двуречье останется без правителя. И им придётся подыскать кого-то другого.

— Нет. Им *не* нужен лорд. Поэтому я и должен это пресечь — что они обращаются со мной, как с лордом.

— И ты думаешь, что они сразу оставят эту мысль? — спросила Фэйли. Её запах донёс удивление. — После того, что они видели, как поступают все остальные? После того, как подлизывались к этому дураку Люку? После принятия всех этих привыкших к лордам людей с Равнины Алмот?

Что *сделают* жители Двуречья, если он откажется быть их правителем? В этот момент озарения он понял, что Фэйли права. *«Наверняка они найдут кого-то*

получше, — подумал он. — Может быть, мастера ал'Ви́ра».

Но мог ли Перрин на это положиться? Люди вроде мастера ал'Ви́ра или Тэма могли отклонить подобное предложение. А что, если они остановят свой выбор на ком-то вроде старого Кенна Буйе? Будет ли вообще у них альтернатива? Если Перрин отойдёт в сторону, не захватит ли власть кто-нибудь, изображающий из себя дворянина?

«Не будь дураком, Перрин Айбара, — подумал он. — Почти любой будет лучше тебя».

И всё же сама мысль о том, что кто-то возьмёт на себя управление — станет правителем — наполняла его

сильной тревогой. И неожиданной печалью.

— А теперь, — сказала Фэйли, — хватит ломать голову. У меня грандиозные планы на этот вечер.

Она трижды громко хлопнула в ладоши, и внизу всё пришло в движение. Вскоре на вершине холма появились слуги. Перрин узнал в них людей, набранных самой Фэйли из числа беженцев. Преданных ей, как и *Ча Фэйли*.

Они принесли полотно и расстелили его на земле. Затем накрыли сверху покрывалом. И что за аромат он учуял снизу? Ветчина?

— Фэйли, *что* это? — спросил

ОН.

— Сначала, — ответила она, — я предполагала, что ты приготовил что-то особенное на наш *шанна'хар*. Тем не менее, меня стало беспокоить твое молчание. И потому я пустилась в расспросы. Оказалось, что в Двуречье вы его не отмечаете. Странно, но так и есть.

— *Шанна'хар*? — переспросил Перрин, почесав голову.

— В ближайшие недели, — ответила Фэйли, — исполнится год, как мы женаты. Наш первый *шанна'хар* — годовщина свадьбы.

Она скрестила руки, наблюдая, как слуги сервируют еду.

— В Салдэйе мы каждый год

празднуем *шанна'хар* в начале лета, чтобы отметить ещё один год вместе, ещё один год, в который ни муж, ни жена не достались троллокам. Обычно молодым парам советуют смаковать первый *шанна'хар*, как смакууют первый кусок сочной пищи. Брак бывает в новинку лишь однажды.

Слуги расставили еду, а также несколько свечей, в стеклянных бокалах. Улыбнувшись, Фэйли знаком отпустила слуг, и те удалились по склону холма. Фэйли явно позаботилась о том, чтобы приготовленные блюда выглядели пышно. Вышитое покрывало, возможно, было трофеем, добытым у

Шайдо. Еда была разложена на серебряных тарелках и блюдах. Ветчина лежала на подложке из варёного ячменя, украшенная сверху каперсами. Было даже вино.

Фэйли подошла к нему ближе.

— Я понимаю, что в этом году было много такого, чем наслаждаться не стоит. Малден, Пророк, суровая зима. Но если всё это цена за то, чтобы быть с тобой, Перрин, то я, не задумываясь, заплачу её дюжину раз.

— Если бы всё было в порядке, следующий месяц мы бы провели, одаривая друг друга подарками, подтверждая нашу любовь и празднуя наше первое лето в качестве супругов. Я сомневаюсь, что у нас

будет месяц заслуженного покоя. Но хотя бы этот вечер нам следует провести вместе и насладиться им.

— Фэйли, я не знаю, имею ли я право... — начал он. — Белоплащники, это небо... Свет! Да сама Последняя Битва почти на пороге. Фэйли, *Последняя Битва!* Как я могу праздновать, когда над моими людьми нависла угроза казни и сам мир может погибнуть?

— Если мир собирается погибнуть, — ответила Фэйли, — разве не *самое* время человеку оценить то, что у него есть? Прежде чем всё будет потеряно?

Перрин колебался. Она положила руку ему на плечо — такое

нежное прикосновение. Она не повышала голоса. Может, она хочет, чтобы он закричал? Было сложно разобраться, когда она желала поспорить, а когда нет. Возможно, Илайас что-нибудь присоветует.

— Пожалуйста, — мягко сказала она. — Лишь на один вечер попытайся расслабиться. Ради меня.

— Хорошо, — ответил он, накрывая ее руку своей.

Она подвела его к покрывалу, и они устроились бок о бок перед чередой серебряных блюд. Фэйли зажгла ещё несколько свечей от тех, что оставили слуги. Ночь была холодная — казалось, тучи унесли прочь летнее тепло.

— Почему на улице, а не в нашей палатке? — спросил Перрин.

— Я спросила у Тэма, как отмечают *шанна'хар* в Двуречье, — сказала она. — И, как я и опасалась, выяснилось, что вы его не празднуете. Это серьёзное упущение, как ты понимаешь — когда всё уладится, нужно будет изменить традицию. Невзирая на это, Тэм рассказал, что они с женой устраивали что-то похожее. Раз в год они набирали еду — самую дорогую, которую только могли себе позволить — и пешком отправлялись в лес на какое-нибудь новое место. Там они обедали и проводили целый день друг с другом. — Она прильнула

к нему. — Мы поженились по обычаю Двуречья. Поэтому я бы хотела, чтобы и этот вечер прошёл по вашим обычаям.

Он улыбнулся. Несмотря на изначальные возражения, его напряжение ослабевало. Еда отлично пахла, и в желудке у него что-то заурчало. Фэйли привстала, чтобы вручить ему тарелку.

Он уткнулся в тарелку. Перрин пытался следить за манерами, но еда была превосходной, а прошедший день длинным. Он обнаружил, что яростно вгрызается в ветчину, хоть и старался не капать на расшитое покрывало.

Фэйли ела медленнее, к аромату

её мыла примешивался запах веселья.

— Что? — спросил Перрин, вытирая рот. Теперь, когда солнце окончательно село, её освещали только свечи.

— Ты очень похож на волка, муж мой.

Заметив, что облизывает пальцы, он замер. Укоряя себя, он вытер их салфеткой. Как бы он ни любил волков, приглашать их к обеденному столу он не собирался.

— Во мне слишком много волчьего.

— Ты тот, кто ты есть, муж мой. И раз я полюбила тебя таким, значит всё в порядке.

Он продолжил жевать свой кусок ветчины. Стояла тихая ночь, слуги отошли далеко, и он не мог их учуять или услышать. Похоже, Фэйли распорядилась, чтобы их не беспокоили. И благодаря деревьям на склоне холма, можно было не беспокоиться, что за ними наблюдают.

— Фэйли, — мягко начал он, — ты должна знать, что я сделал, пока ты была в плену. Я боялся, что мои поступки превратят меня в того, с кем ты не захочешь остаться. И я говорю не только о сделке с Шончан. В одном городе, Со Хэбо, остались люди, которых я не могу выбросить из головы. Люди, которым,

возможно, я должен был помочь. И ещё был Шайдо, чью руку...

— Я слышала об этом. Очевидно, ты был вынужден так поступить.

— Я бы зашёл ещё дальше, — признался Перрин, — всё время испытывая к себе отвращение. Ты рассуждаешь о правителе, достаточно сильном, чтобы не позволить собой манипулировать. Ну, так я никогда не стану настолько сильным. Если у меня отберут тебя.

— Тогда нам следует хорошенько позаботиться о том, чтобы впредь меня не похищали.

— Фэйли, это могло меня погубить, — нежно ответил он. — Со

всем остальным, думаю, я могу справиться. Но если тебя будут использовать против меня, всё потеряет значение. Чтобы защитить тебя, я пойду на что угодно, Фэйли.
На что угодно.

— Тогда, возможно, тебе следует завернуть меня в мягкую ткань и запереть в комнате, — сухо сказала она. Странно, но в её запахе не было обиды.

— Я этого не сделаю, — ответил он. — Ты же это знаешь. Но получается, что у меня есть одна ужасная слабость. Такая, которой у предводителя быть не должно.

Она фыркнула.

— Ты думаешь, что у других

правителей нет слабостей, Перрин? У каждого короля или королевы Салдэйи были свои. Никиол Дайнатхах был пьяницей, но, несмотря на это, он считается одним из наших величайших королей, а Белэйра выходила замуж и разводилась четыре раза. Именно сердце всегда ввергало её в неприятности. У королевы Джонасим был сын, своими азартными играми чуть не разоривший её Дом, а Лионфорд не мог сдержаться, если ему бросали вызов. Но каждый из них был великим правителем. И у всех были свои слабости.

Продолжая жевать, Перрин

задумался.

— В Порубежье, — продолжила Фэйли, — есть выражение: «Начищенный меч говорит правду». Человек может *утверждать*, что усердно исполнял свои обязанности, но если его меч не начищен, ясно, что он предавался праздности.

— Так вот, твой меч сияет, муж мой. Последнее время ты продолжаешь *настаивать*, что плохо справлялся, пока я была в плену. Ты хочешь заставить меня поверить, будто ты привёл лагерь к разрухе и запустению! Но это совсем не так. Ты не дал им распуститься, вдохновил их, сохранил лидерство, чувство сильной руки.

— Отчасти это заслуга Берелейн, — признал он. — Я почти уверен, что эта женщина самолично искупала бы меня, забудь я хоть раз помыться.

— Уверена, что это не охладило бы слухи, — сухо отметила Фэйли.

— Фэйли, я...

— С Берелейн я разберусь сама, — оборвала его Фэйли. В её голосе появились угрожающие нотки. — Как раз на это тебе не стоит отвлекаться.

— Но...

— Я *разберусь* с ней, — ещё решительнее повторила Фэйли. Было неразумно возражать ей, когда она пахла так, как сейчас, если только он

не хотел начать настоящий спор. Она положила в рот следующую ложку каши и смягчилась.

— Когда я говорила, что ты похож на волка, муж мой, я не имела в виду то, как ты ешь. Я говорила о том, как ты решаешь возникающие вопросы. Целеустремлённо. Поставь перед тобой проблему, и — сколь бы велика она ни оказалась — ты добьёшься её решения.

— Разве ты не понимаешь? Это замечательная черта для правителя. Как раз то, что пригодится Двуречью. Конечно, я полагаю, что о незначительных проблемах ты позволишь позаботиться своей жене, — она нахмурилась. — Я бы

предпочла, чтобы ты посоветовался со мной, прежде чем сжигать знамя. Будет сложно, поднять его снова, не выглядя при этом глупо.

— Я не хочу поднимать его снова, — ответил Перрин. — Потому и сжѐг.

— Но *почему?*

Он откусил ещё ветчины, намеренно не глядя на Фэйли. Запах выдавал её интерес, почти нетерпение.

«Я не могу вести их, — думал он. — Пока я не буду знать, что справился с волком в себе». Как это объяснить? Объяснить, что его пугало, если волк овладевал им во время боя, или когда он чего-то очень

сильно желал.

Он не стал бы избавляться от волков; они уже стали частью него самого. Но что станет с его людьми, с Фэйли, если он потеряет себя в угоду тому, что сидело у него внутри?

Он снова вспомнил запертое в клетке грязное создание, бывшее некогда человеком. *В нём не осталось ничего, что помнило бы его человеческую сущность...*

— Муж мой, — прошептала Фэйли, положив руку ему на плечо. — Прошу тебя.

От неё исходил запах боли, заставляя сжиматься его сердце.

— Это связано с теми Белоплащниками, — ответил

Перрин.

— Что? Перрин, мне казалось, я говорила...

— Это имеет отношение, — твёрдо повторил Перрин — к тому, что случилось, когда я столкнулся с ними впервые. И к тому, что начало мне открываться в предшествующие дни.

Фэйли нахмурилась.

— Я рассказывал уже, что убил двоих Белоплащников, — сказал он. — До того как встретил тебя.

— Да.

— Устраивайся поудобнее, — предложил Перрин. — Ты должна знать всю историю.

И он рассказал ей. Поначалу

запинаясь, вскоре он обнаружил, что ему уже легче удаётся подбирать слова. Он рассказывал о Шадар Логоте и о том, как рассеялся их отряд. О том, как Эгвейн уступила ему руководство, как, наверное, впервые в жизни, ему пришлось за это взяться.

Он уже рассказывал ей о встрече с Илайасом. Она знала о Перрине многое, то, что он никогда никому не рассказывал, то, что он никогда не обсуждал даже с Илайасом. Она знала о волке. Знала, что он боялся потерять себя.

Но она не знала о чувстве, посещавшем его в битве. Не знала, что он ощутил, убивая тех

Белоплащников: вкус их крови — то ли у него во рту, то ли через его связь с волками. Она не знала, насколько он был поглощён злостью, страхом и отчаянием, когда её похитили. Вот это всё он и пытался сбивчиво ей объяснить.

Он рассказал ей о безумии, обуявшем его, когда он искал её в волчьем сне. Рассказал о Ноаме и о своём страхе, что с ним может произойти то же самое. И о том, как это связано с его действиями в бою.

Фэйли слушала, молча сидя в свете свечей на вершине холма, обхватив руками колени. Её запахи ослабли. Возможно, ему бы следовало попридержать кое-что. Ни

одна женщина не захочет знать, каким чудовищем становится её муж, когда убивает, не правда ли? Но сейчас, рассказывая, он хотел избавиться от своих тайн. Он устал от них.

Каждое сказанное слово снимало напряжение. Этот разговор сделал то, чего не удалось сделать целому ужину, пусть и трогательному. Рассказывая ей о своей борьбе, Перрин чувствовал, будто часть его бремени спадает с плеч.

Закончил он рассказом о Прыгуне. Он не знал, почему оставил волка напоследок. Прыгун был частью рассказанной ранее истории:

о Белоплащиках, о волчьем сне. Но казалось правильным оставить Прыгуна напоследок, что он и сделал.

Закончив, он уставился на пламя одной из свечей. Две из них погасли, остальные продолжали мерцать. Этого света ему было вполне достаточно. Он с трудом вспоминал, каково это — обладать слабыми органами чувств обычных людей.

Фэйли прильнула к нему, поднырнув ему под руку.

— Спасибо тебе, — сказала она.

Он испустил глубокий вздох, откидываясь на пень, стоящий позади, ощущая её тепло.

— Я хочу рассказать тебе о

Малдене, — сказала Фэйли.

— Ты не обязана, — возразил он. — Только потому что я...

— Шшш... Я молчала во время твоего рассказа. Теперь моя очередь.

— Хорошо.

Рассказ о Малдене должен был его растревожить. И небо над головой потрескивало от бушующих наверху сил, и над самым Узором нависала угроза. А он лежал, прислонившись к пню спиной, слушая как его жена рассказывает о своём пленении и как её избивали. Но, тем не менее, никогда прежде он не испытывал подобного странного покоя.

События, произошедшие в том

городе, были для неё важны, возможно, даже пошли ей на пользу. Хотя его охватил гнев, когда он слушал про то, как Севанна приказала связать Фэйли, и голой оставить на всю ночь. Придёт день, и он выследит эту женщину.

Но не сегодня. Сегодня жена была в его объятиях, и её сильный голос дарил покой. Он должен был догадаться, что Фэйли будет готовить собственный план побега. В сущности, слушая о её тщательных приготовлениях, он начал чувствовать себя дураком. Она беспокоилась, что он погибнет, пытаясь её спасти — она не сказала этого, но Перрин догадался. Как

хорошо она его знала.

В своём рассказе Фэйли кое-что пропустила. Он не возражал. Без собственных тайн Фэйли будет похожа на загнанного и посаженного в клетку зверя. И всё же он уловил намёк на то, что она хотела скрыть. Что-то связанное с тем схватившим её Безродным, что-то относительно планов использовать и его, и его друзей, чтобы те помогли ей сбежать. Возможно, она испытывала к нему нежность и не хотела, чтобы Перрин сожалел, что убил его. Это было лишним. Безродные были с Шайдо, они нападали и убивали людей, о которых заботился Перрин. Этого не искупило бы ни одно доброе дело.

Они заслуживали смерти.

Эта мысль привела его в замешательство. Белоплащники, вероятно, говорили про него нечто очень похожее. Но Белоплащники напали первыми.

Она закончила. Было уже поздно, и Перрин потянулся к узлу, принесённому слугами Фэйли, чтобы достать одеяло.

— Ну? — спросила Фэйли, когда он откинулся, снова обвивая её рукой.

— Я удивлён, что ты не устроила мне скандал за то, что я ворвался как дикий бык, растоптав все твои планы.

В её запахе появилось

удовлетворение. Не такое чувство он от неё ожидал, но Перрин давным-давно оставил попытки разобраться в женской логике.

— Сегодня я едва не завела разговор на эту тему, — сказала Фэйли, — чтобы должным образом поспорить и помириться.

— Что же тебя остановило?

— Я решила провести эту ночь в традициях Двуречья.

— И ты думаешь, что в Двуречье мужья и жёны не спорят? — развеселившись, спросил он.

— Полагаю, спорят. Но мне кажется, что тебе, муж, всегда не по себе, когда мы кричим. Я очень рада, что ты, как и полагается, начал

отстаивать своё мнение. Но я слишком часто просила тебя приспособливаться ко мне. И я подумала, что нынешним вечером мне стоит попытаться подстроиться под тебя.

Он не ожидал, что когда-нибудь услышит от Фэйли такие слова. Казалось, она доверила ему самое сокровенное. К своему смущению, он почувствовал, что на глаза наворачиваются слезы, и ещё крепче прижал её к себе.

— Но запомни, — сказала она. — Я не покорная овечка.

— Подобное *никогда* не пришло бы мне в голову, — ответил он. — Никогда.

Она источала удовлетворение.

— Извини, я не подумал, что ты можешь сбежать сама, — сказал Перрин.

— Я прощаю тебя.

Он взглянул на неё, в эти прекрасные тёмные глаза, отражающие огни свечей.

— Означает ли это, что мы можем помириться без спора?

Он поцеловал её. Он почувствовал такое облегчение, и знал, что возникшая между ними после Малдена неловкость, все его тревоги — всё теперь осталось позади. Какими бы они не были, реальными или воображаемыми, — всё прошло.

Он вернул Фэйли, целиком и полностью.

Глава 17

РАССТАВАНИЯ И ВСТРЕЧА

На следующее после нападения *голама* утро Мэт пробудился от мерзкого, словно давно стухшее яйцо, сна, чувствуя скованность и боль в теле. Заночевать ему пришлось в какой-то впадине, обнаруженной под фургоном с припасами Алудры. Место было выбрано наугад — с помощью игральных костей.

Выкарабкавшись из-под фургона, он выпрямился и поворачивал плечом, пока в нём что-то не

щёлкнуло. Проклятый пепел. Одна из самых приятных сторон богатства — то, что не нужно спать по канавам. Сейчас же получалось, что иные нищие проводили ночи получше, чем он.

От фургона воняло серой и какими-то порошками. Мэт с трудом удержался от соблазна заглянуть под промасленный холст, натянутый на задней стороне фургона. Только это ему бы ничего не дало: порошки Алудры были так же непостижимы, как и она сама. Пока драконы не будут сделаны, Мэт и знать не хотел об их устройстве. Точнее не особенно хотел, чтобы не рисковать вызвать её недовольство.

К счастью для Мэта, Алудры в фургоне не оказалось. Иначе она снова начала бы его упрекать за то, что он не доставил ей литейщика колоколов. Видимо, она считала Мэта своим личным посыльным. Причём нерадивым, отказывающимся как следует исполнять свою работу. У большинства женщин бывали подобные заскоки.

Мэт шёл через лагерь, вытряхивая из волос остатки соломы. Он едва не отправился на поиски Лопина, чтобы тот приготовил ему ванну, как вдруг вспомнил, что Лопин погиб. Проклятый пепел! Бедолага.

Пришлось пойти поискать, где бы найти что-нибудь на завтрак, по пути размышляя о бедном Лопине. Эти мысли привели его в ещё более скверное расположение духа. Джуилин нашёл его первым. Низенький тайренский ловец воров носил коническую шляпу и тёмно-синий кафтан.

— Мэт, это правда? — начал он. — Ты разрешил Айз Седай вернуться в Башню?

— Им не требуется моё разрешение, — поморщившись, ответил Мэт. Если эти бабы услышат что-то подобное, то мигом сдерут с его зада кожу и пустят её на седло. — Хотя я собираюсь дать им лошадей.

— Они их уже взяли, — сообщил Джуилин, посмотрев в сторону пикетов. — Сказали, ты разрешил.

Мэт вздохнул. Живот возмущённо бурчал, но еда подождёт. Он направился к пикетам: нужно было убедиться, что Айз Седай не увели его лучших коней.

— Я подумал, что мог бы отправиться с ними, — сказал Джуилин, присоединяясь к нему, — чтобы отвезти Теру в Тар Валон.

— Ты волен уехать в любое время, — ответил Мэт. — Я не собираюсь тебя тут удерживать. — Джуилин был неплохим парнем. Порой немного зажатым. Ну ладно,

очень зажатым. По сравнению с Джуилином и Белоплащик выглядел бы расслабленным. Такого не захочется позвать с собой сыграть партию в кости, зная, что он всю ночь будет сидеть и хмуриться на посетителей таверны, бурча про преступления, в которых те наверняка замешаны. Зато на него можно было положиться, и он мог хорошенько приложить противника в драке.

— Я хочу вернуться в Тир, — продолжил Джуилин. — Но там близко Шончан, а Тера... из-за этого нервничает. Правда, идея с Тар Валоном ей тоже не нравится, но выбор у нас невелик. К тому же, Айз

Седай обещали подыскать мне работу в Тар Валоне, если мы отправимся с ними.

— Значит, — пришёл попрощаться? — спросил Мэт, останавливаясь и оборачиваясь к нему.

— На время, — ответил Джуилин. Он замешкался, потом протянул руку. Мэт пожал её, и ловец воров отправился за своими вещами и женщиной.

На мгновение задумавшись, Мэт переменял решение, направившись к походной кухне. Возможно, Джуилин задержит Айз Седай, а ему хотелось прихватить кое-что.

Чуть позже сытый, со свёртком

под мышкой, он появился у пикетов. Айз Седай собрали непомерно большой караван, прихватив, естественно, несколько лучших скакунов. Теслин с Джолин, похоже, решили, что могут позаимствовать и вьючных животных а также солдат для погрузки вещей. Вздохнув, Мэт направился к этому беспорядку, проверяя по дороге лошадей.

Джолин восседала на Лунном Свете, кобыле тайренской породы, которая раньше принадлежала одному из солдат Мэта, погибшему во время бегства от Шончан. Более сдержанная Эдесина взяла Огонька; она то и дело поглядывала на двух женщин, стоящих сбоку. Темнокожая

Бетамин и светленькая соломенноволосяя Сита в прошлом были *сул'дам*.

Пока все собирались, шончанки из всех сил старались выглядеть равнодушными. Мэт не спеша направился к ним.

— Ваше Высочество, — сказала Сита, — это правда? Вы позволите этим улизнуть без присмотра?

— Лучше от них избавиться, — ответил Мэт, поморщившись в ответ на выбранный ею титул. Разве стоит разбрасываться подобными словами, будто фальшивыми пенни? Стоило признать, что обе шончанки сильно изменились с тех пор, как присоединились к его отряду, но они

до сих пор поражались тому, что Мэт не хотел использовать Айз Седай как оружие. — Вы сами желали бы уехать или остаться?

— Мы едем, — уверенно ответила Бетамин. Похоже, она твёрдо решила учиться.

— Да, — подтвердила Сита, — хотя иногда я думаю, что лучше бы мы просто умерли, нежели... ну, то что мы собой представляем, является угрозой для Империи.

Мэт кивнул.

— Туон тоже *сул'дам*, — сказал он.

Обе женщины уставились под ноги.

— Отправляйтесь с Айз

Седай, — сказал Мэт. — Я дам вам собственных лошадей, чтобы вам не пришлось полагаться на спутниц. Научитесь направлять. От этого будет больше пользы, чем от вашей смерти. Может, однажды вы сумеете открыть Туон глаза на правду. Помогите мне уладить всё так, чтобы это не привело к краху Империи.

Внезапно обе женщины подняли на него глаза. Взгляды стали смелее, и в них читалась уверенность.

— Да, Ваше Высочество, — сказала Бетамин. — Это для нас достойная цель. Спасибо, Ваше Высочество.

Сита даже прослезилась! Свет, неужели они усмотрели в его словах

какие-то обещания? Мэт поспешил ретироваться, прежде чем им в головы взбрели новые странные идеи. Проклятые женщины. И всё же он не мог не чувствовать к ним жалость. Каково это — узнать о том, что способен направлять, и бояться стать опасным для окружающих.

«Вот что чувствовал Ранд, — подумал Мэт. *— Несчастный дурак».* Как всегда, при мысли о Ранде в его голове закрутился цветной водоворот. Он пытался думать о друге как можно реже, но, прежде чем Мэту удалось прервать эти цветные вспышки, он на мгновение увидел Ранда: тот брился перед отличным зеркалом в позолоченной раме,

висевшим на стене красивой ванной комнаты.

Мэт отдал распоряжение, чтобы *сул'дам* выделили лошадей, и направился напрямик к Айз Седай. Как раз появился Том и присоединился к Мэту.

— Свет, Мэт, — обратился к нему менестрель. — Ты выглядишь таким потрёпанным, будто выбрался из тернового куста.

Мэт поднёс руку к волосам, которые, похоже, были в полнейшем беспорядке.

— Я пережил эту ночь, Айз Седай уезжают. Да я почти готов танцевать джигу.

Том фыркнул:

— Ты знал, что те двое окажутся тут?

— Ты про *сул'дам*? Я догадывался.

— Нет, про *тех* двоих.

Мэт обернулся, и нахмурился, увидев ехавших верхом Лейлвин и Байла Домона. Их пожитки были приторочены к сёдлам. Лейлвин, ранее известная как Эгинин, когда-то была шончанской дворянкой, но Туон лишила её титула и имени. На Лейлвин было платье светло-серого цвета для верховой езды. Её тёмные волосы отросли и закрывали уши. Женщина спешила и направилась прямо к Мэту.

— Чтоб мне сгореть, —

обратился Мэт к Тому. — Если мне удастся избавиться и от неё, я почти поверю, что судьба стала ко мне справедлива.

Домон присоединился к подошедшей шончанке. Он был её *со'джин*. Или... мог ли он оставаться её *со'джин*, если её лишили титула? Ну, в любом случае, он оставался её мужем. Иллианец был пузатым и одновременно сильным мужчиной. И, в общем-то, неплохим парнем, если только поблизости не оказывалось Лейлвин. Только этого почти не случалось.

— Коутон, — сказала она, подойдя ближе.

— Лейлвин, — откликнулся

он. — Уезжаете?

— Да.

Мэт улыбнулся. Он *и в самом деле* станцует!

— Я всегда хотела попасть в Белую Башню, — продолжила она. — Я решилась в тот самый день, когда покинула Эбу Дар. Раз Айз Седай уезжают, я отправляюсь с ними. Если предоставляется такая возможность, кораблям лучше плыть конвоем.

— Плохо, что вы уезжаете, — солгал Мэт, приподняв шляпу. Лейлвин была твёрдой, словно столетний дуб с оставшимися в нём частичками топоров тех идиотов, чтобы пытались его срубить. Если по дороге в Тар Валон её лошадь вдруг

потеряет подкову, женщина, скорее всего, взвалит животное на плечо и дотащит так до конца пути.

Но, несмотря на всё, что Мэт сделал, спасая её шкуру, он ей не нравился. Может, потому что не позволил ей всех возглавить, или потому что ей пришлось играть роль его любовницы. Что ж, ему эта роль тоже не нравилась. Словно держишь меч рукой за лезвие и делаешь вид, что не больно.

Впрочем, ему нравилось наблюдать за её метаниями.

— Будь здоров, Мэтрим Коутон, — сказала Лейлвин. — Не завидую избранной тобою участи. В некотором смысле те ветры, что

носят тебя, могут оказаться злее тех, что недавно били меня. — Она кивнула ему и повернулась.

Домон протянул руку и положил её на плечо Мэта:

— Ты сдержал слово, клянусь своей престарелой бабулей! Для этого пришлось вытерпеть крутую гонку, но ты сдержал слово. Спасибо!

И они оба ушли. Мэт покачал головой, махнул рукой Тому и направился к Айз Седай:

— Теслин, — сказал Мэт. — Эдесина, Джолин, всё в порядке?

— Да, — ответила Джолин.

— Хорошо, хорошо, — сказал Мэт. — У вас достаточно выючных лошадей?

— Их хватит, мастер Коутон, — ответила Джолин. И, подавив раздражение, добавила: — Спасибо, что дал их нам.

Мэт широко улыбнулся. Ох, как же приятно слышать, как она пытается быть благодарной! Видимо, она думала, что Илэйн встретит их с распростёртыми объятьями, а не отправит восвояси из дворца, даже не удостоив аудиенции.

Джолин покосилась на Мэта, сжав пухлые губки.

— Как бы мне хотелось приручить тебя, Коутон, — сказала она. — Я всё ещё не совсем отказалась от мысли однажды вернуться и довести дело до конца.

— Буду ждать с нетерпением, — ответил он, вытащив свёрток и протянув его женщине.

— Что это? — спросила она, даже не прикоснувшись к нему.

Мэт потряс свёрток.

— Прощальный подарок, — ответил он. — Там, откуда я родом, нельзя отпускать путешественника в дорогу без подарка. Это невежливо.

Она с неохотой приняла свёрток и заглянула внутрь. И, по всей видимости, очень удивилась, обнаружив там дюжину присыпанных пудрой сладких булочек.

— Спасибо, — произнесла она, нахмурившись.

— Я отправляю с вами солдат, — сказал Мэт. — Чтобы они привели лошадей обратно, как только вы доберётесь до Тар Валлона.

Джолин открыла было рот, чтобы возмутиться, но тут же закрыла. Что она могла сказать?

— Это будет приемлемо, Коутон, — сказала Теслин, подводя своего чёрного мерина поближе.

— Я отдам им приказ повиноваться всем вашим указаниям, — сказал Мэт, поворачиваясь к ней. — Так что у вас будут те, кем можно командовать и кто будет ставить ваши палатки. Но с некоторыми условиями.

Теслин удивлённо приподняла

бровь.

— Я хочу, чтобы вы кое-что передали Амерлин, — сказал он. — Если это Эгвейн, то это будет просто. Но даже если дела обстоят иначе, всё равно передайте мои слова. В Белой Башне есть кое-что, принадлежащее мне, и скоро придёт время, когда я потребую это обратно. Я этого не хочу, но мои желания в последнее время никого не волнуют. Поэтому я приду и не хочу, чтобы мне дали проклятый от ворот поворот. — Он улыбнулся. — Передай слово в слово.

К её чести, Теслин мягко усмехнулась.

— Я передам, хотя сомневаюсь, что слухи правдивы. Элайда так

просто не отдаст Престол Амерлин.

— Возможно, тебя ждёт сюрприз, — Мэт и сам удивился, обнаружив, что женщины называют Эгвейн Амерлин. Ему не было известно, что случилось в Белой Башне, но у него было дурное предчувствие, что Айз Седай так сильно запутали бедняжку Эгвейн в своих интригах, что той уже не выпутаться. Он даже подумывал, не отправиться ли лично её вызволять.

Но у него других дел по горло. Пока же Эгвейн придётся самой заботиться о себе. Она способная девушка и какое-то время продержится без его помощи.

Том, задумавшись, стоял рядом.

Он не знал наверняка, трубил ли Мэт в Рог — по крайней мере, сам Мэт ему в этом не признавался. Мэт старался забыть о треклятой штуке, но Том, похоже, о чём-то догадывался.

— Что ж, полагаю, вам нужно ехать, — сказал Мэт. — А где Сеталль?

— Она остаётся, — ответила Теслин. — Она заявила, что собирается присмотреть за тобой, чтобы ты не натворил слишком уж много глупостей. — Она снова вздёрнула бровь, и Джолин с Эдесиной благоразумно кивнули. Они все думали, что Сеталль в прошлом была в Белой Башне

служанкой, возможно, ещё девчонкой сбежавшей из-за какой-то провинности.

Что ж, значит, от всех избавиться не получится. И всё же, если бы ему предложили оставить одну на выбор, он выбрал бы госпожу Анан. Вероятно, она захочет найти способ встретиться со своим мужем и семьёй, покинувшими Эбу Дар на корабле.

Подошёл Джуилин, ведя с собой Теру. Неужели эта вечно испуганная женщина действительно была Панархом Тарабона? Мэт видел мышей, которые были гораздо храбрее. Солдаты Мэта подвели ещё пару лошадей. В конечном итоге, эта

экспедиция обошлась ему примерно в сорок лошадей и целое отделение солдат. Но оно того стоило. Кроме того, лошадей и солдат он получит обратно, а вместе с ними и информацию о том, что же на самом деле творилось в Тар Валоне.

Он кивнул Ванину. Толстый конокрад не обрадовался приказу Мэта прогуляться до Тар Валона и собрать информацию. Мэт же думал, тот будет в восторге — судя по тому, что Ванин души не чаял в Айз Седай. Что ж, он станет ещё несчастнее, когда узнает, что Джуилин едет с ними. Ванин всегда старался вести себя тихо поблизости от ловца воров.

Ванин оседлал гнедого мерина.

Насколько было известно Айз Седай, он был одним из предводителей Красноруких, а также входил в число разведчиков Мэта, но Ванин ни у кого не вызывал подозрений. С виду он казался почти безобидным, разве что представлял угрозу для тарелки варёной картошки. Возможно, именно поэтому он был так хорош в своём деле. Мэту не требовались ворованные лошади, но талантам Ванина можно было найти и иное применение.

— Итак, — сказал Мэт, поворачиваясь к Айз Седай. — Не буду вас задерживать. — Он отступил назад, стараясь не смотреть на Джолин, хищный взгляд которой так

сильно напоминал ему о Тайлин. Теслин помахала рукой, и, что удивительно, Эдесина уважительно ему кивнула. Джуилин тоже помахал им с Томом, а Мэт ещё удостоился и кивка от Лейлвин. Эта женщина на завтрак ела камни, а на ужин закусывала гвоздями, но по-своему она была честна. Может, ему удастся переговорить с Туон, чтобы её оправдали или вроде того.

«Не будь дураком, — сказал он себе, помахав на прощанье Байлу Домону. — Сперва тебе придется убедить Туон не делать из тебя самого да'ковале». — Он почти поверил, что она намерена сделать из него слугу, муж он там или нет. При

одной этой мысли на шее выступала испарина.

Вскоре лишь облако пыли над дорогой отмечало след их отряда. Том встал рядом с Мэтом, глядя вслед путникам.

— Булочки?

— Такая у нас в Двуречье народная традиция.

— Никогда ни о чём подобном не слышал.

— Она малоизвестная.

— Ага, понятно. И что же ты положил в эти булочки?

— Пятнистый корень, — ответил Мэт. — От него рот на неделю или две становится синим. И она не станет делиться ими ни с кем,

разве только со своими Стражами. Джолин очень нравятся эти булочки. С момента нашего прибытия в Кэймлин она съела семь или восемь лотков.

— Мило, — посмеиваясь в усы, сказал Том. — И всё же это ребячество.

— Стараюсь вернуться к корням, — сказал Мэт. — Пытаюсь вернуть утраченную юность, знаешь ли.

— Да тебе едва стукнуло двадцать зим!

— Ага, но когда я был моложе, я жил полной жизнью. Да, ладно. Госпожа Анан осталась с нами, и это навело меня на одну мысль.

— Тебе нужно побриться, Мэтрим Коутон, — взглянув на него, госпожа Анан сложила руки на груди.

Он провёл рукой по лицу. Обычно по утрам этим занимался Лопин. Если Мэт отказывался от подобных услуг, парень становился похожим на жалкую собаку, забытую под дождём, хотя в последнее время Мэт решил отпустить бороду, чтобы избежать внимания. Щетина же по-прежнему чесалась, словно недельная болячка.

Он разыскал Сеталль у шатра с припасами, где она присматривала за

обедом. Солдаты отряда сидели на корточках, занимаясь нарезкой овощей и тушением бобов с видом людей, которым были даны чёткие инструкции. Присутствие Сеталль здесь было необязательно, потому что кашевары отряда и без неё умели готовить. Но любая женщина просто обожала найти отдыхающих мужчин и дать им указания. Кроме того, Сеталль была бывшей хозяйкой гостиницы, и, что особенно примечательно, бывшей Айз Седай. Поэтому Мэт часто замечал, как она присматривает за тем, что не требовало присмотра.

И не в первый раз он пожалел, что с ними больше нет Туон. Сеталль

часто принимала её сторону, но общество Дочери Девяти Лун занимало большую часть её времени. Ничто так не угрожает мужскому рассудку, как женщина, у которой уйма свободного времени.

Сеталль не расставалась с эбударским нарядом, который Мэт находил довольно милым, учитывая наличие длинного выреза. Особенно этот стиль шёл дамам с пышными формами вроде Сеталль. Не то, чтобы он замечал это. У неё была седина в волосах, величественные манеры и золотые кольца в ушах. На её шее, как раз в ложбинке между грудями, будто своего рода предупреждение, висел брачный

кинжал. Но и не это было тем, что он заметил.

— Я специально отращиваю бороду, — ответил Мэт на ее замечание. — Я собираюсь...

— Твой кафтан в грязи, — сказала она, кивнув солдату, который принёс ей очищенный лук. Затем, не глядя на Мэта, он покорно бросил лук в кипящий котёл. — И твои волосы все перепутались. Ты выглядишь так, словно с кем-то подрался, а ещё даже нет полудня.

— Я в порядке, — сказал Мэт. — Почистишь позже. Вы не уехали с Айз Седай.

— Каждый шаг в направлении Тар Валона уводит меня дальше от

того места, куда мне нужно. Мне необходимо отправить весточку мужу. Когда мы разлучились, я даже не предполагала, что меня занесёт в Андор.

— Думаю, я скоро смогу добраться до того, кто умеет делать переходные врата, — сказал Мэт. — И я... — Он нахмурился, увидев подошедшую новую группу солдат, вернувшуюся с охоты с несколькими мелкими перепёлками. Казалось, они были смущены своей жалким добычей.

Не удостоив Мэта даже взглядом, Сеталль приказала охотникам ощипать птиц. Свет, нужно любым способом убрать её из

лагеря. Пока все женщины не уберутся, нормального порядка не будет.

— Не смотрите на меня таким взглядом, лорд Мэт, — произнесла Сеталль. — Норам отправился в город, посмотреть какие можно раздобыть продукты. Я заметила, что без участия кашевара, который бы постоянно подгонял людей, обеда в обозримом будущем не дождёшься. Никому не нравится обедать на закате.

— Я и слова не сказал, — буднично заметил Мэт. Он кивнул в сторону. — Можем мы поговорить? На минуточку?

Сеталль помедлила, но кивнула

и отошла с ним в сторонку.

— Так что на самом деле происходит? — тихо спросила она. — Ты выглядишь так, будто ночевал в стогу.

— Вообще-то, я ночевал под фургоном. А мой шатёр весь залит кровью. И мне что-то не хочется прямо сейчас туда заглядывать, чтобы переодеться.

Её взгляд смягчился.

— Я понимаю твою утрату. Но это не оправдание, чтобы слоняться вокруг в подобном виде, будто ты ночуешь по переулкам. Тебе нужно нанять нового слугу.

Мэт скривился.

— Прежде всего, мне никогда не

был нужен слуга. Я сам способен о себе позаботиться. Послушайте, я хочу попросить вас об одолжении. Мне нужно, чтобы вы какое-то время приглядели за Олвером.

— С какой целью?

— Та штука может вернуться, — ответил Мэт. — И может начать охотиться за ним. Кроме того, мы с Томом скоро собираемся уехать. Может быть, я вернусь. Я *должен* вернуться. Но если нет, я... Ну, я бы не хотел, чтобы он остался один.

Она смотрела на него изучающим взглядом.

— Он не останется один. Мужчины в лагере, похоже, сильно к нему привязались.

— Да, но мне не нравится, чему они его учат. Парнишке нужны идеалы для подражания получше, чем эти.

По какой-то причине это её развеселило:

— Я уже начала учить ребенка письму. Полагаю, если потребуется, я смогу какое-то время за ним присматривать.

— Великолепно. Замечательно. — Мэт облегчённо вздохнул. Женщины всегда рады чему-нибудь научить мальчишек, пока те не выросли. Мэт даже думал, что они полагали, будто если хорошенько постараться, то они могут научить его, как не стать

мужчиной. — Я оставлю вам немного денег. Вы сможете переехать в город и найти подходящую гостиницу.

— Я уже была в городе, — ответила Сеталль. — Похоже, каждая гостиница забита под завязку.

— Я отыщу для вас местечко, — пообещал Мэт. — Просто позаботьтесь о безопасности Олвера. Когда придёт время и я разыщу кого-нибудь, кто сможет сделать переходные врата, я переправлю вас в Иллиан, чтобы вы смогли разыскать мужа.

— Договорились, — согласилась Сеталль. Она замешкалась, посмотрев на север. — Значит...

остальные уехали?

— Да.

Скатертью дорога.

Она печально кивнула. Может, она раскомандовалась его людьми и заставила их готовить обед вовсе не оттого, что её задела их бездеятельность. Может, она просто искала, чем отвлечься?

— Мне жаль, — сказал Мэт. — Что бы с вами ни приключилось.

— Это в прошлом, — ответила она. — И так тому и быть. Мне не следовало даже просить тебя показать мне ту вещицу, что ты носишь. Последние несколько недель заставили меня забыться.

Мэт кивнул и оставил её,

отправившись на поиски Олвера. А после этого ему действительно нужно будет пойти сменить кафтан. И чтоб он сгорел, но он побреется. Те, кто его ищут, могут его убить, если пожелают. Но, проклятье, лучше уж позволить перерезать себе горло, чем терпеть этот зуд.

* * *

Илэйн прогуливалась по дворцовому саду Восходящего Солнца. Этот крохотный сад всегда был излюбленным местом её матери. Он располагался на крыше восточного крыла дворца. Снаружи

его окружал овальный белокаменный парапет, а сзади — большая изогнутая стена.

Илэйн была прекрасно видна раскинувшийся внизу город. В юности она предпочитала сады, расположенные ниже, поскольку могла в них уединиться. Именно там она впервые встретила Ранда. Она прижала руку к животу. Хотя Илэйн и ощущала себя огромной, её беременность лишь недавно стала заметной. К сожалению, ей пришлось полностью сменить гардероб. И в ближайшие месяцы ей придётся сделать это снова. Это так хлопотно.

Илэйн

продолжила

прохаживаться по саду на крыше. В вазонах цвели розовые фиалки и белые лилии. Бутоны были мельче, чем следует, и уже начинали вянуть. Садовники сетовали, что ничто не помогало. За городом были целые поля пожухлой травы, а напоминавшие лоскутное одеяло посевы выглядели уныло бурыми.

«*Приближается*», — подумала Илэйн. Она продолжила идти по дорожке из упругой, коротко подстриженной весенней травы. Усилия садовников были не так уж бесплодны. Здесь трава, в основном, была зелёной, а в воздухе пахло вьющимися по стенам розами. Кое-где они были испещрены бурыми

пятнами, но, несмотря на это, цвели.

Журчащий ручей пробежал посреди сада, струясь по аккуратно выложенному речной галькой руслу. Ручей пускали только во время её визитов: воду приходилось поднимать в цистерну.

Илэйн остановилась на следующей обзорной площадке. В отличие от Дочери-Наследницы, королева не могла выбирать уединённый маршрут. Бергитте приблизилась к ней. Посмотрев на Илэйн, она сложила руки на обтянутой красным кафтаном груди.

— Ну что ещё? — спросила Илэйн.

— Ты полностью на виду, —

сказала Бергитте. — Первый попавшийся человек с луком и метким глазом мог бы отбросить страну назад, во времена войны за престолонаследие.

Илэйн закатила глаза:

— Я в безопасности, Бергитте. Со мной ничего не может случиться.

— О, раз так, простите меня, — решительно произнесла Бергитте. — Отрёкшиеся на свободе и злы на тебя, Чёрная Айя, несомненно, взбешена тем, что ты схватила её членов, и ты унизила многих вельмож, пытавшихся захватить твой трон. *Очевидно*, что тебе вообще никакая опасность не угрожает. Тогда я, пожалуй, сбегая позавтракаю.

— Да на здоровье, —
огрызнулась Илэйн. — Потому что я
в *безопасности*. У Мин было
видение. Мои дети родятся
здоровыми. Мин никогда не
ошибается, Бергитте.

— Мин сказала, что твои дети
будут сильными и здоровыми, —
произнесла Бергитте. — А не то, что
ты будешь здорова, когда они
появятся на свет.

— Как же ещё они могут
родиться?

— Девочка, я видела людей,
раненных в голову настолько
серьёзно, что уже никогда не
поправятся, — сказала Бергитте. —
Некоторые годами живут, не в силах

произнести ни слова, питаются одним бульоном и вынуждены использовать судно. А ещё ты можешь потерять руку или две, но родишь здоровых детей. А что насчёт окружающих тебя людей? Ты не задумывалась об опасности, которую можешь навлечь на них?

— Я чувствую вину из-за Вандене и Сарейты, — ответила Илэйн. — И из-за тех, кто отдал жизнь, спасая меня. Не смей намекать, что я не чувствую за них ответственности! Но королева должна быть готова принять это бремя и позволить во имя неё умирать другим. Мы уже это обсуждали, Бергитте. И решили, что

у меня не было возможности предвидеть то появление Чесмал и компании.

— Мы решили, — сквозь зубы сказала Бергитте, — что дальнейший спор бесполезен. Но я хочу, чтобы ты не забывала: всё что угодно на свете может пойти наперекосяк.

— Не пойдет, — сказала Илэйн, оглядывая город. — Мои дети в безопасности, а это значит, что и я тоже. До их рождения мы остаёмся в безопасности.

Бергитте сердито вздохнула.

— Глупая, упрямая... — она замолчала, поскольку одна из женщин-гвардейцев махнула рукой, привлекая её внимание. На крыше

появились две женщины из Родни. Илэйн попросила их о встрече.

Скрестив руки на груди, Бергитте встала возле одной из невысоких вишен. Пришедшие были одеты в невзрачные платья: Сумеко в жёлтое, Алис в голубое. Алис была ниже ростом, с каштановыми волосами, тронутыми сединой, и она была слабее в Силе, так что старение сказалось на ней сильнее, чем на Сумеко.

Обе женщины в последнее время начали вести себя более решительно. Никто из Родни больше не исчез и не был убит; за убийствами всё это время стояла Кареане — среди них скрывалась

одна из Чёрных. Свет, от воспоминания об этом у Илэйн мурашки побежали по коже.

— Ваше Величество, — произнесла Алис, присев в реверансе. Она говорила спокойным, мягким голосом с едва заметным тарабонским акцентом.

— Ваше Величество, — повторила за ней Сумеко, делая реверанс вслед за спутницей. Эти двое теперь выражали Илэйн больше почтения, чем кому-либо из Айз Седай. Найнив придавала Родне уверенность в отношениях с Айз Седай и Белой Башней, хотя по мнению Илэйн, Алис в этом никогда не нуждалась.

За время осады Илэйн начало раздражать поведение Родни. Но теперь она призадумалась. Они были ей чрезвычайно полезны. К чему приведет их новообретённая смелость?

Илэйн кивнула каждой из женщин по очереди, затем жестом указала на три стула, установленных в тени раскидистых вишнёвых деревьев. Они уселись, лёгкий ветерок обдувал их с левой стороны. Там же был и чай с мятой. Собеседницы взяли чашки, однако старательно добавили себе щедрую порцию мёда. Без него вкус чая в последнее время был просто омерзителен.

— Как поживает Родня? —
спросила Илэйн.

Женщины переглянулись.
Проклятье. Илэйн слишком
формально к ним обратилась. Они
поняли, что она что-то задумала.

— Мы в порядке, Ваше
Величество, — сказала Алис. —
Похоже, большинство женщин
избавляются от страха. По крайней
мере те, кто оказался достаточно
разумен, чтобы испугаться. Полагаю,
те, кто не боялся и действовал сам по
себе, — сыграли в ящик.

— Хорошо, что мы теперь не
тратим столько времени на
Исцеление, — заметила Сумеко. —
Это начало изматывать. Так много

раненых, изо дня в день. — Она поморщилась.

Алис была сделана из более крутого теста. Она потягивала свой чай со спокойным лицом. Не застывшим и невозмутимым, как у Айз Седай, а сохранявшим задумчивость и теплоту. В этом и заключалось преимущество женщин Родни перед Айз Седай — к ним относились не столь подозрительно, поскольку они не были тесно связаны с Белой Башней. Однако у них не было и подобного влияния.

— Вы, наверное, догадываетесь, что я собираюсь кое о чём вас попросить, — сказала Илэйн, встретившись взглядом с Алис.

— Правда? — удивлённо спросила Сумеко. Похоже, Илэйн её переоценила.

Алис степенно кивнула.

— На протяжении нашего пребывания здесь вы много о чём нас просили, Ваше Величество. Но, полагаю, не более того, о чём были вправе просить. До сих пор.

— Я старалась оказать вам радушный приём в Кэймлине, — сказала Илэйн. — Я же понимаю, что вы никак не можете вернуться домой, пока в Эбу Дар хозяйничают Шончан.

— Вы правы, — согласилась Алис. — Но, едва ли можно назвать Эбу Дар нашим домом. Это просто

место, в котором мы оказались; скорее по необходимости, чем с целью обрести дом. Так или иначе, большинство из нас то выезжали из города, то возвращались обратно, чтобы не привлекать внимания.

— Вы уже задумывались, где осядете теперь?

— Мы направимся в Тар Валон, — быстро произнесла Сумеко. — Найнив Седай говорила...

— Я уверена, что некоторым из вас там найдётся местечко, — вставила Илэйн, — тем, кто хочет стать Айз Седай. Эгвейн не терпит, чтобы подарить второй шанс любой женщине из Родни, кто вновь захочет получить шаль. Но что насчёт

остальных?

— Мы это обсуждали, — осторожно сказала Алис, прищурившись. — Мы станем связаны с Башней, станем приютом для Айз Седай, отошедших от дел.

— Уверена, вы всё же не переберётесь в Тар Валон. Какой же из Родни выйдет приют для Айз Седай, пожелавших отойти от политики Башни, если вы останетесь рядом с нею?

— Мы раздумывали, не остаться ли здесь, — произнесла Алис.

— Я думала о том же, — осторожно сказала Илэйн. — Но одних раздумий мало. Вместо них я хочу дать вам обещания. В конце

концов, если вам придётся остаться в Кэймлине, я не вижу препятствий для того, чтобы предложить вам поддержку трона.

— И какова будет цена? — спросила Алис. Сумеко наблюдала за ними с хмурым видом.

— О, небольшая, — ответила Илэйн. — Совсем незначительная. Редкие услуги, как во время борьбы за престол.

В саду воцарилась тишина. Доносились лишь слабые отголоски распростёршегося внизу города, и ветви подрагивали на ветру, роняя бурые листья между Илэйн и Роднёй.

— Звучит рискованно, — сказала Алис, делая глоток чая. —

Безусловно, вы не рассчитываете на то, что мы создадим *альтернативу* Белой Башне тут, в Кэймлине.

— Конечно же, нет, — быстро ответила Илэйн. — В конце концов, я *сама* — Айз Седай. И Эгвейн говорила о том, что позволит Родне жить как раньше до тех пор, пока вы принимаете её главенство.

— Я не уверена, что мы хотим «жить как раньше», — сказала Алис. — Белая Башня заставляла нас жить в постоянном страхе, что нас обнаружат. Но, тем не менее, они нас постоянно использовали. Чем больше мы задумываемся об этом, тем меньше... этому радуемся.

— Говори за себя, Алис, —

сказала Сумеко. — Я намерена пройти испытание и вернуться в Башню. Я *присоединюсь* к Жёлтым, запомни мои слова.

— Возможно, но я им не нужна, — сказала Алис. — Я слишком слаба в Силе. И не соглашусь на полумеры, всю жизнь оставаться вынужденной расшаркиваться и кланяться всякий раз, когда приходит сестра и требует почистить её одежду. Но я также и не намерена прекращать направлять. Я *не откажусь* от этого. Эгвейн Седай говорила, что позволит Родне существовать. Однако если мы согласимся, сможем ли мы открыто работать с Единой Силой?

— Полагаю, что сможете, — сказала Илэйн. — В этом по большей части и заключается задумка Эгвейн. Не станет же она отправлять к вам Айз Седай, решивших уйти на покой, если им будет запрещено направлять. Нет, времена, когда женщины направляли втайне от Башни, прошли. Ищущие Ветер и айильские Хранительницы Мудрости доказали, что пришло время перемен.

— Возможно, — сказала Алис. — Но оказание услуг трону Андора — очень сложный вопрос.

— В наших силах проследить, что мы не будем пересекаться с интересами Башни, — сказала Илэйн. — И вы примете власть

Амерлин. Так в чём проблема? Айз Седай оказывают поддержку монархам по всему миру.

Алис глотнула чаю.

— Ваше предложение весьма добродетельно. Но всё зависит от характера услуг, необходимых трону Андора.

— Я хочу попросить всего лишь о двух вещах, — сказала Илэйн. — Перемещение и Исцеление. От вас не требуется вмешиваться в наши конфликты, вам не придётся становиться частью наших интриг. Просто согласитесь Исцелять моих больных подданных и ежедневно выделяйте группу женщин для создания врат, когда это потребуется

трону.

— Всё равно очень похоже на вашу личную Белую Башню, — сказала Алис. Сумеко нахмурилась.

— Нет, нет, — покачала головой Илэйн. — Белая Башня подразумевает власть, политику. Вы станете чем-то абсолютно иным. Представьте себе место в Кэймлине, куда каждый человек может бесплатно обратиться за Исцелением. Представьте город, свободный от болезней. Представьте мир, в котором провизию можно моментально доставить тем, кто в ней нуждается.

— И королеву, которая сможет направлять войска всюду, куда ей

необходимо, — произнесла Алис. — Чьи солдаты смогут сегодня воевать, а назавтра быть здоровыми. Королеву, которая получит солидную прибыль, обложив налогом купцов, желающих воспользоваться её вратами.

Женщина глотнула чаю.

— Да, — признала Илэйн, хотя была не уверена, как она собирается убедить Эгвейн разрешить ей всё это.

— Мы хотим половину, — сказала Алис. — Половину прибыли от Перемещения и Исцеления.

— Исцеление бесплатно, — твёрдо сказала Илэйн. — Для каждого, кто явится, независимо от его положения. Людей будут лечить в порядке серьёзности их болезней, а

не исходя из их ранга.

— С этим я могу согласиться, — сказала Алис.

Сумеко повернулась к ней, широко открыв глаза:

— Ты не можешь говорить за всех нас. Ты сама ткнула меня носом в то, что, когда мы покинули Эбу Дар, Связующий Круг распался. Кроме того, по правилам...

— Я говорю только за себя, Сумеко, — отозвалась Алис. — И за тех, кто пожелает ко мне присоединиться. Родни, которую мы знали, больше не существует. Над нами довлела потребность оставаться незаметными. Сейчас всё иначе.

Сумеко замолчала.

— Ты рассчитываешь присоединиться к Айз Седай, подруга, — сказала Алис. — Однако ни я им, ни они мне не нужны. Мне нужно иное, так же как и остальным.

— Но подчиниться трону Андора...

— Мы связываем себя с Белой Башней, — сказала Алис. — Но живём в Кэймлине. И то, и другое даёт определённые преимущества. Мы недостаточно сильны, чтобы выстоять самостоятельно. Андор хорошее место, не хуже любого другого. Город находится под покровительством Белой Башни и Возрождённого Дракона. А заодно с

ним и мы.

— Вы можете изменить традиции, — увлечённо произнесла Илэйн. — Правила можно заменить новыми. Теперь, если пожелаете, вы можете позволить женщинам Родни выходить замуж. Я думаю, что перемены были бы к лучшему.

— Почему? — спросила Алис.

— Потому что это их свяжет, — пояснила Илэйн. — И сделает менее опасными для Белой Башни. Это поможет отличить вас от неё. Мало кто в Белой Башне выходит замуж, и именно это сделает Родню более привлекательной.

Алис кивнула, задумавшись. Сумеко, казалось, тоже готова была

согласиться. Илэйн было жаль сознавать, что она не будет скучать по Сумеко, когда та уедет. Илэйн собиралась заставить их изменить порядок выбора главы. Намного удобнее было бы сотрудничать среди Родни с кем-то вроде Алис, а не той, которая окажется среди них старейшей.

— Я всё ещё беспокоюсь об Амерлин, — сказала Алис. — Айз Седай не взимают плату за свои услуги. Что она скажет, если мы начнём это делать?

— Я поговорю с Эгвейн, — отозвалась Илэйн. — Уверена, что смогу убедить её в том, что ни Родня, ни Андор не представляют для неё

угрозы.

Надо надеяться, что сможет. Для Родни это был невероятный шанс, а также шанс для Андора иметь постоянные и недорогие ворота перехода. Это практически делало её равной Шончан.

Илэйн ещё немного поговорила с женщинами, чтобы те сочли, что она уделила им должное внимание. Наконец она отослала их, а сама осталась в саду, стоя между двумя вазонами с растущими колокольчиками — их крохотные, похожие на чаши соцветия шевелил лёгкий ветерок. Она старалась не смотреть на пустой вазон, находившийся рядом с этими.

Колокольчики там стали цвета крови, а когда их срезали, из них и *вправду* потекло что-то красное. Поэтому садовники от них избавились.

Рано или поздно, Шончан явятся в Андор. К тому времени войска Ранда, вероятно, будут ослаблены сражениями, а их лидер может быть мёртв. В очередной раз её сердце сжалось от подобного предположения, но она должна смотреть правде в лицо.

Для Шончан Андор будет лакомым кусочком. Их соблазнят рудники и плодородные земли, не говоря уже о близости к Тар Валону. Кроме того, Илэйн подозревала, что люди, объявившие себя потомками

Артура Ястребиное Крыло, не успокоятся, покуда не приберут к рукам всё, что когда-то принадлежало их предку.

Илэйн задумалась о народе. *Её* народе. О тех, кто доверился ей, поверил, что она сможет защитить и позаботиться о них. Многие, поддержавшие её притязания на трон, почти в неё не верили. Но она была их лучшим, их единственным выбором. Она докажет, насколько этот выбор был мудрым.

Взять Родню под крыло — только первый шаг. Рано или поздно Шончан научатся Перемещению. Всё, что требовалось сделать — захватить женщину, которой

известно это плетение, а затем любая *дамани* с достаточным уровнем Силы сможет создавать врата. Илэйн Перемещение тоже необходимо.

Но чего ей не хватало, так это людей, способных направлять, которых можно использовать в битве. Она знала, что не может об этом просить Родню. На подобное они никогда бы не согласились, как и Эгвейн, как и сама Илэйн. Принуждать женщину использовать Силу как оружие — значит стать ничем не лучше тех же Шончан.

К сожалению, Илэйн прекрасно знала, какие разрушения могут причинить женщины, использующие Единую Силу. Она лежала связанной

в фургоне, пока Бергитте атаковала Чёрных Айя, похитивших Илэйн прямо посередине Кэймлина. Но она видела, к чему это привело. Сотни убитых, сотни раненых, многие выжжены погибельным огнём. Дымящиеся, изуродованные трупы.

Ей необходимо что-то иметь взамен. Какое-то преимущество над Шончан. Что-то, что в бою можно противопоставить их направляющим. Единственным, что приходило в голову, была Чёрная Башня. Она стояла на земле Андора. Илэйн объявила, что считает их частью своей страны, но пока не пошла дальше отправки инспекционных отрядов.

Что с ними будет, если Ранд погибнет? Посмеет ли она на них претендовать? Осмелится ли ждать, пока это сделает кто-то другой?

Глава 18

СИЛА ДОМА

Перрин мчался сквозь темноту. Капли тумана омывали его лицо и оседали на бороде. Его мысли были смутными, отстранёнными. Куда он бежит? Что он делает? Почему? Перрин взревел и рванул вперёд, продираясь сквозь покрывало тьмы на открытое место. Он глубоко вздохнул и опустился на вершину обрывистого холма, местами покрытого короткой травой. Подножие холма кольцом опоясывали деревья. Небо, напоминая кипящий котел со

смолой, грохотало и вспенивалось тучами.

Он находился в волчьем сне. Его спящее тело оставалось в реальном мире на вершине этого холма рядом с Фэйли. Глубоко дыша, он улыбнулся. Проблемы несколько не уменьшились. На самом деле, учитывая выдвинутый Белоплащниками ультиматум, они только возросли. Но с Фэйли всё уладилось. Этот простенький факт так много менял. Когда она рядом, он может справиться с чем угодно.

Перрин спрыгнул со склона и пересёк поле, на котором разбила лагерь его армия. Они пробыли здесь уже достаточно, чтобы это

отразилось на волчьем сне. Палатки находились на тех же местах, что и в реальности, хотя их пологи при каждом новом взгляде оказывались в разном положении. Кострища, разбитая колея, мусор или сломанные инструменты то появлялись, то исчезали.

Он быстро пересёк лагерь, преодолевая за один шаг расстояние в десять обычных. Прежде отсутствие в лагере людей могло показаться ему жутковатым, но он уже привык к волчьим снам. Это было естественно.

Перрин оказался у статуи, возле которой был разбит лагерь, и взглянул на выветрившийся камень,

поросший чёрным, оранжевым и зелёным лишайником. Должно быть, изначально статуя была установлена как-то странно, раз упала подобным образом. Даже казалось, что такой она была задумана — в виде торчащей из-под земли гигантской руки.

Затем он повернул на юго-восток, где должен был находиться лагерь Белоплащников. Ему нужно с ними разобраться. В нём всё больше крепла уверенность, даже убеждение, что, не разобравшись с этими призраками из прошлого, он не сможет продолжить путь.

Был один способ решить всё наверняка: тщательно расставленная

при помощи Аша'манов и Хранительниц Мудрости ловушка. Перрин мог нанести Детям такой удар, от которого те бы оправились не скоро. Возможно даже, что он навсегда уничтожит их орден.

У него есть способ, есть возможность и повод. Не будет больше страха в этих землях, не будет притворных судилищ Белоплащников. Он прыгнул, пролетев тридцать футов, и мягко приземлился. Затем бросился вперед вдоль дороги на северо-восток.

Он обнаружил их лагерь на прогалине у леса. Здесь плотными кольцами были расставлены тысячи белых шатров — почти десять тысяч

Детей Света и около десяти тысяч наёмников и прочих солдат. По оценке Балвера, здесь были почти все оставшиеся Белоплащники, хотя он и не признался, откуда у него подобная информация. Остается надеяться, что ненависть этого тусклого человечка к Белоплащникам не сказалась на его суждениях.

Перрин прошёл через лагерь мимо шатров, пытаясь обнаружить хоть что-нибудь, что могли упустить Илайас с айильцами. Это было маловероятно, но стоило попытаться, раз уж он всё равно здесь. Кроме того, ему хотелось своими глазами посмотреть на это место. Переходя от одной группы палаток к другой, он

заглядывал внутрь, осматривался, пытаясь почувствовать это место и его обитателей. Лагерь был устроен весьма упорядоченно. Содержимое шатров было менее стабильно, чем они сами, но всё, что он видел, также находилось в полном порядке.

Белоплащикам нравились опрятные и аккуратно сложенные вещи. И им хотелось отполировать и начистить до блеска весь остальной мир, а людей чётко расставить по своим местам, классифицировать и дать им определение в одно или два слова.

Перрин покачал головой и направился к шатру Лорда Капитан-Командора. Благодаря организации

лагеря в виде концентрических кругов, его было легко найти в центре. Шатёр был ненамного больше прочих, и Перрин заглянул внутрь, пытаясь найти там что-нибудь полезное. Обстановка была простой — походная кровать-скатка, которая при каждом взгляде оказывалась на новом месте, и стол, предметы на котором случайным образом то исчезали, то появлялись.

Перрин шагнул к нему, взяв нечто, только что появившееся. Это оказалось кольцо-печатка. Он не смог узнать герб — крылатый кинжал, но успел запомнить за мгновение до того, как кольцо исчезло из рук — оно было слишком

неустойчивым, чтобы надолго задерживаться в волчьем сне. Хотя он уже встречался и обменивался посланиями с предводителем Белоплащников, он всё ещё мало знал о его прошлом. Возможно, кольцо поможет узнать подробности.

Он ещё немного осмотрелся в палатке, и, ничего не найдя, направился к большому шатру, где, как утверждал Гаул, содержалось большая часть пленников. Здесь он на мгновение увидел шляпу мастера Гилла. Затем она исчезла.

Удовлетворённый увиденным, Перрин вышел наружу. Сделав это, он почувствовал какое-то беспокойство. Не следовало ли точно

так же поступить во время похищения Фэйли? Он отправлял в Малден множество разведчиков. Свет, он изо всех сил старался удержаться от самостоятельных поисков Фэйли, но даже не попытался навестить то место в волчьих снах!

Возможно, это было бы бесполезно. Но он даже не подумал о такой возможности, и это его беспокоило.

Проходя мимо телеги, стоявшей рядом с одним из шатров Белоплащников, он замер. Задняя её часть была открыта, и внутри, наблюдая за ним, лежал матёрый серебристый волк.

— Я позволяю себе слишком увлекаться, Прыгун, — произнёс Перрин. — Направляясь к цели, я становлюсь беспечным. Это может быть опасно. Как и в битве, сосредоточившись на противнике перед собой, ты не замечаешь лучника сбоку.

Прыгун приоткрыл пасть, улыбаясь по-волчьи. Он выпрыгнул из телеги. Перрин чувствовал неподалёку других волков — ту стаю, с которой он бегал раньше. Танцующая в Дубах, Искристый, Свободный От Оков.

— Ну ладно, — сказал он Прыгуну. — Я готов учиться.

Прыгун уселся на задние лапы и

установился на Перрина.

«*Следуй*», — мысленно позвал волк.

Затем он пропал.

С проклятьем Перрин огляделся. Куда тот исчез? В поисках волка он обошёл весь лагерь, но нигде не почувствовал Прыгуна. Он попытался найти его мысленно. Тоже ничего.

«*Юный Бык*, — Прыгун внезапно возник у него за спиной. — *Следуй*». И снова исчез.

Перрин зарычал и в мгновение ока бежал лагерь. Не найдя там волка, он вернулся в поле, где повстречал Прыгуна в прошлый раз. И там волка не оказалось. Расстроенный Перрин остался стоять

среди колышущихся колосьев.

Прыгун появился несколькими минутами позже. От волка пахло досадой. «*Следуй!*» — позвал он.

— Я не знаю как, — признался Перрин. — Прыгун, я не знаю, куда ты направляешься.

Волк сел. Он мысленно послал Перрину образ щенка, который присоединяется к стае. Волчонок наблюдает за старшими и повторяет за ними.

— Я — не волк, Прыгун, — сказал Перрин. — Я не смогу так научиться. Ты должен объяснить мне, что мне делать.

«*Иди туда*» — как ни странно, волк послал образ Эмондова Луга.

Затем он пропал.

Перрин последовал за ним и оказался на знакомой лужайке. Но окружавшие её дома выглядели странно. Эмондову Лугу следует быть небольшой деревушкой, а вовсе не городом с каменной стеной и мощёной дорогой, идущей мимо гостиницы мэра. За короткое время его отсутствия здесь многое изменилось.

— Зачем мы здесь? — спросил Перрин. Посреди площади развевалось знамя с волчьей головой. Это могли быть причуды волчьего сна, однако сомнительно. Он слишком хорошо знал, с какой охотой двуреченцы подняли штандарт

«Перрина Златоокого».

«Люди — странные», — передал Прыгун.

Перрин повернулся к старому волку.

«Люди мыслят странно, — продолжил Прыгун. — Мы не пытаемся их понять. Почему олень бежит, воробей летает, а дерево растёт? Просто это так. И всё».

— Хорошо, — согласился Перрин.

«Я не могу научить воробья охотиться, — продолжал Прыгун. — А воробью не научить волка летать».

— Но здесь ты можешь полететь, — возразил Перрин.

«Да. Но меня не учили. Я просто это знаю». От Прыгуна пахло смятением и другими эмоциями. Каждый волк помнит всё, что знает хотя бы один из них. Прыгун был разочарован, потому что ему хотелось научить Перрина, но он не умел делать это по-человечьи.

— Пожалуйста, — попросил Перрин. — Попытайся объяснить, что ты имеешь в виду. Ты всегда повторяешь, что я здесь «слишком сильно». Ты говоришь, что это опасно. Почему?

«Ты спишь, — ответил Прыгун. — Другой ты. Тебе нельзя оставаться здесь надолго. Ты должен всегда помнить о том, что

ты здесь понарошку. Это не твоё логово».

Прыгун повернулся к окружающим их домам. *«Вот — твоё логово. Логово твоих предков. Это место. Помни о нём. Оно поможет тебе не потеряться — когда-то твоё племя так умело. Ты поймёшь».*

Это не был вопрос, скорее это казалось похожим на мольбу. Прыгун не знал, как объяснить лучше.

«Я могу попробовать», — решил Перрин, пытаясь понять суть послания. Но Прыгун был неправ. Это место не было его домом. Дом Перрина — там, где Фэйли. Значит, чтобы не оказаться слишком сильно

затянутым в волчий сон, ему следует помнить об этом.

«Я видел твою самку в твоём разуме, Юный Бык, — наклонив голову, передал Прыгун. — Она похожа на пчелиный улей — со сладким мёдом и острыми жалами внутри». В переданном Прыгуном образе Фэйли походила на очень странную волчицу. Сперва она игриво хватает за нос, а затем рычит, отказываясь разделить свою добычу.

Перрин улыбнулся.

«Память — только часть, — продолжил Прыгун, — но другая часть — ты сам. Ты должен оставаться Юным Быком».
Отражение волка в воде —

мерцающее и становящееся
размытым, когда его касается рябь.

— Я не понимаю.

*«Сила этого места, — Прыгун
направил образ волка, целиком
вырезанного из камня, — это твоя
сила. — Волк задумался на
мгновение. — Держись. Оставайся.
Будь собой».*

Передав это, волк встал и
подался назад, словно приготовился
прыгнуть на Перрина.

Сбитый с толку Перрин
вообразил себя самого, изо всех сил
стараясь удержать этот мысленный
образ в голове.

Прыгун разбежался и прыгнул,
всем телом врезавшись в Перрина.

Так же он делал и раньше, каким-то образом *выбрасывая* Перрина из волчьего сна.

Однако, на сей раз Перрин этого ждал. Инстинктивно он отступил назад. Волчий сон вокруг Перрина исказился, но потом снова стал стабильным. Прыгун отлетел от него, хотя тяжёлый волк должен был придавить его к земле.

Прыгун, словно оглушённый, помотал головой. — *«Хорошо, — довольный Перрином, передал он. — Хорошо. Ты учишься. Ещё раз».*

Перрин едва успел выпрямиться, когда Прыгун наскочил на него снова. Человек зарычал, но устоял.

«Сюда», — и Прыгун передал

образ хлебного поля. Волк исчез, и Перрин отправился следом. Едва он появился, как волк ударил в его разум и тело.

В этот раз Перрин упал, всё взволновалось и замерцало. Он почувствовал, что его выталкивают, выбрасывая из волчьего сна в обычный.

«*Нет!*» — подумал он, удерживая мысленно образ — как он стоит на коленях посреди колосьев. Он стоит *в поле*. Перрин убедил себя в том, что это твёрдо и реально. Он почувствовал аромат овса, запах влажного воздуха с нотками глины и опавшей листвы.

Окружающая

картина

упрочнилась. Тяжело дыша, он опустился на землю, но всё-таки он сумел остаться в волчьем сне.

«Хорошо, — передал Прыгун. — Ты быстро учишься».

— У меня нет иного выхода, — ответил Перрин, поднимаясь.

«Скоро Последняя Охота», — согласился волк, передав образ лагеря Белоплащников.

Собираясь с духом, Перрин отправился следом. Атаки не последовало. Он огляделся в поисках волка.

Что-то ударило в его разум. Движения не было, только мысленная атака. Она не была столь мощной, как прежние, но оказалась

неожиданной. Перрин едва смог её отразить.

Прыгун грациозно опустился с неба на землю. *«Всегда будь начеку, — предупредил волк. — Всегда, и особенно, когда ты в движении».* — Этому соседствовал образ настороженного волка, пробующего воздух перед тем, как выйти на открытое место.

— Понимаю.

«Но не оставайся здесь слишком сильно», — пожурил Прыгун.

Перрин тут же заставил себя вспомнить Фэйли и место, где он спит. Его дом. Перрин... немного потускнел. Он не стал прозрачным, и волчий сон остался таким, как и

прежде, но Перрин почувствовал себя уязвимее.

«Хорошо, — передал Прыгун. — Будь всегда готов, но и не будь здесь слишком сильно. Словно несёшь щенка в зубах».

— Так балансировать будет непросто, — признался Перрин.

От Прыгуна донёсся запах лёгкого замешательства. Конечно, это трудно.

Перрин улыбнулся.

— И что теперь?

«Пробежимся, — ответил Прыгун, — и ещё позанимаемся».

И, превратившись в серебристо-серое пятно, волк умчался прочь по направлению к дороге. Перрин

отправился следом. Он почувствовал уверенность Прыгуна — запах, странным образом похожий на тот, что исходил от Тэма, когда он муштровал новобранцев из числа бывших беженцев. При этом воспоминании Перрин улыбнулся.

Они бежали вдоль дороги, и Перрин упражнялся в сохранении баланса — не погружаться в сон глубоко, но в любой момент быть готовым укрепить *себя*. Время от времени Прыгун нападал, пытаясь выбросить Перрина из волчьего сна. Так они продолжали, пока внезапно Прыгун не остановился.

Перрин машинально пробежал немного, вырвавшись вперёд, и

остановился. Впереди что-то *было*. Какая-то перекрывавшая всю дорогу полупрозрачная фиолетовая стена. Она поднималась к небу и далеко уходила в обе стороны.

— Прыгун? — спросил Перрин. — Что это такое?

«*Неправильность*», — ответил Прыгун. — *Этого здесь быть не должно*». От волка пахло гневом.

Перрин подошёл и поднёс руку к поверхности стены, но медлил с прикосновением. Она была похожа на стекло. Никогда прежде он не встречал в волчьем сне ничего подобного. Возможно, это нечто подобное пузырю зла? Он посмотрел на небо.

Внезапно стена мигнула и исчезла. Перрин моргнул и отшатнулся. Он оглянулся на Прыгуна. Волк сидел на задних лапах, уставившись на место, где только что находилась стена.

«Идём, Юный Бык, —
поднимаясь, передал волк. —
Позанимаемся в другом месте».

Он убежал. Перрин оглянулся на дорогу. Если стена и была, то после неё не осталось и следа. Встревоженный Перрин последовал за Прыгуном.

* * *

— Чтоб мне сгореть, где же эти лучники! — воскликнул Родел Итуралде, вскарабкавшись на вершину холма. — Я час назад приказывал им построиться на передовых башнях, чтобы сменить арбалетчиков!

Вокруг гремела битва: лязг, вопли, рычание, удары и рёв. Армия троллоков переправлялась через реку — кто по грубому плавучему мосту из поленьев, а кто на плотах из брёвен. Троллоки *ненавидели* воду. Чтобы заставить их пересечь реку, нужно приложить очень серьёзные усилия.

Именно потому это укрепление было таким полезным. Склон

спускался прямо к единственному на многие лиги вокруг имеющему подходящий размер броду. Подходившие с севера из Запустения троллоки втискивались в узкое ущелье и выходили прямо к реке Аринелле. Если их удавалось заставить пересечь реку, то они упирались в холм, изрытый траншеями, укреплённый защитными валами и — на самой вершине — сторожевыми башнями с лучниками. Иного способа добраться из Запустения до Марадона, кроме как минуя этот холм, не было.

Это была идеальная позиция для сдерживания превосходящих сил. Но даже лучшие укрепления можно

преодолеть, особенно если обороняющиеся устали после несколько недель сражений. Под градом стрел троллоки взбирались по склону, падали в траншеи, с трудом карабкались на высокие валы.

На вершине холма была устроена площадка. Здесь в передовом лагере располагался командный пункт Итуралде. Глядя на переплетение траншей, валов и башен, он отдавал своим приказы. Сейчас троллоки гибли под натиском скрывавшихся за одним из валов пикинёров. Итуралде наблюдал за ними, пока от раны в живот с рёвом не умер последний огромный пронзённый сразу тремя пиками

рогатый троллок.

Похоже, на подходе была новая волна. Мурддраалы гнали сквозь ущелье толпу троллоков. В красной от крови реке уже плавало такое количество тел, практически перекрывших путь воде, что напирающим сзади не нужно было входить в волны. Они могли идти по трупам.

— Лучники! — взревел Итуралде. — Где эти проклятые...

Наконец мимо пробежал отряд стрелков из созданного им резерва. Большинство из них были меднокожими доманийцами, хотя среди них затесались несколько тарабонцев. Вооружены они были

разномастными луками: и узкими большими доманийскими, и изогнутыми короткими салдэйскими — всё, что сумели собрать по всем сторожевым постам и в окрестных деревнях. Было даже несколько больших двуреченских.

— Лидрин, — позвал Итуралде. Молодой офицер с суровыми глазами поспешил через склон к нему. Коричневая форма Лидрина была помята и испачкана на коленях — но не из-за недостатка дисциплины. Просто порой, если в тебе нуждаются твои подчинённые, не до стирки.

— Отправляйся с лучниками к башням, — приказал Итуралде. —

Троллоки попытаются атаковать ещё раз. Я *не хочу*, чтобы хоть один кулак прорвался к вершине, слышишь? Если им удастся захватить нашу позицию и использовать её против нас, утро у меня будет испорчено напрочь.

Лидрин не улыбнулся в ответ, как прежде. Он вообще стал улыбаться только в момент, когда убивал очередного троллока. Офицер отсалютовал и, развернувшись, последовал за стрелками.

Итуралде обернулся и оглядел задний склон холма. Здесь под защитой крутого откоса был размещён тыловой лагерь. Этот холм был естественным, однако за многие

годы салдэйцы продлили склон до берега реки и подрезали с противоположной стороны, сделав более крутым. Здесь его армия могла отдыхать, принимать пищу и хранить припасы, не опасаясь вражеских стрел.

Оба лагеря — и верхний, и нижний — были похожи на лоскутное одеяло. Часть палаток были куплены в Салдэе, в деревнях, часть — доманийской работы, остальные были доставлены через Врата со всех уголков мира. Много было огромных полосатых шатров кайриэнской работы. Они уберегали от дождя, и этого было достаточно.

Определённо, салдэйцы знали

толк в укреплениях. Если б только Итуралде сумел их убедить покинуть своё убежище за городскими стенами Марадона и прийти на помощь.

— Что ж, — сказал Итуралде. —

А где?..

Он осёкся, поскольку в небе появилось нечто тёмное. Он едва успел выругаться и броситься в сторону. В то же мгновение множество крупных предметов, летевших по высокой дуге, дождём обрушилась на передовой лагерь, вызвав крики боли и смятение. Это были не камни, а *трупы*. Огромные тела мёртвых троллоков. Отродья Тени наконец-то собрали свои требушеты.

Итуралде был отчасти горд тем, что он вынудил их это сделать. Осадные орудия, без сомнения, были приготовлены для атаки на Марадон, который находился немного южнее. Установка же требушетов на берегу за бродом для атаки передовых линий обороны Итуралде не только замедлит атаку Тени, но и позволит контратаковать осадные орудия.

Но Итуралде не рассчитывал, что те начнут метать трупы. Он выругался, так как небо снова потемнело, и вниз упало еще больше тел, снеся палатки и попав в солдат.

— Целители! — выкрикнул Итуралде. — Где Аша'маны? — С первого дня осады он гонял их

нешадно, доводя до грани истощения. Теперь он держал их в резерве, используя только когда троллоки слишком близко подступали к верхнему лагерю.

— Сэр! — С передовой вскарабкался юный посыльный с грязью под ногтями. Его доманийское лицо было пепельно-бледным, и он был ещё слишком молод, чтобы отрастить нормальные усы. — Капитан Финзас сообщает, что армия Отродий подтянула на линию огня свои требушеты. Он насчитал шестнадцать штук.

— Дайте знать капитану Финзасу, что его треклятый доклад мог прибыть немного пораньше, —

прорычал Итуралде.

— Сожалею, милорд. Они протащили их через ущелье раньше, чем мы поняли, что происходит. Первый же залп попал в наш наблюдательный пост. Лорд Финзас был ранен.

Итуралде кивнул. Прибыл Раджаби, чтобы принять командование передовым лагерем и распределить раненых. Часть трупов упала также и на тыловой лагерь. Требушеты имели возможность вести дальнюю навесную стрельбу и атаковать ранее защищённые позиции. Ему придётся перенести тыловой лагерь подальше в направлении Марадона, но это

увеличит время сообщения между ними. Проклятый пепел.

«Никогда раньше я так часто не сквернословил», — подумал Итуралде. Это всё тот мальчишка, Дракон Возрождённый. Ранд ал'Тор дал Итуралде слово, что-то пообещав вслух, а что-то намёками. Обещание защитить Арад Доман от Шончан. Обещание, что, пойманный в ловушку, Итуралде выживет, а не погибнет от рук Шончан. Обещание позволить ему совершить что-то. Важное, жизненно необходимое. Нечто невозможное.

Сдерживать Тень. Отбиваться, пока не прибудет подмога.

Небо снова потемнело, и

Итуралде нырнул в командный павильон, у которого была устроена деревянная крыша на случай применения осадных орудий. Он опасался залпов камней, а не трупов. Люди рассредоточились, помогая перенести раненых в относительно безопасный тыловой лагерь, а оттуда через равнину к Марадону. Раджаби руководил этим процессом. У этого великана была шея толщиной со ствол десятилетнего ясеня и почти такой же толщины мускулистые руки. В бою он был ранен в левую ногу, и её пришлось ампутировать почти по колено. Айз Седай Исцелили его насколько смогли, но теперь он хромал из-за протеза. Уйти

с тяжело ранеными через ворота он отказался, и Итуралде не стал ему приказывать. Незачем разбрасываться хорошими офицерами из-за одной раны.

Когда раздувшийся труп вновь ударил по крыше павильона, молодой офицер поморщился. Этот офицер по имени Желл не был смуглым доманийцем, хотя отпустил усы по доманийской моде и нарисовал на щеке изящную мушку в виде стрелы.

Они не могли с такой горсткой людей долго сдерживать троллоков. Итуралде придётся отступить с позиции на позицию дальше вглубь Салдэйи и ещё дальше к Арад Доману. Как странно складываются

его отступления — каждый раз по направлению к родине. Сперва с юга, теперь с северо-востока.

Арад Доман будет раздавлен между Шончан и троллоками. *«Тебе лучше сдержать слово, мальчик».*

К сожалению, он не мог отступить в Марадон. Салдэйцы довольно ясно дали понять, что считают Итуралде, равно как и Дракона Возрождённого, захватчиками. Треклятые дурни. По крайней мере, у него есть шанс уничтожить осадные машины.

Ещё одна туша ударилась о крышу постройки, но та выдержала. Судя по воню, а иногда и по хлюпающему звуку удара, эти трупы

они выбирали из числа несвежих. Полностью уверенный в исполнительности своих офицеров и не считая необходимым вмешиваться, Итуралде сцепил руки за спиной. Завидев его, находившиеся и внутри, и снаружи солдаты распрямляли плечи. Самый совершенный план существует до тех пор, пока не выпущена первая стрела, но уверенный и решительный командующий способен обратить хаос в порядок одним своим видом.

Грозное небо, на котором бурлили чёрно-серебряные тучи, походило на почерневший, подвешенный над огнем котёл с проблесками металла из-под слоя

сажи. Это было ненормально. Но пусть подчинённые видят, что он не боится, даже когда с этого неба градом сыплются трупы.

Раненых унесли, и в тыловом лагере закипела работа. Его начали разбирать, чтобы переместить подальше. Лучники и арбалетчики непрерывно стреляли, а пикинёров он держал на валах наготове. Ещё были значительные силы кавалерии, но здесь он их использовать не мог.

Требушеты, если с ними ничего не сделать, сметут его солдат дождём камней и осколков — но Итуралде собирался поджечь их первым с помощью Аша'манов или огнём горящих стрел, направленных сквозь

врата.

«Если б только я мог отступить в Марадон». Но тот салдэйский лорд его не впустит. Если бы Итуралде отступил к городу, то троллоки попросту раздавили бы его о крепостные стены.

Проклятые, растреклятые дураки. Насколько нужно быть ненормальными, чтобы не дать людям убежища, когда армия Тени стучится в ворота?

— Мне нужен отчёт о потерях, — передал Итуралде лейтенанту Нильсу. — Подготовьте к атаке на осадные машины лучников и позовите двоих дежурных Аша'манов. Передайте капитану

Кридину проследить, не пойдут ли троллоки вновь в атаку через брод. После этого обстрела они удвоят нажим, так как сочтут, что деморализовали нас.

Молодой человек кивнул и поспешил исполнить приказ. Одновременно с его уходом в построюку, прихрамывая и почёсывая широкий подбородок, явился Раджаби.

— Ты снова верно угадал насчет требушетов. Им *пришлось* применить их против нас.

— Я всегда пытаюсь угадывать верно, — ответил Итуралде. — Если я не ошибаюсь, мы терпим поражение.

Раджаби крикнул. В небе не утихала буря. Издалека Итуралде слышал клич троллоков, бой барабанов, крики людей.

— Что-то не так, — произнёс Итуралде.

— Вся эта проклятая война пошла наперекосяк, — откликнулся Раджаби. — Нас не должно быть здесь; это обязанность салдэйцев. Причём всей армии, а не кучки кавалеристов, переданных нам Возрождённым Драконом.

— Нет. Тут что-то ещё, — ответил Итуралде, взглядываясь в небо. — Зачем трупы, Раджаби?

— Чтобы нас деморализовать.

Такая тактика была знакома. Но

с первых же залпов? Почему сперва не использовать камни — они причинили бы больше вреда — и только потом бросать трупы, когда эффект неожиданности уже утрачен? Троллоки слишком тупы для тактических расчётов, а вот Исчезающие... те могут быть очень коварны. Это ему довелось узнать лично.

Итуралде смотрел в небо — последовал следующий мощный залп, словно прорвало сами тёмные небеса. Свет, где же они взяли так много требушетов, чтобы выстрелить сотнями трупов?

Посыльный говорил: «он насчитал шестнадцать штук». Этого

явно недостаточно. И почему некоторые трупы падают слишком ровно?

Догадка поразила его будто разряд молнии. Вот же коварные проклятые твари!

— Лучники! — закричал Итуралде. — Лучники, следите за небом! Это не трупы!

Но было поздно. В тот же миг, как он закричал, Драгкары развернули крылья. В этом залпе более половины «снарядов» оказались живыми отродьями Тени, спрятавшимися среди трупов. Несколько дней назад, после первого нападения Драгкаров на его армию, он выделил лучников на постоянное

круглосуточное наблюдение за небом.

Но у лучников не было приказа стрелять по летящим трупам. Не прекращая кричать, Итуралде выскочил из павильона, попутно выхватывая меч из ножен. Верхний лагерь обратился в хаос, поскольку Драгкары приземлялись среди солдат. Большая группа опустилась прямо возле поста командующего. Твари с огромными чёрными блестящими глазами начали завлекать к себе людей своими сладкими песнями.

Итуралде вопил изо всех сил, заглушая остальные шумы звуком собственного голоса. Одно из

существо повернулось к нему, но крик помешал расслышать напев. Тварь выглядела такой удивлённой, как только способно выглядеть столь непохожее на человека существо. Он пошёл к ней, спотыкаясь и притворяясь, что одурманен, а затем мастерски рубанул по шее. По молочно-белой коже заструилась тёмная кровь. Итуралде, не переставая орать, выдернул лезвие.

Он увидел, как Раджаби споткнулся и упал, и как одно из Отродий Тени нависло над ним. Итуралде не мог прийти ему на помощь, поскольку сам схватился с другой тварью. С облегчением он заметил огненные шары, сбивающие

Драгкаров в воздухе. Появились Аша'маны.

И тут же вдалеке с новой силой загрохотали барабаны. Как он и предвидел, скоро кипящая масса троллоков, перейдя брод, ударит изо всех сил. Свет, иногда он ненавидел оказываться правым.

«Лучше бы ты сдержал своё обещание о помощи, мальчик, — думал Итуралде, расправляясь со вторым Драгкаром, почти охрипнув от крика. — О, Свет! Лучше бы ты сдержал!»

* * *

Фэйли шла через лагерь Перрина. Воздух звенел от разговоров, выкриков командиров и ответных реплик старательных подчинённых. Перрин направил Белоплащикам ещё одно последнее предложение о переговорах и пока не получил никакого ответа.

Фэйли чувствовала себя отдохнувшей. Она провела всю ночь, уткнувшись Перрину в плечо на вершине холма. Она заранее запаслась кучей одеял и спальных принадлежностей. Трава на холме в некотором роде оказалась гораздо удобнее, чем их палатка.

Сегодня утром из Кайриэна вернулись разведчики. Скоро будет

их доклад. А пока Фэйли ополоснулась и поела.

Настало время что-то решать с Берелейн.

Подогревая растущий гнев, она направилась по утопанному лугу к майенской части лагеря. Берелейн зашла слишком далеко. Перрин говорил, будто слухи пошли не от самой Берелейн, а от её служанок, но Фэйли знала правду. Первенствующая умела мастерски манипулировать и управлять слухами. Это один из лучших способов править, когда твоя власть относительно слаба. Так Первенствующая действовала в Майене, и точно так же сделала здесь, в лагере, где власть Фэйли —

супруги Перрина — была сильнее.

У входа в майенскую часть на страже стояла пара часовых Крылатой Гвардии. Их нагрудники были выкрашены в тёмно-красный цвет, а на головах — крылатые шлемы в форме горшков, расширяющихся от затылка вниз по шее. При приближении Фэйли они вытянулись, сжав свои по большей части декоративные копья с хлопающими на ветру флажками, на которых на фоне синего неба летел золотой ястреб.

Чтобы заглянуть им в глаза Фэйли пришлось вытянуть шею:

— Проводите меня к вашей госпоже, — приказала она.

Гвардейцы кивнули. Один поднял руку в перчатке, и подозвал двух солдат из лагеря, чтобы те сменили их на посту.

— Нам велели ожидать вас, — ответил гвардеец низким голосом.

Фэйли удивлённо изогнула бровь.

— Сегодня?

— Нет. Первенствующая просто сказала, чтобы мы выполнили ваши приказы, когда вы появитесь.

— Конечно, вы должны выполнять мои приказы, ведь это лагерь моего мужа.

Гвардейцы не стали спорить, хотя, возможно, они были не согласны. Берелейн направили

сопровождать Перрина, но ему не было дано право распоряжаться ни ею, ни её войсками.

Фэйли последовала за провожатыми. Какое чудо, земля начинала подсыхать. Фэйли уверила Перрина, что её не волнуют какие-то слухи, однако она *была* раздражена дерзостью Берелейн.

«Эта женщина, — думала Фэйли, — да как она смеет...»

Нет. Нет. Фэйли нельзя и дальше продолжать в таком духе. Громкая ссора может и улучшить её настроение, зато умножит слухи. Что ещё вообразят люди, если увидят её, идущей к шатру Первенствующей, а затем орущей на неё? Фэйли следует

сохранять спокойствие. Хотя это будет трудно.

Лагерь майенцев был выстроен линиями, расходящимися от центрального шатра, словно спицы в колесе. У Крылатой Гвардии не осталось собственных палаток — те находились у мастера Гилла, но размещалась она очень организованно — по отделениям. Ряды палаток казались *слишком* идеальными: ровно сложенные одеяла, пирамиды копий, коновязи и равномерно выкопанные костровые ямы. Шатёр Берелейн был лавандового цвета с бордовыми вставками — трофей, взятый в Малдене. Пока пара рослых

гвардейцев вела её к шатру, Фэйли старалась держать себя в руках. Один из них постучал по находившемуся снаружи столбу, попросив разрешения войти.

Изнутри ответил спокойный голос Берелейн, и гвардеец отодвинул полог, позволяя Фэйли войти. Едва она собралась шагнуть вперёд, как шелест изнутри заставил её отступить, и из шатра появилась Анноура. Айз Седай кивнула Фэйли, качнув косичками около лица. У неё был недовольный вид — ей ещё не удалось восстановить расположение своей госпожи.

Фэйли сделала глубокий вздох и вошла в шатёр. Внутри было

прохладно. На полу был расстелен тёмно-бордовый ковёр с зелёным рисунком в виде вьющегося плюща. Хотя без привычной походной мебели шатёр Берелейн выглядел пустым, у той оставалась пара крепких дубовых кресел и лёгкий столик, также взятый в Малдене.

Первенствующая поднялась навстречу:

— Леди Фэйли, — спокойно обратилась она. Сегодня на ней была надета корона Майена. Изящная диадема была выполнена в виде простого обруча с единственным украшением в виде парящего золотого ястреба, словно летящего навстречу солнцу, льющемуся сквозь

отверстия в потолке шатра. Часть клапанов наверху были открыты, чтобы впустить внутрь свет. Платье Первенствующей было из золотой и зелёной материи с очень простым поясом на талии и с откровенным вырезом на груди.

Фэйли села в одно из кресел. Этот разговор может быть опасным, он может привести к катастрофе, но всё равно он нужен.

— Полагаю, у вас всё в порядке? — поинтересовалась Берелейн. — Вас не утомили дожди, лившие последние несколько дней?

— Дожди были просто ужасные, Берелейн, — ответила Фэйли, — Но я здесь не для того, чтобы говорить о

погоде.

Берелейн поджала идеальные губки. Свет, как же она красива! По сравнению с ней Фэйли чувствовала себя замухрышкой с большим носом и маленькой грудью. И голос у неё был совсем не такой мелодичный, как у Берелейн. Почему Создатель создал столь прекрасных людей, как Берелейн? В качестве насмешки над остальными?

Однако Перрин её не любит. Он любит Фэйли. *«Помни об этом».*

— Очень хорошо, — произнесла Берелейн. — Я предполагала, что этот разговор состоится. Позвольте уверить вас, что все слухи абсолютно лживы. Ничего неподобающего

между мной и вашим мужем не было.

— Он мне уже говорил, — ответила Фэйли, — и я верю его словам больше, чем вашим.

Ответ заставил Берелейн нахмуриться. Она была виртуозом политических маневров, обладая таким мастерством и расчётом, которым Фэйли могла только позавидовать. Несмотря на молодость, Берелейн успешно сохраняла независимость своего крошечного государства от притязаний более могучего и крупного Тира. Фэйли могла только предполагать, сколько для этого требовалось политического лавирования, двурушничества и

просто сообразительности.

— Тогда зачем вы ко мне пришли? — присаживаясь, спросила Берелейн. — Если ваша душа спокойна, значит, нет причин беспокоиться.

— Мы обе знаем, что смысл здесь не в том, спали вы с моим мужем или нет, — ответила Фэйли, и Берелейн широко распахнула глаза. — Меня раздражает не то, что случилось на самом деле, а то, что *предполагается*.

— Слухи всегда появляются, где бы ни собрались люди, — сказала Берелейн. — Особенно охочие до сплетен мужчины.

— Такие интенсивные и

устойчивые слухи вряд ли появились без подстрекательства со стороны, — сказала Фэйли. — Теперь каждый человек в лагере, включая принесших мне клятву беженцев, полагают, что во время моего отсутствия вы переспали с моим мужем. В результате не только я выгляжу душой, но и брошена тень на честь Перрина. Он не может вести за собой людей, если они видят в нём человека, который бросается в объятия другой, едва супруги нет рядом.

— Многие правители успешно справлялись с подобными сплетнями, — ответила Берелейн, — и далеко не всегда

безосновательными. Монархии в состоянии пережить супружескую неверность.

— Возможно где-нибудь в Иллиане или Тире, — возразила Фэйли, — но в Салдэе от своих монархов ждут большего. Также как и народ Двуречья. Перрин *не похож* на прочих правителей. Подобные косые взгляды от друзей и посторонних раздирают его на части изнутри.

— Полагаю, вы его недооцениваете, — сказала Берелейн. — Он с этим справится, и научится использовать слухи себе на пользу. Это сделает его сильнее как мужчину и правителя.

Фэйли изучающе посмотрела на женщину.

— Ты ведь совсем его не понимаешь, не так ли?

Берелейн отпрянула, будто её ударили по лицу. Очевидно, ей не нравилась прямота, с какой шла эта беседа. Это могло дать Фэйли небольшое преимущество.

— Я понимаю мужчин, леди Фэйли, — холодно ответила Берелейн. — И ваш муж не исключение. Поскольку вы решили быть искренней, я отвечу вам тем же. Вы поступили очень умно, когда окрутили Айбару, соединив тем самым Салдэйю с Драконом Возрождённым, но не думайте, что

он останется вашим без боя.

Фэйли тяжело вздохнула. Настал момент начать её игру:

— Благодаря вашему шагу, миледи Первенствующая, репутации Перрина был нанесён большой ущерб. Я, возможно, простила бы вам свой позор, но не его.

— Не знаю, что тут можно сделать.

— А я знаю, — ответила Фэйли. — И уверена, что одна из нас должна умереть.

Берелейн сохранила спокойствие.

— Что, простите?

— У нас в Порубежье если женщина узнаёт, что другая

переспала с её мужем, она вызывает ту на дуэль на ножах. — Это было правдой, хотя традиция устарела и теперь редко соблюдалась. — Единственный способ для меня очистить своё имя — это сразиться с вами.

— И что это докажет?

— Как минимум, если вы умрёте — окружающие перестанут считать, что вы всё ещё спите с моим мужем.

— Вы, в самом деле, угрожаете мне в моём собственном шатре?

— Это не угроза, — спокойно ответила Фэйли. Свет, хочется верить, что всё идет правильно. — Это — вызов.

Изучая её расчетливым взглядом, Берелейн ответила:

— Я сделаю публичное заявление. Я при всех отчитаю своих горничных за эти сплетни, и объявлю по всему лагерю, что ничего не было.

— Вы, правда, думаете, что это прекратит слухи? До моего возвращения вы против них не возражали. Это воспринимают как доказательство. И, естественно, теперь от вас *ждут*, что вы будете вести себя как ни в чём ни бывало.

— Вы не можете говорить о... вызове всерьёз.

— Во всём, что касается чести моего мужа, Берелейн, я *всегда* серьёзна. — Она встретила с

женщиной взглядом и увидела в нём беспокойство. Берелейн не хотела с ней драться. И, разумеется, сама Фэйли не хотела драться с Берелейн — и не только потому, что не была уверена в своей победе. Хотя ей всегда *хотелось* отомстить Первенствующей за тот раз, когда Берелейн отобрала у неё нож.

— Я сделаю официальный вызов этим вечером на глазах всего лагеря, — спокойно продолжила Фэйли. — У вас будет ровно один день, чтобы ответить или уйти.

— Я не стану участвовать в подобной чепухе.

— Уже участвуете, — ответила Фэйли, поднимаясь. — Всё началось,

когда вы позволили этим слухам распространиться.

Фэйли повернулась, собираясь выйти из шатра. Ей приходилось стараться, чтобы скрыть своё волнение. Заметила ли Берелейн испарину на лбу? Фэйли чувствовала, что идёт по самому острию меча. Если до Перрина дойдет хоть слово об этом вызове, он будет в бешенстве. Остается надеяться, что...

— Леди Фэйли, — раздался встревоженный голос Берелейн за спиной. — Уверена, что мы сможем договориться. Не доводите до этого.

Фэйли остановилась, её сердце дико колотилось. Она обернулась. Первенствующая выглядела по-

настоящему взволнованной. Да, она поверила, что Фэйли настолько кровожадна, что бросит вызов.

— Я хочу, Берелейн, чтобы ты убралась из жизни Перрина, — сказала Фэйли. — И я добьюсь этого, так или иначе.

— Ты хочешь, чтобы я уехала? — спросила Берелейн. — Задание, которое дал мне Лорд Дракон, закончено. Полагаю, я могу забрать свою армию и уйти на все четыре стороны.

Нет, Фэйли не было нужно, чтобы она уходила. Пропажа её армии станет настоящим ударом перед лицом угрозы Белоплащников. И Фэйли подозревала, что Перрину

снова понадобится Крылатая Гвардия.

— Нет, — ответила Фэйли. — Твой отъезд не отменит слухи, Берелейн.

— Не больше, чем моё убийство, — сухо произнесла женщина. — Если мы сразимся, и тебе удастся меня убить, этим только будет сказано, что слухи о неверности мужа подтвердились, и ты пришла в ярость. Не вижу, как это сможет помочь в твоей ситуации. Это только *подстегнёт* новые слухи.

— Значит, тебе ясна моя проблема, — сказала Фэйли, выказывая наконец своё раздражение. — Похоже, *нет*

способа избавиться от этих слухов.

Берелейн продолжала пристально на неё смотреть. Когда-то она пообещала, что заполучит Перрина. Почти что поклялась. Но, похоже, недавно она частично отказалась от этой мысли. И в её глазах появился намёк на беспокойство.

«Она понимает, что позволила всему зайти слишком далеко», — догадалась Фэйли. Ну конечно, Берелейн не ожидала, что Фэйли вернётся из Малдена. Именно это было причиной столь дерзкого шага.

Теперь женщина поняла, что перестаралась. И вполне обоснованно считает, что Фэйли

настолько рассержена, что способна публично сразиться с нею на дуэли.

— Я не хотела доводить до этого, Берелейн, — сказала Фэйли, возвращаясь в шатёр. — И Перрин тоже. Но твои приставания надоели нам обоим.

— Твой муж почти не сопротивлялся, чтобы меня отвадить, — заметила майенка, скрещивая руки. — Во время твоего отсутствия случались моменты, когда он сам меня *открыто* поощрял.

— Ты совсем его не понимаешь, Берелейн. — Удивительно, как человек может быть настолько слеп, будучи настолько разумным в других вещах.

— Это лишь твоё мнение, — сказала Первенствующая.

— У тебя есть два варианта, Берелейн, — подходя, сказала Фэйли. — Можешь сразиться со мной, и одна из нас умрёт. Ты права, это не прекратит слухи. Но это *остановит* твои посягательства на Перрина. Либо ты будешь мертва, либо станешь женщиной, которая убила его жену.

— Другой выбор, — встретившись взглядом с Берелейн, продолжила Фэйли, — придумать способ остановить эти сплетни раз и навсегда. Ты вызвала этот беспорядок. Тебе его и улаживать.

Вот ставка и сделана. Сама

Фэйли не могла придумать выход из сложившейся ситуации, однако Берелейн была куда искушеннее в подобных вопросах. Таким образом, Фэйли явилась, решив заставить Берелейн поверить, что Фэйли готова на любое безумство. А потом позволить изощрённому политику самой искать выход.

Но сработает ли это?

Фэйли встретила взглядом с Берелейн и дала волю гневу. Произошедшее просто возмутительно. Фэйли мерзла, её избивали и оскорбляли их общие враги. А в это время у Берелейн хватило *наглости* претворять в жизнь подобные замыслы?

Она не сводила взгляда с Первенствующей. Нет, у Фэйли нет такого опыта в политике, как у Берелейн, но у неё есть нечто иное. Она любит Перрина. По-настоящему, глубоко. И сделает *всё что угодно*, чтобы его защитить.

Первенствующая смотрела изучающе.

— Что ж, отлично, — произнесла она. — Да будет так. Можешь собой гордиться, Фэйли. Редко... когда я отказываюсь от желанного приза.

— Ты не ответила, как мы можем пресечь слухи.

— Есть один способ, — призналась Берелейн. — Но он

неприятный.

Фэйли выгнула бровь.

— Нужно, чтобы все считали нас подругами, — пояснила Берелейн. — Дуэль и разногласия только подольют масла в огонь слухов. Но если все увидят, что мы проводим время вместе, это их обезоружит. Этого, наряду с моим формальным отрицанием этих слухов, должно быть достаточно.

Фэйли села обратно в то же кресло. Подруги? Да она эту женщину *терпеть не может!*

— Всё должно выглядеть правдоподобно, — продолжила Берелейн, поднявшись и направляясь к столику в углу палатки. Она налила

себе немного охлаждённого вина. — Только так всё получится.

— И тебе придётся найти другого мужчину, — добавила Фэйли. — Кого-то, кому ты будешь уделять своё внимание. По крайней мере, некоторое время. Чтобы доказать, что Перрин тебя не интересуется.

Берелейн подняла кубок.

— Да, — сказала она, — подозреваю, что это тоже поможет. Сможешь ли ты сыграть в такую игру, Фэйли ни Башир т'Айбара?

«Ты же поверила, что я готова тебя убить, не так ли?» — подумала Фэйли.

— Обещаю.

Берелейн замерла с
поднесённым ко рту кубком. Затем
она улыбнулась и выпила.

— Значит, поглядим, — сказала
она, опуская кубок, — что из этого
выйдет.

Глава 19

РАЗГОВОР О «ДРАКОНАХ»

Мэт натянул старый коричневый кафтан. Хоть пуговицы на нём и были медными, зато у него было важное качество — вышивка отсутствовала напрочь. В пошитом из плотной шерсти кафтане виднелось несколько прорех от стрел, которые должны были стать смертельными. Вокруг одной из дыр ещё оставалось кровавое пятно, но оно почти полностью отстиралось. Отличный кафтан. Раньше, в

Двуручье, он бы выложил за такой кругленькую сумму.

Глядя в зеркало, висящее в его новом шатре, Мэт потёр лицо. Наконец-то он сбрил проклятую бороду. Как вообще Перрин терпит эту треклятую штуку? Должно быть, у парня вместо кожи наждачная бумага. Ладно, когда понадобится, он найдёт другой способ изменить внешность.

Во время бритья он несколько раз порезался. Но это не значит, что он позабыл, как заботиться о себе самому. Ему не нужны слуги для того, с чем он в состоянии справиться сам. Кивнув своему отражению, он натянул шляпу и взял

стоявший в углу *ашандарей*. Казалось, что вороны на клинке яростно летят навстречу грядущей битве.

— И правильно делаете, будь оно проклято, — сказал Мэт, закидывая *ашандарей* на плечо и выходя из шатра. Он подхватил свой узелок и повесил его на другое плечо. С этого вечера он будет проводить ночи в городе.

Он шёл широким шагом через лагерь, кивая по пути встретившимся ему Красноруким. Патрули пришлось удвоить. Его тревожил *голам*, а также большое количество военных лагерей в округе. Половина из них были отрядами наёмников, другая часть —

вассалами того или иного мелкого лорда, явившимися выразить своё почтение Королеве, но как-то подозрительно поздно — после окончания борьбы.

Без сомнения, все как один заявляли о своей искренней преданности Илэйн, объясняя, что их люди всегда поддерживали её. Их уверения звучали немного глупо, поскольку Мэт узнал точно от трёх разных собутыльников, что для вербовки и обороны Илэйн вовсю пользовалась Перемещением. Когда являешься по письменному призыву, гораздо легче изобрести причину задержки.

— Мэт! Мэт!

Он остановился на тропинке, ведущей из его шатра, дожидаясь, пока к нему подбежит Олвер. В подражание Красноруким мальчишка надел на руку красную повязку, но продолжал носить привычные коричневые штаны и курточку. Под мышкой он нёс скатанное поле для игры в Змей и Лисичек, на плече — узелок с вещами.

Неподалёку стояла Сеталль вместе с Люсином и Эддером, двумя Краснорукими, которым Мэт поручил присматривать за ней и пареньком. Им вскоре тоже предстояло отправиться в город.

— Мэт, — запыхавшись, выпалил Олвер. — Ты уезжаешь?

— У меня сейчас нет времени сыграть с тобой, Олвер, — ответил Мэт, скидывая *ашандарей* с плеча на сгиб локтя. — Я должен встретиться с королевой.

— Я знаю, — сказал Олвер. — Я просто подумал, что раз мы оба собираемся в город, то можем поехать вместе и продумать план. У меня есть несколько идей, как справиться со змеями и лисицами! Мы им покажем, Мэт! Чтоб мне сгореть, так, проклятье, и сделаем!

— Где ты набрался таких слов?

— Ну, Мэт, — ответил он. — Это же важно! Нам нужно всё спланировать! Мы ещё даже не обговорили, что собираемся делать.

Мэт мысленно обругал себя за то, что обсуждал спасение Морейн в присутствии Олвера. Вряд ли парнишка обрадуется, когда узнает, что его оставили в стороне.

— Сейчас мне нужно обдумать, что сказать королеве, — вывернулся Мэт, потеряв подбородок. — Но, полагаю, ты прав. Разработка плана — дело важное. Почему бы тебе не изложить свои идеи Ноэлу?

— Я уже рассказал, — ответил Олвер. — И Тому тоже. И даже Талманесу.

Талманесу? Да он же не идёт с ними в Башню Генджей! О, Свет, кому ещё Олвер разболтал?

— Олвер, — сказал Мэт,

присаживаясь на корточки, чтобы быть на одном уровне с мальчуганом, — тебе стоит быть сдержаннее. Мы ведь не хотим, чтобы о наших намерениях узнало слишком много народа.

— Я поделился только с проверенными людьми, Мэт, — заверил его Олвер. — Не беспокойся. Большинство из них Краснорукие.

«Прекрасно, — подумал Мэт. — Что подумают солдаты о своём командире, собирающемся их бросить и отправиться сражаться с персонажами детских сказок? Остаётся надеяться, что они приняли болтовню Олвера за обычные детские фантазии».

— Просто будь осторожен, — сказал Мэт. — Завтра я загляну в вашу гостиницу, и мы сможем сыграть и поболтать об этом. Хорошо?

Олвер кивнул.

— Ладно, Мэт. Но... кровь и кровавый пепел! — Он повернулся и ушёл.

— И перестань ругаться! — крикнул ему вдогонку Мэт и покачал головой. Проклятые солдаты окончательно испортят Олвера ещё до того, как тому исполнится двенадцать.

Снова закинув копье на плечо, Мэт пошёл дальше. Он обнаружил Тома с Талманесом, уже сидящих

верхом, у границы лагеря. С ними был отряд из пятидесяти Красноруких. Том был одет в вычурный бордовый кафтан с расшитыми золотом рукавами, штаны ему в тон, а также рубашку с отделанными белоснежными кружевами манжетами. На шее был повязан шёлковый шарф. Пуговицы сверкали золотом. Усы подстрижены и аккуратно расчёсаны. Весь наряд был новеньким, включая чёрный плащ с золотой подкладкой.

Мэт застыл на месте. Как этот человек сумел так ловко превратиться из старого плута-менестреля в королевского придворного? Свет!

— Судя по твоему виду, представление удалось, — сказал Том.

— Кровь и кровавый пепел! — воскликнул Мэт. — Что случилось? Ты отравился, позавтракав испорченной колбаской?

Том откинул свой плащ, демонстрируя висящую на боку арфу. Он был похож на придворного барда!

— Я подумал, раз уж после всех этих лет, я собираюсь объявиться в Кэймлине, то должен предстать во всей красе.

— Неудивительно, что у тебя были ежедневные выступления, — заметил Мэт. — В тех тавернах люди без счёта сорят деньгами.

Талманес приподнял бровь, что для него было равносильно улыбке. Порой он казался таким суровым, что по сравнению с ним и грозовая туча выглядела жизнерадостной. На нём тоже был отменный наряд цвета тёмного кобальта с серебром. Мэт пощупал собственные манжеты. Стоило бы добавить немного кружев. Будь здесь Лопин, он бы подготовил подходящий костюм, даже не спрашивая Мэта. Немного кружев мужчине не повредит, скорее сделает его респектабельнее.

— Мэт, а ты собираешься к королеве прямо в этом? — спросил Талманес.

— Конечно. — Слова сорвались

с языка быстрее, чем он успел подумать. — Отличный кафтан.

Он прошёл дальше, чтобы взять поводья Типуна.

— Для тренировочных боев, может, и отличный, — откликнулся Талманес.

— Мэт, Илэйн теперь — Королева Андора, — подхватил Том. — А королевы — особы привередливые. Ты должен проявить к ней уважение.

— Я и проявляю к ней проклятое уважение, — ответил Мэт, вручая копьё одному из солдат, чтобы забраться в седло. Снова взяв *ашандарей*, он развернул лошадь так, чтобы видеть Тома. — Для фермера

этот кафтан достаточно хорош.

— Ты больше не фермер, Мэт, — сказал Талманес.

— Нет, фермер, — упёрся Мэт.

— Однако Музенге назвал тебя... — начал было Том.

— Он ошибся, — сказал Мэт. — Человек не превращается в треклятого дворянина лишь потому, что на ком-то женился.

Том с Талманесом переглянулись.

— Мэт, — обратился к нему Том. — Вообще-то именно так оно и бывает. Я бы даже сказал, что это практически единственный способ стать дворянином.

— Возможно, у нас так и

есть, — возразил Мэт. — Но Туон — шончанка. Кто знает, как обстоят дела у них? Да всем известно, какими они бывают странными. Так что мы не можем ничего утверждать, пока не поговорим с ней самой.

Том нахмурился.

— Судя по тому, что она рассказывала, я уверен...

— Нельзя быть ни в чём уверенным до разговора с Туон, — повысив голос, повторил Мэт. — До того же момента я — просто Мэт. А не Принц какой бы то ни было чепухи.

Том выглядел сбитым с толку, а уголки губ Талманеса дёрнулись вверх. Чтоб ему сгореть. Мэт

склонялся к мысли, что вся его напускная серьёзность не более чем игра. Может, он втайне смеётся?

— Ладно, Мэт, — сказал Талманес. — Ты и раньше не отличался здравомыслием, так с чего же ждать его сейчас? Вперёд, на встречу с королевой Андора. Уверен, что сперва не хочешь изваляться в грязи?

— Со мной всё будет в порядке, — сухо произнёс Мэт, надвинув шляпу, в то время как один из солдат приторачивал к седлу его вещи.

Он пришпорил Типуна, и вся процессия двинулась привычной дорогой в Кэймлин. Большую часть

пути Мэт прокручивал в голове план. С собой у него была кожаная папка, в которой находились бумаги Алудры, включающие список требуемого: все литейщики колоколов Кэймлина, большой запас железа и бронзы, а также различные ингредиенты на сумму в тысячи крон. И, по её заявлению, это был лишь необходимый минимум.

Как, во имя Света, Мэту заставить треклятую Илэйн Траканд дать ему всё это? Придётся очень много улыбаться. Однако Илэйн ещё раньше доказала, что не поддаётся на его улыбки, да и сами по себе королевы на обычных людей не похожи. Большинство женщин либо

улыбнутся в ответ, либо нахмурятся, так что сразу понятно, к чему всё идет. Илэйн же была из тех, кто улыбается в ответ, и тут же отдаёт приказ упрятать тебя в темницу.

Эх, помогла бы его удача, ради разнообразия, оказаться сейчас там, где можно с наслаждением раскурить трубку, сыграть в кости, усадив на колено хорошенькую служаночку, и не беспокоиться ни о чём, кроме следующего броска. Так нет же, он женат на шончанской Высокородной и вынужден умолять королеву Андора о помощи. Как его угораздило влипнуть в подобную ситуацию? Порой ему казалось, что Создатель похож на Талманеса —

внешне серьёзный, он в тайне часто подсмеивался над Мэтом.

Их процессия миновала бесчисленные лагеря, разбитые в чистом поле вокруг Кэймлина. Всем наёмникам было предписано держаться, самое меньшее, в лиге от города, однако отряды местных дворян могли располагаться ближе. Поэтому Мэт находился в затруднительном положении. Между солдатами и свободными наёмниками всегда существовали трения. И раз последние находились в таком отдалении от Кэймлина, драки не были редкостью. Отряд же располагался аккуратно между ними.

По дымам костров, оставлявших

в небе витые следы, он быстро сделал в уме некоторые прикидки. Выходило, что в округе собралось порядка десяти тысяч наемников. Интересно, знает ли Илэйн, какая здесь заваривается каша? Чуть больше жару — и всё треклятое варево хлынет через край!

Колонна Мэта привлекала внимание. Впереди ехал знаменосец со стягом Отряда Красной Руки, а его люди успели заслужить определённую репутацию. По подсчётам Мэта, они были крупнейшим соединением за стенами Кэймлина среди отрядов дворян и наёмников. По дисциплине и организации Отряд не уступал

регулярной армии, и к тому же находился под предводительством друга самого Возрождённого Дракона. Его люди не могли этим не хвастать, хотя сам Мэт предпочёл бы, чтобы они держали рот на замке.

Они миновали скопление людей у обочины, ожидавших, не мелькнёт ли «лорд Мэт». Он старался смотреть прямо перед собой. Если они ждали какого-нибудь щёголя в дорогом наряде, то они будут разочарованы. Хотя он мог бы выбрать кафтан получше. Этот был жёстким, а воротник — колючим.

Судя по тому, на кого стали показывать пальцем, большинство, разумеется, приняли за «лорда Мэта»

Талманеса. Возможно, всё из-за того, как он был одет... Проклятый пепел!

Предстоящий разговор с Илэйн обещал стать непростым. Однако у Мэта оставался туз в рукаве, которого, как он надеялся, будет достаточно, чтобы она посмотрела сквозь пальцы на непомерные запросы Алудры. Хотя ещё больше он боялся того, что Илэйн, разобравшись в сути дела, захочет в нём поучаствовать. А если женщина решила в чём-то «поучаствовать», это значит, что она желает возглавить всё предприятие.

Проехав разрастающееся предместье, они приблизились к воротам в бело-серых стенах

Кэймлина. Солдаты пропустили их, и Мэт в ответ коснулся шляпы, а Том отвесил вычурный поклон собравшейся здесь небольшой толпе. Люди ответили приветственными возгласами. Ну, здорово. Умереть как здорово.

Путь сквозь Новый Город прошёл гладко, несмотря на всё увеличивающуюся плотность толпы. Не мог ли кто-то узнать его по тем рисункам? Мэт хотел убраться подальше от основных улиц, однако узкие улочки Кэймлина были сплошной путаницей. Пяти десяткам всадников по таким не проехать.

Наконец они миновали ослепительно белые стены

Внутреннего города, улицы которого были шире, здания, построенные Огир, менее обшарпаны, и население которого было меньше. Здесь им пришлось снова проехать мимо отрядов солдат, включая Гвардейцев, облачённых в белое с красным. Впереди Мэт смог разглядеть их лагерь: палатки и коновязи располагались прямо на серой мостовой внутреннего двора.

Дворец Кэймлина был сродни небольшому городку, находившемуся внутри города, который, в свою очередь, находился ещё в одном городе. Он был окружён невысокой крепостной стеной, и, хотя его пики и шпили возносились ввысь, он

походил на крепость куда больше, чем Солнечный Дворец. Если Кэймлин падёт, Дворец может продолжать защищаться. Однако им требуется больше казарм внутри стен. Лагерь, разбитый прямо во дворе, это смешно.

Мэт взял с собой Талманеса, Тома и с десяток солдат в качестве эскорта. У входа во дворец их поджидал высокий мужчина в сверкающем нагруднике с тремя золотыми бантами, пришитыми к плащу на плече. Он был молод, но, судя по его позе — расслабленной, и в то же время уверенной, рука на эфесе меча — перед ними был умелый воин. Жаль, что он такой

смазливый. Военная служба может его изуродовать.

Молодой человек кивнул Мэту, Тому и Талманесу.

— Лорд Коутон? — обратился он к Мэту

— Просто Мэт.

Тот вскинул бровь, но никак не прокомментировал.

— Меня зовут Чарльз Гайбон. Я отведу вас к Её Величеству.

Значит, для эскорта Мэта Илэйн отрядила самого Гайбона. Тот был высокопоставленным — вторым по рангу в её армии. Неожиданно. Проявляла ли тем самым Илэйн к нему почтение или выказывала свой страх? А, может, Гайбон захотел

лично взглянуть на Мэта. Не стала бы она оказывать ему честь, заставив так долго дожидаться аудиенции! Тёплая встреча со стороны старых друзей, ничего не скажешь. Он утвердился в своих подозрениях, когда Гайбон повёл их не в Главный Зал, а во внутренние покои Дворца.

— Я много о вас слышал, мастер Коутон, — сказал Гайбон. Казалось, он был одним из закаменелых служак: твёрдый, даже слишком, будто недостаточно гибкий лук.

— И от кого же? — спросил Мэт. — От Илэйн?

— В основном — городские слухи. Люди рады о вас поболтать.

«*Неужели?*» — подумал Мэт.

— Я не сделал и половины из того, что обо мне рассказывают, — проворчал он. — А остальное произошло не по моей треклятой вине.

Гайбон рассмеялся:

— Как на счёт истории, будто вы провисели в петле на дереве девять дней кряду?

— Не было такого, — ответил Мэт, борясь с желанием поправить шарф на шее. Девять дней? Кто такое выдумал? Да он не провисел даже девяти проклятых минут! И девяти секунд хватило с лихвой!

— А ещё утверждают, — продолжил Гайбон, — что вы ни разу не потерпели неудачи ни в игре в

кости, ни в любви, и что ваше копье всегда достигает цели.

— Хотелось бы, чтобы последние два утверждения были правдой. Чтоб мне спореть, очень хотелось бы.

— Но, значит, в кости вы всегда выигрываете?

— Почти всегда, — ответил Мэт, поглубже натягивая шляпу. — Но не распространяйтесь на сей счёт, иначе со мной больше никто не сядет играть.

— И ещё говорят, что вы убили одного из Отрёкшихся, — заметил Гайбон.

— Это чушь, — ответил Мэт.
«А это ещё откуда взялось?»

— И судя по слухам, вы сражались на дуэли чести с королём айильских захватчиков? Вы и вправду таким образом завоевали для Возрождённого Дракона верность Айил?

— Кровавый пепел! — сказал Мэт. — Я убил Куладина, но ни на какой не на дуэли! Я просто наткнулся на него на поле боя, и один из нас должен был умереть. И, чтоб мне сгореть, им не собирался быть я.

— Интересно, — сказал Гайбон. — Я считал, что последнее — весьма вероятно. По крайней мере, это одно из немногих, что действительно могло бы произойти. В отличие от... — он не закончил

фразу.

— Ну, что ещё? — спросил Мэт.

Они миновали пересечение коридоров, где толпились глазевшие на него слуги, другие же проходили мимо, о чём-то перешёптываясь.

Гайбон колебался.

— Уверен, вы уже слышали.

— Сомневаюсь.

«Чтоб ему сгореть! Ну что ещё? Неужели все эти сплетни распространяют люди из Отряда? Но даже они не знали кое-чего из перечисленного!»

— Ладно, есть слух, что вы совершили путешествие во владения самой Смерти, чтобы бросить ей вызов и потребовать ответы на свои

вопросы, — смущенно сказал Гайбон. — И что она подарила вам это копье и предсказала вашу смерть.

Мэт ощутил холодок. Эта сплетня была пугающе близка к правде.

— Я знаю, звучит глупо, — продолжил Гайбон.

— Верно, — ответил Мэт. — Глупо.

Он попытался рассмеяться, но вышел кашель. Гайбон с любопытством покосился в его сторону.

«О, Свет! — понял Мэт. — Он думает, я уклоняюсь от ответа!»

— Конечно же, это всего лишь сплетни, — поспешно ответил Мэт.

Возможно, слишком поспешно.
Кровь и кровавый пепел!

Гайбон задумчиво кивнул.

Мэт хотел сменить тему, но не доверял своему собственному треклятому языку. Он заметил, что всё больше и больше слуг выглядывают посмотреть на проходящую процессию. Он хотел было ещё раз выругаться по этому поводу, когда заметил, что большинство из них таращатся на Тома.

Здесь, в Кэймлине, Том когда-то был придворным бардом. Сам он не рассказывал, но Мэт знал, что у них вышла размолвка с прежней королевой. С тех пор Том

фактически пребывал в изгнании и возвращался в Кэймлин только под давлением обстоятельств.

Теперь Моргейз была мертва, и, по всей видимости, ссылка Тома закончилась. Вероятно, поэтому он вырядился так живописно. Мэт снова оглядел свой наряд. *«Чтоб мне сгореть, следовало одеться чуточку получше».*

Гайбон подвёл их к резной двери, на которой красовался рычащий Лев Андора. Офицер тихо постучал и получил разрешение войти. Он сделал Мэту приглашающий знак в сторону дверей.

— Королева примет вас здесь.

— Том, ты идёшь со мной, — сказал Мэт. — Талманес, останешься с бойцами. — Дворянин выглядел удрученным, но вряд ли Илэйн встретит Мэта с распростёртыми объятьями, так что ему не очень-то хотелось, чтобы Талманес был тому свидетелем. — Я представлю тебя позже, — пообещал Мэт. Вот проклятые аристократы! Что ни сделай, обязательно заденешь их честь. С каким удовольствием сам Мэт подождал бы в коридоре!

Сделав глубокий вдох, Мэт шагнул к двери. Он прошёл десятки схваток и битв без лишних нервов. А сейчас у него тряслись руки. И откуда такое чувство, словно он идёт

прямо в засаду, не имея ничего для защиты?

Илэйн — Королева. Чтоб ему сгореть, но это будет больно. Он открыл дверь и вошёл.

Мэт мгновенно нашёл взглядом Илэйн. Она сидела у камина, держа в руках чашку, наполненную чем-то, похожим на молоко. В тёмно-красном с золотом платье она казалась восхитительной. Красивые, полные алые губы, которые Мэт был бы непрочь поцеловать, не будь он женат. Её золотистые волосы светились в свете пламени, а на щеках играл румянец. Похоже, она немного поправилась. Но лучше об этом не упоминать. Или нужно?

Порой женщин бесит, когда ты замечаешь в них перемены, а бывает и наоборот — бесит, когда не замечаешь.

Илэйн была красоткой. Хотя, конечно, не такой красивой, как Туон: слишком белокожая, слишком высокая, и волос у неё слишком много. Так, что-то он отвлёкся. И всё же, она была красива. Какое расточительство делать подобных девушек королевами. Из неё бы вышла отличная служанка. Эх, ладно. Кто-то же должен быть королевой.

Мэт перевёл взгляд на Бергитте, последнюю участницу их встречи. Та выглядела по-прежнему: неизменная золотая коса и высокие сапоги,

словно у героини треклятых легенд. Которой, по чести сказать, она и являлась. Приятно было увидеть её снова: это была единственная из знакомых ему женщин, которая не огрызалась на него за высказанную правду.

Том шагнул следом, и Мэт прочистил горло. Она будет ждать от него соблюдения формальностей. Ну, что ж, он не намерен кланяться или шаркать ножкой, и он...

Илэйн соскочила с кресла. И в тот момент, как Бергитте закрыла дверь, она бросилась через всю комнату и с криком «Том, как я рада, что с тобой всё в порядке!» заключила менестреля в объятия.

— Здравствуй, милая, — сердечно ответил Том. — До меня доходили слухи, что ты отлично справилась и за себя, и за Андор.

Илэйн расплакалась! Сбитый с толку Мэт стащил с головы шляпу. Естественно, он знал, что Илэйн с Томом были близки, но теперь-то Илэйн стала Королевой! Она обернулась к Мэту:

— Рада тебя видеть, Мэт. Не думай, что Корона забыла о твоей службе мне. Мы так же обязаны тебе за то, что ты доставил Тома обратно в Андор.

— Хм... да ладно, Илэйн, чепуха, — произнёс Мэт. — Но ты-то, чтоб мне сгореть! Ты — и вдруг

Королева Андора! Как ощущения?

Илэйн улыбнулась, наконец соизволив отпустить Тома.

— Во многом так же, как у тебя с подбором слов, Мэт.

— Я не собираюсь кланяться тебе и всё такое, — предупредил он. — И нести всякую чепуху, вроде Ваших Величеств.

— Я ничего подобного от тебя и не ожидала, — ответила Илэйн. — Не считая обращения на людях, конечно же. Мне нужно поддерживать должный облик перед поддаными.

— Мда, полагаю, тут ты права, — согласился Мэт. Это действительно имело смысл. Он

подал руку Бергитте, но та усмехнулась и обняла его, крепко похлопав по спине, словно старый приятель, встреченный за кружкой эля. Возможно, так оно и было, не считая эля.

Хотя эль как раз не помешал бы.

— Давайте присядем, — предложила Илэйн, указывая на кресла возле камина. — Извини, что заставила тебя столько ждать, Мэт.

— Да ерунда, — ответил тот. — У тебя же полно дел.

— Мне, право, неловко, — продолжила она. — Один из моих клерков принял вас за простых наёмников. Их и не считаешь! Если хочешь, я дам вам разрешение

обосноваться ближе к городу. Боюсь, внутри стен места для Отряда не хватит.

— Нам и не нужно, — откликнулся Мэт, присаживаясь на одно из кресел. — Хватит с нас и разрешения встать поближе. Благодарю. — Том сел, а Бергитте предпочла остаться стоять, хотя и присоединилась к ним у камина, опёршись спиной о каменную стену.

— Илэйн, ты хорошо выглядишь, — сказал Том. — Как малыш? С ним всё в порядке?

— С ними, — поправила его она. — Я жду близнецов. И, да, всё идёт хорошо. За исключением того, что они брыкаются и пинаются при

каждой возможности.

— Погоди-ка, — сказал Мэт, —
Что? — Он уставился на живот
Илэйн. Том закатил глаза.

— Ты, что, пропускаешь всё
мимо ушей, когда ходишь в город
поиграть?

— Я слушаю, — пробормотал
Мэт. — Обычно. — Он укоризненно
посмотрел на Илэйн: — Ранд знает?

Она рассмеялась:

— Следует надеяться, что он не
будет слишком удивлён.

— Чтоб мне сгореть! —
воскликнул Мэт. — Он — отец!

— О том, кто отец моих детей, в
городе бытуют самые разные
слухи, — торжественно объявила

Илэйн. — И Корона предпочитает, чтобы какое-то время дело не шло дальше домыслов. Но довольно уже обо мне! Том, ты должен мне всё рассказать! Как тебе удалось выбраться из Эбу Дар?

— Забудь про Эбу Дар, — рывкнула Бергитте. — Как там Олвер? Вы его нашли?

— Нашли, — ответил Том. — С ним всё в порядке, хотя, боюсь, теперь ему уготована судьба профессионального солдата.

— Не такая уж она и плохая, — ответила Бергитте. — Верно, Мэт?

— Бывает и хуже, — ответил тот, всё ещё пытаясь подобрать под себя ноги. Как вышло, что, получив

корону, Илэйн стала вести себя менее властно? Может, он что-то упустил? Теперь она казалась даже приятной!

Стоп, так нечестно. Она и раньше бывала милой. Просто эти случаи чередовались с теми, когда Мэт оказывался у неё на посылках. Он поймал себя на том, что улыбается, слушая красочный рассказ Тома об их побеге, захвате Туон, и последующем путешествии со зверинцем мастера Люка. Словно вытащенный на свет из мешка сказителя рукой настоящего мастера, этот рассказ прозвучал куда более впечатляюще, чем было на самом деле. Слушая Тома, Мэт едва не вообразил себя героем.

Однако едва Том подобрался к той части, где Туон произнесла слова свадебной клятвы, Мэт кашлянул и встрял в рассказ:

— И тут мы разбили Шончан, отступили в Муранди, и наконец-то встретили Айз Седай, которая через переходные врата доставила нас сюда. К слову, ты в последнее время не встречала Верин?

— Нет, — сказала Илэйн. Том весело покосился на Мэта.

— Проклятье, — произнёс Мэт. Был шанс воспользоваться её услугами, чтобы создать врата прямо к Башне Генджей. Ладно, об этом он позаботится позже. Он вынул из-за пояса папку, открыл её и вытащил

бумаги Алудры.

— Илэйн, — обратился он к ней, — мне нужно с тобой поговорить.

— Да, ты упоминал в письме «литейщиков колоколов». В какие ещё неприятности ты влез, Мэтрим Коутон?

— Это совершенно несправедливо, — ответил он, раскладывая бумаги. — Я вовсе не из тех, кто влипает в разные неприятности. Если мне...

— Ты же не собираешься снова вспоминать о том, как меня схватили в Тирской Твердыне, не так ли? — закатив глаза, спросила она.

Он замер.

— Конечно, нет. Что было — быльём поросло. Я почти ничего не помню.

По комнате разнёсся её звенящий смех. Он почувствовал, что краснеет.

— Ладно, всё равно никаких неприятностей у меня нет. Просто мне нужны кое-какие ресурсы.

— Что за ресурсы? — спросила Илэйн, с любопытством следя за тем, как он раскладывает бумаги на столике рядом с её креслом. Бергитте наклонилась, чтобы их рассмотреть.

— Итак, — начал Мэт, потеряв подбородок. — В городе есть три литейщика. Мне нужны они все. И

ещё будут нужны кое-какие ингредиенты. Они перечислены на этой странице. И ещё... нам нужно немножко металлов, — он поморщился и передал ей ещё один лист с составленным Алудрой списком.

Илэйн прочла страницу и удивлённо моргнула:

— Ты свихнулся?

— Иногда мне тоже так кажется, — ответил он. — Но чтоб мне сгореть, я считаю, что овчинка стоит выделки.

— О чём ты? — спросила Илэйн, когда Бергитте передала ей один из просмотренных листов.

— Алудра называет их

«драконами», — ответил Мэт. — Том утверждает, что вы с ней знакомы?

— Знакомы, верно, — ответила Илэйн.

— Так вот, речь идет о пусковых трубах, вроде тех, что используются для фейерверков. Только наши будут из металла, и крупнее. И вместо ночных цветков они будут запускать вот такие куски железа, размером с голову.

— Зачем кому-то может потребоваться запускать в небо какие-то куски железа? — всё больше хмурясь, спросила Илэйн.

— Не в небо, — ответила Бергитте, глаза которой расширились. — А в сторону чьей-

нибудь армии.

Мэт кивнул.

— Алудра утверждает, что один такой дракончик может закинуть железный шар почти на милю.

— Все материнское молоко им в чашу! — воскликнула Бергитте. — Ты шутишь!

— Она не шутит, — ответил Мэт. — И я ей верю. Вам бы взглянуть на то, что ей уже удалось создать, и она утверждает, что следующие будут настоящим шедевром. Послушай, вот здесь она нарисовала, как драконы обстреливают стены города, располагаясь в миле от них. С пятью десятками драконов и двумя с

половиной сотнями солдат она сможет пробить стену, подобную кэймлинской, за несколько часов.

Илэйн побледнела. Поверила ли она? Или сейчас разозлится за то, что он отнимает её время?

— Я считаю, что в Последней Битве ничто не будет лишним, — быстро добавил Мэт. — У троллоков нет стен. Но взгляни сюда. Я попросил её придумать, как произвести выстрел по целой шеренге троллоков на расстояние в четыре сотни шагов. И получается, что один дракон способен заменить пять десятков лучников. Чтоб мне сгореть, Илэйн, мы же будем в меньшинстве. Тень всегда может

выставить куда больше троллоков, чем у нас есть солдат, а убить этих проклятых тварей вдвое труднее, чем человека. Нам нужно любое преимущество, какое сумеем раздобыть. Вот я помню, как...

Мэт оборвал себя на полуслове. Он едва не проболтался, что помнит Троллоковы Войны, а это было плохой идеей. Подобным образом можно вызвать ненужные слухи.

— Слушай, — продолжил он. — Может, это звучит немного возмутительно, но ты просто обязана дать шанс испробовать эту штуку.

Она взглянула на него и... снова расплакалась? Что он такого сделал?

— Мэт! Я могла бы расцеловать

тебя! — заявила она. — Это именно то, что мне нужно!

Мэт моргнул:

— Что?

Бергитте рассмеялась:

— Сперва Норри, теперь Мэта.

Тебе следует следить за собой, Илэйн. Ранд будет ревновать.

Илэйн фыркнула, снова посмотрев на планы.

— Литейщикам это не понравится. После завершения осады большая часть ремесленников хотела вновь заняться повседневным промыслом.

— О, я в этом не уверена, — ответила Бергитте. — В своё время я знавала парочку ремесленников.

Хоть вслух они и жаловались о вынужденных льготах для Короны в военное время, но, поскольку им всё компенсировали, втайне они были счастливы. Стабильная работа всегда ценится. Кроме того, подобная штука их заинтересует.

— Нам нужно держать её в секрете, — сказала Илэйн.

— Значит, ты берёшься? — удивлённо уточнил Мэт. Ему даже не пришлось отвлекать её внимание заготовленной взяткой!

— Конечно, сперва в качестве подтверждения, нам потребуется один рабочий образец, — ответила Илэйн. — Однако, если эти устройства, эти драконы, работают

хотя бы вполовину так хорошо, как обещает Алудра... тогда я была бы дурой, если бы не бросила все силы на их производство!

— Это очень великодушно с твоей стороны, — почесав голову, заявил Мэт.

— Что значит великодушно? — встрепенулась Илэйн.

— Построить их для Отряда.

— Для Отряда? Мэт, мы будем строить их для Андора!

— Опять двадцать пять, — сказал Мэт. — Это был мой план.

— А ресурсы мои! — ответила Илэйн. Она выпрямилась, внезапно став величественнее. — Конечно же, ты понимаешь, что Корона может

обеспечить куда более надёжный и эффективный контроль за производством этого оружия.

Находившийся рядом Том широко улыбнулся.

— Ну, а ты-то чего такой веселый? — спросил его Мэт.

— Да так, — ответил менестрель — Твоя мать гордилась бы тобой, Илэйн.

— Благодарю тебя, Том, — ответила она, улыбнувшись в ответ.

— Ты вообще на чьей стороне? — возмутился Мэт.

— На обеих сразу, — ответил Том.

— Это никакая не треклятая сторона, — заявил Мэт,

поворачиваясь обратно к Илэйн. — Мне пришлось потратить много сил и серьёзно пораскинуть мозгами, чтобы вытянуть эти планы из Алудры. Я ничего не имею против Андора, но я никому не доверю это оружие, кроме себя самого.

— А если бы Отряд был частью Андора? — спросила Илэйн. Внезапно до него дошло, что она говорит по-королевски.

— Отряд не принадлежит никому, — ответил Мэт.

— Всё это прекрасно, Мэт, — ответила она, — но такой порядок вещей превращает вас в наёмников. А я думаю, что Отряд заслуживает большего, лучшего. Имея поддержку

со стороны королевской власти, вы получите доступ ко всем ресурсам и влиянию. Андор может дать вам широкие полномочия и сохранить ваше собственное командование.

Заманчивое предложение. Наверное. Но это не имеет значения. Мэт решил, что Илэйн со своим королевством будет совсем не в восторге, когда узнает о его связях с Шончан. Однажды он вернётся к Туон. Хотя бы только затем, чтобы понять, что та на самом деле к нему чувствует.

Он не собирался позволить Шончан наложить лапу на драконов, но и мысль отдать их Андору его не прельщала. С сожалением

приходилось признать, что изготовить их в Андоре, не поделившись с государством, тоже не представлялось возможным.

— Не нужны мне никакие полномочия для Отряда, — ответил Мэт. — Мы свободные люди, и нам это нравится.

Илэйн выглядела встревоженной.

— Однако, мы могли бы поделиться с вами драконами, — ответил Мэт. — Часть нам, часть — вам.

— А что, если я сама сделаю всех драконов, — предложила Илэйн, — и они будут принадлежать мне, но я пообещаю, что

использовать их будет только Отряд? И никакая другая армия их не получит?

— Мило с твоей стороны, — ответил Мэт. — Однако очень подозрительно. Прошу, без обид.

— Для меня будет лучше, если ни один из Домов их не получит, по крайней мере, сразу. Так или иначе, но они начнут распространяться, как всегда происходит с оружием. Я сделаю драконов и обещаю передать их Отряду. Не полномочия, а простой контракт о длительном найме. Можете уйти в любое время. Но если это случится, то драконы останутся.

Мэт нахмурился.

— Мне кажется, Илэйн, будто

ты пытаешься посадить меня на цепь.

— Я всего лишь предлагаю разумное решение.

— В день, когда ты станешь разумной, я съем шляпу, — ответил Мэт. — Без обид.

Илэйн вскинула бровь. Да, она определённо стала королевой. Именно так.

— На случай своего ухода, я хочу оставить за собой право на несколько драконов, — продолжил Мэт. — Четверть нам, три четверти тебе. Но мы также примем контракт, и пока мы находимся на службе, все они — наши. Как ты и сказала.

Она нахмурилась сильнее. Чтоб

ему сгореть, но она слишком быстро уловила сильные стороны этих драконов. Теперь он не может позволить ей медлить. Им нужно запустить драконов в производство немедленно. А ещё он не может позволить оставить Отряд вовсе без драконов.

Мысленно вздохнув, Мэт поднял руку и развязал шнурок на шее. Затем вытащил из-под рубахи знакомый медальон в виде лисьей головы. В ту же секунду, как он его снял, Мэт почувствовал себя более обнажённым, чем останься он без одежды. Он положил его на стол.

Илэйн посмотрела на медальон, и Мэт увидел в её глазах

вспыхнувшее желание заполучить его.

— Зачем это?

— Чтобы подсластить сделку, — ответил Мэт, наклоняясь вперёд, поставив локти на колени. — Ты получишь его на один день, если согласишься начать производство первого дракона сегодня же вечером. Мне плевать, что именно ты станешь делать с медальоном: будешь изучать его, напишешь о нём треклятую книгу или станешь носить на себе. Но завтра ты его вернёшь. Дай слово.

Бергитте медленно присвистнула. Илэйн с самого начала, едва узнала о существовании у Мэта медальона, пыталась

наложить на него руки. И, естественно, этого же хотела каждая встречная проклятая Айз Седай.

— Я получаю минимум годовой контракт с Отрядом, — сказала Илэйн. — С возможностью продления. Мы заплатим столько же, сколько вы получили в Муранди.

Как она об этом узнала?

— Вы можете его разорвать, — продолжила она, — если предупредите за месяц, но я оставляю у себя четыре дракона из пяти. И всякий, кто пожелает остаться на службе в армии Андора, должен получить такой шанс.

— Я хочу четверть, — ответил Мэт. — И нового слугу.

— Что? — переспросила Илэйн.

— Слугу, — ответил Мэт. — Ну, знаешь, чтобы следить за моим гардеробом. Ты справишься с выбором лучше меня.

Илэйн оглядела его наряд, потом подняла взгляд к причёске.

— Это, — ответила она, — я обещаю тебе вне зависимости от того, чем закончатся переговоры.

— Так что насчёт четверти? — спросил Мэт.

— А я забираю медальон на три дня.

Он поёжился. Три дня, а *голам* уже в городе. По её милости его прикончат. Остаться без медальона на день — уже смертельный риск. Но

ничего другого для торговли у него не было.

— И что же ты собираешься делать с этой штукой? — спросил он.

— Сделать копию, — задумчиво ответила она. — Если получится.

— В самом деле?

— Не узнаю, пока не попытаюсь.

Мэт внезапно испугался, представив, что у каждой Айз Седай в мире окажется подобный медальон. Они обменялись взглядами с Томом, который был так же удивлён услышанным.

Но какое это имеет значение? Сам Мэт направлять не способен. До этого он беспокоился, что если

Илэйн изучит медальон, то найдёт способ, как его обойти, чтобы повлиять на владельца Единой Силой. Но раз она всего лишь хочет его воспроизвести... что ж, он почувствовал облегчение. И интерес.

— Есть ещё кое-что, о чём я собирался упомянуть, Илэйн, — продолжил он. — *Голам* здесь, в городе. Он убивает людей.

Илэйн осталась спокойна, но, судя по тому, что она заговорила ещё более официально, новости её встревожили:

— Тогда я сделаю всё возможное, чтобы вернуть медальон в срок.

Мэт поморщился.

— Ладно, — ответил он. —
Через три дня.

— Отлично, — сказала она. — Я
хочу, чтобы Отряд поступил на
службу немедленно. Скоро я
Перемещусь в Кайриэн, и мне
кажется, что они будут там куда
полезнее, чем Гвардия Королевы.

Так вот ради чего это всё! Илэйн
нацелилась на Солнечный Трон. Что
ж, это отличное дельце для его
людей, по крайней мере, пока они не
понадобятся самому Мэту. Лучше
это, чем оставлять их прозябать в
лени и задираться с наёмниками.

— Я согласен, но с одним
условием, — ответил Мэт. — Илэйн,
Отряд будет волен принять участие в

Последней Битве так, как пожелает Ранд. И ещё... Алудра должна лично следить за созданием драконов. У меня есть ощущение, что в случае ухода Отряда из Андора, она настоит на том, чтобы остаться здесь.

— Не имею возражений на этот счёт, — улыбнувшись, ответила Илэйн.

— Так я и думал. Но во избежание недопонимания: пока Отряд не уйдёт, мы будем контролировать драконов. Ты не можешь никому продавать технологию.

— Мэт, кто-нибудь всё равно скопирует их, — заметила она.

— Копии не сравнятся с

подлинниками Алудры, — возразил Мэт. — Это я тебе обещаю.

Илэйн изучающее посмотрела на него — голубые глаза всё взвесили и измерили:

— И всё равно я бы хотела, чтобы Отряд стал подразделением Андора на полном довольствии.

— Знаешь, а я хотел бы иметь шляпу из золота, шатёр, который мог бы летать, и лошадь, которая испражнялась бы бриллиантами. Однако нам обоим придётся довольствоваться разумными желаниями, не так ли?

— Но разве не разумно будет, если...

— Нам пришлось бы следовать

твоим указаниям, Илэйн, — ответил Мэт. — А я этого не допущу. В некоторых битвах не стоит сражаться. И мне решать, когда моим людям рисковать. Вот так-то.

— Мне не нравится принимать на службу людей, которые могут уйти, когда захотят.

— Знаешь, я не стану придерживать их только для того, чтобы насолить тебе, — сказал Мэт. — Я буду делать то, что правильно.

— То, что ты считаешь правильным, — поправила она.

— У каждого человека должен быть такой выбор, — ответил он.

— Мало кто пользуется им

разумно.

— И, тем не менее, он нам нужен, — сказал Мэт. — Мы его требуем.

Она бросила едва заметный взгляд на разложенные на столе планы и медальон:

— Вы его получите, — ответила она.

— Замётано, — сказал он, поднимаясь. Плюнув на ладонь, он протянул ей руку.

Она помедлила, потом встала, плюнула на свою ладонь и протянула ему. Мэт улыбнулся и пожал её.

— Ты знал, что я могу повелеть тебе поднять оружие против двуреченцев? — спросила она. —

Потому-то и просил о возможности уйти по собственному желанию?

Против двуреченцев? Зачем же, во имя Света, ей может это понадобиться?

— Тебе не нужно с ними сражаться, Илэйн.

— Посмотрим, на что меня вынудит Перрин, — ответила она. — Но давай не будем обсуждать это прямо сейчас. — Она взглянула на Тома, потом потянулась к столу и вынула из-под него свиток, перевязанный лентой. —

Пожалуйста, я хотела бы услышать поподробнее, что с вами случилось по пути из Эбу Дар. Не согласитесь сегодня со мной отужинать?

— С большим удовольствием, — поднимаясь, ответил Том. — Не так ли, Мэт?

— Полагаю, да, — ответил Мэт. — Если только и Талманес приглашён. Иначе, если я не устрою вам встречу, Илэйн, он порвёт мне глотку. А, отужинав с тобой, он протанцует всю обратную дорогу до лагеря.

Это рассмешило её.

— Как хочешь. Я прикажу слугам показать вам комнаты, в которых вы сможете отдохнуть до назначенного времени. — Она передала свиток Тому. — Если пожелаешь, это будет обнародованно завтра же.

— Что в нём? — нахмурившись, спросил Том.

— Двор Андора нуждается в подходящем придворном барде, — ответила она. — Я полагала, тебя это заинтересует.

Том замешкался.

— Это большая честь для меня, но я не могу её принять. Есть дела, которые мне нужно доделать, и я не могу привязывать себя ко двору.

— Тебе и не нужно себя привязывать, — ответила Илэйн. — Ты волен приходить и уходить, когда пожелаешь. Но когда ты в Кэймлине, мне бы хотелось, чтобы всем было известно, кто ты.

— Я... — он принял свиток. —

Я подумаю над этим, Илэйн.

— Превосходно, — она поморщилась. — Боюсь, сейчас у меня должна состояться другая встреча, с моей акушеркой. Увидимся за ужином. Я ещё не поинтересовалась у Мэтрима, что он имел в виду, называя себя в письме женатым человеком. Я ожидаю подробный отчёт! И без исключений! — Она с лёгкой улыбкой посмотрела на Мэта. — «Исключение», Мэт, означает «выброшенные подробности». На тот треклятый случай, если ты не в курсе.

Он надел шляпу.

— Я в курсе. — Как там это

слово? Истечения? Свет, ну почему он упомянул о женитьбе в том письме? Он всего лишь надеялся заинтриговать Илэйн настолько, чтобы она захотела с ним повидаться.

Илэйн рассмеялась и махнула в сторону выхода. Перед уходом Том по-отечески чмокнул её в щечку, и хорошо, что по-отечески! Мэт слышал невероятные сплетни об этой парочке, которым он не хотел верить. Ведь Том настолько стар, что в дедушки ей годится, не меньше.

Мэт отворил дверь, собираясь выйти.

— И Мэт, — на прощанье добавила Илэйн, — если тебе нужно одолжить денег, чтобы купить новый

кафтан, Корона с удовольствием даст тебе займы. Учитывая твой статус, тебе в самом деле нужно одеваться получше.

— Я не треклятый дворянин, — ответил он, разворачиваясь.

— Пока нет, — сказала она. — Ты не настолько дерзкий, как Перрин, чтобы присвоить себе титул. Но я прослежу, чтобы ты его получил.

— Ты не посмеешь, — ответил он.

— Но...

— Послушай, Илэйн, — сказал он, когда Том присоединился к нему в коридоре. — Я горжусь тем, кто я есть. И мне нравится этот кафтан.

Он удобный! — Мэт сжал кулаки, борясь с желанием почесать шею.

— Как скажешь, — ответила Илэйн. — Увидимся за ужином. Я приведу Дайлин. Ей очень интересно с тобой встретиться.

С этими словами она дала Бергитте знак закрыть дверь. Мэт мгновение возмущённо смотрел на дверь, потом повернулся к Тому. Талманес и бойцы поджидали в отдалении, где не могли подслушать. Дворцовые слуги угощали их горячим чаем.

— Что ж, прошло удачно, — решил Мэт, уперев руки в бока. — Я боялся, что она не клюнет, но, думаю, я её неплохо подсёк. —

Однако проклятые игральные кости по-прежнему катились в его голове.

Том рассмеялся, похлопав его по плечу.

— Ну, что ещё? — спросил Мэт.

Том только усмехнулся, потом посмотрел вниз на свиток в руке.

— Это тоже неожиданно.

— Ну, Андору же не хватает придворного барда, — ответил Мэт.

— Да, — сказал Том, просматривая свиток, — но тут ещё приложено прощение за любые преступления, известные и неизвестные, которые я мог совершить в Андоре или Кайриэне. Интересно, кто рассказал ей...

— Рассказал о чём?

— Так, ни о чём, Мэт. Ни о чём. До ужина с Илэйн ещё пара часов. Что скажешь, если мы купим тебе новый кафтан?

— Ну ладно, — ответил Мэт. — Как думаешь, а мне одно из подобных прощений полагается, если, к примеру, я попрошу?

— А оно тебе требуется?

Идя рядом по коридору, Мэт пожал плечами.

— Подстраховаться не помешает. Кстати, какой кафтан ты хочешь мне купить, а?

— Я не говорил, что плачу я.

— Да, ладно, не будь таким прижимистым, — ответил Мэт. — Я плачу за ужин.

Кровь и кровавый пепел, Мэт
знал, что так и выйдет.

Глава 20

ВЫБОР

— Тебе не разрешается разговаривать, — сообщила Росил, стройная женщина с длинной шеей, в оранжевом платье с жёлтыми разрезами. — Говори, только когда к тебе обратятся. Тебе известна церемония?

Найнив кивнула. Её сердце предательски билось всё сильнее, по мере того, как они спускались в глубины подземелий Белой Башни. Росил была новой Наставницей Послушниц и, по стечению обстоятельств, сестрой из Жёлтой

Айя.

— Отлично, отлично, — сказала Росил. — Могу я предложить тебе переместить твоё кольцо на средний палец левой руки?

— Предложить можешь, — ответила Найнив, но к кольцу не притронулась. Она *уже* стала Айз Седай и от этого не отступится.

Росил надула губы, но ничего не сказала. За время недолгого пребывания Найнив в Башне женщина проявила к ней поразительную доброжелательность, что было немалым облегчением. Найнив начала было уже считать, что каждая Жёлтая сестра будет относиться к ней с презрением или,

как минимум, равнодушно. О да, они считали её талантливой, и многие настаивали, чтобы она их учила. Но они не считали её своей. Пока что.

Эта женщина была другой, и быть колючкой в её сандалиии стало бы плохим ответом на её доброту.

— Росил, для меня важно не дать ни малейшего намёка на неуважение воли Амерлин, — попыталась объяснить Найнив. — Она возвысила меня до Айз Седай. Поэтому вести себя подобно простой Принятой — значит пренебречь её словами. Это испытание важно: когда Амерлин возвысила меня, она не говорила, что отменяет его. Но я *уже* Айз Седай.

Росил вскинула подбородок, но затем кивнула.

— Да. Я понимаю. Ты права.

Найнив остановилась в полумраке коридора.

— Я хочу поблагодарить тебя и остальных доброжелательно принимавших меня последние несколько дней — Нир и Мерамор. Я и не предполагала, что вы примете меня как равную.

— Есть люди, которые сопротивляются переменам, дорогая, — сказала Росил. — Так будет всегда. Но твои новые плетения и впрямь впечатляют. И, что важнее, они эффективны, это и обеспечило тебе тёплый прием с моей стороны.

Найнив улыбнулась.

— А теперь, — продолжила Росил, поднимая палец, — *может*, в глазах Амерлин и Совета ты и Айз Седай, но традиции нужно соблюдать. Прошу тебя: никаких разговоров до конца церемонии.

Стройная женщина продолжила путь по коридору, и Найнив последовала за ней, подавив готовый сорваться с губ резкий ответ. Она не позволит своему волнению управлять собой.

Они спустились ещё глубже, и, несмотря на все старания сохранять спокойствие, Найнив обнаружила, что с каждым шагом её волнение только растёт. Она *уже* Айз Седай и

пройдёт это испытание. Она овладела сотней плетений. У неё нет причин для беспокойства.

Разве только то, что некоторые так и не вернулись с испытания.

Подземелья Башни были величественны и красивы. Гладкий и абсолютно ровный каменный пол, горящие высоко на стенах лампы. Похоже, их должны были зажигать с помощью Единой Силы сёстры или Принятые. Сюда редко кто спускался, большая часть помещений использовались как кладовые. Поддерживать подобный порядок там, где редко кто-то появлялся, казалось Найнив пустой тратой времени.

В конце концов они дошли до двухстворчатых дверей — таких огромных, что Росил пришлось открывать их с помощью Единой Силы. *«Это всё намёк, — подумала Найнив, сложив руки на груди. — Сводчатые коридоры, громадные двери. Всё это для того, чтобы показать Принятой важность момента».*

Громадные, похожие на крепостные врата двери распахнулись, и Найнив усилием воли взяла себя в руки. Близится Последняя Битва. Она *пройдёт* это испытание, её ждут важные дела.

С высоко поднятой головой Найнив вошла в зал. Потолок был в

виде купола, вдоль стен стояли напольные лампы, а в центре зала возвышался огромный *тер'ангриал* — рама в виде эллипса, сужавшаяся кверху и книзу, которую ничего не поддерживало.

Большинство *тер'ангриалов* выглядели обычно. Но не этот — овальная рама *явно* была создана с помощью Единой Силы. Она была сделана из металла, но, отражаясь от её серебристых боков, свет переливался разными цветами, и, казалось, *тер'ангриал* сияет и изменяется.

— Внимай! — официальным тоном объявила Росил.

В зале присутствовали и другие

Айз Седай. По одной от каждой Айя, включая, к несчастью, и Красную. Все они были Восседающими — возможно, из-за известности Найнив в Башне. Саэрин от Коричневых, Юкири от Серых, Барасин от Красных. Что примечательно, от Жёлтых здесь присутствовала Романда. Женщина настояла на своём участии. До сих пор она обращалась с Найнив жёстко.

Пришла и Эгвейн собственной персоной. Это было на одну сестру больше, чем полагается, да к тому же ещё Амерлин. Найнив встретилась с ней взглядом, и Эгвейн кивнула в ответ. В отличие от испытания на Принятую, которое зависело

исключительно от самого *тер'ангриала*, это испытание подразумевало, что сёстры будут активно вмешиваться, чтобы заставить Найнив доказать своё право на шаль. И чтобы доказать, что она была права, возвысив Найнив, Эгвейн будет одним из наиболее суровых экзаменаторов.

— Ты пришла сюда в невежестве, Найнив ал'Мира, — сказала Росил. — Какой ты уйдёшь?

— Познав себя, — откликнулась Найнив.

— Зачем тебя призвали сюда?

— Чтобы испытать.

— По какой причине тебя следует испытать?

— Чтобы показать, что я достойна, — ответила Найнив.

Несколько женщин в комнате нахмурились, в том числе Эгвейн. Это были не те слова — предполагалось, что Найнив ответит, что она хочет узнать, достойна она или нет. Но ведь Найнив уже была Айз Седай, а значит, по определению была достойна. Ей просто нужно было доказать это остальным.

Росил запнулась, но продолжила. — И... чего ты будешь признана достойной?

— Носить шаль, что мне вручили, — сказала Найнив. Она не хотела бросать тем самым вызов, будто из самонадеянности. Снова она

просто констатировала это как факт — как она видела истину. Эгвейн её возвысила. Найнив уже носит шаль. К чему притворяться, будто это не так?

Проходить испытание полагалось облачённой только в Свет. Она начала снимать платье.

— Я расскажу тебе, что делать, — начала Росил. — Ты увидишь этот знак на земле.

Женщина шевельнула пальцами, и плетение нарисовало в воздухе сияющий символ — шестиконечную звезду, два перекрещенных треугольника.

Саэрин обняла Источник и сплела поток Духа. Найнив с трудом

подавила порыв тоже прикоснуться к Источнику.

«Ещё чуть-чуть, — подумала она. — И больше никто не посмеет во мне сомневаться».

Саэрин коснулась Найнив плетением Духа. — Помни о том, что нужно помнить, — прошептала она.

Это плетение, должно быть, что-то делало с памятью. Но зачем? Перед взором Найнив возникла шестиконечная звезда.

— Когда ты увидишь этот символ, ты немедленно направишься к нему, — сказала Росил. — Иди спокойным шагом, не торопясь, но и не задерживаясь. Только когда ступишь на символ, ты сможешь

коснуться Источника. Немедленно приступай к требуемому плетению и не сходи со звезды, пока его не закончишь.

— Помни о том, что нужно помнить, — снова добавила Саэрин.

— Как только плетение будешь завершено, — продолжила Росил, — ты снова увидишь этот символ, отмечающий необходимый тебе путь, и направишься к нему, всё так же спокойным шагом, но и без промедления.

— Помни о том, что нужно помнить.

— Ровно сотню раз ты будешь сплетать потоки в predetermined порядке, сохраняя полное

хладнокровие.

— Помни о том, что нужно помнить, — в последний раз повторила Саэрин.

Найнив почувствовала, как в неё вошло похожее на Исцеление плетение Духа. В то время, как остальные сёстры, опустившись на колени вокруг *тер'ангриала*, начали сплести потоки всех Пяти Стихий в сложном узоре, она сняла платье и сорочку. *Тер'ангриал* начал ярко светиться, цветные блики на его поверхности смешались и начали менять очертания. Росил прочистила горло, и Найнив покраснела, протянув ей стопку своей одежды, затем сняла кольцо Великого Змея и

положила его поверх вещей, за ним последовало кольцо Лана, которое она обычно носила на цепочке на шее.

Росил приняла одежду, остальные сёстры были полностью сосредоточены на своей работе. В центре *тер'ангриала* разгорелось белоснежное сияние, а затем с лёгким скрежетом о камень рама начала медленно вращаться вокруг своей оси.

С глубоким вздохом Найнив направилась к *тер'ангриалу*, перед ним она помедлила, но затем шагнула внутрь и...

...и где это она оказалась? Найнив нахмурилась. Это не было

похоже на Двуречье. Вокруг оказалось селение, состоявшее из одних хижин. Слева от неё о песчаный пляж плескались волны, а справа вверх по скалистому склону взбегала деревня, за ней возвышались далёкие горы.

Какой-то остров. Воздух был влажным, веял лёгкий бриз. Среди хижин ходили люди, беззаботно переговариваясь друг с другом. Несколько человек остановились, уставившись на Найнив. Она посмотрела на себя и только сейчас обнаружила, что совсем голая. На щеках вспыхнул яростный румянец. Кто забрал её одежду? Только попадись ей тот, кто это сделал, она

так его выпорет, что он несколько недель сидеть не сможет!

Неподалеку на верёвке сушилось платье. Приказав себе оставаться спокойной, Найнив подошла и забрала его. Она найдёт владельца одежды и заплатит ему. Не может же она разгуливать без единой нитки на теле. Найнив натянула платье через голову.

Внезапно земля под ногами содрогнулась. Прежде тихие волны начали с силой биться о берег. Судорожно втянув воздух, Найнив ухватилась за шест, к которому была привязана верёвка для сушки белья, чтобы не упасть. Из вершины горы вырвались дым и пепел.

Когда неподалёку от неё скалистый берег прорезали трещины, и вниз по склону покатались валуны, пальцы Найнив только сильнее сжались на шесте. Люди закричали. Она должна сделать хоть что-нибудь! Оглядевшись, Найнив заметила шестиконечную звезду, вырезанную на земле. Ей хотелось бежать к символу, но Найнив знала, что нужно идти осмотрительно.

Трудно было сохранять спокойствие. При каждом шаге её сердце трепетало от ужаса. Да её просто раздавит! Она ступила на звезду как раз в тот момент, когда в её сторону, с грохотом круша хижину, хлынул настоящий дождь из

камней. Отбросив страх, Найнив быстро сплела нужное плетение — стену из Воздуха. Она установила её перед собой, и камни с глухим стуком налетели на неё, отскакивая.

В деревне появились раненые. Отвернувшись от изображения звезды, чтобы им помочь, Найнив тут же заметила точно такую же шестиконечную звезду, только сплетённую из соломы и подвешенную над дверью ближайшей лачуги. Найнив заколебалась.

Она *не может* потерпеть неудачу. Найнив направилась к домику и прошла сквозь дверной проём.

И застыла. Что она делает в этой

тёмной холодной пещере? И откуда на ней эта грубая хламида, от которой всё чешется?

Она выполнила первое из ста плетений. Она знала это, но больше ничего. Нахмурившись, Найнив направилась через пещеру. Сквозь трещины в потолке проникал свет, а впереди его было ещё больше. Выход.

Выйдя из пещеры, Найнив обнаружила, что оказалась в Пустыне. Она подняла руку, защищая глаза от яркого солнечного света. Вокруг в пределах видимости не было ни души. Она двинулась вперёд. Под её ногами хрустели иссушенные стебли, горячие камни обжигали ступни.

Жара была просто чудовищной. Уже скоро каждый шаг давался с трудом, вытягивая из Найнив силы. К счастью, впереди показались какие-то развалины. Прохлада! Ей хотелось бежать туда, но нужно было сохранять спокойствие. Она дошла до руин, и её нога ступила на камень в тени — он был таким холодным. Найнив вздохнула с облегчением.

Неподалёку на земле был выложен узор из кирпичей в виде шестиконечной звезды. К сожалению, звезда снова находилась на солнцепёке. Найнив неохотно покинула прохладную тень и направилась к символу на земле.

Вдалеке слышались барабаны.

Найнив резко развернулась. Из-за ближайшего холма показались отвратительные, покрытые бурым мехом создания. В лапах у них были окровавленные топоры. Эти троллоки показались Найнив какими-то неправильными. Она уже видела троллоков прежде, хоть и не помнила где. Но эти были другими. Возможно, новая порода? С более густым мехом и глубоко посаженными глазами.

Найнив ускорила шаг, но не перешла на бег. Главное сохранять спокойствие. Полнейшая *чушь*. Почему она должна сдерживаться — или хотя бы желать этого — и не бежать, когда троллоки совсем

рядом? Если она погибнет из-за того, что не смогла заставить себя идти быстрее, в этом будет только её собственная вина.

«Сохраний хладнокровие. Не ускоряйся».

Всё тем же ровным шагом она дошла до шестиконечной звезды как раз в тот момент, когда троллоки почти добрались до неё. Начав необходимое к выполнению плетение, Найнив отделила поток Огня и послала навстречу тварям чудовищную волну жара, испепелив ближайших из них дотла.

Стиснув челюсти от страха, она закончила требуемое плетение, разделив потоки ещё с полдюжины

раз и в считанные мгновения справившись со сложной задачей.

Найнив осмотрелась в поисках следующей звезды и кивнула. Там. Оставшиеся троллоки приближались, но она сожгла их взмахом руки.

Шестиконечная звезда была вырезана сбоку на каменной арке. Найнив направилась к ней, стараясь не оглядываться через плечо от волнения. Троллоки всё прибывали. Больше, чем она смогла бы убить.

Она добралась до арки и шагнула в неё.

* * *

Найнив закончила сорок седьмое плетение, от которого в воздухе слышался звон колокольчиков. Она была измотана. Ей пришлось выполнять это плетение, стоя на самом верху невероятно тонкой башни на высоте нескольких сотен футов. Порывы ветра грозили сбросить Найнив вниз.

Внизу в тёмном ночном воздухе появилась арка. Казалось, она выросла прямо из колонны в дюжине футов внизу, открывшись параллельно земле навстречу небу. На арке была изображена шестиконечная звезда.

Скрипнув зубами, Найнив прыгнула со шпиля вниз и пролетела

сквозь арку.

Она приземлилась в неглубокой грязной луже. Её одежда куда-то пропала. С чего бы это вдруг? Зарывав себе под нос, Найнив поднялась на ноги. Она была зла. Она не знала почему, но кто-то... что-то с ней сделал.

Как же она устала. И в этом была их вина, кто бы они ни были. Едва она сосредоточилась на этой мысли, как всё прояснилось. Она не могла припомнить, что они сделали, но винить за это совершенно точно надо было их. На обеих её руках были следы порезов. Её что, высекли? Порезы нещадно болели.

Найнив огляделась вокруг. С неё

капала вода. Она закончила уже сорок семь плетений из ста. Она знала это, но больше ничего. Кроме того, что *кто-то* очень сильно желал, чтобы она потерпела неудачу.

Найнив не собиралась позволить им победить. С твёрдым намерением сохранять спокойствие она поднялась из лужи и обнаружила неподалеку одежду кричаще яркой расцветки — ярко-розовую с жёлтым, щедро сдобренную алым. Это было больше похоже на оскорбление. Но она всё равно её надела.

Найнив пошла по тропинке, ведущей через болото, обходя стороной ямы и озерца стоячей воды, пока не обнаружила нарисованную в

грязи шестиконечную звезду. Она начала следующее плетение, которое должно было выпустить в воздух пылающую голубую звезду.

Что-то укусило её в шею. Найнив шлёпнула рукой по тому месту, прихлопнув мошку. Что ж, неудивительно, что они нашлись на этом сыром болоте. Она была бы рада...

Ещё один укус в предплечье. Она хлопнула себя по руке. Воздух наполнился жужжанием от мельтешащих вокруг неё мошек. Стиснув зубы, Найнив продолжила сплетать потоки. На её руки сыпались всё новые и новые укусы. Она не могла прихлопнуть всех

мошек. Может быть, можно избавиться от мошкары с помощью какого-то плетения? Найнив начала было сплести Воздух, чтобы вызвать ветер вокруг себя, но прервалась, заслышав крики.

Они едва прорывались сквозь жужжание мошкары, но, кажется, это кричал провалившийся в трясины ребёнок! Едва Найнив шагнула на крик и открыла было рот, чтобы ответить, как мошки ринулись ей в рот, заставив поперхнуться. Они лезли в глаза, и Найнив пришлось крепко зажмуриться.

Это жужжание. Крики. Укусы. Свет, эти мошки залезли ей в горло. Прямо в лёгкие!

«Закончи плетение. Ты должна закончить плетение».

Каким-то чудом, несмотря на боль, она продолжила сплетать потоки. Гул от насекомых стоял настолько громкий, что она едва расслышала хлопок, с которым взмыла в небо огненная звезда. Найнив быстро отогнала мошкарку плетением и тут же, дрожа и кашляя, огляделась вокруг. Она чувствовала мошек, застрявших в горле, но не видела поблизости попавших в беду детей. Неужели ей это слышалось?

Зато она заметила ещё одну шестиконечную звезду над прорезанной прямо в дереве дверью. Как только Найнив шагнула к ней, её

снова атаковала мошकारа. Спокойствие. Только спокойствие! Но зачем? Это же бессмысленно! Но она всё равно держала себя в руках, и, облепленная мошками, с закрытыми глазами направилась вперед. Дойдя до двери, Найнив нащупала её, распахнула и шагнула в проём.

И остановилась, как вкопанная, внутри какого-то здания, удивляясь, отчего она так сильно кашляет. Неужели она заболела? Измученная и злая Найнив оперлась спиной о стену. Её ноги были покрыты царапинами, а руки чесались от укусов каких-то насекомых. Взглянув на свою безвкусно кричащую одежду,

Наинив застонала. Кто заставил её надеть это красно-жёлто-розовое чудо?

Со вздохом она выпрямилась и направилась дальше по обшарпанному коридору. Под ногами скрипели половые доски, побелка на стенах потрескалась и осыпалась.

Она дошла до дверного проёма и заглянула внутрь. В маленькой комнате стояли четыре маленькие медные кровати, из швов лежащих на них матрасов торчала солома.

На каждой кровати лежало по маленькому ребёнку, вцепившемуся в жалкое одеяльце. Двое из них кашляли, и все четверо выглядели бледными и нездоровыми.

Охнув, Найнив влетела в комнату и присела перед первым ребенком, мальчиком лет четырёх. Она проверила его глаза и попросила покашлять, прослушивая его грудь. У него была ползучая лихорадка.

— Кто за вами ухаживает? — спросила Найнив.

— Сиротский приют содержит госпожа Мала, — слабым голосом ответил малыш. — Мы уже давно её не видели.

— Пожалуйста, — подала голос маленькая девочка с соседней кровати. Глаза малышки налились кровью, а кожа была столь бледной, что казалась почти белой. — Воды? Можно мне немножко воды?

Девочку лихорадило.

Двое других детей заплакали, жалобно и тихо. Свет! В комнате не было ни единого окна, и Найнив заметила шнырявших под кроватями тараканов. Кто посмел оставить детей в таких условиях?

— Тихо, тихо, — сказала она. — Теперь здесь я. Я позабочусь о вас.

Нужно направить Силу и их Исцелить. Затем...

«Нет, — подумала она. — Я не могу это сделать. Не могу направлять, пока не ступлю на звезду».

Тогда она смешает для них зелья. Где же её сумка с травами? Найнив оглядела комнату в поисках воды и

замерла.

Через коридор напротив была ещё одна комната. Разве она была там прежде? На полу той комнаты лежал коврик с изображением шестиконечной звезды. Найнив поднялась на ноги. Дети тихо заплакали.

— Я вернусь, — пообещала им Найнив, направившись к комнате со звездой. Каждый шаг болью отдавался в её сердце. Она их бросила. Нет, она просто шла в соседнюю комнату. Так ведь?

Она встала на коврик и принялась сплетать потоки. Быстро выполнить всего одно плетение — и она сможет им помочь. Она поняла,

что плачет.

«Я уже была здесь прежде, — пришла в голову мысль. — Или в похожем месте. В подобной ситуации».

Она обнаружила, что с каждым мгновением злится всё сильнее. Да как она может направлять, когда её зовут дети? Они же умирают.

Завершив плетение, Найнив смотрела, как вызванные им струи воздуха всколыхнули её платье. Она потянулась рукой к косе и ухватилась за неё, когда в стене комнаты появилась дверь. В самом её верху было небольшое застекленное окошко, на котором была изображена шестиконечная звезда.

Ей нужно было идти дальше. Она слышала, как плачут дети. Со слезами на глазах и разрывающимся сердцем, Найнив пошла к двери.

С каждым разом становилось всё хуже и хуже. Она бросала людей, тонущих и погребённых заживо, людей, которых должны были обезглавить. Одним из самых жутких был момент, когда ей пришлось выполнять плетение, в то время как селян пожирали исполинские пауки с ярко-красным мехом и похожими на кристаллы глазами. Найнив ненавидела пауков.

Иногда она оказывалась совершенно голой. Это уже перестало её беспокоить. Хоть она и

не могла припомнить ничего кроме того, сколько плетений она уже выполнила, каким-то образом Найнив знала, что её нагота — ничто по сравнению с увиденными ею ужасами.

Она вывалилась из каменной арки. Воспоминания о горящем здании уже почти стёрлись из её памяти. Восемьдесят первое плетение. Она помнила только это. Это и свою ярость.

На Найнив было обгоревшее платье из мешковины. Когда она успела подпалить его? Она выпрямилась, вскинув голову. Её руки дрожали, спину жгло от следов порки, ноги и ступни были покрыты

ранами и ссадинами. Найнив оказалась в Двуречье. То есть не в Двуречье. Не в том Двуречье, что она помнила. Некоторые дома обуглились от пожара и ещё дымились.

— Они снова идут! — прокричал чей-то голос. Мастер ал'Вир. Зачем у него меч? Люди, которых она знала, дорогие ей люди — Перрин, мастер ал'Вир, госпожа ал'Донел, Эйри Боттегер — стояли перед низкой стеной с оружием в руках. Кто-то махнул ей рукой.

— Найнив! — закричал Перрин. — Здесь Отродья Тени! Нам нужна твоя помощь!

По ту сторону стены двигались

огромные тени. Отродья Тени ужасающего размера — не троллоки, но что-то намного хуже. Найнив слышала их рёв.

Она должна помочь! Найнив двинулась было к Перрину, но замерла, заметив на другом конце Лужайки нарисованную на склоне холма шестиконечную звезду.

— Найнив! — в голосе Перрина сквозило отчаяние. Он начал сражаться с чем-то, перебирающимся через стену — с тянущимися к нему полночно-чёрными щупальцами. Перрин рубил их топором, но одно из них схватило Эйри и утянуло его в темноту. Она слышала, как он кричал.

Найнив направилась в сторону звезды. Невозмутимо. Размеренно.

Как глупо. Айз Седай должна быть невозмутимой. Она знала это. Но Айз Седай ещё необходимо быть готовой действовать, выполнить то, что должно, чтобы помочь нуждающимся. Не важно, чего ей это будет стоить. Она была нужна этим людям.

И Найнив побежала.

И даже этого казалось недостаточно. Она бежала, чтобы быстрее добраться до звезды, но она всё равно оставляла любимых ею людей сражаться в одиночку. Она знала, что не может направлять, пока не ступит на шестиконечную звезду.

Это была полнейшая бессмыслица. Это же нападение Отродий Тени! Она должна направить Силу!

Найнив обняла Источник и почувствовала, как что-то пытается остановить её. Что-то вроде щита. Она с усилием оттолкнула его, и Единая Сила хлынула в неё. Найнив начала посылать в чудовищ потоки огня, выжигая тянущиеся к Перрину щупальца.

Она продолжила бросаться огнём, пока не достигла шестиконечной звезды. Там она сплела восемьдесят первое плетение, создававшее в воздухе три кольца Огня.

Она работала яростно,

одновременно атакуя чудовищ. Найнив не знала, зачем создаёт это плетение, но знала, что должна его закончить. Поэтому она влила в плетение больше силы, сделав получившиеся кольца огромными, и метнула их в тварей. Исполинские пламенные кольца врезались в тёмные силуэты, неся им смерть.

На скате крыши гостиницы мастера ал'Вира была изображена шестиконечная звезда. Неужели кто-то её там выжег? Найнив отмахнулась от этих мыслей, направив свою ярость на тварей со щупальцами.

«Нет. Это важно. Важнее, чем Двуречье. Я должна идти дальше».

Чувствуя себя полнейшей трусихой — но зная, что это будет правильным поступком — она вбежала в двери гостиницы.

* * *

Вся в слезах, Найнив лежала на земле около разрушенной арки. Это было последнее из ста плетений.

У неё едва хватало сил, чтобы пошевелиться. По щекам бежали дорожки от слёз. Голова была полна лживых воспоминаний о том, как она сбегала из битв, как она оставляла детей умирать, вечно неспособная оказать достаточную

ПОМОЩЬ.

Её плечо кровоточило от волчьих зубов. Её ноги были изодраны в кровь, будто она продиралась сквозь огромные заросли колючек. По всему телу были ожоги и волдыри. На ней снова не было одежды.

Найнив поднялась на исцарапанные и кровоточащие колени. Её коса заканчивалась дымящимся обрубком на ладонь ниже плеч. Дрожа, Найнив наклонилась в сторону, и её вырвало.

Такая изможденная, такая слабая. Как ей идти дальше?

«Нет. Я не дам им победить меня».

Она медленно поднялась на ноги. Найнив была в небольшой комнате, сквозь трещины между стенными плитами пробивался режущий глаза свет. На полу лежала сложенная белая одежда. Найнив подняла её, разворачивая. Белое платье с каймой из цветов Айя по подолу. Одежда Принятой Белой Башни.

Найнив бросила платье.

— Я Айз Седай, — сказала она, перешагнув через одежду, и толкнула дверь. Уж лучше оставаться голой, чем поддаться той лжи.

За дверью Найнив обнаружила другое платье, на этот раз жёлтое. Куда более подходящая одежда. Она

позволила себе потратить время на то, чтобы одеться, хотя её трясло, и пальцы так устали, что отказывались слушаться. Ткань тут же перепачкалась в крови.

Покончив с платьем, Найнив огляделась по сторонам. Она оказалась на склоне холма в Запустении, растения, покрывающие землю, были испещрены характерными тёмными отметинами. Откуда в Запустении оказалась хижина, и как она сама оказалась внутри неё?

Найнив сильно устала. Ей хотелось вернуться в домик и заснуть.

Нет. Она пойдёт дальше. Найнив

с усилием стала взбираться на холм. На самом его верху она осмотрелась — местность вокруг была покрыта руинами и обломками, впереди виднелись участки темноты. Озёра, если их можно было бы так назвать. Вода в них казалась густой и маслянистой, и в ней двигались какие-то тёмные тени. «*Малкир*, — подумала Найнив, поражённая тем, что узнала это место. — *Семь Башен, от которых остались только обломки. Гниющие Тысяча Озёр. Наследное владение Лана*».

Она шагнула было вперёд, но обо что-то ударилась пальцем ноги. На камне у её ног был вырезан крохотный символ: шестиконечная

звезда.

Найнив вздохнула с облегчением. Почти закончила. Она начала сплести последнее плетение.

Внизу из-за горы каменных обломков, спотыкаясь, выскочил мужчина, искусно вращая мечом. Она узнала его даже на таком расстоянии — эта сильная фигура, угловатое лицо, меняющий цвета плащ и опасная манера двигаться.

— Лан! — закричала Найнив.

Он был окружён чудовищами, похожими на волков, но гораздо крупнее. У тварей был тёмный мех, они сверкали зубами, когда кидались на Лана. Гончие Тьмы, целая стая.

Вздрогнув, Найнив закончила

сотое плетение; она даже не заметила, что всё это время продолжала его сплетать. Воздух вокруг неё взорвался фейерверком разноцветных искр. Чувствуя себя измождённой, она проследила их падение. Позади раздался какой-то звук, но, когда она оглянулась, там ничего не было. Только та же самая хижина.

Над дверью домика висела шестиконечная звезда, составленная из осколков драгоценных камней. Этой двери прежде там не было. Найнив сделала было шаг к хижине, но оглянулась.

Лан вертелся, нанося удары мечом, заставляя Гончих Тьмы

отступать. Одна капля слюны этих тварей могла убить его.

— Лан! — закричала Найнив. — Беги!

Он не услышал её. Шестиконечная звезда. Нужно идти к ней!

Найнив моргнула и посмотрела на свои руки. Ровно в центре каждой ладони белел маленький шрам. Почти незаметный. Их вид пробудил в ней воспоминание...

Найнив... Я люблю тебя...

Это было испытание. Теперь она вспомнила. Это было испытание, призванное заставить её сделать выбор между ним и Белой Башней. Однажды она уже сделала этот

выбор, но тогда она знала, что это было не по-настоящему.

Это ведь тоже было не по-настоящему, так ведь? Она поднесла руку к голове, её разум был затуманен. *«Там внизу мой муж, — подумала она. — Нет. Я не стану играть в эти игры!»*

Закричав, Найнив направила Огонь и обрушила плетение на одну из Гончих Тьмы. Тварь скрылась за языками пламени, но огонь, кажется, не причинил ей вреда. Найнив шагнула вперёд, посылая ещё больше огня. Бесплезно! Гончие продолжали наступать.

Она отказывалась уступать усталости. Она отвергла её,

становясь спокойной, хладнокровной. Ледяной. Они хотели надавить на неё, посмотреть, на что она способна? Что ж, пусть будет так. Она потянулась к Источнику и наполнила себя огромным количеством Единой Силы.

И сплела погибельный огонь.

Луч чистого света сорвался с её пальцев, воздух вокруг него странно исказился. Погибельный огонь ударил в одну из Гончих Тьмы и будто пронзил её насквозь, уйдя в землю. Весь окружающий мир сотряс грохот, и Найнив еле удержалась на ногах. Лан упал на землю. Гончие Тьмы бросились к нему.

«*НЕТ!*» — мысленно закричала Найнив, выпрямляясь и снова сплетая погибельный огонь. Она поразила им ещё одну Гончую, затем ещё одну. Всё больше чудовищ выскакивало из-за скал. Откуда все они появлялись? Найнив пошла вперёд, разя запретным плетением.

Каждый её удар заставлял землю содрогаться, будто от боли. Погибельный огонь не должен был так пронзать землю. Что-то было не так.

Она подошла к Лану. У него была сломана нога.

— Найнив! — воскликнул он. — Ты должна идти!

Она отмела его слова,

опустившись рядом с ним на колени и сплетая погибельный огонь, когда ещё одна Гончая выскочила из-за руин. Тварей становилось всё больше, а Найнив так устала. Каждый раз, как она направляла Силу, она была уверена, что больше не сможет направить и струйки.

Но этого не будет. Особенно сейчас, когда Лан в опасности. Найнив сплела сложное Исцеление, вложив в него каждую капельку сохранившейся силы, чтобы вылечить ногу Лана. Он с трудом поднялся на ноги и, схватив меч, развернулся, чтобы отогнать Гончую Тьмы.

Они сражались бок о бок, она — погибельным огнём, он — сталью.

Но его удары были вялыми, а каждое следующее плетение погибельного огня занимало у неё на пару мгновений больше времени. Земля тряслась и гудела, руины рушились на землю.

— Лан! — сказала Найнив. —
Будь готов бежать!

— Что?

Из последних сил Найнив сплела погибельный огонь и направила его прямо в землю перед ними. Земля *пошла волнами*, словно бьющееся в агонии живое существо, а затем неподалёку от них возник разлом, поглотивший провалившихся в него Гончих Тьмы. Силы оставили Найнив, и Единая Сила вытекла из

неё. Она слишком устала, чтобы направлять.

Лан схватил её за руку.

— Нужно идти!

Она с трудом поднялась на ноги, взяв его за руку, и они вместе побежали вверх по грохочущему склону холма. Позади завывали Гончие Тьмы — часть стаи перепрыгнула образовавшийся разлом.

Вцепившись в руку Лана, Найнив бежала из последних сил. Они достигли вершины холма. Земля так ужасно содрогалась, и Найнив не могла поверить, что хижина устояла. Спотыкаясь, Найнив вместе с Ланом помчалась вниз по склону к домику.

Он споткнулся, вскрикнув от боли, и его рука выскользнула из пальцев Найнив.

Она резко развернулась. Позади них на вершине холма показалось целое море Гончих Тьмы, рычащих, сверкающих зубами и брызгающих слюной. С широко распахнутыми глазами Лан махнул ей рукой, чтобы она уходила.

— Нет.

Найнив схватила Лана за руку, рванув его на себя, поднимая на ноги, и потащила за собой вниз по склону. И так, вместе, они ввалились в дверь лачуги и...

... и, задыхаясь, Найнив выпала из *тер'ангриала*. Она рухнула на

холодный пол, одинокая, обнажённая и дрожащая. Воспоминания потоком хлынули в её разум. Все до единого, каждый миг пройденного испытания. Каждое предательство, каждое бесполезное плетение. Беспомощность, крики детей, смерти людей, которых она знала и любила. Свернувшись в комочек на полу, Найнив разрыдалась.

Всё её тело горело от боли. Плечо, ноги, руки и спина всё ещё кровоточили. По всему телу полосами вздулись волдыри от ожогов, и Найнив потеряла большую часть своей косы. Она попыталась совладать с воспоминаниями о том, что она натворила, её волосы

расплелись и разметались по лицу.

Найнив услышала чьи-то стоны неподалеку, всё вокруг казалось мутным, но она увидела, что сидевшие в кругу Айз Седай отпустили свои плетения и тяжело осели. Она ненавидела их. Ненавидела их всех вместе и каждую по отдельности.

— Свет! — раздался голос Саэрин. — Исцелите же её кто-нибудь!

Перед глазами стоял туман. Голоса звучали всё более смутно, словно звуки под водой. Такие умиротворяющие звуки...

По телу пронеслась волна холода. Найнив всхлипнула, её глаза

широко распахнулись от ледяного шока Исцеления. Рядом с ней с обеспокоенным видом стояла на коленях Росил.

Боль покинула тело Найнив, но её изможденность усилилась десятикратно. И та боль внутри.... Она осталась. О, Свет! Она до сих пор слышала крики детей.

— Что ж, — произнесла Саэрин где-то неподалёку, — кажется, она будет жить. А теперь пусть кто-нибудь объяснит мне, что во имя творения это было? — взбешённо спросила она. — Я участвовала во множестве испытаний на шаль, даже в одном, где женщина не выжила. Но за всю свою жизнь я никогда не

видела, чтобы женщину подвергли тому, через что пришлось пройти ей.

— Необходимо было должным образом её испытать, — ответила Рубинде.

— Должным образом? — требовательно переспросила Саэрин, придя в ярость.

У Найнив не было сил, чтобы взглянуть на них. Она лежала и просто дышала — вдох и выдох.

— Должным образом? — повторила Саэрин. — Это было отнюдь не так, как должно. Это было очень мстительно, Рубинде! Да практически каждое из её испытаний было за гранью того, что требовали от других женщин при

моём участии! Вам должно быть стыдно! Всем вам. Свет! Вы только посмотрите, что вы сделали с девочкой!

— Это несущественно, — холодно заметила Барасин, Красная. — Она провалила испытание.

— Что? — прохрипела Найнив, наконец-то подняв на них взгляд. *Тер'ангриал* затянулся дымкой, и Росил принесла одеяло и одежду Найнив. Эгвейн стояла в стороне, сцепив руки перед собой. Она слушала остальных с безмятежной маской на лице. У Эгвейн не было права голоса, но остальные будут голосовать, высказываясь о том,

прошла Найнив испытание или нет.

— Ты провалилась, дитя, — повторила Барасин, наградив Найнив бесстрастным взглядом. — Ты не проявила должного поведения.

Лилейн от Голубых кивнула с раздражением от того, что была вынуждена согласиться с Красной.

— Это испытание было призвано проверить твою способность сохранять спокойствие, как должно Айз Седай. Ты этого не проявила.

Остальные выглядели так, будто чувствовали себя не в своей тарелке. *«Вам не положено говорить о подробностях испытания».* Найнив это было хорошо известно. Ещё ей

было известно, что в большинстве случаев провалить испытание и умереть были равнозначными понятиями. Но теперь, когда она задумалась над этим, Найнив не слишком была удивлена заявлением, что она провалилась.

Она нарушила правила испытания. Она побежала, чтобы спасти Перрина и остальных. Она направляла Силу до того, как это было разрешено. Но она не раскаивалась. Все остальные эмоции сейчас были поглощены той пустотой внутри, что она ощущала.

— В словах Барасин и впрямь есть смысл, — неохотно вступилась Сине. — В конце испытания ты

открыто демонстрировала свою ярость, ты не раз бежала к символам. Также свою роль сыграло то запрещённое плетение. Это беспокоит более всего. Я не говорю, что ты непременно провалила испытание, но есть некоторые нарушения.

Найнив попыталась подняться на ноги. Росил положила было руку ей на плечо, чтобы не дать ей встать, но Найнив использовала её руку в качестве опоры, вздёрнув себя на плохо слушающиеся ноги. Взяв одеяло, она обернула его вокруг плеч, придерживая спереди.

Она чувствовала себя выпитой до капли.

— Я делала то, что была обязана сделать. Кто из вас не побежит при виде людей в опасности? Кто из вас запретит себе касаться Источника при виде напавших Отродий Тени? Я действовала так, как должна действовать Айз Седай.

— Это испытание, — сказала Барасин, — призвано показать, что женщина способна полностью посвятить себя высшей цели. Увидеть, что она может отбросить в сторону сиюминутные отвлекающие факторы и стремиться к высшему благу.

Найнив фыркнула.

— Я выполнила все обязательные плетения. Я сохраняла

сосредоточенность на цели. Да, я не была идеально спокойна — но сохраняла достаточно хладнокровия, чтобы выполнить задачу. Никто не смеет требовать невозмутимости только ради невозмутимости, и глупо запрещать бежать, когда люди нуждаются в твоей помощи для спасения.

— Моей целью в этом испытании было доказать, что я заслуживаю быть Айз Седай. Что ж, в таком случае я могу утверждать, что жизни увиденных мною людей гораздо важнее получения этого титула. Если не будет никакого другого способа спасти чью-то жизнь, кроме как потерять этот

титул, то я соглашусь на это. Всякий раз. Бросить их в беде не будет служением высшему благу, это будет обычным эгоизмом.

Глаза Барасин широко распахнулись от гнева. Найнив развернулась, чтобы дойти — с трудом — до скамьи у стены зала, где она смогла присесть и отдохнуть. Женщины собрались вместе и начали тихо обсуждать, а Эгвейн с всё таким же безмятежным лицом подошла к Найнив. Амерлин опустилась на скамью рядом с ней. Хотя ей было позволено принять участие в испытании и создать некоторые из ситуаций, чтобы испытать Найнив, принимать решение о присвоении

шали будут остальные.

— Ты их разозлила, — сообщила Эгвейн. — И одновременно смутила.

— Я сказала правду, — проворчала Найнив.

— Возможно, — сказала Эгвейн. — Но я говорю не о твоей выходке. Во время испытания ты игнорировала отданные тебе указания.

— Я не могла их игнорировать. Я не помнила даже, что мне их отдавали. Я... ну, на самом деле я помнила, что мне следует делать, но не причину. — Найнив скривилась. — Поэтому я и нарушила правила. Я думала, они просто условность. Я не смогла

вспомнить, почему мне нельзя бежать, поэтому, когда я видела людей пред лицом опасности, идти шагом казалось глупостью.

— Предполагается, что правила нельзя нарушить, даже если ты их не помнишь, — пояснила Эгвейн. — И ты не должна была даже коснуться Источника, пока не доберёшься до символа. Это заложено в самой сути испытания.

Найнив нахмурилась.

— Тогда как...

— Ты слишком много времени провела в *Тел'аран'риоде*. Это испытание... кажется, оно работает во многом так же, как Мир Снов. Силой мысли можно изменить мир

вокруг себя. — Эгвейн прищелкнула языком и покачала головой. — Я предупреждала их, что это может быть опасно. Твой опыт в работе с Миром Снов позволил тебе изначально нарушить условия испытания.

Найнив промолчала в ответ, её замутило. Что если она и впрямь провалилась? Оказаться изгнанной из Башни сейчас, будучи на волоске от успеха?

— Однако полагаю, то, что ты нарушила правила, может сыграть тебе на руку, — тихо добавила Эгвейн.

— Что?

— Ты слишком опытна для

прохождения этого испытания, — пояснила Эгвейн. — В какой-то степени, произошедшее доказывает, что ты заслуживаешь пожалованной мною шали. Ты на высоком уровне, быстро и ловко выполнила все плетения. Особенно мне понравилось, как порой ты использовала с виду бесполезные плетения, чтобы атаковать встреченных существ.

— Бой в Двуречье, — сказала Найнив. — Это ведь было твоих рук дело, не так ли? Остальные недостаточно хорошо знают это место, чтобы его воспроизвести.

— Иногда возможно создавать видения и ситуации, основанные на

разуме самой проходящей испытание женщины, — ответила Эгвейн. — Непривычно работать с подобным *тер'ангриалом*. В нём есть нечто, в чем я неуверенна, что разбираюсь.

— Но Двуречье — дело твоих рук.

— Да, — признала Эгвейн.

— И последнее, с Ланом?

Эгвейн кивнула.

— Мне жаль. Я подумала, что если я не сделаю этого, то никто не...

— Я рада, что ты так поступила, — перебила её Найнив. — Это мне кое-что открыло.

— Неужели?

Найнив кивнула, опёршись

спиной о стену и поправив одеяло, и закрыла глаза.

— Я поняла, что, если мне придётся выбирать между шалью Айз Седай и Ланом, я выберу Лана. То, как люди обращаются ко мне, ничего не меняет у меня внутри. Но Лан... он больше, чем какой-то там титул. Я всё также смогу направлять — и остаться собой — если я никогда не стану Айз Седай. Но я никогда не смогу остаться собой, если брошу его. Когда я вышла за него замуж, мир изменился.

Почему-то, поняв и высказав это, она почувствовала себя... свободной.

— Молись, чтобы остальные

этого не узнали, — заметила Эгвейн. — Им не понравится, что ты ставишь что-то превыше Белой Башни.

— Как знать, — сказала Найнив, — не ставим ли мы иногда Белую Башню как организацию превыше людей, которым мы служим. Как знать, не позволяем ли мы самой Башне стать нашей целью, а не средством для достижения высших целей.

— Преданность важна, Найнив. Белая Башня защищает мир и направляет его на путь.

— И всё же среди нас так много тех, у кого нет семьи, — продолжила Найнив. — За всеми этими нашими

частными интересами нет ни любви, ни чувств. Так что даже когда мы пытаемся направлять мир на путь, мы отделяем себя от него. Мы рискуем слишком задрать нос, Эгвейн. Мы вечно считаем, что знаем всё лучше всех, но рискуем оказаться неспособными понять людей, которых, как мы говорим, мы защищаем.

Эгвейн казалась обеспокоенной.

— Не слишком распространяйся по поводу этих своих идей, по крайней мере, не сегодня. Они и так уже порядком тобой расстроены. Но это испытание было бесчеловечным, Найнив. Мне жаль. Я не могла позволить себе открыто выказывать

тебе покровительство, но должна была бы это остановить. Ты делала то, что было тебе не положено, и это подстёгивало их быть всё более и более жестокими. Они видели, что вид больных детей причиняет тебе боль, и поэтому всё чаще включали их в испытание. Многие, кажется, сочли твои победы личным оскорблением, поединком воли. Это заставило их быть суровыми. Даже безжалостными.

— Я выжила, — не открывая глаз, ответила Найнив. — И многое поняла. О себе. И обо всех нас.

Она хотела стать Айз Седай, принятой по всем правилам. Она очень сильно этого хотела. Но, в

конце концов, если эти люди решат отказать ей в своей поддержке, она знала, что продолжит свой путь и всё равно выполнит то, что должна.

Наконец-то Восседающие в сопровождении Росил подошли к Найнив. Она с усилием заставила себя подняться на ноги, чтобы выразить почтительность.

— Нам следует обсудить использованное тобой запрещённое плетение, — строго сказала Саэрин.

— Это единственный известный мне способ уничтожить Гончих Тьмы, — ответила Найнив. — Так было необходимо.

— Ты не вправе это решать, — заявила Саэрин. — Твои действия

оказали дестабилизирующее
воздействие на *тер'ангриал*. Ты
могла уничтожить его, убить себя и,
возможно, всех нас. Мы хотим, чтобы
ты поклялась, что больше никогда не
используешь это плетение.

— Я не буду клясться, — устало сказала Найнив.

— А если от этого зависит, получишь ли ты шаль или потеряешь право на неё навсегда?

— Давать подобную клятву было бы глупо, — ответила Найнив. — Я могу оказаться в ситуации, когда погибнут люди, если я не использую это плетение. Свет! Я буду сражаться в Последней Битве вместе с Рандом. Что если я приду к Шайол Гул и

обнаружу, что без погибельного огня я не смогу помочь Дракону остановить Тёмного? Вы заставите меня выбирать между глупой клятвой и судьбой всего мира?

— Ты рассчитываешь, что пойдёшь к Шайол Гул? — недоверчиво переспросила Рубинде.

— Я собираюсь быть там, — тихо ответила Найнив. — Это не обсуждается. Ранд просил меня об этом, хотя я бы пошла, даже если бы он и не попросил.

Восседающие обеспокоенно переглянулись.

— Если вы собираетесь дать мне шаль, — сказала Найнив, — тогда вам придётся довериться моему

суждению о погибельном огне. Если вы не доверяете мне решать, когда применять это крайне опасное плетение, а когда нет, то вам лучше не возвышать меня.

— Я была бы осторожна, — посоветовала женщинам Эгвейн. — Отказать в шали женщине, которая помогла очистить саидин от порчи — женщине, которая победила в бою самую Могидин, женщине, которая вышла замуж за короля Малкир — это создаст опасный прецедент.

Саэрин посмотрела на остальных. Трое кивнули. Юкири, Сине и — к удивлению — Романда. Трое покачали головами. Рубинде, Барасин, Лилейн. Осталась одна

Саэрин, чей голос был решающим.

Коричневая повернулась к ней.

— Найнив ал'Мира, объявляю, что ты прошла это испытание. Едва-едва.

Состоявшая в стороне Эгвейн тихо, почти неслышно, выдохнула от облегчения. Найнив обнаружила, что сама всё это время не дышала.

— Сделано! — объявила Росил, хлопнув в ладоши. — Пусть никто никогда не расскажет о том, что здесь произошло. Это знание лишь для тех женщин, которые были вместе с вами, с которыми вы разделите молчание. Сделано.

Женщины кивнули в знак согласия, даже те, кто голосовали

против Найнив. Никто не узнает, что Найнив едва не провалилась. Возможно, они выступили против неё только из-за погибельного огня — а не потребовали официального наказания — из-за традиции не разглашать то, что происходило внутри *тер'ангриала*.

Росил снова хлопнула в ладоши.

— Найнив ал'Мира, ты проведёшь ночь в молитвах и размышлениях о бремени, что ты примешь на себя завтра утром, когда наденешь шаль Айз Седай. Сделано. — Она хлопнула в ладоши третий и последний раз.

— Спасибо, — сказала Найнив. — Но у меня уже есть шаль,

и... — Она осеклась под острым взглядом Эгвейн. Безмятежным взглядом, но всё равно острым. Возможно, Найнив сегодня ночью уже достаточно перегнула палку.

— ... я буду рада следовать традиции, — продолжила Найнив, проглотив свои возражения. — Если мне позволят сперва выполнить одно очень важное дело. Затем я вернусь и исполню то, что велит традиция.

Чтобы попасть туда, куда она собиралась, Найнив нужны были переходные врата. Она не заостряла внимание остальных на том, что ей придётся покинуть Башню, чтобы выполнить свою задачу. Но, впрочем, она ведь и не говорила, что не

покинет.

Она поспешила через тёмный палаточный лагерь, разбитый вне границ частично построенной стены. Ночное небо, скрытое облаками, было тёмным, и по периметру лагеря были зажжены огни. Возможно, слишком много огней. Расположившиеся здесь люди были крайне осторожны. К счастью, стража позволила ей пройти в лагерь без возражений. Кольцо Великого Змея, продемонстрированное в нужных местах, творило чудеса. Они даже рассказали ей, где найти ту женщину, что она искала.

По правде говоря, Найнив была удивлена видеть эти шатры за

стенами Чёрной Башни, а не в их пределах. Эти женщины были отправлены связать Узами Аша'манов по предложению Ранда. Но, судя по услышанному от стражников, посланниц Эгвейн заставляли ждать. Аша'маны сообщили, что «у других есть право выбирать первыми», что бы это ни значило. Эгвейн, вероятно, было известно больше; она то и дело отправляла гонцов к находившимся здесь женщинам, в частности, чтобы предупредить их о возможности наличия среди них Чёрных сестёр. Те, чьи имена были известны, исчезли прежде, чем прибыли первые гонцы.

В данный момент Найнив не

интересовали подробности, у неё была иная задача. Подойдя к нужной палатке, Найнив почувствовала себя настолько уставшей из-за испытания, что ей казалось, что она скоро рухнет на землю, как марионетка с обрезанными нитями. Неподалёку через лагерь прошли несколько Стражей, равнодушно взглянув на неё.

Перед ней была обычная серая палатка. Она была слабо освещена, внутри неё двигались тени.

— Мирелле, — звонко произнесла Найнив. — Я хочу с тобой поговорить.

Она удивилась тому, как громко прозвучал её голос. Ей казалось, что

у неё почти не осталось сил.

Тени замерли, затем снова зашевелились. Зашуршал полог палатки, и оттуда показалось озадаченное лицо Мирелле. На женщине была полупрозрачная голубая ночная сорочка, а на полу внутри палатки сидел без рубашки один из её Стражей — похожий на медведя мужчина с густой чёрной бородой на иллианский манер.

— Дитя? — удивлённо спросила Мирелле. — Что ты тут делаешь? — Женщина была красивой, с оливковой кожей, длинными чёрными волосами и округлыми формами. Найнив пришлось сдержать желание потянуться к косе

— она теперь была слишком короткой, чтобы за неё дёргать. Уйдёт немало времени и сил, чтобы к этому привыкнуть.

— У тебя есть кое-что, что принадлежит мне, — сказала Найнив.

— Хм... Это как подумать, дитя, — Мирелле нахмурилась.

— Меня сегодня возвысили до шали, — сообщила Найнив. — Официально. Теперь мы равны, Мирелле.

Она оставила вторую часть несказанной — что из них двоих Найнив была сильнее. А значит, они не совсем равны.

— Возвращайся завтра, —

заявила Мирелле. — Я занята.

Она направилась обратно в шатёр.

Найнив поймала женщину за руку.

— Я так и не поблагодарила тебя, — сказала она, хоть ей и пришлось стиснуть зубы, чтобы выдавить эти слова. — Поэтому делаю это сейчас. Он жив благодаря тебе. Я понимаю это. Однако, Мирелле, сейчас не подходящее время, чтобы вышвыривать меня. Сегодня я видела, как убивали тех, кого я люблю, я была вынуждена обречь на муки детей. Меня жгли, бичевали и рвали на части. Клянусь тебе, женщина, если ты сейчас же не

передашь мне узы Лана, я войду к тебе в шатёр и научу тебя, что означает повиновение. Не вынуждай меня. Утром я принесу Три Клятвы, но на эту ночь я от них свободна.

Мирелле застыла на месте, затем вздохнула и вышла из шатра.

— Да будет так.

Она закрыла глаза, сплетая Дух, и наложила на Найнив плетение.

Ощущение было похоже на то, будто в её разум буквально впихнули *нечто*. Найнив задохнулась, перед глазами всё поплыло.

Мирелле развернулась и нырнула обратно в шатёр. Найнив медленно осела на землю. Внутри её разума, словно бутон, распускалось

нечто. Знание. Прекрасное,
восхитительное.

Это был он. И он ещё был жив.

«Свет благословенный, —

подумала Найнив, прикрыв глаза. —

Спасибо тебе».

Глава 21

ОТКРЫТЫЕ ВРАТА

— Мы решили, — сказала Сеонид, — что будет лучше, если кто-то один отчитается сразу за всех. Я обобщила сведения, чтобы передать их вам.

Перрин рассеянно кивнул. Он сидел на подушках рядом с Фэйли в шатре для совещаний, который снова был переполнен людьми.

— В Кайриэне, конечно, всё ещё полная неразбериха, — приступила к докладу Сеонид. Деловитая Зелёная была резкой женщиной. Она не была грубой или неприветливой, но даже

её отношения с собственными Стражами напоминали отношения между зажиточным фермером и его батраками. — Солнечный Трон пустует слишком долго. Все знают, что Лорд Дракон обещал его Илэйн Траканд, но она боролась за свой собственный трон. И, говорят, в конце концов она его получила.

Сеонид взглянула на Перрина, ожидая его реакции. От неё пахло удовлетворением. Перрин почесал подбородок. Это было важно, и ему следовало слушать внимательнее. Но мысли об уроках в волчьем сне постоянно его отвлекали.

— Значит, Илэйн теперь королева. Ранду это должно

понравиться.

— Как на это отреагировал Лорд Дракон — неизвестно, — продолжила Сеонид, словно помечая галочкой очередной пункт в своём списке. Хранительницы Мудрости молчали и не задавали вопросов; они сидели на своих подушках небольшой группкой, словно заклёпки на дверной петле. Скорее всего, Девы уже всё им рассказали.

— Я почти уверена, что Лорд Дракон сейчас в Арад Домане, — вновь заговорила Зелёная. — Хотя по каким-то слухам он именно там, но, конечно, существуют и другие слухи, согласно которым он находится во множестве других мест. А завоевание

Арад Домана для него тактически важно, ведь волнения в нём могут взбаламутить всё Порубежье. Я не уверена лишь в том, отправил ли он туда айильцев или нет.

— Отправил, — просто сказала Эдарра. Без дальнейших объяснений.

— Да, — сказала Сеонид. — Ходит много слухов о том, что он планирует предупредить наступление Шончан в Арад Домане. Подозреваю, что кланы пригодятся ему для этого.

Последние слова разбудили в Перрине воспоминания о Малдене. Он представил себе сражающихся *дамани* и Хранительниц Мудрости; Единую Силу, разрывающую ряды

солдат, вихри крови, земли и огня в воздухе. Как у Колодцев Дюмай — только хуже. Перрин поёжился. Как бы то ни было, из видений, возникавших при словах Сеонид, он знал, что Ранд был именно там, где она и сказала.

Айз Седай продолжила, перейдя к торговле и запасам еды в Кайриэне. Перрин поймал себя на том, что думает о странной фиолетовой стене из волчьего сна. «*Идиот*, — одёрнул он себя. — *Слушай*». Свет! Правитель из него действительно никудышный. Он мог без проблем возглавлять стаю, когда волки позволяли ему охотиться вместе. Почему он не был способен сделать

то же самое для своих людей?

— Тир набирает войска, — сказала Сеонид. — Говорят, Лорд Дракон приказал королю Дарлину собирать людей на войну. К слову, в Тире, по всей видимости, появился король. Любопытный случай. Одни говорят, что Дарлин отправится в Арад Доман, другие, что на Последнюю Битву. Есть те, кто утверждает, что ал'Тор сперва хочет разбить Шончан. Все три варианта кажутся мне правдоподобными, и я не могу сказать больше, не побывав в Тире лично.

Айз Седай взглянула на Перрина, от неё пахло надеждой.

— Нет, — ответил Перрин. —

Не сейчас. Ранда нет в Кайриэне, а Андор кажется надёжным. Мне думается, логичнее всего отправиться туда и поговорить с Илэйн. Ей будет что рассказать нам.

От Фэйли запахло тревогой.

— Лорд Айбара, — обратилась Сеонид, — вы думаете, что королева будет вам рада? С флагом Манетерен и самовольно присвоенным титулом лорда...

Перрин нахмурился.

— Теперь эти дурацкие знамёна сняты, и Илэйн всё поймёт правильно, как только я объясню ей, что к чему.

— А как же мои солдаты? — спросила Аллиандре. — Вам,

наверное, стоит спросить разрешения, прежде чем вводить чужие войска на территорию Андора.

— Ты с нами не пойдёшь, — ответил Перрин. — Я уже говорил об этом, Аллиандре. Ты останешься в Джеханнахе. Мы доставим тебя туда сразу же, как только разберёмся с Белоплащниками.

— Значит, уже решено, что с ними делать? — подавшись вперёд от нетерпения, взволнованно спросил Арганда.

— Они вызывают на бой, — ответил Перрин, — и игнорируют мои просьбы о дальнейших переговорах. Я намерен дать им это

сражение.

Его заявление вызвало разговоры, которые, правда, вскоре превратились в обсуждение того, что означает появление в Тире короля. В конце концов, Сеонид прочистила горло и вернулась к своему докладу.

— В Кайриэне много говорят о Шончан, — заявила она. — Захватчики, видимо, сосредоточились на укреплении уже завоёванных земель, включая Алтару. Тем не менее, они продолжают продвигаться на запад, а на Равнине Алмот идут ожесточённые бои.

— Они двигаются в сторону Арад Домана, — добавил Арганда. — Там назревает война.

— Скорее всего, — подтвердила Сеонид.

— Раз надвигается Последняя Битва, — заговорила Анноура, — значит полезнее был бы союз с Шончан.

Сидевшая со скрещёнными ногами на своей жёлто-голубой шёлковой подушке, украшенной вышивкой, Айз Седай выглядела задумчивой.

— Они посадили на поводок Хранительниц Мудрости, — добавила Эдарра, и её слишком молодое лицо потемнело. От неё пахло опасностью. Грозной, но холодной, как от человека, собирающегося совершить

убийство. — И не только Шайдо, заслуживших подобную участь. Если с Шончан и будет заключён союз, то он будет разорван сразу, как только *Кар'а'карн* закончит свои дела. Уже сейчас многие из наших поговаривают о кровной мести этим захватчикам.

— Не думаю, что Ранд хочет войны между вами, — произнёс Перрин.

— Год и один день, — просто сказала Эдарра. — Хранительницы Мудрости не могут быть *гай'шайн*, но, возможно, у Шончан другие обычаи. В любом случае, мы дадим им год и один день. Если после этого они не отпустят пленных по нашему

требованию, они познают наши копья. *Кар'а'карн* не может требовать от нас большего.

В шатре стало тихо.

— Продолжим, — Сеонид вновь прочистила горло. — Закончив с Кайриэном, мы встретились с теми, кто отправился проверять слухи в Андор.

— Подожди, — перебил её Перрин. — В Андор?

— Хранительницы Мудрости решили отправить туда Дев.

— Этого не планировалось, — пророкотал Перрин, глядя на Хранительниц Мудрости.

— Ты нами не командуешь, Перрин Айбара, — спокойно сказала

Эдарра. — Нам нужно было узнать, остались ли в городе ещё айильцы и был ли там *Кар'а'карн*. Твои Аша'маны создали Врата, когда мы их попросили.

— Дев могли заметить, — проворчал он. Да, он *велел* Грейди создавать Врата по просьбе айильцев, но он подразумевал отправку и возвращение. Надо было выражаться яснее.

— Но их же не заметили, — голос Сеонид звучал сердито, как будто она разговаривала с глупым ребёнком. — Уж точно никто, кроме тех, с кем они собирались поговорить.

Свет! Дело было в нём, или

Сеонид становилась всё больше похожей на Хранительниц Мудрости? Не этим ли она и остальные занимались в айильском лагере? Учились быть ещё упрямее? Свет, спаси их всех.

— Так или иначе, — продолжила Айз Седай, — наведаться в Кэймлин было разумно. Нельзя доверять слухам, особенно если в дело замешан один из Отрёкшихся.

— Отрёкшийся? — переспросил Галленне. — В Андоре?

Перрин кивнул, взмахом руки попросив ещё одну чашку подогретого чая.

— Ранд сказал, что это был

Равин, хотя во время той битвы я был в Двуречье. — Цвета закружились в голове Перрина. — Равин выдавал себя за одного из местных лордов, мужчину по имени то ли Габрал, то ли Гэйбил или как-то так. Он использовал королеву, заставил влюбиться в него или что-то в этом роде, а затем убил её.

Глухо зазвенел ударившийся о землю поднос.

Фарфоровые чашки разлетелись вдребезги, расплескав чай. Выругавшись, Перрин резко обернулся. Несколько Дев вскочили на ноги, схватившись за поясные ножи.

Майгдин стояла с потрясённым

видом, безвольно опустив руки. На земле перед ней лежал упавший поднос.

— Майгдин! — обратилась к ней Фэйли. — Ты в порядке?

Солнечноволосяя служанка, выглядевшая будто оглушённой, повернулась к Перрину:

— Милорд, не могли бы вы повторить то, что только что сказали?

— Что? — переспросил Перрин. — Женщина, что с тобой?

— Вы сказали, что один из Отрёкшихся обосновался в Андоре, — сказала Майгдин ровным голосом. При этом она одарила его таким пронзительным взглядом, на

который способна любая Айз Седай. — Вы уверены в том, что не ослышались?

Перрин уселся обратно на подушку, почёсывая подбородок.

— Насколько вообще могу быть уверен. Это было давно, но я знаю, что Ранд был в этом убеждён. Он сражался с кем-то в андорском дворце Единой Силой.

— Его звали Гэйбрил, — вмешалась Сулин. — Я была там. Молнии били с чистого неба. Нет сомнений, что это была Единая Сила. И один из Отрёкшихся.

— Некоторые в Андоре утверждают, что *Кар'а'карн* говорил об этом, — добавила Эдарра. — Он

сказал, что этот Гэйбрил использовал запретные плетения на мокроземцах во дворце, искажая их разум и заставляя их думать и делать то, что он пожелает.

— Майгдин, да в чём дело? — вновь спросил Перрин. — Свет, женщина, он же мёртв! Тебе нечего бояться.

— Прошу меня извинить, — ответила Майгдин и вышла из шатра, оставив поднос и разбитый фарфор цвета поделочной кости валяться на земле.

— Я позабочусь о ней позже, — смущённо проговорила Фэйли. — Она в смятении оттого, что, оказывается, жила совсем рядом с

одним из Отрёкшихся. Ты же знаешь, что она из Кэймлина.

Окружающие закивали, а оставшиеся слуги начали наводить порядок. Перрин понял, что чая он больше не получит. *«Вот дурак, — подумал он. — Большую часть прожитой жизни обходился без приказаний подать чай! Ну и сейчас не помрёшь от того, что никто не дольёт тебе чая по мановению руки».*

— Продолжим, — сказал он, усаживаясь на подушках поудобнее. На этих треклятых штуковинах никак не удавалось нормально устроиться.

— Мой доклад окончен, — заявила Сеонид, подчёркнуто

игнорируя слугу, убравшего на полу перед ней осколки фарфора.

— Моё решение не изменилось, — сказал Перрин. — Сначала нужно разобраться с Белоплащниками. Затем мы отправимся в Андор, и я поговорю с Илэйн. Грейди, как ты себя чувствуешь?

Обветренный Аша'ман в чёрном мундире поднял голову, продолжая сидеть на своём месте:

— Я полностью оправился после болезни, милорд, и Неалд практически тоже.

— Но ты всё ещё выглядишь уставшим, — возразил Перрин.

— Да, — согласился Грейди, —

но, испепели меня Свет, я чувствую себя лучше, чем после многодневной работы в поле до того, как отправился в Чёрную Башню.

— Пора начинать отправлять беженцев по домам, — сказал Перрин. — С этим Кругом ты можешь дольше удерживать Врата открытыми?

— Я не вполне уверен. В Круге я всё равно устаю. Может даже сильнее. Но с помощью женщин я могу делать Врата намного больше и достаточно широкие, чтобы через них разом проезжали две повозки.

— Хорошо. Начнём с простых людей. Каждый человек, возвращённый домой, будет для меня

как камень с души.

— А если они не захотят уходить? — спросил Тэм. — Перрин, многие из них занялись военной подготовкой. Они знают, что надвигается, и предпочитают встретить это здесь и с тобой, а не отсиживаться по домам.

Свет! Неужели в этом лагере нет никого, кто хотел бы вернуться к своим семьям?

— Уверен, что есть и такие, кто захочет вернуться домой.

— Кто-то захочет, — согласился Тэм.

— Вспомни, — вмешалась Фэйли, — что Шайдо отослали прочь всех старых и немощных

пленников.

Арганда кивнул:

— Я проинспектировал новые отряды. Всё больше и больше *гай'шайн* отходят от оцепенения, и тогда они становятся крепкими бойцами. Как многие хорошие солдаты, на моей памяти.

— Некоторые захотят повидать семью, — вновь заговорил Тэм, — но только если ты позволишь им вернуться обратно. Они видят это небо, и знают, что грядёт.

— Пока мы отошлём только тех, кто захочет уйти и остаться дома, — ответил Перрин. — С остальными я смогу разобраться только после того, как закончу с Белоплащниками.

— Превосходно, — горячо произнёс Галленне. — У тебя есть план нападения?

— Что ж, — ответил Перрин, — я полагаю, что если они будут так любезны и построятся, то мы задействуем против них лучников, а так же направляющих Силу, и покончим с ними.

— Я поддерживаю этот план, — сказал Галленне, — при условии, что мои люди смогут провести атаку и добить оставшийся после этого сброд.

— Балвер, — промолвил Перрин. — Напиши Белоплащникам. Сообщи, что мы будем сражаться, и пусть они выбирают место.

Сказав это, он ощутил странное нежелание. Убивать столько людей, которые могли бы сражаться с Тенью, казалось расточительным. Но способа избежать этого он не находил.

Балвер кивнул, от него запахло жестокостью. Чем же ему так досадили Белоплащники? Невзрачный секретарь был просто одержим ими.

Собрание подошло к концу. Перрин встал у открытой стороны шатра и смотрел, как люди расходятся отдельными группами. Аллиандре и Арганда направились к своей части лагеря. Фэйли шла рядом с Берелейн, и, что странно, эти двое

беседовали. Запахи указывали на то, что они были раздражены, но на словах общались любезно. Что они затевают?

На земле внутри шатра осталось лишь несколько влажных пятен от упавшего подноса с чаем. Что произошло с Майгдин? Подобное сумасбродное поведение вызывало беспокойство; слишком часто за ним следовало какое-нибудь проявление Тёмного.

— Милорд? — раздался голос, предварённый тихим покашливанием. Перрин обернулся, понял, что его всё ещё ждёт Балвер. Секретарь стоял позади него, сцепив перед собой руки, и был похож на

связку прутьев, которую дети нарядили в старую рубашку и куртку.

— Да? — спросил Перрин.

— Так получилось, что навещаая кайриэнских учёных, я нечаянно услышал несколько, э... представляющих интерес вещей.

— Ты нашёл всё необходимое?

— Да, да. Я довольно хорошо обеспечен. Пожалуйста, всего один момент. Я уверен, вам будет интересно узнать, что же я подслушал.

— Тогда продолжай, — кивнул Перрин, вернувшись в шатёр, как только последний из присутствовавших на собрании его покинул.

Балвер заговорил тихим голосом:

— Во-первых, милорд, оказывается, что Дети Света в союзе с Шончан. Теперь это общеизвестно, и я опасаюсь, что войско впереди нас было послано, чтобы...

— Балвер, — перебил его Перрин. — Я знаю, что ты ненавидишь Белоплащников, но эту новость ты сообщал мне уже с полдюжины раз.

— Да, но...

— Больше ни слова о Белоплащниках, — отрезал Перрин, подняв руку, — если только это не касается *именно* того войска, что стоит перед нами. У тебя есть что-

нибуть о нём?

— Нет, милорд.

— Понятно. Ты хочешь рассказать мне что-то ещё?

Своей досады Балвер ничем не выдал, но Перрин учуял его недовольство. Видит Свет, Белоплащники за многое были в ответе, и он не винил Балвера за его ненависть, но всё это начинало ему надоедать.

— Что ж, милорд, — продолжил Балвер, — рискну предположить, что слухи о желании Возрождённого Дракона заключить перемирие с Шончан — не пустая болтовня. Несколько источников указывают на то, что он просил их правителя о

мире.

— Но что он сделал со своей рукой? — спросил Перрин, рассеивая очередной образ Ранда, возникший перед его мысленным взором.

— Простите, что, милорд?

— Ничего, — ответил Перрин.

— Кроме того, — вновь заговорил Балвер, запуская руку в свой рукав, — среди кайриэнских карманников, разбойников и воров ходит пугающее число вот таких рисунков.

Он достал листок бумаги с наброском лица Перрина. Сходство было поразительным. Нахмурившись, Перрин взял листок — на нём не было написано ни слова. Балвер

передал ему второй листок, точь-в-точь похожий на первый. За ним последовал ещё один, на этот раз с изображением Мэта.

— Где ты их взял? — спросил Перрин.

— Как я уже сказал, милорд, — ответил Балвер, — они распространены в определённых кругах. Очевидно, тому, кто сможет предъявить ваш труп, обещана очень большая сумма денег, хотя я так и не смог выяснить, кто будет платить.

— И ты обнаружил их во время посещения учёных в школе Ранда? — спросил Перрин.

На узком лице клерка не отразилось ни единой эмоции.

— Кто ты на самом деле, Балвер?

— Секретарь. С определённым навыком в раскрытии тайн.

— С определённым навыком? Балвер, я не расспрашивал тебя о твоём прошлом. Я считаю, что человек заслуживает права начать всё заново. Но сейчас рядом Белоплащники, и ты как-то с ними связан. И мне нужно знать как.

Балвер некоторое время стоял молча. Слышен был только шорох приподнятых стенок шатра.

— Моим предыдущим хозяином был человек, которого я уважал, милорд, — наконец заговорил Балвер. — Его убили Дети Света.

Кто-то из них может узнать меня.

— Ты шпионил для этого человека? — спросил Перрин.

Уголки рта Балвера заметно опустились вниз. Он заговорил ещё тише:

— У меня просто хорошая память на факты, милорд.

— О да, и даже очень хорошая. Твоя служба приносит пользу, Балвер. Я просто пытаюсь тебе это втолковать. Я рад, что ты здесь.

От Балвера донесся запах радости.

— Если мне будет позволено сказать, милорд, на того, кто не рассматривает добытые мной сведения лишь как средство для

предательства или
компрометирования тех, кто его
окружает, приятно работать.

— Что ж, как бы там ни было,
мне, наверное, стоит увеличить твоё
жалование, — сказал Перрин.

От Балвера повеяло страхом.

— Это совсем не обязательно.

— Служа у от любого лорда или
купца, ты мог бы требовать плату
выше!

— Мелкие людишки, ничего из
себя не представляющие, — ответил
Балвер, теребя свои пальцы.

— Да, но я всё равно думаю, что
тебе нужно платить больше. Это
просто здравый смысл. Если ты
наймёшь ученика в свою кузницу и

будешь ему недостаточно хорошо платить, он произведёт впечатление на твоих постоянных заказчиков, а затем, при первой возможности, откроет новую кузницу через дорогу.

— Но милорд, вы не понимаете, — сказал Балвер. — Деньги для меня ничего не значат. Информация — вот что важно. Факты и открытия... они как золотые самородки. Я мог бы отдавать это золото обычному банкиру, чтобы превращать его в монеты, но я предпочитаю отдавать его искусному мастеру, чтобы превращать во что-нибудь прекрасное.

Прошу вас, милорд, позвольте

мне остаться простым секретарём. Понимаете, один из самых лёгких способов узнать, что кто-то не тот, кем кажется, это проверить его жалование, — Балвер тихо рассмеялся. — Я таким образом раскрыл многих убийц и шпионов, это уж точно. Оплата не нужна. Возможность работать с вами — уже сама по себе плата.

Перрин пожал плечами, но кивнул, и Балвер удалился. Затем и сам он вышел из шатра, засовывая рисунки в карман. Они встревожили его. Перрин был уверен, что они есть и в Андоре, и что это дело рук Отрёкшихся.

Впервые он поймал себя на

мысли, сможет ли *даже* армия сохранить ему жизнь. Это вызывало беспокойство.

* * *

Волна звероподобных троллоков перевалила через вершину холма, захлёстывая последние укрепления. Они выли и хрипели, хватаясь своими толстыми пальцами за тёмную почву Салдейи и сжимая в руках мечи, копья с зазубренными наконечниками, молоты, палицы и прочее смертоносное оружие. У одних с клыков капала слюна, у других поверх безобразного клюва

смотрели широко раскрытые, слишком человеческие глаза. Их чёрная броня была покрыта шипами.

Люди Итуралде удерживали позицию с другой стороны холма, у самого подножия. Он приказал тыловому лагерю сняться и отступить как можно дальше на юг вдоль берега реки. А пока что армия пятилась от укреплений. Итуралде не хотелось уступать высоту, но оказаться сброшенными вниз по крутому склону холма в результате штурма было бы подобно смерти. У него было пространство для отступления, и теперь, когда укрепления были потеряны, он собирался им воспользоваться.

Итуралде расположил свои силы у самого основания холма, рядом с тем местом, где когда-то был тыловой лагерь. Доманийские солдаты в стальных касках направили острия своих четырнадцатифутовых пик в сторону продолжавшей прибывать волны троллоков. Классическое оборонительное построение: три шеренги со щитами и пиками, направленными в сторону холма. Когда первая шеренга убивает троллоков, она отходит и высвобождает своё оружие, позволяя выйти вперёд второй шеренге. Так, медленно, осторожно отступали, шеренга за шеренгой.

Расположенная позади
сдвоенная линия лучников начала
обстрел, обрушивая на Исчадий Тени
залп за залпом и отправляя их тела
катиться вниз по склону. Скатываясь,
некоторые продолжали вопить,
разбрызгивая тёмную кровь. Но ещё
больше тварей устремлялось вниз
через трупы своих собратьев, пытаясь
добраться до пикинёров.

Перед глазами Итуралде умирал
на пике троллок с орлиной головой.
Его клюв был в зазубринах, а голова с
хищными глазами сидела на толстой,
как у быка, шее. Края перьев были
покрыты какой-то тёмной
маслянистой жидкостью. Умирая,
чудовище кричало низким голосом,

слабо напоминающим птичий, каким-то образом издавая гортанные звуки на троллочьем языке.

— Стоять! — выкрикнул Итуралде, повернувшись и пустив коня рысью вдоль шеренги. — Держать строй, испепели вас Свет!

Троллоки неслись по склону и умирали на пиках. Но это давало лишь временную отсрочку. Троллоков было слишком много, и даже чередующийся тройной строй пик они рано или поздно сокрушат. Это была тактика сдерживания. Под их прикрытием оставшая часть его войска начала отступление. А когда ряды поредеют, тяжесть обороны примут на себя Аша'маны, чтобы

выиграть время для отхода пикинёров.

Если только у Аша'манов хватит на это сил. Итуралде их совсем загонял. Может быть, даже слишком. Он не знал их пределов, в отличие от обычных воинов. Если Аша'маны смогут сломить наступление троллоков, армия сможет отступить на юг. Они пройдут мимо безопасных стен Марадона, но внутрь их не пустят. Те, кто сидели внутри, отвергли все попытки Итуралде наладить с ними связь. «Мы не поддерживаем захватчиков» — было их неизменным ответом. Проклятые глупцы!

Что ж, троллоки наверняка

организуют длительную осаду Марадона и дадут Итуралде и его людям время отступить и занять более выгодную для обороны позицию.

— Стоять! — снова выкрикнул Итуралде, проезжая мимо участка, на котором напор троллоков начал приносить результаты. На вершине одного из укреплений на холме притаился отряд тварей с волчьими головами, настороженно выжидавших, пока их собратья неслись мимо них с холма.

— Лучники! — указал на них Итуралде.

Тут же последовал залп, засыпавший стрелами

волчьеголовых, или «умников», как их начали называть Принявшие Дракона в армии Итуралде. У троллоков были свои собственные отряды и подразделения, но его люди часто давали отдельным особям имена, исходя из их внешних признаков. «Рогачи» для козлов, «клювы» для ястребов, «топтуны» для медведей. Волчьеголовые часто оказывались самими сообразительными; некоторые салдэйцы утверждали, что слышали, как те разговаривали на человеческом языке, чтобы поторговаться или обмануть противника.

Теперь Итуралде многое знал о

троллоках. Знать своего врага было необходимо. К сожалению, умственные способности и личные свойства троллоков были очень разнообразны. А многие совмещали в себе физические признаки различных групп. Итуралде готов был поклясться, что видел одну мерзкую тварь с ястребиными перьями и козлиными рогами.

Троллоки на вершине укрепления попытались уйти от стрел, но напиравший сзади крупный отряд громадных существ с рёвом толкнул их с холма. Троллоки в основном были трусливыми созданиями, если только не были голодны, но когда их приводили в

бешенство, они сражались хорошо.

За первой волной последуют Исчезающие — как только у лучников кончатся стрелы, а троллоки измотают людей внизу. Это не входило в планы Итуралде.

«Свет, — подумал он, — *надеюсь, мы сможем их опередить*». Аша'маны ждали его приказа на некотором отдалении. Хотелось бы ему, чтобы они были рядом. Но он не мог так рисковать. Они были слишком важны, чтобы рисковать их потерять от случайной стрелы.

Оставалось надеяться, что передовые части троллоков серьёзно пострадают от пикинёров, и их исковерканные туши завалят

пространство перед пиками, так что бегущие следом твари будут спотыкаться и падать на кровавые останки своих же собратьев. Оставшиеся у Итуралде салдэйцы добьют любого, кто переживёт взрывы Аша'манов. Тогда пикинёры смогут отступить и последовать за остальной частью армии. За Марадоном они смогут воспользоваться Переходными Вратами, чтобы отойти к следующей выбранной им позиции, поросшему лесом перевалу лигах в десяти к югу.

Его люди *должны* суметь спастись. Должны. Свет, как же он ненавидел, когда ему приходилось командовать таким быстрым

отступлением, как это.

«Не раскисай, — сказал он себе, продолжая ехать и выкрикивать приказ держаться. Было важно, чтобы они слышали его голос. — Этот парень — Возрождённый Дракон. Он сдержит свои обещания».

— Милорд! — раздался чей-то голос. Охрана Итуралде расступилась, пропуская молодого запыхавшегося юношу на коне. — Милорд, лейтенант Лидрин!

— Он погиб? — спросил Итуралде.

— Нет, милорд. Он... — юноша оглянулся через плечо. В ближайшей к ним шеренге солдаты выдвигались

вперёд, *навстречу* троллокам, вместо того, чтобы отступать.

— Что во имя Света там происходит? — выругался Итуралде, прищпорив Рассветный Узор. Белый мерин пустился вперёд галопом, за ним в грохоте копыт двинулись охранники Итуралде и юноша-посланник.

Несмотря на шум битвы, Итуралде мог слышать крики Лидрина. Молодой доманийский офицер стоял перед линией пик и, непрестанно вопя, нападал на троллоков с мечом и щитом. Его люди пробились вперёд, на его защиту, оставив пикенёров сбитыми с толку и дезориентированными.

— Лидрин, глупец, — Итуралде остановил своего коня.

— Подходите! — завопил Лидрин, подняв свой меч навстречу троллокам. Он громко полубезумно расхохотался. Лицо молодого человека было забрызгано кровью. — Ближе! Меня хватит на всех! Мой меч жаждет крови!

— Лидрин! — закричал Итуралде. — Лидрин!

Доманиец оглянулся. В его широких глазах было какое-то сумасшедшее ликование. Итуралде приходилось видеть подобное — в глазах сражавшихся слишком долго и слишком яростно солдат.

— Мы все умрём, Родэл, —

откликнулся Лидрин. — А так я заберу их с собой! Хотя бы одного или двух! Присоединяйся!

— Лидрин, вернись сюда и...

Доманиец проигнорировал его, повернувшись назад и продолжив наступление.

— Верните его людей обратно! — крикнул Итуралде, махнув рукой. — Сомкните пики! Быстро! Мы не можем...

Троллоки устремились вперёд. Лидрин упал в фонтане крови, продолжая смеяться. Его люди не выдержали напора и отряд раскололся посередине. Пикенёры перестроились, но на них тут же обрушился кулак троллоков.

Некоторые троллоки пали.

Большинство нет.

Находившиеся рядом твари завyli и захрипели, увидев прореху в обороне. Они стали карабкаться через тела у подножия холма и бросаться на пикинёров.

Итуралде выругался и двинул Рассветный Узор вперёд. На войне, как и на ферме, иногда приходилось вмешиваться и оказываться по колено в навозе. С рёвом Итуралде врезался в троллоков. Его охрана последовала за ним, закрывая брешь. Воздух наполнился грохотом металла и воплями боли.

Рассветный Узор храпел и пританцовывал, пока Итуралде

размахивал своим мечом. Боевому коню не нравилось оказываться так близко к Исчадиям Тени, но он был хорошо обучен. Конь был подарком одного из людей Башира, который утверждал, что генералу в Порубежье нужно животное, уже сражавшееся с троллоками. Теперь Итуралде готов был молиться на этого солдата.

Битва была жестокой. Передняя шеренга и задние ряды начали пятиться. Итуралде с трудом расслышал голос Анкаера, принявшего командование и кричавшего солдатам, чтобы они держали строй. Его голос звучал отчаянно. Это было плохо.

Итуралде качнулся, выполняя

Цаплю на Пне — верховой фехтовальный приём — и перерезал горло троллоку с бычьей головой. Струя зловонной коричневатой крови вырвалась вперёд, и чудовище упало на другую тварь с головой кабана. Над холмом взвилось большое красное знамя с изображением козлиного черепа на фоне огня. Знак отряда Гоб'лин.

Итуралде повернул коня, уклонившись от смертоносного удара топором, и направил скакуна вперёд, вонзая меч в троллочий бок. Рядом с ним, защищая его с флангов, погибли Велборн и Лейнен, двое лучших его людей. Испепели, Свет, этих троллоков!

Весь строй распался на отдельные поединки. Его людей было слишком мало, но большая часть армии успела отступить. «*Нет, нет, нет!*» — думал Итуралде, пытаясь выйти из боя и продолжить командовать. Но стоит ему отступить, и троллоки прорвутся.

Придётся рискнуть. Он был готов к подобным проблемам.

Труба просигналила оступление. Итуралде замер, с ужасом слушая раскатывающийся над полем боя звук. Никто не должен был трубить без его или одного из его гвардейцев прямого приказа! Рано, *слишком* рано!

Некоторые из трубачей, услышав

сигнал, подхватили его, но не все. Они видели, что было ещё слишком рано. К сожалению, от этого было только хуже. Это означало, что часть пикенёров уже начала отступление, в то время как остальные продолжали удерживать позицию.

Строй вокруг Итуралде распался, и троллоки хлынули на разбегающихся в разные стороны людей. Это была худшая из катастроф, в которых он побывал. Он почувствовал слабость в пальцах.

«Если мы падём, Исчадия Тени уничтожат Арад Доман».

Итуралде с рёвом дёрнул поводья и направил своего коня галопом назад, прочь от волны

троллоков. Оставшаяся часть его охраны последовала за ним.

— Хелмке, Кутарис! — окликнул Итуралде двух своих людей, крепких, высоких доманийцев. — Доберитесь до Дурхема и скажите, чтобы он атаковал с кавалерией центр, как только там образуется брешь! Каппре, направляйся к Алину. Прикажи ему атаковать на восточном фланге. Соррентин, к Аша'манам! Я хочу, чтобы троллоки сгорели в огне!

Всадники ускакали. Итуралде двинулся на запад — туда, где всё ещё держались пикинёры. Он начал перегруппировку — одну из задних шеренг он переправил к месту прорыва. У него почти получилось.

Но тут появились Мурддраалы. Они скользили между рядами троллоков как змеи и наносили стремительные удары, в то время как с неба обрушилась стая Драгкаров.

Вскоре Итуралде обнаружил, что сражается уже за свою жизнь.

Вокруг него на поле боя царил полный беспорядок: шеренги развалились, троллоки бродили в поисках лёгкой добычи, а Мурддраалы пытались заставить их атаковать немногочисленные остатки боевых порядков.

В воздух взвились огни — Аша'маны нацелились на троллоков, но их удары были слабее, чем несколькими днями ранее. В дыму

под тёмным небом кричали люди, звенело оружие, рычали твари.

Итуралде тяжело дышал. Его охрана пала. По крайней мере, он видел, как погибли Ставен и Ретт. Но что с остальными? Он не видел их. Так много смертей. Так много. Его глаза застилал пот.

«Свет, — подумал он. — Зато мы задали им жару. И продержались дольше, чем я считал возможным».

На севере поднимались столбы дыма. Хотя бы что-то прошло удачно — Аша'ман Тимот выполнил задание. Горела вторая часть осадных орудий. Часть его офицеров называли безумием то, что он отослал одного из Аша'манов, но в этой катастрофе

ещё один направляющий Силу ничего бы не исправил. А вот когда троллоки осадят Марадон, то недостаток катапульт сыграет большую роль.

Рассветный Узор упал. Троллочий дротик, предназначавшийся Итуралде, прошёл ниже. Конь взревел с застрявшим в шее копьём, кровь заструилась вниз по его покрытой пеной от пота шкуре. Итуралде уже терял лошадей и знал, что нужно откатиться в сторону, но на этот раз упал неловко. Падая, он услышал, как хрустнула его нога.

Итуралде стиснул зубы, твёрдо решив не умирать лёжа на спине, и с

трудом принял сидячее положение. Он отбросил меч, хотя тот был отмечен цаплей, и быстрым движением поднял оставленную кем-то сломанную пику, а затем вогнал её в грудь приближавшегося троллока. Троллок, умирая, завопил, тёмная, вонючая кровь покрыла древко и забрызгала руки Итуралде.

В воздухе послышался гром. Это не было странным — от этих туч часто был слышен гром, и так же часто он был неестественно отделён от вспышек молний.

Итуралде приподнялся, отталкивая троллока в сторону, используя обломок пики как рычаг. В этот момент его заметил

Мурддраал.

Стиснув зубы, Итуралде потянулся за своим мечом, но он знал, что видит свою смерть. Одна такая тварь могла убить дюжину людей. А сражаться с ней со сломанной ногой...

И всё равно попытался подняться на ноги. Не удалось и он упал назад, разразившись проклятиями. Тогда он поднял меч, приготовившись умереть. Тварь, словно перетекая, подкрадывалась к нему.

Вдруг Исчезающего пронзила дюжина стрел.

Итуралде моргнул, наблюдая, как тварь пошатнулась и упала. Гром

усиливался. Итуралде приподнялся и с удивлением увидел, как тысячи незнакомых всадников в боевом порядке врываются в ряды троллоков и сметают тварей перед собой.

«Возрождённый Дракон! Он пришёл!»

Но нет. У них было знамя Салдэйи. Итуралде оглянулся. Ворота Марадона были открыты, и его оставшимся в живых измотанным людям позволили проковылять внутрь. Со стен срывался огонь — его Аша'манам разрешили подняться наверх, чтобы занять более выгодную позицию над полем боя.

Отряд из двадцати каваллеристов отделился от

основных сил и затоптал Мурддраала. Последний из всадников прыгнул на землю и рубанул Исчезающего топором. По всему полю боя троллоков давили, наспиговывали стрелами и протыкали копьями.

Это было ненадолго. Всё больше и больше троллоков переваливало через брошенные укрепления Итуралде и несло вниз по склону. Но, раз ворота открыты, помощь салдэйцев сделает своё дело, а Аша'маны поддержат разгром. Остатки войска Итуралде бежали к безопасному месту. Он испытал гордость, увидев Бареттала и Коннела, последних из своей охраны,

ковыляющих к нему по полю. Их форма была в крови, а кони, несомненно, мертвы.

Итуралде вогнал свой меч в ножны и вытащил копье из шеи Рассветного Узора. Опираясь на него, он смог подняться. К нему подскакал один из салдэйских всадников, мужчина с тонким лицом, крючковатым носом, парой чёрных кустистых бровей и короткой, подстриженной бородкой. Он указал окровавленным мечом на Итуралде:

— Ты жив.

— Да, — ответил Итуралде, когда к нему подошли двое его гвардейцев. — Ты командуешь этим войском?

— Пока, — сказал салдзец. — Меня зовут Йоли. Ты можешь ехать в седле?

— Лучше уж это, чем остаться здесь.

Йоли протянул руку и втащил Итуралде в седло позади себя. Его нога отозвалась вспышкой боли, но времени ждать носилок не было.

Двое других всадников посадили к себе гвардейцев Итуралде, и вскоре они уже галопом мчались к городу.

— Благодарю вас, — сказал Итуралде. — Однако вы долго ждали.

— Знаю, — странно, но голос Йоли звучал мрачно. — Надеюсь, ты стоишь этого, захватчик. Мой сегодняшний поступок скорее всего

будет стоять мне жизни.

— Что?

Салдзец не ответил. Он просто вёз Итуралде под грохот копыт к безопасному городу. Если, конечно, можно было назвать город, осаждённый несколькими сотнями тысяч Исчадий Тени, безопасным.

* * *

Моргейз вышла из лагеря. Никто не остановил её, хотя некоторые и бросали на неё косые взгляды. Она прошла в рощу на северной границе лагеря. Она состояла из вековых дубов, растущих достаточно далеко

друг от друга, чтобы вместить их толстые, раскидистые ветви. Моргейз брела под ними, глубоко вдыхая влажный воздух. Гейбрил оказался одним из Отрёкшихся.

В конце концов она нашла место, где маленький горный ручеёк наполнял расселину между двумя камнями и образовывал спокойное, чистое озерцо. Высокие скалы вокруг него казались древним сломанным троном, построенным для гиганта ростом в пятнадцать спанов.

На деревьях были листья, хотя многие из них выглядели нездоровыми. Более тонкий слой облаков позволил лучикам солнечного света, упавшим с хмурого

неба, коснуться земли. Эти расщеплённые лучи пронзили чистую воду, образовав островки света на дне озерца. Мелкие рыбёшки, словно изучая лучи, сновали между этими островками.

Моргейз обошла озерцо и присела на вершину плоского валуна. Вдалеке были слышны звуки лагеря. Выкрики, грохот забиваемых в землю столбов, дребезжание повозок на мостках.

Она уставилась в воду. Есть ли что-то более отвратительное, чем быть пешкой в чьих-то руках? Плясать на ниточках, словно деревянная кукла? В молодости она хорошо познакомилась с тем, как это

— подстраиваться под чужие прихоти. Это был единственный способ укрепить её власть.

Тарингейл пытался ею манипулировать. По правде говоря, большую часть времени ему это удавалось. Были и другие. Многие вертели ею, как хотели. Десять лет она угождала сильнейшим. Десять лет она осторожно создавала союзы. И это сработало. В конце концов, она обрела самостоятельность. Когда Тарингейл погиб на охоте, многие шептали, что его смерть развязала ей руки, но те, кто был близок к ней, знали, что она уже давно подрывала его власть.

Она помнила тот день, когда

избавилась от последнего считавшего себя закулисным правителем, стоявшим за тронном. Именно в этот день она, в своём сердце, по-настоящему стала Королевой. И поклялась, что больше никогда и никому не позволит управлять собой.

А потом, спустя годы, появился Гейбрил. И за ним Валда, который был ещё хуже. С Гейбрилом она хотя бы не понимала, что происходит. Это приглушало боль от ран.

Чьи-то шаги по упавшим веткам возвестили о прибытии гостя. Тонкий слой облаков двинулся дальше, и свет сверху потускнел. Его лучи исчезли, и рыбёшки рассеялись.

Шаги замерли возле её камня.

— Я уйду, — раздался голос Талланвора. — Айбара разрешил своим Аша'манам создавать Врата, начиная с отдалённых городов. Я отправляюсь в Тир. Слухи снова говорят, там есть король. Он собирает армию, чтобы сражаться в Последней Битве. Я хочу быть там.

Моргейз подняла глаза и посмотрела на деревья. Их и лесом-то нельзя было назвать.

— Я слышала, что ты был таким же целеустремлённым, как и Златоокий, — тихо сказала она. — Что ты без сна и отдыха и почти без еды искал способ меня освободить.

Талланвор молчал.

— Никогда ни один мужчина

ещё не делал ничего подобного ради меня, — продолжила она. — Для Тарингейла я была пешкой, для Тома — красоткой, за которой можно было приударить, а для Гарета — королевой, которой он служил. Но ни для одного из них я не стала всей их жизнью, их сердцем. Думаю, и Том, и Гарет любили меня, но лишь как диковину, которую нужно хранить и ухаживать, а потом отпустить. Я не думала, что ты когда-нибудь отпустишь меня.

— А я и не отпущу, — тихо проговорил Талланвор.

— Ты отправляешься в Тир. Но ведь ты говорил, что никогда не уйдёшь.

— Моё сердце останется здесь, — ответил он. — Я хорошо знаю, что такое любить на расстоянии, Моргейз. Я провёл так многие годы задолго до начала этого глупого путешествия, смогу и впредь. Моё сердце предаёт меня. Возможно, какой-нибудь троллок окажет мне любезность и вырвет его из моей груди.

— Как горько, — прошептала Моргейз.

— Ты достаточно ясно показала, что моё внимание не желанно. Королева и обычный гвардеец. Полнейшее безрассудство.

— Больше не королева, — сказала она.

— Не по названию, Моргейз. Но в душе.

Сверху упал листок и опустился на озерцо. Дольчатые края и ярко-зелёный цвет указывали на то, что он мог бы жить ещё долго.

— А знаешь, что самое худшее? — спросил Талланвор. — Это надежда. Надежда, которую я позволил себе лелеять. Путешествуя с тобой, защищая тебя, я думал, что, может быть, ты увидишь. Может быть, тебе не будет всё равно. И ты забудешь *его*!

— Его?

— Гейбрила, — резко бросил Талланвор. — Я вижу, что ты до сих пор думаешь о нём. Даже после всего

того, что он сделал тебе. Я оставляю своё сердце здесь, но ты оставила своё в Кэймлине. — Краем глаза Моргейз видела, как он отвернулся. — Что бы ты ни нашла в нём, у меня этого нет. Я лишь простой, незнатный, *глупый* гвардеец, который и двух слов связать не может. Ты преклонялась перед Гейбрилом, а он и внимания на тебя не обращал. Такова любовь. Растреклятый пепел, а теперь я оказался на твоём месте!

Моргейз молчала.

— И поэтому, — продолжил он, — я должен идти. Теперь ты в безопасности, и это всё, что имеет значение. Помоги мне Свет, но это *до*

сих пор единственное, что меня волнует!

Талланвор двинулся прочь, ветки захрустели под его ногами.

— Гейбрил был одним из Отрёкшихся, — заговорила Моргейз.

Хруст прекратился.

— На самом деле это был Равин, — продолжила она. — Он завладел Андором с помощью Единой Силы, заставляя людей делать то, что он хотел.

Талланвор присвистнул и, вновь захрустев ветками, вернулся обратно к ней:

— Ты уверена?

— Уверена? Нет. Но в этом *есть* смысл. Мы не можем не замечать

того, что происходит в мире, Талланвор. Погоду; того, как портится в одно мгновение еда; действия этого Ранда ал'Тора. Он не Лжедракон. Должно быть, Отрёкшиеся снова на свободе. Что бы ты сделал на их месте? Собрал бы армию и начал войну? Или просто вошёл бы во дворец и взял в жёны королеву? Замутив её разум так, чтобы она позволяла тебе делать всё, что ты захочешь. Ты бы с минимальными усилиями заполучил ресурсы целой страны. Едва пошевелив пальцем...

Моргейз подняла голову и взглянула в даль. На север. В сторону Андора.

— Они называют это Принуждением. Это тёмное, мерзкое плетение, которое лишает человека воли. О его существовании я даже знать не должна. Ты говоришь, что я думаю о нём. Это правда. Я думаю о нём и ненавижу его. Ненавижу себя за то, что позволила ему сделать. И часть моего сердца знает, что если он появится здесь и потребует что-нибудь от меня, я выполню это. Я не смогу иначе. Но всё то, что я чувствую к нему — то, что сплетает моё желание и мою ненависть вместе, как две пряди волос в косу — это не любовь.

Моргейз повернулась и посмотрела на Талланвора:

— Я знаю, что такое любовь, Талланвор, и Гейбрил никогда не видел моей. Сомневаюсь, что такой, как он, смог бы понять, что это такое.

Талланвор посмотрел в её глаза. Его были тёмно-серыми, спокойными и чистыми.

— Женщина, ты вновь даёшь мне эту чудовищную надежду. Берегись того, что лежит у твоих ног.

— Мне нужно время подумать. Ты не повредишь пока с Тиром?

Талланвор поклонился.

— Моргейз, если тебе что-либо будет нужно от меня — *что угодно* — тебе нужно будет лишь попросить. Я думал, что это очевидно. Я

вычеркну своё имя из списка.

Моргейз смотрела вслед уходящему Талланвору, и в голове у неё бушевала буря, несмотря на спокойствие деревьев и озерца перед ней.

Глава 22

КОНЕЦ ЛЕГЕНДЫ

Ночью Гавину не было видно увечий, нанесённых Белой Башне.

В темноте трудно разобрать, что находится на стене: сложная мозаика или плохо подобранная плитка. Ночью даже самые прекрасные строения Тар Валона превращались просто в тёмные силуэты.

Ночью заплатки темноты прикрывали выбоины и проломы в Белой Башне. И, конечно, в такие ночи, когда из-за закрывавших небо туч было темно хоть глаз выколи, нельзя было определить цвет Башни:

белая она или чёрная. Ночью это не имело значения.

Гавин бродил вокруг Белой Башни. На нём были узкие штаны и красный кафтан с золотом. Это было похоже на форму, но неизвестно какой армии и королевства. В его собственной жизни тоже не было определённости — кто же его союзники. Поэтому он бродил почти бессознательно и опомнился только на подходе к восточному входу, по пути к спальне Эгвейн. Сжав зубы, он развернулся и пошёл прочь.

Нужно выспаться. Он почти неделю ночами охранял вход в спальню Эгвейн и вот после этого впал в охотку, как называют это

солдаты. Возможно, было бы лучше остаться отдохнуть в своей комнате, но казарма Белой Башни казалась ему тесной клеткой.

Неподалеку через торчащие пучки травы прокрались две мелкие бродячие кошки. Их глаза блеснули в отражённом свете факела постового. Заметив Гавина, кошки припали к земле и какое-то мгновение размышляли, стоит на него нападать или нет. Над головой пролетела невидимая сова. Опустившееся на землю одинокое перо было единственным доказательством её полёта. Ночью жизнь представляется легче.

Некоторые так и живут всю

жизнь, предпочитая открытым светлым окнам покрывало темноты, поскольку они уверили себя, что весь мир погряз в тенях.

Уже наступило лето, но, несмотря на дневную жару, ночью было удивительно холодно. Он поёжился под налетевшим ветерком. После гибели невезучей Белой сестры убийства прекратились. Когда же убийца нанесёт очередной удар? В этот самый момент он или она может красться по коридорам Башни в поисках одиноких Айз Седай, словно эти кошки, рыщущие в поисках мышей.

Эгвейн прогнала его от своего порога, но это вовсе не означало, что

он не может продолжать её охранять. Какой толк в таких вот прогулках по окрестностям? Ему следует быть внутри, где можно сделать что-то полезное. Поэтому Гавин направился к одному из входов для прислуги.

Внутренний холл с низким потолком был чистым и, как и остальная Башня, хорошо освещённым, хотя пол вместо покрытой глазурью плитки был выложен невзрачными серыми плитами. Справа из открытой двери, ведущей в комнату, доносились весёлый смех и говор. Сменившиеся с поста гвардейцы Башни веселились с товарищами. Гавин едва удостоил их взгляда, но внезапно остановился

как вкопанный.

Он снова оглядел комнату и узнал несколько человек.

— Мазон? Киларк? Занг? А вы что тут делаете?

Все трое посмотрели на него сначала встревожено, затем огорчённо. Оказалось, что здесь среди сменившихся гвардейцев проводили время за игрой в кости и смоля трубки около дюжины Отроков. Они вскочили на ноги и отдали ему честь, хотя он больше не был их командиром. Но, похоже, они это ещё не до конца поняли.

Киларк, бывший у них заводилой, подскочил к Гавину. Он был худым, светлым шатеном с

длинными волосами и толстыми пальцами на руках.

— Милорд, — обратился он к Гавину, — ничего серьёзного. Просто развлекаемся.

— Ты же знаешь, Киларк, — ответил Гавин, — Стражи не одобряют подобное поведение. Если узнают, что вы ночью играли в кости, вы никогда не сумеете убедить Айз Седай вас выбрать.

Киларк поморщился.

— Верно, милорд.

В его гримасе было что-то, что заставило Гавина спросить:

— Что такое? Давай, парень, выкладывай.

— Что ж, милорд, — начал

Киларк, — дело в том, что некоторые из нас сомневаются, хотят ли они становиться Стражами. Вы же знаете, не все пришли сюда именно за этим. Некоторые, вроде вас, хотели учиться у лучших. А что касается остальных... ну, всё изменилось.

— Что именно? — уточнил Гавин.

— Да глупости, милорд, — ответил тот, глядя под ноги. — Вы, конечно, правы. Утром учебный бой. Но, всё же, мы уже видели войну. Мы стали солдатами. Быть Стражем — мечта, но некоторые из нас не понимают, во что мы превратились. Понимаете?

Гавин медленно кивнул.

— Когда я только появился в Башне, — продолжил Киларк, — единственным моим желанием было стать Стражем. А теперь, я не знаю, хочу ли я посвятить свою жизнь защите одной единственной женщины, странствующей в одиночестве по деревням.

— Можешь стать Стражем какой-нибудь Коричневой или Белой Сестры, — сказал Гавин, — и остаться в Башне.

Киларк нахмурился.

— При всём уважении, милорд, но думаю, лучше от этого не станет. Стражи... они не похожи на остальных людей.

— Уж это точно, — согласился

Гавин, покосившись на потолок, туда, где находились покои Эгвейн. Нет, он не станет приближаться к её двери. Усилием воли он заставил себя отвести взгляд и сосредоточился на Киларке. — В том, чтобы выбрать иной путь, нет ничего зазорного.

— Другие считают, что есть.

— Другие ошибаются, — ответил Гавин. — Собери всех, кто хочет остаться с Отроками, и явись завтра утром на доклад к капитану Чубейну. Я с ним переговорю. Готов спорить, он сможет использовать вас как часть Гвардии Башни. Во время атаки Шончан он потерял много людей.

Киларк явно воспрял духом.

— Вы, правда, это сделаете, милорд?

— Ну конечно. Для меня было честью вами командовать.

— Как вы считаете... не стоит ли вам присоединиться к нам? — с надеждой в голосе спросил юноша.

В ответ Гавин покачал головой:

— Меня ждёт другая дорога. Но, если будет угодно Свету, я буду неподалёку и смогу за вами приглядывать. — Он кивнул в сторону комнаты. — Иди, возвращайся к игре. С Максимом я тоже поговорю. — Максим был угрюмым, сильным Стражем, который в настоящее время руководил занятиями.

Киларк благодарно кивнул и поспешил вернуться к остальным. Гавин пошёл дальше по коридору, сожалея, что его собственный выбор далеко не так прост, как у его бывших парней.

Задумавшись, он прошёл почти половину дороги к покоем Эгвейн, пока не сообразил, что именно он делает. *«Мне нужно что-то, чтобы отвлечься»*. Время еще не столь позднее, возможно, стоило разыскать Брина и поболтать.

Он направился к старику. Если положение Гавина среди Айз Седай было странным, то у Брина положение тоже было, как минимум, необычным. С одной стороны —

Страж бывшей Амерлин, с другой — генерал вторгшейся армии Эгвейн, и, наконец, вернувшийся из отставки великий полководец. Дверь к нему была приоткрыта, высвечивая полосу на голубых плитках пола в коридоре. Такая была у него привычка, когда он не спал и находился у себя, на случай, если вдруг понадобится кому-то из офицеров. Большую часть времени Брин отсутствовал, ночуя в одном из своих штабов, разбросанных в деревушках вокруг Тар Валона.

Гавин тихо постучал.

— Войдите, — раздался знакомый решительный голос Бриана. Гавин проскользнул внутрь и вернул

дверь в прежнее приоткрытое положение. Полководец восседал за державшимся на честном слове столом, работая над письмом. Он глянул на Гавина: — Секундочку.

Молодому человеку пришлось подождать. Все стены были увешаны картами Тар Валона, Андора, Кайриэна и ближайших окрестностей. На многих из них были нанесены свежие пометки красным мелком. Брин готовился к войне. Характер пометок красноречиво указывал на то, что у Брина есть предчувствие, что ему придется оборонять от троллоков сам Тар Валон. На нескольких картах были изображены деревни,

располагавшиеся в северной части страны, перечислены их укрепления, если таковые имелись, и их лояльность по отношению к Тар Валону. Их предполагалось использовать для пополнения припасов и как передовые позиции. На другой карте кружками были обведены древние сторожевые башни, укрепления и развалины.

В расчётах Брина прослеживалась методичная неумолимость и чувство острой необходимости. Старик не собирался возводить укрепления, только использовать уже имеющиеся. Он выдвигал войска только в те деревни, которые считал наиболее

подходящими. На другую карту были нанесены подробности набора новобранцев.

До того как Гавин вошёл сюда, вдохнув запахи старой бумаги и горящих свечей, он не чувствовал реальности надвигающейся войны. Скоро, скоро она грянет. Дракон разобьёт печати на узилище Тёмного. Ярκο-красным цветом на картах было отмечено то место, которое он назвал местом их встречи с Эгвейн — Равнина Меррилор. Она располагалась к северу — на границе с Шайнаром.

Темный будет выпущен на свободу. О, Свет! По сравнению с этим все личные проблемы Гавина —

сущие пустяки.

Брин закончил письмо, присыпал его песком, свернул и протянул руку за воском и печатью.

— Поздновато для гостей, сынок.

— Знаю, но думал, что ты, наверное, ещё не спишь.

— Так и есть. — Брин капнул воском на письмо. — Так что тебе было нужно?

— Совет, — ответил Гавин, присаживаясь на табурет.

— Боюсь, я плохой советчик, если речь идёт не о том, как лучше разместить отряд солдат или как укрепить подходящий холм. Тем не менее, выкладывай, о чём ты хотел

поговорить?

— Эгвейн запретила мне себя защищать.

— Уверен, у Амерлин есть на то свои причины, — ответил Брин, осторожно приложив к письму печать.

— Они глупые, — ответил Гавин. — У неё нет Стража, а в Башне орудует убийца. — *«Одна из Отрёкшихся»*, — мысленно добавил он.

— И то и другое верно, — согласился Брин. — Но тебе-то какое до этого дело?

— Ей нужна моя защита.

— Разве она просила себя защищать?

— Нет.

— Вот именно. Насколько мне помнится, она не просила идти с ней в Башню. И повсюду таскаться за нею, словно пёс, потерявший хозяина, тоже не просила.

— Но я ей нужен! — настаивал Гавин.

— Интересно. В прошлый раз, когда тебе взбрела в голову подобная мысль, ты с моей помощью разрушил всё, чего она добивалась долгие недели, все её труды по восстановлению единства Белой Башни. Иногда, сынок, наша помощь не нужна. И не важно, насколько бескорыстно она предлагается или насколько необходимой она кажется.

Гавин сложил руки на груди, не имея возможности опереться спиной о стену, боясь повредить карту с отмеченными садами, растущими в округе. Одна из расположенных поблизости от Горы Дракона деревень почему-то была обведена четырежды.

— Значит, твой совет такой: пусть она остаётся беззащитной и, возможно, получит нож в спину?

— Я не давал тебе совета, — ответил Брин, пролистывая стопку рапортов на столе. Его жёсткое лицо было освещено пламенем мигающей свечи. — Я всего лишь дал кое-какие пояснения, но странно, что ты пришёл к выводу, что должен

оставить её в одиночестве.

— Я... Брин, она ведёт себя глупо!

Уголок губ Бриана приподнялся в кривой улыбке. Он опустил бумаги и повернулся к Гавину.

— Я предупреждал, что из меня плохой советчик. Не уверен, что у меня есть ответы, которые могут тебе угодить. Но позволь узнать: чего хочешь ты сам, Гавин Траканд?

— Эгвейн, — немедленно выпалил он. — Я хочу быть её Стражем.

— Так, что именно из этого?

Гавин нахмурился.

— Тебе нужна Эгвейн, или место её Стража?

— Быть её Стражем, конечно. И... и, да, хочу на ней жениться. Брин, я её люблю.

— Мне кажется, это абсолютно разные вещи. Они похожи, но разные. Но, если забыть об Эгвейн, чего ты хочешь?

— Ничего, — ответил Гавин. — Она для меня всё.

— Что ж, в этом твоя проблема.

— Как это? Я же её люблю.

— Это ты так говоришь. — Брин смерил Гавина взглядом, положив одну руку на стол, другую на своё колено. Гавин боролся с желанием съёжиться под его взглядом. — Ты всегда был увлекающимся, Гавин. Таким же, как твоя сестра и мать —

импульсивным и начисто лишённым расчётливости своего брата.

— Галад вовсе не расчётливый, — возразил Гавин. — Он просто решительный.

— Нет, — ответил Брин. — Возможно, я выразился неверно. Галад не расчётливый, но он и не импульсивный. Быть импульсивным означает действовать необдуманно, а Галад много времени уделяет размышлениям. Подобным образом он выработал собственный кодекс морали. Он может действовать быстро и одновременно обдуманно, потому что он уже решил, что нужно делать. Ты же действуешь со страстью. Не обдуманно, а по

велению сердца. Бросаясь, словно в омут сломя голову, под воздействием эмоций. Это придаёт тебе силы. Когда нужно, ты сначала действуешь, а потом разбираешься в собственных метаниях. Обычно твои инстинкты тебя не подводят, так же было у твоей матери, но именно из-за этого тебе ещё никогда не приходилось встречаться с ситуацией, когда твои инстинкты уводят тебя в неверном направлении.

Гавин понял, что согласно кивает.

— Но, сынок, — продолжил Брин, наклоняясь вперёд. — Мужчина не может жить одним порывом, поглощённый

единственной целью. Такого мужчину не захочет ни одна женщина. По-моему, чего-то в жизни добиваются именно те мужчины, которые тратят время на самосовершенствование, а не проявляют преданность. Они добиваются и женщины, и цели в жизни. — Брин потёр подбородок. — Поэтому если ты просишь совета, то он таков: пойми, кем хочешь стать без Эгвейн, а потом решай, как вписать её в эту ситуацию. Думаю, именно этого женщины...

— Стало быть, теперь ты стал экспертом по женщинам? — раздался новый голос.

Гавин удивлённо обернулся и

увидел стоящую в дверях Суан Санчей.

Брин и бровью не повёл:

— Ты достаточно долго простояла за дверью, чтобы слышать всё с самого начала, Суан, и знаешь, что речь не об этом.

Суан фыркнула, внося в комнату чайник.

— Тебе следует лежать в кровати, — сказала она, полностью игнорируя Гавина после брошенного на него беглого взгляда.

— Совершенно верно, — спокойно ответил Брин. — Но, как ни странно, нужды страны не прислушиваются к моим прихотям.

— Карты можно посмотреть и

утром.

— А можно и ночью, и вечером. Каждый потраченный мною час может стоить нескольких лиг земли, которую можно было бы защитить в случае прорыва троллоков.

Суан громко вздохнула, вручая ему кружку и наливая в неё пахнувший голубикой чай. Так странно было видеть Суан, которая благодаря усмирению выглядела ровесницей Гавина, хлопчущей над пожилым Гартом Брином.

Передав кружку Брину, Суан повернулась к Гавину.

— А теперь, что касается тебя, Гавин Траканд, — сказала она. — Я давно собиралась с тобой

потолковать. Значит, отдаёшь приказы Амерлин? Говоришь ей, что делать? Да? Порой мужчины считают, что женщины у них на побегушках. Ты навоображал себе кучу всевозможных глупых планов, и считаешь, что мы будем тебя поддерживать.

Она смерила его взглядом, словно не ожидала никакого иного ответа, кроме стыдливо опущенных глаз. Гавин поступил именно так, и быстро вышел за дверь, чтобы избежать дальнейших упрёков.

Слова Бриана его вовсе не удивили. Тот был во всём верен себе, и уже не раз повторял всё это прежде. Думай, прежде чем

действовать. Будь рассудительнее. Несмотря на то, что он размышлял подряд неделю за неделей, все его мысли, словно запертые в банке мухи, носились по кругу. Ни к каким выводам он так и не пришёл.

Проходя по коридорам, Гавин наталкивался на часовых Чубейна, расставленных через регулярные интервалы. Он старался убедить себя, что не собирается подниматься к Эгвейн, а просто проверит посты. И всё же, вскоре он оказался в коридоре, ведущем к покоям Амерлин. До них оставался один переход. Он лишь заглянет к ней на секундочку и...

Гавин застыл как вкопанный.

«*Что я творю?*» — подумал он.

Больше всего тревожило незнание того, достаточно ли хорошо её охраняют. Он всё равно не уснёт, пока не...

«*Нет,* — твёрдо сказал он себе. — *На этот раз поступлю так, как она просила*». Он повернулся, собираясь уйти.

Донёсшийся звук заставил его задержаться и оглянуться через плечо. Шаги и шорох одежды. Для послушниц было уже поздно, но слуги могли разносить поздний ужин. Брин с Гавином были не единственными полуночниками в Белой Башне.

Вот опять. Звуки совсем тихие,

едва слышные. Нахмурившись, Гавин стащил сапоги и осторожно заглянул за угол.

Там никого не было. Дверь Эгвейн, украшенная золотой мозаикой в форме Авендесоры, оставалась закрытой, холл перед нею — пустым. Вздохнув, Гавин покачал головой и опёрся спиной о стену, собираясь натянуть сапоги. Он надеялся, что Эгвейн, по крайней мере, позволит Чубейну выставить у своей двери стражу. Оставить её без охраны — это...

В тени прямо перед дверью Эгвейн что-то промелькнуло. Гавин застыл. Там было не так уж темно, разве что чернела создаваемая

альковом тень в несколько дюймов шириной. Но по мере того, как он всё пристальнее вглядывался в неё, ему всё труднее становилось сосредоточиться. Его взгляд каждый раз соскальзывал в сторону, словно кусочек масла с горячей репы.

Похоже, что... похоже, пятно тени было крупнее, чем он думал. И почему он не может смотреть прямо туда, куда надо?

Гавин заметил какое-то шевеление, и что-то мелькнуло в воздухе. Он бросился в сторону и услышал, как о камни звякнула сталь. Оставшись в одном сапоге, потому что второй уронил, он выхватил меч. Метивший ему в сердце нож

скользнул по выложенному плитками полу.

Напрягшийся Гавин выглянул из-за угла. Кто-то удирал по коридору. Кто-то, одетый во всё чёрное, с капюшоном на голове.

Молодой человек помчался следом, выставив меч перед собой, неловко оскальзываясь по пути, когда цеплялся необутой ногой за обутую. Убийца был чрезвычайно быстр. Гавин закричал, поднимая тревогу. Его голос эхом разнесся по тихим коридорам Башни. Он решил срезать путь слева. Убийце придётся повернуть и выйти в коридор справа.

Гавин бросился по другому коридору к перекрёстку, на котором

рассчитывал перехватить душегуба, и проехал по полу за угол.

Коридор был пуст. Может, убийца повернул назад? Гавин выругался и помчался обратно к основному коридору. Возможно, он шмыгнул в какую-нибудь дверь? Везде должны быть тупики. Если он дождётся подмоги, то...

«Нет, — поворачиваясь, решил он. — *Тень. Ищи, тень*». — Там, слева был затенённый дверной проём. Тень была слишком маленькой, чтобы в ней мог кто-то спрятаться, но едва Гавин взглянул туда, у него вновь появилось то же самое чувство потери ориентации.

Оттуда вынырнул человек,

направив удар меча в голову Гавина. Тому пришлось отражать атаку приёмом Рубка Тростника. Убийца оказался намного ниже ростом, поэтому у Гавина было преимущество. Однако противник двигался с ошеломительной скоростью. Его меч замелькал в серии совершенно незнакомых Гавину ударов.

Он вынужден был ответить Вихрем Ветра, словно был окружён врагами. Он едва смог удерживать атакующего на расстоянии. В отдалении слышались приближающиеся крики — это на его призывы откликнулась стража. Он снова крикнул.

Молодой человек почувствовал в движениях нападавшего неуверенность. Убийца рассчитывал справиться с Гавином быстро. Что ж, он тоже так думал, но сосредоточиться на оппоненте было очень трудно. Верные, казалось, удары Гавина, когда тому удавалось их нанести, вместо плоти пронзали пустоту.

Он развернулся боком, подняв меч над головой в стойке Несущийся с Горы Вепрь. Это дало убийце шанс — он увидел прореху в защите и метнул нож, заставив Гавина сдвинуться в сторону.

Нож звякнул о стену, а убийца бросился прочь по коридору. Гавин

рванул за ним, но он не поспевал за убегавшим. Вскоре тот оказался далеко впереди, потом метнулся влево. В той стороне находилась целая череда пересекающихся коридоров.

«Такая скорость, — мелькнула у Гавина мысль, когда он остановился, пытаясь отдышаться, опёршись руками о колени, — явно неестественна».

Спустя мгновение, с мечами наготове появились двое гвардейцев Чубейна. Гавин указал направление.

— Убийца. Подслушивал у дверей Эгвейн. Убежал туда.

Один бросился туда, куда указал Гавин. Второй обратно — поднять

общую тревогу.

«Свет! — подумал молодой человек. — А что если я помешал вовсе не в тот момент, когда он подслушивал? Что если я вмешался, когда он выходил?»

С новыми силами Гавин бросился к дверям Эгвейн. С мечом в руке он проверил дверь. Она была не заперта!

— Эгвейн! — заорал он, распахивая дверь и бросаясь внутрь.

Внезапно резко вспыхнул свет и раздался хлопок. Гавин обнаружил, что он опутан какими-то прочными, невидимыми жгутами и поднят в воздух. Его меч упал на пол, а в рот был вставлен также невидимый кляп.

Он так и висел, извиваясь, обезоруженный, где-то под потолком, когда в комнату из своей спальни вошла Амерлин. Она была настороже и полностью одета в тёмно-красное платье с золотой оторочкой.

Вид у неё был недовольный.

* * *

Мэт сидел у гостиничного камина, жалея, что жар нельзя как-нибудь унять. Он ощущался через все слои одежды — потрёпанную куртку, белую рубашку и плотные рабочие штаны. На его сапогах были

отличные подмётки, но по бокам они прохудились. Сегодня он не надел шляпу, зато обмотал шарфом нижнюю часть лица. Он сидел откинувшись на спинку стула из горного дуба.

Его медальон всё ещё оставался у Илэйн, а без него он чувствовал себя голым. К его креслу был прислонён короткий меч, но Мэт носил его, скорее, для отвода глаз. Для дела он приготовил невзрачный дорожный посох, стоявший рядом, и спрятанные под одеждой ножи. Однако меч куда нагляднее, и, увидев его, каждый разбойник на улицах Нижнего Кэймлина дважды подумает, прежде чем сунется к его

обладателю.

— Думаю, я догадываюсь, почему вы о нём спрашиваете, — произнёс Чет. Таких, как этот парень, можно было найти в любой таверне. Он был достаточно пожилым, чтобы быть свидетелем рождения парней вроде Мэта, их взросления и даже смерти, и всегда был рад поболтать о прошлом, особенно если при этом ему поставят выпивку. Или даже без неё.

Лицо Чета было покрыто седой щетиной, а на голове он носил кривобокую шапку. Его залатанный плащ некогда был чёрным, а красно-белая нашивка на нагрудном кармане слишком выцвела и не читалась. В

ней было что-то неуловимо воинское, да и такие широкие и ужасные шрамы через всю щёку и шею редко зарабатываешь в пьяной драке.

— Ага, — продолжил Чет, — об этом предводителе Отряда многие расспрашивают. Что ж, кружечка эля пришлась весьма кстати, поэтому я дам тебе один совет. Похоже, ты знаешь, с какого конца братья за меч, но с твоей стороны было бы глупо задираться с этим так называемым Принцем Воронов, Повелителем Удачи. Он как пить дать повидал старушку Смерть и выиграл в кости собственную судьбу. Он никогда не проигрывает схватки.

Мэт промолчал. Он откинулся

на спинку стула. Эта таверна была уже четвёртой за ночь, и в трёх предыдущих он тоже собирал сплетни о Мэтриме Коутоне. Если б в них была хоть крупица правды. Кровь и проклятый пепел!

О, конечно, сплетничают обо всех. Большинство — о Ранде, и при каждом его упоминании в голове Мэта вспыхивал цветной круговорот. Тир пал перед Шончан. Нет, это был Иллиан. Нет, Ранд всех победил и теперь сражается в Последней Битве. Нет! Он забирается к спящим женщинам и делает им детей. Нет, это делает Тёмный. Нет, Тёмный — это Мэт!

Треклятые сплетни. Кажется, их

предназначение — оставить Мэта в одиночестве. Происхождение некоторых он мог проследить до Отряда — как, например, сказку о городе, полном ходячих мертвецов. Но большая часть рассказанных баек, по заявлениям людей, была поведена дядюшками, кузенами или племянниками.

Мэт подкинул Чету грош, тот вежливо приподнял шапку и отправился за добавкой. Самому Мэту выпивка не лезла в горло. У него было подозрение, что картинки с его портретами были частью того, почему эти сплетни распространялись с такой поразительной скоростью. В

последней таверне кто-то, кстати, вытащил из кармана его сложенный и весь помятый портрет, и предъявил ему. К счастью, пока его никто не узнал.

Камин продолжал потрескивать. Нижний Кэймлин сильно разросся, и предприимчивые люди быстро сообразили, что сдача комнат внаём и выпивка могут принести отличный барыш. Так каждая халупа превратилась в таверну, а таверны стали полноценными гостиницами.

Дерево было в большой цене, и большая часть наёмников стала лесорубами. Некоторые работали честно, выплачивая за это налог короне. Другие пытались словчить, и

кое-кого уже за это повесили. Кто бы мог подумать — человека повесили за то, что рубил деревья? А что будет потом? Станут вешать за кражу грязи?

Нижний Кэймлин сильно преобразился. Появились дороги, выросли дома. Пройдёт всего пару лет, и Нижний Кэймлин сам превратится в город! Им придётся возвести вокруг него собственную стену.

Комната пропахла потом и грязью, но не больше, чем в других тавернах. Служанки были охочи до работы и быстро вытирали потёки на столах. Конкретно вот эта, подливая эль в Мэтову кружку, слегка ему

улыбнулась и показала часть лодыжки. Её нужно хорошенько запомнить, она может сгодиться для Талманеса.

Мэт слегка приспустил шарф, чтобы сделать глоток. Обмотавшись подобным образом шарфом, он чувствовал себя полным дураком, но носить плащ с капюшоном было слишком жарко, а борода — это сущее наказание. Даже замаскировавшись шарфом, в Нижнем Кэймлине он не слишком выделялся. Мэт не единственный, кто прятал лицо. Сам он объяснил, что у него есть неприятный шрам, который хотелось бы скрыть, собеседники же подозревали, что за

его голову назначена награда. К сожалению, и то и другое было правдой.

Он ещё посидел какое-то время, уставившись на танцующие в камине языки пламени. Предупреждение Чета вызвало нехорошее сосущее чувство в животе. Чем сильнее росла его репутация, тем больше шансов нарваться на вызов. Тот, кто убьёт Принца Воронов, станет большой знаменитостью. Откуда они взяли эту кличку? Кровь и проклятый пепел!

Рядом кто-то пристроился. Худой и долговязый Ноэл был похож на воронье пугало, которое, стряхнув с себя пыль, решило отправиться в

город. Несмотря на седые волосы и морщины на лице, в Ноэле скрывалась прыть, достойная человека вполонину моложе его. По крайней мере, в тот момент, когда он брался за оружие. В остальное время он выглядел неловким, словно конь в посудной лавке.

— Ты известная личность, — сказал Ноэл Мэту, протягивая руки к огню. — Когда ты наткнулся на меня в Эбу Дар, я и понятия не имел, в какую знаменитую компанию попал. Ещё пару месяцев — и ты станешь известнее Джейина Далекоходящего.

Мэт сполз по спинке стула вниз.

— Люди часто думают, что быть узнаваемым в любой таверне и в

каждом городе — это здорово, — тихо произнёс Ноэл. — Но чтоб мне сгореть, если это не сплошная головная боль.

— Тебе-то что об этом известно?

— Джейин часто мне жаловался, — тихо ответил Ноэл.

Мэт крикнул. Следом прибыл Том. Он был одет как купеческий слуга: в голубом костюме, довольно потёртом, но не превратившемся в полные обноски. Он всем говорил, что явился в Нижний Кэймлин проверить, не сможет ли кто-нибудь что-то посоветовать его хозяину насчёт открытия здесь своей лавки.

Том подошёл к своей новой

личине с апломбом. Он навошил усы, вытянув их стрелкой, и начал разговаривать с мурандийским акцентом. Мэт предложил ему помощь в разработке легенды, но в ответ Том закашлялся и заявил, что сам уже кое-что придумал. Треклятый врун-менестрель.

Том подвинул себе стул и аккуратно на него сел, словно слуга, который очень высокого мнения о собственной персоне.

— Эх, сплошная напрасная трата времени! И мой хозяин ещё требует, чтобы я якшался с подобным отребьем! А эти — так просто худший сброд из всех.

Ноэл тихо хихикнул.

— Вот если бы, — драматично продолжил Том, — меня отправили вместо этого в лагерь волшебного, удивительного, неуязвимого, знаменитейшего Мэтрима Коутона! Там-то уж я определенно нашёл бы...

— Чтоб мне сгореть, Том, — произнес Мэт. — Дай передохнуть.

Том весело расхохотался, махнув служанке и купив на всех троих выпивку. Он вручил ей монетку сверху и тихо попросил её не пускать посторонних близко к камину.

— Ты уверен, что стоит здесь встречаться? — спросил Ноэл.

— Сойдёт, — ответил Мэт. Ему не хотелось мелькать в лагере, особенно когда там поджидает голам.

— Тогда ладно, — согласился Ноэл. — Мы знаем, где находится башня, и можем туда добраться при условии, что Мэт сумеет раздобыть для нас переходные врата.

— Раздобуду, — пообещал Мэт.

— Мне не удалось найти никого, кто побывал внутри, — продолжил Ноэл.

— Некоторые утверждают, что она заброшена, — встрял Том, хлебнув из кружки. — Другие утверждают, что она стоит аж с самой Эпохи Легенд. И целиком сделана из нержавеющей стали, без окон и дверей. Мне удалось разыскать сына вдовы одного капитана, который слышал от кого-то

историю, что кому-то удалось найти внутри сокровище. Правда, паренёк не смог точно ответить, как герой проник внутрь.

— Как проникнуть внутрь мы знаем, — сказал Мэт.

— Из сказок Олвера? — скептически отозвался Ноэл.

— Это лучшее из того, что у нас есть, — ответил Мэт. — Слушайте, и игра и считалочка точно про Элфин и Илфин. Когда-то люди с ними общались. И треклятые порталы явное тому подтверждение. Поэтому они оставили игру и считалочку в качестве предупреждения.

— Мэт, в эту игру невозможно выиграть, — потеряв морщинистое

лицо, напомнил Ноэл.

— В этом-то и смысл. Нужно смухлевать.

— Но можно и попытаться договориться, — заметил Том, поигрывая кончиком своего навощённого уса. — Они ведь ответили на твои вопросы.

— Ответы были треклято неясными, — ответил Мэт. Он не собирался рассказывать Тому с Ноэлом об этих проклятых вопросах, и до сих пор не раскрыл, что именно он спросил.

— Но они всё-таки ответили, — настаивал Том. — Похоже, у них было что-то вроде сделки с Айз Седай. Если мы узнаем, что именно

хотели Айз Седай от змей и лисичек, и почему те решили заключить эту сделку, возможно, тогда мы сумеем выторговать у них Морейн.

— Если она до сих пор жива, — мрачно заметил Ноэл.

— Она жива, — ответил Том, глядя прямо перед собой. — Если угодно Свету. Она должна быть жива.

— Нам известно, что им нужно, — ответил Мэт, уставившись в пламя.

— И что же? — уточнил Ноэл.

— Мы, — ответил Мэт. — Послушайте, им известно будущее. Они рассказали о нём мне, и рассказали Морейн, если мы верно прочли намёки в письме. Им было

известно, что она оставит тебе, Том, это письмо. Они это знали. И всё равно ответили на её вопросы.

— Возможно, они были вынуждены это сделать, — заметил Том.

— Да, но они не обязаны отвечать прямо, — откликнулся Мэт. — Мне наговорили ерунды. Они отвечали, зная, что она к ним вернётся. И мне отвечали, зная, что меня тоже принесёт обратно. Им нужен я. Все мы.

— Ты не можешь знать это наверняка, Мэт. — Том поставил свою кружку на пол между ног и вытащил трубку. Справа от Мэта раздался радостный вопль игроков в

кости. — Они могут дать ответ на вопрос, но это не значит, что они всеведущи. Это может быть сродни предсказаниям Айз Седай.

Мэт покачал головой. Эти создания поместили в его голову чужие воспоминания. Он догадывался, что это могли быть воспоминания людей, которые соприкасались с башней или бывали внутри. Элфин и Илфин забрали их воспоминания, и, чтоб ему сгореть, похоже, и его собственные похитили тоже. Не могут ли они следить за ним, и наблюдать за происходящим его глазами?

Ему снова захотелось вернуть свой медальон, хотя против них

никакого проку в нём нет. Они же не Айз Седай и не могут направлять.

— Им многое известно, Том, — сказал Мэт. — Они следят. Мы не сможем застать их врасплох.

— Значит, их будет тяжело победить, — ответил Том, зажигая лучину от огня, и затем уже с её помощью табак в трубке. — Мы не можем выиграть.

— Только, если не нарушим правила, — повторил Мэт.

— Но, если то, что ты сказал, верно, они всё равно узнают, что мы так поступим, — сказал Том. — Значит, придётся с ними договариваться.

— Том, а что об этом сказала

Морейн? — уточнил Мэт. — В том письме, что ты каждую ночь читаешь?

Том пыхнул трубкой и невольно поднёс руку к нагрудному карману, в котором хранил письмо.

— Она просит вспомнить всё, что мы знаем об этой игре.

— Ей известно, что с помощью уговоров их не победить, — ответил Мэт. — Никаких сделок, Том, никакой торговли. Мы идём в бой и не отступим, пока её не вернем.

Том мгновение колебался, но потом кивнул, запыхтев трубкой.

— Смелость укрепляет, — заметил Ноэл, — ну, этого у нас навалом, с удачей Мэта в придачу.

— Знаешь, Ноэл, тебе не обязательно туда идти, — сказал Мэт. — У тебя нет причин рисковать ради неё жизнью.

— Я иду, — ответил Ноэл. — Я многое повидал. И, в самом деле, обошёл большую часть мира. Но там никогда не был. — Он помедлил. — Это то, что я должен сделать. И покончим на этом.

— Что ж, отлично, — сказал Мэт.

— Огонь ослепит. Что у нас для этого есть? — спросил Ноэл.

— Фонари и факелы, — ответил Мэт, постучав пяткой по вещевому мешку, лежащему возле его стула. — И немного чиркалок Алудры, чтобы

их зажечь. Кстати, от неё же есть и ещё несколько сюрпризов.

— Ночные цветы? — уточнил Ноэл.

— И пара взрывчатых цилиндров, которые мы использовали против Шончан. Она называет их громыхалками.

Том присвистнул.

— Она их тебе отдала?

— Две штуки. Когда я показал ей договор с Илэйн, она была готова отдать мне почти всё что угодно. — Мэт поморщился. — Она даже хотела пойти с нами, чтобы лично их поджигать. Лично! Чтоб мне сгореть, но отговорить её было непросто. Зато у нас есть приличный запас ночных

цветков, — при этом он слегка коснулся мешка краем ступни.

— Ты притащил их с собой? — спросил Том.

— Хотел, чтобы они были под рукой, — пояснил Мэт. — Кроме того, она дала их мне только сегодня. Они не взрываются сами по себе, Том. По крайней мере, не часто.

— Ладно, только положи их подальше от огня! — предложил Том. Он посмотрел на трубку, ругнулся и отодвинулся на пару дюймов от Мэта.

— Дальше, — продолжил Ноэл. — Музыка усыпит.

— Здесь большой выбор, — ответил Том. — Я возьму арфу и

флейту, а ещё я раздобыл барабанчики и цимбалы. Их можно привязать к ноге и стучать по ним рукой. Кроме того, я купил ещё одну флейту, — он глянул на Мэта. — Простенькую. Специально для тех, у кого толстые, медленные пальцы.

Мэт фыркнул в ответ.

— И, наконец, железо скрепит, — продолжил Ноэл, вытягивая собственный мешок. Когда он его развязал, внутри что-то тихо звякнуло и сверкнуло тёмно-оранжевым в отраженном свете камина. — У меня для каждого есть метательные ножи, а также пара коротких мечей. Каждый из чистого железа, не из стали. Кроме того, я

прихватил пару цепей и полосу железа, чтобы обить древко Мэтова копья. Однако это нарушит балансировку.

— Всё равно сойдёт, — ответил Мэт.

Ноэл вновь затянул мешок, и все трое какое-то время молча сидели подле камина. В каком-то смысле, всё, что они собрали, было иллюзией. Способом убедить самих себя в том, что они сделали все возможные приготовления.

Но Мэт помнил те непривычные миры по другую сторону искривлённого портала — там линии сходились под неестественными углами, а пейзажи были чуждыми.

Змеями и лисицами тех созданий называли только потому, что они не подходили под нормальное описание.

То место находилось в другом мире. Их с Томом и Ноэлом приготовления могли помочь, а могли оказаться бесполезными. Нельзя ничего предугадать до тех пор, пока они не попадут в башню. Словно не знаешь, захватил ли ты нужное противоядие, пока не почувствуешь змеиный укус.

Наконец он пожелал обоим приятелям спокойной ночи. Ноэл собрался вернуться в лагерь Отряда, который теперь находился всего в десяти минутах езды от города. Том согласился отправиться с ним. Они

прихватили с собой мешок Мэта с ночными цветами, и вид у них был при этом такой, словно они предпочли бы тащить мешок, доверху набитый пауками.

Мэт опоясался мечом поверх кафтана, взял посох и направился к своей гостинице. Но пошёл не напрямик, а обнаружил, что петляет по переулкам и улочкам. Развалюхи и палатки облепили крепкие здания, словно город вокруг города, разросшийся вдоль его наружных стен подобно плесени на каравае хлеба.

Небо было тёмным, но ночная жизнь кипела — из освещённых дверей гостиниц раздавались

призывы зазывал. Мэт постарался сделать всё возможное, чтобы его меч оставался на виду. Многие могли бы позариться на одинокого ночного прохожего, особенно вне городских стен, где рука закона несколько ослабла.

В воздухе пахло надвигающимся дождём, но в последнее время такое случалось часто. Хотелось, чтобы погода уже определилась — либо буря, либо треклятое чистое небо. Такое чувство, что воздух затаил дыхание в ожидании чего-то важного. Гром, который так и не грянул. Колокол, который не прозвонил. Брошенные кости, которые никак не могут

остановиться. Как те, что продолжают греметь в его голове.

Он потрогал письмо Верин, которое покоилось в его кармане. Остановятся ли кости, если он его откроет? А вдруг там речь идёт о голаме? Если он в ближайшее время не вернёт свой медальон от Илэйн, эта тварь его найдёт и вывернет потрохами наружу.

Проклятый пепел. Мэт чувствовал, что ему хочется выпить и на какое-то время забыть, кто он и кем его считают люди. Но если он напьётся, то, скорее всего, случайно откроет лицо. А может даже начнёт всем рассказывать, кто он на самом деле. Никогда не знаешь, как

поступит пьяный человек, даже если это ты сам.

Он миновал ворота и вошёл в Новый Город. Начал появляться туман или что-то напоминающее изморось, словно небеса услышали его призывы и решили пролить на него небольшой дождь.

*«Великолепно, просто
треклятски великолепно», —*
подумал он.

Вскоре от этого недодождя вся мостовая стала влажной, а уличные фонари окутались светящимися туманными ореолами. Мэт втянул голову в плечи, не снимая шарфа с лица, превратившись в подобие треклятого айильца. Разве совсем

недавно ему не было жарко?

Он не меньше Тома хотел спасти Морейн. Она запутала его жизнь, но Мэт считал, что как раз за это он ей и обязан. Лучше жить такой запутанной жизнью, чем оставаться в скучной клетке Двуречья, даже не ведая о том, насколько она скучна. Мэт не был похож на Перрина, который ныл, как ему жаль покидать Двуречье, ещё не добравшись даже до Байрлона. В голове тотчас же возник образ Перрина, Мэт мгновенно его отмёл.

А что с Рандом? Мэт увидел его сидящим в прекрасном кресле в тёмной комнате с единственной мигающей лампой, уставившимся в

пол перед собой. Выглядел Ранд потрёпанным и уставшим, широко распахнутые глаза выражали его мрачное настроение. Прогоняя образ, Мэт покачал головой. Бедняга Ранд. Вероятно, к настоящему времени он уже считал, что превратился в треклятого тёмного хорька или что-то в этом роде и теперь должен питаться сосновыми шишками. Но выглядел этот хорёк так, будто мечтал вернуться в Двуречье.

Ну, уж нет, Мэт не станет туда возвращаться. В Двуречье нет Туон. Свет, ему же придется решать, что с ней делать. Но уж точно ему не хотелось отрывать её от себя. Если б она по-прежнему была рядом, то он

даже безропотно позволил бы ей называть себя Игрушкой. Но не слишком часто.

Итак, сначала Морейн. Хотел бы он узнать побольше об этих Илфин, Элфин и их проклятой башне. Никто про них ничего не знает. Никто не может рассказать ничего, кроме треклятых легенд. И никто не может подсказать ничего полезного...

Никто... кроме Бергитте. Мэт встал посреди улицы как вкопанный. Бергитте. Именно она рассказала Олверу, как попасть в башню. Откуда она могла узнать?

Проклиная себя за тупость, он свернул в сторону Внутреннего Города. Улицы становились всё

пустынное, хотя прямо перед дождём было довольнолюдно. Вскоре Мэт почувствовал себя единственной живой душой во всём городе. Попрытались даже карманники и попрошайки.

Почему-то от этого Мэту стало не по себе сильнее, чем от чувства постоянной слезки. Это было неестественно. Проклятье, кто-нибудь обязательно должен был следовать за ним, чтобы проверить, не стоит ли его пощупать. И в который раз он пожалел о том, что при нём нет медальона. Каким же он был идиотом, что его отдал. Лучше было отрезать собственную треклятую руку и отдать её в

качестве платы Илэйн! Может где-то в этой темноте скрывается голам?

На улице должны быть разбойники. В городе их всегда полно. Это едва ли не самая важная треклятая часть любого города. Ратуша, пара гостиниц, таверна и несколько тупорылых ребят, единственное желание которых — вывалить тебя в грязи и потратить все твои сбережения на выпивку и девочек.

Он пересек площадь и сквозь Каменные Ворота направился во Внутренний Город. Влажная от дождя белая арка, казалось, сияла в призрачном свете скрытой за облаками луны. Посох Мэта гулко

стучал по каменной мостовой. Стражники, охранявшие ворота, попрятались под капюшоны плащей и хранили молчание. Они казались больше похожими на статуи, чем на живых людей. Всё место было похоже на склеп.

За воротами он свернул и прошёл через переулок, а потом остановился в нерешительности. Ему показалось, что он заметил впереди тёмные фигуры, прячущиеся в тени. С обеих сторон улицы возвышались тёмные высокие здания великолепной огирской работы. Из переулка слышался возглас.

— Ограбление? — с облегчением пробормотал Мэт.

Из переулка выглянула крепкая фигура. В лунном свете показался парень с тёмными глазами, закутанный в длинный плащ. Увидев Мэта, он застыл от неожиданности. Потом махнул рукой с толстыми пальцами, и навстречу Мэту бросились трое его приятелей.

Мэт немного расслабился, вытирая со лба дождевые капли. Значит, и этой ночью без разбоя не обошлось. Какое облегчение. Он просто испугался собственной тени!

Громила нацелил в Мэта удар палицей. Мэт специально прицепил меч справа, поэтому громила купился на уловку, считая, что противник первым делом схватится

за оружие.

Вместо этого Мэт мгновенно поднял посох, врезав им по вражеским ногам. Разбойник споткнулся, и Мэт ударил его по голове. От вора, который, падая, задел одного из своих приятелей, разлетелись брызги уже всерьёз начавшегося дождя.

Мэт отступил назад и опустил посох на голову запнувшегося грабителя. Тот рухнул поверх своего товарища. Третий бандит оглянулся на предводителя, который удерживал за воротник бедолагу, которого Мэт едва мог разглядеть в темноте. Воспользовавшись заминкой, Мэт перепрыгнул через лежавшие в

отключке тела и атаковал третьего громилу.

Тот поднял свою палицу, чтобы блокировать удар в голову, поэтому Мэт перенацелил посох в ноги. Потом он поворотом посоха отвёл ослабевшую руку противника и свалил того ударом прямо в лицо.

Затем Мэт небрежно метнул нож навстречу бросившемуся в атаку предводителю банды. Вожак булькнул, зашатался под струями дождя и вцепился в нож, торчавший из горла. Остальных Мэт бросил лежать без сознания — бедняги, возможно, примут данное предупреждение к сведению и изменят свою жизнь.

Мэт отступил в сторону, позволив вожаку наконец рухнуть, сделав нетвёрдый шаг вперед. Он упал поверх трёх своих товарищей. Пинком Мэт перевернул его тело, вытащил нож и вытер его. Наконец, он обратил внимание на жертву ограбления.

— Очень, очень рад вас видеть, — произнёс Мэт.

— Вы... вы? — спросил человек.

— Точно, я, — ответил Мэт, выпрямляясь. — Начал уже думать, что этой ночью воры забросили свою работу. А город без воришек — всё равно, что поле без сорняков. А раз нет сорняков, зачем тогда нужен

фермер? Доложу вам, это треклятски негостеприимно.

Спасённый шагнул вперёд на подгибающихся ногах. По всей видимости, слова Мэта сбили его с толку, но он нашёл руку Мэта.

— Спасибо вам! — у парня был гнусавый голос. — Спасибо, большое-пребольшое. — В неярком лунном свете Мэт едва смог различить у несуразно худого малого широкое лицо с кривыми зубами.

Мэт пожал плечами, отложил посох и сдвинул шарф вниз. Тот промок насквозь, и его стоило выжать.

— На твоём месте, приятель, в такую ночь я бы остался дома, а не

шлялся по улицам.

Спасённый охнул из темноты.

— Ты! — воскликнул он, едва не взвизгнув.

Мэт зарычал:

— Кровь и проклятый пепел!
Неужели никуда нельзя пойти, чтобы тебя не...

Он оборвал себя на полуслове, заметив, что человек сделал выпад сверкнувшим в лунном свете кинжалом. Мэт чертыхнулся, и выставил навстречу шарф. Лезвие пронзило ткань, вместо живота Мэта. Он быстро повернул руки, запутав кинжал убийцы в ткани.

Человек вскрикнул, Мэт отпустил шарф, выхватил каждой

рукой по ножу и рефлекторно метнул. Они попали в глаза. Каждый нож вошёл точно в глаз. Свет! Мэт туда даже не целился.

Человек рухнул на мокрую мостовую.

Тяжело дыша, Мэт выпрямился.

— Материнское молоко тебе в чашу! Треклятое молоко! — Он схватил свой посох и огляделся, но тусклая улица оставалась пустынной. — Я же тебя спас. Спас! А ты пытался меня же пырнуть ножом?

Он присел подле трупа. И с мрачной уверенностью в том, что он сейчас найдёт, обыскал карманы. Нашлась пара монет — золотых! — и

сложенный клочок бумаги. В лунном свете на нём было видно лицо Мэта. Он смял портрет и сунул в карман.

Попал — дважды — точно в каждый треклятый глаз! Это лучше, чем тот заслуживал. Мэт снова обмотался шарфом, забрал ножи и вышел на улицу, жалея, что не предоставил убийцу своей судьбе.

* * *

Сложив на груди руки и опёршись спиной о мраморную колонну, Бергитте наблюдала, как Илэйн наслаждается вечерним выступлением «актёров». Подобные

труппы, изображающие в лицах разные истории, в последнее время стали очень популярны в Кайриэне и теперь пытались добиться такого же успеха в Андоре. Поэтому один из залов дворца — тот, в котором обычно выступали барды — был подготовлен для представлений.

Бергитте покачала головой. Какой смысл играть вымышленные истории?

Почему бы не пойти и не прожить парочку историй самому? Кроме того, она в любом случае предпочитала бардов. Будем надеяться, эта мода на «актёров» быстро отомрёт.

Это конкретное представление

было пересказом истории о трагической свадьбе и гибели принцессы Валишен, убитой отродьями Тени. Бергитте хорошо знала балладу, на основе которой актёры создали свою пьесу. И в самом деле, во время выступления они пели из неё отрывки. Удивительно, как мало изменились слова за прошедшие века. Чуть-чуть изменились имена, немного — ноты, но остальное осталось прежним.

Прямо как её собственная жизнь. Она повторялась раз за разом, но с небольшими изменениями. Иногда она была солдатом, иногда — лесной затворницей без малейших военных навыков. И, к сожалению,

один или два раза была генералом. С большим удовольствием она бы предоставила эту работёнку кому-нибудь другому.

Она была стражником, благородной воровкой, дамой из общества, крестьянкой, убийцей и спасителем. Но ни разу прежде она не была Стражем. Подобные вещи её мало беспокоили. В большинстве прежних жизней она не имела ни малейшего представления о том, что было раньше. То, что она теперь могла выуживать опыт своих прошлых рождений, было действительно здорово, однако никаких прав на эти воспоминания у неё не было.

Но это не мешало её сердцу вздрагивать, когда очередные воспоминания о прошлых жизнях бесследно растворялись. Свет! Если в этот раз ей не дано быть с Гайдалом, то нельзя ли ей хотя бы помнить его? Такое впечатление, что Узор не знал, что с ней делать. Её насильно втолкнули в эту жизнь, раздвинув прочие нити в стороны, и поместили на неожиданное место. Узор пытался вплести её в общее полотно. Что случится, когда исчезнут все воспоминания? Однажды она проснётся взрослой женщиной без собственного прошлого? Эта мысль ужасала её сильнее любого поля боя.

Она кивнула одной из телохранительниц, Кайле Бент, прошедшей за последним рядом самодеятельного театра. Та приветствовала её салютом.

— Итак? — спросила Бергитте, обойдя колонну, чтобы побеседовать с Кайлой.

— Докладывать не о чем, — ответила Кайла. — Всё в порядке. — Она была худой огненно-рыжей женщиной и легко привыкла носить штаны и гвардейский мундир. — Впрочем, всё будет в порядке, если мы переживем «Смерть принцессы Валишен»!

— Перестань ворчать, — откликнулась Бергитте, сдерживаясь,

чтобы не поморщиться — дива, как называли её актёры, приступила к особенно визгливой арии. Так актёры между собой называли песню. Зачем им столько новых названий для простых вещей? — Может, выйдешь под дождь в патруль?

— А можно? — охотно спросила Кайла. — Почему ты не сказала раньше? Может, в меня ударит молния. Так будет лучше.

Бергитте фыркнула.

— Возвращайся к своим обязанностям.

Кайла отсалютовала и удалилась. Бергитте вернулась к театру на своё место у колонны. Может, стоило принести немного

воска, чтобы заткнуть им уши. Она посмотрела на Илэйн. Королева спокойно смотрела пьесу. Порой Бергитте чувствовала себя скорее нянькой, чем телохранителем. Как можно защитить женщину, которая порой изо всех сил пытается себя убить?

Но при этом Илэйн была чрезвычайно способной. Вот, как сегодня вечером. Ей удалось убедить своего самого ярого противника присоединиться к ней, чтобы посмотреть представление. Это была Эллориен, и она сидела на восточной стороне зала. Последнее посещение дворца закончилось для неё довольно горьким изгнанием, так что Бергитте

не ожидала её возвращения иначе, как в цепях. Но вот она собственной персоной — сидит здесь. Что-то подсказывало ей, что этот ловкий политический трюк Илэйн на тринадцать порядков тоньше, чем могла бы придумать сама Бергитте.

Она покачала головой. Илэйн стала королевой. Ветреной королевой со всеми вытекающими. Но на пользу Андору. Если, конечно, Бергитте сумеет проследить, чтобы эта головка с золотистыми волосами не слетела с плеч.

Пришлось вытерпеть очередную пытку пением, и Кайла явилась обратно. Бергитте выпрямилась, удивившись быстрому шагу

женщины.

— Что случилось? — тихо поинтересовалась она.

— Вам явно скучно, — прошептала Кайла, — поэтому я решила явиться с этой новостью к вам. У Сливовых Врат какие-то беспорядки. — Это был юго-восточный край дворцовой территории. — Кто-то пытался через них проникнуть.

— Какой-нибудь попрошайка, ищущий обьедки? Или шпион какого-нибудь лорда надеялся что-нибудь подслушать?

— Понятия не имею, — ответила Кайла. — Я узнала об этом из третьих рук от Калисона, которого

встретила в патруле. Он говорит, что гвардейцы отвели нарушителя в караулку у ворот.

Бергитте посмотрела на сцену. Похоже, назревала очередная сольная партия.

— Ты за старшего. Оставайся на посту, принимай рапорты. Я пройду, разомну ноги и проверю, в чём там дело.

— Захвати для меня на обратном пути воск, чтобы заткнуть уши, ладно?

Бергитте хмыкнула и вышла из театра в красно-белый коридор. Хотя в её распоряжении были Телохранительницы и лучники в коридорах, у самой Бергитте на

всякий случай имелся меч, потому что с убийцей, скорее всего, придётся сразиться в ближнем бою.

Попутно поглядывая в окна, Бергитте быстрым шагом прошла по коридору. С неба моросило всё сильнее. Очень мрачное зрелище. Гайдалу бы такая погода понравилась. Ему всегда нравился дождь. Как-то она даже пошутила, что дождь очень идёт к его лицу — меньше шансов напугать детишек. Свет, как же ей его не хватает.

Самый короткий путь к Сливовым Вратам вёл через подсобные помещения дворца. В большинстве богатых домов это означало бы, что придётся пройти

через тусклые помещения для челяди. Но этот дворец был построен Огир, а у них был особый взгляд на вещи. Мраморная кладка, отделанная красно-белой мозаикой, здесь была столь же прекрасной, как и повсюду во дворце.

Комнаты хотя и были маловаты по королевским стандартам, но могли легко вместить целое семейство. Сама Бергитте предпочитала обедать здесь — в большом общем обеденном зале для слуг. Для защиты от ужасной ночи здесь горели все четыре огромных камина. Слуги и гвардейцы, свободные от службы, развлекались и болтали. Говорят, о монархе можно

судить по тому, как он обращается со своими слугами. И если это правда, то андорский дворец создан для того, чтобы воспитывать в своих королевах лучшие качества.

Бергитте равнодушно прошла мимо манящих запахов еды, и смело вышла под ледяной летний ливень. Холод не был пронизывающим, просто неприятным. Она натянула на голову капюшон и прошла по скользкой мостовой к Сливовым Вратам. Караулка озарялась оранжевым светом. Постовые гвардейцы в мокрых плащах стояли снаружи, прижимая к бокам свои алебарды.

Бергитте направилась напрямиком

к караулке. Вода уже начала капать с края капюшона. Она постучала в дубовую дверь. Та открылась. В её проеме появилась усатая лысая голова дежурного сержанта Ренальда Мейсира. У коренастого мужчины были широкие ладони и кроткий характер. Ей всегда казалось, что ему больше подходит работа в сапожной лавке, но в Гвардию принимали всех подряд, и чаще надёжность куда важнее, чем искусство владения мечом.

— Капитан-Генерал! —
воскликнул он. — Что вы тут
делаете?

— Мокну под дождём, —
рявкнула она в ответ.

— Ох, ёлки! — Он отступил назад, пропуская её в караулку. Помещение состояло из единственной набитой народом комнаты. Была так называемая дождевая вахта, что означало двойное, по отношению к обычному, число солдат у ворот, и они должны были сменяться на внешнем посту каждый час теми, кто согрелся в караулке.

Трое гвардейцев сидели за столом, бросая кости в специальную коробку. В стоявшей рядом железной печке с открытой дверцей горели дрова, и на ней грелся чайник. Пятым игроком, помимо четырёх солдат, был худой мужчина с

замотанной чёрным шарфом нижней половиной лица. Одежда на нём была потрёпанной, намокшие каштановые волосы на голове торчали в разные стороны. Карие глаза сверкнули поверх шарфа в сторону Бергитте, и мужчина слегка сполз со стула под стол.

Бергитте сняла плащ и стряхнула воду.

— Думаю, это и есть тот самый нарушитель?

— Ага, он, — ответил сержант. — Откуда вы узнали?

Она оглядела нарушителя.

— Он пытался проникнуть на территорию дворца, а вы с ним в кости играете?

Сержант с солдатами приняли виноватый вид.

— Ну, миледи...

— Я не леди, — по крайней мере, не в этот раз. — Я сама зарабатываю себе на жизнь.

— Э, да, — продолжил Мейсер. — Что ж, меч он отдал добровольно, и опасным не выглядел. Просто ещё один бродяга, желающий получить объедки с кухни. Вполне милый парень. Вот мы и решили дать ему согреться перед тем, как снова выгнать его в непогоду.

— Бродяга? С мечом? — переспросила она.

Сержант Мейсер почесал затылок.

— Да, полагаю, это необычно.

— Ты можешь очаровать даже шлем на голове генерала посреди поля боя, верно, Мэт? — спросила она.

— Мэт? — переспросил знакомый голос. — Не знаю, о ком вы говорите, добрая женщина. Меня зовут Джарард, и я простой бродяга с интересным прошлым, если у вас есть время послушать...

Она строго на него посмотрела.

— Ох, треклятый пепел, Бергитте, — сдёргивая шарф, обиженным голосом заявил он. — Я всего лишь хотел немного согреться.

— И выиграть деньги у моих людей.

— Дружеская игра ещё никому не вредила, — ответил Мэт.

— Если только в ней не участвуешь ты. Послушай-ка, почему ты решил тайком пробраться во дворец?

— В прошлый раз это стоило мне слишком много треклятой работы, — ответил Мэт, откидываясь на спинку стула. — Решил для разнообразия обойтись без неё.

Сержант Мейсер посмотрел на Бергитте.

— Вы его знаете?

— К сожалению, — ответила она. — Можете его выпустить, сержант. Я сама прослежу, чтобы о мастере Коутоне позаботились.

— О мастере Коутоне? — переспросил один из солдат. — Вы имеете ввиду Принца Воронов?

— О, какого треклятого... — начал Мэт, поднимаясь на ноги и забирая свой дорожный посох. — Ну, спасибо тебе, — сухо бросил он Бергитте, натягивая кафтан.

Она снова надела плащ, потом отворила дверь, а один из гвардейцев отдал Мэту его меч с перевязью. С каких это пор Мэт стал таскать меч? Возможно, это для отвода глаз от его посоха.

Они вышли под дождь. Мэт застегнул перевязь с мечом.

— Принц Воронов? — спросила она.

— Не желаю это обсуждать.

— С какой стати?

— Потому что в ущерб себе становлюсь треклято знаменитым. Вот почему!

— погоди, пока слава не нагонит тебя спустя несколько поколений, — ответила она, поднимая взгляд к небу и моргнув от случайно попавшей в глаз капли.

— Да ладно, пойдём выпьем, — предложил Мэт, направляясь к воротам.

— погоди, — ответила она. — Ты разве не собирался повидать Илэйн?

— Илэйн? — переспросил Мэт. — Кровь и проклятый пепел,

Бергитте. Я явился, чтобы поболтать с тобой. Почему, ты думаешь, я позволил тем гвардейцам себя поймать? Так ты хочешь выпить или нет?

Она остановилась в нерешительности. Оставив Кайлу за старшую, Бергитте официально ушла на перерыв. И она знала одну вполне приличную таверну всего в двух улицах от дворца.

— Ну ладно, — ответила она Мэту, махнула гвардейцам и повела Мэта по дождливой улице. — Но вместо эля мне придётся пить молоко или чай. Мы не знаем, скажется ли как-то выпитое Стражем на детях. — Она улыбнулась,

представив, как пьяная Илэйн после спектакля будет разговаривать со своими союзниками. — Хотя, если она слегка захмелеет, то это будет отличной мстью за то, что она как-то проделала со мной.

— Даже не знаю, почему ты позволила ей связать себя узами, — заявил Мэт. Улица вокруг была почти пустынной, хотя находившаяся впереди таверна выглядела гостеприимно. На улицу из её окон лился жёлтый свет.

— Меня никто не спрашивал, — ответила она. — Однако я не жалею. Ты и вправду прокрался во дворец, чтобы поболтать со мной?

Мэт пожал плечами.

— У меня есть пара вопросов.

— О чём?

Он снова нацепил свой глупый шарф, в котором, как она успела заметить, посредине зияла дыра.

— Ну, знаешь, — начал он. — О том, о сём!

Мэт был одним из немногих, кто знал, кем она являлась на самом деле. Не имеет же он в виду...

— Нет, — заявила она, оборачиваясь. — Я не желаю об этом говорить.

— Проклятый пепел, Бергитте! Мне нужна информация. Ну, давай, ради старой дружбы.

— Мы договорились держать секреты друг друга в тайне.

— Я никому не проболтался о твоих, — быстро ответил Мэт. — Но, видишь ли, есть одна проблемка.

— Что за проблемка?

— Башня Генджей.

— Никакая это не проблемка, — ответила она. — Держись от неё подальше.

— Не могу.

— Естественно, можешь. Это же треклятое здание, Мэт. Оно не может за тобой погнаться.

— Очень смешно. Слушай, можешь ты, по крайней мере, меня выслушать, за кружечкой-другой? Э... молока. Я угощаю.

Она на мгновение остановилась. Потом вздохнула.

— Треклятски верно, ты угощаешь, — пробормотала она, махнув рукой вперед. Они вошли в гостиницу, известную под названием «Великий Путешественник», в которой из-за дождя было куда больше посетителей, чем обычно. Однако владелец был другом Бергитте, и, чтобы освободить для неё место, он велел вышибале выкинуть пьяницу, уснувшего за одним из столиков.

Она одарила его в благодарность монетой, и тот кивнул в ответ уродливой головой — у него не хватало нескольких зубов, одного глаза и большей части волос. И, по сравнению с большинством

посетителей, он был еще красавчиком. Заказывая выпивку, Бергитте подняла вверх два пальца. Хозяин знал, что в последнее время она пила только молоко, и Бергитте махнула Мэту, приглашая за стол.

— Не думаю, что когда-либо встречал человека безобразнее хозяина, — заявил Мэт, когда они расселись.

— Ты и прожил-то ещё недостаточно долго, — ответила она, опираясь спиной о стену и закидывая обутые в сапоги ноги на столешницу. Ей как раз хватало места, чтобы это сделать. — Если б старина Снерт был на пару лет помоложе, и если б кто-нибудь догадался пару раз

сломать ему нос, то я бы о нём призадумалась. У него широкая грудь — красивая, густо поросшая курчавыми волосами, в которые так приятно запустить пальцы.

Мэт ухмыльнулся.

— Я никогда тебе не говорил, как странно пить с женщиной, которая подобным образом рассуждает о мужчинах?

Она пожала плечами.

— Итак, Генджей. Почему, во имя ушей Нормада, ты хочешь туда попасть?

— Чьих ушей? — спросил Мэт.

— Отвечай.

Мэт вздохнул, потом непринужденно взял принесённую

служанкой кружку. Что характерно, он даже не попробовал шлёпнуть её по заду, хотя и проводил пристальным взглядом.

— У проклятых змей и лисиц находится мой друг, — ответил он, опустив с лица свой шарф и прикладываясь к питью.

— Брось его, Мэт. Ты не сможешь его спасти. Если он был настолько глуп, что полез в их мир, значит, он заслуживает своей участи.

— Это женщина, — ответил Мэт.

«Ага, — подумала Бергитте. — Треклятый дурак. Хоть и герой, а всё равно, дурак».

— Я не могу её бросить, —

продолжил Мэт. — Я ей обязан. Кроме того, ещё один мой хороший друг полезет туда вне зависимости от того, пушу я его или нет. Я должен помочь.

— Значит, они получают всех троих, — ответила Бергитте. — Послушай, если пройдёте сквозь порталы, то будете связаны договором. С одной стороны — он защищает вас от неожиданностей, но с другой — ограничивает ваши действия. Пройдя сквозь одну из этих арок, вы не попадёте ни в одно из полезных мест.

— А если пойти иным путём? — спросил Мэт. — Ты рассказала Олверу, как открыть вход

в Башню.

— Да я просто рассказывала ему сказку на ночь! Свет, я же не думала, что один из вас, полоумных, вздумает это повторить.

— Но если мы пойдём этим путём, то сможем её найти?

— Возможно, — ответила Бергитте, — но вам не удастся. Договор перестанет действовать, и Элфин и Илфин будут вправе пролить кровь. Обычно нужно беспокоиться только о ловушках с ямами и верёвками, поскольку они не смеют... — Она замолчала, уставившись в его лицо. — Так как вышло, что тебя повесили?

Он зарделся, уставившись в

кружку.

— Им на этих арках нужно разместить треклятое объявление: «Ступишь внутрь, и тебя смогут треклятски повесить. Так и будет, треклятый ты идиот!»

Бергитте фыркнула. Они как-то болтали о его воспоминаниях. Ей нужно было сложить два и два.

— Если вы войдёте тем способом, то они попытаются сделать и это тоже. Если пролить кровь в их владениях, это может возыметь неожиданный эффект. Они могут попытаться переломать вам кости с помощью обвала или усыпить. И они всегда побеждают, Мэт. Это их собственный мир.

— А если смухлевать? — спросил Мэт. — Железо, музыка, огонь.

— Это не мухлёж. Это разумная предосторожность. Каждый, у кого есть хотя бы зачатки мозгов, пойдёт через башню, прихватив с собой полный набор. Но, Мэт, из тысячи вошедших — возвращается только один.

Он нерешительно помедлил, потом выудил из кармана пригоршню монет.

— Как думаешь, сколько шансов, что выпадут одни решки, если подбросить их в воздух? Один из тысячи?

— Мэт...

Он подбросил их над столом. Монетки просыпались дождём, ударившись о столешницу. Ни одна из них, подпрыгнув, не скатилась со стола на пол.

Мэт даже не посмотрел вниз на монеты. Пока они катились и подпрыгивали, останавливаясь, он смотрел ей прямо в глаза. Она взглянула на стол. Две дюжины монет. И каждая лежала портретом вверх.

— Один из тысячи очень хороший шанс, — сказал он. — Для меня.

— Проклятый пепел. Ты такой же сумасшедший, как Илэйн! Один неверный шаг — и всё. Даже ты

порой промахиваешься.

— Я попытаюсь. Чтоб мне сгореть, Бергитте. Я знаю, это глупо, но я вынужден. И всё же, откуда ты столько знаешь про Башню Генджей? Ты же была внутри, не так ли?

— Была, — призналась она.

Мэт выглядел самодовольным.

— Значит, ты выбралась назад! И как тебе это удалось?

Она помедлила, потом наконец взяла свою кружку с молоком.

— Полагаю, эта легенда не дожила до сегодняшних дней?

— Я такой не знаю, — ответил Мэт.

— Я пошла к ним, чтобы попросить их спасти жизнь моему

возлюбленному, — ответила она. — Это произошло после битвы у Холмов Лапойнта, где мы возглавляли восстание Бухенера. Гайдал был тяжело ранен. Удар пришелся в голову, отчего он перестал ясно мыслить. Порой он забывал, кто я такая. Моё сердце разрывалось на части, поэтому, чтобы его исцелить, я потащила его в Башню Гейнджей.

— И как же ты выбралась? — спросил Мэт. — Как ты их одурачила?

— Я не смогла, — тихо ответила Бергитте.

Мэт застыл.

— Илфин его не исцелили, —

продолжила она. — Они убили нас обоих. Я не выжила, Мэт. Вот такой у сказочки конец.

Он промолчал.

— Ох, — наконец произнес он. — Значит, эта история из разряда печальных.

— Они не могут все заканчиваться счастливо. У нас с Гайдалом во всяком случае. Для нас лучше сгореть в горниле славы, — она поморщилась, вспомнив одно прошлое воплощение, в котором им случилось состариться вместе, в мире и спокойствии. Самая скучная жизнь на свете, хотя порой, не ведая о своей большой роли в Узоре, она была счастлива.

— И всё же я иду, — ответил Мэт.

Она вздохнула.

— Я не смогу отправиться с тобой, Мэт. Не могу оставить Илэйн. У неё тяга к смерти сильнее, чем твоя гордость. Мне нужно позаботиться, чтобы она осталась жива.

— Я и не ждал, что ты пойдёшь, — быстро ответил Мэт. — Чтоб мне сгореть, но я спрашивал не об этом. И... — он нахмурился. — Тяга к чему сильнее, чем моя что?

— Не важно, — ответила она, отхлебнув молока. Она любила молоко, однако никогда бы в этом не призналась. Конечно, она обрадуется,

когда снова сможет хорошенько напиться. Ей не хватало ядрёной браги старины Снерта. Крепкое пиво ей нравилось не меньше крепких парней.

— Я пришёл к тебе, потому что мне нужна помощь, — продолжил Мэт.

— Что ещё сказать? Берёшь с собой железо, огонь и музыку. Железо им причиняет боль, заставляет их держаться настороже, и подальше от тебя. Огонь их пугает и убивает. Музыка их усыпляет. Но чем дольше ты их используешь, тем хуже они действуют — и огонь, и музыка. Башня — вовсе не башня. Это — портал. Своего рода ворота,

выходящие на перекрёсток между их мирами. Ты найдёшь там их всех — змей Элфин и лисиц Илфин. Если они всё ещё заодно. У них странные отношения.

— Но что им нужно? — спросил Мэт. — Я имею в виду, от нас. Зачем они здесь?

— Эмоции, — ответила Бергитте. — Именно поэтому они построили портал в наш мир, именно поэтому они заманивают нас внутрь. Они питаются тем, что мы чувствуем. Особенно, по какой-то причине, им нравятся Айз Седай. Возможно, те, кто владеют Единой Силой, на вкус похожи на крепкий эль.

Мэт открыто поёжился.

— Внутренняя часть очень запутана, — продолжила Бергитте. — Попасть куда-либо в определённое место чрезвычайно трудно. Войдя внутрь, минуя арки, я знала, что буду в большой опасности, но если доберусь до одного из больших залов, то смогу заключить сделку. Но ничто там не даётся даром. Они обязательно попросят что-нибудь взамен. Что-то дорогое для тебя. Всё равно, я придумала способ, как найти зал. Я использовала железные опилки, чтобы пометить путь, которым прошла через перекрёстки, чтобы знать, где я уже побывала.

Понимаешь, они не могут их тронуть, и... ты точно уверен, что никогда не слышал этой истории?

Мэт покачал головой.

— Эта история была довольно популярной, — нахмурившись, продолжила она. — Около сотни лет назад или около того.

— Ты выглядишь обиженной.

— Это была отличная история, — буркнула она.

— Если я выберусь, Бергитте, я заставлю Тома сочинить об этом треклятую балладу. Расскажи подробнее про опилки. План сработал?

Она покачала головой.

— Я всё равно заблудилась. Не

знаю, может, они сдули опилки, или это место слишком большое и я ни разу не возвращалась по своим следам. В конце концов, меня загнали в угол, огонь потух, лира сломалась, а тетива лопнула. Гайдал лежал позади без сознания. Иногда он мог передвигаться самостоятельно, но в остальные дни был слишком слаб, поэтому мне приходилось тащить его на принесённых с собой носилках.

— Остальные дни? — переспросил Мэт. — Сколько времени ты там провела?

— У меня было еды на два месяца, — поморщившись, ответила Бергитте. — Сколько мы

продержались после того, как она кончилась, я не знаю,

— Треклятый пепел! — выпалил Мэт и надолго приложился к кружке с элем.

— Я же говорю: не лезь туда, — сказала Бергитте, — Допустим, до своей подруги ты доберёшься, но назад никогда не выйдешь. Внутри можно бродить неделями, не сворачивая ни влево, ни вправо, всё время двигаясь только вперёд, проходя коридор за коридором. Все одинаковые. Большой зал может быть всего в минуте от тебя, если только знать верное направление. Но ты обязательно пройдёшь мимо.

Мэт уставился в свою кружку,

возможно, собираясь заказать чего-нибудь покрепче.

— Ты передумал? — спросила она.

— Нет, — ответил он. — Но когда мы выберемся, Морейн лучше будет это оценить по треклятому достоинству! Два месяца? — Он нахмурился. — Постой-ка. Если вы оба умерли внутри, как же все узнали, чем закончилась история?

Она пожала плечами.

— Почём мне знать. Может одна из Айз Седай потратила свои три вопроса, чтобы это узнать. Все знали, что я вошла внутрь. В тот раз меня звали Джетари Лунная Танцовщица. Так ты уверен, что ни разу не слышал

этой истории?

Он покачал головой.

Она вздохнула и откинулась назад. Что ж, не всякой истории о ней суждено жить вечно, но она рассчитывала, что эта проживет ещё парочку поколений.

Она поднесла к губам кружку, чтобы выпить остатки молока. Но кружка застыла в воздухе. Бергитте вдруг замерла, почувствовав поток эмоций от Илэйн: гнев, злость, боль.

Она грохнула кружкой об стол, бросила пару монет и, выругавшись, вскочила на ноги.

— Что? — спросил Мэт, в мгновение ока встав рядом.

— Илэйн. В беде. Опять. Она

ранена.

— Проклятый пепел, — рявкнул Мэт, хватая свой кафтан и посох по пути к выходу.

Глава 23

ЛИСЬИ МЕДАЛЬОНЫ

Илэйн вертела странный медальон в руках, обводя пальцем силуэт лисьей головы, оттиснутой на его лицевой стороне. Трудно было определить, какой именно металл использовали для создания этого *тер'ангриала*, как, впрочем, и многих других. Её Талант подсказывал, что это могло быть серебро, но медальон больше не был серебряным, это было что-то другое, уже что-то новое.

Солистка «Театральной труппы

Счастливица» продолжала петь. Её партия, чистая и высокая, была прекрасна. Илэйн сидела в мягком кресле с правой стороны холла, который переделали, установив возвышение для артистов. За спиной Илэйн стояла пара гвардейцев Бергитте.

В помещении царил полумрак; его освещал только ряд крохотных мерцающих ламп, скрытых за голубыми стёклами в стенных нишах. Голубоватый свет терялся в ярких жёлтых лучах фонарей, расположенных по периметру сцены.

Илэйн почти не обращала на пьесу внимания. Она много раз слышала балладу «Смерть

принцессы Валишен» и не понимала, какой смысл добавлять в неё новый текст, а потом делить между несколькими исполнителями, вместо того чтобы отдать целиком одному барду. Но это была любимая баллада Эллориен, а благоприятные отзывы об этой труппе из Кайриэна — тамошние дворяне открыли её совсем недавно — породили много шуму среди андорской знати.

Отсюда и родился этот вечер. Даже Эллориен пришла по приглашению Илэйн; похоже, она была заинтригована — с чего бы это у Илэйн хватило наглости её пригласить? Ну ничего, скоро Илэйн сполна использует присутствие

Эллориен. Но не сию минуту. Пусть женщина сначала насладится спектаклем. Она же наверняка ожидала какой-нибудь политической каверзы.

Возможно, она также рассчитывала, что Илэйн подойдет и сядет в одно из кресел рядом или пришлёт слугу с приглашением.

А Илэйн не сделала ни того, ни другого. Вместо этого она сидела и разглядывала *тер'ангриал* с лисьей головой. Какое всё-таки сложное произведение искусства, и это несмотря на то, что он представлял собой всего лишь цельный кусок металла! Она *чувствовала* плетения, которыми его создали. Его

невероятная сложность намногого превосходила простоту перекрученных колец для посещения Мира Снов.

Пытаясь скопировать медальон, она что-то неизбежно делала неправильно. В её кармане лежало подтверждение одной из неудачных попыток. И хотя Илэйн подозревала, что форма заготовки значения не имеет, копии, изготовленные для неё, были выполнены с такой скрупулёзной точностью, на какую только были способны её ювелиры. Почему-то был важен точный вес серебра, а не форма серебряной отливки.

Но она была близка к решению.

Находившаяся в кармане копия ещё была несовершенна: на её обладателя не действовали только слабые плетения, а сильные почему-то не отклонялись. И, что представляло куда более серьёзную проблему, прикасаясь к копии, было невозможно направлять Силу.

А с оригиналом в руках Илэйн направлять могла. У неё прямо-таки закружилась голова, когда Илэйн обнаружила, что медальон совершенно не мешает её плетениям. Мешала беременность, и это всё ещё сильно раздражало, но, держа в руках лисий медальон, направлять было можно.

Но только не с копией. Она

воспроизвела её не совсем точно. И, к сожалению, отпущенное время истекало. Скоро придётся вернуть медальон Мэту.

Она вытащила подделку, положила её на соседнее сиденье, потянулась к Источнику и создала плетение Духа. Несколько женщин Родни, группа которых смотрела спектакль в креслах чуть в стороне, подняли головы. Остальные были заняты, слушая арию.

Илэйн протянула руку и коснулась медальона. Тут же её плетения распались, а Источник, мигнув, исчез, как будто её отсекли щитом.

Она вздохнула — ария как раз

достигла кульминации. Копия была так похожа на оригинал и в то же время — к большому разочарованию — несовершенна! Даже для собственной безопасности Илэйн никогда не наденет на себя то, что помешает ей касаться Источника.

Тем не менее, суррогат не совсем бесполезен. Илэйн может отдать эту копию, допустим, Бергитте и кому-то из капитанов гвардии. Однако *слишком* много копий делать не следует. Особенно, если их смогут так эффективно использовать против Айз Седай.

Может, отдать Мэту одну из копий? Он и не узнает ничего, ведь он не может направлять...

«Ну, уж нет», — подумала она, задушив заманчивую мысль, пока она ещё полностью не завладела ею. Она обещала Мэту вернуть медальон, а не какую-то там копию с изъянами, и она так и сделает. Илэйн убрала оба медальона в карман платья. Теперь, когда она знала, что Мэта можно уломать расстаться с медальоном, возможно ей удастся надавить на него и уговорить дать больше времени. Хотя присутствие голама не могло не тревожить. Как же разделаться с этой тварью? Может быть, раздать копии медальона каждому гвардейцу — не такая уж плохая идея.

Ария закончилась — угасла,

будто свеча, у которой догорел фитиль, последняя высокая нота. Вскоре наступила развязка пьесы — из темноты выпрыгнули мужчины в белых масках, вспыхнул ослепительный свет, и когда он погас, Валишен лежала на сцене мёртвая, а широкий подол её алого платья покрывал окружающий помост, будто лужа растёкшейся крови.

Зрители встали и зааплодировали. Большая часть зрителей представляла Родню, хотя среди них было немало людей из свиты приглашённых Верховных Опор. Все они поддерживали Илэйн. Дайлин, само собой, и юный Конайл

Нортэн, и столь же юная, но бывшая вдвое спесивее Кэйтлин Хэйвин.

Последней в этой группе была Сильвейз Кирен. Как же с ней поступить? Илэйн покачала головой, убирая подделку в кошель, и сдержанно присоединилась к одобрительным аплодисментам остальных зрителей. Артистов интересует только её реакция. Если королева не подаст хоть какой-то знак одобрения, они промучаются всю ночь.

Похлопав, Илэйн направилась в ближайшую гостиную; та была обставлена мягкими креслами с широкими подлокотниками, как раз подходящими для непринуждённого

разговора. Возле стены был расположен столик с напитками, который обслуживал слуга в накрахмаленной красно-белой ливрее. Он стоял, заложив руки за спину, почтительно ожидая, пока гости пройдут внутрь. Эллориен здесь, разумеется, не было — законы этикета предписывали гостю дожидаться, пока хозяин первым не покинет спектакль. Хотя Эллориен и Илэйн были не в лучших отношениях, демонстрировать дурные манеры всё равно не годилось.

Эллориен появилась вскоре после Илэйна. Пухленькая женщина болтала с одной из женщин Родни,

подчёркнуто не обращая внимания на идущих рядом Верховных Опор. Её слова звучали вымученно. Скорее всего, она надеялась избежать посещения гостиной, но Илэйн знала: этой женщине захочется показать, что отношение к Дому Траканд осталось прежним.

Илэйн улыбнулась, но к женщине не подошла, а повернулась к вошедшей Сильвейз. Голубоглазая девушка среднего роста могла бы быть хорошенькой, если бы не лицо, как у Айз Седай: начисто лишённое эмоций, абсолютно невыразительное. Порой казалось, что Сильвейз — это выставленный в витрине разряженный манекен, но

иногда в ней проявлялась скрытая глубина, глубоко спрятанное хитроумие.

— Благодарю за приглашение, Ваше Величество, — проговорила Сильвейз ровным, до жути монотонным голосом. — Это было очень поучительно.

— Поучительно? — удивилась Илэйн. — Я надеялась, что будет приятно.

Сильвейз ничего не ответила. Она взглянула на Эллориен, и тут-то на её лице, наконец, появились какие-то чувства — нечто вроде ледяной неприязни, от которой мурашки ползут по коже.

— Зачем вы пригласили её,

Ваше Величество?

— Когда-то и у Дома Кирен были разногласия с Траканд, — сказала Илэйн. — Часто те, чью верность завоевать труднее всего, становятся самыми ценными союзниками.

— Она не станет поддерживать вас, Ваше Величество, — сказала Сильвейз, голос которой всё ещё оставался слишком спокойным. — Особенно после того, что сделала ваша мать.

— Когда много лет тому назад моя мать заняла трон, — ответила Илэйн, покосившись на Эллориен, — то говорили, что некоторые Дома она никогда не сможет расположить к

себе. Но вышло иначе.

— И что с того? Вас и так поддерживают более чем достаточно Домов, Ваше Величество. Вы уже одержали победу.

— Одну из...

Илэйн оставила мысль недосказанной. По отношению к Дому Траймане на ней висел долг чести. Она добивалась одобрения Эллориен не только затем, чтобы укрепить Львиный Трон; она хотела залечить раны, нанесённые матерью под влиянием Гейбрила. А следовательно, восстановить репутацию собственного Дома, по возможности возместив причинённый ущерб.

Сильвейз этого не понять. Илэйн знала, какое детство было у бедной девушки — она невысоко ставит честь Верховной Опоры Дома. Казалось, Сильвейз верит только в две вещи: в силу и месть. Пока она поддерживает Илэйн и её можно направлять, она не станет помехой; но она никогда не станет столь же крепкой опорой Дома Траканд, как, к примеру, Дайлин.

— Как мой секретарь справляется со службой, Ваше Величество? — спросила Сильвейз.

— Полагаю, хорошо, — ответила Илэйн. Пока что он не раскопал ничего ценного, хотя и Илэйн не давала ему позволения применять

жёсткие меры во время допросов. Она зашла в тупик: казалось, Илэйн целую вечность охотилась за этой группой Чёрных Айя, и вот она их поймала... но что она с ними сделала?

Бергитте захватила их живьём специально для того, чтобы допросить, а затем отправить на суд в Белую Башню. Но это значило, что у пленниц нет причин говорить: они знали, что в конце их непременно ждёт казнь. Выходило, что либо Илэйн надо решиться на сделку с Чёрными, либо позволить дознавателю применять особые методы.

Чтобы решиться на подобное,

королева *должна* быть тверда. По крайней мере, так объясняли ей учителя и наставники. Вопрос о вине этих женщин не стоял — они натворили достаточно, чтобы добрую дюжину раз заслужить смертный приговор. Но Илэйн и сама точно не знала, как низко она готова пасть, чтобы выцарапать у Чёрных их тайны.

А будет ли в этом вообще толк? На Испан было наложено Принуждение или клятвы, и с другими наверняка то же самое. Смогут ли они открыть ей хоть что-то полезное? Если бы только существовал способ...

Она помедлила, пропуская мимо

ушей очередную фразу Сильвейз — у неё возникла идея. Бергитте она, само собой, не понравится. Бергитте вообще *ничего* не нравилось. Но Илэйн чувствовала, что Стража нет во дворце — возможно, она делала обход сторожевых постов.

— Прошу меня извинить, Сильвейз, — сказала Илэйн. — Я только что вспомнила, что мне непременно *надо* кое-что сделать.

— Конечно, Ваше Величество, — ответила девушка ровным, почти нечеловеческим голосом.

Илэйн отошла от неё и быстро поприветствовала остальных, пожелав им доброго вечера. Конайл,

судя по всему, скучал. Он пришёл, потому что этого от него ожидали. Дайлин была, как всегда, приятной, но осторожной особой. Эллориен Илэйн проигнорировала. Девушка поприветствовала всех в комнате, кто имел хоть какой-то вес в обществе. Закончив, она направилась к выходу.

— Илэйн Траканд, — позвала её Эллориен.

Илэйн помедлила, мысленно улыбаясь. Она обернулась, стирая с лица всё, кроме точно отмеренного любопытства.

— Да, леди Эллориен?

— Ты пригласила меня сюда лишь затем, чтобы сделать вид, что меня здесь нет? — спросила

женщина с другого конца гостиной. Все разговоры утихли.

— Вовсе нет, — ответила Илэйн. — У меня просто сложилось впечатление, что вам будет гораздо приятнее проводить время, если я не буду навязывать своё общество. Этот вечер не предназначен для политики.

Эллориен нахмурилась.

— А *зачем* же он тогда?

— Чтобы насладиться прекрасной балладой, леди Эллориен, — сказала Илэйн. — И, возможно, напомнить вам, что когда-то вы с удовольствием развлекались в обществе Дома Траканд. — Она улыбнулась, легонько кивнула и вышла.

«Пусть поразмыслит над этими словами», — удовлетворённо подумала Илэйн. Эллориен наверняка слышала, что Гейбрил был одним из Отрёкшихся. Возможно, она в это не верила, но, может быть, вспомнит годы, когда они с Моргейз прекрасно относились друг к другу. Разве несколько коротких месяцев — это причина, чтобы забыть про годы дружбы?

У подножия лестницы, ведущей из гостиной, Илэйн обнаружила Кайлу Бент, одну из капитанов телохранительниц. Худощавая женщина с огненной шевелюрой дружески болтала с парой гвардейцев, и оба, судя по всему,

жаждали добиться её расположения. Едва завидев Илэйн, все трое встали навытяжку.

— Куда ушла Бергитте? — спросила Илэйн.

— Она пошла выяснить про инцидент у ворот, Ваше Величество, — сказала Кайла. — Мне передали, что ничего особенного. Тот командир наёмников, что недавно приходил к вам с визитом, попытался проникнуть на территорию дворца. Капитан Бергитте его как раз допрашивает.

Илэйн подняла бровь.

— Ты хочешь сказать, это был Мэтрим Коутон?

Женщина кивнула.

— Она его «допрашивает»?

— Так мне сказали, Ваше Величество, — ответила Кайла.

— Ну, значит, они вместе отправились промочить горло, — вздохнула Илэйн. Свет, как же не вовремя!

Или... как раз вовремя? Если Бергитте куда-то отправилась с Мэтом, то и возразить против плана насчёт Чёрных Айя, возникшего у Илэйн, она не сможет. Илэйн поняла, что улыбается во весь рот.

— Капитан Бент, за мной.

Она покинула помещение театра и вошла во дворец. Кайла последовала за ней, взмахом руки

приказав находившемуся в галерее отряду телохранительниц следовать за ними.

Пряча улыбку, Илэйн принялась отдавать приказы. Одна из женщин убежала доставить их по назначению, хоть её и озадачил странный список указаний. Наконец Илэйн добралась до своих покоев и присела, задумавшись. Ей придется действовать быстро. Бергитте сердится — Илэйн чувствовала это через узы.

Вскоре появился слуга с чёрным плащом, в который можно было закутаться с головы до пят. Илэйн вскочила, набросила его и обняла Источник. Ей понадобилось три

попытки! Проклятый пепел, как же порой раздражает беременность!

Девушка сплела вокруг себя потоки Огня и Воздуха, с помощью Зеркала Туманов сделавшись выше и внушительнее. Она принесла шкатулку с драгоценностями и выудила оттуда костяную фигурку сидящей женщины, скрытой за распущенными волосами. С помощью этого *ангриала* она зачерпнула столько Единой Силы, сколько посмела. Для умевших направлять наблюдателей она бы выглядела поистине внушительно.

Илэйн оглянулась на гвардейцев. Обе женщины были в явном замешательстве и, не отдавая себе в

том отчёта, положили руки на рукояти мечей.

— Ваше Величество? — воскликнула Кайла.

— Ну и как я выгляжу? — поинтересовалась Илэйн, чуть подправив плетение, чтобы её голос сделался ниже.

Глаза Кайлы распахнулись ещё шире.

— Будто грозовая туча во плоти, Ваше Величество.

— Значит, внушительно? — спросила Илэйн, слегка подскочив от опасного, почти нечеловеческого звука собственного голоса. Великолепно!

— Я бы сказала — да, —

ответила худошащая женщина, одной рукой потирая подбородок. — Хотя туфли портят всё впечатление.

Илэйн посмотрела вниз и выругалась при виде розового шёлка. Она дополнила плетение, и ноги исчезли. В результате вышло, будто она парит в воздухе, окутанная пульсирующей пеленой тьмы, а вокруг развеваются полы плаща и чёрные ленты. Её лицо было полностью скрыто темнотой. В качестве финального штриха она добавила два чуть светящихся красных огонька, пронзающих тьму на месте глаз — словно горящие тускло-красным светом угли.

— Храни нас Свет, —

выполнять его.

Женщина помедлила. Она, вероятно, знала, что Бергитте ни за что бы не позволила подобному случиться. Но, к счастью, Кайла *не* Бергитте. Она с неохотой отдала приказ, и свет в комнате притушили.

Илэйн сунула руку в карман, вытащила настоящий медальон с лисьей головой и стиснула его в руке так, чтобы его не было видно. Она глубоко вздохнула и создала переходные Врата. Возникшая в полутёмной комнате полоска света была очень яркой: она светилась, заливая людей бледным сиянием, похожим на лунный свет. Проход открывался в комнату, где было так

же темно.

Илэйн ступила во врата и оказалась в подземельях дворца, в одной из камер. В глубине помещения рядом с прочной дверью с зарешёченным окошком на уровне глаз стояла на коленях женщина; окошко было единственным источником света в сырой камере. По правую руку Илэйн лежал узкий тюфяк, а по левую стояло ведро, служившее ночным горшком. Крошечная каморка пахла плесенью и нечистотами, и Илэйн явственно слышала, как где-то рядом скребутся крысы. Но стоящая перед ней женщина не заслуживала и подобной роскоши.

Хорошенько поразмыслив, Илэйн выбрала именно Чесмал. Судя по всему, среди Чёрных она обладала неким авторитетом и была достаточно сильна, чтобы почти все остальные ей подчинялись. К тому же, в последнюю встречу Чесмал показалась Илэйн весьма импульсивной в ущерб логике. Это может оказаться важным.

Как только Илэйн оказалась в камере, высокая миловидная женщина повернулась к ней. Илэйн задержала дыхание. Благодарение Свету, её представление имело успех. Чесмал распласталась на покрытом соломой полу камеры.

— Великая Госпожа, —

произнесла она полушёпотом. — Я...

— Молчать! — пророкотала Илэйн.

Чесмал непроизвольно сжалась и покосилась в сторону, будто ожидая, что внутрь заглянет стража. Снаружи находились женщины Родни, поддерживавшие щит Чесмал. Илэйн их чувствовала. Но, несмотря на шум, никто не пришёл. Родня исполняла приказ Илэйн, пусть и странный.

— Ты ничтожнее крысы, — продолжила Илэйн изменённым голосом. — Тебя отправили трудиться во славу Великого Повелителя, но что ты сделала? Позволила поймать себя этим

недоумкам, этим *детям*?

Чесмал запричитала, склоняясь ещё ниже:

— Я пыль, Великая Госпожа. Я ничто! Мы подвели вас. Прошу вас, не уничтожайте меня!

— С какой стати? — рывкнула Илэйн. — Вся ваша группа — жалкие неудачники! Что вы сделали такого, что *могло бы* убедить меня позволить вам жить?

— Мы убили многих дураков, работающих против Великого Повелителя! — простонала Чесмал.

Илэйн поморщилась и, собравшись с духом, сплела хлыст из Воздуха и хлестнула им женщину по спине. Это минимум того, что

заслуживала Чесмал.

— Вы? — протянула Илэйн. — Вы и руку не приложили к этим смертям. Думаете, я глупа? Вы думаете, мне ничего не известно?

— Нет, Великая Госпожа, — стонала Чесмал, сжимаясь в комочек. — Прошу вас!

— Тогда найди повод оставить тебя в живых.

— У меня есть информация, Великая Госпожа, — быстро ответила Чесмал. — Один из тех, кого нам приказали искать, один из двух мужчин, кого надо убить любой ценой... один из них здесь, в Кэймлине!

О чём это она? Илэйн

помедлила.

— Рассказывай.

— Он путешествует с отрядом наёмников, — заговорила Чесмал с явным облегчением от того, что её информация оказалась нужной. — Это тот мужчина с хитрым взглядом, который носит шляпу и копье, отмеченное воронами!

Мэт? Приспешники Тьмы охотятся за *Мэтом*? Верно, он же друг Ранда и *та'верен* в придачу. Но что мог натворить Мэт, чтобы вызвать гнев самих Отрёкшихся? Ещё тревожнее было то, что Чесмал знала, что Мэт в городе. Он же прибыл *после* того, как Чёрные сёстры угодили в плен! А значит...

А значит Чесмал и остальные поддерживали связь с другими Приспешниками. Но с кем именно?

— Откуда ты это узнала? Почему об этом не сообщили раньше?

— Я получила новости только сегодня, — ответила Чесмал, её голос звучал всё более уверенно. — Мы планируем покушение.

— И *как* вы сможете это сделать, находясь в заключении? — резко спросила Илэйн.

Чесмал бросила взгляд вверх, на её квадратном лице отразилось замешательство. Она не ответила.

«Я дала ей понять, что знаю меньше, чем следует», — Илэйн

заскрипела зубами под маской теней.

— Великая Госпожа, — сказала Чесмал. — Я точно следовала своим приказам. Мы, как и приказано, почти готовы начать вторжение. Скоро Андор умоется кровью наших врагов, и Великий Повелитель будет править в огне и пепле. Мы этого добьёмся.

О чём это она? Вторжение? В Андор? Это невозможно! Как бы такое случилось? Как это *может* случиться? И в то же время, посмеет ли она расспрашивать дальше? Похоже, Чесмал что-то заподозрила.

— Великая Госпожа, вы ведь не та Избранная, которая приходила ко мне раньше? — спросила Чесмал.

— Тебе подобные не должны ставить под сомнение наши действия, — прорычала Илэйн, подчеркивая реплику тем, что ещё раз хлестнула женщину Воздухом по спине. — Я хочу знать, сколько тебе известно, чтобы оценить пробелы в твоих знаниях. Если тебе не известно, что... ну, посмотрим. Сначала расскажи, что ты знаешь о вторжении.

— Я знаю, что срок близок, Великая Госпожа, — сказала Чесмал. — Будь у нас больше времени, мы могли бы составить более совершенный план. Если бы вы устроили моё освобождение, тогда я могла бы...

Она умолкла и посмотрела вбок.

Срок близок. Илэйн открыла рот, чтобы задать ещё вопрос, но осеклась. Что это? Она больше не ощущала снаружи Родню. Они ушли? А как же щит Чесмал?

В замке повернулся ключ, дверь загремела и дверь распахнулась, открыв взору группу людей на той стороне. И это была *вовсе не* группа гвардейцев, которую ожидала увидеть Илэйн. Во главе их был человек с короткими чёрными волосами с залысинами по бокам, и огромными усами. Он был одет в коричневые штаны, чёрную рубаху и длинный плащ, похожий на открытую спереди ночную сорочку.

Секретарь Сильвейз! Позади него Илэйн увидела двух женщин — Тимэйл и Элдрит. Обе Чёрные. Обе удерживают Источник. Свет!

Сдержав удивление, Илэйн встретила с ними взглядом и не отступила. Если ей удалось убедить одну Чёрную сестру, что она одна из Отрёкшихся, то, возможно, у неё получится убедить и трёх. Глаза Тимэйл широко распахнулись, и она бросилась на колени, равно как и секретарь. Что до Элдрит, то та медлила. Илэйн не знала, в чём дело — либо в её позе, либо в маскировке, либо в реакции на появление этих троих. Это могло быть и нечто совершенно иное. В любом случае,

Элдрит ей не поверила. Круглолицая женщина направила Силу.

Илэйн мысленно выругалась, сплетая собственные потоки. Она обрушила на Элдрит щит в тот самый момент, как почувствовала, что в неё попал другой щит. К счастью, она сжимала в руке *тер'ангриал* Мэта. Плетение распалось, и медальон в руке Илэйн похолодел. А плетение Илэйн скользнуло между Элдрит и Источником, отсекая противницу. Свечение Силы вокруг Чёрной сестры погасло.

— Что ты делаешь, идиотка! — зашипела Чесмал. — Пытаешься напасть на одну из Избранных? Из-за тебя мы все умрём!

— Это не она! — выкрикнула Элдрит. Илэйн запоздало сообразила сплести кляп из Воздуха. — Вас надули! Это...

Илэйн засунула кляп ей в рот, но было слишком поздно. Тимэйл — которая всегда выглядела слишком утончённой для Чёрной — подняла голову и обняла Источник. Ужас на лице Чесмал сменился яростью.

Илэйн быстренько закрепила щит Элдрит и принялась плести другой. Её ударило плетение Воздуха. Медальон с лисьей головой снова похолодел, и — благословляя Мэта за его своевременное предложение — Илэйн поставила щит между Чесмал и Источником.

Тимэйл с разинутым ртом уставилась на Илэйн, явно ошеломлённая тем, что её плетения не сработали. Секретарь Сильвейз, в отличие от неё, не медлил. Он неожиданно рванулся вперёд и с огромной силой впечатал Илэйн в стену.

В плече вспыхнула боль, и Илэйн почувствовала, как что-то сломалось. Ключица? *«Мои детки!»* — тут же подумала она. Первобытная вспышка страха и мгновенного ужаса смела прочь все мысли о Мин и её видениях. К своему удивлению, она выпустила плетение врат, ведущих назад, в её комнату наверху. Они исчезли.

— У неё какой-то *тер'ангриал*, — выкрикнула Тимэйл. — На неё не действуют плетения.

Отбиваясь и отпихивая секретаря прочь, Илэйн принялась за плетение Воздуха, чтобы отбросить того назад. Тем временем мужчина вцепился в её руку, возможно, заметив в ней блеск серебристого металла. Секретарь ухватился длинными пальцами за медальон как раз в тот момент, когда по нему пришёлся сплетённый Илэйн удар Воздуха.

Вцепившись в медальон, темноволосый мужчина отлетел назад. Илэйн зарычала в дикой

ярости. Тимэйл злобно усмехнулась, и вокруг неё заструились потоки Воздуха. Она швырнула их вперёд, но Илэйн встретила их своими.

Два плетения столкнулись, и воздух в камерке забурлил. Во все стороны веером полетела солома. От внезапного скачка давления уши Илэйн запротестовали. Сжимая *тер'ангриал*, темноволосый секретарь отполз от места битвы. Илэйн направила в него плетение, но то распалось.

Илэйн закричала от ярости. В плече, которым она ударилась о стену, пульсировала боль. В маленькую комнатку набилось слишком много людей, а Тимэйл к

тому же стояла в проёме двери, непреднамеренно мешая секретарю скрыться. Или как раз преднамеренно: она, вероятно, хотела заполучить медальон. Две других Чёрных сестры, всё ещё отсечённые от Источника, в этом переполохе жались на корточках к стене.

Илэйн потянула через *ангриал* такой большой поток Силы, какой только посмела, надавив плетением Воздуха и отталкивая в сторону то, чем давила на неё Тимэйл. Мгновение два плетения держались в равновесии, а потом Илэйн продавила другое, которое ударило по Тимэйл, выкинув её из камеры и

впечатав снаружи в каменную стену. Илэйн немедленно отгородила женщину щитом, хотя, похоже, та от удара потеряла сознание.

Секретарь рванулся к ближайшей двери. Илэйн почувствовала укол страха. Она сделала единственное, что пришло ей в голову: схватила Чесмал потоками Воздуха и швырнула женщину в секретаря.

Оба бесформенной грудой упали на пол. В воздухе раздался металлический звон — медальон с лисьей головой выскользнул и ударился об пол, перекатившись через порог.

Илэйн перевела дыхание —

грудную клетку пронзила боль, а рука повисла плетью. Девушка больше не могла держать руку как полагается, и поэтому, рассерженная, цепляясь за Источник, поддерживала её на весу другой рукой. Сладость *саидар* успокаивала. Илэйн сплела поток Воздуха и связала Чесмал, секретаря и Элдрит, которая как раз пыталась незаметно к ней подползти.

Взяв себя в руки, Илэйн выбежала из тесной камеры, проскочив мимо всех них, чтобы проверить, что там с Тимэйл. Женщина ещё дышала, но и вправду была без сознания. Илэйн связала и её потоком Воздуха, на всякий случай, и осторожно подняла

медальон с лисьей головой. Она поморщилась, когда руку пронзила боль. Да, у неё наверняка сломана кость.

Тёмный коридор освещал единственный напольный светильник. Четыре двери вели в камеры. Куда подевались стража и Родня? Илэйн с неохотой отпустила маскировавшие её плетения — она не хотела, чтобы сбежавшиеся по тревоге солдаты приняли её за Приспешницу Тёмного. Наверняка же кто-то слышал отголоски этого грохота! В глубине разума она ощущала беспокойство спешащей к ней Бергитте. Её Страж, без сомнения, почувствовала, что Илэйн

ранена.

Хотя Илэйн скорее предпочла бы боль в плече нотациям от Бергитте. Представив это, она вновь поморщилась и обернулась к пленникам. Надо бы проверить другие камеры.

Конечно, с детьми всё будет хорошо. И с ней всё будет хорошо. Она приняла слишком близко к сердцу эту боль, *на самом деле* она не испугалась. Но, тем не менее, лучше бы...

— Здравствуй, моя королева, — прошептал ей на ухо мужской голос за мгновение до того, как её бок взорвался новой болью. Илэйн всхлипнула, и её швырнуло вперёд.

Чья-то рука выхватила медальон у неё из пальцев.

Илэйн резко обернулась — помещение показалось размытым. Что-то тёплое струйкой текло по боку. Кровь!.. Она была так потрясена, что Источник от неё ускользнул.

За спиной в коридоре стоял Дойлин Меллар, держа в правой руке окровавленный нож, а в левой взвешивая медальон. Его похожее на топор лицо надвое раскалывала улыбка похожая на оскал. Хотя на нём были какие-то лохмотья, он казался уверенным в себе словно король на троне.

Илэйн зашипела и потянулась к

Источнику, но ничего не вышло. Она услышала, как позади кто-то хмыкнул. Она не завязала потоки щита Чесмал! Стоило Илэйн отпустить Источник, как плетения пропали. И, разумеется, Илэйн тут же обнаружила себя отсечённой от Источника.

Чесмал улыбалась, её милостивое лицо покраснелось. Свет! Под ноги Илэйн натекла лужица крови. И много!

Девушка пошатнулась, опираясь о стену коридора. С одной стороны находился Меллар, с другой — Чесмал.

Она *не могла* умереть. Мин же говорила...

«Мы могли не так понять. — Ей вспомнился голос Бергитте: — Столько всего ещё может пойти не так».

— Исцели её, — сказал Меллар.

— Что? — ошарашено переспросила Чесмал. Стоявшая в дверном проёме позади неё Элдрит отряхивала одежду. Когда плетения Воздуха Илэйн распались, Элдрит упала на землю, но щит остался на месте — его Илэйн завязала.

«Думай, — сказала себе Илэйн, чувствуя, как между пальцев течёт кровь. — Должен быть выход. Должен быть! О, Свет! Бергитте, поторопись!»

— Исцели её, — повторил

Меллар. — Я ударил её ножом, чтобы заставить тебя отпустить.

— Глупец, — произнесла Чесмал. — Будь плетения завязаны, рана бы нас не освободила!

— Значит, она умерла бы, — пожав плечами, сказал Меллар. Он пожирал Илэйн взглядом, его красивые глаза пылали желанием. — Какая жалость. Потому что её пообещали *мне*, Айз Седай. Я не позволю ей умереть в этом подземелье. Она не умрёт, пока не придёт *мое* время... получить своё. — Он перевёл взгляд на Чёрную сестру. — И кстати, неужели ты думаешь, что те, кому мы служим, обрадуются, узнав, что ты позволила

королеве Андора умереть, не
выпытав её тайны?

Чесмал выглядела
раздосадованной, но она явно
поняла, что эти слова звучат мудро.
Позади них секретарь выскользнул из
камеры и, оглядевшись по сторонам,
шмыгнул по коридору к лестнице и
побежал по ней наверх. Чесмал
пересекла коридор и подошла к
Илэйн. Благодарение Свету — у
Илэйн уже кружилась голова. Она
опёрлась спиной о стену, едва
ощущая боль в сломанном плече, и
сползла вниз, пока не оказалась в
сидячем положении.

— Глупая девчонка, —
произнесла Чесмал. — Разумеется, я

сразу разгадала твой обман. Я тебе подыгрывала, зная, что помощь идёт.

Её слова звучали неискренне: она лгала, чтобы оправдаться перед остальными. Исцеление. Илэйн нужно... это... Исцеление. Её сознание ускользало, в глазах потемнело. Девушка прижала руку к боку, насмерть перепугавшись за себя, за своих детей.

Рука соскользнула. Илэйн нащупала что-то сквозь ткань платья. Ах, да — это копия лисьего медальона...

Чесмал обняла руками голову Илэйн, сплетая потоки для Исцеления. Тело девушки захлестнула волна Силы, и вены

превратились в лёд, она глубоко вдохнула: боль в боку и в плече исчезла.

— Вот и всё, — сказала Чесмал. — А теперь быстрее, нам надо...

Илэйн вытащила второй медальон и подняла его в руке. Рефлекторно Чесмал схватилась за него — и это значило, что она стала неспособна направлять. Плетения пропали, включая щит над Илэйн.

Чесмал выругалась и выронила медальон. Он ударился об пол и покатился, Чесмал принялась сплести щит.

Но Илэйн не стала возиться со щитом. На этот раз она сплела Огонь

— простой, прямолинейный и опасный. Прежде чем Чёрная сестра закончила плетение, одежда на ней вспыхнула, и женщина закричала.

Илэйн рывком поднялась на ноги. Коридор дрожал и вращался — Исцеление отобрало у неё много сил, — но прежде чем всё перестало кружиться, она сплела ещё один поток Огня и хлестнула им Меллара. Он угрожал жизни её детей! Он ударил её ножом! Он...

Плетения распались, едва его коснувшись. Он улыбнулся ей, прижав что-то ногой. Второй медальон.

— Ого, — воскликнул он, подбирая вещицу с пола. — Ещё

один? А если тебя потрясти, то выпадет третий?

Илэйн зашипела. Пожираемая пламенем, Чесмал кричала. Она упала навзничь, корчась, и в коридоре распространился запах горелой плоти. Свет! Илэйн не хотела убивать её, но сейчас не время об этом сожалеть. Она сплела поток Воздуха, захватив им Элдрит, пока та не удрала. Илэйн пропихнула её вперёд, между собой и Мелларом — так, на всякий случай. Сжимая оба медальона в одной руке и кинжал в другой, он следил за девушкой острым взглядом, подбираясь всё ближе. Кинжал всё ещё блестел, покрытый кровью Илэйн.

— Мы ещё не закончили, моя королева, — тихо произнёс он. — Всем остальным пообещали власть. Но моей наградой была ты. Я всегда забираю то, что мне причитается. — Он внимательно следил за Илэйн, ожидая подвоха.

Какое там! Она еле-еле была способна стоять на ногах. Трудно было даже удерживать Силу. Она попятилась, удерживая Элдрит между собой и Мелларом. Его взгляд метнулся к похожей на статую женщину; руки той были прижаты к бокам Воздухом, и она парила в дюйме над поверхностью земли. Резким движением он рванулся вперёд и перерезал Элдрит горло.

Илэйн содрогнулась,
отшатнувшись назад.

— Прости, — сказал Меллар, и Илэйн не сразу поняла, что он обращался к Элдрит. — Но приказ есть приказ. — И с этими словами он быстро нагнулся и ударил кинжалом беспомощное тело Тимэйл.

Нельзя, чтобы он удрал с медальонами! Илэйн почувствовала прилив сил, потянула в себя Единую Силу и сплела поток Земли. Она взорвала потолок над Мелларом как раз в тот момент, когда он выпрямлялся. Каменная кладка сломалась, кирпичи посыпались вниз. Обхватил руками голову,

Меллар заорал, убегая. Что-то звякнуло — металл по камню.

Коридор содрогнулся, и в воздух взвилась пыль. Камнепад отогнал Меллара, но вместе с тем помешал Илэйн его преследовать. Мужчина убежал наверх по правой лестнице. Илэйн в изнеможении упала на колени — но тут увидела, как в куче кирпичей, упавших с её помощью с потолка, что-то блестит. Что-то серебристое — это был один из медальонов.

Затаив дыхание, она схватила его. Благодарение Свету, она не потеряла Источник. Похоже, Меллар сбежал с копией, а оригинал остался у неё.

Илэйн вздохнула, позволяя себе откинуться назад и опереться на холодную каменную стену. Ей хотелось провалиться в обморок, но она заставила себя убрать медальон в карман и оставаться в сознании, пока в конце коридора не объявилась Бергитте. Страж тяжело дышала после бега, а её красный камзол и золотистая коса промокли от дождя.

За ней в коридоре появился Мэт с закрытой шарфом нижней половиной лица. Его мокрые каштановые волосы прилипли к голове. Молодой человек то и дело стрелял туда-сюда глазами и держал наготове посох.

Бергитте опустилась на колени

рядом с Илэйн.

— С тобой всё в порядке? — взволнованно спросила она.

Илэйн в изнеможении кивнула:

— Похоже, обошлось. — «*В каком-то смысле*». — Ты часом не оказала миру услугу, прикончив по дороге сюда Меллара?

— Меллара? — встревожено переспросила Бергитте. — Нет. Илэйн, у тебя платье в крови!

— Со мной всё в порядке, — ответила Илэйн. — Правда. Меня Исцелили.

Значит, Меллар сбежал.

— Быстрее, — сказала она. — Обыщите коридоры. Стража и Родня, охранявшие это место...

— Мы их нашли, — сказала Бергитте. — Их свалили под лестницу в самом низу. Они мертвы. Илэйн, что произошло? — Стоявший сбоку Мэт перевернул тело Тимэйл, заметив ножевую рану у неё в груди.

Илэйн прижала руку к животу. С её детьми всё будет в порядке, верно?

— Я поступила очень опрометчиво, Бергитте, и знаю, что ты за это станешь на меня кричать. Но, пожалуйста, не могла бы ты сначала отвести меня в мою комнату? Мне кажется, сначала надо попросить Мелфани меня осмотреть. Просто на всякий случай.

Час спустя после неудавшегося покушения на Эгвейн Гавин одиноко стоял в маленькой комнатке, бывшей частью апартаментов Амерлин. Удерживавшие его плетения сняли, а ему велели оставаться на месте.

Наконец-то в комнату вошла Эгвейн.

— Сядь, — сказала она.

Он помедлил, но от её яростного взгляда можно было зажигать свечи. Он присел на табурет. В комнатке имелось несколько комодов и сундуков для одежды. Дверной проход вёл в большую по размерам гостиную, в которой был пойман Гавин. За следующей дверью находилась спальня Амерлин.

Эгвейн захлопнула дверь, избавляясь от множества гвардейцев, Стражей и Айз Седай, слоняющихся по комнатам снаружи. Из-за двери доносился гул разговоров. Эгвейн всё ещё была в красном с золотой отделкой платье, а в её темные волосы были вплетены золотые нити. Её щеки пылали от гнева. От этого она была ещё прекраснее, чем обычно.

— Эгвейн, я...

— Ты понимаешь, что натворил?

— Обнаружив у двери своей возлюбленной убийцу, я проверил, всё ли с ней в порядке.

Она сложила руки на груди. Гавин почти физически *чувствовал*

жар её гнева.

— На твои вопли сбежалась половина Белой Башни. Тебя видели пойманным. Теперь убийца, скорее всего, знает про мои плетения.

— Свет, Эгвейн! Ты так говоришь, будто я сделал это намеренно. Я всего лишь пытался тебя защитить.

— Я не просила у тебя защиты! Я просила повиновения! Гавин, неужели ты не видишь, какую возможность мы упустили? Если бы ты не спугнул Месану, она бы попала в мои ловушки!

— Это была не Отрёкшаяся, — возразил Гавин. — Это был мужчина.

— Ты сказал, что не смог

разглядеть лицо или фигуру, потому что та была размытой.

— Ну, да, — сказал Гавин. — Но он сражался мечом.

— А женщина не может сражаться мечом? Размер виденной тобой особы указывает на то, что это была женщина.

— Возможно, но Отрёкшаяся? Свет, Эгвейн, будь это Месана, она испепелила бы меня на месте Единой Силой!

— Ещё одна причина, — сказала Эгвейн, — *не* перечить мне! Может быть, ты прав, может это был кто-то из подчинённых Месаны. Приспешник Тьмы или Серый Человек. В таком случае я захватила

бы их в плен и смогла бы выведать планы Месаны. И вот что, Гавин: что, если бы ты *на самом деле* обнаружил Месану? Что бы ты мог сделать?

Он уставился в пол.

— Я же говорила тебе, что приняла меры предосторожности, — продолжила Эгвейн. — И ты всё равно не послушался! А теперь, благодаря тому что ты сделал, убийца знает, что я её ждала. В следующий раз она будет осторожнее. Как думаешь, во сколько жизней нам обойдётся твоя выходка?

Гавин держал руки на коленях, стараясь не показывать, что они сжались в кулаки. Ему бы

чувствовать стыд, но вместо этого он чувствовал злость. Необъяснимую ярость — горечь на самого себя, но по большей части на Эгвейн из-за того, что она превратила искреннее заблуждение в личное оскорбление.

— Мне кажется, — сказал он, — что ты вообще не хочешь иметь Стража. Поэтому я так тебе скажу, Эгвейн: если ты не можешь выдержать, когда за тобой присматривают, то никакой мужчина тебе не подойдёт.

— Возможно, ты прав, — резко ответила она. Юбки Эгвейн шуршали, она открыла дверь, вышла и закрыла её за собой. Не хлопнув.

Гавин встал и хотел пнуть дверь.

Свет, как всё запуталось!

Он услышал, как Эгвейн отправляла ротозеев обратно по постелям и приказывала Гвардии Башни этой ночью быть особенно бдительными. Последнее, скорее всего, просто для вида. Она знала, что убийца в ближайшее время воздержится от покушений.

Гавин выскользнул из комнаты и направился к выходу. Эгвейн заметила его уход, но ничего ему не сказала, вместо этого отвернувшись к Сильвиане пошептаться. Красная сестра наградила Гавина взглядом, под которым содрогнулся бы и камень.

Молодой человек прошёл мимо

нескольких гвардейцев, которые смотрели на него — по их меркам — с большим уважением. Насколько им было известно, он сорвал покушение на жизнь Амерлин. Гавин кивнул в ответ на их приветствия. Неподалёку стоял Чубейн, изучая чудом не попавший в Гавина нож.

Мужчина передал Гавину оружие убийцы.

— Видели когда-нибудь нечто подобное?

Гавин взял узкий, блестящий нож. Оружие было сбалансировано для метания, клинок был изготовлен из прекрасной стали и выглядел как вытянутое пламя свечи. В середине были вставлены три недрагоценных

камня цвета крови.

— Что это за камни? — спросил Гавин, поднося нож к свету.

— Никогда раньше не видел ничего подобного.

Гавин перевернул нож несколько раз. На нём не было никаких надписей или резьбы.

— Ещё чуть-чуть, и он забрал бы мою жизнь.

— Можете взять его, если хотите, — сказал Чубейн. — Вы могли бы опросить людей Брина, может кто-то из них видел нечто подобное. У нас есть второй, мы нашли его дальше по коридору.

— Тот тоже предназначался мне, — проговорил Гавин, засовывая

нож за пояс. — Благодарю. У меня есть для вас ответный подарок.

Чубейн вздёрнул бровь.

— Вы жаловались на потери среди своих людей, — сказал Гавин. — Что ж, я могу порекомендовать вам группу солдат.

— Из армии Бриана? — спросил Чубейн, скривив губы. Как и многие гвардейцы Башни, он до сих пор расценивал войска Бриана как противника.

— Нет, — сказал Гавин. — Это люди, верные Башне. Из тех, кто обучался, чтобы стать Стражем, и сражался вместе со мной на стороне Элайды. Сейчас они чувствуют себя не у дел и скорее согласятся стать

солдатами, чем Стражами. Я был бы признателен, если бы вы дали им пристанище. Они надёжные люди и превосходные воины.

Чубейн кивнул.

— Пришлите их ко мне.

— Они явятся к вам завтра, — пояснил Гавин. — Я прошу только одного. Постарайтесь не разделять группу. Они вместе через многое прошли. Их единство придаёт им силу.

— Это будет несложно, — согласился Чубейн. — Десятая рота Башни была уничтожена этими проклятыми Шончан почти до последнего человека. Я поставлю над вашими парнями несколько

офицеров-ветеранов и сформирую из них новую роту.

— Благодарю вас, — сказал Гавин. Он кивнул в сторону апартаментов Эгвейн. —

Присмотрите за ней ради меня, Чубейн. Я думаю, она твёрдо решила свести себя в могилу.

— Само собой, защищать и поддерживать Амерлин — мой долг. А куда собрались вы?

— Она достаточно ясно дала понять, что Страж ей не нужен, — сказал Гавин. Его мысли вернулись к сказанному Брином ранее. Чего хочет он сам, кроме Эгвейн? Возможно, пришло время это выяснить. — Сдаётся мне, давненько я не навещал

сестру.

Чубейн кивнул, и Гавин с ним попрощался. Затем он зашёл в казармы собрать свои вещи, которых было всего-то: смена белья и зимний плащ, и направился в конюшни оседлать Вызова.

После он отвёл лошадь на площадку для Перемещений. Эгвейн всё время держала там дежурную сестру. Этой ночью здесь была миниатюрная Зелёная с сонными глазами по имени Нимри. Айз Седай не задавала лишних вопросов. Она создала для него Переходные ворота, ведущие на склон холма примерно в часе езды от Кэймлина.

И вот Гавин оставил Тар Валон

— и вместе с ним Эгвейн ал'Вир —
позади.

* * *

— Это ещё что? —
требовательно спросил Лан.

Старый Назар поднял голову от
седельных сумок; кожаный *хадори*
удерживал его белые волосы,
припорошенные пылью. Рядом с их
лагерем, расположенным посреди
бора горных сосен, журчал
маленький ручей. У этих сосен
сейчас не должно было быть и
вполовину такого количества бурых
игл.

Назар что-то засовывал в свою сумку, и Лану удалось заметить проблеск золота.

— Это? — спросил Назар.

Он вытащил полотно наружу: сверкающее белое знамя с вышитым по центру золотым журавлём. Прекрасная работа с красивыми стежками. Лан чуть не выхватил знамя из рук Назара, чтобы разорвать его пополам.

— Ага, вижу по выражению твоего лица, Лан Мандрагоран, — сказал Назар. — Но не надо относиться к этому столь эгоистично. Человек имеет право носить с собой знамя своего королевства.

— Ты — *пекарь*, Назар.

— В первую очередь я — Порубежник, сынок, — ответил мужчина, засовывая знамя обратно. — Это моё наследие.

— Пфф, — Лан отвернулся. Остальные спутники сворачивали лагерь. Он неохотно позволил трём новоприбывшим присоединиться к нему — они были упрямы, словно вепри, и, в конечном счёте, он был вынужден подчиниться своей клятве. Лан обещал, что примет тех, кто за ним последует. Эти люди, формально, не просились ехать с ним, они просто поехали и всё. Этого было достаточно. К тому же, если они собирались ехать в том же

направлении, не было особого смысла разбивать два лагеря.

Лан продолжил вытирать лицо после утреннего умывания. Булен готовил хлеб к завтраку. Этот сосновый лесок находился в восточном Кандоре; они приближались к границе с Арафелом. Может быть, он сможет...

Лан замер. В их лагере появилось несколько новых палаток. С Андером разговаривала группа из восьми человек. Трое из них выглядели полноватыми в талии — не воины, судя по их лёгким одеждам, тем не менее, они оказались малкири. Остальные пятеро были шайнарцами, с чубами

на головах, кожаными наручами на руках и короткими луками за спиной, в чехлах, рядом с длинными двуручными мечами.

— Это ещё что такое? — требовательно спросил Лан.

— Вейлин, Манаган и Горенеллин, — ответил Андер, указывая на малкири. — Остальные же — Кви, Джояо, Мерекель, Янор, Куен...

— Я не спрашивал *кто*, — холодно пояснил Лан. — Я спрашивал *что*. Что вы наделали?

Андер пожал плечами.

— Мы встретились с ними перед тем, как наткнулись на тебя, и велели ждать нас на южной дороге.

Рахим сходил за ними прошлой ночью, пока ты спал.

— Рахим должен был стоять на страже! — возмутился Лан.

— Я стоял на страже вместо него, — ответил Андер. — Я подумал, что нам эти парни пригодятся.

Толстые торговцы, все трое, посмотрели на Лана и опустились на колени. Один, не стесняясь, заплакал.

— *Тай'шар Малкир.*

Пятеро шайнарцев
отсалютовали Лану.

— Дай Шан, — сказал один из них.

— Мы привезли что сумели для

Золотого Журавля, — добавил другой торговец. — Всё, что смогли собрать за короткое время.

— Это немного, — сказал третий. — Но наши мечи тоже ваши. Возможно, мы выглядим так, будто стали мягче, но мы можем сражаться. Мы будем сражаться.

— Мне не нужно то, что вы привезли, — сердито ответил Лан. — Я...

— Пока ты не сказал лишнего, старый друг, — сказал Андер, положив ладонь на плечо Лану, — наверное, тебе стоит на это взглянуть.

Он кивнул в сторону.

Лан нахмурился, услышав

громыхание. Он вышел из-за деревьев и взглянул на дорогу, ведущую к лагерю. Приближались две дюжины повозок, каждая была доверху нагружена припасами: оружием, мешками с зерном, палатками. Лан широко раскрыл глаза. Вереницей шла добрая дюжина боевых коней, а сильные волы тянули повозки. Возницы и слуги шли рядом.

— Когда они упомянули, что продали всё что могли и купили припасы, — заметил Андер, — они сказали всё как есть.

— Но со всем этим мы никак не сможем двигаться незаметно! — воскликнул Лан.

Андер пожал плечами.

Лан сделал глубокий вдох. «Ну, хорошо». Он разберётся и с этим.

— Похоже, что двигаться незаметно нам всё равно не удастся. Впредь мы будем выдавать себя за караван, везущий в Шайнар припасы.

— Но...

— Поклянитесь, — сказал Лан, поворачиваясь к людям. — Все поклянитесь, что не раскроете, кто я такой, и не известите тех, кто, возможно, меня ищет. Клянитесь.

Назар выглядел так, словно собирался спорить, но суровый взгляд Лана его остановил. И один за другим они поклялись.

И где прежде было пятеро, стало

несколько десятков, но на этом всё
кончится.

Глава 24

ВЫСТОЯТЬ

— Покой и постельный режим, — объявила Мелфани, отрывая ухо от деревянной трубки, приставленной к грудной клетке Илэйн. Акушерка была низенькой, круглощёкой женщиной. Сегодня, словно бросая вызов вечно хмурому небу, она повязала волосы полупрозрачным небесно-голубым шарфом и надела изящное, прекрасно с ним гармонирующее белое платье.

— Что? — переспросила Илэйн.

— На неделю, — добавила

Мелфани, пригрозив Илэйн толстым пальцем. — И эту неделю вы не должны вставать с постели.

Ошеломлённая Илэйн моргнула, даже слабость на мгновение куда-то исчезла. А Мелфани, назначив Илэйн это невероятное наказание, весело улыбалась. Покой и постельный режим? На целую неделю?!

Бергитте стояла в дверях, а Мэт находился в соседней комнате. Он вышел на время обследования, но всё остальное время торчал рядом с Илэйн, оберегая её почти так же, как Бергитте. Но по их разговорам невозможно было представить, что эти двое о ней заботятся — они сыпали проклятиями, словно

пытаясь перешеголять один другого. Илэйн даже услышала несколько новеньких. Кто б знал, что многоножки занимаются подобными вещами?

Насколько могла судить Мелфани, с детьми было всё в порядке. Это было важнее всего.

— Постельный режим, естественно, исключается, — сказала Илэйн. — Мне ещё слишком многое предстоит сделать.

— Хорошо, занимайтесь делами, но не вставая с постели, — согласилась Мелфани, приятным, но совершенно непреклонным голосом. — Ваше тело и ваш ребенок пережили большое потрясение. Им

необходимо время для
восстановления. Я буду навещать вас,
чтобы убедиться, что вы соблюдаете
строгую диету.

— Но...

— Я не желаю слышать никаких
оправданий, — прервала её в ответ
Мелфани.

— Я — королева, —
раздражённо произнесла Илэйн.

— А я — королевская
акушерка, — по-прежнему спокойно
ответила Мелфани. — И если я
посчитаю, что вашему здоровью или
здоровью вашего ребенка что-то
угрожает, в этом дворце не найдётся
ни одного солдата или слуги, кто
откажет мне в помощи, — она

посмотрела в глаза Илэйн. — Хотите в этом убедиться, Ваше Величество?

Илэйн поёжилась, представив своих гвардейцев, запрещающих ей выходить из покоев. Или, что ещё хуже, связывающих её, чтобы она не сбежала. Она взглянула на Бергитте, но получила в ответ только удовлетворённый кивок.

Казалось, этот жест говорил: *«Это — меньшее из того, что ты заслуживаешь»*.

Илэйн разочарованно откинулась на спинку кровати. Это была массивная конструкция на четырёх столбах с красно-белым балдахином. Комната была богато украшена сверкающими изделиями

из хрустала и рубинов. Какая красивая из неё получилась позолоченная тюрьма! Свет! Так не честно!

Илэйн завязала ворот ночной рубашки.

— Вижу, вы не собираетесь проверять мои слова, — сказала Мелфани, поднимаясь с края кровати. — Весьма мудро, — она взглянула на Бергитте. — Я разрешу вам встретиться с Капитан-Генералом, чтобы обсудить вечерние события. Но не более чем на полчаса, имейте в виду. Я не позволю вам переутомляться!

— Но...

Мелфани вновь погрозила ей

пальцем:

— Полчаса, Ваше Величество. Вы женщина, а не ломовая лошадь. Вам нужен отдых и уход, — она повернулась к Бергитте. — Не расстраивайте её чрезмерно.

— Даже и не думала, — отозвалась Бергитте. Её гнев наконец-то начал стихать, сменяясь весельем. Несносная женщина.

Мелфани вышла из покоев. Бергитте осталась на прежнем месте, разглядывая Илэйн прищуренными глазами. В ней, просачиваясь через узы, всё ещё кипело некоторое недовольство. Они довольно долго рассматривали друг друга.

— Что нам делать с тобой,

Илэйн Траканд? — наконец осведомилась Бергитте.

— Запереть меня в спальне, разумеется, — огрызнулась Илэйн.

— Неплохое решение.

— И вы станете держать меня тут постоянно? — спросила Илэйн. — Совсем как Гельфину из сказки, на тысячу лет запертую в заброшенной башне?

Бергитте вздохнула.

— Нет, но месяцев шесть весьма поспособствовали бы моему спокойствию.

— У нас нет на это времени, — ответила Илэйн. — У нас нет времени на многое, особенно сейчас. Придётся рискнуть.

— Рискнуть — это позволить королеве Андора в одиночку столкнуться лицом к лицу с толпой Чёрных Айя? Ты как опьянённый кровью идиот на поле боя, бегущий впереди своих товарищей, ищущий смерти без прикрывающего спину напарника!

Илэйн моргнула, почувствовав гнев, переполнявший её Стража.

— Разве ты не доверяешь мне, Илэйн? — спросила Бергитте. — Не знаешь, как от меня избавиться?

— Что? Нет! Конечно же я тебе доверяю.

— Тогда почему не позволяешь помогать тебе? Меня не должно здесь быть. И никакой другой цели,

кроме той, что диктуют сложившиеся обстоятельства, у меня нет. Ты сделала меня своим Стражем, но не позволяешь мне себя защищать! Как я могу быть твоим телохранителем, если ты не предупреждаешь меня, когда лезешь туда, где опасно?

Илэйн захотелось зарыться под одеяло, чтобы спрятаться от этих глаз. Почему же Бергитте так больно? Ведь ранили только Илэйн!

— Если это что-то значит, — сказала она, — больше я так не поступлю.

— Так не поступишь. Ты сделаешь что-нибудь ещё столь же безрассудное.

— Я имею в виду, что впредь буду более осторожна. Возможно, ты права, и видения не являются абсолютной гарантией. Конечно же, они не спасли меня от паники, когда я почувствовала настоящую опасность.

— А когда Чёрные Айя отрезали тебя от Источника и пытались увезти, ты реальной опасности не чувствовала?

Илэйн замялась. Она должна была испугаться тогда, но этого не произошло. Не только из-за видения Мин. Чёрные Айя никогда бы не убили её, учитывая те обстоятельства. Она была слишком ценной.

А вот чувствовать, как в её тело входит нож, пронзает кожу, двигается к чреву... это совсем другое. Ужас. Она помнила, как потемнел вокруг неё мир, как её сердце билось всё сильнее, словно барабанный бой под конец спектакля, за которым следует полнейшая тишина.

Бергитте оценивающе рассматривала Илэйн. Она чувствовала её эмоции. Илэйн была королевой. Она не могла избежать риска. Но... Возможно, ей удастся себя сдерживать.

— Что ж, — сказала Бергитте, — удалось ли тебе, по крайней мере, хоть что-нибудь обнаружить?

— Да, — сказала Илэйн. — Я...

В этот момент в дверях показалась голова, обёрнутая шарфом. Мэт с зажмуренными глазами.

— Ты одета?

— Да, — сказала Илэйн. — И мой наряд гораздо симпатичнее твоего, Мэтрим Коутон. Этот шарф просто смешон.

Он нахмурился, открывая глаза и снимая шарф, из-под которого показалось его угловатое лицо.

— А ты попробуй пройтись по городу так, чтобы тебя не узнали, — сказал он. — Кажется, будто в эти дни каждый мясник, каждый хозяин гостиницы и каждый проклятый

шпион знает, как я выгляжу.

— Чёрные сёстры собирались тебя убить, — сказала Илэйн.

— Что? — спросил Мэт.

Илэйн кивнула.

— Одна из них упоминала о тебе. Так, словно Друзья Тёмного уже разыскивают тебя какое-то время, намереваясь прикончить.

Бергитте пожала плечами.

— На то они и Друзья Тёмного. Без сомнения, они хотят, чтобы мы все были мертвы.

— Это — другое, — сказала Илэйн. — Слово более... значимое. Я советую тебе какое-то время перестать острить и включить мозги.

— Будет трудновато, — заметила

Бергитте. — Если учесть, что мозгов у него не густо.

Мэт закатил глаза.

— Кажется, я что-то пропустил. А что же ты делала в треклятом подземелье, сидя в луже собственной крови и выглядя так, словно только что проиграла смертельную схватку?

— Я допрашивала Чёрных Айя, — сказала Илэйн. — Детали тебя не касаются. Бергитте, доклады с постов уже у тебя?

— Никто не видел, как Меллар сбежал, — ответила Страж. — Но на первом этаже мы обнаружили ещё тёплое тело секретаря. Умер от удара ножом в спину.

Илэйн вздохнула.

— Шийн?

— Исчезла, — сказала Бергитте, — вместе с Мариллин Гемалфин и Фалион Бода.

— Тень не могла их оставить у нас, — вздохнула Илэйн. — Они слишком много знали. И, в конечном итоге, должны были либо спастись, либо погибнуть.

— Ну, — сказал Мэт, пожимая плечами, — ты жива, а трое из них мертвы. Кажется, всё закончилось вполне удачно.

«Но у тех, кто сбежал, осталась копия твоего медальона», — подумала Илэйн. Однако вслух этого не произнесла. Она также не упомянула о

вторжении, о котором обмолвилась Чесмал. Она, конечно же, поговорит об этом в ближайшее время с Бергитте, однако сначала ей хотелось бы поразмыслить об этом самой.

Мэт решил, что ночные события «закончились вполне удачно». Но чем больше Илэйн думала об этом, тем большее недовольство испытывала. В Андор готовится вторжение, но она не знает, когда оно начнётся. Тень желает смерти Мэта, но, как сказала Бергитте, в этом нет ничего удивительного. На деле, единственным результатом вечернего приключения было только чувство усталости. Плюс неделя затворничества в собственных

ПОКОЯХ.

— Мэт, — сказала она, вынимая его медальон. — Держи, пора тебе его вернуть. Ты должен знать, что этой ночью он, вероятно, спас мне жизнь.

Молодой человек шагнул к Илэйн и нетерпеливо схватил *тер'ангриал*, затем помедлил:

— Удалось ли тебе...

— Скопировать его? Не совсем.

Но кое-что получилось.

Он надел медальон, выглядя заинтересованным.

— Что ж, приятно получить его обратно. Я давно хотел кое о чём тебя спросить. Хотя сейчас, возможно, и не время.

— Говори, — устало сказала
Илэйн. — Самое время.

— Что ж, речь идёт о голаме...

* * *

— Большинство гражданских
покинуло город, — произнёс Йоли,
когда они с Итуралде прошли сквозь
врата Марадона. — Мы живём рядом
с Запустением и не впервые
проводим эвакуацию. Моя родная
сестра, Сигрил, возглавляет
Последних Всадников, которые будут
вести наблюдение с горного хребта
на юго-востоке. Если мы падём, она
отправит послание нашим

сторожевым постам по всей Салдэе с просьбой о помощи. И зажжёт сигнальные огни, чтобы известить нас о приближении подмоги.

Человек с сухощавым лицом мрачно взглянул на Итуралде.

— Но мало кто сможет прийти нам на помощь. Королева Тенобия, отправляясь на поиски Возрождённого Дракона, многих забрала с собой.

Итуралде кивнул. Благодаря Антайлу, одному из Аша'манов, весьма искусному в Исцелении, он мог идти не прихрамывая. Солдаты Итуралде спешно разбили лагерь на площади за городскими воротами. Троллоки захватили оставленные

снаружи палатки и ночью, пожирая раненых, подожгли их, чтобы осветить своё пиршество. Итуралде разместил часть своего войска внутри пустующих зданий, но в ожидании штурма хотел, чтобы остальные располагались как можно ближе к воротам.

Аша'маны и Айз Седай работали без устали, исцеляя людей Итуралде, однако уделяли внимание лишь тяжёлым случаям. Итуралде кивнул Антайлу, который работал с ранеными на отгороженном верёвкой участке площади. Аша'ман не заметил приветствия. Он, сосредоточенно, покрывшись испариной, работал с Силой, о

которой Итуралде не хотел даже думать.

— Ты уверен, что хочешь их увидеть? — спросил Йоли. Он держал на плече длинное кавалерийское копье, наконечник которого украшал чёрно-жёлтый треугольный вымпел. Здешные салдэйцы называли его Знаменем Предателя.

Город ошетинился, различные группы салдэйцев с враждебностью посматривали друг на друга. Многие носили полосы чёрного и жёлтого сукна, переплетённые друг с другом и обвитые вокруг ножен мечей. При встрече они кивали Йоли.

«Десия гаванэ кьерто квейндар

изайн карентин», — подумал Итуралде. Фраза на Древнем Наречии означала: *«Твёрдое сердце стоит десяти аргументов»*. Он догадывался, что означает это знамя. Иногда человек знал, что должен сделать, хоть это и казалось неправильным.

Вдвоём они некоторое время шли по улицам. Марадон напоминал большинство городов Приграничья: прямые стены, квадратные здания, узкие улочки. Дома похожи на крепости, с маленькими окнами и прочными дверьми. Улицы причудливо извивались, соломенных крыш не было, только негорючая черепица. Засохшую кровь, пролитую

на нескольких главных перекрёстках, было трудно разглядеть на фоне тёмного камня, но Итуралде знал, что искать. Отряды Йоли пришли ему на помощь после драки между самими салдэйцами.

Они подошли к неприметному зданию. Постороннему никогда не догадаться, что это простое жилище принадлежит Враму Торкумену — дальнему родственнику королевы, назначенному в её отсутствие правителем города. Караульные на дверях носили жёлтые и чёрные цвета. Они отдали честь Йоли.

Войдя внутрь, Итуралде с молодым человеком поднялись по узкой лестнице на три пролёта.

Практически в каждой комнате находились солдаты. На верхнем этаже четверо мужчин, одетых в цвета Знамени Предателя, охраняли большие инкрустированные золотом двери. В коридоре было темно из-за узких окон-бойниц, ковёр чёрно-зелёно-красной расцветки добавлял ощущение мрачности.

— Есть о чём доложить, Тарран? — спросил Йоли.

— Не о чем, сэр, — ответил, отсалютовав, солдат. У него были длинные усы и кривые ноги привычного к седлу человека. Йоли кивнул в ответ:

— Спасибо, Тарран. За всё, что ты делаешь.

— Я с вами, сэр. До конца.

— Смотри на север, а свою любовь оставь на юге, мой друг, — произнёс Йоли, делая глубокий вдох и открывая дверь. Итуралде последовал за ним.

Внутри комнаты перед камином, потягивая вино из бокала, сидел салдэйец в богатом красном одеянии. В кресле напротив него за вышиванием сидела женщина в дорогом платье. Никто не поднял глаз.

— Лорд Торкумен, — сказал Йоли. — Это Родел Итуралде, командующий доманийской армией.

Человек около камина вздохнул над своим кубком вина:

— Ты не постучался, не дождался, пока я обращусь к тебе первым, и пришёл в то время, которое, как я говорил, необходимо мне для спокойных раздумий.

— В самом деле, Врам, — сказала женщина, — Вы ожидаете хороших манер от этого человека? Теперь?

Йоли незаметно положил руку на эфес меча. Комната была загромождена мебелью: у стены кровать, которой тут явно было не место, несколько сундуков и громоздких шкафов.

— Итак, — сказал Врам, — Родел Итуралде. Ты — один из великих полководцев. Я понимаю,

что вопрос может показаться оскорбительным, но я должен соблюдать формальности. Ты понимаешь, что введя войска на наши земли, ты рискуешь развязать войну?

— Я служу Дракону Возрождённому, — сказал Итуралде. — Грядёт Тармон Гай'дон, и все былые подданства, границы и законы, все — подчиняются воле Дракона.

Врам цокнул языком:

— Принявшие Дракона. Конечно же мне докладывали, и то, что ты используешь тех мужчин, выглядит очевидной подсказкой. Но всё равно странно это слышать. Ты что не

понимаешь, как глупо это звучит?

Итуралде посмотрел мужчине в глаза. Он не считал себя Принявшим Дракона, но что толку называть горой лошадь и ждать, что остальные с этим согласятся.

— Разве тебя не беспокоит вторжение троллоков?

— Троллоки и раньше были, — ответил Врам, — и будут всегда.

— Королева... — сказал Йоли.

— Королева, — прервал Врам, — скоро вернётся из своего похода, разоблачив и захватив этого Лжедракона. Как только это произойдёт, предатель, она тебя казнит. Ты, Родел Итуралде, вероятно, избежишь этой участи

благодаря своему статусу, но я бы не хотел оказаться на месте твоей семьи, когда они получают требование о выкупе. Я надеюсь, что твоё богатство соответствует репутации. В противном случае следующие годы ты проведёшь, командуя крысами в своей камере.

— Понятно, — сказал Итуралде. — Когда ты пал в Тень?

Глаза Брама широко раскрылись, и он встал.

— Ты смеешь называть меня Приспешником Тёмного?

— В своё время я знал многих салдэйцев, — сказал Итуралде. — Кого-то из них я называл друзьями, против других дрался. Но никогда не

видел таких, кто наблюдал бы за боем с Отродьями Тени, и не пришёл на помощь.

— Если бы у меня был меч... — сказал Врам.

— Чтоб ты сгорел, Врам Торкумен, — сказал Итуралде. — Я пришёл сюда, чтобы сказать тебе это от имени людей, которых я потерял.

Мужчина, казалось, был потрясён, Итуралде повернулся, собираясь уйти. Йоли присоединился к нему, закрыв за собой дверь.

— Ты не согласен с моим обвинением? — спросил Итуралде, присоединившись к изменнику, когда они вернулись на лестницу.

— Если честно, то не могу

решить: дурак он или Приспешник Тёмного, — ответил Йоли. — Чтобы не сопоставить воедино правду о зиме, этих облаках и слухи о том, что ал'Тор захватил половину мира, он должен быть или тем, или этим.

— Тогда тебе нечего бояться, — произнёс Итуралде. — Тебя не казнят.

— Я убил своих соотечественников, — сказал Йоли, — восстав против командира, назначенного моей королевой, и захватил командование в городе, хотя во мне нет ни капли благородной крови.

— Это изменится, как только вернётся Тенобия, я ручаюсь, —

ответил Итуралде. — Ты наверняка заработал себе какой-нибудь титул.

Йоли остановился на тёмной лестнице, освещённой только сверху и снизу.

— Я гляжу, вы не понимаете. Я нарушил клятву и убил друзей. Я сам буду требовать казни, это — моё право.

Итуралде охватил озноб. «*Проклятый Порубежник*», — подумал он.

— Присягни Дракону. Он отменяет все клятвы. Не трать свою жизнь попусту. Бейся рядом со мной в Последней Битве.

— Я не буду прикрываться оправданиями, Лорд Итуралде, —

сказал мужчину, продолжая
спускаться по ступенькам. — Так же
как и не стал наблюдать за гибелью
ваших людей. Идёмте. Давайте
взглянем на жильё для этих
Аша'манов. Я бы очень хотел увидеть
эти «врата», о которых вы говорите.
Если мы сможем использовать их для
отправки сообщений и получения
провизии, то осада может оказаться
очень интересной.

Итуралде вздохнул, но
последовал за ним. Они не
обсуждали отступление при помощи
врат. Йоли не оставит свой город. И
Итуралде вдруг понял, что он не
оставит Йоли с его людьми.
Особенно после того, что они

пережили, чтобы спасти его.

Место для обороны было подходящее. Лучшее из всех, где ему приходилось сражаться в последнее время. В этом он был убеждён.

* * *

Перрин вошёл в свой шатёр и застал Фэйли за расчёсыванием волос. Как же она прекрасна. Его до сих пор охватывало ощущение чуда от её возвращения.

Жена обернулась к нему и с довольным видом улыбнулась. Она причёсывалась новым серебряным гребнем — трофеем из Малдена,

который Перрин выменял у Гаула и оставил для неё на подушке. Если этот *шанна'хар* так важен для Фэйли, то Перрин тоже будет относиться к нему должным образом.

— Вернулись посланцы, — сказал он, закрывая полог. — Белоплащники выбрали место для боя. Свет, Фэйли! Они вынуждают меня их уничтожить.

— Так в чём проблема? — удивилась она. — Мы победим.

— Возможно, — ответил он, садясь на подушку рядом с их походной койкой. — Но, даже учитывая, что Аша'маны сделают большую часть работы, нам всё равно придётся драться. А это значит —

погибнут люди. Хорошие люди, которые будут нужны в Последней Битве. — Он с трудом разжал кулаки. — Испепели Свет этих Белоплащников за всё, что они наделали и что ещё сделают.

— Тогда вот тебе прекрасная возможность их разбить.

В ответ Перрин лишь проворчал, не став объяснять глубину своих переживаний. Бой с Белоплащниками будет проигран при любом исходе. С обеих сторон погибнут люди. Люди, которые им нужны.

Снаружи, отбросив тени на полотняном потолке, сверкнула молния. Фэйли подошла к сундуку,

вынула свою ночную рубашку и халат для него. Она считала, что у всякого лорда должен быть под рукой халат на случай, если он понадобится ночью. Она уже несколько раз оказывалась права.

Фэйли прошла мимо, от неё пахло волнением, хотя выражение лица было скорее весёлым. Он уже испробовал все варианты для мирного разрешения конфликта с Белоплащниками. Но всё шло к тому, что на его совести скоро вновь будут убийства, хочет он того или нет.

Он разделся и лёг, задремав ещё до того, как Фэйли закончила переодеваться.

Он скользнул в волчий сон

прямо под вонзённым в землю огромным мечом. Вдали он мог видеть холм, который Гаул назвал «прекрасной дозорной башней». Лагерь брал воду из ручья, протекавшего прямо за ним.

Перрин повернулся и побежал в сторону лагеря Белоплащников. Они были словно дамба на реке, перекрывая ему путь вперёд.

— Прыгун? — позвал он, оглядывая лагерь Белоплащников: неподвижно стоящие в открытом поле палатки. Ответа не было, поэтому Перрин ещё немного пошарил по лагерю. Балвер не узнал описанный Перрином герб на печатке. Так кто же стоял во главе

этих Белоплащников?

Даже через час Перрин так и не нашёл ответа на этот вопрос. Однако он был практически уверен в том, что узнал, в каких палатках хранят припасы — их не могли охранять столь же хорошо, как пленников, значит, с помощью переходных врат он мог их сжечь.

Возможно. Все письма их Лорда Капитана-Командора были испещрены фразами вроде: «ради твоих людей я готов поверить, что они не догадывались о твоей истинной натуре», «твои задержки испытывают моё терпение» и «есть только два выхода: или сдавайся для суда, или приводи свою армию на суд

Света».

В этом человеке было какое-то странное чувство чести — один раз Перрин заметил намёк на это во время их личной встречи, теперь он ощущал это даже в письмах. Но кем же он был? Каждое письмо было подписано всего лишь: «Лорд Капитан-Командор Детей Света».

Перрин переместился на дорогу. Где же Прыгун? Он помчался быстрее, и через несколько мгновений уже бежал по полю. Земля была столь мягкой, что при каждом шаге его ногу словно подбрасывало в воздух.

Он мысленно пошарил вокруг и что-то ощутил на юге. Перрин

помчался в ту сторону, ему захотелось бежать ещё быстрее, так и вышло — деревья и холмы замелькали мимо.

Волки уже знали о нём. Это была стая Танцующей-В-Дубах со Свободным-От-Оков, Искристым, Утренней Зарёй и другими. Перрин чувствовал, как они обменивались смутными намёками на образы и запахи. Перрин ускорился, почувствовав, как в ушах взревел ветер.

Волки стали уходить южнее. «*Подождите!* — мысленно обратился он к ним. — *Я должен с вами встретиться!*»

В ответ пришло только веселье.

Внезапно они объявились на востоке, он остановился и повернул. Он бежал изо всех сил, на которые только был способен, но едва он приближался, они тут же оказывались в другом месте. Они исчезли на юге и мгновенно появились на севере.

Перрин зарычал, и внезапно оказалось, что он бежит на четырёх лапах. мех распушился, а раскрытая пасть пила набегающий свистящий ветер. Но волки по-прежнему оставались недосыгаемы.

Он взвыл, они ответили насмешками.

Он заставил себя бежать ещё быстрее, перепрыгивая с одного

холма на вершину другого, через целые деревья — земля превратилась в размытое пятно. В мгновение ока слева появились Горы Тумана, но он их проскочил с лету.

Волки свернули на восток. Почему же он никак не может их догнать? Он чувствовал впереди их запах. Юный Бык завыл, но не получил ответа.

«Не являйся слишком сильно, Юный Бык».

Юный Бык встал как вкопанный, и мир вокруг него покачнулся. Стая продолжала путь на восток, но Прыгун сидел у излучины широкого ручья. Юный Бык бывал здесь раньше, рядом с логовом своих

предков. Он путешествовал по реке, сидя на спине одного из человеческих плавающих деревьев. Он...

«Нет... нет... вспомни о Фэйли!»

Его шерсть превратилась в одежду, и он оказался стоящим на четвереньках. Перрин посмотрел на Прыгуна:

— Почему ты убежал? — потребовал он ответа у волка.

«Ты хочешь учиться, — пришло послание от Прыгуна. — Ты становишься опытнее, быстрее. Ты расправил лапы и побежал. Это хорошо».

Перрин оглянулся назад, задумавшись о своей скорости. Он

перепрыгивал с одной вершины холма на другую. Это было чудесно.

— Но чтобы это делать, мне пришлось стать волком, — сказал Перрин. — И, по-твоему, это угрожает мне тем, что я окажусь здесь «слишком сильно». Какая польза от учёбы, если приходится делать то, что запрещено?

«Ты скор на обвинения, Юный Бык. Ты похож на молодого волка, который воеет и лает у логова, поднимая шум и гам. Истинные волки так не поступают».

Прыгун в мгновение ока исчез.

Перрин, зарычал, повернувшись на восток, где он почувствовал волков. Значит, он будет гнаться за

ними с оглядкой. Он не может себе позволить быть поглощённым волчьей натурой. Тогда он станет таким же, как угодивший в клетку и совершенно утративший человеческий облик Ноам. Вот только зачем Прыгун его к этому подталкивает?

«Истинные волки так не поступают». Что он имел в виду? Обвинение Перрина или же то, что с ним происходит?

«Стая знает, когда закончить охоту, Юный Бык, — передал издалека Прыгун. — И только тебя пришлось останавливать».

Перрин замер, остановившись на берегу реки. Та охота на белого

оленя. Неожиданно рядом появился Прыгун.

— Это началось с момента, когда я начал чувствовать волков, — передал Перрин. — А когда я наткнулся на тех Белоплащников, то впервые потерял над собой контроль.

Прыгун лёг, положив голову на лапы.

«Ты очень часто погружаешься сюда слишком сильно, — передал волк. — Это то, как ты поступаешь».

Прыгун повторял ему это время от времени с самого начала знакомства с ним и волчьим сном. Но внезапно Перрин увидел в его словах новый смысл. Это касалось и

волчьего сна, и самого Перрина.

За свои поступки в бою, за то, как он вёл себя в поисках Фэйли — он винит волков. Но разве волки были тому причиной? Или часть его самого? Может, именно она стала первопричиной его превращения в волчьего брата?

— Можно бежать на четырёх ногах, — спросил Перрин, — и не погружаться слишком сильно?

«*Конечно, можно*», — ответил Прыгун, рассмеявшись особым волчьим смехом, словно Перрин спросил о самой очевидной вещи на свете. А может, так оно и было.

Может, дело не в том, что он похож на волка, потому что он

волчий брат. Может, он волчий брат потому, что похож на волка. Ему не нужно их контролировать. Ему следует контролировать самого себя.

— А стая, — спросил Перрин, — как мне её догнать? Бежать быстрее?

«Это один из способов. Другой — оказаться там, где ты хочешь».

Перрин нахмурился. Затем закрыл глаза, и, используя направление, в котором бежали волки, подумал о том, где они окажутся. Что-то изменилось.

Открыв глаза, он очутился на песчаном холме, из которого пучками торчали длинные травинки. Справа возвышалась огромная гора с

расколотой вершиной, словно по ней ударила рука какого-то великана.

Из леса показалась стая волков. Многие посмеивались, мол, Юный Бык продолжает охотиться, когда охота уже должна заканчиваться! Юный Бык заканчивает охоту, а нужно ею наслаждаться! Он улыбнулся, стараясь не обижаться на насмешки, хотя на деле чувствовал себя почти как в тот день, когда кузен Вил обсыпал его из ведра мокрыми перьями.

Что-то затрепетало в воздухе. Куриное перо — влажное по краям. Перрин вздрогнул, заметив, что вокруг на земле были разбросаны перья. Но едва он моргнул, они

исчезли. Волки очень развеселились, передавая картину Юного Быка, обсыпанного с ног до головы перьями.

«Потеряешься в мечтах здесь, Юный Бык, — послал сообщение Прыгун, — эти мечты станут здесь реальными».

Борясь со смущением, Перрин почесал подбородок. Он и раньше сталкивался с непредсказуемостью волчьего сна.

— Прыгун, — сказал он, обращаясь к волку, — если я захочу, то насколько смогу изменить окружающий мир?

«Если захочешь? — спросил Прыгун. — Дело не в том, чего

хочешь ты, Юный Бык, а в том, что тебе нужно. В том, что ты знаешь».

Перрин нахмурился. Некоторые объяснения волка до сих пор сбивали его с толку.

Внезапно все остальные волки стаи как один повернулись и посмотрели на юго-запад. Потом они исчезли.

«Они направились сюда». — Прыгун передал образ далёкой покрытой лесом впадины. Волк приготовился последовать за ними.

— Прыгун! — шагая вперёд, сказал Перрин. — Как ты это узнал? То, куда они пошли? Разве они тебе сказали?

«Нет. Но я могу за ними следовать».

— Но как? — уточнил Перрин.

«Я это умел всегда, — ответил Прыгун. — Как ходить или прыгать».

— Да, но как?

От волка запахло замешательством.

«По запаху», — наконец ответил он, хотя образ был сложнее, чем один только запах. Это было и чувство, и впечатление, и запах в одном целом.

— Отправься куда-нибудь, — попросил Перрин. — Дай мне попытаться последовать за тобой.

Прыгун исчез. Перрин подошёл к месту, где только что был волк.

«Принюхайся», — передал ему Прыгун. Он был недалеко и мог послать сообщение. Рефлекторно Перрин мысленно потянулся и обнаружил десятки волков. Его изумило то, как много их оказалось здесь, на склоне Горы Дракона. Никогда раньше он ещё не чувствовал такого громадного количества волков в одном месте. Почему они здесь? И разве небо в этом месте не кажется грознее, чем в иных местах волчьего сна?

Перрин больше не чувствовал Прыгуна. Волк каким-то образом закрылся, не давая Перрину себя обнаружить. Перрин успокоился. Прыгун говорил, надо принюхаться.

Но как? Перрин закрыл глаза и позволил носу почувствовать запах окружающего места. Сосновые шишки, древесный сок, перья, листья, козеллист и болиголов.

И... что-то ещё. Да, он почувствовал что-то ещё. Отдалённый, устойчивый запах, не принадлежавший этому месту. Множество запахов были похожи — запах природы, здоровых деревьев. Но они смешивались с запахом мха и мокрого камня. Воздух был другой. С пылью и ароматом цветов.

Перрин плотно зажмурил глаза и глубоко вздохнул. Каким-то образом он выстроил в уме картину из этих запахов. По сути процесс

мало отличался от того, как волчье послание превращалось в слова.

«Туда», — подумал он. Что-то *сдвинулось*.

Перрин открыл глаза. Он сидел на поросшем соснами выступе на склоне Горы Дракона в нескольких часах ходьбы от того места, где только что находился. Камень был покрыт лишайником и возвышался над росшими ниже деревьями. Там, куда падал солнечный свет, взошла стайка сиреневых подснежников. Так приятно было снова видеть живые, не увядшие цветы, пусть и в волчьем сне.

«Иди, — позвал Прыгун. — *Следуй*».

И он исчез.

Перрин закрыл глаза и глубоко вдохнул — на этот раз вышло легче. Дуб и трава, глина и влага. Похоже, у каждого места есть свой неповторимый запах.

Перрин переместился и открыл глаза. Он сидел на корточках в поле неподалёку от Джеханнахского тракта. Здесь немного раньше проходила стая Танцующей-В-Дубах, и Прыгун, от которого пахло любопытством, обходил луг по кругу. Стая ушла, но оставалась неподалёку.

— Всегда ли это возможно? — спросил Перрин. — Чувствовать во сне запах, куда переместился волк?

«Это может каждый, —

ответил Прыгун. — *Если у него есть волчий нюх*». — Он улыбнулся.

Перрин задумчиво кивнул.

Прыгун вприпрыжку помчался к нему через весь луг. *«Нам нужно упражняться, Юный Бык. Ты всё ещё щенок с короткими лапками и мягким мехом. Мы...»* — Прыгун вдруг замер.

— Что случилось? — спросил Перрин.

Какой-то волк внезапно взвыл от боли. Перрин обернулся. Эта была Утренняя Заря. Вой оборвался, разум волка замерцал и пропал. Прыгун зарычал. От него пахло паникой, гневом и печалью.

— Что это было? — потребовал

ответа Перрин.

«На нас охотятся. Уходим, Юный Бык! Нам нужно идти».

Другие члены стаи умчались прочь. Перрин зарычал. Если волк умирает в волчьем сне, то он умирает навсегда. Не будет перерождения, не будет бега наперегонки с ветром. Единственным, кто мог охотиться на души волков, был Губитель.

«Юный Бык! — просил Прыгун. — Нужно уходить!»

Перрин продолжал рычать. Утренняя Заря передала прощальную вспышку удивления и боли, её последний взгляд на мир. Перрин постарался разобрать в этой путанице нужный образ. Потом он

закрыв глаза.

«Юный Бык! Нет! Он...»

Перемещение. Открыв глаза, Перрин обнаружил, что оказался на крохотной поляне, неподалёку от того места, где в реальном мире его подчинённые разбили лагерь. На корточках посреди поляны сидел смуглый, мускулистый, голубоглазый мужчина с тёмными волосами. У его ног лежал труп волка. У Губителя были мощные руки, и от него исходил странный, не совсем человеческий запах, словно человека соединили с камнем. На мужчине был тёмный плащ и одежда из кожи и чёрного сукна. Как раз когда Перрин его увидел, Губитель принялся

снимать с волка шкуру.

Перрин бросился вперед. Губитель удивлённо поднял голову. Станным, отталкивающим образом он напоминал Лана — жёсткостью черт лица, словно сплошь состоящего из углов и резких линий. Перрин взревел, размахнувшись внезапно очутившимся в его руках молотом.

Губитель в мгновение ока исчез, и молот Перрина прошёл сквозь пустоту. Перрин глубоко вдохнул воздух. След сохранился! Запах морской соли и мокрой от воды древесины. Чайки и их помёт. Перрин бросился в погоню, воспользовавшись своей новой способностью.

Перемещение.

Перрин очутился на пристани незнакомого ему города. Губитель стоял неподалёку, внимательно осматривая свой лук.

Перрин напал. Широко раскрыв глаза, Губитель поднял голову — судя по запаху, он был очень удивлён. Он поднял лук, блокируя удар, но Перрин разбил его вдребезги.

Перрин с рёвом занес оружие над головой, на этот раз целясь в голову Губителя, но, странно — Губитель улыбнулся, и в его тёмных глазах сверкнула искорка насмешки. Внезапно его запах изменился. Теперь он жаждал крови. Появившись в поднятой руке мечом

он блокировал новый удар Перрина.

Молот отскочил слишком сильно, словно удар пришёлся по камню. Перрин оступился. Губитель потянулся, положил руку на плечо Перрина и толкнул.

Он оказался *невероятно* сильным. Толчок опрокинул Перрина на пристань, но когда он упал, доски исчезли. Перрин пролетел сквозь пустой воздух и плюхнулся в воду. Его рёв сменился бульканьем, над головой сомкнулась тёмная жидкость.

Бросив молот, он изо всех сил попытался всплыть, но обнаружил, что поверхность воды необъяснимым образом покрылась льдом.

Возникшие откуда-то из глубины верёвки обвились вокруг рук и тянули на дно. Сквозь скованную льдом поверхность он увидел надвигающуюся тень. Губитель поднял восстановленный лук.

Лёд исчез, и часть воды тоже. С Перрина ручьём стекала вода, а он уставился на остриё нацеленной прямо ему в сердце стрелы. Губитель спустил тетиву. Перрин пожелал оказаться не здесь.

Перемещение. Охнув, он упал на камни места, где до этого был с Прыгуном. Мокрый от воды молодой человек упал на колени. Отплёвываясь, под бешеный стук сердца он вытер лицо.

Тяжело дыша, рядом возник
взбешённый Прыгун.

«Глупый-глупый щенок!
Погнался за львом, едва научившись
ходить?»

Перрина затрясло, и он сел.
Станет ли Губитель за ним гоняться?
Способен ли он на это? Прошло
несколько минут, но никто не
появился. Перрин немного
успокоился. Схватка с Губителем
произошла так быстро, словно в
тумане. И его сила... она больше, чем
у обычного человека. Тот лёд и
верёвки...

— Он меняет окружение, —
сказал Перрин. — Он заставил доски
подо мной исчезнуть, создал верёвки,

чтобы меня связать, и отогнал воду, чтобы беспрепятственно в меня выстрелить.

«Он лев. Он убивает. Он опасен».

— Мне необходимо этому научиться. Я должен с ним сразиться, Прыгун.

«Ты слишком юн. Это слишком для тебя сложно».

— Юн? — переспросил Перрин, вставая. — Прыгун, Последняя Охота уже совсем близко!

Прыгун лёг, опустив голову на передние лапы.

— Ты вечно повторяешь, что я юн, — продолжил Перрин. — Что я не знаю, что делаю. Зачем же тогда

меня учить, если не затем, чтобы объяснить, как сражаться с такими, как Губитель?

«Увидим, — передал Прыгун. — *А на сегодня хватит. Мы закончили*».

Перрин почувствовал в послании печальный подтекст, а также жирную точку. Сегодня стая Танцующей-В-Дубах вместе с Прыгуном будут оплакивать Утреннюю Зарю.

Вздохнув, Перрин сел, скрестив ноги. Он сосредоточился и попытался повторить действия Прыгуна, когда тот выталкивал его из сна.

Всё вокруг померкло.

Он проснулся на своей кровати в

тёмном шатре. Рядом, прижавшись, спала Фэйли. Перрин полежал некоторое время, уставившись в потолок. Темнота напоминала ему о грозовом небе в волчьем сне. Сонливость улетучилась и была столь же далека, как и Кэймлин. В конце концов он поднялся, осторожно отодвинувшись от Фэйли, и надел штаны и рубашку.

Лагерь был погружён в темноту, но для его глаз света было достаточно. Он кивнул двуреченцам — Кенли Мэрину и Джейму Доутри, охранявшим его палатку этой ночью.

— Который час? — спросил он одного из них.

— Уже за полночь, лорд Перрин, — ответил Джейм.

Перрин хмыкнул в ответ. Округу освещали далёкие вспышки молний. Он решил пройтись, и парни последовали за ним.

— Я обойдусь без охраны, — сказал он им. — Присмотрите за шатром. Леди Фэйли по-прежнему спит.

Его шатёр был почти на самом краю лагеря. Ему это нравилось. Соседство с холмом давало ему чувство некоторого уединения. Он прошёл мимо Гаула, который, несмотря на поздний час, точил своё копьё у поваленного ствола. Рослый Каменный Пёс поднялся и пошёл

следом, Перрин не стал его прогонять. Гаул считал, что в последнее время он недостаточно тщательно исполняет взятые на себя обязанности присматривать за Перрином, и поэтому удвоил усилия. Сам Перрин полагал, что это всего лишь предлог, чтобы держаться подальше от собственной палатки и пары обосновавшихся в ней женщин-гай'шан.

Гаул держался в отдалении, и Перрин был этому только рад. Так и должны чувствовать себя предводители? Ничего удивительного, что столько государств ведут постоянные войны — у их вождей вечно нет времени

пораскинуть мозгами, вот они и нападают на другие страны, чтобы люди перестали им докучать.

Недалеко от лагеря, в роще деревьев, он набрёл на небольшую поленницу. Его временный слуга Дентон, взятый до возвращения Ламгвина, нахмурился, когда Перрин стал расспрашивать об этом месте. Бывший мелкий лорд из Кайриэна, Дентон отказался возвращаться домой. Он решил, что он — слуга, и никому не удалось его переубедить.

Возле поленницы лежал топор. Это было не то смертоносное оружие с лезвием в виде полумесяца, которое Перрин когда-то брал в бой, а крепкий топор лесоруба с лезвием

из отличной стали и отполированной потными руками работяг рукояткой. Перрин засучил рукава, поплевал на руки и взял топор. Здорово было ощутить в них гладкое топорище. Он поднял топор на плечо, установил первое полено, отступил и ударил.

Удар пришёлся точно, в ночном воздухе во все стороны брызнули щепки. Чурбак раскололся надвое. Следом он расколол одну из половинок ещё раз. Гаул сел под деревом и снова принялся точить копье. Скрежет металла о металл накладывался на глухие удары топора по дереву.

Как это здорово. Отчего так выходит, что его мозг намного лучше

работает, когда он чем-нибудь занят? Лойал часто упоминал о том, чтобы сесть и подумать. Таким способом к Перрину не пришло бы ни одной дельной мысли.

Он чисто расколол следующее полено. Так верна ли его мысль? Не может ли его собственная природа, а вовсе не волчья, быть повинна в том, как он себя вёл? Раньше в Двуречье он ничего подобного не вытворял.

Очередное полено. «*У меня всегда хорошо выходило сосредоточиться*». Частично это то, что произвело впечатление на мастера Лухана. Дайте поручение Перрину, и тот не успокоится, пока его не выполнит.

Он расколол обе половинки этого полена.

Возможно, изменения в нём были результатом встречи с внешним миром. Он во многом винит волков и предъявляет к Прыгуну неестественные требования. Волки вовсе не простые и не глупые создания, но им нет дела до человеческих забот. Прыгуну очень сложно учить его так, чтобы Перрин мог понять.

И разве Прыгун ему что-нибудь должен? Прыгун умер в ту роковую ночь, давным-давно. В ночь, когда Перрин впервые убил человека, в ночь, когда он впервые потерял в бою контроль над собой. Прыгун ничего

Перрину не должен, но он уже несколько раз его спасал. На самом деле, Перрин понял, что именно вмешательство Прыгуна помогло ему не потерять свою личность и не превратиться в волка.

Он ударил по полену. Пришедшийся вскользь удар отбросил чурбачок в сторону. Он поставил его обратно и повторил. Тихий скрежет точильного камня Гаула его успокаивал. Он расколол и это полено.

Перрин и в самом деле всегда слишком погружался в выбранное дело. Это верно.

Но в то же время, если человек хочет чего-то достичь, он должен

работать над задачей до тех пор, пока она не будет выполнена. Перрин знал и таких, кто ничего не мог довести до конца. У них на фермах царил вечный беспорядок. Так жить он не смог бы.

Необходим баланс. Он как-то жаловался, что его вытащили в мир, набитый проблемами гораздо крупнее его самого. Жаловался, что он простой человек.

Что если он был не прав? Что если, напротив, он — сложный человек, который был вынужден жить простой жизнью? В конце концов, раз он такой простой, как его угораздило влюбиться в такую сложную женщину?

Куча колотых дров росла. Перрин наклонился, собирая получившиеся четвертушки. Пальцы обхватывали грубые волокна — его мозолистые пальцы. Ему никогда не стать похожим на какого-нибудь, впитавшего это с молоком, настоящего кайриэнского лорда. Но ведь были и другие лорды, такие как отец Фэйли. Или Лан, который больше походил на оружие, а не человека.

Перрин сложил дрова в поленницу. Ему нравилось вести стаю в волчьих снах, но волки не ждали, что он будет защищать их или содержать, или вводить для них законы. Они не жаловались, когда по

твоему приказу погибал тот, кого они любили.

Его беспокоила не роль предводителя как таковая, а то, что ей сопутствует.

Он почувствовал запах приближающегося Илайаса. Он пах почти как волк — природным земным запахом.

— Что-то ты припозднился, — обратился к нему Илайас, подходя ближе. Перрин слышал, как Гаул тихо убрал копье в чехол и отошёл, производя шума не больше, чем взлетевший воробей. Он будет поблизости, но не станет подслушивать.

Положив топор на плечо,

Перрин взглянул в тёмное небо.

— Иногда ночью я чувствую себя бодрее, чем днём.

Илайас улыбнулся. Перрин этого не видел, но почувствовал исходящий от него запах веселья.

— Ты когда-нибудь пытался избежать этого, Илайас? — спросил Перрин. — Не отвечать на их зов, делать вид, будто ты совсем не изменился?

— Да, — ответил Илайас. У него был тихий низкий голос, который почему-то напоминал рокот от дрожи земли вдалеке. — Хотел было, но потом Айз Седай решили меня укротить. И мне пришлось сбежать.

— Скучаешь по прежней жизни?

Илайас пожал плечами. Перрин услышал шорох одежды.

— Ни один Страж не желает бросать свои обязанности. Иногда важнее оказывается иное. Или... ну, более востребовано, что ли. Но я не сожалею о своём выборе.

— Я не хочу убегать, Илайас. И не буду.

— Я оставил прежнюю жизнь ради волков. Но это не значит, что ты должен поступить так же.

— А Ноаму пришлось, — сказал Перрин.

— Ему точно *пришлось*? — спросил Илайас.

— Это оказалось сильнее, и он перестал быть человеком.

Перрин почувствовал запах беспокойства. Илайасу нечего было ответить.

— Ты когда-нибудь встречался с волками во сне, Илайас? — спросил Перрин. — В том месте, где умершие волки вновь живут и бегают стаей?

Илайас повернулся, глядя на него.

— Это опасное место, Перрин. Другой мир, связанный с этим каким-то образом. Легенды утверждают, что туда могли входить древние Айз Седай.

— Другие люди тоже могут, — добавил Перрин, вспомнив о Губителе.

— Будь осторожен во сне. Я

держусь от него подальше. — От него пахло опаской.

— А у тебя были проблемы, — спросил Перрин, — с тем, чтобы отделить себя от волка?

— Было дело.

— Но теперь их нет?

— Я достиг равновесия, — ответил Илайас.

— Как?

Старший мужчина на мгновение замер.

— Сам хотел бы знать. Просто однажды я это понял, Перрин. И тебе тоже предстоит понять.

«Или закончить, как Ноам».

Перрин встретился взглядом с жёлтыми глазами Илайаса и кивнул:

— Спасибо.

— За совет?

— Нет, — ответил Перрин. — За то, что вернулся. За то, что доказал мне, что, по крайней мере, кто-то из нас может жить с волками и оставаться человеком.

— Не стоит, — сказал Илайас. — Я и забыл, как может быть здорово для разнообразия находиться в окружении людей. Хотя даже не знаю, насколько смогу здесь остаться. Близится Последняя Охота.

Перрин снова посмотрел на небо.

— Да, верно. Передай приказ Тэму и остальным. Я принял решение. Белоплащники выбрали

место для битвы. Я решил выступить и встретить их завтра.

— Отлично, — ответил Илайас. — Хотя твой запах выдаёт, что ты этого не хочешь.

— Это необходимо сделать, — сказал Перрин. — Вот и всё. — Каждый хотел, чтобы он стал лордом. Что ж, именно так лорды и поступают. Принимают решения, которые никто не решается принять.

Но всё равно, этот приказ вызывал у него отвращение. Он вспомнил видение — волков, гонящих овец навстречу притаившемуся чудовищу. Ему казалось, что именно так он и поступал, направляя Белоплащников

навстречу их гибели. И ещё они носили одежду цвета овечьей шерсти.

Но что предпринять с видением, где Фэйли с остальными подходят к крутому обрыву? Илайас ушёл, оставив его стоять с топором на плече. И Перрину вдруг показалось, что он рубил вовсе не дрова, а чьи-то тела.

Глава 25

ВОЗВРАЩЕНИЕ В БАНДАР ЭБАН

Ранд и Мин не стали афишировать своё прибытие в Бандар Эбан. Они появились из Врат в небольшом переулке вместе с Нэффом, высоким Аша'маном с квадратным подбородком, и двумя Девами-телохранительницами — Лериан и Хэйдией.

Девы проверили переулок и осторожно выглянули на пересекавшую его улицу. Ранд, одетый в коричневый плащ, шагнул

вперёд и положил руку на плечо нервничающей из-за недостаточной охраны Хэйдии, успокаивая стройную женщину.

С появлением Ранда тучи в небе над городом рассеялись. Мин взглянула на небо, наслаждаясь повеявшим на лицо солнечным теплом. В переулке стояла ужасная вонь от мусора и отбросов, но как раз подул тёплый ветерок, унося зловоние прочь.

— Милорд Дракон, — обратился к Ранду Нэфф, — мне не нравится эта затея. Вам следовало взять охрану побольше. Позвольте вернуться и взять с собой...

— Всё будет хорошо, Нэфф, —

ответил Ранд. Он обернулся к Мин и протянул ей руку.

Она сжала её в ответ, присоединяясь к нему. Нэфф с Девами, как и было приказано, следовали поодаль, чтобы не привлекать внимания.

Мин поражённо поднесла руку ко рту, едва они с Рандом вышли на один из многочисленных тротуаров доманийской столицы. Ранда не было всего несколько дней. Как город мог измениться так быстро?

Вдоль стен толпилось множество кутавшихся в одеяла больных и грязных людей. По тротуару было просто невозможно пройти. Им пришлось спуститься на

проезжую часть и идти по грязи. Люди кашляли и стонали, и Мин поняла, что зловоние не ограничивалось переулком. Казалось, провонял весь город. Когда-то многие здания были увешаны флагами, но теперь полотнища были сорваны и пущены на одеяла или на топливо для согрева.

В большинстве зданий были выбиты окна, внутри ютились беженцы. Люди обращивались на проходивших мимо них Мин и Ранда. Некоторые выглядели одержимыми, остальные — голодными и опасными. Много было доманийцев, но примерно столько же попадалось людей со светлой кожей. Вероятно,

это были беженцы с Равнины Алмот или из Салдэйи. Проходя мимо группы молодых громил, ошивавшихся у входа в переулок, Мин проверила нож в рукаве. Возможно, Нэфф был прав. Безопасностью тут и не пахнет.

— Точно так же я шёл по Эбу Дар, — тихо произнёс Ранд. Внезапно она почувствовала его боль. Страшную вину, разящую больнее раны в его боку. — Это тоже помогло мне измениться. Жители Эбу Дар счастливы и накормлены, не чета этим. Шончан правят лучше меня.

— Ранд, это не твоя вина, — сказала Мин. — Тебя здесь не было,

чтобы...

Его боль усилилась, и она поняла, что сказала что-то неправильное.

— Да, — тихо ответил он. — Меня здесь не было. Поняв, что не смогу использовать этот город как задумано, я его бросил. Я забыл, Мин. Я забыл, ради чего всё это. Тэм был прав. Человек должен знать, ради чего он сражается.

Ранд отправил отца в Двуречье с одним из Аша'манов, чтобы подготовить и собрать людей для Последней Битвы.

Ранд запнулся на ходу, внезапно показавшись очень усталым. Он присел на стоявший рядом ящик. У

соседней двери стоял меднокожий уличный мальчишка, заинтересованно глядя на него. На противоположной стороне куда-то в бок уходила небольшая улочка. На ней не было беженцев — вход в неё охраняли свирепого вида мужчины с дубинками.

— Они объединяются в банды, — тихо произнёс Ранд, ссутулившись. — Чтобы отвадить тех, кто покушается на их собственность, богатые нанимают крепких парней. Но истинное богатство сейчас — не золото или драгоценности. Сейчас это еда.

— Ранд, — сказала она, вставая рядом на колени. — Ты не можешь...

— Я знаю, что обязан продолжать, Мин, — пробормотал Ранд, — но больно сознавать, что я столько натворил. Превращаясь в сталь, я отказался от эмоций. Позволив себе вновь любить и смеяться, мне пришлось открыться и своим неудачам.

— Ранд, я вижу вокруг тебя солнечный свет.

Он взглянул на неё, затем перевёл взгляд на небо.

— Нет, не этот, — прошептала Мин. — В своём видении. Я вижу тёплый свет, разогнавший тёмные тучи. Я вижу тебя с ослепительно белым мечом в руке, сражающимся против безликой тьмы с чёрным

мечом. Я вижу вновь зеленеющие и плодоносящие деревья. Вижу поля с колосющимся добрым зерном. — Она помедлила. — И я вижу Двуречье, Ранд. Вижу гостиницу с дверью, украшенной вырезанным Клыком Дракона. Он больше не будет символом тьмы или ненависти. Он станет знаком победы и надежды.

Он не сводил с неё глаз.

Внезапно Мин уловила что-то боковым зрением. Она повернулась к сидящим на улице людям и ахнула. Над каждым из них был свой образ. Удивительно было видеть так много символов сразу, ярко вспыхивающих над головами больных, ослабевших и брошенных людей.

— Над головой того мужчины я вижу серебряный топор, — сказала она, указывая на бородатого нищего, который лежал у стены, опустив подбородок на грудь. — Он станет одним из командиров в Последней Битве. Та женщина, что угрюмо сидит в тени, будет учиться в Белой Башне и станет Айз Седай. Я вижу над нею пламя Тар Валона, и знаю, что это означает. А тот мужчина, который выглядит как разбойник с большой дороги, спасёт ей жизнь. Знаю, он не похож на такого человека, но и он будет сражаться. И все остальные. Я это вижу!

Она повернулась к Ранду и взяла его за руку.

— Ты обретёшь силы, Ранд, и справишься. Ты поведёшь их за собой. Я это знаю.

— Ты видишь это в своих видениях? — спросил он.

Она покачала головой.

— В этом нет нужды. Я верю в тебя.

— Я едва тебя не убил, — прошептал он. — Глядя на меня, ты видишь убийцу. Чувствуешь мою руку на своей шее.

— Что? Да нет же! Ранд, посмотри мне в глаза. Ты можешь чувствовать меня через узы. Разве ты ощущаешь во мне хоть каплю сомнений или страха?

Он встретился с нею своими

такими глубокими глазами. Она не отведёт взгляд. Она сможет посмотреть в глаза этого пастуха.

Он выпрямился.

— Ох, Мин. Что бы я без тебя делал?

Она фыркнула.

— Тебе покорились короли и айильские вожди, за тобой идут Айз Седай, Аша'маны и *та'верены*. Думаю, ты бы справился.

— Нет, — сказал Ранд. — Ты важнее всех прочих. Ты напоминаешь мне о том, кто я такой. Кроме того, ты рассудительнее большинства тех, кто зовёт себя моими советниками. Если б ты захотела, то могла бы быть королевой.

— Всё, что мне нужно — это ты, глупый увалень.

— Спасибо тебе. — Он помедлил. — Хотя можно обойтись и без многочисленных прозвищ.

— Жизнь несправедлива, не так ли?

Он улыбнулся. Затем, глубоко вздохнув, поднялся на ноги. Его чувство вины не исчезло, но он справился с ним так же, как и с болью. Поблизости оживились беженцы. Ранд повернулся к бородатому бедолаге, про которого говорила Мин — тот сидел, опустив ноги в грязь.

— Эй! — обратился тот к Ранду. — Ты ведь *он*. Возрождённый

Дракон.

— Да, — ответил Ранд. — Ты когда-то был солдатом?

— Я... — его взгляд устремился вдаль. — В другой жизни. Я служил в Королевской гвардии до того, как короля похитили. Прежде чем нас заполучила и расформировала леди Чадмар. — Казалось, когда он вспоминал о прошлом, из его глаз изливалась усталость.

— Превосходно, — сказал Ранд. — Нам необходимо восстановить порядок в городе, капитан.

— Капитан? — переспросил тот. — Но я... — Он вскинул голову, затем встал и отряхнулся. Внезапно,

несмотря на драную одежду и лохматую бороду, в нём почувствовалась еле уловимая военная выправка. — Что ж, полагаю, ты прав. Но сомневаюсь, что навести порядок будет легко. Люди голодают.

— Это моя забота, — сказал Ранд. — От тебя требуется собрать солдат.

— Здесь мало кого можно увидеть... нет, постой. Там Вотабек и Редборд. — Он махнул паре бандитов, которых ранее видела Мин. Не сразу, но они подошли ближе.

— Дарнхэм? — спросил один. — Чего надо?

— Пришло время пресечь беспорядки, — ответил Дарнхэм. — Нужно навести порядок и прибраться. Лорд Дракон вернулся.

В ответ один из бандитов плюнул. Это был коренастый доманиец с вьющимися тёмными волосами, смуглой кожей и тонкими усиками.

— Чтоб ему сгореть. Он нас бросил. Да я... — увидев Ранда, он осёкся.

— Простите, — произнёс Ранд, посмотрев ему в глаза. — Я подвёл вас. Это не повторится.

Мужчина оглянулся на товарища, пожавшего плечами в ответ.

— Лейн всё равно не собирается

платить. Можем попытать счастья здесь.

— Нэфф, — Ранд взмахом руки подозвал Ашам'ана. Мужчина и Девы, наблюдавшие в отдалении, приблизились. — Открой Врата обратно в Тир. Мне нужны форма, оружие и доспехи.

— Я мигом, — сказал Нэфф. — Солдаты принесут...

— Нет, — ответил Ранд. — Доставьте припасы, и складывайте их внутри того здания. Я расчищу внутри место для Врат, но никаких солдат. — Ранд перевёл взгляд на улицу. — Бандар Эбан достаточно пострадал от чужаков. С сегодняшнего дня здесь не будет и

ноги завоевателей.

Поражённая Мин отступила назад. Трое бывших солдат быстро выгнали из здания ютившихся там беспризорников. Увидев подростков, Ранд попросил их поработать посыльными. Те согласились. Соглашались все, кто какое-то время его видел.

Возможно, кто-то решил бы, что это какой-то вид Принуждения, но Мин была свидетелем того, как менялось выражение их лиц, видела, что в них вернулась надежда, заблестели глаза. Они разглядели в Ранде нечто такое, чему можно верить. Или, по крайней мере, на что можно надеяться.

Между тем, троица бывших солдат отправила нескольких мальчишек и девчонок за другими ветеранами, а Нэфф создал Врата. Через несколько минут из здания вышли трое самых настоящих военных в серебристых нагрудниках и в чистой зелёной одежде простого кроя. Они расчесали волосы и бороды, а также умылись, найдя немного чистой воды. Так, в мгновение ока, они перестали быть нищими и стали похожи на солдат. Слегка вонючих, но солдат.

Замеченная ранее Мин женщина, которая, по её мнению, непременно сумеет научиться направлять, подошла, чтобы

поговорить с Рандом. Перебросившись с ним парой слов, она кивнула и стала созывать мужчин и женщин, чтобы набирать воду из колодца. Недоумевающая Мин хмурилась, пока они не принялись отмывать лица и руки всех желающих.

Вокруг начал собираться народ. Кто из любопытства, кто-то в поисках защиты, а других просто подхватило водоворотом событий. Женщина с помощниками начала распределять приходящих по группам и отправлять по делам. Кто-то отправился на поиски больных и раненых, другие — принимать оружие и форму. Ещё одна женщина

принялась расспрашивать ребятишек, где их родители, если они у них есть.

Мин села на ящик рядом с Рандом. Всего за час под командованием капитана Дарнхэма и двух лейтенантов собрался отряд в пятьсот солдат. Многие из них с изумлением разглядывали свою чистую одежду и сверкающие нагрудники.

Со многими из них Ранд поговорил лично, прося прощения. Пока он разговаривал с одной из женщин, задние ряды толпы пришли в движение. Ранд обернулся и увидел появившегося старика, покрытого ужасными язвами. Толпа вокруг него расступилась, стараясь держаться

подальше.

— Нэфф! — позвал Ранд.

— Да, милорд?

— Приведи Айз Седай, —

приказал Ранд. — Людям нужно Исцеление. — Женщина, которая организовала набор воды, отвела старика в сторону.

— Милорд, — обратился капитан Дарнхэм, сделав шаг вперёд. Мин удивлённо моргнула. Мужчина успел раздобыть где-то бритву и сбрил бороду, оставив только доманийские усы и явив свету крепкий подбородок. Позади в качестве его телохранителей шло четверо солдат.

— Нам нужно больше места,

милорд, — объяснил Дарнхэм. —
Выбранное вами здание уже
переполнено, а люди всё прибывают,
запрудив улицу.

— Что вы предлагаете? —
спросил Ранд.

— Направиться в доки, —
ответил Дарнхэм. — Их держит один
из местных купцов. Бьюсь об заклад,
там найдётся несколько подходящих
пустых складов. Когда-то в них
хранили съестное... ну а сейчас там
пусто.

— А как же купец? — спросил
Ранд.

— Милорд, — ответил капитан
Дарнхэм, — думаю, вы справитесь.

Ранд улыбнулся, взмахом руки

приказал Дарнхэму вести, и протянул руку Мин.

— Ранд, — присоединяясь, сказала она, — им нужно продовольствие.

— Верно, — согласился он. Ранд взглянул на юг на расположенные рядом доки. — Там мы его и найдём.

— Но разве его не съели?

Ранд не ответил. Они возглавили вновь сформированную городскую стражу, одетую в зелёное с серебром. За спиной росла толпа воодушевившихся беженцев.

Гигантские доки Бандар Эбана были одними из самых величественных в мире. Они полумесяцем окружали основание

города. Мин была поражена, увидев, как много здесь кораблей, в основном Морского Народа.

«Всё верно, — подумала она. — Ранд просил их привезти в город продукты. Но они испортились. Уходя из города, Ранд получил известие, что все продукты на кораблях испорчены прикосновением Тёмного».

Кто-то перегородил дорогу в доки. Остальные подходы также оказались перекрытыми. При появлении отряда Ранда из-за баррикад робко стали выглядывать солдаты в форме.

— Ни с места! — выкрикнул чей-то голос. — Мы не хотим...

Ранд небрежно взмахнул поднятой рукой. Сложенная из мебели и досок баррикада загрохотала и со скрипом отползла в сторону. Её защитники закричали и разбежались кто куда.

Оставив осевшую баррикаду у края дороги, Ранд шагнул вперёд. Мин почувствовала его душевное спокойствие. На дороге стояла группа каких-то оборванцев с выпученными глазами, вооружённых дубинками. Ранд выбрал одного из тех, кто стоял в первых рядах.

— Кто запретил моим людям доступ в доки и решил приберечь все продукты для себя? Я хочу... поговорить с этим человеком.

— Милорд *Дракон*? — спросил чей-то удивлённый голос.

Мин посмотрела в ту сторону. Со стороны складов к ним спешил высокий худой мужчина в красном кафтане доманийского покроя. Его некогда дорогая рубашка с кружевами была грязной и измятой. Он выглядел изнурённым.

«*Как же его звали?* — Мин задумалась. — *Иралин, точно. Хозяин доков*».

— Иралин? — удивился Ранд. — Что тут происходит? Что ты здесь творишь?

— Что я творю? — с вызовом переспросил тот. — Я пытаюсь удержать людей подальше от

кораблей с испорченными продуктами! Всякий попробовавший их заболевает и умирает, но люди не слушают. Несколько отрядов ради еды пытались взять доки штурмом, и я решил, что не позволю им отравиться и умереть.

Никогда раньше Мин не видела его настолько рассерженным. Она помнила его миролюбивым.

— Леди Чадмар сбежала через час после вашего ухода, — продолжал Иралин. — Остальные члены Совета разбежались за день. Этот треклятый Морской Народ заявил, что не отчалит, пока они не разгрузят товары, или пока я не оплачу им другую работу. Так что

мне приходится ждать либо пока город не вымрет от голода, либо пока оголодавшие жители не поднимут бунт, нажрутся испорченных продуктов и перемрут. Вот что я здесь творю. А чем были заняты вы, милорд Дракон?

Ранд закрыл глаза и вздохнул. Он не извинился перед Иралином, как перед другими жителями. Возможно, он понимал, что это бессмысленно.

Мин сердито посмотрела на Иралина.

— Купец, ему приходится нести на своих плечах тяжёлую ношу. Он не может следить за всем и каждым...

— Всё в порядке, Мин, —

произнёс Ранд, открыв глаза и взяв её за руку. — Я это заслужил, Иралин. Перед моим уходом из города ты сказал, что все продукты на кораблях испортились. Вы проверили каждый бочонок и мешок?

— Я проверил достаточно, — с прежней враждебностью ответил Иралин. — Если, открыв сотню мешков, находишь в них одно и то же, общую картину понять нетрудно. Моя жена пыталась отыскать простой способ отделить хорошее зерно от плохого. Если оно ещё осталось.

Ранд направился к кораблям, Иралин последовал за ним, по видимости, удивлённый тем, что

Ранд не стал на него кричать. Мин присоединилась к ним. Ранд подошёл к одному из пришвартованных к пирсам тяжелогружённых кораблей. На борту стояло несколько человек Морского Народа.

— Я хочу побеседовать с Госпожой Парусов, — окликнул их Ранд.

— Это я, — ответила одна из женщин, с белыми прядями в тёмных прямых волосах и с татуировкой на тыльной стороне правой руки. — Милис дин Шалада Три Звезды.

— Я заключил сделку, — крикнул Ранд, — что сюда будут доставлены продукты.

— Вон тот тип не хочет принимать груз, — ответила Милис, кивнув в сторону Иралина. — Он не позволяет нам разгрузиться. Говорит, если мы попробуем, то по нам начнут стрелять из луков.

— Я бы не сдержал людей, — сказал Иралин. — Пришлось распространить по городу слух, что Морской Народ не отдаёт продукты.

— Видишь, что *по твоей милости* нам приходится терпеть? — обратилась Милис к Ранду. — Я начинаю задумываться о пользе нашей Сделки, Ранд ал'Тор.

— Ты отрицаешь, что я Корамур? — спросил Ранд, посмотрев ей прямо в глаза.

Казалось, она пытается, но не может отвести взгляд.

— Нет, — ответила Милис. — Думаю, что нет. Полагаю, вы хотите подняться на борт «Белого гребня»?

— Если позволишь.

— Тогда поднимайтесь, — сказала она.

Ранд в сопровождении Мин, Нэффа и обеих Дев поднялся по приставленному трапу. Следом на борт поднялся Иралин вместе с капитаном стражи и частью солдат.

Милис провела их к середине палубы, где находился люк в трюм. Первым, неловко помогая себе одной рукой, по трапу спустился Ранд. Мин спускалась второй.

Пробивающиеся сквозь щели в палубе лучи света освещали сложенные мешки с зерном. Воздух был густым от пыли.

— Мы с удовольствием избавимся от этого груза, — тихо произнесла Милис, спускаясь следом. — Он убивает крыс.

— Не думала, что это может вас расстроить, — удивилась Мин.

— Корабль без крыс словно океан без штормов, — ответила Милис. — Мы жалуемся и на то, и на другое, но, находя очередную дохлую крысу, моя команда начинает ворчать.

Тут валялось несколько открытых мешков с высыпавшимся

из них тёмным содержимым. Иралин упоминал о попытке отсеять хорошее зерно, но Мин не заметила ничего, что тут можно отсеять. Зерно было скукоженным и серым.

Ранд разглядывал открытый мешок, когда внутрь спустился Иралин. Последними появились капитан Дарнхэм с подчинёнными.

— Ничего не сохраняется более-менее долго, — сказал Иралин. — И не только это зерно. Люди захватили с собой зимние припасы со своих ферм. Всё испортилось. Мы все умрем. Так-то. Даже не доживём до треклятой Последней Битвы. Мы...

— Остынь, Иралин, — мягко произнёс Ранд. — Всё не так плохо,

как ты думаешь. — Он подошёл к одному из завязанных мешков и дернул за верёвку. Мешок свалился набок, и из него на палубу трюма хлынул золотистый ячмень без единого пятнышка порчи. Он выглядел так, словно его только что обмолотили — все зёрна плотные и налитые.

Милис ахнула.

— Что ты с ним сделал?

— Ничего, — сказал Ранд. —

Просто вы открывали плохие мешки. С остальными всё хорошо.

— Просто... — повторил Иралин. — Значит, мы открыли кучу испорченных мешков и не добрались ни до единого хорошего? Чушь какая-

то!

— Это не чушь, — ответил Ранд, положив руку на плечо мужчины. — Всего лишь маловероятно. Иралин, ты отлично справился. Прости, что бросил тебя в столь трудном положении. Я назначаю тебя в Совет Торговцев.

Иралин от удивления открыл рот.

Сбоку капитан Дарнхэм вскрыл ещё один мешок.

— Этот тоже хороший.

— И этот тоже, — произнёс его подчинённый.

— А здесь картофель, — доложил другой солдат, стоявший рядом с бочонком. — И выглядит

получше того, что рос у меня. И даже лучше, чем мне приходилось видеть. Совсем не завядший, как обычно бывает после зимы.

— Сообщите эту новость, — приказал Ранд солдатам. — Соберите людей и организуйте раздачу в одном из складов. Я хочу, чтобы зерно как следует охранялось. Иралин сообразил верно, что толпа может нагрянуть в доки. Но не раздавайте само зерно — тогда его будут копить, а затем менять. Нужны котлы и огонь, чтобы его готовить. Оставшееся перенесите на склады. И поторапливайтесь.

— Есть, сэр! — отчеканил капитан Дарнхэм.

— Собранные мною люди могут помочь, — добавил Ранд. — Они не станут красть. Им можно верить. Направьте их разгружать припасы и сжигать испорченные продукты. Здесь должны быть тысячи мешков с хорошим содержимым.

Ранд оглянулся на Мин.

— Идём. Нужно организовать Исцеление людей с помощью Айз Седай. — Он помедлил, увидев ошеломлённого Иралина. — Лорд Иралин, теперь вы — наместник этого города, а Дарнхэм — ваш командующий. Скоро у вас будет достаточно солдат, чтобы навести в городе порядок.

— *Наместник...* — повторил

Иралин. — Разве вы можете это сделать?

Ранд улыбнулся.

— Кто-то же должен.

Принимайтесь за работу. Её предстоит ещё много. Я могу задержаться здесь только на время, пока всё не наладится. На день или около того.

Ранд обернулся к трапу.

— На день? — спросил не тронувшийся с места Иралин. — Чтобы навести порядок? Мы так быстро не справимся. Как мы сможем?

— Полагаю, вы удивитесь, *лорд* Иралин, — ответила Мин, ухватившись за трап и начав

подниматься. — Лично меня он удивляет каждый день.

Глава 26

ПЕРЕГОВОРЫ

Перрин выехал верхом на Ходоке во главе большой армии. Знамя с волчьей головой не было поднято — насколько Перрину было известно, его люди выполнили приказ сжечь эти знамёна. Теперь он уже не был столь уверен в правильности этого решения.

В воздухе стоял странный запах. Запах затхлости. Подобный дух мог бы быть в запертой на год комнате. Ходок рысью выбрался на Джеханнахский тракт. Грейди и Неалд ехали бок о бок с Перрином, и

В их запахе чувствовалось нетерпение.

— Неалд, ты уверен, что уже готов? — спросил Перрин, поворачивая войско на юго-восток.

— Я чувствую себя полным сил, как раньше, милорд, — ответил Неалд. — Достаточно, чтобы убить нескольких Белоплащников. Всегда мечтал о такой возможности.

— Только глупцы ищут возможности кого-то убить, — сказал Перрин.

— Э... да, милорд, — сказал Неалд. — Наверное, мне следовало выразиться иначе...

— Необязательно об этом говорить, — перебил его Грейди.

— Что случилось? — спросил Перрин.

Грейди выглядел смущённым.

— Да ничего, на самом деле.

— Выкладывай, Грейди, — настаивал Перрин.

Немолодой Аша'ман сделал глубокий вздох.

— Сегодня утром мы попытались сделать Врата, чтобы отправить беженцев назад, и у нас ничего не вышло. Это уже случалось однажды. Плетения распустились и распались у нас на глазах.

Перрин нахмурился.

— Но остальные плетения работают?

— Остальные работают, — тут

же ответил Неалд.

— Как я сказал, милорд, — начал Грейди, — уверен, когда мы попробуем снова, всё получится. Мы просто давно не практиковались.

Маловероятно, чтобы им понадобилось Перемещение для бегства с поля боя, имея всего двоих Аша'манов на огромное войско. Но остаться без подобной возможности было довольно неприятно. Хорошо бы с другими плетениями не случилось того же самого. Перрину были нужны Грейди и Неалд, чтобы смешать ряды и расстроить атаку Белоплащников.

«Наверное, лучше повернуть назад», — подумал Перрин и сразу

же отбросил эту мысль. Ему не нравилось, что пришлось принять решение об атаке. Его выворачивало наизнанку от одной мысли о необходимости сражения между людьми, притом, что истинным их врагом был Тёмный. Но он был вынужден так поступить.

Они продолжали двигаться вперёд. Молот висел в ременной петле на боку. Прыгун считал, что между молотом и топором нет никакой разницы. Для волка одно оружие было похоже на другое.

Крылатая Гвардия Майена ехала сразу за Перрином, блистая красными нагрудниками, и была похожа на готовых спикировать на

добычу грациозных ястребов. Солдаты Аллиандре ехали следом — простые и непоколебимые, как готовые обрушиться на голову валуны. Двуреченские лучники — как молодые дубки, были гибки, но крепки. Айильцы казались гадюками с острыми, как бритвы, зубами, а Хранительницы Мудрости, неохотно следовавшие за ними, представляли собой мрачную грозовую тучу, кипящую непредсказуемой энергией. Перрин не знал, будут они сражаться за него или нет.

Остальная часть его войска производила не такое сильное впечатление. Тысячи человек самого разного возраста, более или менее

опытные: немного наёмников, немного беженцев из Малдена, немного женщин, которые, взяв пример с Дев Копья и *Ча Фэйли*, настояли на том, чтобы их обучали наравне с мужчинами. Перрин не возражал. Последняя Битва приближалась, и кто он такой, чтобы запрещать сражаться тем, кто этого хочет?

Перрин *думал* над тем, чтобы запретить Фэйли идти сегодня с ними, но он знал, к чему бы это привело. Вместо этого он поместил её позади, окружённую Хранительницами Мудрости и *Ча Фэйли*, в компании Айз Седай.

Он натянул поводья,

прислушиваясь к ритму марширующих ног. Мало у кого из беженцев были доспехи. Арганда называл их лёгкой пехотой. У Перрина для этого было другое название: «несмышлёныши с мечами». Почему они следовали за ним? Неужели они не понимают, что падут первыми?

Они ему доверяли. Испепели их Свет, они все доверяли ему! Он положил руку на молот, чувствуя запах влажного воздуха, смешанный со страхом и предвкушением. Гром копыт и шагов, напоминавший ему о чёрном небе. Гром без молнии. Молния без грома.

Поле, выбранное для битвы,

было впереди: широкий зелёный луг с выстроившимся на дальнем его конце строем войск в белой одежде. Армия Белоплащников сверкала идеально начищенными серебристыми нагрудниками и безупречно белыми табардами и плащами. Этот луг был отличным местом для боя. С другой стороны, здесь можно было бы посеять рожь.

«Чтобы понять вещь, надо сначала понять её составляющие и предназначение».

Какое предназначение у его боевого топора? Убивать. Это то, для чего он был сделан. Это всё, для чего он пригоден.

Но молот был совершенно

иным.

Перрин резко остановил Ходока. Следом остановились Аша'маны и вся колонна. По мере замедления отряды сбивались в кучу. Раздавшиеся приказы перекрыли топот ног.

Воздух был неподвижным, небо над головой тоскливым. Из-за пыли в воздухе и запаха пота от изнывающих под тяжестью брони людей, Перрин не мог учуять запаха травы или росших в отдалении деревьев. Лошади храпели, некоторые из них принялись щипать траву. Остальные переминались с ноги на ногу, чувствуя напряжение своих всадников.

— Милорд? — спросил Грейди. — Что случилось?

Армия Белоплащников была готова к бою, впереди был построен клин кавалерии. Они ждали, подняв копья вверх, готовые пустить их в ход и пролить кровь.

— Топор только убивает, — ответил Перрин, — но молот может как создавать, так и убивать. В *этом* разница.

Внезапно это обрело смысл. Это и было причиной, по которой ему следовало выбросить топор. С молотом он может *выбирать*. Его не могут заставить убивать.

Он повернулся к стоявшему неподалёку вместе с несколькими

Девами Копья Гаулу.

— Мне нужны Айз Седай и Хранительницы Мудрости, здесь и прямо сейчас. — Перрин помедлил. — Айз Седай передай приказ, а Хранительниц *попроси* тоже прийти. И отдай приказ двуреченцам выдвинуться вперёд.

Гаул кивнул и побежал выполнять поручение. Перрин повернулся к Белоплащникам. Несмотря на все их недостатки, они считали себя людьми чести. Они не начнут атаку до тех пор, пока Перрин не займёт позицию.

Группа Хранительниц Мудрости и Айз Седай присоединилась к нему в голове колонны. Он заметил, что

Фэйли тоже подъехала. Что ж, он сам *сказал* ей держаться рядом с ними. Он подал жене руку, приглашая присоединиться. Двуреченцы заняли позицию на фланге войска.

— Гаул сказал, что ты был очень вежлив, — заметила Эдарра, — это значит, что ты хочешь от нас чего-то такого, что может нам не понравиться.

Перрин улыбнулся.

— Я хочу, чтобы вы помогли мне предотвратить эту бойню.

— Ты не хочешь танцевать с копьями? — удивилась Эдарра. — Я немного слышала о том, что эти люди в белом творили в мокрых землях, и мне кажется, что они носят

белое, чтобы скрыть всё то тёмное, что кроется внутри них.

— Они запутались, — ответил Перин. — Ладно, очень сильно запутались. Свет, да все их надежды пошли прахом. Но нам не нужно с ними сражаться. Последняя Битва близко. Если мы будем поддерживать междоусобицы, мы проиграем Тёмному.

Эдарра засмеялась.

— Хотела бы я посмотреть, как кто-то скажет это Шайдо, Перрин Айбара. Или, ещё лучше, посмотреть, как кто-то предлагает это тебе, взяв в плен твою жену.

— Шайдо заслуживали смерти, — ответил Перрин, — но я

не уверен на счёт Белоплащников. Может, достаточно как следует их напугать. Я хочу, чтобы вы и Айз Седай взорвали землю перед их войском.

— Ты просишь сделать то, чего не должен просить, Айбара, — строго сказала Сеонид, — мы не будем принимать участие в твоей битве.

Миниатюрная Зелёная встретила с ним взглядом, её голос был твёрд и резок.

— Вы не принимаете участие в битве, — ответил Перрин, — вы помогаете избежать её.

Сеонид нахмурилась.

— Боюсь, это ничего не меняет.

Взрыв земли — это использование Единой Силы в качестве оружия. Мы можем нанести вред людям. Мне жаль.

Перрин стиснул зубы, но не стал настаивать. Хранительниц Мудрости и Аша'манов должно хватить. Он повернулся к двуреченцам.

— Тэм, прикажи людям приготовить луки и быть готовыми сделать залп.

Тэм кивнул и отправил посыльного передать приказ остальным. Двуреченцы построились. Для большинства луков дистанция была слишком велика, но хороший выстрел из длинного двуреченского лука мог её покрыть.

Перрин кивнул Хранительницам Мудрости, потом махнул Аша'манам. Прежде чем что-то ещё было сказано, земля перед Белоплащниками взорвалась. Грохот пронёсся над лугом, комья грязи взлетели в воздух. Грейди и Неалд направили своих лошадей вперёд.

Кони Белоплащников попятились, люди в ужасе закричали. Но небольшая группа людей в первых рядах не казалась смущённой взрывами и держала своих животных под контролем. Должно быть это их предводители. Действительно, глаза Перрина различали находящегося там самого Лорда Капитана-Командора.

Комья грязи вновь взлетели в

воздух, открыв взорам возникшую в земле траншею. На лицах Хранительниц Мудрости отразилась сосредоточенность, которая появляется, когда человек направляет Силу.

— Кто-нибудь из вас может усилить мой голос? — спросил Перрин.

— Я могу, — ответил Грейди, — я видел, как однажды это делал М'Хаэль.

— Отлично, — сказал Перрин, поворачиваясь к Тэму, — как только они закончат, прикажи сделать пару залпов. Попробуйте добить до траншеи.

Несколько мгновений спустя

взрывы кончились. Двуреченцы натянули луки и пустили стрелы. Толстые древка вспорхнули по дуге, и скоро трещина в земле обросла стрелами. Перрин следил за армией Белоплащников. Их ряды пришли в полный беспорядок.

Лязг брони, сопровождаемый топотом копыт, известил о прибытии Арганды. Глаза Первого Капитана Гэалдана остро смотрели из-под шлема с перьями.

— Зачем это было нужно, если мне позволено спросить, лорд Айбара? — от Арганды пахло враждебностью, — Вы только что уничтожили наше преимущество! Воспользовавшись неожиданностью,

мы могли убить тысячи
Белоплащников и полностью
нарушить их наступательный порыв.

— Да, — ответил Перрин.

Фэйли ехала с другого бока.

— И теперь они это знают.

Взгляни на их ряды, Арганда. Они
обеспокоены. Белоплащники

понимают, через что им придётся
пройти, чтобы на нас напасть. Если
это было всего лишь
предупреждение, то что же я
придержал для реальной битвы?

— Но это было на пределе
наших возможностей, — заметила
Фэйли.

— Они этого не знают, —
усмехнулся Перрин, — с нашей

стороны было бы глупо раскрывать всё, на что мы способны, в подобном превентивном ударе.

Арганда прикусил язык, но было очевидно, что он думал о том же. Он был солдатом до мозга костей. Он был топором. В этом не было ничего плохого, но Перрин должен быть молотом. Когда он отдавал приказ, люди подобные Арганде убивали.

— Грейди, — сказал Перрин, — усиль мой голос, пожалуйста. Я не буду против, если наша армия тоже услышит, что я скажу.

— Это я могу сделать, — ответил Грейди.

Перрин глубоко вздохнул и заговорил:

— Я — Перрин Айбара! — его голос прогрохотал над равниной. — Я — друг Возрождённого Дракона, и здесь я по его приказу. Моя армия движется на Последнюю Битву. Лорд Капитан-Командор, вы вызвали меня на встречу, и мы встретились на ваших условиях. Теперь я прошу оказать мне ответную честь и прошу о встрече вас. Если вы однозначно решили убить меня прежде, чем я выступлю против Тени, хотя бы окажите мне услугу и дайте мне последнюю возможность предотвратить кровопролитие сегодня!

Он кивнул Грейди, и Аша'ман отпустил плетение.

— У нас есть шатёр, в котором мы могли бы провести переговоры?

— Только в лагере, — ответила Фэйли.

— Я могу попробовать сделать врата, — сказал Неалд, потирая усы, или тот пушок на его лице с навощёнными кончиками, который он называл усами.

— Попробуй.

Неалд сконцентрировался. Ничего не вышло. Молодой человек покраснел до корней волос.

— Не работает. Ни Перемещение, ни Скольжение.

— Понятно, — сказал Перрин, — Надо отправить гонца. Мы должны установить здесь шатёр

через несколько минут. Не знаю, согласятся ли они встретиться, но я хочу быть готовым на случай, если они явятся. Приведи Берелейн и Аллиандре, и, пожалуй, ещё кого-нибудь с напитками, креслами и столом из моей палатки.

Приказы были отданы, и двуреченец по имени Робб Солтер поскакал назад в сопровождении Дев Копья. Белоплащники, казалось, раздумывали над предложением Перрина. Прекрасно.

Арганда и большинство других разошлись, чтобы оповестить своих подчинённых о происходящем, но было маловероятно, что кто-то не услышал слов Перрина. Все были при

деле, и Перрину оставалось только ждать, устроившись поудобнее в седле.

Фэйли бочком подвела свою лошадь к нему поближе. Судя по запаху, она была заинтригована.

— Ну что? — спросил Перрин.

— В тебе что-то изменилось. Я пытаюсь понять, что.

— Я просто тяну время, — ответил Перрин, — я ещё не принял решения. Но я не хочу убивать этих людей. Пока что не хочу. До тех пор, пока у меня не останется иного выбора.

— Они не отступят, муж мой, — ответила Фэйли, — они уже вынесли тебе приговор.

— Посмотрим, — сказал Перрин. Он взглянул на небо, размышляя о странном запахе и о том, что Аша'маны не смогли создать переходные врата. В волчьем сне Губитель бродил в тех же местах, и там была эта стена из стекла. В воздухе было что-то неправильное, его запах вызывал у Перрина зуд всех чувств. Надо быть осторожным. Надо быть готовым.

Молот может и убивать, и создавать. Перрин не знал, в какой из двух ситуаций он находится. Он не хотел наносить удар до того, как поймёт.

Галад стоял на покрытом травой лугу, который должен был стать полем битвы, и смотрел на траншею в земле, утыканную сотней стрел.

Он был готов к Айз Седай. Она не может нанести никому вред, пока ей и её Стражу ничего не угрожает, и Галад отдал очень чёткие указания своим людям *не* атаковать и даже не приближаться к Айз Седай. Каждый Чадо, увидевший Айз Седай, должен немедленно остановиться и опустить оружие. Если дать понять, что им ничего не угрожает, Сёстры будут совершенно бесполезны в битве.

Многие Дети в это не верили. Они называли разговоры про Три Клятвы преднамеренной ложью. Но

они никогда не жили в Белой Башне. Галад не любил большинство Айз Седай и уж точно не доверял им, но знал, что клятвы *действительно* работали.

Переговариваясь, люди Галада вернулись в строй. Он посмотрел в зрительную трубу, рассматривая передовые порядки армии Айбары. Люди в чёрных мундирах. Несколько айильских женщин, включая одну из тех, кто явился с Айбарой на первую встречу. Она, без сомнения, могла направлять. Галад представил себе взрывающуюся под ногами его армии землю, выбитую из сёдел кавалерию, падающих в траншеи людей, и сбитые с толку задние ряды, которые

становятся добычей для этих убийственных длинных двуреченских луков.

Борнхальд со злостью на лице подъехал к Галаду.

— Я надеюсь, мы не пойдём на переговоры?

Галад опустил зрительную трубу.

— Думаю, нам придётся.

— Но мы уже с ним встречались! — возразил

Борнхальд. — Ты сказал, что хочешь увидеть его глаза как доказательство того, что он — Отродье Тени, и ты их увидел. Что ещё тебе нужно?

Байар подвёл коня ближе. Последнее время он часто вел себя как телохранитель Галада.

— Ему нельзя доверять, милорд
Капитан-Командор.

Галад кивнул в сторону траншеи.

— Он мог уничтожить нас этой
атакой.

— Я согласен с Байаром, —
сказал Борнхальд, — он хочет тебя
выманить и убить, чтобы нас
деморализовать.

Галад медленно кивнул:

— Я не исключаю такого
поворота событий, — он повернулся
к Лорду-Капитану Харнешу, который
ехал рядом. — Если я погибну, я хочу,
чтобы ты командовал атакой.
Атаковать беспощадно; я отменяю
своё распоряжение по поводу Айз
Седай. Если вам покажется, что кто-

то направляет, убивайте его немедленно. Рассматривайте это как первоочередную задачу. Очень может быть, что мы не понимаем того, что здесь на самом деле происходит.

— Но вы всё равно идёте? — спросил Борнхальд.

— Да, — ответил Галад. Он позволил Борнхальду и Байару убедить себя в необходимости этой битвы, но теперь он задумался, не было ли это решение поспешным. Он *видел* эти глаза, и он слышал показания обоих Чад и некоторых спутников Айбары. Битва казалось верным решением.

Но Айбара был прав. Он пришёл на встречу с Галадом, когда тот

попросил его об этом. Возможно, существовал способ предотвратить кровопролитие. Галад не верил в это, но если был шанс, то отложить битву было правильным решением. Всё очень просто.

Борнхальд выглядел недовольным. Было легко понять его злость на человека, убившего его отца, но это не должно влиять на поступки Детей Света.

— Ты можешь отправиться с нами, чадо Байар. Лорды Капитаны должны остаться здесь в рядах солдат, чтобы Айбара не оставил нас без командиров.

Харнеш отсалютовал. Борнхальд неохотно последовал за Галадом, как

и Байар, в чьих глазах пылало яростное рвение, сравнимое со злостью Борнхальда. Обоим досталось пережить поражение и унижение от Айбары. Галад взял пятьдесят Чад в качестве охраны. Они ехали позади, в боевом порядке.

К моменту их прибытия, шатёр уже был установлен. Простой, с прямой крышей, он представлял собой натянутое между четырьмя столбами некогда серое побуревшее полотно. Под ним стояли маленький квадратный стол и два стула.

Айбара сидел с одной стороны стола. При приближении Галада он поднялся. Сегодня на могучем мужчине был зелёный кафтан и

коричневые штаны, все вещи добротнo сшитые, но простые. На боку висел молот. В его одежде чувствовалась его близость к природе. Нет, это был не придворный, а человек полей и лесов. Лесоруб, который стал лордом.

Рядом с шатром стояли двое двуреченцев с мощными длинными луками в руках. Люди из тех мест были известны как свободные фермеры и пастухи старой, крепкой породы. И они пошли за Перрином Айбарой.

Галад двинулся к шатру. Байар и Борнхальд присоединились к нему, остальные пятьдесят верховых

остались снаружи.

На этих переговорах, в отличие от предыдущих, присутствовали Айз Седай. Галад распознал как минимум трёх. Невысокая кайриэнка, вторая — стройная, симпатичная женщина в простом платье, и коренастая женщина, чьи многочисленные косички указывали на её вероятное тарабонское происхождение. Они стояли рядом с группой айильских женщин в шальях под охраной горстки Дев Копья. Присутствие Айил служило верным подтверждением слов о том, что Айбара был послан Возрождённым Драконом.

Рассматривая остальных присутствующих в павильоне людей,

Галад как бы невзначай положил руку на эфес меча.

Затем он замер. За спиной Айбары стояла невероятно красивая женщина. Нет, она была не просто красивая, она была *ослепительна*. Чёрные волосы струились вниз по шее. Казалось, они блестели. Она была в красном платье, достаточно тонком, чтобы подчеркнуть её формы, и с достаточно глубоким вырезом, чтобы показать пышную грудь.

А эти глаза. Такие тёмные, с красивыми длинными ресницами. Ему казалось... что эти глаза притягивают его. Почему эта женщина не пришла на предыдущие

переговоры?

— Ты выглядишь удивлённым, — произнёс Айбара, садясь. Его голос был хриплым. — Леди Первенствующая здесь по приказу Дракона Возрождённого, так же, как и я. Неужели ты не заметил флаг Майена над моим войском?

— Я, — Галад резко закрыл рот и поклонился женщине. Берелейн сур Пейндраг Пейерон? О ней говорили как об удивительной красавице, но все эти истории не могли передать её реальную красоту. Галад с трудом оторвал свой взгляд от неё и заставил себя сесть напротив Айбары. Ему надо было сконцентрироваться на своём

противнике.

Эти золотые глаза, что выбивали из колеи, были точно такими, какими он их запомнил. Смотреть в них было очень странно. Несомненно, этот человек не мог быть *никем* иным, кроме Отродья Тени. Почему же столько людей следуют за этим чудовищем? Почему *она* следует за этим чудовищем?

— Спасибо, что пришёл, — сказал Айбара. — Наша последняя встреча прошла в спешке. В этот раз мы сделаем всё, как положено. Тебе следует также знать, что женщина, стоящая за моей спиной — это Аллиандре Марита Кигарин, Благословленная Светом королева

Гэалдана, Защитница Гаренской Стены.

Значит, эта величественная темноволосая женщина — правящая королева Гэалдана. Конечно, в беспорядках, которые царили здесь последнее время, не менее полудюжины людей пытались отстоять свои права на трон. Она была привлекательной, но рядом с Берелейн её красота блекла.

Перрин кивнул в сторону третьей женщины.

— Это Фэйли ни Башир т'Айбара, моя супруга и родственница королевы Салдэйи.

Жена Айбары рассматривала Галада с подозрением. Да, судя по её

носу, она однозначно была салдэйкой. Борнхальд и Байар не знали о её родственных связях с королевой.

Два монарха в одном павильоне, и оба на стороне Айбары. Галад встал и поклонился Аллиандре, чтобы выказать ей сравнимую с Берелейн честь.

— Ваше Величество.

— Вы очень вежливы, Лорд Капитан-Командор, — произнесла Берелейн, — и очень элегантно кланяетесь. Не расскажете мне, где вы обучались?

Её голос был сродни музыке.

— При дворе Андора, миледи. Я

— Галад Дамодред, пасынок

покойной королевы Моргейз и сводный брат Илэйн Траканд, законной королевы Андора.

— А, — сказал Перрин, — ну наконец-то я узнал, кто ты. Жаль, ты не сказал этого в прошлый раз.

Берелейн посмотрела в его глаза и улыбнулась. Выглядело так, словно она хотела выйти вперёд, но сдержалась.

— Галад Дамодред. Да, я *подумала*, что-то в твоём лице показалось мне знакомым. Как поживает твоя сестра?

— Я надеюсь, у неё всё хорошо, — ответил Галад, — я довольно долго её не видел.

— У Илэйн всё хорошо, —

ответил Перрин хрипло, — последнее, что я слышал, а это было буквально пару дней назад, ей удалось укрепиться на троне. Не удивлюсь, если теперь она соберётся выйти замуж за Ранда. Если у неё получится вытащить его из того государства, которое он сейчас пытается завоевать.

Байар тихо зашипел за спиной Галада. Намеренно ли Айбара пытается его оскорбить, указав на связь Илэйн и Возрождённого Дракона? К сожалению, Галад слишком хорошо знал свою сестру. Она была импульсивна, и она демонстрировала непристойное внимание к ал'Тору.

— Моя сестра вольна поступать так, как считает нужным, — сказал Галад, удивившись тому, как легко он смог скрыть своё раздражение на Илэйн и Возрождённого Дракона. — Мы здесь, чтобы обсудить тебя, Перрин Айбара, и твоё войско.

Айбара подался вперёд, положив обе руки на стол.

— Мы оба знаем, что это не имеет никакого отношения к моему войску.

— К чему же тогда это имеет отношение? — спросил Галад.

Айбара встретился с ним взглядом своих противоестественных глаз.

— К паре Детей Света, которых

я убил два года назад. У меня возникает ощущение, что каждый раз, когда я оборачиваюсь, я вижу за спиной несколько Белоплащников, готовых укусить меня за пятки.

Не часто встретишь убийцу, который так открыто говорит о содеянном. Галад услышал позади шорох меча, вынимаемого из ножен, и поднял руку.

— Чадо Борнхальд! *Следи за собой.*

— *Двоих Детей Света, Отродье Тени?* — яростно выплюнул Борнхальд. — А как насчёт моего отца?

— К его смерти я не имею никакого отношения, Борнхальд, —

ответил Айбара, — Джефрама убили шончан. Мне очень жаль, для Белоплащика он был удивительно благоразумным человеком. Даже несмотря на то, что пытался меня повесить.

— Он пытался повесить тебя за убийства, в которых ты только что сознался, — спокойно сказал Галад, взглянув на Борнхальда. Тот сунул меч обратно в ножны, но его лицо налилось кровью.

— Это не было убийством, — возразил Перрин, — они напали, я защищался.

— Я слышал, дело было иначе, — продолжал Галад. В какую игру играет этот человек? — У меня

есть клятвенные показания, что ты прятался в скальной расщелине. Когда наши люди попросили тебя выйти оттуда, ты с криком выскочил и напал на них, но они тебя не провоцировали.

— О, они ещё как спровоцировали меня, — ответил Айбара, — твои Белоплащники убили моего друга.

— Женщину, которая была с тобой? — спросил Галад. — Насколько мне известно, ей удалось убежать оттуда в целости и сохранности.

Он был потрясён, услышав от Борнхальда *то* имя. Эгвейн ал'Вир. Ещё одна женщина, которая

предпочитает опасную компанию.

— Нет, не её, — сказал Перрин, — а друга по имени Прыгун. И после него ещё одного его товарища. Они были волками.

Этот человек сам себя утопил.

— Ты водишься с волками, которые известны как создания Тени?

— Волки отнюдь не создания Тени, — отрезал Айбара, — они ненавидят Отродий Тени не меньше, чем любой известный мне человек.

— И как это может быть тебе известно?

Айбара не сказал больше ни слова. Он явно что-то недоговаривал. Байар утверждал, что этот человек

может приказывать волкам и бегают с ними, словно сам был волком. Именно эти показания — хотя и не только они — убедили Галада, что битва была единственным выходом. И сейчас он видел, что, возможно, Байар несколько не преувеличивал.

Но пока что не было смысла на этом останавливаться. Айбара сам признался в совершённом убийстве.

— Я не принимаю убийство волков в оправдание, освобождающее тебя от ответственности, — сказал Галад. — Многие охотники убивают волков, которые нападают на их стада или угрожают их жизни. Дети Света всё сделали правильно. Ты напал на них, значит, ты совершил

неспровоцированное убийство.

— Всё было гораздо сложнее, — пожал плечами Айбара, — но не думаю, что смогу тебя убедить.

— Меня сложно убедить в чём-то, что не является правдой, — ответил Галад.

— Значит, ты всё равно от меня не отстанешь, — сказал Айбара.

— Тогда мы в тупике, — ответил Галад, — ты признался в преступлениях, и я, как слуга закона, *обязан* привести приговор в исполнение. Я не могу просто уйти. Теперь ты понимаешь, почему я считал эти переговоры бессмысленными?

— Что, если я соглашусь на

суд? — спросил Перрин.

Носатая супруга Айбары положила руку ему на плечо. Он накрыл её руку своей, но не отвернулся от Галада.

— Если ты придёшь и понесёшь наказание за то, что ты совершил... — начал Галад. В его случае это будет смертная казнь. Несомненно, это создание не отдаст свою жизнь так просто.

В задней части шатра появилась группа слуг и начала готовить чай. Чай! На военных переговорах! Несомненно, у Айбары было очень мало опыта в таких делах.

— Не наказание, — резко сказал Айбара, — а суд. Если будет

доказано, что я невиновен, вы отпускаете меня и приказываете своим людям прекратить преследование. Особенно

Борнхальду и вон тому за твоей спиной, который рычит, будто впервые в жизни увидавший леопарда щенок.

— А если будет доказано, что ты виновен?

— Тогда посмотрим.

— Не слушайте его, милорд Капитан-Командор, — воскликнул Байар, — однажды он обещал сдаться и не сдержал слова!

— Ничего подобного! — ответил Айбара. — *Вы* не выполнили свою часть сделки.

— Я...

Галад ударил по столу.

— Это бесполезно. Никакого суда не будет.

— Почему нет? — спросил Айбара. — Ты говоришь о справедливости, но не хочешь предложить мне честный суд?

— И кто будет судьёй? — осведомился Галад. — Полагаю, ты не позволишь мне судить тебя.

— Конечно, нет, — ответил Перрин, — но я доверюсь Аллиандре. Она королева.

— И твоя спутница, — сказал Галад. — Я не хочу её оскорбить, но боюсь, она оправдывает тебя, даже не выслушав доказательства. Даже леди

Первенствующая не будет удачным выбором. Я, разумеется, поверю её словам, но, боюсь, мои люди едва ли.

Свет, как же она красива! Галад взглянул на неё и увидел, что она порозовела, взглянув в ответ. Это было едва заметно, но он был уверен и понял, что тоже краснеет.

— Тогда Айз Седай, — предложил Айбара.

Галад отвёл глаза от Берелейн и пристально посмотрел на Айбару.

— Если ты думаешь, что решение, вынесенное кем-то из Белой Башни, имеет для нас какой-то вес, ты очень мало знаешь о Детях Света, Перрин Айбара.

Взгляд Айбары стал жёстче. Да,

он знал это. Это было плохо. Суд был бы очень хорошим завершением этого дела. К столу подошла служанка с двумя чашками чая, но в них уже не было необходимости. Вторые переговоры были закончены.

— Тогда ты прав, — разочарованно сказал Айбара, — эта встреча не имела смысла.

— Нет, — ответил Галад, бросив ещё один взгляд на Берелейн, — она имела смысл для меня.

Теперь он знал больше о силе Перрина. Это поможет ему в битве. Кроме того, немного задержать сражение, чтобы убедиться, что оно необходимо — было правильным решением. День ещё не кончился, и

будет достаточно долго светло, чтобы битва состоялась.

Но... как же эта женщина... леди Первенствующая? Он заставил себя не смотреть на неё. Это оказалось сложно.

Галад встал и поклонился Аллиандре, затем Берелейн. Он собрался уходить.

Затем он услышал вскрик. Удивительно, но он исходил от принёсшей чай служанки. Галад посмотрел на неё.

Это была Моргейз.

Галад встал как вкопанный. Один за другим, мастера меча учили его никогда не позволять застать себя врасплох, но в этот момент его

мастерство было бессильно. Это *была* его мачеха. Эти золотисторыжие волосы, которые он дёргал ребёнком. Это лицо, красивое и строгое. Эти глаза. Это были её глаза.

Призрак? Ему приходилось слышать истории о них. Проявления зла Тёмного, возвращавшего мёртвых к жизни. Но больше никто в шатре не выглядел обеспокоенным, и эта женщина была слишком реальной. Нерешительно Галад потянулся вперёд и коснулся щеки видения. Кожа была тёплой.

— Галад, — спросила женщина, — что ты тут делаешь? Как...

Она замолчала, когда Галад

заклучил её в объятия. Люди по обе стороны стола подпрыгнули от удивления. Она тоже подпрыгнула. Она жива! Как?

«Я убил Валду, — тут же подумал Галад. — Убил его в наказание за убийство моей матери, которая оказалась жива. Я совершил зло».

Нет, Валда заслуживал смерть за нападение на Моргейз. Или это тоже было вымыслом? Он общался с несколькими Чадами, которые были уверены, что нападение было, но они также были уверены, что Моргейз мертва.

С этим можно разобраться позже. Сейчас ему надо прекратить

ставить себя в неловкое положение перед собственными людьми. Он отпустил свою мачеху, но она продолжала крепко держать его руку. Она выглядела потрясённой. Галад редко когда видел её такой.

Перрин Айбара встал и, нахмурившись, смотрел на них:

— Ты знаешь Майгдин?

— Майгдин? — спросил Галад.

Она была в простом платье, и на ней не было никаких украшений. Она пыталась скрыться, притворяясь служанкой? — Айбара, это — Моргейз Траканд, Защитник Королевства и народа, Верховная Опора Дома Траканд. Она — *твоя королева!*

Все в павильоне замерли в неподвижности. Айбара задумчиво потёр свой подбородок. Его супруга смотрела на Моргейз с выпученными глазами. Было неясно, вызвано это потрясением или злостью.

— Майгдин, — сказал Айбара, — это правда?

Она вскинула подбородок, глядя в глаза Айбаре. Как он мог не разглядеть в ней королевы?

— Да, я — Моргейз Траканд, — ответила она, — но я отказалась от трона в пользу Илэйн. Перед Светом, я никогда не буду претендовать на трон вновь.

Галад кивнул. Да. Должно быть, она опасалась, что Айбара будет

использовать её против Андора.

— Я забираю тебя с собой в лагерь, матушка, — сказал Галад, всё ещё следя за Айбарой. — Потом мы обсудим, как к тебе относился этот человек.

Она спокойно уставилась на Галада:

— Это приказ, Галад? Неужели моё мнение в этом вопросе ничего не значит?

Он нахмурился и, наклонившись к ней, прошептал:

— Тут есть другие пленники? Чем он может тебе угрожать?

Она покачала головой и тихо ответила:

— Этот человек не тот, кем ты

его считаешь, Галад. Он неотёсанный, и, разумеется, мне не нравится то, что он делает с Андором, но он точно не друг Тени. Я больше боюсь твоих... товарищей, чем Перрина Айбару.

Да, у неё были причины не доверять Детям. Серьёзные причины.

— Вы пойдёте со мной, миледи? Я обещаю, что вы в любой момент сможете уйти и вернуться в лагерь к Айбаре. Каких бы страданий вы не натерпелись от Чад в прошлом, сейчас вы *будете* в безопасности. Клянусь.

Моргейз кивнула ему.

— Дамодред, — сказал Айбара, — обожди немного.

Галад развернулся, снова положив руку на эфес меча. Не в качестве угрозы, но как напоминание. По шатру пронесся шёпот.

— Да? — спросил Галад.

— Ты хотел найти судью, — сказал Айбара, — согласишься ли рассмотреть в этом качестве свою мать?

Галад не сомневался ни секунды. Разумеется. Она была королевой с момента, когда ей стукнуло восемнадцать лет, и он видел её в роли судьи. Она справедлива. Сурова, но справедлива.

Но как отнесутся к этому остальные Дети Света? Она училась

у Айз Седай. Они будут видеть в ней одну из них. Да, проблема... Но если это даёт им выход из положения, то он сумеет заставить Детей увидеть истину.

— Да, соглашусь, — ответил Галад, — и если я поручусь за неё, мои люди тоже.

— Отлично, — сказал Айбара, — тогда я тоже соглашусь.

Оба посмотрели на Моргейз. Она стояла в своём простом жёлтом платье, но в этот момент казалась настоящей королевой.

— Перрин, — обратилась она, — если мне придётся судить тебя, то я буду судить по всей строгости. Ты приютил меня, когда

нам было нужно пристанище, и я очень благодарна тебе. Но если я решу, что ты совершил убийство, я вынесу приговор.

— Да будет так, — сказал Айбара. Он казался искренним.

— Милорд Капитан-Командор, — тихо, но с жаром в голосе сказал Байар Галаду на ухо, — боюсь, это будет фарс! Он не сказал, что согласится понести наказание.

— Да, не сказал, — ответил Айбара. Как он сумел услышать этот шёпот? — Это было бы бессмысленно. Вы считаете, что я Приспешник Тёмного и убийца. Вы всё равно не поверите мне на слово, если я скажу, что приму наказание,

до тех пор, пока я не окажусь в ваших руках. Чего я не допущу.

— Видите, — громче сказал Байар, — в чём тогда смысл?

Галад снова встретился взглядом с золотыми глазами Айбары.

— Будет суд, — Галад всё больше убеждался в правильности принятого решения, — и он даст нам законные основания. Я начинаю понимать, чадо Байар. Мы должны доказывать наши обвинения, иначе будем ничем не лучше, чем Асунава.

— Но суд не будет честным!

Галад повернулся к высокому солдату.

— Ты сомневаешься в беспристрастности моей матери?

Худой мужчина замер, затем помотал головой.

— Нет, милорд Капитан-Командор.

Галад повернулся к Айбаре.

— Я прошу королеву Аллиандре подтвердить, что суд, проведенный на территории её королевства, будет являться законным.

— Если этого потребует лорд Айбара, то я подтверждаю, — было видно, что ей неловко.

— Я требую этого, Аллиандре, — сказал Перрин. — Но если только в обмен Дамодред согласится освободить всех захваченных им моих сторонников. Оставь себе припасы, но отпусти

людей, как ты обещал мне прежде.

— Отлично, — сказал Галад, — это произойдёт сразу после начала суда. Обещаю. Когда мы встретимся?

— Дай мне несколько дней на подготовку.

— Тогда через три дня, — сказал Галад, — мы проведём суд здесь, в этом шатре, на этом месте.

— Приводи своих свидетелей, — сказал Айбара, — я буду здесь.

Глава 27

ПРИЗЫВ ВСТАТЬ

«Я не возражаю, что можно усомниться в лорде Драконе. — Сидя в своём кабинете, Эгвейн читала письмо. — В самом деле, чем большей властью обладает человек, тем к его действиям возникает больше вопросов. Но знайте: я не из тех, кто легко разбрасывается своей верностью, а ему я верен. Не потому, что он возвёл меня на трон, а за то, что он сделал для Тиры.

Да, день ото дня он становится всё более непредсказуемым, но чего ещё ожидать от Возрождённого

Дракона? Он совершит новый Разлом Мира. Мы знали это, когда присягали ему, и верим ему, как порой моряк должен довериться капитану, ведущему судно прямоком на мель. Когда за спиной поднимается непреодолимая буря, сесть на мель — единственный выход.

И всё же Ваши слова вызвали у меня опасения. Разрушение печатей — дело, которое нельзя предпринять без должного обсуждения. Лорд Дракон поручил мне собрать для него армию, и я выполнил его поручение. Если Вы обеспечите, как обещали, Врата, я приведу к месту встречи войска вместе с верными Верховными Лордами и Леди. Однако

имейте в виду, что меня сильно заботит присутствие Шончан на западной границе. Бóльшая часть моей армии останется на месте.

Верховный Лорд Дарлин Сиснера, Король Тира под десницей Возрождённого Дракона Ранда ал'Тора».

Эгвейн в задумчивости постучала по письму пальцем. Она была впечатлена: Дарлин доверил подобные слова бумаге, а не отправил запомнившего их курьера. Если бы посланник попал не в те руки, от его слов всегда можно отречься. Обвинить кого-то в измене, основываясь на показаниях одного человека, затруднительно.

А вот бумага... Смело. Написав письмо, Дарлин заявил: «Мне всё равно, узнает ли Лорд Дракон, что я написал или нет. Я к этому готов».

Но оставить бóльшую часть своей армии в Тире? Нет, так не пойдёт. Эгвейн окунула перо в чернила.

«Король Дарлин. Ваша забота о королевстве имеет под собой основания, как и верность тому, за кем вы следуете.

Я знаю, что Шончан представляют для Тира опасность, но давайте не будем забывать, что Тёмный, а не Шончан — наша первоочередная задача в эти нелёгкие дни. Возможно, Вам,

находящемуся на таком расстоянии от троллоков, легко рассуждать, что они не представляют опасности, но что Вы скажете, когда падут разделяющие вас Андор и Кайриэн? От Шончан же Вас отделяют сотни миль».

Эгвейн помедлила. Тар Валон и Шончан тоже разделяли сотни миль, но город был почти разрушен. Опасения Дарлина были оправданы, и это говорило о нём как о хорошем короле. Но ей нужна его армия на Поле Меррилора. Возможно, она сможет найти для короля такой выход, чтобы и безопасность обеспечить, и помочь ей в деле с Рандом.

«Иллиан пока держится, — писала она, — и служит буфером между Вами и Шончан. Я дам Вам Врата и обещание. Если Шончан выдвинутся на Тир, я открою Переходные Врата для того, чтобы Вы могли немедленно вернуться и защитить свой народ».

Эгвейн вновь помедлила. Вероятность того, что сейчас Шончан уже знают Перемещение, очень высока. Теперь никто больше не был в безопасности, не важно, как далеко или близко он находился. Если захватчики решат напасть на Тир, её помощи может быть недостаточно, даже если она предоставит Дарлину Врата для

возвращения.

От воспоминаний о том, как в плену у Шончан из неё делали дамани, пробирал мороз по коже. Она ненавидела их, чувствуя отвращение настолько сильное, что порой это даже внушало беспокойство. Но для осуществления её планов помощь Дарлина была крайне необходима. Эгвейн сжала зубы и продолжила писать.

«Возрождённый Дракон должен увидеть все наши силы готовыми противостоять его опрометчивому замыслу. Если он увидит нашу нерешительность, мы не сможем убедить его отказаться от своих намерений. Пожалуйста, приведите

с собой все свои войска».

Она присыпала письмо песком, свернула и запечатала. Дарлин и Илэйн — правители двух наиболее могущественных королевств. Оба были очень важны для осуществления её планов.

Следующим делом она собиралась ответить на письмо Грегорины дин Люшеноса из Иллиана.

Она ещё не сказала ему прямо, что Маттин Стефанеос находится у неё в Белой Башне, но намекнула на это. Также она переговорила и с самим Маттином, и во время разговора дала понять, что он волен уехать, когда пожелает. Она не станет

заводить привычку удерживать монархов против их воли.

К несчастью, сейчас Маттин опасался за свою жизнь в случае возвращения. Он отсутствовал слишком долго и полагал, что Иллиан находится в руках Возрождённого Дракона. Вероятно, так оно и было. Как всё запутано!

Одна проблема за раз. Грегорин, наместник Иллиана, сильно колебался, стоит ли её поддерживать: он, по-видимому, был сильнее запуган Рандом, чем Дарлин, а Шончан для него являлись реальной опасностью. Они практически стояли у ворот города.

Она написала Грегорину

решительное письмо, пообещав то же, что и Дарлину. И что, возможно, ей удастся уговорить Маттина держаться подальше (похоже, оба мужчины хотели одного и того же, но она сочла нужным умолчать об этом) в обмен на то, что он приведёт войска на север.

Она поняла, что делает, поступая подобным образом. Она использовала заявление Ранда как красную тряпку, при помощи которой можно объединить монархов и связать их с Белой Башней. Они могли прийти ей на помощь и поддержать возражения против уничтожения печатей, но в конечном итоге они послужат человечеству в

Последней битве.

В дверь постучали. Она подняла голову и увидела заглянувшую внутрь Сильвиану. Женщина держала письмо. Оно было туго скручено, чтобы его мог доставить голубь.

— У тебя мрачное лицо, — отметила Эгвейн.

— Началось вторжение, — ответила Сильвиана. — Дозорные башни вдоль границы Запустения умолкают одна за другой. Толпы троллоков движутся вперёд, скрываясь под черными тучами. Война уже в Кандоре, Арафеле и Салдэе.

— Они держатся? — спросила Эгвейн, почувствовав укол страха.

— Да, — ответила Сильвиана. — Но сведения отрывочны и недостоверны. В этом письме от глаз-и-ушей, которым я доверяю, утверждается, что такой массовой атаки не было со времён Троллоковых войн.

Эгвейн глубоко вздохнула:

— Что с Тарвиновым ущельем?

— Я не знаю.

— Узнай. Позови сюда Суан.

Она может знать больше. Сеть шпионов Голубой Айя самая обширная.

Конечно, Суан не могла знать всего, но могла иметь представление.

Сильвиана коротко кивнула. Она не стала указывать на очевидное:

сеть Голубых принадлежала их Айя и не могла использоваться Амерлин. Что ж, Последняя Битва была на носу. Нужно идти на уступки.

Сильвиана осторожно закрыла дверь и Эгвейн взяла ручку, чтобы закончить письмо Грегорину. Её прервал ещё один стук, более нетерпеливый. Секундой спустя Сильвиана распахнула дверь.

— Мать, — сказала она, — они заседают. Как Вы и предупреждали!

Эгвейн почувствовала укол досады. Она спокойно отложила ручку и встала.

— Тогда пойдём, поприисуствуем.

Она быстро вышла из своего

кабинета, прошла через приёмную Хранительницы, в которой находились две Принятые: только что возвышенная Николь и Нисса. К Последней Битве Эгвейн хотела бы видеть обеих уже носящими шали. Они молоды, но сильны, а нужна будет каждая Сестра — даже такая, как Николь, совершавшая в прошлом ужасные проступки.

Эти двое прибежали с новостями о Совете; послушницы и Принятые являлись наиболее преданными сторонницами Эгвейн, но сёстры часто не обращали на них внимания. Сейчас спешащие на Совет Эгвейн и Сильвиана оставили их сидеть в приёмной.

— Не могу поверить, что они пытаются это проверить, — тихонько сказала Сильвиана на ходу.

— Это не то, что ты думаешь, — сказала Эгвейн. — Они не попытаются меня сместить. Память о расколе ещё слишком свежа в их головах.

— Тогда почему они встречаются без вас?

— Есть способы противостоять Амерлин, не смещая её.

Уже какое-то время она ожидала чего-то подобного, но предвидение не спасает от разочарования. К сожалению, Айз Седай оставались Айз Седай. Вопрос был только в том, сколько времени пройдёт, прежде

чем кто-то захочет отобрать у неё власть.

Они добрались до Зала Совета. Эгвейн толкнула створки дверей и вошла. Её появление было встречено невозмутимыми взглядами Айз Седай. Не все места были заняты, но две трети Восседающих присутствовало. Эгвейн была удивлена, увидев, что все три места Красных заняты. Что же случилось с Певарой и Джавиндрой? По-видимому, их затянувшееся отсутствие заставило Красных действовать. Отсутствующих заменили на Рэхин и Вирия Коннорал. После смерти Аделис и Вандене они остались

единственными родными сёстрами в Белой Башне. Станный выбор, но вполне ожидаемый.

И Романда с Лилейн тоже были здесь. Они даже выдержали взгляд Эгвейн. Странно было видеть их здесь заодно со столькими сёстрами, с которыми у них были разногласия. Наличие общего неприятеля — Эгвейн — позволяло залатать множество трещин. Пожалуй, ей это даже должно быть приятно.

Лилейн была единственной представительницей Голубой Айя, и Коричневая тоже была одна — Такима, выглядевшая так, будто её вот-вот стошнит. Смуглая Коричневая отвела взгляд в сторону.

Также присутствовало по две Сестры от Белых, Жёлтых, включая Романду, и Серых. Зелёные были в полном составе — трое. Увидев их, Эгвейн сжала зубы. Именно к этой Айя хотела бы присоединиться сама Эгвейн, но именно Зелёные причиняли девушке больше всего горя!

Эгвейн не стала попрекать их за то, что собрались без неё. Она просто прошла мимо них, пока Сильвиана объявляла об её прибытии. Эгвейн развернулась и села на Престол Амерлин спиной к большому окну-розетке.

И тихонечко там сидела.

— Что ж, — сказала Романда. Её

седые волосы были убраны в пучок, а сама она была похожа на волчицумать, сидящую у входа в логово. — Вы что-то собираетесь сказать, Мать?

— Вы не предупредили меня об этом собрании, — сказала Эгвейн, — так что, полагаю, вы не хотите меня слушать. Я пришла просто посмотреть.

Похоже, они почувствовали себя ещё более неловко. Сильвиана прошла на своё место, демонстративно нацепив одну из своих лучших масок недовольства.

— Хорошо, — сказала Рубинде. — Полагаю, сейчас мы выслушаем Саройю.

Дородная Белая была одной из тех Восседающих, что покинули Башню, когда была возвышена Элайда, но в Салидаре она добавила свою долю неприятностей. Эгвейн не удивилась, увидев её здесь. Женщина встала, подчёркнуто не глядя в сторону Эгвейн.

— Я сделаю заявление. Во время... неопределённости в Башне, — это должно было означать «раскол», но не все сёстры осмеливались говорить об этом прямо, — Амерлин поступала именно так, как отметила Романда. Мы были застигнуты врасплох, когда она потребовала провозглашения войны.

— Согласно закону, во время ведения официальной войны Амерлин получает почти абсолютную власть. Вынужденные начать войну с Элайдой, мы дали Амерлин способ подчинить Совет своей власти. — Она оглядела комнату, но не повернулась к Эгвейн. — Я считаю, что она снова попытается провернуть что-нибудь подобное. Это необходимо предотвратить. Считается, что Совет должен уравнивать власть Амерлин.

Она села.

Услышав эти слова, Эгвейн почувствовала настоящее облегчение. Никогда нельзя быть уверенной в

том, что за интриги плетутся в Белой Башне. Эта встреча означала, что её планы осуществляются так, как она надеялась, и что её враги — ну, или её вынужденные союзники — не понимали, что же она делает. Они были заняты ответом на её былые действия.

Это не означало, что они неопасны. Но предупреждён — значит вооружён.

— Что мы можем сделать? — спросила Магла. Она взглянула на Эгвейн. — Я имела в виду предусмотреть. Чтобы быть уверенными в том, что Совет Башни не будет ограничен.

— Мы не можем объявить

войну, — твёрдо сказала Лилейн.

— А как сейчас избежать этого? — спросила Варилин. — Война была объявлена между частями Белой Башни, но не против Тени?

— Война против Тени, — поколебавшись, произнесла Такима, — уже объявлена. Разве необходимо официальное заявление? Разве нашего существования недостаточно? В самом деле, разве наши клятвы не делают нашу позицию ясной?

— Но мы должны сделать какое-нибудь заявление, — сказала Романда. Она была старейшей из всех и вела заседание. — Что-то, что

обнародует позицию Совета и отговорит Амерлин от необдуманного объявления войны.

Романда совершенно не выглядела смущённой происходящим. Она смотрела прямо на Эгвейн. Нет, они с Лилейн не скоро простят Эгвейн выбор Хранительницы из Красных.

— Но как мы сделаем подобное заявление? — спросила Андайя. — Я имею в виду, как именно мы должны поступить? Сделать заявление от имени Совета, что объявления войны не будет? Разве это не прозвучит нелепо?

Женщина замолчала. Эгвейн обнаружила, что кивает, но не тому,

что было сказано. Она была возвышена при особых обстоятельствах. Оставленный без присмотра Совет попытался бы увеличить свою власть над Амерлин. Этот день можно было считать шагом в этом направлении. Власть Престола Амерлин не была чем-то постоянным — кто-то правил практически единолично, а других контролировали Восседающие.

— Полагаю, Совет поступит мудро, — очень осторожно произнесла Эгвейн.

Восседающие повернулись в её сторону, некоторые — с явным облегчением. Те же, кто знал её лучше, смотрели с подозрением. Что

ж, это было хорошо. Лучше пусть воспринимают её как угрозу, чем как ребёнка, которым можно помыкать. Она надеялась, что со временем они признают в ней своего предводителя, но ещё столько всего надо было сделать за отведённое ей время.

— Война между фракциями Белой Башни была войной особого рода, — продолжила Эгвейн. — По сути, это была моя личная битва как Амерлин, поскольку тот раскол изначально возник из-за Престола Амерлин. Но война против Тени гораздо важнее одной личности, кем бы она ни была. Это больше, чем вы или я, больше, чем Белая Башня. Это война всей жизни и мироздания,

затрагивающая всех — от нищих до самых могущественных королев.

Восседающие размышляли над сказанным в молчании.

— То есть вы не возражаете против того, чтобы передать в руки Совета ведение войны и управление армиями генерала Брина и гвардией Башни? — заговорила первой Романда.

— Это зависит от того, — ответила Эгвейн, — как будут сформулированы условия.

В прихожей возникло какое-то движение, и в Зал Совета вошла Саэрин в сопровождении Джании Френде. Они буквально выстрелили в Такому глазами, и та съёжилась,

словно испуганная птаха. Саэрин и другие сторонники Эгвейн, по-видимому, узнали об этой встрече последними.

Романда откашлялась:

— Наверное, нужно посмотреть, есть ли в Законе о Войне что-нибудь полезное.

— Уверена, что вы изучили его тщательным образом, Романда, — сказала Эгвейн. — Что вы предлагаете?

— Наделить Совет правом ведения войны, — ответила Романда.

— Это требует согласия Амерлин, — лениво возразила Эгвейн. Если в этом и состояла игра Романды, то как она собиралась

добиться одобрения Эгвейн, устраивая собрание без неё? Наверное, у неё есть другой план.

— Да, это потребует согласия Амерлин, — сказала Рэхин. Она была высокой темноволосой женщиной, и ей нравилось убирать волосы в косы, уложенные на голове. — Но вы сказали, что считаете нас достаточно мудрыми, чтобы принять эти меры.

— Что ж, — сказала Эгвейн, стараясь сделать вид, будто её загоняют в угол, — согласие с Советом несколько отличается от решения отстранить меня от повседневной работы с армией. Чем же должна заниматься Престол

Амерлин, если не войной?

— Согласно докладам, вы посвятили себя переговорам с королями и королевами, — сказала Лилейн. — Эта работа кажется самой подходящей для Амерлин.

— Вы встанете в поддержку такого условия? — спросила Эгвейн. — Совет будет заниматься армией, а мне будут отданы полномочия вести переговоры с монархами?

— Я... — ответила Лилейн, — да, я поддерживаю это.

— Полагаю, что могу согласиться, — сказала Эгвейн.

— Вынесем на голосование? — быстро спросила Романда, словно

пытаясь поймать на слове.

— Очень хорошо, — сказала Эгвейн. — Кто встанет в поддержку этого предложения?

Рубинде поднялась на ноги, к ней присоединились Файзелле и Фарна, другие Зелёные. Рэхин с сестрой быстро встали, но Баразин смотрела на Эгвейн прищурившись. Следующей встала Магла, к ней неохотно присоединилась Романда. Медленно поднялась Феране. Следующей была Лилейн — они с Романдой словно попытались пронзить друг друга взглядами.

Девять. Когда Эгвейн посмотрела на Такиму, её сердце часто забилося. Женщина выглядела

очень взволнованной, будто пыталась разгадать план Эгвейн. И такой же выглядела Саройя. Расчётливая Белая изучала Эгвейн, дёргая себя за ухо. Вдруг она широко распахнула глаза и открыла рот, собираясь что-то сказать.

В этот момент в комнату вошли Дозин с Юкири.

Немедленно поднялась Саэрин. Стройная Дозин оглядела женщин вокруг:

— За какое предложение голосуем?

— За важное, — ответила Саэрин.

— Что ж, тогда, полагаю, я поддержу его.

— Как и я, — сказала Юкири.

— По-видимому, малое согласие достигнуто, — заключила Саэрин. — Совету передано управление армией Белой Башни, в то время как Амерлин получает полномочия и обязанность вести дела с монархами мира.

— Нет! — воскликнула Саройя, вскочив на ноги. — Разве вы не понимаете? Он же король! Он владеет Короной Лавров. Вы только что наделили Амерлин исключительными полномочиями вести дела с Возрождённым Драконом!

Совет погрузился в тишину.

— Что ж, — сказала Романда, —

несомненно, она...

Она осеклась, повернувшись и увидев невозмутимое лицо Эгвейн.

— Полагаю, кому-то следовало попросить большого согласия, — сухо сказала Саэрин. — Но вам уже удалось довольно эффективно повесить себя на короткой верёвке.

Эгвейн встала.

— Я упоминала о мудром выборе Совета, и, смею уверить, никто из вас не повесился. Со стороны Совета было мудро поручить мне вести дела с Возрождённым Драконом: ему понадобится твёрдая и знакомая рука. А ещё вы были достаточно мудры, чтобы понять, что мне не

следует отвлекаться на детали управления армией. Думаю, вам понадобится выбрать среди вас кого-то, кто рассматривал бы все запросы на снабжение и планы набора в армию для Гарета Брина. Уверяю вас, их множество.

Мне приятно видеть, что вы осознаёте необходимость помочь Амерлин, но глубоко неприятно, что это собрание задумывалось тайным. Не пытайся отрицать это, Романда, я вижу, что ты хочешь что-то возразить. Если хочешь высказаться, знай: я использую Три Клятвы, чтобы заставить тебя ответить прямо.

Жёлтая проглотила свои возражения.

— Как вы могли не понять, что подобные действия просто глупы? — спросила Эгвейн. — Ваша память настолько коротка?

Она посмотрела на женщин по очереди — многие поморщились, чем Эгвейн вполне удовлетворилась.

— Пора сделать кое-какие изменения, — продолжила она. — Думаю, подобного рода собраний больше быть не должно. Я предлагаю внести в Закон Башни, что если Восседающая покидает Башню, её Айя должна назначить на время её отсутствия заместительницу, которая будет голосовать вместо своей Восседающей. Предлагаю прописать в Законе, что нельзя созывать Совет,

если не присутствует каждая
Восседающая или её
заместительница, пока они не
сообщили прямо, что не смогут
присутствовать. Амерлин тоже
должна быть проинформирована о
каждом заседании Совета, за
исключением случаев, когда она
недоступна или нездорова. Ей
должно быть отведено достаточно
времени, чтобы прийти, если она
того пожелает.

— Серьёзные изменения,
Мать, — сказала Саэрин. — Ваши
предложения идут вразрез с
традициями, которые складывались
веками.

— Существующими традициями

пользовались для предательства, злословия и раскола, — сказала Эгвейн. — Пришло время прикрыть эту лазейку, Саэрин. В последний раз ею эффективно воспользовалась Чёрная Айя, чтобы привести нас к низложению Амерлин, возвышению марионетки и расколу Башни. Вы в курсе, что Кандор, Салдэйя и Арафел наводнены Отродьями Тени?

Некоторые сёстры от удивления раскрыли рты, остальные закивали, включая Лилейн. Стало быть, на сеть Голубых всё ещё можно положиться. Хорошо.

— Последняя Битва уже на пороге, — продолжила Эгвейн. — Я не отзыва свои предложения. Или вы

встанете в их поддержку, или на все времена ославитесь за то, что отказались. Разве на закате Эпохи вы не встанете в поддержку открытости и Света? Ради всех нас, разве вы не устраните возможность заседаний Совета без вашего присутствия? Возможность обойтись без кого-либо означает возможность обойтись без вас.

Женщины молчали. Стоявшие сели одна за другой, готовясь к новому голосованию.

— Кто встанет в поддержку этого предложения? — спросила Эгвейн. Они встали. Хвала Свету, они встали — одна за другой, медленно, с неохотой, но встали.

Каждая из них.

Эгвейн глубоко вздохнула. Они могли пререкаться и интриговать, но признавали правоту. У них были общие цели. И если у них были разногласия, то только потому, что они видели разные пути достижения этих целей. Иногда было трудно об этом не забывать.

Восседающие выглядели потрясёнными произошедшим, и заседание завершилось само собой. Снаружи начали собираться сёстры, удивлённые внезапным заседанием Совета. Эгвейн кивнула Саэрин и другим своим сторонницам, и вышла из зала в сопровождении Сильвианы.

— Это победа, —

удовлетворённо сказала
Хранительница, как только они
остались наедине. — Но вы всё же
потеряли контроль над нашими
армиями.

— Мне пришлось так
поступить, — ответила Эгвейн. —
Они могли отобрать у меня
командование в любой момент, а
таким способом я получила кое-что
взамен.

— Полномочия в отношении
Возрождённого Дракона?

— Да, — ответила Эгвейн, — но
я, скорее, имела в виду прикрытие
лазеек в Законе Башни. Пока Совет
мог собираться тайно, мою власть и
власть любой Амерлин можно было

обойти. Сейчас же, если они захотят интриговать, то вынуждены будут делать это у меня на глазах.

Губы Сильвианы тронула редкая улыбка:

— Подозреваю, что поскольку сегодняшняя ситуация сложилась в результате интриг, Мать, в будущем они дважды подумают.

— Вот именно, — сказала Эгвейн. — Однако я сомневаюсь, что Айз Седай когда-либо оставят попытки плести заговоры. Им попросту нельзя позволить ставить на кон Последнюю Битву и Возрождённого Дракона.

Николь и Нисса всё ещё ожидали их в приёмной Эгвейн.

— Вы молодцы, — сказала им Амерлин. — Большие молодцы. На самом деле, я думаю возложить на вас больше ответственности. Ступайте на площадку для Перемещений и отправляйтесь в Кэймлин — там вас ждёт королева. Возвращайтесь с тем, что она вам даст.

— Да, Мать, — улыбнувшись, сказала Николь. — А что она нам даст?

— *Тер'ангриалы*, — ответила Эгвейн, — для посещения Мира Снов. Я собираюсь начать обучать вас и некоторых других ими пользоваться. Но не используйте их без моего прямого разрешения. Я

отправлю с вами солдат.

Этого должно быть достаточно, чтобы приструнить этих двоих.

Обе Принятые сделали реверанс и, взволнованные, поспешно вышли. Сильвиана посмотрела на Эгвейн:

— Ты не заставила их поклясться молчать. Они Принятые и будут хвастаться уроками с *тер'ангриалами*.

— На это я и рассчитываю, — ответила Эгвейн, направляясь к двери.

Сильвиана выгнула бровь.

— Я не желаю девчонкам вреда, — сказала Эгвейн. — На самом деле, в *Тел'аран'риоде* они будут делать меньше, чем, вероятно,

навоображали себе после моих слов. До сих пор Розил была терпима ко мне, но она не позволит мне подвергнуть Принятую опасности. Это всего лишь должно положить начало слухам.

— Каким слухам?

— Гавин вспугнул убийцу, — ответила Эгвейн. — В последние дни смертей не было, и, полагаю, мы должны быть ему за это благодарны. Но убийца всё ещё где-то прячется, и я заметила в *Тел'аран'риоде* наблюдавших за мной Чёрных сестёр. Если я не могу поймать их здесь, то поймаю их там. Но сначала я должна заставить их думать, что они знают, где нас найти.

— Только если ты планируешь, чтобы нашли тебя, а не этих девочек, — сказала Сильвиана спокойным, но твердым, как сталь, голосом. В ней проснулась Наставница послушниц.

Эгвейн поморщилась, вспомнив о том, чего от неё ожидали, когда она была Принятой. Да, Сильвиана права. Она должна быть очень осторожна, чтобы не подвергнуть Николь и Ниссу подобной опасности. Она выжила и стала сильнее, но Принятых стоит подвергать подобным испытаниям только если не осталось иного выхода.

— Я позабочусь об этом, — сказала Эгвейн. — Они мне нужны,

просто чтобы посеять слухи, что скоро мне предстоит важная встреча. Если я заложу прочный фундамент, наш призрак не сможет сопротивляться и придёт, чтобы подслушать.

— Смело.

— Это необходимо, — сказала Эгвейн. Она заколебалась, уже дотронувшись рукой до двери. — А что о Гавине? Ты обнаружила, где он прячется в городе?

— На самом деле, Мать, сегодня я получила известие. Похоже, что... ну, его нет в городе. Одна из сестёр, которую вы отправляли к королеве Андора, видела его там.

Эгвейн застонала, закрыв глаза.

«Этот мужчина сведёт меня в могилу».

— Скажи ему, чтобы возвращался. Даже если Гавин выводит меня из себя, скоро он мне понадобится.

— Хорошо, Мать, — сказала Сильвиана, доставая лист бумаги. Эгвейн вошла в кабинет, чтобы продолжить работу над письмами.

Времени было мало. Времени было очень, очень мало.

Глава 28

СТРАННОСТИ

— Что ты собираешься делать, муж мой? — спросила Фэйли.

После переговоров с Белоплащниками они вернулись в свою палатку. Её удивили действия Перрина — они вселяли уверенность, но, в то же время, тревожили.

Перрин снял куртку.

— Фэйли, я чувствую в воздухе нечто странное. Этот запах я никогда раньше не встречал, — он помедлил и взглянул на неё. — Здесь нет волков.

— Нет волков?

— Я не чувствую ни одного волка в округе, — произнёс Перрин, уставившись куда-то вдаль. — Раньше они были здесь. Но теперь исчезли.

— Ты упоминал, что они не любят соседство с людьми.

Он снял рубашку, обнажив мускулистую грудь, покрытую завитками каштановых волос.

— Здесь стало слишком мало птиц, слишком мало живности в подлеске. Испепели Свет это небо. Хотел бы я знать, оно тому причина, или дело в чём-то другом?

Он вздохнул, усевшись на тюфяк.

— Ты собираешься... туда? — спросила Фэйли.

— Что-то не так, — повторил он. — В оставшееся до суда время я должен разузнать, что смогу. Возможно, я найду ответ в волчьих снах.

Суд.

— Перрин, мне не нравится эта затея.

— Ты злишься из-за Майгдин.

— *Конечно*, я злюсь из-за Майгдин, — ответила она. Они вместе прошли через все испытания в Малдене, но женщина даже не намекнула Фэйли, что она — *королева растреклятого Андора*? Это заставило Фэйли выглядеть глупо —

подобно провинциальному хвастунишке, бахвалящимся своим ловким обращением с мечом перед проходящим мимо мастером клинка.

— Она не знала, может ли доверять нам, — произнёс Перрин. — Кажется, она сбежала от одного из Отрёкшихся. Я бы тоже скрывал своё имя.

Фэйли ожгла его взглядом.

— Не смотри на меня так, — сказал он. — Она сделала это не специально, чтобы выставить тебя дурой, Фэйли. У неё были на то свои причины. Забудь.

Его слова заставили её почувствовать себя немного лучше; так приятно, что теперь он может за

себя постоять.

— Ну, я теперь задаюсь вопросом, кем же окажется Лини. Может, она шончанская королева? А мастер Гилл — король Арад Домана в бегах?

Перрин улыбнулся.

— Полагаю, они её слуги. Гилл-то уж точно тот, за кого себя выдаёт. Балвера, небось, удар хватил оттого, что он об этом не знал.

— Держу пари, что знал, — сказала Фэйли, опускаясь возле него на колени. — Перрин, я серьёзно насчет суда. Я беспокоюсь за тебя.

— Я не позволю себя схватить, — ответил он. — Я только сказал, что появлюсь на суде и дам

им возможность представить доказательства.

— Тогда какой в нём смысл? — спросила Фэйли.

— Он выигрывает мне время на размышления, — сказал он, — и в результате, быть может, мне не придётся их убивать. Их вождь, Дамодред — от него пахнет лучше, чем от остальных: в нём не кипят гнев и ненависть. Суд поможет вернуть наших людей и позволит мне выступить в свою защиту. Когда человеку дают высказать свою точку зрения — это правильно. А вдруг это то, что мне было нужно всё это время?

— Ну, ладно, — сказала

Фэйли. — Но в будущем, пожалуйста, *предупреждай* меня о своих планах.

— Конечно, — ответил он, зевая и укладываясь спать. — Но, если честно, этот план пришёл мне в голову в последний момент.

Фэйли с трудом удалось удержать язык за зубами. По крайней мере, из этих переговоров вышло хоть что-то хорошее. Она наблюдала за Берелейн, когда та встретила с Дамодредом, и ей не часто доводилось видеть, чтобы глаза соперницы сияли так ярко. Возможно, это когда-нибудь может пригодиться. Она перевела взгляд на Перрина — тот уже тихо посапывал.

Перрин обнаружился себя сидящим, прислонившись спиной к чему-то твёрдому и гладкому. Слишком тёмное, почти зловещее небо волчьего сна кипело над смешанным лесом, заросшим пихтой, дубом и болотным миртом.

Он встал и повернулся посмотреть, на что опирался. Высоко в бурное небо вытянулась массивная башня из стали. Она была слишком правильная с казавшимися выкованными из цельного куска металла стенами без единого шва. Башня казалась *неправильной*.

«Я говорил тебе, что это

плохое место, — послал ему мысленно Прыгун, неожиданно усевшийся рядом с Перрином. — Глупый щенок».

— Я не сам выбрал это место, — запротестовал Перрин. — Я здесь проснулся.

«На нём сосредоточен твой разум, — произнёс Прыгун. — Или разум кого-то, с кем ты связан».

— Мэт, — сказал Перрин, не понимая, откуда он знал. В этот раз цветная круговерть не появилась. Она никогда не появлялась в волчьих снах.

«Такой же глупый щенок, как ты?»

— Возможно, ещё глупее.

От Прыгуна запахло недоумением, будто он не желал верить, что такое возможно.

«Идём, — послал волк. — Оно вернулось».

— Что...

Прыгун исчез. Нахмурившись, Перрин последовал за ним. Теперь он легко мог уловить запах места, куда ушёл волк. Они оказались на Джеханнахском тракте, и здесь вновь появилась эта странная стеклянная стена фиолетового цвета, перерезавшая дорогу на полпути, простираясь высоко в небо и в обе стороны. Перрин подошёл к одному из деревьев. Казалось, его голые ветви застыли, скованные в

стеклянном плену.

Прыгун прохаживался
неподалёку.

«Мы уже видели такое раньше, — передал он. — Давным-давно. Очень много жизней назад».

— Что это?

«Дело рук человека».

Послание Прыгуна содержало путанные образы. Летящие сияющие диски. Невероятно высокие здания из стали. Это Эпоха Легенд? Предназначение этих предметов Прыгун понимал не больше, чем назначение телеги или свечи.

Перрин посмотрел вдоль дороги. Он не мог определить, где именно в Гэалдане находится это место;

возможно, оно дальше к Лугарду. Сегодня стена появилась уже в другом месте, не там, где в прошлый раз.

Ему пришла в голову мысль. Перрин сделал несколько прыжков по дороге. Оказавшись на расстоянии ста шагов, он оглянулся, и его подозрения подтвердились. Стеклопанная стена на самом деле оказалась огромным куполом. Прозрачный, с фиолетовым оттенком, он, казалось, раскинулся на многие лиги.

Прыгун мелькнул размазанным пятном и оказался позади него.

«Мы должны идти».

— Он там, ведь так? — спросил

Перрин. Он потянулся туда. Недалеко были Танцующая в Дубах, Искристый и Свободный от Оков. Впереди под куполом. Они ответили быстро, эмоционально: *«охота, на нас ведут охоту»*.

— Почему они не сбежали? — спросил Перрин.

В послании Прыгуна было замешательство.

— Я пойду к ним, — произнёс Перрин, силой воли бросая себя вперёд.

Ничего не произошло.

От паники у него подвело живот. Что не так? Он попробовал ещё раз, на этот раз пытаясь отправить себя к основанию купола. Сработало. Он

оказался там в мгновение ока, эта, похожая на стекло поверхность, возвышалась перед ним, будто утёс. *«Это всё купол, — пронеслось у него в голове. — Он меня блокирует»*. Тут он понял то ощущение загнанности, которое переслали ему волки. Они не могли выбраться. Значит, в этом предназначение купола? Поймать волков в ловушку, чтобы Губитель мог их убить? Приблизившись к куполу, Перрин зарычал.

Он не мог попасть внутрь, вообразив, что находится внутри, но, возможно, ему удастся сделать это каким-нибудь привычным способом. Он поднял руку, но заколебался. Он не знал, что произойдёт, если

коснуться поверхности купола.

Волки передали образ мужчины, облачённого в чёрную и кожаную одежду, с резкими чертами лица, ухмыляющегося с каждой пущенной стрелой. От него пахло неправильно, очень неправильно. А ещё от него пахло мёртвыми волками.

Перрин не мог оставить их там — как не мог оставить мастера Гилла и его спутников Белоплащникам. В гневе на Губителя, он коснулся поверхности купола.

Внезапно его мускулы потеряли силу. Ощущение было такое, будто они состоят из воды, а ноги неспособны выдержать его вес. Он

тяжело рухнул на землю. Одна его нога всё ещё касалась купола, пройдя сквозь него. Тот был неосязаем. Лёгкие Перрина отказывались работать, дышать стало тяжело. В панике он представил, что находится в другом месте, но это не сработало. Он попал в ловушку, точно так же, как и волки!

Вдруг рядом с ним мелькнуло серебристо-серое пятно. Челюсти ухватили его за плечо. Когда Прыгун вытащил его из фиолетового купола, Перрин тут же почувствовал, как к нему возвращаются силы. Он жадно глотнул воздух.

«Глупый щенок», — передал ему Прыгун.

— Ты бросишь их здесь? — воскликнул Перрин, сорвавшимся голосом.

«Глупый не потому, что полез в осиное гнездо, а потому, что не дождался меня — вдруг шершни вылетят? — Прыгун повернулся к куполу. — Помоги мне, если я упаду».

Волк подался вперёд и коснулся носом купола. Он оступился, но выправился и медленно продолжил. Оказавшись внутри, волк упал пластом, но его грудь продолжала вздыматься.

— Как ты это сделал? — спросил Перрин, поднимаясь.

«Я — это я».

Прыгун передал образ, каким он

видел себя, что соответствовало его внешнему облику. От него пахло силой и уверенностью.

Хитрость, должно быть, заключалась в полном контроле над своей сущностью. Как и многое другое в волчьих снах, воображение было гораздо сильнее материи самого мира.

«Иди сюда, — прислал Прыгун. — Будь сильным, проходи».

— У меня есть идея получше, — ответил Перрин, поднимаясь. Он бросился вперёд на полной скорости, врезался в купол и немедленно ослабел, но по инерции пронёсся через барьер, и покатился, пока не остановился. Перрин застонал: плечо

болело, рука была расцарапана.

«Глупый щенок, — отправил Прыгун. — Тебе нужно учиться».

— Сейчас на это нет времени, — ответил Перрин, поднимаясь на ноги. — Мы должны спасти остальных.

Стрелы в воздухе — толстые, чёрные смертоносные. Смех охотника. Запах испорченного человека. Убийца был здесь. Прыгун с Перрином бросились бежать по дороге, и Перрин обнаружил, что способен ускоряться внутри купола.

Для пробы он попытался силой мысли прыгнуть вперёд, и это сработало. Но когда он захотел попасть наружу, ничего не

произошло.

Значит, купол был преградой. Внутри него Перрин мог перемещаться свободно, но он не мог силой мысли попасть в какое-нибудь место снаружи. Если он захочет выйти, ему придётся самому пройти через стену.

Танцующая в Дубах, Искристый и Свободный от Оков находились впереди. И Губитель тоже. Перрин зарычал. Его захлестнули отчаянные послания. Тёмный лес. Губитель — он казался волкам высоким, тёмное чудовище со словно высеченным из камня лицом.

Кровь на траве. Боль, ярость, ужас, замешательство. Искристый

был ранен. Двое других прыгали вперёд-назад, дразня и отвлекая Губителя, пока Искристый полз к границе купола.

«Будь осторожен, Юный Бык, — послал ему Прыгун. — Этот человек хорошо охотится. Он двигается почти как волк, хоть с ним и что-то не в порядке».

— Я отвлеку его. Выручай Искристого.

«У тебя есть руки. Ты понесёшь».

Конечно, в этом послании скрывалось нечто большее: Прыгун старше и опытнее, а Перрин всё ещё щенок. Перрин закрипел зубами, но не стал спорить. У Прыгуна было

больше опыта.

Они разделились. Обнаружив Искристого — тот скрывался в небольшой рощице — Перрин направился к нему, представив себя там же.

У тёмно-бурого волка в бедре застряла стрела, он тихо скулил. За ним тянулся кровавый след. Перрин быстро встал на колени и выдернул стрелу. Волк продолжал скулить, от него пахло страхом. Перрин держал стрелу в руке. От неё пахло злом. С отвращением он выбросил её и поднял волка на руки. Рядом что-то затрещало. Между двумя деревьями выскочил пахнувший тревогой Свободный от Оков. Два других

волка уводили Губителя. Перрин развернулся и, неся на руках Искристого, побежал к ближайшему краю купола. Молодой человек не мог перепрыгнуть прямо к краю купола, так как не знал точно, где тот находится.

Он выбежал из-за деревьев под стук готового разорваться сердца. Казалось, по мере удаления от стрелы силы волка на его руках крепли. Перрин побежал быстрее, ускоряясь всё безрассуднее, за мгновение пробегая сотни шагов. Показалась стена купола, и ему пришлось остановиться. Внезапно прямо перед ним возник Губитель. В руках он держал натянутый лук. Он

носил чёрный плащ, который колыхался на ветру за его спиной; Губитель больше не улыбался, его глаза метали молнии.

Он выпустил стрелу. Перрин переместился, так и не увидев, куда угодила стрела. Он появился в том же месте, где впервые вошёл под купол; ему следовало сразу сюда переместиться. Перрин прыжком вылетел из фиолетового купола, рухнул на землю с другой стороны и уронил Искристого, который кубарем покатился по земле.

Волк взвыл. Перрин сильно ударился.

«Юный Бык!»

Искристый послал ему образ

стоящего прямо на границе купола Губителя — тёмного, подобно грозовой туче с натянутым луком наготове.

Перрин не стал смотреть. Он переместился, представив себя на склонах Драконовой горы. Оказавшись там, он резко вскочил на ноги, и в его руке появился молот. Группа находящихся поблизости волков его поприветствовала. Перрин не обратил на них внимания.

Губитель за ним не последовал. После нескольких напряжённых мгновений ожидания появился Прыгун.

— Остальным удалось уйти? — спросил Перрин.

«Они свободны, — послал он. — Шептунья мертва».

Мысленный образ показал волчицу глазами остальных членов стаи — её убили сразу, как только возник купол.

Искристый схлопотал стрелу, когда в ужасе тыкал её носом в бок. Перрин зарычал. Он едва не переместился обратно, чтобы вновь сразиться с Губителем, но его остановило предупреждение Прыгуна.

«Слишком рано! Ты должен научиться!»

— Дело не только в нём, — произнёс Перрин. — Мне нужно осмотреть окрестности моего лагеря

и бивак Белоплащников. Там, в реальном мире, что-то пахнет неправильно. Мне нужно узнать, что случилось.

«Что-то не так?»

Прыгун послал ему образ купола.

— Возможно, это связано с ним, — Обе эти странности, похоже, не были простым совпадением.

«Поищешь в другой раз. Губитель слишком силён для тебя».

Перрин глубоко вздохнул:

— Мне всё равно придётся с ним встретиться, Прыгун.

«Не сейчас».

— Хорошо, — согласился Перрин. — не сейчас. Сейчас мы

будем учиться. — Он повернулся к волку. — И так каждую ночь, пока я не буду готов.

* * *

Родел Итуралде ворочался, лёжа на своей раскладушке, шея стала липкой от пота. Неужели в Салдэе всегда было так жарко и душно? Он мечтал о доме, о прохладном океанском бризе Бандар Эбана.

Всё шло наперекосяк. Почему Отродья Тени не нападают? Он прокручивал в голове сотни вариантов. Может, они ждут прибытия новых осадных машин?

Или разыскивают лес для их постройки? А может, их командиры удовлетворились простой осадой? Город окружён, но у них достаточно троллоков, чтобы его сокрушить.

Они били в барабаны. Постоянно. Бум, бум, бум. Спокойно, как сердцебиение огромного животного, словно сам Великий Змей свернулся кольцом вокруг города.

Появились первые отблески утренней зари. Итуралде лёг далеко за полночь. Дарем, командовавший утренним караулом, приказал, чтобы Итуралде не беспокоили до обеда. Его палатка стояла в тенистом уголке внутреннего двора. Он сам захотел

находиться поближе к стене и отказался от кровати. Это было глупо. Хотя в прошлом раскладушка была для него не так уж и плоха, возраст уже брал своё. Завтра он сменит спальное место.

«*А сейчас, —* сказал он сам себе, *— спать*».

Это было не так-то просто. Обвинение, что он является Принявшим Дракона, не давало ему покоя. В Арад Домане он сражался за своего короля, в которого верил. Сейчас он сражается в чужой стране за человека, которого видел один-единственный раз. И всё из-за какого-то предчувствия.

Свет, как же здесь жарко. По его

щекам стекал пот, вся шея зудела. В такую рань не должно быть подобной жары. Это было неестественно. И проклятые барабаны — всё стучат и стучат.

Итуралде вздохнул, поднимаясь с насквозь промокшей от пота постели. На протяжении нескольких дней у него болела нога.

«Ты — уже старик, Родел», — подумал он, стаскивая пропитанное потом бельё и надевая другое, свежеевыстиранное. Он заправил брюки в сапоги до колен, следом надел простую белую рубашку с чёрными пуговицами, а затем серый кафтан, застегнувшись до самого ворота.

Он как раз застёгивал на поясе меч, когда снаружи слышались торопливые шаги, а затем шёпот. Разговор накалялся, и Итуралде вышел наружу, как раз когда кто-то проговорил:

— Лорд Итуралде захочет узнать!

— Узнать что? — переспросил Итуралде. Мальчик-посыльный спорил с его стражей. Все трое робко повернулись к нему.

— Извините меня, милорд, — произнёс Коннел. — Нам приказали дать вам отдохнуть.

— Спать в такую жару может лишь тот, кто наполовину является ящерицей, Коннел, — сказал

Итуралде. — В чём дело, парень?

— Милорд, капитан Йоли находится на стене, — ответил юноша. Итуралде узнал его — тот был с ним чуть ли не с самого начала кампании. — Он сказал, вам следует прийти к нему.

Итуралде кивнул и положил руку на плечо Коннелу.

— Спасибо, что охранял меня, старый друг, но эти кости не настолько хрупкие, как ты думаешь.

Коннел, покраснев, кивнул. Итуралде направился через внутренний двор, охрана заняла своё место позади него. Солнце уже взошло. Многие из его войска были уже на ногах. Слишком многие. Он

был не единственным, кого мучила бессонница.

На стене его ожидало приводящее в уныние зрелище. На умирающей земле расположились лагерь и жгли костры тысячи и тысячи троллоков. Итуралде не хотелось думать, где они взяли столько дерева для костров. Оставалось надеяться, что все жители окрестных деревень откликнулись на призыв уходить.

Йоли стоял, крепко держась за каменные зубцы крепостной стены рядом с мужчиной в чёрном мундире. Дип Бадар был старшим Аша'маном из приданных Итуралде ал'Тором, и единственным из трёх,

кто носил на воротнике знаки и меча, и дракона. У плосколицего уроженца Андора были длинные чёрные волосы. Порой Итуралде слышал, как кое-кто из мужчин в чёрных мундирах что-то бормочет себе под нос, но только не Дип. Он всегда себя контролировал.

Йоли постоянно поглядывал на Аша'мана; Итуралде тоже чувствовал себя неуютно рядом с мужчинами, способными направлять. Но они были превосходным оружием и ни разу его не подводили. Он предпочитал опираться на факты, а не полагаться на слухи — таково было его правило.

— Лорд Итуралде, — сказал

Дип. Аша'ман никогда не отдавал Роделу честь, только ал'Тору.

— В чём дело? — спросил Итуралде, всматриваясь в полчища троллоков. Казалось, ничего не изменилось с тех пор, как он отправился спать.

— Ваши люди говорят, что чувствуют что-то вон там, — сказал Йоли.

— У них есть способные направлять, лорд Итуралде, — добавил Дип. — Полагаю, их по меньшей мере шестеро, может больше. Это мужчины, потому что я чувствую Силу, которую они направляют, и они готовят что-то мощное. Поднапрягшись и

всмотревшись в дальний лагерь, как мне кажется, я иногда могу разглядеть плетения, хотя, возможно, это всего лишь моё воображение.

Итуралде выругался.

— Это то, чего они так долго ждали.

— Что именно? — спросил Йоли.

— С собственными Аша'манами они...

— Это не Аша'маны, — горячо возразил Дип.

— Да, хорошо. Если у них есть собственные направляющие, они легко могут разнести эту стену так, что камня на камне не останется, Йоли. А затем море троллоков

ворвётся и затопит улицы города.

— Ни за что, пока я способен стоять на ногах, — пообещал Дип.

— Мне нравится решимость в солдатах, Дип, — сказал Итуралде, — но ты выглядишь таким же измотанным, каким я себя чувствую.

Дип пронзил его взглядом. Из-за недосыпа его глаза были красными; он так сильно сжал зубы, что напряглись все мышцы его лица и шеи. Аша'ман встретился взглядом с Итуралде, затем глубоко выдохнул.

— Вы правы, — сказал Дип, — но никто из нас не может ничего с этим поделать. Он поднял руку и сделал что-то, чего Итуралде не мог

видеть. В его руке вспыхнул красный огонь — сигнал, которым он привлекал к себе внимание остальных. — Соберите своих людей, генерал, капитан. Происходящее не займёт много времени. Они не могут удерживать такой большой поток Силы без... последствий.

Йоли кивнул и поспешил прочь. Итуралде взял Дипа за руку, обращая на себя внимание.

— Вы, Аша'маны, слишком важный ресурс, чтобы вас потерять, — сказал ему Итуралде. — Дракон послал нас сюда на помощь, а не на смерть. Если город падёт, я хочу, чтобы вы собрали уцелевших и столько раненых, сколько сможете, а

потом выбрались отсюда. Ты понял меня, солдат?

— Многим это не понравится.

— Но ты понимаешь, что это к лучшему, — сказал Итуралде, — не так ли?

Дип колебался.

— Да, вы как всегда правы. Я уведу их, — ответил он, понизив голос. — Сопротивление бесполезно, милорд. Что бы они там ни замыслили, это принесёт нам гибель. Мне тяжело это говорить, но я всё же скажу... то, что вы сказали про моих Аша'манов, относится и к вашим солдатам тоже. Позвольте нам отступить, — он произнёс слово «отступить» с горечью. — Салдэйцы

не покинут город с нами.

— Я знаю.

Итуралде уже думал об этом. Наконец он покачал головой.

— Каждый день, что мы продержимся здесь, способен ещё на день отсрочить нападение этих тварей на земли моей родины. Нет, я не уйду, Дип. Всё равно это лучшее место для битвы. Вы видели, как укреплены здесь здания; разбившись на мелкие группы, мы можем продержаться несколько дней, связывая их армию.

— Тогда мои Аша'маны могут остаться и помочь.

— Ты получил приказ, сынок. Выполняй его. Ясно?

Дип сжал челюсти сильнее и коротко кивнул:

— Я возьму...

Остального Итуралде не расслышал. Раздался взрыв.

Он его не почувствовал. Ещё миг назад он стоял рядом с Дипом, а затем обнаружил себя лежащим на спине, и мир вокруг стал необычайно тихим. Его голову пронзила боль, и он закашлялся, подняв дрожащую руку к залитому кровью лицу. Что-то случилось с его правым глазом; при каждой попытке моргнуть его пронзала боль. И почему так тихо?

Он перекатился, снова закашлявшись; правый глаз он старался не открывать, из левого

текли слёзы. Стена обрывалась в нескольких дюймах от него.

Он охнул. К северу в стене зиял огромный пролом. Посмотрев в другом направлении, он застонал. Дип же стоял рядом с ним...

Он нашёл Аша'мана лежащим неподалёку, голова мужчины была залита кровью. Его правая нога заканчивалась месивом плоти и сломанной кости выше того места, где должно было находиться колено. Итуралде выругался, двинулся вперёд и упал на колени возле мужчины. Под ним набежала лужа крови, но он ещё шевелился. Жив.

«Нужно поднять тревогу...»

Тревогу? Этот взрыв сам по себе

мог считаться сигналом тревоги. Здания, находившиеся сразу за стеной, были разрушены разлетевшимися во все стороны обломками. Троллоки уже мчались вперёд с плотами наперевес, чтобы перебраться через ров.

Итуралде снял с Аша'мана пояс и перетянул им его бедро. Пока это было всё, чем он мог ему помочь. Собственная голова до сих пор гудела от взрыва.

Город потерян... Свет! Он потерян, всё кончено.

Чьи-то руки помогли ему подняться. В оцепенении он поглядел на Коннела; тот пережил взрыв, хотя его мундир висел

ключьями. Коннел увёл Итуралде прочь, а двое солдат подняли Дипа.

Дальше всё было как в тумане. Итуралде споткнулся на ведущей со стены лестнице, и чуть не полетел вниз головой с пятнадцатифутовой высоты. Только руки Коннела удержали его от падения. А затем... палатка? Большая палатка, открытая по бокам? Итуралде моргнул. На поле битвы не должно быть так тихо.

Его с ног до головы окатил ледяной холод. Он закричал. В его уши и мозг ворвался поток звуков. Крики, раскалывающиеся камни, пение труб, грохот барабанов. Умиравшие люди. Все эти звуки разом поразили его, будто из ушей

вынули затычки.

Он встряхнулся, задыхаясь. Он находился в палатке для раненых. Над ним возвышался Антайл, спокойный Аша'ман с редкой шевелюрой. Свет! Итуралде чувствовал себя таким уставшим. Недосып в сочетании с Исцелением. Когда до него долетели звуки сражения, он почувствовал, как его веки предательски тяжелеют.

— Лорд Итуралде, — произнёс Антайл. — Я знаю плетение, которое хоть и не придаст вам сил, зато заставит чувствовать себя здоровым. Оно может навредить вам. Хотите, чтобы я его сделал?

— Я... — произнёс Итуралде.

Получилось невнятно. — Это...

— Кровь и проклятый пепел, — пробормотал Антайл и подался вперёд. Итуралде захлестнула ещё одна волна Силы. Возникло чувство, будто по нему прошлась метла, которая смела всю усталость и беспокойство, восстановив его органы чувств и заставив его ощутить себя так, будто он отдыхал всю ночь. Правый глаз больше не болел.

Где-то глубоко внутри сидело кое-что ещё — смертельная усталость, проникшая до самого мозга костей. На это он мог не обращать внимания. Родел сел, глубоко вздохнул и посмотрел на Антайла.

— Ого, какое полезное плетение, сынок. Почему раньше не рассказывал, что ты можешь вытворять такие вещи?!

— Это опасно, — повторил Антайл. — Гораздо опаснее, чем в женском исполнении, как мне сказали, но некоторым образом эффективнее. Вы предпочли сиюминутную собранность в обмен на полное изнеможение потом.

— Потом мы не будем торчать посреди города, который вот-вот падёт перед троллоками. Если на то будет воля Света. Как Дип?

— Я занялся им первым, — ответил Антайл, указывая на лежащего на соседнем тюфяке

Аша'мана в опалённой одежде и с окровавленным лицом. Правая нога раненного заканчивалась исцелённой культей. Он дышал, но был без сознания.

— Коннел! — позвал Итуралде.

— Милорд, — отозвался солдат, появляясь рядом. Родел увидел отряд бойцов, который служил его личной охраной.

— Давайте выясним, что к чему в этой неразберихе, — сказал Итуралде. Он выбежал из палатки для раненых и направился к Дворцу Кордамора. В городе царил хаос, повсюду сновали группы салдэйцев и доманийцев. Коннел, предугадав дальнейшие указания, послал гонца

найти Йоли.

Дворец находился неподалёку, прямо напротив ворот. Его стена была повреждена взрывом, но здание по-прежнему выглядело достаточно прочным. Итуралде использовал его в качестве штаба, значит, люди будут искать его здесь. Они вбежали внутрь. Коннел нёс меч Итуралде, так как пояс Родела успел где-то порваться. Они поднялись на третий этаж и выскочили на балкон, с которого хорошо просматривался разрушенный взрывом район города.

Как он и боялся вначале, город был потерян. Пролом в стене защищала наспех собранная кучка бойцов. Навстречу им через ров

переправлялся неисчислимый поток троллоков на плотях, и некоторые, в сопровождении Исчезающих, уже перебрались на другой берег. По улицам в беспорядке метались люди.

Будь у него больше времени для подготовки, то, как он и обещал Дипу, возможно, они бы продержались. Но не сейчас. Свет, эта война была сплошной чередой поражений.

— Собери Аша'манов, — приказал Итуралде, — и всех моих офицеров, каких сможешь найти. Мы организуем отступление через ворота.

— Да, милорд, — сказал Коннел.

— Итуралде, нет! — Йоли, в

грязном, изорванном мундире, ворвался на балкон.

— Ты жив, — с облегчением сказал Итуралде. — Увы, твой город потерян. Мне очень жаль. Собери своих людей вместе с нашими, и мы сможем...

— Взгляните! — ответил Йоли, подтаскивая Итуралде за собой к краю балкона и указывая на восток. Вдалеке поднимался плотный столб дыма. Троллоки сожгли какую-то деревню?

— Это сигнальный огонь, — продолжил Йоли. — Моя сестра увидела, что помощь идёт! Мы должны продержаться, пока они не пробьются.

Итуралде заколебался.

— Йоли, — сказал он тихо, — если помощь и придёт, её вряд ли будет достаточно, чтобы остановить это полчище троллоков. И откуда мы можем знать, что это не ловушка? Отродья Тени в прошлом доказали, что не так уж глупы.

— Дайте нам несколько часов, — сказал Йоли. — Удержим город вместе и пошлём разведчиков через эти ваши ворота, чтобы узнать, действительно ли помощь идёт.

— Несколько часов? — сказал Итуралде. — С дырой в городской стене? Мы наголову разбиты, Йоли.

— Ну, пожалуйста, — умолял Йоли. — Разве не вы один из тех,

кого называют великими полководцами? Докажите, что это звание что-то значит, лорд Родел Итуралде.

Итуралде повернулся назад к разрушенной стене. Он слышал, как за спиной в верхней зале дворца собираются его офицеры. Оборона стены была редкой. Разгром будет недолгим.

«Докажите, что это звание что-то значит».

«Что ж, возможно...»

— Тимот, ты здесь? — проревел Итуралде.

Рыжеволосый мужчина в чёрном мундире вышел на балкон. Теперь, когда Дип был ранен, Аша'манами

командовал он.

— Я здесь, лорд Итуралде.

— Соберите своих людей, — быстро сказал Родел. — Возьмите на себя оборону пролома в стене и прикажите бойцам отступить. Я хочу, чтобы его обороняли Аша'маны. Дайте мне полчаса. Мне нужно, чтобы вы изо всех сил ударили по тем троллокам. Понятно? Изо всех сил. Если после этого вы сможете с помощью Силы зажечь хотя бы свечу, я спущу с вас шкуру.

— Сэр, — произнёс Аша'ман. — А как же отступление?

— Оставьте Антайла в палатке для Исцеления, — сказал Итуралде. — Он сможет создать

достаточно большие ворота, чтобы Аша'маны сумели отступить. Но все остальные должны оборонять эту брешь в стене.

Тимот умчался прочь.

— Йоли, — сказал Итуралде, — ваша задача — собрать свои силы и прекратить беспорядочное метание по городу, будто... — он оборвал себя. Он чуть не сказал «будто это проклятый Тармон Гай'дон. Чтоб мне сгореть!» — Будто ими никто не командует. Если мы хотим удержать город, в войске должны царить порядок и дисциплина. Через десять минут во внутреннем дворе нужно собрать четыре отряда кавалерии. Распорядитесь.

— Да, милорд, — ответил Йоли, вытягиваясь в струнку.

— И ещё, — сказал Итуралде, оборачиваясь, — раздобудьте несколько возов с дровами и столько бочек с маслом, сколько сможете, и соберите всех раненых в голову или в руку, кто способен бегать. А также найдите всех до одного, кто когда-либо держал в руках лук. Выполнять!

Почти час спустя Итуралде стоял в ожидании, заложив руки за спину. Он ушёл с балкона к окну, чтобы не выставлять себя напоказ. Но отсюда всё ещё был хороший обзор.

За стенами дворца оборона
Аша'манов в конце концов

обессиленна. Они выиграли ему почти час, в устрашающей демонстрации Силы — взрывами отбрасывая накатывающиеся волны троллоков назад. Хвала Свету, вражеские направляющие не появлялись. Очевидно, после того мощного выброса силы они были выжаты насухо и обессилены.

За окном, казалось, царил непроглядный сумрак — из-за тяжёлых облаков на небе и копошащейся массы существ, покрывавших холмы за стенами города. К счастью, троллоки не взяли ни лестниц, ни осадных башен. Волна за волной они накатывали на пролом в стене, подгоняемые в атаку

Мурдраалами.

Некоторые из мужчин в чёрных мундирах уже, прихрамывая, уходили от бреши совершенно измотанными. Немногие оставшиеся нанесли последние удары плетениями Огня и Земли, а затем последовали за своими товарищами. Они — как им и было приказано — оставили брешь в стене открытой и незащищённой.

«Ну же!» — думал про себя Итуралде, пока дым рассеивался.

Сквозь дым проявились Троллоки, карабкавшиеся по телам убитых Аша'манами сородичей. Отродья Тени перебирали кто копытами, кто толстыми лапами. Некоторые нюхали воздух.

Городские улицы возле пролома были заполнены тщательно расставленными на позиции окровавленными ранеными. Едва троллоки проникли внутрь, они принялись кричать, и, как им было приказано, побежали. Скорее всего, их страх был непритворным. Сейчас место битвы выглядело ещё ужаснее — многие из близлежащих зданий дымились, будто бы из-за взрыва, крыши домов горели, а из окон валил дым. Троллокам неоткуда было знать, что черепичные крыши были специально сделаны из огнеупорного материала, а законы предписывали, чтобы при постройке зданий дерево использовалось минимально.

Итуралде затаил дыхание. Троллоки рассыпались, врываясь в город с воем и рёвом. Увидев, что можно грабить и убивать, их отряды распались.

Дверь позади Итуралде распахнулась, и внутрь вбежал Йоли:

— Последние бойцы заняли позиции. Ну, как, получается?

Итуралде не ответил; подтверждение было внизу. Троллоки поняли, что они выиграли сражение — устроенный Аша'манами мощный отпор выглядел, как последняя отчаянная попытка отбиться, и в городе воцарился полнейший хаос. Троллоки, ликуя, бежали по улицам. Даже вошедшие в город

Мурддраалы казалось, стали вести себя непринуждённее.

Троллоки избегали входить в горящие здания и в огороженный стеной дворец. Они продвигались вглубь города, преследуя разбегавшихся солдат дальше по широкому проспекту на восточной стороне города. Аккуратно сложенные баррикады направляли их прямо по этому проспекту.

— У вас никогда не было желания стать полководцем, капитан Йоли? — тихо спросил Итуралде.

— Мои стремления сейчас не имеют значения, — сказал Йоли. — Но нужно быть полным дураком, чтобы не пытаться научиться чему-то

связанные с ними десятки троллоков падали замертво. Непонимающие, что происходит, разгневанные, всё ещё живые твари принялись реветь и биться в двери заполненных стрелками зданий. Но пока они были этим заняты, слышался грохот. Цокот копыт. Вниз по улице промчалась лучшая конница Йоли с опущенными пиками. Всадники топтали и кололи троллоков.

Город оказался огромной засадой. Нельзя было и мечтать о лучшем преимуществе, чем давали эти здания и улицы, достаточно широкие, предоставлявшие возможность стремительной атаки тем, кто хорошо знал их

расположение. Радостный рёв троллоков перерос в крики боли, в спешной попытке сбежать они затапывали друг друга. Они отступили во внутренний двор к разрушенной стене.

Салдэйские всадники преследовали врага, копыта и бока их лошадей были влажными от ядовитой крови павших. В окнах «горящих» зданий появились лучники — огонь был осторожно разведён в изолированных комнатах — и принялись стрелять вниз, в большой внутренний двор. Другие передавали новые пики всадникам, которые, перевооружившись, построились и вновь ударили по

троллокам. Лучники перестали пускать стрелы, конница зачистила внутренний двор, выметая оттуда троллоков.

Погибли сотни Отродий. Возможно, тысячи. Оставшиеся в живых выбирались из города через брешь в стене. Большинство Мурдраалов сбежало. Те, кто не успел, стали первой целью стрелков. Убив одного Исчезающего, можно было разом убить множество связанных с ними троллоков. Исчезающие падали пронзённые десятками стрел.

— Я отдам приказ собраться и защитить брешь в стене, — нетерпеливо произнёс Йоли.

— Нет, — ответил Итуралде.

— Но...

— Сражение у брешки ничего нам не даст, — ответил Итуралде. — Отдай приказ отойти к другим зданиям, а стрелкам занять новые позиции. Есть у вас склады или какие-нибудь другие крупные здания, в которых могут укрыться всадники? Переправьте их туда, и побыстрее. А потом будем ждать.

— Они не попадут в ту же ловушку снова.

— Нет, — сказал Итуралде. — Но теперь они пойдут медленнее и осторожнее. Если мы встретим их в открытом бою, то проиграем. Если мы задержим их, выиграем время, то

победим. Это — наш единственный выход, Йоли. Выжить до прибытия подмоги. Если она, конечно, придёт.

Йоли кивнул.

— Наша следующая засада не будет столь же эффективной, — сказал Итуралде, — однако троллоки в душе трусливы. Знание того, что любая улица может внезапно привести их в гибельную западню, заставит их медлить и даст нам больше времени, чем потеря половины наших людей при попытке удержать стену.

— Верно, — сказал Йоли. Он колебался. — Но... Не значит ли это, что именно этого они от нас и ждут? Эта часть плана срабатывает, только

если они боятся нашей засады.

— Я предполагаю, что так оно и будет.

— Но разве в таком случае мы не должны сделать что-то, чего они не ожидают? Вы сказали, что если мы чувствуем, что наш противник знает о наших планах, то мы должны их изменить.

— Ты слишком много об этом думаешь, сынок. Иди и делай, что приказано.

— М... да, милорд, — он поспешил прочь.

«Вот поэтому, — подумал Итуралде, — мне и не следует преподавать тактику». Трудно объяснить ученикам, что существует

правило, которое превыше всех других: всегда доверяйте своим инстинктам. Троллоки будут напуганы. Он может это использовать. Он должен использовать любой шанс.

Родел не хотел слишком долго размышлять об этом правиле, чтобы не вспоминать о том, что он уже его нарушил. Поскольку всё внутри него кричало, что он должен был оставить этот город много часов назад..

Глава 29

СКВЕРНОЕ ПРЕДЧУВСТВИЕ

— Как ты думаешь, что задумал Перрин? — спросила Берелейн, прогуливаясь вместе с Фэйли и Аллиандре.

Фэйли не ответила. Далёкое солнце, скрытое за облаками, мягко освещало угасающий день. Скоро оно зажжёт горизонт, а потом уступит своё место ночи. Через два дня Перрин отправится на суд. Она знала, что он откладывал его специально, надо дать Аша'манам

больше времени, чтобы решить странную проблему с воротами.

Их армия становилась всё больше, до сих пор к ним присоединялись всё новые и новые люди. Разведчики докладывали, что силы Белоплащников тоже увеличивались. Не так быстро, но всё же росли. В подобные дни армия являлась символом силы и, по меньшей мере, наличия еды.

Растущие поблизости деревья кривокорня жадно пили воду из ручья, текущего рядом с лагерем Перрина. Это были очень странные растения: их корни уходили прямо в воду, а стволы были словно из гладкого стекла, слипшегося при

застывании. В Салдэе ничего подобного не было. Казалось, пара неосторожных шагов — и угодишь в болото.

— Не хочешь отвечать? — спросила Берелейн. В последнее время она казалась рассеянной. — Вот о чём я подумала. Возможно, будет неплохой идеей послать представителя к армии Белоплащников. Как думаешь, Перрин позволит мне отправиться поговорить с ними? Возможно, мне удастся внести свой вклад в его защиту.

Она опять подняла эту тему.

— Нет, — сказала Фэйли. — Ты же знаешь, он твёрдо решил на

этот суд, Берелейн.

Первенствующая сжала губы, но не стала настаивать. Три женщины продолжили свою прогулку в сопровождении десятка Дев. Раньше Фэйли, возможно, и пожаловалась бы на подобное внимание. Но только до того, как её так неожиданно и так легко захватили.

В отдалении она увидела группу беженцев, покидающих лагерь, уходящих по пересечённой местности на юго-восток. До того, как с воротами всё пошло наперекосяк, удалось переправить около десяти тысяч людей в сельские районы Кайриэна. Их заранее предупредили хранить молчание.

Перрин не хотел, чтобы кому-то ещё стало известно его местонахождение. Женщины сохранили бы тайну, но мужчины, конечно, как всегда всё разболтают.

О проблемах с воротами знали немногие; Перрин объявил людям, что Аша'манам нужно сохранить силы для битвы с Белоплащниками. В определённой степени это было правдой. Однако некоторые беженцы попросили разрешения уйти пешком. На дорогу Фэйли им давала немного золота или украшений из запасов Севанны и желала доброго пути. Удивительно, как много людей хотели вернуться домой в земли, находящиеся под властью Шончан.

Несмотря на их отбытие, армия Перрина росла день ото дня. Фэйли и остальные прошли мимо большой группы людей, упражняющихся во владении мечом. Решившие обучаться беженцы теперь представляли собой силу приблизительно в двадцать пять тысяч человек. Они тренировались до самой темноты. До Фэйли доносились строгие выкрики Тэма.

— Хорошо, — продолжала размышлять Берелейн. — Но что же Перрин задумал? К чему этот суд? Ему что-то нужно от Белоплащников?

Она обошла вокруг скрюченного ствола кривокорня. Первенствующая,

как и многие другие, подозревала в действиях Перрина скрытые мотивы, которых на самом деле не было. Он был бы очень удивлён, узнав о приписываемых ему интригах.

«И она ещё утверждает, что разбирается в мужчинах», — подумала Фэйли. Несмотря на собственные заявления, Перрин не был ни глупым, ни простым. Он строил планы, размышлял и осторожничал. Но в то же время он был прямолинейным. Сознательно.

Он имел в виду именно то, что говорил.

— Я согласна с Берелейн, — произнесла Аллиандре. — Нам нужно просто убраться подальше.

Или напасть на этих Белоплащников.
Фэйли покачала головой.

— Перрина беспокоит, что люди думают, будто он сделал что-то не так. До тех пор, пока Белоплащники продолжают настаивать на том, что он — убийца, его имя не будет очищено.

Его упрямство и сумасбродство было отчасти благородным.

Хотя это могло стоить ему жизни. Однако она любила его за это чувство чести. Не стоит пытаться изменить его, остаётся лишь постараться, чтобы другие не смогли воспользоваться этими его качествами.

У Берелейн, как всегда бывало,

когда они спорили о Белоплащиках, во взгляде мелькнуло нечто странное, и она, возможно, неосознанно, посмотрела в ту сторону, где встала лагерем их армия. Свет. Она ведь не собирается вновь просить дать ей поговорить с ними? Она уже придумала дюжину различных причин, почему ей так нужно туда попасть.

Фэйли заметила большую группу солдат, которые шли по внутренней части лагеря, пытаясь незаметно следовать за Фэйли и её охраной. Перрин хотел, чтобы её хорошо охраняли.

— Этот молодой Лорд Капитан-Командор, — невзначай произнесла

Аллиандре, — он выглядит весьма внушительно в своей белой одежде, не так ли? Если вы сможете не обращать внимания на солнечные лучи, украшающие его плащ. Такой красавец-мужчина.

— О? — произнесла Берелейн. Удивительно, но её щёки порозовели.

— До меня доходили слухи, что пасынок Моргейз — довольно привлекательный мужчина, — продолжила Аллиандре. — Но я не ожидала, что он настолько...

— Подобен высеченной из мрамора скульптуре, — прошептала Берелейн, — реликту Эпохи Легенд. Совершенная вещь, дошедшая до нашего времени. Чтобы мы могли ей

поклоняться.

— Он совершенно обычный, — фыркнув, возразила Фэйли. — Мне больше нравятся мужчины с бородой.

Это не было ложью, ей действительно нравились бородатые мужчины, а Перрин был красивым. У него была внутренняя сила, что делало его привлекательнее. А этот Галад Дамодред был... ну, несправедливо сравнивать его с Перрином.

Это всё равно что сравнить оконный витраж с бюро, сделанным мастером-краснодеревщиком. Оба представляли собой превосходную работу мастеров, поэтому было трудно выбрать что-то одно. Но окно,

конечно, давало свет.

На лице Берелейн была какая-то отстранённость. Определённо, её привлекал Дамодред. Какие перемены в столь короткий срок. Фэйли указывала Берелейн, что если та обратит внимание на другого мужчину, это поможет пресечь слухи. Но Командующий Белоплащниками? Неужели эта женщина потеряла всякий стыд?

— Так что же делать? — спросила Аллиандре, когда они обогнули южную сторону лагеря, на полпути от того места, с которого они начали.

— С Белоплащниками? — спросила Фэйли.

— С Майгдин, — ответила Аллиандре. — Моргейз.

— Меня не покидает чувство, что она использовала мою доброту в своих интересах, — сказала Фэйли. — После всего, через что мы вместе прошли, она не рассказала мне, кто она такая.

— Похоже, вы решили полностью отказать ей в доверии, — сказала Берелейн.

Фэйли не ответила. Она думала о том, что сказал ей Перрин, и, вероятно, он был прав. Фэйли не стоит так сердиться. Если Моргейз действительно сбежала от Отрёкшегося, это просто чудо, что она до сих пор жива.

Кроме того, и сама Фэйли солгала о себе, когда встретила Перрина впервые. По правде говоря, её гнев был скорее оттого, что Моргейз собиралась судить Перрина.

Она осмелилась судить Перрина. Горничная Майгдин могла быть благодарной, но королева Моргейз увидит в Перрине конкурента. Будет ли Моргейз действительно справедливым судьёй, или она использует шанс подорвать репутацию самозванного лорда?

— Я чувствую себя так же, как и вы, миледи, — мягко сказала Аллиандре.

— И как это?

— Обманутой, — сказала

Аллиандре. — Майгдин была нашим другом. Я думала, что знаю её.

— В подобной ситуации вы вели бы себя так же, — сказала Берелейн. — Зачем раскрывать кому-то информацию о себе, не имея на то веских причин?

— Потому что мы — друзья, — ответила Аллиандре. — После всего, через что мы прошли вместе, выясняется, что она — Моргейз Траканд. Не просто королева, а Королева с большой буквы. Женщина-легенда. И всё это время она была с нами и подавала нам чай. Не очень умело, кстати.

— Но признайте, — задумчиво сказала Фэйли, — что со временем у

неё это стало лучше получаться.

Она нащупала на шнурке камень Ролана.

Она носила его не каждый день, но всё же довольно часто. Обманывала ли их Моргейз всё время, пока была у Шайдо? Или напротив, своеобразным образом показывала своё истинное лицо? Жизнь без ярлыков, где ей не нужно было вести себя подобно «легендарной» Моргейз Траканд. Можно ли сказать, что при таких обстоятельствах, скорее всего, проявится истинная натура человека?

Фэйли сжала шнурок. Моргейз не станет из злобы использовать этот суд против Перрина. Но она может

рассудить по чести. Это означает, что Фэйли нужно собраться и быть готовой...

Невдалеке слышались крики.

Фэйли не медля побежала к деревьям. Инстинктивно она ожидала, что из-за кустов повискакивают айильцы, начнут убивать и захватывать в плен, и в какой-то момент её охватил приступ паники.

Однако крики доносились из лагеря. Фэйли выругалась и, оборачиваясь, почувствовала, как что-то тянет её за пояс. Она взглянула вниз и увидела, как её поясной нож сам по себе выскользнул из ножен и взмыл в

воздух.

— Пузырь зла! — где-то в стороне воскликнула спотыкающаяся Берелейн. Фэйли увернулась, упав на землю, нож рассёк воздух прямо над её головой и исчез. Фэйли приподнялась и сразу увидела, как Берелейн сражается с кинжалом, который, судя по разрезанной рубашке, похоже, пропорол себе путь на свободу из скрытых в рукаве ножен.

В смятении была не только Берелейн, но и весь лагерь. Занимавшиеся неподалёку беженцы бросились врассыпную, их мечи и копья, будто обретя собственную волю, взмыли в воздух. Это

выглядело так, будто всё оружие в лагере вдруг ожило и восстало против своих владельцев.

Движение. Её нож вернулся, и Фэйли рванулась в сторону. Но беловолосая фигура в коричневой одежде перехватила оружие в воздухе и сжала изо всех сил. Вцепившись в него и сжав зубы, Сулин перекатилась по земле, выдернула нож из хватки воздуха и со всей силы ударила им о камень, сломав клинок у рукояти.

Нож перестал двигаться. Однако копья Сулин сорвались со своего места на её спине и развернулись в воздухе, направив на неё свои наконечники.

— Беги! — выкрикнула Дева, поворачиваясь им навстречу и пытаясь справиться со всеми тремя сразу.

— Куда? — спросила Фэйли, поднимая с земли камень. — Оружие повсюду.

Берелейн боролась со своим кинжалом. Она держала его, но он пытался ударить её, выворачивая ей руки то в одну, то в другую сторону.

Аллиандре окружали сразу три ножа. Свет! Фэйли вдруг почувствовала себя необычайно удачливой, потому что сегодня взяла с собой только один. Несколько Дев пытались помочь Аллиандре, попеременно бросая в ножи камнями

и уклоняясь от собственных копий.

Берелейн была одна. Сжав зубы и чувствуя себя идиоткой из-за того, что помогает женщине, которую ненавидит, Фэйли прыгнула к ней и сцепила свои руки поверх рук Берелейн, объединив силы с Первенствующей. Вместе они развернули кинжал в противоположную сторону, направив его лезвием вниз, так что он воткнулся в землю.

Едва они сделали это, он замер.

Фэйли вздохнула с облегчением и посмотрела на растрёпанную Берелейн.

Женщина зажала правую руку левой, пытаясь остановить идущую

из пореза кровь. Затем кивнула Фэйли:

— Спасибо.

— Что его остановило? — спросила Фэйли под частый стук сердца. По всему лагерю раздавались крики. Проклятия. Лязг оружия.

— Может, земля? — спросила Берелейн, опускаясь на колени.

Фэйли запустила пальцы в почву. Она оглянулась, с тревогой замечая, что одна из Дев повалилась на землю, хотя другие сбили несколько летящих копий. Фэйли бросила ком земли в то, что всё ещё висело в воздухе.

Едва земля коснулась копья, оружие упало. Сулин увидела это, и

её глаза над вуалью расширились. Она бросила камни, взяла горсть земли и бросила над головой навстречу нацелившемуся ей в сердце копьё.

Это остановило его, и оно упало на землю. Следовавшие за Фэйли солдаты, охранявшие их, тоже переживали не лучшие моменты своей жизни. Они сбились в круг и, сидя на корточках, щитами отражали нападение собственного оружия.

— Быстрее! — крикнула Фэйли Девам, загребая обеими руками землю. — Передайте остальным! Расскажите им, как это остановить!

Она бросила ком земли в кинжалы, вьющиеся вокруг

Аллиандре, сбив одним броском сразу два, а затем побежала к солдатам.

* * *

— Тебе не нужно извиняться, Галад, — мягко сказала Моргейз. — Ты не мог знать о том, что происходило в Цитадели Света. Ты находился далеко, за многие лиги оттуда.

Они сидели в его палатке на стульях друг напротив друга, свет угасающего дня ложился на стены. Галад сидел, наклонившись вперёд и сжав перед собой руки. Какой

задумчивый. Она вспомнила своё первое впечатление от него много лет назад, когда только вышла замуж за его отца. Малыш просто был частью сделки, и, хотя Моргейз усыновила его, она всё волновалась, что он чувствовал себя менее любимым, чем его единокровные брат и сестра.

Галад всегда был очень серьёзен. Он быстро подмечал, когда кто-то делал что-то не так. Но, в отличие от других детей, особенно Илэйн, он не использовал своё знание в качестве оружия. Она должна была догадаться раньше. Понять, что его привлекают Белоплащники своим видением мира, который для них делился на белое и чёрное. Могла ли она лучше

его подготовить?

Показав ему, что мир не делится только на белое и чёрное. Он даже не серый. Он полон красок, которые иногда не вписываются ни в один спектр морали.

Он встревожено посмотрел вверх, не расцепляя рук.

— Я напрасно обвинил Валду. Когда я пришёл к нему, я сказал, что требую Правосудия Света, потому что он жестоко с тобой обращался и убил. Половина этого оказалась неправдой. Я сделал нечто, будучи неправым, по крайней мере, частично. Несмотря на это, я рад, что убил его.

Слова застряли у неё в горле. У

Валды была репутация одного из лучших ныне живущих фехтовальщиков. И Галад победил его в поединке? Этот юнец? Хотя он больше не был юнцом. Галад сделал свой выбор, и сейчас ей было трудно судить его. В какой-то степени, его выбор казался даже достойнее её собственного.

— Ты всё правильно сделал, — сказала она. — Валда был мерзким змеем. Я уверена, что это он стоял за смертью Найола. Галад, ты оказал миру услугу.

Он кивнул.

— Он заслужил смерть за то, что сделал с тобой. Но, в любом случае, я должен сделать

заявление. — Он поднялся и начал прохаживаться, сцепив руки за спиной, казалось, его белые одежды сияют на свету. — Я объясню, что моё обвинение Валды в убийстве было ошибочным, но он всё равно заслуживал смерти за другие свои деяния. Страшные деяния. — Он остановился на мгновение. — Жаль, что я не знал.

— Ты ничего не мог сделать, сынок, — сказала она. — Вина за то, что меня захватили, лежит только на мне. Мне не следовало доверять моим врагам.

Галад взмахнул рукой.

— Невозможно было сопротивляться Гейбрилу, если то,

что ты слышала — правда. Что касается твоего плена, ты не доверяла своим врагам. Тебя, как и всех нас, предал Валда. Чада никогда не были врагами тем, кто идёт в Свете.

— А Перрин Айбара? — спросила она.

— Отродье Тени.

— Нет, сын. Мне не нравятся некоторые вещи, которые он делает, но я уверяю тебя, он — хороший человек.

— Следовательно, суд докажет это, — сказал Галад.

— Хорошие люди могут совершать ошибки. Если ты будешь продолжать в том же духе, это может

иметь нежелательные для всех последствия.

Галад замер, нахмурившись.

— Матушка, ты хочешь сказать, что нужно позволить ему избежать наказания за его преступления?

— Подойди, — сказала она, протягивая руку. — Сядь. А то у меня голова кружится оттого, что ты ходишь туда-сюда.

Возможно, он стал Лордом Капитаном-Командором совсем недавно, однако уже сердился, когда кто-то отдавал ему приказы. Тем не менее, он сел.

Как странно, она вновь почувствовала себя королевой. Галад не видел её в самое тяжёлое время.

Он думал о ней, как о прежней Моргейз, и рядом с ним она чувствовала себя как раньше. Почти.

Найол держал её пленницей, но уважал, и она начала думать, что тоже способна уважать его. Что случилось с доской, на которой они с Найолом так часто играли в камни? Ей претила мысль о том, что она разбилась при нападении Шончан.

Может ли Галад стать таким же Лордом Капитаном-Командором, как Найол, или, возможно, даже лучшим? Королева внутри неё, Королева с большой буквы снова проснулась, чтобы найти способ зажечь в нём свет и задушить тень.

— Галад, — сказала она. — Что

ты собираешься делать?

— Ты о суде?

— Нет. Я о твоей армии.

— Мы будем сражаться в

Последней Битве.

— Замечательно, — сказала

она. — Но известно ли тебе, что это значит?

— Это означает сражаться на одной стороне с Возрождённым Драконом.

— И Айз Седай.

— Мы можем биться на одной стороне с ведьмами какое-то время ради высшей цели.

Она закрыла глаза, выдыхая.

— Галад, послушай себя. Ты называешь их ведьмами? А ведь ты

отправился к ним, чтобы учиться, возможно, даже стать Стражем!

— Да.

Она открыла глаза. Он казался таким искренним. Но даже самые опасные и жестокие охотничьи собаки могут быть искренними.

— Матушка, ты знаешь, что они сделали с Илэйн? — спросил он.

— Ты имеешь в виду, что они её потеряли? — Моргейз всё ещё злилась из-за этого.

— Они отправили её с заданием, — ответил он с отвращением в голосе. — Они отказали мне в возможности встретиться с ней, вероятно, потому что её не было в тот момент, и она

находилась на опасном задании. Я встретил её позже, уже не в Башне.

— Где она была? — с нетерпением спросила Моргейз.

— Здесь, на юге. Мои люди называют Айз Седай ведьмами. Иногда я размышляю, насколько они правы.

— Галад...

— Не всех женщин, владеющих Единой Силой, можно назвать злыми по сути, — сказал он. — Это традиционное заблуждение всех Чад. *Путь Света* не является обязательным; он только говорит, что искушение использовать Единую Силу может развратить. Я считаю, что женщины, управляющие сейчас

Белой Башней, ослеплены собственными эгоистичными планами и интригами.

Она кивнула, не желая это обсуждать. Хвала Свету, хорошо, что Элайды сейчас здесь нет, и она не слышит эти речи.

— В любом случае, — сказал он, — мы будем сражаться на одной стороне с ними и с Возрождённым Драконом, и, если потребуется, с этим Перрином Айбарой. Борьба с Тенью перевешивает всё остальное.

— Тогда позволь нам присоединиться к этой борьбе, — сказала она. — Галад, забудь об этом суде! Айбара намеревается расформировать часть своей армии, а

остальных передать ал'Тору.

Он встретил её взгляд, затем кивнул.

— Да. Теперь я вижу, что сам Узор привёл тебя ко мне. Мы отправимся вместе. После того, как закончится суд.

Она вздохнула.

— Я делаю это не потому, что сам выбрал, — сказал Галад, вновь поднимаясь. — Айбара сам предложил, чтобы его судили. На человека давит его собственная совесть, и не предоставить ему шанс было бы неправильно. Позволим ему доказать нам и самому себе свою невиновность. А затем продолжим. — Он помедлил,

дотронувшись до меча в белых ножнах, лежащего на его туалетном столике. — А если мы продолжим без него, значит, он упокоится в Свете, заплатив за совершённые им преступления.

— Галад, — сказала она, — тебе известно, что Лини была среди людей из лагеря Перрина, которых ты захватил?

— Ей следовало объявить о себе и показаться мне. Я бы освободил её.

— И всё же она этого не сделала. Я слышала всё сказанное тобой, ты едва ли не угрожал казнить заключённых, если Перрин не явится на битву. Ты действительно собирался так сделать?

— Их кровь была бы на его совести.

— Кровь Лили, Галад?

— Я... я бы отыскал её среди остальных и освободил.

— Но значит, остальных ты убил бы? — спросила Моргейз. — Людей, которые не сделали ничего плохого, которые виновны только в том, что Айбара их обманул?

— Казни бы не произошло. Это были просто угрозы.

— Ложь.

— Ох, матушка, какой в этом толк?

— Заставить тебя задуматься, сын, — ответила Моргейз. — О том, чему я должна была научить тебя

раньше вместо того, чтобы оставлять тебя наедине с нехитрыми иллюзиями. Жизнь не так проста, как бросок монеты, где выпадает либо одна сторона, либо другая. Я тебе никогда не рассказывала о деле Тэма Филмли?

Галад покачал головой, он выглядел раздражённым.

— Послушай меня. Он был каменщиком в Кэймлине и весьма уважаемым. Это случилось в начале моего правления, он был обвинён в убийстве собственного брата. Так как он был очень уважаемым человеком, и случай был очень важным, то судьёй по делу выступала я сама. В конце его повесили.

— Подходящая смерть для убийцы.

— Да, — сказала Моргейз. — К сожалению, убийца остался на свободе. На самом деле это сделал один из его рабочих. Это всплыло только через два года, когда виновника схватили за другое убийство. Когда мы его вешали, он смеялся над нами. Фильми был невиновен. Настоящий убийца был среди тех, кто проходил свидетелем обвинения по этому делу.

Галад затих.

— Это единственный случай, — сказала Моргейз, — о котором я знаю совершенно точно, когда кто-то по моей вине повесили по ошибке.

А теперь, Галад, ответь мне: должны ли *меня* повесить за мою ошибку, за то, что я осудила невинного?

— Ты делала то, что считала правильным, матушка.

— Но человек, который не заслуживал смерти, всё равно мёртв.

Галад выглядел обеспокоенным.

— Чада любят говорить, что Свет их защищает, — сказала Моргейз, — вершит правосудие и ведёт людей к справедливости. В жизни всё по-другому, Галад. Валда, прикрываясь благословением Света, мог творить ужасные вещи. А я, надеясь на помощь Света, несправедливо обрекла на смерть человека.

Я не утверждаю, что Айбара невиновен. Мне недостаточно известны все за и против, чтобы об этом судить. Но я хочу, чтобы ты понял. Иногда и хороший человек может ошибаться.

Бывает, его следует наказать. А бывает так, что наказание не послужит никому, и лучшее, что можно сделать — это отпустить его, преподав урок. Как делала я, получив собственный урок после вынесения несправедливого приговора.

Галад нахмурился. Это было хорошим знаком. Наконец он покачал головой, а его лицо прояснилось.

— Увидим, что покажет суд. Он...

Снаружи раздался стук о шест палатки. Галад повернулся и сильнее нахмурился.

— Да?

— Милорд Капитан-Командор, — сказал Белоплащик, откинув полог палатки и пройдя внутрь. Это был худой человек с запавшими глазами и тёмными кругами под ними.

— Нам только что передали из лагеря этой твари Айбары. Они просят отложить день суда.

Галад поднялся.

— С какой целью? — потребовал он ответа.

— Как они утверждают, из-за волнений в лагере, — ответил

Белоплащик. — Что-то про раненых, о которых им нужно позаботиться. Милорд Капитан-Командор... это явная уловка. Какой-то трюк. Мы должны напасть на них, или, по крайней мере, отказать в бессмысленной отсрочке.

Галад колебался. Он посмотрел на Моргейз.

— Это не уловка, сын, — сказала она. — Уверяю тебя. Если Айбара утверждает, что ему нужно время, значит, так оно и есть.

— Хм... — произнёс Галад, показывая посыльному, что тот может идти. — Я должен подумать. В том числе о том, что ты сказала, матушка. Возможно, дополнительное

время, чтобы подумать, будет...
полезно.

* * *

— Способные направлять говорят, что работают на пределе своих сил, — объяснял Гаул, вместе с Перрином осматривавший лагерь. — Но на то, чтобы осмотреть всех, потребуется несколько дней.

Солнце клонилось к горизонту, но, похоже, многим предстояла длинная ночь в заботе о раненых. Пострадавших были тысячи, хотя большинство ран, к счастью, были несерьёзными. Были и потери. Даже

слишком много, возможно столько же, как от укусов при нашествии змей.

Перрин хмыкнул. У самого Гаула рука была забинтована и висела на перевязи на груди; он справился со всеми копьями, и только одна стрела чуть его не убила. Каменный Пёс остановил её собственным предплечьем. Когда Перрин спросил, как это случилось, тот лишь засмеялся и ответил, что уже много лет не попадал в себя собственными стрелами. Айильский юмор.

— Есть ли вести от Белоплащников? — спросил Перрин, поворачиваясь к Аравайн, которая шла с другой стороны.

— Да, — ответила она. — Но ничего особенного. Их командующий сказал, что подумает о том, чтобы дать нам время.

— Ну, это же не ему придется принять решение, — сказал Перрин, направляясь к лагерю майенцев, чтобы проверить людей Берелейн. — Я не рискну давать сражение, когда четверть моих людей ранены, а Аша'маны смертельно устали от Исцеления. Суд состоится, когда я скажу, и если Дамодред не согласен, он может напасть прямо сейчас.

Гаул пробормотал что-то в знак согласия. Он, как обычно, был вооружён копьями, однако, как заметил Перрин, сегодня они были

связаны гораздо сильнее, чем всегда. Аравайн несла фонарь, хотя необходимости в свете ещё не было. Она тоже предполагала, что им предстоит долгая ночь.

— Дай мне знать, когда Тэм и Илайас вернутся, — сказал Перрин Гаулу.

Перрин послал каждого из них в близлежащие деревни, чтобы убедиться, что люди в них — те, что не прибились к проходящей армии — не пострадали от пузыря зла.

Берелейн успокоилась, рука у неё была перевязана. Она отчиталась лично, в своём шатре, рассказала, сколько её солдат было ранено, и поимённо перечислила потери. В её

лагере — только шесть человек.

Покидая её шатёр, Перрин зевнул; он послал Аравайн проверить Айз Седай. Гаул убежал помогать переносить раненых, и Перрин обнаружил, что на пути к лагерю Аллиандре он остался один.

Его молот не пытался убить его. Насколько ему было известно, молот оказался единственным оружием, на которое не подействовал пузырь зла.

Что бы это значило?

Он покачал головой, затем, услышав, как кто-то догоняет его по тропинке, временно оставил эту мысль и задержался. Он учуял запах Тэма и, повернувшись, увидел приближающегося крепкого

мужчину.

— Перрин, сынок, — сказал запыхавшийся от бега Тэм. — Только что произошло нечто необычное.

— Пузырь зла поразил и те деревни тоже? — встревожено спросил Перрин. — Люди пострадали?

— Нет-нет, — ответил Тэм. — Я не про это. В деревнях всё в порядке. Они даже ничего странного не заметили. Я о другом.

От Тэма пахло странно. Задумчивостью и обеспокоенностью. Перрин нахмурился.

— Что? Что случилось?

— Я... в общем, мне нужно уйти, сынок, — сказал Тэм. —

Покинуть лагерь. Я не знаю, когда вернусь.

— Это...

— Это никак не связано с Белоплащниками, — сказал Тэм. — Меня просили не рассказывать. Но это связано с Рандом.

Цвета закружились. Ранд шёл по залам Тирской Твердыни. У него было мрачное выражение лица. Опасное.

— Перрин, — сказал Тэм, — думаю, я должен это сделать. Это связано с Айз Седай, и я должен покинуть тебя прямо сейчас. Я не могу рассказать. Они заставили меня поклясться.

Перрин заглянул в глаза Тэма и

кивнул:

— Тогда всё в порядке. Помощь нужна? С тобой кто-нибудь пойдёт туда, куда ты собрался?

— Со мной всё буде хорошо, — ответил Тэм. От него пахло смущением. Что же происходит? — Я постараюсь привести помощь, сынок.

Он положил руку Перрину на плечо:

— Ты всё делаешь правильно. Я горжусь тобой, и твой отец тоже гордился бы. Продолжай в том же духе. Если раньше не выйдет, тогда увидимся на Последней Битве.

Перрин кивнул в ответ. Тэм поспешил в сторону своей палатки,

видимо, пошёл собираться.

* * *

Довольно трудно сохранять величественный вид, когда тебя несут на носилках по городской стене Кэймлина, но Илэйн старалась изо всех сил. Иногда лучше пожертвовать производимым впечатлением, но добиться того, что тебе нужно.

Постельный режим! Для королевы! Ха! Чтобы отвязаться от Мелфани, она дала слово, что не встанет на ноги. Но не обещала, что останется в спальне.

Четыре Гвардейца, высоко подняв носилки, несли их на плечах. Илэйн в тёмно-красном платье удобно устроилась между подлокотниками. Её волосы были аккуратно уложены, поверх них покоилась андорская Корона Роз.

День был душный, стало жарче, но небо по-прежнему было затянуто тёмными облаками. На какое-то мгновение она почувствовала себя виноватой за то, что заставляет бедных людей в форме нести её по такой жаре. Но эти люди за неё готовы броситься в бой, поэтому могут справиться и с тёплой погодой.

В конце концов, Гвардейцам не так часто выпадает честь нести

собственную королеву.

Бергитте шагала рядом с носилками, и, судя по чувствам, доходящим от неё по узам, всё происходящее её забавляло. Илэйн опасалась, что женщина будет настроена против этой прогулки, но вместо этого та лишь посмеялась. Бергитте, похоже, была уверена, что дневная прогулка, хоть наверняка и расстроит Мелфани, не станет угрозой для Илэйн и её детей. Для Стража это означало возможность посмотреть, как Илэйн носят по всему городу, и она выглядит дура дурой.

Илэйн поморщилась. Что скажут люди? Королева до внешней стены

путешествует в носилках? Что ж, Илэйн не позволит возможным слухам помешать ей лично увидеть испытания, и не даст тирану-акушерке над собой издеваться.

Со стены открывался неплохой обзор. Слева от неё раскинулись поля, простирающиеся до Арингилла; справа — шумный город. Поля для этого времени года были слишком бурыми.

Со всего королевства приходили неутешительные отчёты. Девять полей из десяти не дали всходов. Гвардейцы поднесли Илэйн к одной из крепостных башенок, но столкнулись с трудностями, поняв, что повернуться с длинными

носилками на лестнице в башне не получится. Предполагалось, что смотр будет проходить на верху башни. К счастью, на такой случай были предусмотрены дополнительные короткие ручки. Носильщики заменили ручки и продолжили движение.

Пока её несли наверх, девушка отвлекалась, раздумывая о Кайриэне. Все Благородные Дома с нетерпением ждали её прибытия и восхождения на трон, но всё же кроме довольно вялых попыток никто не предлагал своей поддержки. Даэс Дей'мар в действии, и маневрирование для восшествия Илэйн на трон — или для неудачи в

этом деле — началось тогда, когда Ранд впервые упомянул, что намеревается передать ей трон.

В Кайриэне сотни различных политических течений двигались в сотнях различных направлений. У неё не было времени на то, чтобы изучить их все, прежде чем она займёт трон. Кроме того, если кто-то решит, что она в игре, значит она та, кого нужно обыграть. Нужно найти способ захватить Солнечный Трон, не слишком сильно вмешиваясь в местные интриги Домов.

Носилки Илэйн поскрипывали при подъёме, наконец, показался край башенки.

Алудра стояла наверху рядом с

образцом дракона. Бронзовая труба оказалась довольно длинной и была закреплена на деревянном основании. Это был прототип, только для показа. Второй работоспособный дракон стоял на следующей башне. Она находилась достаточно далеко, так что если что-то пойдёт не так, Илэйн будет в безопасности.

Казалось, стройной тарабонке даже не приходила в голову мысль, что она передаёт королеве иностранной державы оружие, способное изменить мир. Похоже, всё, чего хотела Алудра, как объяснил Мэт, — это отомстить Шончан или что-то вроде того. Путешествуя со

зверинцем Люка, Илэйн провела какое-то время с этой женщиной, однако, до сих пор не была уверена в том, насколько ей можно доверять. Ей нужно попросить мастера Норри за ней проследить.

Если, конечно, драконы работают. Илэйн посмотрела на людей внизу. Только сейчас она поняла, насколько высоко они находятся. Свет!

«*Я в безопасности, —* напомнила она себе. — *Помни о видении Мин*». Не то чтобы она упоминала об этом при Бергитте — больше нет. И она в самом деле намеревалась перестать собой рисковать. Это предприятие не было

рискованным. Совсем нет.

Она отвернулась, не дожидаясь, пока у неё закружится голова, и принялась усердно изучать дракона. Его форма напоминала большой бронзовый колокол, хотя длиннее и уже.

Похоже на положенную на бок огромную вазу. Илэйн получила не один официальный протест от рассерженных колокольных мастеров города. Алудра настаивала, чтобы её указания выполнялись точно, в связи с чем мастерам приходилось переделывать работу по три раза.

Вчера поздно ночью город потряс громкий звук. Словно где-то обрушилась каменная стена или

ударила молния. Этим утром Илэйн получила записку от Алудры.

Она гласила: *«Первое испытание прошло успешно. Встретимся сегодня на городской стене для демонстрации».*

— Ваше Величество, — сказала Алудра. — С вами... всё хорошо, да?

— Я в порядке, Алудра, — ответила Илэйн, пытаюсь сохранить достоинство. — Дракон готов?

— Готов, — подтвердила Алудра.

Она носила длинное коричневое платье, её чёрные волнистые волосы свободно спадали до талии. Почему она сегодня без косичек? Казалось, Алудру не заботили украшения, по

крайней мере Илэйн никогда не видела, чтобы она их носила. Рядом с ней стояли пять человек из отряда Красной Руки Мэта, один из них держал нечто, напоминающее щётку для дымохода. У другого в руках находился металлический шар, а у третьего — маленькое деревянное ведёрко.

Илэйн заметила похожую группу на соседней башне. Кто-то поднял в воздух шляпу и помахал ей. Похоже, Мэт решил лично понаблюдать за рабочим драконом. Отчаянный парень. А что если дракон взорвётся, как ночной цветок?

— Итак, представление начинается, — произнесла

Алудра. — Эти молодцы покажут вам, что будет происходить по соседству.

Она колебалась, глядя на Илэйн.

— Ваше Величество, думаю, вас нужно поднять повыше, чтобы вам было лучше видно.

Несколько минут спустя нашли несколько ящиков, на которые поставили носилки, приподняв Илэйн настолько, что она могла смотреть поверх зубцов башни. Как оказалось, на стоящем в отдалении холме было что-то сооружено, хотя было слишком далеко, и Илэйн не могла понять, что именно. Алудра достала несколько зрительных труб и дала по одной Илэйн и Бергитте.

Илэйн поднесла трубу к глазам. Чучела. Алудра расставила на холме рядами пятьдесят таких чучел. Свет! Где она взяла так много? Вероятно, вскоре Илэйн получит несколько многословных протестов от портных со всего города.

Мэт обещал, что результат стоит практически любой цены. Конечно, Мэт был верен себе. Он не был самым надёжным человеком в округе. *«Но ведь это не он фактически отдал бесценный тер'ангриал сторонникам Тени»*, — напомнила себе Илэйн. Она поморщилась. В её кошеле находилась ещё одна копия лисьего медальона. Одна из трёх, созданных

ею до сих пор. Если она обречена на постельный режим, то хотя бы употребит это время с пользой. Было бы веселее, если бы она могла всё время направлять.

Все три копии медальона работали так же, как и первая. Надев их, она не могла направлять, и мощное плетение могло пробить защиту. Ей очень нужен был оригинал для дальнейшего изучения.

— Как видите, Ваше Величество, — произнесла Алудра натянутым голосом, поскольку ей явно было непривычно проводить подобные представления, — мы неплохо постарались воссоздать условия, при которых вы можете

использовать драконов, верно?

«Только вместо пятидесяти ряженных кукол, нам придётся противостоять сотням тысяч троллоков», — подумала Илэйн.

— Обратите теперь внимание на соседнюю башню, — сказала Алудра, указывая в ту сторону.

Илэйн повернула трубу, рассматривая проходящее на башне. Там она увидела пять человек в форме Отряда, ожидающих рядом с другим драконом. Мэт разглядывал что-то внутри самой трубы.

— Эти люди обучались обращению с драконами, — продолжила Алудра, — но ещё не достигли нужной мне сноровки. Хотя

пока сойдёт, верно?

Илэйн опустила трубу, заметив, что команда, обслуживающая макет дракона, откатила трубу — та была на колёсах — и направила её в небо. Один засыпал внутрь немного чёрного порошка из ведёрка, а другой забил свернутый комок чего-то непонятного.

А затем третий утрамбовывал всё это внутрь при помощи своей длинной щётки. Оказалось, это была не щётка для дымохода, а какой-то инструмент, используемый для уплотнения.

— Это вещество похоже на порошок внутри ночного цветка, — сказала Бергитте. В её чувствах

проскальзывала настороженность.

Алудра пронзила Стража взглядом.

— Откуда же вам известно, что находится внутри ночного цветка, Майрион? Вы представляете, насколько опасно его вскрывать?

Бергитте пожала плечами.

Алудра нахмурилась, но, не получив ответа, глубоко вздохнула и постаралась успокоиться:

— Устройство совершенно безопасно. Мы будем стрелять из другого дракона, поэтому никакой опасности нет, так? В любом случае, они безопасны. Литьё отличное, а мои расчёты совершенны.

— Илэйн, — сказала

Бергитте. — И всё же я думаю, что было бы лучше наблюдать за происходящим снизу. Даже если тот, рядом с которым находимся мы, поджигать не будут.

— После всего, через что я прошла, чтобы подняться сюда? — спросила Илэйн. — Нет уж, спасибо. Алудра, ты можешь начинать.

Она проигнорировала раздражение Бергитте. Неужели Алудра действительно думает, что сможет поразить одну из тех ряженных кукол этим своим железным шаром? Это было очень далеко, а шар был таким маленьким, возможно чуть шире человеческой ладони. Неужели Илэйн потратила

все эти усилия только на то, чтобы в результате получить нечто, работающее даже хуже катапульты? По слухам, драконы могли запустить этот шар дальше, однако, выстреливаемые катапультой камни во много раз крупнее.

Команда закончила работу. Последний боец коснулся маленьким факелом фитиля, торчащего из шара, закатил его в трубу, а затем они развернули трубу наружу.

— Вы видите? — сказала Алудра, поглаживая дракона. — Достаточно всего троих человек. Четвёртый на всякий случай, если один из них будет ранен. При необходимости мог бы справиться и

один, но вышло бы гораздо медленнее.

Солдаты отступили назад, и Алудра подняла красный флаг. Она подняла его высоко в воздухе, подав сигнал другой команде. Илэйн смотрела на них сквозь трубу. Солдат поджёг небольшой запал. Мэт с любопытством наблюдал за происходящим.

Алудра опустила флаг. Солдат коснулся запалом дракона.

Звук последовавшего далее взрыва был настолько мощным, что Илэйн даже подпрыгнула. Грохот был резкий словно раскат грома, а потом она услышала нечто вроде отголоска выстрела. Она поднесла руку к груди,

вспомнив, что нужно дышать.

Ямка на склоне горы взорвалась мощными брызгами пыли и земли. Казалось, даже земля задрожала! Словно Айз Седай использовала плетение для взрыва земли, но здесь Единая Сила не использовалась.

Кажется, сама Алудра была разочарована. Илэйн поднесла зрительную трубу к глазам. Снаряд не долетел до чучел шагов двадцать, но оставил воронку диаметром пять шагов. Неужели шар взорвался подобно ночному цветку, чтобы сотворить такое? Нет, это устройство нельзя было назвать улучшенной катапульты или требушетом. Это было чем-то иным. Чем-то,

способным пробить землю железным шаром с такой силой, что он оставит после себя воронку, а затем ещё и взорвётся.

Да ведь при помощи этих драконов можно сравнять с землёй целую крепостную стену! А если они все ударят одновременно...

Алудра вновь подняла флаг. Илэйн с помощью трубы наблюдала, как команда на соседней башне прочистила трубу, а затем перезарядила. Мэт с мрачным видом держался за уши, что вызвало у Илэйн улыбку. Лучше бы он наблюдал с её башни. Процесс перезарядки занял совсем немного времени, возможно, минуты три. А

Алудра упоминала, что можно добиться ещё большей быстроты?

Алудра написала несколько распоряжений и отправила их вместе с посыльным солдатам на соседней башне. Они немного изменили положение дракона. Женщина взмахнула флагом и Илэйн застыла в ожидании следующего взрыва, но, когда он произошёл, всё равно подскочила.

На этот раз попадание пришлось в самый центр строя ряженных. Их разорванные остатки взвились в воздух. Взрыв уничтожил пять или шесть чучел и повалил наземь целую дюжину.

Обладая способностью стрелять

каждые две минуты, поражать далёкие цели и причинять такие разрушения, это оружие станет по-настоящему смертоносным. Возможно, столь же смертоносным, как *дамани*. Бергитте с невозмутимым лицом, не отрываясь, смотрела сквозь зрительную трубу, Илэйн чувствовала, что женщина застыла в изумлении.

— Ну как? Вас устраивает это оружие? — спросила Алудра.

— О да, Алудра, — улыбаясь, ответила Илэйн. — Более чем. В твоём распоряжении ресурсы всего города, да что там, всего Андора. В Андоре найдется ещё несколько литейщиков колоколов.

Она взглянула на женщину-Иллюминатора.

— Но ты должна держать планы и разработки в секрете. Я отправлю с тобой гвардейцев. Мы не можем допустить, чтобы какой-нибудь литейщик вздумал покинуть родину и продать информацию врагам.

— Пока они не доступны Шончан, — сказала Алудра, — меня это не беспокоит.

— Что ж, а вот меня — очень даже волнует, — ответила Илэйн. — И я присмотрю за тем, чтобы это оружие использовали правильно. Мне нужно, чтобы ты поклялась, Алудра.

Женщина вздохнула, но дала

клятву. Илэйн не собиралась использовать его против кого-либо, кроме троллоков и Шончан. Однако зная, что такое оружие находится лишь в её распоряжении, она будет чувствовать, что её народ в большей безопасности.

Подумав об этом, она улыбнулась и обнаружила, что ей трудно сдержать волнение. Бергитте, наконец, опустила свою трубу. Она была настроена... торжественно.

— Ну что ещё? — спросила Илэйн, когда до гвардейцев дошла очередь осматривать сквозь трубу произведённые разрушения. Она чувствовала легкое смятение в желудке. Неужели она съела что-то

плохое на завтрак?

— Мир изменился, Илэйн, — Бергитте покачала головой, отчего её коса мотнулась. — И он изменился очень сильно. У меня скверное предчувствие, что это только начало.

Глава 30

ЗДЕСЬ СПЯТ ЛЮДИ

— Эти Белоплащники, миледи, не очень разговорчивые парни, — сказала Ласиль с самодовольной улыбкой, — однако они остаются мужчинами. Которые, полагаю, давно не видели женщин. При мыслях о женщинах они всегда теряют те немногие умственные способности, что у них есть.

Фэйли прогуливалась вдоль коновязей, держа перед собой фонарь, поскольку небо было

тёмным. Перрин спал. В последнее время он рано ложился, навещая волчьи сны.

Белоплащники неохотно согласились отложить суд, но Перрин ещё не подготовил свою речь. Он постоянно ворчал в ответ, что давно знает, о чём именно скажет. Зная его, можно быть уверенным, что он, как и всегда, прямолинейно выложит Моргейз всё как было.

Ласиль и Селанда шли по обе стороны от Фэйли. Остальные члены Ча Фэйли шли сзади, внимательно наблюдая за всеми, кто оказывался в пределах слышимости.

— Думаю, Белоплащники догадались, что мы приходили за

ними шпионить, — высказала своё предположение Селанда. Невысокая бледная женщина шла, положив руку на меч. Сейчас её поза уже не казалась такой неуклюжей, как раньше. Селанда упорно тренировалась в обращении с оружием.

— Нет, сомневаюсь, — возразила Ласиль. Она осталась в простой песочного цвета блузе и тёмно-коричневой юбке. Селанда же сразу после возвращения сменила своё одеяние на штаны и меч — у неё на руке до сих пор оставался порез от пытавшегося её убить клинка, а вот Ласиль, казалось, понравилось носить юбку.

— Они не рассказали ничего стоящего, — заметила Селанда.

— Верно, — отозвалась Ласиль, — но мне кажется, такое поведение просто вошло у них в привычку. Наше появление под предлогом провести Майгдин и остальных выглядело вполне обоснованным, миледи. Мы смогли доставить вашу записку, а затем немного поболтать с мужчинами. Я их раззадорила достаточно, чтобы кое-что у них выведать.

Фэйли вскинула бровь, но Ласиль затихла, поскольку они проходили мимо припозднившегося конюха, чистившего щёткой одну из лошадей.

— Белоплащники уважают Галада, — сказала Ласиль так, чтобы конюх не услышал. — Хотя кое-кому и не нравятся некоторые его замыслы.

— Какие?

— Для Последней Битвы он хочет, чтобы они объединились с Айз Седай, — объяснила Ласиль.

— Да тут любой может сообразить, что им не понравится подобная идея, — сказала Селанда. — Это же — Белоплащники!

— Да, — сказала Фэйли, — однако, это говорит о том, что этот Галад умнее своих подчинённых. Это полезная информация, спасибо,

Ласиль.

Молодая женщина просияла, застенчиво откинув свои короткие волосы вместе с вплетёнными в них красными лентами. После пленения у Шайдо лент у неё стало в два раза больше.

Впереди между двух лошадей появилась чья-то долговязая фигура. У мужчины были густые усы, подстриженные на тарабонский манер, и, хотя он был молод, выглядел он многое повидавшим в своей жизни человеком. Это был Даннил Левин, оставшийся за главного у двуреченцев после того, как Тэм так таинственно покинул лагерь.

«Свет, сделай так, чтобы с Тэмом всё было хорошо, куда бы он ни направился».

— Эй, Даннил, — сказала Фэйли, — какое странное совпадение, что мы тебя здесь встретили.

— Совпадение? — переспросил он, почесывая затылок. В руке он держал свой похожий на посох лук, продолжая с подозрением на него поглядывать. — Вы же сами просили меня прийти.

— Всё должно выглядеть, как совпадение, — пояснила Фэйли, — на тот случай, если кто-нибудь спросит. Особенно, если этим кем-нибудь окажется мой муж.

— Мне не нравится мысль скрывать что-то от лорда Перрина, — ответил Даннил, принаравливаясь к её шагу.

— А ты предпочёл бы рискнуть его головой и отдать Перрина в руки бешеных Белоплащников?

— Нет, конечно. Никто из наших на такое не пойдёт.

— Так ты сделал то, о чём я тебя просила?

Даннил кивнул:

— Я поговорил с Грейди и Неалдом. Лорд Перрин уже сам приказал им держаться поблизости, однако мы всё же поболтали. Грейди сказал, что у него будут наготове плетения Воздуха, и если что-то

пойдёт не так, то с их помощью он поднимет лорда Перрина и унесёт прочь, а Неалд прикроет отступление. Также я поболтал с двуреченцами. Отряд стрелков скроется в деревьях и будет готов отвлечь внимание.

Фэйли кивнула. К счастью, в этом пузыре зла ни один Аша'ман не пострадал. При каждом из них был нож, но, судя по докладам, увидев ожившее оружие, они одним взмахом руки взорвали его прямо в воздухе. Когда в ту часть лагеря, в которой находились Аша'маны, прибыл посыльный Фэйли с сообщением о трюке с землёй, выяснилось, что здесь разрушений практически не

было. Грейди и Неалд просто прошли по лагерю, взрывая любое попавшееся на глаза оружие.

Одной из причин для переноса суда было Исцеление раненых. Однако другая и гораздо более существенная причина заключалась в том, что Перрин хотел предоставить кузнецам и оружейникам больше времени на пополнение арсенала на тот случай, если суд обернётся битвой. А в Фэйли крепла уверенность в том, что так и случится.

— Лорду Перрину не понравится, если его выдернут из битвы, — заметил Даннил. — Совсем не понравится.

— Тот шатёр может превратиться в смертельную западню, — пояснила Фэйли. — Перрин, если захочет, сможет командовать сражением, но из безопасного места. Вы вытащите его.

Даннил вздохнул, но кивнул.

— Хорошо, миледи.

* * *

Перрин учился не бояться Юного Быка. Шаг за шагом, он учился равновесию. Когда нужно — стать волком, когда нужно — человеком. Он позволял себе увлечься охотой, но постоянно

держал в голове мысли о Фэйли и о доме. Он ходил по лезвию меча, но теперь каждый шаг вселял в него уверенность.

Сегодня он охотился на Прыгуна, коварную и опытную дичь. Но Юный Бык учился быстро, человеческий мозг давал ему преимущество.

Он мог понять, как думает что-то или кто-то другой, отличающийся от него самого.

Интересно, Ноам начинал также? Где тот путь, что ведёт к пониманию? Для Юного Быка это было тайной, головоломкой, которую он должен был для себя разгадать.

Он не смеет потерпеть неудачу. Ему нужно научиться. Почему-то

казалось, что чем увереннее он чувствует себя в волчьих снах — тем ему спокойнее в реальном мире.

Юный Бык бежал по незнакомому лесу. Нет, по джунглям: повсюду свисали лианы и росли папоротники с широкими листьями. Подлесок был таким густым, что туда было бы трудно протиснуться даже крысе. Но Юный Бык приказал — и мир распахнулся навстречу. Лианы раздвинулись в стороны, кусты пригнулись, папоротники расступились, словно матери, оттаскивающие своих детей с пути несущейся галопом лошади.

Впереди он мельком заметил скачущего Прыгуна. Затем его добыча

исчезла.

Не сбавляя темпа, Юный Бык промчался по его следам, улавливая запах места, куда переместился Прыгун. Юный Бык переместился на равнину без деревьев, но поросшую незнакомыми кустарниками. Его добыча промчалась серией мелькающих на расстоянии вспышек. Юный Бык последовал за ним, каждым прыжком переносясь на сотни шагов.

За какие-то секунды они приблизились к огромному плато. Его добыча бежала вертикально вверх по каменной стене. Юный Бык последовал за волком, отбросив понятие о «правильном и

неправильном». Он бежал, оставив землю далеко внизу, устремившись носом по направлению к кипящему морю чёрных облаков. Юный Бык перепрыгивал через расщелины в скале, отталкиваясь от их стенок. Так он достиг вершины плато.

Прыгун напал. Но Юный Бык был готов. Он перекатился и встал на четыре лапы, а его добыча промелькнула над головой, оказавшись на краю утёса, однако в мгновение ока волк исчез и вновь появился, стоя уже на выступе.

Юный Бык стал Перрином с молотом из мягкой древесины в руке. Такое в волчьих снах было возможно: если молот поразит цель, он не

нанесёт вреда.

Перрин ринулся вперёд, воздух свистнул от неожиданной скорости его движения.

Но Прыгун был быстр и успел отскочить в сторону. Он перекатился, а затем, оскалив клыки, прыгнул Перрину на спину. Тот зарычал и переместился, появившись в нескольких шагах в стороне от места, где находился прежде. Челюсти Прыгуна клацнули в воздухе, а Перрин вновь замахнулся молотом.

Неожиданно Прыгуна окутал густой туман. Молот Перрина пролетел сквозь него, ударившись о землю, и отскочил. Молодой человек выругался, закрутившись на месте.

Он не мог видеть в этом тумане, не мог уловить запах Прыгуна.

Какая-то тень пришла в движение, и Перрин нанёс удар, но это был всего лишь поток воздуха. Перрин завертелся на месте, но увидел только движущиеся вокруг тени. Фигуры волков, людей и других незнакомых существ.

«Подчини мир себе, Юный Бык», — послал Прыгун. Перрин сфокусировался, подумав о сухом воздухе с затхлым запахом пыли. Вот на что должен быть похож воздух в такой засушливой местности, как эта.

Нет. Воздух не должен быть таким. Он и есть такой. Его разум,

его воля, его чувства натолкнулись на что-то ещё. Но он пробился.

Туман исчез, испарившись на жаре. Немного в стороне на задних лапах сидел Прыгун.

«Хорошо, — послал волк. — Ты учишься».

Он взглянул куда-то в северном направлении, казалось, его что-то отвлекло. А потом он исчез.

Перрин уловил его запах и последовал за ним на Джеханнахский тракт. Прыгун нёсся вдоль фиолетового купола. Они часто перемещались к этому месту, чтобы проверить, не исчез ли купол. Пока что этого не произошло.

Перрин продолжил

преследование. Может, купол специально создан для того, чтобы поймать волков в ловушку?

Но в таком случае, почему Губитель не расставил свою ловушку у Горы Дракона, где по каким-то причинам собралось так много волков?

Возможно, купол предназначен для других целей. Перрин запомнил несколько примечательных скальных выступов по периметру купола, а затем последовал за Прыгуном к невысокой скале. Волк спрыгнул с неё и исчез, Перрин продолжил преследование.

Он учуял запах места, куда в прыжке переместился Прыгун, затем

представил себя бегущего по этой местности. Молодой человек появился в двух футах над мерцающим синим пространством. Ошеломлённый увиденным, он полетел вниз и плюхнулся в воду.

Выронив молот, он яростно начал грести руками. Прыгун стоял на поверхности воды, по-волчьи выражая своё неодобрение:

«Так не пойдёт, — добавил волк. — Тебе всё ещё нужно многому научиться».

Море становилось беспокойнее, но Прыгун спокойно сидел на накатывающихся волнах. Он вновь устремил свой взгляд на север, но потом повернулся к Перрину.

«Вода тебя беспокоит, Юный Бык».

— Меня застали врасплох, — ответил Перрин, отчаянно барахтаясь.

«Почему?»

— Потому что я этого не ожидал!

«Зачем ожидать чего-то? — передал ему Прыгун. — Когда ты кого-то преследуешь, ты можешь оказаться абсолютно в любом месте».

— Я знаю.

Перрин выплюнул попавшую в рот воду. Он стиснул зубы, а затем представил себя, как и Прыгун стоящим на поверхности воды. Хвала

Свету, он выбрался из воды и оказался на её поверхности. Под ним плескались волны, и ощущение было странным.

«Так тебе не одолеть Губителя», — заметил Прыгун.

— Значит нужно продолжать учиться, — сказал Перрин.

«Времени мало».

— Я буду учиться быстрее.

«А ты сможешь?»

— У нас нет другого выбора.

«Ты можешь с ним не сражаться».

Перрин покачал головой.

— Разве мы бежим от своей добычи? Если мы отступим, она будет охотиться на нас. Я сражусь с

ним, и мне нужно быть к этому готовым.

«Есть один способ», — от волка запахло тревогой.

— Я сделаю всё, что нужно.

«Следуй», — Прыгун исчез, а Перрин учуял неожиданный запах: отбросы и грязь, горящее дерево и уголь. Люди.

Перрин переместился и обнаружил себя на вершине здания в Кэймлине. Он был в этом городе только один раз и недолго, поэтому вид раскинувшегося перед ним прекрасного Внутреннего Города — древних зданий, куполов и шпилей, возвышающихся на вершине холма, словно величественные сосны на

вершине горы — заставил его остановиться. Он находился рядом с древней стеной, за которой лежал Новый Город.

Прыгун сел рядом с ним, рассматривая прекрасный город. Говорили, что большую часть города строили Огир, и, видя эту восхитительную красоту, Перрин мог в это поверить. Поговаривали также, что Тар Валлон величественнее Кэймлина. В это уже верилось с трудом.

— Почему мы здесь? — спросил Перрин.

«Здесь спят люди», — ответил Прыгун.

В реальном мире так оно и

было. Здесь же, это место было пустынным. Здесь было светло как днём, несмотря на бурю в небе, и Перрин чувствовал, что улицы должны сейчас быть наполнены толпами людей. Хозяйки идут на рынок и обратно; едут дворяне верхом на лошадях; фургоны везут бочки с пивом и мешки с зерном; бегают детишки; снуют карманники в поисках поживы; рабочие чинят мостовую. И между всеми ними предприимчивые лотошники, предлагающие всем свои пироги с мясом.

Вместо всего этого одни намёки. Тени. Валяется потерянный носовой платок. Дверь, которая секунду назад

была открыта, оказалась закрытой. Прилипшая к грязи в переулке потерянная подкова. Будто всех людей внезапно забрали, унесли Исчезающие или какие-то другие чудовища из страшной сказки.

На мгновение внизу появилась женщина. Она была одета в красивое зелёное с золотом платье. Она остекленевшими глазами посмотрела на улицу, а затем исчезла.

В волчьих снах и правда иногда появлялись люди. Перрин решил, что это происходило во сне, и являлось частью их собственных снов.

«Это место, — сказал Прыгун, — не только для волков. Это место для всех».

— Для всех? — спросил Перрин, садясь на черепичную крышу.

«Все души знают это место, — сказал Прыгун. — Они оказываются здесь, если стремятся попасть».

— Во сне.

«Да, — сказал Прыгун, ложась рядом. — Людские кошмары сильны. Настолько сильны, что, иногда, эти жуткие сны приходят сюда».

Это послание было огромным, размером со здание, волком, отбрасывающим в разные стороны нападавших на него маленьких волков. Повсюду был запах ужаса и смерти волков. Словно... кошмар.

Перрин медленно кивнул.

«Много волков испытали боль этих кошмаров. В основном они появляются там, где ходят люди, хотя сон живёт свободно от тех, кто его создал».

Прыгун посмотрел на Перрина.

«Охота в снах-кошмарах сделает тебя сильнее. Но ты можешь умереть. Это очень опасно».

— У меня нет времени осторожничать, — ответил Перрин. — Пора приступать.

Прыгун не спросил, уверен ли он. Он спрыгнул вниз на улицу, Перрин последовал за ним и мягко приземлился. Прыгун скачками двинулся вперёд, а Перрин перешёл

на бег.

— Как мы их найдём? — спросил Перрин.

«По запаху страха, — передал Прыгун. — Ужаса».

Перрин закрыл глаза и глубоко вздохнул. Также как иногда в волчьих снах открываются и закрываются двери, так и он мог на короткое время ощущать запахи, которые потом исчезали. Заплесневелый зимний картофель. Навоз от проходившей мимо лошади.

Пирог, выпечка.

Когда он открыл глаза, ничего этого рядом не было. Здесь они не были реальны, хотя и были очень похожи на настоящие. Они только

могли бы быть.

«Туда», — сказал Прыгун, исчезая. Перрин последовал за ним и появился рядом с волком возле узкого переулка. Внутри он был неестественно тесным.

«Иди, — сказал Прыгун. — В первый раз ненадолго. Я приду за тобой. Помни — этого не существует. Помни, что это ненастоящее».

Ощущая беспокойство и вместе с тем решимость, Перрин сделал шаг в переулок. Стены с обеих сторон были чёрные, словно их кто-то покрасил. Только... они были слишком чёрными, неестественно чёрными. На что это он наступил?

На пучок травы? Небо над ним перестало бушевать, и он подумал, что смог бы увидеть звёзды. В небе появилась окутанная облаками слишком большая бледная луна. От неё исходило холодное, как ото льда, свечение.

Он больше не был в городе. Перрин обернулся и с тревогой обнаружил, что находится в лесу. Его окружали толстые стволы деревьев, но он не мог определить какие именно. Их ветви были голые. А кора — сероватого цвета и в сумеречном свете выглядела, словно кость.

Ему нужно вернуться в город! Прочь из этого ужасного места. Он развернулся. Что-то вспыхнуло в

ночи, и он закрутился на месте.

— Кто здесь! — закричал он.

Из темноты появилась несущаяся как сумасшедшая женщина. На ней была свободная белая одежда, чуть длиннее сорочки, за спиной развевались длинные тёмные волосы. Заметив его, она остановилась, а затем развернулась и двинулась, будто пытаясь сбежать в противоположном направлении.

Перрин остановил её, схватив за руку, и потянул назад. Она боролась, упираясь ногами в тёмную глинистую почву, пытаясь вырваться. Она тяжело дышала. Вдох, выдох. Вдох, и выдох. От неё пахло ужасом.

— Мне нужно найти путь

наружу! — сказал Перрин. — Нам нужно вернуться в город.

Их глаза встретились.

— *Он* идёт, — прошептала она. Женщина вырвала руку и убежала, исчезнув в ночи. Темнота окутала её, словно саван. Перрин шагнул вперёд с протянутой ей вслед рукой.

За спиной слышались какие-то звуки. Он медленно повернулся и увидел нечто огромное. Смутная тень, которая впитывала в себя лунный свет. Казалось, это нечто крадёт дыхание, поглощая жизнь Перрина и волю.

Нечто становилось всё выше. Оно выросло выше деревьев: неповоротливый монстр, чьё лицо и

туловище терялись в тени, с ручищами толщиной с бочку. Оно открыло тёмно-красные глаза, похожие на два сжигающих жизнь огромных уголька.

«Я должен с ним сразиться! — подумал Перрин, в его руке появился молот. Он шагнул вперёд, но заколебался. *— Свет! Какой же он огромный!»*

Он не мог с этим сражаться. Он не выстоит в открытом бою. Ему нужно спрятаться.

Он развернулся и побежал сквозь враждебный лес. Нечто последовало за ним. Он слышал, как чудовище ломает ветки, а его шаги сотрясали землю.

Впереди он увидел женщину, её тонкое белое платье зацепилось за ветки и остановило её бегство. Она отцепила его и снова побежала.

Чудовище приближалось. Оно хотело поймать, съесть, уничтожить его!

Он окликнул женщину, протягивая к ней руки. Она оглянулась через плечо и споткнулась.

Перрин выругался. Он подбежал к ней, чтобы помочь подняться. Но монстр был уже близко!

Значит, будет бой. Его сердце бешено колотилось, словно дятел по дереву. Ладони вспотели, сжимая молот, он обернулся и столкнулся

лицом к лицу с ужасным созданием. Перрин встал между ним и женщиной.

Чудовище поднялось, становясь всё больше, его красные глаза сверкали огнём. Свет! Как же с ним сражаться?

— Что это такое? — с отчаянием спросил он женщину. — Почему оно нас преследует?

— Это он, — прошептала она. — *Возрождённый Дракон.*

Перрин застыл. Возрождённый Дракон. Но... но ведь это значит Ранд. «*Это ночной кошмар,* — напомнил он себе. — *Это всё нереально. Я не могу позволить, чтобы он захватил мой разум!*»

Земля задрожала, будто в стенаниях. Он мог чувствовать жар глаз чудовища. Сзади слышался шорох — это убегала женщина, бросив его на произвол судьбы.

Перрин выпрямился на дрожащих ногах, каждый мускул в нём кричал, что нужно бежать. Но он не мог. Как не мог и сражаться. Он не хотел принимать происходящее за действительность.

Завыл волк, а потом выпрыгнул на свет. Казалось, Прыгун подвинул собою темноту. Существо наклонилось к Перрину, протянув к нему огромную руку, словно пытаясь его раздавить.

«Это всего лишь переулок. В

*Кэймлине. Чудовище не настоящее.
Его не существует».*

Темнота вокруг него исчезла. Огромное чёрное порождение тени растворилось в воздухе, словно разорванный кусок ткани. Луна пропала.

Под ногами появилась полоска грязной, утопанной земли переулка.

Потом с треском кошмар исчез. Перрин вновь стоял в переулке, Прыгун рядом с ним, а вокруг — никаких признаков леса или ужасного чудовища, в виде которого кто-то представлял себе Возрождённого Дракона.

Перрин медленно выдохнул. По лбу струился пот. Он хотел было

вытереть его рукой, но вместо этого пожелал, чтобы тот испарился.

Прыгун исчез, Перрин отправился следом и появился на той же черепичной крыше, где они сидели до этого. Он присел. Даже воспоминание о той тени заставило его содрогнуться.

— Это казалось таким реальным, — сказал он. — Часть меня знала, что это ночной кошмар. Я не мог удержаться: хотелось либо сражаться, либо пытаться убежать. Но когда я что-то выбирал, оно становилось больше, верно? Это потому что я принимал всё происходящее за реальность?

«Да. Ты не должен доверять

тому, что видишь».

Перрин кивнул.

— Там была женщина. Она часть сна? Она тоже не была настоящей?

«Да».

— Может, она была той, кому это приснилось, — предположил Перрин. — Той, кого кошмар поймал в свою ловушку и затащил в Мир Снов.

«Спящие люди не задерживаются здесь надолго, — передал Прыгун. Для него это означало конец разговора. — Ты был силен, Юный Бык. Ты хорошо справился».

От него пахло гордостью.

— Мне помогло то, что она назвала его Возрождённым Драконом. Это показало мне, что всё нереально. Помогло мне поверить, что этого нет.

«Ты хорошо справился, глупый щенок, — повторил Прыгун. — Возможно, тебя можно научить».

— Только если я буду практиковаться. Нам нужно попробовать ещё раз. Ты можешь найти другой кошмар?

«Могу, — послал Прыгун. — Рядом с вашим племенем всегда присутствуют кошмары. Всегда».

Однако волк снова повернулся в северном направлении. До этого Перрин думал, что его отвлекают

что-то сны, но сейчас ему уже так не казалось.

— Что там? — спросил Перрин. — На что ты постоянно отвлекаешься?

«Она идёт», — передал Прыгун.
— Что идёт?

«Последняя Охота. Она или начнётся. Или нет».

Перрин нахмурился.

— Ты имеешь в виду... прямо сейчас?

«Решение будет принято. Скоро».

— Какое решение?

Послания Прыгуна были запутанны, и Перрин не мог их расшифровать.

«Свет и Тьма, пустота и огонь, холод и ужасный, ужасный жар, смешанные с волчьим воем, зовущим, придающим силы».

«Идём». — Прыгун стоял, устремив взгляд на север.

Волк исчез. Перрин переместился за ним и появился на склонах Драконовой горы, возле голого камня.

— Свет! — тихо произнёс Перрин, с трепетом посмотрев вверх. Буря, клочковавшая в небе много месяцев, достигла апогея. Всё небо покрывала массивная чёрная грозовая туча, закрывая собой вершину горы. Она медленно закручивалась в огромный чёрный

вихрь, извергающий молнии. В других местах в волчьем сне облака бурлили, но словно отдалённо. Здесь же всё было вблизи.

Здесь был... некий центр. Перрин это чувствовал. Часто, волчьи сны отражали реальный мир странным и неожиданным образом.

Прыгун стоял на скале. Перрин ощущал присутствие других волков, они усеивали склоны Драконовой горы. Их было даже больше, чем он чувствовал раньше.

«Они ждут, — объяснил Прыгун. — Грядёт Последняя Охота».

Когда Перрин мысленно потянулся, он вдруг обнаружил

другие группы волков, которые всё ещё находились на отдалении, но целеустремлённо двигались к Драконовой горе. Перрин посмотрел наверх, на возвышающийся гигантский пик. Могила Льюса Тэрина, Дракона. Памятник его безумию, его неудаче и его успеху. Его гордости и самопожертвованию.

— Эти волки, — сказал Перрин. — Они собираются на Последнюю охоту?

«Да. Если она настанет».

Перрин повернулся к Прыгуну.

— Ты же говорил, что она будет.

Говорил: «Грядёт Последняя охота».

«Должен быть сделан выбор, Юный Бык. Один из путей ведёт к

Последней Охоте».

— А другой? — спросил Перрин.

Прыгун ответил не сразу. Он повернулся к Драконовой Горе.

«Другой путь не ведёт к Последней Охоте».

— Да, но куда он ведёт?

«В никуда».

Перрин собрался было продолжить расспросы, но послание Прыгуна его поразило. «Никуда» для волков означало пустое логово, щенки, попавшие в руки охотника. Ночное небо без звёзд. Запах старой высохшей крови, затхлый и почти выветрившийся.

Перрин закрыл рот. В небе

бушевал чёрный вихрь. Молодой человек принюхался и почувствовал в ветре запах сломанных деревьев и грязи, затопленных полей и пожарищ. Как часто бывало, в особенности в последнее время, казалось, эти запахи резко отличались от запахов окружающего мира. Его обоняние говорило, что он находится в самом центре катастрофы, но все остальные чувства не замечали ничего неправильного.

— Этот выбор... почему бы нам просто не сделать его?

«Это не наш выбор, Юный Бык».

Перрин почувствовал, что его

тянет вверх, к облакам. Помимо собственной воли, он начал подниматься по склону. Прыгун поспешил за ним.

«Это опасно, Юный Бык».

— Я знаю, — ответил Перрин, но не мог остановиться. Вместо этого, он пошёл быстрее, с каждым шагом приближаясь к цели. Прыгун бежал рядом, минуя деревья, скалы и наблюдающих за ними волков. Перрин с Прыгуном поднимались всё выше, деревьев становилось меньше, а земля замёрзла и покрылась льдом.

Наконец, они поднялись под облака. Они были похожи на тёмный туман, в котором, дрожа, закручивались потоки. Перрин

помедлил, стоя снаружи, но затем шагнул внутрь. Это было похоже на то, как он шагнул в кошмар. Внезапно ветер усилился, воздух будто загудел от скопившейся в нём энергии. Навстречу полетели листья, грязь с песком, и ему пришлось заслониться от них рукой.

«Ну, нет», — подумал он.

Вокруг него возник небольшой пузырь спокойного воздуха. Буря продолжала бушевать буквально в дюйме от его лица, и ему стоило больших усилий её сдерживать. Эта буря не была кошмаром или сном. Это было нечто большее, нечто более реальное. На этот раз, именно Перрин сотворил нечто

неправильное, создав пузырь спокойствия.

Оставляя следы в снегу, он направился вперёд. Прыгун шагал против ветра, умудряясь ослабить его воздействие на себя. Ему это удавалось лучше, чем Перрину. Молодой человек же только и мог, что двигать вперёд созданный им пузырь. Он боялся, что без защиты буря засосёт его и утащит в небо.

Он видел, как мимо пролетали огромные ветки и даже небольшие деревья.

Прыгун замедлился, а затем сел на снег. Он посмотрел на вершину. *«Я не могу остаться, — послал волк. — Мне здесь не место».*

— Я понимаю, — ответил Перрин.

Волк исчез, а он продолжил путь. Перрин не мог объяснить, что им двигало, но он знал, что должен быть свидетелем происходящего. Кто-то должен это увидеть. Казалось, он идёт уже несколько часов, сосредоточившись только на двух вещах: удерживать ветер подальше от себя и шаг за шагом переставлять ноги.

Буря нарастала. Она была настолько сильной, что Перрину не удавалось сдерживать её всю, а только отводить от себя самые мощные вихри. Прикрываясь от внезапных порывов ветра, он прошёл

мимо остроконечного расколотого надвое горного пика, прокладывая себе путь над пропастью вдоль него. Ветер начал рвать с него одежду, и Перрину пришлось прищурить глаза, чтобы спастись от летящей навстречу пыли и снега.

Но он продолжал идти, пробираясь к возвышающейся впереди вершине, выраставшей над разрушенной частью горы. Он знал, что там найдёт. Этот вселяющий ужас водоворот в волчьем сне был отражением чего-то большого, чего-то ужасного. В этом месте некоторые вещи были куда реальнее, чем в обычном мире. В снах бушевала буря потому, что в реальном мире

происходило нечто важное. Он опасался, что нечто ужасное.

Перрин спешил, прокладывая себе путь сквозь снег, пробираясь по скалам, оставляя кожу с пальцев на промёрзших камнях. Но за последние несколько недель он здорово продвинулся в учёбе. Теперь он перепрыгивал через такие пропасти, через которые был не способен перепрыгнуть раньше, взбирался на такие скалы, которые раньше для него были недостижимы.

На вершине разрушенного зазубренного пика стояла фигура.

Перрин упорно продолжал двигаться к ней. Нужно, чтобы кто-то это увидел. Нужно, чтобы кто-то был

здесь, когда всё случится.

Наконец, Перрин преодолел последний камень и обнаружил, что находится в нескольких футах от вершины. Теперь он смог разглядеть стоявшую на ней фигуру. В самом эпицентре вихря, уставившись на восток, неподвижно стоял человек. Он был призрачным отражением реального мира, словно его тень. Перрин никогда прежде не видел ничего подобного.

Разумеется, это был Ранд. Перрин знал это заранее. Одной ободранной рукой Перрин держался за камень, а другой придерживал плащ, который он создал, преодолевая нижние каменные

карнизы. Покрасневшими глазами он пристально всматривался вверх. Большую часть сил Перрину пришлось направить на то, чтобы отводить прочь самые сильные порывы ветра и не позволить затянуть себя в вихрь.

Внезапно вспыхнула молния и, впервые с момента появления бури, прогремел гром. Молнии образовали дугообразный купол над вершиной горы. Он осветил лицо Ранда: жёсткое, безразличное, словно высеченное из камня. Куда делись его плавные черты? Откуда в нём появилось столько резких линий и углов? А эти глаза! Кажется, что они сделаны из мрамора!

На Ранде был чёрный с красным кафтан. Отлично скроенный и богато украшенный. На поясе висел меч. Порывы ветра не задевали его одежду. Она выглядела неестественно ровной, словно Ранд на самом деле был вырезанной из камня статуей. Единственное, что в нём жило — были его тёмно-рыжие волосы, трепетавшие и сплетающиеся от ветра.

Перрин изо всех сил цеплялся за камни, борясь за свою жизнь. Ледяной ветер бил по щекам, пальцы и ноги настолько окоченели, что он их почти не чувствовал. Его борода покрылась льдом и пыльным снегом. Вокруг Ранда начало вращаться нечто

чёрное. Это не было частью бури — казалось, из него наружу просачивалась сама ночь. Из-под кожи Ранда прорастали усики этого нечто, словно его обвивали чьи-то крошечные ручки. Казалось, их питает само зло.

— Ранд! — проревел Перрин. — Сражайся с ним! Ранд!

Шум ветра перекрывал его голос, да и в любом случае сомнительно, чтобы Ранд мог его слышать. Темнота, словно дёготь, продолжала просачиваться сквозь поры Ранда, образуя смолистые миазмы вокруг Возрождённого Дракона. В какой-то момент Перрин уже еле-еле мог различить его

фигуру сквозь эту черноту. Она совсем скрыла его под собой, отрезая от мира, вытеснила. Возрождённый Дракон исчез. Осталось только зло.

— Ну, пожалуйста, Ранд... — прошептал Перрин.

И вдруг, из самого сердца черноты, из эпицентра вихря и воя, сквозь чёрное зло, подобно пламени свечи в непроглядную тёмную ночь, пробился крошечный серебристый лучик света. Свет, такой хрупкий, сияя, словно маяк, устремился вверх к небу.

Вихрь ещё злее напал на него, штормовые ветра взревели и завывали.

Над вершиной скалистого пика ударила молния, разрывая скалу на

куски, вспарывая землю. Чернота задрожала и запульсировала.

И всё равно свет сиял.

По скорлупе зловещей темноты прошла сеть трещин, изнутри засиял свет. Трещины множились, одна за другой. Внутри находилось нечто сильное, сверкающее, яркое.

Скорлупа взорвалась, освобождая и выпуская наружу столб света, столь яркого, столь невероятного, что, казалось, он выжег глаза Перрина. Но несмотря на это молодой человек смотрел на него, не пытаясь закрыться рукой или отвернуться от великолепного видения. Внутри колонны света, открыв рот, будто крича небесам,

стоял Ранд. По солнечному ярко-жёлтый столб прорезал воздух, и, казалось, буря содрогнулась и всё небо вздрогнуло.

Вихрь исчез.

Столб жгучего света превратился в лучи солнца, струящиеся с неба вниз, освещающие вершину Горы Дракона. Перрин с трудом оторвал вцепившиеся в камень пальцы, с восхищением глядя на стоящего в лучах света Ранда. Казалось, прошло так много времени с тех пор, как Перрин в последний раз видел луч чистого солнечного света.

Взвыли волки. Это был вой триумфа, славы и победы. Перрин

поднял голову и тоже завыл, став на мгновение Юным Быком. Он чувствовал, как растёт поток солнечного света, как его омывает тепло и прогоняет лютый холод. Он едва успел заметить, как исчез образ Ранда, оставив после себя лишь солнечный свет.

Вокруг Перрина в мгновение ока разом появились волки. Они продолжали выть, наскакивая друг на друга, ликуя и танцуя в омывающем их солнечном свете. Они выли и лаяли, подбрасывая вверх комья снега. Среди них был Прыгун, он взвился в воздух, паря по направлению к Перрину.

«Последняя Охота начинается,

Юный Бык! — прокричал Прыгун. —
Мы живы. Мы живы!»

Перрин повернулся к тому месту, где стоял Ранд. Если бы эта темнота поглотила Ранда...

К счастью этого не случилось. Он широко улыбнулся в ответ:

— Грядёт Последняя Охота! — выкрикнул он волкам. — Пусть она начнётся!..

Они завyli в знак согласия, также оглушительно громко, как всего мгновением ранее гремела буря.

Глава 31

В ПУСТОТУ

Мэт выпил остатки вина, насладившись его прохладным сладким вкусом. Он поставил кубок на стол и выпустил зажатые в руке пять игральных костей. Звонко ударившись друг о друга, они упали на деревянный пол таверны.

Атмосфера заведения была густо наполнена звуками, бранью и запахами дыма, крепких напитков и стейка, переперчённого так, что вряд ли можно было за приправой ощутить вкус мяса. Может, оно и к лучшему. Даже здесь, в Кэймлине,

невозможно было предугадать, когда именно испортится мясо.

Окружавшие Мэта бугаи следили, как катятся кости: от одного из них воняло чесноком, от другого — потом, а от третьего — живодёрней. Несмотря на то, что у них были грязные руки и сальные волосы, деньги оставались деньгами. Игра была шайнарской, и Мэт не знал её правил. Она называлась Коронный выстрел.

— Пять единиц, — объявил чесночный тип. Его звали Риттл. Похоже, он был обеспокоен. — В пролёте.

— Вот и нет, — мягко возразил Мэт. Неважно, что правила ему не

известны. Он-то знал, что выиграл, просто чувствовал. Удача была при нём.

Хорошая штука, сегодня ночью она ему пригодится.

Живодёр потянулся к поясу, на котором висел жутковатого вида кинжал. Имя живодёра было Саддлер, и о его подбородок при желании можно было бы точить мечи:

— Мне казалось, дружище, что ты не знаешь правил?

— Не знаю. Дружище, — ответил Мэт. — Но знаю точно, что выиграл. Может, расспросим людей, вдруг кто-то подскажет?

Троица с мрачным видом

переглянулась. Мэт поднялся. За долгие годы стены таверны закоптились от трубочного дыма, а окна, несмотря на превосходное стекло, стали тусклыми от копоти и грязи. Никогда их не мыть стало доброй традицией. На выцветшей от времени вывеске на фасаде здания красовалось изображение колеса фургона; название таверны было «Пыльное колесо». Но вся округа называла её «Колесом Сплетен», поскольку здесь было лучшее во всём Кэймлине место, чтобы узнать последние слухи. По большей части они не имели ничего общего с действительностью, но в этом-то и заключалась забавная часть

процесса.

Почти вся публика пила эль, однако Мэт в последнее время пристрастился к хорошему красному вину.

— Хотите ещё, мастер Кримсон? — поинтересовалась у него служанка, по имени Кэти. Она была жгучей брюнеткой с улыбкой шириной в половину дороги до Кайриэна. Кэти всю ночь увлечённо с ним флиртовала, хоть он и объяснил ей, что женат. Он даже не улыбался ей в ответ. Почти. И даже не самой лучшей из улыбок своего арсенала. Некоторые женщины не желают видеть правды, даже если она написана у них на лбу. Это факт.

Он от неё отмахнулся. Всего один кубок на всю ночь. Для куража. Чтоб ему сгореть, но кураж ему точно потребуется. Покоряясь судьбе, Мэт сдёрнул шарф с шеи и положил на край стола. Затем, вытащил и повесил на виду, поверх нового красного кафтана, расшитого серебром, который приобрёл для него Том, лисий медальон. Свет, как же здорово было вновь его надеть!

Потом взял в руки прислонённый к стене ашандарей и снял с его лезвия чехол. Копьё он положил на плечо.

— Эй! — громко воскликнул он. — Кто-нибудь в этом треклятом месте знает правила Коронного

Выстрела?

Все трое его соперников по игре устали на оружие. Третий из них, по имени Снелли, поднялся на ноги, и, заложив большие пальцы за пояс, отодвинул полы кафтана. Под ним оказался заткнутый за пояс короткий меч.

Основная публика вначале не обратила на Мэтта никакого внимания. Болтовня не стихала. Трепались про ушедшую армию Приграничников, про беременность королевы, про Возрождённого Дракона, про странные смерти, и про не очень странные тоже. Здесь у каждого была сплетня, которой можно поделиться. Публика была

разной, кто-то носил не более чем лохмотья, другие же — дорогие наряды. Знать, нищие и все, кто между ними — все шли в Колесо Сплетен.

Только несколько человек у бара повернулись поинтересоваться, из-за чего шум. Один удивлённо вытаращился. Мэт взял со стола за тулью широкополую чёрную шляпу и нахлобучил её на голову. Тип толкнул своих приятелей. Потный и лысый Снелли поднял руку к подбородку, словно пытаясь что-то вспомнить, и задумчиво его поскрёб.

Потом он улыбнулся:

— Похоже, дружище, никто не собирается тебе отвечать. Видимо,

придётся положиться на наше слово. Не нужно было садиться играть, не узнав правил. А теперь или плати, или...

Риттл вытаращил глаза, вскочил на ноги и дёрнул приятеля за руку, затем наклонился к его уху и что-то шепнул. Снелли посмотрел на медальон Мэта, потом поднял взгляд и уставился ему в глаза.

Мэт кивнул.

— Прошу прощения, — произнёс Риттл, пятясь назад. Остальные двое присоединились к нему. Они ушли, бросив свои игральные кости и деньги на полу.

Мэт как ни в чём ни бывало присел, и, собрав монеты, ссыпал их

в кошелёк. Игральные кости он оставил лежать, где были. Они были заряжены и почти всегда выкидывали тройки. Он смог определить это ещё в серии пробных бросков, перед тем как поставить деньги на кон.

По общему залу таверны, словно рой муравьёв, облепляющих труп, пронеслось шушуканье. Задвигались стулья. Разговоры изменили ритм, какие-то из них смолкли вовсе, другие — накалились. Мэт поднялся на ноги, собираясь идти. Народ быстро очистил ему путь.

Уходя, Мэт оставил на стойке бара золотую крону и прощально прикоснулся к шляпе, обращаясь к владельцу — Хатчу. Тот стоял за

стойкой, протирая полотенцем стаканы. Рядом стояла его жена. Она была хорошенькой, но у Хатча всегда под рукой была особая дубинка, которой он охаживал тех, кто засматривался на его жену слишком долго. Поэтому ей Мэт уделил лишь мимолётный взгляд.

Брошенный чёрный шарф остался лежать на полу. Всё равно в нём дыра. Мэт вышел на ночную улицу, и в тот же момент грохотавшие в его голове кости остановились.

Начиналось серьёзное дело.

Он вышел на середину улицы. Весь вечер он провёл, не пряча своего лица, и мог с уверенностью

сказать, что его опознали несколько типов, а именно — те, кто затем молча выскользнули из таверны. У окон и двери таверны начала собираться толпа зрителей, наблюдая, как он идёт прочь от крыльца.

Мэт старался отогнать от себя мысль о том, что все эти уставившиеся ему в спину взгляды похожи на впившиеся ножи. Свет, он чувствовал, будто болтается в ещё одной петле. Мэт поднял руку и провёл пальцами по шраму. Давненько он не разгуливал с голой шеей. Даже находясь с Тайлин, шарф он обычно оставлял.

Но этой ночью он танцует с

Джаком из Теней. Мэт привязал медальон к лезвию ашандаря. Он разместил его так, чтобы медальон лежал вдоль плоской части лезвия, и одним краем чуть выступал за кончик острия. Хоть и непросто будет ударить плоской частью копья так, чтобы попасть медальоном по телу, но это лучше, чем вращать его на шнурке рукой.

Закрепив медальон, он выбрал дорогу и двинулся в путь. Сейчас он находился в Новом Городе, где все здания, в отличие от прекрасной огирской работы кварталов центрального Кэймлина, были построены людьми. Дома были сделаны на совесть, но они были

узкими, хрупкими и жались один к другому.

Не успел он перейти на другую улицу от Колеса Сплетен, как на него напала первая группа убийц. Их было четверо. Едва они напали, из ближайшего переулка выскользнули смутные тени во главе с Талманесом. Мэт повернулся к оказавшимся в меньшинстве убийцам. Уличные бандюганы тут же испарились, и Мэт кивнул Талманесу.

Бойцы Отряда вновь растворились в темноте, и Мэт продолжил свой путь. Он старался идти помедленнее, держа ашандарей на плече. Солдатам было приказано держаться подальше, пока на него не

нападут.

За час их помощь понадобилась ему ещё трижды. Каждый раз это помогало распугать большие группы головорезов. В последний раз ему с бойцами даже пришлось вступить в схватку. Бандиты не могли сравниться в мастерстве с опытными солдатами, не помогла даже темнота и знакомые улицы. После обмена ударами на мостовой осталось пять мертвецов, но только один из его бойцов оказался ранен. Мэт отправил Харвелла обратно в сопровождении ещё двух солдат.

Становилось всё темнее. Мэт уже начал волноваться, что следующей ночью придётся

повторить выступление, но тут заметил стоящий на его пути силуэт. Мостовая была влажной из-за вечернего тумана, и от неё отражался свет ущербной луны.

Мэт остановился, опустив оружие. Ему не удалось разглядеть детали, но то, как стояла эта фигура...

— Думаешь, что можешь заманить меня в засаду? — весело спросил голам. — При помощи своих подручных, которые от первого прикосновения ломаются, рвутся или мрут на месте?

— Просто я устал убегать, — громко ответил Мэт.

— Стало быть, ты решил сам

прийти ко мне в руки? Какой подарок.

— Ага, — ответил Мэт, поворачивая ашандарей так, чтобы лисий медальон сверкнул в лунном свете. — Только помни, я кусаюсь.

Тварь скользнула вперёд, и люди Мэта зажгли фонари. Бойцы поставили их на землю и удалились. Часть из них отправились передать послания. У них были строгие приказы не вмешиваться. Эта ночь будет настоящим испытанием их верности.

Поджидая голама, Мэт встал поудобнее. Только герой бросился бы навстречу подобной твари, а он никакой не треклятый герой. Его

бойцы будут пытаться очистить улицы от прохожих, чтобы никто не испугнул голама. Это никакой не героизм. Скорее, это глупость.

От плавных движений голама под светом фонарей через дорогу метнулись тени. Мэт взмахнул навстречу ашандареем, но тварь легко миновала его, сделав пируэт в сторону. Проклятый пепел, но тварюга быстра! Она потянулась, взмахнув перед копьём своим ножом.

Мэт отдёргнул ашандарей, не позволив чудовищу срезать медальон. Тварь затанцевала вокруг, заставив Мэта повернуться, держась в круге фонарей. Он сознательно выбрал широкую улицу, не без содрогания

вспоминая день, когда голам едва не достал его в переулке Эбу Дар в тесноте между домов.

Тварь снова скользнула вперёд, и Мэт сделал финт, приманивая её поближе. И едва не просчитался, однако вовремя сумел вывернуть ашандарей, чтобы шлёпнуть голама лезвием плашмя. Коснувшись руки голама, медальон зашипел.

Тварь выругалась и отпрыгнула назад. Дрожащий свет фонарей высветил её черты, складываясь в мозаику из чередовавшихся кусочков тени и света. Несмотря на идущий от руки дымок, тварь снова улыбалась. Прежде Мэт считал, что у голама неприметное лицо, но в неверном

свете фонарей, с улыбкой, оно было довольно пугающим: угловатые черты и светящиеся в отражённом свете глаза, словно крохотные жёлтые угольки в тёмных глазницах.

Неприметный днём, и ходячий ужас ночью. Эта тварь убила беспомощную Тайлин. Мэт скрипнул зубами. И атаковал.

Это было очень глупо. Голам был быстрее человека, а Мэт понятия не имел, сможет ли лисий медальон его убить или нет. Но всё равно бросился вперёд. Он сражался за Тайлин, за павших в борьбе с этим кошмаром бойцов. Он дрался потому, что у него не было выбора. Если хотите увидеть, на что способен

человек, загоните его в угол и заставьте биться за свою жизнь.

Сейчас Мэт был загнан в угол. Израненный и запыхавшийся. Он знал, что рано или поздно тварь до него доберётся, но что хуже — она может добраться до Туон или Олвера. В подобной ситуации разумный человек сбежал бы. Но он как раз наоборот — был треклятым идиотом. Остался в городе из-за какого-то обещания Айз Седай? Что ж, если суждено умереть, он уйдёт с оружием в руках.

Мэт превратился в воющий атакующий вихрь стали и дерева. Потрясённый этим голам попятился назад. Мэт врезал ашандарею по

руке твари, ошпарив её плоть и выбив из неё кинжал. Голам снова отскочил, но Мэт метнулся следом, просунув пятку копья между его ног.

Тварь упала. Её движения оставались плавными и собранными, но, тем не менее, она оказалась на земле. Когда она прыжком поднялась, Мэт рубанул ашандареом по ногам. Он почти напрочь перерубил сухожилия, и будь эта тварь обычным человеком, она неминуемо рухнула бы на землю. Но вместо этого она приземлилась, даже не поморщившись от боли и без следа крови на месте пореза.

Чудовище крутанулось, выбросив скрюченные пальцы в

сторону Мэта. Ему пришлось отступить, взмахнув для защиты ашандареем. Тварь ухмыльнулась.

А потом почему-то повернулась и побежала.

Мэт выругался. Что могло его испугнуть? Однако нет, тварь вовсе не сбежала. Она собиралась наброситься на его людей!

— Отходите! — крикнул им Мэт. — Назад! Чтоб тебе сгореть, треклятое чудище. Я тут! Бейся со мной!

Бойцы Отряда последовали приказу, хотя Талманес отступал с кислой миной на лице. Голам расхохотался, но не погнался следом. Вместо этого тварь опрокинула

ногой один из фонарей, заставив его погаснуть. Она побежала по кругу, опрокидывая один фонарь за другим, погружая улицу в темноту.

Проклятый пепел! Мэт погнался следом. Если тварь справится со всеми фонарями, то, с учётом плотной облачности, Мэту придётся сражаться в полной темноте!

Грубо нарушая приказ Мэта и рискуя собственной жизнью, Талманес метнулся вперёд, пытаясь спасти хотя бы один из фонарей. Он схватил его и помчался по улице. Голам бросился следом. Мэт выругался.

Ничего не оставалось, только догонять. У Талманеса была

приличная фора, но голам был очень быстр. Он уже почти нагнал жертву, но Талманес сделал рывок в сторону и взлетел по ступенькам соседнего дома. Чудовище бросилось на Талманеса, и тому пришлось уворачиваться. Мэт мчался к ним изо всех сил.

Фонарь выпал из рук Талманеса, и выплеснувшееся масло разлилось по фасаду здания. Сухое дерево мгновенно вспыхнуло — по разлитому маслу побежали языки пламени, осветив голама. Тварь снова кинулась к Талманесу.

Мэт метнул ашандарей.

Копьё с длинным широким лезвием не предназначалось для

метания, но у него не было под рукой ножа. Мэт целился в голову, но голам об этом никогда не узнает, поскольку Мэт самым жалким образом промазал. К счастью, оружие упало между ног голама.

Тварь споткнулась, тяжело ударившись о камни мостовой. Талманес успел взобраться обратно на крыльцо полыхающего дома.

«Хвала моей удаче», — подумал Мэт.

Голам выпрямился и сделал шаг по направлению к Талманесу, но потом взглянул вниз на то, что ему помешало. Тварь с кривой ухмылкой оглянулась на Мэта — половина её лица была скрыта в тени отсветов

горящего здания. Чудовище подобрало с земли ашандарей с привязанным к нему медальоном, затем взмахом руки отбросило оружие. Разбив стекло, ашандарей влетел в горящий дом.

Внутри загорелись лампы, словно жители дома только что обнаружили, что прямо у них под носом происходит драка. Талманес переглянулся с Мэтом. В следующий миг кайриэнец вломился сквозь дверь прямо в огонь. Подсвеченный со спины огнём голам повернулся к Мэту. Пламя быстро распространялось по дому, и когда тварь немыслимо быстро бросилась к Мэту, его сердце тревожно

забилося.

Мэт сунул вспотевшие руки в карманы кафтана. Едва голам протянул свои лапы к шее Мэта, тот успел что-то выхватить каждой рукой и ударить по пальцам чудовищу. Послышалось шипение, словно мясо бросили на гриль, и голам завопил от боли. Выпучив глаза, он отступил и вытаращился на Мэта.

У которого в каждой руке было по лисьему медальону.

Он выпустил их из рук, раскручивая на длинных цепочках. Свет пожара отразился от медальонов, и, вращаясь, они светились словно сами по себе. Мэт ударил ими голама по руке.

Тварь заскулила, отступив ещё на шаг.

— Но, как? — потребовала она ответа. — Как?

— Я и сам до конца не понял, — Илэйн сказала, что её копии не совершенны, но свою работу они выполняли как надо. Если они способны ранить голама, остальные их свойства его не волнуют. Мэт широко улыбнулся, взмахнув впереди себя вторым медальоном. — Полагаю, мне просто повезло.

Голам посмотрел на него, а потом взбежал по ступенькам в горящее здание. Он нырнул внутрь, возможно, решив сбежать. Но Мэт вовсе не собирался позволять ему

удрать на этот раз. Мэт бросился следом по лестнице и нырнул в горящий дверной проём, он протянул руку и Талманес, высунувшись из боковой комнаты, вложил в неё ашандарей.

Мэт схватил оружие, оставив медальоны болтаться на запястьях. Голам развернулся навстречу. Коридор уже пылал. От стен и потолка исходил нестерпимый жар. Потолок был окутан дымом. Прижав платок к лицу, Талманес закашлялся.

Зарывав, голам повернулся к Мэту и атаковал. Мэт встретил тварь на полпути широкого коридора, выставив ашандареем блок перед скрюченными, будто когти, пальцами

голама. Пятка копья дымилась и слегка обуглилась от пребывания в огне. При движении от него в воздухе оставался дымный след.

Вращая ашандарей со всей силой, Мэт атаковал, оставляя вокруг себя вихрь дыма. Голам пытался его ударить, но Мэт выпустил одной рукой копье и метнул медальон с руки словно кинжал, целясь в лицо твари. Она взвыла и отступила назад. Её лицо было обожжено и дымилось. Мэт шагнул вперёд и впечатал упавший на пол медальон пяткой ашандарея в пол. Подцепив его, он вновь послал лисью голову в лицо твари.

Он начал наступать, рубанув

ашандареем, и несколько пальцев твари улетели в сторону. Конечно, у твари не было крови, и она, похоже, не испытывала боли от обычной раны, но это её немного задержит.

Зашипев, голам выпрямился с горящими от гнева глазами. Тварь больше не улыбалась. Она рванула вперёд, превратившись в размытое пятно, но Мэт крутнулся и рубанул противника по груди, вспоров рубашку песочного цвета. Затем он хлестнул вторым медальоном по пальцам голама, которыми тот вцепился в руку Мэта, вспоров на ней кожу, и забрызгав стену холла кровью.

Мэт удовлетворённо хмыкнул.

Голам взвыл, отпрыгнул назад в горящий коридор. От жара и напряжения сил Мэт покрылся потом. Ему не справиться с этим чудовищем. Долго ему не продержаться. Но это и не важно. Он заставил себя последовать за голамом, быстро вращая ашандарей перед собой, так что он превратился в размытый круг. Он снова ударил тварь плашмя — медальоном. Едва тварь оправилась от удара, он метнул второй медальон ей прямо в лицо, заставив пригнуться. В тот же миг он пнул третий предмет, попав созданию в шею.

Вновь ухватившись двумя руками за древко ашандарея, он стал

вращать его, оставляя в воздухе дымный след — древко оружия обуглилось и дымилось. Он понял, что выкрикивает слова на Древнем Наречье:

— *Аль дивал! Аль кисерай! Аль машиф!* — «Во имя Света, Славы и Любви»!

Рыча и отбиваясь, голам отступал. Тварь оглянулась, видимо заметив что-то за спиной, но Мэт вновь атаковал, отвлекая его внимание на себя.

— *Тай'дайшар!* — «Истинная Кровь Битвы»!

Мэт оттеснил тварь к дверному проёму, расположенному в конце холла. Комната, лежащая за ним,

была погружена в полную темноту. На внутренних стенах не отражались даже отсветы пожара.

— *Карай манишмайя Тайлин. Карай ан манишмайя Налесин. Карай ан манишмайя айенд'ан!* —
«Благословляю своё оружие в память о Тайлин. Благословляю своё оружие в память о Налесине. Благословляю своё оружие в память обо всех павших».

Это был клич мести.

Голам отступил в тёмную комнату спиной вперёд. Очутившись на белом, словно кость, полу, он глянул под ноги.

Сделав глубокий вдох, в заключительном всплеске сил, Мэт

нырнул сквозь дверной проём и врезал обугленным концом копья сбоку по голове твари. Вокруг её лица взметнулся сноп искр и сажи. Существо выругалось и отступило вправо.

И тут же оказалось прямо на краю платформы, висящей над бескрайней пустотой. В ярости голам зашипел — вися в воздухе одной ногой и балансируя на другой.

С этой стороны дверной проём оказался светящимся и ярко-белым — так светились края врат Скольжения.

— Не знаю, можешь ли ты сдохнуть, — тихо произнёс Мэт. — Но во имя Света, надеюсь, что нет. —

Он занёс ногу и толкнул голама в спину, сбросив с платформы. Падая, тот перевернулся в воздухе, с ужасом глядя вверх на Мэта.

— Надеюсь, ты не сдохнешь, — повторил Мэт, — потому что мне нравится думать о том, что ты, никчёмное отродье козьего помёта, обречён вечно лететь сквозь эту темноту. — Мэт плюнул вслед падающей твари кровью из разбитой губы. Плевок вслед за голамом растворился в разлившейся внизу черноте.

Рядом с Мэтом появилась Сумеко. У полной женщины из Родни были длинные тёмные волосы; весь её вид говорил о том, что ей не

нравится подчиняться чужим приказам. Хотя подобный вид бывает почти у всех женщин. Она стояла прямо за воротами, чуть сбоку, чтобы не быть замеченной из холла. Её присутствие было необходимо, чтобы поддерживать белую платформу, которая по форме была похожа на огромную книгу. Сумеко вскинула бровь.

— Спасибо за ворота, — обратился к ней Мэт, положив ашандарей на плечо. От копья всё ещё шла лёгкая струйка дыма. Ей пришлось создать ворота во дворце, потом переместиться сюда и открыть ворота в холл дома. Поскольку само плетение было создано во дворце,

они надеялись, что голам не сумеет почувствовать, как женщина направляет.

Сумеко фыркнула. Вместе они вышли через ворота внутрь здания. Несколько бойцов Отряда спешно тушили пожар. Едва ворота закрылись, Талманес бросился к Мэту в сопровождении другой женщины из Родни — Джулании.

— Вы уверены, что темнота продолжается вечно? — спросил у них Мэт. Джулания была пухленькой, симпатичной женщиной, которая великолепно подошла бы к колену Мэта. И белые прядки в волосах вовсе не отвлекали от её милovidности.

— Насколько мы можем сказать, так и есть, — ответила Сумеко. — Всё едва не сорвалось, Мэтрим Коутон. Тварь вовсе не удивилась, увидев врата. Полагаю, она всё-таки их учуяла.

— И всё же удалось спихнуть её с платформы, — ответил Мэт.

— Едва-едва. Тебе нужно было позволить нам с нею справиться.

— Ничего бы не вышло, — ответил Мэт, принимая из рук Талманеса влажный платок. Сумеко посмотрела на его руку, но Мэт не стал просить Исцелить его. Порез и так прекрасно заживёт, а возможно даже получится неплохой шрам. Шрамы производят впечатление

почти на всех дамочек, правда, если они не на лице. Что, интересно, об этом думает Туон?

Сумеко снова фыркнула.

— Мужская гордость. Не забывай, что по вине этой твари мы тоже потеряли несколько наших подруг.

— И поэтому я рад, что смог помочь вам отомстить. — Он улыбнулся ей, хотя она была права. Он едва всё не провалил. Ещё когда они сражались, медленно продвигаясь вглубь дома, он был уверен, что голам почувствовал за дверью направлявшую Силу женщину. К счастью, тварь не считала, что та может представлять

для неё угрозу.

Талманес отдал Мэту оба упавших медальона. Тот распихал их по карманам и отвязал от ашандарея третий, повесив его себе на шею. Женщины Родни хищными, голодными взглядами косились на эти медальоны. Ну и пусть смотрят, сколько им вздумается. Лично он собрался один отдать Олверу, а другой — Туон, если он сможет её отыскать.

В здании появился капитан Гайбон, правая рука Бергитте.

— Итак, тварь мертва?

— Нет, — ответил Мэт, — но близка к тому, чтобы Корона выплатила за неё вознаграждение.

— Вознаграждение? —

нахмурившись, переспросил Гайбон. — На это мероприятие вы попросили помощи у Короны. Ни о каком вознаграждении и речи быть не может.

— Вообще-то, — вмешался Талманес, предварительно прочистив горло, — мы только что избавили город от ужасного монстра-убийцы, который, только по последним подсчётам, убил около дюжины горожан. Поэтому мы вправе требовать награды. — Всё это он произнёс с совершенно невозмутимым выражением на лице. Умница.

— Треклятски верно, —

согласился Мэт. Остановить голама и получить за это плату. Это была великолепная, словно солнечный день, мысль — для разнообразия. Он кинул свой платок Гайбону и вышел наружу, оставив недовольных женщин Родни стоять, сложив руки на груди. Почему это женщины сердятся на мужчину, даже если он выполнил ровно то, что обещал, рискуя при этом собственной шеей?

— Извини за пожар, Мэт, — сказал Талманес. — Я не собирался швырять фонарь. Я знаю, что мне полагалось всего лишь заманить его внутрь здания.

— Всё равно сработало отлично, — ответил Мэт, оглядывая

пятку копья. Повреждения были незначительны.

Им не было известно, где конкретно, и станет ли вообще нападать голам, однако Гайбон отлично справился со своей частью — убрал всех жильцов из близлежащих домов и выбрал подходящий холл для создания врат. А потом направил Талманесу курьера из числа бойцов Отряда с посланием, куда именно следует бежать.

Ну что же, идея Илэйн и Бергитте с вратами сработала, даже если не так, как было запланировано. Всё равно это лучше, чем сумел бы придумать сам Мэт. Его собственный

план не шёл далее, чем попытаться вбить один из медальонов поглубже в глотку голама.

— Идём, заберём Сеталль и Олвера из гостиницы, — предложил Мэт, — и вернёмся в лагерь. Хватит с нас развлечений. Пора уже, проклятье.

Глава 32

БУРЯ СВЕТА

Город Марадон пылал. От десятков зданий поднимались неистовые извивающиеся столбы дыма.

Предусмотрительно составленная планировка города не давала пожару распространяться слишком быстро, однако не могла его остановить. Люди и пища для огня — они всегда рядом.

Итуралде сидел, скорчившись внутри разрушенного здания; слева от него была развалившаяся каменная кладка, справа — небольшая группа салдэйцев. Он

бросил дворец почти сразу. Его наводнили отродья Тени. Итуралде наполнил его маслом — сколько того удалось найти, а затем приказал Аша'манам поджечь здание. Запертые там, как в ловушке, нашли свой конец сотни троллоков и Исчезающих.

Итуралде выглянул из окна своего нынешнего убежища. Он мог бы поклясться, что видел снаружи кусок чистого неба, но из-за пепла и дыма нельзя было сказать наверняка. Соседнее здание горело настолько сильно, что он чувствовал жар даже через камень.

Он использовал дым и огонь как оружие. На поле боя почти всё

можно использовать с пользой. В данном случае, как только Йоли согласился, что город потерян, они прекратили его защищать. Теперь город служил огромной западнёй.

Улицы образовывали лабиринт, который Итуралде изучил с помощью салдэйцев, чего нельзя было сказать о его противнике. Каждая крыша давала преимущество, каждый переулок стал скрытным путём отступления, каждая площадь — потенциальной ловушкой.

Троллоки и их командиры совершили ошибку. Они решили, что Итуралде заботит защита города. Не на того напали. Единственное, о чём он беспокоился — это о нанесении

им максимально возможного урона. Поэтому он использовал их заблуждения против них. Да, армия противника была велика. Но каждый, кто когда-либо пробовал истреблять крыс, знает: если крысам есть, где спрятаться, размер молота не имеет значения.

Очередная группа тварей нерешительно вышла на почерневшую улицу напротив здания, где скрывался Итуралде. Троллоки огрызались и с опаской покрикивали друг на друга. Некоторые принюхивались, но дым лишил их обоняния. Они не заметили ни Итуралде, ни его небольшой отряд, находившийся в здании.

С другого конца улицы донёлся цокот копыт. Троллоки завопили, и отряд поспешил построиться, выставив чудовищные зазубренные копья, уперев древка в мостовую. Нападать на такой строй для кавалерии было бы самоубийственно. Троллоки научились осторожности.

Но они учились недостаточно быстро. Кавалерия показалась в поле зрения, оказавшись единственным всадником, ведущим группу израненных и утомлённых лошадей. Отвлекающий манёвр.

— Давай! — приказал Итуралде. Сидевшие рядом лучники выпрямились и пустили из окон стрелы по троллокам. Часть тварей

погибла, остальные развернулись и атаковали.

И тогда из боковой улицы галопом вылетел конный отряд с копытами обёрнутыми тряпками, чтобы заглушить топот. Его приближение потонуло в стуке подков отвлекающей группы. Топча и убивая троллоков, салдэйцы промчались сквозь их ряды.

Лучники с криками взяли за мечи и топоры и бросились добивать раненых троллоков. Хвала Свету, с этим отрядом не было Исчезающего. Итуралде поднялся на ноги, обвязав мокрым платком лицо, защищаясь от дыма. Его усталость, когда-то прятавшаяся глубоко внутри, теперь

медленно возвращалась. Родел боялся, что если она возьмёт верх, он рухнет без сознания. Это будет плохо для боевого духа воинов.

«Нет, — подумал он, — прятаться в дыму, когда пылает твой дом, зная, что тебя постепенно окружают троллоки... Вот это плохо для боевого духа».

Его люди закончили с кулаком троллоков и поспешили спрятаться в другом заранее присмотренном здании. В распоряжении Итуралде было около трёх десятков лучников и конный отряд, который он перемещал между пятью независимыми группами ополченцев, похожими на эту. Он

махнул своим людям, чтобы те возвращались обратно в укрытие, пока разведчики не доставят новые сведения. Даже с помощью разведки было тяжело получить полную картину происходящего в большом городе. Он имел довольно смутное представление о том, где очаги сопротивления сильнее, и по возможности передавал им распоряжения, но бои происходили на слишком большой территории, чтобы можно было эффективно управлять сражением. Роделу оставалось надеяться, что у Йоли всё в порядке.

Подчинившись его приказу, Аша'маны ушли через крохотные

Врата, созданные Антайлом. Их было достаточно лишь для того, чтобы через них проползти. Со времени их ухода много часов назад не было никаких признаков приближения предполагаемых «спасителей». Перед тем, как ушли Аша'маны, он отправил через Врата разведчика на ту гору, где, как утверждалось, находились Последние Всадники. Всё, что обнаружил разведчик — пустой лагерь с догорающим костром.

Итуралде присоединился к своему отряду на новом месте, оставив перепачканный в саже платок на ручке двери в качестве ориентира для разведчиков о своём

местонахождении. Едва войдя, Родел услышал какие-то звуки снаружи и застыл.

— Шшш, — сказал он людям. Они замерли, прекратив бренчать доспехами.

Шаги. Много шагов. Это определённо отряд троллоков, его людям был отдан приказ передвигаться бесшумно. Он кивнул своим бойцам, подняв вверх шесть пальцев. План номер шесть. Они затаятся и будут ждать в надежде, что твари пройдут мимо. В противном случае — если они остановятся или начнут обыскивать соседние здания — его группа атакует из засады.

Этот план был самым

рискованным. Его люди были измотаны, а кавалерия направилась на помощь к другому отряду. Но лучше атаковать, чем быть случайно обнаруженным или окружённым.

Итуралде скользнул к окну, едва дыша в ожидании развития событий. Свет, как же он устал. Отряд свернул за угол, их шаги звучали в унисон. Это было странно. Троллоки не умели ходить в ногу.

— Милорд, — прошептал один из его людей, — Это не копыта.

Итуралде замер. Парень был прав. Усталость отупляла его. «*Это*, — подумал он, — *идёт армия*». Он поднялся на ноги, непроизвольно закашлявшись, и,

толчком открыв дверь, шагнул на свет.

Когда люди Итуралде следом за ним вывалились наружу, порыв ветра на минуту очистил воздух от дыма, открыв взору большой сверкающий доспехами отряд пехоты, вооружённый пиками. На миг они показались привидениями — сверкающими в призрачном льющемся сверху золотом солнечном свете, которого он не видел долгие месяцы.

Увидев его людей, вновь прибывшие начали их окликать, и два офицера отдали ему честь. Они были салдэйцами.

— Где ваш командир? —

спросил один из них. — Где человек по имени Родел Итуралде?

— Я... — Итуралде вновь закашлялся. — Это я. Кто вы?

— Хвала Свету, — произнёс один из офицеров, поворачиваясь к остальным. — Отправьте сообщение лорду Баширу! Мы нашли его!

Итуралде моргнул. Он оглянулся на своих грязных людей с почерневшими от сажи лицами. Многие были ранены, их руки висели на перевязи. Он начинал с двумя сотнями. Теперь их осталось от силы пятьдесят. Им следовало бы ликовать, но большинство просто уселось на землю, закрыв глаза.

Итуралде обнаружил, что

смеётся:

— Сейчас? Дракон прислал помощь сейчас? — Он пошатнулся и сел, уставившись в горящее небо. Он смеялся и уже не мог остановиться. Вскоре по его щекам потекли слёзы.

Да, в небе сияло солнце.

К тому времени, когда отряд доставил его в хорошо защищённый сектор города, Итуралде пришёл в себя. Дым здесь был менее плотным. Вероятно, войска ал'Тора под предводительством Даврама Башира отбили большую часть Марадона. Или того, что от него осталось. Теперь они занимались тушением пожаров.

Было странно видеть бойцов в

сверкающих доспехах, в опрятной форме и с чистыми лицами. С ними появилось большое количество Аша'манов и Айз Седай, а главное — армия, которой было достаточно, чтобы выбить Исчадий Тени обратно к укреплениям на другом берегу реки. Люди ал'Тора отвели Итуралде к высокому зданию. Учитывая, что дворец сгорел и был почти полностью уничтожен, похоже, штаб расположился в этом доме.

Итуралде уже много недель вёл войну на истощение, а войска ал'Тора казались слишком чистенькими. Выходит, его люди умирали, пока эти сытно ели свой горячий обед и мирно спали в чистеньких постелях?

«Прекрати», — одёрнул он себя, заходя в здание. Если битва не удалась, свалить вину на других легко. И нельзя этих людей винить за то, что в последнее время они жили лучше его самого.

Он с трудом поднялся по лестнице, желая одного — чтобы его оставили в покое. Крепкий ночной сон, ванна, и тогда он сможет поговорить с Баширом. Но нет, так не пойдёт. Битва ещё не закончена, и людям ал'Тора потребуется информация. Просто ум подводил его, ворочаясь слишком медленно.

Он добрался до верхнего этажа и последовал за сопровождающими в комнату справа. Башир оказался там

— в натёртом до блеска нагруднике, но без подобающего шлема. Сложив за спиной руки, он стоял, уставившись в окно. Башир носил по-салдэйски огромные усы, на ногах были доходящие до колен сапоги, в которые он заправил оливкового цвета штаны.

Башир повернулся и вздрогнул:

— Свет! Ты выглядишь, как сама смерть! — Он повернулся к солдатам. — Ему нужно быть в палатке Исцеляющих, а не здесь! Эй, кто-нибудь, позовите Аша'мана!

— Со мной всё в порядке, — возразил Итуралде, добавляя в голос строгости. — Клянусь, я выгляжу хуже, чем себя чувствую.

Солдаты замялись, глядя на Башира.

— Что ж, — сказал тот, — по крайней мере, принесите ему стул и что-нибудь, чем можно вытереть лицо. Бедняга! Мы должны были оказаться здесь много дней назад.

Снаружи до Итуралде доносились звуки отдалённого сражения. Башир выбрал высокое здание, из которого он мог наблюдать за боем. Солдаты внесли стул, и — несмотря на всё желание сохранить лицо перед коллегой-генералом — Итуралде со стоном сел.

Он посмотрел вниз и удивился, насколько грязны его руки. Как будто он чистил очаг. Вне всяких

сомнений, его лицо так же было покрыто сажей с потёками пота, и, вероятно, было со следами запёкшейся крови. Его одежда была порвана взрывом, который разрушил стену, не говоря уж о наспех забинтованном порезе на руке.

— Твоя оборона города потрясает воображение, лорд Итуралде, — сказал Башир. В его тоне чувствовалась нотка формальности: Салдэя и Арад Доман не были врагами, но два сильных государства не могли не конфликтовать время от времени, имея общую границу. — Количество убитых троллоков по сравнению с количеством имевшихся у тебя

воинов... учитывая такой огромный пролом в стене... Должен признаться, я впечатлён. — Тон Башира подразумевал, что такая похвала не даётся просто так.

— Что с Йоли? — спросил Итуралде.

Лицо Башира помрачнело.

— Мои люди наткнулись на маленький отряд, защищавший его труп. Он пал смертью храбрых, хотя я был удивлён, обнаружив, что командует он, а не мой дальний родственник Торкумен, который считался правителем города. Его же я нахожу запертым и брошенным в его собственных покоях, где его могли схватить троллоки.

— Йоли был хорошим человеком, — сухо произнёс Итуралде. — Одним из храбрейших, кого я имел честь знать. Он спас мне жизнь, впустил моих людей в город вопреки приказаниям Торкумена. Проклятье, какая досада, что мы его потеряли! Какая досада! Без Йоли Марадон бы не выстоял.

— Он и так едва стоит, — мрачно заметил Башир.

Итуралде заколебался. Этот человек — дядя королевы, а этот город, вероятно, его дом.

Двое мужчин посмотрели друг на друга, как старые волки, вожак двух враждующих стай. Надо бы помягче.

— Сожалею о вашей потере, — сказал Итуралде.

— Город выстоял как смог, — сказал Башир, — благодаря тебе. Я не злюсь. Я расстроен, но не зол. И я верю, что ты сказал правду о Йоли. Честно говоря, мне никогда не нравился Торкумен. Пока я оставил его в той же комнате, где мы его нашли, хорошо хоть живого, но мне ещё достанется от королевы за то, как с ним поступили. Она всегда его любила. Эх! Обычно она лучше разбирается в людях.

Рассуждая о Торкумене, Башир мотнул головой в сторону, и Итуралде внезапно узнал это здание. Это был дом Торкумена, куда Йоли

привёл Итуралде в день его появления в городе. В том, чтобы сделать это здание штабом, был определённый смысл — оно находилось достаточно близко к северной стене, и из него был хороший обзор местности за пределами города, но вместе с тем, оно находилось достаточно далеко от места взрыва и уцелело — в отличие от здания Совета.

Что ж, если бы троллоки добрались до Торкумена, тот получил бы по заслугам. Итуралде откинулся назад и закрыл глаза, пока Башир совещался со своими офицерами. Башир был прекрасным командующим — это очевидно. Он

быстро очистил город. Едва троллоки поняли, что подошли крупные силы, они его оставили. Родел мог гордиться, что, отчасти, так быстро сбежать их заставило и его собственное упорство.

Итуралде продолжил слушать. Большая часть армии Башира вошла в город через Врата, после того, как посланный вперёд разведчик нашёл для них подходящее место. Уличные бои для Башира не годились; тактика внезапных атак из укрытия нужна для того, чтобы нанести врагу максимально возможный урон перед смертью. Это проигрышная тактика.

Троллоки были отброшены к прибрежным укреплениям, но они не

будут находиться там вечно. Сидя с закрытыми глазами и стараясь не уснуть, Итуралде услышал, что Башир и его офицеры пришли к тому же неутешительному выводу, что и он сам. Отродья Тени дождутся ночи и снова ворвутся в город.

После всего пережитого они просто сбегут? После того как, защищая город, погиб Йоли? После того как Раджаби был убит драгкарром? После того как пали Анкаер и Россин? После всей пережитой ими кровавой бани, когда они наконец-то увидели прибывшую помощь, но только для того, чтобы убедиться, что её недостаточно?

— Возможно, мы сможем сбить

их с того холма, — высказался один из людей Башира. — И очистить от них форт.

Его голос прозвучал не очень убедительно.

— Сынок, — произнёс Итуралде, заставляя себя открыть глаза, — Я удерживал этот холм в течение нескольких недель против превосходящих сил противника. Ваши люди постарались на славу, когда его строили, а с хорошо построенными укреплениями беда в том, что противник может использовать их против тебя. Атакуя его, вы только потеряете людей. И много.

Комната погрузилась в тишину.

— В таком случае мы отступаем, — сказал Башир. — Нэфф, нам понадобятся врата.

— Есть, лорд Башир, — худой мужчина с квадратным лицом носил чёрную куртку и значок Аша'мана с изображением дракона.

— Мэлейн, собери кавалерию и построь снаружи. Постарайся, чтобы всё выглядело, как будто мы собираемся атаковать. Это задержит их и заставит быть настороже. Мы же эвакуируем раненых, а затем переправим отряд кавалерии атаковать с другой стороны...

— Во имя Света и надежды на возрождение! — внезапно послышался чей-то возглас.

Все, кто был в комнате, в потрясении обернулись на восклицание; это были не те слова, которые доводилось слышать каждый день.

Молодой солдат стоял у окна, глядя в зрительную трубу. Башир выругался и поспешил к нему, остальные столпились вокруг, некоторые достали собственные зрительные трубы.

«Что ещё стряслось? — подумал Итуралде, поднимаясь, несмотря на усталость, и поспешил следом за остальными. — С чем ещё они могли столкнуться? Опять драгкары? Гончие Тьмы?»

Он выглянул в окно, и кто-то

передал ему зрительную трубу. Он приставил её к глазам и убедился, что, как он и предполагал, здание оказалось достаточно высоким, чтобы увидеть через городскую стену расположенное снаружи поле битвы и даже то, что было за ним. Башни, находившиеся на вершине холма, были сплошь покрыты воронами. Сквозь трубу он мог видеть троллоков, удерживавших высоту и его бывший передовой лагерь, башни и валы.

За холмом, из прохода надвигалась устрашающая масса троллоков, во много раз превосходящая числом ту, что осаждала Марадон. Казалось, армия

монстров тянется бесконечно.

— Мы должны уходить, — сказал Башир, опуская трубу. — Немедленно.

— Свет! — прошептал Итуралде. — Если эта армия пройдёт мимо нас, ни в Салдэйе, ни в Андоре, ни в Арад Домане не найдётся ничего, что могло бы её остановить. Пожалуйста, скажите мне, что лорд Дракон, как и обещал, заключил мир с Шончан!

— В этом, — прозвучал сзади тихий голос, — как и во многом другом, я успеха не добился.

Итуралде повернулся, опуская зрительную трубу. Высокий мужчина с рыжеватыми волосами вошёл в

комнату — мужчина, с которым, казалось, Итуралде никогда раньше не разговаривал, несмотря на знакомые черты.

Ранд ал'Тор изменился.

Возрождённый Дракон был так же уверен в себе, так же держался прямо и ждал беспрекословного повиновения. И в то же время всё в нём казалось другим. Теперь в нём не было и тени былой подозрительности. То, с какой заботой он изучал Итуралде...

Однажды его взгляд, холодный и бесчувственный, убедил Итуралде последовать за этим человеком. Эти глаза тоже изменились. Раньше Итуралде не замечал в них мудрости.

«Не будь тупоголовым бараном, — подумал Итуралде, — Нельзя сказать, мудр ли человек, только взглянув ему в глаза». И всё же о Драконе он мог это сказать.

— Родел Итуралде, — произнёс ал'Тор, сделав шаг вперёд и положив ладонь на его плечо. — Я бросил тебя и твоих людей в тяжёлом положении, против превосходящего по силам противника. Пожалуйста, прости меня.

— Я сделал этот выбор сам, — сказал Итуралде. Странно, но он уже чувствовал себя менее уставшим, чем несколько мгновений назад.

— Я осмотрел твоих людей, — произнёс ал'Тор, — Так мало

осталось, и все они избиты и изранены. Как ты удерживал город? То, что ты сделал — чудо.

— Я делаю то, что должно быть сделано.

— Ты, должно быть, потерял много друзей.

— Я... Да. — Какой ещё ответ можно было дать? Отрицать это — всё равно, что опозорить память о них. — Вакеда пал сегодня... Раджаби... его убил драгкар. Анкаер. Он продержался сегодня до обеда. Так и не узнал, почему тот трубач протрубил слишком рано. Россин отправился это выяснить. Он тоже мёртв.

— Мы должны покинуть

город, — сказал Башир с поспешностью. — Мне жаль. Но Марадон потерян.

— Нет, — тихо сказал ал'Тор. — Тень не получит этот город после того, что сделали эти люди, чтобы его удержать. Я не позволю.

— Благородный порыв, — сказал Башир, — но мы не... — он умолк под взглядом ал'Тора.

Эти глаза. Такие глубокие. Они казались сияющими.

— Они не возьмут этот город, Башир, — повторил ал'Тор, в его тихом голосе прозвучала нотка гнева. Он махнул рукой в сторону, и в воздухе появились врата. Внезапно звуки барабанов и крики троллоков

стали ближе. — Мне надоело, что я позволяю ему причинять боль моим людям. Отзовите ваших солдат.

С этими словами ал'Тор шагнул во врата. В комнату поспешно проникла пара айильских Дев, и он продержал портал открытым достаточно долго, чтобы они успели прыгнуть следом за ним. После этого врата исчезли.

Ошеломлённый Башир застыл с открытым ртом.

— Будь он проклят, — в конце концов, сказал он, снова поворачиваясь к окну. — Я думал, он перестанет вытворять подобные штуки!

Итуралде присоединился к

Баширу, поднимая к глазам свою зрительную трубу, наводя её на громадную дыру в стене. Ал'Тор в коричневом плаще пересекал вытоптанное поле, следом за ним спешила пара Дев.

Итуралде показалось, что он слышит завывание троллоков. Удары их барабанов. Они увидели идущих к ним троих людей. Одиноких и беззащитных.

Троллоки устремились вперёд, в атаку через поле. Сотни. Тысячи троллоков. Итуралде охнул. Башир тихо пробормотал молитву.

Ал'Тор поднял руку, затем выставил её ладонью вперёд в сторону нахлынувшего океана

Отродий Тени.

И они начали умирать.

Всё началось с волн огня, во многом похожих на те, которые до этого использовали Аша'маны. Только эти были гораздо больше. Языки пламени прожигали ужасные просеки в рядах троллоков. Они текли по земле, вздымаясь вверх по холму, и затекая вниз — во впадины, заполняя их бушующим огнём, всё сжигая и уничтожая на своём пути.

В небо взвились тучи драгкаров, устремившись вниз к ал'Тору. Небо над ним посинело, и навстречу тварям полетели осколки льда, заслонив собою солнце, словно стрелы целого знамени лучников.

Бьющиеся в агонии монстры издали пронзительный нечеловеческий визг, и их туши повалились на землю.

Из Дракона Возрождённого извергались Свет и Сила. Он один был как целая армия направляющих. Отродья Тени гибли тысячами. Стремительно атакуя через всё поле возникали Врата Смерти, убивая на своём пути сотни тварей.

Аша'ман по имени Нэфф, стоявший рядом с Баширом, открыл рот от изумления:

— Никогда не видел, чтобы сплетали так много плетений одновременно, — прошептал он. — Я не могу уследить за всеми. Он сам как буря. Буря Света и потоков Силы!

Над городом начали собираться и кружиться облака. Подул, завывая, ветер, и с неба ударила молния. Раскаты грома заглушили грохот барабанов — троллоки отчаянно пытались добраться до ал'Тора, взбираясь по трупам своих собратьев. Вращающиеся белые облака превратились в чёрную, кипящую, бурлящую бурю. Вокруг ал'Тора, подхватив его плащ, взвился вихрь.

Казалось, он сам засиял изнутри. Возможно, это были отсветы потоков огня или, быть может, молний? Ал'Тор казался ярче их. Его рука оставалась воздета в сторону Исчадий Тени. Охранявшие его Девы припали к земле рядом с

ним, глаза их были обращены вперёд, плечи развёрнуты против сильного ветра.

Облака принялись вращаться друг вокруг друга, в массу троллоков опустились смерчи и принялись очищать вершину холма, поднимая чудовищ в воздух. За холмом пролился ливень из плоти и огня. Твари дождём падали вниз на головы себе подобных. Итуралде смотрел на происходившее с благоговейным страхом, волосы на его голове и руках встали дыбом. Воздух был пронизан энергией.

Откуда-то поблизости раздался крик. Он шёл изнутри здания — из одной из соседних комнат. Итуралде

не отвернулся от окна. Он должен был видеть эти ужасные и прекрасные мгновения разрушения и Силы.

Накатывавшие волны троллоков захлебнулись, барабаны дрогнули. Целые легионы обратились в бегство, топча друг друга, взбираясь вверх по склону, отступая обратно в Запустение. Но некоторые остались, не побежали — они были слишком злы или запуганы теми, кто ими управлял, либо слишком тупы, чтобы бежать. Похоже, буря уничтожения достигла апогея, вспышки света обрушивались вниз одновременно с завыванием ветра, гулом полыхающего волнами огня, звоном

осколков льда.

Это был шедевр. Отвратительный, разрушительный, восхитительный шедевр. Ал'Тор воздел руку к небу. Ветер усилился, удары молний стали чаще, пламя вспыхнуло ярче. Троллоки кричали, стонали, выли. Итуралде вдруг понял, что дрожит.

Ал'Тор сжал руку в кулак — и всё закончилось.

Последние поднятые вихрем троллоки упали с неба, словно сорванные подувшим ветром листья. Наступила тишина. Огонь погас, чёрные и белые облака растворились, уступая место голубому небу.

Ал'Тор опустил руку. Поле перед

ним было завалено кучами трупов. Дымились десятки тысяч тел троллоков. Непосредственно перед ал'Тором вздымался вал из трупов шириной в сотню шагов и высотой в пять футов— курган из тех, кто почти добрался до цели.

Сколько времени это длилось? Итуралде понял, что не может этого определить, но, судя по солнцу, прошло не меньше часа. Возможно, больше. Казалось, что всё началось несколько секунд назад.

Ал'Тор повернулся и пошёл обратно. Девы поднялись на ноги и нетвёрдым шагом поспешили за ним.

— Что это был за крик? — спросил Нэфф. — Недалеко, тут в

здании. Вы слышали?

Итуралде нахмурился. Что это могло быть? Он пересёк комнату; остальные, включая нескольких офицеров Башира, последовали за ним. Многие остались в комнате, не отрывая взглядов от очищенного огнём и льдом поля. Странно, но Итуралде не увидел на вершине холма ни одной поваленной башни. Как будто атаки ал'Тора каким-то образом поражали лишь Отродий Тени. Неужели человек способен на такую точность?

Коридор был пуст, но у Итуралде уже появилось подозрение, откуда донёсся крик. Он подошёл к двери лорда Торкумена. Башир отпер её, и

ОНИ ВОШЛИ.

Казалось, комната пуста. Итуралде почувствовал укол страха. Возможно, этот человек сбежал? Он обнажил меч.

Нет. В углу за кроватью сжалась фигура. Прекрасная одежда была измята, куртка покрыта пятнами крови. Итуралде опустил меч. У лорда Торкумена отсутствовали глаза. Похоже, он выколол их писчим пером: окровавленный предмет валялся на полу рядом.

Окно было выбито. Башир выглянул в него.

— Внизу леди Торкумен.

— Она выпрыгнула, — прошептал Торкумен, царапая

глазницы покрытыми кровью пальцами. Голос его звучал неуверенно. — Этот свет... Этот ужасный свет... — Итуралде взглянул на Башира.

— Я не могу видеть его, — бормотал Торкумен, — Не могу! Великий Повелитель, где же твоя защита? Где твои армии, готовые рвать в клочья, твои атакующие мечи? Свет пожирает мой мозг, словно пирующие над трупом крысы. Он выжигает мои мысли. Он погубил меня. Этот свет меня погубил.

— Он сошёл с ума, — мрачно сказал Башир, опускаясь на колени рядом с мужчиной. — Это лучший исход, чем он заслуживал, судя по его

бормотанию. Свет! Мой собственный кузен — Приспешник Тёмного. И он управлял городом!

— О чём он говорит? — спросил один из людей Башира. — Свет? Но он же не мог видеть битву. Ни одно из этих окон не выходит в нужную сторону.

— Не уверен, что он говорил о битве, Вогелер, — ответил Башир. — Идём. Подозреваю, лорд Дракон вернётся уставшим. Я хочу убедиться, что о нём позаботились.

* * *

«Вот оно», — подумала Мин,

закладывая страницу. Она сидела на подоконнике в Твердыне Тира, наслаждаясь ветерком и стараясь не думать о Ранде. Он не был ранен, но от него исходили такие сильные эмоции. Злость. Она надеялась, что он никогда больше не будет так зол.

Девушка стряхнула с себя беспокойство. У неё много работы. Может, она ухватилась не за ту нить? Или неправильно её поняла? Она перечитала строку. *«Свет удерживается перед пастью бесконечной пустоты, и всё, чем он является, может быть захвачено».*

Её размышления оборвались, едва она увидела свет в комнате, вход в которую находился на другой

стороне зала. Она выронила книгу и соскочила на пол. Ранд внезапно оказался близко. Она почувствовала это через узы.

Комнату охраняли две Девы, главным образом для того, чтобы люди не слонялись без дела и не попали ненароком под плетение. Врата, открывшиеся только что, вели в пропахшее гарью место. Сквозь них, еле волоча ноги, шагнул Ранд. Мин подбежала к нему. Он выглядел измотанным, лицо было бледным, глаза покраснели. Он со стоном опёрся на неё, позволив помочь ему сесть на стул.

— Что случилось? —
потребовала Мин ответа у

прошедшей следом за ним Девы по имени Эвасни. Это была худая женщина с коротко стриженными тёмно-рыжими волосами, и длинным хвостиком на затылке, какой носили почти все Девы.

— С *Кар'а'карном* всё в порядке, — произнесла женщина. — Хотя он похож на юнца, пробежавшего вокруг лагеря на круг больше, чем все остальные, только для того, чтобы доказать, что он может.

— Он сегодня приобрёл много *джи*, — возразила ей почти с вызовом Ифейина, другая Дева. Голос её прозвучал торжественно.

Откинувшись на спинку стула,

Ранд вздохнул. Следом через Врата прошёл Башир, его сапоги громко простучали по каменному полу. Мин услышала доносившиеся снизу голоса — через Врата побольше вносили раненых. Внутренний двор Твердыни ожил, Целительницы Айз Седай торопились на помощь окровавленным, покрытым сажей солдатам.

За Баширом вошёл худощавый доманиец средних лет. Родел Итуралде. Выглядел он заметно потрепанным, с засохшей кровью на грязном лице, его одежда была изорвана в клочья, рука была неаккуратно перевязана. У Ранда видимых ран не было. На нём была

чистая одежда, хотя он по-прежнему настаивал на том, чтобы носить тот же старый коричневый плащ. Но, во имя Света, выглядел он сильно уставшим.

— Ранд, — сказала Мин, опускаясь на колени. — Ранд, с тобой всё в порядке?

— Я разозлился, — тихо сказал Ранд, — Я считал, что это в прошлом.

Она внезапно почувствовала озноб.

— Это был не тот страшный гнев, как раньше, — продолжил Ранд, — Не гнев разрушения, хотя я и разрушал. В Марадоне я увидел, что случилось с последовавшими за

мной людьми. Я увидел в них Свет, Мин. Вызов Тёмному, неважно, насколько далеко распространяется его тень. *«Мы будем жить, — говорил этот вызов, — Мы будем любить и будем надеяться».*

— И я увидел, как сильно он старается это уничтожить. Он знает, что если бы смог их сломать, это имело бы большое значение. Гораздо большее, чем просто захваченный город Марадон. Сломать человеческий дух... он страстно этого жаждет. Он атаковал сильнее, чем нужно, потому что хотел сломать мой дух, — его голос стал тише, он открыл глаза и взглянул на неё. — И поэтому я оказал ему сопротивление.

— То, что ты сделал, было поразительно, — заявил Башир, стоявший позади Мин сложив на груди руки. — Но, значит, ты позволил ему вынудить себя сделать это?

Ранд тряхнул головой.

— Я имею право на свой гнев, Башир. Разве ты не видишь? Раньше я пытался прятать его внутри. Это было ошибкой. Я должен чувствовать. Боль, смерть, потери этих людей должны причинять мне страдания. Мне необходимо сохранять чувства, чтобы я знал, за что сражаюсь. Иногда мне нужна пустота, но от этого гнев не перестаёт быть частью меня.

Казалось, с каждым словом он набирается уверенности в себе, и Мин кивнула.

— Что ж, ты спас город, — сказал Башир.

— Я опоздал, — возразил Ранд. Мин чувствовала его печаль. — И всё же, мои сегодняшние действия могли быть ошибкой.

Мин нахмурилась:

— Почему?

— Всё зашло слишком далеко, остановившись в одном шаге от открытой стычки между нами, — сказал Ранд. — Это должно произойти в Шайол Гул и в своё время. Я не могу позволять ему провоцировать меня. Башир прав. И я

не могу позволять людям считать, что я всегда смогу вмешаться и спасти их.

— Возможно, — сказал Башир, — но то, что ты сегодня сделал...

Ранд покачал головой.

— Эта не моя война, Башир. Сегодняшняя битва утомила меня больше, чем я могу себе позволить. Если бы сегодня за мной решили прийти враги, со мной было бы покончено. Кроме того, я не могу сражаться одновременно в нескольких местах. То, что грядёт, будет масштабнее, величественнее и ужаснее того, что вы видели, настолько, что ни один человек не

сможет от этого спрятаться. Я объединю вас, но должен буду вас покинуть. Это будет ваша война.

Он замолчал, и в этот момент через Врата прошёл Флинн, позволив им закрыться.

— А сейчас я должен отдохнуть, — тихо продолжил Ранд. — Завтра у меня встреча с твоей племянницей и другими Порубежниками, Башир. Не знаю, чего они от меня потребуют, но они должны вернуться. Если Салдэя оказалась в таком состоянии при том, что её оборону возглавлял один из величайших полководцев, можно только догадываться, что творится в других странах Порубежья.

Мин помогла ему подняться на ноги.

— Ранд, — мягко сказала она, — Кадсуане вернулась, и с ней кое-кто ещё.

Он поколебался.

— Отведи меня к ней.

Мин поморщилась.

— Мне не следовало говорить об этом. Сперва тебе надо отдохнуть.

— Я отдохну, — сказал он, — не беспокойся.

Она по-прежнему чувствовала, насколько он истощён. Но не стала спорить. Они вышли из комнаты.

— Родел Итуралде, — произнёс Ранд, задержавшись в дверном проёме, — Не желаешь ли составить

мне компанию? Я не могу отплатить тебе за проявленное благородство, но есть кое-что, что я могу дать взамен.

Седой доманиец кивнул и последовал за ними. Переживая за Ранда, Мин помогла ему идти по коридору. Неужели ему нужно было так перенапрягаться?

К сожалению, да. Ранд ал'Тор — Возрождённый Дракон. К тому времени, как это всё закончится, он будет иссушён до последней капли крови, перемолот и обессилен. Осознания этого было почти достаточно, чтобы заставить её оставить всё споры.

— Ранд... — сказала она. Итуралде и несколько Дев следовали

за ними. К счастью, комната Кадсуане была недалеко.

— Со мной всё будет в порядке, — сказал он, — Обещаю. Есть какие-нибудь новости о твоих исследованиях? — Он пытался перевести разговор на другую тему.

К сожалению, этот вопрос лишь вызывал беспокойство о другом.

— Ты когда-нибудь задумывался над тем, почему Калландор в пророчествах так часто называют «роковым клинком» или «клинком гибели»?

— Это очень мощный *са'ангриал*, — ответил он, — возможно, дело в тех разрушениях, которые он может нанести?

— Возможно, — сказала она.

— Ты думаешь, что причина в чём-то другом.

— Есть фраза, — сказала Мин, — в Пророчествах Джендай. Жаль, что мы не знаем о них больше. Как бы то ни было, эта фраза гласит: *«И Клинок свяжет его двумя»*.

— Две женщины, — сказал Ранд, — Я должен быть в круге с двумя женщинами, чтобы его контролировать.

Она скорчила гримасу.

— Что? — спросил Ранд. — Давай, Мин, выкладывай. Мне нужно знать.

— Есть другая фраза, из Кариатонского Цикла. В любом

случае, я считаю, что в *Калландоре* может быть ещё один изъян. Я думаю, что он может... Ранд, я думаю, он может тебя ослабить, позволить напасть на тебя, если ты им воспользуешься.

— Тогда, может быть, именно так я и буду убит.

— Ты не будешь убит, — сказала Мин.

— Я...

— Ты переживёшь всё это, пастух, — настаивала она, — И я собираюсь за этим проследить.

Он улыбнулся ей в ответ. Он выглядел таким уставшим.

— Я почти верю, что ты это сделаешь, Мин. Может быть, Узор

плетётся вокруг тебя, а не меня. — Он повернулся и постучал в дверь, к которой они подошли.

Та приоткрылась, и в щёлку выглянула Мериса. Она осмотрела Ранда с ног до головы.

— Ты выглядишь так, будто с трудом стоишь на ногах, ал'Тор.

— Так и есть, — ответил он. — Здесь Кадсуане Седай?

— Она сделала всё, как ты просил, — ответила Мериса. — И, должна заметить, это было очень любезно с её стороны, учитывая то, как ты...

— Впусти его, Мериса, — прозвучал изнутри голос Кадсуане.

Мериса поколебалась и

распахнула дверь, наградив Ранда сердитым взглядом. Кадсуане сидела на стуле, разговаривая с пожилым мужчиной с седыми волосами до плеч. Он был одет по-королевски, и у него был внушительный, похожий на клюв нос.

Ранд отошёл в сторону. За его спиной кто-то охнул. В дверном проёме появился ошеломлённый Родел Итуралде, и находившийся в комнате мужчина обернулся. У него оказались добрые глаза и кожа медного цвета.

— Мой повелитель, — воскликнул Итуралде, поспешив вперёд и опускаясь на одно колено. — Вы живы!

Мин почувствовала переполнявшее Ранда чувство радости. Итуралде заплакал. Ранд сделал шаг назад.

— Пойдём. Давай отправимся в мои покои и отдохнём.

— Это же король Арад Домана. Где она нашла его? — сказала Мин. — Откуда ты узнал?

— Один друг поделился со мной тайной, — ответил Ранд, — Белая Башня захватила Маттина Стефанеоса, чтобы его «защитить». Что ж, не много требовалось ума, чтобы задаться вопросом, не сделали ли они того же с другими монархами. И если они направили в Арад Доман сестёр до того, как все узнали о

Перемещении, то на обратном пути те могли застрять в снегах. — Похоже, он чувствовал огромное облегчение, — Грендаль не добралась до него. Значит, я не убил его, Мин. Один из невинных, про кого я думал, что убил его, жив. Это уже кое-что. Немного. Но это помогает.

Она помогла ему пройти оставшуюся часть пути до их комнат, счастливая оттого, что может, пусть ненадолго, разделить его тёплое чувство радости и облегчения.

Глава 33

МИСКА ДОБРОГО СУПА

Суп, стоявший перед Суан, был на удивление хорош.

Ещё один глоток — и её брови взметнулись в изумлении. Суп был незатейлив — бульон, овощи, немного курятины, но когда большая часть продуктов на вкус оказывается не первой свежести (и это в лучшем случае), этот суп казался поистине чудесным. Она попробовала хлебец. Ни единого долгоносика? Восхитительно!

Перед только что умолкнувшей Найнив стояла собственная миска с супом, от которой шёл пар. Сегодня, но чуть ранее, она дала клятвы и стала полноправной Айз Седай. Они обе сидели в кабинете Амерлин, сквозь открытые ставни лился золотистый свет, на полу были постелены новые ковры зелёного с золотым оттенком.

Суан молча упрекнула себя за то, что отвлеклась на суп. Доклад Найнив требовал внимания. Она рассказывала о проведённом с Рандом ал'Тором времени, останавливаясь подробнее на таких событиях, как очищение саидин. Разумеется, Суан и ранее слышала

доклады о том, что мужская половина Источника была очищена — во время раскола их лагерь посетил Аша'ман. Хотя она продолжала сомневаться, сейчас не было смысла отрицать, что это свершившийся факт.

— Хорошо, — сказала Амерлин, — я очень рада этому подробному объяснению, Найнив. То, что саидин была очищена, позволяет с меньшей тревогой отнестись к соединению узами Аша'манов и Айз Седай. Жаль, что Ранд во время нашей встречи не был готов со мной это обсудить.

Она произнесла это ровным тоном, хотя Суан было известно, что

она считала мужчин, связавших узами женщин, явлением не более приятным, чем капитан корабля — пожар в грузовом трюме.

— Полагаю, — заявила Найнив, поджав губы, — что Ранд не одобряет связывание узами женщин, если этот факт для вас имеет значение.

— Сейчас не имеет значения, одобряет он это или нет, — ответила Эгвейн. — Он в ответе за Аша'манов.

— Так же, как вы, Мать, ответственны за пленивших его и пытавших Айз Седай? — уточнила Найнив.

— Как наследница Элайды, возможно, — ответила Эгвейн, слегка прищулив глаза.

«Она была права, отозвав Найнив в Башню», — подумала Суан, сделав новый глоток супа. Найнив слишком часто принимала его сторону, чтобы не обращать на это внимания.

Вздохнув, Найнив взяла ложку и приступила к супу.

— Не воспринимайте это в качестве упрёка, Мать. Я всего лишь хочу показать ход его мыслей. Свет! Я не одобряю большую часть того, что он сделал — особенно в последнее время. Но вижу, как он до этого докатился.

— И всё же он сильно изменился, — задумчиво произнесла Суан, — ты сама только что это

сказала.

— Да, — подтвердила Найнив. — Айил говорят, он принял объятья смерти.

— Я тоже слышала это от них, — сказала Эгвейн. — Но я заглянула в его глаза, и могу сказать — изменилось кое-что ещё. Нечто необъяснимое. Человек, которого я видела...

— Не был похож на того, кто разрушил Курган Нэтрина?

При одном только воспоминании об этом Суан была дрожь.

— Мужчине, которого я увидела, не было необходимости разрушать подобное место, — ответила

Эгвейн, — его обитатели должны были бы просто последовать за ним. Склонившись перед его желаниями. Просто потому, что он тот, кто он есть

Все трое погрузились в молчание.

Эгвейн покачала головой и отхлебнула суп. Помедлив, она улыбнулась.

— Что ж, похоже, суп хорош. Может быть, дела не так уж и плохи, как я думала.

— Продукты доставили из Кэймлина, — отметила Найнив. — Я подслушала разговор служанок.

— О.

Вновь тишина.

— Мать, — осторожно заговорила Суан, — Сёстры продолжают волноваться из-за смертей в Башне.

— Я согласна, Мать, — подтвердила Найнив, — сёстры косятся друг на друга с недоверием. Это меня беспокоит.

— Видели бы вы то, что здесь творилось раньше, — сказала Эгвейн, — во время правления Элайды.

— Если тогда было хуже, чем сейчас, — ответила Найнив, — то я рада, что не видела.

Она мельком взглянула на своё кольцо Великого Змея. В последнее время, она часто так поступала. Так

обзаведшийся новой лодкой рыбак частенько с улыбкой оглядывается в сторону доков. После всех её притязаний на звание Айз Седай, и, несмотря на то, что она носила это кольцо в течение долгого времени, она явно была довольна тем, что прошла испытание и принесла клятвы.

— Это было ужасно, — сказала Эгвейн. — И я не намерена позволить тем временам вернуться. Суан, необходимо начать выполнение плана.

Суан скривилась.

— Я учу остальных. Но не думаю, что это хорошая идея, Мать. Они едва-едва обучены.

— О чём это вы? — спросила Найнив.

— Про Айз Седай, — ответила Эгвейн, — которых тщательно отобрали и вручили *тер'ангриалы* для хождения по снам. Суан показывает им, как работает *Тел'аран'риод*.

— Мать, это место опасно.

Эгвейн сделала ещё один глоток супа.

— Полагаю, мне это известно лучше прочих. Но это необходимо сделать. Мы должны выманить убийц на открытый бой. Я устрою «тайное» собрание моих наиболее доверенных Айз Седай в Мире Снов и, возможно, намекну, что на нём будут

присутствовать и другие важные люди. Суан, ты связалась с Ищущими Ветер?

— Да, — ответила Суан, — но они хотят знать, чем вы им заплатите за согласие на встречу.

— Одолжение на время *тер'ангриала* будет достаточно, — сухо сказала Эгвейн, — не всё на свете решается путём сделок.

— А вот по их мнению, почти всё, — сказала Найнив, — впрочем, к делу это не относится. Ты хочешь привести на встречу Ищущих Ветер, чтобы заманить Месану?

— Не совсем так, — ответила Эгвейн. — Я в то же время увижусь с Ищущими Ветер, но в другом месте.

А также с некоторыми Хранительницами Мудрости. Месане достаточно просто намекнуть — основываясь на предположении, что у неё есть шпионы, следящие за другими группами способных направлять женщин — что ей действительно нужно в этот день пошпионить за нами в *Тел'аран'риоде*. Вы с Суан будете проводить встречу в Зале Башни, но это будет приманка, чтобы вытянуть Месану или её прихвостней из укрытия. Под прикрытием стражей от прослушивания и с несколькими сёстрами, наблюдающими из укрытий, мы будем в состоянии заманить их в ловушку. Суан вызовет

меня, как только ловушка захлопнется.

Найнив нахмурилась.

— Хороший план, за исключением одной детали. Мне не нравится то, что вы будете подвергать себя опасности, Мать. Позвольте возглавить эту схватку мне. Я справлюсь.

Эгвейн внимательно посмотрела на Найнив, и Суан слегка приоткрылась настоящая Эгвейн. Вдумчивая. Смелая, но расчётливая. Также она увидела усталость и груз лежащей на Эгвейн ответственности. Это чувство было хорошо знакомо Суан.

— Признаю, у вас

действительно есть повод для беспокойства, — сказала Эгвейн. — С тех пор, как я позволила прихвостням Элайды схватить себя у Тар Валона, я задавалась вопросом — не излишне ли я увлекаюсь? Не рискую ли я чрезмерно?

— Вот именно, — вставила Найнив.

— Однако, — продолжила Эгвейн, — очевидно, что среди нас всех я — лучший знаток *Тел'аран'риода*. Вы обе, бесспорно, искусны, но у меня больше опыта. Сейчас я не только лидер Айз Седай, я — инструмент, который должна использовать Белая Башня.

Она запнулась.

— Я видела это во сне, Найнив. Если мы не одержим здесь верх над Месаной, всё может быть потеряно. Всё будет потеряно. Прошло время беречь инструменты, независимо от их ценности.

Найнив потянулась было к косе, но теперь та доставала только до плеч. Вспомнив об этом, она скрипнула зубами.

— Возможно, ты и права. Но мне это не нравится.

— Айильские Ходящие по Снам, — вмешалась Суан. — Мать, вы сказали, что встретитесь с ними. Может быть, они согласятся нам помочь? Я бы чувствовала себя намного увереннее в отношении

вашего участия в драке, если бы знала, что они поблизости и за вами приглядывают.

— Да, — сказала Эгвейн. — Хорошее предложение. Я свяжусь с ними перед нашей встречей и попрошу об этом, просто на всякий случай.

— Мать, — начала Найнив, — может быть Ранд...

— Это дело Башни, Найнив, — отрезала Эгвейн. — Мы справимся сами.

— Отлично.

— А сейчас, — продолжила Эгвейн, — мы должны просчитать, как распространить нужные слухи так, чтобы Месана не могла не

поддаться искушению подслушать...

* * *

Перрин с разбегу нырнул в ночной кошмар. Воздух вокруг него сгустился, городские дома — на сей раз кайриэнские с плоскими крышами — пропали. Дорога под его ногами сперва стала мягкой, словно грязь, а затем превратилась в жидкость.

Он плюхнулся в океан. «Снова вода?» — подумал он с раздражением.

Небеса разрывали тёмно-красные молнии, рассеивая по морю

кровавые отблески. Каждая вспышка озаряла тени притаившихся под волнами существ. Огромных, злобных и извивающихся в разрядах красных молний тварей.

Крича от страха и взывая к любимым, люди цеплялись за обломки того, что некогда было кораблём. Мужчины держались за разбитые доски, женщины старались держать своих малюток над водой, над накрывавшими их с головой волнами. Рядом, словно кули с зерном, на волнах качались мёртвые тела.

Скрытые под волнами создания наносили удар за ударом; всплескивая плавниками, они

хватали державшихся на поверхности людей и утаскивали их в глубину, сверкая мелкими, острыми как бритва зубами. Вскоре вода бурлила красным цветом уже не только из-за молний.

Кем бы ни был творец этого ночного кошмара, воображение у него было особенно извращённое.

Перрин не позволил себе увлечься происходящим. Он подавил в себе страх и не бросился ни к одной из досок. Это ненастоящее. Это ненастоящее. Не настоящее. Вопреки этому пониманию, какая-то часть его знала, что в этих водах он найдёт свою гибель. В этих ужасных кровавых водах. Его

преследовали стоны жертв, и ему страстно хотелось попробовать им помочь. Он знал, что они не были настоящими. Всего лишь вымыслы. Но это было тяжело.

Перрин начал подниматься из воды, волны вновь превращались в твёрдую поверхность. Но что-то задело его ногу, и он вскрикнул. Молния с треском разорвала воздух. Женщина, находившаяся рядом с ним, скрылась в волнах, утащенная невидимыми челюстями. Испугавшийся Перрин внезапно вновь очутился в воде, с колотящимся сердцем, в совершенно другом месте, держась одной рукой за обломок корабля.

Такое иногда случалось. Если ты хоть на мгновение дрогнул, если позволил себе принять кошмар за реальность — тебя тут же затянет внутрь, где ты становишься частью этой чудовищной мозаики. Что-то проплыло рядом в воде, и он, охнув, со всплеском отплыл в сторону. Одна из вздымающихся волн подбросила его в воздух.

Это ненастоящее. Это ненастоящее. Это ненастоящее.

Вода была холодной. Что-то вновь коснулось его ноги; он закричал, а затем умолк, захлебнувшись солёной водой. ЭТО НЕНАСТОЯЩЕЕ!

Он находится в Кайриэне — на

много лиг вдали от океана. Это улица. Твёрдые камни под ногами. Запах свежееиспечённого хлеба, доносящийся из соседней пекарни. Улица, окаймлённая небольшими, тонкими ясенями.

С диким криком, он ухватился за это знание, как люди вокруг хватались за плавающие обломки. Перрин сжал кулаки, сосредоточившись на реальности.

Булыжная мостовая под ногами. Никаких волн. Никакой воды. Никаких зубов и плавников. Медленно, он вновь начал подниматься из океана. Он шагнул из воды и поставил ногу на поверхность, ощущая твёрдый

камень под сапогом. Пришёл черёд второй ноги. Он обнаружил, что находится на маленьком плавающем каменном пяточке.

Слева из воды поднялось что-то огромное, какой-то громадный зверь — наполовину рыба, наполовину чудовище — с пастью таких размеров, что в неё в рост мог пройти человек. Зубы были размером с руку Перрина, они блестели и были обогреты кровью.

Это не взаправду.

Чудище взорвалось, превратившись в туман. Перрина окатили брызги воды, которые мгновенно высохли. Кошмар вокруг него выгнулся под давлением

исходящего от него пузыря реальности. Тёмный воздух, холодные волны, кричащие люди — всё текло, словно мокрая краска.

Не было молний — он не видел их отсветы на своих веках. Не было грома. Он не слышал его раскатов. Не было волн посреди не имевшего выхода к морю Кайриэна.

Перрин широко распахнул глаза, и ночной кошмар рассыпался на кусочки, растаяв подобно тонкой ледяной корочке на весеннем солнце. Вновь появились здания, вернулись улицы, отступили волны. Небо наполнила кипящая чёрная буря. В её нутре сверкали ослепительные белые вспышки молний, но грома не было.

Неподалёку на улице сидел Прыгун. Перрин направился к волку. Он мог бы прыгнуть к нему немедленно, но идея выбирать простой путь ему претила. По возвращении в реальный мир, простота могла выйти боком.

«Ты возмужал, Юный Бык», — одобрительно передал Прыгун.

— Всё равно это занимает у меня слишком много времени, — ответил Перрин, оглядываясь. — Каждый раз, когда я вхожу, мне нужно несколько минут, чтобы восстановить контроль. Я должен быть быстрее. В битве с Губителем несколько минут могут оказаться

вечностью.

«Он не столь силён, как они».

— И всё равно, он будет силён, — ответил Перрин. — Он потратил годы, чтобы научиться управлять волчьими снами. Я только начал.

Прыгун засмеялся.

«Юный Бык, ты начал, когда впервые пришёл сюда».

— Да, но по-настоящему я начал обучение только несколько недель назад.

Прыгун продолжал смеяться. По-своему он был прав. Перрин провёл два года, входя в волчьи сны по ночам. Но ему всё ещё нужно было по мере сил учиться. В какой-

то мере он был даже рад отсрочке перед испытанием.

Но отсрочка не могла длиться слишком долго. Близилась Последняя Охота. Многие волки отправились на север. Перрин чувствовал их движение. Они стремились к Запустению, к Пограничным Землям. Они бежали одновременно и в реальном мире, и в волчьих снах, но не входя туда во плоти. Они бежали стаями.

Он чувствовал, что Прыгун жаждет к ним присоединиться. Однако, он оставался, также как и несколько других.

— Пойдём, — сказал Перрин. — Давай разыщем новый кошмар.

Розовая Межа стояла в цвету.

Это было невероятно. Этим ужасным летом зацвели очень немногие растения, да и отцветшие уже увяли. Но Розовая Межа цвела, и цвела неистово — сотни красных взрывов вихрем обвивали ограду сада. Ненасытные насекомые с жужжанием брали штурмом цветов за цветком. Словно для того, чтобы насытиться, сюда слетелись все пчёлы в городе.

Гавин держался от них подальше, но благоухание роз было столь всепроникающим, что он чувствовал себя купающимся в

аромате. Когда прогулка закончится, его одежда, скорее всего, будет благоухать ещё долгие часы.

Около небольшого пруда, заросшего кувшинками, стоя рядом с одной из скамей, Илэйн беседовала с несколькими советниками. Сестра не скрывала свою беременность и выглядела сияющей. Солнечный свет отражался от её золотистых волос как от зеркальной поверхности. В сравнении с ними венчавшая её голову Корона Роз Андора казалась заурядной вещицей.

В последнее время дел у неё было по горло. Он слышал успокаивающие донесения об изготавливавшемся для неё оружии.

Таким, которое, по её мнению, было сравнимо по мощи с пленными дамани. Как он слышал, литейщики Кэймлина трудились дни и ночи напролёт. Город деловито кипел, готовясь к войне. Зачастую Илэйн не могла даже уделить брату время, так что он был рад, когда она его выкраивала.

Когда он приблизился, она улыбнулась ему, затем незамедлительно отослала своих спутников. Подойдя к нему, она с любовью поцеловала его в щёку.

— Ты выглядишь задумчивым.

— В последнее время это моя обычная беда, — сказал он. — Ты выглядишь встревоженной.

— А это моя обычная беда в последнее время, — сказала она. — Слишком много дел, и меня на всё не хватает.

— Если тебе нужна...

— Нет, — прервала его она, взяв за руку. — Я должна поговорить с тобой. Мне говорили, что в моём положении ежедневная прогулка по саду идёт на пользу.

Гавин улыбнулся, вдыхая аромат роз и влажного ила от пруда. Запахи жизни. Прогуливаясь, он взглянул на небо.

— Не могу поверить, сколько солнечного света я вижу. Я уж было убедил себя, что постоянная темень — это нечто естественное.

— О, может, так и есть, — сказала она беспечно. — Неделю назад пелена над Кэймлином в Андоре улетучилась, но больше нигде.

— Но... как?

Она улыбнулась.

— Ранд. Он что-то сделал. Думаю, он побывал на вершине Горы Дракона. А затем...

Внезапно, день, казалось, померк.

— Снова ал'Тор, — вспыхнул Гавин. — Он преследует меня даже здесь.

— Даже здесь? — переспросила она с улыбкой. — Полагаю, именно в этом саду мы впервые с ним

повстречались.

Гавин не ответил. Он поглядел на север, проверяя, каким было небо в том направлении. Там висели зловещие тёмные облака.

— Отец — он, верно?

— Даже если бы им оказался он, — не моргнув глазом, парировала Илэйн, — то было бы благоразумнее это скрывать. Дети Дракона Возрождённого обязательно станут мишенями.

Гавин почувствовал дурноту. Он подозревал это с самого начала, когда выяснилось, что она беременна.

— Чтоб мне сгореть, — выпалил он. — Илэйн, как ты могла? После всего того, что он сделал с нашей

матерью!

— Ничего он с ней не делал, — ответила Илэйн. — Я могу привести тебе кучу свидетелей, которые это подтвердят, Гавин. Мать исчезла прежде, чем Ранд освободил Кэймлин.

Когда она произносила его имя, её взгляд наполнялся любовью.

— С ним что-то происходит, я это чувствую. Чувствую, что он меняется. Очищается. Он разгоняет облака и заставляет розы цвести.

Гавин вскинул бровь. Она решила, что розы зацвели из-за ал'Тора! Ну, любовь способна заставить человека вообразить себе самые странные вещи, а поскольку

человек, о котором она вела речь, был Возрождённым Драконом, то некоторая безрассудность вполне ожидаема.

Они приблизились к небольшим мосткам, ведущим к пруду. Он не забыл, как купался в нём будучи ребёнком, и какой нагоняй получил потом. Не от матери — от Галада, хотя мать удостоила его строгим разочарованным взглядом. Ни одна живая душа не знала, что он очутился в воде только из-за того, что его толкнула туда Илэйн.

— Ты никогда об этом не забудешь, правда? — спросила Илэйн.

— О чём? — ответил он

вопросом.

— Ты думал о том случае, когда ты свалился в пруд во время встречи матери с представителями дома Фара.

— Свалился? Ты столкнула меня!

— Ничего подобного, — чопорно заявила Илэйн. — Ты красовался, балансируя на столбе.

— А ты потрясла мостки.

— Я просто на них взошла, — сказала Илэйн. — Сильно, но я решительная личность. У меня сильная поступь.

— Сильная! Это неприкрытая ложь.

— Нет, я просто творчески

преподношу правду. Я же теперь Айз Седай. Это наш талант. А теперь скажи, ты собираешься покатать меня по пруду или нет?

— Я... покатать тебя? Когда это тебе пришло в голову?

— Сейчас. Ты разве не слушал?

Гавин ошеломлённо покачал головой.

— Прекрасно.

Позади них несколько телохранительниц заняли свои посты. Они всегда были рядом, зачастую во главе с высокой женщиной, которая воображала себя сказочной Бергитте. Возможно, она действительно имела сходство с Бергитте — по крайней мере, она

отзывалась на то же имя — и служила в ранге Капитан-Генерала.

К гвардейцам присоединилась растущая группа слуг и посыльных. Близилась Последняя Битва, и Андор к ней готовился. К сожалению, большинство приготовлений требовало неусыпного внимания Илэйн. Гавин даже слышал занятную историю, случившуюся около недели тому назад, про то, как Илэйн носили на городскую стену прямо в кровати. До сих пор ему не удавалось выпытать у неё — правда это или нет.

Он помахал Бергитте — та бросила на него угрюмый взгляд, когда он подвёл Илэйн к маленькой вёсельной лодке на пруду.

— Я обещаю не свалить её в воду, — выкрикнул Гавин. И добавил шёпотом: — Хотя у меня может получиться грести «сильно» и перевернуть нас вверх днищем.

— Ой, помолчи, — ответила Илэйн, садясь в лодку. — Здешняя вода не годится для младенцев.

— Возвращаясь к разговору о них, — сказал Гавин, оттолкнув лодку ногой и шагнув в неё следом. Лодку качало из стороны в сторону, пока он не сел.

— Разве в твоём «положении» тебе не нужно больше ходить?

— Я скажу Мелфани, что должна была воспользоваться возможностью перевоспитать своего

злодея-братца. Если задать кому-нибудь хорошую взбучку, может сойти с рук что угодно.

— А я её получу? Взбучку?

— Не обязательно, — её голос был мрачен. Гавин установил вёсла и опустил их в воду. Пруд был невелик, его едва-едва хватало, чтобы оправдать наличие лодки. Но пребывание на воде, среди водомерок и бабочек, дарило спокойствие.

— Гавин, — начала Илэйн, — почему ты оказался в Кэймлине?

— Это — мой дом, — сказал он, — почему бы мне не быть здесь?

— Я беспокоилась о тебе во время осады. И, наверное, отправила бы тебя в бой. Но ты оставался

вдалеке.

— Я же объяснял, Илэйн! Я был втянут в политику Белой Башни, не говоря уже о зимних снегопадах, перекрывших дороги. Меня гложет то, что я не смог помочь, но я был в руках этих женщин.

— Как тебе известно, я сама одна из «этих женщин».

Она подняла руку, кольцо Великого Змея обвивало палец.

— Ты другая, — сказал Гавин. — И всё равно, ты права. Я должен был быть здесь. Хотя не знаю, каких ещё извинений ты от меня ждёшь?

— Я не жду никаких извинений, — ответила Илэйн. —

Ах, Гавин, я не собиралась тебя упрекать. Конечно, ты бы мне тогда пригодился, но мы и так справились. Я беспокоилась о тебе, потому что ты разрывался между защитой интересов Башни и Эгвейн. Похоже, проблема решена. Так что я спрошу. Почему ты оказался здесь? Разве ты не нужен Эгвейн?

— Видимо, нет, — сказал Гавин, табаня лодку. На этом краю пруда разрослись огромные плакучие ивы, их ветви, свисающие словно косы, покачивались над водой. Он поднял вёсла, не добравшись до занавеси этих ветвей, и лодка замерла.

— Ну, — сказала Илэйн, — я не собираюсь совать свой нос в это

дело, по крайней мере, не сейчас. Здесь тебе всегда рады, Гавин. Если бы ты попросил, я бы сделала тебя Капитан-Генералом, но не думаю, что тебе этого хочется.

— Почему ты так считаешь?

— Может потому, что большую часть своего времени ты проводишь, хандря посреди этого сада.

— Я не хандрю, я думаю.

— Ах, да! Вижу, ты тоже научился излагать правду творчески.

Он тихо фыркнул.

— Гавин, ты не видишься с друзьями и знакомыми из дворца. Ты не хочешь быть принцем и Капитан-Генералом. Вместо этого, ты просто... думаешь.

Гавин посмотрел вдоль пруда.

— Я держусь от всех подальше, потому что все они желают знать, почему меня не было во время осады. Спрашивают, когда я собираюсь начать выполнять свои обязанности и возглавить твою армию.

— Всё в порядке, Гавин. Ты не должен становиться Капитан-Генералом, и, если потребуется, я смогу прожить без своего Принца Меча. Хотя, признаюсь, Бергитте весьма расстроена тем, что ты не стал Капитан-Генералом.

— Так в этом причина её гневных взглядов?

— Да, но она справится. У неё действительно хорошо выходит. Если

и есть кто-то, кого я бы хотела, чтобы ты защитил, то это Эгвейн. Ты ей нужен.

— А вдруг я решил, что она не нужна мне?

Илэйн наклонилась вперёд, накрыв его руку своей. Её обрамлённое золотыми волосами, к которым так шла корона, лицо стало серьёзным.

— Ох, Гавин. Что случилось?

Он покачал головой.

— Брин считает, что я привык получать всё в готовом виде, и не знаю, что делать, когда всё идёт наперекосяк.

— А что ты думаешь?

— Я думаю, что мне хорошо

побыть здесь, — ответил Гавин, тяжело вздохнув.

По дорожке вокруг пруда шли несколько женщин, возглавляемые дамой с ярко-рыжими, тронутыми сединой волосами. Димана была своего рода несостоявшейся послушницей Белой Башни. Гавин не был полностью уверен в том, что из себя представляет Родня и какие у неё отношения с Илэйн.

— Это место, — продолжил Гавин, — напоминает мне о моей прежней жизни. Это своего рода освобождение — свобода от Айз Седай. Какое-то время я был уверен, что мне необходимо быть с Эгвейн. Когда я оставил Отроков, чтобы

отправиться к ней, я считал, что это самое правильное из принятых мною решений. И всё же, кажется, она больше во мне не нуждается. Её голова так занята тем, как стать сильной, как выполнять роль Амерлин, что у неё не найдётся места для тех, кто не собирается исполнять каждую её прихоть.

— Сомневаюсь, что всё так ужасно, как ты говоришь. Эгвейн... она должна демонстрировать свою силу. Это из-за её юности и обстоятельств её возвышения. Но она вовсе не высокомерна. По крайней мере, не более чем требуется.

Илэйн погрузила пальцы в воду, вспугнув проплывавшую мимо рыбку

с золотой спинкой.

— Я по собственному опыту знаю, что она чувствует. Ты говоришь, что она хочет, чтобы ей кланялись и перед ней расшаркивались, но я готова держать пари, что на самом деле она хочет, даже нуждается — в ком-то, кому она может безоговорочно доверять. Кому она может поручить дело и не беспокоиться о результате. У неё огромные возможности. Богатство, армия, укрепления, слуги. Но она одна, так что если всё сразу потребует её внимания, то у неё просто не хватит сил.

— Я...

— Ты говоришь, что любишь

её, — продолжила Илэйн, — ты говорил, что предан ей, что отдашь за неё жизнь. У Эгвейн, как и у меня, людей такого склада целые армии. Действительно уникальны те, кто делают то, что я прошу. А ещё лучше — те, которые делают то, что, как они считают, я бы приказала сделать, если бы у меня была на то возможность.

— Я не уверен, что могу быть таким человеком, — сказал Гавин.

— Почему нет? По-моему, из всех мужчин, способных поддержать обладающую властью женщину, ты сможешь сделать это лучше всех.

— С Эгвейн всё иначе. Я не могу объяснить почему.

— Что ж, если ты хочешь взять в жёны Амерлин, то ты должен сделать этот выбор.

Она была права. Как ни печально, но она была права.

— Хватит об этом, — сказал он. — Я заметил, что разговор ушёл от ал'Тора.

— Потому что о нём больше нечего сказать.

— Ты должна держаться от него подальше, Илэйн. Он опасен.

Илэйн отмахнулась.

— Саидин очищена.

— Конечно, он так сказал бы.

— Ты его ненавидишь, — промолвила Илэйн, — я слышу это в твоём голосе. Это ведь не из-за

мамы, верно?

Он заколебался. Её искусство управлять беседой возросло. Это в ней от королевы или от Айз Седай? Он едва не повернул лодку к мосткам. Но это была Илэйн. Свет, как же хорошо разговаривать с человеком, который действительно тебя понимает.

— Почему я ненавижу ал'Тора? — спросил Гавин. — Конечно, из-за матери. Но не только из-за неё. Я ненавижу то, чем он стал.

— Возрождённым Драконом?

— Тираном.

— Ты этого не знаешь Гавин.

— Он простой пастух. Какое он

имеет право низвергать престолы, менять по-своему весь мир?

— Особенно в то время, когда ты скрывался в какой-то деревне? — Он рассказал ей практически всё, что случилось с ним за последние месяцы. — Пока он завоёвывал страны, ты сначала был вынужден убивать своих друзей, а потом тобой пожертвовала собственная Амерлин.

— Точно.

— Значит это зависть, — сказала Илэйн мягко.

— Нет. Вздор. Я...

— Что бы ты сделал, Гавин? — спросила Илэйн. — Вызвал бы его на поединок?

— Может быть.

— А что случилось бы, если бы ты победил и пронзил его насквозь, как, судя по твоим словам, ты хочешь сделать? Ты бы обрѣк всех нас на погибель, только чтобы удовлетворить свои сиюминутные страсти?

Ему нечего было сказать в ответ.

— Это не только зависть, — сказала Илэйн, забирая у него вёсла. — Это эгоизм. Сейчас мы не можем себе позволить быть столь недалёковидными.

Несмотря на его возражения, она сама взялась за весла и начала грести к берегу.

— И это, — заявил он, — я слышу от женщины, которая

самолично возглавила атаку на Чёрную Айя.

Илэйн залилась краской. Он был уверен, она бы дорого дала, чтобы он никогда не узнал об этом случае.

— Так было нужно. И, кроме того, я говорю «мы». Ты и я — у нас общая проблема. Бергитте твердит, что мне нужно научиться быть сдержанней. А тебе необходимо научиться тому же ради Эгвейн. Она нуждается в тебе, Гавин. Она может не осознавать это, она может считать, что должна в одиночку спасти мир. Но она ошибается.

Лодка ударилась о мостки. Илэйн подняла вёсла и протянула руку. Гавин вылез сам и помог ей

сойти на берег. Она нежно сжала его руку.

— Ты разберёшься, — сказала она. — Я освобождаю тебя от необходимости становиться моим Капитан-Генералом. Сейчас я не желаю назначать другого Первого Принца Меча, но ты можешь сохранять этот титул, временно не исполняя свои обязанности. Тебе не нужно ни о чём волноваться, пока ты готов показываться на возникающих время от времени официальных приёмах. Я оглашу это немедленно, упомянув о поручении тебе других дел ввиду наступления Последней Битвы.

— Я... Спасибо тебе, — сказал

он, хотя и не был полностью уверен, что он благодарен. Слишком уж всё сказанное было похоже на требование Эгвейн не охранять её дверь.

Илэйн вновь сжала его руку, развернулась и направилась к своей свите. Гавин смотрел, как она обращается к ним со стальными нотками в голосе. Казалось, её величие возрастает день ото дня, подобно распускающемуся цветку. Жаль, что он не оказался в Кэймлине раньше, чтобы наблюдать этот процесс с самого начала.

Он понял, что улыбается, и повернулся, чтобы продолжить свою прогулку вдоль Розовой Межи. Его

сожалениям было не устоять перед безудержным напором присущего Илэйн оптимизма. Только ей удавалось обозвать человека ревнивцем и не испортить ему настроение.

Он прошёл сквозь волны благоухания, солнце пригревало его шею. Он прогуливался там, где, будучи детьми, они играли с Галадом, и думал о матери, гулявшей по этим садам с Брином. Ему вспомнились её заботливые наставления, когда ему случалось ошибиться, и её улыбки, когда он поступал так, как должно принцу. Эти улыбки были словно восход солнца.

Это было её любимое место. Она жила в нём, в Кэймлине, в безопасности и силе андорцев, в Илэйн — которая час от часу всё больше походила на мать. Он остановился около пруда — в том месте, где в детстве Галад спас его, когда он тонул.

Возможно, Илэйн права. Возможно, ал'Тор не имел отношения к смерти Моргейз. А даже если и имел, то Гавину никогда это не доказать. Но это не имело значения. Ранд ал'Тор уже был приговорён к смерти в Последней Битве. Так зачем же ненавидеть этого человека?

— Она права, — прошептал Гавин, наблюдая за танцующими над

водной гладью ястребиными стрекозами. — Мы в расчёте, ал'Тор. С этого момента мне нет до тебя дела.

Он почувствовал, что с его плеч свалилась страшная тяжесть. Гавин испустил долгий облегчённый вздох. Только сейчас, когда Илэйн официально отпустила его, он осознал, насколько сильно он терзался своим отсутствием в Андоре. Теперь и это тоже ушло прочь.

Время сосредоточиться на Эгвейн. Он залез в карман, вытащил нож убийцы и, повернув к солнцу, принялся рассматривать красные камни. Он действительно обязан

защитить Эгвейн. Положим, она отругала его, гневалась на него и прогнала прочь. Но если бы ему удалось сохранить ей жизнь — разве всё это не стоило бы этого наказания?

— Во имя могилы моей матери, — резко прозвучал голос сзади, — где вы взяли это?

Гавин обернулся. Женщины, которых он заметил ранее, стояли на дорожке прямо за его спиной. У возглавлявшей их Диманы волосы были тронуты сединой, а уголки глаз испещрены морщинками. Разве она не работала с Силой, которая, как предполагается, останавливает признаки старения?

Её сопровождало двое. Одна — пухлая молодая женщина с тёмными волосами, другая — крепкая, средних лет. Именно она только что с ним заговорила. У неё были широкие, казавшиеся невинными глаза. И ещё она казалась напуганной.

— Что такое, Марилле? — спросила Димана.

— Этот нож, — сказала Марилле, указывая на руку Гавина. — Марилле видела такой же раньше!

— Я видела такой же раньше, — поправила Димана. — Ты человек, а не вещь.

— Да, Димана. Тысяча

извинений, Димана. Марилле... Я не допущу ошибки вновь, Димана.

Гавин поднял бровь. Что не так с этой женщиной?

— Простите её, милорд, — сказала Димана. — Марилле долгое время была *дамани*, и она с трудом привыкает.

— Ты шончанка? — сказал Гавин. — Ну конечно. Я должен был заметить акцент.

Марилле энергично кивнула. Бывшая *дамани*. Гавин похолодел. Эту женщину учили убивать с помощью Силы. Третья женщина хранила молчание, наблюдая с любопытством. В ней признаков раболепия и близко не было.

— Мы должны идти, — заявила Димана. — Для неё не больно-то хорошо видеть то, что напоминает о Шончан. Пойдём, Марилле. Я полагаю, это просто трофей, который лорд Траканд взял в битве.

— Нет, постойте, — сказал Гавин, поднимая руку, — ты узнаёшь этот клинок?

Марилле посмотрела на Диману, словно спрашивая дозволения ответить. Женщина из Родни вымученно кивнула.

— Это Кровавый Нож, милорд, — сказала Марилле. — Вы не могли добыть его в бою, потому что никто не может победить Кровавых Ножей. Они непобедимы.

Они погибают, только если их собственная кровь обернётся против них.

Гавин нахмурился. Что это за бессмыслица?

— Так это что, шончанское оружие?

— Да, мой господин, — сказала Мирелле, — его носят Кровавые Ножи.

— Я думал, ты сказала, что это и есть Кровавый Нож.

— Так и есть, но так называют и тех, кто ими вооружён. Они таятся в ночи, направляемые волей Императрицы — да живёт она вечно — дабы повергать её врагов от её имени и умереть во славу её.

Марилле опустила глаза ниже.

— Марилле слишком много болтает. Она просит прощения.

— Я прошу прощения, — сказала Димана с ноткой раздражения в голосе.

— Я прошу прощения, — повторила Марилле.

— Итак, эти... Кровавые Ножи, — продолжил Гавин, — они *шончанские* убийцы? — Холод пробрал его до костей. Шончан ведь могли отправить на верную смерть солдат, чтобы те убивали Айз Седай? Да. Это разумное предположение. Убийца не Отрёкшийся.

— Да, милорд, — подтвердила Марилле, — я видела один из таких

ножей, висевший в комнате моей хозяйки; он принадлежал её брату, который владел им с честью, пока его кровь не обернулась против него.

— Ты имеешь в виду, его семья?

— Нет, его кровь, — Марилле ещё сильнее съёжилась.

— Расскажи мне об этом, — требовательно сказал Гавин.

— Таящиеся в ночи, направляемые волей Императрицы — да живёт она вечно — дабы повергать её врагов от её имени и умереть во...

— Да, да, — перебил Гавин, — ты об этом уже говорила. Какие способы они используют? Как им удаётся так хорошо маскироваться?

Что тебе известно о том, как они нападают?

После каждого вопроса Марилле всё больше съёживалась и начала хныкать.

— Лорд Траканд! — вступилась Димана. — Держите себя в руках!

— Марилле очень многого не знает, — пролепетала *дамани*. — Марилле просит прощения. Пожалуйста, накажите её, за то, что она не слушала лучше.

Гавин отступился. Шончан относились к своим *дамани* хуже, чем к животным. Марилле не рассказывали о том, на что способны эти Кровавые Ножи.

— Где вы взяли эту *дамани*? —

спросил Гавин. — Есть здесь какие-нибудь пленные шончанские солдаты? Мне нужно поговорить с кем-нибудь из них, предпочтительнее с офицером.

Димана скривила губы.

— Их взяли в плен в Алтаре, и нам прислали только *дамани*.

— Димана, — вмешалась в разговор другая женщина. У неё не было шончанского акцента. — А что если *сул'дам*? Кайси, она из Низкородных.

Димана нахмурилась.

— Кайси... ненадёжна.

— Пожалуйста, — вымолвил Гавин, — это вопрос жизни и смерти.

— Понятно, — сказала Димана. — Подождите здесь. Я вернусь с нею.

Она забрала своих подопечных во дворец, оставив Гавина в тревожном ожидании. Несколько минут спустя Димана возвратилась в сопровождении высокой женщины, одетой в бледно-серое платье без пояса и какой бы то ни было вышивки. Её длинные тёмные волосы были уложены в косу, и она, казалось, целенаправленно держалась ровно в одном шаге позади Диманы. Похоже, это беспокоило сопровождавшую и пытавшуюся за ней приглядывать женщину из Родни.

Они подошли к Гавину, и бывшая *сул'дам*, что было совершенно невероятно, опустилась на колени и распростёрлась перед ним, коснувшись лбом земли. Её поклон был преисполнен такого изящества, что у Гавина сложилось подспудное ощущение, что над ним насмеются.

— Лорд Траканд, — объявила Димана, — это — Кайси. Или, по крайней мере, она настаивает, чтобы её сейчас так называли.

— Кайси — хорошая служанка, — невозмутимо произнесла женщина.

— Встань, — сказал Гавин. — Что ты делаешь?

— Кайси было сказано, что вы брат королевы; вы — Высокородный этого королевства, а я смиренная *дамани*.

— *Дамани?* Ты же *сул'дам*.

— Больше нет, — ответила женщина. — На меня нужно надеть ошейник, великий лорд. Вы проследите, чтобы это было сделано? Кайси опасна.

Димана кивнула в сторону, показывая, что им нужно переговорить с глазу на глаз. Гавин отошёл с ней чуть подальше вдоль Розовой Межи, оставив распростёртую Кайси на месте.

— Так она *сул'дам*, — спросил Гавин — или всё-таки *дамани*?

— Все сул'дам могут быть обучены направлять, — объяснила Димана. — Илэйн думает, что обнародование этого обстоятельства подорвёт все их устои, так что она повелела нам сосредоточиться на обучении *сул'дам* использовать Силу. Многие отказываются признавать, что они видят потоки, но несколько женщин были с нами честны. Все до одной утверждают, что должны быть обращены в дамани.

Она кивнула в сторону Кайси.

— С нею самые большие трудности. Мы считаем, что она усердно изучает потоки, чтобы потом сотворить «происшествие» и использовать наши собственные

доводы против нас — если она сделает что-то преступное с помощью Единой Силы, она сможет заявить, что мы были неправы, оставив её на свободе.

Женщина, обученная убивать при помощи Единой Силы, не связанная Тремя Клятвами и вознамерившаяся доказать, насколько она опасна? У Гавина по спине побежали мурашки.

— Мы даём ей корень вилочника почти каждый день, — сказала Димана. — Я всё это рассказала не для того, чтобы напугать вас, а чтобы предупредить о том, что любые её слова и действия не внушают доверия.

Гавин кивнул.

— Спасибо.

Димана привела его назад, *сул'дам* по-прежнему лежала простёртая ниц.

— Как может Кайси услужить вам, великий лорд?

Её действия казались пародией на раболепие Марилле. То, что Гавин изначально принял за насмешку, ею вовсе не было. Он наблюдал неуклюжую попытку знатной женщины изображать действия служанки.

— Видела ли ты такой раньше? — спокойно спросил Гавин, доставая Кровавый Нож.

Кайси вытаращилась от

изумления.

— Где вы нашли это? Кто дал его вам?

Почти мгновенно она съёжилась, словно понимая, что отступила от принятой ею роли.

— Меня им пытались убить, — сказал Гавин. — Мы сразились, и он убежал.

— Это невозможно, великий лорд, — сказала шончанка, на сей раз лучше справляясь с голосом.

— Почему ты это утверждаешь?

— Потому что, если бы вы сражались с одним из Кровавых Ножей, великий лорд, вы были бы мертвы. Они — самые опытные убийцы во всей Империи. Они

безжалостны в схватке, потому что они уже мертвы.

— Отряды самоубийц, — кивнул Гавин. — Ты что-нибудь о них знаешь?

На лице Кайси отразилась внутренняя борьба.

— Если я прослежу, чтобы на тебя надели ошейник, — спросил Гавин, — ты мне ответишь?

— Милорд, — сказала Димана, — королева никогда не позволит ничего подобного!

— Я попрошу её, — продолжил Гавин. — Я не могу обещать, что на тебя наденут ошейник, Кайси, но я могу пообещать, что буду ходатайствовать за тебя перед

королевой.

— Вы влиятельны и сильны, великий лорд, — сказала Кайси, — и действительно мудры. Если вы сдержите обещание, Кайси даст вам ответ.

Димана буравила взглядом Гавина.

— Говори, — сказал Гавин *сул'дам*.

— Кровавые Ножи не живут долго, — начала Кайси. — Единожды получив задание, они от него не отступятся. Они получают свои способности от Императрицы, да живёт она вечно, и кольца-*тер'ангриалы*, которые обращают их в великих воинов.

— Так это кольца размывают их очертания, — сказал Гавин. — Когда носитель находится рядом с тенью.

— Да, — подтвердила Кайси, в удивлении от того, что ему это известно — Их невозможно победить. Но, в конечном счёте, их убивает собственная кровь.

— Их собственная кровь?

— Они отравлены собственным служением. Получив приказ, они зачастую, живут не больше нескольких недель. Самое большее — месяц.

Взволнованный Гавин поднял нож.

— То есть, мы просто должны дождаться, пока они сами не умрут.

Кайси засмеялась.

— Этого не случится. Прежде, чем они умрут, они выполняют задание.

— Этот потихоньку убивает людей, — сказал Гавин. — Одного каждые несколько дней. До сих пор убитых можно счесть по пальцам.

— Проба почвы, — сказала Кайси. — Он определяет сильные и слабые стороны, отыскивая, где он может ударить, не будучи обнаруженным. Если убитых всего несколько, то вы ещё не видели, как действуют Кровавые Ножи в полную силу. Они оставляют не «единицы», а десятки трупов.

— Если только я его не

остановлю, — сказал Гавин. — В чём их слабости?

Кайси вновь рассмеялась.

— Слабости? Великий лорд, разве я не сказала, что они лучшие воины Шончан, усиленные и осенённые милостью Императрицы, да живёт она вечно?

— Прекрасно. А что тогда с *тер'ангриалом*? Он помогает убийце, только когда тот находится в тени? Как я могу ему помешать? Может быть с помощью яркого света нескольких светильников?

— Не бывает света без тени, великий Лорд, — сказала женщина. — Чем больше света, тем больше теней.

— Должен быть способ!

— Кайси уверена, что если он существует, то вы его отыщете, великий лорд, — в ответе женщины промелькнула насмешка. —

Дозволено ли Кайси дать совет, великий лорд? Если вы выжили в схватке с Кровавым Ножом, то можете считать себя счастливым. Должно быть, не вы были его или её настоящей целью. Для вас было бы благоразумнее затаиться до истечения месяца. Позвольте Императрице — да живёт она вечно — исполнить её волю, и благодарите за данные вам предзнаменования — достаточные, чтобы спастись и остаться в живых.

— Достаточно, — сказала Димана. — Полагаю, что вы узнали всё что желали, лорд Траканд?

— Да, спасибо, — сказал взволнованный Гавин. Он едва заметил, как Кайси поднялась и женщина из Родни увела свою подопечную.

«Если выжили, можете считать себя счастливымчиком... Должно быть, не вы были его настоящей целью...»

Гавин осмотрел зажатый в руке метательный нож. Несомненно, настоящей целью была Эгвейн. Зачем бы ещё Шончан применили столь грозное оружие? Возможно, они считали, что её смерть низвергнет

Белую Башню.

Эгвейн нужно предупредить. Невзирая на её возможный гнев, невзирая на неповиновение её желаниям, он должен доставить ей эту информацию. Она может спасти ей жизнь.

Он всё ещё не сдвинулся с места, размышляя, как подобраться к Эгвейн, когда его отыскала служанка в красно-белой униформе. Она несла поднос с запечатанным конвертом на нём.

— Милорд Гавин?

— Что это? — спросил Гавин, взяв письмо и используя Кровавый Нож, чтобы вскрыть конверт.

— Из Тар Валона, — сказала

служанка, отвесив поклон. — Его доставили через Переходные Врата.

Гавин развернул тонкий листок бумаги, скрывавшийся внутри. Он узнал почерк Сильвианы.

«Гавин Траканд, — прочёл он. — Амерлин очень рассержена, обнаружив твоё отсутствие. Тебе не разрешалось покидать город. Она просила меня отправить это послание, дабы напомнить, что у тебя было достаточно времени, чтобы отдохнуть в Кэймлине. Твоё присутствие необходимо в Тар Валоне, куда тебе надлежит вернуться со всей поспешностью».

Гавин прочёл письмо, затем перечёл снова. Эгвейн накричала на

него за то, что он нарушил её планы, и почти что вышвырнула его из Башни, а теперь рассердилась, обнаружив, что он покинул город? А чего ещё она от него ожидала? Он едва не рассмеялся.

— Милорд, — осведомилась служанка, — желаете ли написать ответ?

На подносе были перо и бумага.

— Меня предупредили, что он будет.

— Отправьте ей это, — сказал Гавин, бросив Кровавый Нож на поднос. Внезапно, он почувствовал такой гнев, что все мысли о возвращении улетучились. Проклятая женщина!

— И передайте ей, — добавил он после мимолётного раздумья, — что убийца шончанин и владеет особым *тер'ангриалом*, который делает его трудноразличимым в тенях. Лучшее зажечь дополнительный свет. Убийства были нужны для того, чтобы проверить нашу охрану. Истинная цель — она. Подчеркните, что убийца очень, очень опасен, но это не та особа, на которую она думала. Если ей нужны доказательства, то она может поговорить с шончанами здесь в Кэймлине.

Служанка выглядела озадаченной, но когда продолжения не последовало, она ретировалась.

Гавин попытался успокоиться. Он вернётся, но не сейчас. Это выглядело бы так, словно он приполз назад по одному её повелению. У неё были свои «тщательно составленные планы и ловушки». Она заявила, что в нём не нуждается. Раз так, то ей придётся какое-то время и вправду обойтись без него.

Глава 34

ПРИГОВОР

— Я хочу, чтобы разведчики наблюдали за окрестностями, — с нажимом сказал Перрин. — Даже во время суда.

— Девам это не понравится, Перрин Айбара, — ответила Сулин. — Если они из-за этого упустят шанс потанцевать с копиями...

— И, тем не менее, они сделают именно так, — ответил Перрин, обходя лагерь в компании Даннила и Гаула. Позади следовали Ази и Вил ал'Син — его дежурные

телохранители на этот день.

Сулин изучающе оглядела Перрина и кивнула:

— Будет сделано, — и ушла.

— Лорд Перрин, — спросил Даннил, в запахе которого чувствовалось волнение. — В чём дело?

— Я пока не знаю, — ответил Перрин. — Воздух как-то неправильно пахнет.

Даннил озадаченно нахмурился. Ну, Перрин тоже был озадачен. Озадачен, и вместе с тем его уверенность всё больше росла. Это выглядело противоречиво, но дело обстояло именно так.

В лагере царила суматоха —

армии собирались на встречу Белоплащикам. Не его армия, а именно что армии. Между ними существовало столько разногласий: Арганда и Галленне переругались из-за лучшей позиции, двуреченцам не нравились только что принятые отряды наёмников, а бывшие беженцы оказались раздавлены между прочими сторонами. И, конечно, есть ещё и Айил, сторонившиеся остальных и творящие что им вздумается.

«В конечном счёте, я всё равно их расформирую, — сказал себе Перрин. — Какая мне разница?» — Но, тем не менее, это его беспокоило. Не стоит содержать

лагерь в таком беспорядке.

В любом случае, люди Перрина по большей части оправились от недавнего пузыря зла. Пожалуй, никто из них больше не будет смотреть на своё оружие прежними глазами, но раненых Исцелили, а способные направлять отдохнули.

Задержка Белоплащикам не понравилась — вероятно, она оказалась длиннее, чем они ожидали. Но Перрину было нужно выиграть это время по целому ряду причин.

— Даннил, — сказал он. — Полагаю, моя жена впутала тебя в свои махинации по моему спасению.

Даннил вздрогнул.

— Откуда...

— Ей нужно иметь секреты, — ответил Перрин. — Половина из них мне неизвестны, но этот был ясен, как день. Ей крайне не нравится этот суд. Что она заставила тебя сделать? Взять Аша'манов и вытащить меня из опасности?

— Что-то в этом роде, милорд, — признался Даннил.

— Если всё обернётся плохо, я согласен, — сказал Перрин. — Но не вмешивайтесь слишком рано. Я не позволю суду обернуться кровавой баней только из-за того, что какой-нибудь белоплащик в неподходящий момент выкрикнет оскорбление. Ждите моего сигнала. Понял?

— Да, милорд, — ответил

Даннил; в его запахе проявилась нотка покорности.

Перрину было нужно со всем этим покончить. Освободиться. Немедленно. Потому, что за эти несколько дней всё начало казаться ему естественным. «*Я всего лишь...*» — он не закончил мысль: всего лишь кто? Кузнец? Разве он смеет продолжать это утверждать? Что он из себя представляет?

Впереди, на пеньке возле площадки для Перемещений, сидел Неалд. За последние несколько дней по приказу Перрина юный солдат-Аша'ман вместе с Гаулом произвели разведку в нескольких направлениях, проверяя, можно ли создать врата,

если отдалиться от лагеря на достаточное расстояние. И, разумеется, у них получилось, хотя им пришлось идти несколько часов, чтобы покинуть зону странного эффекта.

Ни Неалд, ни Гаул не заметили никакой перемены — плетение для Врат просто начало работать, и всё. На этой стороне не существовало барьера или каких-то видимых его проявлений, но если Перрин угадал правильно, то место, где невозможно создать врата, с точностью совпадало с областью, накрытой куполом в волчьем сне.

Именно в этом было назначение купола, и именно поэтому Губитель

его охранял, а вовсе не затем, чтобы ловить волков — хотя он делал и то, и другое с превеликим удовольствием. Что-то вызвало оба явления — и купол, и проблемы с Аша'манами.

— Неалд, — обратился Перрин, подходя к Аша'ману. — Последний поиск прошёл удачно?

— Да, милорд.

— Когда вы с Грейди впервые рассказали мне о том, что плетения не сработали, вы упомянули, что с вами уже случалось подобное. Когда именно?

— Когда мы пытались забрать разведчиков из Кайриэна, — ответил Неалд. — Мы попробовали, и

плетения распались. Но мы подождали немного и попытались снова. Тогда плетение сработало.

«Это случилось как раз после той ночи, когда я впервые увидел купол, — подумал Перрин. — Он возник на короткое время, а потом исчез. Должно быть, Губитель его проверял».

— Милорд, — сказал Неалд, подходя ближе. Пусть он и был манерным, но, когда требовалось, на него можно было положиться. — Что происходит?

— Я думаю, кто-то готовит нам ловушку, — тихо ответил Перрин. — Огораживает нас. Я отправил несколько человек выяснить

причину; вероятно, это какой-то предмет, работающий с Единой Силой.

Он боялся, что тот может быть спрятан в волчьем сне. Может ли что-то оттуда влиять на реальный мир?

— Ты уверен, что не можешь вовсе создать никаких Врат? Даже в близкое место, внутри затронутой области?

Неалд покачал головой.

«Значит, на этой стороне правила другие, — подумал Перрин. — Или, по крайней мере, оно влияет на Перемещение по-другому, не как на смещение в волчьем сне».

— Неалд, ты упоминал, что если

использовать круг, то Врата получатся настолько большие, что за несколько часов через них можно провести всю армию?

Неалд кивнул.

— Мы тренировались.

— Вы должны быть готовы это сделать, — сказал Перрин, посмотрев на небо. Он всё ещё чувствовал *странность* в воздухе. Какую-то едва уловимую затхлость.

— Милорд, — произнес Неалд, — мы будем готовы, но если нельзя создать Врата, то это не имеет значения. Впрочем, мы могли бы отправить армию к тому месту, где эффект пропадает, и уйти оттуда.

К несчастью, Перрин

подозревал, что из этого ничего не выйдет. Прыгун называл ту штуку отголоском далёкого прошлого — и это значило, что Губитель с большой вероятностью связан с Отрёкшимися. Или — он сам один из Отрёкшихся — раньше это Перрину в голову не приходило. В любом случае, те, кто задумал эту ловушку, за ними следят, и если армия сделает попытку уйти, то враг либо захлопнет ловушку, либо передвинет купол.

Отрёкшиеся одурачили Шайдо теми коробочками и привели их сюда. И этот рисунок с его портретом, который повсюду распространяют... Являлся ли он частью ловушки, какой бы та ни

была? Опасности, столько
опасностей следует за ним по пятам.

*«Ну, а чего же ты ждал? —
подумал он. — Это ведь Тармон
Гай'дон».*

— Хотел бы я, чтобы Илайас
вернулся, — сказал он вслух. Перрин
отправил того в разведку с личным,
особенным поручением. — Просто
будь наготове, Неалд. Даннил, лучше
всего, если ты отправишься передать
мои наставления своим людям. Я не
хочу никаких случайностей.

Даннил и Неалд ушли каждый
по своим делам, и Перрин двинулся к
коновязи за Ходоком. Тихий, как
ветер, Гаул пристроился с ним рядом.

«Кто-то затягивает силок, —

подумал Перрин, — *медленно, дюйм за дюймом, вокруг моей ноги*». — Возможно, кто-то ждёт сражения Перрина с Белоплащниками — после него армия будет ослаблена и изранена. Лёгкая добыча. Его прошиб холодный пот, когда он понял, что, схватись он с Дамодредом раньше, ловушку могли захлопнуть уже тогда. Внезапно суд стал невероятно важен.

Перрин *должен* был найти способ предотвратить битву, пока он ещё раз не попадёт в волчий сон. Возможно, ему удастся там найти способ уничтожить купол и освободить своих людей.

— Ты изменился, Перрин

Айбара, — сказал Гаул.

— Как? — спросил Перрин, забрав Ходока у конюха.

— К лучшему, — ответил Гаул. — Приятно видеть, что ты перестал возражать против того, чтобы быть вождём. Но куда приятнее видеть, как ты, командуя, получаешь удовольствие.

— Я перестал возражать, потому что занят делами поважнее, — сказал Перрин. — И я *не получаю* удовольствия, командуя. Я делаю это, потому что должен.

Гаул кивнул, будто решил, что Перрин с ним согласился.

«Айил». — Перрин вскочил в седло.

— Двинулись потихоньку.
Колонне, начать движение.

* * *

— Иди, — сказала Фэйли Аравайн. — Армия выступает.

Аравайн присела в реверансе и ушла передать приказания беженцам. Фэйли не знала, что принесёт этот день, но она хотела, чтобы те, кто останется в тылу, свернули лагерь и были готовы выступить — просто на всякий случай.

Когда Аравайн уходила, Фэйли заметила, что к ней присоединился Алдин-счетовод. Похоже, он в

последнее время часто оказывался поблизости от Аравайн — возможно, он, наконец, дал отставку Арреле.

Фэйли заторопилась к шатру. По пути она прошла мимо Фланна Барстера, Джона Гаэлина и Марека Кормера, проверявших тетивы луков и оперение стрел. Все трое при её приближении подняли головы и помахали ей руками. В их глазах читалось облегчение — это хороший знак. Раньше, когда она попадалась им на глаза, то казалось, они за неё стыдятся — словно им было неприятно то, как Перрин в отсутствие Фэйли будто бы флиртовал с Берелейн.

А сейчас Фэйли проводила

много времени с Берелейн, да и слухи были официально опровергнуты — и это помогло убедить всех в лагере, что ничего неуместного не случилось. Любопытно, что на перемену мнения людей в лагере сильнее всего повлияло спасение Берелейн во время пузыря зла. Благодаря этому событию люди решили, что женщины ничего не имеют против друг друга.

Конечно, Фэйли вовсе *не спасала* сопернице жизнь — всего лишь помогла ей. Но слухи утверждали иное, и Фэйли была рада, что они хоть раз приносят им с Перрином пользу.

Она дошла до шатра и торопливо вытерла лицо влажным куском полотна над тазом. Она надушилась духами и надела самое лучшее платье — тёмное серо-зелёное, с вышитой на корсаже, по подолу и на рукавах виноградной лозой. После этого она оглядела себя в зеркале. Превосходно. Ей удавалось скрывать тревогу. С Перрином всё будет в порядке. *Обязательно* будет.

И, тем не менее, она спрятала за поясом и в рукавах несколько кинжалов. Снаружи уже ждал конюх с Зарёй. Фэйли взобралась на лошадь — ей очень не хватало убитой Шайдо Ласточки. Даже самые лучшие её платья были с разделенной надвое

юбкой для верховой езды; других она не взяла бы с собой в дорогу. Мать научила её: ничто так быстро не подрывает доверие солдат к женщине, как дамское седло. А если случится немыслимое и Перрин погибнет, Фэйли, возможно, придётся самой принять командование войсками.

Она рысью подъехала к передним рядам строящейся армии. Перрин был уже там, в седле. Да как он смеет выглядеть таким невозмутимым!

Фэйли не позволила себе открыто проявить раздражение. Порой нужно быть ураганом, а порой — нежным ветерком. Она уже дала

Перрину понять, причём в недвусмысленной форме, что она думает об этом суде. А сейчас нужно, чтобы окружающие видели, что она его поддерживает.

Она подъехала к Перрину — позади как раз собирались Айз Седай, своим видом напоминая Хранительниц Мудрости. Дев видно не было. Где же они? Важно убрать их подальше от предстоящего суда. Для Сулин и остальных защищать Перрина было обязанностью, доверенной им их *Кар'а'карном*, и если её муж погибнет, на них ляжет великий *тох*.

Оглядывая лагерь, она заметила двух *гай'шайн* в белых одеждах с

капюшонами, торопившихся к передней линии. Стоящий рядом с Перрином Гаул скривился. Одна из женщин отвесила ему поклон, протягивая набор копий.

— Свежезаточенные, — сказала Чиад.

— И только что оперённые стрелы, — прибавила Байн.

— У меня уже есть стрелы и копья, — произнёс Гаул.

— Да, — ответили женщины, опускаясь перед ним на колени и продолжая держать подношения.

— В чём дело? — спросил он.

— Мы просто беспокоились о твоей безопасности, — сказала Байн. — В конце концов, ты ведь сам

готовил своё оружие. — Она произнесла это от чистого сердца, без тени неискренности или насмешки — но сами слова намекали на снисхождение.

Гаул захохотал. Он взял оружие и отдал женщинам свои копья и стрелы. И, несмотря на все проблемы, которые готовил этот день, Фэйли поняла, что улыбается. В айильских взаимоотношениях присутствовала некая извилистая сложность: когда дело касалось *гай'шайн* Гаула, то его, казалось, расстраивало то, что должно бы радовать, и забавляло то, чему полагалось его оскорбить.

Когда Байн и Чиад ушли, Фэйли

оглядела собирающуюся армию. Постепенно подходили все, не только капитаны или призванные в дело отряды. Большинству не удастся присутствовать на суде, но им нужно быть рядом. На всякий случай.

Фэйли остановилась рядом с мужем.

— Что-то тебя беспокоит.

— Мир затаил дыхание,

Фэйли, — ответил Перрин.

— Что ты имеешь в виду?

Он покачал головой.

— Последняя Охота началась.

Ранд в опасности — и большей, чем кто бы то ни было из нас. А я не могу отправиться к нему. Пока не могу.

— Перрин, ты несёшь какой-то

вздор. Откуда ты можешь знать, что Ранд в опасности?

— Я его вижу. Каждый раз, как я произношу его имя или думаю о нём, перед моими глазами встаёт видение. — Она моргнула.

Он повернулся к ней, жёлтые глаза смотрели задумчиво.

— Я связан с ним. Он... понимаешь, он притягивает меня. В любом случае, я дал себе слово, что буду честно рассказывать тебе о подобных вещах. — Он помедлил. — Мои армии... Фэйли, их гонят, будто стадо. Словно овец на заклание к мяснику.

Внезапно он вспомнил видение из волчьего сна. Овцы, убегаящие от

волков. Тогда он решил, что он один из волков, но вдруг он ошибся?

Свет! Он действительно ошибся. Теперь он знал, что это значит.

— Я чувствую это в воздухе, — сказал он. — Проблемы с Вратами связаны с происходящим в волчьем сне. Кто-то не хочет, чтобы мы покинули это место.

Прохладный ветер, необычный при полуденной жаре, обдал их холодом.

— Ты уверен? — спросила Фэйли.

— Да, — сказал Перрин. — Как ни странно, но это так.

— Тогда, где Девы? Отправились

на разведку?

— Кто-то расставил на нас ловушку и собирается напасть. Разумнее всего заставить нас сцепиться с Белоплащниками, а потом разделаться с выжившим, кем бы он ни оказался. Но для этого нужно войско, которого здесь нет. Есть только мы и Белоплащники. Я отправил Илайаса искать по окрестностям следы Путевых Врат, но он пока ничего не нашёл. Так что, возможно, ничего не случится, и я просто испугался собственной тени.

— В последнее время, муж мой, нельзя исключать, что даже тени могут укусить. Я верю твоим предчувствиям.

Он поглядел на неё и широко улыбнулся.

— Спасибо.

— И что нам с этим делать?

— Мы едем на суд, — ответил Перрин. — И сделаем всё от нас зависящее, чтобы предотвратить битву с Белоплащниками. А ночью я проверю, не сумею ли остановить вещь, которая не даёт создавать Врата. Мы не можем просто отъехать подальше, чтобы от неё спастись — эту вещь можно перемещать. Я видел её в двух местах. Мне как-то придется её уничтожить — и после этого мы отступим.

Фэйли кивнула, и Перрин дал сигнал двигаться. Хотя остававшаяся

позади армия, будто запутанная веревка, всё ещё казалась в беспорядке, но она пришла в движение. Отряды сами строились, распутываясь.

Они совершили недолгий переход по Джеханнахскому тракту, добираясь до поля, где был установлен павильон. Белоплащники уже были на месте; они стояли в боевом порядке. Похоже, и они привели всё своё войско.

Это будет тяжёлый день.

Гаул бежал рядом с лошадью Перрина — он не выглядел обеспокоенным и не закрыл лицо вуалью. Фэйли знала, что он считал достойным решение мужа

направиться на суд. Перрин должен был либо оправдаться, либо признать *тох* и принять наказание. Айил с лёгкостью шли даже на собственную казнь, чтобы уплатить *тох*.

Они подъехали к павильону. На его северной стороне была возведена платформа, на которой стояло кресло спиной к росшему в отдалении лесу кожелиста. В кресле на возвышении сидела Моргейз, и каждый дюйм её облика выдавал в ней королеву. На её плечи была наброшена красная с золотом мантия, которую, должно быть, достал для неё Галад. Как Фэйли вообще умудрилась принять эту женщину за обыкновенную горничную?

Перед Моргейз были расставлены стулья, половину которых занимали Белоплащники. Галад стоял рядом с её импровизированным судейским креслом. Его волосы были уложены локон к локону, на форме не было ни единого пятнышка, с плеч ниспадал плащ. Фэйли оглянулась и обнаружила Берелейн, которая, краснея до ушей, не сводила с Галада своего голодного взгляда. Она так и не оставила попыток убедить Перрина отправить на мирные переговоры с Белоплащниками именно её.

— Галад Дамодред, — выкрикнул Перрин, спешиваясь

перед павильоном. Фэйли тоже спрыгнула с лошади и зашагала рядом с ним. — До начала я хочу, чтобы ты пообещал мне кое-что.

— Что именно? — выкрикнул молодой командующий.

— Поклянись, что не позволишь суду превратиться в битву, — сказал Перрин.

— Я мог бы это пообещать, — сказал Галад. — Но, разумеется, тебе тогда придётся пообещать, что ты не сбежишь, если решение суда окажется не в твою пользу.

Перрин умолк и положил руку на молот.

— Вижу, ты не желаешь дать такое обещание, — сказал Галад. —

Я даю тебе этот шанс, потому что моя мать убедила меня, что тебе надо позволить высказаться в свою защиту. Но я скорее умру, чем позволю убийце Детей Света просто уйти. Если ты не хочешь, чтобы суд превратился в битву, то предоставь веские доказательства. Или так, или прими наказание.

Фэйли взглянула на мужа — он нахмурился. Он выглядел так, словно собирался дать обещание. Она положила руку ему на плечо.

— Я должен это сделать, — тихо произнёс он. — Как может кто-то быть выше закона, Фэйли? Я убил тех людей в Андоре, когда королевой была Моргейз. Я должен

подчиниться её приговору.

— А как же долг по отношению к людям, вступившим в твою армию? — спросила она. — А долг к Ранду и к Последней Битве? — *«И ко мне»?*

Перрин помедлил и кивнул.

— Ты права, — и громко продолжил: — Давайте уже приступать к делу.

* * *

Перрин вошёл в павильон — к нему немедленно присоединились Неалд, Даннил и Грейди. Из-за их присутствия Перрин чувствовал себя

трусом: то, как все четверо стояли, ясно давало понять, что они не позволят схватить Перрина.

Что такое суд, если Перрин не будет считаться с его решением? Да просто бутафория.

Белоплащники напряжённо наблюдали, их офицеры собрались в тени павильона, а солдаты в строю встали по стойке «вольно». Они выглядели так, будто не собирались дожидаться окончания суда. Собственные силы Перрина — более крупные, но не настолько организованные — в ответ построились напротив Белоплащников.

Перрин кивнул, и Рован Хурн

отправился удостовериться, что Галад отпустил пленных. Перрин подошёл к павильону и остановился перед возвышением, на котором стояло кресло Моргейз. Фэйли осталась рядом. Здесь для них были поставлены стулья спиной к их армии, и он сел. В нескольких шагах слева от него находилось возвышение Моргейз. По правую руку рассаживались зрители.

Фэйли присела рядом. От неё пахло настороженностью. В павильон вошли остальные. Берелейн и Аллиандре вместе со своими телохранителями сели ближе к нему; Айз Седай и Хранительницы Мудрости встали в глубине,

отказавшись сесть. Последние несколько стульев заняли несколько двуреченцев и кое-кто из бывших беженцев постарше.

Офицеры Белоплащников расселись напротив лицом к Фэйли и Перрину. Впереди сидели Борнхальд и Байар. Всего было выставлено около тридцати стульев — скорее всего, взятых из присвоенных Белоплащниками запасов самого Перрина.

— Перрин, — произнесла Моргейз из кресла. — Ты уверен, что хочешь через это пройти?

— Да, — ответил он.

— Очень хорошо, — сказала она; её лицо ничего не выражало,

хотя от неё пахло замешательством. — Я официально объявляю суд открытым. Обвиняемый — Перрин Айбара, также известный как Перрин Златоокий. — Она запнулась и прибавила: — Лорд Двуречья. Галад, можешь огласить обвинения.

— Их три, — произнёс Галад, вставая. — Первые два — это убийства чад Латина и Ямвика. Айбара также обвиняется в том, что он Приспешник Тёмного и что он привёл троллоков в Двуречье.

В ответ на последнее обвинение в рядах двуреченцев начались сердитые перешёптывания. Троллоки убили всю семью Перрина.

Галад продолжил:

— Последнее обвинение пока ничем не подтверждено, поскольку мои люди вынужденно покинули Двуречье, прежде чем им удалось собрать доказательства. Что касается первых двух обвинений, то Айбара уже признал свою вину.

— Это так, лорд Айбара? — спросила Моргейз.

— Чистая правда, эти люди погибли от моей руки, — признал Перрин. — Но это не было убийством.

— Именно это должен решить суд, — произнесла Моргейз официально. — Теперь приступайте к прениям.

Моргейз казалась совершенно не похожей на Майгдин. Неужели люди ждут от самого Перрина, если дойдёт до суда над ними, что он станет вести себя подобным образом? Но он вынужден был признать, что она добавляла в процесс нотку необходимой формальности. В конце концов, суд проходил в павильоне посреди поля, где под судейским креслом находилось нечто, весьма похожее на груды ящиков с наброшенным сверху ковром.

— Галад, — сказала Моргейз. — Твои люди могут рассказать то, что им известно.

Галад кивнул Байару. Тот встал, и вместе с ним вперёд вышел другой

Белоплащик — молодой, но с совершенно лысой головой. Борнхальд остался сидеть.

— Ваша честь, — сказал Байар, — это произошло около двух лет назад. Весной. Я помню, это была неестественно холодная весна. Мы возвращались с важного задания по приказу Лорда Капитан-Командора и двигались по дикой местности в центральной части Андора. Мы собирались встать лагерем на ночь в заброшенном огирском *стеддинге*, у подножия некогда громадной статуи. Подобное место можно считать безопасным для стоянки.

Перрин вспомнил ту ночь.

Холодный восточный ветер раздувал его плащ, когда он стоял у пруда с чистой водой. Он помнил, как в безмолвии погас на западе небосвода солнечный свет. Он помнил, как смотрел на воду в угасающем свете, наблюдая за тем, как ветер морщит её поверхность; и в руках у него был топор.

Тот проклятый топор. Перрин должен был выбросить его прямо тогда. Но Илайас убедил его оставить его при себе.

— Когда мы туда добрались, — продолжал Байар, — мы обнаружили, что стоянку недавно использовали. Это обеспокоило нас — об этом *стеддинге* мало кто знал.

Поскольку остались следы только от одного костра, мы решили, что таинственных путников было немного.

Его голос звучал отчётливо, и описывал он всё тщательно; однако сам Перрин не так запомнил ту ночь. Нет, он помнил, как зашипел огонь и как в воздух сердито полетели искры, когда Илайас выплеснул в костёр содержимое чайника. Он помнил, как, смутив его, в его разум хлынуло быстрое волчье послание.

Беспокойство волков привело к тому, что ему трудно было отделить себя от них. Он помнил, как от Эгвейн запахло страхом, и как он неуклюже возился с седлом Белы,

подтягивая подпругу. И он помнил сотни мужчин, которые пахли неправильно. Так же, как Белоплащники в шатре. Их запах напоминал о больных волках, кидающихся на всё, что подобралось слишком близко.

— Лорд Капитан был обеспокоен, — продолжал Байар. Он явно намеренно не упоминал имени командира — возможно, чтобы пощадить Борнхальда. Молодой капитан Белоплащников сидел совершенно неподвижно, не сводя глаз с Байара — казалось, он боится смотреть на Перрина. — Он подумал, что, возможно, этой стоянкой пользовались разбойники. Кто ещё

потушит свой костёр и скроется в момент, когда приближаются люди? И в этот момент мы увидели первого волка.

Прячась, быстро и неровно дыша, Эгвейн прижимается к нему во тьме. От неё и его одежды пахнет костром. В темноте дышит Бела. Их укрывает огромная каменная рука, рука давным-давно разбившейся статуи Артура Ястребиное Крыло.

Пёстрая сердита и встревожена. Мелькают фигуры людей в белом с пылающими факелами в руках. Среди деревьев мечется *Ветер*.

— Лорд Капитан посчитал волков скверной приметой. Каждый знает, что они служат Тёмному. Он

отправил нас на разведку. Моя группа двинулась с восточной стороны, осматривая каменные завалы и обломки огромной статуи.

Боль. Крики людей. *«Перрин? Ты потанцуешь со мной на День Солнца? Если мы к тому времени вернёмся домой...»*

— Волки напали на нас, — сказал Байар ставшим вдруг напряжённым голосом. — Было понятно, что это необычные создания. Они нападали слишком организованно. Судя по всему, там в тених пряталось несколько десятков волков. С ними были и люди, которые нападали и убивали наших лошадей.

Перрин наблюдал это через две пары глаз. Собственными — из выгодного положения, прячась под каменной рукой. И глазами волков, желавших лишь, чтобы их оставили в покое. Они уже были изранены чудовищной стаей воронов. Они пытались отогнать людей. Напугать их.

Такой сильный страх. Сразу и страх людей, и страх волков. Он правил той ночью, управляя обеими сторонами. Перрину вспоминалось, как он боролся, стараясь остаться собой, сбитый с толку всеми этими посланиями.

— Эта ночь тянулась долго, — говорил Байар, уже тихим, но не

менее яростным голосом. — Мы шли по склону холма с плоской скалой на вершине, и чадю Латин сказал, что ему показалось, что он что-то заметил в тенях. Мы остановились, посветили вперёд, и под выступом стали заметны лошадиные ноги. Я кивнул Латину, и он шагнул в ту сторону, чтобы приказать спрятавшимся назвать себя.

— И вот этот человек — Айбара — вышел из темноты в сопровождении молодой женщины. У него был топор, и он спокойно подошёл прямо к Латину, не обращая внимания на нацеленное ему в грудь копье. А потом...

А потом волки захватили его.

Тогда это произошло с Перрином впервые. Их мысленные послания были настолько сильны, что он потерял себя. Перрин помнил, как раздробил шею Латина зубами, и как ему в рот брызнула тёплая кровь — будто он впился зубами в спелый фрукт. Это воспоминание принадлежало Прыгуну, но в том бою Перрин не мог отделить себя от волка.

— А потом? — повторила Моргейз, понуждая солдата продолжить.

— А потом началась схватка, — сказал Байар. — Из теней выпрыгнули волки, а Айбара на нас напал. Он двигался не как человек —

он был похож на рычащего зверя. Мы справились с ним и убили одного волка, но перед этим Айбара сумел убить двоих Детей Света.

Байар сел. Моргейз не стала задавать вопросов. Она повернулась к другому Белоплащнику, который встал вместе с Байаром.

— Я мало, что могу дополнить, — произнёс тот. — Я там был, и помню, что всё было именно так. Я хочу уточнить, что в момент, когда мы захватили Айбару, он уже был признан виновным. Мы собирались его...

— Тот приговор не имеет отношения к данному разбирательству, — холодно

произнесла Моргейз.

— Хорошо, тогда учтите мои слова как свидетельские показания. Я тоже всё это видел собственными глазами. — И лысый Белоплащик занял свое место.

Моргейз повернулась к Перрину.

— Ты можешь говорить.

Перрин медленно встал.

— Эти двое сказали правду, Моргейз. Примерно так всё это и случилось.

— Примерно? — переспросила Моргейз.

— Он почти точен.

— Твоя невиновность или вина висит на этом «почти», лорд Айбара. Это та мера, по которой тебя будут

судить.

Перрин кивнул.

— Да, верно. Скажите мне одну вещь, Ваша милость. Когда вы вот так кого-то судите, пытаетесь ли вы понять части, из которых он состоит?

Она нахмурилась.

— Что?

— Человек, у которого я работал и у которого учился кузнечному делу, преподавал мне важный урок. Чтобы создать нечто, нужно понять его суть. А чтобы что-то понять, нужно знать, из чего оно сделано. — Прохладный ветер продувал павильон насквозь, шевеля плащи присутствующих. Снаружи, с поля, доносились

приглушённые звуки: люди потягиваются в доспехах, лошади переминаются с ноги на ногу, кто-то кашляет, и время от времени раздаётся шёпот — слова Перрина передают от шеренги к шеренге.

— Недавно я кое-что понял, — продолжал Перрин. — Люди сделаны из целой кучи различных кусочков. Кто они — зависит от того, в какой ситуации вы их видите. Я замешан в убийстве этих двоих людей. Но чтобы понять, вы должны увидеть, из чего я состою.

Он встретился глазами с Галадом. Молодой командир Белоплащников стоял совершенно прямо, сложив руки за спиной.

Перрин жалел, что не чувствует его запаха.

Он повернулся обратно к Моргейз.

— Я могу разговаривать с волками. Я слышу их голоса в моей голове. Я понимаю, что это звучит как признание безумца, но я подозреваю, что многие в моём лагере не удивятся, услышав это. Будь у меня время, я мог бы это доказать, с помощью местных волков.

— В этом нет нужды, — сказала Моргейз. От неё запахло страхом. Шепотки солдат стали громче. Перрин почуял запах Фэйли. Беспокойство.

— И эта моя особенность, —

продолжал Перрин, — часть меня, как и умение ковать железо. Если вы из-за этого собираетесь вынести мне приговор, вы должны сначала это понять.

— Ты сам роешь себе могилу, Айбара, — воскликнул Борнхальд, вставая и указывая на него. — Наш Лорд Капитан-Командор говорил, что не сможет доказать, что ты Приспешник Тёмного, но ты обвинил себя сам!

— Это не делает меня Приспешником Тёмного, — ответил Перрин.

— Цель этого суда, — твёрдо сказала Моргейз, — не в том, чтобы доказать это голословное обвинение.

Мы определим, насколько Айбара виновен в смерти двоих людей, и ничего более. Вы можете сесть, чадо Борнхальд.

Рассерженный Борнхальд сел.

— Я всё ещё хочу услышать слова в твою защиту, лорд Айбара, — сказала Моргейз.

— Я открыл вам, что я такое и что я делаю, чтобы показать, что те волки были моими друзьями. — Он глубоко вздохнул. — В ту ночь в Андоре... это было ужасно, как и рассказал Байар. Мы все были напуганы. Белоплащники боялись волков, волки боялись огня и угрожающих жестов людей, а я был напуган окружающим миром. Я

никогда раньше не покидал пределы Двуречья, и я не понимал, почему в голове я слышу волков.

— Конечно, ничего из этого меня не оправдывает, но я не ищу себе оправданий. Я убил этих людей, но они напали на моих друзей. Когда люди отправляются на охоту за волчьими шкурами, волки защищаются. — Он остановился. Им нужно было сказать всю правду. — Честно признаться, ваша милость, я собой не управлял. Я был готов сдаться. Но когда волки в моей голове... я чувствовал их боль. Затем Белоплащники убили моего близкого друга, и мне *пришлось* сражаться. Я сделал бы то же самое в защиту

фермера, подвергшегося нападению солдат.

— Ты — создание Тени! — выкрикнул Борнхальд, поднимаясь вновь. — Твои лживые речи оскорбляют мёртвых!

Перрин повернулся к нему, не сводя с него глаз. В павильоне стало очень тихо, Перрин чувствовал напряжение.

— Борнхальд, тебе никогда не приходило в голову, что другие люди не похожи на тебя? — спросил он. — Ты когда-нибудь *пытался* представить себе, каково это — оказаться в чужой шкуре? Если бы ты мог видеть мир моими золотыми глазами, он бы показался тебе совершенно иным.

Борнхальд открыл было рот — по-видимому, чтобы выплюнуть очередное оскорбление — но только облизал губы, будто они пересохли.

— Ты убил моего отца, — выдавил он наконец.

— Прозвучал Рог Валир, — сказал Перрин, — и Дракон Возрождённый бился в небесах с Ишамаэлем. Армии Артура Ястребиное Крыло вернулись на эти берега, чтобы подмять их под себя. Да, я был в Фалме. Я мчался на битву вместе с героями Рога, я бился бок о бок с самим Ястребиным Крылом — и сражался *против* шончан. Я был на той же стороне, что и твой отец, Борнхальд. Я уже говорил, что он

был хорошим человеком — и это правда. Он бился как храбрец. Он умер храбрецом.

В рядах слушателей стояла такая тишина, что они казались статуями. Ни один не шевелился. Борнхальд вновь протестуяще открыл рот, но закрыл его.

— Я клянусь тебе, — сказал Перрин, — Светом и надеждой на спасение и возрождение, что я *не убивал* твоего отца. И я никак не замешан в его смерти.

Борнхальд всмотрелся в глаза Перрина и встревожился.

— Не слушай его, Дэйн, — сказал Байар. Его запах был резким, сильнее, чем у всех остальных в

павильоне. От него пахло оглушающе, будто от протухшего мяса. — Это же *он* убил твоего отца!

Галад стоял, наблюдая за этой сценой.

— Я так и не понял, откуда это стало тебе известно, чадо Байар. Ты это видел? Возможно, именно *это* должно стать предметом нашего судебного разбирательства!

— Дело не в том, что я видел, Лорд Капитан, — ответил Байар. — А в том, что я знаю. Как ещё можно объяснить то, что *он* остался в живых, а весь легион погиб! Твой отец был славным воином, Борнхальд. Он никогда не поддался бы Шончан!

— Это глупо, — возразил Галад. — Шончан раз за разом одерживали над нами победы. Даже лучшие из лучших могут пасть на поле боя.

— Я *видел* Златоокого там, — сказал Байар, указывая на Перрина. — Он сражался рядом с призрачными видениями! Порождениями зла!

— Это были Герои Рога, Байар, — ответил Перрин. — Разве ты не видел, что мы сражались плечом к плечу с Белоплащниками?

— Ты *делал вид*, будто это так, — в исступлении отозвался Байар, — точно так же, как в Двуречье ты *сделал вид*, что

защищаешь его жителей. Но я вижу тебя насквозь, Отродье Тени! Я распознал тебя сразу, в тот же миг, как тебя встретил!

— И поэтому ты велел мне сбежать? — тихо ответил Перрин. — После того, как меня поймали, и когда я сидел в шатре старшего Борнхальда. Ты дал мне острый камень, чтобы перерезать путы, и сказал, что если я убегу, никто не станет меня преследовать.

Байар остолбенел. Похоже, он про это забыл и вспомнил только сейчас.

— Ты хотел, чтобы я попытался сбежать, — сказал Перрин, — и ты смог бы меня убить. Ты очень хотел,

чтобы мы с Эгвейн оказались мертвы.

— Это правда, чадо Байар? — спросил Галад.

Байар запнулся.

— Конечно... конечно же, нет. Я... — Внезапно он развернулся и оказался лицом к лицу с Моргейз. — Судят не меня, а его! Ты слышала обе стороны. Каков твой приговор? Рассуди, женщина!

— Ты не должен так разговаривать с моей матерью, — тихо сказал Галад. Его лицо было бесстрастным, но Перрин почуял исходящую от него опасность. Сильно встревоженный Борнхальд сидел, обхватив рукой опущенную

голову.

— Нет, всё в порядке, — сказала Моргейз. — Он прав. Обвиняемый на нашем суде — *именно* Перрин Айбара. — Она перевела взгляд с Байара на Перрина, и тот ответил ей спокойным взглядом. От неё пахло... как будто она была заинтригована. — Лорд Айбара. Ты считаешь, что полностью высказался в свою защиту?

— Я защищал себя и своих друзей, — сказал Перрин. — Белоплащники не имели права делать то, что они делали — приказывать нам выйти и угрожать. Полагаю, вам известна их репутация, так же как и всем присутствующим.

У нас были веские причины их опасаться и не повиноваться их приказам. Это не было убийством. Я просто защищался.

Моргейз кивнула.

— Тогда я приму решение.

— Нельзя ли позволить и другим высказаться в защиту Перрина? — воскликнула Фэйли, вставая.

— Этого не понадобится, леди Фэйли, — ответила Моргейз. — Насколько я понимаю, единственный человек, которого мы могли бы расспросить, это Эгвейн ал'Вир, что выходит за разумные рамки этого разбирательства.

— Но...

— Достаточно, — холодно прервала её Моргейз. — Что выиграет суд от того, что дюжина Детей Света назовет Перрина Приспешником Тёмного, а ещё пара дюжин последователей примется восхвалять его достоинства? Мы говорим о конкретных событиях в конкретный день.

Фэйли умолкла, хотя пахло от неё яростью. Она не стала садиться и взяла Перрина за руку. Перрин чувствовал... сожаление. Он открыл им правду, но удовлетворения он не почувствовал.

Он не хотел убивать Белоплащников, но убил. И сделал это в помрачении рассудка, не владея

собой. Он мог переложить вину на волков или на Белоплащников, но истинная правда заключалась в том, что он *не владел собой*. Когда он проснулся, то едва помнил, что натворил.

— Ты знаешь мой вердикт, Перрин, — сказала Моргейз. — Я вижу это по твоим глазам.

— Делай, что должна, — ответил Перрин.

— Перрин Айбара, я объявляю тебя виновным.

— Нет! — вскрикнула Фэйли. — Да как ты смеешь! Он тебя приютил!

Перрин положил руку ей на плечо. Она как раз непроизвольно потянулась к рукаву, собираясь

вытащить оттуда ножи.

— Это не имеет никакого отношения к тому, как я лично отношусь к Перрину, — сказала Моргейз. — Этот суд идёт по законам Андора, и закон вполне ясен. Перрин может считать, что волки его друзья, но закон утверждает, что собака или скот имеет определённую цену. Убивать их незаконно, но убить в ответ человека — тем более. Если желаете, я могу процитировать закон дословно.

В павильоне стало очень тихо. Неалд приподнялся со стула, но Перрин поймал его взгляд и покачал головой. По лицам Айз Седай и

Хранительниц Мудрости ничего нельзя было сказать. Берелейн выглядела смилившейся, а светловолосая Аллиандре прижала ко рту ладонь.

Даннил и Ази ал'Тон подошли ближе к Перрину и ни Фэйли, ни Перрин не стали приказывать им отступить.

— Да какая разница? — воскликнул Байар. — Он не станет подчиняться решению!

Другие Белоплащники поднялись, и в этот раз Перрин не смог взглядом заставить сесть тех, кто тут же поднялся в его защиту.

— Я ещё не вынесла приговор, — сухо заметила Моргейз.

— Какой ещё может быть приговор? — выпалил Байар. — Ты объявила его виновным.

— Да, — сказала Моргейз. — Но я думаю, что к приговору имеют отношение дополнительные обстоятельства. — Выражение её лица оставалось твёрдым, и пахло от неё решимостью. Что она задумала?

— Присутствие военного отряда Белоплащников в пределах моего королевства было несанкционированным, — сказала Моргейз. — В этом свете, хоть я и объявляю Перрина виновным в убийстве твоих людей, я объявляю это происшествие подпадающим под протокол Кейница.

— Это закон, который применяется к наёмникам? — спросил Галад.

— Именно.

— В чём дело? — спросил Перрин.

Галад обернулся к нему.

— Она квалифицировала вашу стычку, как драку между никому не служащими отрядами наёмников. Существеннее всего то, что этот кодекс утверждает, что в таких стычках нет невиновной стороны — следовательно, ты не совершил убийства. Вместо этого ты виновен в противозаконном лишении жизни.

— А есть разница? — хмурясь, спросил Даннил.

— Семантическая, — ответил Галад, не расцепляя руки за спиной. Перрин уловил в его запахе любопытство. — Да, это хорошее решение, мама. Но полагаю, что это всё равно карается смертью.

— Возможно, — сказала Моргейз. — Кодекс допускает послабления, в зависимости от обстоятельств.

— И что ты постановила? — спросил Перрин.

— Я — ничего, — ответила Моргейз. — Галад, ты в ответе за убитых людей — самый близкий, что у нас есть. Я передаю право вынести приговор тебе. Решение суда оглашено и обосновано. Ты решаешь,

каково будет наказание.

Галад и Перрин сцепились взглядами через павильон.

— Ясно, — сказал Галад. — Станный выбор, Ваша милость. Айбара, мне придётся вновь задать тот же вопрос. Подчинишься ли ты решению суда, который ты предложил провести сам, или это должно быть улажено силой оружия?

Перрин почувствовал, как напряглась Фэйли, и услышал, как позади зашевелились его люди, пробуя мечи в ножнах и перешёптываясь. По рядам передали сообщение, сопровождаемое гулом: *«Лорда Перрина признали виновным. Они попытаются его взять. Мы не*

дадим этому случиться, правда ведь?»

В шатре смешивались горькие запахи страха и гнева; обе стороны сердито смотрели друг на друга. И, сверх этого, Перрин чувствовал в воздухе ту самую *неправильность*.

«*Не хватит ли бегать?* — подумал он. — *Сколько ещё тот день будет меня преследовать по пятам?*» — Там, где *та'верен*, нет места совпадениям. Зачем Узор привёл его сюда и лицом к лицу столкнул с кошмарами прошлого?

— *Я подчинюсь*, Дамодред, — сказал Перрин.

— Что? — вырвалось у Фэйли.

— Но, — сказал Перрин, подняв

палец, — при условии, что ты обещаешь отстрочить исполнение приговора, пока я не исполню свой долг в Последней Битве.

— Ты примешь кару после Последней Битвы? — переспросил Борнхальд, сбитый с толку. — После того, как, возможно, наступит конец света? После того, как у тебя будет время сбежать и, может быть, нас предать? Да что это за обещание такое?

— Единственное, которое я могу дать, — ответил Перрин. — Я не знаю, что несёт нам будущее или даже доберемся ли мы туда — но мы сражаемся за наше существование. Может, и за весь мир. Перед лицом

этого все остальные заботы второстепенны. Это единственный вариант, при котором я подчинюсь.

— Откуда мы знаем, что ты сдержишь слово? — спросил Галад. — Мои люди называют тебя Отродьем Тени.

— Я же пришёл сюда, разве нет? — спросил Перрин.

— Ты пришёл потому, что мы схватили твоих людей.

— А разве Отродье Тени пошевелил бы ради них хоть пальцем? — спросил Перрин.

Галад помедлил.

— Я клянусь, — произнес Перрин, — Светом и надеждой на спасение и возрождение. Клянусь

любовью к Фэйли и именем своего отца. Тебе выпадет твой шанс, Галад Дамодред. Если мы с тобой останемся живы, когда всё это закончится, я подчинюсь твоей власти.

Галад изучающе оглядел его и кивнул.

— Очень хорошо.

— Нет! — вскрикнул Байар. — Это глупо!

— Мы уходим, чадо Байар, — сказал Галад и отошёл к краю павильона. — Я принял решение. Матушка, ты будешь сопровождать меня?

— Прости, Галад, — ответила Моргейз, — но нет. Айбара

возвращается в Андор, и я должна идти с ним.

— Хорошо, — и Галад продолжил идти.

— Подожди, — воскликнул Перрин. — Ты не сказал, что меня ждёт, когда я явлюсь.

— Нет, — ответил Галад, не сбавляя шага, — не сказал.

Глава 35

ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ

— Ты понимаешь, что от тебя требуется? — спросила Эгвейн по дороге к своим покоям в Белой Башне.

Суан кивнула.

— Если они появятся, — продолжила Эгвейн, — *не позволяй* втянуть себя в бой.

— Мы не дети, Мать, — сухо ответила Суан.

— Нет, вы — Айз Седай, которые недалеко ушли от детей в смысле следования указаниям.

Взгляд Суан заставил Эгвейн

пожалеть о своих словах. Зря она так сказала — всё дело в том, что она сейчас на грани. Эгвейн заставила себя успокоиться.

Она пыталась заманить Месану самыми разными способами, но пока что всё оказалось безуспешным. Эгвейн могла поклясться, что порой почти *чувствовала*, как Отрёкшаяся следит за нею в *Тел'аран'риоде*. Юкири со своей группой пока прекратила свои попытки.

Тем не менее, Эгвейн возлагала огромные надежды на сегодняшнюю встречу. Та просто *не могла* не привлечь Месану. У Эгвейн больше не было времени: монархи, которых она склонила на свою сторону, уже

выдвинулись, да и войска Ранда начали собираться.

Сегодня ночью. Всё должно произойти сегодня ночью.

— Отправляйся и поговори с остальными, — сказала Эгвейн. — Сегодня нет места глупым ошибкам.

— Да, Мать, — проворчала Суан, поворачиваясь к выходу.

— И ещё, Суан, — добавила Эгвейн в след.

Бывшая Амерлин нерешительно остановилась.

— Будь осторожна сегодня. Не хочу тебя потерять.

Суан часто с раздражением реагировала на подобное беспокойство, но в этот раз она

просто улыбнулась. Эгвейн покачала головой и поторопилась к себе, где её ждала Сильвиана.

— Что-нибудь слышно от Гавина? — спросила Эгвейн.

— Нет, ничего нового, — ответила Сильвиана, — я отправила сегодня утром посланца, но он ещё не вернулся. Полагаю, Гавин затягивает с ответом, чтобы ещё раз показать, какой он упёртый.

— Да, сказать, что он упрямый — это ничего не сказать, — подтвердила Эгвейн. Без него она чувствовала себя беззащитной. Это было странно вдвойне, так как она сама, прямым текстом, приказала ему держаться подальше от её двери.

Теперь же она беспокоится из-за того, что его там нет?

— Удвой мою охрану, и убедись, что под рукой всегда есть солдаты на посту. Если поставленные мною стражи сработают, раздастся очень громкий звук.

— Да, Мать, — ответила Сильвиана.

— И направь к Гавину ещё одного посланца, — добавила Эгвейн, — на этот раз с более вежливой формулировкой. Не приказывай, а попроси его вернуться.

Зная мнение Сильвианы о Гавине, Эгвейн не сомневалась, что первое письмо было весьма бесцеремонным.

Сказав это, Эгвейн сделала глубокий вдох и вошла в свои покои. Там она проверила стражей и начала готовиться ко сну.

* * *

«Я не должен чувствовать такое изнеможение, — подумал Перрин, слезая с Ходока. — Я ничего не делал, кроме разговоров».

Суд давил на него. Казалось, его тяжесть давит на всю армию. Перрин оглянулся на возвращающихся обратно в лагерь спутников. Моргейз была среди них, но держалась особняком. Фэйли весь обратный

путь косилась на неё, источая запах злости, но не говоря ни слова. Аллиандре и Берелейн держались от них на расстоянии.

Моргейз признала его виновным, но, по правде, ему было всё равно. Он смог избавиться от Белоплащников и теперь должен был отвести своих людей в безопасное место. Моргейз объехала лагерь в поисках Лини и мастера Гилла. Они приехали без происшествий, вместе с остальными пленниками, как и обещал Галад Дамодред. К удивлению Перрина, Галад вместе с ними прислал все захваченные припасы.

Получается, Перрин выиграл от

этого суда. Но казалось, что люди Перрина так не считали. По дороге в лагерь солдаты разбрелись, разбившись на группы, редко переговариваясь между собой.

Находившийся за спиной Перрина Гаул покачал головой.

— Две серебряных точки.

— Что? — переспросил Перрин, передавая Ходока конюху.

— Есть поговорка, — ответил Гаул, глядя в небо, — про две серебряных точки. Дважды мы вышли на битву, и оба раза не нашли противника. Ещё раз — и мы потеряем честь.

— Уж лучше не найти противника, Гаул, — ответил

Перрин. — Лучше, чтобы не доходило до кровопролития.

Гаул засмеялся:

— Я не говорю, что хочу прекратить сон, но взгляни на своих людей. Они чувствуют то, что я сказал. Не следует танцевать с копьями просто так, без цели, но и не следует сперва настраивать людей на битву, а потом оставлять их без сражения.

— Я буду поступать так столько, сколько захочу, — резко ответил Перрин, — если я могу избежать битвы, я...

Послышался топот копыт, и ветер принёс запах Фэйли. Перрин повернулся ей навстречу.

— Одной битвы мы избежали, — ответил Гаул, — а другую накликали. Да найдёшь ты всегда прохладу и воду.

Гаул убежал по своим делам, а Фэйли как раз спешила с лошади.

Перрин глубоко вздохнул.

— Итак, муж, — начала Фэйли, быстро приближаясь к нему, — ты немедленно мне объяснишь, *о чём* ты вообще думал. Ты согласился с тем, что он вынесет тебе приговор? И *пообещал*, что сам добровольно отдашься в его руки? До этого момента мне не казалось, что я замужем за дураком!

— Я не дурак, женщина, — прорычал он в ответ: — Ты не

устаёшь повторять, что мне нужно начать вести себя как подобает вождю. Отлично, я последовал твоему совету.

— Ты последовал ему и принял неверное решение.

— Потому что *верного* решения не существовало!

— Ты мог дать нам сразиться с ними.

— Их предназначение — сражаться в Последней Битве, — ответил Перрин. — Каждый убитый нами Белоплащик означает потерю бойца в битве с Тёмным. По сравнению с тем, что приближается, ни я, ни мои люди, ни Белоплашники — никто из нас не имеет значения!

Они должны жить, также как и мы. И других вариантов нет!

Свет, кричать на неё казалось неправильным. Но это смогло немного смягчить её гнев. К удивлению Перрина, находившиеся неподалёку солдаты начали согласно кивать, словно до его крика они не понимали эту истину.

— Я хочу, чтобы ты возглавила отступление, — заявил Перрин Фэйли, — ловушка ещё не захлопнулась, но я чувствую нарастающий с каждой минутой зуд. Кто-то за нами наблюдает; они забрали у нас возможность использовать Врата и хотят увидеть нашу смерть. Теперь они уже знают,

что мы не будем сражаться с Белоплащниками, и, значит, скоро нападут. Может быть, этим вечером. Если нам повезёт, они отложат атаку до утра.

— Мы не закончили с этим спором, — предупредила Фэйли.

— Что сделано, то сделано, Фэйли. Думай о будущем.

— Отлично.

В её запахе всё ещё чувствовалась злость, а в этих прекрасных тёмных глазах читалась ярость, но она сдерживала чувства.

— Я собираюсь в волчий сон, — сказал Перрин, оглядываясь на их шатёр, находившийся у границы лагеря, — либо я уничтожу купол,

либо заставлю Губителя сказать мне, как исправить врата. Приготовь людей к маршу и попроси Аша'манов пробовать открывать Врата через каждые сто шагов. Как только Врата сработают, немедленно уводи людей.

— Куда? — Спросила Фэйли, — В Джеханнах?

Перрин покачал головой.

— Слишком близко. Враг может следить и там. Лучше в Андор. Перебрось их в Кэймлин. Или даже нет. В Беломостье. Лучше выбрать место подальше, от любого, которое они могут ожидать. Кроме того, не хочу показываться с армией у дверей Илэйн, не предупредив её заранее.

— Хороший план, — ответила

Фэйли, — Если ты боишься нападения, то сначала мы должны увести мирных людей. Это лучше, чем перебрасывать армию первой, и остаться без защиты.

Перрин кивнул.

— Но их надо перебросить *сразу*, как только Врата начнут работать.

— А что будет, если у тебя ничего не получится? — голос Фэйли прозвучал решительно. Испуганно, но решительно.

— Если я не исправлю Врата в течение часа, начинайте движение к черте, от которой Неалд смог вызвать Врата. Сомневаюсь, что это даст какой-то результат — Губитель

просто перенесёт купол, постоянно держа нас под ним. Но попытаться стоит.

Фэйли кивнула, но в её запахе чувствовалась нерешительность.

— Если мы так сделаем, то будем двигаться, а не сидеть в лагере. Так намного проще угодить в засаду.

— Я знаю, — сказал Перрин. — Вот почему у меня должно всё получиться.

Она обняла его, уткнувшись головой ему в грудь. У неё был превосходный запах. Запах Фэйли. Для него это было знаком всего превосходного.

— Ты говорил, что он сильнее тебя, — прошептала она.

— Сильнее.

— Чем я могу тебе помочь? —

тихо спросила она.

— Если присмотришь за ними, пока я буду там, это *очень* сильно поможет.

— Что, если он тебя там убьёт?

Перрин не ответил.

— Иного пути нет? — спросила она.

Он отстранился от неё.

— Фэйли, я уверен, что это он — лорд Люк. Их запах различается, но есть и в них и нечто общее. И когда я ранил Губителя в волчьем сне, ранен оказался и Люк.

— Думаешь, мне от этого легче? — спросила Фэйли,

поморщившись.

— Это всё как-то связано. Мы закончили с Малденом и оказались на расстоянии броска камня от остатков разбитых Белоплащников, и с ними оказались Байар с Борнхальдом. В волчьих снах снова появляется Губитель. Тот человек, о котором я тебе рассказывал, Ноам, тот, который был в клетке. Ты помнишь, где я нашёл его?

— Ты упоминал, что ты догонял Ранда. Но...

— В Гэалдане, — сказал Перрин, — это произошло не более чем в неделе езды отсюда.

— Странное совпадение, но...

— Никаких совпадений, Фэйли.

Только не со мной. Я оказался здесь по какой-то причине. Он тоже здесь по какой-то причине. И я должен с ним сразиться.

Она кивнула. Он повернулся и, выпустив её руку, направился к их шатру. Хранительницы Мудрости приготовили для него чай, который поможет заснуть и войти в волчий сон.

Время настало.

* * *

— Как ты мог его отпустить? — спросил Байар в развевающемся за спиной плаще, крепко сжав рукоять

меча. Они с Борнхальдом и Галадом шли через центр лагеря.

— Я поступил правильно, — ответил Галад.

— Отпускать его на все четыре стороны вовсе не правильно! — возразил Байар. — Не мог же ты поверить, что...

— Чадо Байар, — тихо произнёс Галад. — Я нахожу ваше поведение нарушающим субординацию. Это меня беспокоит. Вас это должно беспокоить не меньше.

Байар закрыл рот и больше не произнёс ни слова, хотя Галад видел, как трудно ему было держать язык за зубами. За спиной Байара в полном молчании и выглядевший крайне

огорчённым брёл Борнхальд.

— Я верю, что этот Айбара сдержит слово, — добавил Галад. — А если этого не случится, у меня теперь есть все законные основания устроить на него охоту и хорошенько наказать. Ситуация не идеальная, но в его словах был смысл. Я верю, что грядёт Последняя Битва, и пришло время объединять силы для борьбы с Тенью.

— Милорд Капитан-Командор, — произнёс Байар, стараясь сдерживаться, — при всём уважении, но этот человек сам принадлежит Тени. Он будет сражаться не рядом с нами, а против нас.

— Если это так, — ответил Галад, — у нас останется шанс встретить его на поле боя. Я принял решение, чадо Байар. — Навстречу прискакал Харнеш и отдал честь. Галад кивнул в ответ. — Чадо Харнеш, сворачивай лагерь.

— Милорд Капитан-Командор? Так поздно?

— Да, — подтвердил Галад. — Мы предпримем ночной марш, чтобы на всякий случай между нами и Айбарой было приличное расстояние. Оставьте разведку, чтобы убедиться в том, что он не собирается нас преследовать. Мы направляемся в Лугард. Нам нужно набрать рекрутов и пополнить

запасы. Потом мы продолжим путь в Андор.

— Да, милорд Капитан-Командор, — ответил Харнеш.

Когда Харнеш удалился, Галад повернулся к Байару. Худой мужчина отдал честь, зло сверкнув запавшими глазами, и удалился. Заложив руки за спину, Галад вышел на площадку между белыми шатрами, наблюдая, как разбегаются по лагерю посыльные, чтобы передать его приказ.

— Ты что-то притих, чадо Борнхальд, — спустя пару мгновений заметил Галад. — Ты, как и чадо Байар, недоволен моими действиями?

— Не знаю, — ответил Борнхальд. — Я так долго верил в то, что Айбара убил моего отца. И теперь, видя поведение Джарета, вспоминая его описание... Нет никаких доказательств. Я с разочарованием должен это признать, Галад, но доказательств нет. Однако он убил Латина и Ямвика. Он убил Детей Света, значит, он Приспешник Тёмного.

— Я тоже убил одного из Детей, — заметил Галад. — И меня также называли за это Другом Тёмного.

— Нет, это другое, — похоже, Борнхальда что-то беспокоило. Что-то, о чём он умалчивал.

— Да, это правда, — сказал Галад. — Я не отрицаю, что Айбара заслужил наказание, но произошедшее сегодня вселило в меня странное сомнение.

Он покачал головой. Находить ответы на вопросы должно быть просто. Его всегда озаряло верное решение. Однако сколько бы он ни решал, что выбрал верное направление в деле Айбары, как его охватывали неприятно копошащиеся внутри сомнения.

«Жизнь далеко не так проста, как бросок монеты, — повторяла его мать. — Есть одна сторона, есть другая... твои незатейливые иллюзии».

Ему очень не нравилось это чувство. Совершенно не нравилось.

* * *

Перрин глубоко вдохнул. Цветы цвели в волчьем сне, даже несмотря на то, что небо кипело бурей серого, чёрного и золотого. Запахи казались несочетаемыми.

Пекущийся вишнёвый пирог. Лошадиный навоз. Масло и жир. Мыло. Запах костра. Полынь, тимьян, кошачий папоротник. Сотня других трав, названия которых он не знал.

Меньшая часть из них подходили для луга, на котором он появился. Он

заранее позаботился о том, чтобы в волчьем сне не появиться на месте своего лагеря. Иначе бы он оказался слишком близко к Губителю.

Запахи были мимолётными и очень быстро исчезали. Как будто их никогда и не было.

«Прыгун», — мысленно позвал Перрин.

«Я здесь, Юный Бык». — Волк появился у него за спиной.

— Очень странный запах.

«Запахи смешиваются, — ответил Прыгун, — как воды тысячи ручьёв. Это не естественно. Это нехорошо. Это место начинает разрушаться».

Перрин кивнул. Он сместился,

появившись по колено в коричневых зарослях чертополоха прямо за фиолетовым куполом. Прыгун появился справа от него и двинулся вперёд сквозь кусты, ломая их с треском.

Купол был перед ними — огромный и неестественный. Подул ветер, встряхнув кусты и шатая верхушки деревьев. В небе бесшумно сверкнула молния.

«Он здесь, — послал образ Прыгун. — *Как обычно*».

Перрин кивнул. Входил ли Губитель в волчий сон так же, как это делал Перрин? Уставал ли он, проводя здесь время, как уставал Перрин? Казалось, он никогда не

покидал этого места.

Он что-то охранял. В волчьем сне должен быть способ уничтожить купол.

«Юный Бык, мы идём». Образ пришел от Танцующей в Дубах. Её стая, насчитывающая теперь только трёх волков, приближалась. Искра, Свободный от Оков и сама Танцующая в Дубах. Они предпочли прийти сюда вместо того, чтобы отправиться с остальными волками на север.

Все трое появились за спиной Прыгуна. Перрин посмотрел на них, и предупредил: *«Это будет опасно. Кто-то из вас может погибнуть».*

В их ответе чувствовалась

настойчивость: «Губитель должен поплатиться за то, что сделал. Вместе мы сильны. Юный Бык не должен охотиться один, раз добыча так опасна».

Он кивнул, позволив в руке появиться молоту. Вместе они приблизились к куполу. Перрин медленно и решительно вошёл внутрь. Он отказался чувствовать слабость. Он *был сильным*. Купол не более чем воздух. Мир такой, каким хотел его видеть Перрин.

Он споткнулся, но прорвался через кустарник и молодые деревья. Силой мысли Перрин принялся менять мир вокруг себя, чтобы листья не хрустели и трава не

шуршала под его шагами. Это было естественно. Так *должно было* быть. Так оно и было.

До центра купола было далеко, поэтому Перрин начал прыжками двигаться вперёд. Не ногами. Просто он исчезал в одном месте и появлялся в другом. Перрин спрятал свой запах, хоть Губитель и не был волком.

«Это должно стать моим преимуществом, — подумал Перрин, всё ближе и ближе приближаясь к центру. — Он опытней меня. Но внутри меня живёт волк. Это место — наш сон. Он здесь чужой. Как бы опытен он ни был, это не делает его одним из нас.

И поэтому я одержу верх».

Перрин почувствовал странный запах — нарастающую *неправильность* в воздухе. Он с волками подполз к склону большого холма, затем перебрался через овраг. Перед ними, не далее чем в пятидесяти шагах, росло несколько кустов бузины. Взглянув вверх, Перрин решил, что это место должно находиться недалеко от центра купола. Используя волчий способ передвижения с помощью смещения, они за несколько минут проделали путь, который в противном случае занял бы не один час.

«*Это здесь*», — передал Перрин. Он посмотрел на Прыгуна.

Волк скрыл свой запах, но Перрин узнал волков достаточно хорошо, чтобы прочесть беспокойство в пристальном взгляде Прыгуна и в том, как он стоял со слегка подогнутыми передними лапами.

Что-то изменилось.

Перрин что-то услышал. Он ничего не почуял, зато что-то *почувствовал*, небольшое дрожание земли.

«*Вперёд!*» — послал образ Перрин, исчезая. Он появился в десяти шагах от прежнего места у подножья холма, куда в тот же миг врезалась стрела. Древко раскололо большой камень, войдя в камень и почву по самое чёрное оперение.

Припавший к земле Губитель встал, и повернулся к Перрину, стоявшему на другом конце небольшой поляны. Глаза врага казались чёрными, его квадратное лицо скрывала тень, высокая фигура была мускулистой и опасной. Как всегда он улыбался. В его улыбке читалась презрительная насмешка. Он был в кожаных штанах и тёмно-зелёной рубашке с короткими рукавами. В руках он держал свой ужасный лук из тёмного дерева. У Губителя не было колчана: он создавал стрелы по необходимости.

Перрин встретил взгляд Губителя и сделал шаг вперёд, словно бросая вызов. Этого хватило

для отвлечения внимания Губителя, чтобы волки могли атаковать его сзади.

Губитель закричал и резко развернулся, атакованный Свободным от Оков. Не успел никто и глазом моргнуть, как Перрин оказался рядом, опуская свой молот. Губитель исчез, и удар Перрина пришёлся по земле. Но Перрин успел почувствовать слабый запах места, в которое переместился соперник.

Где-то рядом? Запах принадлежал тому же месту, в котором находился Перрин. Встревоженный, он поднял голову. Губитель парил в воздухе, натягивая лук.

«Ветер, — подумал Перрин, — очень сильный!»

Губитель пустил стрелу, но внезапный порыв ветра снёс её в сторону. Она вошла в землю за спиной Перрина. Не моргнув и глазом, Перрин поднял руки, и в них тоже появился лук с уже натянутой тетивой и наложенной стрелой.

Глаза Губителя расширились от удивления. Перрин спустил тетиву. Губитель исчез, возникнув на земле неподалёку. Прыгун атаковал его сверху, сбив с ног и сбросив на землю. Губитель выругался и исчез.

«Сюда!» — передал Прыгун образ подножья холма.

Перрин с молотом в руках и

волки стаи в тот же миг оказались там. В руках Губителя наготове появилось оружие — меч в одной руке и кинжал в другой.

С рёвом замахнувшись молотом, Перрин ударил первым. Губитель погрузился в землю, словно та была жидкой, и рубящий удар прошёл выше. Противник ударил кинжалом, распоров с брызгами алой крови грудь Танцующей в Дубах. Затем он развернулся в сторону, оставив порез на морде Искры.

Танцующая в Дубах не успела даже взвыть — она рухнула на землю, и пока Перрин замахивался повторно молотом, Губитель испарился. Скуля, Искра передал

образ агонии и паники, и исчез. Он выживет, но Танцующая в Дубах была мертва.

Запах снова указывал на то же самое место. Перрин повернулся и едва успел заблокировать молотом удар меча Губителя, на лице которого снова появилось удивление. Он оскалился, отходя назад и следя краем глаза за двумя оставшимися волками, Прыгуном и Свободным от Оков. Рука Губителя кровоточила в том месте, где его укусил Прыгун.

— Что поддерживает купол, Люк? — спросил Перрин, — Покажи мне и уходи. Я отпущу тебя.

— Смелые слова, щенок, — прорычал в ответ Губитель, —

особенно для того, кто только что видел, как я своими руками убил волка из его стаи.

Свободный от Оков взвыл в бешенстве, прыгнув вперёд. Перрин атаковал одновременно с ним, но земля под ними начала сотрясаться.

«Нет», — подумал Перрин. Он смог удержаться на ногах, а Свободный от Оков был сбит на землю.

Губитель сделал выпад, и Перрин подставил свой молот, чтобы отбить удар. Оружие Губителя превратилось в дым и прошло насквозь, вновь обретая форму на противоположной стороне. С воплем, Перрин попытался

отстраниться, но лезвие разрезало рубаху и оставило глубокий порез через всю грудь от руки до руки. Перрин почувствовал вспышку нестерпимой боли.

Он попятился назад, ловя воздух ртом. Губитель подался вперёд, но что-то обрушилось на него сверху. Прыгун. Седой волк снова свалил Губителя на землю, рыча и обнажая клыки.

Враг выругался и отшвырнул волка в сторону. Прыгун пролетел двадцать шагов, взыв от боли. В стороне, Свободный от Оков заставил землю прекратить сотрясаться, но поджимал раненную лапу.

Перрин заставил себя забыть про боль. Губитель *ловко* управлял этим миром. Молот Перрина замедлился в замахе, словно воздух стал плотнее.

Губитель улыбался, когда убивал Танцующую в Дубах. Перрин двинулся вперед, замахиваясь молотом. Губитель вскочил на ноги, и побежал вниз по склону, к лесу. Перрин побежал следом, не обращая внимания на рану. Она была не настолько серьёзна, чтобы остановить его, однако он представил себе тугую повязку, и не порванную одежду, туго обхватывающую грудную клетку, чтобы остановить кровь.

Он вбежал в лес следом за Губителем. Над головой сомкнулись ветки, а из темноты тянулись лианы, чтобы опутать. Перрин не стал на них отвлекаться. Лианы не могут двигаться сами. Они не могут задеть Перрина. Приближаясь к Перрину, они увядали и повисали неподвижно.

Губитель выругался и начал двигаться огромными шагами, превратившись в размытый силуэт. Ускоряясь, Перрин последовал за ним.

Перрин неосознанно перешёл на бег на четырёх лапах и понёсся за Губителем, как когда-то за белым оленем.

Губитель был быстр, но он был

всего лишь человеком. Юный Бык был частью самой этой земли, деревьев, кустов, камней, рек. Он двигался через лес, как лёгкий ветер, дующий в поле, удерживая ритм Губителя, настигая его. Каждое бревно на пути Губителя было препятствием, а для Юного Быка — не более чем частью пути.

Юный Бык прыгнул в сторону, отталкиваясь лапами от ствола дерева. Он летел через камни и глыбы, прыгая с одного на другое, оставляя позади себя лишь свист воздуха.

В запахе Губителя впервые появился страх. Враг исчез, но Юный Бык последовал за ним, оказавшись

на том поле, где стояла его армия, под тенью огромного каменного меча. Губитель оглянулся через плечо, выругался и исчез вновь.

Юный Бык снова последовал за ним. Он оказался на месте лагеря Белоплащников.

Затем на вершине небольшого плато.

Затем в пещере у подножья холма.

Посередине маленького озера. Юный Бык с лёгкостью побежал по поверхности.

Куда бы ни сбежал Губитель, Перрин перемещался вслед, каждый раз оказываясь всё ближе к противнику. Времени для мечей,

молотов или луков не было. Это была погоня, и в этот раз Юный Бык был охотником. Он...

Он очутился на середине поля, но Губителя там не оказалось. Остался только запах того места, куда переместился Губитель. Он последовал за ним, и оказался в другом месте на том же поле. В воздухе висели запахи нескольких мест сразу. Но как?

Перрин остановился. Его сапоги разрыхлили землю. Он развернулся, сбитый с толку. Губитель, должно быть, прыгнул несколько раз в разные части поля, путая след. Перрин попытался понять, куда же ему двигаться, но запахи потеряли

чёткость и смешались.

— Чтоб ты сгорел, — выругался Перрин.

«Юный Бык», — донёсся зов Искры. Волк был ранен, но не сбежал, как вначале предположил Перрин. Искра передал образ тонкого серебряного прута, в две ладони длиной, торчащего из земли по центру луга, заросшего собачьими ромашками.

Перрин улыбнулся, и направился туда. Раненый волк, оставляя за собой кровавый след, лежал рядом с предметом. Определённо, это был какой-то *тер'ангриал*. Он был сделан из нескольких десятков тонких, как проволока, нитей металла,

сплетённых вместе в нечто, похожее на косичку. В длину он не превышал две ладони. Одним концом объект был воткнут в землю.

Перрин достал его из земли. Купол никуда не делся. Перрин повертел Шип в руке, не имея ни малейшего представления, что надо с ним делать, чтобы купол исчез. Он попытался представить себе, что Шип превратился во что-то другое, например, в палку, и был поражён, когда Шип дал отпор. Казалось, что предмет *отражает* атаки его разума.

«Он находится здесь во плоти», — передал Искра. Послание пыталось сказать о том, что этот предмет реальнее, чем все остальные

вещи в Мире Снов.

У Перрина не было времени об этом думать. Самым важным было перенести купол, если это возможно, и как можно дальше от лагеря. Он послал себя туда, где он вошёл под купол.

Как он и ожидал, центр купола сдвинулся вместе с ним. Перрин оказался на месте, но граница купола переместилась вместе с ним так, что центр оказался ровно над головой Перрина. Купол по-прежнему закрывал небо, далеко расходясь во все стороны.

«Юный Бык, — позвал Искра, — Я свободен! Неправильное ощущение пропало!»

«*Вперёд!* — ответил Перрин — я заберу *Шип*, и избавлюсь от него. Разбегайтесь в разные стороны и войте. Сбейте Губителя с толку».

Волки ответили. Охотник, живший в душе Перрина, был недоволен тем, что он не может напрямую сразить Губителя. Но дело было важнее.

Он попытался переместиться куда-нибудь подальше, но остался на месте. Несмотря на то, что Перрин держал с *тер'ангриал* в руках, купол продолжал его сдерживать.

Поэтому он стал прыгать настолько, насколько мог. Неалд говорил, что от лагеря до границы периметра было около четырёх лиг, и

Перрин перемещался примерно настолько к северу, затем снова и снова. Огромный купол двигался вместе с ним, оставаясь всё время над головой Перрина.

Теперь надо отнести Шип в безопасное место, где его не найдёт Губитель.

Глава 36

ПРИГЛАШЕНИЕ

Эгвейн появилась в *Тел'аран'риоде* в белоснежном платье, прошитом золотой канителью с пришитыми поверх золота полированными, но не формованными обсидиановыми бусинами по лифу. Весьма непрактичное платье для носки, но тут это не имело значения.

Она оказалась там, где и хотела — в своих покоях. Потом она перенеслась в коридор, находящийся снаружи апартаментов Жёлтой Айя. Найнив в куда более удобном платье

песочно-коричневых оттенков
поджидала её там, стоя со
скрещенными на груди руками.

— Я хочу, чтобы ты вела себя *очень* осторожно, — предупредила Эгвейн. — Ты здесь единственная, кто лицом к лицу сражалась с Отрёкшимися, и к тому же у тебя гораздо больше опыта хождения по *Тел'аран'риоду*, чем у остальных. Если Месана появится, ты должна возглавить атаку.

— Думаю, я справлюсь, — ответила Найнив. Уголки её рта приподнялись. Да, она справится. А вот удерживать Найнив вдали от схватки — *это* было бы непростой задачей.

Эгвейн кивнула, и Найнив исчезла. Она спрячется неподалёку от зала Совета Башни и будет следить, не появятся ли Чёрные сёстры или Месана, чтобы подслушать намечающуюся на встрече беседу. Сама же Эгвейн перенеслась в другое место в городе — в помещение, где состоится истинная встреча между нею, Хранительницами Мудрости и Ищущими Ветер.

В Тар Валоне имелось несколько залов, используемых для собраний или концертов. Этот был известен как Путь Менестрелей и отлично отвечал её задумке. Он был великолепно отделан резными

панелями из древесины мирта, которые создавали в зале иллюзию заросших лесом стен. Кресла были сделаны из воспетой Огир древесины в тон отделке, и каждое в отдельности представляло собою произведение искусства. Кресла были расставлены по кругу, лицом к центральному подиуму. Куполообразный потолок был из резного мрамора, имитирующего звездное небо над головой. Вся отделка была потрясающей, красивой без малейшего намёка на аляповатость.

Хранительницы Мудрости уже прибыли — Эмис, Бэйр и Мелэйн, появившаяся с огромным животом на

последней стадии беременности. С одной стороны в амфитеатре имелось возвышение, на котором Хранительницы Мудрости могли с комфортом устроиться прямо на полу, а сидящим в креслах не пришлось бы смотреть на них сверху вниз.

Лиане, Юкири и Сине уже сидели в креслах напротив Хранительниц Мудрости. Каждая получила от Илэйн копию *тер'ангриала*, благодаря чему они выглядели расплывчато и иллюзорно. Илэйн тоже полагалось быть здесь, однако, она заранее предупредила, что у неё могут быть трудности с направлением потоков, когда она

попробует выйти в *Тел'аран'риод*.

Айз Седай и Хранительницы посматривали друг на друга с едва ли не осязаемой враждебностью. Айз Седай видели в Хранительницах плохо обученных дичков, те в свою очередь считали Айз Седай самовлюбленными болванами.

Едва прибыла Эгвейн, тут же прямо по центру помещения возникла группа темнокожих и темноволосых женщин. Ищущие Ветер с подозрением огляделись вокруг. Суан, которая их обучала, упоминала, что у Морского Народа сохранились легенды о *Тел'аран'риоде* и таящихся в нём опасностях. Но это не остановило

Ищущих Ветер, и они страстно изучали всё, что могло относиться к Миру Снов с того момента, как выяснили, что он действительно существует.

Во главе находилась высокая худая женщина с узким разрезом глаз и длинной шеей. Между её носом и левым ухом протянулась красивая цепочка, украшенная многочисленными медальонами. Это должно быть была Шайлин — одна из тех, о ком Найнив поведала Эгвейн. Среди трёх остальных Ищущих Ветер оказалась величавая женщина с белыми прядями в чёрных волосах. Судя по присланным письмам и описанию Найнив это

была Ренейле. Эгвейн уверяли, что главной будет именно Ренейле, но та, по всей видимости, наоборот оказалась у других в подчинении. Может она утратила своё положение Ищущей Ветер при Госпоже Кораблей?

— Добро пожаловать, — обратилась Эгвейн к присутствующим. — Прошу садиться.

— Мы постоим, — напряжённым голосом заявила Шайлин.

— Кто это, Эгвейн ал'Вир? — спросила Эмис. — Детям нельзя посещать *Тел'аран'риод*. Это не брошенная барсучья нора, чтобы

залезать в неё из любопытства.

— Дети? — спросила Шайлин.

— Здесь вы дети, мокроземка.

— Пожалуйста, Эмис, —

вмешалась Эгвейн. — Я одолжила им *тер'ангриалы*, чтобы они могли сюда попасть. Это было необходимо.

— Мы могли бы встретиться вне Мира Снов, — сказала Бэйр. — Назначить встречу посреди поля битвы, возможно, было бы гораздо безопаснее.

В самом деле, Ищущие Ветер были *очень* неопытны в обращении с *Тел'аран'риодом*. Их яркая одежда время от времени меняла цвета, а блузка Ренейле, как заметила Эгвейн, и вовсе пропала. Эгвейн обнаружила,

что покраснела, хотя Илэйн упоминала о том, что в море Морской Народ и мужчины и женщины бок о бок работают без единой нитки выше пояса. Спустя миг блузка появилась вновь. Их украшения тоже почти постоянно менялись.

— Моим поступкам были свои причины, Эмис, — выходя вперёд и присаживаясь, объяснила Эгвейн. — Шайлин дин Сабура Ночной Воде с её сёстрами было рассказано об опасностях этого места, и они приняли на себя ответственность за собственную безопасность.

— Это всё равно, что дать ведро масла и факел ребёнку, —

пробормотала Мелэйн, — а потом заявить, что *он сам* ответственен за свою безопасность.

— Разве мы должны терпеть подобную чепуху, Мать? — спросила Юкири.

Эгвейн перевела дух.

— Прошу вас! Вы лидеры ваших народов. Женщины, имеющие репутацию умных и рассудительных. Разве мы не можем хотя бы быть вежливыми по отношению друг к другу? — Эгвейн повернулась к Морскому Народу. — Ищущая Ветер Шайлин, вы приняли моё приглашение. Раз так, то вы не откажетесь от моего гостеприимства и не будете стоять всю нашу встречу?

Женщина колебалась. В ней чувствовалась гордость, а недавнее общение Айз Седай и Морского Народа разожгли в ней смелость. Эгвейн почувствовала укол гнева. Ей *очень не* понравились условия сделки по Чаше Ветров. Найнив с Илэйн нужно было дважды подумать. Им...

Нет. Илэйн и Найнив сделали всё, что могли в тех условиях величайшего напряжения. Кроме того, как говорят, сделки с Морским Народом чуть-чуть менее опасны, чем сделки с самим Тёмным.

Наконец Шайлин коротко кивнула, хотя за время её раздумий, надетая на ней блуза несколько раз сменила цвета, став под конец

тёмно-красной, а украшения то исчезали, то вновь появлялись.

— Отлично. Мы в долгу перед тобой за дар, открывший нам это место, и принимаем твоё гостеприимство. — Она села в кресло в стороне от Эгвейн и остальных Айз Седай. Её спутницы поступили так же.

Эгвейн незаметно вздохнула с облегчением и силой мысли вызвала несколько столиков с чашками горячего, ароматного чая. Ищущие Ветер подскочили от удивления, а Хранительницы Мудрости восприняли это, не моргнув глазом. Хотя, протянувшая руку к своей чашке, Эмис тут же сменила

цветочный чай на какую-то заварку темнее.

— Возможно, ты соблаговолишь нам рассказать о цели данной встречи? — прихлёбывая чай, спросила Бэйр. Морской Народ, в отличие от Айз Седай, не притронулся к своим чашкам.

— Мы уже догадались, — произнесла Шайлин. — Это противостояние неизбежно, хотя, во имя ветра, я желала бы обратного.

— Что ж, поговорим об этом, — сказала Юкири. — В чём собственно дело?

Шайлин не сводила глаз с Эгвейн.

— В течение многих штормов и

приливов мы скрывали тайну наших Ищущих Ветер от Айз Седай. Белая Башня вдыхает, но не выдыхает. То, что вошло, уже не может выйти обратно. Теперь вам всё известно, и вы хотите получить нас, потому что не можете терпеть даже мысль, что где-то есть направляющие женщины свободные от вашей цепкой хватки.

Айз Седай нахмурились. Эгвейн заметила, как Мелэйн кивнула, соглашаясь со сказанным. Прозвучавшее было правдой, хотя и высказанной довольно однобоко. Если б они только знали, как полезно было обучение в Белой Башне, и как важно, чтобы люди понимали то, что за направляющими присматривают и

что их обучают...

Однако эти мысли даже самой Эгвейн казались лживыми. У Морского Народа существуют собственные традиции, и они прекрасно обходятся со своими направляющими без вмешательства Белой Башни. Эгвейн, разумеется, не провела столько же времени, общаясь с Морским Народом, как Найнив или Илэйн, но у неё имелись довольно детальные отчёты. Ищущие Ветер не знали многих плетений, но вот их обращение со специфическими плетениями, особенно связанными с плетениями Воздуха, были куда изощрённее, чем используемые Айз Седай.

Эти женщины заслуживают правду. Разве не именно это символизируют собой Белая Башня и Три Клятвы?

— Вы правы, Шайлин дин Сабура Ночная Вода, — сказала она. — И, возможно, ваши люди поступали мудро, скрывая свои способности от Айз Седай.

Юкири открыла рот, что было довольно резкой реакцией со стороны Айз Седай. Шайлин застыла, медальоны на её цепочке тихо звякнули. Цвет её блузы переменялся на голубой.

— Что?

— Возможно, вы поступали мудро, — повторила Эгвейн. — Я бы

не взяла на себя смелость осуждать действия Амерлин, которые были до меня, но кое с чем можно не согласиться. Возможно, мы слишком рьяно хотели контролировать женщин, способных пользоваться Единой Силой. Совершенно очевидно, что Ищущие Ветер прекрасно обучаются самостоятельно. Я полагаю, Белой Башне есть чему у вас поучиться.

Шайлин откинулась назад, изучая лицо Эгвейн. Она твёрдо встретила взгляд Ищущей Ветер с невозмутимым выражением на лице: *«Смотри, я спокойна, — размышляла она. — Смотри, я говорю то, что думаю. Я не лью. Я — Айз Седай. Я*

говорю правду».

— Что ж, — произнесла Шайлин. — Возможно, мы сможем заключить сделку, которая позволит нам обучать ваших женщин.

Эгвейн улыбнулась:

— Я надеялась, что вы увидите в этом свою выгоду. — Сидевшие рядом с нею Айз Седай наградили Эгвейн сдержанно враждебными взглядами. Ну, они поймут. Лучший способ одержать верх, это встряхнуть их ожидания, словно жуков в банке.

— И всё же, — продолжила Эгвейн, — вы признаёте, что некоторые вещи Белая Башня знает лучше вас. Иначе вы бы не стремились заключить сделку, чтобы

наши женщины вас обучали.

— Мы не откажемся от того соглашения, — быстро заявила Шайлин. Её блуза стала светло-жёлтой.

— О, я ничего подобного и не просила, — ответила Эгвейн. — Это хорошо, что теперь у вас есть учителя Айз Седай. Те, кто заключал с вами сделки, добились кое-чего неожиданного.

Правда, до последнего слова. Однако то, как она это произнесла, намекало на нечто большее, будто бы Эгвейн *хотела*, чтобы Айз Седай попали на корабли Морского Народа. Шайлин нахмурилась сильнее и молча откинулась в кресле. Эгвейн

надеялась, что она сейчас размышляет о том, не была ли их великая победа в сделке за Чашу Ветров подстроена с самого начала.

— Если уж на то пошло, — продолжила Эгвейн, — мне кажется, что наше предыдущее соглашение было не достаточно амбициозным. — Она повернулась к Хранительницам Мудрости. — Эмис, ты согласна, что Айз Седай известны плетения, о которых вы не знаете?

— Было бы глупо не признать, что Айз Седай знатоки в подобных вопросах, — осторожно сказала Эмис. — Они проводят много времени, упражняясь в своих плетениях. Но есть вещи, которые

известны нам, но не известны им.

— Верно, — согласилась Эгвейн. — Во время моего обучения у Хранительниц Мудрости я узнала больше о лидерстве, чем за всё время, проведённое в Белой Башне. Кроме того, вы научили меня очень полезным вещам по части *Тел'аран'риода* и Сновидения.

— Давай, — сказала Бэйр, — выкладывай. Мы весь разговор гоняемся за трёхногой ящерицей, тыкая в неё прутиком, чтобы посмотреть, пойдёт ли она дальше.

— Нам следует делиться тем, что мы знаем, друг с другом, — заключила Эгвейн. — Три наших группы способных направлять

женщин нуждаются в создании своего рода альянса.

— С Белой Башней во главе, разумеется, — добавила Шайлин.

— Я сказала только, что было бы мудро делиться знанием и учиться друг у друга, — ответила Эгвейн. — Хранительницы Мудрости, я бы хотела отправить Принятых из Белой Башни учиться у вас. Было бы очень полезно, чтобы вы обучили их мастерству обращения с *Тел'аран'риодом*.

Вряд ли среди Айз Седай будет обнаружена ещё одна подобная Эгвейн Сновидица, хотя она не оставляла подобной надежды. Талант был чрезвычайно редким. И всё же,

будет выгодно иметь сестёр, обученных ходить в *Тел'аран'риод*, даже если им приходится для этого использовать *тер'ангриал*.

— Ищущие Ветер, — продолжила Эгвейн. — Я бы хотела и к вам направить женщин, особенно искусных в обращении с Воздухом, чтобы учиться подобно вам вызывать ветер.

— Жизнь учениц Ищущих Ветер совсем нелегка, — предупредила Шайлин. — Думаю, ваши женщины обнаружат, что она весьма отличается от лёгкой жизни в Белой Башне.

Зад Эгвейн до сих пор помнил «лёгкую жизнь» в Белой Башне.

— Не сомневаюсь, что это будет непросто, — сказала она, — как и не сомневаюсь в том, что именно по этой причине это будет полезно.

— Что ж, полагаю, это можно устроить, — жадно ответила Шайлин, наклоняясь вперёд. — Но, разумеется, за всё нужно платить.

— Цена должна быть равнозначной, — ответила Эгвейн. — Мы позволим вам отправить своих учениц в Белую Башню учиться среди нас.

— Мы уже отправляем вам своих женщин.

Эгвейн фыркнула.

— Упомянутые жертвоприношения направляются

нам, чтобы отвести подозрение от ваших Ищущих Ветер. Ваши женщины или замыкаются в себе или идут к нам с неохотой. Я желаю прекратить подобную практику. Нет смысла отбирать у вашего народа потенциальных Ищущих Ветер.

— Ну, и в чём же тогда будет разница? — спросила Шайлин.

— Отправленные вами женщины смогут вернуться к вам после обучения, — ответила Эгвейн. — Хранительницы Мудрости, я бы хотела, чтобы и ваши ученицы приходили к нам учиться. Не для того, чтобы стать Айз Седай, и не из-под палки, а для того, чтобы учиться и изучать наши обычаи. Они

также смогут вернуться к вам, если пожелают, после того, как они закончат учёбу.

— Не всё так просто, — возразила Эмис. — Я беспокоюсь, что случится с женщинами, которые слишком привыкнут к мягким мокроземским обычаям.

— Но вы же, разумеется, не захотите принуждать их... — начала было Эгвейн, но её прервала Бэйр:

— Они всё равно останутся ученицами Хранительниц Мудрости, Эгвейн ал'Вир. Детьми, которым нужно закончить учёбу. И это подразумевая, что мы согласимся на подобный план. Что-то в нём не даёт мне покоя, словно больной живот,

когда переешь после дня
проведённого впроголодь.

— Если мы позволим Айз Седай
запустить свои крючья в наших
учениц, — сказала Мелэйн, — их
уже не скоро удастся из них вырвать.

— А вы хотите их вырвать? —
спросила Эгвейн. — Разве вы не
видите, кого вы имеете в моём лице,
Мелэйн? Престол Амерлин,
обученную Айил. На какие жертвы
стоило бы пойти вашему народу,
чтобы иметь больше таких, как я?
Айз Седай, которые понимают
джи'и'тох и Трёхкратную Землю,
которые уважают Хранительниц
Мудрости, а не видят в них врагов
или дичков?

Трое айилок притихли и беспокойно переглянулись.

— А вы, Шайлин? — продолжила Эгвейн. — На что вы готовы, ради Престола Амерлин, которая бы обучалась среди вас, называла бы вас своими друзьями и уважала ваши обычаи?

— Подобное было бы очень ценно, — признала Шайлин. — Учитывая только, что вы будете отправлять к нам женщин с характером получше, чем у тех, что мы видели до сих пор. Я ещё не встречала Айз Седай, которой не пошла бы на пользу пара дней висения на мачте.

— Это всё потому, что вы

настаивали на Айз Седай, — объяснила Эгвейн, — которые уже утвердились в своих обычаях. Если бы мы вместо этого присылали к вам Принятых, те были бы более уступчивыми.

— Вместо? — немедленно отреагировала Шайлин. — Мы не эту сделку сейчас обсуждаем.

— Но могли бы, — ответила Эгвейн. — Если мы позволим направляющим Морского Народа возвращаться к вам, а не оставаться в Башне, вам не так сильно будут нужны учителя Айз Седай.

— Это может стать предметом новой сделки, — покачала головой Шайлин. — И подобная сделка будет

непростой. Айз Седай — змеи, как эти кольца, которые вы носите.

— Что если я включу в сделку одолженные вам *тер'ангриалы* для хождения по снам? — спросила Эгвейн.

Шайлин бросила взгляд на руку, где в реальном мире она держала бы небольшую тарелочку, которая, с помощью направления через неё потока Духа, позволяла женщине войти в *Тел'аран'риод*. Разумеется, Эгвейн не стала передавать им предметы, которые позволяли бы ходить сюда без необходимости направлять. Они имели более разностороннее использование, а значит, они были мощнее. Пусть

лучше они остаются секретом.

— Здесь, в *Тел'аран'риоде*, —
наклоняясь вперёд, продолжила
Эгвейн, — вы можете направиться,
куда захотите. Можете встречаться, с
кем захотите, без необходимости туда
Перемещаться, можете узнать то, что
скрыто, и проводить тайные встречи.

— Ты предлагаешь очень
опасную вещь, Эгвейн ал'Вир, —
резко вмешалась Эмис. — Отпустить
их болтаться здесь без присмотра,
всё равно, что отпустить
мокроземских детей гулять по
Трёхкратной земле.

— Вы не сможете оставить это
место только для себя, Эмис, —
сказала Эгвейн.

— Мы не настолько эгоистичны, — ответила Хранительница Мудрости. — Я говорю об их безопасности.

— Тогда, возможно, — предложила Эгвейн, — будет лучше, если Морской Народ отправит несколько учениц поучиться у вас, Хранительницы Мудрости, и, наверное, вы в свою очередь могли бы направить своих к ним.

— Жить на *кораблях*? — с ужасом спросила Мелейн.

— Разве есть лучший способ преодолеть ваш страх воды?

— Мы не боимся, — резко сказала Эмис. — Мы уважаем воду. Вы же, мокроземцы... — она всегда

рассуждала о кораблях так, как другие рассказывают о льве в клетке.

— И всё-таки, — продолжила Эгвейн, возвращаясь к Морскому Народу, — *тер'ангриалы* могут стать вашими, если мы заключим сделку.

— Но вы уже отдали их нам, — заметила Шайлин.

— Они были даны вам *взаймы*, Шайлин, что было недвусмысленно сказано доставившими их вам женщинами.

— И вы готовы отдать нам их навсегда? — спросила Шайлин. — Без всей этой чепухи о том, что все *тер'ангриалы* принадлежат Белой Башне?

— Необходимо иметь правила,

предотвращающие хранение
тер'ангриалов теми, кто их
обнаружил, — ответила Эгвейн. — В
этом случае мы можем изъять
потенциально опасную вещь у
глупого фермера или купца. Но я
могла бы сделать формальное
исключение для Ищущих Ветер и
Хранительниц Мудрости.

— Значит, стеклянные
колонны... — произнесла Эмис. — А
то мне всё было интересно, заявят ли
Айз Седай на них свои претензии.

— Сомневаюсь, что подобное
случится, — сказала Эгвейн. — Но я
всё равно считаю, что мнение Айил
немного смягчится, если мы
официально объявим, что этот

тер'ангриал и другие, которыми вы владеете, принадлежат вам, и ни одна сестра не вправе их отобрать.

Это заставило Хранительниц Мудрости призадуматься.

— И всё-таки, я считаю такое соглашение несколько странным, — заявила Бэйр. — Айил станут обучаться в Белой Башне, но не станут Айз Седай? Такого ещё не было.

— Мир меняется, Бэйр, — тихо сказала Эгвейн. — В Эмондовом Лугу у ручья был цветник с красивыми, выведенными у нас цветами, которые называются Слава Эмонда. Мой отец очень любил гулять и любоваться красотой цветов.

Но потом построили новый мост, и люди стали ходить к нему через цветник.

Мой отец годами пытался их отвадить от этого. Он строил ограды, ставил таблички. Ничего не помогало. Тут он решил проложить через цветник аккуратную дорожку из гальки и выращивать цветы по сторонам от неё. Как только он это сделал, люди перестали топтать цветы.

Когда наступают перемены, вы можете кричать и пытаться силой сохранить вещи неизменными. Но обычно всё заканчивается вытоптаннами цветами. Однако если вы сумеете *направить* изменения в

нужное русло, то они могут вам сослужить хорошую службу. Так же, как нам служит Сила, но чтобы ею воспользоваться, мы должны ей поддаться.

Эгвейн по очереди посмотрела на каждую из женщин.

— Наши три группы должны были начать сотрудничать давным-давно. Последняя Битва вот-вот начнётся, а Дракон Возрождённый грозит освободить Тёмного. Если вам этого недостаточно, у нас есть и другой общий враг — те, кто хотел бы уничтожить и Айз Седай, и Ищущих Ветер и Хранительниц Мудрости.

— Шончан, — произнесла

Мелэйн.

Ренейле, сидевшая позади остальных Ищущих Ветер, издала тихий шипящий звук. Её одежда изменилась, появились доспехи и меч в руке. Но через мгновение он пропал.

— Верно, — подтвердила Эгвейн. — Вместе мы будем достаточно сильны, чтобы им противостоять. По отдельности же...

— Мы должны обсудить эту сделку, — сказала Шайлин. Эгвейн заметила, как по комнате пронёсся ветерок, скорее всего случайно созданный одной из женщин Морского Народа. — Мы встретимся снова и, возможно, заключим

договор. Если это случится, условия будут таковы: мы отправляем к вам двух учениц в год, а вы в ответ отправляете двух своих.

— Но не самых слабых, — предупредила Эгвейн. — Я хочу самых способных.

— И вы отправите таких же? — спросила Шайлин.

— Разумеется, — сказала Эгвейн. Двое — это только начало. Скорее всего, они захотят увеличить число учениц, как только план успешно сработает. Но она не станет настаивать на этом с самого начала.

— А мы? — спросила Эмис. — Будем ли мы частью этой, как ты выразилась, «сделки»?

— Две Принятых, — сказала Эгвейн, — в обмен на двух учениц. Их обучение должно длиться не меньше шести месяцев, но не более двух лет. Как только наши женщины придут к вам, они должны рассматриваться как ученицы и должны следовать вашим правилам. — Она сделала паузу. — В конце обучения все ученицы и Принятые должны вернуться к своему народу на срок не менее чем на год. После чего, если ваши женщины пожелают стать Айз Седай, они могут вернуться для испытания. Те же условия касаются и нас, если наши женщины решат взамен присоединиться к вам.

Бэйр задумчиво кивнула.

— Возможно, найдутся женщины вроде тебя, которые, познав наши обычаи, поймут, что они лучше. Какой стыд, что мы тебя потеряли.

— Я была нужна в ином месте, — ответила Эгвейн.

— Согласны ли вы на сходные условия между нами? — спросила Шайлин у Хранительниц Мудрости. — Если сделка состоится, обмен двое на двое со сходными оговорками?

— Если сделку одобряют, — ответила Бэйр, оглядываясь на остальных Хранительниц Мудрости, — то мы заключим её и с

вами. Но сперва мы должны обсудить её с остальными Хранительницами Мудрости.

— А что на счёт *тер'ангриалов*? — спросила Шайлин, поворачиваясь к Эгвейн.

— Они ваши, — ответила Эгвейн. — Но в обмен вы освободите нас от обещания отправлять к вам сестёр в качестве учителей, а мы обещаем отпустить любую женщину Морского Народа домой. Все эти вопросы должны быть одобрены вашими людьми, а я представлю их на рассмотрение Совету Башни.

Разумеется, приказы Амерлин равносильны закону. Но, если Совет заартачится, то такие законы просто

будут игнорироваться. Поэтому ей нужна была их поддержка по данному вопросу, и ещё она хотела, особенно учитывая её непростое положение, чтобы Совет больше работал с нею, а не за её спиной.

Однако Эгвейн почти не сомневалась, что сумеет получить согласие на данное предложение. Айз Седай не понравится отказ от *тер'ангриалов*, но вместе с тем им *очень не* понравилась заключённая с Морским Народом сделка по Чаше Ветров. Они будут готовы пойти на что угодно, лишь бы от неё избавиться.

— Я знала, что вы захотите прекратить обучение нас

сестрами, — с удовлетворением в голосе произнесла Шайлин.

— Что вы предпочтете? — спросила Эгвейн. — Слабейших наших сестёр, которые считают данную службу наказанием? Или собственных соотечественниц, которые получили лучшее наше образование и, вернувшись, с удовольствием поделятся с вами знанием? — В любом случае, Эгвейн была почти готова во исполнении той сделки просто отправить в качестве учителей Айз Седай из Морского Народа. Это казалось достойным выходом из ситуации.

Если всё пройдёт удачно, эта новая сделка заменит старую. У

Эгвейн было предчувствие, что она в любом случае потеряет сестёр из Морского Народа, по крайней мере тех, кто сильно хотел вернуться к своим. Мир *действительно* менялся, и теперь, когда секрет Ищущих Ветер больше таковым не являлся, не было нужды придерживаться старых порядков.

— Мы это обсудим, — ответила Шайлин. Она кивнула остальным, и вся группа исчезла из помещения. Они определённо схватывают на лету.

— Это очень опасный танец, Эгвейн ал'Вир, — сказала Эмис, поднимаясь и расправляя шаль. — Было время, когда Айил посчитали

бы честью служить Айз Седай. Но те времена прошли.

— Женщины, которых вы думали найти, не более чем грёзы, Эмис, — ответила Эгвейн. — Реальность куда прозаичнее. Однако, по крайней мере, когда вы обретаёте честь в реальной жизни, вы твёрдо знаете, что она не просто иллюзия.

Хранительница Мудрости кивнула.

— Скорее всего, мы одобрим это соглашение. Нам нужно узнать то, чему могут научить Айз Седай.

— Мы отберём наших сильнейших женщин, — добавила Бэйр. — Тех, кого не растлит мягкость мокроземцев. — В её

словах не было осуждения. Называя мокроземцев мягкими, Бэйр, по её мнению, их вовсе не оскорбляла.

Эмис кивнула.

— Ты делаешь хорошее дело, если только ты не рассчитываешь привязать нас к себе стальными узами.

«Нет, Эмис, — подумала Эгвейн. — Я не стальными узами вас привяжу, я использую кружева».

— Итак, — сказала Бэйр, — мы тебе на сегодня ещё нужны? Ты намекала на битву?..

— Верно, — ответила Эгвейн. — Или, вернее, надеялась на неё. — Сигнала ещё не поступило. Это означает, что Найнив с Суан

никого не обнаружили
подслушивающим. Неужели её
замысел провалился?

Хранительницы Мудрости
кивнули ей и отошли в сторону, о
чём-то тихо переговариваясь. Эгвейн
отошла к поджидавшим Айз Седай.

Юкири встала навстречу.

— Мне это не нравится,
Мать, — сказала она тихо, косясь в
сторону Хранительниц Мудрости. —
Не думаю, что Совет согласится на
подобное. Многие непреклонно
настаивают на том, что вещи Силы
обязательно должны принадлежать
нам.

— Совет поймёт, — ответила
Эгвейн. — Мы уже вернули Чашу

Ветров Морскому Народу, а теперь, когда Илэйн заново открыла метод создания *тер'ангралов*, это только вопрос времени, когда мы перестанем успевать их все отслеживать.

— Но Илэйн — Айз Седай, Мать, — напомнила, поднимаясь, встревоженная Сине. — Вы, безусловно, сумеете её приструнить.

— Возможно, — тихо ответила Эгвейн. — Но тебя не удивляет то, что — спустя все эти годы — проявляется столько забытых Талантов и делается столько открытий? Моё Сновидение, *тер'ангриалы* Илэйн, Предсказания. Изобилие редких Талантов. Эпоха

подходит к концу, и мир меняется. Сомневаюсь, что Талант Илэйн останется уникальным. Вдруг он проявится у кого-нибудь из Хранительниц Мудрости или Морского Народа?

Три встревоженные женщины сидели тихо.

— И всё равно сдаваться не правильно, Мать, — наконец сказала Юкири. — Пусть и путём усилий, но мы *могли* бы поставить Хранительниц Мудрости и Ищущих Ветер под контроль.

— И Аша'манов? — тихо спросила Эгвейн, не в состоянии скрыть намёк на нервозность в голосе. — Станем ли мы настаивать

на том, что все *ангриалы* и *са'ангриалы*, созданные для мужчин, принадлежат нам, несмотря на то, что мы не можем их использовать? А вдруг какие-нибудь Аша'маны научатся создавать предметы Силы? Заставим ли мы их отдать нам всё, что они создадут? *Сможем* ли мы их заставить?

— Я... — начала было Юкири.

Лиане покачала головой.

— Она права, Юкири. Свет, она права.

— Мир больше не будет принадлежать нам, как было прежде, — тихо сказала Эгвейн, не желая, чтобы её слышали Хранительницы Мудрости. — Да и

принадлежали ли он нам когда-либо? Чёрная Башня связывает своими узами Айз Седай, Айил больше нас не почитают, Ищущие Ветер столетиями скрывали от нас своих сильнейших направляющих и становятся всё более дерзкими. Если мы станем давить на всех них слишком сильно, мы превратимся либо в тиранов, либо в дураков. Это зависит от того, насколько мы преуспеем. Я не согласна ни на то, ни на другое звание.

Мы *поведём* их, Юкири. Мы должны стать для этих женщин источником, на который они смогли бы равняться. Для всех женщин. Но нам следует достичь этого не силой,

а обучая их направляющих совместно с нами и направляя наших наиболее талантливых Принятых к ним, чтобы они стали мастерами в том, что у них получается лучше всего.

— А что если они сейчас обсуждают то же самое? — тихо спросила Лиане, посмотрев на Хранительниц Мудрости, которые тихо перешёптывались в дальнем конце комнаты. — Что если они станут играть с нами в ту же игру, что и мы?

— Значит, нам нужно их обыграть, — ответила Эгвейн. — Пока всё это вторично. Нам нужно единство против Тени и Шончан. Нам нужно...

В комнате появилась уставшая Суан в подпаленном с одного бока платье.

— Мать! Вы нам нужны!

— Бой начался? — быстро спросила Эгвейн. Рядом оживились Хранительницы Мудрости.

— Да, — ответила запыхавшаяся Суан. — Только что. Мать, они пришли не подслушивать! Они сразу *напали!*

* * *

Перрин мчался, одним шагом покрывая много лиг разом. Ему нужно было куда-то спрятать шип от

Губителя. Может в океан? Он мог бы...

Мимо, оцарапав плечо, просвистела стрела. Перрин выругался, оборачиваясь. Они находились на высоком каменистом склоне холма. Ниже по склону стоял Губитель с поднятым к угловатому лицу луком. Его тёмные глаза светились от гнева. Он спустил тетиву с новой стрелой.

«Стена», — подумал Перрин, вызывая перед собой кирпичную стену. Стрела вошла в неё на несколько дюймов, но остановилась. Перрин немедленно переправился в другое место. Но он не мог уйти далеко, пока не избавится от купола.

Перрин сменил направление, и вместо того, чтобы двигаться прямо на север, направился на восток. Он сомневался, что это поможет отвязаться от Губителя. Возможно, тот даже видел, как и куда перемещается купол.

Что же делать? Он думал выбросить шип в океан, но если Губитель идёт за ним следом, то он тут же его заберёт. Перрин сосредоточился на быстром движении, пролетая многие лиги за один удар сердца. Может ли он убежать от своего противника? Окружающий мир проносился мимо неясным пятном. Горы, леса, озёра, луга.

Едва он подумал, что сумел оторваться вперёд, прямо рядом с ним появилась фигура с нацеленным в его шею мечом. Перрин пригнулся, едва сумев увернуться от атаки. Он зарычал, поднял молот, но Губитель уже исчез.

Расстроившись, Перрин встал как вкопанный. Губитель мог двигаться быстрее Перрина и мог попасть под купол, прыгнув вперёд него, а потом дожидаясь, пока Перрин с куполом его не догонит. Попад же под купол, он мог легко переместиться прямо к Перрину и напасть.

«Я не смогу от него убежать, — *понял Перрин.*

Единственный способ защитить Фэйли и остальных — это убить Губителя. В противном случае тот найдёт шип, где бы Перрин его ни спрятал, а потом вернёт обратно и снова поймает армию Перрина в ловушку.

Перрин огляделся, определяясь с местонахождением. Он находился на слегка поросшем лесом склоне, впереди к северу от него возвышалась Гора Дракона. Он посмотрел на восток и увидел кусочек огромного строения, возвышающегося над верхушками деревьев. Белая Башня. Город может дать Перрину преимущество, там проще спрятаться, в одном из зданий

или переулков.

Перрин прыгнул в этом направлении, прижав к себе шип. Создаваемый вещью купол переместился вместе с ним. В конце концов, всё решит схватка.

Глава 37

ТЬМА В БАШНЕ

Гавин сидел на скамье в саду кэймлинского дворца. С тех пор, как он прогнал посланца Эгвейн, прошло уже несколько часов. В небе висела распухшая, растущая луна. К нему несколько раз подходили слуги, справиться, не нужно ли ему чего. Похоже, они о нём беспокоились.

А он просто хотел посмотреть на небо. Это не удавалось сделать уже несколько недель. Было прохладно, но он не стал надевать кафтан, висевший на спинке скамьи. Хорошо просто посидеть на

открытом воздухе, потому что под небом, полностью скрытым тучами, дышится как-то иначе.

С последними лучами уходящего дня, когда стих его шум, выглядывая, словно нерешительные дети, стали разгораться звёзды. Гавин был рад их вновь увидеть. Наконец-то он мог дышать полной грудью.

Илэйн права. Основная причина его ненависти к ал'Тору — разочарование. Возможно — зависть. Ал'Тор играет почти ту роль, которую Гавин избрал бы для себя. Править странами, возглавлять армии. Взгляните на их жизни! Кто тут разберёт: кто из них принц, а кто — пастух?

Возможно, Гавин противился требованиям Эгвейн оттого, что хотел предводить, быть тем, кто совершает героические поступки. Если он станет её Стражем, ему придётся уступить и помогать *ей* менять мир. Большая честь охранять жизнь великого человека. Огромная честь. В чём смысл великих поступков? Слава, которую они приносят, или изменение чьей-то жизни в лучшую сторону?

Уступить. Он восхищался людьми вроде Слита за подобное самоотречение, но никогда их не понимал. До конца — никогда. *«Я не могу ей позволить пойти на это в одиночку, — подумал он. — Я*

должен помочь. Не выходя из отбрасываемой ею тени».

Потому что он её любит. А ещё потому, что так будет лучше. Если два барда играют одновременно, но разные мелодии, то выйдет только шум. Но если один из них уступит, чтобы позволить воцариться гармонии другой мелодии, тогда родится такая красота, которую невозможно ни одному из них создать в одиночку.

И тут, именно в этот момент, Гавин понял. Он поднялся на ноги. Он не может явиться к Эгвейн как принц. Нужно идти к ней как Страж. За ней следует присмотреть, служить ей. Следить, чтобы исполнялись её

желания.

Пора возвращаться.

Натягивая на ходу кафтан, он направился по ведущей к дворцу дорожке. Ночные серенады всевозможных живших в пруду лягушек прерывались всплесками, когда он проходил мимо. Путь до покоев его сестры был недолог. Она ещё не должна была лечь, в последнее время у неё были проблемы со сном. В прошедшие несколько дней они часто подолгу засиживались за чашкой чая и с удовольствием болтали перед тем, как отправиться спать. Однако в этот раз у её дверей Гавина остановила Бергитте.

Женщина смерила его взглядом. Верно, её *совсем не радовала* необходимость исполнять вместо него роль Капитан-Генерала. Теперь ему это было ясно. Поэтому, подходя к ней, он чувствовал некоторую неловкость. Женщина подняла навстречу руку.

— Не сегодня, принцёныш.

— Я отправляюсь в Белую Башню, — объяснил Гавин. — Хотел попрощаться.

Он приблизился на шаг, но Бергитте упёрлась рукой в его грудь, мягко отталкивая Гавина обратно.

— Можешь отправиться утром.

Он едва не потянулся за мечом, но сдержался. Свет! А ведь было

время, когда он не реагировал на любое препятствие подобным образом. Он *действительно* поглупел.

— Спроси, не примет ли она меня, — вежливо попросил он. — Пожалуйста.

— У меня приказ, — ответила Бергитте. — Кроме того, она не сможет ответить. Она спит.

— Уверен, она была бы не прочь, чтобы её разбудили.

— Это другого рода сон, — пояснила Бергитте. Она вздохнула. — Там что-то связано с айзседайскими делами. Отправляйся спать. Утром твоя сестра, скорее всего, передаст тебе привет от Эгвейн.

Гавин нахмурился. Как это воз...

«Сны, — догадался он. — *Так вот, что имели в виду Айз Седай, упоминавшие, что Эгвейн учит их ходить по снам*».

— Значит, Эгвейн тоже спит?

Бергитте смерила его взглядом.

— Проклятый пепел, я и так уже достаточно проболталась. Марш к себе.

Гавин удалился, но вовсе не к себе. «Он будет дожидаться, пока не отыщет слабость, — думал он, припоминая слова сул'дам. — И когда он нанесёт удар, после него останется такое разорение, что вы удивитесь, что всё это устроил один человек...»

Слабость.

От покоев сестры он бегом помчался через дворец к оборудованной по приказу Илэйн площадке для Перемещений. К счастью, одна из дежурных женщин Родни — полусонная, но готовая отправить срочного гонца — оказалась на месте. Гавин её не знал, зато тёмноволосая женщина, по всей видимости, узнала его.

Она зевнула и открыла по его просьбе Врата. Он промчался сквозь них и оказался на площадке для Перемещений в Белой Башне. Врата за спиной моментально исчезли. Гавин вздрогнул и, обернувшись, выругался от души. Они едва его не

прихлопнули! Чего ради женщина из Родни закрыла их так быстро, с угрозой для его жизни? Ещё чуть-чуть — и он остался бы без пятки, а может, и того хуже.

Но времени нет. Он повернулся и бросился бежать.

* * *

Эгвейн, Лиане и Хранительницы Мудрости появились в одной из комнат в подвале Башни, где их уже поджидала группа сидящих как на иголках женщин. Это был опорный пункт, который Эгвейн решила устроить на случай

отступления.

— Докладывайте! —
потребовала Эгвейн.

— Шиван и Карлиния мертвы,
Мать, — мрачно сообщила Саэрин.
Суровая Коричневая тяжело дышала.

Эгвейн выругалась:

— Что случилось?

— Всё шло по плану, мы как раз,
как вы и приказывали, обсуждали
фиктивный план наведения порядка
в Арад Домане. Как вдруг...

— Огонь, — передёрнувшись,
перебила её Морврин. — Они
ударили прямо сквозь стену.
Направляли женщины, некоторые из
них с невероятными способностями
к Силе. Я заметила Алвиарин. И

ОСТАЛЬНЫХ ТОЖЕ.

— Найнив по-прежнему где-то там, — добавила Брендас.

— Вот упрямица, — заметила Эгвейн, оглядываясь на Хранительниц Мудрости. Те кивнули. — Отправьте Брендас назад, — указала она на хладнокровную Белую. — Когда проснёшься, ступай и разбуди остальных, чтобы вывести их из-под удара. Оставь Найнив, Суан, Лиане и меня.

— Хорошо, мать, — ответила Брендас.

Эмис что-то сделала, отчего очертания женщины стали размыты и исчезли.

— Остальные, — сказала Эгвейн, — отправляйтесь в безопасное место. Подальше от города.

— Очень хорошо, Мать, — ответила Саэрин, но осталась на месте.

— Что ещё? — спросила Эгвейн.

— Я... — Саэрин нахмурилась, — не могу уйти. Странно.

— Чепуха, — выпалила Бэйр. — Это...

— Бэйр, — сказала Эмис. — Я тоже не могу уйти. Творится что-то неправильное.

— Небо стало фиолетовым, —

заметила Юкири, выглянув в крохотное окошко. — Свет! Похоже на какой-то купол, накрывший Башню и весь город. Когда это случилось?

— Тут что-то не так, — заявила Бэйр. — Нам следует проснуться.

Внезапно, заставив Эгвейн вздрогнуть, Эмис исчезла. Буквально через мгновение она появилась вновь.

— Мне удалось вернуться туда, где мы были раньше, но я не сумела выбраться из города. И мне это не нравится, Эгвейн ал'Вир.

Эгвейн попыталась переправиться в Кайриэн. Не получилось. Встревожившись, но

сохраняя спокойствие, девушка выглянула в окно. Совершенно верно, небо наверху стало фиолетовым.

— Просыпайтесь, если нужно, — обратилась она к Хранительницам Мудрости. — Я останусь сражаться. Здесь одна из Предавшихся Тени.

Хранительницы промолчали. Затем Мелэйн сказала:

— Мы с тобой.

— Хорошо. Все остальные, держитесь подальше от этого места. Отправляйтесь в «Путь Музыканта» и ждите там до пробуждения. Мелэйн, Эмис, Бэйр и Лиане, мы отправляемся выше в Башню, в комнату с деревянными панелями на

стенах и с кроватью, окружённой четырьмя столбиками и кисейной драпировкой. Это моя спальня.

Хранительницы Мудрости кивнули, и Эгвейн отправилась туда. На ночном столике стояла лампа. Здесь, в *Тел'аран'риоде*, лампа не горела, хотя в реальном мире Эгвейн оставила её горячей. Вокруг появились Хранительницы Мудрости и Лиане. Лёгкая драпировка вокруг кровати встрепенулась при их появлении.

Башня вздрогнула. Бой продолжался.

— Будьте осторожны, — предупредила Эгвейн. — Мы сражаемся с опасным противником,

и ему это место известно лучше, чем вам.

— Мы будем осторожны, — ответила Бэйр. — Я слышала, эти Предавшиеся Тени мнят себя повелителями этого мира. Что ж, посмотрим.

— Лиане, — продолжила Эгвейн, — ты справишься? — Эгвейн хотела было отослать её прочь, но они с Суан успели провести в *Тел'аран'риоде* какое-то время. Конечно она опытнее остальных Айз Седай.

— Буду стараться не высовываться, мать, — пообещала женщина. — Но их там больше, чем нас. Я вам пригожусь.

— Согласна, — ответила
Эгвейн.

Все четверо пропали. Почему же им не удалось покинуть Башню? Это тревожит, но вместе с тем может сыграть на руку. Это означает, что она здесь заперта.

Но, возможно, и Месана тоже.

* * *

С крыши сорвалась и взмыла в воздух пятёрка голубей. Перрин резко обернулся. За спиной стоял Губитель. От него пахло камнем.

Мужчина поднял голову, провожая улетающих птиц жёстким

ВЗГЛЯДОМ.

— Твои?

— Предосторожность, — ответил Перрин. — Я подумал, что скорлупу орехов на земле ты точно заметишь.

— Умно, — заметил Губитель.

За его спиной раскинулся прекрасный город. Перрин не мог поверить, что какой-то иной город может сравниться красотой с Кэймлином, но если на земле и был такой город, то это был Тар Валон. Весь город был произведением искусства. Почти каждое здание было украшено арками, шпилями, резьбой и орнаментом. Кажется, даже *мостовая* была уложена по-

особому художественно.

Взгляд Губителя стрельнул в сторону пояса Перрина. Там, в специальном кошеле, созданном мыслью Перрина, хранился *тер'ангриал*. Кончик предмета торчал наружу в виде серебристой замысловато переплетённой косички. Перрин ещё раз попробовал уничтожить эту штуку силой мысли, но ничего не вышло. Удары молота так же не смогли помочь, не оставив даже вмятин. Чем бы ни являлась эта вещь, её создали прочной, чтобы противостоять подобным действиям.

— Ты стал искуснее, — сказал Губитель. — Мне следовало убить тебя тогда, много месяцев назад.

— Думаю, ты пытался, — ответил Перрин, поднимая молот и кладя его на плечо. — Так кто же ты на самом деле?

— Я — житель двух миров, Перрин Айбара. И тот, кто принадлежит обоим мирам. Верни мне шип снов.

— Ещё шаг — и я его уничтожу, — ответил Перрин.

Губитель фыркнул и направился вперёд.

— У тебя недостаточно на это сил, мальчик. Даже у меня сил на это не хватит. — Невольно его взгляд на мгновение устремился куда-то за спину, поверх плеча Перрина. На что он смотрит?

«Гора Дракона, — подумал Перрин. — Он видимо решил, что я направился в эту сторону специально, чтобы бросить туда эту штуку». Может это подсказка, как ему, Перрину, уничтожить *тер'ангриал*? Или Губитель пытается сбить его с толку?

— Не дави на меня, мальчик, — сказал Губитель, надвигаясь, в его руках появились меч и кинжал. — Сегодня я уже убил четырёх волков. Отдай мне шип по-хорошему.

Четырёх? Но на глазах у Перрина он убил только одного. «Он старается вывести меня из себя».

— Думаешь, я поверю, что ты не убьёшь меня, если я его отдам? —

спросил Перрин. — Если я это сделаю, ты вернёшь его обратно в Гэалдан. Ты знаешь, что я просто последую туда за тобой. — Перрин отрицательно покачал головой. — Один из нас должен умереть, и покончим на этом.

Губитель замешкался, но потом улыбнулся:

— Знаешь, Люк тебя ненавидит. Ненавидит до мозга костей.

— А ты — нет? — уточнил Перрин, нахмурившись.

— Не больше, чем волк ненавидит преследуемого оленя.

— Но ты — *не* волк, — тихо прорычал Перрин.

Губитель пожал плечами.

— На том и порешим. — Он бросился вперёд.

* * *

Гавин влетел в Белую Башню на такой скорости, что часовой едва успел отдать честь. Гавин промчался мимо расставленных зеркальных светильников. Ради экономии масла только каждый второй из них был зажжён. По пути к лестнице, ведущей наверх, он услышал за спиной шаги.

Гавин со свистом выхватил из ножен меч, и обернулся. Мазон с Келарком встали как вкопанные.

Бывшие Отроки теперь носили форму гвардейцев Башни. *«Попробуют ли они его остановить? Кто знает, какие приказанья оставила им Эгвейн?»*

Бойцы отдали честь.

— Ребята? — обратился к ним Гавин. — Куда путь держите?

— Сэр, — обратился Келарк. В неровном свете ламп его вытянутое лицо оказалось в тени. — Когда мимо пробегает офицер с подобным выражением на лице, не приходится гадать, нужна ему помощь или нет. Нужно просто бежать следом!

Гавин улыбнулся.

— Вперёд! — Он бросился вверх по лестнице, двое солдат с мечами

наготове последовали за ним.

Покои Эгвейн располагались довольно высоко, и к тому времени, когда Гавин добрался до её этажа, он тяжело дышал, и его сердце было готово вырваться из груди. Они миновали три коридора, потом Гавин вскинул руку. Он бросил взгляд в сторону ближайшего тёмного угла. Сможет ли в какой-то из этих теней укрыться Кровавый Нож?

«Без света нет тени...»

Он выглянул за угол, где находилась дверь, ведущая в покои Эгвейн. Сейчас Гавин находился примерно на том же месте, где в прошлый раз смешал её планы. Может, и сейчас он ей мешает? Оба

гвардейца стояли за спиной, дожидаясь его приказов.

Да. Он действует так же, как в тот раз. Но всё же кое-что изменилось. Он *будет* защищать её ради свершения ею великих дел. Он будет держаться в её тени и гордиться. Он будет делать то, что скажет она, но, несмотря ни на что, будет её защищать.

Потому что именно так поступает Страж.

Гавин скользнул вперёд, сделав знак бойцам следовать за ним. На этот раз темнота в затенённом алькове не *отталкивала* его взгляд, как случилось прежде. Добрый знак. Гавин остановился у двери и

осторожно её толкнул. Она была незапертой. И, сделав глубокий вдох, он шагнул в комнату.

Тревога не поднялась, ни одна ловушка его не поймала и не подняла в воздух. На стенах были зажжены несколько ламп. Услышав лёгкий шум, он поднял голову. Вверху, извиваясь, висела горничная с широко выпученными глазами. Её рот был заткнут невидимым кляпом из Воздуха.

Гавин выругался, метнулся через комнату и распахнул дверь в спальню Эгвейн. Её кровать, стоявшая у дальней стены, была задрапирована белыми кисейными занавесками. Рядом на подставке стояла

зажжённая лампа. Гавин прошёл к кровати и откинул занавеску. Спит или...

Он уже протянул руку к её шее, но услышал лёгкий стук за спиной и блокировал мечом направленный в спину удар. Не одна, а сразу две смазанные тени отделились от островов темноты. Он улучил момент и взглянул на Эгвейн. Крови заметно не было, но он не мог определить, дышит она или нет. Может, его вторжение как раз помешало совершиться убийству?

Времени проверять не было. Он встал в стойку Цветки Яблони на Ветру и закричал. Его товарищи вошли внутрь, но встали за дверью

как вкопанные.

— Зовите подмогу! — крикнул Гавин. — Живо!

Темнокожий Мазон повернулся, повинувшись приказу, а Келарк с решимостью на лице бросился в бой.

Силуэты Кровавых ножей постоянно смещались и словно струились. Гавин сумел сменить стойку на Кошку на Горячем Песке и попытался их прощупать, но каждый его выпад пронзал лишь воздух. От напряжённых усилий уследить за фигурами у Гавина уже начали болеть глаза.

Келарк атаковал противников с тыла, но его выпад был столь же безрезультатным. Гавин сжал зубы и

стал отбиваться, прижавшись спиной к кровати. Ему нужно удерживать их подальше от Эгвейн, пока не подоспеет помощь. Если ему удастся...

Обе фигуры разом изогнулись, одновременно атаковав Келарка. У парня едва оставалось время на то, чтобы выругаться, как лезвие вражеского меча ударило его в шею, и из неё брызнула кровь. Гавин вновь закричал, меняя стойку на Ящерицу в Терновнике, пытаясь поразить спины убийц.

И вновь его удары не достигли цели. Казалось, он промахнулся всего на пару волосков. Захлёбываясь кровью, Келарк рухнул на пол. Его

кровь отразила свет лампы, но Гавин не мог выйти на его защиту, не открыв путь к Эгвейн.

Один из убийц развернулся обратно к Гавину, а второй в это время одним ударом обезглавил Келарка. Несмотря на смазанные движения, Гавину показалось, что удар был похож на Реку Подмывающую Берег. Гавин отступил, пытаясь не смотреть на тело павшего товарища. *«Думай о защите. Нужно только продержаться пока не подоспеет подмога!»* Он шагнул вбок.

Шончан были настороже. Они знали, что он уже дрался с одним из них раньше.

Но сейчас у них было значительное преимущество. Гавин не был уверен, что сможет справиться с двумя.

«Нет, сможешь, — резко сказал он себе. — Если не сумеешь, Эгвейн умрёт».

Что это мелькнуло у прохода в другую комнату? Может, помощь близка? Гавин почувствовал было прилив надежды и шагнул вбок. Отсюда он разглядел лежавшее на полу залитое кровью тело Мазона.

В комнату проскользнула третья тёмная фигура и закрыла дверь, заперев её на ключ. Вот, значит, почему остальные двое так медлили. Они ждали появления своего

товарища.

Все трое убийц разом атаковали.

* * *

Перрин дал волку волю.

В кои-то веки он не боялся, чем это может для него закончиться. Он позволил себе *быть* самим собой, и в бою окружающий мир становился правильным.

Возможно, это происходило потому, что он подчинялся его воле.

Юный Бык прыгнул с крыши в Тар Валоне. Мощные задние лапы взметнули его в воздух, сумка с *тер'ангриалом* была пристёгнута к

его спине. Волк перемахнул через улицу и приземлился на мраморной крыше с расставленными по краю статуями. Волк перекатился, поднявшись человеком с молотом в руке. *Тер'ангриал* оказался крепко привязанным на поясе.

Губитель испарился прямо перед нацеленным в него ударом и мгновенно возник за спиной Перрина. Противник ударил, но Перрин исчез и появился левее. Так они продолжали кружиться вокруг друг друга, то появляясь, то исчезая, изо всех сил стараясь, чтобы их удар достиг противника.

Перрин вырвался из этого хоровода, отправившись к одной из

огромных статуй, изображавшей
какого-то напыщенного
военачальника. Он развернулся,
ударив по ней молотом, существенно
умножая силу удара. Куски статуи
полетели навстречу Губителю.
Убийца волков появился, ожидая, что
Перрин окажется рядом, но вместо
этого его поджидала буря камня и
пыли.

Губитель взвыл, осколки камня
порезали ему кожу. Его плащ
немедленно стал прочным, как сталь,
отразив остальные осколки. Он
стряхнул их, и всё здание
содрогнулось. Перрин выругался и
спрыгнул с проваливающейся крыши.

Не успев коснуться соседней

крыши, Перрин вновь обернулся волком. Губитель возник прямо перед его носом с натянутым луком. Юный Бык взвыл, представив, что сильно подул ветер, но Губитель не стал спускать стрелу. Он просто стоял и ждал, словно...

Словно был статуей.

Обернувшись, Перрин
выругался, пропуская
разминувшуюся на волосок с его
талией стрелу. Настоящий Губитель
стоял неподалёку. Он моментально
исчез, оставив вместо себя
детальную копию.

Перрин перевёл дыхание и
заставил исчезнуть пот со лба.
Губитель может напасть откуда

удовно. Перрин поставил за спиной стену и осторожно принялся осматривать окрестные крыши. Купол сверху содрогнулся.

Перрин уже привык, что тот движется вместе с ним, но в данный-то момент он *не трогался с места*.

В панике он взглянул вниз. Кошель с вещью исчез. Та стрела Губителя срезала его с пояса Перрина. Он метнулся к краю крыши. По улице внизу бежал Губитель, сжимая в руке кошель.

Вдруг из переулка выпрыгнул волк и напал на Губителя, сбив того на землю. Это был Прыгун.

Через мгновение Перрин оказался рядом, тоже набросившись

на Губителя. Тот выругался, исчез прямо из-под Прыгуна и возник в дальнем конце улицы. Он стал быстро убегать, его очертания практически расплылись от подобной скорости.

Перрин бросился преследовать Губителя, Прыгун за ним.

«Как ты меня нашёл», — мысленно спросил Перрин.

«Вы — глупые щенки, — ответил Прыгун. — Очень громкие. Словно дерущиеся кошки. Легко найти».

Он сознательно не открывал Прыгуну, куда направился. Обнаружив мёртвую Танцующую в Дубах... что ж, этот бой для Перрина

личный. Он забрал *тер'ангриал* из Гэалдана, его люди смогли вырваться, и он не желал рисковать жизнями остальных волков.

Прыгун не согласится уйти даже по просьбе Перрина. Рыча, Перрин бок о бок с волком помчался за Губителем.

* * *

Тяжело дыша, Эгвейн присела на корточки рядом со стеной коридора. Пот капал со лба. На противоположной от неё стене остывали потёки расплавленного от огненного удара камня.

В коридорах Башни воцарилась тишина. На стене перемигивались несколько ламп. Сквозь окно между Башней и тёмными тучами ей был виден фиолетовый купол в небе. Казалось, схватка длилась несколько часов, хотя, по всей видимости, она продолжалась не более пятнадцати минут. За это время она потеряла из виду Хранительниц Мудрости.

Эгвейн стала осторожно красться вперёд, используя плетение стража от подслушивания, чтобы заглушить звук собственных шагов. Подобравшись к углу, она выглянула. С обеих сторон было темно. Эгвейн осторожно, но уверенно, продолжила красться. Башня — её вотчина. Она

ощущала, что к ней вторглись враги, как в тот раз, во время нападения Шончан. Однако этот бой существенно отличался от отражения нападения Шончан. В тот раз враг был смел, и его легко было найти.

Из-под двери впереди пробивалась полоска света. Подготовив плетения, Эгвейн перенеслась в комнату. Внутри оказались две перешёптывающиеся женщины. Одна из них держала призванный светящийся шар. Это были Эванеллейн и Местра, скрывшиеся из Башни Чёрные сёстры.

Брошенный Эгвейн огненный шар попал в Местру, превратил её в

неистовый вихрь пламени. Эванеллейн вскрикнула, и Эгвейн атаковала её, выученным у Найнив способом: *представила* Эванеллейн полной тупицей, которая не может сама ни думать, ни действовать.

Взгляд женщины стал бессмысленным, рот приоткрылся. Мысль быстрее плетения. Эгвейн замешкалась. И что теперь? Убить её в беспомощном состоянии? От подобной мысли живот подвело. *«Возьму её в плен. Потом пойду и...»*

В комнате появился кто-то ещё. Вновь прибывшая была в чёрном великолепном платье с серебряной отделкой. Её окутывала темнота, словно сотканная из обвившихся

лент. Юбка платья струилась и колыхалась. Подобный эффект был неестественным и вместе с тем впечатляющим. Такое было возможно только здесь, в *Тел'аран'риоде*.

Эгвейн заглянула в глаза женщины. Большие, голубые глаза на угловатом лице, обрамлённом чёрными волосами длиной до подбородка. В этих глазах таилась сила, и Эгвейн моментально поняла, с кем именно встретилась. «*Зачем сражаться? Она ведь не сможет...*»

Эгвейн ощутила, как меняется её разум, становясь более податливым. С уколом страха она принялась этому сопротивляться и, как только разум прояснился, перенеслась прочь.

Эгвейн очутилась в своих покоех, схватилась рукой за голову и уселась на кровать. Свет, как же сильна эта женщина!

За спиной послышался какой-то звук. В комнате кто-то появился. Эгвейн вскочила на ноги, приготовив плетения, но это оказалась Найнив с горящими от ярости глазами. Она уже вскинула руки, сплетая потоки, но остановилась.

— В сад, — предложила Эгвейн, не доверяя собственным покоям. Ей не следовало сюда являться. Месана точно знает про это место.

Найнив кивнула, и Эгвейн исчезла, появившись в нижнем саду Башни. Над головой возвышался

странный фиолетовый купол. Что же *это* такое, и откуда его взяла Месана? Мгновение спустя в саду появилась Найнив.

— Они по-прежнему наверху, — прошептала она. — Я только что видела Алвиарин.

— А я — Месану, — ответила Эгвейн. — Ей едва не удалось меня схватить.

— Свет! С тобой всё в порядке? Эгвейн кивнула.

— Местра мертва. И ещё я видела Эванеллейн.

— Наверху темно, как в могиле, — прошептала Найнив. — Думаю, это они подстроили. Суан с Лиане в порядке. Я видела их совсем

недавно. Они держатся вместе. А прямо перед этим мне удалось поджарить Нотори. Она мертва.

— Хорошо. Чёрная Айя украла девятнадцать *тер'ангриалов*. Будем считать, что именно это количество Чёрных нам противостоит. — Против неё, Суан, Найнив, Лиане и трёх Хранительниц Мудрости. Их явно превосходят числом, но у Чёрной Айя, видимо, не много опыта в обращении с *Тел'аран'риодом*.

— Не встречала никого из Хранительниц Мудрости?

— Они все наверху, — Найнив поморщилась. — Похоже, им это даже нравится.

— Это на них похоже, —

ответила Эгвейн. — Давай работать в паре. Будем появляться на пересечениях коридоров спина к спине и смотреть, не видно ли кого посторонних или света. Увидишь Чёрных, бей не раздумывая. Если тебя заметят, кричи: «Ходу!» и прыгаем сюда.

Найнив кивнула.

— Начнём от моих покоев, — сказала Эгвейн. — Южный коридор. Я его освещу, так что будь наготове. Оттуда прыгнем через один коридор к двери, ведущей на лестницу для слуг. И так далее.

Найнив резко кивнула.

Мир вокруг Эгвейн мигнул. Она очутилась в коридоре и немедленно

представила это место ярко освещённым, заставляя его подчиниться своей воле. Всё окружающее пространство залил яркий свет. Возле стены на корточках сидела круглолицая женщина в белом платье. Это была одна из Чёрных сестёр — Седоре.

Женщина в гневе обернулась. Вокруг неё взметнулись плетения, но Эгвейн оказалась быстрее, вызвав огненный столб раньше, чем Седоре сумела справиться со своим плетением. Эгвейн же не использовала плетения. Один только огонь.

Эгвейн заметила, как в момент, когда вокруг Чёрной взревело пламя,

глаза женщины широко
распахнулись. Седоре закричала, но
тут же смолкла, поглощённая жаром.
Её дымящийся, обугленный труп
рухнул на пол.

Эгвейн перевела дыхание.

— С твоей стороны никого?

— Никого, — ответила

Найнив. — Кого ты подбила?

— Седоре.

— Правда? — удивилась

Найнив, оборачиваясь. Покойная
была Восседающей от Жёлтой Айя.

Эгвейн улыбнулась.

— Давай в следующий коридор.

Они прыгнули и повторили свой
трюк, залив весь коридор светом.
Здесь не было никого, поэтому они

переместились дальше. Следующие два коридора оказались пусты. Эгвейн уже приготовилась отправляться дальше, как вдруг услышала шёпот:

— Глупое дитя! Твои действия столь предсказуемы.

Эгвейн обернулась.

— Где...

Она оборвала себя на полуслове, заметив Бэйр. Пожилая Хранительница Мудрости изменила свой наряд и даже *свою кожу*, чтобы слиться с белыми стенами и плитками на полу. Прячась на корточках в алькове, она была практически невидимкой.

— Тебе не следует... — начала

было Бэйр.

Стена рядом с ними взорвалась, разбрасывая в стороны осколки камня. За стеной оказалось шесть женщин, и все они разом использовали плетения Огня.

Похоже, время игр в прятки миновало.

* * *

Перрин, перемахнув через окружавшую Башню стену, приземлился с глухим звуком на землю. Странности мира волчьих снов продолжались. Он уже не только чувствовал странные запахи,

он слышал странные звуки. Внутри Башни что-то грохотало.

Он прыгнул за Губителем, пересёкшим территорию Башни, а затем побежавшим прямо вверх по её стене. Перрин последовал за ним, выше и выше в небо. Губитель находился прямо над ним. Кошель с *тер'ангриалом* был привязан к поясу.

Перрин создал длинный лук. Он натянул его и прицелился, стоя на стене Башни. Перрин отпустил тетиву, но убийца успел подпрыгнуть и прошмыгнуть в окно внутрь Башни. Стрела прошла выше.

Перрин прыгнул к окошку, затем нырнул внутрь, следом за ним прыгнул Прыгун, оставив за собой

вихрь воздуха. Они оказались в спальнях покоях с голубой отделкой. Хлопнула дверь, и Перрин бросился следом за Губителем. Он даже не стал утруждать себя открытием двери — просто разбил её молотом на ходу.

Губитель удирал вниз по коридору.

«За ним, — Перрин передал Прыгуну. — *Я пойду наперерез*».

Волк помчался по пятам за Губителем, а Перрин бросился вправо и наперерез. Он бежал очень быстро, стены так и мелькали мимо.

Он промчался через зал, в котором оказалось много людей. Он настолько удивился, что застыл на месте, зал угрожающе навис над ним.

Люди оказались *Айз Седай*, и они сражались друг с другом. Коридоры озарялись светом от пролетающих из конца в конец огненных шаров. Значит, звуки, которые он слышал раньше, не были галлюцинацией. А он уже решил, да...

— Эгвейн? — удивился Перрин.

Она стояла рядом, прижавшись к стене, внимательно всматриваясь в дальний конец коридора. Когда он заговорил, она резко обернулась, вскинув руки. Он почувствовал, как что-то его схватило. Его разум мгновенно отреагировал, оттолкнув окружающий воздух прочь.

Эгвейн, удивившись неудаче,

вытаращилась на него.

Перрин сделал шаг навстречу.

— Эгвейн, тебе не следует быть здесь. Это место очень опасно.

— *Перрин?*

— Я не знаю, как ты сюда попала, — продолжил он, — но тебе следует уйти. Пожалуйста.

— Как ты меня остановил? — потребовала ответа она. — И что ты здесь делаешь? Ты был с Рандом? Отвечай, где он?

Она стала говорить очень властно. Эгвейн казалась другим человеком, старше той девушки, которую он знал, на десятки лет. Он открыл было рот, чтобы ответить, но Эгвейн его прервала.

— У меня нет времени на разговоры, — сказала она. — Прости, Перрин. Я ещё вернусь за тобой. — Она вскинула руку, и он почувствовал, как мир вокруг него меняется. Он оказался связанным по рукам и ногам верёвками.

Он весело взглянул вниз. Едва он подумал, что путы недостаточно крепко завязаны, как верёвки свободно упали вниз.

Эгвейн захлопала глазами, таращась на то, как падают путы.

— Как...

В это мгновение кто-то выскочил из ближайшей комнаты. Это была высокая женщина с худой шеей и тёмными, цвета воронова

крыла, волосами. На ней было простое белое платье. Она улыбнулась, вскинула руки, и перед нею загорелся яркий свет.

Перрину не требовалось знать, что она собирается делать. Он был волком, он был повелителем этого места. Здесь плетения были бессмысленны. Он просто представил, что её атака не достигла цели, и твёрдо *знал*, что так и будет.

Из рук женщины вырвался столб ослепительного света. Перрин выставил руку навстречу перед собой и Эгвейн. Свет померк, словно был остановлен его ладонью.

Эгвейн обернулась, и за спиной женщины взорвалась стена, осыпав

всё вокруг обломками. Один из них крепко ударил противницу по голове, сбив её на землю. Свет, после такого удара, она похоже мертва.

От Эгвейн донёлся запах потрясения. Она повернулась к нему.

— Погибельный огонь? Ты только что остановил *Погибельный огонь*? Его *ничто* не может остановить.

— Это же просто плетение, — ответил Перрин, мысленно потянувшись к Прыгуну. — «*Где Губитель?*»

— Это не *просто* плетение, Перрин. Это...

— Прости, Эгвейн, — сказал он. — Мы поболтаем позже. Будь

очень осторожна в этом месте. Возможно, тебе уже это известно, и всё же. Оно куда опаснее, чем ты думаешь.

Он повернулся и бросился в погоню, оставив озадаченную Эгвейн. Похоже, она всё-таки стала Айз Седай. Это хорошо. Она это заслужила.

«Прыгун? Где ты?»

Единственным ответом был внезапный, пугающий мысленный вопль боли.

* * *

Гавин сражался за свою жизнь с

тремя ожившими тенями, состоящими из тьмы и стали.

Они довели его до предела возможностей, оставив с полдюжины порезов на руках и ногах. Он пользовался приёмом, называвшимся Бушующий Циклон. Это помогало защитить жизненно важные органы, но едва-едва.

Занавески у кровати Эгвейн были покрыты брызгами его крови. Если его противникам уже удалось убить Эгвейн, то они разыграли великолепный спектакль, изображая попытки её убийства.

Он устал и слабел. С каждым шагом на полу оставался кровавый отпечаток его сапога. Боли он больше

не чувствовал. Его блоки стали более вялыми. Через секунду-другую противники его добьют.

Несмотря на то, что он уже охрип, помощь так и не появилась.

«Идиот! — корил он себя. — Нужно больше думать и меньше ломиться прямо в пасть опасности!» Нужно было поставить на уши всю Башню.

Единственной причиной, почему он до сих пор был жив, была осторожность его противников. Они пытались его измотать. Как только с ним покончат, они, как упоминала *сул'дам*, зальют кровью Белую Башню. Айз Седай будут захвачены врасплох. Эта ночь может выйти

кошмарнее, чем то нападение Шончан.

Все трое убийц ринулись вперёд. «*Нет!*» — подумал Гавин, когда один из них сделал Реку, Подмывающую Берег. Гавину пришлось прыгнуть вперёд, проскользнув между двух мечей, вращая оружием. К собственному изумлению он попал, что засвидетельствовал раздавшийся на всю комнату крик. На пол хлынула кровь, и одна из теней упала.

Оставшиеся двое разом разразились проклятьями, и оставили свои попытки его измотать. Они дружно напали, в сумраке сверкнули мечи. Гавин, вымотанный

до предела получил очередное ранение в плечо; по руке потекла кровь, затекая под кафтан.

Как сражаться против теней? Это просто невозможно!

«Света без тени не бывает...»

Эта последняя отчаянная мысль его поразила. Он отпрыгнул с воплем в сторону и схватил подушку с постели Эгвейн. Он повернулся — лезвия мечей противников вспороли воздух совсем близко — и бросил подушкой в лампу.

Комната погрузилась во тьму. Нет света — нет теней.

Равенство.

Темнота всё уравнивает. Ночью невозможно различать цвета. Не

видно крови на руках, не видно белую кровать Эгвейн и его противников-теней. Но зато слышно, как они двигаются.

Предположив, куда двинутся Кровавые Ножи, Гавин вскинул меч в отчаянном ударе, используя приём Колибри Целует Медвяную Розу. Размытые очертания их фигур больше не отвлекали его внимания, и его удар попал в цель, располозовав плоть врага.

Гавин изогнулся, освобождая меч. В комнате стало тихо, если не считать звука упавшего тела. Он затаил дыхание, но стук собственного сердца грохотал в ушах. Где же последний убийца?

Из соседней комнаты свет не доходил. Келарк упал прямо за дверь, перекрыв собой полосу света.

Гавина уже начало шатать. Он потерял слишком много крови. Если бы у него было хоть что-то, чтобы кинуть и отвлечь внимание... но ничего нет. От движения зашуршит одежда, а это его выдаст.

Поэтому он сжал зубы, топнул ногой и поднял меч, прикрывая шею, моля Свет о том, чтобы удар шёл понижу.

Так и случилось. Он получил глубокую рану в боку. Гавин принял удар, слегка застонав, но тут же ответил изо всех оставшихся сил.

Меч свистнул и прошёл с небольшим усилием, разрубая препятствие. Послышался стук: это отрубленная голова стукнулась о стену, и следом ещё один — обезглавленное тело рухнуло на пол.

Гавин тяжело осел рядом с кроватью, опёршись об неё спиной, из его раны в боку хлестала кровь. Начало меркнуть сознание, хотя в темноте сразу и не поймёшь.

Он потянулся туда, где по его воспоминаниям должна была быть рука Эгвейн, но слишком ослаб, чтобы найти её.

Мгновение спустя он упал на пол. Его последняя мысль была о том, что он так и не узнал, жива она

или мертва.

* * *

— Великая Госпожа, — произнесла Кэтрин, опускаясь на колени перед Месаной. — Мы не можем отыскать описанную вами вещь. Половина наших сторонниц занимается поисками, а другая половина сражается с сопротивляющимися червями. Но её нигде нет!

Обдумывая сложившееся положение, Месана сложила руки под грудь. Попутно она ударила полоской Воздуха по спине Кэтрин:

неудача должна быть наказана. Во всех видах обучения главный залог — последовательность.

Над её головой в Башне раздавался грохот, но здесь она была в безопасности. Она подчинила это место своей воле, создав новую комнату, каменный мешок, под подвалом. Детишки, которые сражаются там, наверху, воображают, что они что-то знают об этом мире, но они всего лишь детишки. А *она* ещё до своего пленения долгое время посещала *Тел'аран'риод*.

Башня вновь вздрогнула. Она осторожно обдумала ситуацию. Каким-то образом эти Айз Седай раздобыли шип снов. Как им удалось

обнаружить подобное сокровище? Месана жаждала обладать им не меньше, чем подчинить себе эту девочку-Амерлин, Эгвейн ал'Вир. Возможность запретить использование Врат в твоём убежище... В общем, жизненно необходимая вещь, особенно, когда она решит выступить против других Избранных. Это более действенно, чем выставлять стража, защищая свои сны от чужого вторжения, и он не дает использовать все формы Перемещения в зону влияния и вовне всем, кроме доверенных лиц.

Однако пока действует шип снов, она *также* не может перенести ту происходящую наверху битву в

более подходящее, тщательно подобранное место. Досадно. Но нет, она не позволит себе лишних эмоций из-за этой ситуации.

— Возвращайся назад, и сосредоточьтесь на том, чтобы захватить женщину по имени Эгвейн ал'Вир, — приказала Месана. — Она знает, где устройство. — Да, теперь ей всё ясно. Она разом убьёт двух зайцев.

— Да... Госпожа... — Кэтрин съёжилась под ударами розги из Воздуха. «Ах, да», — Месана слегка повела рукой, развеивая плетение. Едва она проделала это, к ней пришла новая мысль.

— Обожди, — сказала она. —

Мне нужно наложить на тебя кое-какое плетение...

* * *

Перрин появился на крыше Белой Башни.

Губитель держал Прыгуна за шкуру. В боку волка торчала стрела, на лапы текла кровь. Ветер подхватывал капли крови и разбрызгивал их по камням крыши.

— Прыгун! — Перрин шагнул к нему. Он всё ещё чувствовал присутствие Прыгуна, хотя и слабое.

Губитель легко поднял волка вверх. В другой руке он сжимал нож.

— Нет, — воскликнул Перрин. — У тебя есть всё, что ты хотел. Просто уходи.

— А как же то, о чём ты упоминал чуть ранее? — спросил Губитель. — Что ты знаешь, куда я пойду, и ты последуешь за мной? В этом мире отыскать шип снов слишком просто.

Он как бы невзначай скинул тело Прыгуна с края Башни.

— НЕТ! — закричал Перрин. Он прыгнул на край, но Губитель возник рядом, схватил Перрина и занёс нож. Но прыжок Перрина выбил их обоих за край Башни. У Перрина подвело живот.

Он попытался перенестись в

другое место, но Губитель крепко его держал в своей хватке, изо всех сил мешая Перрину переместиться. На мгновение они зависли, но потом падение продолжилось.

Губитель был очень *силён*. От него пахло неправильно, словно затхлостью и волчьей кровью. Он поднёс нож к горлу Перрина, и единственное, что тот мог этому противопоставить, — закрыться рукой, представив, что его рубашка стала прочной как сталь.

Губитель усилил нажим. Перрин на мгновение почувствовал слабость, и рана в груди Перрина напомнила о себе резкой болью. Они с Губителем падали. Нож пробил рукав Перрина и

вонзился в предплечье.

Перрин закричал. Ветер был очень громким. Порыв длился всего несколько секунд. Губитель вырвал нож.

«Прыгун!»

Перрин зарычал и ударил Губителя, оторвав и сбросив его с себя. Руку жгло огнём. Перрин извернулся. Земля стремительно приближалась навстречу. Он *пожелал* оказаться в другом месте, и тут же оказался рядом с падающим Прыгуном, и успел подхватить его, перед тем как упасть. Колено подкосилось, земля вокруг него сотряслась, но он умудрился мягко опустить Прыгуна.

С неба прожужжала стрела с чёрным оперением, пронзила спину Прыгуна и пришилила к нему подставленное снизу бедро Перрина.

Перрин вскрикнул, чувствуя, как его собственная боль смешивается с внезапно нахлынувшей агонией Прыгуна. Сознание волка исчезало.

— Нет! — заливаясь слезами, передал Перрин Прыгуну.

«*Юный Бык...*» — ответил волк.

Перрин пытался перенести их в другое место, но его разум помутился. Скоро прилетит ещё одна стрела. Это он знал. Перрину удалось перекатиться в тот самый момент, когда она впилась в землю, однако его нога бездействовала, а Прыгун

оказался тяжёлым. Перрин упал на землю, выронив волка.

Губитель приземлился неподалёку с большим, изогнутым чёрным луком в руках.

— Прощай, Айбара. — Губитель поднял лук. — Похоже, сегодня я убил *пять* волков.

Перрин уставился на стрелу. Всё вокруг казалось смазанным.

«Я не могу бросить Фэйли. Я не могу бросить Прыгуна. Я их не брошу!»

Едва Губитель отпустил тетиву, Перрин изо всех сил постарался вообразить себя сильным. Он почувствовал, как забилось сердце и по венам разлилась сила. Перрин

вскрикнул, голова прояснилась, и он сумел собраться настолько, что ему удалось исчезнуть и переместиться прямо за спину Губителя.

Оттуда он нанёс удар молотом.

Губитель походя повернулся и отразил удар нечеловечески сильной рукой. Перрин упал на одно колено, ногу пронзила боль, которая никуда не делась. Он охнул.

— Ты не сможешь себя исцелить, — объяснил ему Губитель. — Способы есть, но нельзя просто вообразить, что с тобой всё в порядке. Но, похоже, ты догадался, как восстановить кровь. Это действительно полезно.

Перрин кое-что учуял. Страх.

Может, он исходил от него?

Нет. Нет, оттуда. За спиной Губителя была дверь в Белую Башню. Внутри зияла чернота. Не просто тень, а *чернота*. Перрин уже достаточно поднаторел в упражнениях с Прыгуном, чтобы узнать что это.

Это был кошмар.

Губитель открыл рот, будто пытаясь что-то сказать. Перрин зарычал и всем своим весом врезался в Губителя. Ногу пронзила боль.

Они оба рухнули в черноту кошмара.

Глава 38

РАНЫ

Через тёмные коридоры Белой Башни мелькали всполохи огня, оставляя за собой в воздухе клубы плотного едкого дыма. Раздавались людские вопли, крики и проклятья. От взрывов вздрагивали стены, от возведённых защитных плетений воздуха отлетали осколки камней.

Там. Эгвейн определила место, из которого несколько Чёрных сестёр обстреливали огнём коридор. Среди них оказалась Эванеллейн.

Эгвейн переправилась в комнату рядом с ними, их было отчётливо

слышно сквозь стену. Она развела руки и направила мощный заряд Земли и Огня прямо на стену перед собой, вынося её наружу.

Находившиеся по ту сторону женщины повалились, Эванеллейн упала, залитая кровью. Ещё одна успела куда-то переместиться.

Эгвейн проверила, жива ли Эванеллейн. Она была мертва. Эгвейн с удовлетворением кивнула. Эванеллейн была одной из тех, кого она больше всего хотела найти. Теперь бы выследить Кэтрин или Алвиарин.

Направляют. Сзади. Эгвейн бросилась на пол, и прямо над её головой пронёсся заряд Огня. Месана

в вихре чёрной ткани. Эгвейн стиснула зубы и переместилась. Она не отваживалась встречаться с Отрёкшейся лицом к лицу.

Эгвейн оказалась в кладовке неподалёку, когда близкий взрыв, потрясший окрестности, заставил её покачнуться. Взмахом руки она создала в двери окошко и увидела пробежавшую мимо Эмис. На вооружённой копьями Хранительнице Мудрости был *кадин'сор*. Одно плечо потемнело от крови. Рядом с женщиной раздался новый взрыв, но она уже исчезла. От взрыва воздух раскалился, оплавив окошко и заставив Эгвейн отступить на шаг.

Исследования Саэрин оказались верны. Несмотря на открытый бой Месана не сбежала и не спряталась, как могла бы сделать Могидин. Возможно, женщина была слишком уверена в себе. Или же она была напугана; вероятно, Отрёкшейся нужна была смерть Эгвейн в качестве доказательства победы Тёмному.

Эгвейн сделала глубокий вздох, готовясь вернуться в бой. Однако она медлила, размышляя о появлении Перрина. *«Он вёл себя с нею так, будто она была послушницей. Как он успел набраться столько уверенности в себе и так укрепнуть?»* Она даже была не

столько удивлена его трюками, сколько тем фактом, что это именно он их проделал.

Его появление было для неё уроком. Не стоит чрезмерно полагаться на плетения. Бэйр вообще не могла направлять, но действовала не хуже остальных. Тем не менее, в определённых случаях плетения всё же казались предпочтительнее. Например, для того, чтобы выломать стену, проще было воспользоваться плетением, чем представлять это и тягаться силой воли с толстой и обширной стеной.

Она была Айз Седай и в придачу Сновидицей. Ей необходимо использовать и то и другое вместе.

Эгвейн осторожно переместилась обратно в помещение, где она заметила Месану. Оно было пустым, хотя стена по-прежнему лежала в руинах. Справа раздался взрыв, и Эгвейн выглянула наружу. В той стороне противники обменивались огненными шарами, и воздух был полон плетений.

Эгвейн переместилась в тыл одной из сражающихся группировок и создала вокруг себя толстый стеклянный защитный цилиндр. В этом месте Башня была полуразрушена, от стен шёл дым. Эгвейн заметила, как над одной из куч обломков склонилась фигура в голубом платье.

«Николь? — с яростью подумала она. — Как она здесь очутилась? Я думала, что теперь-то могу ей доверять!» Видимо, глупая девчонка взяла *тер'ангриал* у кого-то из проснувшихся.

Эгвейн приготовилась переместиться к ней и отправить послушницу прочь, но под девушкой внезапно разверзся пол, и её окутал огонь. Подброшенная в воздух Николь закричала, в разные стороны полетели куски оплавленного камня.

Эгвейн вскрикнула, переместившись к ней, попутно воображая под девушкой мощную каменную стену. Николь упала на неё, окровавленная и с невидящим

взглядом. Эгвейн выругалась, опускаясь на колени. Девушка не дышала.

— Нет! — произнесла Эгвейн.

— Эгвейн ал'Вир, берегись! — раздался голос Мелэйн.

Эгвейн встревожено обернулась, вообразив рядом толстую гранитную стену, о которую разбились несколько выпущенных ей в спину зарядов огня. Около Эгвейн появилась одетая в чёрное Мелэйн, даже её кожа была окрашена в тёмный цвет. Она пряталась в тенях, проходящих по краю стен коридора.

— Это место становится для тебя слишком опасным, — сказала Мелэйн. — Оставь доделывать дело

нам.

Эгвейн посмотрела вниз. Труп Николь уже исчез. Глупая девчонка! Она осторожно выглянула из-за стены и увидела двух Чёрных сестёр, Алвиарин и Раболу, стоявших спина к спине и направлявших во все стороны разрушительные потоки. Прямо позади них была другая комната. Эгвейн могла бы поступить так же, как уже делала раньше: переместиться в эту комнату, снести стену и убить обеих...

«*Глупое дитя, — сказала ей Бэйр, — твои действия очевидны.*». Именно этого от неё хочет Месана. Две Чёрных сестры были наживкой.

Эгвейн переместилась в

комнату, но тут же отступила спиной к стене. Она очистила разум и принялась напряжённо ждать.

Месана появилась точно так же, как и прежде. Этот вихрь чёрной ткани был впечатляющей, но довольно глупой выходкой. Для его поддержания приходилось отвлекаться. Эгвейн посмотрела прямо в удивлённые глаза женщины и увидела, какие плетения та приготовила.

«Они меня не коснутся», — уверенно подумала Эгвейн. Белая Башня принадлежала ей. Месана с её товарками были захватчиками, убившими Николь, Шиван и Карлинию.

Плетения устремились вперёд, но обошли вокруг Эгвейн. В мгновение ока Эгвейн оказалась одета как Хранительница Мудрости: белая блузка, коричневая юбка и шаль на плечах. Она представила так же копьё в руке, айильское копьё, и чётким движением бросила его в цель.

Копьё рассекло потоки Огня и Воздуха, разорвав их, и вонзилось в нечто твёрдое. В стену из Воздуха перед Месаной. Эгвейн отказалась признавать это. Стены не существовало, она не принадлежала этому месту.

Копьё перестало замедляться и устремилось вперёд, пронзив шею

Месаны. Глаза женщины широко распахнулись, она отшатнулась, разбрызгивая кровь из раны. Окутывавшая её чёрная материя полностью испарилась, вместе с бывшим на ней платьем. Значит, это всё-таки было плетение. Затенённое лицо Месаны превратилось в лицо...

Кэтрин? Эгвейн нахмурилась. Значит, всё это время Месана выдавала себя за Кэтрин? Но та была Чёрной, и сбежала из Башни. Её не может здесь быть, а значит...

«Нет, — подумала Эгвейн. — Меня провели. Она...»

В этот момент Эгвейн почувствовала, как что-то защёлкнулось на её шее. Что-то

холодное, металлическое, что-то знакомое и пугающее. В мгновение ока Источник ускользнул от девушки, поскольку ей более не было дозволено к нему прикасаться.

В страхе она обернулась. Позади стояла женщина с причёской, доходившей ей до подбородка, и с тёмно-голубыми глазами. Она не выглядела слишком внушительной, но была очень сильна. На её запястье был надет браслет, соединённый с ошейником на шее Эгвейн.

Ай'дам.

— Великолепно, — произнесла Месана. — Какие же вы непослушные детки. — Она прищёлкнула языком в знак

неодобрения. В то же мгновение она куда-то переместилась, прихватив с собой Эгвейн. Это оказалось помещение без окон, выглядевшее так, словно его целиком вырубili в скале. В нём не было даже двери.

Здесь их ждала Алвиарин в бело-красном платье. Женщина тут же встала перед Месаной на колени, стрельнув довольным взглядом в сторону Эгвейн.

Но Эгвейн едва ли это заметила. Она стояла, одеревенев, охваченная потоками панических мыслей. *«Она снова попалась! Ещё раз ей не выдержать. Она скорее умрёт, чем позволит этому случиться»*. В её голове вспыхнули яркие образы: она

заперта в комнате без возможности сделать и пару шагов, не попав под власть *ай'дама*; с ней обращаются, словно с животным; и неумолимо надвигается осознание того, что её всё равно сломают, и она станет именно такой, какой хотят они.

«О, Свет! Нет, ей не пережить это вновь. Только не это».

— Передай тем наверху, чтобы отступали, — спокойным голосом приказала Месана Алвиарин. Эгвейн едва обратила внимание на её слова. — Какие же они глупцы, а их действия здесь просто жалки. Нужно будет устроить им хорошенькое наказание.

Именно так Найнив с Илэйн

захватили Могидин. Её держали в плену, заставляя делать то, что они прикажут. Эгвейн придётся пережить то же самое! Определённо, Месана наложит на неё Принуждение, и Белая Башня целиком и полностью окажется в руках Отрёкшейся.

Эмоции захлестнули через край. Эгвейн обнаружила, что вцепилась в ошейник, чем вызвала умильный взгляд со стороны Месаны. Алвиарин исчезла, чтобы передать её приказ.

«Это не должно было случиться. Это какой-то кошмар. Что-то...»

«Ты Айз Седай», — прошептал ей какой-то молчавший дотоле уголок её сознания, но как бы ни

были тихи эти слова, в них была заключена сила. Они были глубоко внутри неё. Этот голос был глубже ужаса и страха.

— Итак, — произнесла Месана. — Поговорим о Шипе снов. Где я могу его разыскать?

«Айз Седай — это спокойствие, Айз Седай — это контроль, невзирая на обстоятельства». Эгвейн отпустила ошейник и опустила руки. Она не проходила Испытание на шаль, да и не собиралась. Но если бы ей пришлось, как бы она поступила, очутившись в подобной ситуации? Позволила бы себя сломать? Доказала бы, что недостойна дарованного палантина?

— Не желаем отвечать, как я погляжу, — продолжила Месана. — Что ж, это можно исправить. Эти *ай'дам*. Такие милые штучки. Семираг оказала мне восхитительную услугу, обратив на них моё внимание, даже если и случайно. Как жаль, что она погибла до того, как я смогла защёлкнуть такой же на её шейке.

Тело Эгвейн пронзила боль, словно под её кожей был огонь. На глазах выступили слёзы.

Но ей и прежде приходилось терпеть боль, она смеялась под побоями. Ей и прежде доводилось бывать в плену, даже в самой Белой Башне, и это её не остановило.

«Но теперь всё иначе! — большая часть её была в ужасе. — Это же ай'дам! Я не смогу это выдержать!»

«Айз Седай должна выдержать, — ответила ей спокойная часть сознания. — Айз Седай способны выдержать всё на свете, только после этого они могут считаться истинными слугами сущего».

— Итак, — продолжила Месана. — Расскажи, куда ты спрятала устройство.

Эгвейн смогла подчинить свой страх. Это оказалось непросто. Свет, это было тяжело! Но она справилась. Её лицо стало спокойным. Она

сопротивлялась *ай'даму*, отказываясь давать ему над собой власть.

Месана заколебалась, нахмурившись. Она дёрнула поводок, и Эгвейн затопила волна боли.

Она заставила боль исчезнуть.

— Мне кажется, Месана, — произнесла она спокойным тоном, — что Могидин допустила ошибку. Она смирилась с *ай'дамом*.

— Что ты...

— В этом месте *ай'дам* столь же бесполезен, как и плетения, которые он запрещает использовать, — продолжила Эгвейн. — Это всего лишь бесполезный кусочек металла. И он способен остановить тебя только в том случае, если ты

разрешаешь ему. — *Ай'дам* раскрылся и упал с её шеи.

Месана проследила за ним взглядом, пока он не упал на пол с металлическим звоном. Её лицо стало спокойным, а затем и вовсе охладело, когда она подняла взгляд на Эгвейн. Поразительно, но Месана не запаниковала. Она скрестила руки на груди, смерив её безразличным взглядом.

— Значит, ты здесь упражнялась.

Эгвейн встретила её взгляд.

— Ты ещё ребёнок, — продолжила Месана. — Считаешь, что можешь со мной справиться? Я навещаю *Тел'аран'риод* дольше, чем

ты можешь себе представить. А сколько тебе, всего двадцать лет?

— Я — Амерлин, — ответила Эгвейн.

— Амерлин детишек.

— Амерлин Башни, которая простояла тысячи лет, — возразила Эгвейн. — Тысячи лет беспокойства и хаоса. Ты же большую часть жизни прожила в довольстве и мире. Забавно, как ты можешь считать себя такой сильной, если большую часть жизни прожила так легко.

— Легко? — переспросила Месана. — Ты ничего не знаешь.

Они не сводили друг с друга глаз. Эгвейн почувствовала, как на неё, как случилось и раньше, начало

что-то давить извне. Это была воля Месаны, требовавшая ей подчиниться и умолять о пощаде. Она пыталась использовать *Тел'аран'риод*, чтобы изменить сами мысли Эгвейн.

Месана была сильным противником. Но в этом месте сила была вопросом восприятия. Воля Месаны давила, но Эгвейн справилась с *ай'дамом* — справится и с этим.

— Ты подчинишься, — тихо произнесла Месана.

— Ты заблуждаешься, — напряжённым голосом ответила Эгвейн. — Я не такая. Эгвейн ал'Вир просто дитя, но Амерлин — нет.

Может я и молода, но Престол очень древний.

Никто из них не отвёл взгляда. Эгвейн начала давить навстречу, требуя, чтобы Месана склонилась перед нею, перед Амерлин. Воздух вокруг них стал тяжёлым, и когда Эгвейн вдыхала, он каким-то образом казался гуще.

— Возраст несущественен, — продолжила Эгвейн. — И если уж на то пошло, то и опыт тоже. В этом месте важно одно — кто ты как личность. Амерлин — это Белая Башня, а она не склоняется ни перед кем. Башня презирает тебя, Месана, и твою ложь.

Две женщины. Скрещённые

взгляды. Эгвейн перестала дышать. Это ей было не нужно. Она целиком сосредоточилась на Месане. По вискам тёк пот, каждый мускул в теле был напряжён, пока она отталкивала волю Месаны.

Эгвейн знала, что эта женщина, эта тварь была мелкой букашкой, пытавшейся столкнуть огромную гору. Гора не сдвинется с места. Наоборот, ударься о гору посильнее, и...

Что-то тихо щёлкнуло в комнате.

Эгвейн жадно втянула ставший нормальным воздух. Месана рухнула, словно тряпичная кукла. Она упала с открытыми глазами, и из уголка её рта вытекла струйка слюны.

Эгвейн села на пол, потрясённая, жадно глотая воздух. Она посмотрела в сторону, куда упал раскрытый *ай'дам*. Он исчез. Потом перевела взгляд обратно на лежавшую кучей тряпья Месану. Грудь женщины по-прежнему поднималась и опускалась в такт дыханию, но её взгляд оставался безразличным.

Эгвейн ещё немного полежала, приходя в себя, потом поднялась на ноги и обняла Источник. Она сплела потоки Воздуха, подняла ими неподвижное тело Отрёкшейся и переместилась вместе с ним на верхние этажи Башни.

Оказавшиеся там женщины,

вздрагнув, повернулись к ней. Коридор был завален обломками, но все, кого Эгвейн увидела перед собой, были её сторонницами: обернувшиеся к ней Хранительницы Мудрости, Найнив, пробиравшаяся через руины, Суан с Лиане — у последней было несколько тёмных порезов на лице, но она выглядела по-прежнему сильной.

— Мать, — с облегчением произнесла Суан. — Мы уже боялись...

— Кто это? — спросила Мелэйн, подходя к безвольно висящей в потоках Воздуха и уставившейся в пол Месане. Заметив кусочек горящего гобелена,

поверженная противница внезапно что-то залопотала, словно несмышленный ребёнок.

— Это она, — устало ответила Эгвейн. — Месана.

Мелэйн обернулась к Эгвейн с широко распахнутыми от удивления глазами.

— Свет! — воскликнула Лиане. — Что ты с ней сделала?

— Мне уже приходилось видеть такое раньше, — ответила Бэйр, разглядывая тело. — В годы моей юности — у Самманы, одной Хранительницы Мудрости и Сновидицы. Она столкнулась с чем-то в Море Снов, что повредило её рассудок. — Бэйр помедлила. — Всю

оставшуюся жизнь она провела, пуская слюни и ходя под себя. Она больше никогда не разговаривала — не больше, чем ребёнок, который едва научился ходить.

— Похоже, настал час перестать думать о тебе как об ученице, Эгвейн ал'Вир, — произнесла Эмис.

Найнив застыла, уперев руки в бока, находясь под впечатлением и всё ещё цепляясь за Источник. Здесь, во сне, её коса снова была привычной длины.

— Остальные сбежали, — сказала она наконец.

— Месана приказала им отступить, — ответила Эгвейн.

— Они не могли уйти далеко, —

сказала Суан. — Этот купол всё ещё на месте.

— Да, — подтвердила Бэйр. — Но настало время прекратить этот бой. Враг разбит. Мы побеседуем вновь, Эгвейн ал'Вир.

Эгвейн кивнула.

— Согласна с обоими замечаниями. Бэйр, Эмис, Мелэйн. Спасибо вам за вашу неоценимую помощь. Вы заслужили много джи, и я в большом долгу.

Мелэйн разглядывала Отрёкшуюся, когда Эгвейн заставила себя проснуться:

— Думаю, это мы и весь мир в большом долгу перед тобой, Эгвейн ал'Вир.

Остальные кивнули, и, исчезая из *Тел'аран'риода*, Эгвейн услышала, как Бэйр пробормотала:

— Как жаль, что она не вернулась к нам.

* * *

Перрин мчался по горящему городу сквозь толпу испуганных людей. Это был Тар Валон и он горел! Под тёмно-красным небом пылали даже камни. Земля содрогалась, словно брыкающийся раненый олень под клыками впившегося ему в шею леопарда. Перед ним разверзлась земля, вверх

взвилось пламя, опаляя волосы на руках, и Перрин упал на землю.

Несколько человек свалились в страшную расселину и сгорели без следа, выжившие закричали от ужаса. Внезапно вся земля оказалась завалена трупами. Справа от него начало оплывать от жара прекрасное здание с арочными окнами, камень превращался в жидкость, между камней и из проёмов вытекала лава.

Перрин поднялся на ноги. Это не реально.

— Это Тармон Гай'дон! — вопили окружающие. — Настала Последняя Битва! Это конец! Свет, это конец!

Перрин споткнулся, и, пытаясь

устоять на ногах, вцепился в кусок камня. Руки болели и пальцы уже не сжимались, но самая страшная рана была в ноге, куда попала стрела. Штаны и кафтан пропитались кровью, и запах собственного ужаса застилал обоняние.

Он знал, что этот кошмар был ненастоящим. И всё равно, как же при виде подобного не испытывать страха? На западе извергалась Драконова Гора, выбрасывая в небо клубы едкого дыма. Казалось, будто вся гора объята пламенем, а по её склонам текут алые реки. Перрин чувствовал, как она содрогается, постепенно умирая. Здания покрывались трещинами, тряслись,

оплавлялись и рушились. Люди гибли под обвалами камней или сгорали заживо.

Нет. Он не позволит себя увлечь этим видением. Окружающая земля превратилась из битого булыжника в тщательно выложенную плитками поверхность. Он находился у входа для слуг в Белой Башне. Перрин заставил себя подняться на ноги и создал посох в качестве костыля.

Он не стал уничтожать кошмар. Ему нужно было отыскать Губителя. В этом ужасном месте у Перрина могло появиться преимущество. Губитель отлично ориентировался в *Тел'аран'риоде*, но возможно, если удача была на стороне Перрина, его

противник был достаточно искусен, чтобы в прошлом избегать кошмаров. И тогда, может быть, он будет захвачен врасплох и его затянет внутрь.

Перрин с неохотой ослабил собственное присутствие, позволяя сильнее затянуть себя в кошмар. Губитель был где-то рядом. Хромая, Перрин пересёк улицу, стараясь держаться подальше от здания, в окнах которого бурлила лава. Было очень тяжело не поддаваться раздающимся воплям ужаса и боли. Призывам о помощи.

«*Вот он*», — подумал он, дойдя до переулка. Губитель оказался там, он стоял, опираясь одной рукой о

стену и опустив голову. Рядом с ним земля заканчивалась обрывом с кипящей внизу магмой. Неподалёку, цепляясь за край пропасти, висели вопящие люди. Губитель не обращал на них внимания. В том месте, где его рука касалась стены, та начинала превращаться из белоснежного кирпича в серый камень интерьера Белой Башни.

Тер'ангриал по-прежнему висел у него на поясе. Перрину нужно было действовать быстро.

«*Эта стена плавится от жара*», — решил Перрин, сосредотачиваясь на стене, к которой прислонился Губитель. Здесь было проще менять вещи подобным

образом — словно ты играл в мир, созданный чьим-то кошмаром.

Губитель разразился проклятиями, отдёргнув руку от раскалившейся докрасна стены. Земля под его ногами задрожала, и он испуганно вытаращился. Рядом с ним разверзся ещё один провал, вызванный воображением Перрина, и Губитель резко развернулся навстречу новой опасности. В этот момент Перрин понял, что Губитель поверил, пусть лишь на долю мгновения, что этот кошмар реален. Мужчина отступил на шаг от пропасти, закрываясь рукой от жара, считая его реальным.

Губитель в мгновение ока исчез,

и тут же появился рядом с болтающимися над обрывом людьми. Кошмар сделал его частью себя, засосав в своё нутро, заставив играть роль в происходящем ужасе. Кошмар едва не увлёл и самого Перрина. Он чувствовал, что колеблется, почти принимая царивший вокруг жар. Но нет. Прыгун умирал. Он должен был справиться!

Перрин представил себя кем-то другим. Ази ал'Тоном, одним из двуреченцев. Он вообразил одежду вроде той, что он видел на улице: жилет, белую рубашку и прекрасные штаны, которые вряд ли стал бы носить кто-то в Эмондовом Лугу за работой. Этот шаг едва не оказался

выше его сил. Сердце Перрина забилося чаще, земля снова содрогнулась, и он упал. Если он позволит кошмару полностью себя захватить, то кончит как Губитель.

«Нет», — подумал Перрин, цепляясь за память о Фэйли в своём сердце. За память о своём доме. Его лицо могло измениться, мир мог сотрясаться, но дом оставался домом.

Он подбежал к краю обрыва, где бушевал жар, изображая одного из обитателей кошмара. Он завопил от ужаса, протянув руку тем, кто свалился. Хотя Перрин протянул руку кому-то другому, за неё с проклятьем схватился Губитель, вытягивая себя

наверх.

И когда он оказался рядом, Перрин выхватил *тер'ангриал*. Губитель перелез через него, выбравшись в относительно безопасный переулок. Перрин создал в другой руке нож.

— Чтоб мне сгореть, — проворчал Губитель. — Ненавижу эти штуки.

Земля вокруг них внезапно покрылась плиткой.

Перрин выпрямился, опёршись на посох и стараясь выглядеть испуганным, что было не трудно. Он начал хромать мимо Губителя, и в этот момент каменнолицый мужчина посмотрел вниз и заметил в руке

Перрина *тер'ангриал*.

Он широко раскрыл глаза. Перрин изо всех сил ударил Губителя ножом в живот. Противник закричал, отшатываясь и прижимая руки к ране в животе. Сквозь его пальцы просочилась кровь.

Губитель стиснул зубы. Кошмар вокруг него исказился. Скоро он исчезнет. Губитель выпрямился и опустил окровавленную ладонь, в его глазах светился гнев.

Перрин почувствовал слабость в ногах, даже посох не помогал. Его крепко зацепило. Земля вздрогнула. Рядом с ним в земле возникла ещё одна трещина, из неё ударил горячий пар, и потекла лава, словно...

Перрин охнул. Словно на Драконовой Горе. Он опустил взгляд на зажатый в руке *тер'ангриал*. «*Людские кошмары сильны, — шёпотом прозвучали в его голове слова Прыгуна. — Так сильны...*»

Пока Губитель приближался к нему, Перрин сжал зубы и бросил *тер'ангриал* в реку лавы.

— Нет! — вскричал Губитель. Вокруг него возвращалась реальность. Кошмар исчез. Его последние следы пропали. Перрин стоял на коленях на холодных плитках в узком коридоре.

Справа, совсем рядом с ним на земле лежал расплавленный кусок металла. Перрин улыбнулся.

Как и Губитель, *тер'ангриал* был здесь из реального мира. И, как и человека, здесь его можно было сломать или уничтожить. Фиолетовый купол над головой пропал.

Губитель зарычал, потом сделал шаг вперёд и ударил Перрина ногой в живот. Рану на груди ожгло огнём. Последовал второй удар. Закружилась голова.

«*Уходи, Юный Бык!* — передал ему Прыгун. Его голос слабел. — *Беги!*»

— Я не могу тебя бросить!

«*И всё же... это мне придётся бросить тебя.*»

— Нет!

«Ты нашёл ответ на свой вопрос. Разыщи Свободного От Оков. Он... объяснит тебе... этот ответ».

Перрин моргнул сквозь слёзы, получив очередной удар. Голос Прыгуна, такой приятный, такой знакомый, тихо растаял в его сознании. В гневе Перрин закричал.

Прыгуна не стало.

Перрин взвыл от охватившей его тоски. Его голос надломился, глаза заливали слёзы, и он усилием воли вытолкнул себя прочь из волчьего сна. Сбегая, словно последний трус.

* * *

Вздохнув, Эгвейн проснулась. Не открывая глаз, она сделала вдох. После битвы с Месаной её разум ещё не успокоился и напряжённо работал. Голова просто раскалывалась от боли. Она едва-едва не проиграла. Её план сработал, но груз случившегося продолжал давить на неё, погружая в задумчивость.

И всё равно, это была большая победа. Нужно будет обыскать Белую Башню и найти женщину, у которой после пробуждения окажется разум младенца. Она каким-то образом знала, что от этого удара Месана не оправится. Эгвейн знала это ещё до того, как заговорила Бэйр.

Эгвейн открыла глаза в приятном мраке своей комнаты, раздумывая о том, как она соберёт Совет Башни и сообщит ему, почему Шеван и Карлиния больше никогда не проснутся. Сев на кровати, она уделила мгновение на то, чтобы почтить их память. Она предупреждала их об опасности, но всё равно чувствовала, что каким-то образом их подвела. Их, и Николь, которая постоянно пыталась опередить судьбу. Её не должно было там быть. Это...

Эгвейн помедлила. *«Что это за запах? Разве она не оставляла лампу зажжённой? Должно быть, она потухла сама»*. Она обняла Источник

и вызвала шар света, повисший над ладонью. Представшая её глазам сцена потрясла её до глубины души.

Полупрозрачные занавески у её кровати были забрызганы кровью. На полу лежало пять тел. Три из них были в чёрной одежде. Четвёртым оказался какой-то незнакомый ей юноша в табарде гвардейца Башни. На последнем был изящный бело-красный кафтан и штаны.

«Гавин!»

Эгвейн выпрыгнула из кровати и опустилась на колени рядом с ним, не обращая внимания на головную боль. Он едва дышал. В боку у него зияла рана. Эгвейн направила потоки Земли, Духа и Огня, сплетая

Исцеление, но в этом деле она не была одарена талантом. Не смотря на страх, Эгвейн продолжала работать. Цвет лица приобрёл более здоровый оттенок и раны начали затягиваться, но её усилий было недостаточно.

— Помогите! — позвала она. —

Амерлин нужна помощь!

Гавин пошевелился.

— Эгвейн, — прошептал он, приоткрыв глаза.

— Тихо, Гавин. С тобой всё будет хорошо. На помощь! К Амерлин!

— Ты... оставила недостаточно света, — прошептал он.

— Что?

— Сообщение, которое я

отправил...

— Мы ничего не получали, — ответила она. — Полежи спокойно. Помогите!

— Рядом никого нет. Я кричал. Лампы... это хорошо... что ты не стала... — Он криво улыбнулся. — Я тебя люблю.

— Лежи спокойно, — повторила она. Свет! Она плакала.

— Видишь, убийцы оказались не твоей Отрёкшейся, — произнёс он, с трудом выдавливая из себя слова. — Я был прав.

Что верно, то верно. Но что же это за незнакомая чёрная форма? Шончан?

«Я должна была умереть, —

поняла она. — *Если бы Гавин не остановил этих убийц, её убили бы во сне, и она исчезла бы из Тел'аран'риода. И не смогла бы убить Месану».*

Внезапно она почувствовала себя идиоткой, отчего всё ощущение одержанной победы испарилось.

— Прости, — сказал Гавин, закрывая глаза, — за то, что тебя не послушался.

Он терял сознание.

— Всё хорошо, Гавин, — сказала она, смахивая слёзы. — Я свяжу тебя узами. Это единственный выход.

Он слегка сжал её руку.

— Нет. Если только... ты сама не хочешь...

— Дурачок, — ответила она, готовя плетение. — Ну, конечно же, я хочу, чтобы ты стал моим Стражем. И всегда хотела.

— Поклянись.

— Клянусь. Клянусь, что я хочу, чтобы ты стал моим Стражем и моим мужем. — Она положила руку на его лоб и наложила подготовленное плетение. — Я люблю тебя.

Он охнул. Внезапно она почувствовала все его эмоции и его боль, словно сама стала частью него. И в ответ, она была уверена, он ощутил всю искренность её слов.

* * *

Перрин открыл глаза и глубоко вздохнул. Он плакал. Разве люди плачут во сне? В обычном сне?

— Хвала Свету, — произнесла Фэйли. Он увидел, что она и ещё кто-то стоят на коленях рядом с ним. Масури?

Айз Седай сжала его голову руками, и Перрин почувствовал омывший его тело пронизывающе ледяной холод Исцеления. Раны в ноге и на груди затянулись.

— Мы пытались Исцелить тебя, пока ты спал, — объяснила Фэйли, положив его голову себе на колени. — Но Эдарра нас остановила.

— Этого нельзя было делать.

Всё равно ничего бы не получилось, — слышался голос Хранительницы Мудрости. Перрин слышал, что она где-то в шатре. Он несколько раз моргнул. Он лежал на своей походной койке. Снаружи было сумрачно.

— Прошло больше часа, — сказал он. — Вы уже должны были уйти.

— Ш-щ, — произнесла Фэйли, — Врата снова заработали, и уже почти всех переправили. Осталось всего несколько тысяч солдат, в основном двуреченцы и айильцы. Ты что же думал, что они или я уйдём, бросив тебя здесь?

Перрин сел, вытерев мокрый от

пота лоб. Он попытался мысленно заставить его исчезнуть, словно до сих пор находился в волчьем сне. Конечно же, у него ничего не вышло. Эддара стояла за его спиной у дальней стенки шатра. Она внимательно его изучала.

Он повернулся к Фэйли:

— Нам нужно уходить, — сказал он хрипло. — Губитель не действует один. Готовится ловушка, возможно, целая армия. И кто-то ещё с этой армией. Они могут напасть в любой момент.

— Ты можешь стоять? — спросила Фэйли.

— Да.

Он чувствовал слабость, но с

помощью Фэйли справился. Зашелестела створка шатра, и внутрь вошла Чиад с наполненным водой мехом в руках. Перрин с благодарностью принял его и отпил. Вода утолила его жажду, но жгучая боль внутри не унялась.

«Прыгун...»

Он опустил мех. В волчьем сне смерть была окончательной. Куда направится его душа?

«Мне нужно продолжать идти вперёд, — подумал Перрин. — Нужно переправить людей в безопасное место».

Он подошёл к выходу из шатра, уже гораздо лучше держась на ногах.

— Я вижу твою печаль, муж

мой, — произнесла следовавшая за ним Фэйли, накрыв своей ладонью его руку. — Что случилось?

— Я потерял друга, — тихо ответил Перрин. — Во второй раз.

— Прыгун? — от неё повеяло страхом.

— Да.

— О, Перрин. Мне жаль, — нежно произнесла она, выходя наружу. Их шатёр стоял в одиночестве посреди луга, на котором прежде был лагерь его войска. На пожелтевшей и бурой траве ещё были видны следы палаток и протоптанные до глины перекрещивающиеся тропинки. Это было похоже на план города:

выделенные под возведение зданий кварталы, проведённые линии, которым суждено было стать улицами и дорогами. Вот только в нём почти не осталось людей.

Рокочущее небо было тёмным. Чиад принесла фонарь, чтобы осветить участок травы перед ними. Неподалёку ожидало несколько отрядов солдат. Увидев его, группа Дев взметнула копья вверх и стукнула ими по щитам. Это был знак одобрения.

Поблизости находились и двуреченцы, которые начали подтягиваться, едва до них донеслась весть. Могли ли они догадываться о том, что он сделал этой ночью?

Раздались приветствия, Перрин кивнул в ответ, хотя чувствовал себя на грани. В воздухе по-прежнему пахло неправильностью. Он считал, что причиной был Шип Снов, но, очевидно, он ошибался. Запах был словно из Запустения.

По центру бывшего лагеря стояли Аша'маны. Они обернулись навстречу подошедшему Перрину и отсалютовали, прижав руки к груди. Они выглядели бодро, несмотря на то, что только что переправили почти целый лагерь.

— Давайте, парни, забирайте нас отсюда, — обратился к ним Перрин. — Я не желаю больше ни минуты оставаться в этом месте.

— Да, милорд, — ответил Грейди с нетерпением. Его лицо приобрело сосредоточенный вид, и рядом с ним открылись небольшие Переходные Врата.

— Вперёд, — приказал Перрин, махнув двуреченцам. Они быстро перешли на ту сторону. Девы с Гаулом ждали вместе с Перрином. Как и Илайас.

«Свет! — подумал Перрин, оглядывая оставшееся позади поле. — Чувствую себя мышью, за которой наблюдает ястреб».

— Полагаю, сил на свет у вас уже не осталось, — обратился Перрин к Неалду, который стоял у открытых Врат.

Аша'ман вздёрнул голову, и вокруг него возникла группка сияющих шаров. Они взметнулись в воздух и поднялись над лугом.

Но их свет ничего не показал. Лишь оставленную лагерную стоянку. Последние отряды наконец прошли сквозь Врата. Следом прошли Перрин с Фэйли, затем Гаул, Илайас и Девы. Замыкала группа направляющих.

Воздух на противоположной стороне был холодным и пах освежающей чистотой. Перрин даже не догадывался, насколько сильно его беспокоил неправильный запах. Он глубоко вдохнул. Они находились на возвышенности, на некотором

расстоянии от россыпи огней у реки, которые, скорее всего, были Беломостью.

Увидев его, армия разразилась приветствиями. Огромный лагерь был почти установлен, часовые уже несли службу. Врата открылись на широкой площадке в задней части лагеря, которую аккуратно огородили изгородью.

Они спаслись. Цена была высока, но они спаслись.

* * *

Грендаль откинулась в кресле. Кожаные подушки были набиты

пухом молодых каллиров, которые в этой эпохе обитали только в Шаре. Но ей едва ли было дело до этой роскоши.

Один из одолженных ей Моридином слуг стоял перед нею, опустившись на одно колено. Взгляд его был жгучим и только наполовину смиренным. Он был управляем, но с трудом. Он знал, что был особенным.

А ещё он, похоже, знал, что его провал падёт на её плечи. Грендаль не потела. Для этого она слишком хорошо владела собой. Внезапно ставни на окнах в просторной, выложенной красной плиткой комнате широко распахнулись. По помещению пронёсся холодный

морской ветер, задув попутно несколько светильников. От их фитилей потянулись вверх струйки дыма.

Она не потерпит поражение.

— Приготовься захлопнуть ловушку в любом случае, — приказала она.

— Но... — начал было возражать слуга.

— Выполний, и не смей препираться с Избранными, пёс! — Слуга опустил взгляд, хотя в нём ещё тлела искра неповиновения.

Неважно. У неё всё ещё оставался один инструмент. Тот, что она очень тщательно поместила. Тот, что она приготовила именно на

подобный случай.

Всё нужно было проделать очень осторожно. Айбара был *та'вереном*, и пугающе сильным. Пущенные издали стрелы промахнуться, а в спокойной обстановке он будет настороже и может сбежать.

Ей нужна была буря с ним в центре. И вот тогда на него обрушится её меч. Мы ещё не закончили, Павший Кузнец. Ещё нет.

Глава 39

В ТРЁХКРАТНОЙ ЗЕМЛЕ

Авиенда вновь чувствовала себя в своей стихии. В Трёхкратной Земле присутствовало умиротворяющее совершенство. Мокроземцы считали однообразные цвета окружающей местности скучными, но Авиенда находила их прекрасными. Простые оттенки коричневого и жёлтого. Знакомые и надёжные, в отличие от мокрых земель, где и пейзаж, и погода мгновенно менялись, стоило только отвернуться.

Авиенда бежала вперед по пыльной земле, с каждым шагом приближаясь к сгущающимся сумеркам. Впервые за многие месяцы она чувствовала, что осталась одна. В мокрых землях ей всегда казалось, будто за ней наблюдает враг, которого она не может ни увидеть, ни сразить.

Трёхкратная Земля отнюдь не была безопаснее. Тот затенённый участок под кустарником *надры* был норой ядовитой змеи. Едва кто-то заденет ветки, змея нападёт. Авиенда сама была свидетелем, как от подобных укусов умерли пять человек. Нора была только одной из множества опасностей, которые она

миновала во время своего путешествия к Руидину. Но эти опасности были понятны. Авиенда могла их заметить, оценить и избежать. Если она погибнет от укуса змеи или упадёт от теплового удара, это будет только её ошибкой.

Всегда предпочтительнее в открытую столкнуться лицом к лицу с врагом или опасностью, чем бояться того, что мокроземцы прячут за своими лживыми лицами.

Она продолжала бежать, несмотря на сумерки. Было приятно снова пропотеть. Люди в мокрых землях недостаточно потели, и, возможно, именно это и делало их столь необычными. Вместо того

чтобы позволить солнцу согревать их тела, они прятались в тени. Вместо того чтобы хорошенько очиститься в доброй палатке-парильне, они погружались в воду. Это не могло пойти на пользу здоровью.

Не стоит лгать самой себе. Авиенда отведала всю эту роскошь и *действительно* стала наслаждаться ваннами и красивыми платьями, которые ей навязывала Илэйн. Чтобы победить свои слабости, сперва следует их признать. Сейчас, когда она бежала по склонам в Трёхкратной Земле, восприятие Авиенды вернулось в норму.

Наконец она остановилась. Каков бы ни был соблазн, всё же

глупо путешествовать в темноте и спать во время дневной жары. Один неверный шаг во тьме мог стоить жизни. Авиенда быстро собрала сухие ветки *така* и немного коры *ина'ты* и устроила лагерь возле огромного камня.

Вскоре она развела огонь, и отблески оранжевого пламени заиграли на возвышавшейся над нею скале. Чуть раньше она нашла небольшую черепаху, а сейчас вскрыла панцирь, освежевала её и насадила на вертел. Пусть мясо черепахи и не было деликатесом, но вполне сойдёт.

Авиенда сидела, вслушиваясь в потрескивание огня и вдыхая запах

мяса. Да, она была рада, что не Переместилась прямо в Руидин, а вместо этого уделила время, каким бы драгоценным оно ни было, на пробежку по Трёхкратной Земле. Это помогло ей понять, кем она была и кем стала. Авиенды-Девы больше не было. Она приняла свой путь Хранительницы Мудрости и вновь обрела свою честь. У неё снова есть цель. Став Хранительницей Мудрости, она сможет помочь вести свой народ через его самые тяжёлые времена.

Как только они минуют, её народ должен вернуться в Трёхкратную Землю. Каждый день в Мокрых Землях делал айильцев

слабее — она сама была этому прекрасным примером. Она стала мягкой. И как можно было *не* стать мягким в тех местах? Их надо покинуть. И как можно скорее.

Она улыбнулась, откинувшись назад и закрыв на мгновение глаза, позволяя улетучиться дневной усталости. Её будущее казалось всё более отчётливым. Она должна была посетить Руидин, пройти через хрустальные колонны, затем вернуться и предъявить свое право на сердце Ранда. Она будет сражаться в Последней Битве. Она поможет защитить выживших Айил, затем вернёт их домой, на родину.

За пределами её лагеря

послышался какой-то звук.

Авиенда открыла глаза и подскочила, обняв Источник. Какая-то её часть была рада, что теперь она инстинктивно обращается к Единой Силе, а не к копьям, которых здесь не было. Она сплела шар света.

Во тьме неподалёку стояла женщина в айильских одеждах. Не в *кадин'сор* или наряде Хранительниц Мудрости, а в обычной одежде: тёмной юбке, светло-коричневой блузе, с шалью и с платком на седеющих волосах. Она была среднего возраста, и при ней не было видно оружия. Она стояла неподвижно.

Авиенда огляделась по

сторонам. Это какая-то ловушка? Или эта женщина — призрак? Один из ходячих мертвецов? Почему Авиенда не слышала её шагов?

— Приветствую, Хранительница Мудрости, — сказала женщина, склонив голову. — Могу ли я разделить с тобой воду? Я путешествую и заметила твой костёр.

Лицо женщины было покрыто морщинами, и она не могла направлять, Авиенда с лёгкостью это почувствовала.

— Я ещё не Хранительница Мудрости, — осторожно ответила Авиенда. — В данный момент я во второй раз держу путь в Руидин.

— Тогда скоро ты обретёшь

много чести, — сказала женщина. — Меня зовут Накоми. Я обещаю, что не причиню тебе зла, дитя.

Неожиданно, Авиенда почувствовала себя глупо. Женщина явилась без оружия. Авиенду отвлекли собственные мысли, вот почему она не услышала приближения Накоми.

— Конечно же, прошу.

— Спасибо, — ответила Накоми, выйдя на свет и положив свою сумку возле небольшого костра. Она прищелкнула языком, затем вынула из своей сумки какие-то мелкие веточки, чтобы усилить пламя. Достала чайник.

— Можно попросить немного

воды?

Авиенда вытащила бурдюк. Она едва ли могла поделиться хоть каплей, ведь она всё ещё была в нескольких днях пути от Руидина, но не ответить на такую просьбу после предложения разделить прохладу означало оскорбить.

Накоми взяла бурдюк и наполнила чайник, который затем поставила к огню, чтобы разогреть.

— Это приятная неожиданность, — сказала Накоми, роясь в своей сумке, — встретить на своем пути ту, которая направляется в Руидин. Скажи мне, долго ли тебя обучали?

— Слишком долго, — ответила

Авиенда. — Хотя, в основном, из-за моего же упрямства.

— Ах, — сказала Накоми. — Вокруг тебя аура воина, дитя. Скажи мне, ты из тех, кто ушёл на запад? Из тех, кто присоединился к провозгласившему себя *Кар'а'карном*?

— Он и *есть Кар'а'карн*, — ответила Авиенда.

— Я не сказала, что он им не является, — сказала Накоми. Она достала немного чайных листьев с травами.

Нет. Она так не сказала. Авиенда перевернула черепаху, и её желудок заурчал. Она также обязана поделиться своим ужином с Накоми.

— Можно мне спросить, — сказала Накоми. — Что ты думаешь про *Кар'а'карна*?

«Я его люблю», — немедленно подумала Авиенда. Но этого она сказать не могла.

— Я думаю, у него много чести. И хоть он не ведаёт правильных обычаев, он учится.

— Похоже, ты провела с ним некоторое время?

— Немного, — ответила Авиенда. Но, чтобы быть более честной, добавила. — Но больше других.

— Он мокроземец, — задумчиво сказала Накоми, — и *Кар'а'карн*. Скажи мне, мокрые земли

действительно так великолепны, как все говорят? Реки настолько широки, что невозможно увидеть противоположный берег, в растениях столько воды, что они лопаются, если на них надавить?

— Мокрые земли не столь великолепны, — ответила Авиенда. — Они опасны. Они делают нас слабыми.

Накоми нахмурилась.

«*Кто эта женщина?*» В том, чтобы встретить айильца, путешествующего по Пустыне не было ничего необычного, даже дети умели себя защитить. Но разве Накоми не должна путешествовать с друзьями или семьёй? На ней не

было одежды Хранительницы
Мудрости, но было в ней нечто...

Накоми помешала чай, потом
передвинула черепаху на углях так,
чтобы она прожарилась более
равномерно. Из глубины своей сумки
она вытянула несколько земляных
клубней. Мать Авиенды всегда их
готовила. Накоми положила их в
маленькую керамическую коробочку
для запекания, затем поместила её на
уголь. Авиенда и не заметила,
настолько жарким стал огонь. Откуда
взялось столько углей?

— Ты чем-то встревожена? —
спросила Накоми. — Мне, конечно,
не подобает расспрашивать ученицу
Хранительниц Мудрости, но я вижу в

твоих глазах беспокойство.

Авиенда подавила желание состроить гримасу. Она бы предпочла, чтобы её оставили в покое. Но всё же она сама *пригласила* эту женщину разделить воду и прохладу.

— Я беспокоюсь о нашем народе. Наступают опасные времена.

— Последняя Битва, — тихо ответила Накоми. — То, о чём говорят мокроземцы.

— Да. Но я беспокоюсь о чём-то большем. Мокрые земли портят наших людей. Делают их мягкими.

— Но мокрые земли часть нашей судьбы, разве нет? То что, как говорят, открыл *Кар'а'карн...*

странным образом связывает нас с мокрыми землями. При условии, что он сказал правду.

— Он бы о таком не солгал, — ответила Авиенда.

Небольшая стоя канюков вскрикнула и взлетела в тёмное ночное небо. История народа Авиенды — та часть, которую открыл Ранд ал'Тор — оставалась причиной горя многих айильцев. Авиенда скоро сама увидит эту историю в Руидине: то, как Айил нарушили свои клятвы. Народ Авиенды, когда-то следовавший Пути Листа, от него отрёкся.

— Ты поднимаешь интересные вопросы, ученица, — сказала

Накоми, наливая чай. — Мы называем нашу землю Трёхкратной из-за трёх вещей, которые она для нас сделала. Она наказала нас за грех. Она испытала нашу храбрость. Она создала наковальню, чтобы нас выковать.

— Трёхкратная Земля делает нас сильными. Поэтому, покидая её, мы становимся слабыми.

— Но если мы должны были прийти сюда, чтобы из нас выковали нечто сильное, — сказала Накоми, — разве это не значит, что испытания, с которыми нам необходимо столкнуться в мокрых землях, настолько же опасны, как и сама Трёхкратная Земля? Насколько

опасны и трудны, что мы были обязаны прийти сюда и к ним подготовиться? — Она покачала головой. — Но мне не стоит спорить с Хранительницей Мудрости, даже с ученицей. На мне *тох*.

— Не может быть *тох* за мудрые слова, — ответила Авиенда. — Скажи мне, Накоми, куда ты идешь? Из какого ты септа?

— Я далеко от своего крова, — ответила женщина, — и в то же время совсем рядом. Возможно, это *он* далеко от *меня*. Я не могу ответить на твой вопрос, ученица, поскольку не вправе раскрыть эту истину.

Авиенда нахмурилась. Что это

за ответ?

— Мне кажется, — сказала Накоми, — что нарушив древние клятвы не совершать насилия, наш народ получил большой *тох*.

— Да, — ответила Авиенда. Что делать, когда весь твой народ совершил нечто настолько ужасное? Именно понимание этого стало причиной того, что многие Айил впали в уныние. Они побросали свои копья или же отказались снимать белые одежды *гай'шайн*, предполагая, что на их народ пал настолько огромный *тох*, что его не отслужить никогда.

Но они ошибались. *Тох* Айил может быть исполнен, и он *должен*

быть исполнен. В этом и заключалась цель служения *Кар'а'карну*, представителю тех, кому изначально присягнули Айил.

— Мы исполним наш *тох*, — сказала Авиенда, — сражаясь в Последней Битве.

Тем самым Айил восстановят свою честь. Однажды исполнив *тох*, ты забываешь о нём. Помнить про исправленные ошибки слишком высокомерно. С ними будет покончено. Айил смогут вернуться и больше не чувствовать стыда за прошлое. Авиенда кивнула сама себе.

— Итак, — сказала Накоми, передавая чашку чая, — Трёхкратная Земля была нашим наказанием. Мы

пришли сюда, чтобы стать сильнее, чтобы суметь исполнить свой *тох*.

— Да, — сказала Авиенда. Это стало для неё предельно ясным.

— Значит, после сражения за *Кар'а'карна*, мы исполним наш *тох*. Следовательно, не будет оснований для дальнейшего наказания. Если это так, зачем нам возвращаться в эти земли? Разве это не будет подобно стремлению к новому наказанию после того, как *тох* исполнен?

Авиенда замерла. Да нет же, это глупо. Она не хотела спорить с Накоми по этому поводу, но Айил были частью Трёхкратной Земли.

— Народ Дракона, — сказала Накоми, прихлёбывая чай. — Вот

кем мы являемся. За всеми нашими действиями стояла одна цель — служение Дракону. Наши обычаи, наши набеги друг на друга, наше суровое обучение... весь наш *образ жизни*.

— Да, — ответила Авиенда.

— Итак, — тихо сказала Накоми, — что нам останется, как только будет побеждён Затмевающий Зрение? Возможно, именно по этой причине столь многие отказались следовать за *Кар'а'карном*. Потому что они обеспокоены тем, что это значит. Зачем следовать старым обычаям? Как мы обретём честь в набегах, убийствах друг друга, если мы больше не готовимся к такой

важной задаче? Зачем становится сильнее? Только для того, чтобы просто быть сильными?

— Я...

— Прости, — сказала Накоми. — Я опять разболталась. Боюсь, это моя слабость. Ладно, давай поедим.

Авиенда удивилась. Клубни ещё не успели приготовиться. Однако когда Накоми вынула их, пахли они чудесно. Она порезала черепаху, выудив пару оловянных тарелок из своей сумки. Она разделила мясо и клубни, затем передала блюдо Авиенде.

Та нерешительно попробовала. Еда была очень вкусной. Даже

замечательной. Лучше большинства блюд, которые она ела в сказочных мокроземельных дворцах. Она в восхищении уставилась на тарелку.

— Я прошу прощения, — сказала Накоми. — Мне нужно уединиться.

Она улыбнулась, вставая, затем растворилась в темноте.

Авиенда тихо ела, взволнованная разговором. Неужели такая великолепная пища, как эта, приготовленная на огне, и из скромных припасов, не являлась доказательством того, что роскошь мокрых земель не нужна?

Но *какова* же теперь цель Айил? Если им больше нет нужды ожидать

Кар'а'карна, что они будут делать? Хорошо, они будут сражаться. А что потом? Продолжать истреблять друг друга в набегах? Зачем?

Она доела ужин и призадумалась. Хорошенько призадумалась. Накоми не вернулась. Встревожившись, Авиенда отправилась на её поиски, но не обнаружила никаких следов женщины.

Вернувшись к огню, Авиенда увидела, что сумка и тарелка Накоми исчезли. Она подождала какое-то время, но женщина не вернулась.

В конце концов растревоженная Авиенда легла спать.

Глава 40

СОЗИДАНИЕ

Перрин в одиночестве сидел на пне, закрыв глаза и повернув лицо к тёмному небу. Лагерь был разбит, переходные Врата закрыты, а доклады приняты. Наконец-то у Перрина было время отдохнуть.

В этом-то и крылась опасность. Отдыхая, начинаешь размышлять. Размышления несли с собой воспоминания. Воспоминания несли боль.

Он чувствовал в ветре запахи мира. Запах на запахе, водовороты запахов. Запахи окружающего лагеря:

потных людей, специй на кухне, мыла в прачечной, лошадиного навоза, человеческих эмоций; запахи окружающих холмов: высохшей хвои, ила у ручья, гниющего трупа какого-то животного. Отдалённые запахи окружающего мира: пыль дороги, стебли лаванды, каким-то образом выжившей в умирающем мире.

Ни пыльцы цветов, ни волков. Их отсутствие казалось ему ужасным знаком.

Он чувствовал себя больным. Физически больным, словно его живот был наполнен грязной болотной водой, смесью гниющего мха и кусочковдохлых жуков. Ему хотелось кричать. Ему хотелось

найти Губителя и убить его, дубасить кулаками по его лицу, пока оно не будет залито кровью.

Послышались чьи-то шаги.
Фэйли.

— Перрин? Не хочешь поговорить?

Он открыл глаза. Ему бы плакать, кричать, но Перрин чувствовал ледяное спокойствие. Спокойствие и ярость. В нём эти эмоции вместе не уживались.

Рядом был расставлен его шатёр, створки входа трепетали на ветру. Неподалёку сидел, прислонившись к деревцу кожелиста, Гаул. В отдалении работал припозднившийся кузнец. Тихий звон раздавался в

ночи.

— Я потерпел неудачу, Фэйли, — прошептал Перрин.

— Ты уничтожил *тер'ангриал*, — сказала она, становясь на колени рядом с ним. — Ты спас своих людей.

— И, тем не менее, Губитель нас обставил, — горько сказал он. — В нашей стае было пятеро, но для схватки с ним этого оказалось недостаточно.

Перрин чувствовал себя так же, когда узнал, что его семья убита троллоками. Скольких Тень у него отнимет, прежде чем всё это закончится? В волчьих снах Прыгун должен был быть *в безопасности*.

«Глупый, глупый щенок».

Да и была ли там действительно расставлена ловушка для армии Перрина? Шип снов Губителя мог быть предназначен для совершенно другой цели. Просто совпадение.

«Для та'верена не бывает совпадений...»

Ему нужно было что-нибудь сделать со своим гневом и болью. Он встал, повернулся и был поражён числом всё ещё горевших в лагере огней. Неподалёку, но на достаточном расстоянии от него, чтобы он не мог определить, кому какой запах принадлежит, ожидала группа людей. Аллиандре в золотистом платье. Берелейн в

синем. Обе сидели на стульях рядом с деревянным походным столиком, на котором стоял фонарь. Около них сидел на камне Илайас, точивший свой нож. У походного костра, поглядывая на Перрина, столпилось с дюжину двуреченцев, среди них были Вил ал'Син, Джон Айеллин и Грейор Френн. Даже Арганда и Галленне оказались рядом, о чём-то тихо переговариваясь.

— Им бы следовало спать, — сказал Перрин.

— Они беспокоятся о тебе, — возразила Фэйли. От неё самой пахло беспокойством. — И они беспокоятся, не отправишь ли ты их прочь, ведь теперь переходные Врата

работают.

— Глупцы, — прошептал Перрин. — Глупцы все те, кто следует за мной. Глупцы, потому что не прячутся.

— Ты на самом деле заставишь их уйти? — зло спросила Фэйли. — Прятаться где-нибудь от страха, в то время как идёт Последняя Битва? Не ты ли говорил, что понадобится каждый человек?

Она была права. Будет нужен каждый. Он понял, что частично его раздражение было вызвано тем, что он не знал, чего именно они избежали. Он спасся, но от чего? За что погиб Прыгун? Из-за незнания вражеского плана Перрин чувствовал

себя слепцом.

Он встал с пня и отправился туда, где разговаривали Арганда и Галленне.

— Принесите мне нашу карту Джеханнахского тракта, — сказал Перрин.

Арганда позвал Хиршанина и сказал тому, где найти карту. Посланец убежал, а Перрин двинулся через лагерь на звон металла. Казалось, этот звук его манил к себе. Вокруг кружились запахи лагеря, над головой грохотало небо.

Остальные потянулись следом. Фэйли, Берелейн и Аллиандре, двуреченцы, Илайас, Гаул. Группа росла, к ней присоединялись другие.

Никто не сказал ни слова, и Перрин не обращал на них внимания, пока не дошёл до Эмина, работавшего с наковальней. Рядом с кузнецом, пылая красным огнем, стоял один из переносных горнов.

Хиршанин, как только явился, сразу же направился с картой к Перрину. Тот развернул её перед собой, а Эмин прекратил работу. От него запахло любопытством.

— Арганда, Галленне, — сказал Перрин. — Скажите мне. Если бы вы собирались устроить идеальную засаду для большой колонны, движущейся по вот этой дороге в Лугард, где бы вы её устроили?

— Здесь, — не медля ответил

Арганда, указывая на место в нескольких часах пути от того места, где они раньше стояли лагерем. — Видите? Дорога поворачивает вслед за старым высохшим руслом. Проходящая там армия будет как на ладони для атаки; её можно будет атаковать с высот здесь и здесь.

Галленне кивнул.

— Да. Здесь помечено, что тут превосходное место для стоянки, пригодное для большой армии. Вот, где поворачивает дорога, у подножия этого холма. Но если на окружающих высотах притаится враг, утром вы можете не проснуться.

Арганда кивнул.

К северу от дороги находилось

плато; старое речное русло прорезало в нём широкий, ровный путь на юго-запад. На вершине этого плато можно было разместить армию.

— Что это? — спросил Перрин, показывая на некие отметки к югу от дороги.

— Древние руины, — ответил Арганда. — Ничего важного; они слишком сильно разрушены, чтобы предоставить укрытие. Просто несколько покрытых мхом булыжников.

Перрин кивнул. Что-то начинало проясняться.

— Грейди и Неалд уже спят? — спросил он.

— Нет, — ответила Берелейн. —

Они сказали, что просто на всякий случай хотят быть наготове. Я думаю, их встревожило твоё настроение.

— Пошлите за ними, — не обращаясь ни к кому конкретно, сказал Перрин. — Один из них должен проверить армию Белоплащников. Помнится, мне кто-то говорил, что они снялись с лагеря. — Не тратя время на то, чтобы проверить, выполняют ли приказ, он подошёл к кузнице и положил руку на плечо Эмина. — Поспи немного. Мне нужно над чем-нибудь поработать. Это у тебя подковы, да?

Ошеломлённый, мужчина кивнул. Перрин взял его фартук и

перчатки, и Эмин ушёл. Перрин достал собственный молот. Молот, подаренный ему в Тире. Молот, который использовался для убийства, но так давно не использовался для созидания.

Молот мог быть и оружием, и инструментом. У Перрина был выбор, также как и у всех, кто за ним следовал. У Прыгуна был выбор. И волк сделал этот выбор, рискнув ради спасения Света большим, чем может понять любой человек, за исключением Перрина.

Он снял щипцами с угляй небольшой слиток металла и положил его на наковальню. Взмахнул молотом и начал бить.

Давненько он не бывал в кузнице. На самом деле, последний раз на его памяти, когда он делал что-то полезное, был в Тире — в тот мирный день, когда он на короткое время отложил свои обязанности и работал в той кузне.

«Ты похож на волка, муж». Это сказала ему Фэйли, имея в виду то, насколько он становился сосредоточенным. Это волчья привычка; они могли знать прошлое и будущее, при этом сосредоточившись на охоте. Мог ли он так же? Позволить себе, когда потребуется, отдаться чему-то целиком и при этом не забывать про остальное?

Работа поглощала. Ритмичные удары молота о металл. Работая сразу над несколькими подковами одновременно, Перрин сплющивал железо, периодически возвращая его обратно на угли и доставая другой слиток. У него был под рукой эталон, чтобы проверить нужные размеры. Перрин не торопясь изогнул металл о край наковальни, придавая ему нужную форму. Руки Перрина вспотели, его лицо разгорячилось от огня и работы.

Прибыли Неалд и Грейди, вместе с Хранительницами Мудрости и Масури. Не отрываясь от работы, Перрин отметил, что они отправили Сулин через переходные

врата проверить Белоплащников. Она скоро вернулась, но не торопилась с докладом, поскольку Перрин был занят работой.

Перрин поднял подкову и нахмурился. Эта работа была недостаточно сложной. Да, она успокаивала, но сегодня ему хотелось чего-то посложнее. Он чувствовал, что должен что-то создать, словно для того, чтобы уравновесить разрушение, увиденное в мире, и то, к которому он сам приложил руку. Рядом с горном были уложены несколько слитков необработанной стали лучшего качества, чем использованная им для подков. Скорее всего, они ждали, пока их

превратят в мечи для бывших беженцев.

Перрин выбрал несколько слитков и положил их на угли. Эта кузня была хуже, чем привычная ему, хотя здесь были и мехи, и три бочки для закаливания, но ветер выстуживал металл, а угли не были столь горячи, как ему бы хотелось. Перрин смотрел на это с недовольством.

— Я могу помочь, лорд Перрин, — сказал стоявший рядом Неалд. — Нагревать металл, если вам угодно.

Перрин смерил его взглядом, затем кивнул. Он вытащил щипцами слиток стали.

— Я хочу, чтобы он был прекрасного жёлто-красного цвета. Но не настолько горячим, чтобы стать белым, имей это в виду.

Неалд кивнул. Перрин расположил заготовку на наковальне, поднял молот и снова принялся бить. Неалд, сосредоточившись, стоял в стороне.

Перрин забылся в работе. Все исчезло, кроме куска раскалённого железа. Ритмичный стук молота о металл, словно биение его сердца. Раскалённый металл, тёплый и опасный. Сосредоточившись на нём, Перрин обрёл понимание. Мир рушился, и с каждым днём всё сильнее. Миру нужна была помощь,

немедленно. Разбитое вдребезги нельзя собрать обратно.

— Неалд, — раздался голос Грейди. Встревоженный, но далёкий для Перрина. — Неалд, что ты делаешь?

— Я не знаю, — ответил Неалд. — Это кажется правильным.

Перрин продолжил бить, сильнее и сильнее. Он сгибал металл, сплющивая части между собой. Было замечательно то, как Аша'ман точь-в-точь поддерживал правильную температуру. Это освобождало Перрина от зависимости ловить пару мгновений идеальной температуры между нагревами металла.

Металл, казалось, стал текучим, словно Перрин придавал ему форму силой воли. Что же он создавал? Он вытащил из огня другие две заготовки, затем стал поочередно переключаться между ними. Первую — и наибольшую из трёх — Перрин складывал, придавая ей форму, используя операцию, известную как осадка, увеличивая поперечное сечение болванки. Постепенно Перрин превратил её в большой шар, затем добавил ещё стали, пока заготовка не стала размером почти что с человеческую голову. Вторую болванку Перрин протягивал, делая её тоньше и длиннее, затем превратил её в узкий жезл.

Последнюю — наименьшую заготовку — он расплющил.

Он вдыхал и выдыхал, его легкие работали как кузнечные мехи. Его пот был словно вода для закаливания. Его руки были будто наковальня. Перрин *сам* был кузницей.

— Хранительницы Мудрости, мне нужен круг, — выпалил Неалд. — *Сейчас же*. Не спорьте! Он мне нужен!

От ударов Перрина начали взлетать искры. С каждым ударом дождь искр становился сильнее. Перрин чувствовал, будто из него что-то *вытекает*, будто с каждым ударом он добавлял металлу свои

собственные силы и чувства. А также надежды и тревоги. Они перетекали из него в эти три незавершённые заготовки.

Мир *на самом деле* умирал. Перрин не мог его спасти. Это была работа для Ранда. Перрин хотел всего лишь вернуться к своей простой жизни, разве нет?

Нет. Нет, он хотел быть с Фэйли, хотел разнообразия. Ему хотелось жить. Он не мог прятаться, как не могли последовавшие за ним люди.

Перрин не хотел быть их сюзереном. Но он был им. Что бы он почувствовал, если кто-то другой принял командование, а затем привёл их к гибели?

Удар за ударом. Брызги искр. Слишком много, как будто он стучал по ведру расплавленной жидкости. Искры поднимались в воздух, разлетаясь от его молота на десятки шагов вокруг, взлетая до верхушек деревьев. Все наблюдатели, кроме Аша'манов и Хранительниц Мудрости, столпившихся вокруг Неалда, отступили.

«Я не хочу возглавлять их, — думал Перрин. — Но если не я, то кто? Если я брошу их, и они падут, то виноват в этом буду я».

Теперь Перрин понял, что именно он создавал, что пытался создать всё это время. Он придал самой большой заготовке форму

бруска. Длинная поковка превратилась в прут толщиной в три пальца. Плоская заготовка превратилась в крепёж, металлическую ленту, охватывающую боёк и присоединяющую его к рукояти.

Молот. Он создавал молот. А это были его составные части.

Теперь ему было ясно.

Он осознал свою задачу. Удар за ударом. Эти удары были оглушительными. Казалось, от каждого удара сотрясалась земля вокруг, а палатки дрожали. Перрин торжествовал. Он знал, что создавал. *Наконец-то* он знал, что создавал.

Перрин не просился быть

лидером, но освобождало ли это его от ответственности? Люди нуждались в нём. Мир нуждался в нём. И, остывающее, словно раскалённая, принимающая форму лава, к нему пришло понимание того, что он *хочет* быть лидером.

Если кто-то должен быть лордом этих людей, он хотел стать им сам. Потому что единственный способ сделать это правильно — сделать самому.

Воспользовавшись зубилом и пробойником, Перрин проделал отверстие в середине молота, затем схватил рукоять и, подняв её высоко над головой, с силой вогнал на место. Он взял крепёж и, положив на

него молот, подогнал его по месту. Всего лишь мгновения назад процесс подпитывался его гневом. Но теперь казалось, что он вытягивал из Перрина его непоколебимость и решимость.

Металл — нечто живое. Это знал каждый кузнец. Стоит нагреть его, начать с ним работать, как он оживает. Перрин взял свой молот и зубило, и принялся выбивать узоры и бороздки. От него разлетались волны искр, звон его молота был громким как никогда, словно перезвон колоколов. Перрин высек рисунок на небольшой стальной заготовке, затем наложил её на боёк молота.

С ревом он в последний раз

поднял над головой свой старый молот и опустил на новый, отпечатывая на его поверхности орнамент. Волка, взлетевшего в прыжке.

Перрин опустил инструменты. На наковальне, всё ещё горя внутренним жаром, лежал великолепный молот. Произведение, выходявшее за пределы того, что Перрин когда-либо создавал или думал, что способен создать. У молота был широкий, крепкий боёк, как у кувалды, но с поперечным сплюснутым задком. Как у кузнечного молотка. Молот был четыре фута от конца до макушки, может немного длиннее —

гигантский размер для подобного инструмента.

Рукоять была полностью металлической, он никогда не встречал ничего подобного у молотов. Перрин поднял его; он мог поднять его одной рукой, но еле-еле. Молот был тяжёлым. Основательным.

Украшением его служила крестообразная насечка на одной стороне в виде прыгающего волка. Он был похож на Прыгуна. Перрин дотронулся до него мозолистым большим пальцем, успокаивая металл. Он всё ещё был тёплым на ощупь, но уже не обжигал.

Повернувшись, Перрин был

поражён размером собравшейся и наблюдавшей за ним толпы. В первых рядах стояли двуреченцы: Джори Конгар, Ази ал'Тон, Вил ал'Син и сотни других. Гэалданцы, кайриэнцы, андорцы, майенцы. Все молча наблюдали. Земля вокруг Перрина почернела от падающих искр; потёки серебристого металла раскинулись от него, как солнечные лучи.

Неалд, тяжело дыша, с залитым потом лицом, упал на колени. Грейди и бывшие в круге женщины присели, выглядя измождёнными. В работе приняли участие все шестеро Хранительниц. Что же они сделали?

Перрин чувствовал истощение,

как будто все его силы и чувства были заключены в металл. Но не время отдыхать.

— Вил. Несколько недель назад я отдал тебе приказ. Сжечь знамёна с волчьей головой. Подчинился ли ты? Все ли ты сжёг?

Встретив его взгляд, Вил ал'Син пристыжено опустил голову.

— Лорд Перрин, я пытался. Но... Свет, я не смог этого сделать. Одно я сохранил. То самое, которое помогал сшить.

— Принеси его, Вил, — сказал Перрин. Сам его голос звучал как сталь.

Вил убежал, пахло от него страхом. Вскоре он вернулся,

принеся с собой свёрнутую ткань, белую с красным обрамлением. Перрин взял её дрогнувшей рукой, в другой держа молот, затем посмотрел на толпу. Там была Фэйли, сцепившая перед собой руки. От неё пахло надеждой. Она видела его насквозь. Она поняла.

— Я пытался отослать вас прочь, — объявил толпе Перрин. — Но вы не ушли. У меня бывают неудачи. Вы должны об этом знать. Если мы выступим на войну, я не смогу защитить всех. Я буду совершать ошибки.

Он оглядел толпу, встречаясь взглядом со стоявшими людьми. Каждый, на кого он смотрел, будь то

мужчина или женщина, молча кивал. Никаких сожалений, никаких сомнений. Они соглашались.

Перрин сделал глубокий вдох.

— Если вы этого хотите, я *приму* ваши клятвы. Я *возглавлю* вас.

Его накрыло волной одобрения. Раздался чудовищный возбуждённый рёв.

— Златоокий! Златоокий волк! На Последнюю Битву! Тай'шар Манетерен!

— Вил! — проревел Перрин, показывая знамя. — Подними это знамя повыше. И не опускай до тех пор, пока Последняя Битва не будет выиграна. Я выступаю под знаком волка. Остальные, поднимайте

лагерь. Пусть каждый солдат будет готов к сражению. Этой ночью у нас есть ещё одно дело!

Юноша взял знамя и развернул его, Джори и Ази присоединились к нему и поддерживали полотнище, чтобы оно не коснулось земли. Держа его повыше, они убежали за шестом. Толпа расходилась, люди сновали туда-сюда, выкрикивая приказы.

Фэйли подошла и Перрин взял её за руку. От неё пахло удовлетворением.

— На этом всё, да?

— Больше никаких жалоб, — пообещал он. — Мне это не нравится. Но убивать мне тоже не

нравится. Я сделаю то, что должно.

Он опустил взгляд на наковальню, почерневшую от работы. Поперёк неё лежал его старый молот, потёртый и помятый. Оставляя его, Перрин чувствовал печаль, но он сделал свой выбор.

— Что ты делал, Неалд? — спросил он, когда всё ещё бледный Аша'ман неуверенно поднялся на ноги. Перрин поднял свой новый молот, демонстрируя великолепную работу.

— Я не знаю, милорд, — ответил Неалд. — Просто... ну, это было, как я сказал. Это казалось правильным. Мне было ясно, что делать, как наложить плетения на

сам металл. Казалось, он сам
втягивал их внутрь, будто океан,
пьющий речную воду.

Он покраснел, словно считал
сказанное глупой фигурой речи.

— Звучит неплохо, — сказал
Перрин. — Молоту нужно имя.
Многое ли тебе известно из Древнего
Наречия?

— Нет, милорд.

Перрин посмотрел на
отпечатанного сбоку волка.

— Кто-нибудь знает, как
произносится «Тот, кто парит»?

— Я... я не знаю...

— *Мах'аллейнир*, — подсказала
Берелейн, выходя вперёд.

— *Мах'аллейнир*, — повторил

Перрин. — Кажется, подходит. Сулин, что там у Белоплащников?

— Они разбили лагерь, Перрин Айбара, — ответила Дева.

— Покажи мне, — сказал он, указывая на карту Арганды.

Она отметила пальцем место: участок на склоне холма. К северу от него располагались высоты, с северо-востока тянулась дорога, огибая высоты с юга вдоль древнего речного русла, а затем сворачивающая к югу, натываясь на место для стоянки у холма. Оттуда дорога направлялась к Лугарду, но место было защищено от ветра с двух сторон. Это было идеальное место для лагеря, но вместе с тем и прекрасное место для

засады. То самое, на которое указали Арганда с Галленне.

Перрин разглядывал проход и место для лагеря, размышляя над тем, что случилось за последние несколько недель. «Нам повстречались путники... Говорят, что из-за распутицы дороги на север стали практически непроходимы для фургонов и повозок...»

Стадо овец, бегущее перед стаей волков прямо в пасть зверя. Фэйли и остальные, идущие к обрыву. Свет!

— Грейди, Неалд, — сказал Перрин. — Мне понадобятся ещё одни Врата. Сможете устроить?

— Я думаю да, — ответил Неалд. — Просто дайте нам пару

минут, чтобы перевести дыхание.

— Очень хорошо. Расположите их здесь. — Перрин указал на высоты над лагерем Белоплащников. — Гаул! — Как обычно, айилец ожидал неподалёку. Он подошёл размашистым шагом. — Мне нужно, чтобы ты договорился с Даннилом, Аргандой и Галленне. Я хочу, чтобы вся наша армия прошла через ворота как можно быстрее, но *тихо*. Движемся скрытно, насколько это может себе позволить армия подобного размера.

Гаул кивнул, убегая. Галленне всё ещё был неподалеку; Гаул начал с него.

Фэйли наблюдала за Перрином,

от неё пахло любопытством и легкой тревогой.

— Что ты задумал, муж?

— Пришло моё время быть лидером, — сказал Перрин. Он в последний раз посмотрел на свой старый молот и погладил рукой его рукоять. Затем вскинул *Мах'аллейнир* на плечо и ушёл прочь, под его ногами захрустели потёки остывшей стали.

Оставленный инструмент был молотом простого кузнеца. Этот человек всегда будет частью Перрина, но он больше не мог себе позволить, чтобы эта часть продолжала вести его за собой.

Отныне он будет владеть

молотом короля.

* * *

Как только Перрин ушёл, отдавая дальнейшие приказы по подготовке армии, Фэйли пробежалась пальцами по наковальне.

Осознавал ли он, как выглядел, стоя посреди дождя искр, когда каждый удар его молота заставлял лежащую перед ним сталь пульсировать и вспыхивать словно живую? Его золотые глаза полыхали так же ярко; звон молота почти оглушал.

— Прошло много веков с тех пор, как этот мир видел создание оружия с помощью Единой Силы, — проговорила Берелейн. Люди ушли, чтобы выполнить приказы Перрина, и они остались вдвоём, только Галленне стоял неподалёку и изучал карту, потирая подбородок.

— Этот юноша только что продемонстрировал великий талант. Ему найдётся применение. У армии Перрина будут клинки, созданные при помощи Единой Силы. Это даст ей преимущество.

— Процесс выглядел довольно изматывающим, — сказала Фэйли. — Даже если Неалд сможет повторить сделанное, сомневаюсь,

что у нас будет время создать много оружия.

— Даже небольшое преимущество принесёт пользу, — сказала Берелейн. — И эта армия, выкованная твоим мужем, будет чем-то невероятным. Работа *та'верена*. Он собирает людей, и они учатся с поразительной скоростью и мастерством.

— Может быть, — сказала Фэйли, медленно обходя наковальню и не спуская глаз с Берелейн, не спеша шедшую напротив неё. Что за игру вела Берелейн?

— Тогда мы должны поговорить с ним, — сказала Берелейн. — Убедить его отказаться от этого

плана.

— Какого плана? — спросила Фэйли, искренне сбита с толку.

Берелейн остановилась, её глаза светились каким-то непонятным светом. Она выглядела напряжённой. *«Она встревожена, — подумала Фэйли. — Чем-то очень сильно встревожена».*

— Лорд Перрин *не* должен нападать на Белоплащников, — сказала Берелейн. — Прошу, ты должна помочь мне переубедить его.

— Он не собирается на них нападать, — сказала Фэйли. В этом она была уверена.

— Он выбрал место для идеальной засады, — сказала

Берелейн. — Аша'маны используют Единую Силу, двуреченские лучники будут стрелять с высот прямо по лагерю Белоплащников. После этого кавалерия спустится вниз и сметёт остатки. — Она помедлила, выглядя при этом огорчённой. — Всё идеально продумано. Он сказал, что если они с Дамодредом оба переживут Последнюю Битву, то он примет наказание. Но Перрин собирается сделать так, что Белоплащники не доберутся до Последней Битвы. Таким образом, он сможет сдержать клятву, и при этом ему не придётся сдаваться.

Фэйли покачала головой.

— Он никогда так не поступит,

Берелейн.

— Ты в этом уверена? — спросила Берелейн. — Абсолютно уверена?

Фэйли помедлила. В последнее время Перрин изменился. Большая часть изменений была в лучшую сторону, как, например, решение наконец-то принять роль лидера. И в засаде, о которой говорила Берелейн, *будет* некий безукоризненный, жестокий смысл.

Но также это будет неправильно. Очень-очень неправильно. Перрин бы так не поступил, не важно, как сильно он изменился. В этом Фэйли могла быть уверенной.

— Да, — сказала она. — Дать

обещание Галаду, а затем перебить Белоплащников подобным способом — это идёт вразрез с сущностью Перрина. У него и в мыслях нет ничего такого. Подобного не случится.

— Надеюсь, ты права, — сказала Берелейн. — Я надеялась, что с их командующим удастся достичь какого-либо соглашения перед нашим отбытием...

Белоплащик. Свет! Она что, не могла подобрать себе кого-то из дворян в лагере? И того, кто *не был* женат?

— Ты не очень-то разборчива в выборе мужчин, верно, Берелейн? — Слова сами соскользнули с ее языка.

С распахнутыми от удивления или гнева глазами Берелейн повернулась к Фэйли.

— А что насчёт Перрина?

— Ужасная партия для тебя, — фыркнув, ответила Фэйли. — Ты доказала это только что рассуждениями о том, на что, по-твоему, он способен.

— Не важно, насколько он хорошая партия. Он был обещан мне.

— Кем?

— Лордом Драконом, — ответила Берелейн.

— *Что?*

— В Тирской Твердыне я пришла к Дракону Возрождённому, — сказала она. —

Но он не согласился на меня — мои заигрывания его даже разозлили. Я поняла, что он, Дракон Возрождённый, намеревался жениться на более важной даме, быть может, на Илэйн Траканд. В этом есть смысл — он не может захватить все королевства силой; некоторые он должен получить путём союзов. Андор — очень могущественное королевство, правит им женщина, и с ним выгоднее заключить брачный союз.

— Перрин говорит, что Ранд рассуждает иначе, Берелейн, — сказала Фэйли. — Не столь расчётливо. Я тоже склоняюсь к этому мнению, судя по тому, что мне

о нём известно.

— И то же самое ты говоришь о Перрине. Ты пытаешься заставить меня поверить, что они все такие простаки. Без мозгов в голове.

— Этого я не говорила.

— И, тем не менее, ты упорно настаиваешь на своём. Это утомительно. Так вот, я поняла, на что намекал лорд Дракон, потому перевела внимание на одного из его близких спутников. Возможно, он не «обещал» их мне. Я неверно выразилась. Но я знала, что он был бы доволен, если бы я заключила брачный союз с кем-то из его ближайших союзников или друзей. Более того, я подозреваю, что он

хотел, чтобы я именно так и поступила — в конце концов, лорд Дракон *на самом деле* отправил нас с Перрином на это задание вместе. Однако он не мог выразить своё желание открыто, чтобы не обидеть Перрина.

Фэйли помедлила. С одной стороны, сказанное Берелейн было несусветной глупостью... но с другой, Фэйли понимала, как мыслила эта женщина. Или, возможно, выдавала желаемое за действительное. Для неё не было ничего аморального в том, чтобы разрушить чей-то брак. Это политика. И, по логике, Ранд, наверное, *должен* был хотеть

привязать к себе государства через брачные узы с теми, кто был к нему особенно близок.

Но это не меняло факта того, что ни он, ни Перрин не решали подобным образом сердечные дела.

— Я отказалась от Перрина, — сказала Берелейн. — И сдержу обещание. Но я оказалась в непростой ситуации. Я давно пришла к мысли, что единственная надежда Майена на сохранение независимости в будущем — связать его с Драконом Возрождённым.

— Брак — это не только политические выгоды, — возразила Фэйли.

— И, тем не менее, эти выгоды

столь очевидны, что их нельзя не замечать.

— А этот Белоплащик? — спросила Фэйли.

— Он сводный брат королевы Андора, — слегка покраснев, ответила Берелейн. — Если лорд Дракон действительно намеревается жениться на Илэйн Траканд, это свяжет нас с ним.

Дело было не только в этом; Фэйли видела это в поведении Берелейн, в её облике, когда она рассуждала о Галаде Дамодреде. Но если Берелейн хотелось логически обосновать это политическими мотивами, у Фэйли не было причин её разубеждать, пока это помогало

отвлечь её от Перрина.

— Я сделала, как ты просила, — сказала Берелейн. — И вот теперь я прошу твоей помощи. Если окажется, что он *действительно* собирается атаковать их, пожалуйста, помоги мне переубедить его. Быть может, вместе нам это удастся.

— Хорошо, — пообещала Фэйли.

* * *

Перрин ехал во главе армии, которая впервые казалась единой. Флаг Майена, флаг Гэалдана, знамёна знатных беженцев. Было

даже несколько изготовленных парнями знамён областей Двуречья. И над всем этим развевалась волчья голова.

Лорд Перрин. Он никогда к этому не привыкнет, но, быть может, это и к лучшему.

Перрин направил Ходока рысью чуть в сторону от открытых Врат, пропуская проходящие мимо войска. Пока они освещали себе путь факелами. Хорошо бы позже направляющие смогли осветить поле боя.

К Ходоку подошёл мужчина, и Перрин почувствовал запахи звериных шкур, земли и кроличьей крови. Илайас уходил охотиться, пока

Перрин ждал сбора армии. Надо быть действительно великолепным охотником, чтобы ловить кроликов ночью. Илайас говорил, что это отличная практика.

— Однажды ты кое-что мне сказал, — проговорил Перрин. — Ты сказал, что если когда-нибудь топор начнет мне нравиться, я должен буду выкинуть его.

— Да, было дело.

— Я думаю, то же относится и к лидерству. Нужно наделять титулами тех, кто к ним не проявляет стремления. Мне кажется, что, пока я об этом помню, у меня может всё получиться.

Илайас тихо засмеялся.

— То знамя наверху — хорошо смотрится.

— Оно мне подходит. Всегда подходило. Вот только я не всегда подходил ему.

— Глубокие мысли — для кузнеца.

— Может и так. — Перрин вытащил из кармана головоломку, ту самую, найденную им в Малдене. Ему до сих пор не удалось её разобрать. — Тебе когда-нибудь приходила в голову мысль, насколько это странно, что кузнецы кажутся такими простыми людьми, при этом именно они делают все эти проклятые головоломки, в которых так сложно разобраться?

— Никогда не думал об этом. Так ты, наконец-то, один из нас?

— Нет, — ответил Перрин, откладывая головоломку. — Я тот, кто я есть. Наконец-то.

Он точно не знал, что в нём изменилось. Но, может быть, проблема-то и была в том, что он слишком уж старался во всём этом разобраться.

Он знал, что обрёл равновесие. Он никогда не станет таким как Ноам, проигравший волку внутри себя. И этого было достаточно.

Перрин и Илайас некоторое время просто стояли, наблюдая за проходящей мимо армией. С помощью этих увеличенных Врат

Перемещаться было намного проще; все готовые к сражению мужчины и женщины пройдут меньше, чем за час. Люди салютовали Перрину, от них пахло гордостью. Его связь с волками не пугала их; на самом деле, теперь, когда им стали известны подробности, они выглядели гораздо спокойнее. Раньше были только слухи. Вопросы. Теперь же они начали свыкаться с правдой. И гордиться ею. Их лорд не был обычным человеком. Он был чем-то особенным.

— Я должен уйти, Перрин — сказал Илайас. — Если получится, этой ночью.

— Я знаю. Началась Последняя

Охота. Ступай с ними, Илайас.
Встретимся на севере.

Стареющий Страж положил
руку Перину на плечо.

— Если мы не увидимся там,
быть может, мы встретимся во сне,
друг мой.

— Это и есть сон, — улыбаясь,
сказал Перрин. — И мы *обязательно*
снова встретимся. Я найду тебя, если
ты будешь с волками. Удачной охоты,
Длинный Клык.

— Удачной охоты, Юный Бык.

С еле уловимым шорохом
Илайас исчез во тьме.

Перрин протянул руку к тёплому
молоту у него на боку. Он думал, что
ответственность ляжет на него ещё

одним грузом. Однако теперь, когда он принял её, стало легче.

Перрин Айбара был всего лишь человеком, но Перрин Златоокий был символом, созданным следующими за ним людьми. У Перрина не было выбора; всё, что он мог — это стараться получше ими руководить. Если он не справится, символ не исчезнет, но люди утратят в него веру. Как потерял её бедняга Айрам.

«Прости меня, друг мой, — подумал он. — Тебя я подвёл больше всех».

Не было смысла оглядываться в прошлое. Он просто должен идти дальше и стараться лучше.

— Я Перрин Златоокий, —

сказал он, — человек, способный говорить с волками. И я думаю, что этим человеком быть неплохо.

Он направил Ходока через путевые Врата. К несчастью, Перрину Златоокому нужно было кое-кого убить этой ночью.

* * *

Галад проснулся немедленно, услышав шелест полога шатра. Он отбросил прочь остатки глупого сна, в котором он ужинал с темноволосой красавицей с совершенными губами и зовущими глазами, и потянулся к мечу.

— Галад! — прошептал чей-то голос. Это был Тром.

— Что стряслось? — спросил Галад, не убирая руку с меча.

— Ты был прав, — ответил Тром.

— Насчёт чего?

— Армия Айбары вернулась. Галад, они засели на высотах прямо над нами! Мы засекли их совершенно случайно; наши люди, как ты и приказал, следили за дорогой.

Галад выругался, сел и потянулся к одежде.

— Как же им удалось незамеченными туда забраться?

— Это всё тёмные силы, Галад. Байар был прав. Ты же видел, как

быстро опустел их лагерь.

Разведка вернулась час назад. Она обнаружила лагерь Айбары зловеще пустым, словно там никого и не было, кроме призраков. И никто не видел, чтобы они уходили по дороге.

А теперь это. Галад быстро оделся.

— Буди людей. И постарайтесь сделать это как можно тише. С твоей стороны было разумно не зажигать свет, это могло насторожить врага. Пусть люди наденут доспехи внутри своих шатров.

— Да, милорд Капитан-Командор, — ответил Тром. Он с шорохом удалился.

Галад поспешил одеться. *«Что я наделал?»* Он был уверен в каждом своём шаге, и вот куда это его завело. Айбара приготовился к атаке, а люди Галада спят. С самого момента возвращения Моргейз Галад чувствовал, как рушится его мир. Пропала существовавшая в прошлом ясность. Теперь лежащий впереди путь, казалось, был скрыт за туманом.

«Нам следует сдаться, — пронеслась мысль, пока он закреплял плащ поверх кольчуги. — Нет. Дети Света никогда не сдадутся Приспешникам Тени. Как я только мог о подобном помыслить?»

Они умрут сражаясь. Но что это

даст? Конец Детей Света? Их гибель накануне Последней Битвы?

Полог его шатра вновь зашуршал, и он выхватил меч, готовясь нанести удар.

— Галад, — услышал он голос Байара. — Ты нас погубил. — В его голосе не осталось ни капли уважения.

Подобное заявление сильно уязвило Галада.

— Идущий в Свете не отвечает за действия тех, кто следует Тени. — Это было изречение Лотэйра Мантилара. — Я действовал в соответствии с честью.

— Вместо этого глупого «суда» следовало просто на них напасть.

— Нас бы просто растерзали. У него есть Айз Седай, айильцы, способные направлять мужчины, гораздо больше солдат, чем имеется у нас, и силы, которых мы не понимаем.

— Нас хранит Свет!

— И если это верно, то он сохранит нас и сейчас, — с укрепившейся уверенностью ответил Галад.

— Нет, — злобно прошипел Байар. — Мы сами себя довели до этого. Если мы погибнем, то поделом нам. — Он с шорохом исчез из шатра.

Галад мгновение постоял, а потом опёрся о меч. Обвинения и сожаления могут подождать. Сейчас

ему нужно отыскать верный выход, ведущий к выживанию. Если он только существует.

«Нужно предпринять контрмеры и встретить атаку собственной засадой, скрыв до времени людей в шатрах, а потом внезапно навалиться на солдат Айбары и...»

Нет. Айбара непременно начнёт атаку смертоносным ливнем стрел, направленным на шатры. Так будут лучше использованы преимущества — высоты и длинных луков.

Лучший выход: собрать всех полностью экипированных людей и по сигналу всем вместе покинуть шатры и броситься к коновязям.

Вооруженных пиками амадийцев построить у подножия высоты. Айбара может рискнуть и бросить вниз по склону кавалерию, но пики умерят его пыл.

Но лучники по-прежнему остаются большой проблемой. Щиты помогут, но немного. Галад сделал глубокий вдох и вышел наружу в ночь, чтобы отдать приказы.

* * *

— Я хочу, чтобы, как только начнется битва, вы втроем отошли в безопасное место, — говорил Перрин. — Я не буду пытаться

отослать вас обратно в Андор; знаю, вы не уйдёте. Но вы не должны участвовать в сражении. Оставайтесь позади боевых порядков, вместе с арьергардом.

Фэйли бросила на него взгляд. Он сидел на своём коне, глядя прямо перед собой. Они находились на высотах. Из расположенных позади Врат появлялся арьергард их армии. Джори Конгар держал для Перрина прикрытый щитком фонарь, освещавший окружавшее пространство очень тусклым светом.

— Конечно, милорд, — ровно ответила Берелейн.

— Тогда поклянитесь мне в этом, — сказал Перрин, всё ещё

глядя вперед. — Ты, Берелейн, и Аллиандре. Фэйли, тебя я просто прошу и буду надеяться.

— Я клянусь, милорд, — сказала Аллиандре.

Голос Перрина был полон решимости, и это беспокоило Фэйли. Может Берелейн права? Может он собрался напасть на Белоплащников? Они были непредсказуемым элементом, несмотря на все их заверения о желании сражаться в Последней Битве. Они могли принести больше вреда, чем пользы. Кроме того, Аллиандре была вассалом Перрина, а Белоплащники находились в её королевстве. Кто знает, какой урон они нанесут, пока

не уберутся? А ещё, в будущем Перрина ждал меч галадовского правосудия.

— Милорд, — раздался обеспокоенный голос Берелейн. — Прошу вас, не делайте этого.

— Я делаю то, что должен, — сказал Перрин, разглядывая дорогу, ведущую в Джеханнах. Белоплащники были с противоположной стороны, прямо к югу от позиции Перрина.

— Перрин, — начала Фэйли, бросив взгляд на Берелейн. — Что ты...

Неожиданно из теней появился человек, бесшумно, несмотря на сухой подлесок.

— Перрин Айбара, — сказал Гаул. — Белоплащники знают, что мы здесь.

— Ты уверен? — спросил Перрин. Он не выглядел обеспокоенным.

— Они пытаются скрыть это от нас, — сказал Гаул, — но я всё равно вижу. Девы согласны. Белоплащники готовятся к битве, конюхи высвобождают стреноженных лошадей, караульные движутся от палатки к палатке.

Перрин кивнул. Ткнув Ходока каблуками, он направил его вперёд, через кустарник, к обрыву. Фэйли двинула Зарю прямо за ним, Берелейн держалась к ней поближе.

Местность круто спускалась к древнему руслу реки, по которому внизу проходила дорога. Эта дорога тянулась от Джеханнаха, проходя мимо подножья высот, и потом сворачивала по направлению к Лугарду. Прямо в месте изгиба располагалась ложбина, закрытая холмом, где Белоплащники расставили кругами свои палатки.

Облачная завеса была тонкой, пропуская бледный лунный свет, одевший землю в серебристо-белые одежды. Накатывал низкий туман, густой и плотный, оставаясь в основном в пределах русла реки. Перрин внимательно осматривал окрестности; ему открывался

хороший вид на дорогу в обоих направлениях. Неожиданно снизу раздались крики, из палаток Белоплащников выскакивали люди и мчались в сторону коновязей. Вспыхнули факелы.

— Лучники, вперёд! — крикнул Перрин.

Двуреченцы вскарабкались к краю своих позиций.

— Пехота, за лучниками стройся! — проорал Перрин. — Арганда, на левый фланг. Галленне, на правый! Я крикну, когда мне нужно будет, чтобы вы подчистили за нами. — Он повернулся к пехотинцам — по большей части вчерашним беженцам. — Сохраняйте

плотный строй, мальчики. Держите щиты повыше, а руки с копьями согнутыми. Лучники, стрелы к бою!

Фэйли почувствовала, что вспотела. Это было неправильно. Конечно же, Перрин не собирался...

Он по-прежнему не смотрел на лагерь Белоплащников внизу. Он уставился на речное русло, находившееся с другой стороны, на расстоянии, может, ста ярдов или около того от высот, обрывающихся крутым, образованным древней рекой, склоном. Перрин выглядел так, будто видел нечто недоступное взгляду других. И, с учётом этих его золотых глаз, может, так оно и было.

— Милорд, — с отчаянием в

голосе произнесла Берелейн, направляя лошадь поближе к Перрину. — Если вам необходимо атаковать, не могли бы вы пощадить предводителя Белоплащников? Он может оказаться полезным по политическим соображениям.

— О чём ты толкуешь? — сказал Перрин. — Я *здесь* именно для того, чтобы Дамодред остался жив.

— Вы... что? — спросила Берелейн.

— Милорд! — вдруг воскликнул Грейди, подъезжая ближе к ним. — Я чувствую, как кто-то *направляет*!

— Это ещё что? Вон там! — выкрикнул Джори Конгар, показывая пальцем. — Что-то в тумане! Это...

Фэйли прищурилась. Там, как раз под их армией, где когда-то было русло реки, будто бы из земли стали подниматься фигуры. Бесформенные создания со звериными головами и телами, в полтора раза выше Перрина, с чудовищным оружием в руках. Среди них двигались изворотливые, безглазые фигуры в чёрном.

Когда они пошли вперёд, вокруг них заструился туман, обрывки которого тянулись за ними следом. Создания продолжали появляться. Десятками. Сотнями. Тысячами.

Целая армия троллоков и Мурддраалов.

— Грейди, Неалд! — крикнул

Перрин. — Свет!

В воздухе возникли, зависнув над землёй, сверкающие белые шары. Из тумана, будто его собственное порождение, поднималось всё больше и больше троллоков, но свет, казалось, сбивал их с толку. Они смотрели вверх, щурясь и прикрывая глаза.

Перрин фыркнул.

— Как вам это? Не ждали нас? Думали, что Белоплащники окажутся лёгкой добычей? — Он обернулся и посмотрел на ряды удивлённых солдат. — Ну вот, ребята, вы хотели последовать за мной на Последнюю Битву? Прямо сейчас мы отведаем её на вкус! Лучники, залп! Давайте

отправим этих Отродий Тени
обратно в породившую их бездну!

Он поднял свой недавно
выкованный молот, и битва началась.

Глава 41

НЕОЖИДААННЫЙ СОЮЗНИК

Галад мчался, подняв щит над головой. К нему также со щитом присоединился Борнхальд, отбросивший свой фонарь, едва в небе вспыхнули эти фантастические огни. Оба Белоплащика молчали. В любое мгновение на них мог обрушиться ливень стрел.

Они добрались до коновязей, где пара встревоженных конюхов передала им поводья лошадей. Галад опустил щит и, чувствуя себя ужасно

незащищённым, сел в седло Стойкого. Он развернул коня и вновь поднял щит. Вдалеке он слышал знакомую песню спущенной тетивы и свист множества приближающихся стрел.

Ни одна из них не упала рядом с ним.

Он замер. Висящие в небе огни освещали всю округу так же ярко, как взошедшая в чистом небе полная луна, а может и ярче.

— Что происходит? — спросил Борнхальд, сидящий верхом на нервно приплясывающей лошади. — Они промахнулись? Все стрелы падают далеко за пределами лагеря.

— Троллоки! — разнёсся по

лагерю чей-то крик. — С дороги наступают тысячи троллоков!

— Чудовища! — завопил какой-то напуганный амадиец. — Чудовища Тени! О, Свет, неужели они *настоящие*?

Галад оглянулся на Борнхальда. Они оба галопом — их белые плащи взвились за спиной — погнали своих лошадей прочь от лагеря, взглянуть на дорогу.

На бойню.

Волны летящих с господствующих высот стрел разбивались о толпы Отродий Тени. Чудовища были и визжали, некоторые из них пытались пробиться к лагерю Галада, другие

же бросились к холму, на котором укрылись лучники. Внезапно часть троллоков взлетела на воздух, под ними взрывалась земля, а сверху на них обрушился огонь. В бой на стороне Айбары включились направляющие Силу.

Галад начал понимать, что происходит.

— Пехоте построиться на этой стороне лагеря и сомкнуть щиты, — прокричал он. — Арбалетчики, отступить к тем развалинам. Легионам разделиться на восемь кавалерийских отрядов и быть готовыми к вылазке! Лучники, приготовиться! — Дети Света в основной массе представляли собой

кавалерийские части. Его всадники будут атаковать волнами по одному отряду за раз, а потом будут отходить под прикрытия выстроенной стены из щитов. Арбалетчики будут прореживать строй троллоков непосредственно перед копейными ударами тяжёлой кавалерии, а лучники прикроют их отход.

Распоряжения были быстро переданы по цепи. Дети Света были лучше организованы, чем амадийцы. Борнхальд кивнул. Это был скорее оборонительный план, но он был самым разумным, по крайней мере, пока Галад не разберётся до конца в ситуации.

Стук копыт возвестил о

прибытии Байара. Тот осадил лошадь и повернул её, вытаращив глаза:

— Троллоки? Но как... Это точно происки Айбары. Он привёл сюда армию Отродий Тени!

— Если так, — сказал Галад, — то он привёл её на убой.

Байар придвинулся ближе.

— *Точно* так же было в Двуречье. Дэйн, ты же помнишь, что он делал? Троллоки нападали, Айбара имитировал оборону и таким образом завоевал поддержку.

— И какой в этом смысл? — спросил Борнхальд.

— Чтобы нас обмануть.

— Убивая столько же троллоков, сколько он потом получит

союзников? — нахмурился Борнхальд. — Это... глупость какая-то. Если Айбара может распоряжаться тысячами троллоков, на кой ему сдались мы?

— У него больной, изощрённый ум, — ответил Байар. — Если он не имеет никакого отношения к троллокам, то каким же образом и он, и они оказались сейчас здесь одновременно?

Что ж, в этом было некое зерно истины, должен был признать Галад.

— Но пока что, — сказал он, — это даёт нам время, чтобы построиться. Борнхальд, Байар, помогите передать мои приказы. Я хочу, чтобы кавалеристы были готовы

к вылазке, как только арбалетчики дадут залп. — Он помедлил. — Но дайте знать людям, чтобы они *не* подставляли фланги Айбаре. На всякий случай держите часть пехотинцев с пиками в резерве у подножия того холма.

* * *

Троллоки с криками падали под ливнем стрел. Но прибывали новые, а многие раненные твари не падали до тех пор, пока их не начиняли несколькими стрелами.

Отродья Тени готовились к броску вверх по склону к войскам

Перрина. Если они сумеют подобраться, его пехоте придётся какое-то время их сдерживать, а потом постараться отбросить, чтобы кавалерия сумела пробиться к переднему краю.

— Как ты узнал? — тихо спросила Фэйли.

Он глянул на неё.

— Самое время вам троим отойти в тыл под защиту. — Он взглянул на сидевшую верхом на лошади бледную Берелейн, выглядевшую так, словно вид троллоков привёл её в смятение. Но он знал, что её характер крепче стали. Так почему же от неё пахнет таким беспокойством?

— Я уйду, — ответила Фэйли. —
Но прежде должна узнать ответ.

— Просто это было разумно, —
ответил Перрин. — Тот купол был
нужен, чтобы не дать нам
воспользоваться вратами перехода. И
в то же время он заставлял нас
двигаться вперёд по дороге, не
позволяя сразу оказаться в Андоре.
Нам казалось странным, с чего бы
это мастер Гилл, несмотря на
приказ, свернул в сторону, но так
произошло потому, что встреченные
им путники с севера убедили его в
том, что путь совершенно
непроезжий. Я подозреваю, это
специально внушали наши враги,
чтобы заманить нас сюда.

Нас пасли всю дорогу. Они не хотели, чтобы мы сцепились с Белоплащниками — напротив, они ожидали, что мы будем изо всех сил торопиться в Лугард. Если б мы попытались свернуть с дороги, то, могу поручиться, непременно стряслось бы нечто, заставившее нас повернуть обратно. Им не терпелось загнать нас в свою западню. Армия Галада, скорее всего, не имела к этому ровным счётом никого отношения, он просто оказался колючкой, попавшей им под седло.

— Но троллоки. Откуда...

— Полагаю, они появились из Портальных Камней, — ответил Перрин. — Я знал, что на нас

нападут. Но не знал, как именно. Я уже подумал было, что это будут Драгкары с неба или незамеченные нами Путевые Врата. Но те руины, на которые указал мне Арганда, очень удобное место для Портального Камня. Должно быть, он врос в землю, или его смыло потоком воды, когда река меняла русло. Троллоки не растут из земли сами по себе. Думаю, они появляются из того камня.

Так вот, это была западня. Они бы, возможно, напали раньше, но у них на пути оказались Белоплащники. Им *пришлось* ждать, пока мы с ними не разберёмся. А потом мы от них ускользнули.

Поэтому...

— Поэтому они напали на Дамодреда и его армию, — ответила за него Фэйли. — Расставив ловушку, они были рады навредить хоть кому-то, кто может позднее сражаться против них.

— Полагаю, за всем этим стоит кто-то из Отрёкшихся, — сказал Перрин, поворачиваясь к Грейди.

— Кто-то из Отрёкшихся? — срывающимся голосом переспросила Аллиандре. — Мы не можем драться с Отрёкшимися!

Перрин взглянул в её сторону.

— А на что же, как думаешь, ты подписывалась, присоединяясь ко мне, Аллиандре? Ты сражаешься на

стороне Дракона Возрождённого в *Тармон Гай'дон*. Рано или поздно нам придётся с ними встретиться. — Она побледнела, но, к её чести, кивнула.

— Грейди! — Перрин позвал Аша'мана, который швырял в троллоков струи огня. — Ты по-прежнему чувствуешь, что кто-то направляет?

— Только время от времени, милорд, — откликнулся Грейди. — Кто бы они ни были, они не очень сильны. И не собираются вступать в бой. Думаю, они заняты доставкой троллоков. Перемещаются сюда с очередным кулаком, потом немедленно отправляются обратно за следующим.

— Следи за ними, — приказал Перрин. — Посмотри, не сможешь ли ты их поразить.

— Хорошо, милорд, — отдав честь, ответил Грейди.

Значит, Отрёкшийся сам троллоков не доставляет. Но это не означает, что кто-то из них в этом не замешан, просто они еще не решились выступить открыто.

— Вы трое, назад, — сжав молот, обратился Перрин к Фэйли, Берелейн и Аллиандре. Троллоки начали наступление вверх по склону, многие из них тут же пали под градом стрел, но троллоков было так много, что скоро они всё равно доберутся до вершины. Пришло

время сражаться.

— Ты не знаешь, сколько их всего, муж мой, — тихо сказала Фэйли. — Они продолжают прибывать. Что если они нас превзойдут?

— Если дела пойдут плохо, мы отступим через Врата. Но я не позволю им расправиться с Белоплащниками без боя. Не оставлю троллокам ни одного человека, даже таких, как они. Когда на Дворечье напали, Белоплащники оставили нас без подмоги. Я не стану поступать так же. Вот и всё.

Внезапно Фэйли наклонилась и поцеловала его.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что ты такой, каков есть, — ответила она, разворачивая лошадь и отправляясь во главе троицы обратно.

Перрин покачал головой. А он-то беспокоился, что ему придётся приказывать Грейди связать её с помощью потоков Воздуха и силой тащить в тыл. Он повернулся к наступающим ордам троллоков. Двуреченцы обеспечили им трудный подъём в гору. Но у людей уже заканчивались стрелы.

Перрин поднял *Мах'аллейнир*. Частица его сожалела о том, что он вынужден марать в крови оружие сразу после его рождения, но

большая его часть была этому рада. Эти троллоки, и их предводители, были причиной смерти Прыгуна.

Кулак троллоков добрался до гребня холма. Позади ехал один Исчезающий, второй, с чёрным мечом в руке, их возглавлял. Перрин взревел и бросился им навстречу с высоко поднятым над головой молотом.

* * *

Галад выругался, развернул Стойкого и рубанул мечом по шее троллока с медвежьей головой. Из раны зловонной струей хлынула

тёмная, густая кровь, но тварей было очень трудно убить. Галад слышал рассказы, обучался с теми, кому доводилось ранее сражаться с Отродьями Тени. Но, увидев подобную живучесть воочию, был удивлён.

Ему пришлось рубануть бестию ещё три раза, прежде чем она упала замертво. К этому времени рука Галада уже ныла от усталости. В том, чтобы сражаться с подобными чудищами, не нужно было никакой тонкости. Он использовал приёмы работы мечом из седла, чаще всего самые примитивные и смертоносные. К примеру, «Дровосек, Отсекающий Сучья»,

«Серп Луны», «Летящая Искра».

Его люди держались не очень хорошо. Они сбились в кучу и места для работы копьями теперь не осталось. Конные вылазки какое-то время помогали, но всадников оттеснили к пешим порядкам, и теперь всех вместе отдавливали на восток. Амадийцев полностью смяли, а сила напора не позволяла совершать конные контратаки. Все, что могли сделать конные Чада, — это из всех сил работать мечами, чтобы сохранить себе жизнь.

Галад повернул Стойкого, но на него напали два рычащих троллока. Одного он быстро рубанул по шее «Цаплей, Поймавшей Серебрянку»,

но тварь свалилась прямо на Стойкого, заставив лошадь попятиться. Другая зверюга рубанула крючковой алебардой по лошадиной шее. Стойкий пал.

Галад едва успел освободить от стремян ноги, кулём упав на землю одновременно с конём. Стойкий бил ногами, заливая кровью из раны на шее белоснежный бок. Галад перекатился, повернув меч в сторону, но приземлился он неудачно. Его лодыжку пронзила боль.

Преодолевая её, он успел вовремя поднять меч, чтобы отбить хук девятифутового монстра с бурым мехом, от которого пахло мертвечиной. Но парирование удара

снова сбило его с ног.

— Галад!

В троллоков врезались фигуры в белом. В воздух брызнула вонючая кровь. Фигуры в белом падали на землю, но троллоки отступили. Запыхавшийся Борнхальд стоял с обнажённым мечом в одной руке и помятым, залитым тёмной кровью щитом в другой. Рядом было четверо солдат. Двое других оказались убиты.

— Спасибо, — поблагодарил Галад. — Где ваши лошади?

— Убиты, — ответил Борнхальд. — Видимо, у них приказ охотиться на лошадей.

— Не хотят, чтобы мы вырвались, — предположил Галад. —

Либо чтобы организовали контрудар. — Он оглядел строй солдат, которых атаковали твари. Двадцать тысяч человек казались большой армией, но строй пришёл в беспорядок, а троллоки волна за волной продолжали прибывать. Северный фланг Детей был прорван, и клещи троллоков рвались вперёд, чтобы замкнуть окружение вокруг армии Галада. Сперва они отрежут его с севера и юга, а затем прижмут к холмам. Свет!

— Бегом на северный фланг! — крикнул Галад. Он помчался туда изо всех сил. Его лодыжка была против, но, тем не менее, подчинялась. Солдаты последовали за ним. Их

одежда больше не была белоснежной.

Галаду было известно, что большинство военачальников, вроде Гарета Брина, не стали бы сражаться в строю, наравне с солдатами. Они для этого были слишком важны, их ум требовался для организации сражения. Возможно, именно так следовало поступить и Галаду. Но всё смешалось.

У него были отличные солдаты. Надёжные. Но у них не было опыта сражений с троллоками. Только сейчас, тёмной ночью, пробираясь по покрытой грязью земле, освещённой висевшими в небе шарами света, он увидел, насколько неопытно

большинство из них. Среди них имелись ветераны, но основная часть раньше сражалась только против обычных бандитов и городского ополчения.

Троллоки же были чем-то иным. Воюющие, хрипящие и рычащие чудовища неистовствовали. Им недоставало воинской дисциплины, но они компенсировали это силой и свирепостью. И голодом. А находившиеся в их рядах Мурддраалы сами по себе были способны рассеять ряды защитников. Солдаты Галада отступали.

— Держаться! — заорал Галад, добравшись до прорванного строя. С ним были Борнхальд и ещё около

пяти десятков человек. Совершенно недостаточно. — Мы Дети Света! Мы не склоняемся перед Тенью!

Но это не сработало. Предвидя грядущий крах, вся его система мировоззрения дала трещину. Детей Света не защищала их добропорядочность. Они погибали шеренгами, словно снопы под косой. И хуже всего то, что многие вовсе переставали решительно сражаться и держаться с достоинством. Многие вопили от ужаса и бежали. Так могли поступать амадийцы, и это было понятно, но многие Дети Света вели себя ничем не лучше.

Они вовсе не были трусами, и были неплохими бойцами. Но они

оставались просто людьми. Довольно средними, а вовсе не такими, какими должны были быть.

* * *

Галленне вёл своих конников в очередную атаку, когда прозвучал гром. Они врубились в строй троллоков и многих смели с гребня холма и отбросили по склону вниз.

Перрин опустил *Мах'аллейнир* на голову очередного троллока. От сильного удара тварь завалилась набок, и, к удивлению, в месте удара молотом кожа чудовища зашипела и начала дымиться. Такое происходило

при каждом ударе, словно прикосновение *Мах'аллейнира* к чудовищам обжигало их, но сам Перрин испытывал лишь приятное тепло, исходящее от молота.

Атака Галленне пробила в рядах троллоков брешь, разделив их на две когорты, однако кругом уже скопилось столько трупов, что новые атаки уланам давались с трудом. Галленне отступил, и вперёд выдвинулась группа двуреченцев, начав обстрел отступивших вниз троллоков, превращая их в волну вопящей, воющей и вонючей смерти.

Перрин оттянул Ходока назад, вокруг него собрались и построились пехотинцы. С его стороны погибших

в бою с троллоками было мало, хотя даже одного было больше, чем достаточно.

Рысью на своём коне подъехал Арганда. Он где-то потерял плюмаж со своего шлема, но широко улыбался.

— Редко когда мне удавалось побывать в подобных сражениях, Айбара, — произнёс он. — Враги, которых не жаль ни капли, отличный плацдарм и позиция для защиты. Лучники, о которых можно только мечтать, и Аша'маны, чтобы закрыть бреши! Я сам уложил больше двух дюжин тварей. Да ради одного такого дня я рад, что мы отправились с тобой!

Перрин кивнул. Он не стал упоминать, что одной из причин того, что день удался, было то, что большая часть троллоков сосредоточилась против Белоплащников. Троллоки были ужасными, огромными тварями и ещё они были чрезвычайно эгоистичны. Атаковать вверх по склону против стены огня и ливня стрел только для того, чтобы отбить позиции у двух полноценных полков кавалерии? Нет, лучше поискать врага полегче, и, с точки зрения тактики, это тоже имело смысл. Если вынужден сражаться на два фронта, сперва выиграй битву попроще.

Они старались как можно

быстрее раздавить Белоплащников о холм и нещадно наседали, не позволяя коннице развернуться и атаковать, стремились отрезать группы противника друг от друга. Тот, кто возглавлял нападение, хорошо разбирался в тактике. Такое не под силу разуму троллока.

— Лорд Перрин! — голос Джори Конгара перекрыл троллочьи завывания. Он подобрался к боку Ходока. — Вы просили меня следить и дать знать, как у них дела. Что ж, похоже, вам стоит на это взглянуть.

Перрин кивнул в ответ, поднял кулак и рубанул им воздух. Грейди и Неалд стояли прямо позади на скальном выступе, с которого хорошо

просматривалась дорога. Их главная задача состояла в том, чтобы убивать каждого попавшегося на глаза Мурддраала. Перрин хотел удерживать их как можно дальше от вершины. Убийство каждого Мурддраала мечом или топором может стоить десятков жизней. Лучше убить тварь с помощью Огня ещё издалека. Кроме того, убийство одного Исчезающего иногда могло погубить связанных с ним троллоков.

Аша'маны, Айз Седай и Хранительницы Мудрости заметили поданный сигнал. Они начали общую атаку на троллоков. С их рук ударили потоки огня, с неба — вспышки молний, оттесняя Отродий Тени вниз

по склону. Пехота Перрина получила необходимую короткую передышку.

Перрин подвёл Ходока к хребту холма и посмотрел вниз на юг, опустив *Мах'аллейнир* к ноге. Находившаяся внизу армия Дамодреда справлялась ещё хуже, чем боялся Перрин. Троллоки продвинулись вперёд, почти разделив Белоплащников надвое. Чудовища начали охватывать боевые порядки с флангов, зажимая Галада и принуждая Белоплащников сражаться на три фронта. Спины их были обращены к холму, и многие кавалерийские отряды были отрезаны от основной армии и сражались в окружении.

Галленне рысью приблизился к Перрину.

— Троллоки продолжают прибывать. Полагаю, к настоящему моменту их набралось около пятидесяти тысяч. Аша'маны утверждают, что почувствовали лишь одного направляющего Силу, и он не участвует в сражении.

— Их вожак не желает вовлекать своих направляющих, — предположил Перрин. — Особенно, когда мы занимаем господствующую высоту. Они предоставили троллокам нанести как можно больший ущерб, а сами останутся в стороне, чтобы посмотреть, смогут ли они получить над нами преимущество. Если да,

тут-то мы их направляющих и увидим.

Галленне кивнул.

— У армии Дамодреда большие неприятности.

— Да, — согласился Галленне. — Ты выбрал отличную позицию, чтобы ему помочь, но, похоже, наша помощь недостаточна.

— Я собираюсь вниз к нему, — принял решение Перрин. Он показал. — Его окружили и прижали к склону холма. Мы можем спуститься и неожиданно для тварей ударить в тыл, пробить брешь, этим мы освободим Дамодреда и позволим его людям взобраться на плато.

Галленне нахмурился.

— Простите, лорд Перрин, но я должен задать вопрос. Вы в долгу перед ними? Мне было бы жаль, конечно, если бы мы явились сюда, чтобы напасть на них, хотя, признаю, в этом есть определённая логика. Но я не вижу причин для того, чтобы им помогать.

Перрин зарычал.

— Просто это — правильно.

— Это спорное утверждение, — покачав головой в шлеме, не согласился Галленне. — Драться с троллоками и Исчезающими — дело хорошее, потому что каждая убитая тварь означает, что в Последней Битве их будет меньше. Кроме того,

наши солдаты получают хороший опыт борьбы с ними и могут научиться справляться со страхом. Но этот склон крутой и очень коварный, и если вы направитесь на выручку Дамодреду, то можете уничтожить наше преимущество.

— Я иду в любом случае, — ответил Перрин. — Джори, отправляйся за двуреченцами и Аша'манами. Мне нужно, чтобы они проредили троллоков перед нашей атакой. — Он снова посмотрел вниз. Его наполняли воспоминания о Двуречье. Кровь, смерть. *Мах'аллейнир* в руке стал теплее. — Я не брошу их, Галленне. Даже их. Ты пойдёшь со мной?

— Ты странный человек, Айбара, — помедлил с ответом Галленне. — И один из истинно благородных. Да, я иду.

— Отлично. Джори, собирайся. Мы должны попасть к Дамодреду раньше, чем сомнут его ряды.

* * *

По орде троллоков прошла рябь. Галад замер, меч выскальзывал из вспотевшей руки. Всё тело болело. Со всех сторон до него доносились стоны, часть жалобные — павших людей, — а часть утробные и рычащие — умирающих троллоков.

Собравшиеся вокруг него Дети Света ещё держались. Едва-едва.

Ночь оставалась тёмной даже при этих странных огнях. Весь бой казался кошмаром. Но если в темноте не смогут выстоять Дети Света, то кто тогда сумеет?

Троллоки завопили громче. Стоявшие в первых рядах повернулись и заговорили друг с другом на каком-то грубом, лающем наречии, при звуках которого он с отвращением отшатнулся. Разве троллоки умеют говорить? Он не знал. Что же привлекло их внимание?

И тут он увидел. Обрушившийся сверху новый ливень стрел проредил

ближние порядки троллоков. Двуреченские лучники оправдали свою репутацию. Большинству других лучников Галад не доверил бы подобный залп, без угрозы для Белоплащников погибнуть от случайных стрел. Но эти лучники были отменно точны.

Троллоки взвыли и заверещали. Потом вниз по склону началась атака тысячи всадников. Вокруг них вспыхнули огни; сверху дугой, словно красно-золотые копья, ударило пламя. Оно осветило всадников серебристым светом.

Это был невероятный манёвр. Уклон был очень крутым для лошадей. Они могли оступить,

упасть и утянуть за собой весь отряд, превратив его в беспорядочную груду тел. Однако ни одна не упала. Всадники уверенно промчались галопом со сверкающими копьями наперевес. И в самом первом ряду скакал жуткий бородатый монстр в человеческом облике с огромным молотом в руке. Это был Перрин Айбара собственной персоной, над его головой развевалось знамя, которое держал скачущий прямо позади знаменосец. На стяге была красная волчья голова.

Увидев его, Галад помимо воли опустил щит. Айбара казался объятый окружающими его языками пламени. Галад мог даже различить

его широко распахнутые золотистые глаза. Они тоже сияли, словно два огня.

Кавалеристы врубились в массу троллоков, окружившую армию Галада. Айбара издал поверх голов дикий рёв и начал своим молотом прокладывать путь. Их атака заставила троллоков отступить.

— В атаку! — выкрикнул Галад. — Поднажми! Оттесняй их к кавалерии! — В сопровождении Борнхальда он бросился вперёд, к северным высотам.

Рядом оказался Тром с остатками своего легиона. Ему удалось возглавить атаку на троллоков навстречу всадникам

Айбары.

Схватка приняла беспорядочный характер. Галад дрался отчаянно. Впереди, оставив высоту, вся армия Айбары целиком с невероятной смелостью ударила вниз по склону. Десятки тысяч людей свалились на голову троллокам с криками: «Златоокий! Златоокий!»

Атака вынесла Галада с Борнхальдом прямо на ряды троллоков. Твари пытались ускользнуть от Айбары, разбегаясь во всех направлениях. Вскоре соратникам Галада и Борнхальда пришлось отчаянно сражаться за собственные жизни. Галад прикончил троллока «Воздушной

Лентой», потом обернулся и немедленно оказался лицом к лицу с рогатым исполином десяти футов высотой. Вокруг его чудовищного квадратного лица вились рога, однако глаза были совсем человеческими, как и нижняя часть лица.

Когда троллок взмахнул своей алебардой, Галад пригнулся и тут же всадил меч прямо в живот чудища. Оно взревело, и Борнхальд вспорол его сбоку.

Галад вскрикнул и отпрыгнул назад, однако, тут подвёрнутая лодыжка наконец его подвела. Он запнулся о выбоину в земле и, падая, услышал в ноге ужасный треск.

Умиравший монстр рухнул на

него сверху, придавив к земле. Ногу пронзила боль, но он постарался её не замечать. Он уронил меч, пытаясь спихнуть с себя труп. Сыплющий проклятьями Борнхальд отбивался от троллока с кабаньей мордой, при дыхании издававшего жуткий рычащий звук.

Галад столкнул с себя вонючий труп. Он заметил, как неподалёку люди в белой форме — это были Тром и Байар — отчаянно пытаются пробиться к нему. Но вокруг было слишком много троллоков, и почти все Чада поблизости уже пали.

Галад потянулся к мечу, и в этот момент из теней и строя троллоков возникла сидящая на лошади фигура.

Айбара. Он подскакал ближе и опустил свой тяжёлый молот на голову похожего на кабана троллока, швырнув его на землю. Айбара соскочил с седла, как раз когда подоспевший к Галаду Борнхальд пытался помочь ему подняться на ноги.

— Ты ранен? — спросил Айбара.

— Лодыжка, — ответил Галад.

— Давай его на лошадь, — сказал Айбара.

Галад не стал возражать. Это было разумно. Однако он был немного уязвлён тем, что не смог забраться в седло без помощи Борнхальда. Отбрасывая троллоков,

их окружали воины Айбары. Теперь, когда в схватку вступила армия Айбары, люди Галада сумели собраться.

Подобный удар вниз по склону был опасным манёвром, но теперь, оказавшись верхом на коне Айбары, Галад мог воочию убедиться, что игра стоила свеч. Мощная атака разделила троллоков надвое, и часть из них уже ударилась в бегство. Сверху продолжали изливаться потоки огня, сжигая Мурддраалов и уничтожая целые кулаки связанных с ними троллоков.

Ещё оставалось много работы, но перелом в сражении наступил. Армия Айбары расчистила поле

вокруг своего предводителя, дав ему, а заодно и Галаду, возможность вздохнуть свободно и подумать над следующим ударом.

Галад повернулся к Айбаре, который острым взором рассматривал троллоков.

— Я полагаю, ты решил, что моё спасение повлияет на выбор наказания, — произнёс Галад.

— Лучше бы оно повлияло, — пробормотал Айбара.

Галад вскинул бровь. Он ожидал иного ответа.

— Мои люди считают подозрительным твоё появление прямо перед атакой троллоков.

— Что ж, они могут думать всё,

что угодно, — ответил Айбара. — Сомневаюсь, что любые мои оправдания изменят их мнение. В каком-то смысле, это и правда моя вина. Эти троллоки оказались здесь для того, чтобы убить меня, просто я вывернулся прежде, чем они сумели захлопнуть ловушку. Так что порадуйся, что я не оставил тебя им. От вас, Белоплащников, я хлебнул горя не меньше, чем от них.

К своему удивлению Галад обнаружил, что улыбается. В Айбаре чувствовалась простодушная прямота. Можно ли желать большего от союзника?

«Значит, мы теперь союзники?» — подумал Галад, кивнув

приблизившимся Трому и Байару. — *Возможно, на ближайшее время*». Он доверился Айбаре. Да, возможно, в мире найдутся люди, способные задумать столь сложную интригу, чтобы завоевать доверие Галада. К примеру, Валда был как раз из таких.

Но Айбара таким не был. Он на самом деле был прямолинейным. Если бы он хотел убрать Детей Света со своего пути, он бы просто убил их всех до единого и пошёл дальше.

— Значит, так тому и быть, Перрин Айбара, — произнёс Галад. — Я объявлю твоё наказание прямо здесь и сейчас, этой ночью.

Перрин нахмурился, оторвавшись от наблюдений за

боевыми порядками.

— Что? Прямо *сейчас*?

— Я считаю, что в качестве наказания ты должен выплатить цену крови семьям погибших Детей Света в размере пятисот крон. А также я приказываю тебе сражаться в Последней Битве со всей армией, которую ты сумеешь собрать. Выполни это, и я объявлю, что ты искупил свою вину.

Он выбрал странный момент для подобного заявления, однако, он принял решение. Они будут снова сражаться, и, возможно, кто-то из них погибнет. На всякий случай, Галад хотел, чтобы Айбара знал о выбранном наказании.

Айбара пристально посмотрел на него и кивнул.

— Я заявляю, что наказание справедливо, Галад Дамодред. — Он протянул ему руку.

— Ах ты, исчадие тьмы! — Кто-то мелькнул за спиной Айбары. Чей-то силуэт, обнажающий меч. Послышался свист, блеск металла. Бешеный блеск в глазах Байара. Он выбрал место так, чтобы нанести удар Айбаре в спину.

Айбара повернулся, Галад вскинул свой меч, и оба опоздали.

Но Байар не нанёс свой удар. Он застыл с занесённым мечом. С его губ стекла струйка крови. Он опустился на колени и упал прямо к

ногам Айбары.

За его спиной с широко распахнутыми от ужаса глазами стоял Борнхальд. Он посмотрел вниз на меч в своей руке.

— Я... так не правильно. Нельзя ударить человека в спину после того, как он спас тебе жизнь. Это... — он выронил меч и отшатнулся от трупа Байара.

— Ты поступил правильно, чадо Борнхальд, — с сожалением произнёс Галад. Он покачал головой. — Байар был хорошим офицером. Порой, возможно, не слишком приятным, но храбрым. Мне жаль его терять.

Айбара огляделся по сторонам,

словно ожидая, что на него набросятся с мечами другие Дети Света.

— С самого начала он искал повод меня убить.

Всё ещё полными ненависти глазами Борнхальд посмотрел на Айбару, потом вытер меч и вбросил его в ножны. Он ушёл, направляясь к месту, где собирали раненых. Вокруг Галада и Айбары всё расширялось безопасное пространство. Троллоков отбросили назад, образовали более крепкую линию обороны, составленную из союзных сил Айбары и выживших Детей Света.

— Он по-прежнему считает, что я убил его отца, — произнёс Айбара.

— Нет, — ответил Галад. — Полагаю, он думает, что ты ни при чём. Но он так долго тебя ненавидел, лорд Айбара, и ещё дольше дружил с Байаром. — Он покачал головой. — Убить друга. Совершать правильные поступки порой болезненно.

Айбара хмыкнул.

— Тебя нужно отвести к раненым, — сказал он, поднимая молот и всматриваясь в сторону продолжавшегося боя.

— У меня достаточно сил, чтобы сражаться верхом на твоём коне.

— Ладно, будь по-твоему. — Айбара смерил его взглядом. — Хотя, я, просто на всякий случай, буду

держаться рядом. А то вид у тебя такой, будто ты готов в любой момент свалиться.

— Благодарю.

— Просто я люблю свою лошадь.

Улыбнувшись, Галад присоединился к нему, и они вернулись в бой.

Глава 42

КРЕПЧЕ, ЧЕМ УЗЫ КРОВИ

Гавин опять сидел в маленькой неукрашенной комнате, в покоях Эгвейн. Он был обессилен, что неудивительно, учитывая всё, через что он прошёл, включая Исцеление.

Его внимание было поглощено новым ощущением внутри него. Этим удивительным цветком, распустившимся в глубине его сознания, этой связью с Эгвейн и её эмоциями. Связь была чудом и успокоением. Благодаря этому

чувству он знал, что она жива.

Он мог чувствовать её приближение и уже стоял, когда открылась дверь.

— Гавин, — сказала она, входя, — в том состоянии, в котором ты находишься, ты не должен вставать. Сядь, пожалуйста.

— Я в порядке, — ответил он, но подчинился.

Она подтащила ещё один табурет и уселась напротив. На вид, она была спокойна и безмятежна, но он чувствовал, что она потрясена ночными событиями. Слуги до сих пор возились с пятнами крови и трупами, а Чубейн держал всю Башню в состоянии тревоги,

проверяя каждую сестру. Обнаружился ещё один убийца. Они потеряли двух солдат и Стража, пока пытались с ней справиться.

Да, он мог чувствовать бурю эмоций, скрывавшуюся за её спокойным лицом. В последние несколько месяцев Гавин начал думать, что Айз Седай отучали чувствовать. Узы доказывали ему обратное. Эгвейн *чувствовала*; она просто не позволяла эмоциям отражаться на лице.

Глядя на её лицо и чувствуя бурю внутри, Гавин впервые увидел другую сторону отношений Айз Седай и Стража. Стражи не были просто телохранителями; они — и

только они — были в курсе того, что на самом деле происходит внутри Айз Седай. Неважно, насколько искусно сестра умела скрывать эмоции, её Страж знал, что за маской прячется нечто большее.

— Ты нашла Месану? — спросил он.

— Да, хотя это заняло некоторое время. Она выдавала себя за Айз Седай по имени Данелле из Кориичневой Айя. Мы нашли её в комнате, лепечущей как ребёнок. Она ещё и обделалась. Не знаю точно, как мы с ней поступим.

— Данелле. Я не знал её.

— Она держалась сама по себе, — сказала Эгвейн. —

Возможно, именно по этой причине Месана её и выбрала.

Они сидели в тишине ещё некоторое время.

— Итак, — наконец сказала Эгвейн, — как ты себя чувствуешь?

— Ты знаешь, как я себя чувствую, — честно ответил Гавин.

— Это просто была попытка завязать разговор.

Он улыбнулся.

— Я чувствую себя великолепно. Поразительно. Безмятежно. И озабоченно, обеспокоенно, тревожно. Как ты.

— Нужно предпринять что-то насчёт Шончан.

— Согласен. Но не это

беспокоит тебя. Ты раздражена тем, что я нарушил твоё распоряжение, и всё же ты знаешь, что я поступил правильно.

— Ты не нарушал моё распоряжение, — сказала Эгвейн. — Я *на самом деле* сказала тебе возвращаться.

— Запрет на охрану твоей комнаты не был снят. Я мог расстроить планы, вызвать тревогу и отпугнуть убийц.

— Да, — сказала она. К её эмоциям примешалось беспокойство. — Но вместо этого ты спас мне жизнь.

— Как они проникли внутрь? — спросил Гавин. — Разве ты не

должна была проснуться, когда служанка попалась в твою ловушку?

Она помотала головой.

— Я находилась глубоко во сне, сражаясь с Месаной. Охрана Башни была достаточно близко, чтобы услышать, как сработали стражи, — сказала Эгвейн, — Их всех нашли мёртвыми. Выглядит, как будто убийцы ожидали, что выбегу. Один из них прятался в прихожей, чтобы убить меня после того, как я поймаю двух других, — она поморщилась. — Это могло сработать. Я ожидала Чёрную Айя или, возможно, Серого Человека.

— Я послал предупреждение.

— Посыльный тоже был найден

мёртвым. — Она пристально посмотрела на него. — Ты поступил правильно сегодня ночью, но это по-прежнему беспокоит меня.

— Мы найдём решение, — сказал Гавин. — Ты позволишь мне себя защищать, Эгвейн, а я буду подчиняться тебе во всём остальном. Обещаю.

Немного поколебавшись, Эгвейн кивнула.

— Что ж, мне надо пойти поговорить с Советом. К настоящему моменту они уже, должно быть, готовы выломать мою дверь и потребовать ответов. — Он знал, что внутренне она поморщилась.

— Возможно, будет лучше, —

сказал он, — если ты скажешь, что моё возвращение было запланировано с самого начала.

— Так и было, — сказала Эгвейн. — Хотя время не было рассчитано. — Она помедлила. — Когда я поняла, как именно Сильвиана сформулировала мою просьбу, я начала беспокоиться, что ты вообще не придёшь.

— Я почти отказался.

— Что же изменило твоё решение?

— Я должен был научиться уступать. Это то, в чём я никогда не был силен.

Эгвейн кивнула, словно поняв.

— Я отдам распоряжение

принести в эту комнату кровать. Я всегда планировала сделать её комнатой моего Стража.

Гавин улыбнулся. Спать в разных комнатах? Подо всем этим по-прежнему оставалось что-то от консервативной дочери хозяина гостиницы. Поняв, о чём он думает, Эгвейн покраснела.

— Почему бы нам не пожениться? — спросил Гавин. — Прямо здесь, сегодня. Свет, Эгвейн, ты — Амерлин, твоё слово — закон в Тар Валоне. Скажи слово, и нас обвенчают.

Она побледнела; странно, как это выбило её из колеи этой ночью. Гавин ощутил укол опасения. Она

сказала, что любит его. Она же хотела...

Но нет, он чувствовал её эмоции. Она действительно любила его. Тогда почему?

Голос Эгвейн был полон страха, когда она заговорила.

— Ты думаешь, я смогу смотреть в глаза родителям, если выйду замуж, не сообщив им об этом? Свет, Гавин, мы как минимум должны *послать* за ними! А как насчёт Илэйн? Ты женишься, не сообщив ей?

Он улыбнулся.

— Конечно же, ты права. Я свяжусь с ними.

— Я могу...

— Эгвейн, ты — *Престол*

Амерлин. Весь мир лежит на твоих плечах. Позволь мне сделать необходимые приготовления.

— Очень хорошо, — сказала она и вышла из комнаты. Снаружи её ждала Сильвиана, бросившая на Гавина сердитый взгляд. Эгвейн послала нескольких слуг за кроватью для него, затем они с Хранительницей ушли, сопровождаемые парой солдат Чубейна.

Гавин хотел бы пойти с ней. Поблизости по-прежнему могли быть убийцы. Но, к сожалению, она была права, отправив его спать. Ему было тяжело держаться прямо. Нетвёрдо стоя на ногах, он заметил ряд

накрытых простынями тел снаружи. Их не уберут, пока сёстры не осмотрят тела. В данный момент поиск Месаны и других убийц был более важен.

Сжав зубы, он заставил себя подойти и откинуть простыню, открыв взору безжизненные лица Киларка и Мазона. Голова Киларка, к сожалению, лежала отдельно рядом с телом.

— Вы хорошо сражались, парни, — сказал он. — Я прослежу за тем, чтобы ваши семьи узнали, что вы спасли жизнь Амерлин. — Его разозлила потеря таких хороших людей. *«Чтоб им сгореть, этим Шончан,* — подумал он. — *Эгвейн*

права насчёт них. Что-то нужно делать».

Он посмотрел в сторону трёх убийц, тоже лежавших под простынями, из-под которых торчали ноги в чёрных башмаках. Две женщины и мужчина.

«*Интересно...*» — подумал он и подошёл к тому месту, где они лежали. Охранники взглянули на него, когда он сдвинул простыню, но не стали мешать.

Обнаружить *тер'ангриалы* было нетрудно, правда только потому, что ему сказали, что искать. Одинаковые чёрные каменные кольца на средних пальцах правых рук. Кольца были вырезаны в форме лозы с шипами.

По-видимому, никто из Айз Седай не понял, что это такое на самом деле, по крайней мере, пока.

Гавин снял все три кольца и сунул их в карман.

* * *

Лан что-то чувствовал, определённое изменение в эмоциях, находящихся в глубине его сознания. Он привык игнорировать их, как и женщину, которая ими владела.

Недавно эти эмоции изменились. Он всё больше и больше был уверен, что его узы перехватила Найнив. Он мог узнать её по манере

чувств. И как можно было не узнать это чувство страсти и нежности? Это было... поразительно.

Он посмотрел вниз на дорогу. Та огибала склон холма, прежде чем пойти прямо к находящейся впереди необычной крепости. Граница между Кандором и Арафелом была отмечена Серебряными Стенами: большим укреплением, возведённым по обеим сторонам Фирхонского ущелья. Это была весьма впечатляющая крепость, даже две крепости, каждая из которых образовывала прямую стену узкого, как каньон ущелья. Словно две стороны громадного дверного проёма.

Для того, чтобы пройти сквозь ущелье нужно было пройти долгий путь между высокими, испещрёнными бойницами, каменными стенами. Крепость могла эффективно преградить путь армии, приближающейся с любой стороны.

Все жители Пограничных Земель были союзниками, но это не отбило у арафельцев желание иметь хорошую крепость, прикрывающую путь к Шол Арбела. Сейчас перед этой крепостью встали лагерем несколько тысяч людей, разбитых на мелкие группы. Над некоторыми из них развевался Флаг Малкир — Золотой Журавль, над другими — флаги Кандора и Арафела.

— Кто из вас нарушил клятву? — спросил Лан, оглянувшись на караван. Люди отрицательно помотали головами.

— Никому не пришлось нарушать клятву, — сказал Андер. — Куда ещё ты мог направиться? Прорываться через Осквернённые Земли? Через Сломанные Холмы? Ты должен пройти здесь или нигде. И они это знают. Поэтому ждут тебя.

Лан зарычал. Возможно, так оно и было.

— Мы — караван, — сказал он громко. — Помните, если кто-то спросит, вы можете признать, что мы Малкири. Вы можете сказать, что ждёте своего короля. Это правда. Вы

не должны упоминать, что уже нашли его.

Остальные выглядели обеспокоенными, но возражать не стали. Лан двинулся вниз по склону, и караван, состоявший из двадцати фургонов, боевых коней и сопровождающих, отправился следом.

Произошло то, чего он боялся. Возрождение Малкир невозможно. Они погибнут, неважно, насколько велика их армия. Штурм? Запустения? Нелепо.

Он не мог их об этом просить. Он не мог им этого *позволить*. Спускаясь вниз по дороге, он всё более набирался решимости. Эти

храбрые люди под знамёнами... они должны присоединиться к шайнарцам и сражаться в битве имеющей смысл. Он не возьмёт их жизни.

«Смерть легче пёрышка...»
Рахим бросал ему эти слова несколько раз на протяжении их поездки. Он следовал за Ланом десятилетия назад, во время Айильской войны. *«Долг тяжелее горы»*.

Лан *не бежал* от долга. Он бежал навстречу ему. И всё же, когда он достиг конца спуска и двинулся дальше, вид лагерей взволновал его сердце. Ждавшие люди носили простые воинские одежды и *хадори*,

женщины помечали свои лбы *ки'сайдн*. Некоторые носили плащи с Золотой Коронай на плечах — знаком королевской гвардии Малкир. Они смели их носить только в том случае, если их отцы или деды служили в гвардии.

Этот вид заставил бы Букаму расплакаться. Тот считал, что народ Малкири исчез, сломленный, разбитый, поглощённый другими. Однако они были здесь, собравшиеся под знамёна по малейшему призыву. Многие были старше Лана — тот был совсем крохой, когда пала его страна, а тем, кто был в те дни взрослыми людьми, должен был идти сейчас седьмой или восьмой

десяток. У них были седые волосы, но они сами оставались воинами и привели сыновей и внуков.

— *Тай'шар Малкир,* — прокричал мужчина проезжавшей группе Лана. Клич был подхвачен дюжиной, двумя дюжинами людей, увидевших его *хадори*. Похоже, никто его не узнал. Они полагали, что он прибыл по той же причине, что и они сами.

«Последняя Битва грядёт, — подумал Лан. — Должен ли я запретить им сражаться рядом со мной?»

Да, он должен. Лучше всего было бы пройти незамеченным и неузнанным. Он смотрел вперёд,

рука на мече, рот закрыт. Но каждый крик «*Тай'шар Малкир*» побуждал в нём желание выпрямиться. Каждый крик как будто придавал ему сил, подталкивал вперёд.

Ворота между двумя крепостями были открыты, хотя стража проверяла каждого, кто хотел пройти. Лан осадил Мандарба, и его люди остановились. Был ли у арафельцев приказ его разыскивать? Какой у него выбор, кроме как пойти вперёд? Объездная дорога заняла бы недели. Его караван дождался своей очереди и подошёл к сторожевому посту.

— Цель? — спросил страж-арафелец с заплетёнными в косички

волосами.

— Путешествие в Фал Моран, — сказал Лан. — В связи с Последней Битвой.

— Вы не собираетесь ждать здесь, как остальные? — спросил охранник, махнув рукой в перчатке на собравшихся Малкири. — Ждать своего короля?

— У меня нет короля, — тихо произнёс Лан.

Солдат медленно кивнул, почёсывая подбородок. Затем он отправил несколько солдат проверить товары в фургонах.

— За это придётся заплатить пошлину.

— Я собираюсь передать груз

шайнарцам для сражения в
Последней Битве, — сказал Лан. —
Безвозмездно.

Охранник поднял бровь.

— Клянусь, — тихо сказал Лан,
встретившись глазами с мужчиной.

— Значит, никакой пошлины.
Тай'шар Малкир, друг.

— *Тай'шар Арафел*, — Лан
двинул своего коня вперёд. Он
ненавидел проезжать через
Серебряные Стены; здесь у него было
такое ощущение, будто тысячи
лучников взяли его на прицел.
Троллокам будет непросто *здесь*
пройти, если арафельцам придётся
сюда отступить. Бывали времена,
когда такое случалось, и всегда они

сдерживали натиск здесь, как, например, во времена Якобина Бесстрашного.

Практически всю дорогу Лан проделал, не дыша. Он с облегчением достиг противоположной стороны и поторопил Мандарба наружу, на дорогу, уходившую на северо-запад.

— Ал'Лан Мандрагоран? — прозвучал далекий голос.

Лан замер. Этот призыв донёлся сверху. Он развернулся, оглядываясь на левую крепость. Из окна высунулась голова.

— Хвала Свету, это действительно вы! — воскликнул человек. Голова скрылась внутри.

Лан подумал, не сбежать ли. Но

тогда тот человек точно позвал бы остальных. Поэтому Лан остался ждать. Вскоре из одного из проёмов крепости выбежал человек. Лан узнал его: мальчик, ещё не ставший мужчиной, одетый в красное и в роскошном синем плаще. Кайсел Норамага, внук королевы Кандора.

— Лорд Мандрагоран, — воскликнул юноша, подбегая. — Вы пришли! Когда я услышал, что поднят Золотой Журавль...

— Я не поднимал его, принц Кайсел. Я планировал отправиться один.

— Конечно. Я бы хотел поехать один с вами. Можно?

— Это не очень мудрый выбор,

Ваше Высочество, — сказал Лан. —
Ваша бабушка на юге. Полагаю, ваш
отец правит в Кандоре. Вы должны
быть с ним. Что вы здесь делаете?

— Меня пригласил принц
Кендрал, — сказал Кайсел. — И мой
отец велел мне отправляться. Мы оба
планируем ехать с вами!

— Кендрал тоже? — спросил
Лан, ошеломлённо. Внук короля
Арафела? — Ваше место с вашими
людьми!

— Наши предки дали клятву, —
ответил молодой человек. — Клятву
защищать, оборонять. Эта клятва
крепче, чем узы крови, лорд
Мандрагоран. Она сильнее желания
или выбора. Ваша жена сказала нам

ждать вас здесь; она сказала, что вы можете попытаться пройти, не поприветствовав нас.

— Как вы меня узнали? — спросил Лан, сдерживая гнев.

— Конь, — ответил Кайсел, кивнув на Мандарба. — Она сказала, что вы, возможно, измените облик. Но никогда не бросите коня.

«Да чтоб ей сгореть, этой женщине, — подумал Лан, услышав разносившиеся по крепости призывы. Его перехитрили. — Будь ты проклята, Найнив. И благословенна тоже». Он попытался послать ей чувства любви и разочарования через узы.

И затем, с глубоким вздохом, он

сдался.

— Золотой Журавль летит на Тармон Гай'дон, — тихо произнёс Лан. — Пусть каждый, кто хочет последовать за ним — мужчина или женщина — присоединятся и сражаются.

Призывы стали громче, и он закрыл глаза. Вскоре они переросли в приветственный крик, а затем — в военный клич.

Глава 43

НЕМНОГО ЧАЯ

— И эти Аша'маны утверждают, что порчи нет? — переспросил Галад, когда они пробирались по полю недавнего боя.

— Верно, — ответил Перрин. — И я им верю. С какой стати им лгать?

Галад вскинул бровь:

— Может, из-за безумия?

Перрин кивнул. Этот Айбара был очень занятым человеком. Другие порой очень резко реагировали на высказывание Галадом собственных мыслей, но рядом с Перрином он понял, что нет

причин сдерживаться. Он отвечал на честность взаимностью. Если он и был Другом Тёмного или порождением Тени, то очень странным.

Горизонт уже начал светлеть. Свет! Ночь уже миновала? Всю землю покрывали валявшиеся тела. Большая часть из них принадлежала троллокам. От вони сгоревшей плоти и шерсти, смешанной с запахом крови и грязи становилось дурно. Галад чувствовал себя буквально выжатым.

Он разрешил Айз Седай себя Исцелить. «Раз ты уже показал свой резерв, то нет смысла прятать разведчиков», — часто повторял

Гарет Брин. Если он собирался позволить Айз Седай спасти его людей, то он с тем же успехом может согласиться и на их исцеление. Когда-то Исцеление не особенно его волновало.

— Возможно, — произнёс Перрин, — повторяю, возможно, Аша'маны безумны, и порча осталась. Но они мне хорошо послужили, и я полагаю, они заслужили право на доверие, пока делом не докажут обратное. Ты и твои люди, может статься, обязаны своими жизнями Грейди и Неалду.

— И я им благодарен, — сказал Галад, перешагивая через огромный труп троллока с медвежьей

мордой. — Хотя подобные чувства испытывают немногие из моих товарищей. Они не вполне уверены в том, что думать о твоём появлении здесь, Айбара.

— По-прежнему считают, что я что-то замышляю?

— Возможно, — ответил Галад. — Либо ты очень хитрый Приспешник Тени, или же у тебя действительно слова не расходятся с делом — и ты явился нам на выручку, несмотря на состоявшийся суд и приговор. В этом случае ты человек чести. Думаю, позволь ты нам погибнуть, и тебе было бы легче жить.

— Нет, — ответил Перрин. — В

Последней Битве понадобится каждый меч, Галад. Каждый.

Галад крикнул, присев возле солдата в красном плаще, и перевернул его лицом вверх. Плащ вовсе не был красным. Когда-то он был белым, просто насквозь пропитался вытекшей кровью. Ранун Синах уже не увидит Последнюю Битву. Галад закрыл молодому парню глаза и прошептал о нём молитву Свету.

— Так что будет дальше с тобой и твоими людьми? — спросил Перрин.

— Мы продолжим путь, — ответил Галад, поднимаясь. — На север, в моё поместье в Андоре,

чтобы подготовиться.

— Вы могли бы... — Перрин застыл неподвижно, потом он повернулся и побежал через поле боя.

Галад поспешил следом. Перрин добрался до кучи троллоков и начал расталкивать тела в сторону. Галад услышал крайне слабый звук. Чей-то стон. Он помог оттащить труп твари с головой ястреба с такими человеческими и такими безжизненными глазами.

Под телом оказался юноша. Он смотрел вверх и моргал. Это был Джерум Нас, один из Чад.

— О, Свет, — прохрипел он. — Как больно. Я уже решил, что мне

конец. Конец...

На его боку была широкая рана. Перрин быстро присел, приподняв голову юноши, и дал ему глоток воды, пока Галад накладывал на рану повязку, воспользовавшись бинтами из принесённой сумки. Рана была плохой. К сожалению, этому юнцу суждено умереть. Он...

«Нет, — понял Галад. — У нас же есть Айз Седай». Привыкнуть к подобному было непросто.

Джерум плакал от счастья, держа Перрина за руку. Кажется, парнишка бредил. Ему было плевать на золотые глаза.

— Попей, сынок, —
убаюкивающим тоном произнёс

Перрин. Очень нежно. — Всё в порядке. Мы тебя нашли. Ты поправишься.

— Кажется, я кричал много часов кряду, — произнёс юноша. — Но я так ослаб, а они все лежали сверху. Как же... как вы меня нашли?

— У меня хороший слух, — ответил Перрин. Он кивнул Галаду, и они вместе подняли раненого. Перрин подхватил за подмышки, Галад — за ноги. Вместе они осторожно перенесли раненого через поле боя. Молодой человек продолжал что-то бессвязно бормотать, проваливаясь в забытьё.

На краю поля Айз Седай и айильские Хранительницы Мудрости

Исцеляли раненых. Едва подошли Галад с Перрином, к ним поспешила светловолосая Хранительница Мудрости, выглядевшая не старше Галада, но говорившая с достоинством пожилой матроны. Ругая их за то, что они перемещали раненого, она прикоснулась к его голове.

— Ты даёшь разрешение, Галад Дамодред? — спросила она. — Сам он уже не может ответить.

Галад настоял на том, чтобы каждый из Чад получил выбор — возможность отказаться от Исцеления вне зависимости от тяжести раны. Айз Седай и Хранительницам Мудрости это не

понравилось, однако Перрин повторил это как приказ. К нему они, похоже, прислушивались. Как странно. Галаду редко приходилось встречать Айз Седай, которая слушалась чьих-то приказов или даже прислушивалась к мнению мужчины.

— Да, — ответил Галад. — Лечите.

Хранительница Мудрости принялась за работу. Большинство Детей Света отказались от Исцеления, хотя многие потом изменили мнение, стоило согласиться самому Галаду. Дыхание юноши выровнялось, его рана закрылась. Хранительница Мудрости

не стала Исцелять рану полностью, всего лишь, чтобы парень пережил этот день. Открыв глаза, она выглядела очень измождённой, причём сильнее, чем себя чувствовал Галад.

Направляющие сражались всю ночь, а потом занялись Исцелением. Галад с Перрином вновь отправились в поле на поиски раненых. И, разумеется, они были не одиноки. Перрин мог бы отправиться в лагерь отдохнуть, но не стал.

— Могу предложить тебе другой вариант, — продолжил по пути разговор Перрин. — Вместо того чтобы торчать здесь в Гэалдане в неделях пути от цели, я могу

доставить тебя в Андор сегодня вечером.

— Мои люди не доверятся этому Перемещению.

— Они согласятся, если ты им прикажешь, — ответил Перрин. — Ты сказал, что вы собираетесь сражаться бок о бок с Айз Седай. Что ж, я не вижу большой разницы между тем и этим. Идем вместе.

— Значит, ты разрешаешь нам присоединиться?

Перрин кивнул.

— Однако мне потребуется твоя клятва.

— Что за клятва?

— Я буду с тобой предельно честен, Галад. Полагаю, у нас

осталось мало времени. Может, пара недель. Итак, я мыслю, что вы нам пригодитесь, однако Ранд будет не в восторге от идеи оставить в боевых порядках Белоплащников без присмотра. Поэтому я хочу, чтобы ты принёс клятву в том, что соглашаешься на моё командование на время битвы.

Галад помедлил с ответом. Рассвет уже начинался, возможно, что он даже начался, но не был виден из-за этой плотной облачности.

— Ты понимаешь, насколько смелое предложение ты делаешь? Подчинение Лорда Капитана-Командора Детей Света другому человеку — событие из ряда вон

выходящее. Но подчиняться тебе, человеку, которого буквально вчера судили за убийство? Тому, кого большая часть Детей Света считает Приспешником Темного?

Перрин обернулся к нему.

— Если отправишься со мной сейчас, то попадёшь на Последнюю Битву. Без меня, кто знает, что может случиться?

— Ты сказал, что будет нужен каждый меч, — ответил Галад. — Ты нас бросишь?

— Да. Если не добьюсь клятвы, брошу. Хотя Ранд может явиться за вами самостоятельно. Что до меня, вы знаете, с кем будете иметь дело. Я буду честен с тобой. Всё, чего я

прошу, чтобы твои люди держали строй и сражались там, где прикажут, когда дело дойдёт до боя. Ранд же... что ж, мне ты можешь сказать «нет». Но увидишь, что ему отказать будет куда сложнее. И сомневаюсь, что итог тебе понравится хотя бы наполовину после того, как ты согласишься.

Галад нахмурился.

— Ты на удивление убедительный человек, Перрин Айбара.

— Так, порукам? — Перрин протянул руку.

Галад пожал её. И на него подействовала вовсе не угроза, а воспоминание о том, каким тоном

беседовал Перрин с им же обнаруженным раненым Джерумом. Именно это сострадание. Ни один Приспешник Темного не сумел бы так солгать.

— Я даю тебе клятву, — произнёс Галад. — В том, что отдаюсь под твоё командование до конца Последней Битвы. — Внезапно он почувствовал слабость, которой не чувствовал прежде. Он перевёл дух и присел на ближайший камень.

— А вот тебе моя клятва, — ответил Перрин. — Я прослежу, чтобы с твоими людьми обращались наравне с остальными. Посиди тут и немного передохни, а я пока проверю

вон там. Слабость скоро пройдёт.

— Слабость?

Перрин кивнул.

— Мне ли не знать, что значит попасть в оборот к *та'верену*. Свет, отлично знаю. — Он взглянул на Галада. — Ты вообще задумывался, почему мы оказались тут одновременно?

— Мои люди, да и я предположили, что это Свет привёл тебя к нам в руки, — ответил Галад. — Чтобы мы могли тебя наказать.

Перрин покачал головой.

— Совсем не так. Истина в том, Галад, что ты мне был нужен. И именно поэтому мы встретились тут.

С этими словами он ушёл.

* * *

Аллиандре аккуратно свернула бинт и передала его в руки поджидавшего *гай'шайн*. Его лицо было скрыто под капюшоном, и у него были крупные, покрытые мозолями пальцы. Ей пришло в голову, что это мог быть Ниаген — Безродный, к которому привязалась Ласиль. Это до сих пор нервировало Фэйли, однако Аллиандре никак не могла понять, почему. Вполне возможно этот айилец будет прекрасной парой для Ласиль.

Аллиандре начала сворачивать следующий бинт. Женщины сидели на небольшой полянке неподалёку от недавнего поля боя в окружении неряшливых вертопрашек и зарослей кожелиста. Было прохладно и тихо, если не считать стонов раненых.

В утреннем свете она отрезала новую полоску ткани. Совсем недавно это было рубашкой, а теперь превратилось в бинты. Не велика потеря. Рубашка была так себе с виду.

— Бой уже кончился? — тихо спросила Берелейн. Они с Фэйли работали рядом, сидя на табуретах друг напротив друга.

— Да, похоже, что так, — ответила Фэйли.

Обе замолчали. Аллиандре вскинула бровь, но ничего не сказала. Между этой парой явно что-то происходило. Чего вдруг они начали изображать нечеловеческую дружбу? Видимо, многих в лагере они сумели одурачить, однако для Аллиандре правда была очевидна в изгибе сжимавшихся губ, когда женщины встречались друг с другом. Напряжение немного спало после того, как Фэйли спасла Берелейн жизнь, но не исчезло совсем.

— Ты была права на его счёт, — сказала Берелейн.

— Кажется, ты удивлена.

— Я не часто ошибаюсь в мужчинах.

— Мой муж не обычный мужчина. Это... — Фэйли оборвала себя на полуслове. Прищурившись, она посмотрела на Аллиандре.

«*Проклятый пепел*», — подумала та. Она сидела слишком далеко, из-за чего приходилось напрягаться, чтобы что-то услышать. Это выглядело подозрительно.

Обе женщины снова замолчали, и Аллиандре подняла руку, якобы осматривая ногти. «Да, — думала она. — *Не обращайтесь на меня внимания. Я ничего не значу, я просто женщина, у которой полно своих собственных проблем и которая пытается не пасть духом*». Ни Фэйли, ни Берелейн, разумеется,

так не считали. Как и двуреченцы не считали Перрина виновным в неверности жене. Если их усадить и расспросить, заставив хорошенько об этом подумать, то они непременно пришли бы к заключению, что случилось нечто иное.

Но такие вещи, как предрассудки и предвзятое мнение укореняются глубже, чем простые мысли. То, что обе женщины *думали* об Аллиандре, отличалось от того, что они подсознательно *чувствовали*. Кроме того, Аллиандре и правда *была* женщиной, у которой полно своих собственных проблем и которая пытается не пасть духом.

Хорошо знать свои сильные

стороны.

Аллиандре вернулась к бинтам. Фэйли с Берелейн настояли на том, чтобы остаться и помочь, поэтому Аллиандре не могла уйти. Особенно когда в последнее время эта парочка вела себя столь *интригующе*. Кроме того, Аллиандре была не прочь поработать. По сравнению с их пленом у айильцев, эта работа была даже приятной. К сожалению, те двое не стали продолжать разговор. Берелейн даже поднялась с раздражённым видом и пошла к противоположной стороне поляны.

От неё на Аллиандре практически *повеяло* холодом. Берелейн встала рядом с тем местом,

где другие женщины сворачивали полоски ткани. Аллиандре поднялась и подтащила свой табурет, ножницы и ворох тряпок к Фэйли.

— Не думаю, что когда-либо видела её такой взволнованной, — обратилась к ней Аллиандре.

— Ей не нравится ошибаться, — ответила Фэйли. Она глубоко вздохнула и покачала головой. — На её взгляд, мир состоит из паутины полуправды и догадок, она приписывает запутанные мотивы самым простодушным мужчинам. Подозреваю, именно это делает её столь искусной в придворной политике, но мне бы не хотелось жить в её мире.

— Она очень мудра, — сказала Аллиандре. — Ей видна суть вещей, Фэйли. Она хорошо разбирается в мире. Просто у неё есть пара слабых мест, как и у большинства из нас.

Фэйли отстранённо кивнула.

— Чего, несмотря ни на что, мне на самом деле жаль больше всего — я не верю, что она была влюблена в Перрина. Она добивалась его из азарта, для приобретения политических выгод, ради Майена. Под конец — скорее просто из вызова, чем из-за чего-либо ещё. Он мог ей нравиться, но не более того. Возможно, я бы поняла её, если бы она любила.

После этих слов Аллиандре

прикусила язык и резала бинты. Тут она нащупала в куче тряпок юбку из отличного голубого шёлка. Из этой вещи определённо можно сделать что-то лучше бинтов! Она запихнула её между двух других и положила рядом с собой, словно приготовила эту кучку на тряпки.

Наконец на поляне появился Перрин в сопровождении рабочих в испачканной кровью одежде. Он направился прямо к Фэйли, присел на оставленный Берелейн табурет и опустил свой удивительный молот на траву рядом с собой. Мужчина выглядел уставшим. Фэйли подала ему что-то попить и погладила по плечу.

Аллиандре извинилась и оставила Перрина с женой наедине. Она направилась туда, где на краю поляны стояла Берелейн, потягивая из чашки чай, который она налила из гревшегося на костре котелка. Берелейн смерила её взглядом.

Аллиандре налила себе чая и немного на него подула.

— Они *действительно* хорошо друг другу подходят, Берелейн, — произнесла она. — Не могу сказать, что мне жаль видеть такой итог.

— Каждые отношения заслуживают испытания, — ответила Берелейн. — И если бы она погибла в Малдене, что вполне могло произойти, ему определённо кто-то

бы потребовался. Но это не большая для меня потеря — отказаться от Перрина Айбары. Я хотела бы через него проложить путь к самому Возрождённому Дракону, но будут и другие возможности. — Теперь она казалась менее расстроенной, чем мгновениями раньше. На самом деле она, казалось, снова стала расчётливой — то есть собой.

Аллиандре улыбнулась. «Умная женщина». Фэйли нужно было увидеть поражение своей соперницы, чтобы прийти к заключению, что опасность миновала. Именно по этой причине Берелейн позволила проявиться частице своего разочарования — больше, чем

допускала обычно.

Аллиандре отпила чай.

— Значит, брак для тебя не более чем холодный расчёт? Возможность приобрести выгоды?

— Есть ещё азарт охоты, опасной игры.

— А как же любовь?

— Любовь для тех, кто не правит, — произнесла Берелейн. — Женщины достойны большего, чем просто выйти замуж, но я должна заботиться о Майене. Если Последняя Битва начнётся, а у меня не будет законного супруга, престолонаследие будет под угрозой. А когда в Майене кризис наследования, тут же появляется Тир

и заявляет о своих правах. Поэтому увлечения для меня неприемлемая роскошь, которую я...

Она внезапно умолкла на полуслове, а выражение её лица изменилось. Что происходит? Аллиандре, нахмурившись, обернулась и тут же увидела причину.

На поляне появился Галад Дамодред.

Его белая форма была перепачкана кровью, и он выглядел смертельно уставшим. Однако держался он прямо, и его лицо было чистым. Он выглядел слишком красивым для человека, с идеальным мужским лицом и гибкой, стройной

фигурой. А эти глаза! Они были словно два глубоких, тёмных озера. Он едва не *светился* изнутри.

— Я... о чём я говорила? — переспросила Берелейн, не отрывая взгляда от Дамодреда.

— О том, что в жизни правителя нет места любовным увлечениям?

— Ах, да, — рассеянно сказала Берелейн. — Абсолютно неразумно.

— Ну да, ну да.

— Я... — начала было женщина, но тут Дамодред повернулся к ним. Она замолчала, стоило их глазам встретиться.

Аллиандре сдержала улыбку. Дамодред направился к ним. Он отвесил каждой из них идеальный

поклон, хотя вряд ли даже заметил, что второй женщиной была Аллиандре.

— Ми... леди

Первенствующая, — обратился он. — Лорд Айбара утверждает, что когда он собирался вступить в бой, вы за меня заступились.

— Это было глупо с моей стороны, — ответила Берелейн. — Я боялась, что он собирается напасть на вас.

— Если подобные опасения признак глупости, — заметил Дамодред, — значит мы оба в дураках. Я тоже был убеждён, что Айбара вскоре разобьёт мою армию.

Она ему улыбнулась. Как же

быстро она позабыла обо всём только что сказанном.

— Не хотите ли чаю? — спросил несколько невпопад Дамодред, потянувшись к чашкам, которые стояли на расстеленном куске материи неподалёку от костра.

— Я уже пью, — заметила она.

— А ещё немного? — спросил он, быстро наклоняясь и наполняя чашку.

— М-м-м.

Он выпрямился с чашкой в руке и потом заметил, что она уже держит одну в руках.

— Нам ещё нужно нарезать бинтов, — сказала Берелейн. — Возможно, вы могли бы помочь.

— Возможно, — согласился Галад. Он отдал наполненную им чашку Аллиандре. Берелейн, не сводя глаз с мужчины, отдала ей свою, явно не замечая, что делает.

Аллиандре широко улыбнулась, держа три чашки сразу, когда парочка направилась к куче тряпья. Что ж, всё может отлично устроиться. По крайней мере, это поможет выгнать этих треклятых Белоплащников прочь из её королевства.

Она отправилась обратно к Фэйли и Перрину. Вернувшись к ним, она вытащила из отложенной кучи юбку из голубого шёлка. Из неё выйдет отличный пояс.

Глава 44

НЕОБЫЧНАЯ ПРОСЬБА

Моргейз вышла из своей палатки, расположенной на склоне холма, и оглядела раскинувшийся Андор. Внизу располагалось Беломостье, прекрасно знакомое, хотя и заметно разросшееся. Фермерам приходилось тяжело, то, что осталось после зимы, портилось, поэтому люди устремились в города.

Всё вокруг должно было быть зелёным. Но вместо этого, даже пожелтевшая трава засохла, оставив

после себя на земле бурые шрамы. Ещё чуть-чуть, и вся земля превратится в пустыню. Она должна что-нибудь предпринять. Это её страна. Или когда-то была её.

Она отправилась на поиски мастера Гилла. По пути она прошла мимо Фэйли, которая вновь беседовала с квартирмейстером. Моргейз кивнула ей, выказывая своё почтение. Фэйли кивнула в ответ. Между ними разверзлась пропасть. Моргейз сожалела об этом и хотела, чтобы всё было иначе. Она поделила с подругами кусочек жизни, когда надежда была слабее пламени свечи. Когда они попали в ловушку, именно Фэйли вдохновила Моргейз

воспользоваться Единой Силой, выжав весь свой ничтожный потенциал до последней капли, чтобы подать сигнал о помощи.

Лагерь уже был хорошо обустроен, и, что удивительно, к ним присоединились Белоплащники, однако Перрин всё ещё не решил, как поступить дальше. Или, по крайней мере, он не поделился своим решением с Моргейз.

Она шла вдоль ряда фургонов, миновав кузнецов; конюхов, ищущих лучшее место для пастбища; людей, спорящих возле склада снабжения; солдат, неохотно роющих траншеи для отходов. У каждого было своё дело, кроме Моргейз. Проходившие

мимо слуги, не уверенные, как теперь к ней относиться, отвесили полупоклон. Она больше не была королевой, но и не была обычной знатной дамой. И, определённо, она больше не являлась прислугой.

Хотя время, проведённое с Галадом, напомнило ей о том, что значит быть королевой, она была благодарна тому, чему научилась, будучи Майгдин. Это оказалось не так страшно, как она боялась; в должности горничной есть свои преимущества. Товарищеские отношения с другой прислугой, нет груза ответственности, время, проведённое с Талланвором...

Та жизнь была не её. Пришло

время покончить с притворством.

Наконец, она нашла Базела Гилла, загружающего телегу; Ламгвин и Бриане помогали ему, а Лини распоряжалась. Фэйли отпустила Ламгвина и Бриане со службы, поэтому теперь они могли служить Моргейз. Та промолчала насчёт того, что Фэйли так любезно вернула ей её же прислугу.

Талланвора с ними не было, Ну, она больше не может позволить себе грезить о нём, словно девчонка. Она должна вернуться в Кэймлин и помочь Илэйн.

— Ваше Вели... —
поклонившись, сказал Мастер Гилл. Он колебался. — Я хотел сказать,

миледи. Простите меня.

— Ничего страшного мастер Гилл. Я с трудом вспоминаю, кем была.

— Ты уверена, что хочешь идти до конца? — Лини скрестила худые руки на груди.

— Да, — ответила Моргейз. — Наш долг — вернуться в Кэймлин и оказать Илэйн посильную помощь.

— Как скажешь, — сказала Лини. — По мне так тот, кто держит двух петухов в одном курятнике, вполне заслуживает тот гвалт, что они там устраивают.

Моргейз приподняла бровь.

— Ясно. Однако, я думаю, ты убедишься в том, что я способна

помочь Илэйн, не посягая на её власть.

Лини пожала плечами.

Но старая няня попала в точку; Моргейз следует быть осторожной. Слишком долгое пребывание в столице может бросить тень на Илэйн. Но если Моргейз чему-то и научилась, месяцами скрываясь под именем Майгдин, это тому, что нужно делать что-нибудь полезное, даже если это что-то столь же простое, как учиться подавать чай. Знания Моргейз могут пригодиться Илэйн в грядущие трудные времена. Однако, если она начнёт затмевать свою дочь, то всегда сможет уехать из Кэймлина в своё западное поместье.

Остальные быстро загружали телегу. Моргейз скрестила руки на груди, чтобы удержаться и не помогать им. В заботе о себе было определённое чувство удовлетворения. Пока она ждала, то заметила, как кто-то ехал по дороге из Беломостья. Талланвор.

Что он делал в этом городе? Он увидел её, подъехал ближе и поклонился, его худое квадратное лицо выражало почтение.

— Миледи.

— Ты был в городе? Разве лорд Айбара тебе разрешил?

Перрин не хотел, чтобы внезапный поток солдат и беженцев наводнил город и вызвал проблемы.

— Миледи, здесь живёт моя семья, — ответил Талланвор, спешиваясь. Его голос был жёстким и официальным. — Мне показалось, что было бы мудро проверить данные, добытые разведчиками лорда Айбара.

— Это так, лейтенант Гвардии Талланвор? — спросила Моргейз. Она тоже может разговаривать с ним официальным тоном. Лини, проходя мимо с охапкой белья к телеге, фыркнула, услышав тон Моргейз.

— Да, миледи, — ответил Талланвор. — Миледи... могу ли я внести предложение?

— Говори.

— Судя по сообщениям, ваша

дочь всё ещё считает вас мертвой. Я уверен, что если мы поговорим с лордом Айбарой, он прикажет своим Аша'манам создать Врата, которые доставят нас в Кэймлин.

— Интересное предложение, — осторожно сказала Моргейз, игнорируя ухмылку на лице Лини, идущей в обратную сторону.

— Миледи, — сказал Талланвор, пронзив взглядом Лини, — не могли бы мы поговорить наедине?

Моргейз кивнула и направилась прочь из лагеря. Талланвор последовал за ней. Пройдя небольшое расстояние, она повернулась и посмотрела на него.

— Итак?

— Миледи, — продолжил он уже более мягким голосом. — Теперь, когда уже весь лагерь Айбары знает о том, что вы живы, я уверен, что андорский двор тоже скоро об этом услышит. Если вы не появитесь и не объясните, что отrekliсь от трона, слухи о том, что вы выжили, могут подорвать власть Илэйн.

Моргейз не ответила.

— Если Последняя Битва и, правда, близко, — сказал Талланвор, — мы не можем допустить...

— О, помолчи, — оборвала она его. — Я уже приказала Лини и остальным собираться. Разве ты не

заметил, чем они занимаются?

Талланвор покраснел, когда заметил, что Гилл тащит сундук и загружает его в повозку.

— Простите меня за дерзость. С вашего позволения, миледи. — С коротким кивком Талланвор развернулся и собрался уходить.

— Неужели мы должны разговаривать друг с другом таким официальным тоном, Талланвор?

— Иллюзия развеялась, миледи. И он ушёл.

Моргейз смотрела, как он уходит, и чувствовала, как разрывается её сердце. Будь проклято её упрямство!

Проклятый Галад! Его

появление напомнило ей о её гордости, о её королевском долге.

Ей лучше было не иметь мужа. Она научилась этому на Тарингейле. Их брак принёс стабильность, но каждое его преимущество несло угрозу её трону. Именно поэтому ни Брина, ни Тома она не сделала своим официальным супругом-консортом, а Гейбрил только доказал, что она беспокоилась не зря.

Любой мужчина, за которого она вышла бы замуж, мог стать угрозой для Илэйн и для Андора. Её дети, если бы они родились от такого брака, стали бы соперниками Илэйн. Моргейз не могла позволить себе любить.

Талланвор остановился
невдалеке, и у неё перехватило
дыхание. Он повернулся и пошёл
прямо к ней. Лейтенант вытащил
свой меч и почтительно склонился,
положив его на траву к её ногам.

— Я был не прав, угрожая
отъездом, — тихо сказал он. — Мне
было больно, а боль делает мужчину
глупым. Моргейз, ты знаешь, что я
всегда буду рядом. Я обещал это
прежде, и сейчас не откажусь от
своих слов. В эти дни я чувствую себя
мошкой среди орлов. Но у меня есть
мой меч и моё сердце, и оба они
принадлежат тебе. Навсегда.

Он встал, чтобы уйти.

— Талланвор, — сказала она

почти шёпотом. — Знаешь, ты никогда не спрашивал меня. Стану ли я твоей.

— Я не могу поставить тебя в такое положение. Было бы неправильно вынудить тебя сделать то, что, как мы оба знаем, ты должна сделать, сейчас, когда ты открыла, кто ты такая.

— И что я должна сделать?

— Прогнать меня, — он выпалил это слово, очевидно, разозлившись. — Ради блага Андора.

— Но нужно ли? — сказала она. — Я продолжаю себе это повторять, Талланвор, но до сих пор сомневаюсь.

— Какая тебе от меня

польза? — спросил он. — По меньшей мере, ты должна выйти замуж, чтобы помочь Илэйн привлечь на свою сторону кого-то из тех, кому ты нанесла оскорбление.

— Получается, я должна выйти замуж без любви? — спросила она. — Опять. Сколько ещё раз мне придётся пожертвовать своим сердцем ради Андора?

— Я полагаю, столько, сколько потребуется.

Он говорил это с ожесточением, сжимая кулаки. Со злобой не на неё, а на судьбу. Он всегда был страстным человеком.

Она заколебалась, но покачала головой.

— Нет, — сказала она. —
Больше не стану. Талланвор,
посмотри на это небо над нами. Ты
видел, что творится в мире, ощущал
касание Тёмного. Сейчас не время
жить без надежды — и без любви.

— Но как же долг?

— Проклятый долг может и
подождать своей очереди. Он и так у
меня в крови. Я всем что-то должна,
Талланвор. Всем, кроме
единственного, кто мне нужен. —
Она переступила через лежащий в
траве меч, и, не удержавшись, в один
миг поцеловала его.

— Так, вы двое! — раздался
строгий голос. — Мы прямо сейчас
пойдём к лорду Айбаре.

Моргейз отпрянула от
Талланвора. Это была Лини.

— В чём дело? — Моргейз
попыталась восстановить
самообладание.

— Вы поженитесь, — объявила
Лини. — Даже если мне вас туда
придётся за уши притащить.

— Я сама решу, что мне
делать, — ответила Моргейз. —
Перрин пытался заставить меня...

— Я — не он, — отрезала
Лини. — Это лучше сделать, прежде
чем мы вернёмся к Илэйн. В
Кэймлине это будет уже сложнее. —
Она перевела свой взгляд на Гилла,
который как раз уложил сундук. — А
ты! Распакуй вещи миледи!

— Но, Лини, — запротестовала Моргейз, — мы собираемся в Кэймлин.

— Мы успеем сделать это завтра, дитя. Сегодня твой праздник. — Она пронзила их взглядом. — И пока вы не поженитесь, не думаю, что будет безопасно оставлять вас двоих наедине.

Моргейз покраснела.

— Лини, — прошипела она, — мне больше не восемнадцать!

— Нет, когда тебе было восемнадцать, ты вышла замуж, как полагается. Так мне схватить вас за уши?

— Я... — начала было Моргейз.

— Мы пойдём сами, Лини, —
вмешался Талланвор.

Моргейз впилась в него
взглядом. Он нахмурился.

— Что-то не так?

— Ты даже не сделал мне
предложения.

Он улыбнулся и обнял её.

— Моргейз Траканд, ты станешь
моей женой?

— Да, — ответила она. — А
теперь давай найдём Перрина.

* * *

Перрин потянул на себя ветку
дуба. Она обломилась, подняв в

воздух мучнистую древесную пыль. Когда он поднял сук, с надломленного конца на бурую траву посыпалась древесная труха.

— Это произошло прошлой ночью, — сказал Кивлин Торр. — Целая роща засохла всего за одну ночь. Полагаю, около сотни деревьев.

Перрин бросил ветку на землю и отряхнул с рук пыль.

— Мы видели вещи и похуже.

— Но...

— Не беспокойся об этом, — сказал Перрин. — Направь сюда людей, чтобы вырубili лес на дрова; мне кажется, они будут отлично гореть.

Кивлин кивнул и поспешил

прочь. Остальные ходившие между деревьев дровосеки, выглядели встревоженными. Дуб, ясень, вяз и орешник, погибшие за одну прошедшую ночь, — само по себе это было уже достаточно плохо. Но высохнуть так, будто жизнь ушла из них уже много лет назад? Это было очень тревожно. Лучше всего отнестись к этому спокойно, хотя бы для того, чтобы не пугать и без того перепуганных людей.

Перрин направился обратно в лагерь. Ещё издалека он почувствовал характерный запах кузниц. Они скупили каждый кусочек железа и стали, который смогли добыть в Беломостье. Люди с

готовностью обменивали товары на еду, и Перрин получил пять кузниц и людей для работы в них, вместе с молотами, инструментами и углём.

Возможно, он спас кого-то в городе от голода. По крайней мере, на какое-то время.

Кузнецы работали без остановки. Перрин надеялся, что работа не слишком изматывает Неалда с остальными. Созданное при помощи Силы оружие даст его людям чрезвычайное преимущество. Неалд не мог точно сказать, что именно он сделал, чтобы помочь выковать *Мах'аллейнир*, однако Перрин не был удивлён. Та ночь была особенной. Он положил руку на оружие, чувствуя его

слабое тепло, думая о Прыгуне.

Теперь Неалд выяснил, как сделать мечи, которые никогда не затупятся и не сломаются. Чем больше он практиковался, тем более острые клинки у него получались. Айильцы уже стали требовать, чтобы для их копий изготовили такие же острые наконечники, и Перрин отдал Неалду приказ вначале позаботиться о них. Это было меньшее, чем он мог им отплатить.

На краю самой большой площадки для Перемещений продолжающего укрепляться лагеря стояли соединенные в круг Анноура, Масури и Грейди, поддерживая открытыми ворота. Последняя группа

беженцев отправлялась в Кэймлин. Вместе с ними он отправил для Илэйн послание. Вскоре им предстоит встретиться, и он не был уверен, нужно ли ему об этом беспокоиться или нет. Время покажет.

Через другие Врата возвращались какие-то люди, везя с собой телеги с купленным в Кэймлине, где ещё можно было пополнить запасы, продовольствием. Наконец он заметил направляющуюся к нему через лагерь Фэйли. Перрин поднял руку, привлекая её внимание.

— У Бавина всё в порядке? — спросил Перрин. Она была в палатке

квартирмейстера.

— Всё хорошо.

Перрин потёр подбородок.

— Уже какое-то время я собираюсь тебе сказать — мне кажется, он не совсем с нами честен.

— Я специально слежу за ним, — ответила она, её запах выдавал удивление.

— Берелейн стала проводить больше времени с Белоплащниками, — сказал Перрин. — Кажется, ей приглянулся Дамодред. Она полностью оставила меня в покое.

— Правда?

— Да. А ещё она во всеуслышание объявила, что не

одобряет слухи о нас с ней. Свет, кажется, люди действительно этому верят. Я беспокоился, что они подумают, что это отчаянный ход!

От Фэйли пахло удовлетворением.

Он положил руку ей на плечо.

— Я не знаю, что ты сделала, но спасибо тебе.

— Ты знаешь, чем ястреб отличается от сокола, Перрин?

— В основном, размером, — ответил он. — А также формой крыла. Сокол скорее похож на стрелу.

— Сокол, — сказала Фэйли. — гораздо лучше летает. Он убивает клювом и может очень быстро летать. Ястреб же медленнее, но

сильнее; он превосходит других в ловле добычи, которая передвигается по земле. Он убивает когтями, нападая сверху.

— Хорошо, — сказал Перрин. — Но не значит ли это, что, увидев внизу кролика, ястреб победит?

— Именно так, — улыбнулась Фэйли. — Ястреб лучше охотится на кролика. Но, видишь ли, сокол всегда *справится* с ястребом. Ты отправил сообщение для Илэйн?

Женщины. Он никогда их не понимал. Хотя сейчас, это казалось не так уж и плохо.

— Да, отправил. Надеюсь, мы скоро сможем с ней встретиться.

— В лагере уже вовсю толкуют

О том, кого ты возьмёшь с собой.

— Зачем им это? — удивился Перрин. — Это будешь ты. Ты лучше других знаешь, как вести себя с Илэйн. Хотя, возможно, не повредит взять с собой Аллиандре.

— А Берелейн?

— Она может остаться в лагере, — сказал Перрин. — Следить за порядком здесь. Ей пришлось пойти в прошлый раз.

Сейчас от Фэйли запахло ещё большим удовлетворением.

— Нам следует... — она прервалась, нахмурившись. — Так, кажется, наконец облетел последний лист.

— Что? — спросил Перрин,

оборачиваясь. Фэйли смотрела на приближающуюся к ним группу. Возглавляла её престарелая Лини, а следом плелись Моргейз с Талланвором, которые смотрели друг на друга словно парочка, вернувшаяся с их первого совместного Бэл Тайна.

— Я думал, он ей не нравился, — удивился Перрин. — А если и нравился, то она не собиралась выходить за него замуж.

— Мнения меняются, — сказала Фэйли, — и гораздо быстрее, чем чувства.

Её запах выдавал небольшую злость, хоть она и пыталась скрыть её. Она так до конца и не простила

Моргейз, хотя была уже не столь враждебно настроена.

— Перрин Айбара, — произнесла Моргейз. — В этом лагере, помимо моего приёмного сына, ты больше остальных имеешь право называться лордом. Но сыну не пристало выдавать замуж собственную мать, и в таком случае, полагаю, это сделаешь ты. Этот мужчина попросил моей руки и хочет на мне жениться. Проведёшь ли ты для нас эту церемонию?

— Ты выбрала странный способ просить моей помощи, Моргейз, — ответил он.

Женщина, прищурившись, посмотрела на него. Фэйли тоже

взглянула на него, судя по запаху, она тоже была сердита. Перрин вздохнул. Даже когда они враждуют, эти женщины всегда не прочь вместе накинуться на мужчину, который сказал что-то не так — пусть даже чистую правду.

Однако Моргейз успокоилась.

— Прости меня. Я не хотела подрывать твой авторитет.

— Всё в порядке, — ответил он. — Полагаю, у тебя есть причина.

— Нет, — сказала Моргейз, будто становясь выше. Свет, когда она захочет, то может выглядеть по-королевски. Как они не заметили этого раньше? — Ты — *лорд*, Перрин Айбара. Твои поступки это доказали.

Благодаря тебе, спасено Двуречье, а, возможно, и весь Андор. До тех пор, пока вы остаётесь его частью.

— Двуречье и в будущем останется его частью, — пообещал Перрин.

— Что ж, если ты выполнишь мою просьбу, — сказала она, поглядев на Талланвора, — тогда я замолвлю за тебя словечко перед Илэйн. Могут быть сделаны назначения и дарованы соответствующие титулы.

— Хорошо, мы принимаем твоё предложение говорить от нашего имени, — быстро ответила Фэйли вместо Перрина. — Но мы сами обсудим с Её Величеством, является

ли дарование титулов... приемлемым в данном случае.

Перрин уставился на неё. Неужели она не оставила мысль о том, чтобы превратить Двуречье в отдельное королевство? Они никогда не обсуждали этого открыто, но ведь это она подтолкнула его поднять флаг Манетерен. Ничего, они ещё вернутся к этому разговору.

Неподалёку он заметил направляющегося прямо к ним Галада Дамодреда. Берелейн, как всегда в последнее время, шла рядом. Оказывается, Моргейз отправила за ним посыльного. Галад что-то прятал в карман — небольшое письмо с красной печатью. Откуда это у него?

Он выглядел обеспокоенно, хотя, когда он приблизился, его лицо просветлело. Он не выглядел удивлённым известием о браке; молодой человек кивнул Перрину и обнял свою мать, затем строго, но вежливо поприветствовал Талланвора.

— Какого типа церемонию вы хотели бы? — спросил Перрин Моргейз. — Я знаю только двуреченские обычаи.

— Уверена, будет достаточно простых клятв в вашем присутствии, — сказала Моргейз. — Я не молода и устала от церемоний.

— Согласен с вами, — сказал Перрин.

Галад отступил в сторону, а Моргейз и Талланвор взялись за руки.

— Мартин Талланвор, — сказала она, — Ты давал мне больше, чем я заслуживаю, и дольше, чем я осознавала это. Ты говорил, что любовь простого солдата — ничто перед мантией королевы, но я скажу, что величие мужчины скрывается не в его титуле, а в его душе.

Я видела твою храбрость, верность, преданность и любовь. Я видела, что в твоей груди бьётся сердце принца, сердце мужчины, который остался верен, когда сотни других отвернулись от меня. Я клянусь тебе в любви. И перед лицом

Света, я клянусь не покидать тебя. Я клянусь любить и почитать тебя, как своего мужа.

Берелейн вынула платок и промокнула уголки глаз. Да, женщины всегда плачут на подобных событиях. Хотя Перрин... хорошо, он тоже немного прослезился. Возможно, это из-за солнечного света.

— Моргейз Траканд, — сказал Талланвор, — я полюбил тебя за то, как ты относилась к подданным. Я увидел женщину, которая не только ответственно исполняет свои обязанности, но и со *страстью*. Даже когда я значил для тебя не больше, чем и любой другой

гвардеец, ты обращалась со мной с добротой и уважением. Ты относилась так ко всем.

Я люблю тебя за твою доброту, твой ум и силу воли. Даже Отрёкшийся не смог сломать тебя. Ты сбежала от него, когда он полагал, что полностью тебя подчинил. Даже самому ужасному из тиранов ты оказалась не по зубам, хотя ты была у него в руках. Не смогли тебя сломать и Шайдо. Другой на твоём месте, кому пришлось бы пройти через подобные испытания, озлобился бы. Но не ты... ты превратилась в ту, кем нужно восхищаться, лелеять и уважать.

Я клянусь тебе в любви. И перед

лицом Света я клянусь, что никогда, *никогда* не покину тебя. Я клянусь вечно любить и почитать тебя как свою жену. Я клянусь тебе в этом, Моргейз, хотя какая-то часть меня до сих пор не верит, что это происходит на самом деле.

Они стояли, глядя друг другу в глаза, словно Перрина рядом не было.

Он откашлялся.

— Ну, значит, так тому и быть. Объявляю вас мужем и женой.

Должен ли он дать какой-нибудь совет? Как он может что-то советовать Моргейз Траканд, королеве, чьи дети одного с ним возраста? Он только пожал плечами.

— Ну, вот и дело с концом.

От стоящей рядом Фэйли повеяло удивлением и немного недовольством. Лини фыркнула, когда Перрин закончил, но ушла вместе с Моргейз и Талланвором. Галад кивнул ему, а Берелейн сделала реверанс. Они удалились, Берелейн при этом отметила, как неожиданно всё произошло.

Фэйли улыбнулась ему.

— Тебе нужно будет потренироваться.

— Они же сами хотели, чтобы всё было по-простому.

— Так все *говорят*, — ответила Фэйли. — Но ты можешь придать церемонии дух торжественности,

одновременно сохраняя её краткой. Мы ещё поговорим об этом. В следующий раз у тебя получится лучше.

В следующий раз? Когда Фэйли повернулась и направилась к лагерю, он покачал головой.

— Куда ты идёшь? — спросил Перрин.

— Обратно к Бавину. Нужно реквизировать несколько бочек эля.

— Для чего?

— Для торжества, — ответила Фэйли, оглядываясь через плечо. — Если требуется, церемонию можно сократить. Но не праздник по её поводу. — Она посмотрела вверх. — Особенно в такие времена.

Перрин смотрел ей вслед, как она растворяется в огромном лагере. Солдаты, фермеры, ремесленники, айильцы, Белоплащники, беженцы. Почти семьдесят тысяч человек, не считая тех, кто ушёл или погиб в бою. Как ему досталось такое количество людей? Перед тем, как покинуть Двуречье, он никогда не встречал больше тысячи человек, собранных в одном месте.

Самой крупной в его лагере была группа бывших наёмников и беженцев, которых обучали Тэм и Даннил. Они называли себя Волчьей Гвардией, что бы это ни означало. Перрин направлялся проверить телеги с продовольствием, когда что-

то маленькое мягко ударило его по затылку.

Он замер и обернулся, осматривая лес за спиной. Справа он стоял бурый и мёртвый; слева — лес редел. Но там никого не было.

«Может, я переутомился? — удивился он, потирая голову и поворачиваясь, чтобы продолжить свой путь. — Раз мерещится всякое...»

И вновь что-то маленькое ударило его по затылку. Он развернулся и заметил, как что-то упало в траву. Нахмурившись, он опустился на колени и поднял жёлудь. Ещё один стукнул его прямо в лоб. Он прилетел из леса.

Перрин зарычал и направился в чащу. Возможно, это шалют немногочисленные детишки из лагеря? Впереди рос большой дуб; его ствол был таким толстым, чтобы за ним легко мог кто-нибудь спрятаться. Подойдя ближе, он вдруг засомневался. Что если это ловушка? Он опустил руку на молот и стал подкрадываться. Дерево стояло по ветру, и он не мог уловить запах...

Вдруг из-за дерева высунулась рука, сжимавшая коричневый мешок.

— Я поймал барсука, — произнёс знакомый голос. — Хочешь, выпустим его на деревенском лугу?

Перрин замер... и разразился

громким смехом. Он обошёл вокруг дерева и обнаружил за ним человека в красном с золотом кафтане с высоким воротником и добротных коричневых штанах, сидящего на обнажённых корнях дерева. У его ног извивался мешок. Мэт лениво жевал кусок вяленого мяса. На голове была широкополая чёрная шляпа. Рядом к дереву было прислонено чёрное копьё с широким лезвием на конце. Откуда у него такая шикарная одежда? Не он ли сам осуждал Ранда, когда тот принялся носить подобные наряды?

— Мэт? — спросил Перрин, слишком ошарашенный встречей, чтобы сказать что-то ещё. — Что ты

здесь делаешь?

— Ловлю барсуков, — ответил Мэт, трясая перед ним мешком. — Проклятье, ты знаешь, как это трудно, особенно, когда у тебя не так много времени.

В мешке что-то зашевелилось, и Перрин услышал внутри слабое рычание. По запаху он чувствовал, что действительно, в мешке находится нечто живое.

— Ты и, правда, его поймал?

— Считай, что у меня ностальгия.

Перрин не знал, то ли ему отчитать Мэта, то ли засмеяться — такая мешанина эмоций была обычным явлением, когда

поблизости находился Мэт. К счастью, теперь, когда они были вместе, перед глазами Перрина больше не кружили никакие цвета. Свет, они бы сильно мешали. Однако, Перрин чувствовал... скованность.

Его долговязый друг улыбнулся, положил мешок на землю, встал и протянул ему руку. Перрин пожал её, но потом заключил Мэта в крепкие дружеские объятия.

— Свет, Мэт, — сказал Перрин. — Кажется, будто мы не виделись целую вечность!

— Целую жизнь, — сказал Мэт. — Может две. Я сбился со счёта. В любом случае, Кэймлин уже гудит новостями о твоём прибытии.

И вот я решил, что единственный шанс перекинуться с тобой парой слов — это если я проскользну сквозь Врата и найду тебя прежде, чем это успеет сделать кто-нибудь ещё. — Мэт поднял своё копье и положил его себе на плечо.

— Где ты был? Чем занимался? А Том с тобой? Что с Найнив?

— Вопрос на вопросе, — сказал Мэт. — Насколько ты уверен в своём лагере?

— Он безопасен так же, как и любое другое место.

— Значит, недостаточно, — Мэт стал серьёзным. — Слышь, Перрин, за нами охотится много опасных

людей. Я пришёл, потому что хотел предупредить тебя — будь осторожнее. В скором времени убийцы найдут тебя, и ты должен быть готов к их приходу. Нам нужно поговорить. Но я не хочу делать это здесь.

— А где же?

— Встретимся в гостинице «Весёлая компашка», в Кэймлине. Да, и если ты не возражаешь, я хочу ненадолго позаимствовать у тебя одного из тех парней в чёрных мундирах. Мне нужны Врата.

— Зачем?

— Я объясню. Но позже. — Мэт коснулся шляпы, повернулся и бросился бегом ко всё ещё открытым

вратам в Кэймлин. — Я серьёзно, — сказал он, развернувшись, на бегу. — Будь *осторожен*, Перрин.

С этими словами он увернулся от нескольких беженцев и прошёл сквозь Врата. Как ему удалось проскользнуть мимо Грейди? Свет! Перрин покачал головой, а затем нагнулся, чтобы развязать мешок и освободить бедного барсука.

Глава 45

ВОССОЕДИНЕНИЕ

Открыв усталые глаза, Илэйн проснулась в своей постели.

— Эгвейн? — пробормотала она, сбитая с толку. — Что?

Последние воспоминания о сне растворились, словно мёд в тёплом чае, но слова Эгвейн накрепко врезались в память. «*Змея пала*, — сообщала Эгвейн. — *Твой брат вернулся вовремя*».

Илэйн села, почувствовав огромное облегчение. Она провела всю ночь, пытаясь направить Силу, чтобы с помощью *тер'ангриала*

войти в Мир Снов, но безрезультатно. Узнав, что, пока она у себя в комнате терзалась яростью оттого, что не может попасть на встречу с Эгвейн, Бергитте не впустила Гавина, Илэйн пришла в бешенство.

Что ж, кажется, Месана побеждена. И что это Эгвейн такое сказала об её брате? Илэйн улыбнулась. Может быть, они с Эгвейн наконец-то пришли к согласию.

Сквозь занавеси пробивался утренний свет. Илэйн откинулась назад, чувствуя через связь с Рандом появившийся там не так давно мощный поток тепла. Свет, какое же удивительное ощущение. В момент,

когда она впервые почувствовала его, облачный покров вокруг Андора прорвался.

Прошла примерно неделя после начала испытания драконов. Она обязала всех литейщиков колоколов королевства работать над их созданием. В эти дни каждый в Кэймлине слышал размеренный, повторяющийся грохот — это на холмах за пределами города солдаты Отряда практиковались с новым оружием. Пока Илэйн разрешила использовать для обучения лишь несколько орудий. Разные расчёты практиковались на них по очереди. На тайном складе в Кэймлине ей уже удалось накопить большое

количество драконов.

Девушка вновь вспомнила послание во сне. Она страстно желала узнать подробности. Что ж, вероятно, со временем Эгвейн пришлёт через Врата посыльного.

Дверь приоткрылась, и в неё заглянула Мелфани.

— Ваше Величество? — произнесла невысокая круглолицая женщина. — Всё в порядке? Мне показалось, я слышала крик боли.

С той поры, как Мелфани позволила Илэйн вставать с постели, повитуха решила спать в прихожей у её спальни, чтобы не спускать с неё глаз.

— Это от радости, Мелфани, —

ответила Илэйн. — Приветствие прекрасному посетившему нас утру.

Мелфани нахмурилась. В присутствии этой женщины Илэйн пыталась вести себя жизнерадостно, чтобы убедить её, что постельный режим ей больше не нужен, но, пожалуй, последнее замечание было слишком наигранным. Илэйн не могла допустить, чтобы стало заметно, как она заставляет себя радоваться, даже если это так на самом деле. Несносная женщина.

Мелфани вошла и распахнула шторы. «Солнечный свет полезен беременным женщинам», — объяснила она. В последнее время от Илэйн требовалось сидеть в постели

с откинутым покрывалом, чтобы её кожа загорала под весенним солнцем. Когда Мелфани подошла, Илэйн почувствовала слабые толчки внутри.

— Ах! Вот снова. Они толкаются, Мелфани! Прикоснись!

— Я ещё не смогу этого почувствовать, Ваше Величество. Только когда толчки станут сильнее.

Она приступила к привычному осмотру. Послушала сердцебиение Илэйн, затем малыша. Мелфани всё ещё не верила, что это близнецы. Потом она осмотрела и ощупала Илэйн, заставив её пройти все пункты своего секретного списка наиболее раздражающих и

смущающих женщину проверок.

Наконец, Мелфани упёрла руки в бока, внимательно глядя на Илэйн, которая завязывала ворот ночной рубашки.

— Думаю, за последнее время вы переутомились. Я хочу быть уверена, что вы как следует отдохнёте. Пару лет тому назад дочь моей двоюродной сестры Тессы родила ребёнка, он едва дышал. Хвала Свету, что ребёнок выжил, ведь *она* ещё накануне работала в поле допоздна и не питалась как следует. Только представьте себе! Берегите себя, моя королева, и ваши младенцы будут благодарны.

Илэйн кивнула, расслабляясь.

— Постой! — вскрикнула она, снова садясь. — *Младенцы?*

— Да, — сказала Мелфани, направляясь к двери. — Два сердца бьются в вашем чреве, это так же бесспорно, как и то, что у меня две руки. Не понимаю, как вы узнали об этом.

— Ты слышала как бьются их сердца! — ликующе воскликнула Илэйн.

— Да, они там, это так же ясно, как и солнце в небе, — Мелфани покачала головой и ушла, прислав Нарис и Сефани одеть и причесать Илэйн.

Ожидая, пока они закончат, Илэйн не могла оправиться от

изумления. Мелфани поверила! Илэйн не могла сдержать улыбки.

Через час она попивала тёплое козье молоко в своей малой гостиной; все окна были распахнуты, впуская солнечный свет. В гостиную на длинных тонких ногах вошёл мастер Норри с кожаной папкой под мышкой. У него были удлинённые, заострённые черты лица, а из-за ушей торчали пучки волос. Мастера Норри сопровождала Дайлин, которая редко появлялась по утрам. Увидев женщину, Илэйн приподняла бровь.

— У меня есть сведения, Илэйн, о которых ты просила, — сказала Дайлин, наливая себе утренний чай.

Сегодня это была морошка. — Я слышала, что Мелфани всё подтвердила?

— Так и есть.

— Мои поздравления, Ваше Величество, — промолвил мастер Норри. Он раскрыл свою папку на высоком, узком столике рядом с креслом Илэйн и начал приводить в порядок бумаги. Он редко садился в её присутствии. Дайлин заняла одно из удобных кресел возле камина.

Какие ещё сведения Илэйн у неё просила? Она не могла вспомнить ничего определённого. Поиск ответа отвлёк её во время ежедневного доклада Норри о присутствующих армиях в округе. Он изложил

перечень препирательств между группами наёмников и рассказал о трудностях с продовольствием. Несмотря на помощь женщин Родни, создававших Врата для поставок из южных владений Ранда, и неожиданные находки продовольствия в городе, запасы Кэймлина истощались.

— Наконец, что касается наших, гм, гостей, — сказал Норри, — прибыли посыльные с вполне ожидаемыми ответами.

Ни один из трёх Домов, чьи главы были захвачены, не были в состоянии заплатить выкуп. Когда-то имения Араун, Саранд и Марни были среди самых плодородных и богатых

в Андоре, но теперь они обнищали, их кошельки опустели, а земли обесплодели. И Илэйн лишила два из них руководства. Свет, какая неразбериха!

Норри перешёл к другому вопросу. Она получила письмо от Талманеса, который соглашался на ввод нескольких рот Красной Руки в Кайриэн. Она приказала Норри переслать ему приказ с её печатью, в котором поручала солдатам «оказать помощь в восстановлении порядка». Это был, конечно, вздор. Никакой порядок восстанавливать было не нужно. Но если Илэйн собиралась занять Солнечный Трон, ей необходимо сделать некоторые

предварительные шаги в этом направлении.

— Именно это я хотела бы обсудить, Илэйн, — сказала Дайлин, когда Норри начал собирать свои бумаги, скрупулёзно складывая листочек к листочку. Сохрани Свет всех присутствующих, если хоть один из этих драгоценных листочков порвётся или запачкается.

— Ситуация в Кайриэне... запутанная, — произнесла Дайлин.

— А когда было иначе? — спросила Илэйн со вздохом. — Ты узнала что-то об их политических настроениях?

— Полная неразбериха, — просто сказала Дайлин. — Мы

должны поговорить о том, как ты собираешься управлять двумя государствами, а присутствовать только в одном.

— У нас есть переходные Врата, — ответила Илэйн.

— Верно. Но ты *должна* найти способ занять Солнечный Трон так, чтобы это не выглядело, будто Андор поглощает Кайриэн. Местная знать примет тебя как королеву лишь в том случае, если будет видеть, что равна андорцам. Иначе, как только ты отвернёшься, заговоры будут расти как дрожжи в лохани с тёплой водой.

— Они будут *равны* андорцам, — сказала Илэйн.

— Они решат иначе, если ты

явишься с армией, — ответила Дайлин. — Кайриэнцы очень гордые. Представив, что они живут под пятой завоевателей-андорцев...

— Они жили под властью Ранда.

— Со всем уважением, Илэйн, — заметила Дайлин, — он Возрождённый Дракон, а ты — нет.

Илэйн нахмурилась, но как с этим можно было поспорить?

Мастер Норри прочистил горло.

— Ваше Величество, совет леди Дайлин вовсе не пустые размышления. Я, гм, кое-что слышал. Зная о ваших интересах в Кайриэне...

Его мастерство в сборе информации росло. Она-таки

сделает его настоящим мастером шпионажа!

— Ваше Величество, — продолжил Норри, понизив голос. — Ходят слухи, что вы скоро придёте, чтобы захватить Солнечный Трон. Уже поговаривают о восстании против вас. Пустые размышления, я уверен, но...

— Кайриэнцы видят в Ранде ал'Торе императора, а не иноземного короля, — сказала Дайлин, — Это разные вещи.

— Что ж, нам нет необходимости отправлять армии, чтобы заполучить Солнечный Трон, — ответила Илэйн задумчиво.

— Я... не уверен в этом, Ваше

Величество, — сказал Норри. —
Слух довольно распространённый.
Кажется, что, как только лорд
Дракон объявил, что трон ваш, кое-
кто в стране начал медленно
действовать, чтобы это
предотвратить. Из-за этих слухов
многие беспокоятся, что вы отберёте
у кайриэнцев их титулы и передадите
их андорцам. Другие утверждают,
что вы сделаете кайриэнцев людьми
второго сорта.

— Ерунда, — сказала Илэйн. —
Это просто смешно!

— Очевидно, — сказал
Норри, — но слухи множатся. Они
кажется, гм, растут как сорняки.
Преобладает подобное мнение.

Илэйн скрипнула зубами. Мир стремительно превращался в место, где выживут только те, у кого есть сильные альянсы, связанные узами как крови, так и бумаги. Впервые за много поколений ей предоставилась наилучшая возможность объединить Кайриэн и Андор.

— Нам известно, кто является источником этих слухов?

— Это трудно установить, миледи, — ответил Норри.

— Кому это выгоднее всего? — спросила Илэйн. — Это первое, с чего стоит начать поиски.

Норри покосился на Дайлин.

— Кто угодно *может* извлечь выгоду, — ответила Дайлин,

помешивая чай. — Могу предположить, что наиболее выгодно это тем, у кого больше всего шансов заполучить трон.

— Те, кто сопротивлялся Ранду, — высказала догадку Илэйн.

— Возможно, — сказала Дайлин. — А возможно и нет. Дракон уделил много внимания сильнейшим из восставших, и многие из них изменили свои убеждения или сломались. Так что, мы, вероятно, должны скорее подозревать его союзников, тех, кому он доверяет больше других, или тех, кто выражает ему наибольшую преданность. В конце концов, это Кайриэн.

«Дэсс Дей'мар». Да, это логично, союзники Ранда препятствовали её восхождению на трон. Те, кого приблизил Ранд, сами имеют неплохие шансы занять трон, прояви Илэйн несостоятельность. Однако те же люди сами себе напортили, открыто выразив преданность иноземному правителю.

— Полагаю, — задумчиво произнесла Илэйн, — что *наилучшие* шансы на трон у того, кто придерживается середины. У кого-нибудь, кто не сопротивлялся Ранду и не снискал его гнев. Но также и у того, кто не поддерживал его слишком искренне, у того, кто кажется патриотом, кто может

вмешаться и захватить власть, как только я потерплю неудачу.

Она посмотрела на своих собеседников.

— Найдите мне имена тех, чьё влияние недавно резко возросло, знатного мужчину или женщину, которые соответствуют этим критериям.

Дайлин и мастер Норри кивнули. Со временем она, вероятно, должна будет создать более мощную сеть шпионов, так как никто из этих двоих не подходил идеально на роль руководителя глаз и ушей. Норри был слишком очевидным вариантом, к тому же у него было множество других обязанностей. Дайлин была...

что ж, Илэйн не была уверенна, кем была Дайлин.

Она была многим обязана этой женщины, которая, казалось, взяла на себя роль приёмной матери Илэйн. Голос опыта и мудрости. Но в конечном счёте, Дайлин должна будет отступить. Ни Илэйн, ни сама Дайлин не могли позволить распространиться мнению, что в руках последней сосредоточена реальная власть.

Но Свет! Что бы она делала без этой женщины? Илэйн подавила внезапный наплыв чувств. Кровь и проклятый пепел, *когда* прекратятся эти перепады настроения? Королева не может себе позволить рыдать на

публике по любому поводу!

Илэйн промокнула глаза.
Дайлин мудро промолчала.

— Это к лучшему, — сказала Илэйн твёрдо, чтобы отвлечь внимание от своих предательских глаз. — Я всё ещё волнуюсь по поводу вторжения.

Дайлин в ответ промолчала. Она не верила, что Чесмал имела в виду вторжение именно в Андор; по её мнению, Чёрная сестра говорила о нашествии троллоков в Порубежье. Бергитте восприняла новость более серьёзно, увеличив число солдат на границах Андора. И всё же, Илэйн очень хотела завладеть Кайриэном; если троллоки вздумают двинуться

на Андор, то они могут напасть со стороны соседнего королевства.

Прежде чем беседа продолжилась, дверь в прихожую распахнулась, и Илэйн бы подскочила, если б заранее не почувствовала, что это Бергитте. Страж никогда не стучала. Она вошла с мечом на поясе, который носила с неохотой, её штаны были заправлены в чёрные, достигающие до колена сапоги. Было необычным увидеть её в сопровождении двух одетых в плащи фигур со скрытыми под капюшонами лицами. Норри в ужасе от столь беспардонного вмешательства, отступил на шаг, протестуя подняв руку к груди.

Все знали, что Илэйн не принимала посетителей в малой гостиной. Если Бергитте привела людей сюда...

— Мэт? — предположила Илэйн.

— Холодно, — ответил такой знакомый голос, твёрдый и звонкий. Человек повыше снял свой капюшон, открыв красивое до совершенства мужское лицо. У него были квадратный подбородок и внимательные глаза, так хорошо запомнившиеся Илэйн с детства, главным образом в те моменты, когда он заставлял её за чем-то неподобающим.

— Галад, — промолвила Илэйн, удивлённая теплотой, которую

испытала к своему сводному брату. Она встала и протянула к нему руки. Большую часть детства Галад был сплошным расстройством для Илэйн по той или иной причине, но как же *приятно* видеть его живым и здоровым.

— Где ты был?

— Я искал правду, — ответил Галад, отточено поклонившись, но он не приблизился, чтобы взять её за руки. Он выпрямился и посмотрел в сторону второй фигуры. — И обнаружил нечто неожиданное. Крепись, сестра.

Илэйн нахмурилась, когда вторая фигура, пониже, откинула свой капюшон. Это оказалась её

мать.

Илэйн ахнула. Это была *она*! Это лицо, эти золотые волосы. Эти глаза, которые так часто смотрели на Илэйн в детстве, изучая её, оценивая её, не просто как мать оценивает дочь, но как королева оценивает своего преемника. Илэйн почувствовала, как сердце сильнее заколотилось в груди. Её мать. Её *мать* жива!

Моргейз жива. Королева жива.

Моргейз встретила глазами с Илэйн, и затем — странно — опустила взгляд.

— Ваше Величество, — сказала она и сделала реверанс прямо на пороге.

Илэйн обуздала свои мысли и панику. Она сама была королевой, или *должна* была быть, или... Свет! Она заняла трон и *во всяком случае* была Дочерью-Наследницей. Но теперь её родная мать вернулась, восстав из проклятых *мёртвых*?

— Прошу, садитесь, — смогла вымолвить Илэйн, указав Моргейз на место возле Дайлин. Было отрадно, что Дайлин справляется с шоком ничуть не лучше самой Илэйн. Она сидела с выпученными глазами, сжав чашку чая в побелевших пальцах.

— Благодарю вас, Ваше Величество, — сказала Моргейз, проходя вперёд. Галад присоединился к ней, успокаивающе

положив руку на плечо Илэйн. Затем он принёс себе стул с другого конца комнаты.

Тон Моргейз был более сдержанным, чем помнила Илэйн. И почему она продолжала называть Илэйн этим титулом? Королева приехала тайком, спрятавшись под капюшоном. Илэйн разглядывала мать, пока та усаживалась, складывая все части воедино.

— Ты отреклась от трона, не так ли?

Моргейз величественно кивнула.

— Ох, хвала Свету, — произнесла Дайлин, испустив громкий вздох и прижав руку к груди. — Без обид, Моргейз. Но на

мгновение мне почудилась война между Тракандами!

— До этого бы не дошло, — сказала Илэйн одновременно с Моргейз. Их глаза встретились, и Илэйн позволила себе улыбнуться. — Мы нашли бы... разумное решение. Это подойдёт, хотя я, конечно, недоумеваю, что же случилось.

— Меня захватили Дети Света, Илэйн, — сказала Моргейз. — Старый Пейдрон Найол являлся порядочным человеком во многих отношениях, но его преемник таковым не был. *Я не позволила* использовать себя против Андора.

— Проклятые Белоплащники, — пробормотала Илэйн. Свет, значит,

они написали чистую *правду*, что держат Моргейз у себя?

Галад посмотрел на неё, подняв бровь. Он поставил принесённый стул и откинул свой плащ, продемонстрировав под ним сверкающую белизной форму с солнечной вспышкой на груди.

— А, *верно*, — раздражённо сказала Илэйн. — Я почти забыла об этом. Нарочно.

— У Чад были ответы, Илэйн, — сказал он, присаживаясь. Свет, как же он невыносим. Так приятно снова его видеть, но он *так* её раздражал!

— Я не хочу это обсуждать, — ответила Илэйн. — Сколько

Белоплащиков пришло с тобой?

— Меня сопровождают в Андор все силы *Детей*, — ответил Галад. — Я их Лорд Капитан-Командор.

Илэйн моргнула, затем посмотрела на Моргейз. Старшая Траканд кивнула.

— Что ж, — произнесла Илэйн, — вижу, нам многое нужно обсудить.

Галад воспринял это как просьбу — он воспринимал всё очень буквально — и начал объяснять, как он занял своё положение. В его рассказе было множество деталей, и Илэйн изредка поглядывала на мать. Чувства Моргейз было невозможно

прочитать.

Когда Галад закончил, он спросил о войне за престолонаследие. Разговор с Галадом часто был скорее официальным обменом сведениями, нежели семейной беседой. Прежде это бесило Илэйн, но на этот раз она обнаружила, что, вопреки желанию, она действительно по нему соскучилась. Поэтому она слушала с любовью.

В конце концов, разговор сам собой иссяк. Было ещё о чём с ним потолковать, но Илэйн безумно хотела просто поговорить с матерью.

— Галад, — сказала Илэйн, — я хотела бы продолжить наш разговор.

Не желаешь ли прийти на ранний ужин сегодня вечером? А до тех пор ты можешь отдохнуть в своих старых покоях.

Он кивнул, поднимаясь.

— Было бы здорово.

— Дайлин, мастер Норри, — обратилась Илэйн, — то, что моя мать жива, приведёт к некоторым... деликатным государственным вопросам. Нам необходимо будет официально и быстро опубликовать её отречение. Мастер Норри, я поручаю вам составить официальный документ. Дайлин, пожалуйста, сообщи эту новость моим самым преданным союзникам, чтобы они не оказались застигнуты

врасплох.

Дайлин кивнула и взглянула на Моргейз — женщины не было среди тех, кого обидела бывшая королева во время влияния на неё Равина, но она, несомненно, слышала сплетни. Затем Дайлин удалилась вместе с Галадом и мастером Норри. Как только закрылась дверь, Моргейз взглянула на Бергитте. Кроме них, Страж осталась единственной в комнате.

— Я доверяю ей как сестре, матушка, — сказала Илэйн. — Иногда совершенно невыносимой старшей сестре, но всё равно сестре.

Моргейз улыбнулась, потом поднялась и заключила Илэйн в объятия.

— Ах, доченька, — сказала она со слезами на глазах. — Только взгляни на то, что ты совершила! Настоящая королева во всей красе!

— Ты хорошо обучала меня, матушка, — сказала Илэйн, высвобождаясь. — И, кстати, ты бабушка! Во всяком случае, скоро будешь!

Моргейз нахмурилась, опуская взгляд ниже.

— Да, я заподозрила это, глядя на тебя. Кто..?

— Ранд, — ответила Илэйн, вспыхнув, — но это мало кому известно, и я бы хотела, чтоб так и оставалось.

— Ранд ал'Тор... — произнесла

Моргейз, помрачнев. — Это...

— Мама, — сказала Илэйн, поднимая руку и сжимая ладонь Моргейз, — он хороший человек, и я люблю его. То, что ты слышала — это преувеличение или же злые сплетни.

— Но ведь он... Илэйн, это мужчина, который может направлять, Возрождённый Дракон!

— При этом он остаётся женщиной, — ответила Илэйн, чувствуя тёплый клубок эмоций в глубине своего сознания. — Просто мужчина, несмотря на всё то, что ему предначертано.

Моргейз сжала губы в тонкую линию.

— Я придерживу своё мнение при

себе. Хотя, в некотором смысле, я всё ещё чувствую, что должна была бросить этого мальчика в темницу, когда его нашли шатающимся по нашему саду. Мне сразу не понравилось, как он на тебя смотрел, так и знай.

Илэйн улыбнулась, затем жестом указала на стулья. Моргейз села, и на этот раз Илэйн заняла место рядом, не выпуская ладонь матери из рук. Она ощущала радость Бергитте, которая прислонилась спиной к стене, опершись подошвой согнутой ноги о деревянную панель.

— Что? — спросила Илэйн.

— Ничего, — ответила Бергитте, — гораздо приятнее видеть

вас мамой и дочерью, или по крайней мере двумя женщинами, чем глазающими друг на друга столбами.

— Илэйн — королева, — натянуто произнесла Моргейз. — Её жизнь принадлежит её народу, и моё прибытие угрожает её притязаниям.

— Это по-прежнему *может* всё взбаламутить, матушка, — сказала Илэйн. — Твоё появление может открыть старые раны.

— Я должна буду принести извинения, — сказала Моргейз. — Возможно, стоит предложить компенсацию. — Она переборола сомнения. — Я собиралась держаться в стороне, доченька. Было бы лучше, если бы те, кто меня

ненавидят, считали, что я мертва. Но...

— Нет, — быстро промолвила Илэйн, сжимая её ладонь. — *Это* к лучшему. Мы просто должны подойти к этому со знанием вопроса и осторожностью.

Моргейз улыбнулась.

— Я горжусь тобой. Ты будешь прекрасной королевой.

Илэйн заставила себя перестать улыбаться до ушей. Её мать никогда не была столь щедра на похвалы.

— Но прежде чем двигаться дальше, — нерешительно произнесла Моргейз. — Я слышала доклады, что Гейбрилом был...

— Равин, — кивнула Илэйн. —

Это правда, матушка.

— Я ненавижу его за то, что он сделал. Я вижу, как он, используя меня, вонзил шипы в сердца и верность моих самых близких друзей. Однако какая-то часть меня всё ещё равнодушна к нему. Как глупо.

— Он использовал на тебе Принуждение, — тихо ответила Илэйн. — Другого объяснения нет. Мы посмотрим, сможет ли кто-нибудь из Белой Башни это Исцелить.

Моргейз покачала головой.

— Как бы там ни было, это ощущение сейчас совсем слабое и поддаётся контролю. И я нашла другого человека, кому могу подарить

свою любовь.

Илэйн нахмурилась.

— Объясню в другой раз, — сказала Моргейз. — Я не уверена, что *сама* всё понимаю. Сперва нам нужно решить, что делать с моим возвращением.

— Это просто! — произнесла Илэйн. — Мы его отпразднуем!

— Да, но...

— Никаких «но», мама, — ответила Илэйн. — Ты к нам вернулась! Город, весь народ будет праздновать, — она помедлила. — А после этого мы найдём для тебя важное назначение.

— Что-нибудь, что позволит мне уехать из столицы, чтобы я не

бросала неуместную тень сомнения на трон.

— Но назначение должно быть *достаточно* важным, чтобы не выглядеть ссылкой, — Илэйн поморщилась. — Возможно, поставим тебя во главе западной части королевства. Доклады оттуда доставляют мало радости.

— Дворечье? — спросила Моргейз. — И лорд Перрин Айбара? Илэйн кивнула.

— Он очень интересен, этот Перрин, — сказала Моргейз задумчиво. — Да, пожалуй, я могла бы принести там пользу. Нам уже удалось достигнуть некоторого взаимопонимания.

Илэйн приподняла бровь.

— Это он помог мне вернуться в целости и сохранности, — пояснила Моргейз. — Он честный и благородный человек. Но также и мятежник, несмотря на свои добрые намерения. Если дойдёт до схватки с ним, тебе придётся непросто.

— Я предпочла бы избежать этого, — Илэйн поморщилась. Самым простым было бы найти и казнить его, но, конечно, она не собиралась так поступать. Даже когда доклады приводили её в бешенство настолько, что она почти готова была отдать приказ.

— Хорошо, начнём над этим работать, — улыбнулась Моргейз. —

Уверена, мой рассказ тебе поможет. Ах да, с Лини всё в порядке. Не знаю, правда, волновалась ты о ней или нет.

— Честно говоря, нет, — ответила Илэйн, поморщившись и чувствуя укол стыда, — кажется, попади Лини под обвал самой Драконовой Горы, это и то не сможет ей повредить.

Моргейз улыбнулась и начала рассказ. Илэйн слушала с трепетом и волнением. Её мать жива. Благодаря Свету, ведь столь многое сейчас шло не так, но, наконец, хоть что-то случилось как надо.

Трёхкратная Земля ночью была тихой и спокойной. Большинство животных появлялись в сумерках и на рассвете, когда не было ни зноя, ни мороза.

Поджав ноги, Авиенда сидела на небольшом скалистом выступе, в землях Дженн Айил, клана, которого давно не существовало. Она смотрела на Руидин. Когда-то город был окутан защитным туманом. Так было до прихода Ранда. Он разрушил этот город тремя весьма неприятными способами.

Первый был прост — Ранд убрал туман. Город сбросил свой защитный покров, как *алгай'д'сисвай* снимает с лица вуаль. Она не знала, как Ранд

вызвал это преобразование, и сомневалась, что это было известно ему самому. Но выставив город напоказ, он изменил его навсегда.

Вторая черта, которую Ранд нарушил в Руидине, была вода. Теперь рядом с городом раскинулось большое озеро, и благодаря призрачному лунному свету, проникающему сквозь облака, его поверхность мерцала. Люди называли это озеро Тсодрелле'Аман. Слёзы Дракона, хотя озеро *следовало* бы назвать Слёзы Айил. Ранд ал'Тор не знал, сколько боли вызовет то, что он открыл. Такое случалось с ним все время. Зачастую его действия были такими невинными.

Третье разрушение было наиболее значимым. Авиенда постепенно пришла к пониманию этого факта. Слова Накоми беспокоили, пугали её. Они отозвались тенями воспоминаний возможного будущего, увиденного Авиендой в кольцах во время её первого посещения Руидина. Её разум не мог их точно вспомнить, по крайней мере, полностью.

Она беспокоилась, что Руидин очень скоро потеряет своё значение. Прежде основной целью города было открыть Хранительницам Мудрости и вождям кланов тайное прошлое их народа. Подготовить их ко дню, когда они станут служить Дракону. Этот

день настал. Так кто должен приходить в Руидин сейчас? Проход предводителей Айил через стеклянные колонны будет напоминанием о *тох*, который они уже начали искупать.

Это беспокоило Авиенду подобно чесотке. Она не хотела об этом думать. Она хотела сохранить традиции, но не могла выбросить всё это из головы.

Ранд вызвал так много проблем. Но тем не менее, она любила его. В некоторой степени она любила его за его невежество. Оно позволяло ему внимать. И она любила его за то, как глупо он пытался защищать тех, кто этого совсем не хочет.

Больше всего она любила его за желание стать сильным. Авиенда *всегда* хотела быть сильной. Обучиться владению копьём. Сражаться и зарабатывать *джи*. Быть лучшей. Она чувствовала его сейчас, на расстоянии. Они были в этом так похожи.

Ноги ныли от бега. Она натёрла их с соком растения *сегато*, но всё ещё чувствовала, как в них пульсирует боль. Её сапожки лежали с ней рядом на камне, возле подаренных Илэйн тонких шерстяных чулков.

Она устала, и её мучила жажда, но ей нужно воздержаться от пищи и воды этой ночью, предаваясь

размышлениям, и только утром она сможет наполнить бурдюк в озере перед посещением Руидина. Сегодня она ждала, размышляла, готовилась.

Жизнь Айил менялась. Требовались силы, чтобы принять эти изменения, раз невозможно их избежать. Если холд повреждён во время набега, то, восстанавливая его, ты никогда не сделаешь его точно таким, как прежде. Ты воспользуешься шансом для исправления прежних ошибок — поправишь скрипящие на ветру двери, неровный пол. Но возвращать всё как было, было бы глупостью.

Возможно, традиции, такие, как посещение Руидина, и даже жизнь в

Трёхкратной Земле — в конечном итоге необходимо будет пересмотреть. Но сейчас Айил не могли оставить мокрых земель. Там начинается Последняя Битва, и есть Шончан, захватившие многих Айил и превратившие Хранительниц Мудрости в *дамани*, что недопустимо. А также Белая Башня, до сих пор считающая всех способных направлять Хранительниц Мудрости — дичками. С этим надо было что-то делать.

А она сама? Чем больше она думала об этом, тем яснее понимала, что не может вернуться к своей прежней жизни. Она должна быть с Рандом. Если он выживет в

Последней Битве — а она намерена бороться изо всех сил, чтобы добиться этого — он всё равно будет королём мокроземцев. И ещё была Илэйн. Они с Авиендой собирались быть сёстрами-жёнами, но Илэйн никогда не покинет Андор. Может, она надеется, что Ранд останется с ней? Значит ли это, что и Авиенда тоже должна будет остаться?

Так тревожно, как за себя, так и за свой народ. Нельзя сохранять традиции только потому, что это традиции. Сила перестает быть силой, когда она утрачивает цель и направление.

Девушка разглядывала Руидин, великолепный город из камня,

полный величия. Большинство городов отвращало её грязью и разложением, но Руидин был иным. Купола, незаконченные стены и башни, тщательно спланированные кварталы жилых построек. И хотя значительная часть зданий ещё была покрыта отметинами боя Ранда с врагами, фотаны теперь работали. Многое было приведено в порядок поселившимися здесь семьями не ушедших на войну айильцев.

Тут не будет никаких торговых лавок, никаких ссор на улицах, никаких убийц в переулках. Руидин, возможно, лишён своей значимости, но он останется местом, где царит мир.

«Я пойду дальше, — решила она. — Пройду через стеклянные колонны». — Возможно, её переживания обоснованы, и проход через них перестал быть так важен, как ранее, но ей было искренне любопытно увидеть то, что видели другие. Кроме того, знать прошлое важно, чтобы понять будущее.

Хранительницы Мудрости и клановые вожди, посещая это место на протяжении веков, возвращались со знанием. Может город покажет ей, как поступить с её народом и как поступить с её сердцем.

Глава 46

ОБРАБАТЫВАЯ КОЖУ

Андрол осторожно вынул овальный кусок кожи из кипящей воды; тот потемнел и скрутился в трубочку. Быстрым движением он ухватил его мозолистыми пальцами. Кожа стала мягкой и эластичной.

Андрол быстро присел на скамейку; с правой стороны через окно падал солнечный свет. Мужчина обернул кожу вокруг толстого деревянного стержня — около двух дюймов в поперечнике — и проткнул

по краям куска кожи отверстия.

Через них он принялся пришивать лоскут к другому подготовленному ранее куску. Если их хорошо обшить по краям, то они не будут обтрёпываться. Многие кожевники смотрели на обшивку сквозь пальцы — но не Андрол. Первым делом люди замечают шитьё; оно бросается в глаза, как краска на стене.

Пока он работал, кожа подсохла, стала жёстче, но всё ещё оставалась довольно эластичной. Андрол делал ровные, аккуратные стежки. Он туго затянул последние и использовал концы нити, чтобы обмотать и плотнее прижать кожу к стержню —

потом, когда кожа высохнет, он их разрежет.

Покончив с шитьём, он добавил немного украшений: сверху с помощью молоточка и литер с буквами оттиснул имя. Далее — символы меча и Дракона; он смастерил клише для них сам, основываясь на значках Аша'манов.

Понизу, с помощью литер поменьше, он отпечатал надпись: «Защищать. Оберегать. Хранить». Пока кожа сохла, он достал краску и марлю и для контраста осторожно подкрасил буквы и рисунок.

В такой работе было нечто успокаивающее — ведь в последнее время большая часть его жизни была

посвящена разрушению. Андрол знал, что так нужно. Он и пришёл-то в Чёрную Башню, поскольку понимал, чему суждено наступить. Но тем не менее ему было приятно что-то создавать.

Он оставил подсыхать этот кусок кожи и принялся за ремешки для седла. Отмерив их по зарубкам на краю стола, Андрол полез за ножницами в свисавшую с края стола сумку для инструментов — он сделал её сам. С досадой он обнаружил, что ножниц на месте нет.

«Да чтоб сгорел тот день, когда пошёл слух, что у меня здесь есть хорошие ножницы», — подумал он. Несмотря на то, что Таим установил

в Чёрной Башне жёсткие, по всеобщему мнению, правила, местами в ней царил весьма прискорбный хаос. Крупные нарушения вели за собой строгое наказание, но мелочи — вроде забраться к кому-нибудь в мастерскую и «позаимствовать» ножницы — оставались без внимания. Особенно когда заимствующий был одним из любимчиков М'Хаэля.

Андрол вздохнул. Его поясной нож ожидал своей очереди на заточку у Квеллара. *«Ну, — подумал он, — Таим всё время повторяет, чтобы мы искали повод направлять...»* Андрол очистил свой разум от

эмоций и ухватился за Источник. С тех пор, как это ему не давалось, прошло уже несколько месяцев — поначалу он мог направлять, только сжимая полоску кожи. М'Хаэль выбил из него эту особенность, и процесс не был приятным.

Саудин хлынула в него — сладостная, прекрасная сила. Андрол сидел некоторое время, просто радуясь её появлению. Порча пропала — какое же это чудо! Он закрыл глаза и глубоко вздохнул.

На что это похоже — зачерпнуть столько же Единой Силы, как остальные? Порой Андрол страстно желал этого; он знал, что слаб — самый слабый из Посвящённых во

всей Чёрной Башне. Быть может, слаб настолько, что его следовало навсегда оставить солдатом. Но Логайн лично поговорил о нём с лордом Драконом и добился его повышения — вопреки недвусмысленным возражениям Таима.

Андрол открыл глаза, поднял ремень и сплёл крохотные Врата — всего лишь дюйм в поперечнике. Врата распахнулись перед ним и перерезали ремень пополам. Андрол улыбнулся, дал им исчезнуть и повторил опять.

Поговаривали, что Логайн настоял на повышении Андрола, только чтобы подорвать авторитет

Таима. Но Логайн сказал, что звание Посвящённого досталось Андролу из-за его невероятного Таланта по созданию Врат. Логайн был жёстким человеком — «тёртым», будто старые ножны, которые как следует не покрыли лаком — но эти ножны всё ещё хранили в себе смертоносный меч. Логайн был честен. И под шрамами и потёртостями оставался хорошим человеком.

В конце концов Андрол закончил с ремнями. Он подошёл к овальному куску кожи и разрезал удерживавшую его верёвку. Кожа сохранила форму, и он поднёс изделие к солнечному свету, изучая швы. Кожа стала твёрдой, но не

ломкой. Он приложил её к предплечью. Да, легла она удачно.

Андрол одобрительно кивнул. Одна из тонкостей состояла в том, что нужно уделять внимание деталям. Сосредоточиться и каждую мелочь выполнить правильно. Если каждый стежок на нарукавнике будет надёжным, то он не износится и не лопнет. А от этого зависит, сумеет ли лучник пустить стрелы, или ему придётся отложить лук.

Один лучник не делает битвы. Но мелочи накапливаются одна за другой, пока не оборачиваются кое-чем покрупнее. Андрол закончил нарукавник, приделав к его внутренней стороне несколько

завязок, чтобы его можно было закрепить на руке.

Мужчина снял со спинки кресла чёрный кафтан. Пока он застёгивал пуговицы, серебряная булавка-меч на высоком воротнике поблёскивала в лучах льющегося из окна солнца. Он поглядел на своё отражение в зеркале, удостоверившись, что кафтан сидит хорошо. Мелочи важны. Секунды — это лишь мелочи, но именно из мелочей состоит человеческая жизнь.

Андрол прикрепил нарукавник на руку, открыл дверь своей крохотной мастерской и вышел на окраину деревни Чёрной Башни. Здесь теснились группки

двухэтажных домов — совсем как в обычных андорских городках. Крытые соломой остроконечные крыши, прямые деревянные стены, кое-где даже из камня или кирпича. Двойной ряд домов протянулся до центра деревни. Если смотреть только на них, то можно подумать, что прогуливаешься по Новому Брайму или Графендейлу.

Конечно, для этого нужно не замечать людей в чёрных кафтанах. Они сновали повсюду: выполняя поручения М'Хаэля, спеша на тренировку, возводя фундамент Чёрной Башни. Строительство здесь велось постоянно. Группа солдат — не имеющих ни значка с мечом, ни

красно-золотого Дракона — взрывала землю с помощью Силы, проделывая длинную траншею вдоль дороги. Было принято решение, что деревне нужен канал.

Андрол видел, как вокруг солдат возникали плетения — в основном Земли. В Чёрной Башне с помощью Силы делали всё, на что способен человек, постоянно тренируясь, как те, кто, стремясь стать сильнее, поднимает камни. Свет, как же Логайн и Таим загоняли этих парней.

Андрол ступил на новую, усыпанную свежим гравием дорогу. Края многих камешков были оплавлены — валуны доставили через Врата с помощью плетений

Воздуха, а потом раздробили их взрывами. Это было похоже на поле битвы — камни разбивались вдребезги, во все стороны разлетались осколки. С помощью Единой Силы, при должном обучении, Аша'маны смогут превратить в груды булыжников стены любого города.

Андрол продолжил путь. В Чёрной Башне можно увидеть много странного, и оплавленный гравий далеко не самое удивительное, как и солдаты, взрывающие землю под внимательным присмотром самого Андрола. Совсем недавно самым странным ему казались дети. Они бегали и играли, прыгая в уже

вырытую солдатами канаву, скатываясь с её стенок и карабкаясь обратно наверх.

Дети. Играют в воронках, оставленных взрывами *саидин*. Мир меняется. Бабка Андрола — настолько старая, что у неё во рту не осталось ни единого зуба — пугала его рассказами о направляющих Силу мужчинах, чтобы отправить его в постель, когда он пытался выскользнуть наружу, чтобы считать звёзды. Тьма снаружи не пугала его, равно как и истории о троллоках и Исчезающих. Но мужчины, способные направлять... это приводило его в ужас.

А теперь он оказался тут, дорос

до средних лет и внезапно подхватил боязнь темноты, но при этом перестал бояться способных направлять мужчин. Андрол шёл по дороге под хруст гравия под ногами. Дети выбрались из канавы и окружили его стайкой. Он рассеянно вытащил горсть сладостей, купленных во время последней разведки.

— По две штуки каждому, — строго сказал он, когда грязные ручонки потянулись за сладким. — И не толкаться. — Запихнув конфеты в рот, дети, благодаря и называя его «мастер Генхальд», покивали стрижеными головами и убежали прочь. Они не стали возвращаться в

канаву, а придумали новую игру, убежав в поля на восток.

Андрол с улыбкой отряхнул руки. Дети так легко ко всему приспособляются. Века традиций, ужаса и суеверий тают перед ними, как масло, оставленное на солнце. Но к лучшему, что они убрались из канавы. Единая Сила непредсказуема.

Нет. Это неверно. *Саидин* крайне предсказуема. Но мужчины, что её направляют... это совсем другое дело.

Солдаты прекратили работу и повернулись к Андролу. Он не был полным Аша'маном и не заслуживал формального приветствия, но они

проявили к нему уважение — даже чрезмерно большое. Андрол не совсем понимал, почему они с ним считаются. Он не был выдающимся человеком, в особенности здесь, в Чёрной Башне.

Тем не менее, они поклонились ему, когда он прошёл мимо. Большинство из этой группы набрали в Двуречье. Крепкие юноши и мужчины, полные рвения — хотя многим было не так-то много лет. Доброй половине из них требовалась бритва всего раз в неделю. Андрол подошёл к ним и проверил, как они работают, оглядев бечёвку, привязанную к колышкам лично им. Он одобрительно кивнул.

— Угол правильный, ребята, — сказал он. — Но, по возможности, старайтесь делать стенки круче.

— Да, мастер Генхальд, — ответил старший группы. Его звали Джейим Торфинн, и это был долговязый молодой человек с пыльной каштановой шевелюрой. Он всё ещё удерживал Источник. Как же притягательна эта бушующая река. Редко кто способен отпустить её, не испытывая чувства потери.

М'Хаэль поощрял их, чтобы они удерживали Источник; он говорил, что это учит его контролировать. Но Андрол и раньше испытывал притягательные ощущения, чем-то подобные *саидин* — возбуждение

битвы, опьянение от редких напитков с островов Морского Народа, кружащее голову чувство победы. Человека может смыть потоком таких ощущений, и он потеряет контроль над собой — забыв, кто он есть. А соблазнительность *саидин* была сильнее всего, что он когда-либо ощущал.

Андрол и слова не сказал Таиму о своих сомнениях. Читать нотации М'Хаэлю — не его дело.

— Смотрите, — сказал Андрол, — я покажу вам, что я имею в виду под «ровным». — Он глубоко вздохнул и очистил сознание. Для этого он применил старый

солдатский приём — ему Андрола научил первый учитель фехтования, однорукий старик Гарфин, чей сельский иллианский выговор едва поддавался пониманию. Конечно, и у самого Андрола, как ему говорили, был лёгкий тарабонский акцент, но он сгладился за годы, проведённые вне родины.

В пустоте — в ничто — он ощущал неистовую силу, которой была *саидин*. Он ухватился за неё, как человек хватается за шею бешено мчащейся лошади, надеясь хоть чуть ею управлять, но в основном лишь пытаясь удержаться.

Саидин была поразительна. Да, в ней скрывалось больше могущества,

чем в любом пьянящем напитке. Она делала мир прекраснее и сочнее. Удерживая эту ужасную Силу, Андрол чувствовал, будто заново родился, отбросив высохшую скорлупу своей прошлой личности. Сила угрожала унести его с собой в стремительном потоке.

Он быстро сплёл тончайшую струйку Земли — лучшее, на что он был способен, поскольку в работе с ней он был слабее всего — и аккуратно подровнял стенки канала.

— Если вы оставите слишком много лишнего, — объяснял он по ходу, — то вода в канале постоянно будет мутной, вымывая землю из стенок. Чем прямее и плотнее

стенки, тем лучше. Ясно?

Солдаты кивнули. На лбу у них каплями выступил пот, к лицам прилипли частички грязи. Но чёрные кафтаны на них были чистыми, в особенности рукава. Можно понять, насколько кто-то уважает собственную форму, по тому, вытирает он пот со лба рукавом в жаркий день или нет. Ребята из Двуречья пользовались платками.

Аша'маны постарше, само собой, вообще редко потели. Этим же парням понадобится больше практики, чтобы выходило не потеть, пока они сосредоточены.

— Хорошо, парни, — сказал Андрол, вставая и окидывая их

взглядом. Он положил руку Джейиму на плечо. — Вы, ребята, отлично справляетесь. Двуречье воспитывает мужчин что надо.

Парнишки заулыбались. Хорошо, что они здесь — особенно если сравнить с народом, который в последнее время набирал Таим. Разведчики М'Хаэля утверждали, что они приводили всех, кто им попался, но почему большинство из них отличалось таким раздражительным, неприятным характером?

— Мастер Генхальд? — воскликнул один из солдат.

— Да, Трост? — спросил Андрол.

— Вы... вы ничего не слышали о

мастере Логайне? — Глаза остальных смотрели с надеждой.

Андрол покачал головой.

— Он ещё не вернулся из разведки. Уверен, он скоро будет здесь.

Двуреченцы покивали головами, хотя он заметил, что они начали беспокоиться. Они имели на это право. Сам Андрол начал беспокоиться уже несколько недель назад — с той самой ночи, когда Логайн отправился в путь. Куда он уехал? Почему взял с собой Динало, Мезара и Велина — трёх сильнейших и преданных ему Посвящённых?

А теперь ещё эти Айз Седай разбили снаружи свой лагерь —

предполагалось, что они получили от Дракона полномочия связывать узами Аша'манов. Таим на это отреагировал одной из своих полуухмылок, которая не затрагивала его глаза, и ответил им, что группа из Белой Башни имеет право первого выбора, поскольку они пришли раньше. Остальные в нетерпении ждали.

— М'Хаэль, — произнёс один из двуреченцев, по его лицу пробежала тень. — Он...

— Сохраняйте спокойствие, — прервал его Андрол, — и не поднимайте шума. Рано ещё. Мы ждём Логайна.

Солдаты вздохнули, но

согласились. Отвлёкшийся на разговор, Андрол почти упустил момент, когда близлежащие тени поползли к нему. Тени людей, тени в котловине, тени от камушков и ямок в земле. Медленно, неуклонно они принялись подбираться к Андролу. Он заставил себя собраться, но не смог избавиться от паники. Этот ужас он чувствовал, даже невзирая на пустоту.

Они приходили каждый раз, когда Андрол удерживал *саидин* слишком долго. Он тотчас отпустил её, и тени неохотно отползли на свои места.

Ребята из Двуречья наблюдали за ним, и на их лицах отразилась

неловкость. Видели ли они дикое выражение глаз Андрола? О... причудах, которыми страдали мужчины из Чёрной Башни, не говорили вслух. Это просто было не принято — всё равно что шептаться о грязных семейных тайнах.

Порча снята. Этим ребятам никогда не придётся почувствовать то же, что Андролу. В конце концов он и все остальные, попавшие в Башню до очищения *саидин*, станут диковинками. Свет, он не мог понять, почему его вообще кто-то слушает — слабака и к тому же безумца.

А хуже всего было то, что он *знал*, в глубине души, в самом центре подсознания, что эти тени реальны, а

не какой-то бред, порождённый его рассудком. Они настоящие, и если дотянутся — они его уничтожат. Они *настоящие*. Ничем другим они быть не могли.

«О Свет, — подумал он, скрипнув зубами. — Оба варианта ужасны. Либо я спятил, либо сама тьма хочет меня уничтожить».

Именно поэтому он больше не мог заснуть по ночам, кроме как сжавшись от страха. Иногда ему удавалось часами удерживать Источник, не видя теней, а иногда лишь минуты. Он глубоко вздохнул.

— Отлично, — произнёс он, обрадованный тем, что голос не выдал его страх. — Лучше

возвращайтесь-ка вы к работе. И смотрите, чтобы уклон шёл в нужном направлении. Иначе у нас будут неприятности, когда вода выйдет из берегов и зальёт окрестности.

Они повиновались, и Андрол оставил их и направился в деревню. В её центре находились казармы — пять больших строений с толстыми каменными стенами для солдат и с дюжину зданий поменьше для Посвящённых. В данный момент это и называлось Чёрной Башней. Потом это изменится — рядом строили настоящую башню и место для фундамента уже раскопали.

Андрол мог представить себе, на что когда-нибудь станет похоже это

место. Когда-то он работал у искусного архитектора — это было одно из дюжины разных занятий, перепробованных им в жизни, которая, как казалось порой, слишком затянулась. Да, он мог представить будущее здание внутренним взором. Возвышающаяся башня из чёрного камня, построенная с помощью Единой Силы. Мощная, крепкая. У её основания будут располагаться квадратные строения с зубчатыми крышами.

Деревня разрастётся и станет городком, а потом и крупным городом, громадным, как Тар Валон. Улицы здесь заранее строились

такими, чтобы по ним могли проехать сразу несколько повозок. Продумывались и закладывались новые районы. Это требовало дальновидности и тщательного планирования. Даже улицы нашёптывали о великой судьбе, предназначенной Чёрной Башне.

Андрол шёл через чахлую траву по утопанной тропе. Над равниной, будто удары хлыста, разносились отдалённые щелчки и грохот. У каждого для прихода в башню были свои причины. Месть, любопытство, отчаяние, жажда власти. Какова же причина Андрола? Может быть, все четыре?

Он вышел из деревни, обогнул

рощицу и оказался на поле для занятий — это была небольшая расщелина меж двух холмов. Там шеренгами были выстроены мужчины, управлявшие потоками Огня и Земли. Холмы следовало сровнять, чтобы можно было пахать землю. Это давало возможность попрактиковаться.

Почти все мужчины были Посвящёнными. В воздухе кружили плетения, гораздо более сложные и мощные, чем те, что использовали двуреченцы. Эти были стремительными, будто шипящие змеи или стрелы, бьющие в цель. Камни взрывались, и в воздух комьями летела грязь. Взрывы

производились в непредсказуемом порядке, чтобы запутать и привести врага в замешательство. Андрол представил себе мчащийся по этому склону отряд кавалерии и то, как его застала врасплох взрывающаяся Земля. Один-единственный Посвящённый мог в считанные секунды разделаться с десятками всадников.

Андрол с неудовольствием отметил, что упражняющиеся разделились на две группы. В Башне начались расслоение и раскол, верных Логайну отталкивали и избегали. С правой стороны сосредоточенно и увлечённо работали Канлер, Эмарин и Налаам в

компании Джоннета Даутри — самого умелого солдата из двуреченцев. Слева над чем-то смеялась группа дружков Таима. Их плетения были грубее, но и куда разрушительнее. Котрен находился позади, привалившись спиной к сохранившему листву эвкалипту, наблюдая за процессом.

Мужчины прервались и крикнули деревенскому мальчику, чтобы тот принёс им воды. Андрол подошел ближе; первым его увидел Арлен Налаам и, широко улыбаясь, махнул ему. Он был доманийцем с тонкими усиками. Ему вот-вот должно было стукнуть тридцать, но он часто вёл себя, как подросток.

Андрол до сих пор вспоминал тот случай, когда Налаам налил ему смолу в ботинки.

— Андрол! — позвал Налаам. — Иди-ка сюда, Расскажи этим невежественным деревенщинам, что такое Реташенский Оглушитель!

— Реташенский Оглушитель? — переспросил Андрол. — Это такой напиток. Смесь медовухи и овечьего молока. Гадость жуткая.

Налаам гордо обвёл взглядом остальных. У него на мундире не было значков. Он был всего лишь солдатом, и ему пора бы уже получить повышение.

— Снова хвастаешься своими путешествиями, Налаам? — спросил

Андрол, расшнуровывая нарукавник.

— Мы, доманийцы, постоянно в пути, — ответил Налаам. — Ну, сам понимаешь, раз мой отец шпионит для королевства...

— На той неделе ты говорил, что твой отец купец, — произнёс Канлер, крепкий мужчина, самый старший в группе, с седеющими волосами и тёмным от проведённых на солнце лет квадратным лицом.

— Это так, — сказал Налаам. — Это его прикрытие!

— А разве в Арад Домане не все торговцы — женщины? — спросил Джоннет, потирая подбородок. Это был крупный, тихий, круглолицый мужчина. Вся его семья — братья и

сёстры, родители и даже его дедушка Бьюэл переселились в деревню Башни, не позволив ему отправиться сюда одному.

— Ну, да, они лучшие, — сказал Налаам, — и моя мать не исключение. Но мы, мужчины, тоже кое-что понимаем в этом деле. Кроме того, поскольку моя мать была занята, внедряясь к Туата'ан, то моему отцу пришлось взять дело на себя.

— О, ну это уже полнейшая чушь, — хмурясь, произнёс Канлер. — Кому в голову придет внедряться в шайку Лудильщиков?

— Чтобы выведать их секретные рецепты, — ответил Налаам. —

Говорят, Лудильщики умеют варить такое вкусное рагу, что ты бросишь семью и дом и отправишься с ними. Это правда. Я сам его пробовал, и меня пришлось три дня держать связанным в сарае, пока не забылся его вкус.

Канлер фыркнул. Но вскоре фермер добавил:

— Ну и как... она достала рецепт?

Налаам принялся рассказывать очередную историю, а Канлер с Джоннетом внимательно слушали. Стоявший в сторонке Эмарин поглядывал на них с изумлением — он был вторым и последним солдатом в группе и не носил

значков. Это был мужчина средних лет, с редеющими волосами и морщинками в уголках глаз, и с остроконечной, коротко подстриженной седой бородкой.

Этот изящный мужчина был своеобразной загадкой. Он просто однажды прибыл с Логайном, ни слова не рассказав о своём прошлом. Он всегда держался с достоинством, а его речь отличалась утончённостью. Без сомнения, он был благородного происхождения. Но, в отличие от большинства дворян в Чёрной Башне, Эмарин не кичился своими титулами. Многим дворянам неделями вбивали, что в Чёрной Башне их титул ничего не значит. От

этого они становились угрюмыми и сварливыми, но Эмарин приспособился к жизни в Башне сразу же.

Знатному человеку требовалось смирить свою гордыню, чтобы без жалоб выполнять приказы простолюдина вдвое моложе его. Эмарин глотнул воды, которую принёс мальчишка-слуга, поблагодарил его и подошёл к Андролу. Он кивнул в сторону Налаама, болтавшего с остальными парнями.

— У него призвание быть менестрелем.

Андрол пробурчал:

— Может, оно ему пригодится,

чтобы подзаработать горстку монет.
За ним долг — новые носки мне.

— А у тебя, друг мой, душа
счетовода! — Эмарин
расхохотался. — Ты никогда ничего
не забываешь, так ведь?

Андрол пожал плечами.

— Откуда ты знаешь, что такое
Реташенский Оглушитель? Я считаю
себя довольно-таки просвещённым в
этой области, но не слышал о нём ни
слова.

— Я его однажды пил, — сказал
Андрол. — На спор.

— Да, но где?

— В Реташе, само собой.

— Но это далеко в море, на
островах, где нечасто бывает даже

Морской Народ!

Андрол снова пожал плечами и поглядел на Таимовых прихвостней. Деревенский мальчик принёс им от Таима корзину с едой, хотя М'Хаэль утверждал, что у него нет любимчиков. Стань Андрол расспрашивать, он узнал бы, что еду должны были отправить и для них — но мальчик заблудился или забыл, или ещё как-то ошибся по мелочи. Таим приказал бы кого-нибудь выпороть, и ничего бы не изменилось.

— Этот раскол тревожит меня, друг мой, — тихо сказал Эмарин. — Как мы сможем сражаться за лорда Дракона, если мы не способны жить

в мире между собой?

Андрол покачал головой.

Эмарин продолжил:

— Говорят, что никто из сторонников Логайна за много недель не получал значка с Драконом. Многие, вроде Налаама, давно уже были должны получить знак меча — но М'Хаэль им раз за разом отказывает. Благородный Дом, члены которого ссорятся из-за власти, никогда не будет представлять угрозы для других.

— Мудрые слова, — сказал Андрол. — Но что нам делать? Что мы *можем* сделать? Таим — М'Хаэль, а Логайн ещё не вернулся.

— Возможно, мы могли бы кого-

то за ним послать, — ответил Эмарин. — Или ты мог бы успокоить остальных. Боюсь, часть из них скоро сорвётся, а если завяжется драка, у меня почти нет сомнений, кого беспощадно накажет Таим.

Андрол нахмурился.

— Верно. Но почему я? Ты говоришь куда лучше, Эмарин.

Эмарин усмехнулся.

— Да, но Логайн доверяет тебе, Андрол. И остальные рассчитывают на тебя.

«А не стоило бы», — подумал Андрол.

— Я посмотрю, что мне удастся придумать.

Налаам как раз набирал воздух

для нового рассказа, но прежде чем он успел начать, Андрол помахал Джоннету нарукавником.

— Я видел, что старый у тебя треснул. Примерь этот.

Джоннет просиял, взяв вещь.

— Андрол, ну ты даёшь! Я и не думал, что кто-то заметил. Это глупо, я знаю, но... — Он улыбнулся ещё шире и побежал к росшему неподалёку дереву, возле которого были сложены кое-какие вещи, включая его лук. Двуреченцам нравилось иметь лук под рукой.

Джоннет вернулся, прилаживая тетиву. Он надел нарукавник.

— Впору, просто мечта! — воскликнул он, и Андрол понял, что

тоже улыбается. Мелочи — как же много они могут значить.

Джоннет прицелился и выпустил стрелу; та взмыла в воздух, а тетива резко щёлкнула по нарукавнику. Стрела улетела далеко — она вонзилась в дерево на холме на расстоянии более чем в двести шагов.

Канлер присвистнул.

— В жизни не видел ничего подобного этим вашим лукам, Джоннет. Ни разу в жизни. — Оба они были андорцами, хотя Канлер был выходцем из городка гораздо ближе к Кэймлину.

Джоннет оценивающе воззрился на свою стрелу, снова прицелился —

притянув оперение к щеке — и отпустил. Стрела ушла точно в цель и вонзилась в то же дерево. Андрол прикинул, что обе стрелы попали друг от друга ближе, чем на две ладони.

Канлер присвистнул снова.

— Мой отец научился стрелять из такого, — сообщил Налаам. — Выучился у двуреченца, которому спас жизнь, вытащив из воды в Иллиане. У него ещё тетива осталась, на память.

Канлер поднял бровь, но в то же время история, по-видимому, произвела на него впечатление. Андрол лишь хмыкнул и покачал головой.

— Ты не против, если я попробую, Джоннет? Я практически без промаха стреляю из тайренского лука, а они немного длиннее среднего.

— Конечно, — ответил долговязый мужчина, отвязывая нарукавник и передавая ему лук.

Андрол надел нарукавник и поднял лук. Тот был сделан из чёрного тиса, и тетива была не такой упругой, как он привык. Джоннет протянул ему стрелу, и Андрол, подражая его усилию, потянул её к щеке.

— Свет! — воскликнул он, такое пришлось приложить усилие. — Ничего себе, Джоннет, какие у тебя

обманчиво худые руки. Как тебе удаётся прицелиться? Я едва могу его удержать!

Джоннет расхохотался — руки Андрола задрожали, и он наконец-то выстрелил, не в состоянии удержать хоть ещё секунду натянутый лук. Стрела вонзилась в землю далеко от цели. Андрол вернул лук Джоннету.

— Андрол, это совсем неплохо, — похвалил тот. — Многие даже тетиву натянуть не в состоянии. Дайте мне десять лет, и ты у меня будешь стрелять так же хорошо, как прирождённый двуреченец!

— Пока что я буду пользоваться коротким луком, — ответил Андрол. — Из этого чудища ты сроду

не выстрелишь, сидя верхом.

— А мне не понадобится! —
воскликнул Джоннет.

— А если за тобой погоня?

— Если их не больше пяти, —
ответил Джоннет, — то я ещё на
подходе из вот этого уложу всех. А
если их больше, то зачем по ним
стрелять? Нужно бежать так, будто в
затылок дышит сам Тёмный.

Остальные расхохотались, но
Андрол заметил, как Эмарин смерил
его взглядом.

Возможно, он размышляет, где
Андрол научился стрелять, сидя
верхом. Этот аристократ
проницателен. Андролу стоит
следить за своими словами.

— А это ещё что такое? — раздался голос. — Ты тут пробуешь учиться стрелять из лука, посыльный? Неужели затем, чтобы научиться защищаться, да?

Андрол стиснул зубы и обернулся к вальяжно подошедшему Котрену. Это был грузный мужчина, и его длинные чёрные сальные волосы были распущены по плечам, свисая вокруг грубоватого лица с пухлыми щеками. Его глаза смотрели сосредоточенно, опасно. Он улыбнулся — улыбкой кошки, которая нашла себе мышку для игр.

Андрол молча отвязал нарукавник и передал его Джоннету. Котрен был полноправным

Аша'маном и близким другом М'Хаэля. Он был намного старше в звании всех присутствующих.

— М'Хаэлю об этом станет известно, — пообещал Котрен. — Ты пренебрегаешь уроками. Тебе не требуются стрелы и лук — они не нужны тому, кто может убить с помощью Силы!

— Ничем мы не пренебрегаем, — упрямо заявил Налаам.

— Тихо, парень, — произнес Андрол. — Держи язык за зубами.

Котрен расхохотался.

— Слушайте посыльного. М'Хаэль узнает и о вашей дерзости тоже. — Он перевёл внимание на

Андрола. — Ухватись за Источник.

Андрол неохотно повиновался. Сладость *саудин* потекла в него, и он нервно бросил взгляд в сторону. Тени не появились.

— Какое убожество. Разбей вон тот валун, — приказал Котрен.

Камень был слишком крупным для Андрола. Но он и раньше имел дело с задирами, а Котрен был задирой самого опасного типа — облечённым силой и властью. Лучше всего послушаться. Позор — слабое наказание. Это, по-видимому, понимал мало кто из забияк.

Андрол сплёл требуемое плетение Огня и Земли и ударил по валуну. Тоненькое плетение

содержало в себе почти всю Силу, которую он мог направить, но оно всего лишь откололо немного щебня от каменюки.

Котрен от души расхохотался, равно как и компания Посвящённых, которая перекусывала под деревом неподалёку.

— Кровь и пепел, да от тебя никакого толку! — воскликнул Котрен. — Забудь, что я говорил раньше, посыльный! Тебе *и вправду* потребуется лук!

Андрол отпустил Единую Силу. Котрен получил возможность посмеяться; этого ему должно хватить. К несчастью, Андрол почувствовал, как стоящие за спиной

ребята ухватились за Источник. Джоннет, Канлер и Налаам встали рядом с Андролом, все наполненные Силой и ошетилившиеся от гнева.

Обедавшие мужчины встали — все они тоже удерживали Источник. Их было вдвое больше, чем товарищей Андрола. Котрен ухмыльнулся.

Андрол оглянулся на Канлера и остальных.

— Бросьте, ребята, — сказал он, подняв руку. — Аша'ман Котрен лишь делает то, что ему приказал М'Хаэль. Он пытается меня разозлить, чтобы я приналёг на учёбу.

Обе группы замешкались. Напряжение, с которым они глядели

друг на друга, могло соперничать с потоками Силы внутри них. Затем Джоннет отпустил Источник, и Налаам последовал его примеру. Наконец и Канлер угрюмо отвернулся. Котрен захохотал.

— Мне это не нравится, — пробормотал Канлер, когда их компания зашагала прочь. Он бросил взгляд через плечо. — Совсем не нравится. Зачем ты остановил нас, Андрол?

— Потому, Канлер, что они стёрли бы нас в порошок быстрее, чем ты успел бы выругаться, — огрызнулся Андрол. — Свет! Да я могу направить только крупицу Силы, а Эмарин здесь меньше

месяца. Джоннет учится быстро, но все мы знаем, что он никогда не сражался с помощью Силы, а половина дружков Котрена воевала под началом Дракона Возрождённого! Вы правда считаете, что вы с Налаамом вдвоём справились бы с десятком противников?

Канлер всё ещё злился и что-то пробурчал себе под нос, но не стал спорить.

— Макашак На фамалаштен моркейз, — пробормотал Налаам, — дельф такаксаки мере! — Он тихо рассмеялся, взгляд его стал диким. Андрол не знал этого языка — это не было Древним Наречием, это точно.

Вероятно, это вообще не было человеческим языком.

Никто ничего не сказал. Налаам периодически разговаривал сам с собой, бормоча бессмыслицу. Если его расспрашивали, он отвечал, что произносил самые обычные слова. Его выходка, по-видимому, сильно выбила из колеи Эмарина и Джоннета, которые ни разу не видели, как их друзья сходят с ума и начинают убивать всех без разбора. Свет, пусть им больше никогда *не придется* этого увидеть. Что бы Андрол ни думал о лорде Драконе из-за того, что он их бросил, очищением *саидин* ал'Тор заслужил прощение. Направлять теперь стало

безопасно.

Или, во всяком случае, *безопаснее*. Направлять Силу никогда не станет безопасно, особенно теперь, когда Таим их так подгоняет.

— Всё больше и больше людей берут эти, чтоб им сгореть, так называемые частные уроки у Таима, — тихо поведал Налаам, пока они шли в тень деревьев. — Успех Ненсена подстегнул ребят, и за последние пару недель на сторону Таима переметнулась целая дюжина. Скоро никого не останется, кроме нас. Я боюсь общаться с половиной тех, кому доверял раньше.

— Норли можно доверять, — ответил Канлер. — И Ивину

Хардлину.

— Невелик список, — сказал Налаам. — Слишком уж невелик.

— Двуреченцы за нас, — произнёс Джоннет. — Все до одного.

— И всё равно невелик, — заметил Налаам. — И среди нас нет ни одного полноправного Аша'мана.

Все посмотрели на Андрола. Он бросил взгляд на Таимовых прихвостней, которые опять над чем-то смеялись.

— Что, Андрол? — спросил Налаам. — Не станешь распекать нас за подобные разговоры?

— За какие именно? — спросил Андрол, снова поворачиваясь к ним.

— Да за эти самые — что мы

против них.

— Парни, я не хотел, чтобы вас убили или посадили под замок, но это не значит, что я не понимаю. — Он снова оглянулся. — О да, здесь завариваются неприятности, надвигаются, будто гроза.

— Те, кто ходит на частные уроки к Таиму, учатся слишком быстро, — сказал Налаам. — Всего лишь недавно Ненсен едва достигал уровня, чтобы перейти в Посвящённые, а сейчас он полный Аша'ман. И ещё эти Айз Седай. Почему Таим согласился позволить им связать нас узами? Вы знаете, что он защитил всех своих любимчиков, не позволяя Айз Седай выбирать

мужчин со значком Дракона. Чтоб мне сгореть, но я не знаю, что сделаю, если выберут меня. Я не позволю посадить себя на поводок какой-то там Айз Седай.

В ответ на это остальные одобрительно забормотали.

— Люди Таима распускают слухи среди новоприбывших, — тихо сказал Джоннет. — Они болтают о том, как о Лорд Дракон довёл хороших людей до предательства. Они говорят, что он бросил нас — и что он сошёл с ума. М'Хаэль не хочет, чтобы эти слухи явно указывали на него, но чтоб я сгорел, если они исходят не от него.

— Может, он и прав, — сказал

Канлер. Товарищи пристально воззрились на него, и жёсткий мужчина нахмурился. — Я не говорю, что собираюсь перескочить в лагерь Таима. Но Лорд Дракон — что *он* сделал для нас? Похоже, он забыл о Чёрной Башне. Быть может, он *и* *впрямь* сошёл с ума.

— Нет, это не так, — ответил Эмарин, покачав головой. — Я встречался с ним как раз перед прибытием сюда.

Они взглянули на него в изумлении.

— Он произвёл на меня сильное впечатление, — продолжал Эмарин. — Он молод, но у него сильная воля. Я верю ему. О, Свет! Я

разговаривал с ним едва ли с полдюжины раз, но я ему верю.

Остальные медленно кивнули.

— Чтоб мне сгореть, — сказал Канлер. — Полагаю, этого для меня достаточно. Но лучше бы он прислушался! Я слышал, как Логайн костерил его на чём свет стоит — что лорд Дракон не слушает его предупреждений насчёт Таима.

— А если мы соберём для него доказательства? — спросил Джоннет. — А если мы сможем найти что-то, *доказывающее*, что от Таима добра не жди?

— Что-то не так с Ненсеном, — повторил Налаам. — И этот Каш... с ним тоже. Откуда он взялся и как ему

удалось так быстро вырасти в Силе? Что если, когда вернётся Логайн, у нас будет для него информация? Или если бы мы могли передать её прямо лорду Дракону...

Компания повернулась к Андролу. Почему они рассчитывали на него, слабейшего из всех? Все, на что он был способен — это создавать Врата. Именно поэтому Котрен и прозвал его посыльным. Единственное, на что он годен — это передавать сообщения или перемещать людей.

Но остальные рассчитывали на него. По той или иной причине, но они рассчитывали на него.

— Хорошо, — сказал Андрол. —

Посмотрим, что нам удастся найти. Привлеките Ивина, Хардлина и Норли, но больше никому не рассказывайте, даже остальным двуреченцам. Не раздражайте Таима и его сторонников... но если вы что-то *узнаете*, идите ко мне. А я посмотрю, удастся ли мне найти способ связаться с Логайном или, по крайней мере, выяснить, где он сейчас.

Все серьёзно кивнули. *«Помоги нам Свет, если мы ошибаемся, — подумал Андрол, оглянувшись на приближённых Таима. — И помоги нам Свет ещё больше, если мы оказались правы».*

Глава 47

ТРЕНИРОВОЧНЫЙ ЗАЛ

Фэйли в нетерпении сидела на Заре, постаравшись не вздрогнуть, когда полоса Переходных Врат рассекла воздух. Гаул и Девы сразу же скользнули сквозь Врата на разведку находившейся по другую сторону долины.

— Ты точно не хочешь присоединиться к нам? — спросил Перрин Галада, который, стоя в стороне и сцепив руки за спиной, наблюдал за выдвижением колонны.

— Нет, — ответил тот. — Ужина с Илэйн с лихвой хватило для возобновления наших отношений.

— Ну, как пожелаешь, — промолвил Перрин и, повернувшись к Фэйли, приглашающим жестом указал на Врата.

Фэйли пришпорила Зарю — время предстать перед королевой Андора наконец настало, и она с трудом скрывала охватившее её волнение. Фэйли с Перрином прошли сквозь Врата, и перед ними раскинулся Кэймлин — огромный город, над которым вздымались пики башен с красно-белыми флагами, а в самом центре возвышался королевский дворец. Нижний

Кэймлин, выплеснувшийся за пределы городских стен, был разрастающимся городом, который жил своей собственной жизнью.

Свита Перрина, следовавшая следом сквозь Врата, была тщательно подобрана, дабы произвести впечатление, но не насторожить: Аллиандре с сотней охраны, сотня двуреченцев с луками без тетивы в качестве посохов, а также сотня Волчьей Гвардии, включающая в себя внушительную группу мелкой кайриэнской знати, щеголявшей украшенными цветными полосами нарядами, сшитыми из приобретённой в Беломостье ткани. И, конечно, Гаул с Девами.

Шествие замыкал Грейди. Значок Посвящённого ослепительно сверкал на воротнике аккуратно выглаженного угольно-чёрного кафтана. Стоило ему пересечь Врата, как он обратил взгляд на запад — в сторону Чёрной Башни. С разрешения Перрина он уже пытался Переместиться туда, но безрезультатно. Этот факт настораживал Перрина. Он уже наметил разнюхать что сможет этой ночью, в крайнем случае — следующей.

Гаул с Девами окружили их с Фэйли, и процессия двинулась вперёд. Авангард Волчьей Гвардии, возглавляемый Аргандой, галопом

направился в город, чтобы поставить в известность об их прибытии. Остальные неторопливо направились следом. Кэймлин вырос значительно сильнее Беломостья. У городских стен раскинулись лагеря нескольких армий, предположительно принадлежавших лордам — сторонникам Илэйн в притязаниях на Львиный Трон.

Небо над городом было странным — облака разошлись. Облачный покров был повсюду настолько всеобъемлющим, что Фэйли вздрогнула, увидев круглое отверстие в облаках поразительно правильной формы.

— Милорд, миледи, нас

примут, — сообщил возвратившийся во главе Волчьей Гвардии Арганда.

Перрин и Фэйли молча поскакали к воротам. Предстоящая встреча уже не раз обсуждалась; добавить было нечего. Перрин мудро позволил ей взять на себя ведущую роль в дипломатических переговорах. Мир не мог себе позволить войны между Андором и Двуречьем — особенно сейчас.

Миновав городские ворота, Перрин и айильцы заметно насторожились. Фэйли молча терпела излишнюю опеку. Сколько ещё над ней будет висеть тень плена у Шайдо? Порой казалось, что Перрин её даже в отхожее место не

отпустит без полусотни
телохранителей.

Внутри стен город был забит под
завязку. Толпы заполонили здания и
даже рынки. Отбросы уже начали
скапливаться кучами, и в толпе
сновало пугающее число
беспризорников. Посреди общего
гама выделялись горестные вопли о
наступивших тревожных временах и
будущих напастях; некоторые из
кричавших, скорее всего, были
оплачены лавочниками, чтобы
расшевелить торговлю.
Подчинённым Перрина уже
приходилось покупать припасы в
городе по взвинченным ценам — и в
самое ближайшее время Илэйн

придётся субсидировать населению покупку продовольствия, если она уже не начала это делать. В каком состоянии королевские запасы?

Оставив позади Новый Город, они продолжили путь ко Дворцу по заметно более ухоженным улицам Внутреннего Города. Отряд Королевской Гвардии, сияющий нагрудниками поверх красно-белых табардов, стоял на карауле у ворот в сияющих белых стенах дворца.

Сразу за воротами кавалькада спешила. Сотня почётной охраны последовала за Перрином и Фэйли внутрь: все айильцы, а также по небольшой группе от каждой армии. Несмотря на просторные коридоры

дворца, такое скопление людей вызвало у неё ощущение дискомфорта. Тем не менее, она обратила внимание, что процессия следует в Тронный Зал иным путем, нежели её водили до того. Почему их ведут окольным путём?

Во Дворце мало что изменилось со времён правления Ранда. Айильцы отсутствовали — кроме сопровождавших Перрина, но коридор устилала та же красная ковровая дорожка, те же вазы были расставлены по углам, а стены привычно украшали те же зеркала, создающие иллюзию большего пространства.

Внутреннее убранство дворцов

не менялось веками, равнодушное как к ногам, топтавшим ковры, так и к седалищу, гревшему трон. Только за один год этот Дворец видел правление Моргейз, одного из Отрёкшихся, Возрождённого Дракона и, наконец, Илэйн.

Неудивительно, что, входя в Тронный Зал, Фэйли почти ожидала застать вольготно развалившегося на Драконьем Троне Ранда с огоньком безумия в глазах и с обломком странного копья в руке. Но теперь Драконий трон исчез, а на Львином вновь восседала королева. Ранд отставил его в сторону и хранил, словно предназначенный в подарок любимой цветок.

Нынешняя королева казалась юной версией собственной матери. Хотя лицо Илэйн отличалось более нежными чертами, она унаследовала рыжевато-золотистые локоны и ослепительную красоту Моргейз. Она была высокого роста, и её беременность легко угадывалась по заметно округлившемуся животу и увеличившейся груди.

Тронный зал был скромно, но со вкусом украшен резьбой по дереву и узкими, возможно, декоративными колоннами по углам. Илэйн лучше заботилась об освещении, чем Ранд: все светильники ярко горели. Моргейз стояла у подножия трона по правую руку, слева построились

восемь королевских гвардейцев. Несколько расположившихся по периметру зала представителей младшей андорской знати с интересом наблюдали за прибывшей процессией.

Стоило Перрину, Фэйли и остальным приблизиться, Илэйн на троне подалась вперёд. Фэйли присела в изящном реверансе, а Перрин поклонился. Не слишком низко, но тем не менее поклонился. Как и договаривались, реверанс Алиандре был заметно глубже, чем у Фэйли, что, безусловно, должно было дать Илэйн пищу для размышлений.

Официальная цель визита —

благодарность трона за безопасное возвращение Моргейз — была не более чем предлогом, дабы перейти к цели истинной: будущему Двуречья. Но ни одна из сторон не могла упомянуть столь деликатную тему, по крайней мере сразу. Одно лишь упоминание о ней давало другой стороне слишком большое преимущество.

— Да будет известно, — мелодично произнесла Илэйн, — что корона с радостью приветствует вас, Леди Заринэ ни Башир т'Айбара, королева Аллиандре Марита Кигарин, Перрин Айбара. — Его имя было названо без титула. — И провозглашает нашу безмерную

благодарность означенным лицам за благополучное возвращение нашей матери. Сим выдающимся деянием вы заслужили искреннюю благосклонность трона.

— Благодарю вас, Ваше Величество, — в своей обычной простоватой манере ответил Перрин. Фэйли пришлось долго убеждать его придерживаться соответствующим этикету формальным обращениям.

— Мы объявим день официальных торжеств, дабы отпраздновать её возвращение, — продолжила Илэйн. — А также... восстановление приличествующего ей положения.

Пауза подразумевала, что Илэйн

недовольна известием, что с её матерью обращались как с простой горничной. Хотя она должна была понимать, что Фэйли и Перрин не ведали, что творят, но королева всё равно имела право гневаться. Она, возможно, рассчитывала воспользоваться этим как рычагом для давления на переговорах.

Возможно, Фэйли слишком много читала между строк, но она ничего не могла с собой поделать. Леди часто приходилось вести себя подобно купцу, и, к счастью, её хорошо подготовили для обеих ролей.

— И наконец, — промолвила Илэйн, — мы готовы перейти к истинной причине нашей встречи.

Леди Башир, мастер Айбара. Какую награду вы желаете получить за вашу услугу трону Андора?

Перрин опёрся рукой о молот и вопросительно взглянул на Фэйли. Однозначно, Илэйн ожидала от них требования формально признать титул Перрина. Или официального прощения за «самовольное присвоение» титула. Это два возможных исхода сегодняшней встречи.

Фэйли едва не соблазнилась потребовать первого. Это бы решило все их проблемы одним махом. Но, возможно, это было бы слишком просто; Фэйли нужно было прояснить некоторые моменты,

прежде чем продолжать.

— Не позволит ли Ваше Величество, — осторожно предложила Фэйли, — обсудить вопрос о награде в более уединённой обстановке?

Илэйн ненадолго задумалась — не дольше тридцати секунд, но эти секунды показались вечностью.

— Хорошо. Моя гостиная готова.

Фэйли кивнула, и лакей открыл небольшую дверь по левую руку от трона. Перрин направился в сторону двери, затем развернулся и знаком руки остановил Гаула, Сулин и Арганду. — Ждите здесь. — И, неуверенно взглянув на Грейди; — И ты тоже.

Ни одному из них это не понравилось, но они подчинились. Их предупреждали о подобной возможности.

Фэйли с трудом скрывала нервозность — ей не нравилось оставлять Аша'мана, их лучшее средство для отступления. Особенно учитывая тот факт, что Илэйн, вне сомнения, припрятала в гостиной шпионов и гвардейцев, способных прийти на помощь при малейших признаках опасности. Фэйли и сама не отказалась бы от подобной защиты, но привести способного направлять мужчину на встречу с королевой... что ж, будь что будет. Они у Илэйн в гостях, в конце

КОНЦОВ.

Глубоко вздохнув, Фэйли присоединилась к Перрину, Аллиандре и Моргейз в небольшой боковой комнате. По уже расставленным креслам она догадалась, что Илэйн рассматривала возможность подобной встречи. Они дождались, пока Илэйн войдёт, прежде чем сесть. Фэйли, как ни старалась, не смогла обнаружить места, где могли бы спрятаться телохранители.

Илэйн вошла и жестом пригласила гостей садиться. Кольцо на пальце с Великим Змеем сверкнуло в свете ламп. Фэйли едва не забыла, что королева — Айз

Седай. Возможно, в телохранителях не было нужды — способная направлять женщина стоит дюжины солдат.

Интересно, какому из слухов об отце ребёнка Илэйн стоило верить? Уж точно не глупой сплетне об одном из её телохранителей — явной выдумке для отвода глаз. Неужели отец — сам Ранд?

Моргейз появилась в комнате вслед за Илэйном. Она была одета в тёмно-красное платье простого покроя. Женщина заняла место рядом с дочерью и принялась молча разглядывать окружающих.

— Итак, — произнесла Илэйн. — назовите мне хотя бы одну

причину, по которой мне не следует казнить вас обоих за предательство.

Фэйли удивлённо мигнула. Перрин лишь фыркнул.

— Не думаю, что подобное решение обрадует Ранда.

— Я ему не подчиняюсь, — отозвалась королева. — Неужели ты надеешься, что я поверю, что ты по его совету запудрил мозги моим подданным и объявил себя королём?

— Вы, кажется, извратили некоторые факты, Ваше Величество, — с вызовом произнесла Фэйли. — Перрин никогда не провозглашал себя королём.

— Ах, и он, конечно же, никогда

не поднимал стяга Манетерена, как следует из отчётов моих информаторов? — съязвила Илэйн.

— Да, я поднял стяг, — признался Перрин. — Но также и спустил его добровольно.

— Надо же, какая скромность, — съязвила Илэйн. — Да, ты не называл себя королём, но поднять этот флаг равносильно этому. Да сядете вы все наконец или нет!

Повинуясь взмаху её руки, к ней по воздуху подплыл поднос, уставленный кубками и кувшином с вином, а также чайником с комплектом чашек.

«Доставлен с помощью Единой

Силы, — подумала Фэйли. — Как напоминание о её могуществе. Довольно наглядная демонстрация».

— Однако, — продолжила Илэйн, — я поступлю согласно интересам моего королевства, несмотря на последствия.

— Сомневаюсь, что оскорблять двуреченцев, — неуверенно произнесла Аллиандре, — отвечает интересам вашего королевства. Казнь их предводителя вызовет открытый мятеж.

— С моей точки зрения, — ответила Илэйн, разливая чай по кружкам, — они уже взбунтовались.

— Мы явились к вам с миром, — парировала Фэйли. —

Вряд ли это может быть расценено как акт мятежа.

Илэйн первая пригубила чай, согласно древнему обычаю, демонстрируя, что он не отравлен.

— Моим посланцам в Двуречье дали от ворот поворот, а ваши люди передали мне послание — я цитирую: «Земли лорда Перрина Златоокого отказываются платить ваши андорские налоги. *Тай'шар Манетерен!*»

Аллиандре побледнела. Вздох Перрина скорее напоминал тихий рык. Фэйли пригубила свой чай — мята с голубикой; поразительно вкусный. Да, в прямодушии двуреченцев сомневаться не

приходилось.

— Мы живём в беспокойные времена, Ваше Величество, — произнесла Фэйли. — Однозначно, жители отнеслись с подозрением к столь неожиданному вниманию; Двуречье в прошлом редко вызывало интерес короны.

— Это ещё мягко сказано, — фыркнул Перрин. — Большинство из нас выросло, понятия не имея, что мы — часть Андора. Вы на нас не обращали никакого внимания.

— Это потому, что раньше вы не бунтовали, — ответила Илэйн между глотками.

— Мятеж не единственная причина, по которой народ достоин

внимания королевы, которая провозглашает их своими подданными, — произнёс Перрин. — Не знаю, в курсе ли ты, но в прошлом году мы в одиночку противостояли троллокам, без всякого намёка на королевскую помощь. Ты прислала бы помощь, знай ты о нашей нужде, но факт, что никаких солдат — никого *способного узнать о нашей беде* — не было и в помине, говорит сам за себя.

Илэйн заколебалась.

— Двуреченцам лишь недавно открылась их истинная история, — тщательно подбирая слова, заметила Фэйли. — Простую, размеренную жизнь уже не вернуть, особенно

когда *Тармон Гай'дон* на пороге. После того, как этот край вскормил Дракона Возрождённого. Иногда мне кажется, что Манетерен пал и Двуречье восстало из его пепла, дабы воспитать Ранда ал'Тора. Среди фермеров с королевской кровью и королевским упрямством.

— Именно поэтому так важно немедленно вас утихомирить! — вспыхнула Илэйн. — Я предложила тебе награду, чтобы ты попросил о прощении. Я бы тебя помиловала и позаботилась выслать войска, чтобы твой народ был в безопасности. Прими моё предложение, и жизнь вернётся в свою колею.

— Не бывать этому, — мягко

ответил Перрин. — Теперь Двуречьем будут править лорды. Я пытался этому сопротивляться, и ты можешь попробовать, но ничего не изменится.

— Возможно, — сказала Илэйн. — Но признать *тебя* — означает дать добро каждому самозванцу присвоить титул, а потом упорно собирать армию, чтобы его удержать. Это ужасный прецедент, Перрин. Не думаю, что ты понимаешь, в какое неприятное положение ты меня поставил.

— Ничего, справимся, — изрёк Перрин в той самой упрямой манере, свойственной ему, когда он что-то вбил себе в голову. — Отступить я не

намерен.

— Ты даже не стараешься убедить меня, что готов признать моё главенство! — огрызнулась Илэйн.

«*Это плохо*». — От открытого противостояния *все* проиграют, подумала Фэйли, решив вклиниться в разговор.

Однако, прежде чем она заговорила, слышался другой голос.

— Доченька, — тихо произнесла Моргейз, пригубив чай. — Если ты решилась потанцевать с *та'вереном*, будь уверена, что знакома с фигурами этого танца. Я с ним путешествовала и видела его в действии, сам мир прогибается под его волей; даже

злейшие враги превращаются в его союзников. Сопротивляться воле Узора равносильно попытке сдвинуть гору ложкой.

Взглянув на мать, Илэйн задумалась.

— Я прошу прощения за то, что вмешиваюсь, — продолжила Моргейз. — Но я ведь предупреждала тебя, что обещала этим двоим свою защиту. Андор крепок, но я опасаюсь, что и он не выдержит противостояния с этим человеком. Он не посягает на твой трон, в этом я уверена, ну а Двуречье *нуждается* в руководстве. Чем же плохо согласиться на того, кого они сами выбрали?

Комната погрузилась в молчание. Илэйн задумчиво рассматривала Перрина. Фэйли затаила дыхание.

— Ну, хорошо, — произнесла Илэйн. — Я готова выслушать ваши требования. Посмотрим, что можно сделать по этому поводу.

— У нас нет никаких требований, — ответила Фэйли, — но есть предложение.

Илэйн удивлённо приподняла бровь.

— Ваша мать права, — продолжила Фэйли, — Перрину не нужен ваш трон.

— Ваши желания будут мало значить, приди подобная мысль в

голову двуреченцам.

Фэйли протестующе
отмахнулась.

— Ваше Величество, они любят его. Они его уважают. И они сделают то, что он прикажет. Мы способны искоренить идею восстановления Манетерен, и мы так поступим.

— Какой резон вам так поступать? — поинтересовалась Илэйн. — Я знаю, что Двуречье стремительно разрастается благодаря беженцам, перебравшимися через горы. С приходом Последней Битвы способны появиться и напрочь исчезнуть целые страны. Никакой причины, чтобы вы отказались от идеи о собственном королевстве, не

существует.

— Как раз напротив, — заметила Фэйли, — у нас есть веская причина поступить подобным образом: Андор королевство большое и преуспевающее; как бы быстро ни росли города в Двуречье, люди только-только задумались о лорде. В сердце своём они остаются фермерами. Они не мечтают о славе, а лишь надеются, что их посевы выживут.

— Может быть, вы правы, — продолжила Фэйли вслед за короткой паузой. — Может, мы действительно в преддверии нового Разлома, но тем более резонно иметь сильных союзников. Никто не желает

гражданской войны в Андоре, в особенности двуреченцы.

— В чем же состоит ваше предложение?

— Мы не просим ничего, кроме того, что уже существует, — ответила Фэйли, — пожалуйста Перрину официальный титул и сделайте его Верховным Лордом Двуречья.

— Что именно подразумевается под «Верховным Лордом»? — поинтересовалась Илэйн.

— Он по положению будет выше других Благородных Домов Андора, но ниже королевы.

— Сомневаюсь, что остальным это понравится, — съязвила Илэйн. — Как насчёт налогов?

— Двуречье будет исключением. — Заметив кислую мину, которую сделала Илэйн, Фэйли торопливо продолжила: — Ваше Величество, корона веками игнорировала жителей Двуречья, не предоставляя им защиты от разбойников, не посылая рабочих на ремонт дорог, не создав ни магистраты, ни судопроизводство.

— А они в них и не нуждались, — ответила Илэйн. — Сами неплохо справлялись.

Она не стала упоминать — хотя наверняка знала — что двуреченцы скорее всего выгнали бы взашей любого направленного к ним сборщика податей, судью или

магистрат.

— В таком случае, — заметила Фэйли, — нет смысла что-либо менять. Двуреченцы сами управятся.

— Вы могли бы вести с ними беспошлинную торговлю, — предложила Аллиандре.

— Мы уже ведём с ними беспошлинную торговлю, — процедила Илэйн.

— Как я уже заметила, нечего не изменится, — повторила Фэйли. — За исключением того, что на западе Андора появится сильная провинция. Перрин, как ваш союзник и вассал, обязуется выставить войско на защиту королевства. Он также готов призвать своих вассальных монархов

под твои знамёна.

Илэйн пристально взглянула на Аллиандре. Она наверняка узнала о клятве королевы из уст Моргейз, но хотела услышать подтверждение.

— Я поклялась в верности лорду Перрину, — произнесла Аллиандре. — Гэалдан давно нуждается в могущественных союзниках. Я намерена исправить ситуацию.

— Ваше Величество, — произнесла Фэйли, склонившись в сторону королевы и сжимая чашку в руках, — мой муж провёл некоторое время в компании шончанских офицеров. Они уже сумели объединить несколько стран под

стягом Империи. Ранд ал'Тор, которому вы, полагаю, доверяете, как другу, поступил так же. Тир, Иллиан и, возможно, даже Арад Доман подчиняются его власти. Сейчас страны стремятся не к расколу, а к объединению. Существует опасность того, что Андор окажется в полной изоляции.

— Именно поэтому я сделала то, что сделала, —插入了 Аллиандре.

С точки зрения Фэйли, клятва Аллиандре была прямым результатом *та'веренства* Перрина, а не вдумчивого планирования. Последняя, однако, видела сложившуюся ситуацию в ином свете.

— Ваше Величество, — продолжала Фэйли, — наше предложение открывает перед вами много возможностей: через наш с Перрином брак вы приобретаете тесные связи с Салдэйей, через клятву Аллиандре — Гэалдан. Берелейн следует за Перрином, и она часто упоминала о том, что заинтересована в могущественных союзниках для Майена. Если мы обсудим это с ней, я подозреваю, она согласится заключить с нами союз. Можно составить собственное соглашение. Пять государств, если отдельно считать Двуречье, и шесть, если вы, как утверждают слухи, взойдёте на Солнечный Трон. Мы не

самые могущественные государства, но вместе мы сильнее. А возглавлять нас будете вы.

С лица Илэйн исчезла практически вся враждебность.

— Какая ты по счету в очереди на трон Салдэйи?

— Вторая, — призналась Фэйли. Илэйн, возможно, была уже осведомлена. Перрин поёрзал в своем кресле. Фэйли знала, что этот факт по-прежнему доставлял ему неудобство — ну, значит, ему придётся просто к нему привыкнуть.

— Вторая — это слишком близко, — ответила Илэйн. — Что если ты всё же окажешься на троне Салдэйи? Тогда я рискую потерять

Двуречье.

— Этого легко избежать, — сказала Аллиандре. — Если Фэйли займёт трон, один из её и Перрина детей может стать лордом Двуречья. А другой — получить трон Салдэйи. Составьте соответствующие документы, и вам ничто не будет угрожать.

— С такими условиями я могу согласиться, — сказала Илэйн.

— Тогда у меня нет никаких возражений, — ответила Фэйли, покосившись на Перрина.

— Полагаю, что так.

— Мне бы самой не помешал кто-нибудь из них, — задумчиво сказала Илэйн. — Я имею в виду,

кто-нибудь из ваших детей, чтобы соединить его браком с особой андорской королевской крови. Если Двуречьем будет управлять лорд с той огромной властью, которую даст ему это соглашение, я бы хотела, чтобы он имел кровные связи с троном.

— Ничего не могу обещать, — сказал Перрин. — Мои дети сами сделают свой выбор.

— Иногда дворяне так поступают, — сказала Илэйн. — Это необычно, хоть и не редкость, если наши дети будут обручены с рождения.

— В Двуречье такой традиции не будет, — упрямо ответил

Перрин. — Никогда.

Фэйли пожала плечами.

— Ваше Величество, мы можем поощрить их.

Илэйн заколебалась и кивнула.

— Хорошо. Но другим Домам не понравится эта идея с титулом Верховного Лорда. Должен быть другой способ...

— Отдайте Двуречье Дракону Возрождённому, — сказала Моргейз.

У Илэйн загорелись глаза.

— Да. Это сработает. Если я отдам ему земли, которые станут его резиденцией в Андоре...

Фэйли уже было открыла рот, но Илэйн прервала её взмахом руки.

— Это не обсуждается. Мне

нужно каким-то образом убедить других лордов, что я вправе сделать Двуречье настолько независимым. Если даровать эти земли Дракону Возрождённому, дать ему титул Андорского лорда и сделать Двуречье его резиденцией, то будет разумно, что ваш дом так выделяют.

Благородные Дома Андора согласятся на это, поскольку Двуречье — родина Ранда, а Андор у него в долгу. Мы сделаем так, чтобы Ранд назначил род Перрина своими наместниками. И все подумают, что я не иду на уступки мятежникам, а позволяю Дракону Возрождённому, человеку, которого я люблю, возвысить своего верного друга. Это

также может дать нам некоторую основу для противостояния союзу Тира и Иллиана. Они твёрдо уверены, что их связь с Рандом даёт им право завоёвывать другие страны, — она становилась всё задумчивее, постукивая пальцем по стенке чашки.

— Кажется, это вполне разумно, — сказал Перрин, кивая головой. — Наместник Двуречья. Мне нравится, как это звучит.

— Да, хорошо, — сказала Фэйли, — тогда, я думаю, мы всё уладили?

— Налоги, — сказала Илэйн, будто ничего не слышала. — Вы доверяете управление налогами

Перрину и его потомкам, с указанием, что Дракон может потребовать их выплаты в случае своего возвращения. Да. Это позволяет законно освободить вас от налогов. Конечно, Перрин будет вправе распоряжаться этими фондами, чтобы обустроить Двуречье: на дороги, строительство продуктовых складов, оборону.

Илэйн взглянула на Фэйли, потом улыбнулась и сделала большой глоток чая.

— Я начинаю думать, что оставить вас в живых было хорошей идеей.

— Это, конечно, успокаивает, — с улыбкой сказала Аллиандре. Как

наименее могущественный член союза, она выигрывала больше всех.

— Ваше Величество... — обратилась Фэйли.

— Зовите меня Илэйн, — сказала королева, наливая вино для Фэйли.

— Очень хорошо, Илэйн, — отозвалась Фэйли, отодвигая в сторону чай и принимая вино. — Мне нужно спросить. Знаете ли вы, что происходит с Драконом Возрождённым?

— Тупоголовый увалень, — ответила Илэйн, покачав головой. — Проклятый мужчина довёл Эгвейн до белого каления.

— Эгвейн? — спросил Перрин.

— Она всё-таки стала Амерлин, — ответила Илэйн, будто это было неизбежным. Перрин кивнул, а вот Фэйли поняла, что удивилась. Как это произошло, и почему Перрина это совсем не удивляет?

— Что он наделал? — спросил Перрин.

— Он говорит, что собирается сломать оставшиеся печати на Узилище Темного, — хмуро пояснила Илэйн. — Нам, конечно, нужно остановить его. Глупый план. Ты можешь помочь. Эгвейн собирает армию, чтобы отговорить его.

— Думаю, я смогу помочь, — сказал Перрин.

— Вы знаете, где он сейчас? — спросила Фэйли. У Перрина были соображения благодаря его видениям, но она хотела знать, что именно знает Илэйн.

— Я не знаю, — сказала Илэйн. — Но зато я знаю, где он будет...

* * *

Фортуона Атаэм Дэви Пейндраг, правительница Прославленной Империи Шончан, прошествовала в свой тренировочный зал. Она надела великолепное платье из золотой парчи, приличествующее

Императрице. Юбка, разделяющаяся спереди, чуть выше колен, была настолько длинна, что, чтобы нести подол, потребовалось пять *да'ковале*.

Она надела изысканно украшенный головной убор из золотого и алого шёлка с прекрасными шёлковыми крыльями, по форме походившими на крылья взлетающей совы. На руках императрицы блестели тринадцать браслетов, каждый с различным набором драгоценных камней. На шее — хрусталь, свисающий с длинной цепочки. Прошлой ночью над своим окном Фортуона услышала крик совы, и птица не улетела, когда молодая женщина выглянула наружу.

Знамение говорило о том, что нужно быть очень внимательной, поскольку в ближайшее дни будет принято важное решение. Подобающим ответом на подобное знамение было надеть драгоценности, обладающие могущественной символикой.

Когда она вошла в зал, находившиеся внутри пали ниц. На ногах было позволено оставаться только Стражам Последнего Часа — людям в кроваво-красных и тёмно-зелёных доспехах; они поклонились, но внимательно продолжали высматривать возможные угрозы.

В большом зале не было окон. В одном конце были расставлены ряды глиняных горшков, на них *дамани*

упражнялись в использовании боевых плетений. Пол был выстелен плетёными циновками, на которые в случае непослушания падали *дамани*, корчась от боли. Они не должны были пострадать. *Дамани* были одним из самых важных орудий Империи, ценнее лошадей или *ракенов*. Если зверь медленно обучается, его не убивают — его наказывают до тех пор, пока он не научится.

Фортуона пересекла зал и подошла к императорскому трону. Она часто приходила сюда, чтобы посмотреть, как дрессируют *дамани* и заставляют их подчиняться. Это её успокаивало. Трон стоял на

небольшом возвышении; она поднялась по ступенькам, приподнятые *да'ковале* полы юбки зашелестели. Фортуна развернулась лицом к залу, позволяя слугам уложить платье. Они взяли её под руки, приподняли и посадили на трон, расправив длинные позолоченные юбки перед троном подобно ковру.

На этих юбках были вышиты лозунги Имперской власти: «Императрица олицетворяет ШОНЧАН. Императрица БУДЕТ жить вечно. Императрице ДОЛЖНЫ повиноваться».

Она сидела как живое воплощение могущества Империи.

Селусия заняла своё место на ступеньках у трона. Как только это случилось, придворные поднялись. Дамани, конечно, оставались на коленях. Их было десять, с опущенными головами, их *сул'дам* держали поводки и иногда ласково поглаживали своих *дамани* по голове.

Вошёл король Беслан. Он практически полностью обрил голову, оставив только тёмную полосу волос на макушке, и семь его ногтей были покрыты лаком. На один ноготь больше, чем у любого человека по эту сторону океана, за исключением самой Фортуоны. Шончанской одежде он всё ещё предпочитал алтарскую — зелёного

и белого цветов. Фортуона не стала настаивать.

Насколько она знала, со дня своего возвышения Беслан оставил планы её убить. Удивительно. Любой шончанин немедленно бы начал строить заговоры. Одни бы решились на убийство; другие ограничились бы только планами, оставаясь лояльными. Но все бы *рассмотрели* самую возможность её убийства.

По эту сторону океана многие думали по-другому. Она никогда бы в это не поверила, если бы не время, проведённое с Мэтримом. Это была одна из очевидных причин, почему ей требовалось отправиться с ним. Как бы ей хотелось, чтобы ей удалось

понять знамения раньше.

К Беслану подошли Капитан-Генерал Лунал Галган и несколько Низших Высокородных. Галган был широкоплечим мужчиной с гребнем белых волос на макушке. Остальные Высокородные держались позади, они знали, что Фортуона благоволила Галгану. Если восстановление власти в Шончан и дела по эту сторону океана пойдут хорошо, то есть шанс, что она возвысит его до члена императорской семьи. Всё-таки, когда Фортуона вернётся и восстановит порядок, ряды семьи нужно будет пополнить. Без сомнения, многих убили или казнили. Галган был ценным

союзником. Он не только открыто выступал против Сюрот, но и предложил напасть на Белую Башню — а это нападение завершилось удачно. Чрезвычайно удачно.

Мелитене, *дер'сул'дам*
Фортуоны, выступила вперёд и поклонилась ещё раз. Полная, седеющая женщина вела за собой *дамани* с тёмными каштановыми волосами и покрасневшими глазами. Похоже, та часто плакала.

Казалось, Мелитене стыдилась зарёванного вида своей *дамани*, и поэтому она поклонилась ещё ниже. Фортуона предпочла не замечать, что *дамани* ведёт себя настолько неподобающим образом. Эта *дамани*

была хорошей добычей, несмотря на свои капризы.

Фортуона жестами показала Селусии, что сказать. Женщина внимательно следила. Одна половина её головы была обрита, другую покрывала ткань до тех пор, пока не отрастут волосы. Со временем Фортуона выберет новый Голос, поскольку Селусия стала её Говорящей Правду.

— Покажи нам, что может эта женщина, — сказала Селусия, Оглашая слова Фортуоны.

Мелитене погладила *дамани* по голове.

— Суффа покажет Императрице, да живёт она вечно, Власть над

рассечением воздуха.

— Пожалуйста, — сказала Суффа, с мольбой обращаясь к Фортуне. — Пожалуйста, выслушайте меня. Я Престол Амерлин.

Мелитене зашипела, и глаза Суффы широко раскрылись — очевидно, она почувствовала через *ай'дам* вспышку боли. Тем не менее, *дамани* продолжала.

— Я могу предложить вам великое сокровище, могущественная Императрица! Если меня вернут, я отдам вам взамен десять женщин. Двадцать! Самых могущественных, каких только имеет Белая Башня. Я... — Её речь резко оборвалась, и

дамани со стоном повалилась на землю.

На лице Мелитене выступил пот. Она посмотрела на Селусию и быстро и напряжённо заговорила:

— Пожалуйста, объясните Императрице, да живёт она вечно, что мои глаза опущены из-за того, что эта *дамани* недостаточно обучена. Суффа удивительно упряма, несмотря на то, как быстро она начинает рыдать и предлагать выкуп.

Мгновение Фортуона сидела неподвижно, держа Мелитене в напряжении. Наконец она подала знак Селусии.

— Ты не рассердила императрицу, — Огласила ответ

Селусия. — Эти *марат'дамани*, называющие себя Айз Седай, упрямы все до одной.

— Пожалуйста, выразите мою благодарность Величайшей, — сказала Мелитене, расслабившись. — Если будет угодно Той, Чьи Глаза Смотрят Вверх, я могу заставить Суффю показать её умение. Но это опять может вызвать эксцессы.

— Можешь продолжать, — огласила Селусия.

Мелитене опустилась на колени рядом с Суффой и сначала заговорила с ней резко, а затем утешающе. Она очень хорошо умела работать с бывшими *марат'дамани*. Конечно, Фортуона считала, что и она сама

неплохо обращается с *дамани*. Ей так же нравилось ломать волю *дамани*, как её брат Хальвэйт наслаждался, дрессируя диких *гролмов*. Жаль, что он пал жертвой убийцы. Он был единственным из её братьев, кого она любила.

Наконец Суффа поднялась с колен. Фортуна с любопытством подалась вперёд. Суффа наклонила голову, и полоска света — сверкающая и яркая — рассекла перед ней воздух. Полоска развернулась в стороны от центральной оси, открыв прямо перед тронем Фортуны зияющую дыру в воздухе. По ту сторону шелестела листва деревьев, и у

Фортуоны перехватило дыхание, когда по ту сторону портала она увидела белоголового ястреба. Знамение огромной силы. Обычно невозмутимая, Селусия ахнула, но чему именно изумилась Селусия — portalу или знамению — Фортуона не знала.

Фортуона сдержала своё удивление. Так значит, это правда. Перемещение не было мифом или слухом. Оно действительно возможно. Это в корне меняло ход войны.

В нерешительности Беслан прошёл вперёд и поклонился ей. Она махнула ему и Галгану, чтобы они подошли и сквозь открывшийся

портал увидели лесную поляну. Беслан уставился с открытым ртом.

Галган сцепил руки за спиной. Любопытный человек. Он встречался с убийцами в городе и узнавал у них цену за голову Фортуоны. Затем каждого ответившего казнил. Очень хитрый ход. Этим он хотел показать, что Фортуона должна рассматривать его как угрозу, поскольку он не боялся встречи с убийцами. В то же время это был и явный знак преданности. Этим ходом Галган говорил: «Сейчас я следую за тобой, но я слежу, и у меня есть амбиции».

Во многом его аккуратное маневрирование нравилось Фортуоне больше, чем нарочито

беспрекословное повиновение
Беслана. Первое она могла
предвосхитить. Второе... она ещё не
понимала, как это расценивать. Будет
ли Мэтрим настолько же предан ей?
Каково это, иметь Принца Воронов,
против которого ей не придётся
плести интриги? Это казалось почти
невероятной сказкой, вроде тех, что
рассказывают детям простолюдинов,
забивая им голову мечтами о
неравных браках.

— Поразительно! — произнёс
Беслан. — Величайшая, с этой
способностью... — Положение
Беслана делало его одним из
немногих людей, способных
обращаться непосредственно к ней.

— Императрица желает
знать, — провозгласила Селусия,
читая движения пальцев
Фортуоны, — рассказал ли кто-
нибудь из захваченных *марат'дамани*
об оружии.

— Передай великой
Императрице, да живёт она вечно,
что никто о нём не говорил, —
взволнованно ответила Мелитене. —
И, да простят меня за дерзость,
думаю, они не лгут. Кажется, взрыв
за городом был единичным случаем
— результатом действия какого-то
неизвестного *тер'ангриала*,
использованного по
неосторожности. Скорее всего,
никакого оружия не существует.

Может быть. Фортуона уже начала сомневаться в правдивости этих слухов. Взрыв произошёл до того, как Фортуона приплыла в Эбу Дар, и его детальные описания были противоречивы. Возможно, это уловка Сюрот или её врагов.

— Капитан-Генерал, — провозгласила Селусия. — Величайшая желает знать, что бы вы сделали, обладая Силой, подобной Перемещению.

— Это зависит от многого, — сказал Галган, потирая подбородок. — Насколько далеко можно открыть проход? Насколько большой он может быть? Способны ли на это все *дамани*? Есть ли какие-

то ограничения на место, куда можно открыть дыру? Если будет угодно Величайшей, я поговорю с *дамани* и получу ответы на эти вопросы.

— Императрице угодно, — огласила Селусия.

— Это тревожит, — сказал Беслан. — Они могут атаковать наши боевые порядки с тыла. Они могут открыть такой же портал прямо в покоях Императрицы, да живёт она вечно. С этим... все наши знания о войне изменятся.

Стражи Последнего Часа зашевелились — знак величайшего беспокойства. Лишь Фурик Карид продолжал стоять, не двигаясь. Только выражение его лица стало

жёстче. Фортуона знала, что скоро он предложит всё время переносить её спальню на новое место.

Фортуона на мгновение задумалась, не сводя глаз со щели в воздухе — в самой ткани реальности. Затем, вопреки традициям, она встала на помосте. К счастью, она могла обращаться напрямую к Беслану, позволяя остальным слышать её приказы.

— В отчётах говорится, — объявила Фортуона, — что в месте, называемом Белой Башней, по-прежнему находятся сотни *марат'дамани*. Они — ключ к возвращению Шончан, ключ к удержанию этих земель, ключ в

подготовке к Последней Битве. Дракон Возрождённый будет служить Хрустальному Трону.

Нам предоставили оружие для удара. Пусть скажут Капитан-Генералу, чтобы он собрал лучших солдат. Я хочу, чтобы каждую подвластную нам *дамани* вернули в город. Мы обучим их этому способу Перемещения. А затем, в полной силе, выступим на Белую Башню. До этого мы укололи их булавкой. Теперь же они познают всю силу нашего меча. Каждая *марат'дамани* должна быть обуздана.

Она снова села, после чего комната погрузилась в тишину. Редко когда Императрица делала такие

заявления лично. Но пришло время действовать решительно.

— Вы не должны допустить распространения слухов, — твёрдым голосом сказала Селусия. Сейчас она говорила от лица Говорящей Правду. Да, необходимо выбрать кого-нибудь другого на роль Голоса Фортуоны. — Будет глупо дать понять врагу, что мы владеем этим Перемещением.

Фортуона глубоко вздохнула. Да, это так. Она удостоверится, что каждое слово, произнесённое в этой комнате, останется в тайне. Но как только Белая Башня будет захвачена, о её речи заговорят, и на небесах и повсюду вокруг увидят знамения её победы.

«Мы должны ударить как можно скорее», — жестом сказала Селусия.

«Да, — ответила Фортуона. — После нашей предыдущей атаки они начнут собирать силы».

«Тогда наш следующий ход должен стать решающим, — жестом ответила Селусия. — Только подумайте. Доставить тысячи солдат в Белую Башню через потайные подвалы. Ударить силой тысячи молотов по тысячам наковален!»

Фортуона кивнула.

Белая Башня была обречена.

— Перрин, не думаю, что можно ещё что-то добавить, — произнёс Том, откинувшись на стуле, из его трубки с длинным мундштуком вился табачный дым. Это была тёплая ночь, и они не стали разжигать огонь в камине. Всего лишь несколько свечей на столе, немного хлеба, сыра и кувшин с элем.

Перрин выпустил клуб дыма из трубки. В комнате находились только он, Том и Мэт. Гаул и Грейди ждали снаружи в общей комнате. Мэт обругал Перрина за то, что он привёл их собой — айилец и Аша'ман привлекали слишком много внимания. Но с ними Перрин чувствовал себя безопаснее, чем с

целой ротой солдат.

Он поделился своей историей с Мэтом и Томом первым, рассказав о Малдене, Пророке, Аллиандре и Галаде. Затем они поведали ему о своих собственных приключениях. Перрин был потрясён тем, как много всего произошло с тех пор, как они расстались.

— Императрица Шончан, да? — спросил Перрин, наблюдая за тем, как над ним в полутёмной комнате закручивается струйка дыма.

— Дочь Девяти Лун, — ответил Мэт. — Это разные вещи.

— И ты женат, — ухмыльнулся Перрин. — Мэтрим Коутон — и женат.

— Знаешь, про *это* говорить было совсем не обязательно, — сказал Мэт Тому.

— Нет, уверяю тебя, это было необходимо.

— Для менестреля ты, кажется, умолчал о большей части моих героических свершений, — сказал Мэт. — Но, по крайней мере, ты не забыл о шляпе.

Довольный, Перрин улыбнулся. Раньше он не осознавал, как сильно ему не хватало этих вечерних посиделок с друзьями. Снаружи за окном висела резная вывеска, с неё капала дождевая вода. На вывеске были изображены лица в странных шляпах с преувеличенно широкими

улыбками: «Весёлая компашка». Возможно, с этим названием связана какая-то история.

Они сидели втроем в отдельном зале, который оплатил Мэт. Они принесли сюда три больших каминных кресла. Кресла не подходили для сидения за столом, но зато они были удобными. Мэт откинулся назад, положив ноги на стол. Он взял ломоть овечьего сыра, откусил от него небольшой кусочек, а затем аккуратно положил оставшуюся часть на подлокотник своего кресла.

— Знаешь, Мэт, — сказал Перрин, — твоя жена, возможно, захочет, чтобы ты научился

правильно вести себя за столом.

— О, меня учили, — ответил Мэт. — Но я так ничему и не научился.

— Я хотел бы с ней встретиться, — сказал Перрин.

— Она довольно интересный человек, — вставил Том.

— Интересный, — сказал Мэт. — Ну да.

Он выглядел задумчивым.

— Как бы то ни было, ты уже достаточно об этом наслушался, Перрин. Эта проклятая Коричневая притащила нас сюда. Не видел её уже больше двух недель.

— Могу я взглянуть на записку? — спросил Перрин.

Мэт похлопал себя по карманам и выудил небольшой белый лист бумаги, сложенный и запечатанный красным воском. Он кинул записку на стол. Уголки были загнуты, бумага измята, но записка так и осталась запечатанной. Мэтрим Коутон был человеком слова, по крайней мере, когда кому-то удавалось вытянуть из него клятву.

Перрин поднял записку. От неё слабо пахло духами. Он перевернул её и затем проверил на просвет у свечи.

— Не срабатывает, — сказал Мэт.

Перрин буркнул:

— Так о чём, как ты думаешь, в ней говорится?

— Не знаю, — ответил Мэт. — Проклятая безумная Айз Седай. Я имею в виду, они все странные. Но Верин полностью съехала с катушек. Случаем, ты не получал о ней известий?

— Нет, не получал.

— Надеюсь, с ней всё в порядке, — сказал Мэт. — Она беспокоилась, что с ней может что-нибудь случиться.

Он забрал записку и хлопнул ею по столу.

— Собираешься открыть её?

Мэт покачал головой.

— Вскрою, когда вернусь. Я...

В дверь постучали, и она со скрипом открылась, обнаружив за

собой хозяина гостиницы, молодого человека по имени Денезель. Он был высок, с вытянутым лицом и бритой головой. Судя по тому, что знал Перрин, хозяин гостиницы был едва ли не Присягнувшим Дракону, он даже дошёл до того, что заказал и повесил в общем зале портрет Ранда. Изображение даже было сходно с оригиналом.

— Прошу прощения, мастер Кримсон, — сказал Денезель, — но человек мастера Гульдена настаивает, чтобы вы с ним поговорили.

— Всё в порядке, — сказал Перрин.

Грейди просунул своё

обветренное лицо в комнату, и Денезель удалился.

— Эй, Грейди, — воскликнул Мэт, махая ему рукой. — Взорвал кого-нибудь в последнее время?

Загорелый Аша'ман нахмурился, глядя на Перрина.

— Милорд. Леди Фэйли просила меня сообщить вам, когда наступит полночь.

Мэт присвистнул.

— Видишь, вот почему я оставил свою жену в другом королевстве.

Грейди нахмурился ещё сильнее.

— Спасибо, Грейди, — со вздохом сказал Перрин. — Я потерял счёт времени. Мы скоро разойдёмся.

Аша'ман кивнул и затем удалился.

— Испепели его Свет, — воскликнул Мэт. — Разве этот парень не может хотя бы улыбнуться? Треклятые небеса и так достаточно угнетают, чтоб ещё люди пытались им подражать.

— Сынок, — сказал Том, наливая себе немного эля, — просто в последнее время некоторые находят мир не таким уж забавным.

— Чепуха, — возразил Мэт. — Мир забавен. Весь проклятый белый свет недавно смеялся надо мной. Повторяю тебе, Перрин, с этими нашими появившимися повсюду портретами теперь надо держаться

ниже травы.

— Я не представляю как, — сказал Перрин. — У меня есть армия, которую нужно вести за собой, и люди, о которых нужно заботиться.

— Мне кажется, что ты не слишком серьёзно отнёсся к предостережению Верин, парень, — сказал Том, покачав головой. — Ты когда-нибудь слышал о народе Банат?

— Нет, — ответил Перрин, покосившись на Мэта.

— Они были стаей дикарей, кочевавших по земле, которая сейчас зовётся равниной Алмот, — пояснил Том. — Я знаю парочку хороших песен о них. Видишь ли, некоторые

кланы красили своим вождям кожу в красный цвет, чтобы они выделялись.

Мэт откусил ещё кусочек сыра.

— Проклятые глупцы. Красить своих вождей в красное? Да на поле боя это превратит их в мишень для каждого солдата!

— В этом-то и смысл, — ответил Том. — Это было вызовом. Как ещё враги клана смогут отыскать вождя и испытать свои умения в бою с ним?

Мэт фыркнул.

— Чтобы отвлечь от себя внимание, я бы разукрасил парочку своих солдат, а затем, пока все пытаются их поймать, считая, что они возглавляют мою армию,

приказал бы своим лучникам утыкать их вождя стрелами.

— В действительности, — сказал Том, глотнув эля, — именно так и поступил Вильям Кровавое Письмо во время своей первой и последней битвы с ними. Об этом повествует «Песня ста дней». Блестящий ход. Я удивлён, что ты слышал об этой песне, она почти позабыта, а битва случилась так давно, что во многих исторических книгах о ней даже не упоминается.

По какой-то причине, после этого высказывания от Мэта запахло беспокойством.

— Ты говоришь, что мы превращаем себя в мишень, — сказал

Перрин.

— Я говорю, — ответил Том, — что вам, парни, становится всё сложнее и сложнее спрятаться. Куда бы вы ни пошли, о вашем прибытии возвещают знамёна. Люди говорят о вас. Я почти уверен, что вы так долго оставались в живых только потому, что Отрёкшиеся не знали, где вас найти.

Перрин кивнул, вспоминая о ловушке, в которую чуть не угодила его армия. Убийцы приходят ночью.

— Так что же я должен делать?

— Мэт каждую ночь спит в разных палатках, — ответил Том, — а иногда в городе. Тебе нужно попробовать что-нибудь подобное.

Грейди может делать Переходные Врата, ведь так? Почему бы ему не делать их каждую ночь посреди твоей палатки? Незаметно ускользни и поспи где-нибудь в другом месте, а утром Переместись обратно. Все будут думать, что ты в своей палатке. Если убийцы решат нанести удар, тебя в палатке не будет.

Перрин задумчиво кивнул.

— Или даже лучше, я могу оставить в палатке пять или шесть айильцев наготове.

— Перрин, — произнёс Мэт, — это очень коварно с твоей стороны. — Он улыбнулся. — Ты меняешься к лучшему, друг мой.

— От тебя я попытаюсь принять

это в качестве комплимента, — ответил Перрин. Он сделал паузу и добавил. — Это будет трудно.

Том усмехнулся.

— Он прав. Ты изменился. Что стало с тем тихим, неуверенным пареньком, которому я помог сбежать из Двуречья?

— Он прошёл сквозь горнило, — тихо сказал Перрин. Том кивнул и, кажется, понял, что имел в виду Перрин.

— А ты, Мэт? — спросил Перрин. — Могу я тебе чем-нибудь помочь? Может быть, с Перемещением между палатками?

— Нет. Со мной всё будет в порядке.

— Как же ты будешь защищаться?

— С помощью своей головы.

— Собираешься взяться за ум? — спросил Перрин. — Вовремя.

Мэт фыркнул.

— Что это последнее время всех занимает моя голова? Со мной всё будет в порядке, поверь мне. Напомни, чтобы я рассказал тебе о той ночи, когда понял, что могу выиграть любую игру в кости, если захочу. Это хорошая история. С падениями с мостов. По крайней мере, с одного моста.

— Ну... можешь рассказать нам её прямо сейчас, — сказал Перрин.

— Сейчас неподходящее время.

В любом случае, это не важно.
Видишь ли, скоро я ухожу.

От Тома запахло волнением.

— Перрин, ты ведь одолжишь нам Переходные Врата? — спросил Мэт. — Ненавижу оставлять Отряд. Без меня они будут безутешны. По крайней мере, у них есть драконы, чтобы хорошенько повзрывать.

— Но куда ты собираешься уйти? — спросил Перрин.

— Думаю, нужно объяснить, — согласился Мэт. — Это было одной из причин, почему мы встретились, помимо дружеской беседы и прочего. — Он наклонился поближе. — Перрин, Морейн жива.

— Что?

— Это правда, — сказал Мэт. — Или мы думаем, что правда. Морейн оставила Тому письмо, в котором утверждается, что она предвидела схватку с Ланфир и знала, что она... Ну, не важно, эта башня находится к западу отсюда, на реке Аринелле. Она полностью сделана из металла. Это...

— Башня Генджей, — тихо сказал Перрин. — Да, я знаю о ней.

Мэт моргнул.

— Знаешь? Сожги меня Свет. Когда ты стал учёным?

— Я просто слышал кое-что. Мэт, это место — зло.

— Морейн внутри, — ответил Мэт. — В плену. Я намереваюсь

вернуть её. Я должен победить змей и лисиц. Проклятые обманщики.

— Змеи и лисицы? — удивился Перрин.

Том кивнул.

— Детская игра названа в честь существ, что живут в башне. Так мы думаем.

— Я их видел, — сказал Мэт, — и... на самом деле, сейчас на объяснения нет времени.

— Если вы собираетесь спасать её, — сказал Перрин, — возможно, я смогу пойти с вами. Или, по крайней мере, послать одного Аша'мана.

— Я с удовольствием воспользуюсь Переходными Вратами, — сказал Мэт. — Но ты не

можешь пойти, Перрин. Морейн всё объяснила в своём письме. Только трое могут пойти, и я уже знаю, кто это будет. — Он помедлил. — Знаешь, Олвер убьёт меня за то, что я его не беру.

— Мэт, — сказал Перрин, качая головой. — Ты городишь какую-то несусветицу.

Мэт вздохнул.

— Позволь мне тогда рассказать всю историю целиком. — Он посмотрел на кувшин с элем. — Нам понадобится больше эля, и тебе лучше предупредить Грейди, что ты ещё некоторое время пробудешь здесь...

Глава 48

ПОДЛЕ АВЕНДЕСОРЫ

Авиенда сделала последний шаг и вышла из леса стеклянных колонн. Она глубоко вздохнула и оглянулась на пройденный путь.

Вид центральной площади Руидина внушал трепет. Всю площадь, за исключением самого её центра, покрывали гладкие белые каменные плиты. В центре же стояло величественное дерево, широко раскинувшее ветви, словно желая обнять руками солнце. Это огромное

дерево было настолько совершенно, что этого нельзя было описать. Оно обладало некоей естественной симметрией — ни одной недостающей веточки, ни пропусков — каждый листочек в кроне был на своём месте. Теперь это особенно впечатляло, ведь когда она видела его в последний раз, оно было почерневшим и обугленным.

В то время, как другие растения гибли по непонятным причинам, это дерево сверхъестественно быстро исцелилось и пышно расцвело. Его листья успокаивающе шелестели на ветру, а корни выпирали из земли, словно скрюченные пальцы мудрого старца. Хотелось сесть под это

дерево и какое-то время просто наслаждаться покоем.

Казалось, что это дерево было идеалом, образцом, по образу которого созданы все остальные деревья на земле. В легендах оно называлось *Авендесора*. Древо жизни.

В стороне возвышались стеклянные колонны. Их были десятки, а возможно и сотни, они образовывали концентрические круги. Длинные и тонкие, они вздымались высоко в небо. Эти колонны казались столь же искусственными, сколь естественной — даже чрезмерно — была *Авендесора*. Они были такими

тонкими и высокими, что, по логике, должны были упасть при первом же порыве ветра. Они были не то чтобы неправильными, просто искусственными.

Когда она впервые пришла сюда несколько дней назад, *гай'шайн* в белом тщательно собирали опавшие листья и ветки. Они ушли, как только заметили её. Неужели она первая, кто пройдёт сквозь стеклянные колонны после произошедших в Руидине изменений? Её собственный клан никого больше не отправлял, и она была уверена, что услышала бы, если бы пришёл кто-то из других кланов.

Остаются только Шайдо, но они

отказались принимать то, что открыл им Ранд об айильском прошлом. Авиенда подозревала, что, приди Шайдо сюда, они не смогли бы вынести то, что им бы открылось. Они могли пройти в центр стеклянных колонн, но оттуда уже не вернулись бы.

Но с Авиендой дело обстояло иначе. Она выжила. И то, что она увидела, не было для неё неожиданностью. Это её почти разочаровало.

Она вздохнула, подойдя к стволу *Авендесоры*, и посмотрела вверх, сквозь переплетение ветвей.

Когда-то эта площадь была заполнена другими *тер'ангриалами*;

именно тут Ранд нашёл ключи доступа, которые потом использовал для очищения *саидин*. Сейчас всего этого богатства здесь не было; большую их часть Морейн забрала в Белую Башню, а остальные, должно быть, собрали жившие здесь айильцы. Теперь здесь остались лишь дерево, колонны и три кольца, через которые женщины проходили во время своего первого путешествия сюда, путешествия, превращавшее их в учениц Хранительниц Мудрости.

У Авиенды остались некоторые воспоминания от посещения колец, о её будущей жизни — о множестве возможных вариантов её будущего. В действительности в её памяти

сохранились лишь обрывки и кусочки. Её знание о том, что она влюбится в Ранда, что у неё будут сёстры-жёны. В это знание вплеталось ощущение, что она вернётся сюда, в Руидин. Она знала это, хотя некоторые воспоминания всплыли в памяти только когда она вновь ступила на эту площадь.

Авиенда села, скрестив ноги, между двумя корнями великого дерева. Лёгкий ветерок успокаивал, воздух — сухой и такой знакомый, пыльный запах Трёхкратной Земли напоминал ей о детстве.

Её видения, во время путешествия сквозь колонны, были такими реалистичными. Она

ожидала, что увидит истоки Айил, возможно станет свидетелем дня, когда они — как народ — решили взяться за копья и сражаться. Она ожидала увидеть благородное решение, где честь стала превыше недостойного образа жизни, диктуемого Путём Листа.

К её удивлению, оказалось, что к этому привели настолько обыденные — почти случайные — события. Не было никакого благородного решения; только человек, не желавший, чтобы убили его семью. Конечно, в желании защитить остальных есть честь, но он не руководствовался честью, когда пришёл к такому решению.

Она прислонилась головой к стволу дерева. Айил заслужили в качестве наказания жизнь в Трёхкратной Земле, и у них и вправду был *тох* — у всего народа — к Айз Седай. Она увидела всё, что и ожидала. Но многое из того, что она хотела бы узнать, не было показано. Айильцы продолжают приходить сюда столетиями, как делали столетия до этого. И каждый узнаёт здесь то, что теперь известно всем.

Это очень сильно её беспокоило.

Она посмотрела вверх, наблюдая, как ветки колышутся на ветру, несколько листочков оторвалось и полетело прямо к ней. Один листок коснулся её лица,

царапнул по щеке, а затем приземлился на шаль.

Путешествие сквозь лес стеклянных колонн больше не было сложной задачей. Изначально, с помощью этого *тер'ангриала* проводили испытание. Сможет ли претендующий на звание вождя или Хранительницы Мудрости узнать и принять самый тёмный секрет Айил? Жизнь Авиенды в качестве Девы испытывала её тело и силу. Становление Хранительницей Мудрости требовало испытания чувств и разума. Руидин должен был стать кульминацией этого процесса, заключительным испытанием разума на выносливость. Но теперь это

испытание не имеет смысла.

В ней всё больше росла уверенность в том, что следовать традиции ради традиций — это глупо. Хорошие — крепкие айильские — традиции учили следовать пути *джи'и'тох*, способам выживания.

Авиенда вздохнула, поднимаясь. Лес стеклянных колонн походил на столбики замёрзшей воды, которые она видела зимой в мокрых землях. Илэйн называла их сосульками. Здесь они вырастали из земли и уходили высоко в небо, творения красоты и Силы. Грустно наблюдать, как они становятся бесполезными.

Внезапно ей пришла мысль.

Прежде, чем она покинула Кэймлин, они с Илэйн сделали замечательное открытие. У Авиенды открылся Талант в Единой Силе: она могла определять предназначение *тер'ангриалов*. Сумеет ли она понять, что конкретно делают стеклянные колонны? Их же не могли построить специально для Айил, не так ли? Большинство созданных при помощи Силы вещей, подобных этому *тер'ангриалу*, происходили из очень древних времён. Колонны, должно быть, создали во времена Эпохи Легенд, а уже после их приспособили, чтобы показывать Айил их истинное прошлое.

Им столь многое было неизвестно о *тер'ангриалах*. Действительно ли древние Айз Седай понимали принцип их работы так же, как Авиенда понимает, как работают копье или лук? Или, возможно, их самих ставили в тупик вещи, которые они создавали? Единая Сила была такой удивительной, такой непостижимой, что часто Авиенда, даже создавая привычные плетения, чувствовала себя ребёнком.

Она подошла к ближайшей стеклянной колонне, осторожно, чтобы случайно не ступить внутрь кольца. Если Авиенда дотронется до одной из них, возможно, с помощью

своего Таланта она о них что-нибудь узнает. Опасно проводить эксперименты с *тер'ангриалами*, но она уже приняла их вызов и осталась невредима.

Она нерешительно протянула руку и коснулась пальцами гладкой стекловидной поверхности. Колонна была примерно в фут толщиной. Авиенда закрыла глаза, пытаясь прочесть назначение вещи.

Она почувствовала мощную ауру сооружения. Оно было мощнее любого из *тер'ангриалов*, с которыми они с Илэйн имели дело. На самом деле, колонны в какой-то степени казались... живыми. Будто она могла ощущать их сознание.

Девушку пробрал холодок. Это она дотронулась до колонны, или же колонна прикасалась к ней?

Авиенда попыталась прочитать *тер'ангриал*, как делала раньше, но этот был огромным, непостижимым, как сама Единая Сила. Она резко охнула, сбитая с толку нахлынувшей массой чувств. Словно она вдруг упала в глубокую тёмную яму.

Девушка открыла глаза и отдёргнула руку, её ладонь дрожала. Это ей не по силам. Она была букашкой, пытавшейся уразуметь размеры и вес горы. Авиенда вздохнула, чтобы успокоиться и покачала головой. Здесь больше нечего делать.

Она отвернулась от стеклянных колонн и сделала шаг.

* * *

Её звали Малидра, ей было восемнадцать лет, однако она была настолько тощей, что выглядела младше своего истинного возраста. Она кралась в темноте. Осторожно, тихо. Опасно подбираться так близко к Светоносным. Её сюда привёл голод. Он же постоянно подгонял её вперёд.

Ночь была холодна, а местность вокруг — бесплодна. Малидра слышала истории о месте за

дальними горами, где земля покрыта зеленью и повсюду растут плоды. Она не верила в эту чушь. Эти горы были всего лишь очертаниями в небе, зубчатыми клыками. Кто смог бы забраться так высоко?

Возможно, Светоносные и могли. Обычно они приходили с той стороны. Их лагерь располагался прямо перед ней, мягко сияя в темноте. Этот свет был слишком спокойным, чтобы быть огнём. Он исходил из шаров, которые они приносили с собой. Девушка медленно придвинулась ближе, припадая к земле; её голые ноги и руки вывозились в пыли. С ней было несколько мужчин и женщин Народа:

чумазах, со свалявшимися волосами, с косматыми бородами у мужчин.

Мешанина одежды. Изодранные брюки, лоскуты, когда-то бывшие рубашкой. Всё, что угодно, любая тряпка, лишь бы защититься от палящего днём солнца, потому что солнце могло убить. И оно убивало. Малидра была единственной выжившей из четырёх сестёр, две погибли от солнца и голода, одна умерла от змеиного укуса.

Но Малидра выжила. Преисполненная страхами, но всё же выжила. Лучше всего было следовать за Светоносными. Это было опасно, но её мозг уже почти не воспринимал опасность. Вот что

происходит, когда практически всё что угодно вокруг может тебя убить.

Малидра пробралась мимо кустарника, наблюдая за стражей Светоносных. Двое часовых, в руках длинное, похожее на прут оружие. Однажды Малидра нашла такое на мертвеце, но не смогла заставить его работать. Светоносные обладали магией, той же, с помощью которой они создавали себе еду и огонь. Магией, которая помогала им сохранить тепло морозной ночью.

Двое мужчин носили странную одежду. Брюки, которые сидят слишком хорошо, куртки, сплошь покрытые карманами и маленькими блестящими кусочками металла. У

обоих были шляпы, хотя один сдвинул свою на спину, оставив висеть на тонком кожаном ремешке. Мужчины болтали. Они не носили бород, как мужчины её Народа. А их волосы были темнее.

Одна из женщин Народа подобралась к ней слишком близко, и Малидра шикнула на неё. Женщина сверкнула глазами, но отодвинулась. Малидра держалась на границе света. Светоносные не могли её увидеть. Их странные светящиеся шары мешали ночному зрению.

Она обошла их огромный фургон. У них не было лошадей. Только фургон, достаточно большой, чтобы вместить с дюжину человек.

Днём он двигался с помощью магии — на колёсах размером почти в рост Малидры. Она слышала шепотки, обрывки новостей из сообщений Народа, что на востоке Светоносные строят огромную дорогу. Она пройдёт прямо через Пустыню. Её делали с помощью укладки необычных кусков металла. Они были слишком крупными, чтобы их можно было поднять, хотя Джошем нашёл и показывал ей большой гвоздь. Он обдирает с его помощью мясо с костей.

Малидра уже давно не ела досыта. Прошло уже два года с тех пор, как они убили того спящего торговца, но девушка всё ещё

помнила устроенный ими пир. Они перерыли все его запасы и наелись так, что заболел живот. Такое странное чувство. Дивное и болезненное.

Большинство Светоносных для неё были слишком осторожны, чтобы их удалось убить во сне. Малидра не осмелилась бы столкнуться с ними лицом к лицу, когда они бодрствуют. Они могут уничтожить подобных Малидре одним только взглядом.

Нервничая, они вместе с парочкой людей из Народа прокрались вокруг фургона и приблизилась к нему сзади. Светоносные бросили здесь остатки трапезы. Она ринулась вперёд и

начала рыться в мусоре. Здесь было несколько кусочков мяса с полосками сала. Она нетерпеливо схватила их, прижимая к себе, пока не увидели остальные, и сунула их в рот. Она чувствовала, как на зубах скрипит песок, но мясо было пищей. Она поспешно продолжила рыться в мусоре в поисках чего-нибудь ещё.

Вдруг её ослепил яркий свет. Она застыла с занесённой ко рту рукой. Другие двое людей Народа закричали, и бросились наутёк. Она попыталась убежать следом, но споткнулась. Затем раздался шипящий звук — сработало оружие одного из Светоносных — и что-то полоснуло её по спине. Ощущение

было такое, будто в неё попал небольшой камень.

Она рухнула на землю, и её пронзила внезапная острая боль. Свет потускнел. Она моргнула, пытаясь восстановить зрение, даже почувствовав, как жизнь покидает её, утекая между пальцев.

— Я говорил тебе, — произнёс голос. Свет пересекли две тени. Ей нужно бежать! Она попыталась подняться, но смогла только слабо дёрнуться.

— Кровь и пепел, Флен, — сказал второй голос. Перед ней опустилась неясная тень. — Бедняжка. Почти ребёнок. Она не сделала ничего плохого.

Флен фыркнул в ответ.

— Ничего плохого? Я видел, как эти твари пытались перерезать горло спящему человеку. И всё ради мусора. Проклятые паразиты.

Другая тень посмотрела на неё, и она заметила мрачное лицо. Мерцающие, словно звёзды, глаза. Человек вздохнул, поднимаясь.

— В следующий раз мусор будем закапывать.

Он отступил назад к свету.

Второй мужчина, Флен, стоял и смотрел на неё. Неужели это её собственная кровь? На её руках, тёплая, словно нагретая на солнце вода.

Смерть её не удивила. В какой-

то мере, она ждала её прихода большую часть своих восемнадцати лет.

— Проклятые Айил, — произнёс Флен, когда её взгляд потух.

* * *

Нога Авиенды опустилась на мощёную плиткой площадь Руидина, и девушка потрясённо заморгала. Солнце уже переместилось по небу. Прошло несколько часов.

Что произошло? Это было так реально, как и видение прошлого её народа. Но это не имеет смысла. Может, она попала в далёкое

прошлое? Это было похоже на Эпоху Легенд. Странные предметы, одежда, оружие. Но там была Пустыня.

Она могла отчётливо вспомнить всю жизнь Малидры. Она могла вспомнить годы голода, рытья в отбросах, ненависти к Светоносным и страха. Она помнила свою смерть. Тот ужас, что она пережила, оказавшись в ловушке, и истекая кровью. Тёплая кровь на руках...

Авиенда прижала ладонь ко лбу — она была выбита из колеи, и её мутило. Не из-за пережитой смерти. Всё рано или поздно просыпаются ото сна, и хоть она и не стремится к этому, но и не боится. Нет, самым ужасным в видении было полное

отсутствие чести. Убивать людей ночью ради еды? Копаться в отбросах, чтобы достать какое-то грязное недоеденное мясо? Носить лохмотья? Она была больше похожа на животное, нежели на человека!

Лучше умереть. Конечно же, это не могли быть предки айильцев, даже очень древние. Айил в Эпоху Легенд были мирными слугами, их уважали. Как они могли превратиться в падальщиков?

Возможно, это была какая-то крохотная группа Айил. Или, возможно, тот мужчина просто ошибся. Мало что можно было понять после одного видения. Почему ей показали именно его?

Она сделала нерешительный шаг в сторону от стеклянных колонн, но ничего не произошло. Больше видений не было. Взволнованная Авиенда направилась прочь от площади, но вскоре замедлила шаг.

Девушка нерешительно повернулась назад. Колонны стояли в тускнеющем свете, тихие и одинокие; казалось, они гудели от какой-то невидимой энергии.

Есть там что-то ещё?

Казалось, это видение никак не связано с увиденным ею ранее. Если она пройдёт через колонны ещё раз, увидит ли она то же, что уже видела? Или... возможно, она что-то изменила с помощью своего

Таланта?

Столетиями с момента основания Руидина эти колонны показывали айильцам то, что они должны знать о себе. Их построили Айз Седай специально, так? Или же они просто оставили здесь этот *тер'ангриал* и позволили ему работать, как ему вздумается, подразумевая, что он дарует мудрость?

Авиенда прислушалась к шелесту листьев *Авендесоры*. Колонны бросали ей вызов подобно вражескому воину с копьём в руке. Если она пройдёт в их центр ещё раз, возможно, она никогда оттуда не выйдет; никто ещё не входил в этот

тер'ангриал дважды. Это было запрещено. Одно путешествие сквозь кольца и одно — через колонны.

Но она явилась в поисках знаний. Без них она отсюда не уйдёт. Авиенда повернулась и, сделав глубокий вдох, подошла к колоннам.

Она сделала шаг.

* * *

Её звали Норлиш. Она прижимала к груди своего младшего ребёнка. Сухой ветер трепал её шаль. Её малыш, Гарлван, захныкал, но она успокоила его, так как её муж разговаривал с чужеземцами.

Деревня чужеземцев располагалась неподалёку, в предгорье, и состояла в основном из хибар. Чужаки носили крашеную одежду, странного покроя брюки и рубашки с пуговицами. Они приехали за рудой. Насколько высоко могут цениться камни, раз люди приехали жить сюда, по эту сторону гор, вдали от своих легендарных земель, полных воды и плодов? Вдали от своих домов, где свет горит без свечей, а фургоны движутся без помощи лошадей?

Её шаль соскользнула, и она подтянула её обратно. Ей нужна была новая; эта уже истрепалась, а у неё не осталось ниток для заплат.

Гарлван снова захныкал, а её второй и последний оставшийся в живых ребёнок — Мейзе — держалась за её юбку. Мейзе уже несколько месяцев молчала, с тех самых пор, как её старший брат умер от долгого пребывания на солнце.

— Пожалуйста, — говорил её муж Металан чужеземцам. Их было трое, двое мужчин и женщина, все носили брюки. Суровый народ, не похожий на других иноземцев с их тонкими чертами и слишком дорогой шёлковой одеждой. Озарённые Светом, как иногда те себя называли. Эти трое выглядели попроще.

— Пожалуйста, — повторил Металан. — Моя семья...

Он был хорошим человеком. Или был раньше, когда был способным и сильным. Сейчас, казалось, от него осталась всего лишь оболочка того прежнего человека. Его щёки ввалились. Когда-то полные жизни голубые глаза теперь большую часть времени смотрели рассеянno, загнанно. Этот взгляд появился после того, как за восемнадцать месяцев у него на глазах умерли трое его детей. Хотя Металан и был на голову выше любого из чужестранцев, казалось, он пресмыкается перед ними.

Главный среди чужестранцев — человек с густой бородой и большими честными глазами —

покачал головой. Он вернул Металану мешок с камнями.

— Императрица Воронов, да живёт она вечно, это запрещает. Никакой торговли с Айил. Нас могут лишить всех прав всего лишь за один разговор с вами.

— Нам нечего есть, — сказал Металан. — Мои дети голодают. В этих камнях содержится руда. Я знаю, что вы ищете именно это. Я потратил несколько недель на то, чтобы их собрать. Дайте нам немного еды. Хоть что-нибудь. Пожалуйста.

— Прости, друг, — ответил главный чужестранец. — Это не стоит проблем с Воронами. Ступайте своей дорогой. Мы не хотим

неприятностей.

Сзади подошли несколько чужестранцев, один нёс топор, двое других — шипящие палки.

Её муж устало сгорбился. Долгие дни путешествия, недели поиска камней. И всё впустую. Он развернулся и пошёл обратно к ней. Вдали садилось солнце. Когда он подошёл к ней, она с Мейзе присоединилась к нему, и они вместе пошли прочь от лагеря чужестранцев.

Мейзе захныкала, но ни у кого из них не было ни желания, ни сил нести её. Где-то в часе ходьбы от лагеря чужестранцев её муж нашёл расщелину в скале. Там они и

расположились, но огонь не разожгли. Нечего было жечь.

Норлиш хотелось заплакать. Но, казалось... чувства возникали с трудом.

— Как же мне хочется есть, — прошептала она.

— Утром я поймаю что-нибудь, — пообещал муж, посмотрев на звёзды.

— Мы уже несколько дней ничего не можем поймать, — напомнила она.

Он не ответил.

— Что нам делать? — прошептала она. — Наш народ нигде не находит себе дома со времён моей прабабки Тавы. Если мы собираемся

вместе, они нападают на нас. Если мы странствуем по Пустыне, то умираем. Они не будут торговать с нами. Они не позволяют нам уйти за горы. Что же нам делать?

В ответ он лишь лёг, отвернувшись. Тогда она заплакала, тихо, слабо. Слезы катились по её щекам, когда она расшнуровала рубашку, чтобы покормить Гарлвана, хотя молока у неё уже не было.

Он не шевелился, и никак не реагировал. Она подняла его маленькое тельце и поняла, что он больше не дышит. Он умер где-то по пути к этой впадине в скале, а она даже не поняла этого.

Самым пугающим было то, что

ей было трудно даже заставить себя скорбеть.

* * *

Авиенда опустила ногу на каменную плитку. Вокруг неё всеми цветами радуги мерцал лес стеклянных колонн. Как будто она стояла посреди фейерверка Иллюминаторов. Солнце стояло высоко в небе, и — удивительно — облаков почти не было видно.

Ей хотелось навсегда покинуть эту площадь. Она была готова к знанию, что Айил когда-то следовали Пути Листа. Это знание было не

очень пугающим — ведь скоро они исполнят свой *тох*.

Но это? Эти жалкие существа, разрозненные и павшие духом? Люди, которые не могли постоять за себя, попрошайничали и не знали, как выжить в этой земле? Знать, что это — её предки, было для неё позором, который она почти не могла вынести. Хорошо, что Ранд ал'Тор не открыл айильцам эту часть их прошлого.

Может ей убежать? Убежать с этой площади, чтобы больше не смотреть? Если станет ещё хуже, она не выдержит такого позора. К сожалению, теперь, когда она начала путь между колонн, она знала, что

другого выхода у неё уже нет.

Сжав зубы, она сделала следующий шаг.

* * *

Её звали Тава, ей было четырнадцать лет, и она с криком выбежала посреди ночи из своего горящего дома. Целую долину — в действительности же, каньон с крутыми склонами — охватило пламя. В каждом доме этого маленького недавно созданного холда бушевало пламя. Прямо посреди ночи откуда-то с неба явились существа из кошмаров с гибкими

шеями и широкими крыльями, неся на своих спинах всадников с луками, копьями и странным новым оружием, которое издавало при стрельбе шипящий звук.

Тава плакала, пытаясь разыскать свою семью, но в холде царил хаос и смятение. Немногие айильские воины пытались бороться, но любой, поднявший копьё, мгновение спустя падал, сражённый стрелой или одним из невидимых выстрелов неизвестного оружия.

Этот холд должен был быть особенным, тайным, скрытым далеко в Пустыне. Как враги смогли их обнаружить?

Рядом, прямо возле огня, лежал

и плакал двухлетний малыш. Она бросилась к нему и подхватила его на руки. Их дома горели. Достать древесину из-за гор на восточной окраине Пустыни стоило немалых трудов.

Она покрепче прижала ребёнка и побежала в глубину каньона. Где её отец? С внезапным свистящим звуком прямо перед ней приземлилось одно из этих кошмарных существ, от порыва ветра заколыхалась её юбка. На спине существа сидел внушающий страх воин, его шлем был похож на голову насекомого, имевшего острые зубастые челюсти. Он направил свой шипящий прут прямо на неё. Она

закричала от ужаса, прижимая к себе плачущего ребёнка и закрыла глаза.

Шипящий звук так и не раздался. С той стороны раздались внезапные хрип и скрежет. Она посмотрела вверх и увидела сражающуюся с чужеземцем фигуру. Отблеск пожара осветил лицо её отца, чисто выбритое в соответствии с древними традициями. Животное, на спине которого сражались мужчины, покачнулось и сбросило противников на землю.

Несколько мгновений спустя её отец поднялся, держа в своих руках меч захватчика, его лезвие потемнело. Противник отца не двигался, а животное, завывая,

поднялось в воздух. Тава посмотрела вверх и увидела, что оно полетело вслед за остальными нападавшими. Захватчики отступали, оставляя после себя сломленных духом людей и горящие дома.

Она вновь посмотрела вниз. Открывшийся вид поверг её в ужас; так много тел, десятки людей лежат на земле, истекая кровью. Захватчик, убитый её отцом, по видимости, был единственным поверженным врагом.

— Берите песок! — прокричал Рован, её отец. — Тушите огонь!

Высокий даже для айильца, с ярко рыжими волосами, он носил старую одежду коричневого и песочного цветов, и зашнурованные

до колен сапожки. Эта одежда была отличительным признаком айильца, поэтому многие предпочитали её не носить. Если в тебе узнают айильца — ты умрёшь.

Его отцу эта одежда осталась от дедушки, вместе с заветом. Следовать старым обычаям. Помнить *джи'и'тох*. Сражаться и отстаивать свою честь. Хотя он и находился в холде всего несколько дней, остальные послушались его, когда он крикнул им тушить пожар. Тава вернула ребёнка благодарной матери и стала помогать собирать песок и землю.

Несколько часов спустя, уставшие и истекающие кровью

люди собрались в центре каньона, взирая унылыми глазам на то, над чем они трудились несколько месяцев. Всё это пропало всего за одну ночь. Отец всё ещё сжимал в руке меч. Он пользовался им, чтобы давать указания людям. Кто-то из стариков упоминал, что меч — к неудаче, но почему они так говорят? Это всего лишь оружие.

— Мы должны отстроиться заново, — сказал её отец, глядя на разрушения.

— Отстроиться заново? — спросил вымазанный сажей человек. — Первым, что сгорело, было зернохранилище! У нас нет еды!

— Мы выживем, — сказал её отец. — Мы можем уйти дальше в Пустыню.

— Нам больше некуда идти! — возразил другой человек. — Империя Воронов дала знать Далёким, и они будут преследовать нас на восточной границе!

— Они находят нас всякий раз, как мы собираемся вместе! — прокричал ещё кто-то.

— Это наказание! — ответил её отец. — Но мы должны выстоять!

Люди посмотрели на него. А потом парами и маленькими группами начали расходиться.

— Подождите, — сказал её отец, поднимая руку. — Мы должны

оставаться вместе, продолжать сражаться! Клан...

— Мы — не клан, — сказал вымазанный сажей человек. — В одиночку у меня больше шансов выжить. Больше никаких сражений. Если мы сражаемся, они побеждают.

Её отец опустил меч остриём к земле. Тава поднялась к нему, с беспокойством наблюдая, как остальные разбредаются кто куда в ночи. В воздухе всё ещё пахло гарью. Уходящие айильцы были теньями, растворявшимися в темноте, словно пыльные смерчи, гонимые ветром. Они не задержались, чтобы похоронить мёртвых.

Её отец опустил голову и

обронил меч на покрытую пеплом землю.

* * *

В глазах Авиенды застыли слёзы. Нет никакого позора в том, чтобы плакать над такой трагедией. Она боялась правды, но больше не могла отрицать её.

Это был рейд Шончан на *ракенах*. Империя Воронов, Светоносные из её первого видения тоже были Шончан — и их не существовало до середины этой Эпохи, пока армии Артура Ястребиное Крыло не пересекли

океан.

В этих видениях ей открылось не далёкое прошлое её народа. Она видела его будущее.

В первый раз, когда она прошла за колонны, каждый шаг уводил её назад к Эпохе Легенд. Кажется, в этот раз видения начались с далёкого будущего и вели назад к настоящему вплоть до сего дня, с каждым разом перескакивая на поколение или два.

Когда она сделала следующий шаг, по её лицу текли слёзы.

Глава 49

ДВОР СОЛНЦА

Она была Ладалин, Хранительницей Мудрости Таардад Айил. И как же она мечтала о том, чтобы уметь направлять! Это была постыдная мысль — мечтать о таланте, которого нет, но она не могла отрицать, что хочет этого.

Опечаленная, она сидела в палатке. Если бы она умела работать с Единой Силой, то, наверное, смогла бы лучше помочь раненым. Она могла бы дольше оставаться молодой, чтобы вести за собой клан, и, возможно, её кости не болели бы

так сильно. Пришедшая старость — такое разочарование, когда ещё столько всего нужно сделать.

Стены палатки зашуршали, пока усаживались вожди кланов. Кроме неё здесь была ещё только одна Хранительница Мудрости, Мора из Гошиен Айил. Она тоже не умела направлять. Шончан были непреклонны, захватывая или убивая всех мужчин и женщин Айил, проявлявших хоть какие-то способности к работе с Единой Силой.

Собрание в палатке представляло собой жалкое зрелище. Молодой однорукий солдат вошёл с горячей жаровней, поставил её

посередине и вышел. Мать Ладалин рассказывала о прошлых днях, когда подобную работу ещё выполняли *гай'шайн*. Неужели когда-то действительно существовали такие Айил, мужчины или Девы, которые не были нужны для войны против Шончан?

Ладалин подалась вперёд, чтобы погреть руки над жаровней; пальцы её были по-старчески узловаты. В молодости она держала копье: так поступало большинство женщин до того, как выйти замуж. Как женщина могла оставаться в стороне, если Шончан так эффективно использовали женщин-солдат и этих *дамани*?

Она слышала истории о временах её матери и бабушки, но эти истории звучали неправдоподобно. Война была единственным, что когда-либо знала Ладалин. Её первые детские воспоминания были об алмотских битвах. Свою юность она провела тренируясь. Потом сражалась в землях, известных под названием Тир.

Ладалин вышла замуж и вырастила детей, но каждый её вздох был посвящён борьбе. Кто кого — Айил или Шончан. Обе стороны знали, что в конце останется только один победитель.

Но становились всё яснее, что проигравшими станут Айил. Это

было вторым отличием между настоящим и прошлым её матери. Мать ни когда не заикалась о поражении — жизнь же самой Ладалин была наполнена многочисленными милями, пройденными дорогой отступления.

Присутствующие были, похоже, поглощены собственными мыслями. Три вождя кланов и две Хранительницы Мудрости. Вот и всё, что осталось от Совета Двадцати Двух. Сквозь створки палатки задували горные ветры, холодя ей спину. Тамаав прибыл последним. Он выглядел таким же старым, какой она себя ощущала. Его лицо было рассечено шрамом, а левый глаз он

потерял в бою. Он сел на голый камень. Айил больше не носили с собой ни ковриков, ни подушек. С собой было только самое необходимое.

— Белая Башня пала, — объявил он. — Мои разведчики сообщили мне меньше часа назад. Я им верю. — Он всегда был прямолинейным, и был хорошим другом её мужа, погибшего в прошлом году.

— Значит, с ней погибла наша последняя надежда, — сказал Такай, самый молодой из вождей кланов. Он был третьим вождём Миагома за три года.

— Не смей так говорить, — возразила Ладалин. — Надежда есть

всегда.

— Они гнали нас всю дорогу к этим проклятым горам, — ответил Такай. — Шианде и Дарайн больше нет. Осталось только пять кланов, и один из них полностью разорён и рассеян. Мы разбиты, Ладалин.

Тамаав вздохнул. Будь она помоложе и в другие времена, она бы положила свадебный венок к его ногам. Её клану нужен был вождь. Её сын всё ещё надеялся им стать, но после недавнего захвата Руидина врагами кланы не могли решить, как выбирать новых предводителей.

— Мы должны уйти в Трёхкратную Землю, — сказала Мора тихим, внушающим почтение

голосом, — и искать наказание за наши грехи.

— Какие грехи? — резко бросил Такай.

— Дракон хотел мира, — ответила она.

— Дракон нас оставил! — возразил Такай. — Я отказываюсь хранить память о человеке, которого мои деды едва знали. Мы не давали клятвы следовать его дурацкому договору. Мы...

— Успокойся, Такай, — сказал Джоршем. Последний из трёх вождей кланов был невысоким, с ястребиным лицом; в его жилах текла кровь деда-андорца. — Только Трёхкратная Земля сейчас оставляет

нам надежду. Война против Воронов проиграна. — В палатке наступила тишина.

— Они сказали, что будут на нас охотиться, — сказал Такай. — Когда они потребовали сдаться, то предупредили, что нет смысла отступать. Ты знаешь это. Они предупредили, что уничтожат любое место, где соберутся хотя бы три айильца.

— Мы *не* сдадимся, — решительно сказала Ладалин. Честно говоря, произнесено это было твёрже, чем она чувствовала.

— Если мы сдадимся, то станем *гай'шайн*, — сказал Тамаав. Они использовали это слово, имея в виду

человека без чести, хотя мать Ладалин его понимала иначе. — Ладалин, каков будет твой совет?

Остальные четверо посмотрели на неё. Она была из рода Дракона, одна из последних выживших. Остальные три линии были истреблены.

— Если мы станем рабами Шончан, Айил исчезнут как народ, — сказала она. — Мы не можем победить, поэтому должны отступить. Мы вернёмся в Трёхкратную Землю и наберёмся сил. Может быть, наши дети смогут победить там, где не сумели мы.

Снова повисла тишина. Они все знали, что её слова едва ли можно

назвать оптимистичными. После многолетней, тянувшейся не одно десятилетие, войны осталась лишь малая доля того числа Айил, которое когда-то существовало.

Направляющие Шончан были жестоки и эффективны. Хотя Хранительницы Мудрости и те, в чьих жилах текла кровь Дракона, использовали в бою Единую Силу, этого было недостаточно. Проклятые *ай'дамы*! Каждый умеющий направлять айилец, которого захватывали, рано или поздно обращался против своего народа.

Настоящим переломным моментом в войне стало вступление в неё других стран. После этого

шончан получили возможность захватить пленных мокроземцев и набрать среди них много направляющих. Воронов невозможно было остановить. Теперь, когда пал Тар Валон, каждое государство в мокрых землях было подвластно Шончан. Только Чёрная Башня до сих пор сражалась, хотя Аша'маны делали это тайно, поскольку их цитадель пала много лет назад.

Айил не могли так сражаться. В этом не было чести. Конечно, что теперь, после сотен тысяч смертей, значит честь? После того, как Кайриэн был сожжён, а Иллиан разграблен? Уже прошло двадцать лет с тех пор, как Шончан

заполучили андорские военные машины. Айил десятилетиями неуклонно приближались к поражению. То, что они протянули так долго, лишь свидетельствовало о крепости их характера.

— Это *его* вина, — мрачно сказал Такай. — *Кар'а'карн* мог привести нас к победе, но он бросил нас.

— Его? — переспросила Ладалин, возможно впервые поняв, почему это заявление неверно. — Нет. Айил сами отвечают за себя. Это *наша* вина, а не моего далёкого деда. Мы забыли, кто мы такие. У нас нет чести.

— У нас забрали нашу честь, —

сказал Такай и, вздохнув, встал. — Настоящий Народ Дракона. Но что хорошего в том, чтобы быть *его* народом? Из нас сделали копье, как гласят легенды, выковали в Трёхкратной Земле. *Он* использовал нас, а затем отбросил прочь. Что ещё делать отвергнутому копьё, как не начать войну?

«*В самом деле, что?*» — подумала Ладалин. Дракон потребовал мира, считая, что это принесёт Айил счастье. Но как они могут быть счастливы, когда земля ещё носит проклятых Светом Шончан? Её ненависть к захватчикам засела глубоко в душе.

Может быть, именно эта

ненависть уничтожила Айил. Она вслушалась в завывания ветра, когда Такай гордо прошествовал из палатки. Завтра Айил вернутся в Трёхкратную Землю. Похоже, если они не примут мир сами, их заставят это сделать.

* * *

Авиенда сделала ещё шаг вперёд. Она почти достигла центра колоннады, и вокруг вспыхивали осколки света.

По щекам безудержно текли слёзы. Она чувствовала себя ребёнком. Быть Ладалин было хуже

всего, потому что в ней Авиенда увидела намёки на истинные пути Айил, но, будто в насмешку, искажённые. Женщина размышляла о войне и связывала её с честью, но не понимала, что такое честь на самом деле. Никаких *гай'шайн*? Отступление? Не было даже упоминания о *тох*. Это была битва, полностью лишённая цели и причины.

Зачем сражаться? Для Ладалин причина была в ненависти к Шончан. Война была, потому что война была всегда.

Но как? Как Айил до этого дошли?

Авиенда сделала шаг вперёд.

Она была Онкалой, Девой Копья. В конце концов, она оставит копье и выйдет замуж, как поступили до неё её мать и мать её матери. Но пока ещё было время сражаться.

Она шла по улицам Кэймлина, её почти сестра несла знамя Дракона, чтобы всех оповестить о происхождении Онкалы. Рядом шёл мужчина, ради которого она, вероятно, откажется от копья. Хехал, Рассветный Бегун. Он убил больше Шончан, чем любой из его воинского сообщества, и заслужил много *джи*. В прошлом году он получил

разрешение отправиться в Руидин, чтобы стать вождём клана.

Руидин. Город находился в осаде Шончан. Онкала презрительно усмехнулась. У Шончан не было чести. Им *объяснили*, что Руидин — место мира. Айил не нападали на дворец в Эбу Дар. Значит Шончан не следует нападать на Руидин.

Но они были хуже ящериц. Однако настоящим источником расстройств было то, что, после многолетней войны, фронт проходил примерно там же, где проходила граница, когда её дед отправился в Шайол Гул.

Её и Хехала сопровождали две тысячи копий в качестве почётной

стражи. Королева Талана знала об их прибытии, и поэтому белые ворота Андорского дворца были открыты. Хехал махнул пятидесяти заранее отобранным копьям, чтобы они следовали за ними в изящные залы дворца. Внутренняя отделка поражала роскошью. Каждый гобелен, ваза, золотая рама казались Онкале оскорбительными. Сорок лет идёт война, а Андор остался нетронутым. Он находился в безопасности, наслаждаясь защитой, дарованной Айил.

Что ж, Андор ещё увидит. Айил закалились в боях. Когда-то об их отваге слагали легенды, сейчас она ещё возросла! Когда Айил

расправятся с Шончан, мир увидит, чему научились Айил. Правители мокрых земель пожалеют, что не оказались щедрее.

Двери в тронный зал были открыты. Онкала с Хехалом вошли, оставив эскорт снаружи. И здесь развевался стяг Дракона, как напоминание, что королевский род Андора *тоже* происходил от *Кар'а'карна*. Это было ещё одной причиной для ненависти Онкалы. Андорская знать считала себя равней ей.

Королева Талана была женщиной средних лет с тёмно-рыжими блестящими волосами. Она не блистала красотой, но была

весьма величественной. Она тихо беседовала с одним из советников, и, взмахом руки, предложила Айил подождать. Оскорбление, и преднамеренное. Онкала начала закипать от злости.

Наконец, их призвали к Львиному трону. Брат Таланы, её защитник, облачённый в придворное платье с жилетом и кафтаном, стоял за спиной сестры, положив руку на меч. Онкала могла бы убить его, даже не вспотев.

— А, — произнесла королева Талана, — опять Таардад Айил. Онкала, ты всё ещё носишь копье?

Онкала скрестила руки на груди, но ничего не ответила. Она знала,

что плохо ладит с людьми. Стоит ей открыть рот, как звучат обидные слова. Лучше позволить говорить вождю клана.

— Полагаю, вы здесь, чтобы снова молить о помощи, — сказала Талана.

Хехал вспыхнул, а Онкала пожалела, на мгновение, что оставила копье снаружи.

— У нас кое-что для тебя есть, — сказал Хехал, показав кожаную сумку и передав её одному из телохранителей королевы. Мужчина открыл сумку и изучил бумаги, находившиеся внутри. Ещё одно оскорбление. Разве они убийцы, чтобы так с ними обращаться?

Онкале не нравилась королева, это правда, но их семьи были связаны клятвой верности женщин, которые когда-то были первыми сёстрами и их бабками.

Солдат передал королеве бумаги. Талана погрузилась в их изучение, лицо её стало сосредоточенным и задумчивым.

Талана, как и большинство правителей, соблюдавших Перемирие Дракона, беспокоили Шончан. Навыки и техника Империи Воронов в использовании Единой Силы росли. Айил пока сводили войну к ничьей. Что будет, если Шончан победят? Сдержат ли они клятву?

Насколько можно доверять

Шончан? Агенты Хехала за последние десять лет потратили много времени на зарождение этого вопроса при дворах всех стран. Он был мудрым человеком. Ещё до того, как он стал вождём, он понял, что Айил в одиночку победить не смогут. Им были нужны эти мокроземцы.

И это было ещё одной причиной для ненависти Онкалы.

— Где вы это достали? — спросила Талана.

— Во дворце Шончан, — ответил Хехал. — Им не стоило нападать на Руидин. Это позволило нам ответить взаимностью. Хотя наше нападение было сделано тихо, что позволило добыть эти сведения.

Я давно подозревал, где они хранятся, и только моя честь не позволяла мне ворваться в священный дворец Шончан.

Лицо Таланы стало жёстким.

— Ты уверен, что они подлинные?

— Ты во мне сомневаешься? — спросил Хехал.

Королева Талана с обеспокоенным видом покачала головой. Она знала, что Айил не лгут.

— Мы были терпеливы с тобой, — сказал Хехал. — Мы пришли к тебе и объяснили, что произойдёт, если мы не сможем сдержать Шончан.

— Перемирие Дракона...

— Какое *им* дело до Дракона? — спросил Хехал. — Они захватчики, которые заставили *его* поклониться *своей* императрице. Она считает себя выше его. Они не сдержат обещаний, данных нижестоящему.

Королева Талана снова взглянула на документы. Это были шончанские планы нападения на Андор, и в них содержался детальный план убийства королевы. Под ними были аналогичные планы расправы с правителями Тира, Двуречья и Иллиана.

— Я должна обсудить это с моими советниками, — сказала Талана.

«Клюнула», — подумала,

улыбаясь, Онкала. Она уже знала, каков будет ответ королевы. Тонкость была в том, чтобы заставить её задуматься о действиях.

Хехал кивнул, и они двое вышли. Онкале приходилось сдерживаться, чтобы не закричать от радости. Если Андор вступит в войну, остальные страны его поддержат, особенно те, которые состоят в Пакте Грифона и при Дворе Солнца. Во многом их отношение к королеве Андора было сродни уважению кланов Айил к Онкале. Кровь Ранда ал'Тора значила много.

— Правильно ли мы поступили? — спросил Хехал, когда они отошли и их окружили верные

копья, защищая от любопытных ушей.

Онкала вздрогнула.

— Это же был твой план.

Нахмурившись, он кивнул.

Всё, что он сказал, было правдой. Их честь осталась незапятнана. Вот только Хехал *утаил* один из обнаруженных документов. И в нём объяснялось, что остальные документы были запасными планами на всякий случай.

Характеристики военных сил Андора, предложения о том, как использовать Врата и драконов для нападения на Кэймлин, план убийства королевы Таланы — всё это должно было вступить в силу только

в случае, если Андор вступит в войну. Эти документы разрабатывались как превентивное изучение потенциального противника, а не реальный план войны.

По существу это было то же самое. Шончан были змеями. В конце концов, они захватили бы Андор, но к этому времени Айил уже ни чем не могли бы помочь. Если эта война обернётся неудачно, её люди отступят в Трёхкратную Землю и оставят этих глупых мокроземцев на милость захватчиков. Шончан обнаружат, что с Айил невозможно сражаться у них дома.

Для королевы Таланы лучше

вступить в войну сейчас. Для её же блага будет лучше не видеть другой документ.

— Дело сделано, — сказал Хехал. — Поздно сомневаться.

Онкала кивнула. Шончан падут, и Айил займут своё законное место. В её венах текла кровь Возрождённого Дракона. Она рождена править.

Когда всё закончится, не останется Империи Воронов — возникнет Империя Дракона.

* * *

— Я не хочу продолжать, —

сказала Авиенда пустому
стеклянному лесу.

Ветер стих. На её слова ответила тишина. Её слёзы окропили пыль под её ногами, словно капли дождя.

— Это... *создание* не имеет чести, — сказала она. — Она нас уничтожила.

Хуже того, эта женщина — Онкала — вспоминала о матери своей матери. О своей бабушке. Онкала при этом вспоминала её лицо. И Авиенда узнала его.

Оно было её собственное.

Внутренне сжимаясь, закрыв глаза, она шагнула вперёд, в самый центр светящихся колонн.

Она была Падрой, дочерью Возрождённого Дракона, гордой Девой Копья. Она выдернула копье из шеи умирающего шончанина и проводила взглядом остальных, отступавших через Врата.

«Испепели Свет того, кто научил Шончан Перемещению, — подумала Падра. — Даже если их плетение не самое совершенное».

Она была убеждена, что ни один из ныне живущих людей не понимал Единой Силы так, как она и её родные. Она направляла с детства, и её братья с сестрой были такими же. Для них это было естественно, и все

остальные, кто умел направлять, по сравнению с ними выглядели неуклюжими.

Она была осторожна и не говорила этого вслух. Айз Седай и Хранительницы Мудрости не любили, когда им напоминали об их недостатках. Однако это было правдой.

Падра присоединилась к сёстрам по копьё. Одна из них осталась лежать мёртвой на траве, и Падра мысленно оплакивала её. Тарра, из Таардад Айил. О ней будут помнить. Но они обрели честь, потому что убили восемь шончанских солдат.

Она сплела Врата — она делала

это настолько же быстро, насколько думала. Падра всё время удерживала Единую Силу, даже когда спала. Она не знала, каково это — не иметь приносящую спокойствие, пульсирующую Силу в глубине своего сознания. Остальные говорили, что боятся быть уничтоженными ею, но разве это возможно? *Саидар* был частью её, как рука или нога. Как кто-то может быть уничтожен собственной костью, плотью и кровью?

Врата вели в лагерь Айил в землях, называвшихся Арад Доман. Лагерь не был городом; у Айил вообще не было городов. Но это был очень большой лагерь, и его не

переносили уже почти десять лет. Падра широким шагом пересекла лужайку, и её уважительно поприветствовали айильцы в *кадин'сор*. Дети Дракона: Падра, её братья и сёстры стали для Айил... чем-то особенным.

Они не были лордами — при этой мысли ей становилось дурно. Но она была чем-то большим, чем обычная *алгай'д'сисвай*. Вожди кланов обращались к ней и её братьям и сёстрам за советом, и Хранительницы Мудрости проявляли к ним особый интерес. Они разрешали ей направлять, хотя она не была одной из них. Она не могла прекратить направлять так же, как не

могла перестать дышать.

Она отпустила сестёр по копьё и пошла прямо к палатке Ронама. Вождь клана и сын Руарка — должен услышать её доклад. Она вошла и удивилась тому, что Ронам оказался не один. На ковре сидели ещё несколько мужчин, все оказались вождями кланов. Её братья и сестра тоже были тут.

— А, Падра, — сказал Ронам, — ты вернулась.

— Я могу зайти в другой раз, Ронам, — сказала она.

— Нет, тебя ждали. Садись и подели со мной тень.

Падра склонила голову, благодаря за оказанную честь. Она

села между братьями — Алархом и Джандуином. Хотя все четверо детей — два брата и две сестры были близнецами, все выглядели непохожими друг на друга. Аларх взял много из их мокроземских корней, у него были тёмные волосы. Джандуин был светловолосым и высоким. Рядом с ним сидела Маринна, их сестра, круглолицая и миниатюрного телосложения.

— Я должна доложить, — сказала Падра Ронаму, — что патруль Шончан оказался там, где мы и предполагали. Мы с ними сразились.

Присутствующие беспокойно зашептались.

— То, что они вступили в Арад

Доман, не противоречит Перемирию Дракона, — заявил Тавалад, вождь клана Гошиен Айил.

— Так же, как и то, что мы убили их за то, что они подошли слишком близко, вождь клана, — возразила Падра. — Айил не связаны драконьим перемирием. Если Шончан хотят осмотреть наш лагерь, они должны понимать, что рискуют.

Несколько присутствующих — больше, чем она ожидала, — кивнули, соглашаясь. Она бросила взгляд на Джандуина, и тот поднял бровь. Незаметно для всех она подняла два пальца. От её копья погибли двое шончан. Она предпочла бы захватить их живыми, но шончан

не заслуживали того, чтобы стать *гай'шайн*. Пленниками они также были отвратительными. Лучше избавить их от позора, позволив умереть.

— Мы должны поговорить о том, для чего мы собрались, — сказал Аларвед, вождь Томанелле Айил. Падра быстро подсчитала. Были приглашены все одиннадцать вождей, включая тех, между кем была кровная вражда. Такого собрания не случилось с того времени, как её отец собирался отправиться на Последнюю Битву.

— Так о чём мы пришли поговорить? — спросил один из вождей.

Алалвед потрянул головой.

— Копья волнуются. Айил не созданы для того, чтобы толстеть в плодородных землях, выращивая зерно. Мы воины.

— Дракон просил о мире, — ответил Тавалад.

— Дракон просил о мире других, — возразил Алалвед. — Он исключил Айил.

— Это верно, — сказал Дарвин, вождь Рийн.

— Значит, после долгих лет, во время которых мы сдерживали кровную вражду, мы вернёмся к набегам друг на друга? — тихо спросил Ронам. Он был отличным вождём клана, во многом похожим на

Руарка: мудрым, но не пугающимся битвы.

— Какой в этом смысл? — спросил Шедрен, вождь Дарайн Айил.

Остальные кивнули. Но это поднимало более крупную проблему, ту, о которой часто упоминала её мать. Что значит быть Айил сейчас, когда долг прошлому отдан, а *тох* народа искуплен?

— Сколько мы можем терпеть, — сказал Алалвед, — зная, что у них в плену находятся айильские женщины с этими их ошейниками? Годы идут, а они до сих пор отвергают все предложения о выкупе или обмене! Они отвечают

нам на нашу вежливость грубостью и оскорблениями.

— Мы не созданы для того, чтобы умолять, — сказал старый Бруан. — Скоро Айил превратятся в откормленных мокроземцев.

Все кивнули, соглашаясь с его словами. Мудрый Бруан пережил Последнюю Битву.

— Если бы только Императрица Шончан... — Ронам покачал головой, и Падра знала, о чём он думал. Старую императрицу, которая правила во времена Последней Битвы, отец Ронама считал женщиной чести. Говорили, что взаимопонимание с ней было почти достигнуто. Но уже прошло много

лет с момента завершения её правления.

— Неважно, — продолжил Ронам. — Копья начинают затевать стычки. Наши люди сражаются при любой встрече. Это в нашей природе. Если Шончан не прислушиваются к доводам разума, почему мы должны терпеть их выходки?

— Так или иначе, драконье перемирие долго не продержится, — сказал Алалвед. — Конфликты между странами — обычное явление, хотя никто не говорит о них вслух. *Кар'а'карн* потребовал у монархов дать обещания, но не принуждал их. Многие мокроземцы не держат слова, и я боюсь, что Шончан

проглотят их, пока они ссорятся из-за пустяков.

Многие согласились. Только Дарвин и Тавалад, похоже, были не согласны.

Падра затаила дыхание. Они знали, что этот час грядёт. Стычки с Шончан, нетерпение кланов. Она мечтала об этом дне, но и боялась его. Её мать заслужила много *джи* в битвах. У Падры было мало шансов проявить себя.

Война с Шончан... такая перспектива вдохновляла её. Но это также означает много смертей.

— Что скажут Дети Дракона? — спросил Ронам, поглядев в их сторону.

До сих пор казалось странным, что люди старше её по возрасту обращаются за советом к ней. Она проверила Источник: спокойный *саидар* был частью её, находясь где-то в глубине сознания, и зачерпнула больше Силы. Что бы она делала без *саидар*?

— Я скажу, что мы должны вызволить наших людей из шончанского плена, — сказала Маринна. Она готовилась стать Хранительницей Мудрости.

Аларх похоже сомневался и посмотрел на Джандуина, так как часто подчинялся брату.

— У Айил должна быть цель, — сказал Джандуин, кивая. — Сейчас

мы не приносим пользы, и мы не давали обещания не нападать. Мы ждали так долго лишь в знак нашего терпения и уважения к моему отцу.

Все посмотрели на Падру.

— Они наши враги, — сказала она.

Один за другим, мужчины в комнате кивнули. Как просто заканчиваются годы ожидания.

— Отправляйтесь к своим кланам, — сказал Ронам, вставая. — Подготовьте их.

Пока остальные прощались, Падра осталась сидеть. Некоторые из уходящих были мрачны, остальные возбуждены. Семнадцать лет мира слишком долго для Айил.

Вскоре все, кроме Падры, покинули палатку. Она ждала, уставившись на находившуюся перед ней натянутую верёвку. Итак, война. Она чувствовала волнение, но другая часть её загрустила. Девушка чувствовала, что толкнула кланы на путь, который изменит их навсегда.

— Падра? — прозвучал чей-то голос.

Она повернулась и увидела Ронама, закрывавшего собой выход из палатки. Она покраснела и встала. Он был симпатичным, хотя и на десять лет старше её. Конечно, она никогда не откажется от копья, но если бы она это сделала...

— Ты выглядишь

обеспокоенной, — сказал он.

— Я просто задумалась.

— О Шончан?

— Об отце, — ответила она.

— А, — кивнул Ронам. — Я

помню, как он впервые пришёл в холд Холодные Скалы. Я был маленьким.

— Какое впечатление он на тебя произвёл?

— Он был впечатляющим человеком, — сказал Ронам.

— И больше ничего?

Он покачал головой.

— Извини, Падра, но я виделся с ним недолго. Наши пути разошлись. Но я... слышал о нём от отца.

Она подняла голову.

Ронам повернулся и посмотрел через откинутый полог палатки на зелёную лужайку.

— Мой отец говорил, что Ранд ал'Тор — умный человек и хороший лидер, но что он не знал, что делать с Айил. Я помню, он говорил, что когда *Кар'а'карн* был среди нас, он *не ощущал* себя одним из нас. Как будто с нами ему становилось неловко, — Ронам потрянул головой. — Для всех остальных у него были планы, а Айил пустили плыть по течению.

— Некоторые говорят, что мы должны были вернуться в Трёхкратную Землю, — сказала она.

— Нет, — сказал Ронам. — Нет, это бы нас уничтожило. Наши отцы

ничего не знали о паровых лошадях и трубах-драконах. Если бы Айил вернулись в Пустыню, мы остались бы не у дел. Жизнь потекла бы мимо, и мы исчезли бы как народ.

— Но война? — сказала Падра. — Разве это правильно?

— Я не знаю, — тихо сказал Ронам. — Мы Айил. Это то, что мы умеем делать.

Падра кивнула, почувствовав себя увереннее.

Айил снова отправятся на войну. И в ней будет много чести.

* * *

Авиенда моргнула. Небо уже потемнело.

Девушка была вымотана. Её ум был осушён, сердце зияло открытой раной — казалось, что с каждым ударом из него вместе с кровью выходила сила. Она опустилась на землю в середине потускневших колонн. Её... дети. Она помнила их лица с первого похода в Руидин. Но этого она не видела. По крайней мере, не помнила.

— Это уже predetermined? — спросила она вслух. — Можем ли мы это изменить? — Ответа, конечно же, не последовало.

Её рыдания были сухими. Как поступить, когда видишь полное

уничтожение — нет, полный *упадок* народа? Каждый шаг казался логичным тем людям, которые его делали. Но он приближал Айил к концу.

Неужели кому-то нужно видеть столь ужасные пророчества? Авиенда пожалела о том, что сделала шаг обратно, в лес колонн. Повинна ли она в том, что случится? Что это её потомки приведут её соплеменников к гибели.

Это было непохоже на то, что она видела, когда проходила кольца в первое посещение Руидина. То были возможности. Сегодняшние видения дня выглядели более реальными. Она была почти уверена, что то, что она

пережила, было не просто одной из большого количества возможностей. То, что она видела *случится*. Шаг за шагом честь покинет её людей. Шаг за шагом Айил превратятся из достойных людей в тех, кого презирают.

Должно быть что-то ещё. Разозлившись, она встала и сделала ещё шаг. Ничего не произошло. Авиенда дошла до края колонн и в ярости повернулась.

— Покажите мне ещё, — потребовала девушка. — Покажите мне, что я сделала, чтобы это случилось! Это мои потомки принесли нам гибель! Какую роль в этом сыграла я? — она снова вошла

внутри колонн.

Ничего. Они казались мёртвыми. Она протянула руку и дотронулась до одной из них, но в ней не было ни следа жизни. Ни жужжания, ни ощущения Силы. Авиенда закрыла глаза, выжав ещё по одной слезинке из уголков глаз. Слезы потекли по её лицу, оставляя холодные, мокрые линии на щеках.

— Могу ли я что-то изменить? — спросила она.

«Если нет, — подумала Авиенда, — неужели я не стану пытаться?»

Ответ был прост. Станет. Она не сможет жить, ничего не предпринимая, чтобы предотвратить

такую судьбу. Она пришла в Руидин в поисках знаний. Что ж, она получила их. И больше, чем хотела.

Она открыла глаза и стиснула зубы. Айил брали на себя ответственность. Айил сражались. Айил боролись за честь. Если она была единственной, кому открылось ужасное будущее, её долгом — как Хранительницы Мудрости — было действовать. Она *спасёт* свой народ.

Авиенда пошла прочь от колонн, затем перешла на бег. Ей нужно было вернуться, чтобы посоветоваться с другими Хранительницами. Но сначала ей нужно побыть в тишине в Трёхкратной Земле. Ей нужно время подумать.

Глава 50

ВЫБОР ВРАГА

Илэйн сидела как на иголках, сложив руки на коленях, и прислушивалась к отдалённому грохоту. Она специально выбрала тронный зал вместо менее официального помещения для аудиенций. Сегодня она должна была выглядеть по-королевски.

Тронный зал впечатлял своим богатым украшением и величественными колоннами. В разрывах между ними были зажжены все золочёные светильники, расставленные двумя длинными

рядами по обе стороны зала. Перед ними выстроились гвардейцы в парадных бело-красных мундирах и начищенных сверкающих нагрудниках. С мраморными колоннами сочеталась пышная красная дорожка с вышитым по центру золотым Львом Андора. Она вела прямо к Илэйн с Коронай Роз на голове. На девушке было платье в традиционном стиле, а не по новой придворной моде: рукава были широкими, с длинными ниспадающими с её рук манжетами.

Лиф платья был выполнен в тон узору манжет. Вырез на лифе был скромным, но всё же достаточно глубоким, чтобы напомнить всем,

что Илэйн — женщина. И по-прежнему незамужняя. В самом начале своего правления её мать вышла замуж за кайриэнца. Возможно, кому-то любопытно, поступит ли Илэйн так же, чтобы укрепить свою власть в Кайриэне.

Прозвучал ещё один отдалённый грохот. Шум стреляющих драконов становился всё привычнее: ниже и чаще раскатов грома, но не такой громкий.

Илэйн научили скрывать волнение. Сначала её наставники, а затем — Айз Седай. Что бы о ней ни думали некоторые, Илэйн Траканд *может* себя контролировать, когда это необходимо. Она положила руки

на колени и прикусила язык. Прилюдно проявить волнение намного хуже, чем гнев.

Дайлин сидела на стуле рядом с тронem. Распущенные золотистые волосы величественной женщины свободно спадали на плечи, а сама она спокойно вышивала на пальцах. Дайлин говорила, что это успокаивает — нужно занять чем-нибудь руки, пока разум трудится. Матушка отсутствовала. Сегодня она могла стать серьёзной помехой.

В отличие от Дайлин, Илэйн не могла позволить себе такую роскошь, как рукоделие. Сегодня она должна выглядеть лидером. К несчастью, это часто означало просто сидеть на

троне с устремлённым вперёд взглядом и излучать решимость, и самообладание во время ожидания. Удалось ли создать такой образ сейчас?

Ещё один взрыв. Наверное, нет.

Она слышала приглушённые разговоры в гостиной, расположенной рядом с тронным залом. Задержавшиеся в Кэймлине Верховные Опоры Великих Домов, получили приглашение на аудиенцию с королевой для обсуждения санитарных условий для остающихся за пределами города людей. Встреча начнётся, как только пробьёт пять часов, но в приглашении был намёк прибыть на пару часов пораньше.

Текст послания был довольно бесхитростным. Сегодня Илэйн намеревалась сделать нечто важное, и она попросила Верховных Опор прийти заранее, чтобы они с её разрешения смогли с удовольствием подслушать. В гостинной было вдоволь напитков, закусок и фруктов. Вероятно, разговоры, отголоски которых она слышала, шли о том, что именно она собиралась им сказать.

Если бы они только знали. Илэйн по-прежнему держала руки на коленях. Дайлин продолжала вышивать, прицокивая языком, когда приходилось удалять неправильный стежок.

После практически невыносимого ожидания, грохот драконов стих, и Илэйн почувствовала, что Бергитте возвращается во дворец. Отправить её вместе с группой наблюдателей было верным способом узнать, когда они вернутся. Со временем сегодня нужно обращаться с предельной осторожностью. Илэйн сделала вдох и выдох, чтобы успокоить нервы. Итак. Сейчас Бергитте уже точно во дворце.

Илэйн кивнула капитану Гайбону. Пришло время ввести пленников.

Мгновение спустя вошла группа гвардейцев, ведя за собой трёх

человек. Всхлипывающая Аримилла, несмотря на заточение, по-прежнему оставалась пухленькой. Старшая из женщин была привлекательной, вернее могла бы быть, если бы не лохмотья. Её большие карие глаза были широко раскрыты от ужаса. Наверное, она решила, что Илэйн всё же собралась её казнить.

Эления лучше держала себя в руках. У неё, как и у других, отобрали хорошее платье и вместо него дали лохмотья, но она улыбась и собрала свои золотистые волосы в аккуратный пучок. Илэйн не морила голодом и не пытала своих пленников. Пусть они и были её врагами, но они *не предавали* Андор.

Эления посмотрела на Илэйн. Её хитрое лицо было задумчивым и оценивающим. Знала ли она, куда пропала армия её мужа? Эти войска были словно спрятанный нож, нацеленный в спину Илэйн. Ни один из её разведчиков не смог определить, куда они скрылись. Свет! Одна проблема за другой.

Третьей была Ниан Араун, стройная бледная женщина, чёрные волосы которой за время её пребывания в плену потеряли большую часть своего блеска. Ниан, казалось, сломалась ещё до своего пленения и держалась за спинами первых двух женщин.

Трёх пленниц подтолкнули к

подножию трона и заставили встать на колени. В холле зашумели кайриэнские дворяне, возвращающиеся с демонстрации драконов. Они решат, что попали на представление Илэйн совершенно случайно.

— Корона приветствует Ниан Араун, Элению Саранд и Аримиллу Марне, — громко сказала Илэйн. Это заставило стихнуть разговоры и андорских дворян в гостиной, и кайриэнцев в холле.

Из всех троих только Элениа осмелилась поднять глаза. Илэйн ответила твёрдым, как камень, взглядом, и женщина, залившись краской, снова опустила глаза.

Дайлин отложила в сторону вышивку и внимательно наблюдала за происходящим.

— Корона дала вам достаточно времени на размышления, — произнесла Илэйн. — В этой бессмысленной войне против Дома Траканд вы растратили все свои богатства, а ваши родные и наследники отказались выплатить требуемый выкуп. Ваши собственные Дома отвернулись от вас.

Её слова прозвенели на весь тронный зал. Пленницы склонились ещё ниже.

— Это поставило государство в затруднительное положение, — сказала Илэйн. — Вы досаждаете

нам своим беспокойным существованием. Возможно, другая королева оставила бы вас в темнице, но я считаю это свидетельством нерешительности. На ваше содержание тратятся ресурсы казны, кроме того, вы побуждаете людей плести заговоры ради вашего освобождения.

В зале повисло молчание, которое нарушалось только хриплым дыханием пленников.

— *Корона* не склонна к нерешительности, — произнесла Илэйн. — С этого дня Дома Саранд, Марне и Араун лишаются своих титулов и имущества, а их земли конфискуются в королевскую казну в

качестве компенсации за их преступления.

Эления выдохнула и подняла глаза. Аримилла застонала, опускаясь на ковёр со львом в центре. Ниан никак не отреагировала. Казалось, она оцепенела.

В гостиной немедленно поднялся шёпот. Это было хуже, чем казнь. Когда дворянина казнят, его, по крайней мере, казнят с титулом, в некотором смысле казнь — это признание достоинств врага. Титул и его земли останутся наследнику, и Дом продолжит существование.

Но это... немногие королевы осмелились бы на подобный шаг.

Если остальные дворяне решат, что Илэйн захватывает земли и деньги для трона, то объединяться против неё. Она догадывалась, о чём говорят в соседней комнате. Её власть была шаткой. Союзники, примкнувшие к ней ещё до осады и сейчас увидевшие перспективу возможной расправы над собой, тоже могли призадуматься.

Лучше не мешкать. Илэйн сделала жест рукой, и гвардейцы подняли пленников на ноги, а затем отвели в сторону. Даже непокорная Элениа выглядела ошеломлённой. В сущности, её приговор был равнозначен провозглашению смерти. Они скорее при первой же

возможности покончат жизнь самоубийством, нежели предстанут перед своими Домами.

Бергитте была предупреждена о сигнале. Она вошла в сопровождении группы кайриэнских дворян. Они были приглашены на демонстрацию нового андорского оружия, которое предназначалось для «защиты от Тени». Люди подобрались разные. Самыми влиятельными среди них были, вероятно, либо Бертом Сайган, либо Лорструм Аснан.

Бертом был невысоким мужчиной, довольно привлекательным, хотя Илэйн не очень нравилась кайриэнская мода на бритые и напудренные лбы. На

поясе он носил большой нож — мечи в присутствии королевы были запрещены — и выглядел обеспокоенным тем, как Илэйн обошлась с пленниками. И правильно. Его кузина, Колавир, заслужила подобное наказание от Ранда, хотя оно и не затронуло весь её Дом. Она предпочла повеситься, чтобы не жить с позором.

Её смерть возвысила Бертома, и, несмотря на то, что он был очень осторожен и не выступал открыто против правления Ранда, источники Илэйн в Кайриэне называли его одним из основных закулисных хулителей Ранда.

Лорструм Аснан был тихим,

худым мужчиной, который обычно ходил, сцепив руки за спиной и глядя себе под нос. Как и остальные, он, соответствуя кайриэнской моде, носил тёмную одежду; плащ украшали разрезy цвета его Дома. После исчезновения Ранда из Кайриэна, Лорструм занял видное положение. Отчаянные времена требуют действовать быстро, но этот человек не только не торопился противостоять Ранду, но и не объединился с ним. Эта нейтральная позиция придала ему авторитета, и некоторые люди уже шептались, что он подумывает о захвате трона для себя.

Вместе с Лорструмом и

Бертомом пришло несколько других дворян. Айлил Райатин не была главой своего Дома, но после исчезновения брата — исчезновения, которое всё больше и больше походило на смерть — приобрела власть. Райатин был сильным Домом. Эта стройная, высокая по меркам Кайриэна женщина носила тёмно-синее платье с многочисленными цветными разрезами, юбка поддерживалась каркасом из обручей. Семья Райатин ещё совсем недавно владела Солнечным Троном, хоть и недолго, а сама Айлил считалась ярым сторонником Илэйн.

Лорд и леди Оселлин, лорд и

леди Чулиандред, лорд и леди Амарашал и лорд Маравин собрались за спиной более могущественных приглашённых. Все они обладали меньшим влиянием, и все — по той или иной причине — были вероятным препятствием для Илэйн. Гости были с аккуратно уложенными волосами и напудренными лбами; на женщинах были широкие платья, на мужчинах — плащи и штаны, на манжетах были кружева.

— Дамы и господа, — объявила Илэйн, обратившись по очереди к каждому Дому поимённо. — Понравилось ли вам андорское оружие?

— О, да, Ваше Величество, —

ответил долговязый Лорструм, любезно поклонившись. — Это оружие весьма... занятно.

Очевидно, что он хотел разузнать побольше. Илэйн мысленно поблагодарила своих учителей за настойчивость в обучении Игре Домов.

— Нам всем известно, что Последняя Битва быстро приближается, — продолжила Илэйн. — Я считаю, что Кайриэн должен быть осведомлён о силе своего наиболее значительного и ближайшего союзника. В скором будущем нам придётся положиться друг на друга.

— Несомненно, Ваше

Величество, — сказал Лорструм.

— Ваше Величество, — обратился Бертом, выступая вперёд. Невысокий мужчина скрестил руки на груди. — Я уверяю вас, сила и стабильность Андора восхищают Кайриэн.

Илэйн перевела взгляд на него. Может он предлагает ей свою поддержку? Нет, кажется, ему тоже любопытно, объявит ли Илэйн себя претендентом на Солнечный Трон. Сейчас её намерения уже должны были стать явными — направить туда часть Отряда было очевидным шагом, пожалуй, слишком очевидным для изошрённых кайриэнцев.

— Но желает ли Кайриэн такой

же стабильности? — осторожно спросила Илэйн.

Несколько кайриэнцев кивнули, без сомнения, надеясь, что она хочет предложить одному из *них* трон. Если Андор окажет кому-то поддержку, то это гарантирует ей или ему победу. А Илэйн в лице короля или королевы — сторонника.

Кто-нибудь мог бы предпочесть и такой план. Но только не она. Этот трон *будет* принадлежать ей.

— Вступление на престол требует большой осторожности, — сказал Лорструм. — Как показало прошлое... это весьма опасно. И многие не торопятся заявлять о своих претензиях на трон.

— Действительно, — произнесла Илэйн. — Я не завидую той неопределённости, которая сложилась в Кайриэне за последние несколько месяцев. — Вот он этот миг. Илэйн набрала в грудь воздуха. — Лицезрев силу Андора, можно подумать, что пришло время приобрести сильных союзников. К тому же, совсем недавно к нам в казну перешли несколько обширных поместий. Так получилось, что этими землями некому управлять.

Всё стихло. Шёпот в другой комнате прекратился. Правильно ли они слышали? Илэйн предлагала владения Андора *иноземным* лордам?

Она спрятала улыбку. Не сразу, но некоторые догадались. Лорструм хитро улыбнулся и еле заметно кивнул.

— Между Кайриэном и Андором сложилась долгая история братских отношений, — продолжала Илэйн, будто эта мысль только сейчас пришла ей в голову. — Наши лорды женились на ваших девушках, и наши дамы выходили замуж за ваших лордов. Нас связывает множество кровных и любовных уз. Я считаю, что мудрость кайриэнских лордов внесёт большой вклад в процветание моего двора и, возможно, чему-то научит и меня, учитывая моё родство с ними по

отцовской линии.

Взгляд Илэйн остановился на Лорструме. Попадётся ли он на приманку? Его владения в Кайриэне были небольшими, зато влияние на данный момент — огромным, так что это могло сработать. Земли, которые она отобрала у пленников, считались самыми завидными в стране.

Он *должен* это понимать. Если Илэйн захватит трон силой, против неё восстанет народ и дворяне. И, если её подозрения обоснованы, частично в этом будет заслуга Лорструма.

Но что будет, если она отдаст андорские земли кайриэнским

дворянам? Что если она соединит страны множеством уз? Что если она докажет, что не станет отбирать у них титулы, а вместо этого наделит некоторых из них огромными владениями? Достаточно ли этого, чтобы доказать, что она не намеревается захватывать земли кайриэнских дворян и передавать их андорцам? Успокоит ли это их?

Лорструм встретился с ней взглядом.

— Я вижу большие возможности для союза.

Соглашаясь, Бертом кивнул головой.

— Я тоже думаю, что мы сможем его достичь. — Никто из

них, конечно, не отдаст свои земли. Они просто пытались заполучить владения в Андоре. Богатые владения.

Остальные обменялись взглядами. Леди Оселлин и лорд Маравин первыми поняли, в чём дело. Они одновременно заговорили, предлагая союз.

Илэйн успокоила с силой забившееся сердце:

— У меня осталось лишь одно поместье, — напомнила она. — Но думаю, его можно разделить.

Она также даст авансом земли Айлил, чтобы заслужить её расположение и поддержку. Настало время перейти ко второй части

плана.

— Леди Саранд, — позвала Илэйн, обращаясь к дальней части зала.

Одетая в лохмотья Эления вышла вперёд.

— Корона милостива к вам, — объявила Илэйн. — Андор не может простить вам вызванные вами боль и страдания, но в других странах ваши прегрешения неизвестны. Ответьте, если корона предоставит вам возможность обрести новые земли, будет ли эта возможность принята?

— Новые земли, Ваше Величество? — переспросила Эления. — О каких именно землях идёт речь?

— Объединение Андора и Кайриэна открывает значительные перспективы, — ответила Илэйн. — Возможно, вы также слышали о союзе между нашим троном и Гэалданом. Или о возобновлении обработки земель на западе королевства. Настало время великих возможностей. Что если я найду для вас с мужем место в Кайриэне, где вы сможете основать новый Дом? Примете ли вы подобное предложение?

— Я... безусловно его рассмотрю, Ваше Величество, — ответила Элениа, увидев забрезжившую надежду.

Илэйн повернулась к

кайриенским лордам:

— Чтобы всё сказанное воплотилось в жизнь, — продолжила она, — мне нужны полномочия править от лица обоих королевств — как Андора, *так и* Кайриэна. Как вы считаете, сколько времени понадобится уладить этот вопрос?

— Верните меня домой через один из этих ваших странных порталов, — заявил Лорструм, — и дайте один час.

— Мне нужно всего полчаса, Ваше Величество, — покосившись на Лорструма, объявил Бертом.

— Час, — повторила Илэйн, подняв руки. — Хорошо подготовьтесь.

— Отлично, — заявила Бергитте, как только закрылась дверь в меньший зал. — Что, во имя *проклятой* левой руки Тёмного, тут только что произошло?

Илэйн села. Сработало! Или всё к этому идёт. Мягкое кресло после жёсткого Львиного трона показалось удивительно удобным. С правой стороны села Дайлин, слева — Моргейз.

— Что произошло? — переспросила Моргейз. — Моя дочь — гений.

Илэйн польщёно улыбнулась в ответ. Но Бергитте нахмурилась. Илэйн чувствовала, что женщина совсем запуталась. Кроме них в

комнате больше никого не было, и им предстояло провести час в ожидании осуществления плана Илэйн.

— Отлично, — повторила Бергитте, — Значит, ты решила отдать добрый кусок андорских земель кайриэнским дворянам.

— В качестве взятки, — пояснила Дайлин. В отличие от Моргейз она не выглядела полностью убеждённой в успехе. — Очень умный ход, Ваше Величество, но опасный.

— Опасный? — удивилась Бергитте. — Кровь и пепел! Может кто-нибудь соизволит объяснить мне, идиотке, *почему* взятка и гениальна, и опасна? Вряд ли Илэйн мне это

откроет.

— Это не просто подарок, — пояснила Моргейз. Мимоходом она разлила по чашкам чай для всех присутствующих. Илэйн даже не могла припомнить, когда это её мать раньше самостоятельно наливала чай. — Основным препятствием на пути Илэйн к Кайриэну является то, что её рассматривают как захватчицу.

— Так, и что? — спросила Бергитте.

— А то, что она проложила мосты между государствами, — ответила Дайлин, принимая из рук Моргейз чашку с чёрным тремалкинским чаем. — Передав этой группе дворян поместья в

Андоре, она продемонстрировала, что не собирается игнорировать или принижать кайриэнскую знать.

— Помимо этого, — добавила Моргейз, — она перестала быть исключением. Если бы она заняла трон, то приобрела бы его земли, и тогда стала бы единственным человеком, владеющим поместьями в обоих королевствах. Сейчас же Илэйн будет только одной из многих.

— Но это опасно, — повторила Дайлин. — Лорструм не отступится только из-за взятки.

— Разве? — нахмурившись, спросила Бергитте. — Но...

— Она права, — подтвердила Илэйн, отпив чай. — Зато он

отступится потому, что видит шанс сесть сразу на два трона. — В комнате повисло молчание.

— Проклятый пепел! — наконец выругалась Бергитте.

Дайлин кивнула.

— Ты обрела врага, Илэйн, который способен тебя превзойти. Если с тобой что-то случится, есть шанс, что Лорструм либо Бертом сделают ставку на оба трона.

— На это я и рассчитывала, — объяснила Илэйн. — Сейчас они два самых влиятельных лорда Кайриэна, особенно, после того, как Ранд куда-то забрал Добрейна. С их активной поддержкой единой монархии у нас есть все шансы.

— Но они будут поддерживать тебя только потому, что видят возможность заполучить оба трона для себя! — сказала Дайлин.

— Лучше самой выбирать себе врагов, чем оставаться в неведении, — ответила Илэйн. — Кроме того, я значительно уменьшила ряды своих соперников. Они видели драконов, и стали завидовать. Потом я предложила им шанс не только получить доступ к подобному оружию, но и удвоить их богатство. И в довершение всего, я заронила в них зерно надежды на то, что когда-нибудь они смогут стать королями.

— Если так, они попытаются

убить тебя, — сказала Бергитте ровным голосом.

— Возможно, — ответила Илэйн, — или, возможно, они попытаются меня потихоньку свергнуть. Но не сейчас, думаю, лет через десять. Если ударят прямо сейчас, то рискуют расколоть зарождающийся союз государств. Нет, сперва они устроятся и насладятся своим богатством. Только после того, как они решат, что находятся в безопасности, а я расслабилась, только тогда они выступят. К счастью, их двое, и это позволяет мне стравливать их друг с другом. А пока у нас есть два рьяных союзника — те, кто сильно

заинтересован в успехе моих притязаний на Солнечный Трон. Они сами отдадут мне корону.

— А пленники? — сказала Дайлин. — Эления и остальные? Ты действительно хочешь подыскать им новые земли?

— Конечно, — ответила Илэйн. — Я ещё по-доброму с ними обошлась. Королевская казна оплатит их долги, потом, если наш план сработает, позволит им начать в Кайриэне всё с чистого листа. Конечно, хорошо бы отдать эти земли андорской знати, хотя скорее мне придётся отдать им кусок своих кайриэнских владений.

— Ты закончишь тем, что

останешься в окружении одних врагов, — сказала Бергитте, качая головой.

— Как всегда, — сказала Илэйн. — К счастью, есть ты, чтобы приглядывать за мной, разве не так?

Она улыбнулась Стражу, но знала, что Бергитте чувствует её волнение. Предстояло ждать долгий-долгий час.

Глава 51

ИСПЫТАНИЕ

Когда Мин взяла в руки хрустальный меч, волоски у неё на шее стали дыбом. *Калландор*. Сколько рассказов она слышала об этом оружии с детства — невероятных историй о далёком Тире и о Мече-Который-Не-Меч. И вот она держит его в руках.

Калландор был легче, чем она думала. В кристалле длинного лезвия играл и переливался свет ламп. Казалось, он слишком сильно мерцает — свет внутри менялся, даже когда Мин стояла без движения.

Кристалл был гладким, но тёплым. Казалось, он живой.

Ранд стоял перед ней и смотрел на *Калландор*. Они находились в своих покоях в Тирской Твердыне в компании Кадсуане, Нарিশмы, Мерисы, Нэффа и двух Дев.

Ал'Тор протянул руку и коснулся меча. Мин бросила взгляд на Ранда, и над ним проявилось видение. Светящийся меч, *Калландор*, зажатый в чёрной руке. Мин охнула.

— Что ты видела? — тихо спросил Ранд.

— *Калландор*, зажатый в кулаке. Рука выглядит будто бы вырезанной из оникса.

— Ты понимаешь, что это

значит?

Она покачала головой.

— Нам следует вновь его спрятать, — сказала Кадсуане. Сегодня она была одета в коричнево-зелёное платье, а золотые украшения в волосах делали эти природные цвета ярче. Она стояла, скрестив руки на груди и выпрямив спину. — Ха! Мальчик, вытаскивать на свет этот предмет сейчас — полное безрассудство.

— Твоё возражение принято во внимание, — сказал Ранд. Он забрал *са'ангриал* у Мин и убрал его в ножны, висящие за спиной. На боку он снова носил древний меч с красно-золотыми драконами на

раскрашенных ножнах. Как-то раз он сказал, что считает это своеобразным символом. Меч олицетворял для него прошлое, а *Калландор*, каким-то образом, олицетворял будущее.

— Ранд, — Мин взяла его за руку. — Мои изыскания... помни, изъян в *Калландоре* гораздо глубже, чем мы думали. Это видение только подтверждает то, что я говорила раньше. Я боюсь, что его можно использовать против тебя.

— Я подозреваю, что так и будет, — ответил Ранд. — Всё остальное в этом мире уже использовали против меня. Наришма, Врата, пожалуйста.

Порубежники нас заждались.

Аша'ман кивнул, и колокольчики в его волосах звякнули.

Ранд повернулся к Нэффу.

— Нэфф, из Чёрной Башни по-прежнему ничего не слышно?

— Нет, милорд, — ответил высокий Аша'ман.

— Мне не удалось Переместиться туда, — сказал Ранд. — Значит проблемы там серьёзнее, чем я опасался. Используй это плетение. Оно изменит твою внешность. Переместись куда-нибудь в дне пути верхом, затем скачи туда, спрятавшись под личиной. Посмотри, что тебе удастся обнаружить. Помоги им, если

сможешь, а когда найдёшь Логайна и верных ему людей, передай ему от меня сообщение.

— Какое сообщение, милорд?

Ранд выглядел отстранённым:

— Скажи им, что я ошибался.

Скажи им, что мы не оружие. Мы — люди. Возможно, это поможет. Но будь осторожен. Это может быть опасно. Расскажешь мне, что ты там увидел. Мне придётся навести там порядок, но я легко могу попасть в ловушку куда опаснее тех, что мне пока удавалось избегать. Проблемы... со столькими проблемами надо разобраться. А я один на всех. Пока что, Нэфф, отправляйся туда вместо меня. Мне

нужна информация.

— Я... Да, милорд. — Аша'ман был в видимом замешательстве, но, повинувась, вышел из комнаты.

Ранд глубоко вздохнул и потёр культию левой руки.

— Пойдёмте.

— Ты уверен, что не хочешь взять больше людей? — спросила Мин.

— Уверен, — ответил Ранд. — Кадсуане, будь готова, если понадобится, открыть Врата и вытащить нас.

— Мальчик, мы направляемся в Фар Мэддинг, — заметила Кадсуане. — Конечно, ты не забыл, что в этом месте мы лишены

возможности касаться Источника.

Ранд улыбнулся.

— А у тебя в причёске полная паралич-сеть, включающая Колодезь. Я уверен, что ты держишь его наполненным, и этого должно хватить для одних Врат.

С лица Кадсуане стёрлось всякое выражение.

— Никогда не слышала о паралич-сети.

— Кадсуане Седай, — мягко сказал Ранд. — Часть украшений в твоей сети я не узнаю — подозреваю, что они созданы во время Разлома. Но я присутствовал при разработке первых экземпляров, и даже носил первый мужской вариант.

В комнате стало очень тихо.

— Ну, мальчик, — произнесла в конце концов Кадсуане. — Ты...

— Ты когда-нибудь откажешься от подобной несуразности, Кадсуане Седай? — спросил Ранд. — Звать меня мальчиком. Мне уже всё равно, но слышать это странно. В день, когда я умер в Эпоху Легенд, мне было четыреста лет. Полагаю, это делает тебя младше меня, по крайней мере на несколько десятилетий. Я выказываю тебе уважение — пожалуй, уместно будет, если ты поступишь так же. Если желаешь, можешь звать меня Рандом Седай. Насколько мне известно, я единственный ныне живой мужчина

Айз Седай, который получил надлежащее обучение и не перешёл на сторону Тени.

Кадсуане явственно побледнела.

Улыбка Ранда стала добрее.

— Ты хотела прийти и станцевать с Драконом Возрождённым, Кадсуане. Я таков, каким мне нужно быть. Тебе предстоит столкнуться с Отрёкшимися, но успокойся, на твоей стороне кое-кто столь же древний, как и они. — Ранд отвернулся от Кадсуане, взгляд его устремился вдаль. — Ах, если бы только череда прожитых лет говорила о приобретённой великой мудрости! Да проще желать, чтобы

Тёмный попросту оставил нас в покое.

Он взял Мин под руку, и они вместе прошли через Врата, вызванные Нарिशмой. По другую сторону на полянке среди деревьев поджидала небольшая группка Дев, охранявшая лошадей. Мин забралась в седло, отметив, какой замкнутой стала Кадсуане. Ничего удивительного. Когда Ранд начинал изъясняться подобным тоном, это беспокоило даже Мин. И сильнее, чем она могла признать.

Они выехали из небольшой рощицы и направились к Фар Мэддингу — впечатляющему городу, расположенному на острове посреди

озера, вокруг которого раскинулась огромная армия с сотней знамён.

— Этот город всегда имел большое значение, — сказал Ранд, ехавший рядом с Мин. Его взгляд снова был устремлён куда-то вдаль. — Хранители появились сравнительно недавно, но этот город стоит тут с незапамятных времён. Арен Дешар, Арен Мадор, Фар Мэддинг. Арен Дешар был вечной занозой в нашем боку. Анклав Инкастара — консерваторы, боящиеся прогресса и чудес. Оказывается, они имели право на страх. Как жаль, что я не прислушался к Гильгами...

— Ранд? — тихо позвала Мин.

Это вырвало его из воспоминаний.

— Что?

— Это на самом деле, да? Тебе и вправду *четыре сотни* лет?

— Думаю, почти четыре с половиной. Можно ли складывать мой возраст в этой Эпохе с предыдущей? — Он посмотрел на неё. — Ты беспокоишься, не так ли? Что я уже больше не я, не тот, кого ты знала, не глупый овечий пастух?

— Ты помнишь столько всего из *прошлого*...

— Воспоминания, и ничего больше, — ответил Ранд.

— Но ты ещё и он. Ты говоришь так, будто *ты* тот, кто пытался

запечатать Скважину. Будто ты лично знаком с Отрёкшимися.

Некоторое время Ранд ехал в молчании.

— Думаю, я — это он. Но, Мин, ты упускаешь из виду одну вещь: сейчас я могу быть им, но и он *всегда* был мной. Я всегда был им. Я не изменяюсь только из-за этих воспоминаний; я остался прежним. Я — это я, и всегда был.

— Льюс Тэрин был безумен.

— В конце, — сказал Ранд. — И да, он совершал ошибки. Я совершал ошибки. Я стал самонадеян, впал в отчаяние. Но в этот раз кое-что изменилось. Очень сильно изменилось.

— Что именно?

Он улыбнулся.

— В этот раз меня лучше подготовили.

Мин поняла, что тоже улыбается.

— Ты знаешь меня, Мин. И, должен тебе сказать, сейчас впервые за много месяцев я чувствую себя самим собой. И если это имеет значение, даже больше, чем будучи Льюсом Тэрином. И причина в Тэме и окружающих меня людях. Ты, Перрин, Найнив, Мэт, Авиенда, Илэйн, Морейн. *Он* так старался сломить меня. Сдаётся мне, будь я таким, как прежде, он бы преуспел.

Они ехали через луг,

окружавший Фар Мэддинг. Как и везде, зелень отсюда ушла, остались лишь коричневые и жёлтые цвета. Становилось всё хуже и хуже.

«Представь себе, что она спит, — сказала себе Мин. — Земля не мертва — она пережидает зиму». Бурную военную зиму.

Ехавший позади Наришма тихонько зашипел. Мин оглянулась. Лицо Аша'мана стало жёстче. Очевидно, они попали в зону действия купола Хранителя. Ранд и глазом не моргнул. По видимости, к облегчению Мин, он больше не испытывал тошноты, когда направлял Силу. Или он лишь скрывал её?

Она переключилась на текущую

задачу. Порубежники так и не объяснили, почему в нарушение всех обычаев и вопреки здравому смыслу, они собрали армии и двинулись в поисках Ранда на юг. В них отчаянно нуждались дома. Вмешательство Ранда в Марадоне спасло то, что осталось от города, но если подобное творилось по всей границе с Запустением...

Два десятка солдат, устремив в небо пики с узенькими кроваво-красными вымпелами, хлопавшими на ветру и похожими на ленты, перехватили Ранда со спутниками задолго до того, как они добрались до армии. Ранд остановился и дал им приблизиться.

— Ранд ал'Тор, — объявил один из мужчин. — Мы представляем Союз Порубежья. Мы вас проводим.

Ранд кивнул, и дальше процессия двинулась с сопровождением.

— Они не назвали тебя Лордом Драконом, — прошептала Ранду Мин. Он задумчиво кивнул. Возможно, Порубежники не верили, что он *и есть* Возрождённый Дракон.

— Не задирай при них нос, Ранд ал'Тор, — произнесла Кадсуане, рысью подъехавшая к нему. — Но и *не* давай слабину. Большинство Порубежников уважает силу.

Значит, Кадсуане стала звать Ранда по имени, а не «мальчиком».

Похоже, это была победа — и Мин улыбнулась.

— Я буду держать наготове Врата, — продолжила Кадсуане приглушенным голосом. — Но они будут очень маленькими. Колодца хватит только на такие, через которые придётся ползти. Но нам они не должны понадобиться. Эти люди будут сражаться за тебя. Они *захотят* сражаться за тебя. Только полнейшая глупость заставит их поступить иначе.

— Есть кое-что ещё, Кадсуане Седай, — ответил Ранд, тоже тихо. — Что-то погнало их на юг. Это проблема, с которой я не уверен, что делать. Но я принимаю твой совет во

внимание.

Кадсуане кивнула. В конце концов, Мин смогла рассмотреть группу людей, ожидавшую перед войском. Позади них шеренгами выстроились тысячи солдат: салдэйцы с кривыми ногами, шайнарцы с хохолками, кандорцы с раздвоенными бородами, жители Арафела — каждый солдат носил на спине два меча.

Группа во главе войска ожидала пешей. Они были в превосходной одежде — две женщины и двое мужчин. Их сопровождала группа женщин, очевидно, советницы — Айз Седай, и один-два спутника.

— Та, что впереди — королева

Этениелле, — вполголоса проговорила Кадсуане. — Женщина суровая, но справедливая. Она известна тем, что вмешивалась в дела государств на юге, и, подозреваю, что остальные позволяют ей сегодня взять главенство. Красивый мужчина рядом с ней — это Пейтар Начиман, король Арафела.

— Красивый? — переспросила Мин, разглядывая лысеющего короля старше средних лет. — Он?

— Это зависит от точки зрения, дитя, — и глазом не моргнув, ответила Кадсуане. — Когда-то он был широко известен благодаря своему лицу, и он до сих пор славен

своим мечом. Рядом с ним Изар Тогита, король Шайнара.

— Такой печальный, — тихо произнёс Ранд. — Кого он потерял?

Мин нахмурилась. Изар не показался ей слишком печальным. Мрачным — возможно.

— Он Порубежник, — ответила Кадсуане. — Всю свою жизнь он сражался с троллоками; я подозреваю, он потерял многих, кто был ему дорог. Его жена умерла несколько лет назад. Говорят, что у него душа поэта, но он суровый человек. Если тебе удастся заслужить его уважение, это будет многого стоить.

— Значит, последняя —

Тенобия, — сказал Ранд, потирая подбородок. — Жаль, что с нами нет Башира. — Сам старый служака сказал, что его вид может подлить масла в огонь гнева Тенобии, и Ранд согласился с его доводами.

— Тенобия, — сказала Кадсуане, — это лесной пожар. Юная, дерзкая и безрассудная. Не позволяй ей втянуть тебя в спор.

Ранд кивнул.

— Мин?

— У Тенобии над головой парит копьё, — ответила Мин. — Окровавленное, но сияющее на свету. Этениелле скоро выйдет замуж — я это вижу по белым голубям. Она планирует на сегодня что-то опасное,

так что будь осторожен. Над двумя остальными парят различные стрелы, мечи и щиты — оба скоро вступят в сражение.

— В Последней Битве? — спросил Ранд.

— Не знаю, — призналась она. — Может быть, и сегодня, прямо здесь.

Сопровождающие проводили их к четырём правителям. Ранд выскользнул из седла, потрепав захрапевшего Тай'дашара по шее. Мин тоже собралась спешиться, как и Наришма, но Ранд поднял руку, приказав им остановиться.

— Проклятый дурак, — пробормотала Кадсуане, но тихо,

чтобы никто, кроме находившейся рядом Мин, не расслышал. — Сперва он просит меня быть готовой вытащить его отсюда, а потом нас бросает?

— Возможно, он имел в виду, что ты должна вытащить меня, — тихо ответила Мин. — Я хорошо его знаю. Он больше беспокоится за меня, чем за себя. — Она помолчала и добавила: — Проклятый дурак.

Кадсуане бросила на неё быстрый взгляд и слабо улыбнулась. Затем вернулась к наблюдению за Рандом.

Он подошел к четырём правителям и остановился, разведя руками — как бы спрашивая: «Чего

вы хотите от меня?»

Как и предполагала Кадсуане, тон задала Этениелле. Это была полная женщина с зачёсанными назад и завязанными в хвост тёмными волосами. Она широким шагом подошла к Ранду; её сопровождал мужчина-оруженосец, державший в руке меч в ножнах. Эфес меча был обращён в сторону королевы.

Невдалеке зашевелились Девы и приблизились к Ранду. Как обычно, они считали, что приказ держаться позади к ним не относится.

Этениелле размахнулась и влепила Ранду пощёчину.

Наришма выругался. Девы

подняли вуали и схватились за копья. Мин тронула лошадь с места и прошла через линию охраны.

— Стойте! — воскликнул Ранд, поднимая руку. Он обернулся и посмотрел на Дев.

Мин успокоила кобылку, потрепав её по шее. Лошадь нервничала, чего можно было ожидать. Девы неохотно отошли, а вот Кадсуане воспользовалась возможностью и подъехала к Мин.

Ранд вновь повернулся к Этениелле и потёр лицо.

— Я надеюсь, Ваше Величество, что это некое традиционное кандорское приветствие.

Королева выгнула бровь, затем с

важным видом отошла в сторону, и её место занял король Шайнара. Он ударил Ранда по лицу тыльной стороной руки — так сильно, что тот вынужден был отступить назад.

Ал'Тор выпрямился и вновь знаком приказал Девам стоять спокойно. Он встретился взглядом с Изаром. По подбородку Ранда стекала струйка крови. Шайнарец какое-то время изучал его, потом кивнул и отступил назад.

Следующей оказалась Тенобия. Она ударила Ранда левой рукой — звук её смачной пощёчины зазвенел в воздухе. Мин почувствовала через узы вспышку боли. После удара Тенобия потрясла рукой.

Пейтар был последним. Стареющий король Арафела с поредевшими волосами шёл, сцепив руки за спиной и погружившись в размышления. Подойдя к Ранду, он протянул руку и коснулся крови на его щеке. Потом он ударил ал'Тора тыльной стороной ладони так сильно, что тот упал на колени, а из его рта полетели кровавые брызги.

Мин больше не могла бездействовать.

— Ранд! — вскрикнула она, спрыгнув на землю и бросившись к нему. Она ухватила за Ранда, чтобы его поддержать, и гневно воззрилась на правителей Порубежья. — Как вы *смеете*?! Он пришёл к вам с миром!

— С миром? — осведомился Пейтар. — Нет, девушка, он появился на свет отнюдь не с миром. Он наполнил землю ужасом, хаосом и разрушением.

— Как и предсказывали пророчества, — заметила подошедшая, пока Мин помогала Ранду подняться на ноги, Кадсуане. — Вы бросаете ему под ноги бремя всей Эпохи. Наняв человека перестроить дом, вы же не станете упрекать его за то, что ради этого он должен сломать стену.

— Только в том случае, если он *и вправду* Дракон Возрождённый, — сказала Тенобия, скрестив руки на груди. — Мы...

Она запнулась, когда Ранд встал и осторожно со скрипом вытянул *Калландор* из ножен сияющий клинок. Ранд вытянул его перед собой.

— Станешь ли ты отрицать вот это, королева Тенобия, Щит Севера и Меч Границ Запустения, Верховная Опора Дома Казади? Сможешь ли ты, глядя на это оружие, назвать меня Лжедраконом?

Это её утихомирило. Неподалёку кивнул Изар. Позади них, высоко подняв копья, пики и щиты, будто приветствуя или готовясь к атаке, застыли наблюдавшие в молчании шеренги войск. Мин посмотрела вдаль и с трудом смогла различить

людей на стенах Фар Мэддинга. Они тоже наблюдали.

— Давайте продолжим, — сказал Изар. — Этениелле?

— Прекрасно, — ответила женщина. — Я вот что скажу, Ранд ал'Тор. Если даже тебе удастся доказать, что ты Возрождённый Дракон, тебе за многое придётся ответить.

— Можешь спустить с меня шкуру, Этениелле, — тихо ответил Ранд, вкладывая *Калландор* обратно в ножны. — Но только после того, как я встречусь с Тёмным.

— Ранд ал'Тор, — сказал Пейтар. — У меня есть к тебе вопрос. То, как ты на него ответишь,

определит итог этого дня.

— Какой ещё вопрос? — требовательно спросила Кадсуане.

— Кадсуане, прошу тебя, — сказал Ранд, подняв руку. — Лорд Пейтар, я вижу по твоим глазам. Ты знаешь, что я Возрождённый Дракон. Этот вопрос действительно необходим?

— Это вопрос жизни и смерти, лорд ал'Тор, — ответил Пейтар. — Он и привёл нас сюда, хотя мои союзники об этом изначально не знали. Я всегда верил, что ты и есть Возрождённый Дракон. Это сделало мой поход сюда жизненно важным.

Мин нахмурилась. Стареющий солдат положил руку на эфес меча,

будто готовясь его выхватить. Девы насторожились. Вздвогнув, Мин поняла, что Пейтар по-прежнему стоял рядом с Рандом. Совсем рядом.

«Он может в мгновение ока выхватить меч и рубануть Ранда по шее, — вдруг поняла она. — Пейтар встал там, готовясь нанести удар».

Ранд не сводил с короля взгляда.

— Задавай свой вопрос.

— Как умерла Теллиндал Тиррасо?

— Кто? — спросила Мин, посмотрев на Кадсуане. Айз Седай в замешательстве покачала головой.

— Откуда ты знаешь это имя? — воскликнул Ранд.

— Отвечай на вопрос, — сказал

Изар, положив руку на меч; всё его тело напряглось. Вокруг них шеренги солдат изготовились к бою.

— Она была секретарём, — ответил Ранд. — В Эпоху Легенд. Демандред, когда он пришёл за мной после основания Восьмидесяти и Одного... Она пала в бою от молнии с неба... Её кровь на моих руках... *Откуда ты знаешь это имя?!*

Этениелле взглянула на Изара, затем на Тенобию и, в конце концов, на Пейтара. Тот кивнул и закрыл глаза — его вздох прозвучал с облегчением. Он убрал руку с рукояти меча.

— Ранд ал'Тор, — сказала Этениелле. — Дракон

Возрождённый. Ты не против сесть и поговорить с нами? Мы ответим на твои вопросы.

* * *

— Почему я никогда не слышала об этом так называемом пророчестве? — спросила Кадсуане.

— Природа этого предсказания требовала сохранять его в тайне, — ответил король Пейтар. Они все сидели на подушках в большом шатре посреди армии Порубежников. У Кадсуане аж плечи зудели из-за необходимости находиться в подобном окружении, но глупый

мальчик — он *всегда* останется глупым мальчиком, невзирая на то, сколько там ему лет — выглядел совершенно спокойным.

Снаружи шатра ждали тринадцать Айз Седай, поскольку шатёр не мог вместить всех. *Тринадцать*. Ал'Тор даже глазом не моргнул. Какой ещё способный направлять мужчина сможет сидеть рядом с тринадцатью Айз Седай и не покрыться испариной?

«Он изменился, — сказала себе Кадсуане. — *Тебе только и осталось, что это принять*». Не то чтобы больше он в ней не нуждался. Люди вроде него становились слишком самоуверенными. Стоит ему

несколько раз преуспеть, как он споткнётся о собственные ноги и вляпается в какие-нибудь неприятности.

Но... что ж, она им гордилась. Скрепя сердце. Чуть-чуть.

— Оно принадлежит Айз Седай из моего рода, — продолжал Пейтар. Мужчина с квадратным лицом прихлёбывал чай из маленькой чашки. — Мой предок, Рэо Миэрши, был единственным человеком, кто его слышал. Он приказал, чтобы слова сохранили в тайне и передавали от одного короля к другому, вплоть до этого самого дня.

— Расскажи мне, — попросил Ранд. — Пожалуйста.

— Я вижу его пред вами! — процитировал Пейтар. — Его, кто живёт множество жизней, его, кто дарует смерть и воздвигает горы. Он сломает то, что должен сломать, но прежде он стоит здесь, пред нашим королём. Вы прольёте его кровь! Вы оцените его самообладание. Как гибель настигла павшую? Теллиндал Тиррасо, принявшая смерть от его руки, тьма, что спустилась в день после света. Вы *должны* задать вопрос и *должны* познать свою судьбу. Если он не сможет ответить...

Он умолк.

— То что? — спросила Мин.

— Если он не сможет ответить, — закончил Пейтар, —

значит, вы проиграли. Вы сразите его без промедления, чтобы дать волю буре последних дней. Чтобы Свет не поглотил тот, кто должен его сохранить. Я вижу его. И я плачу.

— Значит, вы пришли его убить, — сказала Кадсуане.

— Мы пришли его *испытать*, — ответила Тенобия. — Так мы решили, когда Пейтар рассказал нам о пророчестве.

— Вы не знаете, как близко вы подошли к краю гибели, — тихо сказал Ранд. — Ещё недавно я ответил бы на эти пощёчины погибельным огнём.

— Внутри Хранителя? — презрительно фыркнула Тенобия.

— Хранитель блокирует Единую Силу, — прошептал Ранд. — Только Единую Силу.

«Что он хочет этим сказать?»

— хмурясь, подумала Кадсуане.

— Мы знали, что стоит на кону, — гордо ответила Этениелле. — Я потребовала право ударить тебя первой. Наши армии получили приказ напасть, если нас убьют.

— Моя семья изучала слова пророчества сотню раз, — сказал Пейтар. — Его значение казалось ясным. Наша задача — испытать Дракона Возрождённого, чтобы понять, можно ли доверить ему Последнюю Битву.

— Всего лишь месяцем раньше, — ответил Ранд, — у меня не было воспоминаний, чтобы вам ответить. Это был глупый ход с вашей стороны. Убей вы меня, и всё бы пропало.

— Авантюра, — невозмутимо отозвался Пейтар. — Возможно, на твоё место встал бы другой.

— Нет, — ответил Ранд. — Это пророчество такое же, как остальные. Оно сообщает о том, что может случиться, но не даёт советов.

— Я по-другому смотрю на это, Ранд ал'Тор, — сказал Пейтар. — И остальные со мной согласились.

— Прошу отметить, — произнесла Этениелле, — что я

отправилась на юг не из-за пророчества. Моя цель состояла в том, чтобы понять, могу ли я привнести в мир какой-то порядок. А потом... — Она поморщилась.

— Что? — спросила Кадсуане, наконец-то отпивая чай. Он был вкусным, каким в последнее время бывал обычно в присутствии ал'Тора.

— Бури, — сказала Тенобия. — Нас задержал снег. А ещё найти тебя оказалось куда труднее, чем мы полагали. Эти Врата — ты можешь обучить им наших Айз Седай?

— Я прослежу, чтобы ваших Айз Седай научили, но в ответ пообещайте, — сказал Ранд. — Вы присягнёте мне. Вы мне нужны.

— Мы — суверенные правители, — резко ответила Тенобия. — Я не собираюсь кланяться тебе в ноги так же быстро, как мой дядя! Кстати, нам надо поговорить *об этом*.

— Наши клятвы принадлежат странам, которые мы защищаем, — сказал Изар.

— Как пожелаете, — произнес Ранд, поднимаясь. — Когда-то я предъявил вам ультиматум. Я плохо его сформулировал и сожалею об этом, но я остаюсь вашей единственной дорогой к Последней Битве. Без меня вы останетесь здесь, в сотнях лиг от земель, которые клялись защищать. — Он кивнул

каждому из них и помог Мин подняться на ноги. — Завтра я встречаюсь с другими правителями. После этого я собираюсь отправиться в Шайол Гул и сломать оставшиеся печати на узилище Тёмного. Счастливо оставаться.

Кадсуане не встала. Она сидела, прихлёбывая чай. Четвёрка, казалось, была ошарашена. Ну, мальчик явно уловил суть драматичности момента.

— Подожди! — в конце концов, воскликнул Пейтар, поднимаясь. — *Что* ты собираешься сделать?

Ранд обернулся.

— Я собираюсь разбить печати, лорд Пейтар. Я собираюсь «сломать то, что должен сломать», как

говорится в вашем собственном пророчестве. Вы не можете меня остановить — особенно когда эти слова подтверждают то, что я сделаю. Недавно я вмешался, чтобы не дать Марадону пасть. Он был близок к этому, Тенобия. Стены разрушены, а войска истекают кровью. С чужой помощью я смог его спасти. Едва смог. Вы нужны вашим государствам. И поэтому у вас есть два варианта: либо присягните мне, либо сидите здесь, позволив всем остальным сражаться вместо вас.

Кадсуане отпила чай. Это, пожалуй, было уже слишком.

— Я оставляю вас обсудить моё предложение, — сказал Ранд. — Я

могу выделить один час — хотя, прежде чем вы начнёте обдумывать, не могли бы вы от моего имени послать за одним человеком? Он в вашей армии, и его зовут Хурин. Я хотел бы перед ним извиниться.

Они всё ещё выглядели потрясёнными. Кадсуане поднялась, чтобы выйти и поговорить с ожидающими снаружи сёстрами; часть из них она знала, а остальных нужно было прощупать. Она не беспокоилась по поводу того, что решат Порубежники. Они были у ал'Тора в руках. *«Ещё одна армия под его знаменем. Не думала, что ему удастся заполучить и эту».*

Ещё один день, и всё начнётся.

Свет, как же она надеялась, что они
ГОТОВЫ.

Глава 52

БАШМАКИ

Илэйн устроилась поудобнее в седле Вспышки. Кобыла была одной из лучших в королевских конюшнях. Она была чистокровной салдэйской породы, белой масти с белоснежной гривой. Седло было под стать ценности лошади — обшито по кругу винно-красной и золотой тесьмой. Обычно такие сёдла использовали для парадов.

Бергитте ехала верхом на высоченном буром жеребце по кличке Восход, который слыл одним из самых быстрых в королевской

конюшне. Страж лично подбирала обеих лошадей с оглядкой на возможную скачку.

На Бергитте была одна из сделанных Илэйн копий лисьего медальона, хотя и другой формы — в виде тонкого серебряного диска с розой на лицевой стороне. Ещё один медальон, завёрнутый в тряпицу, Илэйн приберегла в кармане для себя.

Этим утром она попыталась сделать новую копию, но та просто расплавилась, едва не спалив ей трюмо. Не имея перед глазами образца для изучения, она испытывала большие трудности в изготовлении *тер'ангриалов*;

поэтому её мечты о том, чтобы снабдить всех её личных телохранительниц такими медальонами, становились всё более и более призрачными, если только она не сумеет ещё раз уговорить Мэта одолжить ей оригинал.

Почётный конный эскорт построился рядами вокруг них с Бергитте на площади Королев. Она брала с собой всего лишь сотню солдат, из них семьдесят пять были королевскими гвардейцами, а внутреннее кольцо охраны составляли двадцать пять телохранительниц. Скромный отряд, но если бы было возможно, она бы обошлась и вовсе без него. Она не

должна выглядеть завоевательницей.

— Мне не нравится эта затея, — заявила Бергитте.

— В последнее время тебе всё не нравится, — возразила Илэйн. — Клянусь, ты становишься всё раздражительнее день ото дня.

— Это из-за того, что день ото дня ты становишься всё безрассуднее.

— Да брось! Это *далеко не самый* безрассудный поступок, который я совершила.

— Только потому, Илэйн, что ты поставила для себя слишком высокую планку.

— Всё будет хорошо, — ответила Илэйн, посмотрев на юг.

— Почему ты постоянно туда оглядываешься?

— Из-за Ранда, — ответила та, снова почувствовав тепло, исходящее от пульсирующего клубка эмоций в своём разуме. — Он к чему-то готовится, и озабочен какой-то проблемой. И вместе с тем спокоен. — О, Свет, этот мужчина собьёт с толку кого угодно.

Если первоначальный план не изменился, то встреча состоится через день. Эгвейн *права*: ломать печати глупо. Но Ранд прислушается к голосу разума.

Алис подъехала к Илэйн в сопровождении трёх женщин из Родни. Одна из них — Саразия —

была пухленькой пожилой женщиной, от которой исходило ощущение материнской заботы, вторая — темнокожая Кема — носила свои чёрные волосы заплетёнными в три длинных косы, а чопорная Нашия с моложавым лицом была в мешковатом платье.

Все четыре заняли свои места рядом с Илэйн. Только две из них были достаточно сильны, чтобы создавать переходные Врата — многие женщины Родни были слабее большинства обычных Айз Седай — но и этого будет достаточно, если у Илэйн возникнут проблемы с Источником.

— Ты можешь что-нибудь

сделать, чтобы не позволить лучникам в неё попасть? — спросила Бергитте у Алис. — Какое-нибудь плетение?

Алис задумчиво наклонила голову:

— Я знаю одно, которое может помочь, — ответила она, — но я ни разу его не пробовала.

Другая женщина в это время сплела перед ними Врата перехода. Они вели на открытую пересечённую местность за пределами Кайриэна, покрытую бурой травой. Здесь их поджидала большая армия кайриэнцев в кирасах и шлемах, напоминавших по форме колокола. Среди них было легко выделить

офицеров благодаря тёмной форме цветов Домов, которым они служили. Кроме того, над их спинами возвышались цветные флажки.

Перед строем своего отряда в тёмно-зелёной форме с алыми полосами верхом на лошади восседал высокий и узколицый Лорструм. Бертом был на другой стороне. Его отряд выглядел таким же по размеру — пять тысяч человек. Другие четыре Дома выставили отряды меньшей численности.

— Если они решили захватить тебя в плен, — мрачно произнесла Бергитте, — ты даёшь им отличный шанс.

— Мне не удастся проделать это,

оставшись в безопасности, если только я не стану прятаться во дворце и посылать сюда войска. Что приведёт к восстанию в Кайриэне и возможному коллапсу в Андоре. — Она взглянула на Стража. — Я теперь королева, Бергитте. Ты не сможешь уберечь меня ото всех опасностей, как не сможешь уберечь одного-единственного солдата на поле боя.

Бергитте кивнула.

— Держись поближе ко мне и к Гайбону.

Тот как раз приблизился к ним на крупном пятнистом мерине. Так, находившаяся между сидевшими на более крупных лошадях всадниками

Илэйн была вне досягаемости возможного убийцы, которому пришлось бы сначала поразить кого-то из её друзей.

И так будет до самого конца её жизни. Она пришпорила Вспышку, и её отряд двинулся сквозь переходные Врата вперёд, на кайриэнскую землю. Поджидавшие дворяне и дворянки, не покидая своих сёдел, изобразили поклоны и реверансы, куда более почтительные, чем во время их встречи в тронном зале Илэйн. Итак, представление началось.

Город лежал прямо перед ними. Его стены по-прежнему покрывала копоть от пожаров после сражения с

Шайдо. Едва за ними закрылись переходные Врата, Илэйн почувствовала, как напряглась Бергитте. Окружавшие Илэйн женщины Родни обняли Источник, и Алис начала незнакомое плетение, сплетя вокруг внутреннего отряда потоки Воздуха. Оно вызвало небольшой, но резкий вихрь.

Волнение Бергитте оказалось заразным, и Илэйн поняла, что крепко вцепилась в поводья Вспышки. Здесь, в Кайриэне, воздух оказался более сухим и немного пыльным. Небо было полностью затянуто тучами.

Порядки кайриэнцев окружили её маленький красно-белый отряд

андорцев. Большая часть кайриэнцев была пехотинцами, хотя присутствовала и тяжёлая кавалерия на защищённых сверкающими доспехами лошадях, с устремлёнными в небо копьями. Все выстроились в безупречные шеренги, защищая Илэйн. Или охраняя пленницу.

Лорструм двинул своего гнедого жеребца ближе к флангу отряда Илэйн. Гайбон вопросительно взглянул на неё, и она ответила кивком, разрешая капитану его пропустить.

— Город на взводе, Ваше Величество, — произнёс Лорструм. Бергитте по-прежнему

осторожничала, держа свою лошадь между ним и Илэйн. — Вокруг Вашего вступления на престол много... недобрых слухов.

«Которые ты сам, возможно, и пустил, — подумала Илэйн, — ещё до того, как решил принять мою сторону».

— Но, конечно, они не восстанут против вашей армии?

— Надеюсь, что нет. — Он покосился на неё из-под берета древесно-зелёного цвета. На нём также был чёрный длиннополый кафтан до колен с цветными полосами его Дома от верха до самого низа. В подобном наряде обычно ходят на званые балы. Это

показывало степень его уверенности. Его войскам не придётся брать город штурмом, они просто сопровождают новую королеву торжественной процессией.

— Вряд ли будут вооружённые выступления. Но мне следовало вас предупредить.

Лорстум уважительно кивнул Илэйн. Он знал, что она им манипулирует, но он принял это. В ближайшие несколько лет придётся не спускать с него глаз.

Кайриэн был чрезвычайно «квадратным» городом — одни прямые линии и мощные башни. Несмотря на то, что архитектурный стиль города был красивым, его

нельзя было сравнить ни с Кэймлином, ни с Тар Валоном. Они въехали в город через северные ворота, по левому берегу Алгуэньи.

Внутри их ожидала толпа. Лорструм с остальными справились прекрасно.

Послышались приветственные крики, которые, возможно, были начаты тщательно подобранными кликушами. Едва Илэйн появилась в городе, крики стали сильнее. Это удивило её, она ожидала неприязни. И да, было и такое: изредка в её сторону летел мусор, брошенный из задних рядов толпы. Кое-где раздавался презрительный свист, но основная часть толпы казалась довольной.

Двигаясь по широкой улице, застроенной прямоугольными зданиями, так полюбившимися кайриэнцам, Илэйн вдруг поняла, что жители *ждали* подобного события. Обсуждали его, обменивались разными байками. Некоторые из этих баек были враждебными, как те, о которых докладывал Норри. Но сейчас она поняла, что, скорее всего, они были признаком беспокойства, а не неприязни. Кайриэнцы слишком долго жили без монарха: их король умер от руки неизвестного убийцы, а лорд Дракон, похоже, их покинул.

Её уверенность в себе окрепла. Кайриэн был раненым городом. Снаружи находились сожжённые и

сломанные остатки главных ворот. Мостовая была разобрана — камни из неё вывернуты, чтобы бросать с городских стен. Город так и не смог до конца оправиться после Айильской войны, и недостроенные Поднебесные башни — одинаковые по замыслу, но совершенно заброшенные с виду — были прекрасным подтверждением этого факта.

Треклятая Игра Домов — едва ли не худшая из бед. Способна ли Илэйн это изменить? В возгласах окружающих жителей звучала надежда, словно они осознавали, в какой беспорядок пришло их государство. Проще отобрать копье у

айильца, чем избавить кайриэнца от хитрости, однако, возможно, у неё получится привить им большую верность собственной стране и трону. Пока будет монарх, достойный этой верности.

Дворец Солнца располагался в самом центре города. Как и весь остальной город, он был прямоугольным и угловатым, но здесь этот архитектурный стиль придавал зданию внушительную мощь. Несмотря на разрушенное во время покушения на Ранда крыло, дворец оставался величественным.

Здесь, на лестнице и перед украшенными портшезами, их ожидало ещё больше знати.

Женщины в официальных платьях с юбками на кринолинах, кавалеры в аккуратных тёмных кафтанах и в шляпах. Многие смотрели с сомнением, остальные казались удивлёнными.

Илэйн наградила Бергитте удовлетворённой улыбкой.

— Действует! Никто не ожидал, что я въеду во дворец в сопровождении *кайриэнских* солдат.

Бергитте ничего не ответила. Она всё ещё была напряжена, и, возможно, останется такой, пока Илэйн не вернётся в Кэймлин.

У подножия лестницы их ожидали две женщины, одна была миленькой с колокольчиками в

волосах, а вторая кудрявой, с лицом, не похожим на лицо Айз Седай, несмотря на то, что она была ею долгие годы. Это была Сашалле Андерли, а другая — обладательница безвозрастного лица Айз Седай — Самитзу Тамагова. Из того, что сумели выяснить источники Илэйн, в отсутствие Ранда они были ближе всего к позиции «правительниц» города. Илэйн переписывалась с обеими и обнаружила, что Сашалле удивительно хорошо разбиралась в кайриэнском образе мышления. Она предлагала передать город под правление Илэйн, но понимала, что «предложить» и «взять» — разные вещи.

Сашалле вышла вперёд.

— Ваше Величество, —
официально обратилась она, —
позвольте сообщить, что лорд Дракон
передаёт вам все права на эти земли.
Формальное управление
королевством переходит от него к
вам, и должность наместника
отменяется. Правьте мудро и с
миром.

Илэйн величественно кивнула
ей в ответ из седла, но внутри у неё
всё кипело. Она всем говорила, что
не возражает против «помощи»
Ранда в занятии этого трона, но ей
вовсе не хотелось, чтобы её
буквально тыкали в это носом. И всё
же, Сашалле, по всей видимости,

воспринимала свой пост всерьёз, хотя из того, что удалось узнать Илэйн, она по большей части создала его сама.

Илэйн со спутниками спешили. Неужели Ранд думал, что всё будет так просто? Он ведь пробыл в Кайриэне достаточно, чтобы знать, как они мыслят. Пары слов Айз Седай, пусть и произнесённых публично, явно будет недостаточно. А вот прямой поддержки могущественных дворян должно хватить.

Вся их процессия двинулась вверх по лестнице. Они вошли внутрь, включая каждого из поддерживавших её дворян,

захвативших с собой по пятьдесят человек почётного эскорта. Илэйн взяла с собой всех своих людей, и хотя получилось довольнолюдно, но бросать их снаружи она не собиралась.

Внутренние коридоры были прямыми со сводчатыми потолками и золотой отделкой. Каждая дверь была украшена символом Восходящего Солнца. По пути встречались специальные ниши для демонстрации разных сокровищ, но большая часть пустовала. Айил забрали из дворца причитающуюся им пятую часть.

Во внешнем коридоре перед входом в тронный зал Солнца

андорские гвардейцы и телохранительницы Илэйн выстроились в шеренги по обеим сторонам. Илэйн собралась с духом и вошла внутрь в сопровождении десяти человек. По бокам зала к потолку поднимались поддерживающие колонны из пронизанного голубыми прожилками мрамора, из такого же мрамора в дальнем конце зала было возвышение, на котором стоял Солнечный Трон.

Он был сделан из позолоченного дерева, но выглядел на удивление скромно. Возможно, именно поэтому Ламан задумал себе новый трон, используя в качестве материала

Авендоралдеру. Илэйн подошла к помосту и развернулась к вошедшей следом кайриенской знати — первыми вошли её сторонники, потом все прочие по степени влиятельности, в соответствии со сложной системой, продиктованной Даэс Дей'мар. Это положение могло меняться каждый день, если не час.

Бергитте внимательно разглядывала каждого вошедшего, но все кайриэнцы были просто образцами приличия. Никто из них не стал бы вести себя так же дерзко, как Эллориен в Андоре. Та была патриоткой, хотя, к большому огорчению, и несогласной с Илэйн. В Кайриэне же так не поступали.

Едва толпа успокоилась, Илэйн набрала в грудь воздуха. Она думала произнести речь, но её мать преподала ей один урок — порой решительное действие куда лучше слов. Илэйн двинулась, чтобы сесть прямо на трон.

Бергитте ухватила её за руку.

Илэйн вопросительно на неё уставилась, но её Страж была занята, внимательно осматривая трон.

— Погоди немного, — произнесла она, наклоняясь.

Дворяне начали перешёптываться, и к Илэйн подошёл Лорструм:

— Ваше Величество?

— Бергитте, — залившись

румянцем, сказала Илэйн, — это действительно необходимо?

Бергитте не ответила, ощупывая подушку на троне. Свет! Неужели её Страж собирается ставить её в неловкое положение при каждой возможности? Не думает же она, что...

— Ага! — воскликнула Бергитте, выдёргивая что-то из подушки.

Илэйн вздрогнула, затем подошла поближе, Лорструм и Бертом встали по бокам. В руке Бергитте оказалась крохотная иголка с чёрным кончиком.

— Была спрятана в подушке.

Илэйн побледнела.

— Это было единственное место, про которое они точно *знали*, что ты тут окажешься, — тихо сообщила Бергитте. Она встала на колени и продолжила искать ловушки.

Лорструм залился краской.

— Я обязательно разыщу того, кто это сделал, Ваше Величество, — пообещал он тихим голосом. Опасным голосом. — Они познают мой гнев.

— Если только раньше не познают мой, — возразил коренастый Бертом, разглядывая иголку.

— Скорее всего, Ваше Величество, покушались на лорда

Дракона, — чуть громче для публики заявил Лорструм. — Никто бы не посмел убить нашу возлюбленную сестру из Андора.

— Рада это слышать, — ответила Илэйн, вглядываясь в его лицо. Это подскажет каждому в зале, что она примет его уловку для сохранения его репутации. Как на основного её сподвижника, позор за покушение падал на него.

Но спасение репутации будет дорого ему стоить. Он опустил глаза, мгновенно всё поняв. Свет, как она ненавидела эту игру. Но она продолжит в неё играть. И постарается сыграть хорошо.

— Теперь безопасно? —

спросила она у Бергитте.

Её Страж потёрла подбородок.

— Есть только один способ проверить, — ответила она и бесцеремонно плюхнулась на трон.

Множество дворян разинуло рты, а Лорструм побледнел ещё сильнее.

— Не очень удобный, — произнесла Бергитте, наклоняясь из стороны в сторону, а затем откидываясь назад на деревянную спинку. — Я думала, что из-за ваших нежных задниц и всего такого прочего трон монарха будет помягче.

— Бергитте! — зашипела Илэйн, чувствуя, что снова заливается краской. — У тебя нет права сидеть

на *Солнечном Троне!*

— Я твой телохранитель, — ответила Бергитте. — Если захочу, я могу пробовать твою еду, входить в двери перед тобой и сидеть в твоих треклятых креслах, если я считаю, что это тебя защитит. — Она ухмыльнулась. — А кроме того, — добавила она тише, — мне всегда хотелось попробовать, каково это. — Не ослабляя внимания, но теперь довольная, Страж поднялась на ноги.

Илэйн обернулась и посмотрела на собравшуюся кайриэнскую знать:

— Вы долго ждали этого момента, — произнесла она. — Некоторые этим недовольны, но помните, что я наполовину

кайриэнка. Этот союз поможет сделать *оба* наших народа великими. Я не прошу у вас доверия, однако *требую* вашего послушания. — Она помедлила, и добавила:

— И помните, такова была воля Дракона Возрождённого.

Илэйн увидела в их глазах понимание. Ранд однажды завоевал их город, пусть и для того, чтобы освободить его из лап Шайдо. С их стороны будет мудро не давать ему повода возвращаться обратно и завоёвывать их снова. Королева должна пользоваться теми средствами, что есть под рукой. Андор она покорила сама, так пусть же Ранд поможет ей с Кайриэном.

Она села. Какое простое движение — и насколько далеко идущие последствия.

— Соберите ваши армии и гвардии Домов, — приказала она присутствующей знати. — Вам, вместе с армией Андора, предстоит пройти через переходные Врата в место под названием Поле Меррилора. Там мы встретимся с Возрождённым Драконом.

Кайриэнцы выглядели удивлёнными. Она пришла, заняла трон, и в тот же день приказывает вывести их армии из города? Она улыбнулась. Лучше всего действовать быстро и решительно. Этим будет создан прецедент повиновения. И

начнётся их подготовка к Последней Битве.

— А ещё, — провозгласила Илэйн, когда слышалось перешёптывание, — я хочу, чтобы вы собрали всех и каждого в королевстве, способного носить меч, и призвали их на службу в королевскую армию. У них остаётся мало времени на обучение, но в Последней Битве пригодится каждый солдат, и не отказывайте женщинам, желающим сражаться. Также пошлите за городскими литейщиками колоколов. Я хочу встретиться с ними через час.

— Но, — возразил Бертом, — а как же пир в честь коронации, Ваше

Величество?

— Мы будем пировать, когда победим в Последней Битве, и дети Кайриэна окажутся в безопасности, — ответила Илэйн. Ей нужно было отвлечь их от интриг, занять чем-нибудь полезным. — Шевелитесь! Представьте, что Последняя Битва уже на пороге и начнётся прямо завтра!

Что вполне могло случиться.

* * *

Оглядывая лагерь, Мэт опёрся о сухое дерево. Широко улыбаясь, он дышал полной грудью, чувствуя себя

прекрасно при мысли о том, что его никто больше не преследовал. Он даже забыл, как это здорово. Даже лучше, чем иметь по симпатичной служанке на каждом колене. Ну, точно лучше, чем одна симпатичная служанка.

Бивак в конце дня был одним из самых приятных мест на свете, даже если он был наполовину пуст. Часть людей отправилась в Кайриэн. Солнце село, и некоторые из оставшихся уже легли спать. Но для тех из них, кому выпало дежурство на завтрашний день, не было смысла укладываться так рано.

В лагере ещё дымилось с дюжину походных костров, и вокруг

них собрался народ, поболтать о своих подвигах, оставленных где-то женщинах, и о дошедших издалека слухах. Люди смеялись, сидя на камнях и брёвнах, вспыхивали языки пламени, взметались в воздух искры, когда кто-то время от времени ворошил угли кривой веткой, пока его друзья запевали «А, ну-ка, девушки» или «Упавшие в полдень ивы».

Парни, входившие в Отряд Красной Руки, родились в дюжине разных стран, но истинным их домом был этот лагерь. Нахлобучив шляпу на голову и положив *ашандарей* на плечо, Мэт разгуливал среди них. Он раздобыл новый шарф на шею. Люди

знали про его шрам, но зачем выставлять его напоказ, словно треклятый расписной фургон Люка?

На сей раз, он выбрал красный шарф. В память о Тайлин и прочих, павших от руки *голама*. Какое-то время он колебался, не выбрать ли розовый, но это было только мгновение.

Мэт улыбнулся. Хотя от нескольких костров доносилось пение, оно не было громким, и в лагере царило здоровое спокойствие. Не *тишина* — она-то никогда не бывает хорошим знаком. Мэт её просто ненавидел. Она заставляла его размышлять о том, кто именно так старается подкрасться к нему

поближе. Нет, это была не тишина, а спокойствие. Спящие люди тихо похрапывали, костры потрескивали, кто-то пел, сухая трава шуршала под ногами часовых. Мирные звуки, окружающие наслаждающихся жизнью людей.

Мэт вернулся к столу, установленному возле погружённой в темноту палатки. Присев на стул, он оглядел собранные им бумаги. В палатке было слишком душно. И, кроме того, он не хотел будить Олвера.

Палатка Мэта колыхалась на ветру. Его «кабинет» выглядел довольно странно, прекрасный дубовый стол был установлен на

лужайке, заросшей куриной лапчаткой, рядом стоял стул, и на земле кувшин с сидром с пряностями. Освещённые единственной мерцающей лампой, бумаги на столе были прижаты разнокалиберными камнями.

Как так случилось, что на него свалилось столько бумаг? Ему бы сидеть у одного из тех костров и распевать «Танец с Джаком из Теней». Он даже мог разобрать слова песни, доносившейся от ближайшего костра.

Эти бумаги. Ну что ж, раз он согласился наняться на службу к Илэйн, вот те, на — получи кучу бумажной работы. Здесь были отчёты

о подготовке отрядов для драконов, о поставках припасов, дисциплинарные рапорты и прочая чепуха. И ещё парочка документов, которые он сумел выудить из её королевского величества: доклады шпионов, на которые он жаждал взглянуть. Это были сведения о Шончан.

Большая часть новостей была для него не нова. Благодаря помощи Верин, Мэт очутился в Кэймлине, опередив большую часть слухов. Но у Илэйн были собственные переходные Врата, и поэтому некоторые новости из Тира и Иллиана были свежими. В них говорилось о новой Императрице Шончан. Значит, Туон действительно

короновалась, или как там Шончан называют этот процесс назначения нового правителя.

Эта мысль вызвала улыбку. Свет, они даже не знают, с кем связались! Может они и *думали*, что знают, но это не так. Ясно как день, она их ещё удивит. Хотя дни в последнее время были скорее хмурыми.

Ходили также сплетни о том, что Морской народ заключил с Шончан союз. Но Мэт полностью отвергал подобную возможность. Шончан сумели захватить довольно много кораблей Морского народа, чтобы у всех создалось подобное впечатление, но это было не так. Про Ранда тоже нашлась пара страничек с

новостями, но в основном довольно туманными и не внушающими доверия.

Треклятый цветной вихрь. Ранд сидел в шатре, беседуя с какими-то людьми. Может, он и *был* в Арад Домане, но не мог же он одновременно быть там и воевать в Порубежье? Одна из сплетен утверждала, что это Ранд убил королеву Тайлин. Какому проклятому идиоту могло взбрести это в голову?

Доклады о Драконе он просмотрел мельком, потому что терпеть не мог снова и снова бороться с этими проклятыми цветными круговоротами. По крайней мере, на этот раз Ранд был

одет.

Последняя страница оказалась любопытной. Волки сбиваются в огромные стаи, собираются на полях и воют хором? Ночное небо светится красным? Пасущаяся в поле скотина строится рядами, мордами на север, и тихо смотрит в ту сторону? Люди находят следы армий Отродий Тени на своих полях?

Это всё походило на пустые сплетни, путешествовавшие от одной фермерши к другой, пока они не добрались до ушей шпионов Илэйн.

Мэт поднял глаза от бумаг и вдруг помимо воли обнаружил, что вытащил из кармана письмо Верин. Запечатанный конверт выглядел

потёртым и запачканным, но он так и не открыл его. Сопротивляться подобному искушению для него было самым страшным испытанием на свете.

— Какой же здесь теперь беспорядок, — раздался женский голос. Мэт встрепенулся и увидел подходившую Сеталль. На ней было надето коричневое платье с кружевами, обрамлявшими внушительную грудь. На которую Мэт, конечно, даже не взглянул.

— Нравится моя берлога? — поинтересовался Мэт. Он отложил конверт в сторону, потом положил последний лист отчёта поверх стопки рядом с кучкой сделанных им

набросков нового механизма для арбалета, основанных на модели, приобретённой Талманесом. Бумаги грозили того и гляди разлететься. Поскольку камней придавить их под рукой не оказалось, он воспользовался снятым с ноги башмаком.

— Берлога? — переспросила развеселившаяся Сеталль.

— Точно, — подтвердил Мэт, почесав подошву ноги в чулке. — Если желаете войти, то стоит записаться на приём у моего управляющего.

— У управляющего?

— Это тот пень, вон там, — кивнул в сторону Мэт. — Не

маленький, а тот, что побольше, со мхом на макушке.

Она вскинула бровь.

— Он неплохо справляется, — продолжил Мэт. — Почти никого не пускает из тех, кого я не хочу видеть.

— Ты — интересный тип, Мэтрим Коутон, — сказала Сеталль, усаживаясь на пень покрупнее. Её платье было в эбударском стиле, подколотое сбоку и открывавшее несколько нижних юбок разных расцветок, которые могли отпугнуть даже Лудильщика.

— У вас какое-то дело? — спросил Мэт. — Или заскочили просто так, чтобы посидеть на голове у моего управляющего?

— Я слышала, ты сегодня снова был во дворце? Значит, ты правда знаком с королевой?

Мэт пожал плечами.

— Илэйн довольно милая девушка. Определённо, очень хорошенькая.

— Тебе больше не удастся меня удивить, Мэтрим Коутон, — заметила Сеталль. — Я поняла, что ты часто говоришь что-либо именно с этой целью.

Правда?

— Я говорю то, что думаю, госпожа Анан. Какая вам разница, знаком ли я с королевой?

— Просто ещё один кусочек головоломки, которую ты собой

представляешь, — сказала Сеталль. — Сегодня я получила письмо от Джолин.

— Что ей от вас понадобилось?

— Она ни о чём не просила. Просто хотела дать знать, что они благополучно добрались до Тар Валона.

— Должно быть, вы неверно его прочли.

Она наградила его упрекающим взглядом.

— Джолин Седай очень тебя уважает, мастер Коутон. Она часто очень хорошо о тебе отзывалась, и о том, как ты спас не только её, но и двоих других. В своём письме она справлялась о тебе.

Мэт моргнул.

— Правда? Она так говорила?

Сеталль кивнула.

— Чтоб мне сгореть, —

произнёс он. — Я даже немного сожалею о том, что из-за меня её рот посинел. Но судя по тому, как она со мной обращалась, вовсе не скажешь, что она так меня ценила.

— Подобные отзывы способны раздуть мужское самомнение. Кажется, и того, как она с тобой обращалась, было достаточно.

— Она — Айз Седай, — пробормотал Мэт. — Она с каждым встречным обращается так, словно он грязь, которую нужно отскрести от сапог.

Сеталль сердито уставилась на него. У неё был особый сложившийся образ: частью добрая бабушка, частью — придворная дама, и вместе с тем — не терпящая всякого вздора хозяйка гостиницы.

— Простите, — сказал он. — Некоторые Айз Седай не такие вредные, как прочие. Я не хотел вас оскорблять.

— Принимаю это в качестве комплимента, — ответила Сеталль. — Хотя я и *не* Айз Седай.

Мэт пожал плечами, нащупав под ногами небольшой камень. Он воспользовался им, чтобы заменить прижимавший бумаги башмак. Пролившиеся за последние

несколько дней дожди оставили в воздухе приятную свежесть.

— Знаю, вы говорили, что это не больно, — промолвил Мэт, — но... на что это похоже? То, что вы потеряли?

Она поджала губы.

— Какое блюдо из тех, что ты пробовал, было самым вкусным, Мэтрим Коутон? Что бы ты предпочёл всем другим?

— Мамины сладкие пирожки, — не раздумывая, ответил Мэт.

— Что ж, вот на это и похоже, — ответила Сеталль. — Знать, что ты мог есть эти пирожки каждый день, но теперь тебе в них отказано. Твои приятели — о, *они* могут есть их

сколько влезет. Ты им завидуешь, и это причиняет боль, но в то же время ты счастлив. По крайней мере, хоть *кто-то* может наслаждаться тем, чем ты уже не можешь.

Мэт медленно кивнул.

— А почему ты, Мэтрим Коутон, так ненавидишь Айз Седай? — спросила Сеталль.

— Я их вовсе не ненавижу, — ответила Мэт. — Чтоб мне сгореть, это не так. Но порой мужчина не может выполнить и двух дел без того, чтобы женщина не потребовала одно переделать, а второе не делать вовсе.

— Тебе *не обязательно* прислушиваться к их советам, и, ручаюсь, ты мог бы признать, что в

основном это хорошие советы.

Мэт пожал плечами.

— Иногда мужчина хочет поступать так, как считает нужным, без указаний со стороны, что он делает не так и что не так в нём самом. Вот и всё.

— И это не имеет никакого отношения к твоему... своеобразному восприятию знатных людей? В конце концов, большинство Айз Седай ведёт себя так, словно все они поголовно благородного происхождения.

— Не имею ничего против знати, — ответил Мэт, поправляя куртку. — Просто я не рвусь принадлежать к ней сам.

— Почему?

Мэт сидел несколько мгновений неподвижно. Почему же? Наконец он посмотрел на ногу и надел башмак:

— Всё дело в башмаках.

— В башмаках? — Сеталль выглядела полностью сбитой с толку.

— Именно, в них, — кивнул Мэт, затягивая шнурки. — Всё из-за башмаков.

— Но...

— Видите ли, — сказал Мэт, туго завязывая шнурок, — многим людям не нужно беспокоиться о том, какие башмаки надеть. Они бедняки. Если спросить кого-нибудь из них: «Какие башмаки ты собираешься надеть сегодня, Моп?» Его ответ

будет простым: «Знаешь, Мэт, у меня всего одна пара, поэтому, полагаю, её-то я и надену».

Мэт помедлил.

— Или, поскольку вы, Сеталль, не я, вам они *так* не ответят. Они не будут называть вас Мэт, верно?

— Понятно, — весёлым тоном ответила она.

— В любом случае, для тех, у кого водится немножко денег, вопрос о том, какие башмаки надеть, усложняется. Посмотрите, к примеру, на обычного человека вроде меня... — Он покосился на неё. — И заметьте, я человек обычный.

— Ну конечно.

— Треклятски верно,

обычный, — сказал Мэт, закончив со шнурками и выпрямляясь. — У обычного человека может быть три пары обуви. *Худшую* он надевает тогда, когда приходится работать над чем-нибудь не самым приятным. Они могут начать натирать через пару шагов, и в них может оказаться парочка дыр, но они всё равно хороши для ваших ног. И вам не страшно испачкать их в поле или в сарае.

— Хорошо, — согласилась Сеталль.

— Теперь перейдём ко *второй* по качеству, — сказал Мэт. — Это ваша повседневная обувь. В ней вы ходите, к примеру, на ужин к

соседям. Или, в моём случае, их вы надеваете, собираясь в бой. Это отличные башмаки, в них удобно, вам не стыдно в них появиться и всё такое прочее.

— А самая лучшая пара? — спросила Сеталль. — Ты надеваешь её, собираясь на светские приёмы, балы или ужины с важными местными сановниками?

— Балы? Приёмы у *сановников*? Проклятый пепел, женщина! Я-то думал, вы простая хозяйка гостиницы.

Сеталль слегка покраснела.

— Мы не шляемся по балам, — пояснил Мэт. — Но если будет нужно, подозреваю, что туда сойдёт

и *вторая* пара. Если они подходят для визитов к соседской старушке Хембрю, значит они треклятски хорошо сгодятся и чтоб отдавить ноги любым согласившимся с вами потанцевать дурочкам.

— Так для чего же тогда лучшая пара?

— Для путешествий, — ответил Мэт. — Каждый фермер знает цену отличным башмакам в дальнем пути.

Сеталль призадумалась.

— Хорошо. Так какое же это отношение имеет к знати?

— Прямое, — сказал Мэт. — Разве не понятно? Если ты обычный парень, то точно знаешь, когда какие башмаки надеть. Человек легко

справляется с тремя парами обуви. Когда их всего три — жизнь очень проста. А люди знатные... скажем, Талманес утверждает, что дома у него сорок пар обуви. Сорок! Можете себе представить?

Она весело улыбнулась.

— Сорок пар, — покачивая головой, повторил Мэт. — Сорок *треклятых* пар обуви. И все они разные. Существует своя пара для каждого костюма, и дюжина пар разных стилей, которые подойдут к доброй половине одежды. Найдётся обувь для визитов к королям, к знатым лордам и для приёма обычных людей. Есть обувь для лета и для зимы, для дождливой погоды и

для сухой. Есть даже пара, которую надевают *только* когда отправляются в растреклятую баню. Лопин жаловался, что у меня нет туфель, чтобы в них ходить в нужник по ночам!

— Ясно... значит, ты используешь башмаки в качестве метафоры о бремени ответственности и необходимости решений, которые возлагаются на благородное сословие, когда оно берёт на себя главенство в сложных политических и социальных ситуациях.

— В качестве метафоры чего?.. — поморщился Мэт. — Проклятый пепел, женщина. Это

никакая там не метафора! Это просто *башмаки*.

Сеталль покачала головой.

— Ты незаурядно умный человек, Мэтрим Коутон.

— Стараюсь помаленьку, — бросил он, потянувшись за кувшином с сидром, сдобренным пряностями, — быть незаурядным, я имею в виду. — Он наполнил кубок и подал ей. Она любезно приняла его и отпила, затем поднялась на ноги.

— Оставляю тебя, мастер Коутон, наедине с твоими развлечениями. Но если у тебя что-то прояснится с переходными Вратами для меня...

— Илэйн пообещала, что скоро у

неё будут Врата для вас. Через день или два. Я похлопочу об этом, как только справлюсь с нашим с Томом и Ноэлом делом.

Она кивнула, понимая. Если он не справится с этим «делом», ей придётся позаботиться об Олвере. Она повернулась, чтобы уйти. Мэт дождался, пока она уйдёт, и отпил сидр прямо из кувшина. Он делал это весь вечер, но решил, что ей не нужно об этом знать. Это было из разряда тех вещей, о которых женщинам лучше не задумываться.

Он вернулся к докладам шпионов, но вскоре поймал себя на том, что думает о Башне Генджей и об этих треклятых змеях и лисичках.

Комментарии Бергитте проливали на ситуацию определённый свет, но не обнадеживали. Два месяца? *Целых* два месяца бродить по этим коридорам? Это подливало масла в огонь его сомнений. Помимо всего прочего она взяла с собой огонь, музыкальный инструмент и железо. Значит, нарушить правила — не такая уж оригинальная идея.

Его это не удивило. Вероятно, в тот день, когда первый созданный Светом человек на земле изобрёл первое правило, кто-то другой тут же решил его нарушить. Такие люди, как Илэйн, изобретают правила под себя, а такие, как Мэт, — находят способы обойти эти идиотские запреты.

К сожалению, Бергитте, которая была одним из легендарных героев Рога, так и не смогла справиться с Илфин и Элфин. Это лишало его покоя.

Что ж, у Мэта было нечто, чего не было у неё. Его удача. Он в задумчивости откинулся на спинку стула. Один из его бойцов, Клинтон, прошёл мимо и отсалютовал. Краснорукие проверяли Мэта каждые полчаса. Они никак не могли оправиться от стыда за то, что позволили *голаму* пролезть в лагерь.

Он снова взял письмо Верин, ощупал его пальцами. Обтрёпанные углы, пятна грязи на некогда белоснежной бумаге. Он постучал

им по дереву, затем бросил письмо на стол.

Нет. Нет, он вовсе не собирался его открывать, даже когда вернётся обратно. Вот так вот. Он никогда не узнает, о чём в нём говорится, и ему треклятски наплевать.

Он поднялся и пошёл на поиски Тома с Ноэлом. Завтра они отправятся в Башню Генджей.

Глава 53

ПЕРЕХОДНЫЕ ВРАТА

Проходя по выросшей вокруг Чёрной Башни деревне вместе с Джавиндрой и Мазримом Таимом, Певара старалась помалкивать. Повсюду вокруг кипела жизнь. В Чёрной Башне она не затихала ни на минуту. Солдаты валили окружающий лес, Посвящённые обдирали на стволах кору и раскалывали их на доски сфокусированными потоками Воздуха. Всю дорожку покрывали

опилки. Похолодев от ужаса, Певара поняла, что находившиеся неподалёку доски, сложенные в штабель, скорее всего, были сделаны Аша'манами.

Свет! Она знала заранее, что именно здесь увидит, но встретиться с этим лицом к лицу оказалось труднее, чем она предполагала.

— Как видите, — говорил между тем Таим, заложив одну сжатую в кулак руку за спину. Другой рукой он указал на недостроенную стену из чёрного камня вдалеке. — Сторожевые вышки располагаются с пятидесятифутовым интервалом. На каждой дежурит по два Аша'мана. — Он с довольным видом улыбнулся. —

Это место будет неприступно.

— Неужели? — произнесла Джавиндра, — Впечатляет! — В её голосе не было ни капли восторга или заинтересованности. — Однако я бы хотела побеседовать с вами совсем о другом. Не могли бы мы выбрать мужчин со значком Дракона на...

— Снова за старое? — спросил Мазрим Таим, и в его взгляде полыхнул огонь. Он был высоким, черноволосым мужчиной с салдэйскими скулами. Он улыбнулся или, скорее, придал видимость улыбки на лице: полуухмылка, которая не затронула его глаз. Это выглядело... хищно. — Я передал

вам своё повеление. Но вы
настойчиво гнёте свою линию. Нет.
Только Солдаты или Посвящённые.

— Как пожелаете, —
откликнулась Джавиндра. — Мы ещё
подумаем.

— Прошло несколько недель, —
ответил Таим, — и вы до сих пор не
надумали? Что ж, не мне судить о
делах Айз Седай. Мне нет дела до
того, чем вы занимаетесь. Но
женщины, находящиеся за воротами,
утверждают, что они тоже прибыли
из Белой Башни. Не желаете, чтобы я
пригласил их на встречу с вами?

Певару пробил озноб. Он,
похоже, много знал о внутренних
интригах Белой Башни, и постоянно

на это намекал.

— Этого не требуется, — холодно ответила Джавиндра.

— Как хотите, — произнёс он. — Но сделайте выбор поскорее. Они теряют терпение, а им дал разрешение связать узами моих людей сам ал'Тор. Они не станут вечно терпеть мои проволоочки.

— Они — мятежницы. Вы вообще можете не принимать их во внимание.

— Мятежницы, — повторил Таим, — которых гораздо больше. Сколько вас? Шесть женщин? А судя по вашим рассуждениям, вы собрались связать узами чуть ли не всю Чёрную Башню!

— Захотим, свяжем, —
спокойно откликнулась Певара. —
На нас нет ограничений.

Таим взглянул на неё, и у Певары возникло ощущение, будто её разглядывает волк, оценивающий, не сойдёт ли она ему на ужин. Она отбросила это чувство. В конце концов, она — Айз Седай, а не чья-то лёгкая добыча. С другой стороны, она не могла не согласиться, что их всего шестеро посредине лагеря, наполненного сотнями способных направлять мужчин.

— Однажды, я видел как в доках Иллиана погиб небесный удильщик, — произнёс Таим. — Птица просто подавилась, пытаясь

проглотить сразу две рыбины зараз.

— Что ж вы не помогли этой бедняжке? — поинтересовалась Джавиндра.

— Дураки сами виноваты в собственной гибели, Айз Седай, если пытаются ухватить больше, чем в состоянии проглотить, — ответил Таим. — Какое мне до них дело? Зато вечером у меня было отличное жаркое из птицы и рыбы. Мне нужно идти. Но учтите, теперь наш периметр охраняется, и если вы решите выйти наружу, вам придётся сперва спросить разрешение у меня.

— Вы имеете в виду, что будете так строго следить за тем, кто входит и выходит? — уточнила Певара.

— Мир становится опаснее, — без запинки ответил Таим. — Мне нужно заботиться о нуждах своих подчинённых.

Певара отметила, в каком свете он видел «нужды» подчинённых. Мимо, отсалютовав Таиму, проследовала группа молодых солдат. Двое из них были в синяках, а один с заплывшим глазом. За любую ошибку во время учёбы Аша'манов нещадно избивали, запрещая прибегать к Исцелению.

Айз Седай и пальцем не трогали. На самом деле, оказываемое им уважение граничило с открытым издевательством.

Таим кивнул и ушёл прочь,

присоединившись к двоим поджидавшим в сторонке у кузницы Аша'манам. Они тут же принялись тихо шушукаться.

— Мне это не нравится, — заявила Певара, едва мужчина отошёл. Возможно, она высказалась слишком поспешно, выдав тем самым свои глубокие переживания, но это место и вправду действовало ей на нервы. — Всё может обернуться полным крахом. Я начинаю думать, что нам следует поступить согласно первоначальному плану: связать несколько Посвящённых и вернуться в Белую Башню. В нашу задачу не входило связывать всю Чёрную Башню, а

только получить доступ к Аша'манам и хорошенько их изучить.

— Именно этим мы и занимаемся, — парировала Джавиндра. — За эти несколько недель я многое узнала. А чем занималась ты?

Певара не повелась на подначку. Разве ей следует быть такой же упрямой? Она возглавляет всю группу, и остальные на неё полагаются. Но это вовсе не значит, что они этим довольны.

— Это интересная возможность, — продолжила Джавиндра, осматривая окрестности Чёрной Башни. — И, думаю, в конечном итоге он сдастся и даст

нам полноценных Аша'манов.

Певара нахмурилась. Джавиндра, что, и в самом деле на это надеется? Даже, несмотря на проявленное Таимом упорство? Да, Певара уступила предложениям задержаться в Чёрной Башне подольше, чтобы изучить её жизнь повнимательнее и попросить у Таима разрешения получить Аша'манов посильнее. Но теперь стало очевидно, что он не поддастся. Безусловно, сама Джавиндра тоже это понимает.

К большому сожалению, в последнее время Певара с большим трудом её понимала. Изначально та была категорически против

путешествия в Чёрную Башню и согласилась только после приказа Верховной. А теперь она придумывает всё новые причины, чтобы здесь задержаться.

— Джавиндра, — подходя ближе, обратилась к ней Певара, — ты прекрасно его слышала. Теперь нам нужно разрешение даже на то, чтобы отсюда выбраться. Это место превращается в клетку.

— Думаю, нам ничто не угрожает, — отмахнувшись, ответила женщина. — Он же не знает, что мы владеем секретом переходных Врат.

— Насколько нам известно, не знает, — уточнила Певара.

— Уверена, если ты прикажешь,

остальные отправятся за тобой, — сказала Джавиндра. — Но я собираюсь остаться, чтобы воспользоваться этой возможностью для исследований.

Певара сделала глубокий вдох. Что за несносная женщина! Она, разумеется, не собирается пойти настолько далеко, чтобы не подчиниться руководителю группы? Особенно после того, как Певару назначила лично Верховная? Свет, Джавиндра становится полной сумасбродкой!

Не сказав больше ни слова, они разошлись. Певара развернулась и отправилась обратной дорогой. Ей большого труда стоило сдерживать

гнев. Последние слова очень были похожи на прямой вызов! Что ж, если ей хочется бунтовать и так понравилось это место, да будет так. Пришло время вернуться в Белую Башню.

Вокруг сновали мужчины в чёрных кафтанах. Некоторые кланялись с лицемерными улыбками в притворном уважении. Несмотря на проведённое здесь время, она не стала себя лучше чувствовать в окружении подобных мужчин. Она сделает несколько из них Стражами. Троих. Она же справится с тремя, не так ли?

Какие мрачные физиономии, словно на тебя смотрят глаза

палачей, поджидающих следующую жертву, чтобы набросить ей петлю на шею. Некоторые из них странно что-то бормочут себе под нос, шарахаются от каждой тени или просто с потрясённым видом держат голову. Она оказалась в самой гуще безумия, и от этого она с ног до головы покрывалась мурашками, будто у неё по коже ползали гусеницы. Невольно она ускорила шаг. *«Ни за что, — думала она. — Я ни за что не оставлю здесь Джавиндру, не попытавшись снова её переубедить».* Она постарается объяснить остальным своё решение, отдаст им приказ уходить. А потом она попросит каждую, и в первую

очередь Тарну, обратиться к Джавиндре. Нет сомнений, общими усилиями им удастся переубедить упрямицу.

Наконец она добралась до выделенных им хижин. Она целенаправленно избегала смотреть в сторону шеренги крохотных домиков, в которых устроились захваченные Айз Седай. До неё доходили слухи о том, на какие... методы решились некоторые из них в попытках контролировать своих Аша'манов. От этой мысли у неё тоже бежали мурашки. Она считала, что Красные со слишком большим неприятием относятся к мужчинам, но эти потерявшие голову женщины

перешли все мыслимые границы.

Она вошла внутрь хижины и застала Тарну у стола за сочинением письма. Айз Седай приходилось ютиться вместе, и Певара специально выбрала Тарну. Сама она хоть и была старшей в их группе, зато Тарна была Хранительницей Летописей. Ситуация в их группе, отправленной с такой особенной миссией, сложилась весьма щекотливая, поскольку в ней участвовало много влиятельных членов с кардинально разными точками зрения.

Прошлой ночью Тарна согласилась, что пора уходить. И они совместно с Певарой хотели

заставить Джавиндру уехать.

— Таим запер Чёрную Башню, — сухо объявила Певара, присаживаясь на кровать в своей крохотной круглой комнатушке. — Теперь для того, чтобы уехать, нам нужно получить его разрешение. Он упомянул об этом между делом, словно не собирается нас задерживать. Просто правило, из которого он забыл нас исключить.

— Думаю, скорее всего, так и есть, — ответила Тарна. — Уверена, ничего страшного не произошло.

Певара замерла. Что-что? Она сделала новую попытку.

— Джавиндра по-прежнему нелогично считает, что он изменит

своё мнение по узам с полноценными Аша'манами. Пора просто связать Посвящённых и убираться, но она мне намекнула, что собирается остаться, невзирая на мои планы. Я хочу, чтобы ты с ней побеседовала.

— Вообще-то, — не отрываясь от письма, сказала Тарна, — я ещё раз обдумала наш вчерашний разговор. Возможно, я поторопилась. Здесь ещё столько всего нужно изучить, а кроме того, есть проблема с находящимися снаружи мятежниками. Если мы уедем, они свяжут узами Аша'манов, а этого нельзя допускать.

Женщина подняла голову, и

Певара застыла. Во взгляде Тарны появилась какая-то перемена. Что-то холодное. Она всегда держалась особняком, но теперь стало хуже.

Тарна улыбнулась гримасой, выглядевшей совершенно противоестественно на её лице. Похоже на улыбку трупа. Женщина вернулась к сочинению письма.

«Здесь происходит нечто очень-очень плохое», — решила Певара:

— Что ж, может ты и права, — нашлась она. Её рот продолжал говорить, а разум лихорадочно работал. — В конце концов, эта миссия была твоей затеей. Я ещё раз всё обдумаю. Если не возражаешь.

Тарна неопределённо махнула

рукой. Певара поднялась. Многолетний опыт Айз Седай скрыл охватившее её беспокойство. Она вышла наружу и направилась вдоль незаконченной стены на восток. Да, вышки в самом деле были устроены через равные интервалы. Даже ещё утром на них не было ни души. А теперь они были заняты мужчинами, способными направлять. Даже один из них способен нанести ей смертельный удар до того, как она сумеет ответить. Она не способна видеть их плетения и из-за клятв не может ударить первой.

Певара повернулась и направилась к небольшой рощице в месте, предназначенном под будущий

сад. Она присела на пень среди деревьев, чтобы перевести дух. Этот холод, почти безжизненность, которую она заметила в глазах Тарны, до сих пор пугали её до мозга костей.

Верховная приказала ей не идти на риск и не использовать Врата до тех пор, пока ситуация не станет критической. Похоже, такой момент настал. Она обняла Источник и сплела нужное плетение.

Оно распалось в тот же миг, едва она его закончила. Переходные Врата не появились. С округлившимися глазами она попробовала снова, но результат был прежним. Она попробовала другие

плетения — они отлично работали, однако Врата каждый раз распадались.

Холодный ужас превратился в ледяной. Она оказалась заперта в ловушке.

Они все в ней оказались.

* * *

Перрин пожал руку Мэта.

— Удачи, дружище.

Мэт ухмыльнулся, потянув за широкий край своей тёмной шляпы:

— Удачи? Надеюсь, она всё и решит. Удача — моё второе имя.

Через плечо у Мэта был

перекинут набитый до отказа дорожный мешок. Такой же был у костлявого, угловатого субъекта, которого Мэт представил как Ноэла. У Тома за спиной висела арфа и точно такой же груз. Перрин так и не разобрал, что же именно они набрали с собой в дорогу. Мэт собирался пробыть в башне всего несколько дней, поэтому столько припасов ему точно было без надобности.

Небольшая группа собралась возле поляны для Перемещений, расположенной за пределами лагеря Перрина. Позади громко перекрикивались собиравшиеся в путь его подчинённые. Никто даже

не догадывался, насколько этот день важен. Морейн. Она жива. Свет, пусть это будет правдой.

— Ты убеждён, что не нужно брать в помощь больше людей? — ещё раз спросил Перрин.

Мэт кивнул.

— Прости. В таких вещах... ну, требуется предельная чёткость. В записке это сказано чёрным по белому. Пойти должны только трое, иначе — пиши пропало. Если же мы всё равно потерпим неудачу... что ж, тогда она целиком будет на её растреклятой совести, так?

Перрин нахмурился.

— Просто будь поосторожнее. Когда вернётесь, хочу ещё раз

попробовать тот табак из твоей заначки в заведении у мастера Денезеля.

— Получишь, — ответил Том, пожимая протянутую руку. Он мгновение колебался, улыбаясь с едва заметной искоркой в глазах.

— Ну, что ещё? — спросил Перрин.

Том поправил мешок на плече.

— Неужели каждый знакомый мне фермерский мальчуган превратится в дворянина до того, как всё это кончится?

— Я вовсе не дворянин, — откликнулся Мэт.

— О? А Принц Воронов? — спросил Том.

Мэт ещё глубже натянул шляпу.

— Люди могут называть меня как им угодно. Это вовсе не значит, что я стану тем, чем меня назовут.

— Вообще-то, — возразил Том, — так...

— Открывайте Врата и мы уходим, — быстро сказал Мэт. — Хватит молоть чушь.

Перрин кивнул Грейди. Воздух задрожал, возник луч света, который раскрылся в портал, в котором была видна широкая, неторопливо текущая река.

— Ближе он не может, — пояснил Перрин. — По крайней мере, по вашему описанию.

— Сойдёт, — сказал Мэт,

просовывая голову в портал. — Обратные-то Врата для нас сделаете?

— Будем открывать каждый день в полдень, — ответил Грейди, повторяя отданные ему Перрином распоряжения. — На этом самом месте. — Он улыбнулся. — Берегите ноги, когда он откроется, мастер Коутон.

— Постараюсь, — ответил Мэт. — Я к ним привязался. — Он вздохнул и прошёл сквозь Врата. Молчавший всё это время Ноэл, от которого пахло решимостью, прошёл следом. Он оказался крепче, чем можно было подумать на первый взгляд. Том кивнул Перрину, пригладил усы и последовал за ними.

Он был энергичен, хотя и прихрамывал на ногу, раненную в случившейся почти два года назад схватке с Исчезающим.

«Пусть Свет озарит вам путь», — помолился Перрин, подняв руку вслед удалявшейся к реке троице.

Мореин. Перрину следует послать Ранду восточку. Вновь появились цвета, показавшие Ранда, беседующего с группой Порубежников. Хотя... нет. Он не станет сообщать, пока не убедится, что она в самом деле жива. Иначе может получиться жестоко, и это даст Ранду повод вмешаться в затею Мэта.

Врата закрылись, и Перрин повернулся. Шагнув, он почувствовал, как легонько заныла нога в том месте, в которое попала стрела Губителя. Его Исцелили, и, насколько он мог судить, исцеление прошло успешно. От раны не осталось и следа. Но нога... такое чувство, будто нога всё равно её чувствовала. Словно воспоминание, призрачное, почти неразличимое.

Тут подошла Фэйли с удивлённым выражением на лице. С нею был Гаул. Перрин улыбнулся, заметив, как тот постоянно оглядывается на Байн и Чиад. Одна из них несла копья мужчины, другая — его лук. Надо полагать, чтобы ему

не пришлось нести их самому.

— Я всё пропустила? —
поинтересовалась Фэйли.

— Как ты и собиралась, —
ответил Перрин.

Она фыркнула.

— Мэтрим Коутон плохо на всех
влияет. Удивлена, что перед уходом
он не затащил тебя за собой в какую-
нибудь таверну.

Забавно, что тут же появились
цвета, показавшие ему только что
отправившегося Мэта, идущего вдоль
реки.

— И вовсе он не такой
плохой, — возразил Перрин. — Ну,
ты готова?

— Аравайн всё организовала, —

ответила та. — Мы будем готовы выступить через час.

Это обещание оказалось довольно точным. Уже через полчаса Перрин стоял у входа в огромные переходные Врата, открытые совместными усилиями Грейди, Неалда, Айз Седай и Эдарры. Никто не оспаривал решение Перрина. Раз Ранд собирается быть в месте, известном под названием Поле Меррилора, значит, и Перрину нужно там оказаться.

Лежавшая за переходными Вратами земля по сравнению с южным Андором была более пересечённой, деревьев росло меньше, трава по виду была скорее

как в степи, и вдалеке находились какие-то развалины. Открывшееся поле было заполнено шатрами, знамёнами и биваками. Видимо, сторонники Эгвейн уже съехались.

Грейди выглянул и тихо присвистнул:

— Сколько народища!

— Смотрите-ка, там Полумесяцы Тира, — указал Перрин на знамя впереди. — А там иллианцы, они разбили своей лагерь на противоположной стороне поля. — Над этой армией реяло зелёное знамя с девятью золотыми пчёлами.

— Здесь же большое число кайриэнских великих Домов, —

оглядываясь с места повыше, заметила Фэйли. — Не видно ни Айил... ни порубежных знамён.

— Никогда не видел столько войск в одном месте, — откликнулся Грейди.

«*Вот и случилось, — подумал Перрин с внезапно заколотившимся сердцем. — Последняя Битва настала.*»

— Думаешь, их достаточно, чтобы остановить Ранда, — спросила Фэйли, — и помочь нам не дать ему сломать печати?

— Помочь? — откликнулся Перрин.

— Ты же сказал Илэйн, что придёшь на поле Меррилора, потому

что тебя просила Эгвейн, — ответила Фэйли.

— А! Я сказал, что мне нужно быть, — уточнил Перрин, — но не говорил, что собираюсь поддержать Эгвейн. Я верю Ранду, Фэйли. Мне кажется, что сломать печати будет правильно. Это как сделать меч. Никто не станет ковать новый из обломков старого, сломанного оружия. Для этого нужно взять новую добрую сталь. Вместо того, чтобы латать ветхие печати, ему нужно сделать новые.

— Всё может быть, — сказала Фэйли, — но придётся пройти по лезвию бритвы. Здесь собралось столько армий. Если они начнут

выбирать, на чьей быть стороне — Ранда или Белой Башни...

Никто не выиграет, если они начнут междоусобицу. Что ж, Перрин должен проследить, чтобы этого не случилось.

Солдаты уже построились в шеренги, приготовившись к маршу. Перрин обратился к бойцам со словами:

— Ранд направлял нас на поиски врага! — прокричал он. — Мы вернулись, обретя союзников. Вперёд, на Последнюю Битву!

Услышать его могли только передние ряды, но они передавали его слова стоящим сзади. Конечно, Ранд или та же Илэйн произнесли бы

куда более впечатляющую речь, но Перрин — не они. Он всё делает по-своему.

— Аравайн, — позвал он пухлую амадийку. — Отправляйся в первых рядах и убедись, что, пока люди будут устраивать свои биваки, никто из них не передерётся.

— Хорошо, лорд Златоокий.

— Постарайся пока устроить нас подальше от прочих армий, — добавил Перрин, указав рукой: — Пусть Сулин с Гаулом подыщут приличное место. Да, и передайте послание для каждой из групп: стараться не общаться, и даже избегать хмурых взглядов в сторону каждой из чужих армий. Да, и не

разрешайте им ходить южнее. Мы больше не в дикой местности, и мне не нужны жалобы от местных фермеров.

— Да, милорд, — ответила она.

Он не стал спрашивать Аравайн, почему она не захотела присоединиться к одной из отправленных по домам групп беженцев и вернуться в Амадицию. Может быть, это из-за Шончан. Она определённо была знатного рода, но почти ничего не рассказывала о своём прошлом. Перрин был рад, что она оказалась под рукой. В качестве его управляющего она была необходимым связующим звеном между Перрином и основными

группами, входящими в его армию.

Волчья Гвардия выстроилась в первых рядах, поэтому ей и пришлось возглавить проходящие сквозь переходные Врата войска. Огромная колонна пришла в движение. Перрин направился вдоль строя, попутно отдавая распоряжения, в основном напоминая, что он не желает неприятностей с местными жителями и другими армиями. Дойдя до ожидавших своей очереди Белоплащников, он задержался. Берелейн вновь решила ехать с Галадом, и они, позабыв обо всём, заговорились друг с другом. Свет! Последние несколько дней женщина

проводит рядом с Галадом едва ли не каждую минуту.

Перрин не хотел объединять Белоплащников и майенцев, но они, так или иначе, всё равно оказались вместе. Начавшие движение Белоплащники Галада ехали колонной по четыре человека, сверкая солнечными вспышками на белоснежных табардах. Перрину пока никак не удавалось избавиться от нехорошего чувства в животе, весьма похожего на панику, от одного только их вида, но что удивительно, после суда с их стороны проблем почти не возникало.

Крылатая Гвардия Майена ехала с противоположной стороны.

Галленне расположился сбоку от Берелейн. Копья бойцов были задраны вверх, с наконечников свисали флажки. Нагрудники и шлемы солдат были до блеска надраены — прямо как на парад. А может, так и есть. Если им предстоит Последняя Битва, то лучше вступить в неё в начищенном нагруднике и с высоко поднятым копьём.

Перрин продолжил обход. Следующей в колонне оказалась армия Аллиандре. Тяжёлая кавалерия с Аргандой во главе выстроилась плотными порядками по восемь человек в ряд. Завидев Перрина, он выкрикнул команды, и изогнувшаяся змеей колонна солдат дружно

повернулась и отсалютовала.

Перрин ответил тем же. Он интересовался этим у Аллиандре, и та подсказала, что нужно делать. Сейчас, сидя в дамском седле, она находилась подле Арганды. На ней было обтягивающее бордовое платье с золотой отделкой, довольно непрактичное для путешествий, но им не придётся долго находиться в седле. Три сотни шагов, и разом будут пройдены сотни лиг.

Увидев его ответный салют солдатам, лицо Аллиандре просияло. Она, как и многие другие в лагере, обрадовалась, что он наконец-то согласился со своей ролью предводителя их союза. Раньше,

возможно, они чувствовали, насколько ему противна мысль о руководстве. Как они могут это чувствовать, не обладая способностью различать эмоции по запаху?

— Лорд Перрин, — обратилась к нему подъехавшая Аллиандре. Она поклонилась сидя верхом в некоем подобии реверанса. — Разве вы не едете как все?

— Мне нравится ходить пешком, — ответил Перрин.

— Когда командующий едет верхом, это добавляет ему авторитета.

— Аллиандре, я согласился возглавить эту кучу народа, —

пробурчал Перрин, — но сделаю это по-своему. Это значит, что я хожу пешком, когда сам захочу. — Всё равно весь путь через путевые Врата займёт пару футов, а для этого достаточно и двух ног.

— Разумеется, милорд.

— Раз с этим мы разобрались, я хочу, чтобы ты отправила несколько людей назад в Джеханнах. Пусть посмотрят, не смогут ли они набрать ещё рекрутов, и заберут всю городскую стражу, какую только возможно. Ведите их сюда. Нам понадобятся все, кого можно собрать, и я хочу обучить их, насколько это возможно, до того, как бросать в бой.

— Отлично, милорд.

— Я уже послал в Майен, — пояснил Перрин, — а Тэм подчищает всё, что можно, в Двуречье. — Свет! Как же не хотелось их втягивать — вот бы оставить их пожить в покое на их фермах, пока буря бушует где-то в стороне. Но они встали на путь, ведущий к концу. Он это чувствовал. Стоит проиграть этот бой, и утратишь всё на свете. Весь мир в целом. Сам Узор. Учитывая это, он выставит в поле всех до последнего — и едва способного держать меч юнца, и едва ковыляющих стариков. От признания данного факта сводило живот, но это было правдой.

Он продолжил обход строя, попутно отдавая приказы тому или

иному отряду. Когда он дошёл до конца, то заметил идущую в конце группу двуреченцев. Один из них, Ази, нёс волчье знамя. Джори Конгар, завидев Перрина, замешкался. Он остановился, махнул троим товарищам идти дальше и подошёл к Перрину. Что ещё у них стряслось?

— Лорд Перрин, — вытянулся Джори, став похожим на длинную, худую птицу, стоящую на одной ноге. — Я...

— Да? Давай, выкладывай! — сказал Перрин.

— Я хотел извиниться, — выпалил Джори.

— За что же?

— За то, что кое-что сказал, — пояснил Джори, отводя глаза в сторону. — Точнее, за то, что сказал глупость. Это случилось после того, как вы заболели, вас забрали в шатёр Первенствующей и... ну, и я...

— Всё в порядке, Джори, — ответил Перрин. — Я всё понимаю.

Джори поднял голову и улыбнулся.

— Я рад, что нахожусь рядом с вами, лорд Перрин. Действительно рад. Мы, я и все остальные, пойдём за вами куда угодно.

Сказав это, Джори отсалютовал и умчался прочь. Глядя вслед, Перрин поскрёб бороду. Джори был одним из доброй дюжины

двурученцев, которые за последние несколько дней являлись к нему со своими извинениями. Похоже, все они чувствовали вину за то, что сплетничали про них с Берелейн, хотя прямо об этом никто не сказал.

Какая же Фэйли молодец, что справилась с этой проблемой.

Проверив всех до последнего, Перрин облегчённо вздохнул, вернулся к началу колонны и шагнул сквозь переходные Врата.

«Побыстрее появляйся, Ранд, — подумал он при этом, и перед глазами снова закружились цвета. — Я чувствую, начинается».

Мэт стоял между Томом и Ноэлом, находившимся справа, глядя на торчащий посреди леса шпиль башни. За спиной мелодично резвился тонкий, журчащий ручеёк — приток находившейся неподалеку Аринелле. Позади расстилалась обширная, покрытая травой равнина, по которой протекала великая река.

Бывал ли он здесь раньше? О том времени сохранились по большей части обрывочные воспоминания. И в то же время, он чётко сохранил в своей памяти образ стоящей в отдалении башни. Даже тьме Шадар Логота не удалось полностью его стереть.

Башня казалась отлитой из

чистого металла, сверкая в дневном свете цельной стальной оболочкой. Мэт почувствовал холод между лопаток. Многие путешественники по реке считали это сооружение наследием Эпохи Легенд. А чем ещё может оказаться торчащая из леса металлическая, кажущаяся необитаемой, колонна? Она, как и скособоченные дверные рамы, казалась столь же не от мира сего и неестественной. При одном только взгляде на них можно было заработать себе косоглазие.

Здесь лес, за исключением звука их шагов, казался чересчур тихим и безжизненным. Ноэл прихватил с собой посох, который

был выше его ростом. Где он его раздобыл? Посох был гладкий, словно умащённый маслом, что бывает только, когда им пользуются столь долгие годы, что он дольше был посохом, чем деревом. Кроме того, Ноэл надел тёмно-синие, почти чёрные штаны и странную, незнакомого фасона рубаху. Плечи, непривычно для Мэта, были сделаны жёстче, а полы доходили почти до колен Ноэла. На груди находились застёжки, но от пояса к ногам одежда расходилась свободно. Странно. Но старик никогда не отвечал на расспросы о своём прошлом.

Том не стал изменять своему

образу менестреля. Было приятно видеть его прежним, а не расфуфыренным придворным бардом. Плащ в заплатках, простая рубашка с завязками на груди, узкие штаны, заправленные в сапоги. Когда Мэт спросил о его выборе, Том просто пожал плечами и ответил:

— Мне кажется, что так будет правильно одеться на наше с ней свидание.

«С ней» — это с Морейн. Но всё же, что с нею сделали змеи и лисички? Прошло столько времени, но, чтоб ему сгореть, он больше ни на час не задержится. Сам он выбрал одежду зелёного, лесного и землистого оттенков, и тёмно-

коричневый плащ. Через плечо был перекинут вещевой мешок, в другой руке зажат *ашандарей*. Он успел поупражняться с новым железным противовесом, приделанным к пятке копья, и остался доволен.

Илфин сами дали ему оружие. Что ж, если они посмеют встать между ним и Морейн, они увидят, как он управляется с их подарочком. Чтоб ему сгореть, пусть только попробуют.

Троица подошла к башне. По всей длине в две сотни футов в ней не было ни единого отверстия — ни окон, ни швов, ни даже царапин. Мэт поднял голову и почувствовал лёгкое головокружение, разглядывая

уткнувшееся в высокое небо сверкающее сооружение. Не слишком ли ярко она блестит?

Он пожал плечами, обернулся к Тому и кивнул.

Чутьочку помедлив, Том вытащил из ножен на поясе бронзовый нож и шагнул вперёд, коснувшись кончиком стены башни. Он угрюмо начертил ножом перевёрнутый вершиной вниз треугольник размером с ладонь. Несмотря на то, что был слышен скрежет металла о металл, на поверхности башни не осталось ни следа. Том закончил рисунок, проведя по центру извилистую линию, словно начиная партию игры в Змей и Лисичек.

Все молча замерли. Мэт переглянулся с Томом.

— Ты всё сделал верно?

— Думаю, да, — ответил Том. — Вот только, откуда нам знать, что значит «верно»? Игра насчитывает много...

Он замолчал на полуслове, когда на стене Башни засияла полоска света. Мэт от неожиданности отпрыгнул, выставив вперёд копьё. Полоса света превратилась в треугольник на месте того, что начертил Том, и вдруг — в единый миг, быстрее взмаха крыльев бабочки — металл внутри треугольника пропал.

Ноэл взглянул на получившуюся

дыру размером с ладонь.

— Мда, слишком узкая, чтобы пролезть внутрь, — он подошёл ближе и заглянул внутрь. — На той стороне ничего не видно, одна темнота.

Том посмотрел на нож.

— Думаю, этот треугольник и есть проход. Именно его чертят, когда начинается игра. Может, начертить его побольше?

— Может быть, — ответил Мэт. — Если только ты не научился у голама пробираться в дырку размером с кулак.

— Не будь грубияном, — сказал Том, обводя ножом вокруг маленького треугольник побольше —

чтобы сквозь него можно было пройти. Его он так же закончил, проведя волнистую линию.

Мэт стал считать. Он насчитал семь ударов сердца, когда, наконец, появились полосы света. Металл между ними исчез, и перед друзьями открылся треугольный проход в коридор Башни. Внутри он так же казался отлитым из единого куска стали.

— Испепели меня Свет, — прошептал Ноэл. Дальний конец коридора терялся в темноте, словно солнечный свет опасался проникать внутрь помещения, хотя, возможно, это были всего лишь причуды освещения.

— Итак, начинается игра, в которой невозможно выиграть, — произнёс Том, убирая нож обратно в ножны.

— Храбрый — осилит, — прошептал Ноэл, делая шаг вперёд и поднимая вверх фонарь с дрожащим внутри огоньком. — Огонь — ослепит. Мотив — очарует. Железо — скрепит.

— А Мэтрим Коутон сравнивает шансы, — вставил Мэт. И шагнул внутрь прохода.

Мигнул ослепительно белый свет. Мэт выругался, зажмурившись, и опустил ашандарей, принимая, как он надеялся, угрожающую позу. Он моргнул, и белый свет пропал. Он

оказался в середине широкой комнаты с треугольным проходом за спиной. Висящим прямо в воздухе. Треугольник был нацелен в пол, который оказался абсолютно чёрным, сделанным из переплетённых шнуров, которые кое-где казались металлическими, а кое-где деревянными.

Комната также была чёрной, неправильной формы. По всем четырём углам из дыр бил пар. Получившийся туман изнутри светился белым. Прочь из комнаты в каждом из направлений вели четыре коридора.

Комната не была квадратной. Каждая из сторон отличалась по

размеру от другой, встречаясь под совершенно разными углами. И этот пар! От него воняло серой, отчего хотелось дышать ртом. Стены цвета оникса были не каменными, а из какого-то отражающего материала, словно чешуя огромной рыбы. Поднимавшийся пар собирался под потолком и слегка светился мягким светом.

Чтоб ему сгореть! Это не похоже на то место, в котором он оказался в своё первое посещение, с витыми спиралями и круглыми дверными проёмами. Не было оно похоже и на второе им виденное — угловатое в виде звезды, с линиями жёлтого света. Так, где же он оказался? Куда

он позволил себя втянуть? Он нервно оглянулся.

Из портала, моргая и пошатываясь, вышел Том. Мэт бросил свой мешок на пол и подхватил менестреля под локоть. Следующим появился Ноэл. Костлявый старик удержался на ногах, но совершенно ослеп. Для защиты он перед собой держал фонарь.

Оба человека яростно моргали. Из глаз Ноэла текли слёзы, но оба в конце концов пришли в себя и теперь оживлённо оглядывались по сторонам. Комната, как и ведущие в разные стороны коридоры, была пуста.

— Как-то не похоже на то, что ты рассказывал, Мэт, — заметил Том. В ответ раздалось тихое эхо, но звуки оказались резко искажены, будто кто-то зашептал в ответ. От подобного эффекта у Мэта на голове волосы встали дыбом.

— Да знаю я, — ответил Мэт, вытаскивая из мешка факел. — Это место вообще полная нелепица. По крайней мере, на этот счёт сказки не врут. На-ка, зажги это, Ноэл.

Том тоже достал себе факел, и оба зажгли их от фонаря Ноэла. Они захватили с собой чиркалки Алудры, но Мэт хотел их поберечь. Он слегка перепугался, что пламя в башне будет угасать, едва загоревшись, но всё

обошлось — огонь загорался отлично и горел как надо. Это в некоторой мере воодушевляло.

— Ну и где же они? — спросил Том, обходя чёрную комнату по периметру.

— Их никогда не бывает, когда проходишь через портал, — объяснил Мэт, подняв повыше факел и разглядывая стену. Что это — буквы, вырезанные в стене, которая не являлась камнем? Некий незнакомый шрифт был столь ажурным и тонким, что его едва можно было различить. — Но будь начеку. Они в любой момент могут очутиться за спиной, даже побыстрее трактирщика, слышавшего звон

денег в кошельке.

Ноэл оглядел треугольный портал, сквозь который они сюда попали.

— Как думаешь, мы сможем воспользоваться им, чтобы выбраться обратно? — Он чем-то напоминал каменный *тер'ангриал*, через который проходил Мэт, только другой формы.

— Надеюсь, что да, — ответил Мэт.

— Может, стоит попробовать, — предположил Ноэл.

Мэт кивнул. Ему не нравилось разделяться, но требовалось проверить, можно через отверстие выбраться или нет. Ноэл уверенно

шагнул в портал и тут же исчез.

Мэт затаил дыхание на довольно длительное время, но старик обратно не появился. В чём подвох? Может, этот портал здесь помещён специально, чтобы...

Из проёма в комнате появился Ноэл. Том пристроил свой факел на полу и бросился на помощь. На этот раз Ноэл оправился гораздо быстрее, отмаргиваясь от наступившей слепоты.

— Меня заперли снаружи, — пояснил он. — Чтобы попасть внутрь, мне пришлось снова начертить треугольник.

— Что ж, по крайней мере, мы знаем, что у нас есть выход

обратно, — объявил Том.

«Если только эти треклятые Элфины с Илфинами не переместят его куда-нибудь в другое место», — подумал Мэт, вспоминая свой предыдущий визит, который для него кончился повешением. В тот раз комнаты с коридорами перемещались таинственным образом, совершенно игнорируя здравый смысл.

— Вы только посмотрите, — произнёс Том.

Мэт опустил копье, а в руке Ноэла в мгновение ока появился железный меч. Том указывал на свой факел, который неровно горел рядом с отверстием, из которого шёл светящийся пар.

Белый пар огибал пламя, словно сдуваемый ветром. Вот только никакой на свете ветер не сможет заставить двигаться пар настолько неестественно — он буквально петлёй огибал горящее пламя. Том обошёл вокруг и поднял факел, затем он поднёс его ближе к столбу пара, и тот, избегая огня, тут же изогнулся. Том ткнул прямо в центр дыры, и поток пара расщепился, огибая факел вокруг, и вновь соединяясь сверху.

Том оглянулся на остальных.

— Меня можешь не спрашивать, — скривился Мэт. — Я предупреждал — это местечко полная нелепица. Если это самое странное из того, что придётся

увидеть, то я — мурандийская борода. Ну, двинули.

Мэт выбрал один из коридоров и вошёл в него. Двое приятелей поспешили за ним. Под потолком светился пар, окутывая чёрный тоннель мягким молочным свечением. Пол был выложен из сцеплённых между собой треугольных плит, что, в который уже раз, показалось очень неприятной с виду чешуёй. Коридор оказался широким и длинным, его далёкий конец терялся в темноте.

— Подумать только, — произнёс Ноэл, поднимая фонарь повыше, — и всё это скрыто в одной единственной башне.

— Сомневаюсь, что мы по-прежнему в ней, — заметил Мэт. Впереди он заметил вырез в стене, видимо там что-то вроде окна. Но оно оказалось расположено несколько высоковато для нормального.

— Тогда где же... — Ноэл умолк на полуслове, потому что они оказались возле окна, которое оказалось криво прорезанным прямоугольником. За окном был виден фантастический пейзаж. Они оказались на одном из ярусов своеобразного шпиля, но находящегося абсолютно точно не в Андоре.

Окно выходило на занавес

густой растительности, которая оказалась слишком жёлтой. Мэт узнал колючие деревья с висячими зонтиками ветвей на верхушках, хотя раньше ему приходилось их видеть только снизу. Похожие на папоротник деревья с растопыренными, словно веера, листьями тоже показались знакомыми, только сейчас с них свисали крупные, иссиня-чёрные фрукты. Листья под их весом тяжело поникли.

— Во имя милости Жнеца! — прошептал Ноэл. Это выражение Мэту ни разу не доводилось слышать раньше.

У Ноэла были все причины для

потрясения. Мэт помнил, какое впечатление на него произвёл этот лес в первый раз, и осознание того, что изогнутый портал ведёт не просто в другое место, а в иной мир.

Мэт оглядел окрестности. Нельзя ли увидеть те три шпиля, что он видел раньше, в своё первое посещение? Их не оказалось поблизости, хотя в этом месте даже в соседнее окно можно увидеть совсем другое место. Они вообще могут...

Он замер и пригляделся повнимательнее. Юноша разглядел шпиль слева, и наконец догадался. Они оказались в одном из тех шпилей, что он приметил вдалеке, будучи здесь впервые.

Мэт подавил дрожь и отвернулся. По крайней мере, теперь он точно знал, что оказался где нужно. Значит, миры Элфин и Илфин на самом деле одно и то же место? Он надеялся, что это так. Морейн провалилась во второй по счёту искривлённый красный портал, что подразумевало, что она, скорее всего, оказалась в плену у Илфин, у лисичек.

Именно они в прошлый раз повесили Мэта. Змеи, по крайней мере, всего лишь выпихнули его прочь без единого полезного ответа. Он стерпел их грубость, а вот лисицы... те просто отказались отвечать на вопросы, а вместо этого

напичкали его треклятыми воспоминаниями!

Под разносящееся по полу эхо шагов Мэт со спутниками продолжил свой путь по коридору. Вскоре у него возникло ощущение, что за ним следят. Такое с ним было и раньше, во время первых двух посещений. Он повернулся в сторону и краем глаза уловил вдали какое-то движение.

Он обернулся, приготовившись отбросить факел, чтобы сражаться ашандареем, но не увидел ровным счётом ничего. Остальные двое спутников замерли на месте и стали тревожно оглядываться. Мэт смущённо побрёл дальше, почувствовав себя, однако, лучше,

когда спустя какое-то время точно так же дёрнулся Том. Правда, тот пошёл ещё дальше и метнул нож в тень у стены.

Железо звякнуло по поверхности, гулкий звон разнёсся эхом далеко по коридору.

— Прошу прощения, — сказал Том.

— Всё нормально, — ответил Мэт.

— Они за нами следят, ведь так? — спросил Ноэл тихим, слегка нервным голосом. Свет! Мэт сам чувствовал, что готов выпрыгнуть из собственной шкуры, всё бросить и умчаться прочь. По сравнению с ним Ноэл выглядел куда мужественнее.

— Подозреваю, так и есть, — ответил Мэт.

Через пару мгновений они выбрались из бесконечного коридора, и оказались в комнате, неотличимой от первой — разве что портала по центру не было. Из неё точно так же в разные стороны расходились четыре коридора, и конец каждого из них терялся в темноте.

На этот раз под скребущими спины невидимыми взглядами они выбрали другое направление, запомнив, куда они свернули. По мере того, как друзья приближались к концу коридора и входу в новое помещение, они ускорили шаг. Комната оказалась в точности такой

же, как предыдущая.

— В подобном месте легко потеряться, — отметил Ноэл. Он открыл свой мешок и достал из него лист бумаги и карандаш. На бумаге он отметил три точки и соединил их линиями, обозначающими пройденные коридоры и комнаты. — В таком деле важно иметь добрую карту — она залог жизни и смерти, уж можете мне поверить.

Мэт обернулся, взглядываясь в туннель, откуда они пришли. Какая-то частица его желала продолжать идти, не оборачиваясь, но ему требовалось узнать.

— Пойдём, — сказал он, отправляясь обратно.

Том с Ноэлом переглянулись, но вновь поспешили присоединиться. У них ушло добрых полчаса на то, чтобы добраться до первой комнаты, в которой должен был находиться портал. Но она была пустой, лишь из углов поднимались столбы пара. Как и в двух соседних.

— Невозможно! — заявил Ноэл. — Мы вернулись в точности по нашим следам! Выход точно должен быть тут.

В отдалении Мэт услышал тонкий и едва уловимый смех. Угрожающий, шипящий. Злобный смех.

Мэта мороз продрал по коже.

— Том, — произнёс он, — а ты

когда-нибудь слышал историю о Бергитте Серебряный Лук и её путешествии в Башню Генджей?

— Бергитте? — переспросил Том, отрываясь от совместного с Ноэлом изучения пола. Видимо они решили, что портал каким-то образом был втянут внутрь него и скрыт под потайным люком. — Нет, сказать по правде, не слышал.

— А что-нибудь про женщину, которая два месяца скиталась по лабиринту в каком-нибудь замке?

— Два месяца? — удивился Том. — Такого, нет. Зато есть сказка про Илмиару и Глаза-в-Тени. Она провела сто дней, блуждая по лабиринту в поисках знаменитого

целебного источника Зунда, чтобы спасти жизнь своему любимому.

Похоже, в точку. История сохранилась в памяти, но изменилась в подробностях, как и многие ей подобные.

— Но она же выбралась, не так ли?

— Нет. В конце она умерла всего в двух шагах от фонтана, отделённая от него стеной. Она слышала его журчание, и это был последний звук, услышанный ею перед смертью от жажды. — Он неуютно огляделся, словно не был уверен, что это было подходящее место для подобного рассказа.

Мэт встревожено покачал

головой. Чтоб ему сгореть, но он начинал ненавидеть этих лисичек. Но должен же быть выход...

— Вы нарушили договор, — раздался тихий голос.

Мэт развернулся, а двое друзей, вскакивая и хватаясь за оружие, разразились проклятьями. В проёме коридора, находившегося за их спиной, стояла фигура. Это оказалась одна из тех тварей, что запомнились Мэту, а может быть даже та, что он встретил в прошлый раз. Короткие светло-красные волосы топорщились на бледной коже головы создания. К голове прижимались слегка заострённые на кончиках уши. Фигура создания была

гибкой и высокой, с непропорционально широкими плечами в сравнении с узкой талией. Грудь перекрещивали ремни из светлой кожи. Мэт до сих пор отгонял от себя мысли о том, из чьей именно кожи они могли быть изготовлены. Всё это дополнялось длинной чёрной юбкой снизу.

Но самым примечательным было лицо создания: огромные, неестественные глаза, очень светлые с тёмной радужкой по центру. Узкие челюсти и угловатые скулы. Очень похоже на лису. Это был один из Илфинов, повелителей этого мира.

Создание явилось поиграть с мышкой.

— А тут никакой договор не действует, — ответил Мэт, пытаясь унять нервную дрожь в голосе. — Мы можем приносить с собой любые треклятые штуки на наш вкус.

— Не иметь договора опасно, — тихим голосом произнёс илфин. — Для вас же. К счастью, я могу отвести вас, куда пожелаете.

— Что ж, тогда — веди, — ответил Мэт.

— Оставьте железо, — предложил илфин. — Ваши музыкальные инструменты. И ваш огонь.

— Ни за что, — ответил Мэт.

Илфин мигнул огромными глазами. Преднамеренно медленно.

Создание легко шагнуло вперёд. Мэт поднял ашандарей, но илфин не делал никаких угрожающих движений. Тихо заговорив, он, скользящими движениями, обошёл трёх товарищей по кругу:

— Давайте же, — говорил илфин. — Разве мы не можем поговорить цивилизованно? Вы явились в наш мир со своей нуждой. У нас есть власть дать вам то, что вы желаете. Почему бы не оказать друг другу доверие? Оставьте ваши принадлежности для огня. Только их, и я обещаю вас сопровождать какое-то время.

Голос твари был гипнотизирующим, усыпляющим. В

её словах был резон. Действительно, зачем им огонь? Вокруг и так достаточно света от тумана. Это...

— Том, — произнёс Мэт. — Музыка.

— Что? — встрепенувшись, переспросил Том.

— Сыграй что-нибудь. Не важно, что.

Том вытащил свою флейту, и глаза существа сузились. Том начал наигрывать мелодию. Это была знакомая песня «Ветер, который качает иву». Мэт намеревался немного унять илфина, возможно, усыпить его бдительность, однако знакомый напев, похоже, помог сбросить опутывавшие разум Мэта

чары.

— В этом нет необходимости, — заявил илфин, посмотрев на Тома.

— Нет, есть, — не согласился Мэт. — И мы не оставим наш треклятый огонь. По крайней мере, до тех пор, пока ты не пообещаешь отвести нас прямо в центральный зал и вернуть Морейн.

— Я не могу заключить подобную сделку, — ответило создание, продолжая двигаться кругами. Мэт поворачивался, следя за его движениями, не позволяя ему зайти себе за спину. — У меня нет на это власти.

— Так приведи кого-нибудь, у кого она есть.

— Это невозможно, — ответил илфин. — Послушайте. Огонь не нужен. Я проведу вас до половины пути к центральному залу, Залу Клятв, если вы оставите ужасный огонь. Он нас оскорбляет. Мы всего лишь хотим исполнить ваши желания.

Очевидно, что тварь снова пыталась их одурманить, но, благодаря игре Тома, её магическая пляска больше не действовала. Мэт это отчётливо видел, и стал подпевать флейте. У него был не лучший голос среди его знакомых, но и не самый худший. Илфин зевнул, пристроился возле стены и закрыл глаза. Спустя какое-то мгновение

создание уже спало.

Поражѣнный Том отнял флейту от губ.

— Прекрасно вышло, — прошептал Ноэл. — А я и не догадывался, что ты так хорошо говоришь на Древнем Наречии.

Мэт опешил. Он и не понял, что они на нём говорили.

— Мой язык слегка подзаржавел, — продолжил Ноэл, потирая подбородок, — но я многое сумел уловить. Основная проблема в том, что мы до сих пор не знаем, куда идти. Как же мы доберѣмся куда хотим, если нас не будет вести кто-то из них?

Он был прав. Бергитте блуждала

месяцами, даже не зная, что находится всего в двух шагах от цели. Зал, в котором Мэт повстречал предводителей Илфин... она упоминала, что в нём они обязаны заключить сделку. Видимо это и есть Зал Клятв, упомянутый илфином.

Бедная Морейн. Ей пришлось пройти сквозь один из красных порталов, и она должна была оказаться под защитой договора между Илфинами и древними Айз Седай, но портал был уничтожен, и дороги обратно не оказалось.

Когда Мэт был здесь впервые, они посмеялись над его сообразительностью, что он только и попросил, что его выпустить. И хотя

он до сих пор возмущался, что Илфины не ответили на его вопросы, Мэт понимал, что от них этого и не требовалось. На вопросы отвечали Элфины, а Илфины же исполняли желания. Однако они умудрялись их всячески исказить и взять за них цену, какую им только вздумается. Мэт бездумно попросил заполнить провалы в своих воспоминаниях, способ избавиться от Айз Седай и выйти из Башни Генджей.

Знала ли Морейн об этом, и просила ли выпустить её обратно, как сделал он... или она попросила проводить её до выхода, не зная, что портал оказался уничтожен...

Мэт же об этом попросил. И им

пришлось его выпустить, но он не мог припомнить, как это произошло. Всё погрузилось во мрак, и он очнулся уже будучи повешенным на ашандарее.

Мэт кое-что вытащил из кармана и крепко сжал в кулаке.

— Элфин и Илфин как-то здесь передвигаются, — прошептал он. — Должен существовать правильный путь.

— Одна дорога, — произнес Ноэл, — четыре варианта, за которыми будут снова четыре варианта, и ещё четыре... Шансы против нас буквально несоизмеримы!

— Шансы, говоришь, —

произнёс Мэт, вытягивая руку. Он раскрыл ладонь, показывая прятавшуюся в ней пару игральные костей. — Какое мне дело до каких-то там шансов?

Оба спутника уставились сперва на резные кости, потом на него. Мэт чувствовал вдохновенный прилив удачи.

— Двенадцать очков, по три на каждую сторону. Если выпадет один, два или три, мы пойдём прямо. Четыре, пять или шесть направо и так далее.

— Постой, Мэт, — прошептал Ноэл, покосившись на дремлющего илфина. — Такие броски не могут быть равнозначны. К примеру, ты не

можешь выбросить единицу, а семь куда вероятнее, чем...

— Ты не понимаешь, Ноэл, — перебил его Мэт, бросив игральные кости на пол. Они прокатились по треугольным плитам, клацая, словно челюсти зубами. — Не важно, что именно кажется вероятнее, когда я рядом.

Кости остановились. Одна из них попала в паз между двумя плитками и безнадёжно застыла углом вверх. Вторая остановилась, показав единственную точку.

— Ну, что, Ноэл? Как тебе такая демонстрация? — спросил Том. — Похоже, что он всё-таки может выбросить единицу.

— Тогда сойдёт, — потирая подбородок, согласился Ноэл.

Мэт взял ашандарей, подхватил кости с пола и уверенно направился вперёд. Остальные направились следом, оставив илфина тихо спать.

На следующем перекрёстке Мэт снова бросил кости, и выпало девять.

— Неужели идти обратно, откуда мы только что пришли? — нахмурившись, спросил Том. — Какого...

— Именно так мы и поступим, — ответил Мэт, разворачиваясь и направляясь в обратную сторону. Спавший в комнате илфин пропал.

— Они могли его найти и

разбудить, — заметил Ноэл.

— Или это может быть совсем другая комната, — ответил Мэт, вновь бросая игральные кости. И снова девять. Он стоял лицом по ходу движения, а девять означало возвращение. — У Илфин и Элфин есть правила, — пояснил Мэт, оборачиваясь и бросаясь бегом по коридору, приятели бросились следом. — И у этого места они тоже имеются.

— В правилах должен быть смысл, Мэт, — возразил Ноэл.

— Они должны быть последовательны, — ответил Мэт, — но им не обязательно следовать именно нашей логике. С какой стати?

Для него это имело смысл. Какое-то время они бежали — этот коридор оказался длиннее прочих. Он уже запыхался, когда они наконец добрались до следующей комнаты. Он вновь бросил кости, но уже знал, что увидит. Девять. Снова обратно в первую комнату.

— Послушай, это какой-то вздор! — вмешался Ноэл, когда они повернулись и побежали обратно. — Так мы никуда не попадём!

Мэт не ответил, продолжая бежать. Вскоре они добрались до первой комнаты.

— Мэт, — умоляющим тоном, обратился к нему Ноэл, — можем мы, по крайней мере...

Он умолк на полуслове. Они влетели в первую комнату, вот только это была вовсе не она. Здесь пол был белый, и помещение было огромным. Из пола вырастали чёрные колонны, которые терялись в вышине под невидимым потолком.

Из наполненного светящимся паром коридора, из которого они появились, выползал туман и уходил отвесно вверх, словно ниспадающий в неверном направлении водопад. Хотя на вид и пол и колонны выглядели стеклянными, Мэт знал, что материал на ощупь пористый и больше похож на камень. Зал освещался серией светящихся жёлтых линий, которые взбегали вверх по

каждой из колонн по вырезанным в
стеклянно-каменным стенкам пазам.

Том похлопал его по плечу.

— Ну, парень, это было полное
безумие, но сработало. Не понятно,
правда, как.

— Именно такого результата
тебе и следовало от меня ожидать, —
ответил Мэт, поправляя шляпу. —
Кстати, насчёт этого зала, я тут бывал
раньше. Мы на верном пути. Если
Морейн жива, то она где-то здесь.

Глава 54

СВЕТ МИРА

Том поднял факел, разглядывая огромные колонны со звёздчатым профилем, покрытые светящимися жёлтыми линиями. От них всё помещение освещалось тусклым светом, и лицо Тома выглядело болезненно-желчным.

Мэт прекрасно помнил, как воняет это место, этот застарелый, затхлый запах. Поскольку теперь он был учёный и знал, что искать, юноше удалось уловить кое-что ещё. Muskusный запах логова — берлоги хищника.

Из зала вело пять выходов, каждый был расположен между лучей звезды, в форме которой был выстроено помещение. Он помнил, как прошёл сквозь один из них, но разве в тот раз выход не был единственным?

— Интересно, какой высоты эти колонны? — поинтересовался Том, задрав голову и подняв факел повыше.

Мэт крепче сжал ашандарей в потных ладонях. Они набрели на логово лисиц. Он потерял медальон. Илфин не использовали на нём раньше Силу, но они в ней хорошо разбирались, ведь так? Огир, разумеется, сами направлять не

могут. Возможно, это также относится и к Илфин.

На краю зала зашелестело. Зашевелились и задвигались тени. Там, в темноте, находились Илфин.

— Том, — обратился Мэт, — нам придётся что-нибудь сыграть.

Том взгляделся в темноту. Он не стал возражать, просто поднял флейту и начал наигрывать. Мелодия, разлившаяся по огромному помещению, звучала очень сиротливо.

— Мэт, — сказал Ноэл, присевший рядом с серединой зала, — взгляни-ка сюда.

— Да, я знаю, — не глядя, ответил Мэт. — Похоже на стекло, но

на ощупь словно камень.

— Да, нет же! — ответил Ноэл. — Тут что-то есть.

Мэт склонился над Ноэлом. К ним, не переставая играть, присоединился Том. Старик освещал своим фонарём расплавленный кусок какого-то материала, размером примерно с небольшой сундук. Пятно было чёрным, но гораздо темнее зеркально-чёрного материала, из которого был изготовлен пол и колонны помещения.

— Как думаешь, что это? — спросил Ноэл. — Может, какой-нибудь люк?

— Нет, — ответил Мэт. — Точно нет.

Оба приятеля посмотрели на него.

— Это всё, что осталось от портала, — почувствовав внезапную слабость, пояснил Мэт. — От красной каменной рамы. Когда я входил сюда раньше, она находилась как раз по центру зала, похожего на этот самый. На той стороне она расплавилась...

— И здесь тоже, — сказал Ноэл.

Все трое посмотрели на её остатки. Мелодия, которую наигрывал Том, стала заунывнее.

— Ладно, — произнёс Мэт. — Мы с самого начала знали, что этим способом наружу мы не попадём. Придётся договариваться, чтобы нас

выпустили. — И на этот треклятый раз убедиться, что его не повесят.

— Бросок костей сможет нам помочь? — спросил Ноэл, выпрямляясь.

Мэт нашарил игральные кости в кармане.

— Не вижу, что может помешать, — но он не стал их вытаскивать. Мэт огляделся, изучая дальние закоулки помещения. Музыка, похоже, успокоила часть теней, но другие по-прежнему двигались. Атмосфера незримо накалялась.

— Мэт? — спросил Том.

— Вы знали, что я вернусь, — громко произнёс Мэт. От его голоса

не было эха. Свет! *Насколько* же велика эта штука? — Вы знали, что мне не удастся отвертеться, и я вернусь как миленький в ваш треклятый мир, так? Вы знали, что всё равно меня получите.

Том нерешительно опустил флейту.

— Ну, покажитесь! — продолжил Мэт. — Я слышу, как вы копошитесь, слышу ваше дыхание.

— Мэт, — сказал Том, кладя руку ему на плечо. — Они не могли знать, что ты вернёшься. Даже Морейн не знала наверняка, согласишься ли ты.

Мэт уставился в темноту.

— Скажи, Том, ты когда-нибудь

видел, как хозяин ведёт скотину на убой?

Менестрель помедлил, но кивнул.

— Так вот, у каждого свои способы, — продолжил Мэт, — но скотина, видишь ли, она точно знает, что что-то не так. Она чувствует кровь, начинает беспокоиться и не желает идти на бойню. Знаешь, как с этим справляются?

— Разве сейчас подходящее время об этом разговаривать, Мэт?

— А справиться просто, — продолжил Мэт. — Проводишь её несколько раз через бойню, когда там чисто и запах не столь силён. Понимаешь, ты позволяешь ей

проходить туда и обратно свободно, и она думает, что там безопасно. — Он повернулся к Тому. — Они знали, что я вернусь. Знали, что я выживу после повешения. Им *много* известно, Том. Чтоб мне сгореть, но это так.

— Мы обязательно выберемся, Мэт, — пообещал Том. — Мы сумеем. Морейн это видела.

Мэт уверенно кивнул:

— Треклятски верно, выберемся. Они играют с нами, Том. А из игры я обычно выхожу победителем. — Он выудил из кармана горсть игральные кости. — *«Точнее, выигрываю большинство ставок».*

За спиной внезапно раздался чей-то шёпот:

— Здравствуй, сын битв.

Мэт с проклятьями резко обернулся, оглядывая зал.

— Там, — указал своим посохом Ноэл. В неясном жёлтом свете рядом с одной из колонн появилась фигура. Ещё один Илфин. Этот был выше, лицо создания выглядело более угловатым. В его глазах вспыхивали отблески оранжевого пламени факела.

— Я могу отвести вас туда, куда вам нужно, — произнёс Илфин грубым, скрипучим голосом. Существо подняло руку, защищая глаза от света факелов. — В обмен за плату.

— Том, музыку.

Том начал наигрывать.

— Один из ваших уже пытался заставить нас бросить наши вещи, — продолжил Мэт. Он вытащил ещё один факел из мешка и поджёг от фонаря Ноэла. — Это не сработает.

Тихо зарывав, Илфин отстранился от нового источника света.

— Вы явились ради сделки, но целенаправленно настраиваете нас против себя? Мы ничем не заслужили подобное отношение.

Мэт сдёрнул шарф вниз.

— Ничем?

Тварь не ответила, отступив и почти скрывшись в темноте между колоннами. Теперь в желтоватом

свечении её угловатое лицо было едва различимо.

— О чём же ты хочешь говорить с нами, сын битв, — раздался шёпот из тени, — раз не желаешь заключать сделку?

— Не будет никаких сделок, — ответил Мэт, — пока мы не доберёмся до большого зала — Зала Клятв. — Это было единственным местом, где эти твари были обязаны исполнить обещанное. Разве не так объясняла ему Бергитте? Конечно, она сама судила об этом только по сказкам и слухам.

Том, не переставая, играл, стреляя глазами из стороны в сторону, пытаясь одновременно

следить за окружающими тенями. Ноэл начал подыгрывать Тому на привязанных к штанинам цимбалах, отбивая ритм в такт музыке. Однако тени в углах продолжали шевелиться.

— Ваши... штучки нас не остановят, сын битв, — произнёс голос из-за спины. Мэт обернулся, опуская оружие. В тени стоял другой Илфин. Это была женская особь с гребнем рыжих волос, спускавшихся по спине, и с перекрещенными на груди кожаными лентами. Она улыбалась алыми губами. — Мы такие же древние — воины последней милости, знатоки тайн.

— Гордись, сын битв, — прошипел другой голос. Мэт снова

повернулся. На его лбу выступили капли пота. Самка скрылась, зато вместо неё из теней выступил на свет ещё один Илфин. У него был длинный искривлённый бронзовый кинжал, украшенный по всему лезвию насечкой из роз, и с шипами, торчащими из основания рукояти. — Ты привлёк самых опытных. Ты будешь... вкусным.

— Какого... — начал было Мэт, но гибкий и опасный с виду Илфин ускользнул обратно в тень, и там пропал. Он пропал слишком быстро, словно тень его поглотила.

В окружавших тенях слышался шёпот приглушённых перекрывавших друг друга голосов.

Из темноты стали возникать лица с большими, нечеловеческими глазами, с изогнутыми в улыбках губами. У тварей были острые зубы.

Свет! Оказалось, в зале десятки Илфин — перемещавшихся, извивающихся, вышагивающих на свет и снова отпрыгивающих в темноту. Одни вели себя поспокойнее, другие — резко. Но те и другие — были опасны.

— Заключим сделку? — спросила одна из тварей.

— Ты пришёл, не связанный договором. Берегись, — произнесла другая.

— Сын битв.

— Вкусный!

— Как сладок его страх.

— Идём с нами. Потуши свой ужасный свет.

— Нужно заключить сделку. Мы ждём.

— Мы терпеливы, мы всегда ждём.

— Вкусный!

— Прекратите! — взревел Мэт. — Никаких сделок! Никаких, пока мы не окажемся в центре.

Сстоявший рядом Том опустил флейту.

— Мэт, думаю, что музыка уже не действует.

Мэт коротко кивнул. Том ему понадобится с оружием в руках. Менестрель убрал флейту и выхватил

ножи. Не обращая внимания на шепчущие голоса, Мэт бросил кости на землю.

Они ещё не успели остановиться, как из темноты рядом с ближайшей колонной выскочила фигура. Мэт выругался, схватился за копье и бросился навстречу Илфину, который нёсся по земле на всех четырёх конечностях. Лезвие копья прошло сквозь тело, словно существо было нематериальным, как дым.

Морок? Или что-то с глазами? Мэт промедлил, и в этот момент другая тварь подхватила кости и скрылась в тени.

В воздухе что-то сверкнуло. Кинжал Тома нашёл свою цель,

угодив созданию в плечо. На этот раз лезвие осталось на месте, пронзив плоть и вызвав брызги тёмной крови.

«*Железо!*» — проклиная себя за тупость, подумал Мэт и развернул *ашандарей* вверх окованной железной полосой пяткой. Он поёжился, увидев, как начала дымиться пролитая Илфином кровь. Это было похоже на пар в посещённых ими комнатах, но в этом мелькали какие-то неясные тени — они были похожи на перекошенные лица, едва начинающие проявляться и тут же исчезающие прочь.

Чтоб им сгореть! Им не отвлечь его внимание. У него есть другие кости. Он потянулся к карману, но из

тени появился другой Илфин, словно пытаясь схватить Мэта за полу кафтана.

Мэт размахнулся и ударил окованным железом оружием по лисьему лицу мужской особи. Удар проломил скулу и словно вязанку хвороста отбросил тварь в сторону.

Их окружили шёпот и рычание. В темноте, отражая свет факелов, сверкали чьи-то глаза. Укутанные словно плащами темнотой Илфин постоянно двигались и окружали Мэта, и его товарищей.

— Мэт! — Том схватил приятеля за рукав. — Нам не стоит ввязываться.

Мэт медлил. Кажется, запах —

вонь логова хищников — за прошедшее время усилился. Вокруг, становясь всё назойливее, не переставая кружились тени. Их шёпот теперь звучал угрожающе и прерывался взвизгивающими выкриками.

— Они управляют темнотой, — произнёс Ноэл. Он стоял, настороженно прижимаясь спиной к Тому и Мэту. — Эти жёлтые огни всего лишь отвлекают внимание. В них есть разрывы, в которых скрыты ниши. Это такой трюк.

Мэт почувствовал, как его сердце забилось быстрее. Значит, трюк? Да нет, это не просто трюк. В том, как эти тени двигались в

темноте, было что-то
сверхъестественное.

— Чтоб им сгореть, — сказал Мэт, сбрасывая руку Тома, но уже не собираясь бросаться в темноту.

— Друзья, — сказал Ноэл, — к оружию...

Мэт оглянулся. За спиной из темноты двумя волнами подбиралась группа Илфин — первая из них двигалась на четвереньках, у второй в руках были грозного вида бронзовые кинжалы.

Казалось, тени из глубины зала стали плотнее и потянулись за Илфин, приближаясь к Мэту с его приятелями. Его сердце забилося чаще.

Глаза тварей горели, и находившиеся в первой волне стали выпрыгивать вперёд. Едва они приблизились, Мэт развернулся, но твари разделились, обогнув товарищей Мэта с разных сторон. Видимо, пытались отвлечь их внимание.

«*Сзади!*» — с ужасом подумал Мэт. Там из темноты выпрыгнула другая группа Илфин.

Замахиваясь, Мэт развернулся им навстречу, но прежде, чем он смог ударить, они отпрянули назад. Свет! Они повсюду — то всплывают из тьмы, угрожающе наскакивая, то исчезают обратно.

Том выхватил пару ножей и

метнул, а Ноэл, бросив свой посох под ноги, держал наготове короткий меч и размахивал зажатым в другой руке факелом. Мелькнул в поисках плоти один из ножей Тома, но не попал и напрасно канул в темноту.

— Не трать ножи, Том! — посоветовал Мэт. — Треклятые козьи отродья пытаются тебя спровоцировать!

— Они пытаются нас растормошить, — прорычал Ноэл, — в конце концов, нас просто сметут. Нам нужно двигаться!

— Вот только куда? — с тревогой спросил Том. Тут из темноты выскочили несколько Илфин с бронзовыми копьями, и он

выругался. Твари атаковали, заставив всех троих — Мэта и Тома с Ноэлом — отступить.

На бросок костей времени не оставалось. Их бы тут же снова украли. Мэт распахнул свой мешок и выдернул оттуда ночной цветок.

— Когда он взорвётся, я закрою глаза и крутнусь на месте.

— *Чего?* — переспросил Том.

— Раньше это срабатывало! — ответил Мэт, поджигая ночной цветок и бросая его изо всех сил в темноту. Он досчитал до пяти, и раздался наполнивший весь зал грохот. Все трое приятелей успели прикрыть глаза, но цветную вспышку было видно даже сквозь закрытые

веки.

Илфин закричали от боли, и до Мэта донёлся звон выроненного ими оружия. Без сомнения, их руки были подняты к глазам.

— Начинаем! — заявил Мэт, вращаясь.

— Определённо, — это полное безумие, — произнёс Том.

Мэт продолжал, прислушиваясь к себе. Куда же делась его удача?

— Туда! — произнёс он, ткнув пальцем наугад.

Он открыл глаза как раз вовремя, едва не споткнувшись о тёмное тело свернувшегося клубком на земле Илфина. Ноэл с Томом пошли следом, и Мэт повёл их прямо

в темноту. Он мчался вперёд, пока друзья едва не потерялись из виду в темноте. Всё, что он мог видеть — это жёлтые линии.

«Ох, проклятый пепел, — думал он про себя, — а что, если моя удача меня оставила...»

Они вырвались в пятиугольный коридор, за спиной сомкнулась темнота. Изнутри зала коридор был *не виден*, но он тут был.

Том издал восторженный вопль:
— Мэт! Пастух ты дубоголовый!
Да только за одно за это я позволю тебе сыграть на своей арфе!

— Не желаю я играть на твоей растреклятой арфе, — ответил Мэт, оглядываясь через плечо. — Но, когда

выберемся, можешь налить мне кружку-другую.

До него доносились крики и визг из погружённой в темноту комнаты. Что ж, один трюк он использовал, теперь они будут готовы к ночным цветкам. *«Как ты была права, Бергитте, — подумал Мэт. — Можно несколько раз проходить мимо нужного поворота и даже не знать, что он всего лишь в паре футов от тебя».*

Никогда не играй картами, которые тебе навязывают. Мэту с самого начала следовало это понять. Это было одной из древнейших заповедей игроков со времён создания мира. Друзья поспешили

вперёд, миновав пятиугольные дверные проёмы, которые в свою очередь вели в звездообразные пещеры. Том с Ноэлом оглядывались на них, но Мэт пробегал, не задерживаясь. Только прямо. Именно в этом направлении вела их его удача.

С его прошлого визита здесь что-то изменилось. На полу не было пыли, в которой оставались следы. Может, они заранее знали о его приходе и использовали пыль, чтобы сбить с толку? Или на этот раз они прибегли к появлению посетителей? Что вообще можно сказать с уверенностью про этот мир?

В первый раз пришлось довольно долго идти. Или наоборот, мало? В этом месте со временем творилась какая-то ерунда. Кажется, что бежишь уже несколько часов и одновременно — будто всего пару мгновений.

И вдруг, словно атакующая гадюка, перед ними возникла дверь. Ещё мгновение назад на этом месте ничего не было. Проём был отделан замысловатой резьбой по дереву в причудливом сплетении вьющихся стеблей, которые, как казалось, многократно наслаивались один на другой в бессмысленном клубке.

Все трое встали как вкопанные.
— Зеркала, — заявил Ноэл. — Я

видел такое и прежде. Значит, вот как они это делают, прячут вещи среди зеркал. — Его голос прозвучал испуганно. Где они могли спрятать столько зеркал в прямом треклятом туннеле?

Но Мэт прямо-таки чуял: они оказались в нужном месте. Здесь вонь Илфин чувствовалась сильнее всего. Он сжал зубы и шагнул внутрь.

Следующее помещение было именно таким, как он его запомнил. Здесь не оказалось колонн, хотя зал тоже был в виде звезды, на восемь лучей был всего один выход. По острым граням зала взбегали жёлтые светящиеся линии. В каждом углу располагался пустой пьедестал —

чёрный и зловещий.

Всё было как в прошлый раз, за исключением парящей посреди зала женщины.

Единственным покрывалом, окутывавшим её тело, был лёгкий белый туман, который слегка двигался и сиял. Подробности её фигуры были смазаны, но не скрыты полностью. Глаза женщины были закрыты, а тёмные, вьющиеся, но не уложенные волосы, медленно шевелились, словно раздуваемые идущим откуда-то снизу потоком воздуха. Руки парящей женщины были сложены на животе. На левое запястье был надет странный браслет из материала, похожего на древнюю

КОСТЬ.

Морейн.

Мэт испытал полное смятение: тревогу, разочарование, беспокойство и удивление. Эта была та самая женщина, которая заварила всю эту кашу. Порой он её ненавидел за это, и вместе с тем был обязан ей за своё спасение. Она была первой, кто вмешался в его жизнь, помыкая им налево и направо. И всё же, оглядываясь в прошлое, он мог сказать, что из всех, кто когда-либо его использовал, она была самая честная. Непримируемая, непреклонная и бескорыстная.

Она положила все силы на то, чтобы защитить трёх глупых юнцов,

не понимающих, что от них нужно миру. Она поставила себе целью доставить их в безопасное место. И, может быть, попутно их чему-нибудь научить — хотят они того или нет.

Потому что им это *понадобится*.

Свет! Теперь ему были совершенно очевидны её мотивы. И хотя это ничуть не мешало Мэту на неё злиться, он, тем не менее, чувствовал благодарность. Чтоб ей сгореть, вот такие сногсшибательные его обуяли эмоции! Как эти проклятые лисицы вообще *посмели* её держать подобным образом! Она, вообще, жива?

Том с Ноэлом молча смотрели — Ноэл спокойно, а Том с

недоверием, поэтому Мэт выступил вперёд, чтобы освободить Морейн. Но едва рука молодого человека коснулась тумана, он почувствовал резкую боль. Отскочив и махая рукой, Мэт закричал:

— Проклятье, эта штука жжётся!

Это...

Он прикусил язык, увидев, как вперёд шагнул Том.

— Том... — предостерегающе обратился к нему Мэт.

— Плевать, — заявил менестрель. Он подошёл к туману и сунул внутрь руки. От его одежды пошёл пар, на глазах от боли выступили слёзы, но мужчина и глазом не моргнул. Он погрузил руки

в туман, сжал женщину в объятьях и вытащил наружу. Её тело тяжело обвисло на его руках, но стареющий менестрель всё ещё был крепок, а Мореин выглядела настолько хрупкой, что просто не могла весить слишком много.

Свет! Мэт даже позабыл, какой она была маленькой — на целую голову ниже него. Том опустился на колени, снял свой менестрельский плащ и закутал в него лежащую женщину. Её глаза по-прежнему оставались закрыты.

— Она... — произнёс Ноэл.

— Жива, — тихо ответил Том. — Я чувствую, как бьётся сердце. — Он снял с руки Мореин

браслет. Тот был выполнен в виде прогнувшегося кольцом мужчины-акробата в странной одежде, ухватившегося руками за свои лодыжки. — Похоже на какой-то *тер'ангриал*, — заметил Том, убирая вещицу в карман плаща. — Я...

— Это — *ангриал*, — произнёс голос. — И очень сильный, почти что *са'ангриал*. Если пожелаете, он может стать частью выкупа за неё.

Мэт обернулся. Теперь на пьедесталах находились Илфин — четыре мужских особи, четыре женских. Все восемь созданий вместо чёрной были в белой одежде: белые юбки и килты, ремни на груди мужчин и блузы у женщин,

сделанные из светлого материала, подозрительно похожего на человеческую кожу.

— Следите за языками, — обратился Мэт к товарищам, пытаюсь унять волнение. — Одна промашка, и они вздёргнут вас, объявив, что таково было ваше собственное желание. Ничего у них не просите.

Оба приятеля промолчали. Том прижал к себе Морейн, а Ноэл, закинув мешок за спину, держал наготове свой посох и факел.

— Это большой зал, — объявил Мэт Илфинам. — То место, которое зовут Залом Клятв. Вы обязаны соблюдать достигнутые здесь договорённости.

— Была заключена сделка, — произнёс один из самцов с улыбкой, обнажив острые зубы.

Другой наклонился вперёд, глубоко вдохнул воздух, словно к чему-то принюхиваясь. Или... словно что-то *вытягивая* из Мэта и его товарищей. Бергитте упоминала, что они питаются эмоциями.

— Что за сделка? — рявкнул Мэт, оглядывая пьедесталы. — Чтоб вам сгореть, *что за сделка?*

— Цена должна быть уплачена, — объявило другое существо.

— Желания должны быть исполнены, — откликнулось другое.

— Жертва должна быть

принесена, — добавила одна из самок. Она улыбалась шире других. У неё тоже оказались острые зубы.

— Я желаю, в качестве части сделки, чтобы был восстановлен выход, — произнёс Мэт. — Хочу, чтобы он был на прежнем месте и был снова открыт. И я ещё не закончил наши треклятые переговоры, так что не считайте, чтоб вам всем сгореть, что *это* моё единственное требование.

— Путь будет восстановлен, — произнёс илфин. Остальные подались вперёд. Они чувствовали беспокойство Мэта. Некоторые из тварей казались разочарованными. *«Значит, они не думали, что нам*

удастся сюда дойти, — решил он. — Им не хочется рисковать и потерять нас».

— Я желаю, чтобы вы держали его открытым, пока мы не выберемся наружу, — продолжил Мэт. — Никаких заграждений или треклятых пропаданий при нашем появлении. Я хочу, чтобы дорога была прямой, без
меняющихся комнат.
Прямолинейной. И вы, проклятые лисы, не должны пытаться вырубить нас, пытаться убить или сделать что-то подобное.

Это им не понравилось. Мэт заметил, как некоторые из них нахмурились. Отлично. Пусть видят, что с ними торгуется не какой-

нибуть там ребёнок.

— Мы забираем её, и уходим, — закончил Мэт.

— Эти требования дорого вам обойдутся, — произнёс один из Илфин. — Чем вы расплатитесь за эти желания?

— Цена была объявлена, — прошептали из-за спины.

Да, цена уже объявлена. Каким-то образом Мэту это было известно. Когда он только принялся читать строки послания Морейн, какая-то часть его знала это с самого начала. Но если бы он не поговорил с Элфин в тот раз — случилось бы сейчас что-то из этого? Скорее всего, он бы уже погиб. Они обязаны говорить правду.

Элфин предупреждали, что придётся расплачиваться. За жизнь. За Морейн.

Значит, придётся заплатить. В этот миг он знал, что заплатит, поскольку иначе цена будет слишком высока. И не только для Тома или для Морейн, и даже не для самого Мэта. Судя по тому, что ему сказали, от этого момента зависит судьба всего мира.

«Чтоб мне сгореть из-за моей глупости, — подумал Мэт. — Может быть, в конце концов, я всё-таки треклятый герой?» Может, это всё объясняет?

— Я заплачу, — объявил Мэт. — Половиной света мира. — *«Ради его*

спасения».

— Сделано! — объявил один из самцов.

Все восемь существ как один соскочили со своих пьедесталов. Они обступили людей, начав сужать круг, словно петля палача: быстрая, ловкая и хищная.

— Мэт! — выкрикнул Том, пытаясь одновременно удерживать беспамятную Морейн и дотянуться до своих ножей.

Мэт вскинул руку, останавливая Ноэла с Томом.

— Так нужно, — ответил он, на пару шагов отдаляясь от друзей. Илфин прошли мимо, даже не взглянув в их сторону. Золотые

пряжки на пересекающих грудь илфинов ремнях сверкнули в жёлтом свете. Все восемь тварей широко улыбались.

Ноэл поднял меч.

— Нет! — выкрикнул Мэт. — Не нарушайте это соглашение. Если нарушите, мы все умрём!

Илфины окружили Мэта тесным кольцом. Под стук всё громче бьющегося сердца он пытался удержать их всех одновременно в поле зрения. Они снова к нему приняхались, глубоко вдыхая и чем-то наслаждаясь — что там они из него вытягивали.

— Ну, давайте же, чтоб вам всем сгореть! — проревел Мэт. — Но

знайте, это последнее, что вы от меня получите. Я смоюсь из вашей башни, и найду способ навсегда выкинуть вас из своей головы. Вам меня не заполучить. Мэтрим Коутон не ваша треклятая марионетка.

— Посмотрим, — прорычал один из Илфинов с алчным блеском в глазах. Рука твари молниеносно метнулась вперёд, и в неясном свете блеснули очень острые когти. Он метил точно в левую глазницу Мэта, и мгновенно вырвал глаз.

Мэт закричал. Свет, как же было больно! Сильнее, чем от любой из полученных на поле боя ран, сильнее всех порезов и оскорблений. Словно эта тварь впилась предательскими

когтями прямо в разум и душу.

Подняв руки к лицу, Мэт упал на колени, выроненное копье звякнуло о землю. Он почувствовал, как щека стала липкой, и нащупав пальцами дыру на месте глаза, вновь закричал.

Откинув голову, он завопил на весь зал, отдавшись агонии боли.

Так ужасно похожие на людей Илфины наблюдали за Мэтом, в экстазе прикрыв глаза, питаясь чем-то, что исходило от молодого человека — почти осязаемыми красно-белыми испарениями.

— Наслаждение! — произнёс один из них.

— Так долго! — выкрикнул другой.

— Как оно его оплетает! —
сказал тот, что вырвал глаз. — Как
кружится! Запах крови! И игрок
становится центром всего! Я
чувствую вкус *судьбы*!

Мэт зарыдал, глядя в тёмный
потолок единственным
помутневшим от слёз глазом, шляпа
свалилась с молодого человека на
землю. Глазницу будто ожгло огнём.
Она пылала! Он чувствовал как на
лице то подсыхает кровь и слизь, то
вновь лопается от крика. Илфины
часто задышали, словно опьянев.

Мэт издал последний всхлип.
Он сжал кулаки и зубы, хотя не мог
сопротивляться непрерывному
приглушённому стону боли и злости.

Один из самцов-Илфинов, будто оглушённый, свалился с ног. Им оказался тот, кто вырвал глаз Мэта. Создание по-прежнему держало его в руках, и свернулось вокруг него калачиком. Остальные, покачиваясь, начали расходиться кто куда — одни к своим пьедесталам, другие к стенам зала, держась за них, чтобы не упасть.

Сбоку к Мэту подлетел Ноэл, за ним более осторожно, баюкая на руках Морейн, последовал Том.

— Мэт? — позвал Ноэл.

Не разжимая зубов от нестерпимой боли, Мэт заставил себя протянуть руку назад — нашарить на полу свою шляпу. Её-то

он уж точно не бросит, чтоб ему сгореть. Это была треклятски хорошая шляпа.

Покачиваясь, он поднялся на ноги.

— Твой глаз, Мэт... — произнёс Том.

— Пустяки, — ответил Мэт. — *«Чтоб мне сгореть за свою глупость. Проклятый козлоголовый дурень!»* — он едва мог шевелить мозгами из-за неунимавшейся боли.

Второй глаз постоянно из-за неё слезился. Действительно стало казаться, что он потерял половину света мира. Словно смотришь в полуприкрытое ставнем окно. Несмотря на режущую боль в левой

глазнице, ему казалось, что он вот-вот сможет открыть глаз и увидеть.

Но теперь уже вряд ли — глаза больше не было. И никакая Айз Седай не сумеет это исправить.

Упрямо не замечая боль, он натянул шляпу. С левой стороны он опустил поля посильнее, прикрыв пустую глазницу, потом наклонился и поднял *ашандарей*. Запнулся, но справился.

— Это мне следовало заплатить, — упавшим голосом произнёс Том. — А не тебе. Ты ведь даже не хотел идти.

— Таков был мой выбор, — ответил Мэт. — Мне всё равно пришлось бы это сделать. Таков был

один из полученных мною от Элфин ответов, когда я пришёл сюда впервые. Ради спасения мира мне нужно пожертвовать половиной света мира. Проклятые змеи.

— Ради спасения мира? — переспросил Том, глядя на умиротворённое лицо Морейн, укутанной в менестрельский плащ. Свой мешок ему пришлось оставить на земле.

— Ей предстоит что-то совершить, — пояснил Мэт. Боль немного унялась. — Она нам понадобится, Том. Чтоб мне сгореть, но это, наверно, как-то связано с Рандом. Всё равно, этому суждено было случиться.

— А если нет? — спросил Том. — Она писала, что видела...

— Неважно, — ответил Мэт, поворачиваясь к выходу. Илфины по-прежнему были не в себе. Глядя на их состояние, можно было подумать — это *им* вырвали по глазу! Мэт взвалил свой мешок на плечо, оставив поклажу Тома валяться там, где упала. Он не сможет сражаться, если потащит на себе сразу два.

— Ну и насмотрелся же я тут, — заявил Ноэл, оглядывая помещение. — Этого, ручаюсь, ещё не видел ни один человек на свете. Может их следует убить?

Мэт покачал головой.

— Это может нарушить нашу

сделку.

— А они её выполняют? — спросил Том.

— Если смогут от неё отвертеться, то не станут, — ответил Мэт и снова поморщился. Свет, как же болит голова! Что ж, не может же он сидеть тут вечно и плакать, словно потерял любимого жеребёнка. — Пошли.

И они пошли к выходу из зала. Ноэл нёс факел, с неохотой расставшись со своим посохом, предпочтя ему короткий меч.

На этот раз в коридоре не было никаких окон, и Мэт слышал, как Ноэл что-то бурчит про себя по этому поводу. Всё, казалось, шло как надо.

Он потребовал прямой путь обратно. Илфины были лжецами и обманщиками сродни Айз Седай. На этот раз Мэт очень тщательно сформулировал свои желания, а не выкрикивал первое, что придёт в голову.

Коридор казался бесконечным, Ноэл нервничал всё сильнее. Мэт же продолжал идти вперёд, отбивая шагами ритм в такт боли в черепной коробке. Как, интересно, отсутствие одного глаза повлияет на его способность сражаться? Придётся держать ухо востро. И теперь начнутся сложности с верным определением расстояния. На самом деле эта проблема остро возникла

уже сейчас. Мэта нервировала неспособность определить расстояние до пола и стен.

Том прижимал Морейн к самой груди, словно скряга своё самое драгоценное сокровище. Что же она для него значит? Раньше Мэт думал, что Том здесь по той же причине, что и он — потому что чувствовал, что женщину нужно спасти. Но подобная нежность во взгляде Тома оказалась для Мэта *полной* неожиданностью.

Внезапно коридор закончился пятиконечной аркой. Комната, находившаяся за нею, была похожа на ту, где они нашли на полу расплавленный сгусток. Ни

признаков произошедшей здесь ранее схватки, ни крови на полу — не было.

Мэт сделал глубокий вдох и повёл товарищей внутрь. Увидев Илфинов, шипящих и рычащих, прятавшихся и стоявших в тенях, он напрягся. Но те не двигались, не пытались напасть, хотя и тихонько повизгивали. В темноте они сильнее казались похожими на лис. Если глядеть им в лицо, то Мэт мог бы принять их за людей, но то, как они двигались в темноте, порою на всех четырёх конечностях... словно посаженный на цепь хищник — так не сможет двигаться ни один человек на свете. Словно злобный пёс,

страстно желающий вцепиться тебе в горло, но которого не пускает разделяющий вас забор.

Но они выполнили сделку. Никто не напал, и когда приятели добрались до противоположного конца помещения, Мэт уже начал чувствовать себя лучше. Наконец-то он их *проучил*. В прошлый раз им повезло, но только потому что они дрались как трусы, ударив того, кто не подозревал, что драка уже началась.

На этот раз он был готов. Он покажет им, что Мэтрим Коутон вовсе не какой-то там дурачок.

Они вступили в коридор со светящимся туманом на потолке. Пол

коридора был из тех самых сцепленных между собой чёрных треугольных плиток, искривлённых с боков наподобие чешуи. Пройдя одну из комнат с исходящим из углов паром, Мэт вздохнул легче, хотя глазница болела словно причиндалы только что кастрированного жеребца.

Он было остановился по центру комнаты, но потом пошёл дальше. Он попросил прямой путь. Это он и получил. Никакой на этот раз беготни вперёд-назад.

— *Кровь и проклятый пепел!* — воскликнул озарённый идеей Мэт на ходу.

— Что ещё? — спросил встревоженный Том, переводя взгляд

с Морейн на Мэта.

— Мои кости, — ответил Мэт, — нужно было включить в сделку, чтобы мне вернули кости.

— Но мы же поняли, что тебе они не нужны, чтобы выбирать путь.

— Подумаешь? — пробурчал Мэт. — Они мне просто нравились. — Он вновь натянул шляпу и взгляделся в коридор. Что это за движение он там приметил? Там вдали, за дюжиной комнат впереди? Да нет, чепуха — должно быть игра теней и пара.

— Мэт, — произнёс Ноэл, — я упоминал, что моё знание Древнего Наречия уже не то, что прежде. Но, думаю, я понял, что именно ты

сказал. Про совершенную тобой сделку.

— Да? — слушая вполуха, сказал Мэт. Он снова болтал на Древнем Наречии? Чтоб ему сгореть. *Что же там засело в конце?*

— Ну, ты упомянул, — продолжил Ноэл, — в качестве части сделки «вы, лисы, не должны пытаться вырубить нас, пытаться убить или сделать что-то подобное».

— Точно, сказал, — ответил Мэт.

— Ты сказал лисы, Мэт, — не унимался Ноэл, — лисы не смогут причинить нам вред.

— И должны нас свободно пропустить.

— Да, но что насчёт других? — спросил Ноэл. — Элфин? Если Илфин не смеют причинить нам вред, разве Элфин обязаны тоже подчиняться?

Тени в дальней части коридора превратились в фигуры, несущие длинные бронзовые мечи с волнистыми лезвиями. Эти фигуры были высокими, облачёнными в многослойные жёлтые одеяния, с длинными прямыми чёрными волосами. Их были десятки, они двигались с неестественной грацией, устремив строго вперёд свои взгляды — с тонким вертикальным зрачком.

Кровь и проклятый пепел!

— Бежим! — крикнул Мэт.

— Куда? — спросил
встревоженный Ноэл.

— Куда угодно, — завопил
Мэт, — но как можно дальше от них!

Глава 55

ОДНИМ МЕНЬШЕ

Громкий взрыв потряс стены коридоров, и всё здание вздрогнуло. Из оставшегося за спиной проёма брызнули осколки камня и повалил дым. Мэт покачнулся и опёрся о ближайшую стену.

Том с Ноэлом пробежали мимо — Том вцепился в Морейн. Мэт осторожно высунул голову, чтобы осмотреться. Ноэл отбросил факел и пытался немного утихомирить Элфин музыкой с помощью барабана, но это не сработало, так что Мэту пришлось взрывать ночные

цветки и громыхалки.

Свет, а ведь эти цилиндрики — смертоносные штучки! Выглянув, он заметил разбросанные по коридору тела Элфин с разорванной в клочья блестящей шкурой, от луж их крови поднимался зловещего вида дым. Другие Элфин, повылазившие из проходов и альковов, прокладывали себе путь сквозь дым. Они передвигались на двух ногах, но всё равно казалось, что они ползают, извиваясь из стороны в сторону по коридору. Их шипение становилось всё злее и злее.

Под гулкий стук сердца Мэт кинулся следом за Томом с Ноэлом:

— Не отстают? — выкрикнул на

бегу Ноэл.

— А ты как думаешь? — спросил Мэт, присоединяясь к приятелям. — Свет! Какие же эти змеюки *быстрые*!

Товарищи вбежали в неотличимое от прочих помещение. Несоразмерные квадратные стены, пар, идущий из углов, чёрный треугольный узор из плиток на полу. И здесь не оказалось треугольного выхода наружу в центре комнаты. Кровь и проклятый пепел!

Сжав *ашандарей* во влажных от пота ладонях, Мэт оглядел три ведущих прочь из комнаты проёмы. Им не удастся тот же трюк с возвращением и перебежками между

двух одних и тех же комнат. Не с элфинами за спиной. Значит, нужно подключать свою удачу. Он приготовился крутнуться вокруг своей оси и...

— Нужно бежать! — крикнул Ноэл. Он стоял в проходе, приплясывая от нетерпения. — Мэт! Если эти змеи нас схватят...

Мэт слышал, как они приближаются, их шипение. Словно наводнение. Он выбрал проход наугад и побежал.

— Бросай другой цилиндр! — посоветовал Том.

— Этот был последним! — ответил Мэт. — И осталось всего три ночных цветка. — Мешок теперь

казался лёгким.

— Музыка на них не действует, — сказал Ноэл, отбрасывая барабан. — Они слишком разозлились.

Мэт выругался, поджёг новый ночной цветок чиркалкой и швырнул его за спину через плечо. Все трое на полной скорости ворвались в следующую комнату и, не останавливаясь, выбежали с противоположной стороны.

— Парень, я не знаю куда идти, — сказал Том. Судя по голосу, он совсем выдохся. — Мы заблудились.

— Я выбираю дорогу наугад! — ответил Мэт.

— Но ты не можешь идти назад, — заметил Том. — Возможно, твоя удача хочет, чтобы мы пошли именно туда!

Ночной цветок рванул, эхо от взрыва разнеслось по коридорам. Вышло далеко не так сильно, как от громыхалок. Мэт рискнул обернуться и увидел идущий из туннеля дым и летящие искры. Огонь замедлил продвижение элфинов, но скоро сквозь дым проскользнули самые смелые члены треклятой банды.

— Может, сумеем договориться? — выпалил Том.

— Они выглядят слишком разъярёнными! — возразил Ноэл.

— Мэт, — сказал Том, — ты

говорил, что они знали про твой глаз. И дали тебе о нём ответ.

— Они сказали мне, что я отдам треклятую половину света мира, — ответил Мэт, чувствуя пульсацию боли в голове. — Мне не хотелось знать, но они всё равно сказали.

— А что ещё они говорили? — спросил Том. — Что-то, что может дать намёк? Как ты выбрался в прошлый раз?

— Они сами меня выкинули, — признался Мэт.

Он с товарищами влетел в новое помещение, и здесь тоже не оказалось портала, затем выбрал левый коридор. То, что сказал Том, — было верно. Возможно, им

как раз нужно обратно. Но они не могут, потому что этот выводок гадюк наступает на пятки!

— Они выкинули меня из своего мира через портал, — тоже почувствовав, что выдохся, продолжил Мэт. — Он вёл в подземелье в Тирской Твердыне.

— Может, мы сумеем его найти! — предложил Том. — С помощью твоей удачи, а Мэт? Пусть она приведет нас в мир Элфин.

Это могло сработать.

— Ну ладно, — сказал он, закрывая глаз и начиная вращаться.

Мэт ткнул пальцем и открыл глаз. Палец указывал прямо на толпу Элфин, которые, извиваясь,

двигались по коридору в их направлении.

— Проклятый пепел! —
выругался он, разворачиваясь и
бросаясь к выбранному наугад
выходу.

Том бросился следом, но вид у
него был *очень* уставший. Мэт мог бы
ненадолго забрать у него Морейн, но
Том всё равно будет слишком слаб и
не сможет сражаться. Элфин
собираются просто загнать их до
смерти, как они поступили с
Бергитте несколько столетий назад.

В следующей по счёту комнате
Том едва не свалился замертво, осев
на пол, но всё же сумев удержать
Морейн. Как и в других помещениях,

в этом были четыре выхода. Но единственный нужный им выход вёл прямо в объятия элфинов, и его они выбрать не могли.

— Никто не выигрывал в эту игру, — тяжело дыша, произнёс Том. — Даже смухлевав, выиграть всё равно невозможно.

— Том... — резко оборвал его Мэт. Он отдал ему свой *ашандарей* и забрал Морейн. Она была очень лёгкой. Но в этом была и хорошая сторона, ведь иначе бы Том не продержался так долго.

Ноэл взглянул на них, потом в сторону коридора, откуда они пришли. Элфин могли нагрянуть в любой момент. Взгляды Ноэла и

Мэта встретились:

— Отдай мне свой мешок. Мне понадобятся ночные цветки.

— Но...

— Не спорь! — сказал Ноэл. Он подскочил и выхватил один из оставшихся ночных цветков. У этого был короткий фитиль. Старик поджёг его и бросил в коридор. Элфины подобрались так близко, что Мэт слышал их крики и шипение, когда они завидели огонь.

Раздался взрыв, из коридора полетели искры, осветившие погружённую во мрак комнату. Там, где искры долетели до столба пара, он как живой вильнул в сторону от огня. В воздухе сильно запахло

дымом и серой. Свет, как же болит глазница!

— А теперь, Мэт, — сквозь звон в ушах слышался голос Ноэла, — отдай мешок.

— Что ты затеял? — настороженно спросил Мэт, когда Ноэл забрал мешок и выудил из него последний ночной цветок.

— Сам видишь, Мэт, — ответил Ноэл, — нам нужно больше времени. Тебе нужно подальше оторваться от треклятых гадюк, чтобы несколько раз пробежать и вернуться, и позволить своей удаче спасти тебя.

Ноэл кивнул на один из коридоров.

— Эти коридорчики узкие. Как

отличное узкое горлышко. Здесь может сражаться и один человек, и против него будет всего пара противников. Можно продержаться несколько минут.

— Ноэл! — воскликнул Том, отдуваясь, и поднялся на ноги, опираясь руками о колени. *Ашандарей* Мэта стоял рядом прислонённый к стене. — Ты не можешь так поступить.

— Нет, могу, — ответил Ноэл. Он шагнул к коридору, за которым собирались элфины. — Ты, Том, не в силах сражаться. А твоя, Мэт, удача поможет вам отсюда выбраться. Никто из вас не может остаться, а я могу.

— Обратного пути не будет, — угрюмо сказал Мэт. — Стоит нам пробежаться по коридору туда и обратно, это треклятое место перенесёт нас куда-то ещё.

Ноэл встретился с ним взглядом, на его обветренном лице застыла решимость:

— Я знаю. Цена, Мэт. Нам было заранее известно, что это место её потребует отдать. Что ж, я многое повидал и многое совершил. Меня использовали, Мэт, и часто. Это место ничем не хуже других, чтобы встретить конец.

Мэт поднялся, держа на руках Морейн, и с уважением кивнул Ноэлу.

— Идём, Том.

— Но...

— *Вперёд!* — гаркнул Мэт, устремляясь к одному из коридоров. Том помедлил, потом выругался и последовал за ним, держа факел Мэта одной рукой и *ашандарей* другой. Ноэл вошёл в коридор, из которого они вышли ранее, вынимая из ножен короткий меч. Впереди сквозь дым виднелись приближающиеся силуэты.

— Мэт, — крикнул Ноэл, оглядываясь.

Мэт мотнул головой Тому, чтобы он продолжал бежать, а сам помедлил, оглянувшись на старика.

— Если когда-нибудь

повстречаешь кого-нибудь из Малкири, — сказал Ноэл, — скажи ему, что Джейин Далекоходивший умер с честью.

— Я передам, Джейин, — ответил Мэт. — Да хранит тебя Свет.

Ноэл повернулся лицом к элфинам, и Мэт его оставил. Донеслось эхо нового взрыва ночного цветка. Потом Мэт услышал отголосок боевого клича Ноэла. Мэту не приходилось слышать этот язык прежде.

Они с Томом вошли в новое помещение. Том не стесняясь плакал, но Мэту удалось сдержать собственные слёзы. Ноэл умрёт с честью. Когда-то Мэту подобные

мысли казались чушью — какая польза от чести, если ты мёртв? Но у него было слишком много воспоминаний других солдат, и сам он провёл достаточно времени среди сражавшихся и проливавших кровь за эту самую честь, чтобы полностью отвергнуть прошлое мнение.

Он закрыл глаз и повернулся вокруг своей оси. От веса Морейн его едва не повело в сторону. Он выбрал направление и обнаружил, что смотрит именно в ту сторону, откуда они только что пришли. Он бросился туда, Том направился следом.

Когда они добрались до конца коридора, то не увидели зала, в котором расстались с Ноэлом. Это

помещение было круглым и было
заполнено жёлтыми колоннами,
выполненными в форме огромных
переплетённых между собой лиан, с
оставленной посередине пустотой. На
витых подставках для ламп
находились белые шары, освещавшие
помещение мягким светом. На полу
был выложен узор из белых и жёлтых
полос, закручивающихся исходящей
от центра спиралью. В воздухе стоял
острый запах сухой змеиной кожи.

*«Мэтрим Коутон, ты — не
герой, — подумал он, оглядываясь
через плечо. — Тот человек,
которого ты бросил, он —
настоящий герой. Да осияет тебя
Свет, Ноэл».*

— Ну, что дальше? — спросил Том. Похоже, он немного восстановил силы, поэтому Мэт отдал ему Морейн и забрал обратно своё копье. В этом зале было всего два выхода, один — тот, что находился позади, и второй — прямо напротив. Но Мэт всё равно крутнулся на месте с закрытым глазом. Его удача подсказала ему идти в дверной проход противоположный тому, из которого они появились.

Так они и сделали. В коридоре были окна, которые вели в джунгли, и, судя по тому, что это была самая гуща — друзья теперь находились ниже. Мэту случайно удалось

заметить те три шпиля — то место, где они были всего несколько мгновений назад, где насмерть бился Ноэл.

— Это здесь ты получил ответы, так? — спросил Том. Мэт кивнул.

— Как думаешь, смогу и я получить ответы на свои вопросы? — поинтересовался Том. — Три вопроса. И ответы, которые тебе...

— Тебе не захочется их слышать, — перебил Мэт, поглубже нахлобучивая шляпу. — Поверь, не захочется. Это и не ответы вовсе. Скорее угрозы. Или обещания. Мы...

Том остановился вместе с ним. Морейн заворочалась на его руках.

По-прежнему не открывая глаз, она издала тихий стон. Но Мэт встал столбом не из-за этого.

Он увидел вторую круглую комнату впереди. Посредине зала была дверная рама из краснокамня. Ну или то, что от неё осталось.

Мэт выругался и помчался вперёд. Пол был усыпан обломками красных камней. Мэт издал вопль, выронив копье, и взяв в руки несколько обломков. Портал был чем-то разбит или взорван какой-то невероятной силой.

Рядом со входом в комнату опустился на пол Том, обняв шевелящуюся Морейн. Он выглядел выжатым. При них больше не

осталось мешков. Мэт свой отдал Ноэлу, а Том бросил свой где-то по дороге. А эта комната оказалась тупиком, других дверей в ней не было.

— Чтоб этому месту сгореть! — выкрикнул Мэт, сорвав с головы шляпу и уставившись в бесконечное чёрное пространство над головой. — Чтоб им всем сгореть и змеям, и лисам! Чтоб вас всех Тёмный побрал! Забрали мой глаз, забрали Ноэла! Разве этой цены недостаточно?! Она и так *слишком высока*! Разве жизни Джейина растреклято
Далекоходившего для вас
недостаточно, эй вы, монстры?!

Его слова прогремели и затихли

без ответа. Старый менестрель крепко зажмурил глаза, прижимая к себе Морейн. Он выглядел побитым, полностью раздавленным. После попытки освобождения женщины его руки покраснели и покрылись пузырями. Даже рукава его кафтана обгорели.

В отчаянии Мэт огляделся по сторонам. Он попытался вращаться, выбирая путь. Но открыв глаз, он каждый раз указывал на центр комнаты. На разрушенный портал.

Именно в этот момент он почувствовал, как где-то внутри него начинает умирать надежда.

— Это была отличная попытка, парень, — произнёс Том. — Мы

здорово постарались. Получилось даже лучше, чем можно было ожидать.

— Я не сдамся, — упрямо ответил Мэт, пытаясь заглушить растущее внутри него чувство обречённости. — Мы... мы вернёмся по нашим следам, разыщем путь к месту между мирами Элфин и Илфин. В нашей сделке сказано, что они должны предоставить открытый портал. Мы воспользуемся им, Том, и выберемся. Чтоб мне сгореть, но я не собираюсь здесь подыхать. Ты задолжал мне пару кружек выпивки.

Том открыл глаза и улыбнулся в ответ, но не сделал попытки подняться. Он покачал головой, его

обвисшие усы покачнулись в такт, и он посмотрел вниз на Морейн.

Её глаза открылись.

— Том, — прошептала она и улыбнулась. — Мне показалось, я слышала твой голос.

Свет! Её голос вернул Мэта назад, в прошлое. В те далёкие времена, эпохи назад.

Она посмотрела на него.

— И ты, Мэт. Дорогой Мэт. Я знала, вы за мной придете. Оба. Мне не хотелось этого, но я знала, так и будет...

— Передохни, Морейн, — ласково сказал Том. — Мы выберемся отсюда в два перебора струны.

Мэт посмотрел на неё —
распростёртую, беспомощную.

— Да чтоб мне сгореть. Я не
позволю, чтобы всё закончилось вот
так!

— Они приближаются,
парень, — предостерёг Том. — Я их
уже слышу.

Мэт обернулся и посмотрел в
проём. Он увидел то, что слышал
Том. Элфины крались по коридору,
хитрые и смертельно опасные. Они
улыбались, и ему было хорошо видно
обнажавшиеся при улыбках передние
зубы, похожие на ядовитые зубы
змей. Если б не эти зубы, их можно
было бы спутать с людьми. И если б
не глаза. Такие неестественные, с

вертикальным зрачком. Элфин подкрадывались. Пугающе. Нетерпеливо.

— Нет, — прошептал Мэт. — Должен быть выход. — «Ну, давай, думай же! — приказал он себе. — Ты, Мэт, болван. Должен быть выход. Как ты выбрался в прошлый раз?» Нет, об этом уже спрашивал Ноэл. Это не поможет.

Пришедший в отчаянье Том извлёк из-за спины свою арфу. Он принялся наигрывать знакомую Мэту мелодию «Милый шёпот завтрашнего дня». Это была трагичная мелодия, которую исполняли как реквием по усопшим, но очень красивая.

Как ни странно, эта музыка

подействовала на Элфин. Их движения замедлились, а передние начали в движении раскачиваться в такт мелодии. Они знали, Том играет на собственных похоронах.

— Я не знаю, как я выбрался в прошлый раз, — прошептал Мэт. — Я был в бессознательном состоянии, а когда очнулся — меня уже повесили. И Ранду пришлось меня снимать.

Он поднёс руку к шраму. Ответы Элфин не давали никаких зацепок. Он знал про Дочь Девяти Лун, он знал, что значит поступиться половиной мирового света. Он знал о Руидине. Всё это было ясно. Никаких вопросов, придраться не к чему.

Вот только...

«Что тебе дали Илфин?»

— У меня провалы в памяти, — прошептал Мэт, уставившись на надвигающихся элфинов, — я хочу их заполнить.

Элфин в своих странных одеждах из жёлтых лоскутов скользили вперёд. Мелодия Тома вплеталась в воздух, ей вторило эхо. Твари медленно, но уверенно приближались. Они знали, теперь их жертвы никуда не денутся.

Двое Элфин, находившиеся в первых рядах, несли сверкающие бронзовые мечи, с которых капало что-то красное. Бедняга Ноэл.

Том начал петь:

*Бывает, бесконечно
длится век,
Бредущего землей
пустынной,
И даже края света белый
снег,
Прогнать не сможет
страх глубинный.*

Мэт слушал, и в его голове, словно цветы, расцветали воспоминания. Голос Тома перенёс его в далёкие дни прошлого. В те дни, о которых сохранились его собственные воспоминания, и в дни, прожитые другими людьми: когда он умирал, когда он жил, когда он

сражался и когда он побеждал.

— Я хочу их заполнить... — прошептал Мэт себе под нос. — Так я и сказал, и Илфин повиновались, дав мне чужие воспоминания.

Глаза Морейн вновь закрылись, но она слушала мелодию Тома и улыбалась. Мэт считал, что Том начал играть для элфинов, но теперь он не был уверен. Может, Том играет для Морейн?

Финальную грустную песню о неудачном спасении.

— Я хочу их заполнить, — повторил Мэт, — и они дали мне чужие воспоминания. Это был мой первый дар.

*Во имя страха ты о нём
молчишь,
Хранишь его — он твой
источник силы.*

— Но я попросил что-то ещё,
сам того не зная, — произнёс Мэт. —
Я сказал, что мне нужно отвязаться
от Айз Седай и Силы. И они вручили
мне для этого медальон. Второй дар.

*Пока в узде твой страх,
ты не дрожишь,
И веришь — мы боимся,
значит живы...*

— И... и я попросил ещё об

одном. Я сказал, что хочу держаться от них подальше и вернуться в Руидин. Илфин дали мне всё, что я у них попросил. Воспоминания, чтобы заполнить провалы. Медальон, чтобы избавиться от Силы...

И что ещё? Они отправили его в Руидин, при этом повесив. Но повешение было платой, а не ответом на его требования.

Том пел, его голос звучал громче.

*Пройду и я свой путь
тропой пустой
И тяжкий груз свой
пронесу до смерти.*

— Нет. Они действительно дали мне кое-что ещё, — прошептал Мэт, опуская глаза на зажатый в руках ашандерей. Шипение элфинов нарастало.

«Таков исконный договор, и он провозглашает».

Эти слова были вырезаны на оружии. На лезвии были два ворона, на древке была нанесена надпись на Древнем Наречии.

«Мысль — это времени стрела, и память не истает».

Зачем они ему дали копье? Мэт никогда об этом не задумывался. Но оружие он у них не просил.

«Цена уплачена. Свое просивший получает».

«Нет. Оружие я точно не просил.
Я просил у них выход.

А они дали мне это».

*Пусть будет ложь гнусна,
но я другой...*

*Не отведу я взгляд, уж мне
поверьте!*

Том пропел последнюю строфу.

Мэт взмахнул *ашандареем* и
вонзил его в стену. Остриё глубоко
вонзилось в неизвестный материал,
не являвшийся камнем. Вокруг
лезвия брызнул свет, вырвавшись на
свободу, словно брызги крови из
разрубленной вены. Мэт завопил и

нажал сильнее. От стены прокатились мощные волны света.

Он повёл *ашандарей* вниз, под углом, делая разрез. Затем он провёл оружием вверх, в другую сторону, вырезая большой перевёрнутый треугольник, состоявший из света. Омывая его, свет будто бы распускался бахромой. Элфины добрались до дверного проёма рядом с Томом, но тут же зашипели и начали откатываться от идущего мощного свечения.

Мэт добавил финальный штрих — волнистую черту посередине треугольника. Он едва мог что-то различить, настолько ярким был свет. Часть стены прямо перед ним

пропала, открыв сияющий белым светом проём, который, казалось, был прорезан в стальной стене.

— Что ж, я... — прошептал Том, поднимаясь на ноги.

Элфины закричали от нестерпимого гнева. Они ворвались в комнату, каждый одной рукой закрывал глаза, а в другой сжимал свой жуткий меч.

— Выноси её! — закричал Мэт, поворачиваясь лицом к тварям. Он поднял *ашандарей* и, воспользовавшись пяткой оружия, ударил в лицо ближайшего элфина. — Иди!

Том схватил Морейн и оглянулся на Мэта.

— Иди! — повторил Мэт, ударяя по руке второго змеёныша.

Том нырнул в образовавшийся проём и исчез. Мэт ухмыльнулся и завертелся промеж элфинов, отшибая *ашандареем* их ноги, руки и расшибая головы. Их было много, но они были ошарашены светом и яростно хотели добраться до Мэта. Едва он положил несколько передних, остальные запнулись. Твари превратились в кучу-малу, состоящую из массы извивающихся рук, ног, шипения и гневных плевков. Некоторые, находившиеся в задних рядах, полезли по своим поверженным сородичам, только чтобы до него добраться.

Мэт отступил назад и приподнял перед тварями шляпу:

— Похоже, игру всё-таки можно выиграть, — сказал он. — Передайте лисам, я чрезвычайно благодарен за ключ, что они мне дали. А так же — что вы все можете отправляться гнить в треклятой дыре из огня и проклятого пепла, вы, немые болячки со свинячьей задницы! Приятного вам треклятого дня!

С этими словами он, придерживая шляпу, нырнул в проём.

Все его поле зрения заполнил свет.

Глава 56

НЕЧТО СКВЕРНОЕ

О наружную подпорку палатки Эгвейн тихо постучали.

— Войдите — ответила она, перекладывая бумаги на столе. Внутрь скользнул Гавин. Своей нарядной одежде он предпочёл коричневые штаны и чуть более светлую рубашку. С плеч Гавина свисал меняющий цвет плащ Стража, делая его неотличимым от окружающей обстановки. На самой Эгвейн было зелёно-голубое платье, достойное королевы.

Его плащ зашелестел, когда он

сел рядом с её письменным столом.

— Прибывают войска Илэйн. Она сообщила, что скоро посетит наш лагерь.

— Отлично, — сказала Эгвейн.

Гавин кивнул, но он был обеспокоен. Какая полезная вещь, этот клубок эмоций, создаваемый узами. Если бы она раньше знала глубину его привязанности к ней, то связала бы его узами намного раньше.

— Что? — спросила Эгвейн, откладывая в сторону свои бумаги.

— Айбара, — сказал Гавин. — Он не согласился на встречу с тобой.

— Илэйн говорила, что с ним могут быть трудности.

— Я полагаю, он собирается принять сторону ал'Тора, — сказал Гавин. — Это можно понять по тому, что он разместил лагерь в стороне от остальных. Он немедленно отправил гонцов к айильцам и тайренцам. У него хорошая армия, Эгвейн. Огромная. С Белоплащниками.

— Это, скорее, говорит, что он не на стороне Ранда, — отметила Эгвейн.

— Но и вряд ли на нашей, — ответил Гавин. — Эгвейн... Белоплащников возглавляет Галад.

— Твой *брат*?

— Да, — Гавин покачал головой. — Здесь множество армий и союзников, и между ними возникают

трения. Айбара и его армия могут стать искрой, из-за которой мы все взорвёмся, как фейерверк.

— Напряжение спадёт, когда придёт Илэйн, — сказала Эгвейн.

— Эгвейн, что если ал'Тор не придёт? Что если он устроил всё это для того, чтобы отвлечь всех от чего-то другого?

— Зачем ему так поступать? — спросила Эгвейн. — Он уже доказал, что если хочет, чтобы его не нашли, у него это получится. — Она покачала головой. — Гавин, он *знает*, что не должен разбивать те печати. По крайней мере, часть его знает. Возможно, именно поэтому он рассказал мне о своих планах —

чтобы я смогла собрать сопротивление и отговорить его от этого.

Гавин кивнул. Больше никакого недовольства или споров. Просто удивительно, как он изменился. Он был всё так же эмоционален, но менее резок. С той ночи он начал исполнять то, о чём она просит. Не как слуга. Как партнёр, посвятивший себя исполнению её желаний.

И это было замечательно. А также важно, поскольку Совет Башни, казалось, был полон решимости отменить соглашение, согласно которому иметь дело с Рандом — обязанность Эгвейн. Она посмотрела на стопку бумаг, многие

из которых были письмами от Восседающих с «советами».

Но Восседающие пошли не в обход, а именно к ней. Это хорошо, и она не может их проигнорировать. Она должна сделать всё, чтобы Восседающие продолжали думать, что сотрудничать с ней — к лучшему. В то же время, они не должны допустить и мысли о том, что она уступит, если на неё пару раз хорошенько накричать.

Какое неустойчивое равновесие.

— Ну что ж, тогда идём встречать твою сестру.

Гавин плавно поднялся. При каждом его движении на цепочке вокруг шеи звенели три нанизанных

на неё кольца. Ей следует ещё раз спросить у него, где он их взял. Странно, но о них он держал рот на замке. Гавин откинул для неё полог палатки, и она вышла наружу.

Снаружи послеполуденное солнце было скрыто за серыми облаками. Солдаты Брина усердно трудились над возведением частокола. За последние несколько недель его армия ещё увеличилась и теперь полностью занимала восточную часть широкого окружённого лесом луга, когда-то известного, как Меррилор. Расположенные на северной стороне поля развалины башен стоявшей здесь прежде древней крепости были

сплошь покрыты мхом и едва видны под плетями вьюнка.

Палатка Эгвейн стояла на возвышенности, откуда открывался вид на всё множество армий, которые встали здесь лагерем.

— Новая армия? — спросила она, указывая на небольшое войско, расположившееся как раз под развалинами.

— Они пришли сами, — объяснил Гавин. — В основном фермеры. На самом деле, они не настоящие солдаты, у многих нет мечей. Вилы, топоры, посохи. Я думаю, их послал ал'Тор. Они стали подходить со вчерашнего дня.

— Любопытно, — сказала

Эгвейн. Казалось, в этой группе собрались самые разные люди, их палатки не сочетались, и они мало понимали, как правильно нужно ставить военный лагерь. Но здесь их собралось около пяти или десяти тысяч.

— Пусть за ними приглядывают несколько разведчиков.

Гавин кивнул.

Эгвейн повернулась и заметила вереницу людей, проходящих сквозь несколько появившихся неподалёку Переходных Врат и начинающих ставить лагерь. Высоко над ними парил Лев Андора, и солдаты шли стройными рядами. От них отделилась процессия в красно-

белом со знаменем Королевы и направилась в сторону лагеря Эгвейн.

Она пошла навстречу Илэйн, Гавин шёл следом по желтеющей траве. Андорская королева, очевидно, не торопилась. Всего один день оставался до назначенного Рандом времени. Но всё же, как и другие, она пришла. Дарлина из Тира сопровождали айильцы, и благодаря уговорам Эгвейн из Иллиана прибыла большая часть иллианской армии, разбившей лагерь в западной части поля.

Судя по сообщениям, Кайриэн теперь принадлежал Илэйн, и кайриэнские солдаты пришли вместе

с андорцами и большим количеством бойцов Отряда Красной Руки. Эгвейн отправила приглашение королю Муранди Роэдрану с предложением Перемещения вместе с женщиной, которая могла его осуществить, но сомнительно, что он придёт. Впрочем, даже без него здесь присутствовало значительное число народов мира, учитывая ещё и то, что среди армии Перрина можно было увидеть флаги Гэалдана и Майена. Ей нужно связаться с их правителями и понять, сможет ли она убедить их принять её сторону. Но даже в противном случае, собранных ею сил должно хватить, чтобы Ранд изменил свои планы. Да ниспошлёт Свет,

чтобы этого было достаточно. Не хотелось думать, что произойдёт, если он вынудит её применить силу.

Она спускалась по тропинке, отвечая кивком на приветствия сестёр, реверансы Принятых, салюты солдат и поклоны слуг. Ранд...

— Этого *не может быть*, — неожиданно сказал Гавин, застыв на месте.

— Гавин? — спросила она, нахмурившись. — С тобой...

Он сорвался и побежал по покрытому травой холму. Эгвейн недовольно посмотрела ему вслед. Он всё ещё оставался немного импульсивным. Что его так неожиданно встревожило? Она

чувствовала, что это не беспокойство. Это растерянность. Она поспешила за ним — быстро, насколько это позволяли приличия. Делегация Илэйн остановилась посреди увядшей травы.

Там перед кем-то на коленях стоял Гавин. Это оказалась женщина средних лет с золотисто-рыжими волосами, стоявшая рядом с улыбающейся в седле Илэйн.

«А!» — подумала Эгвейн. Её шпионы только прошлой ночью донесли ей об этих слухах, но она хотела перепроверить эту информацию до разговора с Гавином.

Моргейз Траканд жива.

Эгвейн пока не стала приближаться. Стоит ей подойти, и Илэйн придётся поцеловать кольцо Амерлин, а всей процессии — поклониться; и этот миг встречи для Гавина будет испорчен. Пока она ждала, облака в небе становились тоньше.

Внезапно облака разошлись, тёмные грозовые тучи отступили. Небо стало голубым, глубоким и чистым. Илэйн широко открыла глаза и повернулась на лошади, посмотрев в сторону лагеря Перрина.

«Итак, он пришёл, — подумала Эгвейн. — А вместе с ним и затишье. Мгновение спокойствия перед разрушающей бурей».

— Попробуй, Эмарин, — сказал Андрол. Он стоял с небольшой группой в роще неподалёку от границы Чёрной Башни.

Величавый дворянин сосредоточился, удерживая Единую Силу. Его окружили потоки Силы. Учитывая его недолгую практику, он был необычайно искусен и мастерски создал плетение для Переходных Врат.

Не открыв дыру в воздухе, плетение распалось и исчезло. Эмарин повернулся к остальным, по его лицу тёк пот.

— Эти плетения даются

труднее, чем раньше, — сказал он.

— Почему же они не срабатывают? — воскликнул Ивин. Юное лицо молодого человека вспыхнуло от гнева, будто проблема с Переходными Вратами была для него личным оскорблением.

Скрестив руки на груди, Андрол покачал головой. Деревья шумели, листья дрожали, многие опадали на землю — коричневые, будто уже наступила осень. Это беспокоило. В прошлом, во время своих скитаний, ему доводилось работать на земле, и у него развилось чутьё настоящего фермера, которое подсказывало, в порядке земля или нет.

— Попробуй ты, Андрол, —

предложил Ивин. — Ты лучше всех создаёшь Переходные Врата.

Андрол оглядел всех троих. Последним был Канлер — стареющий андорский фермер, и он хмурился. Естественно, Канлер был вечно чем-то недоволен.

Андрол закрыл глаза, избавляясь от всех чувств и обнимая пустоту. Там сияла *саудин*, воплощение жизни и Силы. Он ухватился за неё, упиваясь ею. Открыв глаза, он увидел, что мир преобразился, став более живым. Могут ли увядшие растения одновременно выглядеть чахлыми и полными жизни? Странное сочетание, но оно становилось возможным благодаря

саидин.

Он сосредоточился. Плетение Переходных Врат ему давалось намного легче других, и он не понимал, почему. Несмотря на то, что с помощью Силы ему не удавалось расколоть даже крохотный камешек, он мог создавать Врата достаточные для проезда повозки. Логайн называл это впечатляющим, Таим — невозможным.

В этот раз Андрол вложил в плетение всю имеющуюся у него Силу. Он разобрался в Переходных Вратах. Они были ему понятны. Возможно, это объяснялось его врождённой страстью к путешествиям, к перемене мест,

овладению новыми навыками.

Потоки сплелись воедино. Он не заметил сложностей, о которых упоминал Эмарин. Однако вместо вспышки привычной полосы света, плетение начало распадаться. Андрол старался не отпускать его, удерживать. На мгновение показалось, что это сработает. Затем нити выскользнули из его хватки и исчезли. Переходные Врата так и не создались.

— Остальные плетения, которые я пробовал, работают, — сказал Ивин, создавая шар света. — Все до единого.

— Не работают только Переходные Врата, — проворчал

Канлер.

— Будто... будто что-то не хочет выпускать нас отсюда, — сказал Эмарин. — Из Чёрной Башни.

— Попробуйте создать их в других местах на территории Башни, — сказал Андрол. — Но старайтесь, чтобы никто из сторонников Таима не заметил. Притворитесь, что инспектируете сооружения, как приказывал Таим.

Мужчины кивнули, все трое пошли на восток. Андрол тоже ушёл с поляны. У дороги, озираясь по сторонам и высматривая Андрола, стоял Норли. Невысокий, полноватый в талии кайриэнец помахал ему и пошёл навстречу. Они

встретились на полпути. У Норли была открытая, привлекательная улыбка. Никто даже не подозревал, что он шпионит для них, и это было на пользу Андролу.

— Ты разговаривал с Мезаром? — спросил Андрол.

— Конечно, — ответил Норли. — Пообедали вместе. — Он по пути помахал Мишраэлю, наблюдавшему за упражняющейся с плетениями группой солдат. Золотоволосый мужчина пренебрежительно отвернулся.

— И? — напряжённо спросил Андрол.

— Это не настоящий Мезар, — сказал Норли. — О, у него лицо

Мезара, это точно. Но это не он. Я понял это по его глазам. Беда в том, что у этого существа, кем бы оно ни было, память Мезара. Разговаривает в точности как он. Но улыбка не та. Всё не то.

Андрол вздрогнул.

— Это должен быть он, Норли.

— Это не он, уверяю тебя.

— Но...

— Это точно *не он*, — отрезал коренастый мужчина.

Андрол глубоко вздохнул. Когда несколько дней назад Мезар вернулся, рассказав, что с Логайном всё в порядке и что вопрос с Таимом скоро разрешится, Андрол начал надеяться, что это выход из

сложившейся неразберихи. Но что-то в этом человеке было не так. Кроме того, М'Хаэль организовал грандиозное представление с присвоением Мезару звания полного Аша'мана, возвысив его от лица Дракона. И теперь Мезар, некогда горячо преданный Логайну, всё своё время проводил с Котреном и другими лизоблюдами Таима.

— Дело принимает дурной оборот, Андрол, — тихо сказал Норли, улыбаясь и махая другой группе тренирующихся мужчин. — Я бы сказал, пришло время, наплевав на приказы, покинуть это место.

— Мы не сможем пройти мимо караулов, — сказал Андрол. — Таим

не отпустил даже Айз Седай; ты слышал, какую истерику у ворот закатила на днях та пухленькая. Таим удвоил ночную стражу, а Переходные Врата не работают.

— Ну, мы же должны что-то предпринять, ведь так? Я имею в виду... а что если Логайн у них в руках? Что тогда?

— Я... — *«Я не знаю»*. — Ступай, поговори с остальными сторонниками Логайна. Я хочу, чтобы мы перебрались в общую казарму. Вместе с семьями. Мы объясним М'Хаэлю, что хотим освободить место для его новобранцев. После этого мы будем выставлять охрану по ночам.

— Это сделает раскол довольно очевидным.

— Раскол уже очевиден, — сказал Андрол. — Ступай.

— Разумеется. Но что собираешься делать ты?

Андрол глубоко вздохнул.

— Я собираюсь найти союзников.

Норли свернул налево, а Андрол продолжил путь по дорожке через деревню. Казалось, в последнее время всё меньше и меньше людей проявляют к нему уважение. Либо они боялись, либо связали свою судьбу с Таимом.

Он проходил мимо групп мужчин в чёрных кафтанах, которые

проводжали его взглядом, скрестив на груди руки. Андрол старался не вздрагивать. По пути он заметил Мезара, стоявшего с группой подхалимов Таима. У мужчины были седеющие на висках волосы и подоманийски медный оттенок кожи. Он улыбнулся Андролу. Мезар вообще улыбался неохотно. Андрол кивнул ему и встретился с ним взглядом.

Тут он увидел то, что заметил Норли. Что-то глубоко неправильное, что-то не совсем живое в его взгляде. Он казался не человеком, а его неудачным подобием. Тень, втиснутая в его шкуру.

«Да поможет нам Свет», —

поспешно удаляясь, подумал Андрол. Он держал путь к южной части деревни, к кучке хижин с выцветшими добела деревянными стенами и крытыми соломой крышами, которые не помешало бы заменить.

Андрол помедлил снаружи. Что он делает? Здесь остановились женщины из *Красной Айя*. Они заявили, что пришли связать Аша'манов узами, но так до сих пор этого и не сделали. Очевидно, это какая-то уловка. Возможно, они явились сюда, чтобы найти способ укротить всех сразу.

Но в этом случае, он, по крайней мере, мог рассчитывать на то, что

женщины не окажутся сторонницами Таима. Когда ты заглянул в пасть рыбе-льву, пиратский корабль уже не кажется столь уж плохим вариантом. Андрол однажды слышал эту поговорку на юге, когда подрабатывал на рыбацкой лодке.

Набрав в грудь воздуха, он постучался. В ответ дверь открыла пухленькая Красная. У неё было безвозрастное лицо Айз Седай — немолодое, но, в действительности, и нестарое. Она вопросительно посмотрела на Андрола.

— Я слышал, вы желаете покинуть Чёрную Башню, — сказал Андрол, надеясь, что поступает правильно.

— Ваш М'Хаэль передумал? — с надеждой спросила она. На самом деле она даже улыбнулась. Редкое явление для Айз Седай.

— Нет, — ответил Андрол, — насколько я знаю, его запрет всё ещё в силе.

Она нахмурилась.

— Тогда...

Андрол понизил голос.

— Вы — не единственные, кто хочет покинуть это место, Айз Седай.

Она совершенно невозмутимо посмотрела на него. *«Она мне не верит»*, — решил он. Удивительно, как отсутствие эмоций само по себе выдает, что у человека на уме.

В отчаянии Андрол шагнул вперёд, положив руку на дверной косяк.

— Здесь происходит нечто скверное. Хуже, чем можно представить. Когда-то, давным-давно, мужчины и женщины объединялись, чтобы работать с Силой. Это делало их сильнее. Пожалуйста. Выслушайте меня.

Она постояла ещё мгновение, затем распахнула дверь.

— Быстро входи. Тарны — женщины, с которой я делю эту хижину — сейчас нет. Мы должны закончить до того, как она вернётся.

Андрол вошёл. Он не знал, вступает ли он на палубу пиратского

корабля или в пасть рыбе-льву. Но это был необходимый шаг.

Глава 57

КРОЛИК НА УЖИН

Ослеплённый яркой вспышкой, Мэт приземлился на неровную почву. Разразившись проклятиями, он опёрся на *ашандарей* как на посох, чтобы удержаться на упругой земле. Он почувствовал запах опавшей листвы, глины и гнилой древесины. Где-то в тени жужжали насекомые.

Пелена спала, и он обнаружил, что стоит перед Башней Генджей. А он уже был готов вновь оказаться в Руидине. Видимо, копьё вернуло его из башни туда, откуда он в неё вошёл. Том сидел на земле, поддерживая

моргающую и озирающуюся вокруг Морейн.

Мэт развернулся лицом к башне и ткнул пальцем в сторону её вершины.

— Я знаю, вы наблюдаете! — возбуждённо выкрикнул он. У него *получилось*! Он провернул это дельце и вернулся живым! — Я обыграл вас, вы, жалкие ошмётки! Я, Мэтрим Коутон, выжил, несмотря на все ваши ухищрения! Ха! — Он взмахнул *ашандареем* над головой. — И вы сами дали мне ключ от выхода! Что, съели? Вы треклятые, прожжённые, незаконнорожденные вруны!

Мэт широко улыбнулся, стукнув копьём оземь. И кивнул сам себе.

Никому на свете не одолеть Мэтрима Коутона. Ему врали, твердили о каких-то невнятных пророчествах, угрожали и, наконец, даже повесили. Но в конце победителем оказался Мэт.

— Кто был третьим? — из-за спины раздался тихий голос Морейн. — Тот, кого я видела, но не знала?

— Он не выбрался, — угрюмо ответил Том.

Это поубавило радость Мэта. Их победа была оплачена чудовищной ценой. Значит, Мэт всё это время путешествовал бок о бок с живой легендой?

— Это был друг, — тихо

произнёс Том.

— И великий человек, — добавил Мэт, оборачиваясь и выдёргивая увязший в глине *ашандарей*. — Когда соберёшься писать об этом балладу, Том, не забудь упомянуть, что это он был настоящим героем.

Том взглянул на Мэта и понимающе кивнул.

— Мир должен узнать, что стало с этим человеком.

Свет! До Мэта только сейчас дошло, что Том вовсе не удивился тому, что Ноэл на самом деле был Джейином Далекоходившим. Он уже *знал*. Когда же он догадался? И почему ничего не сказал Мэту? А ещё

друг называется.

Мэт покачал головой.

— Ну что ж. Так или иначе, но мы выбрались. Хотя в следующий раз, Том, когда я соберусь вести треклятые переговоры, тихонько подкрадись сзади и хорошенько тресни меня по голове чем-нибудь большим, тупым и желательно потяжелее. А потом берись за дело сам.

— Твоя просьба услышана.

— Давайте немного отойдём отсюда. Мне вовсе не нравится, что эта треклятая башня торчит прямо надо мной.

— Да, — согласилась Морейн, — можно сказать, что они

питаются эмоциями. Хотя я бы не стала говорить «питаются», скорее они ими «лакомятся». Эмоции не *нужны* им, чтобы жить, но они приносят большое удовольствие.

Они устроились в небольшой заросшей лесом ложбине неподалёку от башни, на краю прибрежного луга у Аринелле. Плотный лесной шатёр одновременно приятно охлаждал воздух и скрывал от них башню.

Мэт сидел на небольшом поросшем мхом камне, наблюдая за Томом, разводившим костёр. У того сохранилось несколько чиркалок Алудры в кармане, а также кулёк с чаем, хотя греть воду было не в чем.

Мореин, всё ещё укутанная в

плащ Тома, сидела на земле, откинувшись на поваленное дерево. Она плотно запахнула плащ, придерживая его рукой изнутри и полностью в нём спрятавшись, за исключением обрамлённого тёмными кудрями лица. Сейчас она как никогда напоминала Мэту обыкновенную женщину. В его воспоминаниях она была скорее изваянием: вечно лишённое всякого выражения, словно вырезанное из отполированного камня лицо с тёмно-кариыми глазами-топазами.

А тут она сидела бледная с румянцем на щеках и растрёпанными, лежащими естественно волосами. Она

выглядела даже привлекательно, если не обращать внимания на её безвозрастное айзседайское лицо. И всё же на этом лице отражалось куда больше эмоций, чем мог припомнить Мэт: теплота, с которой она глядела на Тома, и лёгкая дрожь, когда она вспоминала о проведённом в башне времени.

Она посмотрела на Мэта, и он заметил её оценивающий взгляд. Да, это была прежняя Морейн. Присмирившая, чуть приунывшая. Но от этого она казалась ему даже *сильнее*, чем раньше.

Том подул на слабое пламя, в воздух поднялись языки дыма и огонь погас. Видимо дрова были насквозь

сырыми. Том выругался.

— Всё хорошо, Том, — тихо успокоила его Морейн. — Со мной всё будет в порядке.

— А я не позволю тебе схватить простуду через мгновение после того, как мы освободили тебя из *этого места*, — откликнулся Том. Он вынул новую чиркалку, но внезапно дерево вспыхнуло, и огонь принялся лизать не слишком сухие дрова.

Мэт покосился на Морейн, на лице которой появилось сосредоточенное выражение.

— О, — только и вымолвил Том, затем рассмеялся. — Я почти забыл об этом...

— Теперь это всё, на что я способна, — поморщившись, произнесла Морейн. Свет, разве Морейн раньше когда-либо *морщилась*? Обычно она была выше этого, разве нет? Или это у Мэта остались о ней неверные воспоминания?

Морейн. Он разговаривал с треклятой *Морейн*! Хотя он сунулся в эту башню с чёткой целью её спасти, всё-таки невероятно, что он вот так просто с ней теперь разговаривал. Это всё равно, что разговаривать с...

Да чего там! Всё равно, что разговаривать с Бергитте Серебряный Лук или Джейином Далекоходившим. Покачав головой, Мэт улыбнулся

своим мыслям. Какой всё-таки мир странный, и какую странную роль он уготовил для Мэта.

— Что ты имеешь в виду, Морейн? — спросил Том, подбрасывая в костерок тонкие палочки. — Всё, на что ты способна?

— Элфин и Илфин, — спокойно пояснила она. — Они питаются и наслаждаются сильными эмоциями. По какой-то причине эффект *та'верен* вызывает у них ещё большее опьянение. Но у них есть и другие способы получить удовольствие.

Том, нахмурившись, обернулся к ней.

— Моя Сила, Том, — пояснила Морейн, — я слышала, как они лая и

шипя, питались ею. И те и другие, Элфин и Илфин — по-очереди. Похоже, к ним не часто попадают Айз Седай. Но, высасывая мою способность направлять, они насыщались вдвойне — моей печалью о том, что я теряю способности, и Силой самой по себе. Мой потенциал существенно ослаблен.

Они говорили, что убили Ланфир, высосав её слишком быстро, хотя, возможно, они просто пытались сильнее меня напугать. Однажды меня разбудили, и там был человек. Он сказал, что я не та, за кем он пришёл. — Она помедлила, затем поёжилась. — Порой мне даже

хотелось, чтобы они побыстрее осушили меня и покончили с моей жизнью.

Крохотный лагерь замолк под потрескивание огня. Том беспомощно смотрел на Мореин.

— Не стоит так грустить, Том Меррилин, — обратилась Мореин к Тому, улыбнувшись. — Я пережила ужасные мгновения отчаяния, но каждому рано или поздно приходится их испытать. Я верила, что ты придёшь за мной. — Она высвободила из-под плаща руку, обнажив худое бледное плечо, и протянула её Тому. Мужчина помедлил, затем принял руку и крепко сжал.

Мореин перевела взгляд на Мэта:

— А теперь о тебе, Мэтрим Коутон. Ты уже не тот простой фермерский паренёк. Как твой глаз, болит?

Мэт пожал плечами.

— Если бы я могла, я бы Исцелила рану, — произнесла Мореин, — но даже с прежней силой мне бы не удалось вернуть тебе глаз. — Она опустила взгляд, отпустив Тома и повернув руку ладонью вверх. — *Ангриал* у тебя?

— О да, — ответил Том, выудив из кармана странный браслет и надев ей на руку.

— С его помощью, — пояснила

Морейн, — у меня будет достаточно сил, чтобы хотя бы унять боль. Они надели его на меня, чтобы дать мне зачерпнуть больше Силы и растянуть удовольствие. Я потребовала его в качестве одного из желаний, но не ожидала, что они используют его против меня самой.

— Они исполнили твои три желания? — нахмурившись, спросил Мэт.

— Я же прошла через *тер'ангриал*, — напомнила она. — Древний договор действовал и для них, и для меня, хотя после того, как был уничтожен портал, я знала из... достоверных источников, что простого пути обратно не будет. И

мне не удастся вернуться, невзирая на мои желания или как именно я их сформулирую, пока вы трое не явитесь за мной. Поэтому я использовала желания с пользой.

— И чего же ты попросила? — спросил Мэт. — Помимо *ангриала*?

Женщина улыбнулась.

— Пока я об этом промолчу. Но я благодарна тебе, юный Мэтрим, за спасение моей жизни.

— Тогда, полагаю, мы в расчёте, — ответил он. — Ты спасла меня от жизни в Двуречье. Чтоб мне сгореть, если с тех пор я не скачу во всю прыть.

— Так как твоя рана?

— Уже не так сильно болит. —

Вообще-то рана пульсировала от боли. И очень, очень сильно. — Не нужно тратить на меня силы.

— Вижу, ты по-прежнему боишься Силы.

Мэт вспыхнул в ответ:

— Боюсь?

— Думаю, у тебя есть на то причины, — она отвела от него взгляд. — Но знай. Порой самые худшие неприятности в жизни могут случаться для нашего же блага.

Да, это была прежняя Морейн. Легка на помине со своими наравоучениями и советами. Но, возможно, у неё было право после того, что она пережила, прочесть ему парочку наставлений о боли и

страданиях. Свет! Ей было *известно*, через что предстоит пройти, и она всё равно затащила Ланфир в тот *тер'ангриал*? Может, герой тут вовсе не Мэт и даже не Ноэл?

— Итак, что дальше? — спросил Том, присаживаясь на пенёк. От костра потянуло приятным теплом.

— Мне нужно разыскать Ранда, — ответила женщина. — Ему понадобится моя помощь. Полагаю, в моё отсутствие дела у него шли хорошо?

— Мне об этом ничего не известно, — ответил Мэт. — Он наполовину свихнулся, а весь растреклятый мир вцепился друг другу в глотку. — В голове

закрутился цветной вихрь. Ранд ужинал с Мин. Мэт отмахнулся от видения.

Морейн удивлённо вскинула бровь.

— Хотя, — признал Мэт, — он чуть ли не каждого встречного тащит на Последнюю Битву. А Верин упоминала, что ему удалось очистить *саидин* от порчи.

— Хвала Свету, — прошептала Морейн. — Но как?

— Понятия не имею.

— Это всё меняет, — сказала она, широко улыбнувшись. — Он исправил то, что когда-то испортил. «С Драконом придёт наша боль, и с ним же придёт исцеление».

— Мэт всё твердит, что мы должны устроить какое-нибудь торжество или ещё как-то это отпраздновать, — вмешался Том. — Хотя, может, он просто ищет повод напиться.

— Уж я-то конечно, — добавил от себя Мэт. — Но всё равно Ранд много чего успел провернуть. Илэйн говорила, у него назначено свидание со всеми присягнувшими ему монархами.

— Значит, Илэйн стала королевой?

— Конечно стала. Её мать убил Равин, — ответил Мэт.

— Ты мне говорил.

— Я говорил? Когда?

— В прошлой жизни, Мэтрим, — ответила она с улыбкой.

— О. Ну, Ранд его всё равно прикончил. Так что всё в порядке.

— А остальные Отрёкшиеся? — спросила Мореин.

— Не знаю.

— Мэт был слишком занят, чтобы за ними уследить, — вставил Том. — Ему нужно было жениться на шончанской императрице.

Мореин удивлённо моргнула:

— *Что*, простите?

— Всё вышло случайно, — потупившись, пробормотал Мэт.

— Ты *случайно* женился на императрице Шончан?

— Просто у них какие-то

диковинные обычаи, — нахлобучивая поглубже шляпу, ответил Мэт. — И вообще они странные какие-то.

Он выдавил из себя смешок.

— *Та'верен*, — произнесла Морейн.

В глубине души он знал, что именно так она и скажет. Свет. Как же хорошо, что она вернулась. Мэт даже удивился, насколько сильно он этому рад. Кто бы мог подумать? Он, и вдруг так сильно привязался к Айз Седай?

— Что ж, — сказала она. — Похоже, мне придётся выслушать множество историй. Но сначала нам нужно разыскать Ранда.

Он также знал, что она

попытается взять главенство.

— Ты найдёшь его, Морейн, а у меня дела в Кэймлине. Не хочу спорить или ещё чего, но это так. И тебе стоит отправиться туда с нами. Думаю, именно Илэйн лучше всего может помочь тебе разыскать Ранда.

Треклятые цвета. Как будто мало ему потери глаза, нужно ещё отмахиваться от этих треклятых видений каждый раз, когда ему хочется подумать о Ранд...

«Чтоб им сгореть, этим видениям!»

Морейн снова вскинула бровь, и он покачал головой, залившись румянцем. Со стороны это, должно быть, выглядело так, будто у него был

припадок.

— Посмотрим, Мэтрим, — произнесла она, потом перевела взгляд на Тома, который стоял с кулечком чая в руке. Мэт даже решил, что его приятель собирается вскипятить воду прямо в руках, лишь бы напоить Мореин горячим чаем. Том встретился с нею взглядом, и она снова протянула ему руку.

— Дорогой Том, — сказала она, — я выйду за тебя замуж, если ты захочешь, чтобы я стала твоей женой.

— *Что?* — вскочив, выпалил Мэт. Он поднёс руку ко лбу, едва не смахнув с головы шляпу. — Что ты сказала?

— Тихо, Мэт, — ответил Том. Он не принял протянутую руку Морейн. — Тебе известно, Морейн, что я не сильно жалую женщин, способных направлять Силу. И тебе также известно, что именно это сдерживало меня в прошлом.

— Теперь я уже не так сильна, милый Том. Без этого *ангриала* в Белой Башне мне не хватило бы сил даже на то, чтобы стать Принятой. Если хочешь, я его выброшу. — Она высвободила из-под плаща вторую руку, едва скрывая свою наготу, и стянула ангриал с руки.

— Не думаю, что это необходимо, Морейн, — ответил Том, преклоняя колени и беря её руки в

свои. — Нет. Я не хочу чего-то тебя лишать.

— Но с *ангриалом* я буду очень сильна — даже сильнее, чем до того, как меня пленили.

— Да будет так, — произнёс мужчина. Он надел браслет обратно ей на запястье. — Я женюсь на тебе прямо сейчас, если ты этого хочешь.

Она широко улыбнулась.

Мэт стоял, ошарашенный увиденным.

— И кто же будет вас треклято женить? — выпалил он. — Ясно ведь как гром, что это буду не я.

Оба влюбленных разом посмотрели на него. Том спокойно, Морейн с намёком на улыбку.

— Теперь я понимаю, что в тебе нашла та шончанка, Мэт, — сказала Морейн. — У тебя определённо романтический склад ума.

— Просто я... — он стащил с головы шляпу, и стал неловко мять её в руках, переводя взгляд с одного на другого. — Просто я... чтоб мне сгореть! Как же я *проглядел*? Я же был рядом с вами почти всё то время, что вы были вместе! Когда вы успели влюбиться друг в друга?

— Ты был не очень внимателен, — ответил Том. Он повернулся к Морейн. — Полагаю, ты захочешь, чтобы я стал и твоим Стражем?

Она улыбнулась в ответ.

— Надеюсь, мой прежний Гайдин уже принадлежит другой.

— Я согласен на эту работёнку, — сказал Том, — но тебе придётся самой объяснять Илэйн, с какой стати её придворный бард вдруг стал чьим-то Стражем. — Он помедлил. — Как думаешь, они могут сделать тот меняющий цвета плащ с парой заплат на нём?

— Ну, как я погляжу, вы двое совсем треклято свихнулись, — сказал Мэт. — Том, не ты ли как-то говорил мне, что два самых неприятных для тебя места — это Кэймлин и Тар Валон? Сейчас ты во всю прыть несёшься с горы по дороге, которая кончается

проживанием в одном или другом!

Том пожал плечами.

— Времена меняются.

— К тому же, я мало времени проводила в Тар Валоне, — ответила Морейн. — Думаю, мы будем вместе наслаждаться странствиями, Том Меррилин. Если только мы переживём ближайшие несколько месяцев. — Она перевела взгляд на Мэта. — Не стоит так быстро отвергать узы Стража, Мэт. Преимущества, которые они дают мужчине, будут очень полезны в скором времени.

Мэт натянул шляпу обратно на голову.

— Может, это и так, но ты ни за

что не увидишь меня пойманным в эти треклятые узы. Без обид, Морейн. Ты мне очень нравишься, но быть *привязанным* к женщине? Такого никогда не будет с Мэтримом Коутоном.

— Правда? — спросил развеселившийся Том. — Мы разве не определили, что твоя Туон сможет направлять, если решит научиться?

Мэт застыл на месте. Проклятый пепел. Том был прав. Но если она станет направлять Силу, это превратит её в *марат'дамани*. Она никогда не пойдёт на это. Ему не стоит беспокоиться.

Или всё-таки стоит?

Видимо у него всё было

написано на лице, поскольку Том рассмеялся, а Морейн снова улыбнулась. Но вскоре оба потеряли интерес к Мэту и принялись тихо что-то обсуждать. Влюблённость, горевшая в их глазах, не была напускной. Они и *в самом деле* любили друг друга. Свет! Как же Мэт этого не заметил? Он чувствовал себя человеком, пришедшим на скачки с хряком вместо коня.

Он решил не мешаться и оставить парочку наедине. Поэтому молодой человек отправился разведать местность вокруг предполагаемого места появления Врат. И лучше бы они появились. У друзей не осталось никаких

припасов, и Мэту не улыбалось ловить проплывавший по реке корабль, а затем долго плестись в Кэймлин.

Через луг до берега Аринелле было совсем недалеко. Оказавшись на нём, Мэт соорудил небольшую пирамиду из камней в память о Ноэле, снял перед ней шляпу и присел рядом, чтобы подождать и немного подумать.

Морейн была спасена. Мэт тоже выжил, хотя треклятая глазница причиняла невероятную боль. Он до сих пор не был уверен, тянутся ли к нему ниточки от Элфин и Илфин, но он сунулся к ним в логово и выбрался невредимым. По большей части.

Один глаз он потерял. Как это скажется на его способности драться? Это беспокоило его больше всего остального. Снаружи он хорохорился, но внутри втайне боялся. Что Туон подумает о таком одноглазом муже? О муже, который, возможно, не способен за себя постоять?

Он вытащил нож и подбросил его, поймав за лезвие. Затем, подчинившись внезапному порыву, метнул его, не глядя, за спину. Мэт услышал тихий визг и, обернувшись, обнаружил проткнутую ножом тушку кролика.

Мэт улыбнулся и обернулся к реке. Там он заметил что-то,

застрявшее между двух огромных валунов, находившихся прямо возле берега. Это оказался перевёрнутый котелок с медным дном, почти новый и всего с парой вмятин на боку. Должно быть, его обронил какой-то шедший вверх по реке странник.

Да, может, Мэт теперь и не был способен верно определять расстояние, да и видел не так хорошо. Но везёт всегда больше, когда не смотришь.

Улыбка Мэта стала шире, он подхватил кролика — нужно будет освежевать его на ужин — и выловил котелок из реки.

Чай у Морейн всё-таки будет.

Эпилог И ПОСЛЕ

Грендаль торопливо собирала всё самое необходимое из своего нового дворца. Со своего стола она взяла маленький *ангриал*, выторгованный у Месаны взамен на информацию. Он был выполнен в виде тонкого гравированного ножа из поделочной кости; она потеряла своё золотое кольцо при нападении ал'Тора.

Грендаль швырнула его в сумку, затем схватила пачку бумаг со своей кровати. Имена агентов, глаз-и-ушей — всё, что она сумела вспомнить из

уничтоженного в Кургане Нэтрина.

Снаружи волны бились о скалы. Было всё ещё темно. Прошли всего мгновения с тех пор, как последнее оружие её подвело, и Айбара пережил сражение. План должен был *сработать!*

Она находилась в своём роскошном особняке, расположенном в нескольких лигах от Эбу Дар. После гибели Семираг Грендаль начала протягивать ниточки к новой юной императрице Шончан. Теперь ей придётся отказаться от своих планов.

Перрин Айбара сбежал. Она была потрясена. Один план за другим выполнялся идеально. А

потом... Айбара спасся. Но как? Ведь есть пророчество... там сказано...

«Во всём виноват этот глупец Изам, — подумала Грендаль, запихивая бумаги в сумку. — И этот идиот Белоплащик!» Она вся покрылась потом, хотя не должна была потеть.

Грендаль смахнула несколько *тер'ангриалов* со стола в сумку, потом открыла шкаф, подбирая, что взять из одежды с собой. *Он* мог найти её где угодно.

За исключением, возможно, одного из отражений мира за Портальными Камнями. Да. Там его воздействие не столь...

Она повернулась с охапкой шёлка в руках и застыла. В комнате стояла фигура. Высокая, словно колонна, облачённая в чёрную мантию. Безглазая. С улыбающимися губами цвета смерти.

Грендаль упала на колени, отбросив в сторону платья. Пот сбегал с её виска на щеку.

— Грендаль, — произнёс высокий Мурддраал. Его голос ужасал, подобно шёпоту умирающего человека. — Ты потерпела поражение, Грендаль.

Шайдар Харан. Дела очень плохи.

— Я... — ответила она, облизывая пересохшие губы. Как

превратить поражение в победу? —
Всё идёт согласно плану. Это
только...

— Я знаю твоё сердце,
Грендаль. Я чувствую вкус твоего
ужаса.

Она крепко зажмурилась.

— Месана пала, — прошептал
Шайдар Харан. — В результате твоих
действий уничтожены трое
Избранных. Планирование, сеть
неудач, некомпетентность.

— Я непричастна к падению
Месаны!

— Непричастна? Грендаль, шип
снов был там. Сражавшиеся вместе с
Месаной сказали, что пытались
переместиться, выманить Айз Седай

туда, где можно было захлопнуть ловушку. Они не планировали сражаться в Белой Башне. Но не смогли уйти — из-за тебя.

— Изам...

— Всего лишь данное тебе оружие. А вина твоя, Грендаль.

Она вновь облизала губы. Во рту у неё полностью пересохло. Из этого положения *должен* быть выход.

— У меня есть план получше, более дерзкий. Тебя впечатлит. Ал'Тор считает, что я мертва, поэтому я могу...

— Нет, — такой спокойный голос, но такой жуткий. Грендаль обнаружила, что не может говорить. Что-то лишило её голоса. — Нет, —

продолжил Шайдар Харан, — эта возможность уже дана другому. Но, Грендаль, ты не будешь забыта.

Она посмотрела наверх, ощущая прилив надежды. Эти мёртвые губы широко улыбались, безглазый взгляд застыл на ней. Она почувствовала чудовищную слабость.

— Нет, — сказал Шайдар Харан, — я не забуду тебя, и ты не должна забыть то, что последует дальше.

Грендаль широко раскрыла глаза, затем взвыла, когда он потянулся к ней.

Небо рокотало; трава вокруг Перрина покрылась волнами. Она была вся в чёрных пятнах, как и в реальном мире. Даже мир волчьих снов умирал.

Воздух был полон запахов, не принадлежавших этому месту. Запахов горящего костра, засохшей крови, мёртвого тела неизвестного ему зверя, тухлых яиц.

«Нет, — подумал он. — *Здесь этому не бывать*».

Перрин собрал всю свою волю. Эти запахи *исчезнут*. И они исчезли, а взамен им возникли запахи лета. Трава, ежи, жуки, мох, мыши, сизокрылые голуби, пурпурные зяблики. Всё это мгновенно

пробудилось к жизни, окружив Перрина.

Он стиснул зубы. Новая реальность расходилась от него подобно волне, смывая черноту с растений. Облака над ним заволновались и разомкнулись. Солнечный свет устремился вниз. Гром затих.

«И Прыгун жив, — подумал Перрин. — Жив! Я чувствую запах его шкуры, слышу, как он скачет по траве».

Перед ним, словно сотканный из тумана, появился волк. Серебристо-серый, седой от долгих лет жизни. Перрин вздрогнул от собственной силы. Волк *был* настоящим.

А потом он увидел глаза волка.
Безжизненные.

Запах стал затхлым и
неправильным.

Перрин покрылся потом от
напряжения, вызванного чрезмерной
концентрацией. Что-то внутри него
оборвалось. Он слишком сильно
проникал в волчий сон. Попытаться
полностью контролировать это
место, было сродни попытке
удержать волка в конуре.

Перрин закричал, упав на
колени. Туманный лже-Прыгун исчез
с лёгким дуновением, и облака вновь
сомкнулись. Над ним сверкнула
молния, траву покрыли чёрные
пятна. Неправильные запахи

вернулись.

Он стоял на коленях, со лба стекал пот. Одной рукой он опирался на колючую чёрно-бурую траву, ставшую слишком жёсткой.

Перрин вспомнил о Фэйли в их палатке на поле Меррилора. *Она* была его домом. Ещё многое предстояло сделать. Ранд пришёл, как и обещал. Завтра он встретится с Эгвейн. Мысли о реальном мире вернули Перрина на землю, не позволяя ему слишком сильно проникать в волчий сон.

Перрин поднялся. Он на многое был способен в этом месте, но был и предел. Всему есть предел.

«Отыщи Свободного От Оков.

Он объяснит».

Последнее послание Прыгуна. Что оно означало? Прыгун сказал, что Перрин уже нашёл ответ. Но что теперь? Может Свободный От Оков его объяснит? Послание было пропитано болью, утратой и удовлетворением тем, что Перрин принял волка внутри себя. Последний образ волка с блестящим мехом и исходящим запахом решимости, гордо прыгающего в темноту.

Перрин переместился на Джеханнахский тракт. Свободный От Оков часто бывал здесь с остатками стаи. Перрин мысленно потянулся и нашёл его — молодого поджарого

самца с бурой шерстью. Свободный От Оков поддразнил Перрина, послав ему образ быка, топчущего оленя. Другие больше не вспоминали этот образ, но не Свободный От Оков.

«Свободный От Оков, — передал Перрин. — Прыгун сказал, что ты мне нужен».

Волк исчез.

Перрин вздрогнул, затем прыгнул туда, где тот только что был — на вершину утёса в нескольких лигах от дороги. Там он уловил тончайший запах места, куда отправился волк, и последовал за ним. В открытое поле, где вдалеке виднелся амбар, выглядевший прогнившим.

«Свободный От Оков?» — позвал Перрин. Волк залёг в густом подлеске неподалёку.

«Нет. Нет». От Свободного От Оков исходил страх и гнев.

«Что я сделал?»

Волк метнулся, оставив за собой размытое пятно. Перрин зарычал и опустился на четыре лапы, превращаясь в волка. Юный Бык бросился в погоню с рёвом ветра в ушах. Он заставил ветер расступиться, ещё больше ускоряясь.

Свободный От Оков попытался исчезнуть, но Юный Бык последовал за ним, оказавшись в открытом океане. Он ударился о волны, ставшие твёрдыми под его лапами, и

продолжил гнаться за Свободным От Оков, не замедляя бег.

В посланиях волка один за другим мелькали образы. Леса. Города. Поля. Перрин, стоящий снаружи клетки и смотрящий на него.

Перрин замер, снова приняв человеческое обличье. Он стоял на вздымающихся волнах, медленно поднимаясь в воздух. *Что?* В последнем образе был он, только моложе. И с ним была *Морейн*. Как Свободный От Оков мог...

Внезапно Перрин всё понял. Свободного От Оков в волчьем сне всегда можно было найти в Гэалдане.

«*Ноам*», — позвал он волка,

успевшего далеко оторваться.

В ответ — вспышка удивления, и разум волка пропал. Перрин переместился туда, где только что был Свободный От Оков, и учуял след — небольшую деревню, амбар, клетку.

Перрин перенёсся туда. Свободный От Оков лежал на земле между двумя домами и смотрел на него. Он был неотличим от других волков, хотя теперь Перрин и догадывался, в чём было дело. Это был не волк. Это был человек.

— Свободный От Оков, — сказал Перрин, опускаясь на одно колено и заглядывая волку в глаза, — Ноам. Ты помнишь меня?

«Конечно. Ты — Юный Бык».

— Нет, помнишь ли ты, как мы встречались раньше, в реальном мире? Ты послал мне образ нашей встречи.

Ноам раскрыл пасть, и в ней появилась кость. Большая бедренная кость с остатками мяса на ней. Он лёг на бок и начал её грызть. *«Ты Юный Бык»*, — упрямо ответил он.

— Помнишь ли ты клетку, Ноам? — тихо спросил Перрин, посылая образ. Образ человека в грязной ободранной одежде, запертого в самодельной деревянной клетке своими же родными.

Ноам замер, и на мгновение его изображение колыхнулось, став

человеческим. Волчье обличие тут же вернулось, и он издал низкий, опасный рык.

— Я вспомнил о плохих временах не для того, чтобы разозлить тебя, Ноам, — сказал Перрин. — Я... Я такой же, как и ты.

«Я волк».

— Да, — ответил Перрин. — Но ты не всегда им был.

«Всегда».

— Нет, — твёрдо возразил он. — Когда-то ты был таким, как я. Только воображая иначе, ты не сможешь изменить этого факта.

«Здесь смогу, Юный Бык, — ответил Ноам. — Здесь смогу».

Это было правдой. Почему

Перрина так волновал этот вопрос? Но ведь Прыгун направил его сюда. Почему у Свободного От Оков должен быть ответ? Его вид, знание того, кем он был, вновь вернули все страхи Перрина. Он примирился с собой, но вот перед ним был человек, полностью уступивший волку в себе.

И это приводило Перрина в ужас. Это знание вбило клин между ним и волками. Почему теперь, когда Перрин переборол этот страх, Прыгун послал его сюда? Свободный От Оков учуял его смятение. Кость исчезла, и волк положил голову на лапы, подняв взгляд на Перрина.

Ноам, почти лишившись разума, думал лишь о побеге и убийстве; он

был опасен для всех окружающих. Теперь от этого не было и следа. Свободный От Оков казался спокойным. Когда они освободили Ноама, Перрин боялся, что он недолго протянет, но сейчас он был жив и здоров. Жив точно, хотя Перрин и не брался судить о его здоровье по тому, как он выглядел в волчьем сне.

И всё же разум Свободного От Оков теперь был в гораздо лучшем состоянии. Перрин нахмурился. Морейн говорила, что в разуме этого создания не осталось ничего от личности Ноама-человека.

— Свободный От Оков, — проговорил Перрин, — что ты

думаешь о мире людей?

На Перрина мгновенно нахлынула быстрая череда образов: боль, печаль, гибнущий урожай, снова боль, крупный, плотный подвыпивший мужчина избивает миловидную женщину, опять боль, огонь, страх, горе. *Боль.*

Перрин отшатнулся. Свободный От Оков продолжал посылать образы. Один за другим: могила, рядом с ней ещё одна, поменьше, словно для ребёнка. Разгорающийся огонь. Человек в ярости — брат Ноама. Перрин узнал его, хотя при их встрече он не казался опасным.

Поток был слишком сильным. Перрин взвыл, оплакивая жизнь,

которую вёл Ноам, словно исполняя погребальную песню, полную горя и боли. Неудивительно, что тот предпочёл жить волком.

Образы прекратились, и Свободный От Оков отвернулся. Перрин силился вздохнуть, ртом хватая воздух.

«Это дар», — передал волк.

— Во имя Света, — прошептал Перрин. — Так это был выбор? Ты намеренно выбрал волка.

Свободный От Оков закрыл глаза.

— Я всегда думал, что он поглотит меня, если я не буду осторожен, — промолвил Перрин.

«Волк — это покой».

— Да, — ответил Перрин, положив руку волку на голову. — Теперь я понимаю.

Таким было равновесие для Свободного От Оков. Оно отличалось от равновесия Илайаса. И от того, что обрёл Перрин. Он понял. Это не убавляло опасности того, как он терял над собой контроль. Но это была последняя часть головоломки, которую ему необходимо было понять. Последняя часть его самого.

«Спасибо», — послал в ответ Перрин. Затем он создал образ волка Юного Быка и Перрина-человека с одинаковыми запахами, стоящих рядом друг с другом на вершине холма. И отправил его, вложив в это

все свои силы. Свободному От Оков,
другим волкам поблизости. Всем,
кто услышит.

«Спасибо».

* * *

— *Довиенди си товайя сагайн*, — произнёс Олвер, бросая
игральные кости. Они прокатились
по холщовому полу палатки. Когда
они остановились, Олвер улыбнулся.
На всех гранях были чёрные точки,
ни волн, ни треугольников. По-
настоящему удачный бросок.

Олвер передвинул свою фишку
на матерчатой игровой доске Змей и

Лисичек, которую для него когда-то сделал отец. Всякий раз один вид этой доски внушал Олверу боль, напоминая ему об отце, но он только прикусывал губу и не подавал вида. Солдаты не плачут. Кроме того, когда-нибудь он разыщет того самого Шайдо, убившего его отца. Вот тогда Олвер отомстит.

Именно так поступает настоящий мужчина, если он истинный воин. Олвер думал, что Мэт поможет, когда закончит со своими делами в Последней Битве. Мэт ему будет обязан, и не только за то, что Олвер был его личным порученцем, а ещё и за информацию про змей и лисичек.

Рядом в кресле сидел Талманес. Невозмутимый мужчина читал книгу и следил за игрой только вполглаза. Ему было далеко до Ноэла или Тома, да и был он здесь не для игр, а чтобы присмотреть за Олвером.

Мэт не хотел рассказывать Олверу, что он отправился в Башню Генджей без него. Что ж, Олвер не дурак какой-нибудь и понимает, что творится вокруг. И не сумасшедший, или не совсем. Ноэл хороший выбор, и раз Мэту пришлось взять всего двоих, тогда что ж... Ноэл сражается лучше Олвера, поэтому вполне разумно, что пошёл именно он.

Но в *следующий* раз выбирать будет Олвер. И тогда Мэту лучше

вести себя получше, иначе оставят его.

— Твой ход, Талманес.

Мужчина что-то пробурчал, потянулся и не глядя, не отрываясь от книги, сделал бросок. Он был неплохим парнем, но слегка чопорным. Олвер ни за что не взял бы такого на ночную попойку или на охоту за служанками. Он его и не возьмёт, когда достаточно повзрослеет, чтобы ходить на попойки и гоняться за служанками. Олвер решил, что через годик-другой будет в самый раз.

Олвер двинул змей и лисичек, затем взял кости, чтобы сделать следующий бросок. Он всё продумал.

Вокруг *полно* разных Шайдо, и у него не было ни малейшей зацепки, как найти того, кто убил его родителей. Но можно задать вопросы Элфинн. Он слышал, как про это рассказывал Мэт. Поэтому Олверу просто нужно отправиться к ним спросить об этом и выследить убийцу. Проще, чем прокатиться на лошади. Но сперва ему нужно немного потренироваться с Отрядом, чтобы научиться хорошо драться и потом выполнить то, что нужно.

Он метнул кости. Ещё один удачный бросок. Олвер улыбнулся и, замечтавшись о том дне, когда он наконец как следует отомстит, передвинул фишки обратно к центру

доски.

Он передвинул фишку через ещё одну линию и вдруг замер.

Его фишка оказалась в центре доски.

— *Я выиграл!* — воскликнул он.

Талманес оторвался от книги — трубка чуть не выпала у него изо рта. Уставившись на доску, он покачал головой:

— Чтоб мне сгореть, — пробормотал он. — Должно быть, мы что-то не так сосчитали, или...

— Не так сосчитали?

— Я имел в виду... — Талманес выглядел поражённым. — Выиграть нельзя. В эту игру нельзя выиграть. Просто невозможно.

Какая чепуха. Зачем же Олверу играть, раз выиграть нельзя? Он улыбнулся и оглядел игровую доску. Змеи и лисички остановились в одном шаге от его фишки и его проигрыша. Но в этот раз он добрался до внешнего кольца и проделал весь путь обратно. И *выиграл*.

Это тоже хорошо. А то он уже начинал было думать, что у него никогда не получится!

Олвер встал, разминая ноги. Талманес выбрался из кресла и присел на корточки над доской, почёсывая затылок, невзначай попыхивая трубкой.

— Надеюсь, Мэт скоро

вернётся, — сказал Олвер.

— Уверен, что скоро, — ответил Талманес. — Задание Её Величества не займёт много времени. — Эту ложь придумали специально для Олвера: о том, что Мэт и Том с Ноэлом отправились на секретное задние королевы. Что ж, это ещё одно очко к долгу Мэта. Честно говоря, порой Мэт мог быть таким строгим, словно Олвер не мог сам о себе позаботиться.

Олвер покачал головой, подойдя к стенке шатра, у которой были сложены бумаги Мэта, ожидавшие его возвращения. Там он заметил кое-что любопытное, выглядывающее между бумаг. Это был кусочек чего-

то красного, словно кровь. Он протянул руку и выудил из стопки бумаги потрёпанный конверт. Он был запечатан большой восковой печатью.

Олвер нахмурился, поворачивая конвертик так и эдак. Он видел, что Мэт всё время держал его при себе. Так почему же он его не вскрыл? Это же очень невежливо. Сеталль изо всех сил старалась привить Олверу хорошие манеры, хотя большая часть того, что она объясняла ему, было полной чепухой — он просто кивал головой, чтобы она дала ему прижаться к себе. Так вот, он был совершенно уверен, что нужно вскрывать присланные письма, а

потом вежливо на них отвечать.

Он вновь повертел письмо, потом пожал плечами и сломал печать. В конце концов, Олвер был личным порученцем Мэта, официальным лицом и всё такое. Не удивительно, что Мэт порой о чём-то забывал, а обязанностью Олвера было о нём позаботиться. Теперь, когда погиб Лопин, о Мэте приходилось заботиться вдвое больше. Частично и поэтому Олвер остался в Отряде. Он не был уверен, что Мэт без него справится.

Он развернул конверт и вынул небольшой плотный листок бумаги. Нахмурившись, он попытался разобрать слова. В основном

благодаря Сеталль он уже стал лучше читать, но некоторые слова представляли проблему. Он почесал затылок.

— Талманес, — сказал он. — Возможно, тебе стоит это прочесть.

— Что это? — мужчина отвлекся от созерцания игрового поля. — Ну вот! Олвер, что ты натворил? Это нельзя было открывать! — Талманес поднялся и выхватил бумажку из пальцев Олвера.

— Но... — начал было Олвер.

— Лорд Мэт не стал его открывать, — сказал Талманес. — Он знал, что оно втянет нас в интриги Белой Башни. Он терпел

несколько недель! А ты взял и всё испортил. Интересно, нельзя ли его как-нибудь заклеить обратно...

— Талманес, — настойчиво вмешался Олвер. — Мне кажется, это *важно*.

Талманес колебался — казалось, он разрывается между желанием спрятать письмо и прочесть его. Наконец он поднёс письмо к свету. Он прочел его очень быстро, словно мальчишка, крадущий еду с тележки уличного торговца и тут же запихивающий её в рот, пока не заметили.

Едва слышно Талманес прошептал проклятье. Он вновь перечитал письмо и выругался

громче. Он схватил свой меч, висевший на стенке шатра, и выскочил наружу. На полу валялось брошенное письмо.

Олвер взял и прочёл его вновь, повторяя вслух непонятые с первого раза слова:

Мэтрим,

Если ты открыл это письмо, значит, я мертва. Я собиралась обернуться за один день и освободить тебя от клятвы. В моём следующем деле целая куча потенциальных сложностей, однако есть и большой шанс, что я не

выживу. Мне нужно знать, что у меня есть кто-то, на кого я могла бы положиться в этом деле.

К счастью, есть одна вещь, на которую я могу положиться — это твоё любопытство.

Подозреваю, что прежде, чем вскрыть это письмо, ты выдержишь несколько дней. Этого времени мне хватит, чтобы успеть вернуться, если смогу. Если нет, это дело станет твоим.

В Кэймлине есть Путевые Врата. Их

охраняют, они
забаррикадированы, и
считаются безопасными.
Но это не так.

К Кэймлину по Путям
движется чудовищная
армия Отродий Тени. Я не
знаю, когда именно они
вышли, но у нас ещё есть
время их остановить.
Нужно добраться до
королевы и убедить её
уничтожить врата. Это
возможно; просто
забаррикадировать их
недостаточно. Если их не
получится уничтожить,
то королеве нужно

*собрать все силы на их
защиту.*

*Если ты с этим не
справишься, то, боюсь,
Кэймлин будет потерян
ещё до конца месяца.*

*Искренне твоя,
Верин Матвин.*

Олвер почесал подбородок. Что такое эти Путевые Врата? Кажется, он слышал что-то подобное от Мэта с Томом. Он с письмом вышел из шатра.

Талманес стоял рядом с шатром, глядя на восток в сторону Кэймлина.

Над горизонтом висело красное

заревом. Оно было прямо над городом. И больше, чем в любую другую ночь.

— Храни нас Свет, — прошептал Талманес. — Это пожар. Город горит. — Он встряхнул головой, словно пытаясь избавиться от наваждения, но тут же закричал: — К оружию! В Кэймлине троллоки! Город в осаде! К оружию, бойцы! Чтоб мне сгореть, нам нужно мчаться в город и спасти наших драконов! Если они попадут в руки Тени, то все мы покойники!

Олвер с расширенными глазами выпустил письмо из руки. Троллоки в Кэймлине? Это словно Шайдо в Кайриэне, только хуже.

Он бросился в шатёр Мэта,

споткнулся о ковёр и упал на колени рядом со своей походной койкой. Он лихорадочно дернул шов с краю матраца. Из разреза вылезла набитая внутрь шерсть. Он сунул внутрь руку, пошарил и вытянул спрятанный там длинный нож. Тот был в кожаных ножнах. Он стащил его у квартирмейстера Отряда — Бергевина — когда тот отвернулся.

После Кайриэна Олвер дал себе обет, что больше никогда не будет трусом. Поэтому он изо всех сил сжал нож двумя руками так, что побелели костяшки пальцев, и кинулся прочь из шатра.

Пришло время сражаться.

Перебираясь через пенёк упавшего дерева, Баррига споткнулся. Кровь капнула со лба на землю, и, казалось, покрытая тёмными пятнами крапива впитала её, насыщаясь его жизнью. Баррига поднял трясущуюся руку ко лбу. Повязка промокла насквозь.

«Некогда останавливаться. Некогда!» Он заставил себя подняться на ноги и торопливо пробрался через бурые пилообразные листья. Баррига старался не смотреть на чёрные пятна, покрывавшие растительность. Запустение, он попал в *Запустение!* Но что ещё ему

оставалось делать? На юге буйствовали троллоки; все башни пали. *Сам Кандор* пал.

Баррига оступился и упал на землю. Постанывая, он перевернулся и принялся жадно хватать ртом воздух. Баррига лежал во впадине меж двумя холмами к северу от Башни Хит. Его некогда изящная одежда — куртка и камзол из роскошного бархата — была изорвана и покрыта пятнами крови. Баррига провонял дымом, а когда он закрывал глаза, то видел троллоков, окруживших его караван, убивающих его слуг и солдат.

Все они погибли. Тум, Ян... оба мертвы. Свет, они *все мертвы*.

Барригу затрясло. Как он докатился до такого? Он же был простым купцом. *«Я должен был послушаться Ребека»*, — подумал Баррига. Позади, над Башней Хит, поднимался дым. Именно туда направлялся его караван. Как же такое могло случиться?

Он должен продолжать двигаться. На восток. Он доберётся до Арафела. Не могли же пасть и остальные государства Порубежья? Или могли?

Баррига карабкался по склону холма, цепляясь руками за короткие стебли вьющейся травы, казавшиеся червями, скользнувшими между пальцев. Барригу начинало

подташничать. Когда он добрался до вершины холма, мир вокруг него начал вращаться. Там он и упал. Сквозь его повязку сочилась кровь.

Баррига заметил перед собой какое-то движение, моргнул. Над ним бурлили облака. А спереди к нему со змеиной грацией приближались три фигуры в чёрно-коричневых одеждах. Мурддраалы!

Нет. Он сморгнул с глаз кровь и слёзы. Нет, *не* Мурддраалы. Это были люди с закрывавшими их лица красными вуалями. Они двигались, припав к земле и внимательно осматривая местность, за спиной у них были короткие копья.

— Хвала Свету, — прошептал

Баррига. — Айил.

Он был в Андоре, когда туда явился Ранд ал'Тор. Все знали, что Айил следуют за Драконом Возрождённым. Он их приручил.

«Я в безопасности!»

Один из айильцев подошёл к Барриге. Но почему его вуаль красного цвета? Это необычно. Тёмные глаза айильца были равнодушны и безжизненны. Он снял вуаль, открыв улыбающееся лицо.

Зубы мужчины были заточены до остроконечной формы. Его улыбка стала шире, и он плавным движением вытащил из-за пояса нож.

Баррига запнулся, увидев эту ужасающую пасть и радость в глазах

собиравшегося убить его мужчины.
Это не Айил. Это нечто иное.

Нечто ужасное.

* * *

Ранд ал'Тор, Возрождённый Дракон, видел сон. Он спокойно сидел, вдыхая морозный воздух. Вокруг него плыли белые облачка; их прикосновения, лёгкие, как поцелуи, оставляли на коже влагу.

Его трон на эту ночь стал плоский валун на горном склоне; Ранд смотрел сквозь облака вниз, на узкую лощину. Это место не существовало в реальности. Это даже

не было Миром Снов — тем местом, где он сражался с Отрёкшимися и про опасность которого был столько наслышан.

Нет, это был лишь один из его обычных снов. Теперь Ранд их контролировал. Сны стали местом, где он мог обрести покой и подумать, в то время как его разум защищали стражи, а тело лежало спящее рядом с Мин в новом лагере, в окружении Порубежников на поле Меррилора. Там была Эгвейн, и она привела за собой армии. Он был к этому готов. Он на это рассчитывал.

Завтра они услышат его требования. Но не ради сохранности печатей — он их сломает, невзирая

на всё, что способна сказать Эгвейн. Нет, это будут требования к правителям этого мира в обмен на то, что он отправится в Шайол Гул и встретится с Тёмным лицом к лицу.

Ранд не был уверен, что станет делать, если они откажут. Но им будет очень трудно так поступить. Иногда очень полезно иметь репутацию человека иррационального.

Он глубоко дышал; его наполняло ощущение мира. Здесь, в его снах, холмы покрывала зелень — такими он их и помнил. В той безымянной лощине внизу, скрытой в Горах Тумана, он начал путь. Не первый и не последний, но, пожалуй,

самый важный. Один из самых болезненных, это уж точно.

— И теперь я вернулся, — прошептал он. — Я изменился вновь. Человек меняется постоянно.

Он чувствовал некую целостность в том, что вернулся сюда — в место, где впервые столкнулся с убийцей внутри себя. В место, где он впервые попробовал скрыться от тех, кого должен был держать рядом. Он закрыл глаза, наслаждаясь спокойствием. Тишиной. Гармонией.

Вдалеке он услышал крик боли.

Ранд открыл глаза. Что это было? Он встал и огляделся по сторонам. Это место было творением

его разума, защищённым и безопасным. В нём не могло...

Снова раздался крик. Отдалённый. Ранд нахмурился и поднял руку. Пейзаж вокруг него исчез, развеявшись туманом. Ранд стоял в полной темноте.

«Здесь», — подумал он. Он находился в длинном коридоре, отделанном деревянными панелями. Его ботинки глухо застучали по тёмному дереву. Эти крики нарушили его спокойствие. Кому-то *больно*. Он им нужен.

Ранд пустился бежать. Коридор заканчивался красновато-коричневой дверью, всей в узлах и наростах, похожих на толстые корни старого

дерева. Ранд ухватился за ручку — ещё один корень — и рывком распахнул дверь.

За ней оказалась огромная комната, полная абсолютной тьмы — ни лучика света, будто в пещере глубоко под землёй. Казалось, что комната всасывала в себя свет и гасила его. Голос, издававший крики, находился внутри. Он был слабым, будто придушенным темнотой.

Ранд вошёл. Тьма поглотила его. Казалось, будто она вытягивает из него жизнь, будто сотни пиявок сосут кровь у него из вен. Он двинулся дальше. Он не мог понять, откуда именно доносятся крики, поэтому шёл вдоль стен; на ощупь те походили

на кость, гладкие и местами с трещинами.

Комната была круглой — как будто он угодил внутрь гигантской черепной коробки.

«*Вон там!*» Впереди забрезжил слабый свет — на полу стояла одинокая свеча, освещающая плиты из чёрного мрамора. Ранд бросился к ней. Да, у белой как кость стены лежал съёжившись человек. Это была женщина с серебристыми волосами, одетая в тонкую белую сорочку.

Сейчас она плакала, всё её тело вздрагивало и содрогалось. Ранд опустился рядом с ней на колени, и от его движения огонёк свечи заметался. Как эта женщина попала в

его сон? Она — кто-то настоящий или создание его разума? Ранд положил руку ей на плечо.

Она подняла на него глаза — те были красными, а лицо маской боли; с подбородка капали слёзы.

— Пожалуйста, — умоляюще воскликнула она. — *Прошу тебя*. Я в его власти.

— Кто ты?

— Ты меня знаешь, — прошептала она, взяв его руку и прильнув к ней. — Мне жаль. Мне так жаль. Я в его власти, он каждый вечер будто заново сдирает кожу с моей души. О, прошу тебя! Сделай что-нибудь, чтобы это закончилось. — Слёзы хлынули

ручьём.

— Я не знаю тебя, — сказал Ранд. — Я...

Эти глаза. Эти прекрасные и ужасные глаза. Ранд охнул, выпустив её руку. Лицо было другим, но душу он *знал*.

— Майрин? Ты же мертва! Я видел, как ты умерла!

Она помотала головой.

— Хотелось бы мне умереть. О, как хотелось бы! Пожалуйста! Он размалывает мои кости и ломает их, будто сучья, а потом оставляет меня умирать, прежде чем Исцелить ровно настолько, чтобы я могла выжить. Он... — Женщина вдруг умолкла, вздрогнув.

— Что случилось?

Её глаза широко раскрылись, и она отшатнулась к стене.

— Нет! — закричала она. — Он идёт! Тень в сознании каждого, убийца правды. Нет! — Она обернулась, протягивая руку к Ранду, но что-то потащило её назад. Стена раскололась на части, и женщина упала во тьму.

Ранд прыгнул вперёд и потянулся к ней, но было слишком поздно. Он лишь мельком заметил её, прежде чем женщина исчезла во тьме внизу.

Ранд замер, глядя в каверну. Он искал спокойствие, но не мог его достичь. Вместо этого он чувствовал

ненависть, участие и — будто гадюку, жалящую его изнутри — желание. Это *и вправду* была Майрин Эронайле, женщина, которую он когда-то называл леди Селин.

Женщина, которую большинство знало под именем, которое она взяла себе сама. Ланфир.

* * *

Лан смотрел вниз на осквернённый пейзаж, чувствуя, как злой сухой обдувает лицо. Тарвиново ущелье представляло собой широкий, каменистый перевал, покрытый пятнами

поражённой Запустением осоки. Когда-то это место было частью страны Малкир. Лан снова был дома. В последний раз.

На другом конце Ущелья собралась тьма троллоков. Многие тысячи. Десятки тысяч. Быть может, сотни тысяч. Числом, по меньшей мере, в десять раз больше войска Лана, собранного им по пути через Порубежье. Обычно люди держали оборону на этой стороне Ущелья, но Лан не мог так поступить.

Он пришёл, чтобы напасть, сразиться за Малкир. Рядом с ним, слева, ехал Андер, справа — юный Кайсель из Кандора. Лан что-то чувствовал, что-то отдалённое,

подпитывающее в последнее время его силы. Узы изменились. Эмоции изменились.

Лан по-прежнему чувствовал в глубине своего сознания Найнив, столь удивительную, заботливую и страстную. Зная, что когда он умрёт, она будет страдать вместо другой, ему должно было быть больно. Однако эта близость с ней — последняя близость — придавала сил.

Жаркий ветер казался слишком сухим. Он нёс запах пыли и грязи, и сушил глаза, заставляя Лана моргать.

— Это правильно, — сказал Кайсель.

— Что именно? — спросил Лан.

— То, что мы должны атаковать здесь.

— Да, — согласился Лан.

— Наверно, — сказал Кайсель. — И это дерзко. Этим мы покажем Тени, что нас не задавят, что мы не склонимся в ужасе. Это *ваша* страна, лорд Мандрагоран.

«*Моя страна*», — подумал Лан. Да, так и есть. Он направил Мандарба вперёд.

— Я — ал'Лан Мандрагоран, — прокричал Лан. — Лорд Семи Башен, Защитник Стены Первых Огней, Владелец Меча Тысячи Озёр! Когда-то меня прозвали *Аан'аллейном*, но я отказываюсь от этого имени, ибо уже не один. Страшись меня, Тень!

Страшись и знай. Я вернулся за тем, что моё по праву. Быть может, я и король без королевства. Но я *всё равно король!*

Он взревел, подняв свой меч. За его спиной раздалось громогласное «ура!». Пуская Мандарба в галоп, он отправил Найнив последнее и сильное чувство любви.

За Ланом пустилась в атаку его армия, все конные — кандорцы, арафелцы, шайнарцы и салдэйцы. Но больше всего было Малкири. Лана бы не удивило, если он собрал всех до единого подданных своего старого королевства, до сих пор способных держать оружие.

Они скакали, выкрикивая

боевые кличи, размахивая мечами и нацеливая копья. Стук копыт их лошадей был громом, их голоса грохотом волн, их гордость ярче пылающего солнца. Их было двенадцать тысяч. И они атаковали армию, по меньшей мере, в сто пятьдесят тысяч.

«Этот день будут помнить, как день чести, — думал Лан, несясь вперёд. — Последний Бой Золотого Журавля. Гибель Малкири».

Вот и пришёл конец. Они встретят его с оружием в руках.

* * *

И вот, придёт день, когда тюрьма Величайшего ослабнет, как конечности тех, кто создал её. И снова прославленный плащ Его накроет Узор всего сущего, и Великий Повелитель протянет длань Свою, чтобы потребовать то, что принадлежит Ему. Мятежные народы падут опустошёнными, и возрыдают чада их. Не останется никого кроме Него и тех, кто обратил свой взор к Его величию.

*В тот день, когда
Одноглазый Дурак*

отправится в залы скорби,
и Первый среди Паразитов
поднимет руку, чтобы
освободить Того, кто
станет Разрушением,
тогда настанут последние
дни для гордости Падшего
Кузнеца. Да, и познавший
саму Смерть Сломленный
Волк падёт и будет
поглощён Башнями
Полуночи. И его
уничтожение вселит ужас
и горе в сердца людей и до
самых основ потрясёт их
волю.

И тогда придёт
Повелитель Заката. И

заберёт Он наши глаза, ибо
наши души должны
склониться пред Ним. И
заберёт Он нашу кожу, ибо
наша плоть должна
служить Ему. И заберёт
Он наши уста, ибо только
Его должны мы
прославлять. И

встретится Повелитель
Заката с Поверженным
Защитником, и прольёт его
кровь, и принесёт нам
столь прекрасную Тьму.
Возопите, о последователи
Тени. Молите о своём
уничтожении!

Отрывок из
Тёмных
пророчеств.

* * *

Конец книги тринадцатой

цикла «Колесо Времени»

ГЛОССАРИЙ

Примечание к датам в глоссарии.

Томовский календарь (разработанный Тома дур Ахмид) был принят приблизительно два века спустя после смерти последнего мужчины-Айз Седай и отмечал года После Разлома Мира (П.Р.). Очень многие записи погибли во время Троллоковых Войн, и поэтому к их концу сама точная датировка событий по старой системе была предметом спора. Тиам Газарский предложил новый календарь, отмечающий предположительное

освобождение от угрозы троллоков и учитывающий каждый год как Год Свободы (Г.С.). В течение 20 лет после окончания Войн Газарский календарь получил широкое признание. Артур Ястребиное Крыло предпринял попытку ввести новый календарь, опирающийся на год основания его империи (О.О. — от Основания), но теперь этот календарь используют лишь историки, которые на него ссылаются. После смертей и разрушений, что принесла Война Ста Лет, Урен дин Джубай Парящая Чайка, учёный из Морского Народа, разработал третий календарь, обнародованный Панархом Фаридэ

Тарабонской. Фаридский календарь, ведущий отсчёт времени от произвольно установленного конца Войны Ста Лет и записывающий года как года Новой Эры (Н.Э.), используется и по сей день.

* * *

Авендесора: На Древнем Языке — «Древо Жизни». Находится в Руидине.

Арад Доман: Государство на побережье Океана Арит, сейчас охваченное гражданской войной и столкновениями со сторонниками Дракона Возрождённого (т. н.

Принявшие Дракона). Столица государства — Бандар Эбан, куда стеклось множество беженцев со всей страны. Еды не хватает. В Арад Домане те, кто ведёт свой род от знати времён основания государства, в противовес тем, кто был возвышен позднее, зовутся родовой знатью. Правитель (король или королева) избирается советом, состоящим из глав торговых гильдий (Совет Торговцев), которые почти всегда являются женщинами. Он — или она — должен быть благородного происхождения, не купец, и избирается пожизненно. По закону король или королева имеет абсолютную власть, но он или она

может быть смещён, если за это проголосуют три четверти Совета. В настоящий момент правителем является король Алсалам Саид Алмадар, Лорд Алмадара, Верховная Опора дома Алмадар.

Аша'ман: 1. На Древнем Наречии «Защитник» или «Защитники», но всегда имеется в виду защитник истины и справедливости.

2. Имя, данное как название объединения и как обозначение ранга мужчинам, которые пришли в Чёрную Башню недалеко от Кэймлина в Андоре, чтобы научиться направлять Единую Силу. Их обучение в основном направлено на

то, как можно использовать Единую Силу в качестве оружия. В отличие от традиций, принятых в Белой Башне, едва мужчина научится касаться *саидин* — мужской половины Силы, он обязан выполнять все задания и хозяйственные заботы с её помощью. Мужчина, недавно вступивший в ряды Чёрной Башни, получает ранг солдата и носит чёрный кафтан андорского покроя с высоким воротником. Будучи повышен до Посвящённого, мужчина получает право носить на воротнике кафтана серебряный значок, называемый Мечом. Получение звания Аша'мана даёт право носить напротив знака

Меча, на другой половине воротника, значок Дракона — золотой с красной эмалью. Хотя многие женщины, даже жёны, сбегают, когда узнают, что их мужчины на самом деле способны направлять Силу, немало мужчин в Чёрной Башне женаты. Они используют похожее на Узы Стража плетение, чтобы создать связь между Аша'маном и его женой. Такие же узы, но изменённые, чтобы обеспечивать подчинение, не так давно были применены и к пленённым Айз Седай. Некоторые Аша'маны были связаны Айз Седай традиционными Узами Стража. Аша'манов возглавляет Мазрим Таим, который называет себя

М'Хаэль, что на Древнем Наречии означает «предводитель».

Балвер, Себбан: Официально — бывший секретарь Пейдрона Найола, неофициально — его глава разведки. По собственным соображениям помог Моргейз сбежать от Шончан в Амадоре. В настоящее время находится на службе у Перрина т'Башир Айбары и Фэйли ни'Башир т'Айбара. Однако, его обязанности стали шире. Теперь он направляет действия Ча Фэйли и служит Перрину главой разведки, хотя тот его таковым не считает. (*См. также Ча Фэйли*).

Башни Полуночи: Тринадцать крепостей в Имфарале, выстроенных

из необработанного чёрного мрамора. Во время Объединения Шончан они служили центральной военной базой армии. Здесь состоялась заключительная битва Объединения, закрепившая за наследниками Ястребиного Крыла власть. С тех пор они остаются заброшенными. Согласно легенде, в час острой нужды императорское семейство вернётся в Башни Полуночи и «исправит то, что следует». (См. также *Объединение*).

Башня Воронов: Центральная имперская тюрьма Шончан. Она расположена в столице, Шондаре. В ней располагаются Взыскующие Истину, которым она служит штабом.

Здесь содержат, допрашивают и казнят Высокородных. Как на допросе, так и во время казни не должно пролиться ни капли крови. (См. также *Взыскующие*).

Верховная: Титул главы Красной Айя. В настоящее время этот пост занимает Тсутама Рас.

Вес, меры веса: 10 унций = 1 фунт; 10 фунтов = 1 стоун; 10 стоунов = 1 центнер; 10 центнеров = 1 тонна.

Взыскующие: Более официально — Взыскующие Истину — шпионская и полицейская организация Шончанского Императорского Трона. Несмотря на то, что большинство Взыскующих являются *да'ковале* и

собственностью Императорской семьи, их полномочия весьма велики. Даже Высокородный может быть взят под стражу за отказ ответить на любой вопрос, заданный Взыскующим, или за отказ в полной мере сотрудничать с Взыскующим, притом полнота этой самой меры определяется самими Взыскующими, подотчётными лишь Императрице. Их донесения отсылаются Малым Дланям, которые руководят и ими, и Слушающими. Большинство Взыскующих считают, что Длани передают меньше информации, чем следует. В отличие от Слушающих, Взыскующие играют активную роль. Те Взыскующие, которые являются

да'ковале, носят на каждом плече знак-татуировку в виде ворона и башни. В отличие от Стражей Последнего Часа, Взыскующие редко горят желанием демонстрировать своих воронов, отчасти потому, что это неизбежно раскроет, кто и что они такое. (*См. также Слушающие*).

Вопрошающие: Орден в составе Детей Света. Они называют себя Рукой Света и крайне не любят, когда их зовут Вопрошающими. Своими целями они провозгласили раскрытие истины в диспутах и разоблачение Друзей Тёмного. В поисках истины и Света их обычным методом являются пытки; их обычная манера поведения — истина им уже

известна, осталось только заставить жертву подтвердить её. Временами они действуют так, словно полностью отделены от Детей Света и Совета Помазанников, который командует Детьми. Эмблема Вопрошающих — кроваво-красный пастушеский крючковатый посох-ерлыга.

Гвардия Королевы: Элитное воинское формирование в Андоре. В мирное время Гвардия следит за соблюдением указов Королевы и поддерживает спокойствие по всему Андору. Форма Гвардии Королевы представляет собой красный мундир, начищенные до блеска латы, ярко-алый плащ и остроконечный шлем с

решётчатым забралом. Офицеры
высокого ранга носят
соответствующие их званию банты
на плече и золочёные шпоры в виде
львиных голов. Недавним
пополнением Гвардии Королевы
стала личная охрана Дочери-
Наследницы, которая состоит
исключительно из женщин с
момента ареста её бывшего
капитана, Дойлина Меллара. Эти
женщины-гвардейцы носят более
замысловатую форму, чем их
коллеги-мужчины. Эта форма
включает широкополые шляпы с
белыми плюмажами, покрытые
красным лаком кирасы, отделанные
белым шлемы и отороченные

кружевом кушаки с изображением Белого Льва Андора.

Глава Великого Совета Тринадцати: Титул главы Чёрной Айя. В настоящее время этот пост занимает Алвиарин Фрайден.

Главный Секретарь: Титул главы Серой Айя. В настоящее время в Белой Башне этот пост занимает Серанха Колвин.

Грендаль: Одна из Отрёкшихся. Ранее была известна под именем Камарейл Марадим Ниндар. Примечательно аскетичная в быту, она стала второй, кто принял решение служить Тёмному. Безжалостная убийца, она также повинна в смерти Аран'гар,

Асмодиана и уничтожении Месаны. Её текущее местонахождение точно не известно.

Да'ковале: 1. На Древнем Наречии «тот, кем владеют» или «человек-собственность».

2. У Шончан данный термин наравне с термином «собственность» часто используется для именованя рабов. У рабства в Шончан долгая и необычная история: рабы могут занимать высокое положение и обладать большой властью и авторитетом, включая власть над свободными людьми. Но существует и возможность для тех, кто занимает высокое положение, опуститься до да'ковале. (См. также со'джин).

Далекоходивший, Джейин: герой северных стран, который прославился своими путешествиями по миру и многочисленными приключениями. Именно он пленил Ковина Честное Сердце (предателя, по вине которого пала Малкир) и доставил на королевский суд. Кроме того, он является автором нескольких книг, а также героем сказок и книг других авторов. Он бесследно исчез в 981 году Н.Э. после своего путешествия в Запустение, во время которого, как утверждают некоторые, что он дошёл до самого Шайол Гула.

Деньги: После многовекового торгового сотрудничества во всех странах сформировались единые

названия для монет: кроны (самая большая по размеру монета), марки и пенни. Кроны и марки могут быть золотыми или серебряными, а пенни — серебряными или медными, последние частенько зовутся просто медяками. Однако в разных странах эти монеты могут быть разного размера и веса. Даже в одном государстве могут одновременно существовать монеты разного размера и веса, выпущенные разными правителями. Благодаря торговле монеты большинства стран можно обнаружить почти по всему миру, и по этой причине банкиры, ростовщики и торговцы всегда используют весы для определения

стоимости полученных монет. Даже большие количества монет взвешиваются.

Самые тяжёлые монеты делают в Андоре и Тар Валоне, и в обоих этих местах относительная стоимость денег такова: 10 медных пенни = 1 серебряный пенни; 100 серебряных пенни = 1 серебряная марка; 10 серебряных марок = 1 серебряная крона; 10 серебряных крон = 1 золотая марка; 10 золотых марок = 1 золотая крона. Для сравнения, в Алтаре, где монеты большого достоинства содержат меньше золота или серебра, дело обстоит так: 10 медных пенни = 1 серебряный пенни; 21 серебряный

пенни = 1 серебряная марка; 20
серебряных марок = 1 серебряная
крона; 20 серебряных крон = 1
золотая марка; 20 золотых марок = 1
золотая крона.

Единственным бумажным
средством расчёта являются векселя,
выпускаемые банкирами, которые
гарантируют предоставить
определённую сумму серебром или
золотом предъявителю векселя. Из-за
больших расстояний между
городами, длительных путешествий
от одного города до другого и
сложностей с переводом денег на
большие расстояния, векселя
принимаются по полной стоимости
только в городах неподалёку от

банка, выдавшего вексель, а в дальних городах такой вексель примут по пониженной стоимости. Обычно, если кто-то намеревается совершить длительное путешествие, то он берёт с собой один или несколько векселей, чтобы по необходимости обменивать их на наличные деньги. Векселя обычно принимают только банкиры и крупные торговцы, и вам никогда не удастся расплатиться им в лавке.

Дер'морат-: 1. На Древнем Наречии «главный укротитель».

2. У Шончан эта приставка указывает на старшего и отлично обученного укротителя какого-либо из экзотических животных, который

занимается обучением остальных, например *дер'морат'ракен*.

Дер'морат может занимать достаточно высокое положение в обществе, выше всех стоят *дер'сул'дам*, обучающие *сул'дам*, которые приравняются к военным офицерам достаточно высокого звания. (См. также *морат-*).

Дети Света: Общество, придерживающееся строгих аскетических убеждений, не принадлежащее ни к одной стране и поставившее себе целью победу над Тёмным и истребление всех его Приспешников. Общество было основано во время Войны Ста Лет Лотейром Мантиларом для

проповедования против
возрастающего числа Приспешников
Тени и в течение войны полностью
превратилось в военную
организацию. Они крайне
непреклонны в своих взглядах и
уверены, что только им ведома
истина и справедливость. Они
считают Айз Седай и всех, кто
поддерживает этих женщин,
Приспешниками Тёмного. Детей
Света пренебрежительно называют
Белоплащниками, сами они это
прозвище презирают. Штаб-квартира
Детей Света официально находилась
в Амадоре, столице Амадии, но
они вынуждены были оставить город,
когда его захватили Шончан. Галад

Дамодред стал Лордом Капитан-Командором после того, как убил на дуэли Эамона Валду за убийство его мачехи Моргейз. Смерть Валды спровоцировала раскол среди Детей Света. Одну фракцию возглавляет Галад Дамодред, вторую — Радам Асунава, Верховный Инквизитор Длани Света. Герб Детей Света — золотая солнечная вспышка на белом поле. (См. также *Вопрошающие*).

Длина, меры длины: 10 дюймов = 1 фут; 3 фута = 1 шаг; 2 шага = 1 спан; 1000 спанов = 1 миля; 4 мили = 1 лига.

Дракон: новое мощное оружие, способное стрелять взрывающимися снарядами на большое расстояние,

причиняя значительный ущерб врагу.
(См. также яйца дракона).

Змеи и лисички: Игра, в которую очень любят играть дети, пока не повзрослеют достаточно для того, чтобы понять, что в эту игру невозможно выиграть, не нарушив правил. Для игры требуется расчерченная паутиной линий доска со стрелками — указателями направлений движения. Имеется десять дисков с изображением треугольников, обозначающие лисичек, и десять дисков с волнистыми линиями, изображающие змей. Игра открывается словами «Храбрый осилит, огонь ослепит, мотив

очарует, железо скрепит» и начертанием рукой треугольника с пересекающей его волнистой линией. Для определения хода игроков и змей с лисичками бросаются кости. Если змея или лисичка настигает фишку игрока, он выходит из игры, и если следовать правилам игры, такое происходит всегда. (См. также *Илфин и Элфин*).

Золотой журавль: символ и знамя павшего Приграничного государства Малкир.

Иллюминаторы, Гильдия: Организация, которая хранила тайну изготовления фейерверков. Этот секрет охранялся весьма тщательно, для его сохранения члены Гильдии

могли пойти даже на убийство. Гильдия получила своё название из-за великолепных представлений, называвшихся Иллюминациями, которые организовывались ею для правителей и иногда для важных лордов. Небольшие фейерверки продают обычным людям, но со строгим предостережением о несчастье, которое может случиться, если кто-то попытается узнать, что у фейерверка внутри. Когда-то у гильдии были свои кварталы в Кайриэне и Танчико, но в настоящее время оба они уничтожены. В добавление ко всему, члены Гильдии в Танчико сопротивлялись шончанским захватчикам и были

обращены в *да'ковале*, так что Гильдия как таковая более не существует. Однако, отдельные иллюминаторы остались вне пределов власти Шончан и продолжают трудиться в надежде, что Гильдия не будет забыта. (См. *также да'ковале*).

Илфин: Раса существ, внешне похожих на людей с лисьими чертами, которые обещают исполнить три желания, но взамен требуют уплатить цену. Если пришедший к ним не обсуждает цену, Илфин сами назначают её. Наиболее обычная цена в подобных обстоятельствах это смерть, но они всё равно выполняют свою часть

сделки, хотя то, как они её выполняют, редко когда совпадает с ожиданиями просителя. Их истинное местонахождение неизвестно, но прежде к ним можно было попасть через *тер'ангриал*, который находился в Руидине. Морейн Дамодред забрала этот *тер'ангриал* в Кайриэн, где он был уничтожен. Также попасть в обитель Илфин можно, войдя в Башню Генджей. Они задают такие же вопросы, как и Элфин, об огне, железе и музыкальных инструментах. (См. также Элфин).

Имфарал: Шестой по величине город Шончан. Он расположен к северо-западу от Шондара. Здесь

расположены Башни Полуночи (См. также Башни Полуночи).

Искательство:

1.

Использование Единой Силы для определения физического состояния человека и его заболевания.

2. Обнаружение залежей руд металлов с помощью Единой Силы. Эта способность долгое время считалась утерянной среди Айз Седай, и, возможно, поэтому её название было отдано другой способности.

Календарь: В неделе 10 дней, в месяце — 28 дней, в году — 13 месяцев. Несколько праздничных дней не считаются частью какого-либо месяца. Это День Солнца

(самый длинный день в году), День Благодарения (один раз в четыре года в день весеннего равноденствия) и День Спасения Всех Душ, также известный как День Всех Душ (один раз в десять лет на день осеннего равноденствия). Хотя у всех месяцев есть свои названия (Тайшам, Джумара, Сабан, Айн, Эдар, Савен, Амадайн, Таммаз, Майгдал, Чорен, Шалдин, Несан и Дану), они редко используются где-либо, кроме как в официальных документах. Для большинства людей достаточно знать время года.

Калландор: Меч-который-не-Меч; Меч-Которого-Нельзя-Коснуться. Представляет собой

хрустальный клинок, когда-то давно помещенный в Тирскую Твердыню — могущественный мужской *са'ангриал*. Известно, что в нём имеется изъян — отсутствует ограничитель безопасности, который обычно имеется в *са'ангриалах*, что усиливает порчу. Есть подозрение, что изъян не единственный.

Капитан-Генерал: 1. Воинское звание командующего Королевской гвардией Андора. В настоящее время командующим является леди Бергитте Трагелион.

2. Титул, который носит глава Зелёной Айя. Этот пост в настоящее время занимает Аделорна Бастин.

Квейндияр: Предположительно

неразрушимый материал, созданный в Эпоху Легенд. Любая из известных сил, которые использовали, чтобы повредить его, даже Единая Сила, поглощается квейндияром, лишь делая его крепче. Несмотря на то, что умение создавать квейндияр, казалось бы, было утеряно навсегда, появились новые предметы, сделанные из квейндияра. Он также известен как камень мужества.

Ки'сайд: Небольшая отметка в виде точки, которой каждое утро украшают свой лоб совершеннолетние женщины малкири в знак того, что они посвятили (либо посвятят) своих сыновей битве с Тенью. Этот зарок

не означает, что они обязательно станут солдатами, но будут ежедневно любым подходящим им способом сражаться с Тенью. Как и хадори, ки'сайдн означает принадлежность к народу малкири, а также связь с остальными малкири. И, как и хадори, является знаком совершеннолетия. По ки'сайдн также можно многое узнать о носящей её женщине. Точка голубого цвета означает, что женщина не замужем, красная — у замужних, а белая — у вдов. На смертном одре её отметят тремя ки'сайдн трёх разных цветов, вне зависимости, находилась ли она когда-то замужем или нет. (См. также хадори).

Краснорукие: Солдаты Отряда Красной Руки, которых выбирают для временного контроля за тем, чтобы солдаты Отряда не причинили вреда или разрушений городку или селению, где остановился Отряд. Их зовут так потому, что при выполнении своих обязанностей Краснорукие носят широкие красные нарукавные повязки, которые прикрывают руку от локтя до плеча. Красноруких обычно избирают из наиболее опытных и надёжных людей. Так как весь нанёсённый ущерб компенсируется из кармана самих Красноруких, они стараются обеспечить, чтобы всё было тихо и мирно. (*См. также Шен ан Калхар*).

Кровавые Ножи: Элитное подразделение Шончан. Каждый солдат в нём получает кольцо-*тер'ангриал*, который увеличивает силы носителя, его скорость и скрывает в темноте. *Тер'ангриал* активируется пролитой на него каплей крови владельца и, однажды пущенный в дело, понемногу иссушает его жизненные силы. Смерть наступает в течение нескольких дней.

Крылатая Гвардия: Личные телохранители Первенствующего (вне зависимости от его пола) Майена, а также элитное воинское формирование в Майене. Воины Крылатой Гвардии носят алые

нагрудники и шлемы в виде каски с щитком, прикрывающим заднюю часть шеи, и вооружены копьями с красными вымпелами. Офицеры носят шлемы, украшенные по бокам крыльями, а их звание определяется по тонким перьям.

Легион Дракона: Крупное воинское формирование, состоящее полностью из пехоты. Все его солдаты поклялись в верности Дракону Возрождённому. Их обучением занимался Даврам Башир по принципам, разработанных им самим и Мэтом Коутоном, которые кардинально отличаются от тех, которые обычно использовались для пехоты. Хотя многие мужчины

просто приходят записываться добровольцами, обширные ряды Легиона пополняются с помощью вербовщиков Чёрной Башни. Они сперва собирают всех мужчин в округе, которые желают служить Дракону Возрождённому, и только после того, как забирают их с собой через Врата к Кэймлину, отбирают тех, кого можно научить направлять. Оставшихся, которых гораздо больше, посылают в тренировочные лагеря Башира. В настоящее время Легион проходит обучение перед Последней Битвой.

Марат'дамани: На Древнем Наречии означает «те, кого нужно обуздать», так и «та, кого нужно

обуздать». Этот термин применяется Шончан по отношению ко всем женщинам, способным направлять, которые ещё не сидят на поводке как *дамани*.

Марш: *См. площадь, меры площади.*

Меллар, Дойлин: *См. Ханлон, Давед.*

Мера'дин: На Древнем Наречии «не имеющий братьев», «безродный». Это имя приняло сообщество тех Айил, которые оставили свои кланы и септы и ушли с Шайдо, потому что не могли принять Ранда ал'Тора, мокроземца, как *Кар'а'карна* или потому что отказались принять его откровения

об истории и происхождении народа Айил. Тот, кто оставит клан и септ, не важно по какой причине, будет проклят айильцами; именно поэтому их собственные воинские сообщества среди Шайдо отказались принять их, и эти люди сформировали своё собственное сообщество — Безродные.

Морат-: На Древнем Наречии «укротитель». У Шончан это слово используется для обозначения тех, кто занимается укрощением экзотических животных, например *морат'ракен* — укротитель или наездник *ракена*; наездников также неофициально называют летунами. (См. также *дер'морат-*).

Морейн Дамодред: Айз Седай из Голубой Айя, уроженка Кайриэна. Долгое время считалась погибшей. Однако Том Меррилин рассказал, что получил письмо, подписанное Морейн. Его текст представлен ниже:

*Мой дорогой Том,
Я бы так много
хотела написать тебе от
самого сердца, но я должна
отложить это, потому
что таков мой долг и у
меня слишком мало
времени. Я многого не могу
рассказать тебе, чтобы не
принести несчастья, но
что смогу, то расскажу.*

Отнесись внимательно к тому, что сообщу тебе. Скоро я направляюсь к докам и там вступлю в битву с Ланфир. Откуда я знаю это? Этот секрет принадлежит другим. Достаточно того, что я знаю, и пусть это предсказание станет подтверждением тому, что я скажу далее.

Когда ты получишь это письмо, тебе скажут, что я умерла. Все поверят в это. Я не умерла, и, возможно, ещё проживу все отведённые мне годы.

И возможно, ты и Мэт Коутон и ещё один человек, мужчина, который мне не знаком, попытаетесь спасти меня. Я говорю «возможно», потому что может получиться, что ты не станешь или не сможешь, или потому что Мэт откажется. Он не испытывает ко мне привязанности, которую, как мне кажется, испытываешь ко мне ты, и у него есть на то причины, которые он, несомненно, считает достаточными. Если же ты попытаешься,

это должны быть только ты, Мэт и тот другой. Больше будет означать смерть для всех. Меньше будет означать смерть для всех.

Даже если ты придёшь с Мэтом и тем другим мужчиной, смерть также может настичь вас. Я видела, как вы пытаетесь спасти меня и погибаете, один, двое или все трое. Я видела, как я сама погибаю при попытке освобождения. Я также видела, как все мы выживаем и умираем в

плону.

Если же ты решишься попытаться спасти меня в любом случае, юный Мэт знает, как меня найти, но ты не должен показывать ему это письмо, пока он сам не спросит о нём. Это крайней важно. Он не должен знать ничего из этого письма, пока сам не попросит.

События должны идти определённым путем, какова бы ни была цена.

Если ты снова увидишь Лана, скажи ему, что всё, что ни делается,

то к лучшему. Наши с ним
судьбы расходятся
разными дорогами. Я
желаю ему счастья с
Найнив.

И последнее. Вспомни
всё, что ты знаешь об игре
в Змей и Лисичек. Вспомни
и прими во внимание.

Время пришло, я
должна сделать то, что
должно.

Да осияет тебя Свет
и принесёт тебе радость,
мой дорогой Том, увидимся
ли мы снова или нет.

Морейн.

Наследование: Обычно этим словом называют ситуацию, когда один Дом наследует престол другому Дому. В Андоре этот термин широко используется для именованья борьбы за престол, разгоревшейся после смерти Модреллейн. Исчезновение Тигрейн оставило Дом Мантир без Дочери-Наследницы, и прошло два года, прежде чем на престол взошла Моргейз из Дома Траканд. За пределами Андора этот конфликт известен как Третья Андорская Война за Наследование.

Объединение: Посланная Артуром Ястребиное Крыло армия под предводительством его сына Лютейра, высадившись на

незнакомый берег Шончан, обнаружила неустойчивый клубок часто враждующих между собой государств, которыми правили Айз Седай. Без малейшего подобия Белой Башни, местные Айз Седай всюду использовали Силу и служили только собственным интересам. Объединяясь в небольшие группы, они постоянно интриговали друг против друга. В значительной степени именно эти заговоры ради личной выгоды, выливающиеся в межусобные войны многочисленных государств, способствовали успеху начала завоевания целого континента иноземными армиями с другого конца Океана Арит, и полному

завершению завоевания их потомками. Покорение, в процессе которого завоеватели стали такими же шончанами, как и покорённые, занял долгие столетия, и был назван Объединением. (См. также *Башни Полуночи*).

Отрёкшиеся: Имя, данное тринадцати могущественным Айз Седай, мужчинам и женщинам, которые перешли на сторону Тени в Эпоху Легенду и были пойманы в ловушку в Узилище Тёмного при запечатывании Скважины. Хотя долгое время считалось, что только они отвергли Свет во время Войны Тени, на самом деле они были не единственные: эти тринадцать были

всего лишь самыми
высокопоставленными среди
предавших Свет. На сегодняшний
день количество Отрёкшихся (сами
они называют себя Избранными)
несколько сократилось со дня их
пробуждения. Некоторые из
погибших были возрождены в новых
телах.

Отряд Красной руки: *См. Шенан Калхар.*

Пень: Общее собрание огир. Он возглавляется Советом Старейшин стеддинга, но выступать может любой взрослый огир, либо выбрать кого-то, кто выступит вместо него. Пень обычно собирается у самого большого пня стеддинга и может

продолжаться несколько лет. Когда поднимаемые вопросы затрагивают всех огир, созывается Великий Пень, и на него приходят жители всех стеддингов. Проведение Великого Пня чередуется в разных стеддингах.

Первая Избирающая: Титул главы Голубой Айя. Кто в настоящее время является Первой Избирающей — неизвестно, но есть основание считать, что этот пост занимает Лилейн Акаши.

Первая Плетельщица: Титул главы Жёлтой Айя. Этот пост в настоящее время в Белой Башне занимает Суана Драганд.

Первая Рассуждающая: Титул главы Белой Айя. В настоящее время

этот пост занимает Феране Нехеран.

Площадь, меры площади:

1. Меры для участков земли: 1 лента = 20 шагов на 10 шагов (200 квадр. шагов); 1 шнур = 20 шагов на 50 шагов (1000 квадр. шагов); 1 гайд = 100 шагов на 100 шагов (10000 квадр. шагов); 1 канат = 100 шагов на 1000 шагов (100000 квадр. шагов); 1 марш = 1000 шагов на 1000 шагов (1/4 квадр. мили).

2. Меры для тканей: 1 шаг = квадрат со стороной 1 шаг плюс 1 ладонь.

Пророк: Более официально — Пророк Лорда Дракона. Когда-то он был известен как Масима Дагар, шайнарский солдат. На него

снизошло откровение, и он решил, что должен нести в мир слово о Возрождении Дракона. Он верил, что ничто — ничто! — не может быть более важным, чем признание Дракона Возрождённого воплощением Света, и что все должны быть готовы откликнуться на призыв Дракона Возрождённого, и что он и его люди должны любыми способами заставить остальных воспевать славные деяния Дракона Возрождённого. Те, кто отказывались, приговаривались к смерти, а те, кто медлили, могли обнаружить, что их дом или лавку сожгли, а их самих выпороли. Отказавшись от всех имён, кроме

«Пророка», он вверг в хаос немалую часть земель Гэалдана и Амадиции, большинство которых он контролировал, хотя с его уходом Шончан начали восстанавливать порядок в Амадиции, а Верховный Совет Короны — в Гэалдане. Он присоединился к Перрину Айбаре, который был направлен к Пророку с целью привести того к Ранду, и, по непонятным причинам, остался с Айбарой, несмотря на то, что это отложило его визит к Дракону Возрождённому. Его последователи — это мужчины и женщины низшего сорта; даже если они и не были такими ранее, то, поддавшись магнетизму Пророка и вступив в его

ряды, они стали такими под его влиянием. Пророк погиб при загадочных обстоятельствах.

Салдэйя: Страна Порубежья. Её столицей является город Марадон. Расположенный там королевский дворец известен под названием Кордамора (что в переводе с Древнего Наречия — «Сердце Народа»). Страной правит монарх — король или королева в соответствии с правом наследования. Монархам своими советами помогает управлять государством Верховный Королевский Совет, так же известный под названием Совета Лордов. Традиционно супруг или супруга царствующего правителя не

просто консорт, а почти полноправный правитель. В настоящее время Салдэйей правит Её Освященное Королевское Величество Тенобия си Башир Казади, Королева Салдэйи, Защитница Света, Меч Границ Запустения, Верховный Глава Дома Казади и леди Шаханьи, Анелле, Кунвар и Ганай. Маршал-Генералом и командующим армии является её дядя и наследник Даврам Башир, хотя какое-то время назад он и оставил свой пост.

Сердце: Основной элемент организации Чёрной Айя. В сущности — ячейка. «Сердце» состоит из трёх сестёр, которые знают друг друга, притом каждая из

женщин в «сердце» знает ещё одну сестру из Чёрной Айя, о которой неизвестно остальным двум.

Сиснера, Дарлин: Благородный Лорд Тира, в прошлом участвовал в мятеже против Дракона Возрождённого. Недолгое время пробыв Наместником Дракона Возрождённого в Тире, он был избран первым королём Тира.

Слушающие: Тайная организация Шончан. Почти каждый в доме шончанских дворян, купцов или банкиров может оказаться Слушающим, иногда им может оказаться даже *да'ковале*, хотя *со'джин* — весьма редко. Они не играют никакой активной роли,

просто наблюдают, слушают и докладывают. Их отчёты направляются Малым Дланям, которые управляют Слушающими и Взыскующими и решают, что следует передать Взыскующим для дальнейшего развития действий. (См. также *Взыскующие*).

Совет Коричневой Айя: В отличие от прочих Айя Коричневая управляется советом Айз Седай, а не единолично. В настоящее время Главой Совета является Джесси Билал, прочие его члены неизвестны.

Со'джин: Наиболее близкий перевод с Древнего Наречия — «высший среди низших», хотя некоторые вкупе с другими

значениями дают перевод этого слова как «и небо, и долина». Словом *со'джин* Шончан называют потомственных слуг высокого ранга. Все они *да'ковале*, собственность, но, несмотря на это, занимают важные должности и зачастую обладают влиянием и властью. Даже Высокородные ведут себя осторожно в присутствии *со'джин* императорской семьи и разговаривают с *со'джин* самой Императрицы как с равными. (См. также *да'ковале*).

Стража Последнего Часа:

Элитное воинское подразделение в Шончанской Империи, в котором служат люди и огир. Все люди в

Страже Последнего Часа — *да'ковале*, рождённые как чья-то собственность и избранные в юном возрасте для службы Императрице, чьей личной собственностью они и являются. Фанатично преданные и крайне гордые, они часто демонстрируют вытатуированных на плечах воронов, которые отмечают, что эти *да'ковале* — собственность Императрицы. Огир в Страже Последнего Часа зовутся Садовниками, и они не *да'ковале*. Однако Садовники так же неистово преданны, как Стражи Последнего Часа-люди, и внушают другим даже больший страх. Люди или огир, Стражи Последнего Часа не просто

готовы отдать жизнь за Императрицу и её семью, они верят, что их жизни принадлежат Императрице, которая может распоряжаться ими, как ей угодно. Их шлемы и доспехи покрыты тёмно-зелёным (таким тёмным, что его зачастую ошибочно называют чёрным) и кроваво-красным лаком, их щиты покрыты чёрным лаком, и их мечи, копья, топоры и алебарды украшены чёрными кистями. (См. также *да'ковале*).

Тарабон: Страна на побережье Океана Арит. Когда-то Тарабон был великой торговой державой, производителем ковров и красок, а также помимо прочего —

фейерверков от Гильдии Иллюминаторов, но сейчас для Тарабона настали тяжёлые времена. Раздираемая на части анархией и гражданской войной, усугубленной одновременно ведущимися войнами против Арад Домана и Принявших Дракона, страна оказалась лёгкой добычей для прибывших армий Шончан. Сейчас Тарабон полностью находится под контролем Шончан, главный квартал Гильдии Иллюминаторов уничтожен, а сами Иллюминаторы обращены в *да'ковале*. Большинство тарабонцев благодарны Шончан за восстановление порядка в стране, и пока Шончан позволяют им жить

привычной жизнью, минимально вмешиваясь в неё, тарабонцы не горят желанием вступать в очередную войну, чтобы попытаться прогнать Шончан. Однако есть некоторые лорды и солдаты, которые остались вне сферы влияния Шончан и сражаются с ними, чтобы освободить свою страну.

Фил, Герид: Автор книги «Разум и глупость» и других книг. Фил был знатоком (и учителем) истории и философии в Академии Кайриэна. Он был обнаружен в своём кабинете разорванным на части.

Хадори: Плетёный кожаный шнурок, повязываемый на голову мужчинами малкири, чтобы волосы

не мешали. До падения Малкир перед натиском Запустения каждый совершеннолетний мужчина отращивал волосы до плеч и повязывал хадори. Для мужчин малкири повязывание хадори, как и подношение меча, отмечало переход из детства к совершеннолетию. Хадори обозначает связывающие взрослого мужчину долг и обязательства, а так же родство всех малкири. (См. также *ки'сайд*).

Ханлон, Давед: Друг Тёмного, также известный как Дойлин Меллар, схваченный вместе с Леди Шияйн, Чесмал Эмри, Элдрит Джондар, Тимэйл Киндероде, Фалион Бода и Мариллин Гемалфин.

Ча Фэйли: 1. На Древнем Наречье «Соколиный Коготь».

2. Название, придуманное юными кайриэнцами и тайренцами, принявшими обычаи *джи-и-тох* и поклявшимися в верности Фэйли ни'Башир т'Айбара. Втайне от остальных они служат ей личной охраной и её шпионами. Во время её пленения у Шайдо они продолжали свою деятельность под руководством Себбана Балвера. (См. *также Балвер, Себбан*).

Чарин Джейин: См. *Далекоходивший, Джейин*.

Шара: Таинственные земли к востоку от Айильской Пустыни. Оттуда, помимо прочих товаров,

привозят шёлк и поделочную кость. Эти земли защищены как суровыми природными условиями, так и возведёнными руками людей стенами. О Шаре известно мало, так как жители этих земель сознательно стремятся сохранять в тайне любые сведения о своей стране и её культуре. Жители Шары отрицают, что Троллоковы Войны как-то затронули их, несмотря на то, что айильцы утверждают обратное. Они также заявляют, что им ничего не известно о предпринятой Артуром Ястребиное Крыло попытке вторжения, вопреки сообщениям очевидцев из Морского Народа. Основываясь на просочившихся

обрывках информации, можно заключить, что Шарой правит один абсолютный монарх, который называется Ш'боан, если это женщина, и Ш'ботэй, если мужчина. Этот монарх правит ровно семь лет, а затем умирает. Власть переходит к супругу (или супруге) этого правителя, который также правит ровно семь лет, по истечении которых умирает. Подобный порядок правления повторяется со времён Разлома Мира. Жители Шары верят, что эти смерти — «Воля Узора».

В Шаре есть люди, способные направлять Силу, они известны как Айяд, и им при рождении наносят на лица татуировки. Женщины из Айяд

следят за строгим соблюдением законов Айяд. Сексуальные отношения между Айяд и не-Айяд караются смертью для последних; Айяд также подлежит казни, если будет доказано, что с его или её стороны имело место насилие. Если от подобной связи рождается ребёнок, то его оставляют на произвол стихий, и он погибает. Мужчины-Айяд используются как племенной скот. Никакого образования им не дают, даже не учат читать или писать, а по достижении ими двадцати одного года либо когда они начинают направлять Силу — что бы ни случилось раньше — их убивают, а

тела сжигают. Считается, что Айяд направляют Единую Силу только по приказу Ш'боан или Ш'ботэя, которых постоянно окружают женщины-Айяд.

Даже само название страны вызывает сомнения. Известно, что уроженцы Шары именуют её по-разному, среди множества различных названий — Шамара, Ко'дансин, Томака, Кигали и Шибоуйя.

Шен ан Калхар: На Древнем Наречии — «Отряд Красной Руки».

1. Легендарная группа героев, совершивших множество подвигов и, в конце концов, погибших при обороне Манетерен, когда во время Троллоковых Войн эта страна была

уничтожена.

2. Военское формирование, которое почти случайно собрал под своим командованием Мэт Коутон. Отряд организован по принципам воинских формирований времён расцвета военного искусства — эпохи Артура Ястребиное Крыло и предшествующих ей веков.

Шондар: Столица Империи Шончан, расположенная на северо-востоке континента Шончан. Это также самый большой город в Империи. После смерти Императрицы Радханан Шондар погрузился в хаос.

Элфин: Раса существ, по внешнему виду похожих на людей, но

со змеиными чертами. Эти существа дают правдивые ответы на три вопроса. Каким бы ни был вопрос, их ответы всегда верны, хотя и зачастую расплывчаты. Задавать вопросы, касающиеся Тени, может быть крайне опасно. Истинное местоположение этих существ неизвестно, но Элфин можно посетить, пройдя через *тер'ангриал*, когда-то бывший во владении Майена, но вот уже много лет хранящийся в Тирской Твердыне. Также во владения Элфин можно попасть через Башню Генджей. Эти существа разговаривают на Древнем Наречии, упоминают какие-то соглашения и договоры и

спрашивают пришедших к ним, не принесли ли они с собой железа, музыкальных инструментов или огня. (См. также *Илфин; Змеи и лисички*).

Яйца дракона: Название, данное взрывающимся снарядам для драконов.